

серия

черная знать

Собрание сочинений в десяти томах

2018

ДОРОГОЙ РАУЛЬ!

Даже ещё не будучи знаком с тобой, я с огромным удовольствием переводил твои романы, повести, рассказы, монографию академика Сергея Алиханова о твоём творчестве — так взволновали меня эти произведения.

Склоняю свою седую голову перед твоим талантом, знанием жизни страны, знанием тайн коридоров высшей власти. Отдаю дань твоим юридическим познаниям — ты единственный из писателей, на моей памяти, кто профессионально написал предисловие к книге одного из бывших Генеральных прокуроров России.

Ты один из немногих писателей нашей страны, кто удостоился издания «Избранного» в самом престижном издательстве «Художественная литература» — это высокое признание твоего таланта прозаика и романиста.

Тетралогия «Чёрная знать» — свидетельство твоего гражданского мужества, за неё ты заплатил здоровьем, инвалидностью, эмиграцией. В твоих книгах чувствуется истинный татарский характер, бойцовский дух.

Восхищаюсь твоим литературным мастерством построения многоплановых сюжетов, способностью кардинально менять тематику каждого большого и малого произведения. Твою прозу отличает незаемный стиль, свой неповторимый слог, своя ритмика, редкая музыкальность фразы.

Читая твои книги, заново открываешь время, в котором живёшь — столь широк, многогранен, неохватен твой талант, твой взгляд на мир. Я поражаюсь твоим оценкам этого времени, событий, людей — в них ярко отражена позиция писателя, не обходящего острые углы, для которого не существует неперикасаемых личностей и тем.

Здоровья, успехов, новых романов!

Сердечно обнимаю.

Марс Шабаев, лауреат премии Г. Тукая.

Рауль Мир-Найдаров

Том третий

Масть пиковая

роман

Мир-Хайдаров Р.М.

Литературно-художественное издание
Собрание сочинений в десяти томах
Том третий
Масть пиковая
Серия «Черная занать» — 896с.
Казань «Идель-Пресс».

Первый роман тетралогии «Черная знать», «Пешие прогулки», вышел одновременно в Москве и Ташкенте — беспрецедентный случай в советской литературе.

Ташкентский тираж составлял 250 тысяч экземпляров. До этого роман был напечатан в журнале «Звезда Востока» тиражом 275 тысяч. В течение года, до выхода второго романа «Двойник китайского императора», «Пешие прогулки» издавались ещё трижды, преодолев тираж в два миллиона экземпляров. В том же году Рауль Мир-Хайдаров стал лауреатом премии МВД СССР. Тогда же за роман-бестселлер на автора было совершено тяжелое покушение. Он чудом остался жив, став инвалидом второй группы на всю жизнь. Выйдя из больницы, писатель вынужден был покинуть Ташкент, где прожил 30 лет, и уехать в Москву.

После издания «Пеших прогулок» каждый год у него выходил очередной роман, первые четыре книги составили знаменитую серию «Черная знать», чуть позже появится и пятый роман «За все — наличными», тематически примыкающий к «Черной знати». Все пять романов на сегодня переиздавались 73 раза тиражом более 7 миллионов. Романы продолжают издаваться и переводиться, по ним написаны пьесы, радиопостановки, сценарии, защищены десятки диссертаций.

Американская пресса в своё время назвала Мир-Хайдарова «исследователем мафии», а газета «Филадельфия инкуайер» прислала в Ташкент корреспондента Стива Голдстайна, который сделал интервью с писателем на целый газетный подвал. Эта публикация привлекла к автору внимание многих европейских газет, которым он позже давал интервью как специалист по русской мафии.

Экономисты считали его специалистом по теневой экономике, а спецслужбы — крупнейшим аналитиком, заглянувшим на десятилетия вперёд.

Бывший и.о. Генерального прокурора России, бывший прокурор Узбекистана Олег Гайданов в своей книге «На должности Керенского, в кабинете Сталина» сказал о Рауле Мир-Хайдарове: «... Ничего подобного я до сих пор не читал и не встречал писателя, более осведомленного в работе силовых структур, государственного аппарата, спецслужб, прокуратуры, суда и... криминального мира, чем автор тетралогии «Черная знать».

Творческая биография

МИР-ХАЙДАРОВ РАУЛЬ МИРСАИДОВИЧ — писатель, заслуженный деятель искусств (1999 г.), лауреат премии МВД СССР (1989 г.), родился 17 ноября 1941 года в поселке Мартук, Актюбинской области, в семье оренбургских татар. По образованию — инженер-строитель. 20 лет проработал в строительстве, и работа позволила ему изъездить страну вдоль и поперек. В молодые годы увлекался боксом, имел первый спортивный разряд. В партии никогда не состоял, большим начальником не был. В возрасте тридцати лет на спор с известным кинорежиссером написал рассказ «Полустанок Самсона», опубликованный в московском альманахе «Родники» и записанный на Всесоюзном радио. В 1975 году был участником VI Всесоюзного съезда молодых писателей, в одном семинаре с драматургом Ниной Садур.

В сорок лет оставляет строительство и становится профессиональным писателем. Он издал более сорока книг в главных издательствах СССР: «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Художественная литература».

Широкую известность писателю принесла серия «Черная знать», в которую входят тетралогия романов: «Пешие прогулки», «Двойник китайского императора», «Масть пиковая», «Судить буду я» и тематически примыкающий к ним роман «За всё — наличными». Книги из серии «Черная знать» имели по десять, пятнадцать, двадцать изданий каждая. Это остросюжетные политические романы с детективной

интригой, написанные на огромном фактическом материале. В них впервые в нашей истории дан анализ теневой экономики, впервые показана коррупция в самых верхних эшелонах власти, включая кремлевскую. Показано сращивание криминала со всеми ветвями государственной власти. Первый роман тетралогии — «Пешие прогулки» — вышел в 1988 году в «Молодой гвардии» с предисловием известного критика и редактора журнала «Континент» Игоря Виноградова. Роман на сегодняшний день выпущен 24 изданиями (из них 4 раза по 250 тысяч экземпляров) и продолжает издаваться. После выхода романа на автора было совершено покушение, и он чудом остался жив, проведя 28 дней в реанимации и долгие месяцы в больницах. Ныне писатель — инвалид второй группы.

Американская газета «Филадельфия инкуайер» прислала специального корреспондента Стива Голдстайна в связи с покушением на писателя и посвятила этому событию целую полосу под заголовком: «Исследователь мафии». Позже известный романист выступал во многих европейских газетах по проблемам преступности, давал интервью. Это о Р. Мир-Хайдарове сказал в своей книге «На должности Керенского в кабинете Сталина» бывший и.о. Генерального Прокурора России О.И. Гайданов: «Ничего подобного я до сих пор не читал и не встречал писателя, более осведомленного о работе силовых структур, государственного аппарата, спецслужб, прокуратуры, суда и... криминального мира, чем автор тетралогии «Черная знать».

После покушения и выхода новых романов жизнь в Ташкенте стала для него невозможной: постоянные угрозы и шантаж, угнали машину, рассыпали набор романа «Судить буду я», запретили постановку пьесы режиссера В. Гвоздкова, написанной драматургом В. Баграмовым по роману «Пешие прогулки». И Мир-Хайдаров иммигрирует в Россию. Уже в Москве дописывается последняя книга тетралогии «Судить буду я», написан пронзительно грустный ретро-роман о жизни, о любви — «Ранняя печаль». В 1997 г. вышел роман о российской мафии, о жизни «новых русских», о крупных аферах в России — «За все — наличными», автобиографическая повесть «Мартук — пристань души моей» и мемуары «Вот и всё... я пишу вам с вокзала».

В молодые годы известный романист страстно увлекался футболом, дружил со знаменитыми футболистами своего времени: Михаилом Месхи, Славой Метревели, Гурамом Цховребовым, Геннадием Красницким, Станиславом Стадником, Берадором Абдураимовым. Театрал, меломан, любил и знал балет, дружил с народным артистом СССР Ибрагимом Юсуповым, учеником Юрия Григоровича. Поклонник джаза — был знаком со многими джазменами из оркестров Орбеляна, Цфасмана, Лунгстрема, Эдди Рознера, Кролла, Вайнштейна, Гаджиева, Гобискерри. Специально брал отпуск зимой, чтобы побывать в московских театрах, общался с Олегом Далем, Валентином Никулиным. Смотрел все знаменитые спектакли театра «Современник» конца 60-х — начала 70-х.

Ныне остались увлечение коллекционированием живописи и, конечно, писательский труд, любовь к которым оказалась сильнее и футбола, и джаза, и театра. Он — обладатель одной из самых больших частных коллекций современной живописи в России.

60-летний и 70-летний юбилеи были отмечены на государственном уровне на родине писателя, в Казахстане, в Казани, в Москве. В дни 60-летия в областном историко-краеведческом музее Актюбинска был открыт зал, посвященный знаменитому земляку, в нем выставлены 60 картин, подаренных им городу из его частной коллекции. Одна из улиц его родного Мартука названа именем Рауля Мир-Хайдарова (1996 г.). Там же, в Мартуке, открыт литературный музей писателя, и действуют два школьных музея. Р. Мир-Хайдаров — Почетный гражданин Казахстана, член редколлегии международного журнала «Аманат», представлен в энциклопедиях Казахстана, Узбекистана, Татарстана и Википедии. Щедро цитируется в «Толковом словаре ненормативной лексики» издательства «Астрель» 2003 г., автор Д.И. Квисилевич. В книге «Стиляги» имя Рауля Мир-Хайдарова часто упоминается наряду со многими известными людьми, бывшими в юности, как и он, стильягами.

Библиографическая справка

Романы:

- «Пешие прогулки» — роман (25 изданий)*
«Двойник китайского императора» — роман (18 изданий)
«Масль пиковая» — роман (17 изданий)
«Судить буду я» — роман (14 изданий)
«Ранняя печаль» — роман (10 изданий)
«За всё — наличными» — роман (12 изданий)
«Вот и всё... я пишу вам с вокзала» — мемуары (3 издания)

Сборники романов, повестей и рассказов:

- «Полустанок Самсона» — рассказы*
«Оренбургский платок» — рассказы
«Такая долгая зима» — рассказы
«Путь в три версты» — рассказы
«Знакомство по брачному объявлению» — повести
«Жар-птица» — рассказы
«Интервью для столичной газеты» — повести и рассказы
«Не забывайте нас» — повести и рассказы
«Дамба» — повести и рассказы
«Чти отца своего» — повести и рассказы
«Из Касабланки морем» — повести и рассказы
«Седовласый с розой в петлице» — романы и повести
«Налево пойдешь — коня потеряешь» — романы и повести
«Масль пиковая» — роман и повести
«Горький напиток счастья» — повести и рассказы
«Судить буду я» — роман и повесть

Собрания сочинений:

Изд-во «Художественная литература» — однотомник

Изд-во «Голос» — собрание сочинений в 4-х томах

Изд-во «Грампус Эйт» — собрание сочинений в 3-х томах

Изд-во «Южная Пальмира» — собрание сочинений в 4-х томах

Изд-во «Идель-Пресс» — собрание сочинений в 5-ти томах

Изд-во «KAZAN-KAZANЬ» — собрание сочинений в 6-ти томах

Изд-во «Идель-Пресс» — собрание сочинений в 10-ти томах

Тетралогия «Черная знать», в которую вошли «Пешие прогулки», «Двойник китайского императора», «Мать пиковая», «Судить буду я», изданы тиражом более 5 миллионов. Два романа: «За все наличными» и «Ранняя печаль» изданы 18 раз тиражом более 2 миллионов экземпляров. Сборники романов, повестей и рассказов, переизданные многократно, вышли тиражом более 3 миллионов экземпляров.

Романы «Ранняя печаль», «За всё — наличными» и «Мать пиковая» записаны на аудиокассетах на 87 часов звучания. Книги переводились на многие иностранные языки и языки народов СССР. Почти вся проза имела журнальные публикации и записана на Всесоюзном радио, а также широко представлена в Интернете. В 2009 г. на российском телевидении в цикле «Имена» снят фильм о Рауле Мир-Хайдарове.

Общий тираж книг превышает 10 миллионов экземпляров.

e-mail: mrraul61@hotmail.com

сайт: www.mraul.ru

Масть пиковая

Роман

ЧАСТЬ I

Масть пиковая, масть черная

Убийство в Прокуратуре республики. Донжуан из ОБХСС.

Ночной налет на Прокуратуру республики.

Смерть Рашидова. Валет пиковый.

Украденная докторская диссертация.

Сыщик и вор в одном лице. Человек из Ростова по прозвищу Кощей. Прокурор — ночной грабитель. Загородный дом в подарок любовнице. Жемчужное кольцо для Наргиз.

Абрау-Дюрсо для наемного убийцы. Золотой «Ролекс».

Вязкие осенние сумерки, неожиданно опустившиеся на оживленную привокзальную площадь, уничтожили сразу краски всего живого вокруг. Казалось, еще минуту назад полыхала огнем листва старых канадских кленов у трамвайной линии, а чуть поодаль, в палисаднике, могучие платаны и необхватные дубы роняли желтые увядшие листья на разноцветный рыхлый ковер, устилавший узкий пыльный скверик, — и в мгновение ока, как по волшебству, все лишилось цвета, потеряло четкость контуров, словно дымком окутало окрестности. Пропали вдруг ослепительные краски хан-атласных платьев, враз поблекли разноцветные спортивные сумки и туркменские хурджины,

радовавшие глаз, потеряла прелесть пестрая одежда ребятни, принаряженной в дорогу, и само бирюзовое здание вокзала с нежно-зеленой крышей сделалось серым, неудобным.

Сумерки поглотили не только цвета, они, кажется, приглушили даже звуки. Какой веселый трамвайный перестук стоял над площадью, какие звонкие детские голоса, смех раздавались то тут, то там, и вдруг эта внезапная ватная тишина с невнятными шорохами отъезжающих с площади автобусов, троллейбусов, и почему-то вдруг все, словно сговорившись, перешли чуть ли не на шепот. Что это? Магия наступающей ночи? Колдовство сиреневых азиатских сумерек? Еще одна загадка Востока?

И в этот самый миг, когда, казалось, никому и ни до кого нет дела, интереса, ибо в сутках наступал то ли час безвременья, то ли час перерыва, чтобы вечерняя жизнь набрала энергию для вступления в самую яркую, красочную часть дня, на площади появилась машина, не то желтая, не то кремовая, не то серая, не то белая, — трудно было в дымных сумерках определить цвет. Развернувшись у темных клумб с чахлыми розами, машина въехала на густо заставленную платную стоянку. Можно было поклясться, что никто не обратил внимания на обычный маневр, хотя человек, сидевший за рулем, очень был озабочен именно этим фактом.

Владелец нового «жигуленка» не сразу покинул салон, он задержался на некоторое время, словно раздумывая, стоит ли парковать машину? Глаза его цепко осматривали торопящийся следом за ним на стоянку транспорт. Ничего подозрительного ему не почудилось, и он распахнул дверцу.

Машинально, проверяя надежность замков, обошел «жигули», и тут в глаза ему бросился ярко-красный отсвет над входом в здание вокзала. Неоновые буквы вспыхнули разом — ТАШКЕНТ, — и от этого жизнь как-то сразу ожила кругом, что-то прорвало ватную тишину, и он услышал за спиной веселый трамвайный звонок. «Эй, поберегись!» — предупреждал замешкавшихся прохожих кондуктор. Но вдруг первые три буквы неожиданно погасли, и на фронтоне здания на заокеанский манер обозначилось: «КЕНТ».

Владелец припарковавшейся машины невольно улыбнулся, почему-то повторил вслух: «Кент...» — и решительно двинулся

к станции. То тут, то там, на всей огромной территории при- вокзалья, вспыхивали фонари, озарялись светом стекла зала ожидания, а из распахнутых настееж окон ресторана на втором этаже грянула музыка — вечер на столичном вокзале вступал в свои права. Человек, оставивший машину на платной стоянке, а звали его Сухроб Ахмедович Акрамходжаев, был высок ростом, чуть грузноват, хотя еще чувствовалось что-то спортивное в осанке и в легкости походки. Не сразу и не каждый мог определить его возраст, слишком моложаво он выглядел, наверное, этому способствовала и его манера поведения, свободная, раскованная, однако лишенная вульгарности, да и стиль одежды, пожалуй, не выдавал его положения в обществе. Сухроб Ахмедович не имел в руках ничего, и если бы и наблюдали за ним, наверное, подумали бы, что он приехал когонибудь встречать. У первой платформы стоял проходящий поезд Москва — Душанбе, и перрон оказался многолюдным, шумным, но у него вряд ли могли оказаться тут ненужные знакомые. Круг людей, среди которых он вращался, если даже изредка пользовался поездами, предпочитал все-таки свой фирменный «Узбекистан».

Сухроб Ахмедович, выйдя на первую платформу, на всякий случай пристально оглядел нумерацию вагонов и направился к голове поезда. Внешне он не бросался в глаза. Неяркий твидовый пиджак, темно-серые строгие брюки, на ногах удобная бесшумная «саламандра»; ворот однотонной вишневого цвета рубашки распахнут, но это не портило вида, скорее наоборот, подчеркивало элегантный, спортивный стиль моложавого мужчины.

В его планах все было рассчитано по минутам, но он все-таки машинально глянул на часы — тяжелые, массивные, блестящие золотом, швейцарские «Ролекс», — успевал.

Он шел, смешавшись в толпе встречающих и отъезжающих, то и дело поглядывая на номера вагонов и вроде отыскивая кого-то взглядом. Делал он это вполне профессионально, натурально, и театральный, и киношный режиссер остались бы довольны, доведись им снимать сцену на вокзале.

У подземного перехода он на секунду остановился и, чертыхнувшись, перевязал шнурок на левом ботинке, убедился лишний раз, что хвоста за ним вроде нет. Он догадывался, что

догляд за ним мог быть куда изощреннее, чем его несложные хитрости.

В туннеле он услышал, что до отхода поезда Ташкент — Наманган осталось пять минут. Пока все шло по четко выверенному плану.

Из перехода он двинулся к своему вагону. Вышколенный проводник мягкого спального дождался запоздавших пассажиров, хотя другие уже поспешили подняться к себе и убрали подножки. Важный пассажир протянул скучающему железнодорожнику два билета. Тот невольно спросил, а где же попутчик. На что получил такой ответ:

— Видите ли, я храплю во сне и не хотел бы, чтобы мой недуг доставлял неприятности соседу. Оттого всегда покупаю билет на все купе.

Хозяин вагона находился в добром настроении, к поездке прибыл после обильного застолья с друзьями в чайхане, поэтому переспросил шутя:

— Даже в том случае, когда в составе только четырехместные купе?

Но вопрос не сбил с толку человека в твидовом пиджаке, он сказал:

— Нет, до сих пор мне не приходилось покупать для себя четыре билета сразу, впрочем, я редко пользуюсь поездами, — и, считая, что разговор окончен, он легко поднялся в вагон, успев при этом глянуть вдоль состава в одну и другую сторону.

Следом поднялся и проводник, отчего-то сожалея о своем вопросе. Многолетний опыт работы подсказывал ему, что таким людям вопросов задавать не следует. Пассажир, хоть и без галстука, и без обычного холуйского сопровождения, принадлежал к тем, кто редко гнется перед кем-то в поклоне, на Востоке такие за версту заметны, а он на своем веку повидал их немало. За пять минут до отхода, зная, что из двенадцати купе занято лишь семь, проводник радовался, что поездка будет необременительной и, может, даже денежной, но человек с двумя билетами почему-то невольно вселил в него тревогу.

Запоздалый пассажир быстро зашел в свое купе, ему не хотелось встретить тут знакомых, это осложнило бы его планы, хотя и на этот случай у него имелись варианты.

— Пронесло! — произнес он, с улыбкой оглядывая свое временное пристанище. Нехитрый дорожный уют двухместного купе радовал глаз, вагон был новый, содержался опрятно. Белье, ковры, посуда на столе — все отличалось чистотой, свежестью и настраивало на приятное путешествие. Сухроб Ахмедович, которого узкий круг людей знал еще и под кличкой Сенатор, глянул в большое зеркало на двери, слегка поправил волосы — и остался доволен собой, внешних следов волнения, спешки он не обнаружил.

В вагоне было тепло, и он снял пиджак, но, прежде чем повесить у зеркала, достал из кармана машинально, как делал всякий раз, пачку сигарет и зажигалку, и в этот момент скорый поезд тронулся.

Пассажир комфортного купе глянул в окно на проплывающий перрон столицы и увидел далеко и высоко на фронтоне здания вокзала четыре буквы «...кент». Он достал из длинной дымчато-серой пачки сигарету и щелкнул зажигалкой. Сигарета и зажигалка были одной фирмы «Кент», но ассоциация не вызвала улыбку, как несколько минут назад. Мысли его летели уже впереди экспресса.

Так в некотором раздумье он просидел минут десять, еще и еще раз прокручивая в голове свои дальнейшие действия, как неожиданно раздался стук и распахнулась дверь в купе. Проводник принес традиционный чай, заварил из личных запасов, он еще переживал свою бестактность и хотел несколько сгладить впечатление после неловкого вопроса. Человек без галстука не давал ему покоя, он лихорадочно перебирал в памяти разных высоких начальников, от секретарей обкомов до директоров торговых баз, которых ему довелось обслуживать в пути, но этого, с мягкими, крадчивыми шагами, припомнить никак не удавалось.

Проводник поставил на стол фарфоровый чайник и пиалы, спросил, не нужно ли еще чего-нибудь принести, но, чувствуя, что его не видят и не слышат, поспешил ретироваться из купе. То, что пассажир чем-то всерьез озабочен, бросилось бы в глаза и менее искушенному человеку. Конечно, он заметил и американские сигареты, и роскошную зажигалку, молодые наманганские пижоны, возвращаясь из Ташкента домой, нередко угощали его и хвалились: десять рублей пачка! Человек, куривший такие дорогие сигареты, требовал к себе внимания.

Как только проводник покинул купе, Сухроб Ахмедович сразу почувствовал, что ему хочется пить, и с удовольствием налил себе пиалу. Хорошо заваренный самоварный чай на углях помог ему расслабиться, и он, быстро опустошив чайничек, долго глядел в окно, мысленно отдалившись от предстоящих дел. А за окном мелькали дальние пригороды Ташкента, ночь властно вступала в свои права, и он вновь невольно посмотрел на часы. Спать так рано он никогда не ложился, но сегодня ему предстояло подняться еще до рассвета и отдохнуть как следует не мешало — день его ожидал непростой, да и обратная дорога заботила, в понедельник, как всегда в десять, он должен быть на работе. Его отсутствие или даже опоздание на час не останется незамеченным, а привлекать к себе внимание ему не хотелось.

Пассажира снял часы с запястья и поставил будильник «Ролекса» на три часа пополуночи, проспав он не имел права, иначе срывалась вся рискованная поездка. Конечно, проводник мог поднять в любое время, но Сенатор вовсе не желал, чтобы тот знал, на какой станции он сошел, тогда сведущие люди легко догадаются, куда он держал путь, а связь эту афишировать не хотелось. Катастрофическим для служебной карьеры мог оказаться тайный визит в горы, узнай кто-нибудь его маршрут.

Да что карьера, прямая дорога в тюрьму, в этом он не сомневался и оттого взвешивал каждый шаг. Сухроб Ахмедович долго держал в руках часы, ощущая приятную тяжесть, потом положил их на стол рядом с сигаретами и зажигалкой. Но часы отчего-то притягивали внимание, и он снова взял их в руки, протер носовым платком граненое сапфировое стекло без единой царапины, почистил золотые звенья тяжелого браслета. Иногда у него спрашивали — неужели золотые? И он всегда отвечал: что вы, имитация, правда, известной фирмы. Ничего из своих личных вещей он так не любил, как эти солидные часы.

Ему нравились их массивность, хорошего тона золото, дымчатый платиновый циферблат, изящные, светящиеся по ночам стрелки и, конечно, абсолютно точный ход. За время, что он их имел, видел на руках всего несколько часов этой марки, да у таких деятелей, что его невольно гордость распирала. Он вспомнил, как получил этот «Ролекс» в подарок три года назад, в день похорон Рашидова.

За день до этого близкие друзья сообщили ему доверительно, что накануне, в инспекционной поездке в столице Каракалпакии, Нукусе, на руках у своего друга и родственника, секретаря обкома Камалова, от инфаркта внезапно умер Рашидов.

Новость для тех, кто хоть сколько-то владел ситуацией в крае, оказалась сногшибательной. Умер хозяин крупнейшей республики, человек, державший бразды правления в крае единолично, решавший не только кадровый вопрос, но и любой другой, зачастую поражавший воображение своей масштабностью. Ушел из жизни человек, бывший приближенным недавно умершего генсека Брежнева и пользовавшийся дружбой и покровительством многих крупных людей в Москве. Было от чего залихорадить республике.

Правда, преемник Брежнева Андропов вроде не испытывал восторга от его деятельности и не числился у него в друзьях-приятелях, намекали, что даже, наоборот, мол, зачастили в Ташкент его эмиссары — и отнюдь не для того, чтобы выражать восторг бесконечными достижениями солнечного края, видимо, насчет успехов у того имелись иные данные.

Вот и накануне, говорят, приезжал человек из Москвы, беседовали с глазу на глаз более пяти часов, и слышал потом Сухроб Ахмедович, что отбыл в свою последнюю поездку Шараф Рашидович не в добром расположении духа. И вот — инфаркт. Тревога вмиг поселилась в крупной чиновничьей среде и в аппарате.

Работал тогда Акрамходжаев прокурором одного из районов Ташкента и особых шансов на продвижение не имел, хотя и был кандидатом юридических наук. Все места, на которые он метил, занимали люди, с которыми ему, казалось, тягаться не по силам, за каждым стояли богатые и влиятельные кланы, а за некоторыми ощущалось покровительство самого Рашидова или его приближенных.

А к Шарафу Рашидовичу он, к сожалению, как ни пытался, так и не приблизился ни на шаг. Даже поговаривали, что тот как-то неодобрительно обронил, чего это, мол, Сухроб Ахмедович так рвется к власти, молод еще, время его не пришло. После этого кое-кто предпринял попытки ссадить его даже с поста районного прокурора, но тут он, что называется, показал зубы, дал понять, что своего не уступит.

В тот день, когда он получил весть о смерти Верховного, в Прокуратуре республики намечалось совещание, объявленное задолго до неожиданного события.

Прокурор явился в здание на улице Гоголя намного раньше назначенного часа, он надеялся встретиться кое с кем из коллег и узнать ситуацию поточнее, чтобы не ошибиться в выборе новой политики, угадать новый курс, который явно изменится после долгих лет единовластия. Хотя официального уведомления о смерти первого секретаря ЦК ни в печати, ни по радио и телевидению еще не было, чувствовалось, что в Прокуратуре республики новость знает каждый.

К его удивлению, на месте не оказалось никого из руководства, с кем он намеревался встретиться, не видно было и коллег. Видимо, уже кинулись попытать свой шанс при смене власти с помощью могучих кланов и родственников. О совещании не могло быть и речи, хотя никто не удосужился его отменить. И все-таки он пришел не зря. Позже, анализируя случившееся в тот же день, он считал это подарком судьбы, предназначенным ему свыше.

Он шел безлюдным коридором второго этажа к широкой мраморной лестнице, ведущей в просторный холл, как вдруг внизу резко распахнулась тяжелая входная дверь и в вестибюль влетел пожилой, совершенно седой человек с дипломатом в руках. Секундой позже следом за ним ворвался молодой, спортивного вида мужчина, явно преследовавший того, кто искал убежище в Прокуратуре. Человек с дипломатом уже вбежал на лестницу, и прокурору даже представился шанс помочь ему, но он почему-то спрятался за колонной и молча выжидал, что же произойдет дальше. Убегавший, которому до спасительного второго этажа оставалось всего несколько ступенек, неожиданно оступился, выронил дипломат из рук. Тот с грохотом полетел вниз, а следом и сам человек скатился с лестницы к ногам преследовавшего. Догонявший ловко подхватил дипломат и зло пнул распростертого у его ног человека, грязно выругавшись при этом.

Вдруг за спиной у него раздался шорох. Постовой милиционер, опомнившийся от страха, наконец-то расстегнул кобуру. Мужчина ловко, как в пируэте, развернулся, прикрывая грудь дипломатом, и тихо прошипел:

— Брось, папаша, пушку, не то пристрелю! — в руках у него действительно поблескивал тяжелый вороненый пистолет. Милиционер дрожащей рукой отбросил оружие в сторону. И тут произошло невиданное: валявшийся на полу старик невероятным усилием воли вскочил на ноги и вцепился в руку преследователя, державшего вальтер, прохрипев при этом:

— Коста, я ведь тебя предупреждал при первой встрече, что наши пути когда-нибудь пересекутся в храме правосудия...

Человек с дипломатом криво усмехнулся, явно не считая старика за серьезную помеху, и резко рванул его на себя, но руку с пистолетом освободить не удалось, и тогда он, не раздумывая, коварно ударил свою жертву головой в лицо. Кровь брызнула на обоих и разлетелась по стенам вестибюля, но хозяин дипломата мертвой хваткой держал преследователя. Видимо, охотник за странным дипломатом считал секунды, понимая, что вот-вот кто-нибудь появится в холле или на лестнице и отход усложнится, поэтому, не раздумывая, выстрелил в упор, затем в злобе еще и еще.

В этот миг входную дверь широко рванули и в холл ворвался человек в милицейской форме. Прокурор без труда узнал в нем полковника Джураева, начальника уголовного розыска республики, о невероятной храбрости которого ходили легенды. Он чуть ли не с порога прыгнул на человека по имени Коста, каким-то жестоким приемом сломал его пополам и отбросил к стене, где вахтенный милиционер нашаривал на полу свой пистолет, а сам успел подхватить на руки окровавленного хозяина дипломата.

На шум выстрелов высыпали люди из кабинетов, кинулись запоздало мимо Сенатора в вестибюль. Посередине забрызганного кровью холла сидел знакомый им всем полковник Джураев, держа в руках окровавленную голову какого-то человека, и в неутешном горе, глотая слезы, шептал:

— Прости, прокурор, не успел, прости...

Услышав из уст Джураев — «прокурор», человек у колонны сразу понял, кто этот человек, жизнью заплативший за то, чтобы дипломат с документами остался в стенах прокуратуры. Ну, конечно, это бывший областной прокурор Азларханов! Но, боже, как он постарел, поседел, а ведь еще шесть-семь лет назад каким орлом ходил. Сухроб Ахмедович не раз встречал

его в этом здании на разных собраниях и совещаниях, было его имя на слуху. Ему прочили славную карьеру! Реформатор — так, кажется, называли его недоброжелатели и завистники. Потом убили его жену, а сам он попал в неприятность, связанную с какой-то коллекцией не то керамики, не то фарфора, и жизнь пошла под откос. Прокурор даже слышал, что коллега давно умер в больнице от инфаркта.

Подробностей последних лет жизни Азларханова он не знал, хотя слышал, что тот ввязался в борьбу с одним влиятельным в крае родовым кланом. Судя по тому, что разыгралось у него на глазах, Азларханов до последней минуты не слагал с себя полномочий прокурора. Выходит, действительно сильный был человек, подумал равнодушно Акрамходжаев. Подтверждал версию и неподкупный полковник Джураев, объявившийся в Ташкенте лет пять назад. Многим он тут попортил, да и сейчас портит, кровь. Откуда он взялся на нашу голову, не раз задавались вопросом дружки Сенатора, хотя и знали ответ, что прокурор Азларханов ходатайствовал за него перед МВД республики. «Один уже отвоевался за правду», — почему-то зло подумал прокурор и вдруг услышал подтверждение своим догадкам.

— Товарищи, да это же Амирхан Даутович Азларханов, помните, работал у нас прокурором области... — зашумели, загалдели кругом, все дружно признали бывшего коллегу.

Районный прокурор в суматохе хотел незаметно пройти к двери и уехать, у подъезда его ждала машина, но вдруг мелькнула шальная мысль-мечта: завладеть бы документами в кейсе, наверное, быстро пошел бы в гору. Многие важные господа: министры, депутаты стали бы искать дружбы со мной, а я бы уж знал, кого миловать, кого в тюрьме сгноить. Не стал бы рисковать жизнью по мелочам прокурор Азларханов, не тот человек, он всегда предлагал радикальные перемены в нашем деле, мечтая о верховенстве закона надо всем, о правовом государстве, значит, выследил крупную дичь, раз пошли на такой отчаянный шаг — пристрелить в самой Прокуратуре. Не мешало бы вместе с документами в кейсе заполучить и этого отчаянного парня со странным именем Коста, вот такие нужны боевики, которые не останавливаются ни перед чем, выполняют свой долг до конца, цены нет таким людям, продолжал

подогревать себя прокурор, все еще скрываясь за колонной. Отсюда, сверху, все хорошо просматривалось. Он видел, как молоденький дежурный из приемной прокурора республики звонил в «Скорую помощь», требовал немедленно врача, хотя было ясно, что помощь бывшему коллеге уже не нужна. Разве что для Коста, который корчился у стены, видимо, полковник Джураев повредил ему позвоночник.

Прокурор медлил уходить, хотя и не видел причин задерживаться, даже появившись вдруг начальство, с которым он хотел встретиться, сейчас вряд ли удалось бы уединиться и пофилософствовать, какие и откуда задуют ныне ветры в паруса Правосудия. Что-то упорно удерживало его у колонны, и какой-то бес шептал: думай, думай, возможно, это твой единственный шанс в жизни завладеть тайной многих влиятельных людей. Шальная мысль-мечта кружила голову, ему стало внезапно жарко, и он ослабил узел галстука. Наверное, он побледнел и выглядел неважно, потому что пробежавший мимо знакомый следователь спросил участливо: «Вам плохо?»

Акрамходжаеву не хотелось привлекать к себе внимания, он улыбнулся и неопределенно махнул рукой, мол, ничего, по сравнению с тем, что творится внизу.

Неожиданно Джураев, у которого наконец-то забрали окровавленного прокурора и положили тут же посреди холла на носилки с инвентарным номером имущества гражданской обороны, вырвался из плотного окружения и кинулся к телефону, видимо, вспомнил что-то важное. Было слышно на весь вестибюль, как он приказывал кому-то: «Срочно передайте всем постам ГАИ: немедленно примите меры к задержанию белых «жигулей» модели 2106 с номерным знаком ГНС 85-04. Перекройте выход из города и будьте крайне внимательны, преступники вооружены и не задумываясь пустят оружие в ход».

Подъезжая к Прокуратуре, начальник уголовного розыска республики видел начало преследования на улице, и опытный глаз его заметил подозрительную машину, наверняка страховавшую Коста. В полковнике проснулся сыщик.

Но, положив трубку, он горестно признался:

— Зря я поднял тревогу, номер, по всей вероятности, у таких профессионалов фальшивый или машина угнанная.

— Все равно, вы правы, поостерегутся сегодня постовые на дорогах, а то слишком много их погибает в последнее время от доверчивости, — поддержал кто-то полковника.

Разговаривая по телефону и объясняя что-то окружившим его людям, начальник уголовного розыска не выпускал дипломат из рук, он наверняка знал о его содержимом. Появился он тут не случайно, на какую-то минуту опоздал на назначенную встречу с погибшим.

Но вот Сухроб Ахмедович разглядел, что к Джураеву энергично пробирается начальник следственного отдела Прокуратуры, и он почувствовал, что столь желанный для него кейс сейчас исчезнет в одном из сейфов второго этажа.

Забрать кейс к себе на работу полковник Джураев не мог, он знал о содержимом дипломата и догадывался, что в родном министерстве немало желающих уничтожить крамольные документы Азларханова. Однажды тот намекнул ему о связях мафии с высшими чинами МВД, и сегодня в коротком разговоре предупредил, что его руководство не должно знать об их встрече.

Строить планы дальше не имело смысла, и прокурор отошел от колонны, поспешив вниз, прямо к полковнику Джураеву, вокруг которого не убывала толпа, но в двух шагах невольно приостановился, не захотел вдруг, чтобы сыщик видел его здесь.

Полковник тем временем протянул дипломат начальнику следственного отдела и сказал:

— Пожалуйста, спрячьте у себя в сейфе, но прежде в присутствии коллеги из другого отдела опечатайте его, там бумаги чрезвычайной важности, они касаются таких людей... А утром лично передадите Прокурору республики, сегодня его уже не будет, в ЦК партии экстренное совещание, и продлится оно долго.

Дипломат будоражил воображение, Сухроб Ахмедович, простояв в вестибюле, вновь машинально поднялся на второй этаж, а из правого крыла начальник следственной части с коллегой как раз направлялись снова в вестибюль. Из обрывков разговора на ходу он понял, что бумаги опечатаны и завтра будут переданы прокурору, сейчас их заботили похороны Азларханова, и они поспешили на помощь полковнику Джураеву.

Сенатор ранее работал в следственной части республиканской Прокуратуры следователем по особо важным делам и хорошо знал начальника этого отдела, даже был с ним в приятельских отношениях, это он помог ему стать районным прокурором.

Расстроенный Акрамходжаев еще некоторое время постоял у колонны, откуда видел трагедию, потрясшую республиканскую Прокуратуру. Он слышал, как врач из медсанчасти МВД, прибывший за Коста, просил помощника прокурора связаться с Институтом травматологии, чтобы помогли срочно сделать рентген, собственная установка у них не работала третий месяц.

Внизу две женщины швабрами оттирали окровавленный пол, а вахтенный милиционер сидел понуро, зная, что теперь придется подыскивать другую работу, а жаль, до пенсии оставалось всего три года. Предстояли последние часы дежурства, и, откровенно говоря, его пугала ночь в здании, где на глазах произошло убийство, в голову лезли разные страхи.

Сенатор, расстроенный не меньше вахтенного милиционера, завел свою машину и медленно поехал в сторону Алайского базара, раздумывая, возвращаться ему на работу или нет, и вдруг увидел — навстречу ему по пустынной улице неслись белые «жигули» шестой модели с номерным знаком ТНС 85-04. Акрамходжаев хорошо запомнил команду полковника Джураева всем городским постам ГАИ. Видимо, вспугнутые машиной начальника угрозыска, они выжидали где-то во дворах и сейчас выскочили из укрытия, пытаясь узнать что-либо о судьбе своего сообщника.

Неожиданно Сенатор подал фарами сигнал тревоги, таким образом водители предупреждают друг друга о засаде, устроенной работниками ГАИ. За рулем сидел молодой парень, крупные очки скрывали половину его лица, как только машины поравнялись, из белых «жигулей» раздался звук клаксона, благодаривший за оповещение, кроме этого водитель высунул из открытого окна сжатую в кулак мощную руку, в запястье охваченную кожаным ремнем. Машина пронеслась, не сбавляя скорости, и прокурор не сумел больше ничего разглядеть, хотя видел еще двоих на заднем сиденье, не успел он и глазом моргнуть, как «шестерка» свернула в кварталы жилых домов. Конечно, они срисовали мой номер и через час-два узнают,

кому принадлежит машина, и будут обескуражены еще больше, не поймут, то ли радоваться, то ли печалиться, думал он, и свернул к старому мединституту. Ехать на работу он раздумал.

Проезжая мимо республиканского НИИ травматологии, он увидел, как из санитарной машины, принадлежавшей медсанчасти МВД, врач и сопровождающий работник охраны осторожно достали носилки с Коста и понесли его в здание. Рабочий день подходил к концу, и они спешили сделать рентгеновский снимок, понимал это и водитель, перехвативший у врача одну ручку носилок. Так, втроем, почти бегом поднимались они по крутым ступеням похожего на казарму здания, возникшего совсем недавно в центре города. Но вряд ли тюремный врач и его товарищи думали сейчас об архитектурной неудаче зодчих столицы.

Прокурор Акрамходжаев уже доехал до развалин величественного польского костела, зияющего десятки лет пугающими провалами окон и дверей, наглядно демонстрирующего реальное отношение государства к религии, как невольно подумал: «Ну, ладно, дипломат с тайнами многих влиятельных людей оказался для меня недостижимым, но ведь Коста я могу заполучить, если приложить усилия, такой парень в долгу не останется, да и хозяева его, наверное, мне при случае пригодятся». И он решительно развернул машину назад — в нем проснулся азарт охотника, авантюрное в характере взяло верх. Впрочем, рисковать крупно он не собирался, судьба Коста зависела от обстоятельств, а точнее, от нашей неразберихи, которую он предвидел.

Прокурор въехал на территорию Института травматологии, хотя и видел запрещающий знак, но он не считался в жизни с гораздо более серьезными запретами, не то что дорожными. Оставив «жигули» у розария, он вошел в здание с черного хода, успев разузнать по дороге, где находится рентгенологическое отделение. Искать ему не пришлось, снимки делали на первом этаже. Вольнонаемного охранника из тюремной obsługi он заметил еще издалека, тот стоял в коридоре один, равнодушно озираясь по сторонам, а из плохо притворенных дверей кабинета заведующего отделением слышалась перепалка.

Нужно было задержаться у двери от силы минуту, не больше, не привлекая внимания охранника, чтобы услышать, как

развиваются события и совпадают ли они с тем, что надумал изощренный в уголовных делах ум прокурора. Приближаясь к охраннику, Сенатор достал сигареты и спросил:

— Браток, не найдется ли спичек?

Тот долго хлопал по карманам форменных брюк, пока не нашарил коробок. Первую спичку, услужливо зажженную охранником, он ловко загасил, прикурил только со второй. Услышав аромат дорогих сигарет, служивый попросил закурить, и прокурор великодушно протянул ему сигарету.

За это время он услышал, как незнакомый голос отбивался от просителя.

— Войдите и вы в мое положение. Рентгенолог уже ушла, отключено высокое напряжение установки. Больного оставим в изоляторе, утром сделаем клизму, и к десяти снимок будет готов.

— Не можем мы его оставить на ночь, он преступник и должен находиться под стражей, — настаивал знакомый голос врача медсанчасти МВД.

В ответ он услышал смех и следующее:

— Чудак вы, коллега, да куда же он убежит с поврежденным позвоночником, да еще со второго этажа, но если вы уж так боитесь, в изоляторе два места, пусть останется с ним сопровождающий, не возражаю. Я распорядюсь насчет ужина...

Дальше Акрамходжаев не слушал, быстро направился к пролету второго этажа узнать расположение изолятора. Вдогонку он услышал в коридоре, как врач сказал охраннику.

— Сабиров, тебе придется здесь переночевать...

На втором этаже помещалось отделение острой травмы, и больных в коридоре не было.

Палату с надписью «Изолятор» он отыскал рядом с туалетом, откуда как раз выходила санитарка с ведром и шваброй. Прокурору все становилось ясным, оставалась только одна существенная деталь для задуманной операции, и он спросил:

— Будьте добры, подскажите, где на этом этаже ближайший телефон?

Начальственного вида мужчины всю жизнь внушали страх старухе, и она поторопилась объяснить.

— Прямо и возле шестой палаты налево, там за углом и находится столик дежурной сестры по корпусу.

Он поблагодарил словоохотливую женщину и спросил на всякий случай:

— Как зовут медсестру и когда она меняется?

— Да только заступила, теперь уж до утра, а величают Халимой Насыровой. Но она больно строга и шумлива, может не пустить к больным в гражданской одежде, так что лучше вертайтесь вниз и попросите у бабы Нюры в вестибюле халат.

— Спасибо, спасибо, — сказал обрадованный прокурор, — я, пожалуй, последую вашему совету и не стану нарушать больничный порядок, — и повернул назад.

В вестибюле он узнал телефон дежурной медсестры отделения острой травмы и тут же из холла позвонил по автомату. Услышав женский голос, он спросил:

— Халима Насыровна?

Как только прозвучало: «Да, я слушаю вас», он повесил трубку. И в этот момент почувствовал, что все задуманное свершится, он всегда доверялся интуиции, и она почти никогда его не подводила. Он достал вторую монетку и набрал номер своего помощника в прокуратуре.

— Салим, я сейчас буду, и если у тебя на вечер есть дела, отмени, нам предстоит срочная работа, и, пожалуйста, предупреди наших друзей, сегодня они могут понадобиться.

Он посмотрел на часы и отметил для себя, что с этой минуты начался отсчет задуманной операции, лишним временем он не располагал.

Он всегда ездил по городу с превышением скорости, а сейчас, возбужденный азартом предстоящего дела, и вовсе несся как угорелый, смущая бесправное ГАИ и постовых. На территории его района ему еще и честь отдавали, а на регулируемых перекрестках, завидев машину, устраивали зеленую улицу.

Салим, его правая рука в прокуратуре, старый университетский однокашник, встречал у порога. Из краткого телефонного разговора он понял, что шеф затеял что-то важное, они давно работали вместе и понимали друг друга, как пара профессиональных картежных шулеров.

Такое взаимопонимание не могло в конце концов не объединить их за карточной игрой, повальным увлечением многих должностных лиц в последнее десятилетие. Они держались повсюду вместе со школьных лет, помнится, кто-то назвал их

в студенческие годы — сиамскими близнецами. Лидером, вожаком в этой связке, со стороны виделся прокурор, более родовитый по происхождению, но это на взгляд непосвященных. Хашимов вряд ли уступал своему другу в чем-то, он был силен и в тактике, и стратегии, и наиболее рискованные операции организовывал все-таки он, не зря у него была кличка: Миршаб — Владыка Ночи. В общем, они стоили друг друга.

Они сразу прошли в приемную и плотно затворили двойные двери с тамбуром, обитым звукопоглощающим ковроланом. И по внешнему виду шефа Салим Хасанович догадался, что тот затеял что-то неординарное, поэтому его несколько удивило начало.

— Знаешь, Салим, мы сегодня с тобой должны преступить закон... — Прокурор произнес это с такой патетикой в голосе, что помощник невольно улыбнулся и не удержался, чтобы не прокомментировать странное заявление.

— А я думал, что мы этим занимаемся уже давно...

Хозяин кабинета неожиданно ответил вполне серьезно:

— Что мы творили до сих пор, ерунда, мелкая уголовщина, жалкие меркантильные интересы. За такие проказы и отвечать-то стыдно. То, что я задумал, — уже политика, борьба за власть, и это должно вывести нас на новые круги жизни, другие высоты, интересы, в иные кабинеты. — И он безразлично посмотрел вокруг.

Осмотрелся и помощник, но ничего жалкого, уничижающего не увидел, наоборот, бухнули они сюда средств немало. Он не стал перебивать хозяина апартаментов, и тот с незнакомым доселе пафосом продолжал:

— Нам с тобой уже за сорок, до каких пор мы будем служить на побегушках у бездарей, у которых одно достоинство и преимущество — связи и тугая кошелек? Ныне нам судьба предоставила шанс многих из них взять за горло и заставить потесниться за нескучеющей скатертью-самобранкой...

Потом он неожиданно сделал паузу, закурил и, пустив ровное колечко дыма в потолок, продолжал уже обычным тоном.

— А натворили мы с тобой немало, ты прав. Но русские говорят — семь бед, один ответ. Может, наш новый грех и покроет старые, я об этом тоже думал. Да и время смутное, надо готовить прочные тылы. Умер Леонид Ильич, благоволивший

к нашему краю, словно не выдержав горя, скончался его друг Шараф Рашидович, а новая политика Кремля, да и сам ее хозяин Андропов пугает всех, кого я знаю. Поэтому, дорогой мой Салим, я решил рискнуть, пойти ва-банк, и давай приступим к делу, счетчик уже включен.

Прокурор решительно поднялся с места, плотно задернул шторы большого окна, выходящего на улицу, включил свет и сказал:

— Сейчас мы запустим машину, провернем первый этап операции, на мой взгляд, несложный, а уж потом, после программы «Время», я посвящу тебя в главную ее часть.

— Ты мне не доверяешь? — растерянно спросил Миршаб.

— О чем речь: доверяешь или не доверяешь, по нам давно уже одна намыленная веревка на двоих плачет. Я не хочу, чтобы ты прежде времени стал меня отговаривать, а вдруг я смалодушничая, послушаю тебя, а потом всю жизнь буду каяться, что упустил свой шанс. Нет, нашей дружбой я рисковать не стану. Заполучу часа через три Коста, а там и отступать будет некуда.

— Какого еще Коста? — спросил ничего не понимающий помощник.

— Отличный парень, бьюсь об заклад, на сегодня среди наших друзей-боевиков нет такого отчаянного. Кстати, распорядись заодно насчет солидного ужина у своей прекрасной Наргиз. Я слышал, ты ей дом с хорошим участком купил, туда и доставят Коста. Я знаю эту махаллю, много уважаемых людей там живет, да и участковый мой знакомый.

— Прошу тебя, Сухроб, не путай ее в наши дела, а в гости всегда пожалуйста, не только в моем доме, но и в доме Наргиз всегда рады видеть тебя.

— Коста пробудет у нее сутки, от силы двое, не думай, он не бездомный человек, просто попал в беду.

По тому, как заговорил шеф, Салим понял, что дело решенное и придется смириться.

Прокурор нервно посмотрел на часы, затем вышел из-за стола и сел рядом со своим помощником, некоторое время он раздумывал, а потом заговорил торопливо:

— А теперь слушай внимательно. Сейчас ты пригласишь ко мне того работника ОБХСС, на которого есть материал

о взятке и вымогательстве, я знаю, что он энергично ищет подходы к тебе и ко мне, чтобы замять дело. Его я беру на себя, тут выгода двойная: он провернет операцию с Коста, и нам не надо искать человека в милицейской форме; да к тому же на всю оставшуюся жизнь он вместе со своим тестем у нас в капкане, при случае скажем, кого он похитил из больницы, новость будет не для слабонервных. А ты объезди катраны в районе и найди двух карманников, эти больше всего подойдут в ассистенты капитану, у них выдержка, а хладнокровия и артистизма им не занимать. Да и дело для них пустячное, положить на носилки Коста, я тебе не сказал, что у него, кажется, поврежден позвоночник, спокойно вынести со второго этажа, определить в машину, и на следующем квартале они свободны. Кстати, отыщи два белых халата для щипачей, а специальные жесткие носилки в изоляторе есть. Даю тебе на все полтора часа, из больницы мы должны забрать Коста не слишком поздно, иначе можем вызвать подозрение.

— Прямо детектив какой-то с похищением, переодеванием, — мрачно пошутил Хашимов, направляясь к двери, но возражать не стал.

— Еще какой детектив, дорогой Салим, двухсерийный, и кража со взломом будет, — достал помощника голос уже в тамбуре. Шеф пребывал в отличном настроении, а это придало уверенности его однокашнику.

Как только помощник покинул кабинет, Сенатор достал из недр старинного двухтумбового стола початую бутылку коньяка, плеснул себе на дно пузатого бокала, помедлив, повторил. Нет, прокурор нервничал, да еще как, рука так дрожала, что он чуть не опрокинул тонкостенный хрустальный бокал «баккара».

Спрятав бутылку с глаз, он достал папку с материалом на капитана Кудратова и принялся ее изучать. До сих пор у него не выпадало времени детально ознакомиться с бумагами, но Сенатор чувствовал, что придется замять дело, уж слишком высокие люди ходатайствовали за него, в таком случае и не разживешься, вдруг потом шантажировать станут, с обэхаэсниками надо быть осторожным, там народ собрался тертый, за каждым кто-то стоит, боится, туда за красивые глаза и способности не особенно берут. Чем больше он

вникал в обстоятельства, тем сильнее раздражался, то и дело у него невольно вырывалось вслух: подлец, негодяй, законченная сволочь, сущий разбойник! Сказав довольно-таки громко: «Нет, таким людям не место в органах!» — прокурор вновь полез в стол за бутылкой, наглость капитана вывела его из себя.

Если бы Миршаб мог видеть и слышать сейчас своего разгневанного шефа, наверное, еще раз от души посмеялся бы, тем более мотаясь по катранам и подыскивая по его приказу подходящих карманников, кстати, в воровской иерархии стоящих на самой высокой ступени элиты, так сказать, блатного мира.

Время, отведенное помощнику, истекало, как вдруг в дверь раздался робкий стук, и на пороге появился щеголеватый капитан. Видимо, он редко чувствовал себя виноватым и никогда не каялся, прокурор почувствовал это, хотя тот, согнувшись, с печальным лицом затравленно прошептал:

— Я капитан Кудратов, вызывали?

«Из молодых, да ранний, ну и поколеньице растет, не приведи господь», — первое, что успел подумать прокурор.

— Как же ты дошел до такой подлой жизни? — рявкнул хозяин кабинета в искреннем гневе и хлопнул об стол папкой с делом капитана так, что из нее разлетелись бумаги: заявления, жалобы, акты, экспертизы, одна спланировала к ногам Кудратова. Прокурор был человек эмоциональный, увлекающийся, с артистической натурой, он на самом деле забыл, для чего пригласил этого щеголя, уж слишком потрясли его деяния хваткого обэхаэсника, ведь работал-то в органах без году неделя.

Кудратов поднял бумажку, она оказалась коллективной жалобой на него из продмага, он догадывался, о чем там речь, помнил и суммы, не знал одного, написали ли о том, что он склонял там к сожительству молоденьких продавщиц. Из-за них он и взял под микроскоп работу гастронома, дышать не давал, слишком уж аппетитные девочки бегали в каждом отделе. С первого дня работы в органах капитан сделал для себя открытие: какие же дураки директора торговых точек, что приглашают на работу пригожих женщин и смазливых девчонок, половина неприятностей магазина как раз из-за них. Но сейчас вряд ли мог он ясно представить хоть одно милovidное личико в кокетливой белой пилоточке фирменного магазина.

Он протянул дрожащими руками прокурору жалобу на самого себя, пытаясь не встретиться при этом глазами, взгляд прокурора не сулил ничего хорошего.

— Ну, отвечай, расскажи о трудной жизни, голодных детях и маленькой зарплате, я включил диктофон.

Прокурор хотел добавить: что же ты, мерзавец, так круто обложил торговлю, как дальше деловым людям жить, если им на одного тебя воровать приходится, да и кто ты, сопляк, чтобы хапать за всех в районе, и повыше тебя начальники есть, место свое знать надо. Но он этого не сказал, ушлый капитан принял бы это, как команду поделиться награбленным, нет, с ним следовало действовать тоньше, деликатнее. Сенатор вычислил, на какую сумму тот успел нафаршироваться, и четко знал, сколько попавшийся должен отстегнуть ему. Но следовало делать пока все по букве закона, сохраняя лицо власти, а там подготовку почву — и деньги приплывут сами собой, без усилий, а главное, без принуждения, искусство получения взяток — тонкая штука, и прокурор владел им гораздо лучше, чем уголовным кодексом и правом вообще. Хозяин кабинета, принуждая капитана к разговору, придвинул диктофон, и тот вдруг выпалил:

— Я больше не буду, я молодой, исправлюсь...

— На исправление я и готовлю документы, — ухмыльнулся прокурор. — На сколько, думаешь, тянут твои шалости?

— Сказали, на пять...

— Плохие у тебя, капитан, адвокаты, пять это только за взятку, а ущерб, который ты нанес, беспричинно опечатав склад «Универсама», после чего тебя не могли два дня отыскать, а мы теперь знаем, где ты развратничал все это время. А в магазине отключились холодильники и пропало товаров на пятьдесят тысяч, а таких случаев по делу еще три, так что ущерб от твоей деятельности тянет под сто тысяч, а это знаешь, чем пахнет?

Удар был нанесен мастерски, эффектно, капитан крепко засомневался в силе своих покровителей, впрочем, гарантий ему не давали.

— Помогите, век не забуду, — взмолился Кудратов, вмиг потеряв спесь и надменность.

— А знаешь, как тебя зовут в торговле? Чума — такие, как ты, и есть мор для народа, — вновь распалился прокурор и вдруг вспомнил, для чего вызвал капитана.

От волнения он встал и, задумавшись, прошелся перед капитаном. Надо было менять тактику, и тут Кудратов сам помог, взмолившись еще раз.

— Не губите, рабом вашим буду...

— А ты думаешь, легко мне закрыть дело, и почему я должен рисковать за тебя? Ты мне кто: брат, сват? У меня на сегодня уже запланирован один риск, между прочим, просили те же люди, что ходатайствовали за тебя, теперь я не знаю, какую их просьбу выполнить — то ли тебя пожалеть, то ли того шофера?

— Какого шофера? — с надеждой спросил капитан.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — отрезал прокурор, продолжая расхаживать по кабинету. — Впрочем, говорят, клин клином вышибают, может, мне удастся две просьбы твоих покровителей выполнить, обе судьбы в твоих руках, как говорится, куй свое счастье сам. Согласен рискнуть?

— Я же сказал, рабом вашим буду, только спасите от позора и тюрьмы, — приободрился капитан, почуяв неясную пока перспективу.

— Дело, в общем, не хитрое, но элемент риска есть, — сказал прокурор спокойно, возвращаясь на место. — Я хотел просить другого человека, но если готов, почему бы не попробовать, заодно проверим, хозяин ли ты своему слову. — Прокурор посмотрел на часы и с улыбкой произнес: — Если не струсил, то через два часа неприятности твои и того шофера будут позади.

— Что я должен сделать? — нетерпеливо перебил Кудратов.

— Ничего особенного, но прежде я обязан ввести тебя в курс дела, в общих чертах, конечно, я не хотел бы ни к чему принуждать — вольному воля.

К одному большому человеку приехал гость, сегодня после обеда на машине хозяина он разъезжал по городу и совершил аварию, сам тоже пострадал. Сейчас он лежит в больнице, а утром им займутся как следует. Твоя задача с двумя молодыми симпатичными людьми, готовыми на благородный поступок, подняться на второй этаж, спросить у дежурной по этажу Халимы Насыровны, где изолятор, положить этого человека на носилки и спустить вниз к машине, и на следующем квартале ты свободен. В случае успеха операции хозяин машины скажет, что «Волгу» у него угнали. Ну как, возьмешься?

— Согласен, если вы не разыгрываете меня, это же сущий пустяк.

— Да, по сравнению с чем ты влип, конечно, семечки. Тем более, там уже постарались наши друзья, в изоляторе находится охранник из тюремной больницы по фамилии Сабилов, за полчаса до вашего прихода начальство по телефону через ту же медсестру отпустит его домой. Звонить будет начальник караульной службы, майор Саидов — запомни. И последнее, если медсестра спросит, почему забираете, спокойно скажешь: начальство велело — и дашь понять, что знаешь и о звонке майора, и об охраннике Сабирове, которого отправили домой. Ну, а если случится сверхнепредвиденное, действуйте по обстановке. Сбежать со второго этажа или спрыгнуть на козырек первого, а там на землю, думаю, не проблема для таких орлов. Ну что, по рукам?

Капитан, все еще не веря в удачу, вяло протянул руку.

— А сейчас сходи в чайхану, она через два дома, выпей чаю, переведи дух, взвесь свои шансы, никуда не звони, через час поедем в больницу.

Как только Кудратов вышел из кабинета, прокурор позвонил в чайхану, давний и верный прием, не раз приносивший успех.

— Ахмад-ака, сейчас от меня вышел один молодой симпатичный капитан, посмотри, отлучится ли он из чайханы, воспользуется ли телефоном?

— Хорошо, — только и ответил чайханщик, он хорошо понимал прокурора.

Салим Хасанович опоздал почти на полчаса.

— Что, в нашем районе двух щипачей найти стало сложно? — встретил его вопросом шеф.

— Представь себе, так оно и есть. У них сегодня что-то вроде конгресса, большого курултая. Делят столицу на зоны влияния, говорят, появились за последние годы в республике новые авторитеты, они и перекраивают карту Ташкента, старикам приходится тесниться, молодежь требует свое.

— Ну куда власти смотрят? И кто вообще правит в этом городе? — завелся сразу Сенатор. — Выходит, уголовный мир сам по себе, а органы правопорядка сами с усами, — закончил он неожиданно задумчиво.

Помощник, не переставая удивляться сегодняшнему философскому настрою своего шефа, ответил:

— Попали в точку, у них одни заботы, у нас другие. Они знают то, что знаем мы, и даже больше. Мы тоже знаем, кто есть кто, паритет налицо, и овцы целы, и волки сыты. Но что касается карманников, я отозвал двух делегатов с конгресса, и они ждут в машине, толковые ребята, понимают все с полуслова, нам бы таких сотрудников.

— Обижаетесь, брат, в нашей системе почище орлы есть, не то что карманы обчистят, а государство по миру пустят. Жаль, ты с делом Кудратова не ознакомился, вот он почистил торговлю, так почистил, и легиону щипачей такой размах не по зубам, за год на особо крупные хищения потянул.

— Сдаюсь, сдаюсь, — миролюбиво поднял руки вверх помощник. — Значит, дождал ты его, я видел, он сидит в чайхане.

— А куда ему деваться, фирма веников не вяжет, но, доложу тебе, наглец, каких свет не видал. И я решил, что одной операции по спасению Коста с него недостаточно, придется ему крепко раскошелиться, не по рангу берет, значит, нас с тобой в грош не ставит, думает, что его тесть пуп земли. Подожди, я и до тестя доберусь... — закончил он вдруг с угрозой, и тут раздался телефонный звонок.

Прокурор держал трубку слегка на отлете, и Салим Хасанович слышал.

— Капитан только что ушел. Пришел подавленный, но быстро оклемался. Никто к нему не подходил, чайханы не покидал, телефоном не пользовался.

— Спасибо, Ахмад-ака, работаешь профессионально, говорят, ты увеличил ночной тариф на водку, не растеряешь клиентов?

— Не растеряю, любишь водку среди ночи пить, раскошеливайся, хороший сервис во всем мире дорого стоит. — И оба громко рассмеялись.

— Ну вот, все в сборе, приступим к первой фазе операции, — сказал прокурор и достал из сейфа пистолет, который уже лет десять находился в розыске, а купил он его случайно, в прошлом, отдыхая в Цхалтубо.

— Пушка? Зачем? — спросил удивленно помощник.

— Нас ведь ждут сегодня не только изысканный ужин у прекрасной Наргиз, но и дела, дорогой. Я чувствую себя увереннее, когда эта вороненая штука со мной.

Кстати, как насчет ужина? У нас ведь важный гость, хочется ему сделать сюрприз. Бьюсь об заклад, сейчас он о рюмке хорошего коньяка и бокале шампанского и не помышляет, я не говорю уж о перепелках и плове, который так великолепно готовит очаровательная хозяйка нового поместья.

— Все в порядке, из-за ужина и опоздал, пришлось заехать на базар и заглянуть в подвалы «Интуриста», разжиться деликатесами. Обрадовали вашими любимыми миногами и копчеными угрями, думаю, гость по достоинству оценит неожиданный прием. Там, между прочим, все знают о смерти Рашидова.

— Еще бы, в подвале да чтоб не ведали. Они, я думаю, раньше всех и пронюхали, а может, даже до того, — хмыкнул прокурор.

В это время вновь раздался знакомый робкий стук в дверь и в тамбуре, не решаясь войти, появился капитан Кудратов.

«А он действительно еще сопляк, да к тому же и хлыщ, и кто же таким людям доверяет столь важные участки работы: ни опыта, ни мудрости жизни нет за плечами, ни опыта службы в органах», — подумал Салим Хасанович, неприязненно разглядывая в упор зятя известного в столице человека.

— Подожди в приемной, — небрежно отмахнулся прокурор, и капитан захлопнул перед собой дверь.

Читая мысли своего помощника, словно карты, он сказал:

— Каков тесть, таков и зять, каждый по себе дерево рубит. — И оба непринужденно засмеялись. — Два слова перед тем, как выехать. Салим, ты с капитаном и щипачами садись в «рафик» и следуешь за мной. Не доезжая травматологии, остановитесь, я дам сигнал. К больнице я подъеду один, из автомата позвоню на этаж, и только через полчаса, когда уйдет охранник, въедете во двор, прямо к подъезду. Ну, вот вроде все, с капитаном я детали оговорил, и щипачи знают свое дело. Ну, давай присядем на дорогу, да храни нас Аллах.

Они сделали «оминь» и поспешили к машинам.

Подъехав к больнице, прокурор позвонил с уличного автомата.

— Отделение острой травмы? — Услышав знакомый голос, переспросил: — Халима Насыровна? Вас беспокоит начальник караульной службы городской тюрьмы майор Саидов. Мне доложили, что на вашем этаже, в изоляторе, лежит больной преступник. Наш врач без согласования с начальством оставил его на ночь, а это грубейшее нарушение устава...

— Да куда ж он денется, — перебила весело дежурная по корпусу, — он же с переломанным позвоночником, я была в изоляторе, накормила вашего больного и охранника.

— Спасибо, убежать он, конечно, не убежит, но инструкция для нас закон, мы обязаны ее выполнять. Поэтому сейчас мы высылаем за ним транспорт и людей, подъедет один лихой капитан, а утром привезем его снова на рентген, так будет по правилам и надежнее.

— Пожалуйста, забирайте, если у вас такие строгости.

— Да, еще, чуть не забыл. Там рядом с ним должен быть наш охранник Сабиров, полноватый парень, с усиками. Звонила его жена, у него смена в пять часов вечера закончилась, если еще не ушел, пусть едет домой, к ним неожиданно гости из Башкирии нагрянули.

— Хорошо, хорошо, я передам. — Трубку на другом конце провода положили.

Сенатор вытер платком вмиг ставшие влажными руки и спокойно отправился к машине, почему-то страшно хотелось пить.

Отъехав от больницы, он развернулся у старого ТашМИ и встал на новое место, откуда хорошо проглядывался единственный вход на территорию. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь случайно увидел его машину, он знал, что завтра закрутится такая карусель — похищение особо опасного преступника — ЧП, и любая деталь сегодняшнего вечера станет важной.

Прокурор нервно посмотрел на часы, по расчетам, Сабиров должен был уже выйти.

«Неужели догадался позвонить своему начальству?» — мелькнула лихорадочная мысль, этого варианта он не предусмотрел. Если так, следовало спешно ретироваться, но в этот момент он увидел охранника. Тот задержался у ворот, стрельнул у прохожего сигаретку, потом раздумывал несколько минут,

словно дожидался тюремной машины, но вдруг сорвался с места и побежал к остановке. От ТашМИ, сияя огнями, поднимался трамвай на Юнусабад.

Прокурор вздохнул свободно и вновь достал платок, влажные руки еще предательски подрагивали.

Включив дальний свет, моргнул раз, другой, как условились с Салимом, и «рафик» на противоположной стороне улицы Энгельса медленно покотился к воротам травматологии. Территория больницы хорошо освещалась, и прокурор со своего места отчетливо видел, как капитан легко спрыгнул с переднего сиденья, что рядом с водителем, подождал мгновение, пока вышли из салона карманники в белых халатах, и они вместе направились вверх по мраморной лестнице. Капитан держался молодцом, уверенно, и на ходу что-то объяснял своим подельщикам.

Неожиданно Сенатор злорадно подумал об обэхаэснике: «Ну и дубина, даже не подозревает, на какое дело его подписали». Но мысленно все же пожелал Кудратову удачи.

Как только белые халаты скрылись в темном провале распахнутой настежь двери, прокурор глянул на часы, вся операция, по его замыслу, должна была занять десять минут, не больше. Прокурор достал из-за пояса пистолет, переложил его в накладной карман пиджака и, выйдя из машины, стал нервно вышагивать возле «жигулей», невольно отсчитывая время, секунды тянулись медленно.

Когда, по его подсчетам, пошла десятая минута, он развернулся лицом к больнице и увидел, как по ярко освещенной лестнице несли носилки с Коста. Щипачи, не привыкшие что-либо таскать, тяжело гнулись, и капитан помогал переднему, на которого и падала главная нагрузка на крутых ступенях, но тут на помощь им выскочили Салим с шофером, и уже через две минуты носилки с больным исчезли в чреве машины, и «рафик» рванул от места недолгого пристанища Коста.

— Слава Аллаху, удача сама идет мне в руки, — сказал прокурор и, засунув пистолет снова за пояс, нырнул в машину. Ожидая, пока «рафик» сделает разворот у костела и проедет мимо него, он включил магнитофон, неторопливо, с удовольствием закурил. Предчувствие успеха кружило

голову, хотелось опорожнить бокал шампанского. Приятно было осознавать себя рискованным и смелым человеком, у него по-прежнему дрожали руки, но это уже была другая дрожь.

Пропустив пикап, поехал следом, соблюдая заметную дистанцию, он знал, что, по уговору, в следующем квартале, возле гостиницы «Узбекистан», любимого места сборища карманников и прочих дельцов, Салим должен высадить щипачей. На площади перед отелем РАФ на минуту тормознул, и двое элегантно одетых воришек мгновенно растворились в праздной толпе.

Дальше он держал «рафик» в поле зрения, махалля, в которой поселилась прекрасная Наргиз, освещалась плохо, и прокурор боялся потерять их в многочисленных тупиках и проездах, утопающих в зелени.

«Неужели Салим решил пригласить капитана на ужин к Наргиз?» — подумал он раздраженно, как вдруг пикап вновь остановился и обэхаэсник ловко спрыгнул на пыльную обочину.

Проезжать мимо, сделав вид, что не заметил, было поздно, и прокурор тормознул «жигули». Опустив стекло окошка передней дверцы, сказал:

— Ну что ж, капитан, я убедился, что вы хозяин своему слову, с вами можно иметь дело. Я постараюсь помочь вам, но, как вы сами выразились, моя просьба и ваша — несравнимы...

Капитан, прижимая ладонь правой руки к сердцу, радостно закивал головой.

— Спасибо, Сухроб-ака, спасибо. Я все понимаю, век вашим должником буду...

Вдалеке «рафик» уже сворачивал налево, и Сенатор, боясь упустить его из виду, рванул машину с места, обдав капитана выхлопными газами и пылью из-под английских шин «Гудиер».

«Умнеет прямо-таки по часам», — весело подумал прокурор. Он видел по глазам капитана, что тот понял — без денег, и немалых, ему из дела не выпутаться.

Пропетляв еще минут десять по улицам Рабочего городка, «рафик» въехал в махаллю, где помощник недавно приобрел дом для своей любовницы. Машина остановилась у глухого кирпичного забора, который трудно было назвать традиционным восточным дувалом, ибо он скорее походил на тюремную ограду, только без колючей проволоки, но он не сомневался, что по верху высокой стены в слой бетона вмуровано битое

бутылочное стекло, отличительная деталь новых строений и нового времени. Прокурор не стал выходить из машины, пока Коста не внесли в дом. Как только «рафик» свернул в соседний переулок, он въехал во двор, и помощник затворил хорошо смазанные железные ворота.

«За таким забором можно долго держать оборону», — почему-то подумал Сенатор, и в этот момент с веранды его окликнула Наргиз. Прокурор, слыша за спиной шаги своего помощника, дождался его, и они вдвоем поднялись на хорошо освещенную веранду, где уже был накрыт стол.

— Ну, здравствуй, прекрасная Наргиз, вот пришел к тебе на новоселье, — гость обнял и поцеловал ее, недавнюю танцовщицу известного фольклорного ансамбля.

— Я счастлива приветствовать вас в своем доме, Сухробака, и надеюсь видеть вас с Салимом теперь почаще. — И она, извинившись, поспешила на кухню, пообещав пригласить к дастархану через полчаса.

— А у нас до застолья еще есть дела, и полчаса как раз кстати, — ответил он, затем, обращаясь к помощнику, добавил: — Салим, с самого начала операции меня почему-то мучает жажда, будь добр, налей чего-нибудь.

Миршаб прошел к дальнему углу стола, достал из ведерка со льдом бутылку шампанского, ловко и бесшумно откупорил ее и налил два глубоких бокала. Когда он вернулся к шефу, прокурор сказал:

— Спасибо, дорогой, ты читаешь мои мысли, я как раз хотел шампанского, и давай выпьем за успех второй части операции.

— За успех! — поддержал Салим, и они залпом опорожнили бокалы.

— Сейчас я пойду познакомлюсь с Коста, а ты позвони нашим друзьям, пусть приезжают троим: Сергей, Погос и этот Беспалый, как его?

— Артем, — подсказал помощник.

— Да, да, и пусть Артем захватит инструмент, сейф на Гоголя простейший.

— Ты хочешь совершить налет на Республиканскую Прокуратуру? — вырвалось удивленно у Салима.

— Да, на Прокуратуру, и не вижу причин для особого волнения, объект как объект. Вскрыть сейф в банке куда

рискованнее, там всегда готовы к ограблению. А налет на прокуратуру будет первым в ее истории, я сегодня видел, какие там лопухи стоят на охране, пенсионеры..

— Что важного для нас может храниться в сейфе на Гоголя, я даже представить не могу. Если тебе нужна какая-нибудь информация из прокуратуры, проще найти посредника и купить ее, — не в первый же раз.

— Ты, как всегда, прав, дорогой Миршаб, но на этот раз у нас нет времени ни на посредника, ни на куплю-продажу, утром документы должны попасть на стол к Прокурору республики.

— Я теперь уже ничего не понимаю. Откуда выплыли эти документы и как они попали к начальнику следственной части? — сказал растерянно помощник.

— Не напрягай зря голову — не поймешь, пока я за ужином не введу тебя в курс дела. Но поверь, у нас редкий шанс играть по-крупному, ва-банк. А теперь иди, звони нашим друзьям, пусть приезжают через полтора часа, успеют на ужин, подумают, что это мы для них накрыли такой богатый стол, а меня проводи в комнату к Коста.

Салим, свободно ориентировавшийся в просторном доме Наргиз, показал спальню, где находился нежданный гость, а сам отправился звонить Беспалому, компания дожидалась вызова шефа у него на квартире.

Сенатор на секунду остановился перед дверью, понимая, какой непростой предстоит разговор, и, отдавая отчет, сколь выгодны и в то же время непредсказуемы последствия контакта с таким решительным человеком, как Коста, не говоря уже о тех, кто стоит за ним. Прокурор отчетливо сознавал не только риск, связанный с похищением Коста и налетом на Прокуратуру республики, но и ясно представлял угрозу, которой себя подвергал, если по каким-то соображениям операция не устроит владельцев дипломата, тут плата одна — голова. Но зато в случае удачи..

У Сенатора от волнения учащенно забилося сердце, и он решительно толкнул дубовую дверь с тонированным стеклом. В беззаконной спальне с высоким потолком, на низкой жесткой тахте, у самой стены, поглаживая ворс роскошного афганского ковра, лежал Коста. Хорошо смазанная дверь на медных петлях открылась бесшумно, и Коста вроде не слышал или ловко

притворился, что не заметил, как в комнату вошел человек. По крайней мере, он не повернул головы, не прервал своего занятия, хотя почувствовал, как дохнуло ветерком из распахнутой двери, да и шаги, приглушенные пушистым паласом на полу, слышал, он вообще отличался поразительным слухом.

— Добрый вечер, — приветствовал прокурор, понимая, что первый ход уже проигран.

Коста лениво повернул голову, но более внимательный, чем прокурор, человек заметил бы, как моментально окинул он цепким взглядом вошедшего.

— Добрый, добрый, — ответил Коста без видимого волнения и интереса и вдруг неожиданно застонал.

— Что с вами? — кинулся к нему прокурор, желая помочь, но Коста вдруг затих, вроде смутился минутной слабости, и попросил поправить подушку.

Как только Сенатор склонился над ним, Коста левой рукой сгреб пиджак и рубашку у горла, а правой выхватил пистолет у прокурора из-за пояса и тут же приставил к его груди. Пистолет он углядел сразу, как только тот переступил порог. Прокурор, не ожидавший от пострадавшего такой прыти, опешил.

— Ты что, сумасшедший? — хрипел он сдавленным горлом. — Я же спас тебя от тюрьмы, от вышки, отпусти сейчас же. — Ощущая на груди холодную сталь пистолета, он боялся случайного выстрела.

— Не дергайся, — ответил Коста тихо, — ты сегодня уже видел, как я пристрелил одного, ты будешь вторым; одним прокурором больше, одним меньше, срок один.

Вошедший от неожиданной пронизательности Коста обмяк, не понимая, откуда он все знает.

— Я видел тебя там, в прокуратуре, ты прятался за колонной, — пояснил вдруг Коста свое ясновидение. — А теперь говори, где дипломат? — И прокурор ощутил, как дуло пистолета впилось в его тело, такой выстрелит не задумываясь, он это уже действительно видел.

— Дался тебе дипломат, благодари Аллаха, что самого вырвали из тюрьмы, — по-настоящему возмутился Сенатор.

— Это у вас лишь бы ноги унести и сослаться на объективные обстоятельства, мы так не работаем, для нас дело, доверие, репутация дороже жизни. Где дипломат?

— Толку от того, что ты узнаешь где, — не на шутку злился прокурор.

Коста так дернул его за ворот, что по комнате брызнули пуговицы, а рубашка лопнула на спине.

— Где дипломат?

— В Прокуратуре, — прохрипел Акрамходжаев и бессильно повалился на тахту.

— Немедленно прикажи, чтобы принесли сюда телефон, или я точно тебя пристрелю. — И Коста приставил дуло к виску Акрамходжаева. Пистолет у виска почему-то снял паралич воли и страха, и прокурор сказал спокойно:

— Если даже и пристрелишь меня, телефон в доме не появится, махалля на окраине города, строение новое, месяц как въехали, АТС тут еще не скоро построят. — Он не врал. Миршаб пошел звонить Беспалому в чайхану. Там находился единственный в квартале телефон-автомат.

Новость для Коста прозвучала столь неожиданно, что он растерялся, у него имелась в запасе одна козырная карта, и та оказалась бита, и он отпустил ворот и вернул Сенатору пистолет.

— Ну, брат, ты и псих, — сказал прокурор мирно, поправляя на груди рубашку.

Происшедшее не испортило ему настроения, наоборот, подтвердило мнение о важности дипломата и того, что он имеет дело с серьезными людьми.

— Давайте будем знакомиться. — И он снова приблизился к тахте, но подавать руки Коста не стал. — Сухроб Ахмедович Акрамходжаев, прокурор...

— Меня зовут Коста, — ответил дружелюбно больной, — и, я думаю, вы обо мне наслышаны.

Искушенный прокурор пропустил намек-вопрос мимо ушей, понимая, что Коста хочет втянуть его в нужный для себя разговор, но человек на тахте считал варианты куда быстрее, чем его новый знакомый Акрамходжаев, он тут же задал вопрос в лоб:

— Почему вы решили спасти меня от справедливого возмездия, ведь я на ваших глазах, считай, при вашем попустительстве, убил вашего коллегу, прокурора Азларханова, человека весьма известного в крае?

Сенатор понял, что ему лучше всего отвечать с такой прямотой, с какой был задан вопрос, с подобными типами следовало играть в открытую, по крайней мере на первых порах, это притупит его бдительность.

— Нынче, в кого ни ткни, все недовольны своим положением, я не исключение. Годы бегут, я уже не мальчик, и пост районного прокурора меня не устраивает, не вижу я и перспектив роста. Вам ли не знать кадровую политику в республике, Верховный держал под контролем каждое мало-мальски важное кресло. Вы, наверное, удивитесь, что я сказал «держал», да, да, держал. Открою для вас тайну, его уже нет, позавчера он неожиданно умер в инспекционной поездке в Нукусе.

— Вы ошибаетесь, прокурор, для меня это не тайна. Больше того, вчера с некоторыми людьми я был там и поцеловал его на прощание в высокий лоб, извините, что перебил, продолжайте.

Сказанное Коста только вселило уверенность, что он на правильном пути, и Сенатор тихо продолжил:

— Я, конечно, искал пути к Верховному, но он почему-то не подпускал меня. И вот сегодня, случайно оказавшись свидетелем сцены в Прокуратуре, я подумал, если я смогу заполучить дипломат и вас, моя судьба, наверное, круто изменится.

— У вас есть шанс выкрасть дипломат? — невольно вырвалось у Коста.

— Нет. Что мог, я уже сделал, — ответил прокурор безжалостно. Он не хотел пока, до времени, посвящать Коста в свои планы.

— Жаль, вы правильно рассчитали, окажись дипломат в ваших руках, ваша жизнь изменилась бы, точно, думаю, вы смогли бы получить то место, на которое стремитесь.

«Это я без тебя догадался», — мысленно ухмыльнулся прокурор.

— Но, откровенно говоря, вы крепко осложнили свою судьбу, ввязавшись в эту историю. Чтобы вы не считали меня благодарным, скажу честно, моя жизнь мало чего стоит, тем более сегодня, когда я упустил дипломат. Она обретет смысл, ценность, если удастся заполучить документы обратно или хотя бы уничтожить их.

— Если только взорвать Прокуратуру, — зло пошутил собеседник, но Коста шутки не принял.

— А что, прекрасная идея, но важно знать хотя бы этаж, крыло здания, комнату, а то рванем машину, а сейф останется целехоньким. Есть у нас в Ташкенте полтонны взрывчатки, купили у геологов, и специалист найдется. — И Коста с надеждой посмотрел на прокурора.

— Выбросьте этот план из головы, прежде всего я не знаю, на каком этаже дипломат, во-вторых, здание занимает полквартала, и вашей взрывчатки не хватит даже для одного крыла, и не забудьте — у нас в распоряжении только ночь...

Но Коста уловил, что прокурор чего-то не так договаривает, то ли от страха, то ли еще по какой причине, и поэтому он угрожающе выпалил:

— Я не зря сказал, что, выкрыв меня из больницы, вы основательно осложнили себе жизнь. В дипломате документы на людей, претендующих на место Рашидова. И решайте сами, кем вы хотите их иметь: друзьями или врагами? Там компрометирующие материалы на многих деловых людей, миллионеров нашего края, и тех, кто не в ладах с законом и по существу правит уголовным миром в республике. — Коста сделал паузу, вроде раздумывая, посвящать или не посвящать, но все же рискнул туманным намеком. — Впрочем, правят они не только уголовным миром... Вот во что вы влипли по неосторожности, прокурор...

— Что же мне делать? — растерялся прокурор.

— У вас только один выход: я запишу вам телефон, для страховки даже два, по любому из них от моего имени потребуете встречи с Артуром Александровичем. А сейчас главное: постарайтесь обдумать, кто в Прокуратуре может знать, где находится кейс, установите их адреса, телефоны. Вы сами сказали, у нас в распоряжении только ночь... У Артура Александровича есть люди, они по вашим адресам дознаются, где наши бумаги, и непременно выкрадут их, чего бы это ни стоило. Надеюсь, вы понимаете теперь, что ваша жизнь тоже связана с этим чертовым кейсом?..

— Да, да, — задумчиво кивнул Сенатор, он мысленно считал свои варианты.

— Пожалуйста, ручку, бумагу, — потребовал Коста, и прокурор машинально протянул ему свою записную книжку и «паркер». В этот момент раздался осторожный стук в дверь.

— Войдите, — сказал он, не оборачиваясь, знал: это Миршаб. Бесшумная дверь, блеснув тонированным стеклом, широко распахнулась, и помощник вкатил тележку, заставленную закусками и напитками.

«Салим все делает кстати и вовремя», — благодарно подумал прокурор о своем однокашнике и, перехватив тележку, пододвинул ее к тахте.

— Ого! — воскликнул Коста. — Миноги! Угри! Таким закускам позавидовал бы и сам Икрам Махмудович.

— Какой Икрам Махмудович? — пытаюсь поймать на слове, спросил прокурор.

— Икрам Махмудович? У вас будет возможность познакомиться с ним. Другого такого гурмана в крае, я думаю, не сыскать.

«Да, его голыми руками не взять», — подумал Сенатор, а вслух спросил:

— Признавайтесь, Коста, не предполагали, что сегодня поздно вечером вам предложат шампанское, да еще не какое-нибудь барахло местных винных заводов, а настоящее «Абрау-Дюрсо»?

— О шампанском и миногах, конечно, не предполагал, но когда в палату вошел капитан с молодыми людьми в белых халатах, я, честно говоря, подумал, что за всем этим маскарадом стоит Артур Александрович, ведь стоило мне только взглянуть на парней, как стал ясен род их занятий. Один из них успел подать мне знак, а такими сигналами обмениваются только в специфической среде, и он неведом даже вам, работникам органов, в нашем мире разглашение подобных тайн карается смертью. Я не удивлюсь, если завтра узнаю, что за мною в изолятор после вас приходили другие люди. Вы успели опередить Японца, а это редко кому удавалось.

— Вы имеете в виду Артура Александровича? — спросил небрежно прокурор.

— Да, я имел в виду его людей, он никогда не бросает своих в беде, сейчас ищут пути не только к дипломату, но ищут и меня...

— Ну, что ж, давайте выпьем за знакомство, за успех предстоящего дела, — предложил Сенатор, и они втроем подняли бокалы.

Прокурор взял свою записную книжку и «паркер», лежавший на широкой тахте рядом с Коста, мельком глянул на телефонные номера абонентов, находящихся в разных концах Ташкента, и сказал:

— Мы вынуждены вас оставить, в нашем распоряжении только одна ночь, утром документы должны быть на столе у Прокурора республики. Я об этом сам слышал. Сейчас подадут горячее, ужинайте, развлекайтесь, я попрошу, чтобы принесли магнитофон, а мы пойдем заниматься делами, пожелайте нам удачи.

— Ни пуха ни пера! — сказал Коста, подняв руку со сжатым кулаком, и они вышли из комнаты.

Салим, не проронивший в комнате ни слова, в коридоре сказал:

— Пойдемте в спальню, я дам вам новую рубашку и галстук. — О том, что произошло до его прихода, он не спрашивал.

Когда Сенатор примерял к новой рубашке галстук, Миршаб неуверенно спросил:

— Не стоит ли нам остановиться, опасную игру мы с тобой затеяли, как бы не потерять того положения, что имеем?

— Ты, как всегда, прав, дорогой Салим. И дело опасное, и головы потерять можем. Но я сам себя загнал в угол и теперь не могу отступать. Единственное, что я могу тебе предложить, — остаться здесь.

— Ты же знаешь, мы с тобой что нитка с иголкой, — Салим Хасанович встал рядом и трогательно обнял старого товарища за плечи.

— Спасибо, — сказал прокурор, глядя в зеркало, и оба невольно улыбнулись, но улыбка вышла грустной.

Они прошли на веранду, где младшая сестренка Наргиз все еще заставляла стол закусками. Салим, извинившись, оставил его одного, пошел на кухню помогать хозяйке. Время торопило садиться за щедро накрытый дастархан, меньше чем через час должны нагрянуть сюда Беспалый с дружками, а многое еще предстояло обговорить наедине.

Оставшись один, прокурор крепко пожалел о том, что предупредил владельцев белых «жигулей» о грозящей им опасности. Этим он прежде всего обозначил себя, и не исключено, что сейчас у дома в старом городе поджидают его дружки

Коста, люди Артура Александровича со странной кличкой Японец, которую прокурор уже не однажды слышал. Теперь, даже пожелай он по какой-то причине избавиться от Коста, не получится, спрос будет только с него. И на суде том, в отличие от нашего, народного, не станешь юлить, лгать, изворачиваться, пользоваться лжесвидетелями; не поможет ни судья, ни адвокат, и телефонное право там не имеет силы, придется держать ответ по всей строгости и отвечать головой. Вот что значит необдуманно включить всего лишь прерывистый свет дальних фар.

Выходит, основательно загнал себя в угол. Теперь при желании он никак не мог отступить от идеи налета на Прокуратуру, правда, был ход, когда он представлял рискованный шаг самому Артуру Александровичу. А что он имел в этом случае? Конечно, на денежное вознаграждение они не посядутся и за Коста, и за информацию, в каком кабинете находится кейс, — можно считать, что тысяч сто уже в кармане.

Но деньги его не волновали, ровно половину этой суммы на неделе принесет капитан Кудратов, а таких источников пруд пруди, повсюду тащат, куда ни кинь взор, и с прокурором поделаться, только пожелай. Нет, действительно, не в деньгах счастье, пословица народная, а народ, как правило, не ошибается. Ну, пожалуй, должностишку какую попримечнее можно у них выклянчить, не больше, — размышлял он лихорадочно, но, как ни крути, ничего такого, о чем он мечтал, не предвиделось. Ах, как бы вертелись перед ним эти чванливые и с гонором господа, мечтающие занять кабинет на пятом этаже белоснежного здания на берегу Анхора, заполучи он дипломат!

Распорядиться компроматом он сумеет, в этом Сенатор не сомневался.

После разговора с Коста появился еще один жесткий вариант без выбора: дипломат в целости и сохранности следовало передать Артуру Александровичу и тем самым скромно, но с весомым паем вступить в некую могущественную корпорацию, чьи люди так бесцеремонно метят на место самого Рашидова. Хозяева, имеющие такой пай, автоматически определяют свое положение в структуре, прокурор знал это. Но ведь информация, хранящаяся в дипломате, она действительно не один день, и при смене власти, как сегодня, да и в разных ситуациях, она вновь

обретает ценность, даже спустя десятилетия, а значит, обладая тайной, владеешь положением, судьбами людей, — мучился он сомнениями. Как ни крути, все возвращалось к мысли — стать единственным хозяином таинственного кейса, иначе опять рядовой на всю жизнь, даже если и член некоей могущественной подпольной организации. Но как выполнить задуманное? Как воплотить столь яркую и вожделенную мечту в реальность?

Обхватив двумя руками голову, он понуро смотрел перед собой в одну точку, и как-то не вязался щедро накрытый стол, радовавший глаз и душу, от которого исходили манящие запахи, с его позой. Пожалуй, такая фотография имела бы под собой подпись: «Что бы это значило?», и ответ оказался бы непростым.

Трудные вопросы клонили его седеющую голову, и богатый дастархан не радовал, не слышал он ни запахов, ни ароматов, витавших в доме. Одно ему становилось очевидным — следовало попытаться самому, без помощи Японца, добыть дипломат, а уж потом будет видно. Что я делю шкуру неубитого медведя, — подумал он, и враз избавился от сомнений. Человек крайне эмоциональный, он легко возбуждался и так же быстро впадал в уныние, в пессимизм. Поэтому сестренка Наргиз, Мамлакат, удивилась, когда мрачный Сухроб-ака вдруг поднял голову, озорно улыбнулся ей и сказал неожиданно заговорщически:

— Давай, пока нет сестры, пропустим с тобой по бокалу шампанского, боюсь, когда она появится, тебе этого не позволят.

— Давайте, — легко согласилась, засмеявшись, Мамлакат, ей нравился Сухроб-ака, от него зависел даже такой богатый и влиятельный человек, как Салим Хасанович, купивший сестре роскошный дом, от которого она приходила в восторг — сад, бассейн, финская сауна.

— А вот и мы, — на веранде появился Салим с Наргиз.

Мамлакат едва успела сполоснуть бокалы и вернуть их на серебряный поднос рядом с ведерком для шампанского. Сестра любила порядок и к сервировке относилась с предельным вниманием, это в ней особенно ценил Салим-ака. Хозяйка дома поставила посреди стола большой ляган с горячей закуской: перепелки, фаршированные свежей бараньей печенью и курдючным салом.

— Ух! — вырвалось вдруг у прокурора, и он сразу услышал все запахи и ароматы, исходившие от стола, особенно оценил сервировку, серебряные приборы и высокие изящные бокалы для шампанского.

— Ну, Наргиз — волшебница! — воскликнул он искренне и предложил тост за нее.

Миршаб, десять минут назад оставивший шефа в глубоком раздумье, приятно удивился перемене его настроения, значит, надумал что-то толковое или отменил операцию, решил он и с радостью поднял бокал за хозяйку. Он не знал, как отнесется шеф к покупке дома для своей любовницы, оттого и тянул с сообщением, выходит, снята еще одна мучившая его проблема.

Прежде чем приступить к перепелкам, прокурор спросил:

— А гостя не забыли? Жаль, если он не отведает коронного блюда Наргиз.

— Гость превыше всего, ему и магнитофон занесли, — ответил за хозяйку дома Миршаб.

С двумя десятками перепелок вчетвером справились быстро, от печеночной начинки тушки получились нежными, мягкими, хотя и жарились в кипящем оливковом масле, это совсем не то, что перепелки на вертеле. Когда женщины ушли за следующими горячими закусками, слоеной самсой с рублеными ребрышками молодого барашка и с курдючным салом матерого кучкара, мужчины на некоторое время остались одни за столом. И за двумя рюмками армянского коньяка, в отсутствие женщин, прокурор ввел помощника в курс дел второй части операции, опуская кое-какие детали.

— Теперь ты понимаешь, почему я не посвятил тебя сразу в свои планы. Мероприятие я затеял нешуточное, — сказал он, видя, как побледнел помощник. — Но отступить поздно, слишком велика цена дипломата, и нам не простят малодушия, остановки на полпути, — пытался воодушевить однокашника прокурор.

— Понимаю, — ответил Миршаб — если нас не пристрелит охрана в прокуратуре, то наверняка это сделает Коста, которого мы спасли от тюрьмы.

— Верно. Назад хода нет, — спокойно, философски, как не однажды за этот странный вечер, ответил Сенатор.

Принесли пышущую жаром самсу, и запах баранины забил все другие ароматы, витавшие над богатым столом. Прокурор

мельком глянул на часы и подумал, что Артем, по кличке Беспалый, как раз успеет с дружками к плову, главному блюду узбекского застолья. И плов Наргиз подавала не простой, а всегда из красного наманганского риса девзира, а мясо к нему Миршаб покупал только каракучкара, черного барана, оно особой калорийности, вот отчего не пьянеют мужчины за восточным дастарханом, хотя и тут потребляют не меньше, чем где-либо.

Хозяйка дома, увидев, что гость тайком глянул на часы, и истолковав это по-своему, сказала:

— Я уже заложила рис, и минут через десять — пятнадцать подам плов. Пожалуйста, налегайте на закуски, никто еще не притронулся ни к икре, ни к казы, а я так старалась...

— Спасибо, все очень вкусно, — ответил с улыбкой гость, — и плов кстати, сейчас к нам подъедут приятели, они уж точно сметут и икру, и китайские грибы сян-гу, и заливные, и холодные языки, так что не расстраивайся прежде времени. — И он засмеялся, знал, что Салим не предупредил ее о визите банды Беспалого.

— Что же вы мне раньше не сказали, — всплеснула руками Наргиз, — надо поставить приборы вашим друзьям, а то обидятся. — И она выпорхнула из-за стола, поспешила ей на помощь и Мамлакат.

— Повезло тебе с Наргиз, и я одобряю твой щедрый подарок, она стоит таких затрат. Давай выпьем за нее, в этом доме, наверное, еще не раз будет отдыхать наша душа, — сказал прощественно прокурор, вконец успокаивая своего друга. Теперь Миршаб без сомнений был готов идти за ним в огонь и воду.

Едва Наргиз успела расставить приборы для вновь прибывающих гостей, как раздался звонок у железных ворот — Беспалый прибыл минута в минуту, и Сенатор отметил его пунктуальность. Точность, аккуратность, расчетливость прокурор ценил даже выше, чем смелость, риск, отчаянную храбрость, из опыта работы знал, что девяносто процентов преступников попадались именно из-за отсутствия этих трех первых качеств, таким людям он доверял больше всего. Встречать гостей в сад вышел и прокурор, он понимал, что такое установить контакт, когда идешь на столь опасное задание, сам и подвел их к столу. Ничто на нем не напоминало о том, что они уже начали

трапезничать, и высокий гость лишний раз отметил способности и такт хозяйки дома.

Кто знает уголовный мир по нашим книгам и фильмам хотя бы пятилетней давности, то его познания безнадежно устарели. Вряд ли в трех молодых мужчинах, тепло встреченных на дорожке у розария, кто-нибудь по внешнему виду мог заподозрить преступников: милые, обаятельные, на первый взгляд, хорошо воспитанные люди, прекрасно одетые, с неплохими манерами.

Наргиз и Мамлакат и приняли их за таковых, впрочем, и о делах своих поклонников из прокуратуры они мало что знали, на Востоке женщин в дела не посвящают и на груди у любовниц о тяжелой жизни не исповедуются. Да и знай кто их ближе, мог бы сказать, что Сергей — архитектор проектного института, коммунист, активный общественник, заядлый филателист, заботливый семьянин, причастен к другой, тайной жизни? Час назад по заданию Беспалого он угнал от ресторана «Зеравшан» «жигули», причем машину своих знакомых, на ней они и приехали в загородный дом Наргиз.

Другой, Погос, высокий, красивый, волоокий, таких женщины не оставляют без внимания, тоже член партии, служит в Министерстве сельского хозяйства, заведует отделом, по анкетам выглядит прилично. Сейчас как раз оформляет документы на круиз вокруг Европы, а туда, за кордон, у нас выпускают только достойных, особо доверенных. И деньги, что обещал ему Артем за ночную вылазку, были весьма кстати. Какая операция, что придется делать — грабить, убивать, воровать, выколачивать из кого-то должок, украсть у должностного туза дитя — он не спрашивал и даже не думал, знал, что Беспалый зря не позовет и по мелочи пачкаться не станет.

Только третий, Артем, по кличке Беспалый, не был членом партии, не имел высшего образования, зато хранил память о двух сроках отбывания в тюрьме, работал сварщиком в системе «Пиво — воды». На службе особенно в глаза не бросался, но здороваться с ним подбегал первым сам управляющий трестом, не говоря уж о начальниках рангом пониже. Ходила за ним и репутация человека с золотыми руками и светлой головой. Восстанавливал он и не поддающиеся ремонту импортные автоматы, холодильники, всякие поточные линии, установки для

мороженого, иногда за мастерство его любовно называли — Ювелир, но в миру он был больше известен как Беспалый. Кличку он привез с места первой отсидки в Караганде, там в драке, перехватив острую как бритва финку, и остался он без одного пальца. Поговаривали, что в сезон не меньше чем полсотни его личных автоматов с газированной водой работало день и ночь в самых горячих точках Ташкента: аэропортах, автовокзалах и на железной дороге. Теперь Беспалый копил деньги, чтобы купить пай в игорном бизнесе, как между собой дельцы называли комнаты игровых автоматов, заполонившие столицу. Ведя подобный образ жизни, Артем Парсегян нуждался в поддержке, особенно людей из правовой среды, поэтому он очень дорожил дружбой с прокурором и примчался на помощь своему покровителю по первому зову. Сухроб Ахмедович, представив ночных гостей хозяйке дома, широким жестом пригласил за дастархан. Прежде чем сесть за стол, Беспалый оглядел его из конца в конец и, не скрывая восторга, произнес:

— Я затрудняюсь, с чего начать, здесь настоящее поле чудес, и я даже вижу мой любимый салат из молодых ростков бамбука...

— Какие проблемы, дорогой Артем, я видел и для тебя заготовленную коробку в подвале... — перебил Парсегына помощник прокурора.

— Разве дело в подвале, Салим, все есть, такой умелой хозяйки не хватает, — ответил Беспалый, сразу расположив к себе Наргиз.

С приходом запоздалых гостей за столом сразу стало шумно, весело, празднично, оживилась и Мамлакат, прокурор заметил, как она смущается взглядов Погоса, наверное, так откровенно на нее не смотрел еще никто, но он не стал портить настроения инженеру, успеется, и смотрел тот, видимо, на женщин по привычке, не было в его глазах той живинки, страсти, которая отличает подлинный интерес, внимание; он, возможно, не отдавал себе отчета, что перед ним девушка восторженная, несмышлениш, он просто привык к своей неотразимости.

Повеселела и Наргиз, ей нравилось, как молодые люди хвалили закуски, салаты, самсу, аппетит опоздавших к столу словно заразил остальных, и все снова дружно принялись за еду, не особенно налегая на спиртное, Беспалый не пил совсем.

Вскоре Салим с хозяйкой дома подали плов в двух больших ляганах, перед тем как приступить к нему, пропустили еще по маленькой рюмке коньяка, как сказал Сенатор, по последней, после плова пить не рекомендуется, собравшиеся знали об этом.

Когда подали целый поднос разноцветных чайников с зеленым чаем, Сухроб Ахмедович глянул на своего помощника, тот на Наргиз, и женщины незаметно исчезли из-за стола. Сенатор посмотрел на часы и сказал:

— Пора приступать к делу, ночь не резиновая.

— Мы к твоим услугам, шеф, и нет дела, с которым нельзя справиться за осеннюю ночь, будем пить прекрасный китайский напиток и внимательно слушать тебя, — улыбнулся Беспалый, наливая подельщикам в пиалы чай, но те словно по команде отставили их в сторону, как только хозяин заговорил об операции.

— Начну не по-восточному. Сразу, без обиняков, по-русски говоря, с места в карьер, время все-таки торопит. — Сенатор почему-то встал и говорил тихо, но внятно. — Вначале экспозиция. В одной организации в сейфе лежит опечатанный дипломат. Что в нем? То, что интересует и вас, и нас — деньги, драгоценности, они конфискованы в Джизакской области.

— Значит, есть там и жемчуг, армяне-репатрианты с Ближнего Востока весь сбывают его на родину Шарафа Рашидовича.

— Возможно, — спокойно ответил Артему прокурор.

Сам он к жемчугу был равнодушен, предпочитал бриллианты, к тому же знал, что в кейсе нет ни того, ни другого. Отвечая Беспалому, он мельком глянул на своего помощника, как тот среагировал на сообщение о деньгах и драгоценностях в дипломате. Миршаб, как и подобает мужчине, хранил спокойствие, понимая, что прокурор зачем-то решил блефовать.

— Операция с риском, но не сложнее и не опаснее, чем любая другая такого рода, надеюсь, результат оправдает нашу смелость. Как говоришь ты, Артем, кто не рискует, тот не пьет шампанское... Здание, где находится кейс, охраняется, но я его хорошо знаю, работал там когда-то и все рассчитал до мелочей, оттого подробности на месте. Ставки такие: половина ваша, половина наша с Салимом, идет?

— С условием, — вмешался Беспалый, прокурор настороженно глянул на Парсеяна. — Прежде чем делить, одно самое красивое и дорогое ювелирное изделие или жемчужное

ожерелье подарим чудесной хозяйке дома, такой роскошный ужин, внимание стоят презента. — Все дружно согласились с неожиданным предложением.

— На каком этаже находится сейф? — спросил Парсегян.

— На втором. Комната безоконная, поэтому вначале проникнем в холл у лифта, окно там не зарешеченное. После нашего налета хватятся и примут настоящие меры безопасности и усилят охрану. Пока гром не грянет, мужик не перекрестится, так и у нас в стране. А какая разница где, здание всего-навсего четырехэтажное, это ведь не Нью-Йорк — ограбление на пятидесятом или восьмидесятом этаже... А почему, Артем, тебя волнует этаж? — встревожился прокурор, зная, что Беспалый просто так вопросов не задает.

— Да третий день что-то сводит правую ногу, оттого сам за рулем не езжу, возят, боюсь, вдруг прихватит в тот момент, когда придется жать на тормоза. Сказываются бетонные полы штрафного изолятора, первый срок по молодости я оттуда почти не вылазил, дрался с лагерными паханами насмерть, требуя к себе уважения, там за красивые глаза ничего не уступают.

— Да, жаль, конечно, надеемся, пронесет. А на будущее рекомендую слетать на радоновые источники Ходжа-Оби-Гарма. Это на Памире, в Варзобском ущелье, забудешь про свои радикулиты-артриты. Но на всякий случай скажи, смогут Сергей или Погос вскрыть сейф, если с тобой что случится?

— Вряд ли, — сказал неуверенно Беспалый и посмотрел на своих компаньонов.

— Что же вы так, кругом в стране растут комплексные бригады, все совмещают профессии, а у вас непорядок, — вступил в разговор помощник, и все невольно рассмеялись.

— А нельзя ли кого подключить в счет вашей доли, куш все-таки нешуточный? — спросил Сенатор.

— Понятно, что в счет нашей, вы тут не при чем, — задумался Беспалый, потом после тягостной паузы сказал: — Есть один парень, не наш, он из Ростова, полгода как освободился, кликуха Кощей, одни кости да наколки, но ас, рекомендовали авторитетные люди. Он никогда не был в Ташкенте, захотел наши края посмотреть, погреться, да и фруктов, как он говорит, хоть раз в жизни досыта наесться, в тюрьме с витаминами туго, а он провел там треть жизни.

— А он сидел с тобой или с кем из ташкентских? — спросил прокурор, у него уже созрела идея в отношении Кощея.

— Нет, ни со мной, ни с другими ташкентскими он срок не тянул, просто позвонили друзья, сказали, примите на пару недель человека, пусть отдохнет, дело обычное. И насчет дела намекнули, мол, если подвернется, лучше Кощея взломщика не найти.

— Идет, Кощей так Кощей, только не оказался бы он в этот час в стельку пьян или обкурен, — поостерегся прокурор, — отдыхает же человек...

— Нет, он свое уже отпил, нутро не принимает, оттого на фрукты прилетел. Сейчас он в форме, как раз в карты катает по-крупному.

— Прекрасно, тогда по машинам. Артем садится ко мне, и мы забираем по пути к себе ростовского любителя фруктов, а все остальные в краденые «жигули» к Погосу. Если тормознет ГАИ, спокойно остановитесь, Салим скажет, что у прокуратуры кто-то оставил угнанную машину, а вы, мол, доставляете ее хозяину, Сергей назовет адрес и фамилию своих приятелей, эти данные будут и у постового, в таком случае после операции придется доставить транспорт владельцу.

Отъехав на приличное расстояние, прокурор спросил:

— Инструмент в норме, все прихватил? Придется минут на двадцать погасить свет, электрическое хозяйство там у забора, лучше не придумаешь.

— Все в порядке. За то время, что мы с вами не виделись, я заполучил западногерманское, да еще и комплект шведского ручного и электрического инструмента. Фантастика, какая сталь, какие режущие возможности, где же наши Круппы и Золингены?

— Не мешало бы и мне дома, в хозяйстве приличный набор иметь, — сказал прокурор, он действительно был неравнодушен к хорошему инструменту, — нельзя ли и мне достать?

— Скоро не обещаю, но путь подскажу. Я заказал по каталогу одному человеку, регулярно бывающему за кордоном, у вас таких знакомых больше, чем у меня.

— Что ж, это идея, спасибо. Непременно воспользуюсь советом.

Въехали на Луначарское шоссе, и, хотя Парсемян не назвал адреса, прокурор догадался, где находится Кощей, он знал

почти все катраны в городе, а в этом, рядом с правительственной резиденцией, действительно играли по-крупному, и содержал его человек известный, всякого он на порог не пускал. Что ж, если Кощей засветился в самом дорогом катране Ташкента, Сенатора это вполне устраивало, след от татуированного ростовчанина должен остаться ясный. Приехали туда, куда и предполагал прокурор. Когда Беспалый хотел выйти из машины, прокурор удержал его.

— Нет, только не ты, тебя в этот вечер не должны здесь видеть, — сказал он вполне резонно, хотя вложил в предупреждение прежде всего свой интерес. — Пусть зайдет туда этот красавчик Погос. К Кощейю не подходить, научи его подать знак, чтобы тот непременно вышел. Пусть у кого-нибудь стрельнет сотню-другую, это будет его алиби на всякий случай, — опять, говоря справедливо, он преследовал свои цели.

Минут через семь из ворот огромного двухэтажного загородного дома вышел, озираясь по сторонам, франтоватого вида худой мужчина.

— А вот и Кощей, — сказал Артем и поспешил из машины. Они о чем-то долго спорили, Кощей при этом нервно жестикулировал, и Сенатор подумал, что ростовчанин то ли крупно выигрывает, то ли крупно проигрывает, прокурора устраивало последнее, в таком случае он оказался бы покладистее.

Погос не показывался, видно, неохотно давали ему взаймы, зная его замашки. «Денег не дают, но какое надежное алиби сколачивает», — съехидничал прокурор. И в эту минуту Акрамходжаев профессионально подумал, вот если бы Погос или Сергей влипли по одному делу с Беспалым, они бы никогда не показали на Артема, взяли все на себя. Ибо показать на вора в законе равносильно смерти, если и признают сей факт на каком-то этапе следствия, на очной ставке или же на суде откажутся все равно. А ведь наши теоретики-законники даже не учитывают такого сложившегося положения, а оно сплошь и рядом, почти в каждом деле. В тюрьму отправляется всякая шушера, а люди, подобные Беспалому, обретя опыт и положение, больше никогда. А умники-депутаты сидят в своих креслах и строчат законы, давно не владея ситуацией в преступной среде, меняющейся с каждым днем, а мы вынуждены отправлять в тюрьму второй эшелон мелких исполнителей, хотя

виновные продолжают пить шампанское и готовить очередное преступление, зло подумал прокурор о наших законодателях. Он часто забывал, когда и кто он есть на самом деле, путался, ощущая себя сыщиком и вором одновременно, боялся одного, чтобы на каком-нибудь крупном совещании в прокуратуре не брякнуть чего-нибудь такого, что явно выдало бы его с головой.

Задумавшись о несовершенстве закона, запутавшегося между реальностью и теорией, при вечной оглядке и ссылке на судопроизводство и право развитых западных стран, без учета, что наша жизнь ни по каким параметрам не может сравниться с их, разве что мы такие же двуногие, прокурор не заметил, как на заднее сиденье шумно ввалились Беспалый с Кощеем.

— Что-то у тебя водила больно важный, — хлопнул костлявой татуированной рукой взломщик прокурора по плечу.

— Оставь человека в покое, а лучше скажи дяде «здравствуй», он не любит фамильярного обращения, — сказал довольный Артем, видимо, долго пришлось уламывать гастролера.

— Ну вот, снял из игры, когда масть шла, неизвестно, что я с вами иметь буду, а штук пять мимо меня сейчас проехало, и еще вежливость требуют, откуда она появится, если из пасти деньги рвут.

— Заглохни, Кощей, хозяин действительно подумает, нашел какого-то балобола, а я тебя рекомендовал... — Артем сказал без нажима, но Кощей сразу притих, приосанился, дошло до него, что не Беспалый сегодня главный, а этот за рулем.

— Да будет вам, ребята, после катрана с его хохмочками нелегко вписаться, вы словно шпионы важные, детективов по видуку насмотрелись, что ли? — сказал Кощей примирительно.

— Посмотри, пожалуйста, внимательно по карманам, нет ли каких документов с собой, не дай бог случайно выпадут, — спросил предусмотрительно прокурор.

— Я ведь на дело не собирался, ксива с собой. — И гость протянул Артему новенький паспорт. — Еще билет на Ростов есть, — добавил он, шаря по карманам, — я дома туда и обратно купил сразу.

— Бог с ним, с билетом, он не выпадет, — сказал небрежно человек за рулем, он очень хотел, чтобы билет остался в кармане.

Подъезжая к площади Пушкина, Акрамходжаев мельком глянул на часы: все шло по задуманному графику. Прокурор

был убежден, что самое лучшее время для преступлений — промежуток между тремя и четырьмя ночи, этот час он высчитал давно, проанализировав сотни дел, да и на практике убедился.

Время подходило к трем, до цели осталось пять-семь минут езды. Как только они въехали в переулок за старым роддомом, на территорию, примыкающую ко двору прокуратуры, Беспальный засуетился, он догадался, куда они приехали, но вслух говорить ничего не стал. И лишь когда они вышли из машины, он произнес:

— Сухроб, это же республиканская Прокуратура!

— Ну и что, — спокойно ответил прокурор, — Уголовный кодекс не учитывает разницы ограбления банка и прокуратуры.

— Но все же... — с сомнением, нерешительно ответил Беспальный, — такого налета я еще не совершал.

— Вот и прекрасно, появится новый опыт, впрочем, ты, наверное, догадываешься, что и они не готовы к встрече с нами, так воспользуемся своим преимуществом. Если приступаем к делу, мы с тобой пойдем на рекогносцировку, а они пусть дожидаются нас в машинах и сидят тихо, не курят.

Беспальный обошел машины, дал команду и вернулся к Акрамходжаеву, и они вдвоем исчезли в темноте.

— Службу я начинал в прокуратуре, — вводил в курс дела шепотом Сенатор, — и когда нужно было исчезнуть с работы, я никогда не выходил из парадного, таким же образом я поступал, когда опаздывал, так что знание черного хода сегодня сгодится.

Они шли запущенным двором старого роддома, застроенного всякими подсобными и жилыми помещениями, лишь у забора он имел небольшой сад и густо заросший виноградник, принадлежавший хозяевам деревянного флигелька. Днем из окна прокуратуры он заметил, что владельцы строения обрезают и утепляют на зиму лозу.

Большая, устойчивая дюралевая лестница, выпускаемая местным авиазаводом, которой они пользовались, стояла рядом с бетонным забором прокуратуры, ее следовало перенести метров на десять влево, туда, где находилось электрическое хозяйство внушительного здания. Все оказалось на месте, и лестницу доставили вдвоем в нужное место. Ночь стояла малолунная, без звезд, но видимость была. Территория прокуратуры

освещалась хорошо, и пересечь такое пространство незамеченными представлялось рискованным занятием, электричество мешало.

Обдумали ходы дальше. Решили вдвоем перелезть через забор, во двор закинули заранее приготовленную нейлоновую стремянку, ход на территорию туда и обратно был налажен. Прежде чем ступить во владения прокуратуры, Артем сходил за инструментом. Акрамходжаев сам провел Парсегына к энергетическим шкафам здания. Уговорились так: Артем подготовит все для отключения, а выключит Сенатор, он единственный в банде имел оружие и вызвался страховать подельщиков прямо во дворе, мало ли что может случиться, и рисковать дипломатом он не хотел, все выглядело разумно, благородно и получило одобрение Парсегына.

Подготовив щит, Парсегян должен был пойти за Сергеем с Погосом, те при электрическом освещении запоминали оконный проем на втором этаже, где им предстояло выставить стекла и обеспечить дорогу в здание для Кощея. После этого они возвращались в машину и ждали окончания операции. Дальше в дело вступал ростовчанин. Кабинет находился рядом с окном, чуть вправо у лифта, и на двери табличка «Начальник следственной части т. Ходжаев А.Х.», на простейший замок финской фирмы «Бодэ» на входе и систему запоров орловского сейфа у него должно было уйти минут семь-восемь, вот и все, при удаче, конечно.

Проводив Беспалого со двора, прокурор стал дожидаться здесь же архитектора с инженером, щит он выключит, как только они двинутся к зданию. Он еще раз посмотрел на часы, стрелки показывали четверть четвертого. Важно, когда я выключу свет, чтобы охранник спал или дремал, или хотя бы в этот миг смежил веки, открыв глаза, он потеряет ориентир во времени, не поймет, давно ли он заснул и долго ли спал, этих минут, пока придет в себя и предпримет какие-нибудь действия, вполне достаточно, чтобы кейс оказался в руках Кощея, — рассуждал он, удивляясь своему хладнокровию и спокойствию. С Коста он волновался больше, действительно, все приходит с опытом. Философствовать ему долго не пришлось, над забором появилась кудрявая голова Погоса, и Сенатор натянул для сообщника нейлоновую стремянку.

«Дали ли ему взаймы?» — почему-то мелькнула мысль, и прокурор улыбнулся.

Следом за красавчиком появился Сергей, по тому, как они ловко одолели забор, Акрамходжаев понял, что со спортом они дружны и тренируются регулярно. В машине они переоделись, и сейчас оба были в простейших трико и мягких тапочках, у Сергея на шее болтался рулон особой самоклеющейся плёнки. Пленка наклеивалась на оконное полотно, и стекло бесшумно вырезалось, никогда не раскалываясь при этом. Алмазный стеклорез, фонарик, нож-стамеска и моток шелковой бечевки составляли все их снаряжение. Показав окно и прикинув, как к нему удобнее добраться, прокурор вывел из строя щит и мягко подтолкнул парней в спину — вперед!

Имея в одной руке зажженную сигарету, в другой пистолет, он держал на прицеле дверь прокуратуры, именно в ней должен был появиться охранник, услышь он шум во дворе. Чуткое ухо прокурора уловило, как раз, другой, третий что-то хрустнуло, осыпалось под ногами сообщников, штурмующих второй этаж, увидел он краем глаза, как дважды шарил по стене мгновенный луч фонарика, но дверь, ведущая в здание, оставалась запертой. Видимо, милиционер, натерпевшийся за день страха, дремал, время для сна самое коварное. Если он очнется даже тогда, когда в дело вступит Кощей, раздумывая о времени, о том, почему погас свет, не успеет ничего сделать, — рассуждал Сенатор о действиях охранника, и пока рассчитал все верно.

Операция по выемке стекла затягивалась, как вдруг он услышал, как на шелковой бечевке спустили на землю первое оконное полотно, на второе уйдет минуты две, не больше. Прокурор повеселел, и вдруг, когда он пытался закурить новую сигарету, кто-то положил ему на плечо руку... Сенатор хотел резко развернуться и выстрелить, как услышал голос Артема:

— Как дела, шеф? — Они с Кощеем стояли рядом.

Прокурор, пытаясь скрыть страх и волнение, ответил:

— Нормально, по графику. Через две-три минуты они будут здесь, и последний этап за маэстро. — Но потом не вытерпел, все же выговорил: — Вы нарушили операцию, а если сейчас шухер? Все застрянем на лестнице, да еще ты, Артем, со своей ногой, давай марш в машину и никакой самодеятельности. Нас с Кощеем ждать за рулем.

— Правильно говорит мужик, дуй, Беспалый, в «жигули». Нам зрители и аплодисменты ни к чему, — поддержал его ростовчанин.

Они видели, как от здания отделились фигуры. Сергей и Погос побежали к забору, слышно было, как дружки тяжело дышали. Приблизившись, они как в эстафете передали фонарик Кощею.

— Ну, я пошел, — сказал спокойно ростовчанин и трусцой двинулся к зданию, видимо, для него это было делом обыденным. На бегу у него на шее болтался небольшой кожаный мешочек с инструментом.

Прокурор проводил Сергея с Погосом за забор и сказал, что они могут уезжать и ждать их в старом городе, у районной прокуратуры, где он работал. И опять Сенатор занял свою позицию и взял на прицел дверь, но на этот раз не услышал ни одного шороха, не увидел ни одного всполоха фонарика, Кощей действовал как ас, прокурор хорошо видел, как тот исчез в высоком оконном проеме, до цели тому оставалось три шага.

«Неужели через несколько минут сбудется мое желание и тайна многих влиятельных людей окажется у меня в руках?.. — размечтался он. Но какой-то жесткий внутренний голос оборвал сладкие мечты, он шептал: — Возьми себя в руки, будь предельно внимателен, собран, осталось всего лишь пять минут...»

Если он раньше не сводил глаз с двери, то теперь то и дело отвлекался на окно, но Кощей пока не появлялся. Когда, по его расчетам, время уже истекло и он подумал, не случилось ли чего с ростовчанином, и жалел, что не снабдил Кощею оружием, тот появился в проеме окна.

«Ура!» — хотелось кричать прокурору, и он уже не сводил с него глаз, боялся, чтобы не упал, не оступился, не загрохотал чем-нибудь.

Это волнение, азарт, нетерпение подвели Сенатора, он не увидел, как бесшумно открылась дверь, которую он долго держал на прицеле, и на бетонном крыльце появился милиционер. Если днем он долго не мог расстегнуть кобуру пистолета и не помешал Коста пристрелить прокурора Азларханова, то сейчас он держал оружие в руках и был полон решимости исправить свою растерянность, нерасторопность, в таком случае он получал шанс дослужить до пенсии в милиции. Он действительно

дремал, когда выключили свет, но темноту он воспринял совсем иначе, не по логике прокурора-налетчика, сразу достал пистолет, он всю ночь ожидал нападения. Странный дипломат, из-за которого на его глазах убили человека, не давал ему покоя, и, услышав невнятные шорохи на втором этаже, он понял, что делать, и так же потихоньку, как и налетчик, пробрался к двери, чтобы встретить его с добычей.

Как только Кощей с дипломатом в руках появился во дворе, с крыльца раздался окрик:

— Стоять не двигаясь, иначе пристрелю!

Милиционер преодолел две ступеньки низкого крыльца и, держа пистолет навывтяжку, двинулся к ночному грабителю. И в этот момент Кощей услышал, как впереди, у забора, грохнул выстрел, он даже увидел вспышку огня, а сзади, вскрикнув, упал охранник. От неожиданности происшедшего взломщик не сдвинулся с места, хотя видел, как навстречу бежал человек, страховавший его.

— Ну, ты молодец, шмаляешь что надо! — сказал он шепотом, протягивая кейс, а человек по кличке Сенатор вдруг поднял пистолет и выстрелил еще раз — пуля, навывлет пробив голову Кощей, впилась в росший у крыльца дуб.

Прокурор, вырвав дипломат из рук Кощей, подбежал к охраннику и перевернул его на спину, чтобы забрать пистолет, и в этот момент тот прошептал удивленно:

— Сухроб Ахмедович?! — Милиционер хорошо знал всех прокуроров города.

Сенатору ничего не оставалось, как выстрелить еще раз, теперь уже в упор, как Коста днем.

Заткнув за пояс второй пистолет, прокурор побежал к забору, одолев шаткую нейлоновую стремянку, сдернул ее обратно, пригодится еще не раз. К машине он бежал не таясь, знал, что пистолетные выстрелы уже взяты на учет. Беспалый, конечно, догадывался, что происходит на территории прокуратуры, поэтому развернул машину, подогнал ее ближе и не выключал мотор.

Едва прокурор ввалился в салон, он только спросил:

— А Кощей?

Сенатор, хватая ртом воздух, кинул ему на колени окровавленный пистолет, и Артем понял, что означали три выстрела во

дворе. Да и жест «оминь», который сделал сообщник, не оставлял никаких сомнений, и машина рванула с места. Беспалый оценил и тактическую мудрость шефа, отправившего Погоса с места еще пятнадцать минут назад, прорываться сейчас двум машинам было бы рискованно. На перекрестке он чуть замедлил, раздумывая, в какую сторону податься, как прокурор потянул руль вправо и приказал:

— К старому ТашМИ, дурак, сразу выскакивай на обводную дорогу, центр уже перекрыт, у нас эта система блокировки отработана лучше всего.

Едва машина выскочила на обводную дорогу, Сенатор попросил:

— Сбрось скорость, не гони. И останови где-нибудь у арыка, хочу вымыть руки. — И вдруг неожиданно рассмеялся: — Смотри, Артем, оказывается, я до сих пор не выпускаю кейс из рук. — И он перекинул его небрежно на заднее сиденье и после паузы сказал радостно: — И все-таки операцию мы выполнили!

— А Кощей? — грустно спросил Беспалый.

— Побед без потерь, дорогой Артем, не бывает, — философски изрек прокурор. — А доля его святая, я готов и из нашей половины отстегнуть, если друзья его потребуют, — закончил он, тем самым закрыв тему.

А Кощей своей смертью отвечал на более важные, на взгляд прокурора, вопросы: почему и кто выкрал дипломат из Прокуратуры республики?

Утром, даже без обратного авиабилета в кармане, опытный следователь по татуировкам написал бы биографию Кощей, а через час по картотеке установил подлинную его фамилию.

По долгу службы он знал, что в прокуратуре находятся несколько дел по жестоким разбойным нападениям бандитских групп именно из Ростова, они трясли в жарком краю подпольных миллионеров, не брезгуя никакими средствами. И налет выглядел вполне оправданным, да и почерк совпадал, те и другие отличались особой дерзостью, не останавливались ни перед чем. Тем более, если в течение дня следователь выяснит, отбывал ли взломщик по кличке Кощей когда-нибудь тюремный срок с ташкентскими, ответ только упрочит версию, высчитанную коварным Сенатором и подкинутую им сыщикам

родной прокуратуры. И розыск преступников, минуя Ташкент, уйдет за пределы республики, а затем тихо-тихо заглохнет, на что и рассчитывал прокурор, хорошо знавший методы работы правоохранительных органов.

Увидев широкий и полноводный арык, Парсегян остановил машину и вышел вместе с Сенатором, ему тоже следовало отмыть ручку пистолета от крови. Прокурор тщательно, с мылом, вымыл руки, лицо, оттер с рубашки кровавый мазок от пистолета охранника, причесался. Закончив туалет, он сказал:

— А пушку дарю тебе, ты давно искал оружие.

— Спасибо, надежная вещь, — поблагодарил Артем, он знал цену подарка.

— Ну, теперь давай гони, небось нервничают ребята, пора и по домам, скоро им на работу.

Когда подъехали к прокуратуре в старом городе, угнанная Сергеем машина уже стояла там, и парни действительно нервничали. Увидев, как из машины вышел Сенатор с дипломатом, они сразу повеселели, значит, операция удалась, о Кощее они как-то сразу и не вспомнили.

Миршаб, приехавший на тех же угнанных «жигулях», дождался шефа в его кабинете, туда и ввалились они разом. Хозяин кабинета широким жестом метнул тяжелый дипломат на длинный полированный стол для совещаний, вплотную примыкавший к его старинному, двухтумбовому.

Прежде чем вскрыть кейс, он достал из недр своего стола начатую бутылку коньяка, налил себе на дно бокала, а остатки пустил по кругу, оставшееся пили прямо из горла, так велико было нетерпение, напряжение читалось на лицах. Прокурор жестом потребовал нож, и Артем, достав кнопочную финку, срезал шнуры с сургучной печатью прокуратуры. Сенатор попытался улыбнуться и громко сказал:

— Раз, два, три! — И распахнул дипломат.

Сообщники невольно столкнулись лбами, дружно склонившись над кейсом. И вздох разочарования вырвался разом.

— Кощей схватил, видимо, не тот дипломат, — сказал Артем и грязно выругался.

Акрамходжаев молча сидел, обхватив голову руками, большего отчаяния не удалось бы сыграть и Смоктуновскому. Салим, как всегда, проявлял выдержку. Погос готов был заплакать.

— У меня столько долгов, я должен оплатить круиз, а завтра мне еще обещали включить счетчик за карточный проигрыш. — Его положению завидовать не приходилось, каждый из присутствовавших здесь знал, что такое включенный счетчик, он снится только в кошмарных снах.

— Наверное, там был еще один дипломат, сейф-то большой, напольный, а я его не предупредил, Кощей не виноват, он свое сделал, да будет земля ему пухом, — прервал свое театральное молчание прокурор, потом, словно спохватившись, добавил: — Друзья, я виноват, я и беру ответственность на себя. Салим, открой мой сейф. — И, подойдя к Погосу, обнял за плечи. — Не горюй, парень, твоя беда поправима, отдашь долги, не такие мы люди, чтобы бросать своих в беде.

Подойдя к распахнутому сейфу, прокурор достал три банковские упаковки сторублевок — десять тысяч в каждой и бросил их на стол со словами:

— Вот ваша доля, ребята, вы свое дело сделали.

Вмиг повеселели лица у сообщников, а Беспалый обратился к помощнику:

— Салим, нет ли еще бутылки, обмыть щедрый жест шефа?

Тот молча кивнул головой и скрылся у себя в кабинете. Через минуту он вернулся с двумя бутылками коньяка.

— Обидно, Наргиз осталась без подарка, — пожалел Артем, разливая «Варцихи».

Прокурор небрежно захлопнул дипломат и с усмешкой, обращаясь к помощнику, сказал:

— А теперь, Салим, ты должен изучить документы и найти покупателей, но меньше чем за пятьдесят кусков не отдавай, иначе мы действительно погорим на тридцать тысяч. — И кейс снова исчез в сейфе.

Выпив, все заторопились домой, они спешили отдохнуть пару часов перед работой, а для прокурора с помощником дела еще не начинались. Как только сообщники уехали, они закрыли прокуратуру и кинулись снова к сейфу.

— Дешево отделались, я думал, выйдет гораздо дороже, — сказал Салим, доставая кейс обратно.

«Если бы ты знал, чем я заплатил за тайны этого дипломата!» — подумал прокурор, но даже однокашнику, старому

другу, не стал говорить о двух убийствах, которые он совершил всего лишь час назад.

Прокурор сел за свой стол, а помощник, положив перед ним дипломат, намеревался примоститься рядом, как тот неожиданно проговорил:

— Дипломат мы должны вернуть хозяевам утром. — И, взглянув на часы, продолжил: — Но владеть им мы будем еще целых четыре часа, так что ты не особенно расслаживайся...

— Отдать кейс? Зачем же мы рисковали? — растерянно спросил помощник, сегодняшнюю ночь он впервые так часто не понимал своего шефа.

— Не отдать мы не имеем права, из нас просто вытрясут души, сейчас они как раз над этим думают. Помнишь, в начале второй части операции я сказал, что отступить не могу, нас не поймут и не простят, сейчас снова такая же ситуация. Люди, которым принадлежит кейс, так сильны, что нам с тобой и представить трудно, и для них наша с тобой жизнь — тьфу...

— Догадываюсь, я видел, Коста даже сломанный ведет себя как посланник Аллаха на земле.

— Ну, хорошо, что наконец-то понял, с кем мы имеем дело, теперь слушай меня дальше. Мы вернем дипломат, отдадим Коста некоему Артуру Александровичу, по кличке Японец, потому что приперты к стене, но тайной дипломата владеть будем.

— Как же будем, если ты собираешься его отдать? — опять ничего не понимая, спросил Миршаб. Хозяин кабинета терпеливо улыбнулся непонятливости помощника.

— Сейчас ты пойдешь к японскому ксероксу в подвале и будешь снимать копии со всех документов, что я тебе дам. А я прослушаю выборочно вот эти четыре кассеты, — он достал их из кейса, — и на скоростной записи перепишу их. Затем мы снова вложим документы и кассеты в дипломат, опечатаем и вернем хозяевам, которые мечутся сейчас, не зная, что предпринять, хотя догадываются, что я как-то причастен к смерти прокурора Азларханова.

Пройдет время, забудется эта история, тот, кто чуть не допустил утечку информации, не станет предупреждать влиятельных людей, замешанных в деле, не в его интересах, тем более если документы вернулись к нему. А мы с тобой будем

использовать материал по своему усмотрению, но теперь уже находясь внутри той влиятельной компании.

— Значит, Коста и дипломат — наш вступительный взнос в тайный «масонский» орден, по существу, правящий в крае?

— Наконец-то начал снова читать мои ходы наперед, — похвалил он товарища. — Выходит так, но боюсь, что наши партбаи обидятся за сравнение с масонами, но бог с ними. В руках у нас теперь тайна многих из них, и, умело распорядившись ею, где кнутом, где лаской, мы добьемся того, о чем я всегда мечтал, — власти... А теперь, дорогой Салим, прервем сладкие мечты — и за дело. Пожалуйста, принеси из своего кабинета двухкассетный «Шарп», что конфисковали на прошлой неделе, а сам иди в подвал, готовь ксерокс. Минут через десять я передам тебе первые документы.

Он достал бумаги, лежавшие наверху, они оказались расписками и странными ведомостями на зарплату, аккуратно вырезанными из бухгалтерских отчетов. Мельком пробежав страницу за страницей, Сенатор от удивления присвистнул, весьма любопытные фамилии фигурировали в ведомостях, особенно в стопке расписок, видимо, до сих пор тщательно оберегаемых от постороннего глаза.

— Неплохо для начала, — сказал он возбужденно помощнику, вносившему магнитофон в комнату, и показал ему на десятки аккуратно сколотых расписок в получении крупных сумм от некоего Шубарина с инициалами А. А. И тут до него дошло, что Артур Александрович, на немедленной встрече с которым настаивал Коста, и есть Шубарин, по кличке Японец. Фамилия поставила все сразу на место, он уже слышал об этом миллионере, одном из хозяев теневой экономики края, по его душу прикатила в прошлом году ростовская банда, вдруг бесследно пропавшая, хотя приезд ее в Ташкент работники угрозыска по своим источникам-осведомителям зафиксировали в отчетах, знали, сколько их, кто они, ведали и о цели, вот тогда мелькнула фамилия — Шубарин...

Салим, видя необычайное возбуждение шефа, взял стопку расписок, стал машинально листать их и вдруг радостно воскликнул:

— Попался, голубчик, наконец-то!

Прокурор отвлекся от очередной бумаги и спросил с любопытством:

— Кого ты там выловил?

— Тестя нашего обэхаэсника, капитана Кудратова.

— Я же тебе говорил сегодня, что доберемся и до него, просто не ожидал, что и он затесался в эту колоду, валет пиковый... — Прокурор неожиданно для Миршаба выругался, потом, включив магнитофон, добавил: — А там людей повыше тестя Кудратова полно, на такую удачу я и рассчитывал, теперь понимаешь, почему Коста так икру метал, грозил всеми смертными карами, если мы не добудем и не вернем дипломат.

Акрамходжаев подкинул помощнику еще стопку бумаг, которые успел наспех проглядеть, все они безусловно представляли интерес, и Салим с первой партией документов отправился в подвал к множительной установке.

— На всякий случай по три экземпляра, — крикнул прокурор вслед однокашнику.

Слушать записи, даже выборочно, он не стал, неожиданно почувствовал, что у него гораздо меньше времени, чем предполагал, содержимое дипломата уже с первого взгляда представляло огромный интерес и, конечно, требовало более внимательного прочтения, анализа, выборки. А в кассетах, наверняка, комментарии к документам или тайны, не подтвержденные документами, могла быть там и срочная информация, но, как бы там ни было, переписать следовало, и он, сняв звук, включил скоростную запись. На четыре кассеты по инструкции «Шарпа» требовалось восемьдесят шесть минут. Значит, подумал Сенатор, у меня в запасе всего лишь полтора часа, за это время я должен бегло ознакомиться с бумагами в кейсе, а Салим успеть снять с них копии, как только запишется последняя кассета, следует позвонить по телефону, который вручил Коста несколько часов назад.

Сенатор почему-то ощущал смутную тревогу и понимал, что владельцев кейса необходимо успокоить как можно раньше, чтобы они не наломали дров. Прокурор вновь углубился в документы, попадались такие, которые тут же хотелось пустить в дело, но понимал, нельзя, приходилось себя сдерживать; он чувствовал, что обзавелся сверхъядерным оружием, оттого так радовался: тихо повизгивал, похохатывал, притоптывал ногами в восторге...

Салима за ксероксом мучил один вопрос: почему шеф назвал тестя капитана Кудратова, высокопоставленного партийного

аппаратчика, — валетом, да еще пиковым, неужели он еще тайно и в карты катает? Поэтому, вернувшись в кабинет за очередной порцией бумаг, не выдержал и спросил:

— А что, тесть Кудратова действительно катает в карты по-крупному?

— С чего ты взял, что Ачил Садыкович играет в карты, нашел в бумагах его долги? — засмеялся прокурор, видимо, представил того за карточным столом или что Коста включает партийному боссу счетчик.

Теперь настал черед удивляться помощнику.

— Ты же сам сказал — валет пиковый, а потом еще выругался.

— Было дело, — вспомнил Сенатор, — я действительно сказал про него валет пиковый, ты что, до сих пор не слышал это выражение? Оно, кстати, родилось в стенах нашей республиканской Прокуратуры для новейшей классификации преступников, так сказать, особой его касты — валет пиковый — и все становится на свои места. — И шеф пояснил: — Ты, наверное, и сам обратил внимание по нашим делам, если мы раньше имели дело с карманниками, домушниками, угонщиками автомобилей, скупщиками краденого, с фарцовщиками, валютчиками, артельщиками, то вдруг обнаружилась мощная прослойка, не относящаяся ни к одной из ранее известных категорий преступников, — костяк ее составляют партийные и советские руководители, да таких рангов, что людей из правоохранительных органов оторопь берет, когда они натываются на такой айсберг, не знают, куда идти жаловаться и с кем согласовать его арест, случается, что нужно получить добро на санкцию у того, на кого вышел. И наши коллеги из Прокуратуры республики придумали для этой категории лиц шифр — валет пиковый, — и всем сразу становится ясно, какой тип всплыл в деле.

— А я думал, он и в самом деле катает в карты, представляешь, приходишь в какой-нибудь привилегированный катран-салон, а там сидит Ачил Садыкович и химичит особой полиграфией картами. — И оба рассмеялись.

Миршаб забрал очередную пачку документов и вернулся к ксероксу, по тому, как шеф торопился записать кассеты, он понял, что надо спешить. Но валет пиковый почему-то не шел

из головы, нет, он вполне разделял сметку и находчивость коллег из Прокуратуры республики, шифр в десятку, точнее не скажешь. А куда отнести нас с шефом? К королям, тузам пиковым? Куда ни глянь, с отчаянием подумал он, кругом масть пиковая, масть черная. Как говорят русские: вор на воре сидит и воров погоняет. Катимся к какому-то взрыву, обреченно думал рассудительный Хашимов. Он и не надеялся уцелеть от очередного гнева народного, оттого и держал в тайне от шефа в домашнем сейфе пистолет, и жил, пока веревочка вислась, но что-то неясное уже дышало в затылок, мучило в страшных снах, оттого и столь щедрый подарок — дом для Наргиз, хотелось хоть в чьей-то памяти остаться внимательным, добрым, щедрым... «Гуляй, Вася, снова живем!» — как кричал на днях у пивной пьяный мужик.

«Масть пиковая, масть черная», — повторял он вслух, работая с ксероксом, и подумал внезапно, какое точное название для романа о жизни жуликоватых поводырей, дорвавшихся до власти. И снимал он не три копии, как просил шеф, а четыре. Одну лично для себя, на всякий случай, а вдруг разойдутся пути-дороги с Сухробом?

А прокурор тем временем просмотрел еще пачку документов, какую бумагу ни возьми, имела вес, таила в себе тайну, требовала внимательного прочтения, можно было безошибочно размножить все подряд, так он и решил поступить.

На самом дне дипломата обнаружил два больших плотных конверта, они лежали как бы отдельно, и он с новым приливом волнения достал их. Может, в них главная тайна?

С первых же страниц хорошо отпечатанного текста понял, что бумаги эти не имели ничего общего с тем, что он отложил для размножения. Чем больше вчитывался, тем яснее понимал, что это научные рассуждения прокурора Азларханова о нашем праве, о государственном устройстве, юстиции, судопроизводстве, прокуратуре, о законах, которые он предлагал незамедлительно принять. Не зря его называли Теоретик, Реформатор, подумал одобрительно он об убитом коллеге. И вдруг его осенило: так это же готовая докторская диссертация! От радости он встал и заходил по комнате.

Конечно, научный трактат теперь Азларханову ни к чему, рассуждал прокурор, а мне кстати, если я намерен штурмовать

новые рубежи. Доктор юридических наук Акрамходжаев — вполне впечатляет, и к этому титулу вполне подойдет самая высокая должность. Прав Коста, дипломат действительно не имел цены, выходит, он отбил у прокурора свою научную работу.

«Это не для размножения», — решил Сенатор и спрятал оба толстых конверта в стол, подумал, что он и Владыке Ночи об этом не скажет, пусть думает, что шеф такой умный и скромный, втайне докторскую подготовил. Был у него на примете человек, клепавший за солидные деньги докторские, он собирался как-нибудь сделать ему заказ, выходит, хорошо, что не поспешил. Теперь можно было зайти к нему, передать бумаги и откровенно сказать, вот, мол, работал долгие годы, помощи оформить, довести до кондиции, не привнося ничего со стороны, только опираясь на мои труды. За деньги, разумеется, просьба выглядела бы достойной, скромно и со вкусом — прокурор порадовался за себя.

Уже заканчивалась третья кассета, и, чтобы ускорить работу, он сам отнес в подвал остальные бумаги.

— Через полчаса я перепишу монолог бывшего коллеги Азларханова, за это время, я вижу, и ты управишься, умная машина все-таки ксерокс. Мне кажется, мы должны вернуть кейс хозяевам до начала работы, поменьше любопытных глаз будет. Не исключено, что с самого утра поднимут всех нас по тревоге, два трупа во дворе Прокуратуры и взломанный сейф у начальника следственной части, такого я что-то не припоминаю в своей практике.

— Наверняка сегодня объявят еще об одном ЧП, национальном, так сказать, о смерти Рашидова, это тоже коснется нас, — добавил Салим.

— Давай заканчивать, а я пойду наводить контакты с Артуром Александровичем. Интереснейший человек, хотя невольно, даже заочно внушает страх. — И прокурор поспешил к себе, нужно было записать последнюю кассету.

Заправив «Шарп», Сенатор достал записную книжку и открыл страницу с записью Коста. Он уже собрался позвонить, как вдруг подумал, а что если они нагрянут раньше, чем будет вновь опечатан дипломат, ответов в таком случае он не находил, весь риск, да и сама жизнь шли насмарку. Тут спешить следовало осторожно. В одной бутылке, что принес помощник по

просьбе Беспалого, на дне осталось еще граммов сто пятьдесят коньяка, и ему неожиданно захотелось выпить, сдерживать себя он не стал. Нервы были на пределе, а еще предстояла встреча с Шубариным, от того, как она пройдет, в дальнейшем зависело многое. Рассуждая о предстоящей встрече с хозяином дипломата, прокурор и не заметил, как в комнате появился Миршаб.

— У меня все готово, — сказал он и бросил на стол три пачки копий документов.

Акрамходжаев хотел вначале положить их в сейф, но тотчас передумал, попросил помощника спрятать бумаги у себя в кабинете, а сам принялся укладывать подлинники в кейс, тут же «Шарп» выдал последнюю кассету.

Как только они опечатали кейс и спрятали в сейф, шеф взялся за телефон, а помощник пошел в чайхану принести пару чайников чая, а если удастся, и горячих лепешек. Прокурор набрал номер телефона в центре города, несмотря на ранний час, трубку тотчас подняли, словно дежурили. Ответил женский голос.

— Мне, пожалуйста, Артура Александровича, — спросил он как можно спокойнее, беспечнее.

— Одну секунду, кто его спрашивает?

— Прокурор Акрамходжаев. — Таиться не имело смысла, они о нем, наверное, уже немало знали.

— Наконец-то, — радостно вырвалось у нее, потом, спохватившись, она сказала: — Не могли бы вы назвать номер своего телефона, он непременно позвонит вам в течение десяти минут.

Он продиктовал свои координаты. Любопытство брало верх, захотелось ему проверить систему работы Шубарина, и он набрал другой номер абонента на Чилназаре.

Ответили тотчас, правда, говорил мужчина, сдержанно, корректно и почти слово в слово, только спросил, куда позвонить: на работу или домой, телефонами они уже располагали.

Как только появился Миршаб, прокурор сказал:

— Я уже позвонил, они начеку и наверняка скоро будут.

Помощник поставил поднос с чайниками, горячими лепешками и большой пиалой густой домашней сметаны на стол и, как обычно, спокойно обрадовал:

— Мне кажется, они уже здесь, я видел, по крайней мере, три машины, они пронеслись мимо прокуратуры туда и обратно.

— Не было ли среди них белых «жигулей» шестой модели ТНС 85-04? — выстрелил вопросом Акрамходжаев.

— Была, эта-то мне и попалась дважды.

— Они, — сказал прокурор, и в этот момент зазвонил телефон.

Сухроб Ахмедович поднял трубку, настраиваясь на разговор, уселся поудобнее. «Я буду у вас через пять минут» — только и сказал спокойный мужской голос и оборвал разговор.

— Он будет здесь через пять минут, — сказал растерянно прокурор помощнику, хотя тот и сам все слышал, он по привычке держал трубку на отлете. Сенатор сразу отметил, как трудно будет с таким человеком, как Шубарин, захватить инициативу разговора, начало уже было за ним, он диктовал ход событий.

— Не дал и чаю попить, — сказал спокойно Владыка Ночи, — у него, видимо, в машине японская телефонная установка на сто номеров или как минимум связь через систему «Алтай», на которую тоже не всякий имеет выход. Хорошо, собаки, работают! — закончил он восхищенно.

— Помнишь, как не раз в прокуратуре, МВД поднимали вопрос о том, что преступники технически оснащены лучше нас...

— У начальства, да и в ЦК ответ один: начитались зарубежных детективов, теперь, правда, еще и на видеофильмы ссылаются.

— Откуда же им знать про преступность: живут в спецдомах, определенных районах, милиция там дежурит днем и ночью и уголовники обходят эти кварталы стороной, бомбят квартиры рядовых граждан. И карманников, и хулиганов они почувствовали бы сразу, если хотя бы иногда пользовались общественным транспортом, — завелся сразу прокурор, гораздо он был на праведные речи.

Салим вспомнил про надгробный памятник Никите Сергеевичу Хрущеву на Новодевичьем кладбище работы известного скульптора Эрнста Неизвестного, ныне живущего в Америке, тот состоял из двух половинок белого и черного мрамора, так и его друг, не ожидаешь, когда и какой половиной души живет, сейчас, понятно, говорила светлая сторона.

«Попить чаю мы теперь не успеем, разве только с гостем, но до чая там скорее всего не дойдет», — вяло рассуждал

Сенатор, поглядывая на румяную лепешку, как вдруг распахнулась дверь и в комнату вошел человек.

— Здравствуйте, — сказал он с порога и, подойдя к столу, протянул руку. — Шубарин Артур Александрович.

Назвались и хозяева кабинета. Впрочем, вошедший безошибочно определил сразу, кто есть кто, видимо, описали их подробно и профессионально.

Сенатор пытался вспомнить, где видел этого собранного волевого человека, в котором чувствовались одновременно интеллект и сила, качества столь редкие, как и подобное словосочетание. На собраниях партийного актива в ЦК? Хотя вряд ли. Если откровенно, такой тип людей ему не встречался вообще, а первоначальная ложность восприятия от того, что он при виде вошедшего спутал реальность жизни с кино. Да, да, он видел его, видел в разных лицах в десятках полицейских фильмов, что собирал специально в своей фильмотеке. Наверное, прокурор не удивился бы, заговори Шубарин по-английски.

Конечно, что-то неуловимо выдавало принадлежность его к партийной элите, номенклатуре, к касте, в которой находился и сам прокурор, имел он этот штамп, пусть не ясно выраженный, истершийся, но имел, наверное, того требовала жизнь, само его существование, но в остальном, в манерах, экипировке, внешности и даже походке человек был иного круга, для которого и классификации нет, ибо нет людей, а есть редко встречающиеся экземпляры с невероятно выраженным чувством достоинства, проявляющегося во всем, — вот такой человек и сидел перед ним.

— Извините за столь ранний визит, прокурор, — начал гость сразу без восточных экивоков, хотя, вероятнее всего, знал и традиции, и ритуал, — но обстоятельства, к которым вы, видимо, случайно оказались сопричастны, требуют того, чтобы вы прояснили кое-что, а в лучшем случае помогли. — Шубарин говорил ясно, ничуть не смущаясь кабинета, где он находился и где его могли записывать, зная о визите. Видимо, хорошо ведал, к кому обращается, или настолько был уверен в своей силе и власти людей, стоящих за ним, что ранг прокурора не производил на него впечатления.

Наверное, внезапный гость, как и сам Сенатор, в эту ночь не сомкнул глаз, но по его внешнему виду этого не скажешь,

хотя они были, кажется, ровесниками. Человек, сидевший перед прокурором, несомненно обладал большой энергией, волей и терпением, лишь слабая, едва обозначенная ниточка морщинок под глазами говорила о бессонных часах, да и сами глаза порою выдавали огромную напряженную работу, которую он сосредоточил на себе. Он походил на пружину, готовую разжаться с огромной силой, с таким партнером всегда следовало держаться начеку.

Безукоризненно выглаженная бледно-голубая рубашка, однотонный на американский манер галстук, со скромным, но многозначимым парижским оттиском «Карден» на нижнем поле. Светло-серого цвета костюм с едва заметной голубой полоской известной английской фирмы «Дормей» и туфли «Рейнбергер», мягкие, на низких каблуках, вишневого цвета в тон галстука — все говорило Сенатору, что они отовариваются из одних и тех же источников, да и там это все не каждому дают, прокурор знал расклад, потому что торговая база «Узбекбрышу», куда поступает дефицит из дефицита, и зачастую по прямым договорам, находилась на его территории.

Черт возьми, он выглядит и держится так, словно пришел на званый ужин, а хозяин дома — его крупный должник, позавидовал Сухроб Ахмедович и выдержке гостя, и его умению подать себя.

Медлить дальше было нельзя, молчание становилось неприличным, следовало отвечать, и отвечать напрямую, любые уловки только запутали бы его самого и подорвали к нему доверие, которого он желал добиться, тем более сегодня Шубарин встретится с Коста, а тот доложит все как есть, но не хотелось сразу выкладывать все карты..

— Так получилось, что я случайно оказался свидетелем, как молодой человек по имени Коста не сумел отобрать дипломат у бывшего прокурора Азларханова и сам попал в руки милиции. Я догадался, что документы в кейсе представляют интерес или денежный, или политический, а скорее всего и то, и другое, иначе какой был смысл так рисковать собой и тем более убивать человека из органов правосудия, возмездие тут последует однозначное и шансов на помилование никаких. Чисто абстрактно я подумал, вот если бы завладеть мне тайной дипломата, но это виделось нереальным. Мне понравился

Коста, его отчаянность, чувство долга и преданность своим хозяевам, и в какой-то момент у меня мелькнула мысль, что смог бы спасти его, это казалось мне по силам.

Сухроб Ахмедович нервничал и попросил жестом помощника налить чай.

— Я не понимаю мотивов вашего поступка, — направил разговор в нужное русло Шубарин, — вы вполне преуспевающий прокурор, профессионально ценитесь высоко, не бедны... Есть шанс сделать карьеру. Зачем вам симпатизировать профессиональному преступнику и тем более желать спасти его от справедливого наказания?!

«Кто из нас прокурор? — подумал, ощущая дискомфорт, Сенатор и понял, в каких жестких руках он оказался, тут, как Коста, следовало служить до последнего вздоха, других, видимо, близко не подпускали.

— Спасибо, лестно слышать аттестацию из уст такого человека, как вы, Артур Александрович. Но вы ошиблись в одном, главном, не имел я шансов по-настоящему сделать карьеру, не смог найти ходов ни к Верховному, ни к его приближенным. Людей, недовольных своим положением, — тьма, я один из них...

— Что ж, спасибо за откровенность, и вы решили заполучить Коста, чтобы добиться расположения его хозяев?

— Если честно, то да. Но, видимо, следует учесть, что вчера я спас и ваших ребят из белых «жигулей», по городу уже была объявлена облава на эту машину, и они вряд ли об этом предполагали, не рассчитали возможностей полковника Джураева.

— Мы оценили ваш жест и ожидали, что вы вступите с нами в контакт.

— С кем? — искренне удивился хозяин кабинета. — С ветром в поле? Машина вполне могла быть угнанной или с фальшивым номером.

— Логично, вполне. Но в конце концов вы вышли на нас, и у вас, к нашему изумлению, оба номера телефонов, которыми пользуются в экстренных случаях, откуда при вашем полном неведении эти данные?

«Не знает, что Коста у меня?» — удивился еще раз прокурор, а вслух сказал:

— Коста дал мне эти номера.

— Значит, Коста у вас? — от неожиданности Шубарин привстал.

— Да, я же сказал: почувствовал, что выкрасть его мне по силам, и сделал это.

— А мы решили, что поздно вечером его все-таки забрали в тюрьму, и каялись, что опоздали всего лишь на час, поверили медсестре, чисто сработали. — И после паузы, наблюдая, как прокурор наслаждается произведенным эффектом, добавил: — В вашей расторопности есть резон, я имею в виду утренний звонок, опоздай вы с ним еще на полчаса, я не знаю, чем бы закончился инцидент, мои ребята уже около часа крутятся возле прокуратуры. Теперь для меня многое прояснилось, и я, с вашего позволения, дам отбой, ведь там, на улице, не знают, как идут здесь дела, и не дай бог у кого-нибудь сдадут нервы и ворвутся в окно с автоматом.

— Вы всерьез? — позволил себе улыбнуться прокурор.

— Вполне, в окно за вашей спиной, это по плану. — И, не дожидаясь ответа хозяина кабинета, негромко сказал: — Ашот!

И тотчас в комнату вошел угрюмого вида мощный парень, он наверняка стоял в тамбуре двери. Спортивная куртка на узкой талии выпирала. Сенатор сразу понял, что это пистолет.

— Ашот, а ты единственный оказался прав, прокурор Акрамходжаев не такой уж плохой человек, как уверяли меня многие, и против нас он не таил зла, наоборот, он спас Коста.

Что-то наподобие радости, ликования мелькнуло на секунду на угрюмом лице, но Ашот успел унять свой восторг.

— Пожалуйста, дай отбой и отправь ребят домой, а мне занеси дипломат, что заготовили с вечера.

Ашот вернулся быстро, и они продолжили разговор.

— Вы сказали, что Коста дал вам телефон, наверное, он настаивал на немедленной встрече со мной? — спросил Шубарин, буравя глазами прокурора, и в них не читалось ни симпатии, ни признательности, ни жалости, и все это походило скорее на допрос, чем на разговор равных, особенно теперь, в присутствии Ашота, расстегнувшего куртку. И только сейчас Сухроб Ахмедович понял, что он подписал бы себе смертный приговор, не выкради он кейса или вовремя не поставь Шубарина в известность о том, где он хранится — тут пощады не знали, не стали бы колебаться, как Беспалый перед Прокуратурой.

И все-таки отвечать даже на самые неприятные и жесткие вопросы хорошо, когда знаешь, что ответы устроят экзаменатора. И поэтому он отогнал неожиданно навалившийся страх и ответил спокойно, взвешивая слова:

— Да, Коста настаивал на встрече с вами, угрожал. Но время было позднее, и вам без моего участия все равно ничего сделать бы не удалось, даже взорви вы Прокуратуру, как он предлагал. Мой звонок означал бы лишь предложение на сотрудничество, а точнее, единоразовый контакт, а не сотрудничество на равных. Другое дело — добудь дипломат я сам, это давало мне право на определенное место среди вас, на достойное отношение ко мне, я бы не хотел особого диктата над собой, этим я сыт по горло.

Сенатор видел, как Шубарин весь напрягся от волнения и с трудом сдерживал себя от желания задать вопросы, так и просившиеся на язык.

— Я, как и вы, располагаю определенной силой и решил все-таки добыть дипломат сам, хотя вначале и считал это для себя неприемлемым. Коста убедил меня, что в кейсе находятся бумаги чрезвычайной важности и они касаются даже тех, кто завтра может занять место Шарафа Рашидовича, и я подумал, что не имею морального права подводить таких людей, вносить сумбур в сложившуюся кадровую политику. Кроме этого, он открыто сказал, что мне не простят малодушия, остановки на полпути.

— Дипломат у вас? — не сдержался гость, наверное, впервые в жизни, по крайней мере во взрослой ее части.

— Да, кейс у меня, в надежности и сохранности, — ответил как можно беспечнее Акрамходжаев и увидел, как на глазах меняется Шубарин, словно на фотонегативе проявляется на нем усталость долгого дня и долгой ночи. «Как много сил, воли надо иметь, чтобы так держать себя в руках», — восхищенно подумал Сенатор и откинулся на спинку кресла, внутренне торжествуя, наконец-то он сломал Шубарина.

Ранний гость сидел некоторое время молча, слегка ослабив узел своего карденовского галстука, потом поднял голову, и Сенатор вновь увидел прежнего Шубарина, минутный шок прошел, он снова взял себя в руки и в прежнем духе спросил:

— Где дипломат? — Вопрос не сулил ничего хорошего в случае отказа или промедления. Прокурор это понял сразу,

почувствовал, как напряжился за его спиной парень по имени Ашот.

Но прокурор ни тянуть, ни отказывать не собирался, поэтому сказал помощнику.

— Салим Хасанович, пожалуйста, откройте сейф.

Звякнули ключи, появился из стальных недр невзрачный дипломат венгерского производства, и прокурор чуть привстал с места и толкнул его по полированной поверхности длинного стола для совещаний, кейс благополучно застыл перед Артуром Александровичем.

Шубарин положил на него руку, словно раздумывая о чем-то, и потом вдруг не то спросил, не то сказал:

— Сегодня ночью во дворе Прокуратуры прозвучало три пушечных выстрела, это из утренней сводки МВД.

— И нашли два трупа, — закончил прокурор. — Такова цена дипломата, мы потеряли там хорошего залетного человека.

Хозяин кейса кивком головы попросил Ашота вскрыть дипломат, и тот, как совсем недавно Беспалый, тоже вынул кнопочную финку и срезал шнуры с сургучной печатью. Шубарин слегка приподнял крышку, достал верхнюю стопку бумаг, знакомые прокурору расписки на крупные суммы, тут же вернул их на место и сказал:

— Наш дипломат.

Ашот без всякой команды подал Шубарину другой, более изящный, с цифровым кодом, лакированный, бычьей кожи атташе-кейс.

— Буду откровенен, как и Коста, документы в дипломате представляют особую ценность, одним они могут сломать карьеру, другим жизнь, а большинству сулят неприятности и потерю доходов. Поэтому вы без обиняков должны назвать сумму, я не буду торговаться, ваш риск того стоит. — И он щелкнул замком кода.

— Я отдаю вам дипломат, возвращаю Коста и не настаиваю ни на какой денежной компенсации, вы же сами сказали, что я не беден..

— Отказываетесь от такой суммы? — гость распахнул крышку атташе и развернул его к прокурору, он до краев был заполнен деньгами в банковских упаковках.

— Деньги я могу найти доступными мне средствами, — сказал неопределенно прокурор, не глядя на плотно уложенные пачки купюр, он понимал, прими он вознаграждение, Шубарин и его друзья посчитают себя квитыми, но не на это рассчитывал Сенатор.

Возьми он деньги, не смог бы толком распорядиться и бумагами из кейса, сразу стало бы ясно, откуда ветер дует, понятно, где источник. Японца не проведешь, документы лучше шли бы в ход, если бы он сам принадлежал к масонскому ордену, как выразился насчет шубаринской компании Миршаб.

Настойчивость, с какой прокурор отказался от денег, несколько смутила Артура Александровича, он допускал восточный такт, традиции, где ничего не делается откровенно, в лоб, где и узаконенную взятку не берут как должное, всяких он тут навидался — и дающих, и берущих, но чтобы отказаться от такого вознаграждения, даже не поинтересовавшись, сколько там, для него оказалось внове, и он с интересом посмотрел на прокурора.

«А я всегда думал, что у восточных людей стремление к высоким должностям одно — чем выше сидишь, тем больше берешь. По крайней мере, так вели себя те, с кем я знался до сих пор», — рассуждал Артур Александрович и понимал, что встретил иной тип восточного человека, в чем-то напоминавший его самого. Деньги — серьезная проверка, и он выдержал ее.

— Извините, Сухроб Ахмедович, я неверно понял вас, — сказал вполне искренне Шубарин. — Но мой жизненный принцип — всякая стоящая и ответственная работа должна щедро вознаграждаться. Если деньги для вас в данном случае не являются мерой оплаты, я найду способ отблагодарить вас и думаю, что отныне вы можете рассчитывать на мою помощь и на покровительство моих друзей. Своим поступком вы уже выразили отношение к нам.

Еще раз извините за жест с деньгами, наверное, для вашего искреннего порыва помочь уважаемым людям наше желание откупиться, бросить кость, показалось обидным, оскорбительным, я недооценил вас... В связи со смертью Рашидова у моих друзей есть шанс занять его место и наверняка произойдут крупные кадровые перемещения, и для вас, безусловно, найдется достойное место...

— А кто, на ваш взгляд, заменит Рашидова? — вырвалось у долго молчавшего Миршаба.

— Скорее всего, это будет секретарь Заркентского обкома партии, старый друг Шарафа Рашидовича, но не меньше шансов и у другого человека — Акмаля Арипова, известного аксайского хана, тоже близкого приятеля Рашидова, он двигает на этот пост двух знакомых вам людей, оба они из Ташкента. Вот — кто-нибудь из трех, других претендентов я не принимаю всерьез, но к любому из них у нас есть ходы, не волнуйтесь, на этот раз вы поставили на верную карту. — Гость достал из верхнего кармашка пиджака визитную карточку и протянул ее прокурору, считая разговор оконченным, заключил: — Наверное, мы встретимся с вами завтра на похоронах Хозяина?

— Вы переоценили мои возможности, у меня нет приглашения, и вряд ли кто мне его предложит.

— Ну, это не проблема, Анвар Абидович взял для меня у распорядителя два, и оба без фамилий, заполните их на свое имя с Салимом Хасановичем, пусть для многих не покажется неожиданным ваше повышение. — Он протянул на прощание руку хозяину кабинета и в последний момент спохватился: — Мне хотелось в столь непростой день нашего знакомства сделать вам какой-нибудь памятный подарок, чисто символически, пожалуйста, примите эти часы, они даже там, на Западе, редкие, они будут означать, что вы наш человек. — Шубарин снял с запястья «Ролекс» и передал прокурору, тот не посмел отказаться, жест был столь искренен, дружествен, щедр.

Так эти роскошные швейцарские часы «Ролекс» оказались у Сенатора.

ЧАСТЬ II

«Лас-Вегас»

*Завтрак в тени бронзового вождя. Парк в стиле «ретро».
Досье на генерала КГБ. Харакири по-самурайски.
Коллекционер подметных писем. Троицкий как кумир. Зеленое
знамя ислама.*

Хан, обожавший кличку «Гречко». Тайное досье аксайского Креза. Забытые развлечения римских патрициев. Лифт для черной «Волги».

Королевство кривых зеркал. Двое в шевровых сапогах. Двойник обладателя двух «Гертруд». Одиссей и Пенелопа. Плата за убийство — канцелярская папка. Жилет из кевлара. Двойной агент из Верховного суда. Жуликоватые поводыри.

Табиб, специализирующийся на смерти. Восточный Распутин.

Поезд несся в ночи, грохоча на стыках плохо уложенных и безнадзорных путей, вагоны то мотало в стороны, то кидало в такие ложбины, что казалось, состав сейчас выскочит из колеи или же не впишется в какую-нибудь кривую, но мало кто об этом думал, все привыкли и к качке, и к тряске и, наверняка, считали, что так и должно быть, потому что иного не видали и не представляли, что есть другие железные дороги.

Но Сенатор знал и другие поезда, и другие дороги, однажды он экспрессом Москва — Вена проехал по Австрии, а возвращался домой через Восточный Берлин, тоже на колесах, вот тогда он понял, что такое железная дорога и каким комфортным может оказаться путешествие по ней. Он не сравнивал дороги Австрии и Германии с путями Среднеазиатского отделения Министерства путей сообщения СССР, не располагал таким беспечным настроением для анализа, а толчки и мотания не мог не замечать, потому что его то и дело било то об стенку, то об стол, на столешнице все подпрыгивало, звенело, переезжало из края в край.

Нужно было вздремнуть хотя бы два-три часа, но сон не шел, и при такой неритмичной качке, когда его раз за разом кидало на тощую перегородку, вряд ли удастся уснуть, он теперь и со снотворным засыпал трудно и не всегда. Воспоминание о знакомстве с Шубариным подняло настроение, в трудные дни своей жизни он теперь всегда отыскивал Артура Александровича, и полчаса разговора с ним наедине за чашкой ли чая, за рюмкой ли коньяка действовали на него, как сеанс опытного гипнотизера, экстрасенса. Удивительное спокойствие, хладнокровие, рассудительность, которыми так

ярко обладал Японец, передавались запутавшемуся в делах собеседнику, и Артур Александрович всегда находил выходы из любых ситуаций, пока он ни в чем не подводил его, а со дня смерти Рашидова прошло уже почти три года.

— Три года... — сказал вслух нараспев прокурор, ощущая их такими долгими в своей жизни. Он взял чайник и направился в коридор за чаем, теперь он понял, что спать ему сегодня не придется. Попросив проводника заварить покрепче, он заодно справился о ходе поезда, скорый шел по графику, и ничего пока не вызывало тревоги. Он любил работать по ночам, и помощником в ночных бдениях всегда служил чай. Хозяин вагона постарался и заварил такой, какой требовался, и он вновь провалился памятью в три последних года, показавшиеся ему такими долгими, хотя они были годами взлета, о котором он так страстно мечтал.

Ко времени похорон Рашидова страна уже год жила с Юрием Владимировичем Андроповым, человеком, знавшим истинное положение дел в государстве. Среди многих неблагополучных районов державы его внимание привлекал и Узбекистан. Еще в бытность свою председателем Комитета государственной безопасности он знал, что американцы вели аэрофотосъемку нашей территории и каждый раз с поразительной точностью прогнозировали виды на урожай. В американских, да и в других зарубежных источниках не раз уже появлялись данные о том, что в Узбекистане ежегодно приписывают около миллиона тонн хлопка. В подтверждение слухов в стране как раз вспыхнул постельно-бельевой кризис, и это при сборе в девять миллионов тонн! Наверное, это и послужило последней каплей терпения многолетнего воровства.

Не было в Москве ни одного серьезного ведомства, ни партийного, ни советского, ни одной значительной газеты, куда бы простые дехкане из республики и коммунисты, не променявшие совесть на подачки, не писали открытым текстом об обмане государства, о повальных хищениях вокруг. Уже намечались дела, позже названные «хлопковыми», появились в республике первые следователи из Москвы, но еще ничто не предвещало ни грома, ни молнии, никто не предполагал ни масштабов миллиардных хищений, ни огромного количества людей, замешанных в них, ни уровня должностных лиц, причастных к казнокрадству.

Прогноз Шубарина оказался верным, Рашидова сменил человек Акмаля Арипова. Аксайский хан на поверку оказался сильнее, чем думал друг Японца. В первую же осень преемник Рашидова тут же приписал очередной миллион, на меньшее рука уже не поднималась.

Сенатор, человек расчетливый и осторожный, удивлялся беспечности, царившей вокруг, никто не верил в серьезные перемены, а они должны были грянуть по одной простой причине: страна неудержимо скатывалась к кризису — экономическому, экологическому, политическому, межнациональному, финансовому, печальный список подобных явлений можно было перечислять до бесконечности. И он пошел ва-банк — напечатал в партийной газете серию статей, передал редакции многолетние размышления убитого прокурора Азларханова о правовом государстве, которым мы так и не стали, о многих сложностях и противоречиях, накопившихся в крае. Статьи вызвали шок в республике, смелость суждений, неординарность взгляда говорили о новом мышлении, принципиальности автора, широте охвата проблем, такой оценки действительности и перспективы не позволял себе еще никто.

Неделю у него на работе и дома обрывали телефоны, друзья удивлялись, спрашивали — откуда на тебя нашло? Он отвечал кратко — наболело! Не было только серьезной реакции сверху, но и она вдруг последовала, на одном крупном совещании генсек Андропов высказал мысли, очень созвучные статьям Сенатора, вот тогда его впервые и пригласили в ЦК.

Там в долгой беседе с одним из новых секретарей ЦК он признался, что публикации, вызвавшие столь бурный интерес в республике, — из его докторской диссертации, которая уже несколько лет из-за обстановки в стране лежит в столе. С докторской, то есть с двумя украденными папками прокурора Азларханова, по решению ЦК ознакомили ведущих правоведов республики. С учетом небольших замечаний ему предложили защиту докторской в стенах местной академии. Так через год он стал доктором юридических наук. Правда, надо учесть, что идею встретиться с прокурором новому руководителю ЦК подал секретарь Заркентского обкома партии, а того, естественно, попросил об этом Шубарин.

Продвинулся он за год со своим помощником и по службе, получил высокое назначение в Верховный суд республики,

о нем заговорили как о крупном перспективном юристе, прочили завидную карьеру, хотя он знал, что это Японец щедро рассчитывается за дипломат и за Коста, наверное, у него появились и новые резоны в отношении своего нового протеже. Шубарина трудно было разгадать, хотя казалось, почти всегда он говорил в открытую, не скрывая своих намерений. Присутствовал он и на банкете по случаю защиты докторской, поздравляя наедине, сказал, что подобную широту и демократичность взглядов на наше право имел и убитый прокурор Азларханов. Сенатор не понял ни тогда, ни после, одобряет ли он его взгляды или намекает на что-то иное. Отделался Сенатор тогда общей фразой:

— Идеи принадлежат всем, витают в воздухе, важно их публично обнародовать, застолбить свой приоритет.

Медленно, но твердо страна шла к переменам, наводя порядок и в самых верхних эшелонах власти. И вдруг — болезнь и неожиданная смерть Андропова, жестко взявшегося вывести в державе казнокрадство, взяточничество, землячество, коррупцию, бесхозяйственность и разгильдяйство, начавшего чистку в партии.

Но назначение последующим генсеком бывшего приближенного Брежнева говорило об откате политики на прежние позиции. Как возрадовались приходу к власти безликого Черненко — не высказать, не было только бурных митингов и манифестаций в его поддержку, хотя они прошли в душах крупных чиновников и власть имущих. В те дни по долгу службы Сенатор приходил несколько раз в ЦК, какое ликование видел он на лицах, восторг нельзя было спрятать, а ведь там работали люди, хорошо владеющие собой. Как переменилось вдруг отношение к нему самому, его в упор никто не видел. В иных глазах он читал откровенно: «Ну что, писака, прошли твои времена? Свободы, демократии, правового государства захотел? Верховенства закона над партией?»

В те дни он долго не мог найти Артура Александровича, собирался даже поехать к нему в Лас-Вегас, где пока еще находилась его основная резиденция, но Шубарин словно чувствовал настроение своего нового друга, нагрязнул как-то поздним вечером домой, и проговорили они тогда до полуночи.

— Не паникуй... — говорил Шубарин, как всегда, спокойно и взвешенно, — помнишь ленинскую работу «Шаг вперед и два

шага назад»? Сейчас у нас произошло нечто подобное, условно, конечно. Государству не миновать перемен, и даже радикальных, поверь мне, я владею экономической ситуацией в стране, она плачевна, абсолютно нечего предложить внешнему рынку, все допотопно, громоздко, нефтедоллары проели, пропили, а новые не светят. Экономика: пустые прилавки и обесцененные деньги толкнут страну к политическим реформам. Но мысли, что вы успели высказать при Андропове в своих нашумевших статьях, давно уже живут в народе, его интеллигенции, просто вам удалось их раньше других обнародовать, оттого они попали в подготовленную почву, вызвали резонанс, легли на душу гражданам.

Людям из аппарата, к коим принадлежите и вы, до сих пор не было свойственно высовываться без указания, жить и творить анонимно — вот их кредо. А в вас увидели живого человека, личность — это любят массы, но не приемлет аппарат. Оттого он так дружно и молниеносно выразил сегодня свое отношение к вам. Но они просчитались и на этот раз, путь демократизации общества и создание правового государства — единственное, что выведет страну из тупика кризисов. Народ любит опальных князей, и вы еще пожнете плоды своей популярности от нынешней немилости аппарата, поверьте мне.

И по существу нашего беспокойства со сменой власти в Кремле — насколько я знаю, ваши теоретические изыскания в области права и ваша частная жизнь и устремления несколько разнятся, как утверждают писатели, знатоки человеческих душ, автор и его литературный герой — не одно и то же. Оттого, я думаю, душевного разлада вы не испытываете. Москва далеко, и пока у власти Черненко, почти все решается здесь, в Ташкенте. Ваша карьера и благополучие зависят от конкретных людей, очень многим обязанных вам, не будем же мы каждому аппаратчику объяснять ваши особые заслуги.

Разговор с Шубариным внес спокойствие в душу, он даже выработал после встречи с ним особую тактику поведения, демонстративно подчеркивая кое-где, что он находится в опале у верхних эшелонов власти, но это не мешало ему занимать довольно-таки значительный пост в Верховном суде и жить прежней жизнью, хотя с тех пор с Беспальым не грабил по ночам ни банков, ни сберкасс, ни подпольных миллионеров,

подробным списком которых располагал, и этот список-досье у него пополнился, когда он внимательно разобрался с бумагами убитого прокурора Азларханова. Документы те, как сложный роман, следовало читать по многу раз, всегда отыскивались новые подробности, детали. Иная информация поворачивалась вдруг совершенно неожиданной стороной, а какие связи, ответвления они таили и предполагали, только многое нужно было достраивать самому, логически вычислять варианты. Видимо, Азларханов готовил материалы в спешке и все-таки рассчитывал прокомментировать их куда шире, чем сделал он это в магнитофонных записях, не исключено, что он сам предполагал вести столь скандальное дело. Интереснейший получился бы процесс — почти в каждой очной ставке предстал бы сам бывший прокурор Азларханов, ему пришлось бы на суде быть и свидетелем, и обвинителем одновременно, и в этом случае вряд ли кому-либо из преступной шайки, включая министров, секретарей ЦК и обкомов, удалось бы выскользнуть на свободу, крепкой хваткой и профессиональным умением обладал скромный теоретик, на поверку оказавшийся и лучшим практиком.

Сухроб Ахмедович так вжился в роль опального демократа, что позволял себе время от времени письменно рассылать редакторам газет и журналов предложение написать для них статью, обзор, комментарии. Уже одно название или тема бросали в дрожь и ужас руководителей прессы, и они, под всякими надуманными предлогами, любезно отказывали или навязывали совершенно безобидные проблемы, якобы волнующие редакцию, в общем, случалось то, на что и рассчитывал коварный Сенатор. Заполучив желанный ответ, он подшивал его в специальную папку и при случае показывал коллегам, друзьям, доказывая, что ему не дают дышать, развернуться его научной мысли, закрывают дорогу в академию, в стенах которой он так блестяще, «на ура», защитил докторскую, вот уж куда метил дальновидный ночной взломщик с дипломом юриста.

Внимательный и верный помощник Миршаб, тенью двигавшийся по службе вслед своему патрону, в те дни как-то отметил про себя: «Если он раньше хотел быть сыщиком и вором в одном лице, что, впрочем, ему блестяще удавалось, то теперь к этим двум ипостасям он хотел еще — угнетать и защищать угнетенных одновременно, душировать свободу и быть

ее глашатаем». Поистине, шеф поражал даже видавшего виды Салима Хасановича.

То, что Артур Александрович оказался абсолютно прав в своих прогнозах и выводах, подтвердил и факт следующего продвижения Сенатора по службе. Да-да, еще при жизни верного ленинца Черненко, при том самом аппарате, который, казалось, проявлял к нему немилость и не давал дорогу. Со смертью Брежнева кадровая чехарда, как смерч, пронеслась повсюду, особенно при Юрии Владимировиче Андропове.

Преуспел в кадровых перемещениях и Черненко, или, точнее, те, кто стоял у его кровати, не миновала эта эпидемия и Узбекистан, тут перестановки происходили куда чаще, чем где-либо. Каждое утро, открывая газету, обыватель злорадно интересовался, ну, посмотрим, кого сегодня скинули. И не проходило дня, чтобы его любопытство не удовлетворилось.

Продвижение Сенатора по службе обошлось без помощи и протекции Артура Александровича, он в это время находился во Франции, отъезжая, шутил — хочу встретиться с Карденом, хотя прокурор понимал, дай встретиться двум деловым людям и не мешай, выиграли бы обе страны, особенно советские покупатели.

Освобождалось место заведующего административным отделом ЦК, он узнал об этом случайно, впрочем, о таких вакансиях не трубят в трубы, делается, как и делалось, в тиши, келейно. Знал Сенатор и кто метит на замещение, знал и от каких людей зависит назначение; должность эту он давно примерял на себя, в последнее время, прослав просвещенным и широко мыслящим юристом, и впрямь уверовал в свою исключительность. Шансов теоретически не имел никаких, тем более без помощи Шубарина. И тут он вспомнил про бумаги Азларханова, в его документах при удачной комбинации находился путь ко многим людям у власти, умело шантажируя, можно было рассчитывать на их поддержку. Но пользоваться взрывоопасным материалом напролом он не решался. Появился предлог насторожиться пытливому Японцу, он сразу вычислит, что прокурор ведет нечестную игру, догадается, что есть копии с тех документов, что выкрали из Прокуратуры республики. Играть с огнем не следовало, Ашот, да и тот же Коста, давно восстановивший форму в лучших клиниках и на

курортах страны, выколотят любые признания если не у него, то у Салима, опыта им не занимать.

Но он не хотел упускать момент, когда еще подвернется такая благоприятная ситуация сделать карьеру, подобные места не каждый день освобождаются, можно вакансию прождать всю жизнь. Сенатор умерил бы свой пыл, довольствуясь креслом в Верховном суде, если бы знал, что на постах выше сидят люди широко образованные, с высочайшим интеллектом, благородные не только в душе, но и в поступках, наверное, таким-то людям он не стал бы поперек дороги. Но ведь он знал карьеру почти каждого высокопоставленного лица, кто за ними стоит, откуда они родом, на ком женаты сами и с кем породнились детьми, какими приблизительно капиталами располагают, кто за них пишет книги и докторские, умные статьи и доклады, кого они покрывают, тащат наверх, и тех, кто покровительствует им.

Два дня, в субботу и воскресенье, они вместе с Салимом не выходили из дома, словно пасьянс, раскладывали документы из дипломата и так и эдак, час за часом прослушивали записи Азларханова, искали вариант, который никак не должен был насторожить Японца, но тщетно — все представляло определенный риск, беспроигрышный расклад не выстраивался. В понедельник утром Миршаб, оставшийся ночевать в особняке прокурора, приводя в порядок разбросанные по столу документы, обратил внимание на одну ведомость по выдаче зарплаты с особо крупными суммами, они ее изучали уже десятки раз, не фигурировала там ни одна искомая фамилия, не виделось хода к тем, кто решал судьбу назначения.

— Сухроб! — позвал он из другой комнаты злого, не выспавшегося друга. — Посмотри, пожалуйста, вот эту фамилию, не родной ли это брат нашего уважаемого Тулкуна Назаровича?

«Назаров Уткур» — увидел в ведомости Сенатор. Они оба хорошо знали, что на Востоке родные, единокровные братья часто живут под разными фамилиями.

— Нет, Тулкун Назарович — ферганский, это всем известно, а ведомость из другой области, — ответил огорченно прокурор.

— А знаешь, где отец Тулкуна Назаровича начинал свою карьеру и десять лет был там секретарем горкома и лишь на старости смог вернуться в Фергану, а точнее в Маргилан,

а ведомость как раз получается из тех мест. Не стал, наверное, он, уезжая оттуда, оставлять особняк кому-нибудь, все-таки у него семь сыновей, Уткур Назаров, видимо, и есть старший брат.

— Любопытно, любопытно, — сразу повеселел хозяин дома, — если так, я прижму этого партийного бонзу. Ты сегодня же должен выехать на место и осторожно набрать материал на него, если, конечно, он родственник уважаемого Тулкуна-ака.

Вечером того же дня Салим позвонил домой шефу и радостно сообщил, что они верно взяли след, и обещал завтра вернуться не с пустыми руками.

— Ай да Салим! — восхищался Сенатор товарищем, на удивление жене, даже открыл шампанское и поднял за него тост.

Вот он, вариант без риска, хотя ниточку они дернули все из тех же бумаг, теперь он крепко прижмет к стенке спесивого вельможу и Шубарину заодно нос утрет. Работая в Верховном суде, он сам мог располагать материалом на его братца, если прежде на него заводили дела, да и почему бы ему не взять под микроскоп родню этого босса, если от него зависело назначение на столь высокий пост, — логика железная, да и Миршаб наверняка привезет материал достаточный, и ссылаться на ведомость из шубаринской кормушки не придется.

Помощник появился на следующий день к концу работы. Войдя в кабинет, он сказал шутя:

— Еще не обжили как следует кабинет в Верховном суде, а придется перебираться в Белый дом...

— И всего-то на третий этаж, — ответил в тон шеф.

— А ты хотел сразу на пятый? — спросил помощник, и они вместе рассмеялись.

Салим расстегнул портфель и бросил на стол три казенные папки с кратким, как выстрел, обозначением — «Дело», две из них были старые, из плотного картона, с хорошим ясным тиснением, вероятнее всего, записи в них велись еще чернилами, до эры шариковых ручек. Третья, самая толстая, заведена год-два назад, и фамилия «Назаров» на обложке писалась добротным фломастером. Сенатор не проявил к папкам никакого интереса, даже брезгливо отодвинул их на край стола, ему все стало ясно, но он на всякий случай спросил:

— Что, умен, талантлив, невероятно изворотлив братец Уткур?

— С чего ты взял! Прimitивен до раздражения. Обычная схема для нашего края: один брат идет работать в правоохранительные органы, другой в партийный аппарат, третий в советский, а остальные занимают хлебные должности: на мясокомбинате, на лесоскладе, винно-водочном заводе, торговле, строительстве, автотранспорте, нефтебазе и тянут, что только могут. Да при такой страховке со всех сторон, абсолютной безопасности и самый осторожный станет тащить день и ночь. Потом, как ты знаешь, такие люди рождаются с себе подобными, если в клане нет выхода на прокуратуру, они найдут его через молодоженов, в каждом доме и жених, и невеста найдутся, которые никогда не пойдут против воли родителей. Говорят, однажды Уткур Назарович похвалялся, что на всей длинной цепи проверок и контроля, в каждом звене у него есть родня, она и предупредит его заранее, и не заметит того, чего не надо, и защитит, если потребуется. Уткур возглавлял там в разное время три особо чтимые на Востоке места: мясокомбинат, лесоторговлю, а в последние годы и по сей день — крупный автокомбинат с парком междугородных автобусов, автобазой рефрижераторов и большегрузных автомобилей-дальнобойщиков, место даже почище, чем мясокомбинат вместе с винзаводом.

Два старых дела, это когда он возглавлял мясокомбинат и лесоторговлю, замяли старые сослуживцы и выдвиненцы отца, хотя не обошлось и без помощи Тулкуна Назаровича, он тогда в народном контроле республики работал, его заключение дважды и спасло вороватого братца Уткура. А третье дело завели уже при Юрии Владимировиче Андропове, и вряд ли бы он выкрутился, но изменилась обстановка в стране в связи с приходом Черненко, к власти вернулись многие друзья и коллеги отца. Но самое большое влияние на ход дела оказал наш общий ныне друг Шубарин. Все до одного водителя забрали свои заявления о том, что директор автокомбината облагал их непомерной данью за каждый рейс. Видимо, крепко поработали Ашот и Коста с друзьями, шоферы — народ вольный, упрямый, и то сдались, дружно сказали, что оговорили директора за принципиальность и твердость.

Время поджимало, и они решили действовать безотлагательно. Сенатор набрал по вертушке четырехзначный номер телефона Тулкуна Назаровича и довольно-таки твердо просил

принять его утром. На вопрос, по какому поводу и почему такая спешка, ответил туманно: «Не телефонный разговор...»

Старый и многократно проверенный прием заставить человека волноваться, думать, что же это за тайна, что нельзя ее доверить телефону.

— Дожал ты все-таки его, и первый ход за тобой, мог при его замашках и амбиции и отмахнуться от встречи, — сказал Салим, как только шеф положил трубку.

— Да я припру его к стенке не только из-за должности, карьеры, а еще и для того, чтобы они всерьез считались со мной. Такие люди понимают только силу, грубую силу, а мы сегодня с тобой при общем хаосе и растерянности вокруг могли как никогда.

Направляясь в Белый дом, он проанализировал свою первую встречу с Шубариным после налета на республиканскую Прокуратуру, так же тщательно оделся и так же жестко запланировал строить разговор, жать до последнего и дать понять, что он всерьез и надолго решил перебраться в здание на берегу Анхора.

Проговорили они час пятнадцать минут, возник момент, когда важный хозяин кабинета даже порывался выставить нахального шантажиста за дверь, но тот начал выдавать такие подробности, что Тулкун Назарович сразу перешел на примирительный тон, а в конце концов, добитый, устало спросил:

— Чего вы хотите, чего добиваетесь?

— Я бы не хотел, чтобы меня несправедливо оттесняли от должностей, — сказал он веско и с достоинством и тут же сам похвалил себя за ответ. Уроки Шубарина и общение с ним пошли на пользу.

— Разве служба в Верховном суде не устраивает вас? — удивился хозяин кабинета.

— Я признателен, что вы высоко оценили мое сегодняшнее положение, но я знаю, что моя кандидатура не рассматривалась здесь ни на один серьезный пост, я не числюсь у вас даже в резерве. Разве это справедливо? По-партийному? Я спрашиваю вас как коммунист коммуниста. Я — доктор наук, человек с большой практикой, наверное, вам и мои взгляды на правовую реформу известны, они широко обсуждались в республике.

— В каком отделе вам хотелось бы работать в ЦК? — спросил хитрющий Тулкун Назарович, поняв, куда клонит шантажист.

— Я знаю, у вас сейчас вакантно место заведующего Отделом административных органов... — небрежно бросил Сенатор.

— Это сложно, мы сейчас рассматриваем две кандидатуры, есть и за, и против, — начал уклончиво хозяин кабинета.

— Вот вы и предложите третью, в ситуации, обозначенной вами, будет выглядеть вполне объективно, вашу кандидатуру и рассматривать будут иначе, — польстил он на всякий случай, чувствовал, что тот ему пока не по зубам и лучше с ним разойтись полюбовно.

Уходя, оставил для ознакомления три папки с делами его брата Уткура с новейшими комментариями к ним, над которыми они с Салимом трудились всю ночь, было над чем призадуматься, на выводы и предложения они не скупилась. Приложил прокурор к делам и кучу анонимных жалоб, которых в достатке привез с собой помощник, все они писались с глубоким знанием жизни вечного директора Назарова.

Через три недели, когда Артур Александрович вернулся из Франции, он тут же позвонил Сенатору, решили обмыть новое назначение, возвращение из Парижа, долго уговаривали друг друга, на чьей территории встретиться. Шубарин приглашал к себе домой, прокурор настаивал у себя. Спор разрешил Салим. Он тоже собирался отметить свое повышение. Впервые за долгие годы работы вместе с прокурором они разъединились. Хашимов остался в Верховном суде, и должность шефа перешла к нему автоматически, на этом настоял Сенатор в разговоре с Тулкуну Назаровичем. Чтобы пойти на такой шаг, они долго размышляли и решили, что держать под контролем дела в Верховном суде важнее всего, все-таки последняя инстанция, суд — венец правосудия. Тут и дела крутые, и цены — отведи от вышки иного дельца, и миллион в карман за один заход. А как это делается, они знали. Нанимают журналистов и прочую пишущую братию до суда, которые со слезой в голосе пишут о жестокости советских законов, о гуманности, присущей и отличающей социалистическое общество от всего мира, что не наказание искоренит преступность, а воспитание, сострадание, любовь — полный набор социальной и нравственной демагогии, которой нас пичкают газеты последние двадцать лет.

После таких газетных выступлений самое время спустить на тормозах любое дело, где намечалась исключительная мера, и миллион в кармане, и прослывешь гуманистом, человеком либеральных взглядов; миллионы и имели в виду, оставляя Хашимова на работе в Верховном суде.

Миршаб предложил отметить три важных события в жизни каждого из них в доме своей любовницы Наргиз.

— У Наргиз? — переспросил Шубарин, он всегда должен был четко знать, куда идет, и страховал себя не хуже, чем иной заокеанский президент.

— Там, где находился Коста, — пояснил прокурор.

— Ах, у Наргиз, — сразу вспомнил тот, — которая так чудесно фарширует перепелок паштетом из печени, Коста с ума свел моего помощника в Лас-Вегасе, рассказывая о кулинарных чудесах хозяйки дома. Он заинтриговал и меня, у Наргиз я согласен..

— Вы все равно нигде, кроме ЦК, не бываете без сопровождения, без телохранителя, смените сегодня Ашота на Коста. Когда Ашот рядом, забываешь, что ты свободный человек, хозяин своей судьбы, сильная личность.. — И оба невольно рассмеялись.

— Впрочем, дорогой Сухроб, не идеализируйте Коста, за его приятными манерами, внешним обаянием, кавказской велеречивостью и галантностью скрывается человек куда более жестокий, чем мрачный Ашот, — неожиданно проронил патрон, то ли запугивая, то ли предупреждая на всякий случай.

Шубарин высказался, как всегда, неопределенно, таинственно, зловеще, с чем Сенатор уже вынужден был свикнуться. Гадать и читать мысли Японца оказывалось бесполезным делом, все могло проясниться в самый неподходящий момент.

За богато накрытым столом у Наргиз Артур Александрович, поздравив Сенатора с высоким назначением, все же чуть позже, выбрав момент, немножко попенял, то ли за самостоятельность, то ли за чрезмерную жесткость, он так и не понял за что. Скорее всего за то, что он чуть не наступил на интересы одного из давних друзей и покровителей самого Шубарина.

— Ну, ты, Сухроб, даешь, брать за горло самого Тулкуна Назаровича — это же беспредел, как выражается Ашот. Надо, милый, чтить авторитеты, ты же на Востоке живешь...

Сенатор, словно не понимая, ответил:

— Дорогой Артур Александрович, откуда же я мог знать, что уважаемый Тулкун Назарович ваш давний друг, вы не особенно широко вводите меня в их круг. Да и ждать я не мог, вы далеко, наслаждаетесь в Париже, гуляете по Елисейским полям, а вакансия могла и тью-тью, меня они в расчет не принимали. Вот я и решил напомнить о себе, взял кое-кого, и не его одного, — откровенно блефовал Сенатор, — от кого зависело сие назначение, под микроскоп, результаты превзошли все ожидания. Я думаю, что и вы всегда так поступаете, когда становятся поперек дороги...

— Не осуждаю, я просто поражен вашей хваткой, целеустремленностью, припереть с первого захода к стенке такого скользкого и тертого пройдоху, — задача не для дилетантов.

— Спасибо, Артур Александрович, — перебил прокурор.

— В чем-то, наверное, вы и правы, я думаю, вы заставили их считаться с собой. И, если откровенно, они не могли дожидаться меня, чтобы выяснить, какие истинные намерения у вас, чего вы хотите, чего добиваетесь?

— Какие уж цели, Артур Александрович, — поспешил успокоить Сенатор, — друзья моих друзей для меня святы, ничего дурного я не затевал против него, да и других тоже, я хотел одного, чтобы со мной считались, поняли, что и мое время пришло.

— Да, твое время пришло, и давай выпьем за твое здоровье. — Говорил на этот раз Шубарин ясно, подтекста никакого не вкладывал, Сенатор чувствовал.

Через два месяца после прихода Сенатора в Отдел административных органов ЦК умер генсек Черненко, и вновь залихорадило партийный аппарат и руководство в республике — какой курс дальше возьмет Кремль? С первых шагов нового генсека Горбачева стало ясно, что он продолжит начатое Андроповым — обновление и оздоровление общества, временно прерванное его болезненным предшественником. Курс на перестройку объявлялся программным в действиях партии. И сразу же к Акрамходжаеву стали поступать предложения из газет и журналов выступить у них на страницах. Одним он вежливо отказывал, ссылаясь на занятость, для других, центральных, партийных, подготовил несколько публикаций, благо, работы

из украденного дипломата позволяли освещать немало проблем, накопившихся в крае.

Изменилось к нему и отношение аппаратчиков. Повсюду, куда бы он ни приходил, с ним вежливо здоровались, раскланивались, улыбались, в иных глазах он опять читал откровенное: «Ну что, дождался своего времени, писака? Опять застрочил в газетах о проблемах и перегибах, будто мы их не знали. Посмотрим, посмотрим, как далеко пойдут ваша гласность и демократия, куда выведет плюрализм мнений, обещать да развенчивать авторитеты мы все горазды...»

Честно сказать, интерес, усилившийся к его личности, несколько испугал Сенатора, аппаратное кредо: твори и властвуй анонимно — ему было ближе по душе. Но, как говорится, палка о двух концах, иного пути, как временно прогнать и подняться, не представлялось, да и слухи, популярность наверняка пригодятся, когда он надумает стать академиком, тогда уж на пятый этаж замахнуть не грех, не боги горшки обжигают... Чем он хуже ставленника Акмаля Арипова, занявшего пятый этаж? Да ничем, видятся, встречаются же каждый день.

С приходом нового генсека работы у Сенатора прибавилось, видимо, со злоупотреблениями, хищениями, коррупцией, приписками в республике решили разобраться окончательно и безвозвратно. С каждым месяцем увеличивалось число областей, где начинали работать следователи, число их росло в геометрической прогрессии, они полностью занимали старую гостиницу ЦК на Шелковичной. Такой наплыв опытных криминалистов сам по себе становился опасным, потому что выпадал из-под контроля.

Сенатор всячески старался помочь следователям, заботился об их быте, питании, вступал при возможности в личный контакт с каждым, ибо только таким путем он мог догадываться о направлениях и масштабах проводимой работы, о ее перспективах.

Но наверху царил беспечность, никто всерьез не воспринимал огромный отряд приезжих следователей, скорее всего по аппаратному опыту рассчитывали на очередную кампанию, — ну, пересаживают две-три сотни председателей колхозов, сотню директоров хлопкозаводов, еще тысячу людей рангом пониже, к чьим рукам тоже прилипла золотая пыльца

с хлопковых миллионов, на том, мол, и покончат, и все пойдет по-прежнему.

Обеспокоенный размахом следствия в республике, Сенатор направил стопы к Тулкуну Назаровичу. Он понимал, что когда-нибудь его могут обвинить в сговоре с московской прокуратурой, в предательстве интересов своего народа, гибели его лучших сынов, цвета нации, знал, что на высокие слова и громкие эпитеты в таком случае не посядут. Демагогия — еще до конца не оцененное оружие, на Востоке им блестяще владеют. Нет, он не хотел ни за кого отвечать, он, как прежде, хотел быть сыщиком и вором в одном лице, душить свободу и быть ее глашатаем.

Тулкун Назарович сразу оценил его тревогу и в сердцах выпалил:

— Да, проглядели мы тебя, раньше следовало двигать, наверное, при твоей хватке они бы не очень разгулялись у нас.

В тот день они долго совещались за закрытыми дверями. Хозяин кабинета даже отменил назначенные заранее встречи, никого не принимал, не отвечал на телефонные звонки, дело действительно не терпело отлагательства. К ночи они выработали стратегию по сдерживанию, а при возможности и дискредитации тех, кто прибыл в край навести порядок.

Через несколько дней запустили пробный шар, в одной из газет вышла статья под заметным названием: «Кому, если не нам, наводить порядок на отчей земле?» Под публикацией стояла подпись Хашимова, теперь уже крупного работника Верховного суда республики. Газетный очерк имел дальний прицел — выявить истинную расстановку сил в крае, он затрагивал не только тех, кто приехал в длительную изнурительную командировку с мандатом от Генеральной прокуратуры, но и тех, кого партия направила на постоянную работу в правоохранительные органы, да и на другие ключевые посты, где все поросло взяточничеством, землячеством, кумовством, коррупцией.

Миршаб ничего не отрицал из того, что почти ежедневно появлялось то в центральной, то в республиканской печати. Факты, события, суммы, фамилии, должности поражали своей дикостью, наглостью, масштабностью, полным разложением большинства власть имущих в крае — этого он не оспаривал, даже давал им жесткую оценку, не расходящуюся с

официальной точкой зрения. Отмечая заслуги людей Прокуратуры СССР, проделавших гигантскую работу, он тут же исподволь излагал стратегию, выработанную коварным Сенатором и прожженным политиканом Тулкун Назаровичем. Она вкратце выглядела так: «Сами наломали дров, сами и разберемся». Конечно, рецепт так примитивно не подавался, Миршаб постарался, пошла в ход изощренная демагогия, наподобие «народ очистится от скверны сам», «негоже, чтобы в нашем доме друзья наводили порядок, а мы стояли в стороне». Смысл читался между строк: «мы и сами с усами», «разберемся и без помощи пришлых свидетелей».

Как и рассчитывали стратеги, статья нашла и своих горячих сторонников, и противников тоже. Даже появилось несколько подборок-отзывов, где весьма осторожно, чтобы не чувствовалась рука дирижера, цитировались строки в поддержку: «народ очистится от скверны сам», «без помощи извне», «созрел».

Но, как бы там ни было, все выглядело пристойно, демократично. На время слава Миршаба затмила даже нарастающую популярность Сенатора, он говорил то, что хотели услышать многие. Его и услышали, статью перепечатали почти все газеты в республике, включая и районные, на многих крупных совещаниях стала мелькать мысль, не пора ли свернуть работу пришлых следователей, когда у нас огромная армия своих высококлассных юристов.

В статье Миршаба уделялось много внимания уличной преступности, квартирным кражам, угонам автомобилей, террору карманников и рэкетиоров, но за всей этой заботой таилась изощренная цель — отвести следователей от должностных преступлений, отвести руку Правосудия от верхнего эшелона казнокрадов. Тулкун Назарович даже отписал в Москву петицию, по старым шаблонам, в которых изрядно поднаторел, мол, народ хочет своими собственными руками навести порядок в доме.

Ответ оказался обескураживающим, не вкладывался в сложившуюся годами логику. Порыв трудящихся и юристов приветствовался и поощрялся, но, чтобы быстрее очиститься и приняться за созидательный труд, предлагались дополнительные силы со всех краев страны. Но Тулкун Назарович с Сенатором, судя по делам и программам нового генсека, на

иной ответ не особенно рассчитывали, хотя надежды брезжили: а вдруг? Чем не демократический жест: сами воровали — сами разбирайтесь!

Но и не считали, что зря поработали, вселили заметную нервозность в среду людей, занятых расследованием преступлений в крае, кое у кого отбили охоту копать глубоко, кое в ком поселился страх, а люди, приехавшие на постоянную работу, почувствовали зыбкость и ненадежность своего положения, поняли — тут им не простят ни малейшей ошибки.

Новое окружение Сенатора на службе, растерявшееся от быстро сменяющихся событий, не уверенное в завтрашнем дне, инстинктивно тянулось к нему, державшемуся уверенно, с достоинством. Уроки Шубарина он закреплял день ото дня, и тягу эту к себе он тоже использовал: одних успокаивал, другим обещал содействие, у третьих ловко выпытывал то, что ему требовалось. Оттого для него не оказался неожиданным вызов на пятый этаж, где в узком кругу следователи по особо важным делам поставили вопрос об аресте заркентского секретаря обкома, да-да, того самого, который еще совсем недавно метил в кабинет, где сейчас решалась его судьба. Для всех без исключения, включая и самого преемника Рашидова, решение Москвы оказалось неожиданным. Сенатор читал недоумение на онемевших от страха лицах, лишь он один оказался готов к случившемуся, правда, и он не ожидал, что начнется с покровителя Шубарина.

Несмотря на строжайшую конфиденциальность разговора в кабинете первого секретаря ЦК, Сухроб Ахмедович сразу связался с Шубариным в Лас-Вегасе и попросил вечером непременно быть в Ташкенте.

Странное Сенатор испытывал чувство, узнав о решении арестовать секретаря обкома Тилляходжаева, он... радовался, да-да, радовался, хотя и знал, Анвар Абидович во многом определил его судьбу, но сейчас он не принимал этого во внимание, он давно где-то вычитал, что сердечность, сострадание, жалость — чувства, излишние для политика. А с точки зрения политика и дальних его целей повод для радости, для шампанского представлялся значительный. Прежде всего, устранялся будущий конкурент, потому что Тилляходжаев, насколько он знал, не оставлял своих претензий на власть

в республике. Секретарь Заркентского обкома обладал опытом партийной работы, говорят, имел крупные связи в Москве, владел огромным состоянием, прокурор догадывался, что золота тот накопил больше, чем кто-либо в крае, и уступал разве что аксайскому хану.

Но кроме положения, богатства, связей он имел в друзьях Шубарина, Японца, тайная власть которого в крае не была до конца понятна даже самому Сенатору. И такой конкурент устранялся сам собой, ни забот, ни хлопот, ни денег, ни выстрелов, разве не повод для шампанского из подвалов Абрау-Дюрсо, тут, наверное, не грех откупорить и французское «Гордон Верт» из запасов «Интуриста». Но это только один повод для радости и шампанского, а второй казался ему даже более значительным.

Шубарин терял главного покровителя, которому долго служил верой и правдой и считал его хозяином. Представлялся шанс, правда очень трудный, тонко дать понять Артуру Александровичу, что он так высоко взлетел и собирается отныне покровительствовать ему. Затея представлялась Сенатору не на один день, он понимал, кого хотел подмять под себя, но игра стоила свеч — прибрать к рукам Шубарина означало заодно и тех людей, которые много лет состояли у него на содержании. Разве такой расклад и перспектива не повод для радости, улыбок, шампанского, тут и сплясать не грех, думал он, мысленно готовясь к разговору с Шубариным.

Вечером Артур Александрович объявился в доме Акрамходжаева, он уже знал, что прокурор по пустякам не отвлекает, значит, что-то стряслось и требовало его участия. Хозяин дома встретил гостя приветливо и внешне мало походил на озабоченного проблемами человека, и это понравилось Японцу, он уважал людей сдержанных. Гостя ждали и встретили накрытым в зале столом, бывал он здесь не часто, но регулярно, и хозяйка дома запомнила вкусы и привычки необычного среди друзей мужа человека, он единственный не приходил в дом без цветов и без подарков, причем всегда изысканных и редких, и ей было приятно хлопотать, когда муж предупреждал ее — сегодня у нас будет человек из Лас-Вегаса. Когда они перешли на время в домашний кабинет прокурора и удобно расположились друг против друга в добротных,

мягких кожаных креслах с высокими спинками, хозяин дома некоторое время театрально молчал, словно взвешивая, стоит или не стоит говорить, или, точнее, хотел показать, как важно то, что он сейчас скажет.

— Я должен раскрыть вам, — наконец-то заговорил он, — секрет государственной важности — сегодня принято решение об аресте Анвара Абидовича...

Компаньон принял новость по-мужски, только чуть заскрипела хорошо выделанная бычья кожа прекрасно сохранившегося старинного австрийского кресла.

— Когда это должно произойти? — как всегда, рассудительно спросил собеседник, наверняка стремительно считая варианты, связанные с неожиданной новостью.

— Наверное, недели через две, должны согласовать с Москвой, все-таки впервые арестовывается человек такого уровня и обвинение ему предъявляется серьезнейшее. Уверен, его арест и в Москве, и в стране вызовет не меньший шок, чем у нас. Вы бы видели лица тех, кого ставили в известность, зрелище не из приятных. Многие сегодня не уснут спокойно...

— Я догадывался об этом и предупреждал его, — сказал вдруг Шубарин, — как только арестовали его свояка, начальника ОБХСС области полковника Нурматова, чья жена давняя любовница Анвара Абидовича.

— Вы думаете, оттуда пойдет главный материал обвинения?

— И оттуда тоже, за год до ареста, случайно узнав, что и полковник копит золото, Анвар Абидович отобрал у него двенадцать килограммов собранного, большей частью в царских монетах. Нурматов долго этого не мог пережить, хотя и знал, что свояк без ума от монет.

— Силен обэхаэсник, решил конкуренцию самому хозяину области составить, они, наверное, все такие, я тут потрянул одного, молодого да раннего, правда, он еще капитан, — прокомментировал прокурор, вспомнив Кудратова.

— Когда полковника арестовали, я предложил отравить его, был у нас один шанс, Анвару Абидовичу позволили встретиться с ним, как-никак родственник. Он должен был угостить свояка сигаретой, а через сутки тот бы неожиданно скончался, и ни одна экспертиза, тем более наша, советская, с ее допотопным оборудованием и средствами, не установила бы причины.

Но он пожалел Нурматова, больше того, сказал, что спасет его. Он и встретился с ним, чтобы заручиться согласием, что освобождение полковник оплатит из своего кармана, сумма тут шла на сотни тысяч, хозяин расценки знал.

— Не один он не понимает, что времена изменились, и еще как круто поменяются, — сказал неопределенно хозяин дома, разливая поданный к разговору чай.

— Я так и сказал, что нынче времена другие, нет ни вашего друга Леонида Ильича, дочке которого вы дарили каракулевого манто, нет и всеильного Шарафа Рашидовича, любившего и опекавшего вас, и зять бывшего генсека, хотя и генерал-лейтенант, и второй человек в МВД, и за миллион не вытаскивает Нурматова из петли, потому что занялись полковником не только следователи по особо важным делам Прокуратуры СССР, но следователи КГБ, а им предлагать взятки — все равно что нырять в кипящее масло.

— И что он ответил на такую откровенность?

— Сказал, что я еще не знаю силы и мощи партийного аппарата, где он не последний человек, впрочем, его трудно было в чем-то переубедить, особенно в последние годы, когда тесно контактил с семьей Леонида Ильича.

— И что, он совсем не внял, говорили вы все-таки убедительно, особенно насчет следователей КГБ, по его делу тоже присутствовал человек оттуда, вы как в воду глядели, — пытаюсь прояснить для себя кое-что, хитро обронил хозяин дома.

— Освобождение полковника Нурматова он считал себе по силам, и я его особенно не отговаривал от этой затеи. Мне лично Нурматов был глубоко несимпатичен, и судьба его меня не волновала. К себе я его и на дух не подпускал, хотя он всячески стремился сблизиться. Однажды он попытался взять меня за горло, не вышло. Хотел, пользуясь мундиром, испытать на испуг, и я не стал жаловаться хозяину на самоуправство свояка, хотя Тилляходжаев догадывался, что между нами пробежала черная кошка. Но я показал ему, что его ждет, приехал среди бела дня на работу и вывез его прямо из кабинета, натерпелся он страха на всю жизнь. Меня всерьез беспокоила судьба самого Анвара Абидовича, может, я старомоден, сентиментален, но я обязан ему многим и не хотел уходить в сторону при первой беде хозяина. Убедить

в грозящей опасности мне его все-таки не удалось, но кое-что я все-таки предпринял, на будущее, так сказать. У него большая семья, шесть детей, уже пошли внуки.

— Да, двое его сыновей заканчивают юридический факультет нашего университета, — вставил свое слово прокурор, давая понять, что и он хорошо осведомлен о семье человека, недавно претендовавшего на место Шарафа Рашидовича.

— Толковые ребята, раз в месяц непременно обедаю с ними в чайхане на Бадамзаре. Мы с Анваром Абидовичем решили, что они останутся в Ташкенте. Каждому я помог приобрести кооперативную квартиру в респектабельном районе, есть у них и загородные дома, купленные отцом на подставных лиц еще пять лет назад, будущее молодых людей мы успели все-таки продумать. Но я не об этом хотел сказать. После ареста полковника Нурматова я попросил его ссудить миллион одним моим знакомым, затеявшим крупное дело и имеющим надежное прикрытие, заверил, что этот миллион и будет страховать его семью, что бы с ним ни случилось. Отдавая «лимон», он автоматически становился первым пайщиком и на одни проценты с оборота мог обеспечить даже своих малолетних внуков. Тут он не стал упираться, наверное, подумал — какая разница, где они лежат. Он был неплохой экономист и в последние годы не жаловал бумажные деньги, может, оттого расстался с ними без сожаления, зная, что они обесцениваются с каждым днем. Как бы там ни было, пока я жив, его семье не придется бедствовать, даже если он, несмотря на его колоссальные связи, и не сможет вырваться из беды, в которую попал...

И вдруг, когда хозяину дома показалось, что Шубарин настроился на сентиментальную волну, смирился, что секретаря обкома больше нет у власти, прозвучал жесткий вопрос, вернувший его на землю.

— Чем вы конкретно можете помочь моему патрону? И кого из свидетелей в первую очередь нужно убрать или серьезно побеседовать с ними, чтобы облегчить участь нашему другу и покровителю?

— Помочь? — искренне удивился прокурор, понимая, что не Шубарин, а он сам попадает под еще большее влияние Японца и что тот диктует свою волю, а вопрос его скорее похож на приказ. — Увы, во-первых, дела я не видел, оно в руках

у следователя КГБ. Во-вторых, все начнется, когда предъявят обвинение и пойдут допросы, тогда и станет ясно, кто больше всего мешает ему и кому следует дать «прикурить»... Конечно, я уверен, все будут откращиваться от этого дела, как черт от ладана, и мне придется заниматься им вплотную, не исключено, что я смогу видеть его и присутствовать на каком-нибудь допросе, это в моей компетенции... Трудные времена настали, Артур Александрович... — заключил он на философской ноте.

— Нет, почему же трудные? Легкими они никогда не были, а теперь стали непонятными, это верно. Как только пойдем, чего хочет новая власть, так многое и образуется. — И, считая разговор оконченным, сказал: — Через час пятнадцать минут вылетает самолет на Заркент, я должен срочно встретиться с ним, может, и удастся что-нибудь предпринять. А вам за информацию спасибо. — И, пожав руку, стремительно вышел из кабинета.

«Вот так прибрал к рукам Шубарина», — подумал растерянно прокурор и кисло улыбнулся.

Арест секретаря обкома из Заркента словно разбудил крупных должностных лиц от спячки, снял со многих глаз пелену беспечности, и Сенатор стал замечать тайное объединение или примирение кланов, состоявших в давней вражде, не поделивших сферы влияния в республике. Наконец-то поняли — время не для конфронтации и амбиций, что выжить можно, только действуя единым фронтом против перемен, против тех, кто пытается навести порядок.

В этой ситуации Сенатор понял, оценил, какой ключевой пост он занимает в столь ответственный для республики период. К нему стекалась информация практически из всех административных органов, включая КГБ, он имел возможность присутствовать на любом мало-мальски важном оперативном совещании, будь то в МВД, прокуратуре, Министерстве юстиции, Верховном суде, находящимися под надежным оком Салима. Правильно они рассчитали когда-то, застолбив место в Верховном суде, там решалась судьба многих денежных людей, не принадлежащих к партийной элите, ими занималась вплотную Москва. Сенатор видел официальные рапорты следователей по особо важным делам, где они отмечали, что начальник областной торговой вотчины Тилляходжаева, некий

Шудратов, арестованный одновременно со свояком секретаря обкома, предлагал миллион только за то, чтобы его дело передали в Верховный суд республики, видимо, хорошо знал нравы местной Фемиды.

Еще одним нескончаемым источником информации Сенатору служили... анонимные письма, их поток, и без того никогда не прерывавшийся с тех печальных тридцатых годов, в период правления Андропова — Черненко вырос в десятки раз.

Снова, пользуясь историческим опытом, одни пытались руками государства потопить других, и опытный глаз Сухроба Ахмедовича безошибочно видел в большинстве из них только корысть и зависть, иных, добывающихся правды и справедливости, встречалось мало, они тонули в море оговоров, да они и не интересовали прокурора.

Можно сказать, у него даже хобби появилось, он тщательно и любовно собирал подметные письма, систематизировал их по тематике: хищения, взятки, должностные преступления, аморальное поведение, политическая неблагонадежность. Часто из разных источников сигнализировали об одном и том же, и опять же он интуитивно чувствовал — стоит ли за ними дирижер, закоперщик или действительно прорвало плотину терпения. Такую информацию он ставил особо высоко, выделял ее, тут, при надобности, прихлопнуть человека ничего не стоило. Иногда он часами читал анонимки, для него это было увлекательнее самого изощренного кроссворда, так он тренировал свой коварный ум: высчитывал, сопоставлял, анализировал, приходил к неожиданным выводам.

Будь у меня время, размышлял он однажды, сокрушаясь, я бы написал трактат «Должность и преступность». Наверное, человечество потеряло из-за его занятости удивительный по наблюдениям и выводам труд, предметом он владел в совершенстве, преступность знал не понаслышке и должностями Аллах не обидел.

Арест первого секретаря Заркентского обкома партии вызвал в регионе шок. Непонятно, что успел предпринять он за две недели до задержания, предупрежденный верным вассалом, но действия его оказались непредсказуемыми для многих.

Он добровольно и без сожаления расстался с наворованным богатством, отдал сто шестьдесят восемь килограммов золота

и шесть миллионов рублей, сердечно признался, что запутался в жизни, нанес партии непоправимый вред и хотел бы, по его словам, раскаянием и помощью следствию искупить вину перед обществом. Следствие, воспользовавшись его раскаянием, применило тактическую хитрость, объявив, что Тилляходжаев в закрытом судебном заседании приговорен к расстрелу и что приговор обжалованию не подлежит. Как оживились, приподняли головы многие арестованные чиновники из партийного и государственного аппарата в московской тюрьме под романтическим названием «Матросская тишина»! Все, что только можно было свалить, они дружно перекладывали на Анвара Абидовича, какой с мертвеца спрос.

Следователи терпеливо фиксировали заведомую ложь и по вечерам показывали протоколы допросов Тилляходжаеву, вызывая у того справедливый гнев, бывшие коллеги в подлости и коварстве превзошли все его ожидания. Учитывая эмоциональность секретаря обкома, вспышки возмущения надо было видеть, такие бурные сцены не удавались и гениальным актерам. Не менее интересными оказывались очные ставки с оговорившими его высокопоставленными соратниками по партии, с соседями по многочисленным президиумам. Что и говорить, трудной ценой он выторговал себе жизнь. У него осталось одно желание — умереть в собственной постели, оттого и старался угодить следствию, чтобы за рвение скостили ему и те пятнадцать лет, что получил он взамен расстрела.

Чистосердечное признание и раскаяние бывшего хозяина Заркента многим в республике не понравилось, дважды пытались подпалить его дом, чтобы укоротить язык, но дважды поджигателя в последний момент настигала пуля в затылок. Двое убитых с канистрой бензина у глухого дувала дома Тилляходжаевых наводили на серьезные размышления, от семьи отступились, третьего смельчака не нашлось. Артур Александрович оставался верен своему слову и страховал семью своего покровителя надежно, ровно год в семье под видом родственника жил незаметный парень по имени Ариф, стрелял он всегда на звук, пользуясь глушителем, промашка исключалась.

Спас Анвару Абидову однажды жизнь и Сухроб Ахмедович, он случайно узнал, что, когда Тилляходжаева привезут

в Ташкент на очную ставку с одним высокопоставленным человеком, находящимся еще у власти, его отравят. Деталей и исполнителей заговора против секретаря обкома он не знал, но посчитал своим долгом поставить Шубарина в известность. Японец встал за своего бывшего покровителя стеной, что, в общем-то, понравилось Сенатору. Японец и потребовал, чтобы он немедленно поставил в известность КГБ, что прокурор и сделал.

Вслед за Анваром Абидовичем последовал арест еще целого ряда крупных деятелей, что вновь явилось полной неожиданностью для населения. Покончил с собой при задержании туз бубновый, каратепинский хан, тот самый секретарь обкома, который без ложной скромности любил, когда его называли «наш Ленин», не меньше. Располагал информацией Сухроб Ахмедович, что нити хищений в особо крупных размерах потянулись к некоторым секретарям ЦК. Край, где он жил, для посвященного человека открывался еще одной неожиданной стороной. При всей неограниченной власти партийного аппарата тут на равных правили и тайные силы, что-то наподобие теневого кабинета.

Скажи кому-то, что вопрос назначения иного министра решается не в Ташкенте, а в скромном горном кишлаке Аксай, под Наманганом, наверное, многие приняли бы это за байку и посмеялись. Но смеяться не следовало, Сенатор знал расклад сил как никто другой, и если бы за него ходатайствовали из Аксая, то он уже давно сидел где-нибудь повыше даже, чем сегодня. Скромный директор агропромышленного объединения, дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета, ценитель чистопородных скакунов, бывший учетчик тракторной бригады, недоучка Акмаль Арипов, любивший, возможно, в пику каратепинскому хану, чтобы его называли «наш Сталин», но и благожелательно откликавшийся на «наш Гречко», чуть ли не подменял Верховный Совет республики. Сюда, в Аксай, прежде всего тянулись за поддержкой соискатели министерских портфелей. Он считал себя настолько сильным, что позволял себе, не таясь, называть самого Шарафа Рашидовича — Шуриком. Шурик и звонил ему чуть ли не ежедневно, отладили дорогостоящую правительственную связь с резиденцией аксайского хана. Не смог Сенатор в свое

время найти дорогу ни к Шарафу Рашидовичу, ни к аксайскому хану, они вполне обходились и без районного прокурора Акрамходжаева, но сегодня без него, как он считал, не может обойтись и всесильный Акмаль Арипов.

Если к судьбам многих высокопоставленных деятелей он относился равнодушно, а иной раз и радовался их беде, то его отнюдь не радовало, что следователи по особо важным делам все теснее сжимали кольцо вокруг аксайского хана. Акмаля Арипова отдавать в руки правосудия Сенатору не хотелось.

Почему же человек из ЦК так переживал, что следствие вплотную заинтересовалось делами и личностью Акмаля Арипова? Он что ему — брат, сват, помог когда? В своем нынешнем положении он вряд ли был нужен Сенатору. Вроде все верно, но только не для тех, кто знал истинную силу аксайского хана. Мудрый человек был Рашидов, что и говорить, и силой несметной располагал, хоть явной, хоть тайной, но и тот начинал день с телефонного разговора с Аксаем и ни одну серьезную должность не утверждал, не посоветовавшись с другом Акмалем, и с недругами сводил счеты силами людей народного депутата Арипова.

Акмаль-ака был настолько богат, что однажды вполне серьезно сказал хлопковому Наполеону: «Я Крез, а ты нищий». Это Анвар Абидович-то нищий! Десять пудов золота враз отдал добровольно государству и шесть миллионов наличными, с учетом того, что Шубарин предупредил его за две недели до ареста.

Но главное богатство Креза из Аксая составляли все-таки не деньги, и не золото, и не целый табун чистокровных скакунов. Он имел настоящее, профессиональное сыскное бюро, куда люди приходили ежедневно из года в год как на службу. Располагал он огромным досье практически на всех должностных лиц республики, велись и отдельные папки на людей из Москвы, посещающих республику. Правовые органы много, наверное, отдали бы, чтобы заполучить такой бесценный архив, хранящийся в специальных железобетонных катакомбах Аксая. Может, обладая невероятным компроматом на все случаи жизни, он когда-то сблизился и с Шарафом Рашидовичем? Отсюда, из Аксая, из его подвалов, шли подметные письма на неугодных людей, отсюда запугивали, шантажировали,

провоцировали, дискредитировали, и для всего этого он располагал штатом людей, служивших ему верой и правдой. Вот почему спешили в кишлак, затерянный в горах, окольцованный не одной сетью охраняемых шлагбаумов, на поклон министры, будущие и опальные. Только заручившись поддержкой аксайского хана, получив от него посвящение в сан, можно было считать себя полномочным министром. И вокруг такого человека сжималось кольцо, и в один день могли исчезнуть в государственной казне сотни миллионов рублей и пропасть в недрах КГБ бесценные архивы, все шло к этому, в исходе судьбы аксайского хана Сенатор иллюзий не питал. Потому что видел и знал, что от него все отвернулись, каждый спасался в одиночку, да и тот сам не чувствовал время, жил прежней гордыней, уповал на власть денег и наемных нукеров, которые могли запугать кого угодно, все ждал — если не завтра, то послезавтра в стране изменится ситуация.

Может быть, и изменится ситуация, но к тому времени архив и денежки уплывут в Ташкент на одну и ту же улицу, ибо КГБ и Центральный банк республики находятся на Ленинградской, какой толк, если потом Акмаля-ака, как пострадавшего от разгула демократии, и освободят, и назначат персональную пенсию за заслуги перед партией и народом. Без денег, без тайных досье, без наемных нукеров какой же он хан? Не проходило ни одного крупного закрытого совещания, где не заходил бы разговор о нем. Уже готовились документы о лишении Акмаля Арипова депутатской неприкосновенности и множества высочайших наград страны.

О том, что Акмаля Арипова оставили один на один с Прокуратурой, он догадывался еще и потому, что никто не интересовался его делами, как случалось постоянно по поводу судьбы того или иного человека. Смущало и то, что сам Первый, некогда спасший его при Брежнев, на совещаниях очень резко отзывался о нем. Что это могло значить? Тактика? Маневр? Или что-то изменилось между ними? Или Первый откровенно сдавал своего старого друга, чтобы выжить самому? Вопросов хватало, а ответов не было. Если это уловка, маневр, тот мог в личных беседах, что вели они по долгу службы один на один, намекнуть, что следует выручить уважаемого человека из Аксяя. Он даже провоцировал Первого пару раз, но

тот нейтралитет держал четко, словно не замечал намеков, и Сенатор понял, что хана Акмаля решили уступить Фемиде без боя.

И тут пришла неожиданная мысль — рискнуть, как некогда с ограблением Прокуратуры республики. Если уж он так поднялся от содержимого небольшого дипломата, к каким людям нашел ходы, и какие двери сейчас открывал ногой, и с кем уже успел поквитаться, то, завладей он архивом и многочисленными досье аксайского хана!.. От таких перспектив кружилась голова, как в лихом танце начинало стучать сердце, хотелось петь, плясать, кричать, кричать на весь Белый дом: «Ну, теперь вы все у меня в руках!»

А к архиву заполучить бы и людей, много лет занимавшихся слежкой и сбором компромата, всех этих изошренных фотографов с их фоторужьями и приборами ночного видения, каллиграфистов, иные доносы писались от конкретного лица, профессиональных шантажистов и шантажисток, поднаторевших в судебных заседаниях. Говорят, у Акмаля-ака имелся специалист высокого класса по любой пакости, он располагал кадрами широкого профиля, но не чурался и мастеров узкой специализации: был у него, к примеру, человек, читавший по губам, и табиб, готовивший яды.

А деньги? Какой суммой располагал аксайский Крез? Тут мнения расходились, одни называли сумму, приближающуюся к миллиарду, другие настаивали на пятистах миллионах. Что ж, даже если и полмиллиарда, на которых сходилось большинство, поделить пополам, то и оставшаяся часть вполне впечатляла. Так ведь это речь только о наличных. Как и любой восточный человек, аксайский хан любил золото, если «нищий» Анвар Абидович сдал в казну чуть больше десяти пудов, а точнее, сто шестьдесят восемь килограммов, так сколько успел накопить более предприимчивый, с коммерческой жилкой хан Акмаль?

Попутно мучил его и такой непростой вопрос. Казалось бы, зачем ему деньги, он и тем средствам, что имел, не находил применения, да и архив вроде ни к чему, одни хлопоты да опасность. Он и так теперь, особенно став доктором наук и опубликовав серию статей по правовым вопросам, стал заметной фигурой в республике, и в Белом доме ныне не последний

человек, благоволил к нему Тулкун Назарович, да и Шубарин находился под рукой, никогда не откажет в помощи, они сейчас вроде с полуслова понимают друг друга.

Так зачем же, по-цыгански говоря, валету пиковому напрасные хлопоты? Зачем ариповские миллионы, пуды золота, архивы и грязных дел мастера впридачу? Конкретно — зачем и почему, с высоты своей научной степени он не мог ответить. Не знал. Знал, что сегодня, может, и не надо, но завтра вполне могло сгодиться все, включая шантажистов и шантажисток, поднаторевших в судах. Скорее всего, в Сенаторе опять выиграли авантюрные начала, а жажда власти стала еще более неутоленной, когда он оказался у ее родника. Теперь в нем проснулся еще и политик, а в политике, как он считал, все сгодится, все средства хороши. Сенатор по-своему расценивал путь любого политика, он, по его разумению, заключался в том, что политик всегда хочет быть первым, лидером, почти как спортсмен, поэтому вечные расколы, фракции, новые партии, каждому из них не удается постоять на пьедестале. Сегодня он тайно изучал Троцкого и понимал его, опять же по-своему. Тому, на его взгляд, наплевать и на коммунизм, и на социализм, и на любую другую идеологию, в том числе и на страну, в которой он занимался политикой и жаждал переkreпить, перестроить ее. Ему было важно всегда слыть первым, лидером, поэтому он не сходил в взглядах ни с Лениным, ни со Сталиными не по идеологическим мотивам, а, прежде всего, по существу своей натуры, сути. Он ни с кем бы и не сошелся ни в чем, тому подтверждение — троцкизм как собственное явление, жаль, что объектом его экспериментов, тщеславия стала Россия, которую он мало знал и, откровенно говоря, не любил и столько палок наставил в колеса ее истории.

Сколько новых сил, рвущихся к власти, сразу обнажилось вдруг, продолжает философствовать он, да и партию, КПСС, со счета сбрасывать не следует, она хоть и подрастала авторитет в народе и опешила от горлопанов, на сегодня это реальная мощь, зря заблуждаются в ее возможностях неформалы и новая поросль пантюркистов и панисламистов, разве не смешна их ориентация на ортодоксального Хомейни, это скорее отпугивает людей, чем привлекает. Вот в зеленом знамени что-то есть, зеленое знамя привлекает многих, оно

генетически сидит в каждом мусульманине, этого марксисты не учли. Да откуда им было понять восточные народы, когда они толком не знали русской нации, для которой в тиши, уюте и комфорте Запада готовили революцию. А семьдесят лет унижения религии мусульман только способствовали ее твердости. Мусульманская религия аскетична, для нее не обязательны роскошные храмы и мечети, для нее важна компактная среда обитания единоверцев. Ошибка марксистов, все-таки бравших за модель будущего западные государства и Россию, состояла в том, что они не учли, что мусульманские народы живут компактно на своих исконных, исторически сложившихся землях, миграции коренного населения в другие районы практически нет, и вытравить отсюда ислам невозможно, с ним можно лишь мирно сосуществовать.

Да, в зеленом знамени, долго стоявшем в углу, что-то есть, это сродни партии «зеленых», неожиданно возникшей во всей Европе, в исламе привлекательно многое, особенно для тех, кто делает ставку на мораль, единство. Вот им поперек дороги, наверное, стоять не стоит...

Мысли его все время кружатся вокруг власти, кто дальше будет представлять реальную силу? Останется ли КПСС правящей партией или появятся новые политические силы в стране? Какой будет КПСС, или какие люди будут определять ее линию, такие, как Тулкун Назарович, или искренние сторонники нового генсека Горбачева, чьих рьяных последователей в крае он еще не видел, особенно в верхних партийных эшелонах? А может, если послушать новых пантюркистов, чьи листовки с программами уже появляются в Коканде и по всей Ферганской долине, Узбекистан будет развиваться самостоятельно, вне союза с Россией?

Тогда кто же придет здесь к власти? Столько лет рваться к власти и вдруг у самой вершины ее остаться у разбитого корыта?! Нет, этого он не должен допустить. Значит, ему всячески надо способствовать перестройке, чтобы КПСС оставалась в крае по-прежнему единственной правящей партией? Но уверенности в этом у него нет. Наверное, мешает все-таки вечная раздвоенность души, желание сидеть на двух стульях одновременно. Да, потерпи КПСС поражение, ему несдобровать, тем более сегодня, когда он так высоко в ней поднялся,

рассуждает с волнением Сенатор. А если Узбекистан каким-то образом получит самостоятельность вне федерации с другими союзными республиками, и прежде всего Россией, не означает ли это, что КПСС автоматически теряет силу в крае и переход в другую партию будет осложнен, прежде всего, его нынешним положением в рядах правящей? А может быть, новые силы вовсе не допустят ни одного коммуниста к власти, скажут: хватит, находзяйничались, довели, чего ни коснись, до развала. Вполне возможны и такие аргументы, горестно вздыхает он.

Но тут же лицо его светлеет, и он даже улыбается и с облегчением переводит дух, как же он раньше не догадался. Нет, любой власти без коммунистов никак нельзя, ведь в партии состоит прежде всего аристократическая часть нации, ее белая кость, голубая кровь, какой человек из рода ходжа не имеет членского билета КПСС, покажите мне его — внутренне горячится прокурор, сам он, понятно, гордится своим происхождением. А эти люди всегда правили и будут править в крае при любой системе, при любом цвете знамени, а уж при зеленом тем более. Все партбаи сдадут билеты, долго служившие им надежным прикрытием и допуском к кормушке, и дружно вступят в любую другую, но тоже только правящую. Как он сразу об этом не подумал? Так же, как и все, поступит и он, и при таком раскладе никто даже не припомнит, кем был во времена правления КПСС некий Сухроб Акрамходжаев.

Уяснив для себя крайние случаи в будущем, он философски подумал — нигде в мире к власти не приходят мудрые и дальновидные, а только хитрые и коварные, живущие одним днем. После меня хоть трава не расти, после меня хоть потоп — это прежде всего о политиках, рвущихся к власти. Мудрецы и философы вопрошали во все времена: почему не учитываются уроки истории? Да потому, что историю делают неучи, недоучки. За примерами далеко ходить не надо, недоучка аксайский хан, бывший учетчик тракторной бригады, долгие годы влиял на судьбу республики больше, чем весь Верховный Совет вместе взятый.

Так рассуждал он почти каждый день, взвешивая ситуацию «за» и «против», но ясности выбора не представлялось, ситуация менялась на глазах, тут действительно требовалось стать хамелеоном, чтобы угодить всем сразу: и левым, и правым,

неформалам и националистам, либералам и радикалам — у него голова шла кругом, все, казалось, набирали силу, все имели перспективу. Вот когда пригодилось его умение быть сыщиком и вором в одном лице. Каким умением надо обладать, чтобы прослыть в среде прикомандированных следователей одним из немногих в крае, на кого можно положиться, и, вместе с тем, у пиковых валетов числиться своим парнем, «засланным казачком» в прокуратуру.

Но и тут, и там он прежде всего преследовал свои интересы, никакие идеи, идеалы в расчет не принимал, он попросту их не имел. Не волновало его ни красное, ни зеленое знамя, никакое другое, даже в полоску, он хотел быть всегда, при любой власти наверху, как его любимый политик Троцкий, труды которого он тайно изучал в Белом доме в служебное время.

Но на кого бы ни ориентировался Сенатор, все равно упирался в аксайского хана, в его архив, в его деньги, в своих планах на будущее он не мог никак его ни обойти, ни объехать. Следовало рисковать, вступать с ним в контакт, подать ему руку в трудную минуту, может, удастся заручиться его поддержкой и стать если не наследником его архивов и миллионов, то хотя бы совладельцем. И миллионы, и архивы хороши и полезны при любой власти, при любом знамени.

Но и риск нешуточный! Узнай кто, что он ищет подходы к аксайскому хану, при нынешнем к нему отношении официальных властей и правовых органов это стоило бы ему не только поста, к которому он так долго стремился, но и партбилета, и свободы. Он знал столько тайн, служебных секретов, и выдача их другой заинтересованной стороне иначе, чем предательством государственных интересов, не квалифицировалась бы, об этом он хорошо знал, юрист все-таки, доктор юридических наук. Это еще только часть потерь, лишился бы всего: дома, семьи, капиталов, положения в обществе. Лишался перспектив, впереди вполне светило звание академика, а при определенном раскладе он мог и за пятый этаж Белого дома повоевать. Это ли не риск? Он настолько всерьез замыслил встречу с Акмалем, что не делился планами ни с Тулкуном Назаровичем, ни с Шубариным, хотя был уверен — те могли подсказать что-нибудь дельное.

Не имел он и никаких гарантий успеха, куда ни кинь — риск. И реакцию на добрый жест, участие в его судьбе невозможно

предугадать, все знали, какой Арипов самодур. Можно и вовсе не вернуться домой, убьют и бросят труп в пропасть на радость шакалам, гиенам и горным орлам. Ни могилы, ни следа не останется на земле, по этой части аксайский хан большой дока, а может, придумает еще более изощренную смерть — кинет избитого и связанного в клеть к голодным свиньям, боровы и сгрызут до последней косточки, никаких вещественных доказательств не оставят, и такое он практиковал. А то запрет в подвал и напустит туда змей, говорят, от ужаса тут же сходят с ума или случается разрыв сердца. Кровожадный народный депутат, обласканный и обвешанный государством орденами, обладал невероятной фантазией, как отправить на тот свет человека, тут равных ему не сыскать.

Конечно, все «против» могли испугать кого угодно, но Сухроб Ахмедович так верил в свою удачу и понимал, что «за» в этом деле решают проблемы на все случаи жизни, хоть при красных, хоть при белых, тем более при зеленом знамени. Вариант, что называется, беспроигрышный, в случае успеха, разумеется. И опять ему припомнилась присказка Беспалого: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского!» Он, конечно, и сегодня без риска мог пить шампанское до конца дней своих, но теперь он, как и аксайский хан, одержим манией величия, ему больше, чем шампанского, хотелось власти. Вот какая жажда его мучила, она и толкала его в Аксай.

Долго взвешивать не приходилось, все подвигалось к аресту Арипова, и он решился на отчаянный шаг, и вот тайная поездка в горы, в резиденцию аксайского хана.

Сейчас в поезде Ташкент — Наманган прокурор все-таки пожалел, что не оставил жене письма на тот случай, если он в понедельник не вернется домой. Ей следовало немедленно связаться с Японцем и назвать место, куда он тайно отбыл. Шубарин, конечно, тут же примчится на выручку, ему нет смысла терять своего человека на таком посту.

Поезд продолжал грохотать на стыках, по-прежнему его кидало из стороны в сторону, но било о стенку уже реже, он как-то наловчился владеть телом. Человек из ЦК посмотрел на часы, до нужной станции оставалось еще почти два с половиной часа, сон ушел окончательно, и вялости он не чувствовал, может, воспоминание, где все пока складывалось удачно, бодрило

его? А может, чай? Не мешало еще заварить чайник крепкого, дело шло к тем самым трем часам ночи, лучшему времени для преступлений, высчитанных доктором юридических наук, но в эти же часы человек теряет над собой контроль, сегодня расслабляться он не имел права. Он взял чайник, осторожно вышел в коридор, титан не остыл, но он на всякий случай открыл топку и пошуровал кочережкой, тлеющие угли зажглись огнем, он не спешил, мог и подождать, пока закипит.

Купе проводника оказалось распахнутым настежь, сам он, раскинув руки, безбожно храпел, на столике лежали ключи. Сенатор взял их, вышел в тамбур и беззвучно открыл дверь на левую сторону по ходу поезда, потом вернул связку на место, все это заняло минуты две, не больше. Он даже покопался в шкафчике у хозяина вагона, нашел-таки пачку индийского чая из личного запаса.

Вернувшись в купе, Сенатор долго вглядывался в набегающие в ночи разъезды, полустанки, станции, с трудом разобрал название одной из них на пустынном перроне и сличил по памяти с тщательно изученным расписанием, скорый шел по графику. Оставшееся время пролетело быстро, прокурор даже его не заметил, может, оттого, что он начинал мысленно строить разговор с директором агропромышленного объединения.

Вариантов начала беседы он перебрал великое множество, и ни один его не устраивал, с ханом Акмалем нельзя говорить ни в подобострастном, ни повелительном тоне, и тот, и другой путь губителен, обречен на провал. Он понимал, как не хватало ему перед поездкой консультации с Шубариным, тот бы выстроил ему разговор четко по компасу. Но в том-то и дело, что связь с аксайским ханом он желал держать в строжайшей тайне, он не сказал о поездке даже Хашимову. Если в будущем у него случится взлет, он не хотел, чтобы его связывали с ханом Акмалем. Как в случае с докторской, свалившейся как снег на головы всех знавших его людей, он и тут готовил сюрприз. Он хотел внушить всем, что его сила в нем самом, а сильный человек, судя по всему, скоро мог понадобиться. Поезд начал двигаться медленнее, тормозить, на маленьком, ничем не примечательном полустанке он делал двухминутную остановку, пропускал спешивший навстречу скорый Наманган — Ташкент, глухой разъезд как нельзя лучше устраивал прокурора.

«Пора», — сказал он вслух и рассовал по карманам сигареты, зажигалку, расческу, носовой платок. Из портмоне достал трешку и положил краешек ее под чайник так, чтобы сразу можно было увидеть, это на тот случай, чтобы не привлекать внимания, вроде как прошел в соседний вагон, сознательный жест. Выходя, он еще раз присел на полку, как обычно перед важной дорогой, а она, считай, у него только начиналась, сделал «оминь» и только тогда мягко притворил за собой дверь купе.

Проводник продолжал храпеть, но уже на другом боку, и Сенатор, пройдя мимо него своими вкрадчивыми шагами, вышел в тамбур, открыл дверь, глянул вдоль состава, как и перед посадкой, выждал почти минуту и, когда состав чуть тронулся с места, спрыгнул на щебеночную насыпь. Тускло освещенный перрон разъезда находился впереди, и его удивило, что даже дежурный не вышел на перрон. Такой вольности нравов на транспорте прокурор не ожидал, о железной дороге он по старинке думал гораздо лучше.

Скорый, сияя цепочкой огней в коридорах купированных вагонов в середине состава, плавно тронулся, и три красных сигнальных фонаря хвостового плацкартного некоторое время болтало из стороны в сторону далеко за входными стрелками, но скоро и они исчезли в ночи.

Сухроб Ахмедович продолжал стоять на обочине пристанционных путей, то и дело поглядывая в темноту по обе стороны разъезда, мелькала тревожная мысль: неужели прокол на первом же этапе? И когда уже начали брать отчаяние и злость, слева от вокзальной пристройки дважды мигнули фары машины. «Наконец-то» — облегченно вздохнул Сенатор и шагнул с насыпи, «жигули» медленно шуршали ему навстречу. Не доезжая, машина включила свет ближних фар, и он узнал белую «шестерку» Шавката, двоюродного брата своей жены, он в прошлом году и хлопотал за машину в Автовазе. Свойка намеревался выйти из машины, обняться по традиции, но прокурор жестом остановил его и сам распахнул переднюю дверцу.

— Ты что, опоздал? — вместо приветствия спросил он.

— Нет, что вы, я давно уже здесь, — поспешил оправдаться Шавкат. — Я видел даже вдали огни приближающегося поезда и в это время задремал, наверное, минуты три-четыре,

не больше, открыл глаза, а состав уже хвост показал, и я включил свет, извините...

— Да, время между тремя и четырьмя ночи самое коварное, — сказал удовлетворенный ответом прокурор, лишний раз получив подтверждение собственной теории.

Машина отъехала от разъезда и через несколько минут уже катила по асфальтированному шоссе, ведущему в Наманган. Шавкат, расспрашивая о здоровье, о доме, о детях, сестре, одной рукой настраивал приемник, хороший концерт — лучший помощник водителю в ночной езде.

Гость невольно поежился, и это не осталось незамеченным.

— Да, ночи в наших краях прохладные, чувствуется близость гор, да и осень на дворе. — И Шавкат, открыв «бардачок», протянул родственнику хромированную фляжку, которая в большом ходу у авиаторов и военных людей. — Согреет, я захватил на всякий случай.

— Спасибо, молодец, — повеселел Сенатор и, отвинтив крышку, с удовольствием отхлебнул несколько раз. — И коньяк неплохой...

— Я же знаю ваши вкусы, настоящий армянский, — заулыбался свояк, он уже думал, что гость обиделся на него.

— Как с вертолетом?

— Все в порядке, и даже сегодня есть одна путевка в Папский район, ее я и оформил Баходыру, и вылет его раньше других не бросится в глаза, самая дальняя точка для нашего авиаотряда.

— Как ты объяснил ему столь ранний вылет?

— Проще простого. Он знает, что в Аксай постоянно навдываются большие люди, комиссия за комиссией. Хозяйство Акмаля Арипова словно визитная карточка края, мы ведь тоже газеты читаем. Я сказал, что сегодня там с утра какое-то совещание выездное, а вы не смогли прибыть со всеми вчера, оттого и спешите появиться там чуть свет, чтоб до начала переговорить кое с кем.

— Молодец, вполне логично...

— Впрочем, доставил бы и без всяких объяснений, я же главный диспетчер, и от меня зависят все выгодные рейсы, — сказал самодовольно Шавкат. Он знал, что родство с человеком из ЦК позволяет ему иметь особое положение в области.

— Не зазнавайся, — мягко пожурил Сенатор, но остался доволен хваткой свояка и подумал, что непременно надо как-нибудь поохотиться в горах с вертолета. — А что собирается Баходыр делать в Папском районе?

— Как что? Дефолиация в полном разгаре, опыляем с воздуха хлопчатник.

— Значит, травят народ не только с земли, но и с воздуха? — спросил гость.

— Мы люди маленькие, нам что скажут, мы то и выполняем, это вам, в Ташкенте, с вашими коллегами решать. А вообще-то беда, конечно, в дни опыления столько жителей страдает, особенно дети. А скот, которого и так мало в сельских подворьях, сколько его травим.

— Белое золото! Хлопок — гордость узбекского народа! — съязвил мрачно Сенатор и больше на эту тему не говорил, он-то знал, что хлопок стал бедствием, проклятием для всех: и селян, и горожан. Он еще раз отхлебнул из фляжки, откинулся на спинку сиденья, чуть отбросив ее назад, с удовольствием закурил, перед этим любезно протянув длинную дымчато-серую пачку сигарет свояку.

— У, «Кент»! — Шавкат потянулся за зажигалкой.

Перед Сухробом Ахмедовичем невольно мелькнули огненно-красные неоновые буквы на фронтоне вокзального здания столицы. И тут он вспомнил об оплошности, что допустил перед отъездом. Он достал портмоне, где имелся вкладыш с записной книжкой, вырвал оттуда страничку и написал своим четким, каллиграфическим почерком: «Артур Александрович Шубарин». И протянул бумажку Шавкату, мурлычущему под нос какую-то мелодию.

— Если до понедельника не дам о себе знать, позвони сестре в Ташкент, пусть свяжется с этим человеком и скажет, что я поехал к аксайскому хану.

— Это так опасно? — с тревогой спросил свояк.

— Нет, страхуюсь на всякий случай, ты ведь знаешь характер Акмаль-ака, — поспешил успокоить Шавката прокурор.

— И знать не хочу, тут его вся округа боится, вплоть до секретаря обкома..

— Светает, — произнес, зевая и потягиваясь, пассажир, и разговора об Акмале Арипове не поддержал, хотя мысли его и крутились вокруг Аксяя.

Приехали в авиаотряд, расположенный в районном центре Китаб, когда уже почти рассвело, но до рабочего времени осталось еще часа два. Все шло по графику, вертолет все равно не стал бы подниматься в темноте. Шавкат предложил позавтракать в ближайшей чайхане, где он заранее договорился с чайханщиком, но гость отказался, сказал шутя:

— Не хочу перебивать аппетит, позавтракаю вместе с аксайским ханом, поэтому поспешим, ты же знаешь — он не станет меня дожидаться, если я опоздаю, и сядет за дастархан один. — И они оба рассмеялись.

Шавкат подъехал прямо к вертолету, занявшему стартовую площадку. Баходыр находился в кабине и проверял навигационные приборы, машину он увидел уже рядом, почти на взлетной полосе. Он хотел спрыгнуть на землю, но Шавкат остановил его жестом, мол, не до церемоний, гость опаздывает. Неожиданный пассажир и впрямь спешил, он торопливо подал руку диспетчеру, своему родственнику, и без робости, уверенно поднялся в кабину рядом с пилотом. Тут они и обменялись приветствием под шум заработавших лопастей. Минут через пять тяжелая винтокрылая машина взмыла в воздух и взяла курс к горам.

Вертолет оказался старый, герметичность никудышная, и шум в пилотской стоял невозможный, они едва слышали друг друга, но все же несколькими фразами успели перекинуться.

— Баходыр, сколько лететь до Аксая?

— Минут сорок, не больше, но сейчас попутный ветер, и я думаю уложиться в полчаса, вы ведь опаздываете?

— Нет, успеваю вполне, просто любопытно, я впервые пользуюсь вертолетом. Думал, что у вас работа куда комфортнее.

Баходыр рассмеялся.

— Мы те же шоферюги, только воздушные.

— Вы летали раньше в Аксай?

— Да, неоднократно. Я доставлял в загородный дом высоко в горах охотников. Солидные люди, из Москвы, у всех такие ружья, закачаешься — «Зауэр», «Винчестер», «Манлихер» и новейшие автоматические, пятизарядные «Беретта» и «Франчи», итальянские.

— Высоких гостей на таком драндулете? — удивился высокий гость.

— Нет, конечно, на другом. У местного начальства есть вертолет для особых случаев, я на нем тогда летал. Проштрафился, пришлось вот в сельхозавиацию перейти, бутифосом поля обрабатывать. Честно говоря, там тоже работа не сахар, стой всегда навтыяжку, выслушивай пьяные бредни, да еще поддакивай. Вас прямо у правления высадить?

— Не знаю, как тебе удобно, можно у какого-нибудь поста у въезда в Аксай, говорят, он со всех сторон не однажды шлагбаумами перекрыт.

— Да, шлагбаумы — его страсть, не хуже Гитлера забаррикадировался, бетонных бункеров под землей настроил, от кого таится? Но я вас у поста ссаживать не стану, там любого незнакомого человека вопросами замучают, а если станете права качать, дерзить, могут и по шее дать, нукеры у него всегда руки распускают... Уж лучше я вас на лобном месте высажу, прямо перед правлением объединения. Там памятник Ленину, возле него есть айван, он там частенько на виду сидит, думу великую думает. Я однажды ему из Намангана какой-то мешок срочно доставил, не приземляясь, прямо к его ногам на айван бросил. Видимо, что-то важное в мешке было, он туг же через своего холуя сообщил, что жалует меня бараном, пришлось сесть, там как раз рядом площадь для демонстраций, она, как и в Москве, называется Красной, он говорит — у меня все должно быть по-ленински.

— Что, хороший баран? — живо заинтересовался пассажир, о жизни по-ленински в Аксае он давно знал.

— О да! Настоящий каракучка, один курдюк потянул на полтора пуда, иногда он намеренно щедр, любит о себе легенды.

Приблизились к горам, и вертолет стало болтать, порою он попадал в воздушные ямы и проваливался всей тяжестью вниз, словно терял управление, но всякий раз Баходыр контролировал положение, он, видимо, действительно был хороший пилот, если ему вверяли жизнь охотников из загородного дома. Неприятная и ненадежная штука — вертолет, думал в эти минуты Сенатор, но понимал, что иного пути добраться в Аксай незамеченным у него нет. Как прорваться сквозь частокол шлагбаумов, оставаясь неузнанным, там и среди нукеров есть люди, что стучат в оба конца.

А с тех пор, как аксайским ханом занялись вплотную не только работники прокуратуры, но и следователи КГБ, наверняка взяли на учет тех, кто навевается к дважды Герою Социалистического Труда. Оставался только путь по воздуху, тем более, если рядом обрабатывают поля дефолиантом. Нет, на этом этапе он рисковать не мог, оттого и выбрал вертолет. Летели высоко, и Сухроб Ахмедович почти все время видел внизу петляющий серпантин дороги, ведущей в Аксай, и насчитал уже три ряда охраняемых шлагбаумов, заметил, как задирали головы постовые вслед раннему вертолету, по их реакции Сенатор понял, они знали, чем занимается сельхозавиация. Но на шлагбауме у въезда постовой увидел, что вертолет будет пролетать над поселком, тут же кинулся в будку оповестить кого-то, что неожиданный гость появился в небе Акса.

Последнее не осталось незамеченным и Баходыром, и он прокомментировал:

— Видели, как шустро нырнул человек в чапане в сторожку, видимо, разгадал, что кто-то летит в Аксай, а это уже ЧП, сюда прибывают только по приглашениям, званными, таков незыблемый порядок, установленный для всех ханом Акмалем.

— Да, гости все уже в Аксае, а меня, конечно, с воздуха не ждут, — ответил как можно беспечнее человек из ЦК, подтверждая версию Шавката, ему не хотелось настораживать пилота.

Показалась длинная тополевая аллея, над которой и шел Баходыр. Поселок еще спал, но в некоторых дворах на огородах уже копошились люди, копали картошку.

— Вот и прилетели, — сказал пилот, и запоздавший гость сразу увидел и величественный памятник Ленину, и помпезное здание объединения с какой-то непонятной башней-пристройкой в торце, он-то знал, что это грузовой лифт.

Хан Акмаль въезжал в него на машине и поднимался на четвертый этаж, по-иному гордость и положение не позволяли. Прокурор не удивился бы, если кто-то в шутку сказал, что у лифта его дожидались носилки под балдахинном с четырьмя дюжими членами партии (иным, наверное, верный ленинец не доверял), которые доставляли директора агропромышленного объединения в его роскошный кабинет. Сенатор понял, что попал в королевство кривых зеркал, увидел он и площадь, явно

не по масштабам поселка, приметил и айван, где «наш Гречко» любил думать наедине великую думу о судьбах края, о том, как жить по-ленински. Над нею и завис Баходыр, и через минуту он уже стоял на айване, покрытом дорогим ярко-красным ковром.

Сенатор помахал пилоту, и вертолет с ревом взмыл вверх и развернулся к хлопковым полям. Еще спускаясь по шаткой стремянке, он заметил, как от здания управления спешили к нему два человека. Прокурор сошел с айвана, неловко было стоять на текинском ковре ручной работы в грязных башмаках, и, не глядя в сторону приближающихся людей, достал сигареты и не спеша закурил. «Официальный визит начался», — попытался он мысленно пошутить, но шутивого настроения не было и в помине.

— Ассалом алейкум, — раздалось вдруг у него за спиной, и Сенатор вальяжно обернулся, увидел двух расплывшихся в улыбке крепко сбитых мужчин в добротных заморских костюмах, купленных как бы на вырост, и мягких удобных шевровых сапогах, за которыми чувствовался уход.

Хозяин Аксая в моде был консервативен, носил порою и полувоенный френч, и сапоги из мягкой козлинки, такого же стиля придерживались остальные.

— Ваалейкум ассалом, — ответил он и поздоровался с ними за руку. По тому, как каждый из них улыбался полным ртом золотых зубов, на ночных сторожей они не походили, хотя он понимал, что на Востоке определить положение человека по внешнему виду, экипировке — задача безнадежная, тут живут по иным законам, как сказал кто-то из англичан, изучавших Среднюю Азию, «окнами во двор».

Как по волшебству из-за кустов вынырнул аккуратненький, поджарый старичок, весь в белом, и, безмолвно поставив на край айвана поднос с чайниками и горячими лепешками, тут же исчез с глаз, растворился. Хозяева великодушным жестом пригласили гостя к столу. В дальнем углу просторного айвана лежали углом мягкие атласные курпачи и тугие подушки, и в этот угол вписывался клетчатый дастархан, прикрытый двумя слоями марли. Один из мужчин сдернул марлю, и перед ранним гостем предстал живописный натюрморт: хрустальные вазы с фруктами, конфетницы, колотый орех и миндаль в глубоких индийских чашах из меди, стояли и три разные по цвету

и размерам закрытые фарфоровые масленицы, наверное, в них подавали мед к орехам, сметану к лепешкам и варенье, если, конечно, хан к нему не был равнодушен.

Сенатор сразу почувствовал, как проголодался, потому без особых церемоний снял обувь и занял предложенное у дастархана место. Как только разместились на прохладных с ночи курпачах, один из хозяев сделал «оминь», как бы проверяя на прочность атеизм гостя, и стал разливать чай. Пили чай с фруктами, ели обжигающие лепешки с густой домашней сметаной и медом, обменивались ничего не значащими фразами, словно предоставляя друг другу возможность первым задать конкретный вопрос.

Сенатор хорошо разбирался в восточной этике и событий не форсировал, за ним теперь чувствовалась и европейская школа особой дипломатии, почерпнутая у Шубарина. Но все же прокурор удивился терпению своих утренних сотрапезников, как не спросить, кто ты такой и зачем пожаловал, у человека, в прямом смысле свалившегося с неба на святое место у памятника Ленину. «Силен Восток, сильны люди хана», — подумал Сенатор, не спеша отхлебывая прекрасный китайский чай «лун-цзин», воду для самовара, как сообщили хозяева, доставляли специально из горных родников.

Между тем солнце уже заметно поднялось, на улицах Аксая появились люди, иные, пробегая мимо правления, с любопытством поглядывали на тех, кто сидел на священном месте. Старичок в белом появлялся дважды, меняя быстро пустеющие чайники, опять он не проронил ни слова. Может, он глухонемой, подумал Сенатор, в королевстве кривых зеркал и такое требование могло предъявляться к обслуге.

Понемногу начали нервничать и суетиться хозяева, один из них даже среагировал на сообщение о времени, переданном по громкоговорителю «Маяком». Наверное, скоро должен был объявиться настоящий хозяин, хан Акмаль, и золотозубый постарше в конце концов без обиняков, по-европейски, спросил:

— Как доложить?

Прокурор достал из верхнего кармашка твидового пиджака стопку хорошо отпечатанных визитных карточек на мелованном финском картоне и молча протянул одну из них.

Искушение заглянуть в нее было велико, гость читал это по глазам, но человек в шевровых сапогах удержался от соблазна и, до конца выдерживая восточный церемониал, сказал:

— Вы извините, мы должны оставить вас, скоро должен прибыть хозяин. А вы отдыхайте, пейте чай. Если захотите покушать, кликните Сабира-бобо, он вмиг организует шашлыки хоть из печени, хоть из мяса. Каждый день на рассвете мы свежем барана, зарезали и сегодня, так что не стесняйтесь, — и учтивые сотрапезники, пятясь спиной, отошли от айвана.

Когда по дороге в правление встречавшие обходили большую чинару, он увидел, как они дружно склонили головы над его визиткой. Как только скрип двух пар ухоженных сапог перестал доноситься до райского местечка в тени памятника Ленину, гость по привычке достал из кармана сигареты, зажигалку и положил рядом на пустую тарелку из английского сервиза со сценами охоты. Потом отыскал взглядом среди заставленного дастархана пепельницу, которую заметил раньше, сделав при этом вывод, что хан курит, и придвинул ее поближе к себе.

Солнце начинало пригревать, утренняя свежесть прошла, и он поспешил снять пиджак и, оглянувшись вокруг, сладко потянулся. За завтраком они сидели чинно, по-восточному скрестив ноги, Сенатор дома жил по-европейски, и такая поза давалась с трудом, и, оставшись один, он с удовольствием вытянул ноги и сгреб под себя подушку, такая вольность еще допускалась. Тут наверняка чттили традиции, и любая промашка оценивалась бы не только как хамство, но и оскорбление хозяев. «Не задремать бы», — подумал он и закурил.

Сладкий дым табака из Вирджинии привычно успокаивал, настраивал на размышления, но что-то сковывало его изнутри, не было привычного ощущения свободы, присущей ему раскованности. «Неужели на меня так действует воздух Аксая?» — улыбнулся прокурор, но чувство тревоги не покидало, хотя причин для волнения пока вроде нет, встретили вполне любезно.

Хотелось мысленно отрепетировать хотя бы несколько первых фраз для хана Акмаля, но ничего путного в голову не приходило. Сенатор придвинул к себе чайник, он оказался пустой, беспокоить старика ему не хотелось, но он на всякий случай оглянулся, стараясь понять, откуда же доставляли

чай из родниковой воды, но высокие стены тщательно подстриженной и ухоженной живой изгороди, оплетенной еще и ярко цветущей лоницерой вокруг айвана, не позволяли ничего увидеть. Тем большим оказалось его удивление, когда через несколько минут перед ним вновь возник Сабир-бобо и опять же безмолвно поставил чайник. Не успел он кивком головы поблагодарить, как старик опять незаметно исчез. Еще больше он поразился, когда налил себе чай, он действительно хотел попросить старика, чтобы ему заварили черный, в Ташкенте все-таки ему отдают предпочтение, хотя пьют и зеленый.

Когда он заканчивал с чаем, услышал шум сбоку, прямо по Красной площади со свистом пронеслась черная «Волга». Наверное, хан Акмаль пожаловал на службу, подумал гость, и не ошибся. Сиявшая лаком машина подъехала к башне-пристройке, и он слышал, как со скрежетом распахнулся грузовой лифт и лимузин исчез в его чреве. День в стране чудес начался.

Прокурор не спеша допил чай, затем выкурил еще одну сигарету, забрал свои пожитки и сошел с айвана. Ему казалось, что сейчас его сотрапезники доложат о визите неожиданного гостя с вертолета и его пригласят в управление, а может быть, к нему поспешит и сам директор агропромышленного объединения, все-таки человек из ЦК?

Гость не спеша прохаживался вдоль стены живой изгороди, изредка незаметно поглядывая в сторону управления, куда беспрестанно входили и выходили люди, он понимал, что за ним могли и наблюдать из окна, но никто к нему не спешил, не окликал. Так прошло довольно-таки много времени, человек из ЦК, не выдержав, даже глянул на часы, с тех пор, как директор явился в свою резиденцию, прошло больше часа.

«Спокойно, спокойно», — твердил себе Сенатор, с беспечным видом вышагивая вокруг айвана, дымить он перестал, чтобы не дать понять, что волнуется, хотя курить хотелось. Он вполне допускал, что у хана Акмаля могло быть совещание или какие-нибудь срочные звонки в Ташкент. А может быть, экстренно наводили справки о нем? Так прошагал он еще час и, устав, вновь забрался на айван.

Как только он расположился удобно на мягких курпачах, опять возник из небытия Сабир-бобо, он принес огромный медный поднос, где на большой тарелке из того же английского

сервиза со сценами охоты истекали жиром горячие, только с мангала, шашлыки, а рядом — другая, более глубокая тарелка с мелко нашинкованным репчатым луком, посыпанным красным корейским перцем, шашлыки прикрывали две румяные, еще хранящие жар тандыра лепешки.

«Наверное, это значит, что меня еще не скоро примут», — подумал прокурор и принялся за еду, шашлыки выглядели вполне аппетитно. Он пожалел лишь о том, что оставил фляжку с коньяком в машине, сейчас она пришлась бы кстати и к обеду, и к настроению.

Баранина оказалась молодая, нежная, жарили на саксауле, и повар знал свое дело, прокурор не очень увлекался шашлыками, но аксайские ему понравились. Не успел он расправиться с первой порцией, как принесли вторую, поначалу удивил странный изгиб шампуров, но по аромату он догадался, что это тандыр-кебаб. Шашлыки в специальной раскаленной печи без открытого огня в Ташкенте почти не делают, остались кое-где мастера в Ферганской долине, видимо, такой и обслуживал привередливого хана Акмаля. Вместе с тандыр-кебабом безмолвный старик принес глубокую чашку с острым салатом ачик-чучук и два чайника чая, после шашлыков всегда жажда мучает.

«Кормят здесь прилично», — отметил про себя с иронией гость, тайком посматривая в сторону правления, но там вроде как о его визите и не знали, хотя айван у памятника хорошо просматривался из окон четвертого этажа. «Загнал я себя в тупик, — рассуждал спокойно Сенатор, — ведь теперь обратно свободной дороги нет, если не впускают, то уж отсюда тем более без воли хана и шагу не ступить». Страха он не испытывал, да и раздражение прошло, мелкое чванство хана даже пошло ему на пользу, тот так очевидно выставял свои слабости. Сегодня ли, при его положении, выдерживать полдня на площади заведующего Отделом административных органов ЦК?

Прокурор сразу почувствовал свое превосходство над человеком, въезжающим на четвертый этаж в черной «Волге». Теперь, точнее уяснив ситуацию, он понимал, что ни совещание, ни срочные звонки не при чем, мелкая тактика, блажь, желание подавить гостя, мол, знай, к кому приехал! «Наверняка он по старинке думает, что я приехал к нему за советом или помощью, а может, даже за благословением на пост», — анализировал

он события, спокойно попивая чай, и задавался вопросом, как такой человек мог стать самым близким другом Рашидова.

Когда он закончил с шашлыком, вместе с безмолвным стариком появилась молодая девушка. Она принесла кумган с тазиком, и гость вымыл руки. Девушка тщательно прибрала дастархан, поставила свежие фрукты, обновила посуду, и даже ваза с цветами появилась. Через некоторое время девушка вернулась с пачкой газет. Прокурор перекинулся с ней несколькими ничего не значащими фразами. Разговаривая, держался, как обычно, раскованно, знал, ее будут подробно расспрашивать о самочувствии гостя. Газеты дали лишний раз понять, что наверху о нем не забыли и что-то лихорадочно предпринимают. Сенатор всегда в любой игре оценивал первый ход, теперь он считал, что дебют за ним.

Газеты оказались недельной давности, большинство из них, за исключением местных, прокурор читал. Он лениво перебирал страницы, тайно поглядывая на четвертый этаж, поблескивавший свежевывмытыми стеклами, и заметил, что время от времени то к одному, то к другому окну подходили люди и смотрели в сторону памятника. Конечно, их не интересовала штампованная скульптура Ленина, зовущего массы трудящихся вперед. Наверное, даже глядя на вождя в упор, они видели на пьедестале все-таки своего хана Акмаля, тут все: и власть, и идеалы, и нравы были ариповскими, других авторитетов, даже ленинских, не допускалось, хотя опять же все делалось от имени вождя, застывшего в порыве на безлюдной площади Аксая. Поистине страна чудес, Зазеркалье кривых зеркал!

Мельтешение вокруг окон говорило ему, что директор агропромышленного объединения на месте и он все-таки озабочен его приездом или, скорее всего, обескуражен его терпением. Наверное, он не понимал, почему бы гостю не встать с айвана и не подняться пешком, без привилегированного лифта на четвертый этаж в служебные апартаменты выдающегося хозяйственника края, как нарекла его наша щедрая на эпитеты и словоблудие пресса, в том числе и центральная. Но Сенатор был не так прост: не позвал сразу по приезде, теперь уж он сам туда не пойдет, пусть поломают голову со своими советниками — зачем пожаловал без приглашения, да еще тайно, прокурор

Сухроб Акрамходжаев в Аксай? Не из простых задачка, не из простых, с чем он приехал, не догадаться никому, сочтут за безумие, за дерзость делать такие предложения всемогущему хану Акмалю.

Солнце припекало, и на айване становилось душно, тень от скульптуры вождя сдвинулась правее, и он решительно посмотрел на часы и подумал: «Если через полчаса никто не подойдет и ничто не проявится, то встану и попытаюсь уехать из Аксая, тогда уж точно зашевелятся». Наверное, жест его истолковали правильно, отпущенное на испытание время истекало, минут через двадцать он опять услышал скрип знакомых сапог и у айвана появился улыбающийся как ни в чем не бывало один из утренних сотрапезников.

— Извините — дела, хлопоты. Я доложил о вашем приезде, Сухроб-ака, но директора срочно вызвали по депутатским делам в обком, и он уже час как выехал в Наманган, но распорядился принять вас как следует.

— Как выехал? От управления машина не отъезжала, скрип грузового лифта я бы услышал, — спросил строго Сенатор.

— Извините еще раз, вы у нас впервые в Аксае и не знаете, что попасть в наше здание, как и выйти, можно разными путями, да и черных «Волг», скажу вам по секрету, с одинаковыми номерами несколько, иногда они сбивают людей с толку. Хозяин сказал, что будет ужинать с вами, пойдёмте, я отведу вас в гостевой дом. Отдыхайте с дороги, покупайтесь, сейчас там как раз к вашему приходу сменили воду в бассейне и включили прогреться финскую сауну.

Прокурор опять вспомнил, что он находится в королевстве кривых зеркал, забыл о подземных бункерах, катакомбах, тоннелях, выходящих к реке и шоссе. Хан любил путать следы даже без причины, наверное, чтобы держать свой народ в вечном страхе. Говорят, иной раз в поселке появлялся его двойник, он подолгу сиживал на айване, перебирал четки, вроде напоминал — я здесь, я все вижу! Хотя сам хан в это время находился где-нибудь в Москве на сессии Верховного Совета или уезжал в гости к своему другу Шарафу Рашидовичу.

А черные «Волги» с одинаковыми номерами постоянно шныряли вдоль полей и строек, внушая страх, — все-таки помнили, что машина время от времени останавливалась и из

нее выходил хан Акмаль с настоящей кожаной камчой, и горе тому, кто попадался на его пути без лопаты или кетменя.

Гостевой дом оказался не рядом, как предполагал прокурор, пришлось ехать. Располагался он в колхозном саду, вернее, вычурный особняк с собственным садом декоративных деревьев и редких кустарников находился внутри большого яблоневого массива и был обнесен густой сеткой-рабицей высотой почти в два метра, несмотря на то, что владения тщательно охранялись.

Со всех сторон внутреннего парка вдоль изящного забора тянулась проволока для сторожевых волокавов. По тому, как суетилась обслуга во дворе, он понял: приказ о встрече гостя поступил недавно.

Когда он проходил высокой застекленной галереей, видимо, служившей в суровые времена года зимним садом, то увидел справа крытый бассейн, его стены, выложенные голубым кафелем, заманчиво оттеняли цвет воды. «Не мешало бы искупаться, целую вечность не плавал», — подумал прокурор, сожалея, что не имеет купальных принадлежностей. Каково было его удивление, когда, войдя в отведенную ему комнату гостиничного типа, он увидел на кровати мягкий банный халат приятного золотистого цвета, плавки в фирменной упаковке, белое махровое одеяло и такое же полотенце — все абсолютно новое. Сенатор тут же облачился в халат, оказавшийся ему впору, и отправился поплавать. Для начала он заглянул в сауну, дверями выходившую к бассейну, там уже хлопотал человек, ладил в предбаннике электрический самовар, загружал холодильник чешским пивом.

«Вполне цивилизованно живет горный хан», — отметил гость, хотя и был наслышан о здешней роскоши и роскоши охотничьих домиков в горах, необыкновенных конюшен с мраморными колоннами и резными дверями, где содержались десятки чистопородных скакунов, чьи цены на аукционе поражают воображение количеством нулей свободно конвертируемой валюты, но бассейн с подогретой водой и экипировкой к нему все-таки удивил прокурора.

Он долго и с удовольствием плавал, наслаждаясь комфортом вычурного по форме и размерам бассейна, наверняка хан Акмаль скопировал свой купальный зал из какого-нибудь видеофильма о красивой жизни, слишком многое говорило

о нездешней архитектуре — и высокие стрельчатые окна среди стен, выложенных из красного необожженного кирпича, и стеклянный потолок, легко драпирующийся темно-вишневой плотной тканью, и пальмы в кадках, и редкие карликовые деревья, умело и к месту расставленные повсюду, и ковровые дорожки, и паласы, и ковры, тщательно подобранные по цвету. Он, наверное, купался бы еще, но окликнул человек из сауны и спросил:

— Сухроб-ака, сто десять градусов вас устроят?

Пришлось, прихватив халат, перебираться в сауну.

Наверное, и от бассейна, и от сауны с богато накрытым столом в предбаннике он получил бы огромное удовольствие, если бы в самом конце не произошла одна заминка, в общем-то несущественная — расшатались нервы, но испортившая ему настроение, заставившая задуматься о том, где он находится.

Из сауны он выбежал в купальный зал раза три, приятно было, распарившись, нырнуть в голубую раковину модернового бассейна с изумительной мягкой, прохладной водой, заполняемой все из того же источника, где брали и воду для самовара. Купаясь в последний раз, он поплыл в дальний конец бассейна, где у изгиба находилась причудливо гнутая лестница из хорошо обработанной нержавеющей стали, таких металлических трапов имелось три, но с этого при его росте и комплекции выбираться из воды казалось удобнее всего. Подплывая, издали он протянул руки к поручням, чтобы затем рывком подтянуть тело и сразу занести обе ноги на ступени, выложенные узкой полосой водоотталкивающего каучука, чтобы не сорвались ступни и чтобы гость не поранился.

Едва он коснулся кончиками пальцев металла, его как будто ударило током, он в страхе вскрикнул, моментально захлебнувшись при этом, и рванулся на середину бассейна, он подумал, вот еще один изощренный прием аксайского хана, избавляющий его от недругов, подключил ток к поручням, и нет человека — красивая смерть в голубом бассейне. Но через секунду он понял, случись такое, его уже не было бы в живых, вода и есть идеальный проводник электричества. И он оценил, как расшалились у него нервы и что не следовало ему в предбаннике увлекаться коньяком, несмотря на прекрасную закуску к нему. Хорошо, что толстая дверь сауны оказалась плотно прикрытой и человек из obsługi не слышал его испуганного крика.

Прокурор вновь подплыл к трапу и, уверенно взявшись за поручни, поднялся из воды, но тут же вынужден был сесть на широкий бордюр, опоясывающий бассейн, ноги от испуга предательски дрожали и отказывались идти. Желание продолжить застолье в предбаннике мигом улетучилось, и он, неторопливо распрощавшись с хозяином сауны, отправился к себе. Войдя в комнату, он быстро разобрал кровать и нырнул под простыню, перед разговором с человеком, обладающим двумя «Гертрудами», необходимо было выспаться.

Проспал он непонятно сколько времени, несмотря на беспокойство, охватившее его в купальном зале, заснул мгновенно и спал крепко, наверное, и поднялся бы к ночи, но его разбудил все тот же утренний сотрапезник в скрипучих сапогах.

— Вставайте, вставайте, Сухроб-ака, — теребил он его за плечо, — через час приедет хозяин, повара уже давно принялись за ужин, вставайте.

Прокурор нехотя встал, только когда золотозубый человек покинул комнату, до него дошел смысл слов — через час он увидит человека, к которому с таким риском добирался. Он вновь поспешно облачился в золотистый махровый халат и поспешил в бассейн, только вода могла вернуть бодрость и свежесть, так необходимые в предстоящем трудном разговоре с человеком крутого нрава.

Купался долго, ему даже захотелось, чтобы первая встреча произошла именно здесь, в бассейне, он бы с удовольствием протянул ему мокрую руку, но вскоре о подобном методе знакомства передумал и покинул купальный зал. В комнате имелся телевизор, но в четырех стенах ему сейчас было тесно, душно, хотя в окне и стрекотал мощный кондиционер, и он поспешил во двор гостевого дома. Решил прогуляться по парку, имевшему редкие деревья из ботанического сада Шредера, где он любил бывать.

Он видел, как в дальнем углу двора, на летней кухне, хлопотали два повара, и им помогала уже знакомая ему Мавлюда, приносившая газеты, но безмолвный старик в белом пока не появился. Для прогулки он выбрал самые дальние аллеи парка, чтобы не встречаться с Ариповым сразу, как тот войдет во двор, словно он поджидал его, но гулял по дорожкам, с которых хорошо просматривались зеленые ворота гостевого

дома. Уже смеркалось, и часть аллей перед приездом хозяина полили из шлангов, обдали и деревья, особенно у беседок, и в саду чувствовалась свежесть, как после дождя.

Сказывалось и окружение огромного яблоневого массива, запах спелых яблок долетал сюда в парк, где фруктовых деревьев не было, но и от диковинных деревьев и кустарников, частью еще цветущих, от розария и от малинника исходил волнующий аромат. С гор, где росли ореховые рощи и дикая алыча, ветер тоже приносил свои запахи, и все это, смешавшись здесь, у дома, создавало неповторимую ауру, от которой дышалось легко и свободно.

Зажглись фонари на дальних и ближних аллеях, вспыхнуло декоративное освещение у беседок и у густых кустов можжевельника, соседство с которыми, говорят, обещает долголетие, загорелись огни и у закрытых наглухо зеленых ворот — хозяина загородного дома еще не было.

Прокурор гулял по дорожкам, посыпанным на старый манер влажноватым красным песком, и ему вспомнился вдруг ташкентский летний кинотеатр его детства «Хива», который, говорят, в эпоху немого кино назывался «Солей», он тоже имел удивительно ухоженный внутренний дворик с садом, и аллеи его тоже посыпались красноватым песком, и в этом далеком аксайском саду ему неожиданно почудились запахи детства. Но вернуться воспоминаниями в босоное отрочество, когда он смотрел кино в «Хиве», уютно расположившись на орешине, свисающей над залом, ему не дали. С порога ярко освещенного дома его окликнул все тот же золотозубый человек в дорогом костюме на вырост.

— Сухроб-ака, пожалуйста, в дом.

Прокурор подумал, что хан опять что-нибудь выкинул, откладывает встречу на утро, но ошибся: когда он приблизился, человек в скрипучих сапогах, улыбаясь, сказал:

— Пожалуйста, следуйте за мной, хозяин ждет вас.

Следуя за плотным человеком, не назвавшим себя с самого утра, Сенатор подумал, что и здесь, под загородным домом, туннель. Как же он объявился, не с вертолета же на стеклянную крышу бассейна опустился? Не стоило ломать голову, следовало лишь принять во внимание, что хозяин любит цирковые трюки, и вдруг он зло назвал про себя директора объединения

— Иллюзионистом, это имя аксайскому хану подходило более всего.

Они миновали купальный зал, прошли еще галереей — зимним садом и свернули налево в коридор с паркетными полами, застеленный ярко-красной ковровой дорожкой, и золотозубый постучал в первую же дверь с левой стороны. Прокурор не слышал, что раздалось в ответ на стук, но провожатый толкнул дверь внутрь и широким жестом пригласил войти первым.

Сенатор вошел в комнату с приглушенным, мягким освещением, после яркого света в коридоре он даже на минуту как бы потерял остроту зрения, и не сразу разглядел человека, лежавшего в свободной позе на высокой курпаче у стены, как только он с приветствием направился к нему, тот, несмотря на свою грузную комплекцию, легко поднялся и тоже пошел навстречу, золотозубо улыбаясь.

Что Карден, Хуго Босс, Бернард ле Рой, Ги ля Рош, Карвен, успел усмехнуться в душе Сенатор — вот вам настоящий законодатель мод — Акмаль Арипов. Теперь он понял, откуда такая тяга к золотым зубам у аксайской номенклатуры. Они сошлись как раз посередине комнаты и обменялись рукопожатием.

— Пожалуйста, прошу к дастархану, — хозяин дома короткопалой рукой пригласил на ковер.

Гость успел оглядеться, комната оказалась обставленной на восточный манер, ни одного стола, стула, никакой мебели вообще, кругом ковры, курпачи, подушки. Большие окна, выходящие в розарий, распахнуты настежь, видимо, хан не выносил кондиционера, но в зале чувствовалась прохлада, наверняка днем держали на полу ледяную воду в мелких корытах, — старый восточный способ охлаждать жилые помещения.

— Извините, ради Аллаха, что заставил вас ждать, — сказал Акмаль-ака, заняв прежнее место у стены, — дела, заботы. Сами понимаете, непростое время, перестройка. Хотим и новой власти доказать, что не зря у нас знамена, и республиканские, и союзные. — И он кивком головы показал куда-то за спину гостя.

Сенатор невольно оглянулся — вся стена, завешанная огромным кроваво-красным ковром, вплотную заставлена свернутыми знаменами, от стены до стены сплошь тяжелый бархат, шитый золотом, лишь по древкам на полу удавалось

подсчитать, сколько их — но и без счета панорама впечатляла. «Ничего себе место для встречи организовал, — отметил про себя прокурор, — хочет авторитетом подавить?»

— Только доложили о вашем приезде — звонок из обкома, пришлось срочно ехать в Наманган, только вернулся. Не обижайтесь, у каждого свое начальство. Не мог же я сказать, что у меня человек из ЦК, начались бы расспросы: кто, откуда, зачем, почему мы не знаем? — Иллюзионист внимательно посмотрел на прокурора, проверяя, как среагирует гость.

Сенатор сделал вид, что не придал значения словам, но понял, как тот ловко зондирует ситуацию, пытаюсь понять, кто стоит за его визитом. Сам он, глядя на мокрые волосы директора и отекавшее от сна лицо, понял, что Акмаль-ака, так же как и он, отдыхал в этом доме и следом за ним купался в бассейне, возможно, и в сауну заглянул, но он сделал вид, что верит рассказам хозяина загородного дома.

— Я понимаю, Акмаль-ака, работа есть работа. У меня действительно частный визит. Я не в претензии, к тому же я приятно провел время, спасибо. У вас дивный бассейн и прекрасная сауна, таких и в Ташкенте мало.

— Стараемся. В Аксае всегда рады гостям, что же, Сухробджан, раньше не приезжали? — спросил опять же с намеком Иллюзионист.

Сенатор решил тоже в самом начале беседы поставить хозяина дома в тупик и ответил без обиняков:

— Раньше не мог. Должность не позволяла. Вы ведь не всех так радушно принимали? Сейчас я подумал, что и мне пришел черед навестить в Аксай, посмотреть, как вы живете, много слышан о вас...

Ответ его явно озадачил Иллюзиониста, он не сразу нашелся что ответить, и в этом прокурор увидел слабость законодателя мод Аксае и его окрестностей. Но он все-таки ответил:

— Гостям мы всегда рады, вы убедитесь в этом. Новое время, новые люди, жаль, не знал вас раньше. Правда, читал ваши статьи в газетах, они и тут много шума вызвали. Я рад за вас, горд, что и у нас правовая мысль не дремлет, не все должно приходиться к нам из Москвы. Я всегда стоял горой за таких людей, помогал. Вы правы: в том, что вы у нас не бывали, — не ваша вина, а вина тех, кто вовремя не привез способного

человека, здесь он всегда мог найти помощь и понимание. Зря думают некоторые, что Аксай утерял свое значение для республики, это недалёковидные люди, и я рад вашему приезду, Сухроб.

И, понимая, что разговор на трезвую голову становится опасным, он похлопал в ладоши, и тут же в комнату вошли Мавлюда и еще одна девушка удивительной красоты. Они расторопно убрали чайник и пиалы, стоявшие перед хозяином, накинули поверх клетчатой скатерти еще одну, белоснежную, и стали дружно заставлять дастархан закусками, салатами, фруктами. В последний момент в комнату вошел безмолвный старик, обслуживавший утром, опять во всем безукоризненно белом, и на отдельном подносе подал две высокие бутылки коньяка и две рюмки к ним. Наверное, по каким-то законам шариата девушкам не велено прикасаться к вину. Какая целомудренность у хана, усмехнулся Сенатор, зная его замашки, он и Коран пограл сотни раз. Видимо, спектакль разыгрывался для него, мол, учись, горожанин, настоящим народным традициям, которые так блюдет Акмаль-хан.

Директор объединения самолично разлил коньяк и, подвинув гостью рюмку, налитую до краев, проникновенно сказал:

— Как бы там ни было, вы мой гость, и я рад, что вы нашли дорогу к моему дому. За знакомство в столь трудное для страны время! Вам ли не знать по должности, сколько врагов у перестройки. Но мы и этот этап одолеем, партии все по плечу! За знакомство, за партию, работающую в новых условиях гласности и демократии! — И хозяин протянул рюмку через щедро накрытый дастархан.

«Ничего себе, для начала лихо. То ли еще будет!» — отметил про себя гость, но с улыбкой поддержал тост. Едва он выпил, хозяин пододвинул тарелку с лимонами.

— Пожалуйста, свои, имеем лимонарий. Полмиллиона дохода в год, отправляли учеников в Ташкент к Фахрутдинову. Теперь сами платные курсы и продажу саженцев организовали — деньги кругом под ногами у предприимчивого человека, только завистники ходят по купюрам, а считают их почему-то в чужих карманах.

«К чему бы это? — мелькнула мысль. — Неужели думает, что я по поводу хищений в лимонариях?» Хотя и там суммы

в сотни тысяч, лимонарий не волновал прокурора, но лимоном с удовольствием закусил. Он в самом деле, как и многие ташкентцы, отдавал предпочтение не итальянским, не марокканским, не греческим, не грузинским, а лимонам Фахрутдинова, сочным, с мягкой кожурой, без горчинки, а какое варенье из них наладились делать ташкентские хозяйки!

Прокурор окинул взглядом обильный дастархан, раздумывая, что бы положить на тарелку, как Иллюзионист предложил казы — конскую колбасу.

— Уже сентябрь, и мы забили молодого жеребца, уверен, такого казы, кроме Аксая, нигде нет, удесятерит силы мужчины. — И он громко и нарочито засмеялся, наверняка фраза служила дежурной шуткой сотни раз.

В лошадях аксайский хан, конечно, разбирался как никто другой и жеребцов для колбасы откармливал специально, по своей технологии, и он, поблагодарив хозяина, положил на тарелку несколько кружочков казы. Хозяин вновь налил рюмку до краев, видимо, ему не терпелось разогреть гостя как можно быстрее.

— Как поживает Тулкун Назарович? — спросил он вдруг, желая прояснить для себя кое-что перед новым тостом.

— На пятом этаже я не часто бываю, высокие люди, высокие заботы. Но по работе приходится общаться, слава Аллаху, жив-здоров, по-прежнему полон энергии, замыслов. Нам, молодым, есть у кого учиться, с кого брать пример, — ответил Сенатор уклончиво, не афишируя связь.

— Не скромничайте, Сухроб Ахмедович, знаем, что вы и на пятом этаже у многих открываете двери ногой, догадываемся, что вы сегодня — один из самых перспективных работников ЦК. Хорошо, что не зазнались и о старых кадрах говорите тепло, теперь ведь молодые как о прошлом, — охаять да осмеять, а мы ведь тоже не сидели сложа руки, знамена за красивые глаза не присуждают, за труд... А еще вот что скажу, Сухроб-джан, говорят, мир стоит на трех китах, неверно, категорически не согласен с такой научной точкой зрения, мир стоит на дружбе, на крепкой сцепке мужских рук.

— На круговой поручке, — подсказал с издевкой сотрапезник, но Иллюзионист иронии не понял, он радостно подхватил, уловив суть:

— Молодец, юрист и за столом юрист, правильно — круговая порука, и поэтому давайте выпьем за наших друзей, когда-то мы помогли подняться Тулкуну Назаровичу, он, наконец, вам, вот на этом земля и держится..

«Неужели он успел переговорить с ним днем?!» — подумал прокурор, но тут же успокоился, Иллюзионист по привычке крупно блефовал.

Выпили за друзей, а также за круговую поруку. Гость старался хорошо закусить, он понял, для чего затеял гонку тостов хан Акмаль. Внесли горячие закуски, опять тандыр-кебаб и нарын, тончайше нарезанная крутая холодная лапша, смешанная с мелко нарезанной печенью, мясом, обложенная сверху кружочками казы и в толщину бритвенного лезвия нашинкованным репчатым луком и присыпанная черным перцем. Спустя минут пять Мавлюда внесла еще и дымящийся ляган с мантами, что-то среднее между русскими пельменями и грузинскими хинкалями, мелко резанная баранина с луком и курдючным салом, готовится на пару в специальной посуде. С такой закуской захмелеть сложно.

Обладатель двух «Гертруд» как бы случайно спрашивал то об одном, то о другом человеке, порою предлагал даже тост за кого-нибудь из них. Он усиленно зондировал почву, пытался выяснить — может, кто из его друзей-нахлебников послал к нему прокурора, он-то догадывался, что сгущаются тучи над головой, хотя и не знал подробностей, разладилась связь со столицами. Порою Иллюзионисту казалось, вот уж за этой фамилией... неожиданный гость скажет наконец: «А я к вам, Акмаль-ака, от него с поручением». Но фамилии людей, которые он, все-таки остерегаясь, выкидывал как карты из колоды, желаемого результата не давали, все отскакивало от этого непробиваемого человека без галстука, в странном, на его взгляд, пиджаке. Он хорошо понимал, что не выведывает, как он обычно привык, а раскрывается, но остановить себя уже не мог и потихоньку наливался злобой. Спросить напрямую: кто прислал, зачем — не позволяла гордость, и положение гостеприимного хозяина обязывало не торопить событий.

Высокий гость умело поддерживал разговор, не отказывался выпить то за одного, то за другого, отмечая, как по крутой спирали нарастал список фамилий, интересующих Акмаль-хана.

Сенатор понимал, что вот-вот прозвучит фамилия самого Первого, с которым он был в дружбе, как и с Рашидовым, наверняка он не забыл, как тот спас его два года назад, но хан почему-то медлил, выкидывал другие карты.

Прокурор удивлялся краткой, но меткой характеристике многих, кого Иллюзионист вспоминал, и эти люди теперь по-новому открылись перед ним. Двумя-тремя фамилиями он буквально поразил Сенатора, уж эти люди казались ему такими неподкупными, строгими, принципиальными, а, оказывается, давно водили дружбу с Иллюзионистом, а эта дружба их ко многому обязывала. Поистине: скажи, кто твой друг...

Человек из ЦК видел, что хозяин дома, не добившись инициативы в разговоре, начинает потихоньку раздражаться и много пить, пора было переходить к цели своего визита, но момента удобного тоже не представлялось, а то, что директор агрообъединения нервничал и терял уверенность, оказывалось ему на руку. Он не приехал просить по мелочам. К тому же вспомнил, что хан Акмаль по природе своей «сова», любил гулять ночи напролет, значит, не стоило спешить.

Разливая остатки второй бутылки, хан Акмаль заметил, что он форсирует события в ущерб себе, ташкентский гость пить умел и ел на зависть, а у него самого сегодня аппетита не было, да и злоба непонятная душила, и он чувствовал, как пьянеет, упускает инициативу в разговоре, хотя пить умел и редко кто перепивал его. Следовало сделать перерыв: выйти на воздух, собраться с мыслями, ведь разговора по существу еще не было, считай, разминка, проба сил, и первый раунд он начисто проиграл.

Поэтому он сказал вдруг весело:

— Давайте, Сухроб-джан, я покажу вам ночной парк, погуляем по его аллеям, у меня такие редкие деревья и кустарники растут, ташкентский ботанический сад позавидует. Кто знает мою слабость, дарит мне саженцы экзотических, реликтовых пород деревьев, кустов, цветов. Знайте и вы путь к моему сердцу, вы ведь тоже в интересных местах отдыхаете — в Гаграх и Цхалтубо, Форосе и Ялте. А пока мы погуляем, девочки обновят дастархан, проветрят комнату, а повара опустят в котел рис. Что бы мы ни ели, чем ни закусывали, все равно царь узбекского стола — плов, а в Аксае его готовить умеют,

хотя вы, господа ташкентцы, думаете, что все самое лучшее только у вас.

— Нет, что вы, я так не думаю, особенно после вашего тандыр-кебаба и лепешек с джиззой, и девушки у вас красавицы, наверное, у нас таких и в знаменитом хореографическом ансамбле «Бахор» не сыскать, — польстил откровенно Сенатор хозяину и девушкам. Прямая лесть попала в точку, она, видимо, была милее и привычнее хозяину загородного дома.

— Молодец, спасибо, что оценил. Сразу видно, человек со вкусом, а то придет иной лапотник, все нос воротит, это ему не так, это не нравится. Пойдем, Сухроб, дорогой, подышим у кустов можжевельника, это, говорят, жизнь продлевает, если мы коньяком ее сократили, то сейчас восстановим в полном объеме. Если бы мы не пили, не курили, сколько лет могли прожить, проводя вечера рядом со священным можжевельником и в окружении любимых лошадей.

Гость знал еще одну страсть аксайского хана, тот порою ночи напролет проводил в конюшне рядом с загоном любимого жеребца Самана. Кто-то прочно внушил ему, как и теорию о трех китах, что тот, кто подолгу общается с лошадьми, ест конину, проживет долго, отсюда маниакальное влечение к скакунам, к постоянному росту табуна.

Кони в Аксае содержались куда лучше людей, им он уделял не только внимание, но и любовь.

Видимо, парк не только был тщательно спланирован (чувствовалась в нем крепкая рука ландшафтного архитектора), но и умело освещен, тут наверняка поработали театральные осветители, столь неожиданным подчас казались их решения. То освещение, что видел он в сумерках, дожидаясь хана Акмаля, оказалось предварительным, затравкой, во всем великолепии оно предстало сейчас. Хозяин загородного дома наверняка знал, какой ошеломляющий эффект производил его ночной сад на гостей, потому и устраивал гуляния по аллеям в полночь.

Низкие мощные прожекторы подсвечивали от земли огромные, уходящие в темноту звездного неба необхватные дубы или стройные японские деревья фейхоа. То тщательно, с геометрической точностью высвечивались повороты дорожек, то в чаще деревьев вдруг вспыхивал яркий источник света, и спящий сад преображался, играл новыми, невидимыми днем

красками, то какое-нибудь одинокое дерево словно крупным планом попадало на экран и завораживало внимание, и сразу бросалось в глаза совершенство его ствола, ветвей, всего контура, зеленого абриса, и в ночи по-иному слышался шепот его листьев. Мы ведь не избалованы ни ландшафтной архитектурой, ни особым вниманием к общественным паркам, может, где и есть подобные чудеса на закрытых государственных дачах или в иных правительственных заведениях, но даже Сенатор, кое-где бывавший и кое-что выдавший, воскликнул искренне, не пытаясь потрафить напыщенному хану.

— Фантастика!

— Это вам не Ташкент, не вшивая госдача, — самодовольно буркнул Иллюзионист, довольный произведенным впечатлением на важного гостя.

Сенатор на минуту представил, какие иллюминации, какой фейерверк огней, салютов, взрывов красочных петард, шутих, выстрелов сигнальных ракетниц устраивается здесь, когда хан организует прием в честь своего дня рождения, который он назначил себе из-за удобства или иных амбиций на Первое мая, возможно, ему казалось, что все праздничные шествия в его честь, прекрасный парк к этому дню набирал силу после недолгой аксайской зимы.

«Отшумели его карнавалы», — подумал прокурор, глядя на Иллюциониста, склонившегося над клумбой ночных фиалок, и почему-то пожалел, что ни разу не довелось ему побывать на дне рождения хана Акмаля, не из-за чувств, что питал к нему, а просто из-за праздника, широко, с помпой, с фантазией организуемого в Аксае. Он много слышал о них, и вот теперь гуляет в этом саду, где некогда гремела музыка, слышался смех, а хан всем казался вечным и могучим.

— Хотите, я вам покажу мое любимое место в парке? — вдруг спросил хан Акмаль, неожиданно оказавшийся рядом.

Запах ночных фиалок вблизи чувствовался так остро, он будоражил воображение, волновал гостя, и ему не хотелось уходить из этого дивного уголка, но и любопытство брало, что же вызывает восторг и любовь самого хозяина чудного парка, и, словно боясь спугнуть тишину, заполненную запахами цветов, он негромко сказал:

— С удовольствием, Акмаль-ака, с удовольствием...

Они свернули по дорожке налево, обойдя прекрасно освещенный угол с голубыми елями. В умелой подсветке ели серебрились и казались порою не земными, а, скорее, марсианскими, и шелест ветвей, шорох иголок отдавал чем-то металлическим, алюминиево-легким. Хозяин хорошо знал свой парк, свободно в нем ориентировался, прошли мимо кактусовой плантации, возле нее гость гулял один, дожидаясь хана Акмаля. Но сейчас, в ночи, она тоже выглядела иначе, особенно те кактусы, что цвели по ночам большими ярко-красными цветами. У кактусов он хотел задержаться, но хозяин, даже не взглянув на плантацию, свернул направо, в кипарисовую аллею, и тут прокурор почувствовал влажность, запах воды.

«Какой-нибудь цветной фонтан с мраморным лягушатником», — подумал он, но ошибся. Хотя насчет воды и лягушатника оказался прав. Три небольших, метров на семь каждый, лягушатника, разделенных между собой тонкой стенкой, составляли как бы аквариум, так же, как и все вокруг, искусно освещенный изнутри, с боков и сверху. Дно во всех трех отсеках аквариума мерцало розовой хорошо глазурированной керамической плиткой, а стены, как и в бассейне, оказались выложены голубым.

Во всех трех делянках цвели лилии и лотосы, такое волшебство Сенатор видел впервые. Белые нежные лилии, желтые, розовые, лиловые, чем-то напоминающие гибридные хризантемы, заморские лотосы — от этого великолепия нельзя было оторвать взгляд. Вспугнутые людьми, зашевелились в глубине сонные золотые карпы, они лениво бороздили пространство, задевая стебли лилий и лотосов, и цветы начинали покачиваться, создавая вокруг себя мелкую рябь.

Компрессоры, трещащие за спиной, постоянно подавали кислород в лягушатник, и мелкие пузырьки, поднимавшиеся со дна, создавали удивительно живую картину природы, забывалось ощущение ее рукотворности. Тугие, полные хлорофилла листья лилий оттеняли благородный цвет кувшинок, они как в икебана дополняли композицию, и казалось — уж ничего ни добавить, ни прибавить, но природа и тут шутила над всезнающим человеком. На одном листе лилии вдруг, откуда ни возьмись, появилась лягушка, она словно пчела пила нектар из цветка, потом долго недоуменно смотрела на неожиданных

ночных посетителей их дома, затем с шумом плюхнулась в глубину, спугнув крупного, с красными плавниками, золотоспинного сазана.

Природа быстро обживает рукотворное, трещали рядом цикады, роилась над водоемом, привлеченная светом, всякая мошкара, обитающая возле воды, она, наверное, и становилась добычей лягушек, облюбовавших жительство в бетонном аквариуме. Видение завораживало, и прокурор забыл о том, где он находится, чьи это владения и зачем он сюда приехал. «Гипноз какой-то», — сказал про себя Сенатор и пожалел, что не захватил фотоаппарат, дивный получился бы кадр.

— Вот эти неземные цветы больше всего волнуют мою душу, — вернул его в действительность жесткий голос хана Акмаля. — Жаль, мало выпадает времени бывать здесь, это и есть мой самый любимый уголок в парке.

Прокурор, увидев на противоположной стороне аквариума обвитую плющом скамейку с высокой спинкой, хотел направиться к ней, посидеть на свежем воздухе, созерцая удивительное цветение ночных лотосов, но хозяин дома взял его за руку.

— Пора, уходя из дома, мы дали команду заложить рис, а плов не любит ждать. Да и повара обижать не хочется, старался человек, уже дважды сигналил фонариком от летней кухни, — сказал Акмаль-ака, и они не спеша вновь направились в комнату, заставленную знаменами.

Как только они расположились у обновленного дастархана, снова объявился Сабир-бобо с тем же подносом и опять с двумя бутылками прежнего коньяка «Двин». Прогулка подействовала на обоих отрезвляюще, особенно на директора агрообъединения, к нему вроде вернулось настроение и исчезла явно просматривавшаяся злоба, грозившая взрывом, так, по крайней мере, показалось гостю.

— Хорошо, что догадались погулять по ночному саду, посетить мой любимый уголок, теперь вы мне, Сухроб-джан, стали как-то ближе, понятнее. И давайте выпьем за ваш приезд, за ваши дела, что привели сюда, пусть они будут удачными. За успех! — сказал Иллюзионист, сразу беря быка за рога и приглашая гостя к откровенному разговору без восточных церемоний, время разминки истекло.

Прокурор выпил, он тоже, как и хозяин дома, считал, что пора приступать к делу. Ночь шла на убыль, и Иллюзионист вроде настроен мирно, но тут вошла девушка, в начале застолья помогавшая Мавлюде, и внесла огромный ляган плова, обсыпанный сверху зернами дашнабадских гранатов. Уходя, она так игриво посмотрела на прокурора, что он даже засмутился от неожиданности и растерял слова, с которых хотел начать беседу. Выручил плов, на него они дружно и налегли.

Видимо, к плову разыгрался аппетит и у хозяина дома, теперь и он ел, активно подбадривая гостя, придвигая к нему лакомые кусочки курдючной баранины и популярно читая лекцию о баранах и баранине. Например, говорил он, что особо уважаемых гостей угощает правой частью туши, видя недоумение гостя, пояснил, что баран всегда ложится на левый бок, а правый бок по этой причине вбирает куда больше солнечных лучей, оттого и мясо на нем оказывается сочным, и целебным, и нежным, потому что никогда не мнется, а вес гиссарских баранов в этих краях достигает шестидесяти — восьмидесяти килограммов.

«Каким гурманом, чревоугодником надо быть, чтобы высчитать подобное, да еще в том краю, где люди месяцами не видят даже мороженого мяса!» — удивился гость, но отметил, что баранина в плове действительно необычайно вкусная. Надо не забыть рассказать об открытии хана Акмаля Шубарину, чей друг, некий Икрам Махмудович — большой гурман, сочтет это за бесценный подарок.

Так за оживленным разговором они и управились с ляганом плова, тотчас, словно подглядывали, вошли обе девушки с кумганами и медными тазиками, надраенными до солнечного блеска, и мужчины вымыли горячей водой руки, ибо ели по традиции пятерней. Мавлюда прислуживала хозяину дома, а подружка — прокурору, и вновь она игриво улыбалась, а, подавая полотенце, дважды намеренно коснулась его руки.

«Что еще затеял хан, за что решил так щедро одарить?» — мелькнула волнующая мысль, но она долго не задержалась. Человек из ЦК вспомнил о предстоящем деле, и стройная девушка в шальварах с трогательной родинкой на щеке, так мило и очаровательно улыбавшаяся, как-то сразу вылетела из головы.

Прежде чем приступить к разговору, гость предложил закурить директору и закурил сам, за сигаретой, казалось, его предложения не покажутся столь дерзкими.

— Дорогой Акмаль-ака, я хоть прежде и не числился в ваших друзьях, решился на самостоятельный визит в Аксай по двум причинам, — наконец отважился гость. — Первая. Насколько я вижу, возглавляя определенный отдел в ЦК, многие ваши друзья и покровители отвернулись от вас, бросили на произвол судьбы. Я не знаю причин их поведения, может, страх за собственное благополучие, может, страх перед непонятным временем, от которого многие в шоке, может, у них имеются еще какие-нибудь доводы, но я не вижу, чтобы они проявляли активное участие в вашей жизни, как прежде.

Вторая причина, скажу откровенно, она более всего меня и подвигнула к этому поступку, над вами всерьез сгущаются тучи, уже готовы документы, чтобы лишить вас депутатской неприкосновенности.

— Я знаю и то, и другое, дорогой Сухроб, — перебил вдруг Арипов, — давай выпьем еще по одной, разговор предстоит непростой о моей судьбе за моим дастарханом... дожилась. — Иллюзионист говорил глухо, растерянно. Видно, новость все-таки была неожиданной, хотя он по привычке автоматически блефовал.

Оба они знали, что после плова спиртное не употребляют, больше налегают на кок-чай, но тут никто из них не стал церемониться, ссылаться на традиции, ритуал, повод для выпивки представился серьезный. Предложив выпить, хан Акмаль брал как бы тайм-аут, прерывал разговор, ему всегда нужно было время собраться с мыслями, он не отличался молниеносным искрометным умом, как, например, Шубарин, или Миршаб, или тот же прожженный политик Тулкун Назарович.

Разливая коньяк, он искоса посматривал на гостя, словно не доверяя ни ему, ни его словам, потом, словно нащупав какую-то нить, спросил осторожно:

— Если вы отважились на такой шаг, как визит в опальный Аксай при вашем служебном положении, наверное, у вас есть вариант, предполагающий выход из того мрачного положения, что вы обрисовали мне? — Долгий, витиеватый вопрос, в нем крылась и угроза, и шантаж («при вашем служебном

положении»), хан говорил в своей обычной манере, льстивой и коварной одновременно.

Гость потянулся через дастархан и пододвинул к себе тарелку с тонко нарезанными лимонами, хозяин после неприятных сообщений заметно утерял хлебосольность. Прокурор намеренно тянул время, готовил хозяина загородного дома к главной новости, от того, как он ее примет, и зависел успех задуманного Сенатором.

Ответ требовал определенной деликатности, такта, ведь хан Акмаль уже сказал «о моей судьбе за моим дастарханом». Прокурор почему-то вспомнил древний обычай у Тимуридов, к чьим предкам аксайский Крез постоянно себя причислял и бахвалился — гонца, доставившего неприятную весть хану, всегда казнили. Сегодня он невольно находился в роли подобного вестника.

— Вариантов-то, к сожалению, — начал он осторожно, — уже, считай, нет. Вашим делом занят следователь по особо важным делам, помогают ему коллеги-следователи из КГБ, они настолько остерегаются утечки информации, что даже я мало чем располагаю по вашему делу, кроме того, что сказал. Вы, наверное, знаете, кого уже успели арестовать, и можете представить, в каком свете они выставили вас и вашего друга Шарафа Рашидовича. Ну, тому ни холодно, ни жарко, он на том свете, и пусть земля ему будет пухом. Но теперь все стрелы, как я вижу, сосредоточены на вас, тем более, сделав себе хакари, ушел из жизни каратепинский хан, а Анвар Абидович решил признанием и покаянием вымолить себе жизнь, и он, похоже, вас не щадит, вы ведь с ним долго соперничали...

— Сволочь! — вырвалось вдруг зло у Иллюзиониста. — Однажды я ударил его плетью и сожалел об этом долго, теперь жалею, что не забил его до смерти! — прозвучало как взрыв, короткий и мощный, хана впервые за весь вечер прорвало, но он тут же затих, сник. Враз опали крутые плечи под тонким шелковым халатом, и тяжело опустилась бритая голова, всем видом он выказал смиренность судьбе и обстоятельствам, и прокурор подумал, что подоспел момент сказать главное.

— Выход один. Вам нужно уезжать, пока не поздно.

— Куда? — раздался покорный голос аксайского Креза, притупивший внимание прокурора.

— Ну, тут варианты есть, и даже на выбор, — воодушевился гость, — вам подойдут районы с компактным проживанием узбекского населения, а такие оазисы есть в Южном Казахстане, Чимкентской, Джамбульской и даже Алма-Атинской областях, на всей территории Таджикистана, включая и столицу Душанбе, есть такие места и в Киргизии, особенно в Ошской области, есть поселения в Туркмении, особенно их много вблизи Хорезма и Чарджоу. Там вы не будете ощущать оторванности от своих корней, снимается языковой барьер, вам будут понятны психология и образ жизни вашего окружения, это та самая среда, где вы сумеете незаметно раствориться.

Есть и крайний вариант, пока идет война в Афганистане и Термез прифронтный город, я могу переправить вас через Амударью, или, как говорят военные, — через речку, контрабандистами эта дорога хорошо освоена. Там более двух миллионов узбеков живут кучно, и оттуда вам не заказана дорога ни в одну мусульманскую страну, где обитают сунниты, в Турцию, например, или Кувейт, а может, даже в Саудовскую Аравию со священной Меккой. Но этот путь, я должен сразу оговориться, обойдется вам недешево.

— Ну, вариант с Афганистаном снимем сразу, я хотел бы умереть на своей земле, там я пропаду с тоски. А в остальных случаях пойду дорабатывать до пенсии куда-нибудь завхозом или ночным сторожем? — убаюкивал он бдительность Сенатора.

— И это я предусмотрел, — клюнул на удочку хана Акмаля гость. — Я приготовлю вам не только новый паспорт с какой-нибудь традиционной для восточных народов фамилией, но и пенсионную книжку, все на законных основаниях, это в наших силах. Оформим небольшую, скромную, как у большинства трудящихся, пенсию. Заранее приглядим вам приличный дом с хорошей усадьбой, и переждете-пересидите всю эту перестройку, гласность где-нибудь в тиши. Если же что-то изменится в жизни страны, как рассчитывают многие уважаемые и авторитетные люди, вернетесь из изгнания живым и невредимым назло своим врагам.

— Неплохая идея, неплохая, по крайней мере, звучит убедительно, — сказал Иллюзионист, расправив плечи и приободрившись. — Давайте-ка, Сухроб-джан, выпьем еще, я что-то протрезвел от всех ваших сообщений.

Выпили. Прокурор вновь долго и тщательно закусывал, давая возможность разговориться хозяину дома, судя по лицу, о чем-то лихорадочно соображавшему. На разговор он оказался пока не настроен, а вот вопросы прозвучали резонно.

— А зачем вам, Сухроб-джан, преуспевающему функционеру, попавшему в струю нового времени, нового мышления, пытаться спасти меня, или, говоря юридическим языком, увести от ответственности? Зачем вам этот риск? В изгнании, или, точнее, в бегах, я вряд ли смогу вам чем помочь. Отчего такая забота, когда все от меня отвернулось, бросили на произвол судьбы, как вы выразились? Ведь даже сам Первый, некогда спасший меня и кому я помог подняться на этот пост, не протягивает мне руки помощи, наверное, считая, что я уже совсем обреченный. Какие же планы у вас и кого вы представляете?.. Ни один из ныне сильных, как я уразумел, для вас не авторитет, не интересен, и вряд ли в вашей перспективе для кого-то из них есть место. И опять напрашивается вопрос — почему ваш выбор пал на меня, человека из старой затасканной колоды, представляющего самую черную ее масть — пиковую?

«Ничего себе тугодум, — подумал прокурор, — вопросы в лоб и требуют таких же прямых ответов, иначе не поверит, подумает, ловушка какая-нибудь».

Сенатор закурил сигарету, чтобы иметь паузу для обдумывания ответов, и не спеша, но твердо начал, как бы продолжая давно выношенную мысль:

— Вы правы, ваши наблюдения поразительны, я действительно не ставлю ни в грош никого из тех, кого вы назвали, хотя они до сих пор на коне. Скажу больше, раз уже пошел такой прямой и откровенный разговор, если я не ставлю в один ряд с ними Тулкуна Назаровича, к которому все-таки испытываю симпатию, то в моих планах на дальнейшее нет места даже для него, иначе бы я согласовал с ним визит к вам, все это отработанный пар, заигранная колода, вчерашний день, они продвигались и работали в иной обстановке, в ином времени, к которому при любых переменах возврата больше нет. Большинство из них не знали настоящей борьбы в жизни, конкурентности, им все досталось на блюдечке с голубой каемочкой: кому по родству, кому по землячеству, кому по происхождению, кого-то из них сажали на пост те или иные

люди, подобные вам, чтобы иметь наверху своего человека, а точнее, марионетку. Сегодня они в такой растерянности, в какой не пребывает ни один слой населения. Они озабочены одним: как выжить, как сохранить привилегии, ничего не меняя.

А чтобы что-то перестраивать, надо иметь мысли, знания, желание, — они же привыкли к руководящим указаниям сверху на все случаи жизни, и готовых рецептов новой жизни не оказалось ни у кого. И день ото дня становится очевидным, что священные для них догмы давно мертвы. И послушание, оказывается, не есть главная добродетель, требуется инициатива, мысль, суждение и высказанное вслух, желательно публично, собственное мнение, все то, что еще вчера порицалось и подавлялось. Конечно, еще многие по привычке важничают, молчаливо хмурия высокие лбы, выдавая импотентность за воздержание, да сроки-то неумолимо проходят, как ни оттягивай конец, становится очевидным — кто есть кто и кому какая цена. Разве в такой ситуации им до вас, Акмаль-ака, каждый форсирует ближайшие планы, рвет последнее, что можно еще урвать из кормушки: квартиру, машину, дачу — для себя, детей, впрок, на всякий случай, вот чем сейчас они заняты, им ли до судьбы Арипова, до судьбы Отечества? Могу ли я рассчитывать на таких людей?

Гость, сбрасывая пепел сигареты, украдкой глянул на хозяина дома, какое впечатление производит на него его эмоциональная речь, но по отрешенному лицу хана было трудно что-либо понять, хотя в том, что он слушал внимательно, Сенатор не сомневался, и лениво смеженные веки говорили не о безразличии, наоборот, наверняка он прятал глаза, боясь прежде времени выдать свое отношение к разговору.

— Теперь что касается вас. Почему мой выбор пал на вас, почему я решил протянуть руку помощи? У англичан есть похвала: «Селф мейд мен» — это значит: человек, сделавший себя сам. Поговорка в полной мере относится к вам, но и она при всей своей щедрости не полностью характеризует вас. Вы не только создали себя сами, вознеслись так высоко в обществе, как только возможно, но и создавали других по своему желанию и усмотрению. Вы имели колоссальное влияние на Шарафа Рашидовича, вам его преемник обязан избранием в Белый дом. Да и был ли в последние десять лет человек в крае,

вознесшийся круто, минуя вас? Думаю, что нет. Не будучи профессиональным политиком, вы и есть настоящий политик, наверное, единственный на сегодня в крае. Отдать вас в руки правосудия в шаткое, неустойчивое время, когда нет ясности ни в чем, было бы непростительной ошибкой. А вдруг все вернется на круги своя и обществу вновь потребуются сильный человек, жесткая рука? А где его взять? Опять возникнет дефицит, как сегодня, на инициативных, самостоятельных, честных. А те, кого мы упоминали сегодня и на кого я не намерен рассчитывать впредь, готовы служить любой идее, любой власти, лишь бы сохранить привилегии, для них социализм, капитализм, фашизм — все без разницы, такие и продадут в любую минуту, как предали вас.

Я не знаю досконально всех ваших идей — ни политических, ни хозяйственных, ни национальных, но вы уверенно претворяли их в жизнь и, судя по первоначальному впечатлению, вряд ли собираетесь отступать, перестраиваться, мне это больше по душе, чем бесхребетность, беспринципность. За вами реальное знание ситуации в крае, знание души, традиций и чаяний народа, наверняка не исчерпано до конца и ваше политическое и финансовое влияние на события, — осторожно закинул удочку прокурор.

Хан Акмаль по-прежнему слушал, прикрыв глаза, но руки его нервно перебирали четки, и на скрытый вопрос гостя он никак не реагировал, и тот продолжал.

— Спасая вас, я не ставлю никакой конкретной цели, хотя, может быть, я вас о чем-то и попрошу, но об этом позже. Убежден, такой человек, как вы, заслуживает помощи, несмотря ни на какие ошибки, заблуждения, злоупотребления, наверное, этого требовали какие-то высшие цели, интересы, пока неведомые мне.

Теперь самая трудная и последняя часть вашего вопроса — кого я представляю, кто стоит за мной и какие цели преследую я сам? Что бы я ни сказал по этому поводу, всё покажется неубедительным, а порою даже ложью. Возможно, я покажусь вам человеком с непомерным тщеславием, пытающимся взять груз не по плечам, — судить вам. Шаг к тому, что затеял, я сделал — сижу перед вами. Наверное, Акмаль-ака, вы отдадите себе отчет, что сегодня — безвременье, безвластие, хотя

видимость власти и сохраняется. Отсюда неустойчивость, неопределенность во всем, и потому на данный момент я никем не уполномочен вести переговоры с вами, никто не стоит за мной, я пока представляю самого себя.

От неожиданности хан Акмаль выронил четки и поднял помутившие то ли от выпивки, то ли от внутреннего напряжения глаза и, не скрывая разочарования, злости, спросил строго:

— А кто вы такой, чтобы игнорировать всех и так высоко возносить себя?

Сенатор рассчитывал на эту реакцию и, чтобы сбить пыл хана, вновь потянулся за сигаретой, оказавшейся последней в пачке.

— Кто я такой? — сказал он, закурив. — Человек не растерявшийся, реально знающий обстановку на сегодня, в будущем имеющий возможности оказывать влияние на события в крае, как вы прежде. А если еще откровеннее, я хочу заменить вас, природа не терпит вакуума, ваше место все равно рано или поздно кто-нибудь займет, я решил, что мне это по силам. И вам, наверное, лучше знать своего преемника в лицо. Ваши друзья, имея власть, проворонили ситуацию и сегодня без сожаления отдадут вас на заклатие, и если я, единственный, прорвался к вам с помощью, не логично ли благословить меня, назначить своим преемником?

Аксакий Крез засмеялся, сначала тихо, а затем зашелся в громком, истерическом хохоте. Гость не сразу понял, то ли это искусственная, деланная веселость, то ли хозяину действительно смешно, а может, опять какой-нибудь трюк, чтобы сбить его с толку. Следовало спокойно выждать и не любопытствовать.

Насмеявшись вдоволь, хозяин вытер слезившиеся глаза и сказал, улыбаясь, вполне искренне:

— Вспомнил один старый случай, о нем лет двадцать назад печатали в газетах. Помните, в Конго при Чомбе арестовали нашего корреспондента «Известий» Николая Хохлова? Так вот, он беседует со своим сокамерником в тюрьме, естественно, о политике. Сосед по нарам разъясняет корреспонденту позицию своей партии, программу, цели, часто упоминает пышное ее название. Идеи партии настолько привлекательны, смелы, пронизаны духом демократии, свобод, что наш журналист не выдерживает и честно признается, что, к сожалению, не знает

ни этой партии, ни ее численности, ни где размещается ее штаб-квартира, хотя и живет в Браззавиле давно. Заключенный не смущается неведением корреспондента известной газеты и говорит, что немудрено, вы и не могли знать об этой партии ничего. Вконец смущенный Хохлов спрашивает — она что, тайная? Да нет, отвечает коллега по несчастью, — не тайная, но дело в том, что эту партию я придумал здесь, в тюрьме, в этой камере, и пока состою в ней один, но место генерального секретаря я решил зарезервировать за собой, идеи все-таки мои! Не кажется ли вам, что ваши амбиции в чем-то схожи, уважаемый товарищ Акрамходжаев?

— Да, действительно, история смешная. Наверняка нечто подобное происходит сейчас и у нас в стране. Пользуясь демократией, свободой слова, терпимостью к разным идеям, и у нас развелось немало людей, подобных вашему генсеку без партии из Конго. Но в остальном я все-таки с вами не согласен. Для начала хотя бы то, что я нахожусь на свободе, а сегодня в наших условиях, когда расчищаются рашидовские конюшни по аналогии с авгиевыми, мало кто может дать гарантии на этот счет, у многих рыло в пуху. Даже в вашем положении, при ваших регалиях, связях, деньгах шансов остаться на свободе никаких, это однозначно, на что же рассчитывать остальным?

Сенатор увидел, как побледнело лицо у Креза, он вроде собирался что-то сказать или даже прервать его, но сдержался, удар был нанесен сильно и вовремя. Действительно, смеется тот, кто смеется последним.

— Теперь насчет тех, кого я представляю, или, по-конголезски, о членах партии, о программе. Повторяю, сегодня не время ни формировать единомышленников, ни определять какую-нибудь стратегию. Пусть все пройдут проверку временем, выдержат беспрецедентную чистку, а потом я определюсь, буду знать, на кого можно положиться и у кого какие взгляды на самом деле. Мое нынешнее служебное положение напоминает мне работу рентгенолога, я вижу всех, кого хочу, насквозь. А насчет программы — спешить тоже не следует, неизвестно, куда еще страна повернет.

Прокурор почувствовал, что в разговоре произошел какой-то перелом, и, судя по растерянности хана, в его пользу, и он уже уверенно продолжал:

— Обстоятельства, дорогой хан, и определяют и стратегию, и тактику, и людей, которые лучше всего подходят для этого. Вы формировали правительство и партийный аппарат на свой лад, делали ставку на людей, которые ныне предали вас. Впрочем, оговорюсь, предательство я бы пережил, если за ним стояла цель, но я не могу пережить их растерянности, трусости, никчемности. Вы можете хотя бы сегодня понять, что все, кого двигали много лет, сказались полными ничтожествами, не способными даже защитить себя, где уж тут думать об Отечестве. Всю жизнь метались между официальным курсом и вашими желаниями, а сегодня не могут прибиться ни к тому, ни к другому берегу, потому что везде опасно и нигде нет гарантий, а эти люди живут только при гарантии их привилегий. А то, что за привилегии следует бороться или их защищать, они к этому не приучены, готовы служить при ясной погоде и попутном ветре, а сегодня штормит...

— Тут вы в точку попали, Сухроб-джан, не на тех людей мы ставку делали, не ту породу вывели, — спокойно поддержал Иллюзионист.

— Вот именно, метко вы сказали — не та порода. Ныне они ни народу не подходят, ни власти, оттого и зlobствуют, мешают перестройке, лежат бревном, да что там бревном, железобетонной глыбой на путях обновления.

— Перестройки? — переспросил ехидно хан Акмаль.

— А почему бы и нет? Только на ее дорогах есть возможности найти реальную самостоятельность республики, ее независимость, а там посмотрим, все революции делались поэтапно, даже Октябрьской, если не запамятовали, предшествовала главная — Февральская. Сначала проедемся с партией на трамвае перестройки, а там видно будет. А при самостоятельности Узбекистана, как я ее себе представляю, мы сможем быть здесь не тайными хозяевами края, как вы, дорогой хан, а открытыми, легальными. Суверенитет предполагает многое, тут уж вы не будете свои желания подстраивать под настроение Кремля, а такой путь открывает только перестройка, ей действительно альтернатив на данном этапе нет, она вполне совпадает с вашими целями, насколько я их знаю, Акмаль-ака.

Политика вещь тонкая, и я в ней, честно говоря, пока не большой специалист, но я найду себе стоящих советников,

консультантов, один, я думаю, уже есть, — Сенатор выразительно посмотрел на хозяина дома и понял, что тот остался доволен таким поворотом разговора, — сейчас столько неформальных объединений плодится каждый день, и порою в их программах я вижу рациональное зерно, я и отберу из них лучшее, столкну лбами наиболее амбициозных идеологов, чтобы в их распрях понять настоящую суть и прикурить от их молнии, отберу идеи, что выживут в спорах и подойдут моим устремлениям и, конечно, сложившимся обстоятельствам.

Так могу ли я сегодня говорить о какой-нибудь конкретной программе? Возвращаясь опять к вашему конголезцу, скажу: был бы лидер, а партия и программа найдутся, дайте только срок.

— Убедить вы меня не совсем убедили, но здоровое зерно в ваших суждениях есть. Эх, если бы я мог вас консультировать и поддерживать легально хотя бы года два-три, мы с вами преобразили бы наш край. — Хозяин потянулся к пачке. Увидев, что она пустая, сказал: — Я сейчас принесу. — И исчез из комнаты.

Отсутствовал он долго, минут десять. Вернулся с двумя пачками точно таких же сигарет «Кент» и небрежно бросил их на дастархан.

Прежде чем закурить, аксайский Крез сказал:

— Вы меня сегодня бросаете из огня да в полымя, черт возьми, если бы вы знали, как я жалею, что устраниюсь от активного влияния на события в крае! Только сейчас я увидел перестройку вашими глазами, понял, какой это мощный локомотив для наших целей, если умело пользоваться его тягой и попутным ветром. Давайте выпьем за новое мышление, как говорит с трибуны наш эмоциональный генсек.

Они снова выпили, на этот раз хозяин был куда гостеприимнее, вновь предлагал закусить, пододвигал то одно, то другое. «Значит, я нашел-таки путь к упрямому хану», — подумал радостно прокурор, но тут Иллюзионист одарил его новым вопросом:

— И все-таки, Сухроб-джан, чем же я буду обязан за ваш риск, за сохранение мне жизни, я привык за все платить и хотел бы знать цену. Идеи идеями, а деньги деньгами. Если вы собираетесь меня заменить, как вы выразились, и играть

впредь такую же роль, как и я, в судьбах края, вам следует кое-что иметь в кармане, политика без денег мертва, особенно у нас на Востоке, тут на голую идею не клюнут, уж поверьте моему опыту! — Аксайский Крез, опять довольный, громко засмеялся, почуввав слабое место напористого претендента на ханский престол.

Настал черед изворачиваться человеку из ЦК, от просьбы помочь финансами ему все равно не уйти, но не хотелось, чтобы это прозвучало жалко, унижительно, да и вырвать следовало солидную сумму, а не крохи, подачки, поэтому он начал издали:

— Вы же прекрасно знаете, для политики всегда находятся деньги, такова уж природа человека. Идея зеленого знамени витает в воздухе, и она притягательна для многих, — вновь осторожно закинул удочку гость, — и на такие дела не скупятся, а в нашем крае, по моим скромным подсчетам, на руках гуляет около двух миллиардов незаконно нажитых денег, это огромная сумма в такой бедной стране, как наша, тем более наличными.

Я уже говорил, что моя нынешняя работа напоминает мне рентгенологию, я уже просветил сотни людей, и данные о них заложил в память компьютера. Большинство из них еще на свободе, а многие из них даже не догадываются по своей беспечности, самоуверенности, что им давно сели на хвост. У каждого из них в обмен на информацию я могу вытянуть изрядную сумму, я ведь буду апеллировать только к людям, имеющим миллионы. Но это будет меня кое к чему обязывать, к тому же многих из них мне действительно не жаль. И если ради целей надо будет поступиться принципами, я это сделаю, но деньги добуду.

Есть еще причина, почему они могут легко расстаться с деньгами. Правда, этот вариант коварный, не делает мне чести, но с вами, моим будущим главным советником, я поделюсь. Кажется, англичане сказали, что в политике все средства хороши. А план такой: я подготовлю секретный документ на фирменном бланке ЦК КПСС, разумеется, фальшивый, в котором будет туманная информация о якобы предстоящей реформе денег и о суровых мерах по их обмену только по месту работы, с подробной декларацией и так далее, тут страху нагнать не сложно. Этот документ я буду показывать каждому отдельно,

и им ничего не останется, как с радостью расстаться с деньгами, в надежде, что этот жест при определенных обстоятельствах будет оценен.

— Сухроб, ты — дьявол! Такая идея не могла прийти даже мне в голову, ты действительно политик, восточный политик... Скажи честно, почему не начал операцию с меня, я бы клюнул?

Подача оказалась столь к месту, что Сенатор воспрянул:

— Ну, во-первых, не в деньгах счастье, вы понимаете, я их в конце концов найду. А зачем мне вас обманывать, если я хочу с вами сотрудничать и очень рассчитываю на вашу помощь не только финансами... К тому же, как вы понимаете, реформа неизбежна, вы ведь чувствуете шаги инфляции.

— Логично. Но все-таки, сколько ты рассчитывал заполучить в Аксае?

Настойчивость, с какой обладатель двух «Гертруд» допытывался насчет денег, несколько смущала прокурора и даже вновь насторожила, но он объяснил ее жадностью хана. О его скупости ходили легенды, в порыве откровенности Иллюзионист любил похвалиться, как некой добродетелью: «Я жадный человек, очень жадный, для меня недоплатить — равно что найти», — и в довершение такого признания громко смеялся, ощерясь золотозубым ртом.

— В начале нашего разговора я сказал, что, возможно, и попрошу об одной важной для меня услуге, в моих планах она занимает куда более ценное место, чем деньги.

— Что может быть ценнее денег, за них можно любую услугу купить, — не сдержался вновь хан, коньяк, видимо, снова ударил ему в голову, они заканчивали и новые бутылки Сабира-бобо.

— Нет, такую услугу я нигде купить не могу. Другого человека, кроме вас, который может услужить мне в этом вопросе, просто нет. Я имею в виду вашу картотеку, ваши досье на многих интересующих меня людей. Говорят, она уникальна, и вы ее собирали по крохам, систематически, в течение двадцати лет, я бы не хотел, чтобы эти бесценные сведения попали в руки КГБ, они знают, что у вас есть подобные документы. Бумаги не помогут вам, а лишь усугубят ваше положение, слишком взрывоопасно их содержание. Если бы мы располагали временем, а его уже нет, я бы доставил сюда новейший компьютер

и специалистов, и они месяца за три-четыре, в крайнем случае за полгода, заложили бы все в его память — и не пришлось бы содержать столь внушительные и трудоемкие хранилища в ваших знаменитых подземельях со штатом людей, имеющих к ним доступ, сделали бы несколько копий и хранили их в надежных тайниках, а уничтожить все заложенное — дело секундное, стоит лишь клавишу нажать.

— Да, возможности компьютера я вовремя не оценил: жизнь, быт, информатика — все стремительно меняется, и я уже порой за чем-то не поспеваю, но и старомодным мышлением я понимал громоздкость, неудобство, опасность своего тайного архива, и оттого с самых интересных материалов сделал несколько фотокопий. Мне кажется, чтобы уничтожить все мои материалы, нужно по крайней мере недели две и человек пять, не гнушающихся тяжелой физической работой.

— Раз уж вы коснулись своего любимого детища, позвольте, я задам один давно мучающий меня вопрос?

— Пожалуйста.

— Рашидов не опасался растущих объемов ваших досье?

— Нет, от него я и получал много интересующих меня материалов, и не всегда в частных беседах. Однажды доставили в Аксай от него целый опечатанный контейнер бумаг. Шурик мне доверял, кто знает, может, он считал, что это не мои досье, а его?

— Какой Шурик? — растерянно спросил гость, посчитав Иллюзиониста окончательно опьяневшим и несшим всякую чушь.

— Шурик? Разве вы не слышали, что я давно дал ему такое прозвище и за глаза иначе его не называл?

Гость облегченно вздохнул, ведь подумал было, что напрасно проговорил ночь с пьяным человеком.

— Теперь вы согласны, что моя просьба поделиться информацией из ваших источников дороже денег? — спросил он, вкладывая в сказанное лесть, и продолжил: — Но и информация, не подкрепленная крепкими финансами, всего не сделает. А деньги, что я хочу у вас заполучить, послужат прежде всего возвращению вас в легальную жизнь. Ведь изменись обстановка в стране, власть, ее цели — все для вас встанет на место, но, чтобы это произошло, нужны люди, средства, долгая работа и, конечно, удача.

— Да, удача, случай, обстоятельства в политике не последнее дело. Значит, дорогой прокурор, хотите заполучить мое досье, а заодно и мои деньги? — спросил хан Акмаль слишком уж весело и почему-то поднялся.

«Вот я и добрался до главного, — подумал Сенатор, — теперь не помешала бы мне его жадность и самоуверенность, что он в обмен на бумаги выкупит себе жизнь, с КГБ такие торги не пройдут, это не ОБХСС, придется расшифровать каждую строку тайных досье, а за грехи ответить по закону, там миллионами никого не соблазнишь. Вера во всемогущество денег может на этот раз его погубить. Самое слабое место подобных людей, — неожиданно подумал гость, — они абсолютно уверены, что все продается и все покупается, дело лишь за ценой». Такая мысль показалась ему даже открытием, и он решил дома занести это в дневник, где он фиксировал свои жизненные наблюдения.

Хан ходил где-то за его спиной, и высокий ворс афганского ковра ручной работы скрывал его грузную поступь, зато он хорошо слышал его дыхание, тяжелое, одышливое от жирной пищи, частого курения и неумеренных выпивок. Наверное, просчитывает, какой суммой следует поделиться, чтобы и гостя не обидеть, и интереса его к себе не потерять, подумал человек из ЦК и потянулся к серо-голубой пачке «Кент», отыскавшейся среди ночи и в Аксае.

И вдруг произошло невероятное. Хан Акмаль, ходивший у стены со знаменами, сделал стремительный рывок к дастархану, у которого спиной к нему полулежал на мягких подушках гость, переступил через него, грубо выругался, и с силой ударил ногой по руке, наконец-то дотянувшейся до пачки «Кент», лежавшей в дальнем углу скатерти. Пачка сигарет, словно выпущенная из катапульты, глухо ударилась в оконное стекло. Гость не успел ничего понять от неожиданности, как хан начал пинать его ногами, приговаривая:

— Дураков ищешь, мент поганый? Думаешь, не знаем, с кем ты в Ташкенте якшаешься день и ночь, ходишь в доверенных людях у нового прокурора республики, с твоей помощью они пересажали половину уважаемых людей республики. Сейчас ты подробно расскажешь, с кем так замечательно выстроил идею отнять без особых хлопот у меня все: и деньги, и тайны

людей правящих? Кто помог? Москвичи, следователи по особо важным делам, догадались, или твои друзья в прокуратуре, или в КГБ такую складную сказку сочинили — ислам, зеленое знамя, деньги во имя будущего свободного Узбекистана...

А я, дурак, ведь чуть не клюнул. Как ловко придумал — занести все в компьютер, а копию в КГБ, в прокуратуру, да? Вот сейчас вызову человека, он большой мастер по части дознания, не скажешь — живым не выпустим. И смерть, достойную предателя своего народа, придумаем. Ты, кажется, говорил, что тебе тандыр-кебаб у меня понравился и бассейн? Так вот — умрешь в наслаждении: или уничтожим в прекрасном голубом зале, или зажарим живьем в тандыре, а потом отдадим свиньям, чтобы и следа твоего поганого в Аксае не осталось.

А перед смертью послушай теперь меня, умник. Ты думаешь, закон в руках у прокуратуры, суда, юстиции, МВД, КГБ — чушь собачья, это для тех, кто не догадывается, кто хозяин в стране. А хозяин один, он и есть закон, имя его — партия! Я, к твоему сведению, сопляк, член ЦК, депутат обоих Верховных Советов, я могу ошибаться, даже совершать преступления, но я и люди, подобные мне, я имею в виду видных членов партии, неподсудны. Самое большее наказание — отстранят от дел и отправят на пенсию, и то с персональными привилегиями, которые таким, как ты, шелкоперам, законникам, и не снились. Да ты сначала поинтересовался бы, дурья башка, кто из Москвы, из больших людей бывал здесь, в Аксае, с кем я общался там, у них в столице, у кого с Шарафом Рашидовичем гуляли в гостях на дачах в Белокаменной. Они ведь тут такое вытворяли да такое по пьянке говорили, а у меня все зафиксировано, подшито в дело. У меня натура такая, есть бухгалтерская жилка, люблю учетность и отчетность.

Так что, милый, я с этими людьми в одной обойме, в одной упряжке, кто же позволит меня посадить. А ты предлагаешь мне стать иммигрантом в стране, где я настоящий хозяин. Не выйдет! Пока у руля партии и государства мои друзья, ни тебе, ни твоим коллегам, даже из КГБ, я не по зубам, заруби это себе на носу. А сейчас ты на собственной шкуре испытаешь — испугался я тебя или нет, даже если ты и заведующий отделом ЦК, — и он громко крикнул: — Ибрагим! Ибрагим!

Прокурор услышал еще издали, в коридоре, за закрытой дверью скрип сапог бегущего человека. Наверное, кто-нибудь из утренних сотрапезников, подумал он и не ошибся, в комнату влетел, гремя чем-то железным в руках, тот, который и провел его в эту красноразнозначную комнату, и он наконец за весь долгий день услышал его имя — Ибрагим.

Учтивый сотрапезник подбежал к лежавшему гостю и с ходу пнул кованым сапогом в бок, прокурор аж передернулся, подумал, не выбил ли он ребро, такая острая боль ударила сразу в позвоночник, и в этот момент Ибрагим поддал ему еще раз, и Сенатор дико закричал.

— Кричи, кричи, тут тебя ни твой КГБ, ни МВД не услышат, — злорадно сказал Иллюзионист и засмеялся, его поддержал золотозубый вассал.

Ибрагим вдруг рванул его правую руку к себе, и только теперь гость увидел, что гремевшее в руках железо — наручники. Человек в костюме на вырост привычным движением защелкнул их на руке и перехватил левое запястье, но тут вышла заминка, он хотел замкнуть чуть выше часов, но зев наручников оказался для этого мал, гость все-таки был крупный мужчина. Ибрагим кинулся расстегивать браслет, но это ему не удавалось, «Ролекс» имел двойной запор с секретом. Не выдержав возни помощника, хан Акмаль поспешил ему на помощь и, только прикоснувшись к тяжелому золотому браслету, который Ибрагим наверняка считал своей добычей, вдруг удивленно, отчасти с испугом спросил:

— Откуда у вас, Сухроб-джан, эти часы? — Вопрос прозвучал в такой интонации, что Ибрагим невольно отошел подальше, почувствовал, что произошло какое-то недоразумение.

Сенатор моментально уловил растерянность хозяина, понял, что это его единственный шанс остаться живым, ибо знал, что в горячке хан непредсказуем, поэтому, собрав всю выдержку, спокойно ответил:

— Японец подарил.

— Какой японец, настоящий, из Страны восходящего солнца? — вытирая взмокший лоб, спросил хан Акмаль.

— Артур Александрович, есть такой человек, близкий друг Анвара Абидовича, он и Шарафа Рашидовича хорошо знал, а Японец — его московская кличка.

— Артур — ваш знакомый? — уже совсем ошалело спросил хан Акмаль и жестом подозвал Ибрагима, чтобы тот снял наручники.

— Да, мы с ним хорошие друзья, и он мне многим обязан, — ответил спокойно избитый гость, словно ничего не произошло, и потянулся за второй пачкой сигарет, лежавшей там же, где и первая.

Иллюзионист услужливо протянул огонек зажигалки и закурил сам.

— Ничего себе история вышла, я-то думал, ты «засланный казачок». — Сомнения все еще отражались на его одутловатом лице, и мысль работала лихорадочно: как быть, как быть? — прокурор читал это без особых усилий, и вдруг лицо хана Акмаля просветлело, обращаясь к Ибрагиму, он сказал: — Соедини-ка нас по срочной с Артуром, сейчас глубокая ночь, наверняка дома, он порядочный семьянин, скажи, что его просит Акрамходжаев.

«Наконец-то сообразил, как проверить», — подумал Сенатор и с удовольствием затыкнулся, бок от удара сапогом побаливал. Прежде чем выйти из краснознаменной комнаты, Ибрагим снял с подоконника телефонный аппарат и поставил его перед прокурором. «Хоть бы он оказался дома, хоть бы был дома», — твердил как заклинание гость, вспылчивый норов аксайского хана гарантий не предполагал. Они продолжали молча курить, разрядить обстановку хану, видимо, не хватало фантазии, а у гостя для светской беседы были слишком напряжены нервы. Так они просидели минут семь-восемь, не больше, эти мгновения для прокурора показались часами.

Наконец-то распахнулась дверь и на пороге появился другой золотозубый, второй сотрапезник за завтраком, он, вежливо обращаясь к гостю, произнес:

— Сухроб-ака, пожалуйста, возьмите трубку, на проводе Ташкент.

Как ни старался прокурор себя сдерживать, но все-таки рванул трубку торопливо, и суетливость его не осталась незамеченной хозяевами.

— Здравствуйте, Сухроб Ахмедович, — раздался в трубке, как всегда, бодрый голос Шубарина, — рад вас слышать даже среди ночи, но, честно говоря, не ожидал, что вы забрались так

далеко, надеюсь, приятно проводите время у моих друзей? — Японец говорил в свойственной только ему манере, лаконично, с подтекстом, он давал понять, что догадался, что прокурор попал в беду и разговор прослушивают.

— Да, ночь выдалась фантастическая, сожалею, что не подбил вас на совместную поездку, здесь такой удивительно волшебный парк, бассейн, сауна, и хозяин встречает по-хански.

— Для потехи не зажаривает ли кого-нибудь из гостей живьем, это в его духе... — сбивая все на шутку, со смехом спросил Артур Александрович.

— Я здесь один, ночь впереди, и программа развлечений мне неизвестна, я ведь в Аксае первый раз, может, и такое предстоит.

— Понял, желаю хорошо погулять, пожалуйста, передай трубку «Гречко».

— Здравствуй, Артур, извини, что поднял среди ночи, пили тут за твоё здоровье, — говорил Иллюзионист, не сводя глаз с Сенатора. — Ко мне нагрянул неожиданно гость, жаль, без тебя. Мы с ним малость повздорили, ты уж извини, он, оказывается, твой друг.

— Да, он мой друг, дорогой Акмаль, и нет цены его жизни, ты уж с ним повнимательнее, да смотри, чтобы он в понедельник на работе был вовремя, он сказал, где работает? — еще раз подстраховал Шубарин прокурора, не понимая, что привело того к опасному хану.

— Сказал, сказал, не беспокойся, доставлю в лучшем виде. Жаль, Артур, что мы в последнее время мало видимся, и я не знаю всех твоих друзей, — успел бросить упрек хозяин дома, и разговор неожиданно прервался.

Сенатор знал привычки Японца и понял, что тот обрубил разговор, слишком долгие беседы вызывают любопытство ночных телефонисток.

— Да, промашка вышла, — вполне искренне признался Иллюзионист, — вы уж извините, Сухроб-джан, я, наверное, действительно уже стар, не могу отличать друзей от врагов, раньше я такие непростительные ошибки не совершал, людей читал словно книгу. Но вы должны понимать — и история-то непростая, разговор шел о жизни и смерти, вариантов не слишком много, чтобы выбирать. Исмат! — крикнул

он неожиданно. Вошел двойник человека с наручниками. — Пусть зайдет Ибрагим и извинится перед дорогим гостем, он, кажется, невежливо с ним обошелся.

Человек, которого звали Исматом, ответил:

— Акмаль-ака, он и так, узнав, что Сухроб-джан близкий друг Артура, места себе от страха не находит. Чтобы не попадать на глаза гостю, ушел домой, я не стал его задерживать, у него все из рук валится..

— Ну ладно, пусть придет утром извиняться, — буркнул хозяин дома. — Раз уж пришел, распорядись, чтобы включили сауну, а повара пусть быстренько пожарят штук двадцать перепелок в кипящем курдючном жире, можно и шашлыки из печени. Стол накройте в другом месте, лучше на воздухе, чтобы ничто не напоминало гостю о неприятных минутах, а мы с Сухроб-джаном пойдем в бассейн, поплаваем. Вода освежает, бодрит, в воде легче проходят обиды, по себе знаю. Все понял?

— Да, хозяин, — по-военному ответил Исмат и быстро заскрипел в коридоре сапогами.

— Вставайте, Сухроб, покинем это неудачное место, зайдите к себе в комнату, возьмите халат, оставшуюся часть ночи проведем приятнее. Я вижу, вы, как и я, ночной человек, сова, и, может, оба любим именно предрассветные часы, что наступают, я жду вас в купальном зале.

Когда минут через десять он появился в купальном зале, Иллюзионист уже был там, расхаживал в просторном, до пят, ярко-красном балахоне с капюшоном, висевшем у него за спиной как казачий башлык.

Увидев гостя, он скинул махровый халат прямо на ковровую дорожку и плюхнулся в бассейн. Не стал дожидаться особого приглашения и Сенатор, вода манила еще сильнее, чем вечером.

Прокурор, вспоминая о своих страхах в бассейне всего несколько часов назад, вспомнил и про тандыр, где могли изжарить его живьем, подумал, что его сомнения не были столь беспочвенны, ведь обещал Иллюзионист и смерть в роскошном купальном зале, отчего в таком случае не током? Но сейчас страха он не ощущал, и не оттого, что рядом купался сам хан Акмаль, а потому, что имел гарантию Шубарина, тот если страховал, то надежно.

Сенатор также небрежно скинул золотистый махровый халат на ковровую дорожку, оглядел кровоподтек от сапога Ибрагима на левом боку и шумно, как и хан Акмаль, плюхнулся в воду.

Вынырнув у противоположной бровки, он подумал, как хорошо, что Иллюзионист затеял ночное купание, прохладная вода с гор успокаивала, даже унялась боль в боку, бассейн служил психологической разрядкой после того шока, что он пережил в краснознаменной комнате. Хан Акмаль шумными саженками подплыл к гостю и, видя, что тот уже почти успокоился, сказал:

— Сухроб-джан, как хорошо, что у вас на руке оказались эти часы, они спасли вам жизнь, честно говоря, на меня от горя, от обиды затмение нашло. И я, конечно, знаю, что меня бросили, предали, порвалась связь и с Ташкентом, если бы располагал прежней информацией, как при Шурике, разве я не знал бы, что вы в друзьях с Артуром? А он молодец: людей с такой хваткой мало, вот кому бы я отдал портфель министра экономики даже в исламском правительстве. Идеология — идеологией, религия — религией, а Шубарин лучше других знает, как народ накормить, обути, он извергается идеями, как нефтяной фонтан. Тут, в Аксае, я претворил в жизнь многие его проекты и рад, что у вас под боком такой надежный советник. А его преданность этому мерзавцу Тилляходжаеву поразила всех, оттого и отступились от его семьи. Ведь я в курсе дел, и еще этот тайный ночной стрелок, стреляющий без звука, мистика какая-то.

— Ариф стрелял с глушителем, а его пятизарядный «Франчи» имеет прибор ночного видения, он стреляет на звук, на голос, на шорох, я видел, как он тренируется, — фантастика!

— Да, у Артура всегда все первоклассное: и бухгалтера, и плановики, и мастера, и даже убийцы. А какие у него телохранители, я хотел у него переманить Коста, не удалось, — сказал с сожалением Иллюзионист, — а какие подарки он делает? Радуетесь, как ребенок, его подарок и спас вам жизнь, а меня от греха. Мне он подарил «Ролекс» лет пять назад, мы случайно, не сговариваясь, встретились в Москве, я с Шарафом Рашидовичем на сессии Верховного Совета СССР был, обедали

в его любимом ресторане при гостинице «Советская», Артур его «Яром» на старый манер называет.

Вручая за столом подарок, он сказал: «Акмаль-ака, вот часы известной швейцарской фирмы, сделаны они для меня по индивидуальному заказу, таких — с платиновыми стрелками и платиновым циферблатом — немного, и у кого вы увидите их на руке, считайте, что это наши люди, они вас поймут и окажут поддержку».

— Жаль, у вас на руке не оказалось «Ролекса», быстрее нашли бы общий язык, — засмеялся гость.

— Да, я тут ношу их редко, слишком уж бросаются в глаза в нашей глуши, считай, только раз они и пригодились бы, — ответил Иллюзионист.

— Один раз, но мне он чуть не стоил жизни, — с обидой произнес гость.

— Не будем об этом вспоминать, дорогой Сухроб-джан, все хорошо, что хорошо кончается, я обязательно искуплю свою вину. Поверьте, я умею не только наказывать...

В дверях сауны, выходящих к бассейну, появился уже знакомый банщик и сказал:

— Сухроб-ака, уже сто десять градусов, можно и в сауну...

— Сауна — это хорошо, живо хмель выгонит, — рассмеялся хозяин загородного дома, и они поплыли в разные стороны к трапам, гость к тому, где ему показалось, что его ударило током.

В парной хан Акмаль снова вернулся к мучившей его мысли.

— Да, быстро стали меня забывать, быстро списали. Прошло только три года, как нет нашего Шурика, и все пошло кувырком, какие-то новые люди повсюду, без роду, без племени. Поистине, по-русски: с глаз долой — из сердца вон. И Артур меня бросил, впрочем, я сам должен был знать, как идут у него дела, обязательно наткнулся бы и на вас. К Шубарину я обращался редко и только по просьбе Шурика, если дела решались за пределами республики. У Японца большие связи в Москве, да и повсюду. И ваш вертикальный взлет, как у английского истребителя «харриер», я проворонил, видимо, действительно стар стал, не понимаю время.

Если бы вы знали, как трудно ощущать, что уже не владеешь ситуацией, чего-то недопонимаешь. Не будь я так упрям,

понимай время, уже два года назад перевел бы свои архивы в память компьютера.

Приезжали тут из Москвы два спеца, прислал их надежный человек, он мне видеofilmы уже много лет поставляет, они за большие деньги хотели сделать то, что ты сегодня предлагал, у них компьютер был «ИБМ». А мне тогда казалось, что в натуре, в бумагах, надежнее, целее. Сегодня я понял, что мог бы забрать в изгнание и весь архив, самое ценное в моей жизни, в одном чемодане. Владея им, я по-прежнему был бы силен и, по крайней мере, сохранил бы жизнь, торгуя сведениями оттуда. Иная информация дороже жизни, тем более, если она касается чужой. Иногда за убийство я рассчитываюсь не деньгами, а канцелярской папкой с двумя-тремя бумажками, за деньги могли бы и отказаться, за сведения никогда, срабатывает во много крат надежнее, эффективнее. Вот что такое, дорогой Сухробджан, мой архив, которым вы хотите завладеть, ему цены нет.

— Знаю, дорогой директор, оттого и рискую. Даже допускаю мысль, что больше половины бумаг окажутся ненужными, новое время сметает многих людей, а вслед за ними и кланы, навсегда. Уж поверьте мне, пройдет два-три года, и не останется даже понятия — номенклатура, на ней все ныне и стоит, и ею же все стопорится в перестройке, а у вас ведь досье на нее в основном. Предполагаю, что партии придется кое-где потесниться, а где-то уступить права, увидите, доживем еще и до беспартийных министров. Но может оказаться, что какое-то досье будет стоять сотен, оно одно может решить серьезный политический расклад. И еще. К какому правовому государству ни стремились бы, какими бы мы демократичными и прогрессивными ни стали, наверное, жизнь в наших краях всегда, при любом режиме, при любом знамени, будет иметь свой восточный колорит, я имею в виду политический и должностной, свою специфику, вот для этой самой специфики сгодятся все ваши досье, это уж точно.

— Да, вы все правильно рассчитали, должности и деньги не отменят ни при какой демократии, они всегда будут притягательны, — поддержал тщеславие новоявленного политика дважды Герой Социалистического Труда.

Долго наслаждаться в сауне и в бассейне им не дали, пришел Исмат и доложил, что в саду накрыт стол и что перепелок

подадут минут через десять. Они вернулись из парной в купальный зал еще раз и прямо в халатах подошли к айвану, где снова их ждал щедрый дастархан.

В бассейне и сауне Сенатор ощущал какой-то новый прилив сил, бодрости, наверное, все-таки это был короткий эмоциональный всплеск после пережитого стресса в красном знаменном зале, и он вроде был готов гулять до утра, и тут ему не хотелось уступать хану Акмалу в энергии, жизнелюбии, что ли. Но едва он занял свое место на мягких курпачах, с удобной подушкой под боком, как понял, что чертовски устал, и его уже не радовали ни обилие и изысканность стола, ни улыбки подружки Мавлюды, адресовавшиеся ему все чаще и чаще.

Опять появился Сабир-бобо, на этот раз с другим подносом и всего одной бутылкой коньяка, он принес шоколадно-темный «Ахтамар». Сенатор машинально подумал, неужели у хана кончились запасы «Двина», но тот, словно уловив его мысли, сказал:

— «Двин» мягче, с него хорошо начинать застолье, а я вижу, вас клонит в сон, на этот случай «Ахтамар» надежнее, сейчас вы сразу почувствуете, проверено.

Выпили. И впрямь коньяк подействовал бодряще, чему гость обрадовался, ведь дела он все-таки не решил, а уже давно наступило воскресенье.

Но разговор как-то не клеился, уходил в сторону, прокурору хотелось, чтобы после беседы с Шубариным хозяин дома сам вернулся к основной теме, но тот не то чтобы юлил, но ни о деньгах, ни об архиве не говорил. Все больше о лошадях, о женщинах, о Шурике, но когда он уже сам собрался спросить — как же все-таки насчет дела, по которому он приехал, хан неожиданно сказал:

— Я вижу, вы устали, к ночным застольям не приучены, но если вы всерьез намерены заняться политикой, и это должны одолеть, все пригодится. Иногда какую-то уступку, подпись я вырываю на рассвете, днем вы ее не заполучите. Что касается вашего визита, а я вижу по глазам — вам не терпится узнать результат, считайте, что я вам помогу. Хотя я сожалею, что о вашей затее не знал Артур Александрович. За ним всегда стоят солидные люди, игнорировать их грех, несерьезно. Сейчас уже утро, идите отдыхайте. Зульфия проводит вас, пообедаем после

трех часов пополудни, к этому времени я приготовлю то, что представляет для вас интерес, и продумаю, как вас отправить незаметно, Артур очень беспокоился, чтобы вы не опоздали на работу. Он сразу понял, какому риску вы себя подвергаете, связь со мной афишировать нынче не модно.

— Зульфия! — громко крикнул хозяин в темноту, и из-за кустов можжевельника, окружавших айван, выпорхнула улыбающаяся подружка Мавлюды. — Пожалуйста, отведи гостя в дом, а то он заплутает, если не в саду, то в коридорах. И не забудь поставить у кровати столик с минеральной водой или холодным чаем, после таких застолий жажда мучает.

Зульфия выслушала молча и так же молча глазами дала понять, чтобы гость следовал за ней. Едва они отошли подальше, Сенатор взял ее руку и сказал:

— Весь вечер мучился, придумывая тебе имя, а оказывается, тебя зовут Зульфия — красивое имя, и оно тебе очень идет. Зульфия... — проговорил прокурор шепотом и нараспев.

Она повернулась к нему и озорно ответила:

— Зачем же мучились, Сухроб-ака, спросили бы, вам бы я не соврала.

Он хотел сказать ей еще что-нибудь ласковое, нежное, но на пороге дома их уже поджидал золотозубый Исмаат, и, увидев его, Зульфия как-то сразу посерьезнела, прибавила шаг, образовав заметную дистанцию. Как только они вошли в комнату, он попытался ее обнять, но она, шурша хан-атласным платьем, ловко выскользнула из его рук и, улыбаясь, сказала:

— А как же насчет минеральной воды, яхна-чая, вас ведь жажда до смерти может замучить?

— О, это уже вторая моя смерть за сегодняшнюю ночь будет, Ибрагим собирался меня живьем зажарить на вертеле в тандыре, без чая и минеральной я не умру, меня другое будет мучить — тоска по тебе, — попытался отшутиться гость.

Выглянув на секунду в коридор, она неожиданно заговорщически прошептала:

— Потерпите немного, сейчас Акмаль-ака с Исмаатом уедут, я сама слышала, как они договаривались, и тогда я к вам загляну...

Зульфия ушла от него, когда уже совсем рассвело.

Поднялся он в два часа дня сам и сразу, уже по привычке, отправился в бассейн. В доме стояла тишина, словно он вымер,

слышалось лишь щебетанье птиц в саду, пернатые со всей округи, даже с гор, облюбовали владения аксайского хана. Дверь сауны распахнута настежь, но банщика не видно, наверное, парилка сегодня отменялась. На секунду мелькнула тревога, не задумал ли хан еще какую пакость, от него все можно ожидать, но опять успокоил состоявшийся разговор с Шубариным, его страховали. Теперь уже другая мысль мучила — какую сумму отвалит Иллюзионист в счет будущего государства с исламским знаменем или новой партийной власти сталинско-брежневского образца с твердой рукой, где хан Акмаль вновь будет почитаться за образец верного ленинца?

Плавал он долго, часы на стене из красного обожженного кирпича успели отбить три пополудни, и только тогда он услышал, как у зеленых ворот раздался сигнал черной «Волги» хана Акмаля, его музыкальный итальянский клаксон узнавался издали.

«Наконец-то», — подумал Сенатор, но выходить из бассейна не спешил, пусть хозяин дома думает, что гость не волнуется. Услышав за спиной скрип знакомых сапог, прокурор вынужден был оглянуться, прежде чем его окликнут и поздравляются. К бассейну шел не директор, как он рассчитывал, а Исмат.

— Салам алейкум, Сухроб-ака, — приветствовал он гостя довольно-таки сухо, — как отдыхали в нашем доме, как настроение? — Традиционный восточный ритуал, когда обмениваются ничего не значащими фразами.

— Спасибо, все нормально, отдохнул прекрасно. А где же Акмаль-хан, он обещал пообедать вместе со мной после трех, но в доме, как мне кажется, ни одного человека, кроме вас.

— Да, все верно, обед уже почти готов, но Акмаль-хан забыл сказать, что он состоится в другом месте, там вас и ждут, я за вами.

Прокурору пришлось прервать купание и идти спешно переодеваться. Шагая коридорами просторного дома, он то и дело озирался по сторонам, хотел увидеть Зульфью, попрощаться с ней, а может, выведать, отчего изменились планы у хана.

«Волга», выехав из яблоневого сада, повернула в сторону грязной снежной шапки гор вдали. Миновали шлагбаум, где охранник, вчера ранним утром приметив вертолет, бросился в

сторожку предупреждать по телефону то ли Ибрагима, то ли Исмата. Сегодня дежурил другой, толстый, в мятой киргизской шляпе из белого войлока. Через полчаса одолели еще один охраняемый пост, хотя дорога вела только в горы и ни одной машины не попадалось навстречу.

«Как в строго охраняемом заповеднике», — подумал прокурор и стал оглядываться по сторонам. Пологие склоны гор из-за обилия водопадов, мелких речушек зеленели густой сочной травой, многие годы не знавшей косы. Ореховые сады и дикие яблони, росшие вперемежку с арчой и кустарником, спускались к буйно цветущим альпийским лугам, нигде ни обрывка газеты, целлофана, ни стекла, блеснувшего на солнце, много лет народу сюда ходу нет, только доверенным пасечникам, егерям, охотоведам. Хан Акмаль собственной волей объявил горы заповедной территорией, везде расставил предупредительные щиты, обещающие крупный штраф, суровое наказание за нарушение владений, а кое-где даже обнес высокой колючей проволокой. Почувствовав тишину, покой и безлюдье, сюда потянулся отовсюду зверь, налетела и птица, и горы стали богатым охотничьим угодьем хана. И на зайца, и на лисицу, и на оленя, и на кабана, и на джейрана, и на косулю, волка и росомаху, и даже на медведя можно было охотиться в ханских владениях.

В горных речках плескалась форель, а в озерах обжились бобры и ондатра. Десять лет прошло, как охотоведы завезли из Сибири соболя, куницу, колонка и белку, они тут хорошо прижились под охраной человека.

Дорога к охотничьему дому в горах, а они, как понял Сенатор, ехали туда, не была такой уж явной, хотя, казалось бы, как спрячешь дорогу, но и тут хан исхитрялся. Асфальт часто петлял, иногда прерывался, ближе к горам даже стоял знак «Тупик», и дорога обрывалась километра на два, но затем вновь шла аккуратно мощенная трасса, которую знали только хорошо посвященные люди. И тут Иллюзионист блефовал по привычке, уж, казалось, зачем, территория и так объявлена заповедной, кругом шлагбаумы — и вдруг такие сюрпризы, тайные тропы. Наверное, все-таки, чтобы никто не подглядывал закрытую жизнь хозяина и его высокопоставленных гостей, слуг народа, как любил иногда называть себя хан Акмаль.

Огромный дом, каменное строение, он лишь по специфике мог называться уменьшительно — охотничий домик, что для непосвященного предполагает непрезентабельность, минимум комфорта, гарантируя лишь тепло и крышу над головой, ибо сама охота и есть дорогое и редкое в наш век удовольствие, выпадающее на долю лишь избранных. Но по двум квадратным трубам дымохода, с обеих сторон брандмауэрной стены высокой черепичной крыши гость быстро определил, что в доме на каждой половине имелся зал с камином, а два камина говорили о претенциозности хозяина, никто не обделен — ни те, кто играет в карты, ни те, кто хотят спокойно смотреть телевизор или слушать музыку, разная, видимо, тут собиралась публика.

Подъехав ближе к краснокирпичному зданию с битумно-черной расшивкой швов, прокурор догадался, что и купальный зал с бассейном и сауной, и охотничий дом — творения рук одного архитектора, а скорее всего, и то и другое скопировано почти один к одному с тщательной привязкой к местности из какого-нибудь модного журнала, а может быть, из каталогов известной строительной фирмы или архитектурной мастерской. В последние десять лет все это в изобилии, включая каталоги одежды, аппаратуры, ввозилось в Узбекистан, здешние подпольные миллионеры обслуживались предприимчивыми людьми по каталогам, в числе таких людей, конечно, был и хан Акмаль. Те коммивояжеры, что регулярно доставляли в Аксай видеофильмы, могли завезти и каталоги по архитектуре, тем более по просьбе директора.

Если бы не явно восточная открытая веранда, примыкающая к особняку, и высокие резные двери, характерные опять же только для Средней Азии, то снимок охотничьего дома хана Акмаля вполне можно было принять за строение в швейцарских Альпах, или на Пиренеях, на границе Франции с Испанией, или где-нибудь на Балканах, в Черногории, Косове, а, может, в Греции, в предместье Солоник, есть похожие места. Горы, они почти везде одинаковы, и разницу может заметить только опытный глаз или человек, хорошо знающий местность, теперь гостю становилось понятным, почему владельцы новомодных карабинов «Беретта», «Франчи» любили прилетать сюда на охоту, такие условия и таких глухонемых слуг, как Сабир-бобо, видимо, мало где могли предоставить.

Въехали за высокую ограду, выложенную из камня, видимо, территория была обнесена задолго до постройки здания с двумя каминными залами, или же когда-то на месте краснокирпичного здания имелось другое сооружение, переставшее устраивать разбогатевшего хозяина и из-за удобства строительной площадки и удивительного ландшафта вокруг снесенного в пользу псевдомодерна в стиле тридцатых годов. О том, что каменная ограда стара, говорил тот факт, что вся она поросла мелкими вьющимися растениями, такие заборы по весне сами по себе зацветают густой яркой зеленью, но чтобы так ровно и плотно — на это нужны годы и годы. Нынешние каменные стены, и архитектура самого здания придавали нездешний вид горной резиденции хана Акмаля.

В дальнем углу двора, где разместилась дощатая летняя кухня, крытая горевшей на солнце белой жостью, полыхали огни очага, топившегося тяжелой и жаростойкой лиственницей из соседнего, за перевалом, лесного кордона, сновали взад-вперед знакомые по загородному дому повара. Возле них мелькнула и поджарая фигура Сабира-бобо, опять же во всем белом. Вблизи особняк оказался умело спроектированным, такие здания в этих краях не строят, предпочитают возводить дом на ровных площадках. С той стороны, откуда они въехали, попадали к парадному входу, но сразу на второй этаж, потому что возвели здание в двух уровнях, и, обойдя строение, можно было заглянуть на первый, откуда наверх вела широкая винтовая лестница из хорошо полированного дуба.

Как только они вышли из машины и «Волга» стала осторожно съезжать в подземный гараж, имевший крутой уклон, на пороге появился сам Иллюзионист в спортивном костюме «Адидас», в мягких кроссовках, вероятнее всего, он только что вернулся с прогулки. Там, в какую сторону ни пойдешь — водопады, родники, мелкие речушки, альпийские луга, как рассказывал по дороге об охотничьем домике Исмаат, прекрасно знавший места.

— Задерживаетесь, задерживаетесь, дорогой Сухроб-джан, — встретил хозяин, посматривая на часы, и Сенатор увидел золотой «Ролекс», что получил хан Акмаль пять лет назад в ресторане гостиницы «Советская». Его взгляд не остался незамеченным, и Иллюзионист сказал: — Да, да, те самые, решил

похвалиться. — И, поздоровавшись, протянул левую руку, часы у него оказались абсолютно новенькими, видимо, хан действительно их редко носил. — Прошу в дом, я только с прогулки, дошел до самого дальнего водопада Учан-су, проголодался, да и вы, видимо, сегодня еще не садились за стол, небось и голова со вчерашнего побаливает, просит, чтобы ее полечили.

Хан Акмаль сегодня был приветлив, улыбчив, источал радушие и гостеприимство. Но все же не покидала мысль: а почему он меня так далеко в горы завез, ведь часа через три-четыре я должен отправиться в обратную дорогу? Самолетом он все-таки не располагает, к чему напрасные хлопоты, я ведь приехал не восторгаться охотничьим домиком в стиле модерн и угожьями, где водятся кабаны и олени.

Прошли просторную прихожую, обшитую темным деревом, одолели коридор, куда выходила лестница с первого этажа, взятая в ажурное кольцо из литой бронзы, по верху обрамленная тем же дубом, что и перила лестницы, чтобы какой-нибудь загулявший гость не свалился вниз, и хан Акмаль распахнул высокую дверь, оказавшуюся входом в каминный зал.

Зал был просторным, он свободно вмещал два столовых гарнитура ручной работы из Порт-Саида. Тяжелая, неуклюжая мебель, каждая рассчитанная на двенадцать персон, неожиданно полюбившаяся местным нуворишам и партийной элите и оттого резко подскочившая в цене, здесь, в просторе дома, казалась к месту. Возможно, впечатление это складывалось оттого, что дальняя стена комнаты была занавешена огромным гобеленом светло-золотистых тонов, под цвет обивки мебели. Сюжет гобелена подчеркивал назначение дома, изображался царский выезд на охоту с псами и псарями, свитой и вельможами, дамами и кавалерами. Живописное полотно, что и говорить, оно привлекало внимание сразу, только потом, наглядевшись, наткнулся глазами на камин, искусно обложенный снаружи местным рваным камнем и зиявший за тяжелой решеткой красным нутром из жаропрочного кирпича. Над всей шириной камина, а он, пожалуй, тянул почти метра на два, висели изумительные по красоте рога сохатого, прекрасно обработанные, наверняка — подарок одного из охотников, подобные экземпляры лосей в этих местах не водились. Такие рога и по красоте, и по размерам регистрируются международным

охотничьим союзом, и счастливику выдаются сертификаты, подтверждающие мировой стандарт.

Хан уловил восхищение гостя, большинство из местной номенклатуры обычно восторгались гобеленом, и поэтому с гордостью сказал:

— Настоящие чемпионские рога! У меня на них есть документ, сертификат называется, по-немецки написано. Такие экземпляры, говорят, на аукционах тысячи долларов стоят, мне один большой человек подарил, сказал, что они в этом доме к месту.

Сенатору казалось, что хан Акмаль предложит осмотреть дом, оба этажа, покажет и свою коллекцию ружей, но он неожиданно пригласил за один из накрытых столов, возле которых суетились две новые девушки. И гость почему-то решил, что хан куда-то торопится, может, он надумал вместе с ним наведаться в Ташкент? Но Иллюзионист, тоже читавший мысли гостя, открылся сразу, недоверие прокурора могло перерасти в неприязнь к нему, а ему сейчас этого не хотелось. Самоуверенный выскочка, делавший в большой политике первые шаги, чем-то походил на него самого, только был гораздо более образован, с иной хваткой, и в его стратегии имелась логика, и во времени он ориентировался куда увереннее многих.

— Вы, наверное, удивились, что обед перенесли сюда, в охотничий домик, но так сложились обстоятельства, и у меня не было возможности предупредить, не стану же я вас будить. Дело в том, что ко мне вечером прибывает Тулкун Назарович...

Ах, вот он что затеял, решил подложить мне свинью, мелькнула молниеносная мысль у человека из ЦК. Скомпрометировать задумал и отстранить от дел или же, наоборот, хочет пристегнуть ко мне Тулкуна Назаровича, чтобы держать мои действия под контролем? Прокурора не устраивал ни тот, ни другой вариант, он не хотел ничьей опеки, ни с кем прежде времени не собирался делиться планами. С трудом сохраняя спокойствие, он сдержался от вопроса и продолжал чистить яблоко, поглядывая на каминные часы, начавшие отбивать четыре часа пополудни.

Пауза затягивалась, хозяин дома ожидал, что эффект будет большим, но не сработало, и ему ничего не оставалось, как продолжить:

— Он прибывает в Наманган на какое-то совещание, назначенное на завтра, решил почему-то встретиться со мной. Он не догадывается о вашем визите ко мне? — растерянно спросил хан Акмаль.

— Нет, не должен, я же вам сказал, что это моя частная инициатива, — жестко ответил Сенатор, но про себя подумал, неужели позавчера засветился на ташкентском вокзале...

— Вы не беспокойтесь, с вашими делами я управился, все готово, — продолжил торопливо хан, ощущая недовольство гостя. — Решили вопрос и с вашим отъездом, Исмат сядет в Намангане на скорый поезд в двухместном купе, а вы войдете в вагон на первой же остановке поезда, она будет через час двадцать семь минут после отправления. На эту станцию вас и доставят мои люди.

— Зачем же беспокоить Исмата, — перебил гость хозяина дома, — пусть он отдаст билеты проводнику и скажет, что пассажиры сядут на такой-то станции. Для верности пусть вложит пятерку-десятку и попросит напоить чаем в дороге.

— Этого я сделать не могу. Артур очень беспокоился за вас, мои люди посадят вас в вагон, в купе вас примет Исмат. Когда Исмат увидит, что за вами захлопнется дверь вашего дома, и позвонит Артуру, что вы у себя, тогда моя миссия будет окончена, такие у нас правила. Точно так же вам придется доставлять людей на место, которые придут к вам с серьезным разговором, запомните на будущее. К тому же вы не учли, какая сумма будет с вами и какие документы. Вы не смотрите, что Исмат не производит впечатления, как Коста или Ашот, но и он свое дело знает, можете спать спокойно, вы будете под надежной охраной.

— Спасибо, я как-то об этом не подумал.

— А теперь давайте выпьем, пообедаем, а потом прогуляемся к моему любимому водопаду, заодно поговорим о делах, когда еще увидимся, теперь я в Ташкент не ходок... — И хан Акмаль принялся разливать коньяк, на этот раз он уже стоял на столе.

Выпили, закусили, но застолье сегодня тянулось вяло, никак не могло набрать темп, и коньяк не помогал. Сенатор думал, зачем сюда собирался пожаловать Тулкун Назарович, неужели тоже решил предупредить старого друга о грозящей

ему опасности? Мучила и другая мысль: не сообщит ли хан Акмаль о его визите и не окажется ли он сам на крючке у этого опытного интригана? А может, сам хан Акмаль срочно его вызвал, сославшись на то, что прокурор затеял в обход власть имущих что-то важное и хотел заручиться у него в Аксае поддержкой — появилась и такая мысль. Что ж, при таком раскладе он вроде снова возвращал к себе интерес, попадал в эпицентр внимания, как прежде. Но зачем ему это? Разве я не объяснил, что все они — битая карта? — задавал он себе вопрос и сам же себе отвечал, вполуха слушая хозяина дома и лениво ковыряя вилкой в знакомых тарелках английского фарфора со сценариями охотничьей жизни.

Но Тулкун Назарович все-таки не шел у него из головы, что же крылось за его неожиданной, тоже тайной поездкой в Аксай? Но вслух он спросил:

— Гость остановится в загородном доме, где мы вчера с вами пиروвали?

— Нет, он просил меня принять его здесь, в охотничьем доме, он с Шарафом Рашидовичем бывал здесь не раз, сюда никто не может нагрянуть, даже случайно. Он, кстати, как и вы, хотел сохранить свой визит в тайне.

— Не проще ли было оставить меня там, внизу, я не стою от нетерпения увидеть его? — обронил прокурор, вновь почувствовав какой-то подвох.

— Не волнуйтесь, встречи не произойдет, я думаю, и у него нет желания сегодня увидеть вас за этим столом. Представляете, что с ним случится, если вы вдруг войдете в зал, — инфаркт самое меньшее, он ведь отдает отчет, какой отдел вы возглавляете в ЦК, с кем встречаетесь ежедневно. От разговора с ним я не жду каких-то результатов, чисто по-человечески меня разбирает любопытство, предупредит ли он меня об опасности, как вы, или нет? Или же придет жаловаться и по старой привычке просить денег. Но как бы там ни было, я обязательно поставлю в известность, с чем он заявился, заодно прощупаю его, я решил дальше делать ставку только на вас. Почему я перенес обед сюда? Тут объяснение простое. Все, что вы просите, находится тут, поблизости, в горных тайниках, и я уже был здесь, когда получил сообщение о визите Тулкуна Назаровича. Я практически не успевал

отобрать вам фотокопии, спуститься с гор, пообедать с вами и встретить нового гостя на въезде в Аксай, поэтому я перенес встречу в охотничий домик, вот и весь расклад. Я давно уже никого не принимал здесь, и следовало самому осмотреть дом, чтобы все выглядело по-прежнему. Через два часа мы вместе с вами поедem ему навстречу, в машине у меня телефон, и с какого-нибудь поста передадут о передвижении гостя, как только они покажутся на горизонте, я сойду, а вас доставят на станцию.

Видя, что гость не вполне доверяет его словам, хан решил изменить кое-что в намеченной программе и потому вдруг сказал:

— Я понимаю вашу настороженность, Сухроб-джан, меня бы тоже смутил визит Тулкуна Назаровича и навел на неприятные мысли, но так сложились обстоятельства, и, чтобы вы до конца не портили себе обед, я сразу же передам вам обещанное, может, это вновь вернет ваше доверие ко мне. — И Иллюзионист вышел из-за стола и покинул комнату на несколько минут.

Вернулся он вместе с Сабиром-бобо, сам он нес большой потертый кожаный чемодан, а старик в белом — щеголеватый атташе-кейс и какую-то большую коробку, тщательно упакованную и прихваченную со всех сторон широкими полосами самоклеющейся ленты, судя по всему, не очень тяжелую. Поставив коробку и кейс у стола, Сабир-бобо молча покинул каминный зал. Аксайский Крез бросил туго набитый чемодан прямо на стол и, кивком головы пригласив гостя, начал открывать замки.

— Вот деньги на благие дела, что вы задумали, и пусть над нашим краем скорее взвьется зеленое знамя ислама, — сказал хан и распахнул крышку. Чемодан доверху был уложен вперевязку банковскими упаковками сторублевок, а поверху для страховки еще и перетянут вдоль и поперек широкими кожаными ремнями, чтобы не болталось, видимо, в нем не однажды куда-то доставляли деньги.

Сколько же здесь миллионов, и не куклу ли мне заряжает хан, от него всего можно ожидать, а внизу какие купюры, может, червонцы? — мелькнула мысль у Сенатора, а вслух он хитро спросил:

— Я должен написать вам расписку? — Надеюсь таким образом узнать сумму, дареному коню ведь в зубы не смотрят.

— Обычно я так и поступаю, но сегодня другой случай, и пусть мое доверие станет основой наших отношений. А в дипломате фотокопии досье, которые, на мой взгляд, пригодятся вам в первую очередь, наверху там лежат документы и на сегодняшнего Первого, я отдаю вам его на растерзание. И последнее. Вчера я обещал чем-то загладить свою вину перед вами — вот этот подарок в коробке, надеюсь, он порадует вас не один раз. Подарок особый, вам он как нельзя кстати, его по старой привычке привез мне два месяца назад тот самый человек из Москвы, что доставляет мне фильмы и кое-что по мелочи. Это прибор, довольно-таки компактный, несложный в обращении, как все японское, им можно прослушивать разговоры на расстоянии пятидесяти метров, сквозь любые стены, можно подсоединиться ко всякому телефону, наверное, таких приборов и в КГБ пока нет. Привезли прибор в страну по дипломатическим каналам, так что за ним хвоста нет. Хорошая игрушка, жаль, что она мне почти не нужна. Из своего кабинета на третьем этаже вы сможете свободно прослушивать разговоры Первого, любые секретные совещания у него, на которые не будете иметь доступ. Все тайное в Белом доме отныне для вас станет явным. Техника — грозное оружие, жаль, раньше не было таких приборов.

Хан Акмаль не на шутку разволновался, ему даже пришлось снять куртку.

— А больше мне жаль другого, знай я вас хотя бы три-четыре года назад, до смерти Шурика, я сделал бы ставку на вас, посадил бы на трон, у меня тогда и сил, и средств хватало, и мы наверняка не оказались бы сегодня в такой ситуации. Если не при Андропове, так после его смерти подавно, отвели бы руку Фемиды от Узбекистана, разве мы одни погрязли в грехах, по сравнению с Кавказом мы, на мой взгляд, просто шалунишки.

— Да, вы правы, Акмаль-ака. Упущен год при Черненко, тогда, если бы приложить усилия, можно было и выдворить всех следователей с нашей территории, Костя знал, что его патрон благоволил к нашему краю, любил Шарафа Рашидовича и не хотел бы, чтобы отсюда пошли неприятные известия,

связанные хоть с Ленчиком, хоть с его зятем, генералом Чурбановым, хоть с дочкой Галей.

— Эти трусы и невежды проморгали время и сами теперь оказались в горящем лесу, от огня теперь никому спасения нет. Бог с ними, Сухроб-джан, и прежде чем предложить тост, чтобы эти деньги принесли вам удачу, я сделаю еще один подарок — верну подлинник досье на вас. Завели его недавно, как только вы объявились в Верховном суде. Ныне, конечно, у меня не те возможности, чтобы похвалиться собранным, и это, скорее, жест моего доверия, расположения к вам, по чужим досье вы поймете, что я располагал интересными сведениями и разными источниками. Кстати, в некоторых важных документах я указал, от кого исходила информация, агентура в особых случаях может вам пригодиться. — И хан Акмаль еще раз отлучился из-за стола.

Долгое отсутствие и натолкнуло Сенатора на мысль о том, что хан решил отдать его досье в последний момент, он действительно хотел расположить гостя к себе.

Вернулся хозяин дома с тощей канцелярской папкой, и ему тотчас вспомнилась вчерашняя фраза Иллюзиониста: «За иное убийство я рассчитываюсь не деньгами, а обыкновенной папкой с документами». Тогда смысл сказанного не то чтобы не дошел, он не потряс его, а вот сегодня, когда хан Акмаль небрежно бросил двадцатикопеечный бухгалтерский скоросшиватель с порядковым номером на коробку с прослушивающей аппаратурой из Японии, все прояснилось, стало на место — редкий по коварству ход.

Только теперь он понял, почему иной раз за деньги не решишь того, что можно сделать за сведения о собственной персоне, следовало всегда уравнивать ценность двух чужих жизней, одна из которых зависела от тощей канцелярской папки, находящейся в твоих руках. Располагая огромным банком информации, Сенатор еще никогда не воспользовался подобным смертельным приемом — хан умел загребать жар чужими руками, было чему поучиться. Невольно пришел на память прокурору капитан Кудратов из ОБХСС, когда тот проделал за него с Салимом опасную часть операции по спасению Коста.

— Так давайте выпьем, чтобы то, ради чего вы настойчиво добирались ко мне, рискуя карьерой и жизнью, принесло вам

удачу, — наконец-то предложил тост хан Акмаль, и гость с удовольствием поднял бокал.

Весь обед, опять же умело приготовленный и любезно подаваемый двумя хорошенькими девушками, прокурор сдерживал себя, чтобы не обращать внимания на коробку, где сверху лежало досье на него самого. Это давалось ему с трудом, испортило все наслаждение от трапезы, но экзамен, вольно или невольно устроенный Иллюзионистом, он выдержал, ни разу не потянувшись взглядом к папке с четырехзначным номером, начертанным ярко-красным жирным фломастером. Заканчивая обед, Сенатор опять посмотрел на каминные часы и вспомнил, что, когда они садились за стол, хозяин сказал: «Через два часа мы выезжаем отсюда». До назначенного времени оставался ровно час, сегодня опять наступал день с жестким регламентом: дорога, поезд, встреча Тулкуна Назаровича.

Взгляд гостя на часы не остался незамеченным, хан Акмаль сказал:

— Да, у нас с вами в распоряжении еще час, все идет по графику, я обещал показать вам свой любимый водопад, к нему мы сейчас и пойдем. — Он взял стоявший перед ним хрустальный колокольчик и позвонил, через некоторое время в зал вошел Сабир-бобо.

— Мы сейчас пойдем прогуляемся, я должен показать Сухроб-джану хотя бы ближайшие окрестности дома, московские гости, много повидавшие, говорят, что здесь красоты не уступают швейцарским, когда у него еще будет возможность приехать на отдых к нам. А ты загрузи в машину Джалила вещи нашего гостя, до Аксяя я поеду с ними, а моя «Волга» будет идти следом, я пересяду в нее, как только получу сообщения о приближении Тулкуна Назаровича. Вернусь я сюда вместе с новым гостем часа через три, тебя тоже предупредят по телефону, постарайся сделать все как в прошлый раз. Тулун человек капризный и надменный, тем более он приезжает опять с этой любовницей, татаркой, Накия или Нажия, кажется, ее зовут, ты у девочек спроси точнее, они ее тоже запомнили, и не забудьте в комнате поставить белые розы, это ее страсть. Сумасшедшая баба, в прошлый раз задумала купаться ночью голлой у меня в парке среди моих любимых лилий и лотосов, и даже Тулун не смог остановить, все спрашивала, кто красивее —

я или лилии, — засмеялся хан, видимо, вспомнив скандальную историю годичной давности. Старик в белом выслушал хозяина молча и, ни слова не сказав, вышел из комнаты. Человек из ЦК так и не решился спросить, почему он всегда молчит, но то, что старику отведена в доме не последняя роль, Сенатор почувствовал только сегодня.

Во двор спустились через первый этаж, воспользовавшись лестницей в середине коридора, которую гостю все-таки хотелось увидеть, она вела прямо в бильярдный зал, и у прокурора сложилось цельное впечатление о доме, хотя он не видел ни одной спальной комнаты, ни большого банкетного зала, о нем ненароком упомянул за обедом Иллюзионист. Огибая строение, Сенатор высчитал, что в дом можно попасть еще и с торца здания; аксайский хан, как и везде в среде своего обитания, понастроил тайных входов и выходов, наверное, чтобы держать под контролем жизнь своих высокопоставленных гостей.

Внутренний двор оказался куда просторнее, чем та часть с парадного входа, он полого спускался к темневшему вдали ущелью и занимал гектара два, огороженный все тем же каменным забором. Не облагороженный, как в парке с лилиями, но бережная рука человека чувствовалась внимательному глазу, она тут не старалась подменять природу. Да, на Акмаля-хана работали люди со вкусом.

Они шли рядом, вполголоса переговариваясь, а из окна второго этажа каминного зала им долго глядел вслед безмолвный человек в белом, наверное, он старался запомнить незваного гостя, спустившегося с неба, как снег на голову, и внесшего сумятицу в жизнь его хозяина. Волновал его и чемодан с деньгами, из Аксая многие уезжали с деньгами, но столько не увозил еще никто, а ведь еще вчера, когда хан Акмаль вышел за сигаретами и перекинулся с ним и Ибрагимом двумя-тремя фразами, жизнь этого человека, казалось, была уже решена, она не стоила и ломаного гроша. А сегодня хан вернул ему даже досье на него, ничем особо не примечательное, что, впрочем, тоже есть характеристика человека, тут главное, с каких позиций посмотреть. Хан, не найдя ничего интересного, сказал однозначно: «Хорошо метет следы, такого голыми руками не возьмешь». И держится с ним хан уважительно, как в лучшие годы с Шарафом Рашидовичем. Старик чувствовал, что с этим

человеком без галстука ему придется еще не раз иметь дело, и он старался не только запомнить, но и понять его, а бытовые обыденные привычки опытному человеку говорили о многом.

Например, он не сводил с него глаз за обедом, в специальное окошко, умело задрапированное над камином, среди роскошных рогов сохатого, как среагирует он на досье на самого себя, которое хан специально бросил на расстоянии протянутой руки, а тот даже глазом в ту сторону не повел, понимая, что его в очередной раз проверяют. Такое поведение говорило о многом, прежде всего о характере, силе воли, сдержанности, культуре, уме, наконец. А как он равнодушно глянул на деньги, даже не спросив сколько, когда хан распахнул крышку чемодана. Многие тут от жадности теряли контроль над собой, проверка деньгами практиковалась в Аксае в особо изощренной форме, и не всякий из уважаемых выглядел достойно, как этот джентльмен без галстука.

— Мы, наверное, не скоро увидимся, а телефонам я не очень доверяю, большинство из них прослушивается, и не обязательно по требованиям органов или с санкции прокурора, тем более у такого должностного лица, как вы, владеющего государственными секретами, — сказал хан Акмаль, — поэтому, пожалуйста, спрашивайте, что вас интересует, наш восточный такт, сдержанность иногда мешают делу. Мы сегодня должны оговорить многое, в свою очередь, я тоже кое о чем вас спрошу. Но если мне вдруг понадобится передать вам что-то срочное, я воспользуюсь только нарочным, у вас теперь во дворе ЦК много жалобщиков, как мне сказали, так что мой посланник не бросится в глаза, это будет обязательно житель Аксая, поэтому, пока не уехали, восстановите в памяти всех, кого вы видели тут, у меня не работают случайные люди. Воспользуюсь я, при надобности, и вашими днями в общественной приемной ЦК, поэтому, уходя, не забудьте заглянуть в коридор, может, там будет ходок и от меня.

Вот только теперь Сенатор не чувствовал подвоха в словах Иллюзиониста и очень жалел, что неожиданный приезд Тулкуна Назаровича не дал ему толком затронуть волнующие его проблемы.

— Спасибо за подслушивающую аппаратуру, но я хотел бы заполнить и вашего человека, читающего по губам, мне

о нем с восторгом говорил Шубарин, он как-то пользовался его услугами. Что он за человек? Располагая деньгами, я немедленно купил бы ему дом в Ташкенте и перевез его туда с семьей, он-то мне нужен будет часто, человек всегда мобильнее любой техники.

— Наверное, ему больше подойдет квартира, а не собственный дом, он холостяк, двадцать восемь лет, пять из них провел в тюрьме, там он и обучился своему редкому ремеслу, ко мне попал случайно, я спас его от нового срока заключения. Работает он фантастически, я проверял его несколько раз на себе. Сижу, разговариваю с кем-нибудь, передо мной магнитофон, а Айдын, он турок-месхетинец, где-то метров за тридцать с биноклем в руках располагается на дереве, на шее у него тоже магнитофон, для контроля. А затем сличаем обе записи, точность поразительная, хорош он и тем, что и узбекский, и русский знает в совершенстве, ведь у нас порою в разговоре невольно переходят с одного языка на другой, особенно грешат этим партработники и городская интеллигенция.

— Спасибо, Акмаль-ака, считайте, я его забрал, как только подготовлю ему жилье, за ним приедет человек, вы уж поговорите с Айдыном, что работа ему предстоит серьезная, иногда, мол, государственной важности, ну, и оплата, разумеется, профессорская. Скажите ему, раз он знает Артура Александровича, что требования у меня будут точно такие же. Но это лишь одна просьба. Я хотел бы в некоторых случаях пользоваться и вашим табибом, укорачивающим человеческую жизнь. Шубарин как-то упоминал о сигарете, выкурив которую, прощаешься с жизнью на следующий день, и главное, невозможно определить отравление при экспертизе. Не ваш ли лекарь мешает в табак хитрое зелье?

— Нет, не мой, Артур к нему не обращался, я бы знал. А что касается сигареты, ничего в нее не мешают. Сигарета — вещь хрупкая, нежная, тем более фирменная, чем обычно и привлекают курильщика. А делается это так, сигаретку сутки держат в особой табакерке, и она впитывает ядовитый аромат, не убивающий вкуса и запаха табака. Такая табакерка у меня есть, разживемся и для вас. Способов отправить человека на тот свет тайно нынче много, есть снадобье, вызывающее через время инфаркт и даже опасные раковые заболевания, в каждом

конкретном случае лучше советоваться со знахарем, как я и делаю, он столько людей на тот свет отправил, что в сотрудничестве с вами не откажет, но он работает не в Аксае, сюда он наведывается в горы на все лето за травами, а живет он у вас под рукой, в Ташкенте, я с Айдыном передам его координаты, я рад, что вы собираетесь работать всерьез.

Они выбрались далеко за ограду охотничьего дома и шли рядом хорошо вытоптанной тропинкой в горы, то и дело останавливаясь, но разговоры у них были не об удивительной природе, открывающейся вокруг. Уже доносился шум водопада, но они его не слышали, их волновало другое. Гость, пользуясь минутами откровения непредсказуемого хана, торопился прояснить ситуацию.

— Хотя вы отказались от расписки, я все-таки вернусь еще раз к деньгам. — Сенатор упорно гнул свое. — Там, мне кажется, миллионов шесть, не больше...

— Да, вы почти угадали, всего пять, — уточнил Иллюзионист.

— Пять или шесть — в принципе особой разницы нет, и та, и другая сумма невелика. Вы знаете, чтобы сейчас повернуть какое-нибудь серьезное дело, нужны счета с пятизначными и шестизначными цифрами. Я расцениваю ваш взнос как первоначальный, что-то вроде аванса в привлекательное, но рискованное предприятие. — Сенатор ожидал, что хан вскипит, скажет что-нибудь о неблагодарности, но он ошибся.

— Да, пожалуй, можно считать мой вклад даже не авансом, а единовременным пособием, я отдаю себе отчет, что задуманное вами стоит больших денег, я сам вчера говорил, что огромные средства необходимы для создания молодежного, студенческого движения, бесплатно заниматься политикой никто не станет, на все нужны деньги. И считайте, что они у вас есть. Но если я немедленно передам вам средства и архивы, ответьте, зачем нужен я сам? — Хан посмотрел на гостя, и в его взгляде не было присущей ему всегда агрессии, видимо, он говорил искренно. — Я и документами поделился лишь отчасти, отдал то, что, считаю, может пригодиться вам в ближайшее время, и опять из тех же соображений. Денег должно хватить примерно на год, если за это время ваша работа покажется целесообразной, эффективной — за финансирование не волнуйтесь. Денег я скопил достаточно

и хотел использовать примерно на те же цели, что и вы, тут у нас разногласий нет.

— А как вы узнаете, эффективна ли моя работа, движется ли? Политика — не бег на короткие дистанции, если вдруг вам придется уехать или, извините, хуже того, вас арестуют?

— Вот об этом у вас не должна болеть голова, я узнаю обязательно, а если вдруг умру — будут в курсе мои доверенные лица, их много, и они всегда придут к вам на помощь, так и в дальнейшем, в вас будут вглядываться внимательно, я ведь все эти годы не сидел сложа руки, тоже что-то создал. И не обижайтесь, если я сегодня не все разложил по полочкам, вы возникли из ничего, вас не было в моих планах, а теперь вы занимаете в них главное место, и все это, заметьте, за сутки, перестроить стратегию тоже нужно время, и после вашего отъезда я займусь этим вплотную. Может, встреча с Тулкуном Назаровичем что-то еще прояснит?

— Но как мне все-таки быть, если с вами что-то случится? — решил на откровенный разговор прокурор.

— Да, вполне резонный вопрос, он меня не обижает, если понадобится срочная помощь, найдите Сабира-бобо. — Видя удивление на лице гостя, он повторил: — Да, да, Сабира-бобо, считайте, он мой духовный наставник. Человек железной воли, лишен тщеславия, он сам себе придумал образ служки, чтобы не привлекать ничьего внимания, и держится в таком обличье уже почти пятнадцать лет. Он мало говорит, но зато умеет слушать. Вот к нему и обратитесь, он знает всех моих друзей и единомышленников, моих последователей, короче, всех тех, кого я объединил за эти годы, а их много, они повсюду, он сегодня укладывал деньги и понял, что вы теперь в Ташкенте — наше особо доверенное лицо. — Хан Акмаль неожиданно сделал паузу, и они услышали грохочущий рядом водопад. — Мои московские гости называли его Летящая вода, от него в округе брызги летят как от шампанского, а внизу все пенится, шумит, искрится, пузырится, как знаменитый напиток, которому Артур отдает предпочтение перед всеми другими. — Хан Акмаль оглянулся по сторонам, словно кого-то поджидал, и предложил: — Давайте, Сухроб-джан, присядем на эти валуны, шагов через двадцать от шума низвергающейся воды ничего не будет слышно, а мне еще есть что сказать вам.

Близость водопада, стремительной горной реки чувствовалась, и камни, на которых они расположились, не держали тепла послеполуденного солнца, они казались влажными.

— Визит Тулкуна Назаровича, — продолжил разговор директор, — оказался некстати, только сегодня мы нашли толком подход друг к другу, а поговорить всласть нет времени. Я благодарен вам за предложенный вариант эмиграции в соседние республики. Скажу честно, такой исход для себя я тоже предусмотрел, и давно. У меня есть не только резервный дом, поддельный паспорт, но даже жена, которая говорит всем, что мы в разводе из-за того, что у нее нет детей. Время от времени туда наведывается мой двойник с подарками, так что мое появление там вряд ли для кого-то окажется неожиданным и привлечет внимание. Говорят, у меня склад ума как у шахматиста, видимо, учитывая многовариантность и непредсказуемость моих ходов, хотя я, кроме нард и картежной игры, не признаю ничего, даже бильярд, наверное, оттого я пять лет назад, в безоблачное время, придумал для себя плацдарм для отступления.

Вчера, когда вы ушли отдыхать, я вернулся в бассейн, попросил затопить сауну, вызвал массажиста и все время думал о вашем предложении — бежать ли мне?

О том, что надо мной сгущаются тучи, я чувствую, и разрозненные сведения об опасности ко мне все-таки поступают, и у меня нет оснований не доверять вам, и я, наверное, действительно играю с огнем. И все-таки сегодня на прощание я хочу сказать, что вот здесь, у водопада, я твердо решил не бежать. Скажете — безумие? Возможно. Но весь опыт моей жизни говорит, что люди моего круга, ранга, положения, называйте как хотите, — неподсудны! Таких, как я, не сажают — это бросит тень на партию. Вы, наверное, потребуете еще хотя бы один аргумент в пользу подобной логики — пожалуйста. Пока Шурик лежит, захороненный в центре города, напротив выстроенного им самим Музея Ленина, как вернейший его ученик и последователь на Востоке, и пока его именем названы города, площади, улицы, никто не посмеет меня пальцем тронуть. Такого прецедента, чтобы вчерашнего верного ленинца, почти члена Политбюро, орденоносца, так быстро выкинули из истории партии, не было.

Допускаю, что лет через двадцать — тридцать дойдет очередь и до него, как подоспело время разобраться со Сталиным,

тогда, может быть, неблагодарные потомки и предпримут какую-нибудь пакость с перезахоронением, с переименованием, как нынче у нас повелось, но сегодня, когда повсюду сидят его друзья, его ученики, его вассалы, на такое никто не пойдет.

А тронь меня, придется выкапывать Шурика, я один отвечать не намерен, да что Шурик, которому ныне все равно, мертвые сраму не имут, кажется, так у русских, со мной на скамью подсудимых пойдут многие охотники, любившие уют этого дома. — Хан Акмаль кивком головы показал в сторону особняка с высоким брандмауэром, как бы делившим дом на две половины. — Вот они где у меня все. — Иллюзионист крепко сжал свой пухлый кулак. — Вы, дорогой прокурор, в аппарате ЦК человек новый, не знаете реальную силу партии, они не должны дать меня в обиду, иначе им всем не поздоровится, мы все из одного котла ели.

Вот это и останавливает меня от эмиграции, я ведь уже не молод, на далекие перспективы рассчитывать не могу. Потом, вы не допускаете мысль, что мое бегство будет многим на руку, на меня таких собак навешают — век псиной пахнуть будешь, не отмоешься? Я не хочу отвечать за других.

И последнее. Возможно, меня и арестуют, я подготовил себя и к такому исходу, я знаю, какими козырями располагаю. Будь что будет: семь бед — один ответ. Без Акса я нигде не быть самим собой, только тут для всех я бог и царь. А сегодня, заручившись вашей дружбой, я тем более не склонен исчезать, если понадобится, если будут топить, организуете с Артуром побег из тюрьмы, вот тогда я подамся к одной из бедных женушек, ожидающей меня целых пять лет, почти как Одиссея, но, надеюсь, до этого не дойдет. Вот что хотел сказать относительно себя. — Хан Акмаль встал и, глянув на часы, спокойно предложил: — Давайте потихоньку возвращаться, время подпирает, а по дороге я еще кое-что вам скажу, но это касается не меня лично, а нашего общего дела.

И они повернули назад, так и не дойдя до водопада, не до Летящей воды было сейчас хану, да и гостя не очень-то волновали красоты природы. Последнее обстоятельство, желание Иллюзиониста остаться в Аксае до любого исхода, несколько путало планы прокурора. Но следовало выслушать его до конца. Огибая причудливо расположенные валуны

у водопада, напоминавшие, наверное, некоторым японский сад камней, они вернулись на тропу, ведущую к особняку, красиво возвышавшемуся невдалеке, место для него оказалось выбранным идеально.

— Вы только начинаете свои первые шаги в политике, а время торопит, поджимает вас, поэтому мне хотелось бы дать вам несколько конкретных советов. Они, на первый взгляд, могут показаться не столь существенными, далекими от ваших целей, но они-то, если вдуматься, проанализировать, работают на вашу идею. Мы сегодня уже несколько раз упоминали Шурика, будь он жив, я клянусь вам, республика никогда не попала бы под микроскоп следственных органов Прокуратуры СССР. Виноваты мы, не виноваты — вопрос другой.

Бесспорно для меня и то, что взлет нашего государства и нашей республики, лучшие его годы, как ни парадоксально ныне звучит, пришлись на время правления Рашидова и его друга Брежнева. Таких успехов, подъема жизненного уровня, массового жилищного строительства республика не будет знать еще долгие годы. За время его правления сложился не только административно-партийный аппарат, но выросла и собственная интеллигенция, а эти два основных сословия являются катализатором подъема национального сознания. И аппарат, и интеллигенция еще скажут свое слово. На фоне былых успехов и удач быстро забудутся неудачи, ошибки Шурика, ибо страна, как я вижу, вступает в полосу кризисов, их так много, что всего и не перечесать, а так называемая гласность и демократия расшатывают до конца дисциплину и порядок, которых всегда не хватало системе.

Почему я читаю вам этот ликбез? Да потому, что вижу: вы уже списали Шарафа Рашидовича, а он есть олицетворение определенного порядка, восточной интерпретации марксизма-ленинизма, он, как никто другой, учитывал национальную специфику в государственном устройстве, тут ему в настойчивости не откажешь. Вы ведь до конца не знали все его цели и устремления, а он смотрел далеко. Я когда-нибудь расскажу о нем подробнее, а вы обрадовались, нашли приписки, вышли на след миллионов и миллиардов. Ну и что? Кто бросит в него камень, что он воровал для себя, жил жизнью сибарита? Такого человека вы вряд ли найдете, он жил жизнью

аскета. Это глубоко трагическая фигура, если кто-то всерьез будет исследовать его жизнь, уверяю вас, убедится в этом.

Скажете, что его поступки, помыслы непоследовательны, зачастую во вред республике, нации? Да, разделяю, могу и примеры назвать. Но вспомните ленинское — «Шаг вперед — два шага назад», а ему в условиях жесткой руки Москвы, чтобы сделать шаг вперед, иногда приходилось делать десять назад, на давно завоеванные позиции, но тот единственный шаг вперед, который без отступления никак не мог быть сделан, все-таки свершался! Оставался завоеванной позицией! Он создал республику, не последнюю в союзе пятнадцати, назовите город, где у нас нет высших учебных заведений, университетов, престижных научно-исследовательских центров, а на это, дорогой, у других стран уходят столетия, века, а он одолел эту историческую дистанцию за двадцать лет. К чему я это говорю? К тому, что у нас мало авторитетов, ярких личностей, как нация с самостоятельной государственностью мы молоды, и нет нужды топтать в грязь достойные истории имени.

— Что вы предлагаете? Напечатать панегирик в честь вашего друга и покровителя? — усмехнулся Сенатор.

Хан Акмаль пропустил иронию мимо ушей, словно не слышал, и спокойно продолжал:

— Да, сегодня ни одна газета, ни один журнал, кроме пасквиля о нем, ничего другого не напечатает. Но вы пошевелите мозгами, задумайтесь, почему при таком потоке грязи, обрушившейся на Сталина, его имя все еще любимо и чтимо народом?

— Потому что все обросло мифами, легендами, народ не поймет, где правда, где ложь.

— Верно, — обрадовался Иллюзионист. — Вы сразу поставили точный диагноз, а почему бы не воспользоваться готовым беспрюграммным рецептом? — Видя недоумение собеседника, пояснил: — Нужны мифы, легенды о Шарафе Рашидовиче, подумайте об этом на досуге. Для начала я подброшу две-три идеи. Такую, например, что он не умер, а схоронили его двойника, а сам он спокойно живет в Афганистане, Иране, Саудовской Аравии. Разве ему сложно было пересечь границу в Термезе? Вы вчера и мне предлагали этот вариант.

Другая версия, более трагическая. Он не умер от инфаркта, а его убили. Казалось бы, исход один — смерть, но убили —

это уже жертва. Ни в коем случае не надо отрицать его ошибок, они очевидны. Приписывал? Да, приписывал. Знал, что каждую осень в республику поступает около миллиарда незаработанных денег за счет повального искажения государственной отчетности? Знал. Почему воровал или способствовал казнокрадству из всесоюзного котла? Потому, что считал: за хлопок республике платят ничтожно мало. Не поймет народ? Поймет, поймет — за рабский труд на хлопковых полях нынешняя плата унижительна. Может, не поймут в Москве или еще где-то, но для нас важно, чтобы поняли здесь, в Узбекистане, двадцать миллионов коренного населения, а на остальных наплевать, вас не должны волновать чужие эмоции. А дехканин свое слово еще скажет, попомните это, если уж я их с трудом удерживаю, то при нынешней свободе все кончится взрывом.

А идея о сознательном воровстве, широко внедрившись в массы, спасет многих наших казнокрадов, да и меня тоже. Предвижу новые контраргументы. Почему воровал? Во благо Отечества, тех двадцати миллионов, задавленных хлопком. Что успел сделать награбленными миллионами для Отечества и для нации? И тут есть прекрасный ответ. Много думали сделать, понастроить школ, больниц, но не успели — все Москва отобрала, у одного бедного Анвара Абидовича сразу десять пудов золота из могилы отца выкопали. Результат? Мы — жертвы! А к жертвам всегда есть сострадание, а в ином случае можно рассчитывать и на понимание, тем более, если подавать материал в подобном ракурсе. Вот что нужно осторожно, в удобоваримых дозах внедрять в сознание обывателя, внутри и за пределами республики.

— Да, никогда до этого бы не додумался, — искренне признался Сенатор.

Оставшуюся часть дороги прошли молча, наверное, каждому из них было, о чем подумать. Прежним путем, через бильярдный зал, поднялись по винтовой лестнице с мраморными ступенями в каминный зал, где к приходу с прогулки обновили стол, хан Акмаль предложил выпить на посошок. Коробку, чемодан, досье из комнаты уже унесли, прокурор на всякий случай выглянул во двор, там стояли две черные «Волги» с одинаковыми номерами, и в багажник одной из них укладывали чемодан с деньгами, а коробку с подслушивающей аппаратурой, как вещь

хрупкую, поместили на заднее сиденье салона, внизу все было готово к отъезду.

Хан Акмаль придирчиво осмотрел стол, словно ему чего-то не доставало, и вдруг спросил:

— Вы в ближайшие дни увидите Артура, я хотел бы передать ему подарок. Вряд ли я скоро с ним встречу, а через чужих передавать не хотелось бы, эту вещь тоже афишировать не стоит, иначе от нее никакого толку.

— Да, я буду с ним обедать во вторник и с удовольствием вручу. Передавать подарки гораздо приятнее, чем поручения, — рассмеялся Сенатор.

— Нет, поручений никаких, хотя это вполне в духе наших восточных традиций, вслед за подарком обычно следует просьба, вы правы.

Иллюзионист опять поднял хрустальный колокольчик и позвонил, в зал тотчас вошел Сабир-бобо с плетеной корзиной в руках, накрытой белой крахмальной салфеткой, он поставил ее на стол, чуть поодаль от сервированной его части.

— Пожалуйста, принесите ту штуку, что не подошла мне и которую мы решили подарить Шубарину.

Старик молча отошел от стола.

— А эта корзиночка вам в дорогу, вдруг хорошая компания сложится в поезде, погуляете. Не забудьте, когда будем уходить.

Вернулся Сабир-бобо быстро и передал хозяину небольшой яркий пакет, в каких обыкновенно продаются шерстяные вещи известных фирм: свитера, пуловеры, жилеты. Прокурор почти отгадал, потому что Акмаль-хан небрежно достал из упаковки жилет с перламутровыми пуговицами, но не вязаный, а из добротного материала, темно-серого цвета, вполне элегантный, но что-то консервативное, старомодное все-таки чувствовалось в нем. Слишком мал у горла вырез, будет теряться красота галстука, двубортный, с большим запахом на груди, и, пожалуй, чересчур удлиненный. Вряд ли такой жилет, скорее всего английский, мог доставить радость Японцу, тот уж слишком внимательно относился к своему гардеробу.

— Ну, как мой презент? Вряд ли у кого в Ташкенте есть такая новомодная штука, я думаю, он обрадует моего друга Артура, — улыбался Крез, держа на вытянутых руках подарок.

— Я обязательно передам, — ответил вежливо Сенатор, не желая огорчать хана Акмаля.

Хозяин дома понял, что до прокурора не дошла ценность подарка, и он, бережно укладывая его обратно в пакет, сказал:

— О, это волшебный жилет, он из кевлара, а Артур — человек рискованный, часто искушает судьбу. На Востоке жилету цены нет, вам ли не знать. Что чаще всего у нас — стреляют в спину или бьют ножом под лопатку. А второго выстрела Японец никогда не допустит, даже без телохранителя.

«Пуленепробиваемый жилет!» — наконец-то дошло до него, и он сконфуженно улыбнулся.

— Да, американский, там каждому полицейскому положен, жизнь человеческая у них в цене. Привезли для меня, но он мне мал, не сходится на груди, да и ни к чему теперь, и вам он тоже мал, — предупредил он гостя, видя, как загорелись у него глаза, — а вот Артуру будет как раз, мы тут прикидывали на Айдына, он по комплекции как наш друг.

— Да, вы действительно щедры как Крез, спасибо и от меня, и от Артура Александровича.

Последний тост подняли за успехи и удачу задуманного, не успели они толком закусить, как каминные часы отбили еще один час. По тому, как директор взглянул на свой золотой «Ролекс», Сенатор понял, что пора уходить, хозяин ни при какой ситуации не встанет первым, таковы уж традиции Востока, много в них привлекательного, гость там действительно превыше всего.

Прокурор сделал «оминь» и решительно поднялся из-за стола, и в последний момент почувствовал, что ему не хочется уезжать из уютного, хорошо спланированного особняка с красной черепичной крышей. Он увидел себя ненастным осенним вечером в этом зале у топившегося камина, в теплом стеганом халате, с бокалом виски в руках, и никого в пустом доме — ни друзей, ни женщин, а только тихие, все понимающие слуги, как Сабир-бобо. Вдруг он подумал: «Если когда-нибудь свершится задуманное и я займу кабинет на пятом этаже в Белом доме, при любом знамени, то особняк оставляю за собой и буду приезжать сюда на охоту, устраивать балы на открытом воздухе во внутреннем дворе, спускающемся к ущелью».

Словно уловив его мысли, хан Акмаль спросил:

— Что, не хочется уезжать из этого дома?

— Не хочется, здесь прекрасно! Как вольно дышится, — ответил прокурор с неожиданным волнением и грустью в голосе.

— Да, я тоже ощущаю магию его стен, я рад, что он вам доставил минуты радости. — И хан Акмаль, как был в адидасе, так и поспешил из зала, видимо, время подпирало до предела. Прихватив корзиночку со снедью, где легко угадывались бутылки коньяка и шампанского, Сенатор вышел следом.

Хан Акмаль, вероятно по привычке, занял место рядом с шофером, а прокурор расположился по соседству с коробкой, и вновь досье оказалось вблизи. Папку просунули между обвязкой упаковки, чтобы случайно не выпала где-нибудь, но он не забывал о ней ни на минуту, какое уж тут затерять! Как только Сабир-бобо захлопнул дверцу машины за гостем, «Волга» мощно рванула с места, видимо, шофер знал о цейтноте.

— Не отказывайтесь от любой командировки в Наманган, я всегда найду возможность тайно переправить вас в Аксай, могу и сам туда прибыть инкогнито, живая беседа, личный контакт не повредят нашему общему делу, мы еще таких слухов напридумаем, вашему идеологическому отделу наперекор, — продолжил народный депутат тему, начатую у водопада. — На одной хлопковой теме десяток жутких проблем можно выкатить: от экологической, где засилье дефолиантов губит землю, до жилищной: бедному дехканину нет места построить дом для сына, все занято проклятым хлопком.

Да что дом, в иных местах люди годами под кладбище места выбить не могут — опять же хлопок. Хлопок создает и продовольственную проблему. Когда-то нас заверили: вы решите хлопковую независимость страны, а мы вас завалим овощами, фруктами, мясом и молоком, а «завалим» не получилось, хотя мы свой долг выполнили до конца, дали не только стране, но и всем друзьям по СЭВу, а что имеем взамен... голодное существование и безработицу в благодатнейшем краю.

А теперь еще находятся умники, которые уверяют, что мы сидим на шее у других, едим чужое мясо и чужой картофель. Ловко используя все беды и просчеты, можно повести народ за собой куда хочешь, государственная машина неповоротлива, и эту медлительность тоже надо учитывать, дорогой мой Сухроб-джан...

— Акмаль-ака, вы, конечно, говорите очевидные и бесспорные истины, мы сейчас с вами не в президиуме партийного собрания, объясните мне как на духу — почему вы прозрели только с гласностью и перестройкой? Почему вы вчера молчали? Вы, обласканный государством человек, депутат, орденосец, Герой Социалистического Труда. Вы имели возможность не только с трибун, но и в доверительной беседе со своими влиятельными московскими друзьями, приезжающими на королевскую охоту, да и в тиши подмосковных государственных дач, сказать о болях и страданиях узбекского народа, вас, наверное, выслушали бы.

Разве не ваш друг Шурик довел площади монокультуры до таких размеров, что народу и для кладбищ места не осталось? Он что, не понимал, чем грозит тотальный хлопок для республики с самым плотным народонаселением в стране? Разве он не знал, что за хлопок мы платим здоровьем нации, детей, что они чуть ли не с колыбели в поле? Не знал, что школьники и студенты — больше на хлопковых полях, чем в классах и аудиториях? Да что проку от того, что Леонид Ильич, говорят, обожал наш край и дружил с Шарафом Рашидовичем, народ от этого что выиграл?

Иллюзионист вдруг расхохотался, причем не деланным смехом, а настоящим, заразительным, азартным, откинув голову на высокий подголовник сиденья.

— Ах, как эмоционально задавали вы вопросы, Сухроб-джан, жаль, не было магнитофона, не мешало бы послушать себя со стороны. Вы пылали таким праведным гневом, и, право, роль обличителя вам к лицу. Вы что, всерьез считаете, что политика служит народу, учитывает его заботы, чаяния? Отчасти, дорогой, лишь отчасти, не забывайте это в самом начале своей политической карьеры. Массы нужны для реализации определенной политики, и сегодня народу надо задавать только мои вопросы и подсказывать мои ответы, и в той последовательности, в какой я их сформулировал, и ни в коем случае не ронять в толпу ваше любопытство, адресованное лично мне и моему другу Шарафу Рашидовичу. Вы имеете право их задавать, чтобы не наделать впредь ошибок Шурика, да и моих, и вам я, конечно, отвечу, но даже в эпоху тотальной гласности, с традиционной оговоркой советского чиновника — не для печати — исключительно для вашего просвещения.

И в это время в машине раздался телефонный звонок, Иллюзионист сам поднял трубку и молча выслушал говорившего, и лишь в конце сказал:

— Ибрагим, все идет по программе, я встречаю вас у Красного камня, не обращайтесь внимания на «Волгу» Джалила, не останавливайте ее, она спешит к поезду. Все, до встречи.

Обернувшись к гостю, хан Акмаль с разочарованием в голосе произнес:

— Жаль, Красный камень минут через пять, там я сойду, а вам, чтобы получить ответы, придется приехать в Аксай еще раз, заодно я подробнее расскажу о Шурике, ведь мало кто его по-настоящему знал, и даже в своих книгах, как писатель, он не поведал сокровенных мыслей, очень скрытный был человек.

Машина остановилась, прежде чем выйти, Арипов оглянулся на заднее окошко, вдали, на взгорке, показалась вторая «Волга». Сухроб Ахмедович тоже вышел из салона попрощаться с необыкновенным хозяином, с которым провел непростые сутки, они могли лечь в основу иного романа или киносюжета, так лихо все было закручено от первой до последней минуты пребывания на земле Аксяя. По традиции они обнялись на прощание, и в последнюю минуту Сенатор понял, что до Акмаля-хана наконец-то дошло, какая петля стягивается у него на шее, и здесь, у Красного камня, один на один, всем своим потерянным видом нагловатый аксайский Крез не скрывал, что он очень надеется и рассчитывает на прокурора. И все же последним его словом все равно оказались деньги, вера в их всевластие.

— Вы денег не жалеете, деньги есть. Если не берут десять тысяч, переходите сразу на пятьдесят, сомневаются при пятидесяти — давайте сто! Удачи вам!

Хан Акмаль сам приветливо распахнул дверцу машины и предупредил напоследок:

— Как увидите навстречу две белые «Волги», пригнитесь, вы же знаете, какой Тулкун хитрый, а я тоже хотел бы, чтобы ваш визит остался в тайне.

Одна черная «Волга» подъехала к Красному камню, другая с таким же номером отъехала, страна Зазеркалья с ее причудами, тайнами оставалась за спиной. Прокурор понимал, что догляд за ним продолжается, небрежно откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, всем видом показывая усталость и равнодушие

ко всему, а мысль его, напряженная, кружила вокруг досье на самого себя, до которого было рукой подать, но нетерпение проявлять не следовало. Человек, живущий достойной жизнью и не знающий за собой грехов, не должен проявлять интереса ни к каким бумагам о себе, он так и поступал, так завтра Джалил и доложит хану Акмалю.

От выпитого, от суеты напряженного дня его клонило ко сну, лишь четкая работа мозга не давала ему возможности задремать, он искал повод, причину, чтобы небрежно взять папку и успокоиться наконец. Что знал о нем хан Акмаль, кто у кого в большей зависимости оказался?

— Гости появились, — предупредил вдруг равнодушно Джалил.

Прокурор открыл глаза и увидел, как навстречу с большой скоростью неслись две белые «Волги». Сенатору показалось, что они сами едут медленно, и потому сказал:

— Пожалуйста, прибавь скорость, и дорога, и видимость позволяют, чтобы у них вдруг не возникло желания остановить нас.

Шофер тут же дал газу, и стрелка спидометра сразу метнулась за отметку «120», люди хана, видимо, приказы не обсуждали ни при каких обстоятельствах. Когда до встречных машин осталось метров двести, Сухроб Ахмедович пригнулся, и через мгновение белые «Волги», с форсированными двигателями, при матовых стеклах, скрывающих тех, кто находится в салоне, со свистом пронеслись рядом. Джалил и сидевший за рулем первой машины Ибрагим, приветствуя друг друга, одновременно нажали на клаксоны, и два звука слились в один, высокий и резкий.

— Проскочили, — сразу сказал водитель, потому что машина ныряла в низину, а гости остались за бугром. — А Ибрагим несется как сумасшедший, куда спешит? — почему-то вдруг сказал Джалил.

При упоминании имени Ибрагима у Сенатора опять заныл бок, и он невольно потянулся к ушибленному сапогом месту. «Сволочь, сгною в тюрьме, как только появится возможность», — зло подумал прокурор, обиды он мало кому прощал. Не пришел даже извиниться, и хан хорош, должен был притащить его на аркане с петлей на шее, а то, ишь: «расстроился, чуть не плачет, все у него валится из рук», — распалял себя прокурор. Он рисовал в воображении одну расправу за другой над золотозубым

человеком в шевровых сапогах и даже упустил из виду досье, в которое так хотелось заглянуть. А тем временем подъехали к окраине Акся, к тому шлагбауму, где засекали его появление на вертолете. Машина вдруг остановилась, хотя все тот же полуденный постовой в мятой киргизской шляпе не требовал этого, не перегораживал дорогу полосатой железной трубой. Джалил, обернувшись, сказал:

— Я на секунду, отмечусь в журнале, у нас порядок такой. Строго: когда уехал, когда приехал — учет... — И выскочил из машины.

Сенатор невольно потянулся к досье, достал, даже раскрыл папку, но в последний момент вернул на место, но так, чтобы досье при тряске вывалилось само. Только он успел это сделать, как вернулся водитель, и они снова тронулись в путь, Сухроб Ахмедович по-прежнему лежал с закрытыми глазами, откинув голову на мягкие подушки, и вроде ни к чему не проявлял интереса.

Неожиданно ярость на Ибрагима, пинавшего его вчера сапогами, перешла на самого хана Акмаля, случались и у прокурора вспышки беспричинной злобы. Он уже забыл и о пяти миллионах, лежавших в багажнике, и об атташе-кейсе, набитом фотокопиями документов на влиятельнейших людей республики, забыл о прослушивающей аппаратуре, подаренной ему, не вспомнил и о том, что хан сохранил ему жизнь, а в том, что его могли живьем зажарить в тандыре, не было и доли шутки, он-то знал, с кем имеет дело.

«Ишь, мулла, наставник нашелся, учить меня решил, как дестабилизировать обстановку в республике, — распаялся он все больше и больше, — конечно, хлопок у народа в печенках сидит, и не только коренного, хотя он более всего и страдает, убирают его по осени одни горожане, а они на девяносто процентов русскоязычное население, им тоже от монокультуры жизнь не сахар, с августа по декабрь сплошь каторга, никакие законы, кроме хлопковых, не действуют! План! План любой ценой!»

Да разве в этой стране мало обиженных, недовольных чем-то, кроме хлопка? Куда ни ткни, везде беда. Только за последние тридцать лет, считай, еще с хрущевских времен через тюрьмы пропущены почти двадцать пять миллионов людей, и, наверное, такое же количество откупилось или избежало возмездия

по многим другим причинам, в том числе абсолютной беспомощности, беззубости, некомпетентности органов. Вот какой страшный, криминогенный слой в стране проживает, давно не верящий ни в бога, ни в царя, а тем более в светлое будущее, которое мы ежегодно отодвигаем все дальше и дальше. Этим людей так много, что у них давно сложилась своя этика, мораль, законы, свой язык, культура.

Вот они-то и ждут сигнала что-либо покрушить, свергнуть любую власть, ибо только в ней они видят зло и причину своих неудач, им все равно, по какому поводу выйти на площадь. Вот куда следует подносить горящую спичку, хан Акмаль, там давно уже все полито бензином. Тем более, работая в органах, он знает, что некому бороться с этим злом, профессионалов можно по пальцам пересчитать, партийный аппарат и тут насадил никчемную номенклатуру, которую за профнепригодность, развал работы гнали отовсюду, и остались последние прибежища для самых безнадежных коммунистов — правовые органы да многострадальная культура.

С обиды на Ибрагима прокурор невольно перешел на анализ своей поездки в Аксай. Тут очевидны и плюсы, и минусы. Конечно, он уезжал не с пустыми руками, взял, кажется, все, на что рассчитывал, но удовлетворения в душе не было. Во-первых, оттого, что поездка стала известна Шубарину и, хочешь не хочешь, придется отчасти вводить того в курс дела. Артура Александровича не обманешь, да и не следовало. Наживешь такого врага, что лишишься жизни, уж Шубарин-то знает о его деяниях куда больше, чем хан Акмаль, заведший на него досье.

А еще этот неожиданный визит Тулкуна Назаровича следом — зачем он приехал, пронюхал его планы, хочет отсечь его от финансов? И не войдет ли хан Акмаль за его спиной в тесный контакт со старым аппаратным лисом? Вот уж от кого до поры до времени ему хотелось бы таить свои секреты. Выходит, еще ни к чему не приступил, а уже обложили со всех сторон и Японец, и Тулкун Назарович, да и сам хан Акмаль не собирается отстраняться от дел, не намерен подаваться ни в какую эмиграцию, ни внутреннюю, ни внешнюю. В планах прокурора еще позавчера никого из этих людей не было, и прежде всего аксайского Креза. Вот он-то больше всего и путал ему карты. Вроде все верно рассчитал — заберет его деньги, его архив,

а самого отправит на чужбину, в изгнание, где его, оказывается, давно ждет своя Пенелопа. А у того нашлись аргументы, верит, при всей своей практичности, коварстве ума, что такие люди, как он, — неподсудны! Гипноз какой-то.

Тут прокурор дал промашку, следовало на манер хана отчаянно блефовать, ведь он знал, что готовятся документы о посмертном лишении всех званий и наград и самого Шурика, главной опоры аргументов хана Акмаля. А вслед за этим наверняка отменят и названия улиц, площадей, городов, столь поспешно нареченных верными соратниками, как теперь выясняется, в чистой заботе о своей шкуре, а стало быть, почетное место у помпезного Музея Ленина окажется не по заслугам, грядет перезахоронение. Но на этот счет верными сведениями он не располагал, честно говоря, не придавал им особого значения, а, выходит, Шурик и мертвый держит в руках судьбы многих своих друзей.

А такие разговоры, он знает точно, московские эмиссары ведут с Первым наедине, пока все держится в тайне, как сказал сегодня хан Акмаль — тема их бесед пока не для печати. Но теперь другое дело, владея уникальной подслушивающей аппаратурой, он быстро окажется в курсе дел. Узнав о шаткой позиции самого Шурика, мертвого, Иллюзионист наверняка по-другому оценит свои шансы на свободу и легче согласится на эмиграцию. А на воле хан ему мешал, ох как мешал, следовало всегда учитывать то, что он есть и в любую минуту готов нанести удар в спину, он никогда не удовлетворится ролью советника, помощника, финансового магната с политическими амбициями, он просто-напросто переждет с ним время, а при первой же благоприятной ситуации отмахнет прокурора в сторону как обузу или же угостит сигаретой из особой табакерки.

Если же еще тщательнее анализировать встречу в Аксае, то можно было заметить, что он сам нужен был позарез хану, и не его идеи, планы, перспективы — сегодня его свобода зависела все-таки от усилий прокурора, и деньги он дал прежде всего, чтоб отвести от себя удар. Спасать хана Акмаля имелся резон, если тот соглашался на жизнь по поддельному паспорту, и следовало всячески подталкивать его к этому шагу. Первую же секретную запись из кабинета Первого, касающуюся посмертной судьбы Шурика, требовалось немедленно переправить в Аксай,

чтобы хан не строил иллюзий в отношении своей неприкосновенности.

А насколько в курсе дел духовный наставник хана Акмаля, молчаливый служка в белом Сабир-бобо? Доверил ли ему хан секрет своих многомиллионных сокровищ? Вот где вопрос вопросов! Все требовало тщательнейшего анализа, малейшая ошибка — и тайна сотен миллионов навсегда уйдет с ханом, ведь он никому не оставит адрес своей Пенелопы.

В общем, думать обо всем и не передумать, чего ни коснись, все имеет второй план, любая фраза имеет глубочайший подтекст. Восток — весь в иносказаниях, недомолвках, символах, и все следовало принимать в расчет, ибо цена ошибки — жизнь.

Сенатор, поглощенный мыслями о двухдневном визите в Аксай, на некоторое время забыл о канцелярской папке, притороченной Сабиром-бобо к коробке с аппаратурой. Но она скоро дала о себе знать, на каком-то крутом повороте выпала и шумно плюхнулась на резиновый коврик у ног. Одна желтая бумажка, выпавшая из папки, отлетела к сиденью Джалила, и он передал ее гостю, и тут уж представилась легальная возможность заглянуть в досье на самого себя.

Очень точными оказались биографические данные, писал кто-то, хорошо знавший его в студенческие годы, четко обозначили круг друзей, знакомых, всех по линии жены; что ж, в этом есть резон, на Востоке все и делается через родню. Прослежена и совместная служба повсюду с Миршабом, указано, что Хашимов — единственный человек, досконально знающий жизнь прокурора. Дальнейшие сведения, на взгляд Сенатора, оказались взяты из его личного дела, когда он работал в Верховном суде республики, тут были какие-то детали, штрихи, характеристики, не то чтобы секретные, но не для широкого пользования, так сказать. Это настораживало, и он решил предупредить Салима, что из строго охраняемых личных дел есть утечка информации и следует вычислить человека, работающего на Аксай, и при удобном случае припереть его к стене, сделать двойным агентом, любопытно, кто еще проявлял к нему интерес?

Но вот машинописные страницы под грифом «Требует особого внимания» бросили прокурора в жар. Как он оказался прав в своих суждениях и прогнозах! Да, случись завтра какие крутые перемены, одержи власть пантюркисты, панисламисты

или религиозные фанатики-ваххабиты, или возникни любая другая мусульманская республика под зеленым знаменем, его повесили бы на первом фонарном столбе, нет, даже такую легкую смерть ему не даровали бы, по традиции как отступника забили бы камнями, как некогда забили великого поэта Хамзу.

Сенатор внимательно вчитывался в убористый текст трех машинописных страниц и понимал, что определенные круги уже готовы приговорить его к смерти. Выходит, не зря он приехал в Аксай, выяснил, что называется, отношения, доказал хану Акмалю, что он до мозга костей свой. А если он работает так высоко и принимает какие-то неугодные решения, — это делается в высших интересах, и духовные наставники движения под зеленым знаменем должны гордиться тем, что среди них есть он, у которого даже имеются шансы занять пятый этаж Белого дома.

А тут чего только о нем не говорилось! Что он имеет тайное звание полковника КГБ, что он вкуче с «русскими десанниками» пересажал весь цвет нации. Что он люто мстит всем, кто раньше, при Рашидове, не допускал его к власти. Полная злобы бездоказательная демагогия, но промелькнуло и кое-что существенное, всего одной строкой. Человек, составивший документ, отметил, что защита докторской Акрамходжаевым и ряд интересных статей в печати вызвали у всех, знавших его лично, шок и, мол, есть сомнения в его авторстве. Там же отмечалось, что во всех известных источниках, где куют докторские диссертации для высшего эшелона партийной элиты, отказались от авторства и не могли подсказать, кто бы мог столь квалифицированно осветить правовые проблемы в республике.

Последняя запись гласила, что он выручил от неминуемой тюрьмы капитана ОБХСС Кудратова, зятя известного человека, и намекалось, что акт гуманности прокурора обошелся уважаемому семейству в копеечку, но цифра все-таки не указывалась. Но не сумма волновала джентльмена без галстука, он искал сообщений о том, что щеголеватый бабник оказал ему и неоценимую услугу, выкрыв из больницы некоего Коста Джиоева. Но, к величайшей радости Сенатора, такой записи не было. Вот этого-то сообщения он и боялся больше всего, располагая такой информацией, заинтересованные лица могли без шума заставить прокурора уйти не только с арены завязавшейся политической возни, но и вообще с должности. Тут, как говорится, крыть

было бы нечем, а то, что он попросил хапугу обэхаэсника и это стало кому-то известно, его не волновало, какой чиновник на Востоке не берет взятки?

Прокурор небрежно бросил папку рядом с собой, всем видом показывая, что сведениям о себе он не придает никакого значения. А придавал, ох как придавал! Боялся, что всплывут и Беспалый, и ростовский вор по прозвищу Кощей, боялся, что кто-то все равно вычислит, что те двое, убитые в ту ночь во дворе Прокуратуры, на его совести. Да мало ли можно было о нем собрать данных! А карты? Фантастические проигрыши и выигрыши! Одна двойная жизнь прокурора должна была занимать сотни страниц машинописного текста!

Ни слова о том, что он уже два с лишним года в теснейшей дружбе с Шубариным, и сколько дел уже успели провернуть с ним. Да, можно считать, они совсем ничего не знали о нем, и это радовало. И все потому, что всю жизнь был темной лошадкой, стоял в тени, ни для кого не представлял интереса, оказывается, такая позиция имеет плюсы. Отлегло, отлегло напряжение с души, эта папка не давала ему дышать спокойно, ведь он знал коварство хана, тот мог выкинуть что угодно, и только сейчас все стало на место, аксайский Крез у него в руках, он не даст ему себя шантажировать. И он с удовольствием вспомнил о корзине, что вручил ему Сабир-бобо на дорогу, благополучное окончание визита безусловно следовало обмыть.

Сенатор неожиданно так хорошо себя почувствовал, что стал напевать какую-то мелодию, чего с ним не случалось давно, со студенческих лет. Такая перемена настроения не могла не броситься в глаза Джалилу, и он осторожно наблюдал в верхнее зеркальце за гостем. Прокурор вдруг взял папку, небрежно разорвал на части, открыл боковое окошко и пустил обрывки по ветру, и тайны, что так мучили еще час назад, разлетелись по пыльным кюветам и придорожным кустам.

Шоссе уже тянулось параллельно железной дороге, и по указателям на обочине он понял, что до нужной станции осталось не более получаса езды. Настроение продолжало оставаться приподнятым, он даже пожалел, что поезд прибывает в Ташкент на рассвете, было бы здорово прямо с поезда закатить куда-нибудь отметить успех, но его ждала работа, сразу два совещания в понедельник: одно в КГБ, другое

в прокуратуре. А вот вечером не мешало бы встретиться дома у прекрасной Наргиз, посидеть вместе с Салимом и Артуром Александровичем, а может, и сделать каждому из них подарок — кинуть тысяч по пятьдесят на карманные расходы из тех пяти миллионов, что лежали у него в чемодане. Останавливало лишь одно — никому из них пятьдесят тысяч не доставили бы особой радости, а ему хотелось доставить им именно радость. И тут он понял Шубарина, который всегда делал редкие и дорогие подарки, вот они у людей вызывали бурю радости, и надолго. А из Аксаия он подарков никому не вез, разве что жилет из кевлара, но и это ведь не его вещь, а хана Акмаля.

Чтобы радовать людей, нужно быть не только щедрым, но и обладать тонким вкусом, и, наверное, это целое искусство, которым из всех его знакомых владел лишь один — Шубарин. Как же не оценить его неожиданный подарок прошлой зимой — шипованные шины «Пирелли» для «жигулей» и чехлы из белоснежной натуральной овчины, это гораздо больше, чем внимание, это забота о жизни твоей, здоровье.

Мысли то и дело возвращались к анализу поездки в Аксай и не давали возможности сосредоточиться на приятном или хотя бы на деньгах. Еще до рискованного визита в горы он неоднократно думал, почему, каким образом малообразованный — по сути, невежда — оказывал долгие годы такое огромное влияние на утонченного, рафинированного человека, каким был Рашидов? Он надеялся найти отгадку этой тайны в Аксае, но ничего из этого не вышло, не продвинулся в своем понимании ни на шаг. И теперь, наверное, уже никогда не поймет, секрет Шурик унес с собой в могилу. Видимо, только встреча с Шарафом Рашидовичем наедине, и не однажды, могла дать ключ к пониманию такого невероятного альянса.

Впрочем, в политике каких только альянсов не бывает! И двадцатилетняя история края при Рашидове, если когда-нибудь будет изучаться потомками, должна учитывать серого кардинала из Аксаия, бывшего учетчика тракторной бригады. И если бы сейчас, в конце благополучного окончания путешествия в страну Зазеркалья, ему предстояло дать кличку хану, то он, конечно, не стал бы называть его Иллюзионистом, хотя тот и тяготел к эффектам, трюкам, тайнам. Хан Акмаль — фигура, и ему больше подходило иное — фамилия человека, ставшая нарицательной,

сыгравшего в судьбе другого монарха, да и целой державы, роковую роль, тут, хотя и с натяжкой, все-таки существовала аналогия. Распутин — вполне соответствовало той роли, что играл хан Акмаль в крае, ну, разве что можно добавить еще эпитет — восточный, восточный Распутин.

Когда вдали показались очертания железнодорожной станции, Сенатор вспомнил, что хан Акмаль обещал ему при случае подробнее рассказать о своем друге Шарафе Рашидовиче, которого он небрежно называл Шурик, даже после смерти. Может, тогда-то прояснится тайна этого рокового союза и он поймет, наконец, почему, живя далеко в кишлаке, не занимая какого-нибудь официального поста, хан из Аксая стал обладать огромным влиянием на жизнь двадцатимиллионной республики. Отгадка, видимо, послужила бы неким ориентиром в его политической борьбе за власть.

Он настолько оказался поглощен тайной, связывавшей двух таких разных людей, что ничего не замечал, и только голос Джалила вернул его в реальность:

— Домулла, извините за беспокойство, поезд уже на стрелках и стоит всего три минуты.

Он невольно очнулся от дум, они стояли прямо на перроне провинциального вокзала. Рискованное путешествие в Аксай к Распутину закончилось.

ЧАСТЬ III

Троянский конь

Английский шпион. Лоуренс Аравийский. Бриллиантовое кольцо за газетную статью. Водочный завод в обмен на металлолом. В уголовный розыск с особыми полномочиями. Предатели и убийцы в милицейской среде. Специалист по борьбе с организованной преступностью. Капканы для оборотней. Диссертация с грифом «Совершенно секретно». Человек, знающий тайну преемника Рашидова. Тайная операция КГБ и прокуратуры. Встреча на кладбище Чиготай. Странная монограмма на могильной плите.

После звонка среди ночи из Аксая Шубарину уснуть больше не удалось, хотя он и вернулся в постель. Жена, привыкшая к полуночным звонкам, тревожно спросила:

— Что-нибудь случилось?

Он подошел к ее кровати, поправил одеяло, склонившись, поцеловал в теплую ото сна щеку и сказал:

— Спи, милая. Обычный звонок. Сухроб передал тебе привет, он сейчас, в эти минуты, гуляет во владениях хана Акмаля.

Он еще с полчаса лежал с открытыми глазами и понял, что сон от него ушел окончательно. Затем потихоньку поднялся, чтобы не беспокоить жену, надел ладный, по фигуре, велюровый халат темно-бордового цвета с ярким золотошвейным гербом какого-то британского спортклуба на груди и спустился из спальни на первый этаж, где у него к ванной комнате примыкал небольшой домашний бассейн. Дом этот он построил в Ташкенте лет пятнадцать назад, еще при Шарафе Рашидовиче, это с его помощью заполучил он в старой, сложившейся узбекской махалле большой участок, для этого пустил под слом скромный летний кинотеатр, построенный там сразу после войны.

Конечно, он мог найти место для строительства без особых хлопот в другом районе, но, по примеру родительского дома в Бухаре, хотел жить именно в узбекской махалле, где был воспитан, что называется, с пеленок и знал ее преимущества.

В махалле сосед больше, чем родня, там чрезвычайно высоко ценятся нравственные нормы поведения человека. Живя в махалле, ты владеешь не только строением, ты становишься членом коллектива, связанного вековыми традициями, и он тебя никогда не даст в обиду, тем более если ты — достойный житель. А нравы махалли он не только знал, но и внутренне воспринимал их.

Он понимал, что одного разрешения властей на строительство дома в махалле, которой больше сотни лет, мало. Поэтому, пока еще рушили кинотеатр, он привез трех стариков из Бухары. Самых уважаемых в его родной махалле, которые знали его отца и деда, и сейчас там еще жили мать, сестра и племянники — вообще, знали семью Шубариных чуть ли не с начала нынешнего века. Эти старики-то и объявились в чайхане махалли, облюбованной им, тут в основном и решаются все проблемы общественной жизни.

Посланники из Бухары стали ежедневными гостями чайханы, и уже на третий вечер Артура Александровича пригласили на совет махалли, собравшийся за пловом, а приготовили его бухарцы на свой лад. Тут он удивил ташкентских стариков не только щедрым подарком чайхане — привез огромный афганский ковер ручной работы из Герата, — а прежде всего блестящим знанием узбекского языка, это, пожалуй, расположило их больше, чем подарок и крупный взнос в кассу махалли на общественные нужды, и они сразу поняли, что у них поселился еще один серьезный и самостоятельный человек. Да и как не поверить, если на другой день, как только расчистили площадку от остатков кинотеатра, появился на ней Артур Александрович с двумя молодыми архитекторами, на руках у которых уже имелся проект, и его следовало лишь органически вписать в местность, а территория тут вполне позволяла сделать это. Проект имелся давно, и все время он искал для него подходящее место, но все было не то, не хватало места для сада, а без него он свой дом не мыслил.

В тот же день на пустырь, не обнесенный еще традиционным дувалом, приняли на работу трех садовников, их рекомендовал ему все тот же махаллинский комитет, и все три садовника и по сей день трудились у него во дворе.

Сад и стал главной достопримечательностью дома, гордостью Шубарина. На его фоне как-то не бросался в глаза особняк, основные преимущества которого все-таки оказывались не во внешнем облике, а в удобстве и комфорте внутри, он, как и все в махалле, жил, что называется, «окнами во двор», а это значит — не для показухи, а для себя. На Востоке люди утверждают себя иным, и это успел внушить Шубарину отец, тоже выросший в махалле, только живя в гармонии с окружением, можно заслужить уважение и обезопасить себя и свое гнездо.

В тот же год, поздней осенью, он въезжал в свой дом и сразу удивил соседей тем, что тут же выкрасил роскошную крышу из блестящего листового железа в мягкий зеленый цвет, и особняк среди вновь разбитого сада сразу растворился среди построек махалли. Он чем-то похож на своего хозяина, сказал как-то о доме его садовник, он виден, но не бросается, не лезет в глаза.

Вчера поздно вечером он наполнил бассейн свежей водой, словно предугадал сегодняшнюю бессонницу, поэтому, скинув

халат, сразу без хлопот приступил к утреннему плаванию, так он поступал всегда, когда ночевал дома. Правда, нынче вышло на несколько часов раньше. Он специально не стал добавлять горячей воды в бассейн, потому что решил принять контрастный душ, такую резкую смену температур он практиковал уже несколько лет, и она шла ему на пользу, он почти никогда не болел. Он осознал, что болезнь для него — непозволительная роскошь, не имел он на это времени, дни его всегда оказывались расписанными на много недель вперед, он принадлежал к тому сорту людей, про которых на Западе говорят, что ему и умереть некогда.

Из бассейна Артур Александрович перешел на кухню, расположенную тоже на первом этаже. Приготовив большую чашку кофе, он поднялся с ней к себе на второй этаж, в рабочий кабинет, выходящий окнами в сад. Он любил эти ранние часы, особенно осенью, зябкую сутемь, когда день зарождается не так ярко и ясно, как летом, а как бы сквозь туман, наволочь. Какая тишина стоит в такие часы даже в городе, а уж тем более у них, в махалле, где дворы потонули в зелени и все открытое пространство укрыто от зноя виноградником! Ему захотелось увидеть свой сад, и он тут же из комнаты включил огни на аллеях и лужайках напротив своего окна. Удивительное зрелище — ухоженный сад! Ему уже почти пятнадцать лет, а для деревьев, особенно редких, реликтовых и некоторых фруктовых, это возраст зрелости, расцвета. Если кто-нибудь спросил бы у Шубарина: чем бы вы хотели заниматься для души? — он ответил бы — только садом!

Поэтому он чрезвычайно ценил своих садовников, выделял их из многих людей, с кем общался в махалле, зная их работу. Да и они, наверняка, чувствовали его интерес, тягу к саду, больше чем к чему-либо в огромном хозяйстве, оттого и старались, отдавали работе душу, понимая, что создают что-то особенное. Это не только для сада, но и для них он приглашал специалистов из знаменитого Шредеровского ботанического сада, и они каждый раз открывали садовникам такие тайны, связанные с деревьями, кустарниками, цветами, что те только диву давались; конечно, даже талантливый, трудолюбивый самоучка — одно, а ученый с такими же качествами — другое, а талант Шубарина в том и состоял, что он находил и сводил

подобных людей. Вместе с садом росли и формировались его садовники. Каким бы усталым, раздраженным ни приезжал он домой, стоило ему минут десять погулять по своим аллеям, напряжение снималось, светлела голова, он знал, что воздух в его саду, в его имении за высоким, глухим дувалом имел особое целебное свойство, и никто не переубедил бы его в обратном.

Но как бы ни был мил и дорог собственный сад, он редко мог позволить себе любоваться им часами, хотя у него выпадали и такие дни. Рука его невольно отключила освещение за окном и вновь включила торшер у письменного стола. Он улыбнулся, потому что подумал — я живу словно в автоматическом режиме. Рабочий кабинет отличался просторностью, он любил, что-то обдумывая, ходить по нему, иногда, правда, крайне редко — три-четыре раза в году, у него случались тут экстренные совещания, на которых собиралось пять-шесть человек, и тесноты никто не ощущал.

Вот и сейчас, с чашкой остывающего кофе в руках, он выхаживал вдоль стен, украшенных его последним увлечением — картинами. Но сегодня он их не замечал, его волновал вопрос: почему Сухроб Ахмедович оказался в Аксае, у опального хана Акмаля, у которого над головой сгустились тучи, и об этом догадывался любой мало-мальски здравомыслящий человек? Вопрос не был так прост, каким казался. О том, чтобы Сенатор приехал туда официально, не могло быть и речи, иные времена, иной уровень субординации, да и попади он туда по службе, это означало бы — в сопровождении людей из Наманганского обкома партии, что исключало всякий риск. О том, что на шее у Сенатора затягивается петля, Шубарин догадывался, да тот и не скрывал этого. За несколько лет общения они понимали друг друга с полуслова. Да и сам хан Акмаль подтвердил, что вышла какая-то накладка и они немного повздорили. Зная нрав аксайского хана, «немного» означает, что еще не убили. Зачем прокурору нужна была эта поездка, почему полез в петлю и, считай, чудом остался жив? Ведь если узнают в Прокуратуре, КГБ или ЦК, что он тайком наведалься в горы к хану Акмалю, на карьере его можно поставить крест, такими вещами не шутят, тем более ныне. Напрашивался еще один вопрос — почему тот скрыл от него поездку, будь она хоть официальная, хоть тайная, ведь знал,

что хан Акмаль часто обращался к нему с личными просьбами самого Верховного.

Почему визит тайный, и что за этим кроется? Артур Александрович, поставив пустую чашку на низкий столик у кресла, продолжал вышагивать вдоль своих картин, не обращая на них внимания. И вдруг его озарило, несмотря на ранний час, он набрал телефон Миршаба, наверное, работа в Верховном суде приучила того к неожиданным звонкам, не до этикета было сейчас Шубарину.

— Слушаю вас, — ответил тотчас вовсе не сонный голос Хашимова.

— Салим, это Артур, я даже затрудняюсь сказать доброе утро, ради бога, извини за звонок в неурочное время, но я второй день никак не могу отыскать нашего друга, а он мне нужен позарез.

— Что-нибудь с «Лидо»? — спросил тревожно Миршаб.

— Да нет, с «Лидо» все прекрасно, процветает. Он нужен мне совсем по другому поводу, не знаешь, где он проводит уикенд?

— Нет, он мне ни о какой загородной поездке не говорил, хотя мы виделись с ним в пятницу после обеда, скорее всего, загулял где-нибудь в городе. Впрочем, он и мне нужен, но мое дело терпит, отыщется.

— Конечно, отыщется, — ответил как можно беспечнее Японец и положил трубку.

В том, что лучший друг и соратник Сенатора не знал о его поездке в Аксай, сомневаться не приходилось. Что же все-таки крылось за столь поспешным визитом к хану Акмалю? Звонок среди ночи из Аксая, конечно, оказался вынужденным, никак не предусмотренным, для Шубарина это было ясным. Не ведет ли Сухроб двойную игру? Но зачем? Их теперь так много связывало, что не было резона действовать за его спиной.

Задал же загадку ночной звонок.

Артур Александрович остановился возле большого полотна Сальваторе Роза, самой ценной картины в его коллекции, но не удосужил ее даже единственным взглядом, хотя любил и гордился этим приобретением.

Первое, что напрашивалось в нынешней ситуации, это, конечно, пристальнее присмотреться к самому Сенатору, может, тут, в биографии, и есть объяснение его закулисным действиям?

Тот жест, что продемонстрировал прокурор Акрамходжаев несколько лет назад, в день смерти Рашидова, снимал с него все подозрения, ни о какой тотальной проверке, как бывало всегда с теми, кто попадал в орбиту интересов картеля Шубарина, не могло быть и речи. Прокурор располагал таким досье на всю его империю, что от нее не осталось бы и воспоминаний, стань они достоянием общественности, особенно в дни правления Андропова.

Все это так, но от фактов, ни от прошлых, ни от нынешних, не уйти, если на прошлые есть убедительные объяснения, следовало найти на нынешние. И они, конечно, найдутся, в этом он не сомневался, но ему почему-то не хотелось копаться в жизни Сенатора, все-таки он сам его отчасти создал.

Но как бы ему этого ни хотелось, отныне следовало присмотреться к нему, и дело это нельзя было перепоручать никому. Излишняя подозрительность могла закончиться большим скандалом. Сенатор за последние годы резко, на глазах, преобразился, рос, что называется, на дрожжах, власть шла ему на пользу, он так разносторонне раскрывался день ото дня, что удивлял многих, да и его самого порою. Живой природный ум схватывал на лету весь расклад сил в республике, и Шубарин знал, что многие большие люди при определенной ситуации могли сделать ставку именно на него, даже прожженный политикан Тулкун Назарович не исключал именно такого поворота событий в судьбе удачливого Акрамходжаева.

Да, взлет Сенатора удивлял многих, но он-то знал подлинные причины стремительной карьеры районного прокурора.

Шубарин внимательнее, чем кто-либо, прочитал все его публикации на правовые темы. Ни в смелости, ни глубине теоретических разработок, ни в новом мышлении, ни в страстности, эмоциональности убеждения отказать он ему не мог. Как говорится, работа без сучка и задоринки, верное попадание в десятку, в сердцевину наболевших проблем. Да что там публикации, он разжился и докторской своего подопечного — все верно, безупречная, высокопрофессиональная работа! Но почему же тогда насторожила серия выступлений в печати, почему он не мог искренне восхититься докторской бывшего районного прокурора, хотя прекрасно понимал ее ценность и отдавал должное гражданской смелости автора?

Потому, что, когда он знакомился с работами Сенатора, его никогда не покидало ощущение, что все это в той или иной форме он уже слышал, и даже четко знал, от кого — от Амирхана Даутовича. Да, да, убитого прокурора Азларханова. Но никогда тот не говорил ему в долгих ночных беседах, что занят какими-нибудь научными изысканиями в области права. Хотя, казалось бы, какой смысл таиться, если действительно занимался этим, разве он противился бы такой работе, наоборот. Конечно, когда закрались сомнения, он навел справки — соприкасались ли когда-нибудь пути двух прокуроров? Ответ оказался однозначным — никогда. Да и что могло связывать такого образованного, широко эрудированного человека, каким был прокурор Азларханов, с вороватым районным прокурором, занимающимся ночными грабежами?

— Амирхан Даутович... — сорвалось вдруг с уст Шубарина, и он невольно застонал, его до сих пор мучил вопрос — подумал ли, умирая, Азларханов, что это он приговорил его к смерти?

Помнится, когда в тот роковой день, поздно вечером, он прилетел в ташкентский аэропорт из Нукуса, где еще находилось тело умершего Шарафа Рашидовича, ему тотчас доложили, что Коста пристрелил Азларханова. Придя в себя, еще не владея ситуацией, он понял, что случилось что-то невероятное, возник какой-то тупик, и Джиоев вынужден был стрелять. Он хорошо знал Коста, тот не станет спасать собственную шкуру любой ценой, он один из немногих знал о его истинном отношении к прокурору. Коста понимал странную взаимную симпатию бывшего областного прокурора и крупного дельца теневой экономики, им обоим, каждому в своей сфере, не дали легально реализовать свой талант, свои возможности. Коста, как и самого Шубарина, было сложно провести, он знал их давно, имел возможность понаблюдать за обоими.

Значит, действительно произошло роковое стечение обстоятельств. Как потом расскажет Сенатор, так оно и было, отпусти прокурор Коста, тот ушел бы, пристрелив на входе полковника Джураева, во дворе его страховали на белых «жигулях».

Полгода спустя после гибели прокурора Шубарин вызвал в Лас-Вегас братьев Григорянов, скульпторов, тех самых, что поставили памятник убитой Ларисе Павловне, жене Азларханова.

Ашот, которому было поручено доставить родственников в штаб-квартиру, сразу высчитал, почему их вызывают, и со свойственной телохранителю прямоотой спросил:

— Вы решили заказать памятник этому предателю?

Хозяин спокойно выслушал злобную реплику и сказал:

— Ты меня правильно понял, я действительно хочу заказать ему памятник, мне не по душе, чтобы могила такого человека осталась безымянной и заросла сорняком. Государство забыло его при жизни, на что же рассчитывать ему после смерти? Мы с ним, как ни странно это звучит, были единомышленниками, и я высоко ценил в нем человеческие качества, они-то, к сожалению, и привели его к гибели. Будь он подлец, прожил бы долго и богато. Разве это не стоит восхищения, уважения? — Видя, что сказанное что-то пробило в тяжелом сознании Ашота, он закончил: — А теперь поезжай и не говори больше глупостей, могу и обидеться, я ни от кого не скрывал, что с любовью относился к нему.

Вспомнилась ему и первая годовщина смерти прокурора, они в тот день с Файзиевым оказались в Ташкенте, передали в Госплан заявки на будущий год. В конце года они всегда охотились за чьими-то невыбранными фондами. Тактика, тоже некогда высчитанная Шубариным, ему хоть за неделю до нового года выдели что-нибудь, уж он-то свое вырвет в любом случае. В общем, дел у них в тот день хватало. Как только они вышли из Госплана, Артур Александрович попросил на минутку заехать на Алайский рынок, к цветочным рядам. Вернулся он в машину скоро с огромным букетом белых роз, купил их вместе с ведром.

— С утра такой великолепный букет, значит, влюбился всерьез, — пошутил Файзиев, удивляясь странному поведению своего шефа. — Теперь, как я понимаю, заедем за роскошной хрустальной вазой, — продолжал в той же манере словоохотливый компаньон. Но Японец шутки не поддержал, а попросил ехать в старый город, в действующую мечеть, чем еще больше удивил своего коллегу.

Когда подъехали к мечети, Шубарин сдернул с головы Икрама Махмудовича наманганскую тюбетейку ручной работы, очень дорогую, как и все принадлежащее пижонистому заму, включая и белый «мерседес», и велел подождать минут пять, дел у них до отлета в Москву хватало.

Была пятница, и в мечеть к полуденному намазу тонким ручейком стекались старики, а возле ворот уже собирались нищие. Артур Александрович кинул взгляд вдоль дувала, нищих оказалось семь, и он улыбнулся удаче. Мусульманское поверье гласит, что нужно подать именно семи нищим, семи верующим старикам. Он быстро раздал каждому из них по красному червонцу, чем вызвал моментальный шок, и попросил их на чистейшем узбекском языке помолиться в память о его друге Амирхане. Затем он стремительным шагом вошел в мечеть, где во внутреннем дворе старики неторопливо готовились к намазу, и опять в тени шелковицы увидел семерых стариков, а семь других, у хауза, наполняли кумганы водой для омовения, вдоль стен он уже не стал смотреть. Он быстро обошел и тех, и других, и, вручая каждому по десятке, попросил, опять же на узбекском, помолиться за упокой души его друга, убиенного Амирхана. Через пять минут он вновь сидел рядом с ничего не понимающим Файзиевым и, не возвращая ему тубетейки, сказал:

— А теперь на кладбище Чиготай.

Когда подъехали к кладбищу, там же неподалеку, в старом городе, хотел выйти вместе с шефом из машины и водитель, но тот его резонно сдержал:

— Сиди, у нас на двоих одна тубетейка. С непокрытой головой появляться на мазаре считается кощунством.

Компаньон остался в «мерседесе», не понимая, кому же предназначены цветы. Он все еще считал, что это связано с женщиной.

Кладбище Чиготай находилось на небольшом взгорке или холме и начало свое существование задолго до того, как город коснулся его окраинами. Сейчас стремительно разросшийся после землетрясения Ташкент захватил мазар в свои глубокие объятия. Он оказался в самом центре жилого массива из индивидуальных построек, строились тут с размахом, и район утопал в зелени, и на фоне окружающих его массивов многоэтажек выглядел ухоженным, респектабельным и оттого — чужеродным.

Несмотря на позднюю осень, стоял по-летнему яркий, солнечный день, и Артур Александрович, выйдя из машины, невольно достал дымчатые очки, подниматься ему предстояло

навстречу солнцу. У осыпающегося глиняного дувала мазара сидели нищие, немного, человек пять, и он каждому из них безмолвно подал подаяние. Какой-то остроглазый мальчишка, видимо, подрабатывающий тут на мелких поручениях скорбящих родственников, тут же заметил, как не вязался respectable вид Шубарина с цветами в хозяйственном ведре, и он тотчас вызвался поднести его. Увлеченный мыслями о встрече с прокурором, Артур Александрович передал ведро с розами мальчишке, и тот, моментально обретя подобающий ситуации печальный вид, медленно пошел вслед Шубарину, от его взгляда, конечно, не ускользнул миг, когда человек в светлой тройке щедро подавал нищим.

Как и всякое кладбище большого столичного города, Чиготай занимал огромную площадь, за пятьдесят лет существования превратился в огромный скорбный парк, со своими аллеями, улицами, переходами, тупиками.

На Востоке, впрочем, как и во многих других местах, принято на могилах высаживать деревья, кустарники, цветы. Года два как Чиготай считался закрытым, и захоронения на престижном кладбище делались с разрешения горисполкома, но Прокуратура республики сумела выхлопотать для своего бывшего сотрудника ордер на два квадратных метра земли, и могила находилась в глубине мазара, почти у самого дувала, где протекал широкий, полноводный арык. Артур Александрович хорошо знал дорогу туда, он был здесь полтора месяца назад, когда братья Григоряны пригласили его принять работу.

Пятница, мусульманский день, сродни русскому воскресенью или еврейской субботе, и оттого людей на кладбище оказалось больше обычного, хотя тут посетителей хватало в любое время. Когда они вышли к последнему повороту, откуда уже хорошо виднелась высокая гранитная стела, Шубарин хотел забрать ведро с цветами у мальчишки, как неожиданно заметил крупного, рослого человека в милицейской форме у ограды могилы прокурора. Он чуть сбавил шаг — сомнений не было, человек стоял у того самого захоронения, куда направлялся и он. Ни встреч, ни разговоров ни с кем он не хотел, хотя человек в форме его и заинтересовал, поэтому быстро сориентировался. Левее, в одном ряду с прокурором, покоилась молодая женщина, известная балерина, его в прошлый раз

поразил памятник, воздвигнутый ей из белого мрамора. Братья Григоряны, сопровождавшие его в тот день, тоже отметили высокопрофессиональную работу скульптора, и из разговора с подошедшими потом к могиле людьми выяснилось, что автор был мужем балерины, погибшей в автокатастрофе. У этой могилы, как понял тогда Шубарин, часто бывали люди, и он направился прямо к ней.

Убирая с постамента памятника пожухлые цветы, он украдкой глянул в сторону могилы Амирхана Даутовича и узнал в человеке в милицейской форме Джураева, начальника уголовного розыска республики. Полковник стоял напротив могилы, держа в руках форменную фуражку, и даже скорбь по поводу убитого товарища не могла скрыть на его лице удивления, а удивляться было чему. На могиле стоял памятник из темно-зеленого, с красными прожилками гранита, и такая же строгая плита покрывала могилу. Изящная бронзовая монограмма, витиевато сплетенная из трех букв А. Д. А., врезанная заподлицо с поверхностью гранита и тщательно, до блеска, отполированная, занимала правый верхний угол плиты. Кто близко общался с ним, тот знал, что так необычно выглядела подпись прокурора. А на стеле, под портретом Амирхана Даутовича, бронзой значилось:

Азларханов
Амирхан Даутович
1932-1983
прокурор

А чуть ниже, после «прокурор», уже не бронзой, а прямо в граните четко выбито: «настоящий».

И этот штрих, одно слово — «настоящий», придавало традиционной, трафаретной надписи совсем иное звучание, выбитое, видимо, в последний момент, по чьему-то требованию или по душевному порыву скульптора, бросалось прежде всего в глаза. Было, наверное, отчего удивиться замотанному день и ночь полковнику, ожидавшему увидеть осыпавшийся, пыльный могильный холмик с фанерной доской у изголовья. Полковник стоял по-военному прямо, словно в почетном карауле, возможно, он вспомнил тот проклятый день прошлой осени, когда

всего на две минуты не успел на встречу с прокурором. Не опоздай, прибуди он хоть на минуту раньше прокурора, наверняка тот остался бы жив. Полковник не успел предупредить выстрелы Коста, и оттого всегда ощущал свою вину перед товарищем.

Человек в мундире неожиданно быстро склонился к плите, поправил красные гвоздики и, еще раз окинув взглядом ухоженную могилу, направился к выходу.

Как только он отошел от захоронения, плечи его обвисли, куда-то враз подевалась легкость, еще минуту назад бросившаяся в глаза, седая, коротко стриженная голова поникла. Так, с непокрытой головой, держа фуражку под мышкой, он уходил все дальше и дальше, и, как показалось Шубарину, суровый полковник, гроза убийц и отпетых рецидивистов, плакал, не скрывая слез. Артур Александрович еще долго смотрел ему вслед, пока тот не свернул на главную улицу печального парка; они скорбели об одном и том же человеке.

— Амирхан Даутович... — снова вырывается у него вслух, — если бы знать, отчего ваши мысли оказались созвучны только Сенатору и именно он обнародовал их, пожал такие щедрые плоды, разве мало юристов вокруг? — И вдруг его пронзает и такое открытие: ему кажется, что все это каким-то образом крутится возле него, и он порою ощущает, что даже сопричастен к этой непонятной связке двух духовно разных людей.

В этом интуитивном открытии что-то есть, но оно не имеет реальной почвы под ногами, не на что опереться, зацепиться, оттолкнуться. Но он знает себя, однажды закравшемся сомнению он попытается найти ответ — такова его натура. Мысли его вновь возвращаются к Сенатору, который наверняка в понедельник вернется домой и, конечно, поторопится встретиться с ним, ведь тайной поездки к хану Акмаю в Аксай не получилось.

Вскользь всплывшее — Аксай — наталкивает его на мысль, что несколько лет назад он все-таки на радостях поступил несколько опрометчиво, заполучив дипломат с документами от незнакомого районного прокурора. Опрометчивость заключалась в том, что он пренебрег обычными правилами, когда никого близко не подпускал к себе, тщательно не проверив.

А ведь существовал самый простой путь проверки — послать человека к хану Акмаю и попросить его помочь, их

интересы в ту пору как раз активно переплетались. А у аксайского Креза на кого только не имелось досье, нашлись бы там кое-какие сведения, наверное, и на Сухроба Ахмедовича, и сейчас он, возможно, понял бы причину тайного визита в Аксай. Но что не сделано, то не сделано, и сегодня соваться к «маршалу Гречко» было бессмысленно, кто знает — о чем они там договорились за его спиной. Восток дело тонкое, и этот путь отпадал. А прибегать к тайным документам хана Акмаля ему приходилось дважды, и дважды он сам наведывался в Аксай, досье он просил на таких людей, что Арипов вряд ли доверил бы их какому-либо посреднику.

Он вспомнил, как однажды, еще в спокойные времена, провел два дня в гостях у хана Акмаля. Вечером, после охоты, дожидаясь, пока приготовят ужин из охотничьих трофеев, они полулежали на мягких курпачах, беседуя на философские темы. Говорил больше он, кутаясь в теплый и просторный чапан и попивая небольшими глотками французский коньяк «Камю», а хан Акмаль внимательно слушал гостя. И вдруг хозяин дома перебил его.

— Если бы нынче на календаре не был самый конец семидесятых годов, — начал, как всегда монотонно, беспристрастно, обладатель двух «Гертруд», — и если бы я не знал тебя хорошо много лет, я бы подумал, что ты — английский шпион. — Видя нескрываемое удивление на обычно невозмутимом лице Японца, хан Акмаль рассмеялся: — Ты не обижайся, я знаю, ты не шпион, ты наш, бухарский, кровный. Но почему я так подумал? Объясню. Говорят, возле моего отца, а он воевал рядом с Джунаид-ханом и был не рядовым сотником, как сейчас толкуют мои враги, желая принизить отца и меня, находился англичанин, который, как и ты, прекрасно знал наш язык, наши обычаи, даже наизусть цитировал Коран, чем радовал и удивлял наших невежественных мулл. И не удивлюсь, что ты и Коран знаешь. Сейчас ты беседуешь со мной на чистейшем узбекском языке, рассказываешь мне о восточных философах, о которых не имеет понятия большая часть нашей интеллигенции. А у нас, большевиков, все непонятное, труднообъяснимое сваливается на происки империализма и шпионов. Выходит, ты — шпион! — И он вновь заразительно, от души расхохотался.

Он приехал в Аксай во второй раз, чуть позже той самой охоты, после которой хан Акмаль назвал его английским шпионом. Впрочем, чтобы несколько сгладить свою вину за безапелляционное — «шпион», аксайский Крез, умастивая, чуть позже сказал, что он так доверяет и любит его, что, стане Узбекистан мусульманским государством, под зеленым знаменем ислама, то даже в нем, не задумываясь, отдал бы портфель министра экономики или финансов, один из самых ключевых в любом правительстве, только ему. Тогда, в восьмидесятых, сепаратистских настроений не было вовсе, и Шубарин не обратил внимания ни на исламское государство, ни на зеленое знамя, ни на правительство, где ему предлагался портфель министра экономики и финансов, понятно, что роль премьера хан Акмаль оставлял за собой, просто подумал, что тот сглаживает неловкость за «шпиона».

Оказывается, далеко смотрел хан Акмаль уже тогда, держал в уме какую-то программу, а многим кажется, что только сегодня, с гласностью и перестройкой, всплыли националистические и сепаратистские настроения и нескрываяемо обозначалась кое-где тяга к зеленому знамени ислама.

Но уже тогда Артур Александрович ощутил по-настоящему — каким грозным, убийственным оружием обладает директор агропромышленного объединения. Слишком большую опасность представляла канцелярская папка для человека, о котором собраны сведения, а если они случайно станут достоянием не одного хана Акмаля? От этой мысли его бросило в жар. Но еще большую тревогу он ощутил, когда представил, что кто-то другой, как и он, приехав сюда, получает досье на него самого, до этой минуты он об этом как-то не думал. Он собирался уехать в тот же час, как только ознакомится с нужным досье, но остался на ночь, как просил его хан Акмаль. Была какая-то болезненная тяга к гостям у хана Акмаля, не любил, не выносил он одиночества, а за столом преображался, жил по-настоящему, только в застолье умел слушать других, Артур Александрович давно отметил эту странность. Но он остался не потому, что хотел ублажить или потрафить хозяину, а потому, что решил забрать досье на самого себя.

В тот вечер за столом они оказались не одни, как он рассчитывал. Неожиданно в Аксай заявила московская журналистка

писать очередной панегирик о чудесах в рядовом агропромышленном объединении, где правил необыкновенный человек — то бишь хан Акмаль. Это несколько путало карты Японца, но особых причин для беспокойства не было.

Минут за десять до начала застолья в гостевом доме, находившемся в яблоневом саду на окраине Аксая, хан Акмаль зашел к нему в комнату и показал подарок, который собирался вручить гостю.

Шубарин взял у него из рук изящную коробочку, обтянутую сажено-черной замшей, догадываясь, что там находится. Он действительно не ошибся, в глаза брызнули светом бриллианты массивного кольца.

— Не слишком ли дорого за статью, даже в центральной прессе?

— С фотографией, — уточнил хан Акмаль и рассмеялся, — да и женщина ничего, из Москвы, писательница...

Артур Александрович взгляделся в ценник, висящий на тонкой шелковой ниточке, и присвистнул.

— А это, мне кажется, нужно снять, — сказал он, показывая на бумажку, цена может испугать кого угодно.

— Само собой разумеется, — сказал уже по-деловому хан Акмаль, все это внесется куда надо, подошьется к делу, ты ведь знаешь, я обожаю учет-отчетность, не забывая ленинское: социализм — это прежде всего учет!

— Да, я знаю, ты всегда следуешь ленинским заветам, — сказал гость, и они оба весело рассмеялись, вечер начинался замечательно.

Писательница оказалась женщиной не первой молодости, но, как и большинство московских дам, пыталась изображать деловитость, хватку, излучать несуществующую энергию, в общем, тщила произвести впечатление, все еще не понимая, какая тут отведена роль второму, синеглазому, мужчине, судя по манере держаться, одеваться, человеку отнюдь не провинциальному. Сбивало ее с толку и то, что хан Акмаль, пытаясь сказать что-то любезное, путался от волнения и переходил на узбекский, обращаясь за помощью к синеглазому. А тот, вроде уточняя, обменивался какими-то непонятными ей репликами на узбекском с хозяином загородного дома и лишь потом переводил на русский, впрочем, не скрывая внешней

любезности, внимания, но ей казалось, что в таких случаях элегантный переводчик, которого она тут же окрестила Лоуренсом Аравийским, пытался гасить восторг знаменитого директора, чье лицо излучало доброту, внимание, готовность услужить и неподдельный интерес к ней, как к женщине. В последнем не переубедил бы ее никто. Порой ей хотелось, чтобы вежливый, рафинированный, но холодный Лоуренс Аравийский откланялся, время все-таки перевалило уже далеко за полночь, но синеглазый вел себя так, словно поставил себе цель гулять до утра. И писательница, перестав излучать фальшивую энергию и не свойственный возрасту задор, откровенно призналась, что устала от двух перелетов и одного переезда в Аксай, пробормотала еще что-то про часовой пояс, адаптацию-акклиматизацию, с тем и отбыла отдыхать. Хоть поздно, но поняла, что тягаться с синеглазым не следует.

Как только за нею захлопнулась дверь, хан Акмаль сказал с восторгом:

— Какая женщина! С какими людьми знается! Какие двери ногой открывает!

Артур Александрович сначала хотел остудить пыл хана Акмаля, вернуть его на грешную землю, всего двумя-тремя фразами, уже срывавшимися с языка, но решил не портить ему настроение и азарт и вполне любезно поддержал:

— Да, она достойна такого подарка, и даже вместе с ценником.

И обладатель двух «Гертруд» тут же предложил тост за ее здоровье. Выпили, и тут Японец понял, что, пока хан Акмаль пребывает в эйфории от встречи с женщиной, открывающей ногой высокие кабинеты в Москве, он должен попытаться решить и свои проблемы.

— Акмаль, я хотел бы, чтобы ты подарил мне досье на Шубарина...

Хозяин дома на минуту опешил, но потом засмеялся.

— Артур, надеюсь, ты шутишь, зачем тебе досье на самого себя, лучше поинтересуйся подноготной своих врагов.

— Нет, Акмаль, сегодня я хочу получить то, что прошу.

Разговор становился напряженным, взрывоопасным, откровенной конфронтации с Японцем в этом крае не хотел никто, хан Акмаль знал его возможности, и он стал машинально

разливать коньяк, чтобы как-то собраться с мыслями, он был не спринтер, а стайер.

— А если я скажу, что такое досье не существует и что я не коплю компромат на своих друзей?

Тут уж рассмеялся гость, начиная разговор, он понимал, что без серьезного аргумента хан Акмаль никогда не вернет документы, и потому выбрал главный козырь:

— Акмаль, у нас с тобой такие отношения, что я не могу ставить тебя в неловкое положение, но и сам не хочу служить мишенью для кого-то. Если я доверяю тебе, это не значит, что я доверю всякому, кто может даже случайно заглянуть в мое досье.

— Резонно, — вполне миролюбиво перебил хан Акмаль, почувствовав, что хитроумный Японец оставил ему лазейку для благородного отступления.

— Если я не заполучу сейчас свои бумаги, то через неделю можешь прислать ко мне человека, я передам копию досье на тебя, а подлинник останется у меня в Лас-Вегасе, ты ведь мне тоже доверяешь?

— Да, Артур, доверяю, умный ты человек, не зря я тебя английским шпионом окрестил в прошлый раз, помнишь? — расхохотался аксайский Крез и захолопал в ладоши, и тотчас на пороге появился Ибрагим.

— Будь добр, принеси бумаги на Артура, он хочет убедиться — профессионально ли работают мои люди, и обещал дописать то, что они упустили. — И опять захохотал, и напряжение разрядилось, хан Акмаль был еще тот «дипломат».

Отдавая Шубарину пухлую канцелярскую папку, Арипов сказал:

— Ну вот, я избавляю тебя от лишних хлопот, собрать досье даже на меня за неделю невозможно, поверь моему опыту, и я не буду посылать человека за своим досье. Мы ведь так много знаем друг о друге. — И хан Акмаль протянул через стол руку, и оба облегченно вздохнули, ибо понимали, какой конфронтации избежали.

Артур Александрович снова подошел к окну, уже светало, и вдруг он захотел погулять по саду, редко когда ему приходилось делать это по утрам, он быстро переоделся в спортивный костюм, в котором обычно выходил к завтраку, и спустился вниз.

Над садом висел влажноватый туман, тонкий, едва различимый, порою казалось, это кисея от игры, недостатка света, нарождающегося дня и догорающих последние минуты люминесцентных ламп за оградой, но он как «жаворонок» очень тонко чувствовал переходное время, когда ночь держала природу в последних объятиях, к тому же он знал туман своего сада.

От неожиданной влажности, которая совершенно исчезнет часа через два, хозяин сада поежился, но затем, чтобы быстрее насладиться рассветной чистотой воздуха, пробежался по аллее, выложенной мелкими керамическими плитами. Он не допустил к себе во внутренний двор ни асфальт, ни бетон, тут тоже сгодились его инженерные познания.

Незапланированный бег, как и неожиданно долгое плавание, придали бодрость хозяину прекрасного, ухоженного сада, и он невольно позавидовал Коста и Ашоту, пропадавшим часами в гимнастических и силовых залах, во множестве расплодившихся в Ташкенте с объявлением кооперации.

Спустился он в сад не для того, чтобы размяться, побегать, ему хотелось пообщаться с ним, обойти любимые деревья, срезать к столу свежие цветы, посидеть возле густых кустов можжевельника, кстати, подаренных ханом Акмалем, тот уверял, что они продлевают жизнь. Насчет жизни утверждать ему было трудно, но то, что они выводят вокруг тлю и всякую гадость, губельную для сада — точно, это ученые из ботанического сада Шредера подтвердили.

Но... как и у себя в кабинете, прохаживаясь вдоль своих любимых картин, он не замечал их, то же самое случилось и на аллеях сада, мысли о человеке из ЦК снова завладели им.

Идея взять в аренду ресторан принадлежала Сенатору, он раньше многих высокопоставленных чиновников оценил возможности кооперации. Может, идея пришла к Сенатору оттого, что Артур Александрович, чуть ли не с первого дня указа, легализовал часть своих подпольных предприятий через кооперативы, о готовящемся законе он знал из своих московских источников, еще за полгода вперед, и тщательно все проанализировал. Поначалу преследовал только одну цель — отмыть деньги теневой экономики, он кинулся исправно заполнять декларации на налоги, составляющие для него сущий

пустяк, и теперь обладал законными деньгами. Однажды, обедая с Шубариным в загородной чайхане, Сенатор сказал:

— Артур, почему бы тебе несколько не видоизменить свою деятельность, не придать ей разносторонность? — Видя, как заинтересовался сотрапезник, он продолжал: — Я предлагаю тебе открыть в Ташкенте настоящий, шикарнейший ресторан, это наиболее рентабельное вложение капитала.

— Ну, какой из меня, Сухроб, ресторатор, — попытался отшутиться Шубарин, но сотрапезник был настойчив:

— А почему бы и нет, я ведь не предлагаю тебе самому возглавить ресторан, к тому же у тебя в Лас-Вегасе есть помощник, Икрам Махмудович, ну, тот, что разъезжает на белом «мерседесе». Он от природы прирожденный кулинар, гурман, каких поискать надо, ресторанное дело, как мне кажется, его стихия, хотя на первое лицо, при его любвеобилии, он вряд ли тянет, но компаньоном будет достойным. Я вижу в своем воображении первоклассный ресторан, с богатым интерьером, с хорошо вышколенной и хорошо экипированной службой, разумеется, дорогой.

— У тебя есть какие-нибудь конкретные предложения, кроме интерьера и униформы? — спросил скептически сотрапезник, еще не понимая серьезности предложения.

— А как же, я ведь знаю, что кровь твоя наполовину состоит из цифр, ты, прирожденный от бога банкир и предприниматель, умудрился родиться немножко не там или слишком поздно, — пошутил человек из ЦК и, не дожидаясь ответа, перешел к тому, ради чего затеял разговор: — Прежде всего, идея пришла мне в голову потому, что в это дело я хочу войти с Салимом и с тобой на равных паях, зачем же нашим деньгам лежать без движения. Я продумал и практическую часть, ты внимательно объезжаешь район, где я семь лет был прокурором, и выбираешь любое здание — будь то ресторан, кафе, столовая, на худой конец, любое другое строение, которое, на твой взгляд, в течение трех-четырех месяцев можно будет перестроить и превратить в такой ресторан, какой я задумал, и пусть он называется, как у вас в Лас-Вегасе — «Лидо», в этом есть какой-то шарм, респектабельность — «Лидо»!

Дальше в дело вступаю я с Салимом. Я заставлю районные власти отдать здание тебе в аренду, тем более, это в русле

правительственных требований. Решу вопрос с крупными банковскими кредитами на льготных условиях для реставрации здания, приобретения интерьеров, мебели, кухонной посуды, холодильников, морозильных камер, всего торгового оборудования, что требуется для первоклассного ресторана. Найду подрядчиков, которые быстро, качественно и в срок отделают здание. На проект, как мне кажется, скупиться не стоит и следует привлечь за наличные талантливых архитекторов, а их в Ташкенте у нас немало, ведь мы имеем свой архитектурный факультет.

— Архитекторы есть, — перебил он, уже оценивший идею сотрапезника.

— Но на этом наша часть не заканчивается, работая районным прокурором, я не раз вплотную занимался общепитом и знаю тонкости этого дела, а они прежде всего заключаются в получении фондов на продукты, спиртные напитки, мы и это берем на себя. И, главное, — мы с Салимом берёмся прикрывать «Лидо», обещаю, что особых налогов не придется платить никому. Ну как, годимся мы в компаньоны?

— Вполне, — ответил бодро Шубарин, не ожидавший такой хватки от бывшего районного прокурора.

Шубарин на минуту оторвался от мыслей о Сенаторе и увидел, что предутренний туман исчез бесследно, погасли огни за высоким дувалом, и уже хорошо просматривались самые дальние аллеи сада, и, хотя на востоке давно пропал рассветный голос муэдзина, призывавшего правоверных на утренний намаз, все же по традиции тут просыпаются рано, и это чувствовалось даже за оградой.

Махалля быстро наполнилась шумами: звенели бидоны молочниц, привозивших из пригородных кишлаков молоко в город, трещали где-то в переулках моторчики велосипедов, доставлявших к чайханам и на базары первые горячие лепешки, хлопали плохо смазанные ворота — день вступал в свои права.

Когда он у себя в кабинете после завтрака просматривал бумаги, раздался первый телефонный звонок, звонила Наргиз из «Лидо».

— Артур Александрович, если нам не завезут две-три машины шампанского, послезавтра у меня начнутся сбои.

— Пусть пьют водку, коньяк, — попытался отшутиться Шубарин.

— У нас настоящее паломничество туристов из Грузии, тех, что приезжают на недельный тур. Каждая группа бронирует столы на все семь дней пребывания, а те, кто подъедут вслед через неделю, через две, заказывают столы по телефону из Тбилиси. А они предпочитают шампанское, так что выручайте, не заставляйте краснеть за марку «Лидо».

— Хорошо, Наргиз, с шампанским решим, пусть гуляют на здоровье, если они облюбовали наше «Лидо» в Ташкенте.

Два года назад, когда он находился в Париже, Сухроб Ахмедович сумел занять место в Белом доме, а его Миршаб — один из ключевых постов в Верховном суде, вот эти назначения и возвращение его самого из Франции отмечали по настоянию Хашимова в доме его любовницы Наргиз. И хозяйка дома, и прием, который она организовала, произвели на Японца впечатление, она обладала большим вкусом, тактом, и характер чувствовался, да и мир повидала, работая прежде в знаменитом ансамбле. Когда дело по созданию «Лидо» закрутилось и начали подбирать администрацию, Артур Александрович вспомнил про нее.

В Наргиз он не ошибся, она оказалась расторопной, предприимчивой и быстро вошла в курс, людям, не знавшим ее раньше, казалось, что она всегда занималась ресторанным делом. Она сама набрала штат официанток, в прошлом танцовщиц того же самого знаменитого фольклорного ансамбля, а мужскую часть, включая швейцаров, подбирал Файзиев, он знал наперечет все мало-мальски приличные заведения в Ташкенте и не ошибался, кто чего стоит. Наргиз и Икрам Махмудович вполне дополняли друг друга, и лучшее руководство вряд ли можно было отыскать.

Наконец-то обладатель белого «мерседеса» нашел себе место по душе, где мог по-настоящему, без подсказки реализовать себя, все его слабости, от тяги к изысканным застольям, широким жестам, что позволял он себе в последние годы, до его влюбчивости в каждую очаровательную женщину — все пошло на пользу ресторану.

Артур Александрович еще раз внимательно, с ручкой в руках, просмотрел перечень дел на день и понял, что вопрос с шампанским надо решить до заседания в Госснабе, значит, с самого утра. Человек, отвечавший за поставку шампанского

в «Лидо», не отличался особой пунктуальностью и уже подводил несколько раз, хотя имел свой интерес, это тем более настораживало, и он собирался поставить ультиматум его начальству: или вы меняете ответственного за поставку, или я расторгаю с вами договор. О таких условиях, на которых он получал шампанское, они могли и пожалеть. За каждую бутылку шампанского он отдавал баш на баш бутылку «Столичной», цена которой ровно десять. На таких условиях ему компаньонов долго искать бы не пришлось. Но он не любил менять поставщиков, конкуренция в таком деле — опасная штука. Имелось тут еще одно преимущество: склады, откуда он получал шампанское, находились в бывшей вотчине Сенатора.

Отчего же расчетливый Японец проявлял столь щедрый жест при обмене? В те дни, когда началась кампания по борьбе с алкоголизмом и стали крушить винно-водочные заводы и спешно их переоборудовать под что попало, он попал на какую-то крупную свадьбу и там сразу столкнулся лицом к лицу с директором ликёро-водочного объединения. На вопрос, отчего он чернее тучи, тот и поведал свои проблемы. Конечно, загрустишь, быть хозяином выгодного дела, нужным для всех человеком, а значит, и уважаемым, и вдруг начать выпускать компоты. Да и это еще предстояло наладить, а он не располагал ни монтажниками, ни слесарями, чтобы демонтировать оборудование по производству и розливу спиртных напитков, а ему на текущий квартал уже спустили крупный план по сдаче металлолома, с учетом ликвидации основного предприятия. Было от чего приуныть, особенно когда представишь, что на компоты требуются фрукты, а их нужно собрать, доставить, хранить — дело, как и со всеми скоропортящимися продуктами, сложнейшее, хлопотное. Другое дело водка! Не гниет и сроки хранения ей нипочем, да и с сырьем проблем нет, валяется под ногами, а о рентабельности и говорить не приходится, особенно при ценах, с которыми подошли к борьбе с нею.

Первая мысль, мелькнувшая у него, была помочь человеку со сдачей металлолома, за это строго спрашивают. С «Вторчерметом» у него имелись давние, отлаженные связи, помочь с бумагой о сдаче металлолома не составляло большого труда, но в нем вдруг разыграл азарт, и он решил на всякий случай прибрать оборудование к своим рукам, тем более, что

грустный директор признался: все обновлено только год назад! И тут он, как волшебник, снял печаль с лица своего приятеля, сказав, что он сам демонтирует оборудование и сам доставит бумагу о сдаче бывшим вино-водочным комбинатом металлолома. Ошарашенный директор на радостях еще и спросил:

— Артур, сколько с меня причитается?

Шубарин на миг опешил, но мгновенно взял себя в руки и сказал, улыбаясь:

— Ну, ящик компота в день рождения меня вполне устроит. — И они протянули руки с обоюдным удовольствием.

На промышленных площадях, доставшихся ему в наследство от гигантского рудокombината в Лас-Вегасе, он не спеша восстановил водочный завод. Чтобы ближе к активированному углю — как пошутил тогда Коста. В связи с ликвидацией таких производств остались не у дел и хорошие мастера, коих наперечет в любом деле, даже водочном. Шубарин нашел таких людей в соседней республике, чимкентская водка, как и пиво, известны на всю Среднюю Азию. Все трое молчаливых, непьющих немцев носили одну фамилию — Берг, они и стали гнать водку лучше прежней. Вот еще одна причина, отчего он легко принял идею Сенатора о первоклассном ресторане, отпадал смысл сдавать всю водку в госторговлю. Оттого он был великодушен в обмене водки на шампанское, мощности в Лас-Вегасе позволяли такую щедрость.

Самолет на Ташкент опаздывал на три часа, и Хуршид Азизович Камалов, получивший неожиданно высокое назначение в Узбекистан, отыскав скромный уголок у окна, достал толстую папку с газетными вырезками, что получил два дня назад в Прокуратуре СССР, хотелось скорее вникнуть в суть проблем и событий, происходящих на родине предков, куда он возвращался навсегда. В сорок шесть лет редко кто добровольно круто меняет жизнь, не думал о перемене в судьбе и Камалов, и тут все решилось в две недели, хотя еще десять дней назад он жил и работал в Вашингтоне. Конечно, он анализировал столь внезапное предложение и понимал, что ни его давний опыт работы в уголовном розыске, ни кандидатская, ни опыт преподавателя в закрытых учебных заведениях КГБ, ни опыт

работы прокурором в Ташкенте и Москве не давали ему особых преимуществ, чтобы возглавить Прокуратуру республики, где прежнее руководство чуть ли не поголовно привлекалось к уголовной ответственности.

Но все выяснилось на собеседовании в Кремле, где его подробно ознакомили с положением дел и не скрывали, что в республике оправились от первого шока, связанного с арестами, и местные тузы, объединившись, мощно противодействуют оздоровлению обстановки в крае. Вот отчего на ключевой пост в борьбе с мафией нужен был человек не только с опытом работы в правовых органах, но и человек местной национальности, хорошо знающий нравы и обычаи края, человек, который может опереться на местное население.

Несмотря на позднее время и задержку рейса, его встречали. Высокий, важного вида мужчина подъехал на черной «Волге» прямо к трапу самолета. Видимо, Камалова ему хорошо описали, потому что, едва он ступил на землю, тот приветствовал его, поздравил с приездом и возвращением на родину и выразил надежду, что — навсегда. Импозантный мужчина представился:

— Заведующий Отделом административных органов ЦК Сухроб Ахмедович Акрамходжаев.

Прилетевший тут же с энтузиазмом спросил:

— Не тот ли, чьи статьи в «Правде Востока» и «Советском Узбекистане» — «Станем ли мы правовым государством?», «Весы Фемиды», да и последовавшие за ними, — вызвали столь широкий резонанс в республике?

— Спасибо. Я рад, что вы знакомы с моими работами и вам известна моя точка зрения на закон и право, — ответил встречавший с улыбкой и широким жестом пригласил в машину. — Первое время будете жить в гостинице ЦК на Шелковичной, это на берегу Анхора. Хороший ухоженный район, утопающий в зелени. Большинство постояльцев гостиницы на сегодня — следователи по особо важным делам, прикомандированные из всех регионов страны, вам придется работать с ними в тесном контакте. Квартиру подыскивают и в самое ближайшее время кое-что уже предложат, но не спешите, выбирайте, раз решили вернуться навсегда.

Когда они подъехали по слабо освещенным улицам к гостинице, несмотря на позднее время, она полыхала огнями

в бархатно-черной азиатской ночи, редко какое окно зияло темнотой. Видя удивление на лице гостя, сопровождающий сказал:

— Работы много, очень много, не управляются за день, иные работают до утра, боюсь, что и вас ждет подобный ритм жизни.

Проводив Камалова до дверей номера, он сказал на прощание:

— Не буду вас сегодня утомлять. Насчет ужина сейчас распорядятся, знают о вашем приезде. А завтра утром встретимся в Прокуратуре. Я представлю вас коллективу, и приступайте к исполнению обязанностей, дел непочатый край. — И Сенатор откланялся, оставив приятное впечатление о себе.

Первый день работы оказался столь напряженным, что он не смог выбрать время, чтобы позвонить родителям Саламат, жены, да и своим родственникам тоже, понимая, какую обиду может вызвать подобное неуважение к родне. Беспрерывно звонил телефон, обращались с такими неожиданными вопросами и требовали немедленного вмешательства в самые невероятные дела, что он, обладая достаточным опытом, только диву давался, порою ему казалось, что на прокуратуру тут возложено все — от ремонта дорог, как и повсюду никудышных, до разгрузки вагонов в каждом тупике громадной среднеазиатской железной дороги. И поздно вечером, вернувшись к себе в гостиницу, он первым делом собирался все-таки оповестить многочисленную родню о своем назначении и о скором переезде семьи на постоянное жительство в Ташкент, как неожиданно, не успел он прикрыть за собой дверь, зазвонил телефон. Сперва он подумал, что звонок ошибочный, но настойчивая трель не прерывалась, словно кто-то поглядывал в окно, и он поднял трубку. Звонил Сухроб Ахмедович, с которым они расстались в первой половине дня.

— Хорошо, что застал дома, если бы вас успела перехватить родня или старые приятели, я не знал бы, как мне выкручиваться...

— Чем могу помочь, — спросил Камалов, заранее обрывая попытку пригласить его в гости, но он ошибся.

— Назавтра, после обеда, у нас назначена встреча с Первым, но его вызывают в Москву, пробудет он там три дня

и в составе правительственной делегации улетит на неделю в Индию. Двадцать минут назад он вызвал меня и сказал, что не хотел бы улетать, не познакомившись и не переговорив с вами. В нынешнем положении пристального внимания всей страны к Узбекистану на прокуратуре лежит тяжелейшая ответственность, и он догадывается, что вы прибыли из Москвы с особыми полномочиями, видимо, ему уже звонили о вас из Кремля. Поэтому он решил пригласить вас домой на ужин, это рядом с гостиницей, иного выхода, чтобы встретиться с вами, он не видит, все расписано по минутам.

— Вы будете на этом ужине? — быстро спросил прокурор, высчитывая кое-какие варианты.

— Нет, меня он подобной чести не удостоил, у вас все-таки предпочитают говорить с глазу на глаз, но я бы с удовольствием составил вам компанию. Так что через полчаса за вами найдут, и я желаю вам приятного вечера.

Отказаться от приглашения, тем более что оно предполагалось быть деловым, не имело смысла, и Камалов согласился. Положив трубку, он спокойно подумал, что с этой минуты он вступает в большую игру, оставалось одно: быстрее научиться разгадывать ее правила. Минут через сорок он уже сидел в гостинице у человека, ставшего преемником самого Рашидова. Неделю назад в Москве, когда ему предложили возглавить Прокуратуру республики, в конце долгой беседы хозяин кабинета, Виктор Сергеевич Рогов, давно знавший его, прощаясь, сказал доверительно:

— Ради бога, извините, весь вечер меня мучает одна дилемма: сказать или не сказать? Чисто по-служебному, по закону, наверное, я не должен это говорить. Делать преждевременные выводы в моем положении опрометчиво, но, зная вашу биографию, ведая, на что вы идете, я не могу промолчать, возможно, это в какой-то ситуации может стоить вам жизни. На днях я получил строго засекреченную информацию, что в коррупции, приписках и злоупотреблениях замешан и преемник Шарафа Рашидова. Каждый ваш шаг будет регламентироваться им и его друзьями. Вот что я хотел вам сказать и от души пожелать удачи.

И вот теперь он видел напротив этого человека.

Внешне он показался ему таким благообразным, добродушным профессором или муллой, с мягкими вкрадчивыми

манерами и тихим приятным голосом. И всякий раз, чтобы не расслабиться от обаяния, так и струившегося от хозяина дома, Камалов напоминал себе, что он на Востоке, где и внешность, и слова обманчивы, и не стоит обольщаться ни тем, ни другим.

Когда, позже, он познакомится на допросах с ханом Акмалем, то удивится своему первому впечатлению от встречи с преемником Рашидова, оно окажется абсолютно точным. Арипов, любивший давать всем клички, называл его Фариштой, то есть Святым. Какой верный глаз у аксайского хана!

Ему самому еще предстояло выработать и новую манеру разговора, и обрести умение отделять в многоплановом, полифоническом разговоре, характерном для Востока, главное, а пока следовало быть предельно собранным, внимательным, и, по возможности, не давать себя легко читать. На Востоке говорят: человек — это открытая книга.

До того, как сели за стол, хозяин дома успел расспросить о семье, о детях, о ташкентской родне, не забыл спросить, где он будет жить. Узнав, что квартирный вопрос еще не разрешился, сказал, что утром он попросит управляющего делами, чтобы выдали ордер из жилищных фондов ЦК, это, мол, рядом, в специальной зоне.

Позднее, анализируя великодушный жест, за который он, конечно, выразил признательность, понял одно, что каждый его шаг будет контролироваться — когда уехал, когда приехал и кто к нему навещался, на то она и особая территория с охраной на въезде. Нет, не прост оказался благообразный профессор, он понимал, что действия нового прокурора с особыми полномочиями следует держать на контроле, и так уже многих сняли москвичи.

После беседы в гостиной перешли в зал за щедро накрытый стол, живя в Москве, он давно отвык от такой обильной и плотной еды, и к этому следовало привыкать. За столом оказались не одни, ужинали вместе с домочадцами, но нить разговора находилась в руках у хозяина дома. Беседа велась и о Москве, и о Ташкенте, и об Индии, куда он направлялся через три дня.

Позже, анализируя разговор, он ни на чем не мог остановить своего внимания и понял, что шел общий зондаж: что за человек, чем дышит, как держится за столом. Одно утешало прокурора за долгий и тягостный вечер: если он ничего и не

познал, то особенно и не позволил сделать ясных выводов о себе. Первую встречу можно было оценить по-спортивно: ничья.

Возвратившись поздно в гостиницу, он еще некоторое время гулял во дворе, то и дело невольно поглядывая на горящие окна, и вдруг его прожгла неожиданная мысль:

«Сейчас за одним из этих ярко освещенных окон работает незнакомый человек, знающий тайну преемника Рашидова, и он догадывается, что тайна эта может стоить ему жизни, но он уже не остановится, ибо он сыщик, человек одной породы с ним, для которого есть только один бог — Закон».

Камалов впервые в жизни встречался с человеком такого ранга, и только сейчас, наедине, понял, что такое гипноз власти, за весь вечер он ни разу не вспомнил о предупреждении, сказанном два дня назад в Прокуратуре СССР.

Следовало постоянно помнить, что ошибки, иллюзии тут, как на минном поле, исключались.

И потянулись у Камалова однообразные, занятые до предела дни, Сухроб Ахмедович словно в воду глядел — и у него далеко за полночь горел в гостиничном окне свет. Даже квартиру, которую ему все-таки предложили через месяц, он не мог посмотреть в течение двух недель. И переезд семьи затянулся аж до Первомайских праздников, и, если бы не родня, принявшая самое активное участие в этом, неизвестно, когда бы у него наладилась нормальная жизнь. Но Восток силен родней, тут своих не оставят в беде. С первого дня он попал в жесточайший цейтнот, катастрофически не хватало времени.

Много лет чья-то властная рука сдерживала прокуратуру в наведении порядка, отчего она не имела настоящего опыта и не владела реальной ситуацией в республике, а теперь словно прорвало плотину, и она кинулась во все стороны, ошарашенная размахом творящегося вокруг, и сама же задохнулась от множества заведенных дел. Вот такое он вынес суждение о делах прокуратуры на первых порах.

Заметил он и такую особенность в своей работе: именно к нему стекались все горячие и запутанные материалы, и больше всего поступало на утверждение дел, ознакомиться с которыми по-настоящему он практически не имел возможности. И на большинстве санкций на арест почему-то оказывалась

его подпись. Он понимал, что при нынешней чувствительности граждан к любым ошибкам прокуратуры его подпись на каком-то документе могла ему дорого обойтись. Но и уклониться от их утверждения не мог, без его подписи они ничего не стоили.

Нынешние дела имели давнюю историю, и он уже никак не мог на них влиять, разве что, когда они вернутся вдруг из суда на доследование. В последний месяц из Верховного суда действительно косяками стали возвращаться дела на пересмотр. Многие доводы суда Камалову даже на первый взгляд казались необоснованными. Верховный суд уклонялся от принятия окончательных решений и отфутболивал все снова в Прокуратуру республики. Порою ему казалось, что кто-то упорно хочет, чтобы он завяз в мелких процедурных вопросах и старых делах, и не высовывал носа из своего кабинета, и не пытался вывести разоблачение должностных преступлений на новый и качественный виток.

А стоило ему проявить к какому-то делу особый интерес, тут же, как по мановению волшебной палочки, между ним и заинтересовавшим его материалом возникала гора бумаг, в которой он безнадежно тонул, хотя работал каждый день только в самом здании Прокуратуры не менее четырнадцати часов, и не было дня, чтобы не прихватывал в гостиницу папки. Одним из таких дел, от которого его так «объективно» оттирали трижды, было дело «аксайского хана». О нем, о его влиянии на жизнь республики ходили легенды не только в Узбекистане, но доходили слухи и до Москвы, и он не впервые слышал его фамилию, да и родня ташкентская первым делом спрашивала: а как там хан Акмаль, неужели и на этот раз выкрутится? Вот от какого дела его тактично и ловко оттирали, Камалов чувствовал это. Видимо, тронуть хана Акмаля — все равно что разворотить муравейник, многие, наверное, почувствуют себя неуютно. Он однажды даже поделился сомнениями с Сухробом Ахмедовичем из ЦК — мол, не пора ли вплотную заняться сподвижником Рашидова в Аксае, от которого в прошлом зависели многие высокие назначения в республике?

Акрамходжаев не стал его ни отговаривать, ни переубеждать, лишь устало сказал: «Да куда от нас денется директор какого-то агропромышленного объединения, когда у нас на

очереди секретари обкомов, секретари ЦК?!» Этим замечанием вроде тактично намекал, что он еще не владеет ситуацией, не ориентируется в иерархии преступлений.

В общем, чувствовал себя Камалов как конь с повязанными ногами, с путами, да и шоры ему ловко успели нацепить, чтобы он шагал только в определенном направлении. Он, конечно, делал вид, что занят стратегическими вопросами, а остальное, от чего его вежливо оттирали, мол, не представляет первостепенного интереса. Материалы по хану Акмалю вел старший следователь по особо важным делам, прокурор знал его еще по Москве, а начато дело было следователями КГБ республики, так совместно оно и продолжалось.

В одно утро, подписав несколько санкций на арест, он созвонился со следователем по делу Арипова и поехал в здание напротив внушительного памятника Дзержинскому. Когда он поднимался пешком на третий этаж, кто-то окликнул радостно:

— Хуршид Азизович!

Камалов обернулся и увидел улыбающегося плотного мужчину в светлом костюме.

— Не узнали? — сказал он, протягивая руку.

— Почему же не узнал, — Бахтияр Саматов. Впрочем, узнать вас не просто, десять лет все-таки прошло, окрепли, заматерели, наверное, большим начальником стали, судя по вашей прежней хватке ставить в тупик своих преподавателей. — И они, дружно рассмеявшись, обнялись.

— Не я один, а многие ваши ученики сегодня занимают здесь ключевые позиции. У меня кабинет этажом ниже, пожалуйста, заходите, готовы помочь вам в любое время, я — один из замов председателя.

У следователей по делу Арипова он задержался на час и вернулся на второй этаж, где его ждали.

Разговор с генералом Бахтияром Саматовым у Камалова затянулся почти до самого обеда, но они даже вскользь не вспомнили о тех давних годах в Москве, хотя вспоминать было что, он как москвич, конечно, опекал своих земляков.

Прокурор сразу перешел к делу.

— Сегодня по моей модели в прокуратуре организуется отдел по борьбе с организованной преступностью, и я просил бы вас помочь людьми. Не помешают мне и технические работники,

вплоть до машинисток. В канцелярии с документами, архивами должны работать люди, которым я доверяю сполна.

— Я как раз ведаю кадрами, — ответил генерал, — и считайте, что вопрос улажен.

— На Востоке не отказывают своим учителям? — пошутил гость.

— Вы быстро осваиваетесь, домулла, восточная кровь заговорила, — ответил с улыбкой хозяин кабинета и продолжил: — У нас сегодня тоже на многое открылись глаза и большинство профессионалов понимают, что внутри страны есть реальные силы, чьи интересы представляют угрозу государственной безопасности, и при благоприятной ситуации они попытаются дестабилизировать обстановку в крае, и расчеты их не в последнюю очередь возлагаются на преступный мир. Поэтому мы тоже хотим иметь четкое представление о состоянии уголовной обстановки в республике. Ныне есть тяжкие преступления с политическими мотивами, а политики не гнушаются откровенной уголовщиной, и если они быстро находят язык между собой, то, видимо, и нам необходимо координировать наши усилия.

— И еще одна просьба, Бахтияр Саматович, она не от бессилия, просто мне жаль времени. Я постоянно ощущаю утечку информации, особенно с совещаний с работниками МВД и партийных органов, сколько моих начинаний уже пошло насмарку! У меня есть определенный опыт в борьбе с этим явлением, и я при любой мало-мальски серьезной операции расставляю капканы для предателей и, уверен, скоро выйду на их след. Но если бы вы знали, как это мешает, вяжет руки, не позволяет проводить широкомасштабные операции! У меня очерчен список людей, имеющих доступ к информации, и, возможно, через них она поступает к тем, к кому мы проявляем интерес. Я понимаю, что большинство из них высокопоставленные люди и по обычным меркам — вне подозрений, как жена Цезаря, но, может быть, косвенно кто-то из моего списка замешан в связях с новой элитой преступного мира: дельцами, цеховиками, миллионерами из теневой экономики? Уголовники уже давно пошли им в услужение добровольно. По логике, опять же в целях государственной безопасности, такая информация о порочащих связях высоких должностных лиц должна быть у вас, нет ли там моих голубчиков?

— Вы правы, мы обязаны располагать подобной информацией, но вы до сих пор не поймете, какой неограниченной властью пользовался в крае Рашидов. Я знаю, что мои старшие коллеги в свое время выходили к нему с докладом о неблагоприятных связях высших чинов МВД и тут же получили строжайший указ — оставить милицию в покое и заниматься своим делом. Милицию многие годы возглавлял его друг и доверенное лицо. Позже и в КГБ он поставил своего человека, а поскольку мы тоже подотчетны партийным органам, то смотрели только в ту сторону, куда указывали. Поэтому нет у нас обобщенного материала, хотя сигналы все эти годы, по этой теме, к нам поступали, но хода они, к сожалению, не получили.

И вдруг он, выйдя из-за стола, сказал неожиданную фразу, словно читая мысли своего бывшего учителя:

— Вот если мы разживемся архивом хана Акмаля, нашей картотеке цены не будет.

У Камалова неожиданно возник план, о котором он не думал даже час назад, покидая на третьем этаже кабинет следователей.

— Я сейчас подробно, в деталях, ознакомился с делами аксайского хана и не понимаю — почему он на свободе, материалов для привлечения его к ответственности достаточно, я готов хоть сию секунду дать санкцию на арест. Если мы упустим время, и досье его, о которых вы сейчас упоминали, и деньги могут стать добычей преступного мира, уверен, что они не хуже нас осведомлены о богатстве Арипова. Если это произойдет, и вам, и нам, даже объединись мы, вряд ли скоро удастся взять ситуацию под контроль.

Генерал прошелся вдоль окна, словно взвешивая слова, которые он собирался сказать.

— Это нас тоже тревожит, есть сигналы: кто-то активно ищет к нему ходы. Уйди его наследство в горячие руки, беды непредсказуемы, да и сам он может исчезнуть с награбленным, дьявольски хитер, изворотлив, повсюду у него свои люди. У нас есть данные, что он наводит мосты в Термезе, ищет пути в Афганистан, сейчас идет война — и для него могут найти лазейку.

Но мы никак не можем ускорить лишение его депутатской неприкосновенности, и в Ташкенте, и в Москве у него есть

высокопоставленные друзья и покровители. Не можем мы подталкивать и прокуратуру, мы для нее не указ... Да и начни мы сколь-нибудь заметно форсировать события, его тут же предупредят, возможно, те же люди, что находятся в вашем списке.

— А знаете, — прокурор решил выложить свой план, — не следует ли мне рискнуть, взять ответственность на себя? Я человек новый, располагаю кое-какими полномочиями, и неудобно мне сразу дать пинка под зад. Сошлюсь на неопытность, скажу — я ведь не секретаря обкома без ведома ЦК арестовал, а обыкновенного хозяйственника. — И, посмотрев друг на друга, лукаво улыбнулись, они думали одинаково.

— Ну что же, — подхватил хозяин кабинета, — мы не можем препятствовать человеку такого ранга, это вполне в вашей компетенции, если не оглядываться на ЦК. Более того, мы готовы по вашей просьбе поддержать операцию, и наше участие в задержании хана Акмаля не окажется неожиданным, следователи КГБ давно уже занимаются им. Сколько дней вам нужно, чтобы разработать в деталях операцию? «Маршал Гречко» имеет вооруженных людей, и Аксай сплошь изрезан подземными коммуникациями. Взять его надо только живым, иначе никому из нас не сносить головы. Нас обвинят в убийстве горячо любимого народом депутата.

— Мне нужно два дня, — ответил Камалов. — За сорок восемь часов мы разработаем все детали и попытаемся взять его без особого шума, и обязательно живым, но уже сегодня к вечеру я должен встретиться с теми людьми, которых вы готовы передать мне в помощь, я хочу подключить их к операции.

— Договорились. Сегодня эти товарищи будут у вас в прокуратуре к концу дня, а через двое суток я жду вас с планом операции. — И они распрощались.

Через несколько дней прокурор прилетел в Наманган в официальную командировку, имея четыре варианта операции под названием «Большая охота». Во всех случаях главная роль отводилась самому Камалову, арестовать «маршала Гречко» он должен был сам. Нашли посредника — человека, работающего в обкоме, давнего прихлебателя Арипова. Не посвящая того в тайны, сказали, что Прокурор республики хотел бы срочно и тайно встретиться с ханом Акмалем в доме посредника или любом другом месте Намангана, которое предложат люди из Аксяя.

Высокопоставленный посредник предложение о тайной встрече счел обыденным явлением, и оно ничуть его не смутило, вполне допускал сговор между новым человеком из Москвы и истинным хозяином этих мест, ханом Акмалем. В тот же день он привез ответ: хан Акмаль готов встретиться, но только исключительно на своей территории, в Аксае. В общем, на его смелость вне пределов ханства они и не рассчитывали. Но и, назначая встречу на своей территории, поставил условие: ни одного сопровождающего, кроме посредника из обкома, и только на его машине, без какого-либо эскорта. Условия приняли и договорились, что завтра после полуночи машина хана Акмаля будет ждать у дома посредника, куда они подъедут прямо из-за дастархана областного прокурора, тот собирал застолье по случаю приезда важного гостя из Ташкента. В общем, все в добрых старых традициях застойного времени, чтобы и комар носа не подточил. Догадывались, что хан Акмаль каждые полчаса будет знать, о чем идет разговор за столом, и это приняли во внимание.

Наиболее вероятным местом тайной встречи в Аксае могли оказаться три здания: сама резиденция хозяина, дом для приема гостей, на окраине Аксая, в яблоневом саду, и охотничий домик в горах. По рангу встречи более всего подходил дом в горах, с двумя каминными залами, но этот вариант исключался, дорога в горы требовала времени. Оставались два здания, но более предпочтительным, по логике, оказывался гостевой дом, ибо переговоры носили тайный характер, и Камалов, в крайнем случае, от встречи в резиденции должен был отказаться.

Основным вариантом считался арест в гостевом доме, тут все просчитали до мелочей, и для захвата особняка благоприветствовали обстоятельства. Среди обслуги дома отыскался человек, бывший «афганец», к которому чекисты все-таки нашли ход. Парень заведовал сауной и бассейном и за расторопность так высоко ценился ханом Акмалем, что иногда при выезде за пределы Аксая включался в его личную охрану. Но главный расчет строился не на десантнике. Рядом с яблоневым садом шло строительство небольшого консервного завода, и туда со дня на день ждали доставки башенного крана, и вагончики строителей стояли неподалеку от гостевого дома. Бригада по монтажу стотонного крана и строительства

для него подкрановых путей обычно состояла из двадцати слесарей.

Камалов укомплектовал бригаду своими людьми, а ствол башни начинил вооружением, вплоть до пулеметов, чтобы мгновенно отсечь нападение на гостевой дом, если такое случится. «Троянский конь» — шутили оперативники, тщательно укладывая в чрево трубы оружие, боеприпасы, бронежилеты, инструменты, легкие дюралевые лестницы — все то, что могло пригодиться в молниеносной операции.

Во второй половине дня караван из двух могучих трейлеров с военными тягачами «Ураган», в сопровождении трех тяжелых автокранов для монтажа, автономных электростанций на собственном ходу, машин технической помощи, выехал в Аксай, не привлекая особого внимания. До самой ночи «строители» разгружали свое хозяйство, обживались. Когда Камалов покидал дом областного прокурора, он уже знал, что у «монтажников» — готовность номер один. Не забыли и о подземных тоннелях, нарытых бесноватым ханом Акмалем, два из них, которые удалось установить с помощью «афганца», выходящие к реке и к дороге в горах, взяли под контроль. С наступлением темноты в сторону Аксая, опять же на двух трейлерах, повезли шесть скоростных бронетранспортеров, умело камуфлированных под строительную технику и оборудование. Десантники в бронежилетах все до одного имели за плечами опыт афганской войны. Камалов уже на подъезде обогнал транспорт и отметил, что военные подходили к намеченному плацдарму вовремя. Из-за оживленного разговора, навязанного посредником, прокурор не слышал характерного звука военных вертолетов, они тоже должны были занять позиции поблизости Аксая. Три красные сигнальные ракеты означали бы для воздушных десантников тревогу, и следовало тогда поспешить на помощь «монтажникам». Один вертолет ждал особого сигнала — двух зеленых ракет, ему предстояло, в случае удачи, немедленно вывезти хана Акмаля из Аксая.

Золотозубый шофер из Аксая, которого посредник из обкома дважды называл по имени — Исмат, в беседу не вмешивался и всю дорогу молчал, на вопросы отвечал кратко, не давая втянуть себя в разговор, а прокурор пытался это осторожно

делать, потому что желал знать заранее, где состоится аудиенция, и в случае удачи даже пятнадцать — двадцать минут имели значение, прежде всего — обозначался основной вариант операции и успевали передислоцировать резервные силы. Если по дороге Наманган — Аксай выяснится, что встреча будет происходить в гостевом доме, у Камалова была возможность дать об этом знать. При въезде-выезде из Аксая был заведен строжайший порядок, водители фиксировали в журнале время прибытия-убытия. И Исмат, в любом случае, должен остановиться у шлагбаума и забежать на минутку в сторожку, вот в это время прокурор всего-навсего должен выйти из машины — это и послужит подтверждением того, что встреча состоится в гостевом доме.

Чувствуя, что случайно ничего не выведать, он решил откровенно блефовать и, обращаясь к человеку из обкома, сказал с нескрываемым сожалением:

— Говорят, у Акмаля-ака есть дивная сауна и бассейн, не мешало бы попариться всласть и поплавать. В Ташкенте у меня таких возможностей нет, да и времени тоже.

— Я тоже готов поддержать вашу идею, тем более что принимать он будет нас, как договорились, в гостевом доме, где и сауна, и бассейн. Попросим хозяина, думаю — не откажет, как я знаю, он и сам любитель ночных водных процедур, особенно с прекрасным полом. — И человек из обкома от души раскатисто расхохотался.

И тут в разговор неожиданно вмешался молчаливый Исмат.

— И просить не надо, когда я уезжал, «афганец» уже менял воду в бассейне и заносил чешское пиво в сауну.

— Вот и хорошо! — обрадованно сказал прокурор и, хлопнув шофера по плечу, добавил: — С меня причитается за хорошую весть.

Машина в это время уже тормозила у сторожки. Камалов вышел из машины вслед за шофером.

Человек, давно и тайно поджидавший машину у шлагбаума, увидев Камалова, тихо сказал в переговорное устройство лишь одно слово: «гостиница».

Хан Акмаль встречал высокого гостя у ворот сам, решил уважить, все-таки прокурор республики, знал, что Камалов прибыл в Ташкент разобраться с наследием его друга Шурика.

Накануне хан Акмаль долго беседовал с Сабиром-бобо, и они подумали: возможно, Камалова рекомендовал в Ташкент кто-то из его московских друзей, и наконец-то из Белокаменной протянули ему руку помощи. Могла быть и такая версия, не простые друзья у него в Москве, и им не резон отдавать хана Акмаля в руки правосудия. Вот почему с большим волнением Акмаль-ака ждал встречи с прокурором республики. И любую услугу Камалова они оценили в миллион и подготовили дипломат с щедрым подарком.

Не видно было в загородном доме и челяди, лишь только когда они входили в стеклянную галерею, случайно попался навстречу молодой человек, симпатичный парень с тщательно выбритой головой и обвислыми восточными усами. Еще издали увидев гостей, он чуть ли не вжался в стену, не смея поднять глаза на сиятельных людей, правую руку он прижимал к сердцу. Жест не остался незамеченным Камаловым, чуть растопыренные пальцы означали — особой тревоги нет и «афганец» готов сделать свой первый шаг. Значит, с самого начала им все-таки удалось перехитрить хана Акмаля, усыпить его чрезмерную бдительность.

По галерее они шли одни, посредника у ворот перехватил какой-то тщедушный старик во всем белом, и они направились к небольшому зданию напротив, видимо, человек из обкома присоединится к ним за столом, как только закончатся переговоры с глазу на глаз.

Хан Акмаль провел высокого гостя в краснознаменный зал, тот самый, где он встречал, так же тайно, Сенатора. Была и тут своя тактика, конечно, живя в Москве, Камалов вряд ли мог слышать об успехах агропромышленного объединения, хотя о нем периодически печатали хвалебные статьи в центральной прессе, а тут представилась возможность показать успехи в сконцентрированном виде, так сказать. Всякого входящего в зал поражало обилие тяжелых, шитых золотом знамен, и хан Акмаль знал сей эффект. Увиденное поразило и прокурора, и он по собственной инициативе прошелся вдоль стены со свернутыми знаменами. Начало встречи обрадовало хана Акмаля, он почувствовал, что на человека из прокуратуры произвели впечатление его успехи, а успех предприятия он всегда связывал только с собой.

— Прошу. — И хозяин жестом пригласил за дастархан, скромно уставленный фруктами и чайными приборами на двоих, все вокруг, и тишина в доме, располагало к беседе.

«Некогда рассиживать, чай гонять с тобой, отцвели твои хризантемы», — усмехнулся про себя прокурор Камалов, но в последний момент занял курпачу у стены с тем, чтобы хан Акмаль расположился спиной к входной двери и не сразу среагировал на появление своего «афганца», а тот должен был войти минут через десять — пятнадцать, как опустеют коридоры. Хозяин дома, разлив чай, как всегда, уверенно повел разговор, сначала издали, с самой Москвы, пытаясь скорее определиться — не друзья ли из белокаменной столицы пытаются принять участие в его судьбе, и не этот ли седеющий прокурор их посланник. Хотя хан Акмаль и поднаторел в застойной дипломатии, но, видимо, волнение, поспешность подвели его на этот раз, цель оказалась так плохо замаскированной, что гость сразу разгадал тайные надежды обладателя двух «Гертруд». Представлялась еще одна возможность расслабить, отвлечь внимание хана Акмаля, и Камалов осторожно повел разговор вокруг тех людей в Москве, на кого мог рассчитывать Арипов, и видел, как оживлялось отекшее от волнения лицо хана Акмаля.

В тот самый момент, когда душа хана Акмаля окончательно успокоилась и в прокуроре из Москвы он увидел избавителя от всех грядущих неприятностей, в комнату бесшумно, в мягких кроссовках, вошел «афганец».

— Извините, — сказал он неожиданно за спиной хозяина дома, обращаясь к гостю, — Исмат предупредил, что вы особый поклонник сауны, я хотел бы уточнить, какую температуру вы предпочитаете?

В иной ситуации хан Акмаль рявкнул бы на человека, прервавшего важную беседу, но сейчас лишь обернулся и улыбнулся, словно одобряя своего любимца. А тот вдруг склонился к нему и нанес короткий удар в челюсть, видимо, там, в разведке, он часто пользовался этим приемом. Камалов не успел и глазом моргнуть, как «афганец» уже всовывал заранее заготовленный кляп находящемуся в нокауте хану Акмалю.

Прокурор мгновенно вскочил и с пистолетом в руках бросился к двери, коридор оказался пуст. Они вдвоем подхватили тучного аксайского Креза и поволокли его из краснзнаменного

зала. Пройдя по коридору несколько шагов, «афганец» открыл дверь с другой стороны устланного коврами прохода, комната слева выходила окнами в сад. На веранде просторной комнаты окна оказались распахнуты настежь, и внизу их поджидали четверо дюжих «монтажников», они ловко подхватили человека с кляпом во рту за руки и за ноги и побежали садом к вагончикам строителей, где должен был приземлиться вертолет.

Камалов легонько подтолкнул «афганца» в спину и сказал:

— И ты, парень, беги к вертолету, тебе нельзя оставаться в Аксае, а там что-нибудь придумаем, авось никто не видел твоего участия. — И бритоголовый ловкий парень побежал вслед десанникам, быстро уносившим хана Акмаля к бытовкам монтажников.

И вдруг, когда «афганец» уже сворачивал с освещенной аллеи вглубь сада, он вскрикнул и упал. Камалов, бежавший следом за ним, не видел, как кто-то сзади него в белом метнул вслед «афганцу» нож. Прокурор склонился над парнем и увидел, что нож пробил сердце насквозь, острие торчало из груди, метал человек, умевший обращаться с холодным оружием. А от ограды яблоневого сада бежали «монтажники» с короткоствольными автоматами наперевес, уже слышался шум вертолета в небе и грохот бронетранспортеров, влетающих в сонный Аксай. Камалов положил «афганца» на откуда-то взявшиеся носилки и вдвоем с каким-то десанником понес к башенному крану, а остальные кинулись в дом искать метателя. Но в пустом особняке нашли только тщедушного старика в белом, молившегося в самой дальней комнате, и испуганного человека, показавшего обкомовское удостоверение. Когда человеку в белом сообщили о злодейском убийстве «афганца», тот молитвенно сложил руки и сказал:

— Он был мой племянник, я его рекомендовал на работу в дом. — И старика больше ни о чем не спрашивали. Сабирбобо не простил предательства даже своему племяннику, которого очень любил.

Через двадцать минут после начала операции вертолет с ханом Акмалем взмыл в небо.

Когда вертолет скрылся из виду, произошло еще одно непредвиденное происшествие, совсем недалеко от яблоневого сада, но уже в горах раздались поочередно три взрыва,

заставившие прокурора Камалова задержаться в Аксае еще на несколько часов. Впрочем, он догадался, что это означает — потерю знаменитых досье хана Акмаля, на которые так рассчитывал генерал Саматов. Хладнокровному Сабиру-бобо даже смерть любимого племянника не помешала уничтожить главные архивы, этот вариант у них был давно оговорен и отработан. Взрывом вслед вертолету духовный наставник как бы давал знать хану Акмалю, что архивов, главных улик его деятельности, — нет и он волен избирать любую тактику защиты, все тайны партийной и хозяйственной элиты края отныне находились при нем самом.

Вернувшись в Ташкент, Камалов забежал лишь на полчаса домой, чтобы переодеться, и тут же отправился в ЦК партии. Вначале он поднялся на второй этаж к Сенатору, но того не оказалось на месте, секретарша объяснила, что он сейчас на приеме у Первого. «Вот и хорошо, не придется дважды докладывать», — подумал прокурор и пешком поднялся на пятый этаж, в приемную. Помощник, увидев его в дверях, пошел доложить, и его тотчас пригласили к хозяину просторного кабинета. Сенатор действительно находился там, и, судя по двум толстым папкам перед ним, долго. Увидев Камалова, Первый вышел из-за стола и пошел ему навстречу, улыбаясь, и прокурор сразу понял, что они еще не знают об аресте аксайского хана.

После традиционного приветствия Первый, оглядев его внимательно, участливо сказал:

— Выглядите вы неважно, словно всю ночь охотились за бандитами, у вас ведь появился отдел по борьбе с организованной преступностью, мне вот только сейчас об этом доложили, пусть они и занимаются этим, а вы уж вырабатывайте стратегию, тактику, осуществляйте общее руководство.

Пока Первый не убрал с его плеча руку, провожая к столу, Камалов вдруг остановился и, глядя прямо в глаза Первому, сказал:

— А вы большой провидец, оказывается, я действительно всю ночь охотился, но только за одним бандитом, но он, поверьте мне, стоит сотни преступников.

— И как, удачно? — спросил с интересом Первый. — И кто же у нас такой главный бандит, за которым охотился прокурор с особыми полномочиями из Москвы?

— Я арестовал Акмаля Арипова, бывшего доверенного человека Шарафа Рашидовича.

— Вы хотите сказать, Героя Соцтруда, депутата Верховного Совета СССР, члена ЦК, лауреата Государственной премии, выдающегося хозяйственника? — спросил Первый абсолютно беспристрастным, спокойным голосом, и трудно было понять, куда он клонит.

— Я человек новый и не знал, что у обыкновенного хозяйственника столько почетных званий, но уверен, что ему придется расстаться со всеми наградами, титулами и регалиями...

И вдруг хозяин кабинета вполне равнодушно прервал:

— Арестовали так арестовали, вам виднее, мы не собираемся влиять на правовые органы, не так ли, Сухроб Ахмедович?

Сенатор, не зная, как реагировать, встал и сказал, обращаясь к Первому:

— Я забираю, с вашего позволения, прокурора и, ознакомившись детально с арестом, доложу вам. — И они покинули кабинет, из окон которого открывалась удивительная панорама на живописный сквер имени Гагарина, с прекрасным памятником ему на природном возвышении, с фонтанами, лягушатниками для детворы и утопающим в зелени стадионом «Пахтакор», на котором любил бывать сам Шараф Рашидович.

С пятого на второй этаж спускались пешком, и с каждой мраморной ступенькой, устланной ковровой дорожкой, прокурор ощущал, как росло напряжение между ними, хотя шли они молча. Казалось бы, по логике, вроде радоваться надо, но радости на лице Акрамходжаева не читалось. Скорее наоборот, даже Первый среагировал на неудачную реакцию своего заведующего отделом, это не ускользнуло от внимания Камалова. Вот хозяин республики держался что надо, хотя и понимал, наверное, что арест аксайского хана опасен для него, а вдруг Арипов решит выложить карты на стол, потащит за собой на скамью подсудимых всех остальных, не принявших должного участия в его судьбе? Нет, хозяина больше устраивала бы смерть хана Акмаля, но почему же столь хмур Сухроб Акрамходжаев? Такая вот мысль одолевала прокурора Камалова, пока они добирались до кабинета на втором этаже.

Только они вошли в кабинет, хозяин бросил папки с документами на стол и, не скрывая раздражения, спросил:

— Что это вы себе позволяете, Хуршид Азизович?

Камалов, словно не замечая тона, не спеша уселся и спросил спокойно:

— Я не понимаю, о чем это вы?

— Об аресте уважаемого в республике человека. Вопрос о привлечении его к уголовной ответственности решать не нам, и даже не на пятом этаже, Ариповым занимается Москва. — И он многозначительно поднял палец, что выглядело в данной ситуации нелепо.

— А как же ваши статьи о праве, уважаемый доктор юридических наук, о верховенстве законов над идеологией, над телефонным правом и прочей номенклатурной неприкосновенностью? Вы ведь так блестяще разгромили подобную практику! — заведомо распаяля хозяина кабинета, спрашивал Камалов, пытаясь наконец-то разобраться со столь популярным юристом в крае.

— Ах, оставьте вы, — раздраженно отмахнулся тот, — теория — одно, а практика — совсем другое, вам ли мне объяснять, наверное, не так просто дослужились до генеральских погон.

— Да, непросто... — задумчиво ответил Камалов, чем совсем сбил с толку собеседника. — А впрочем, — продолжал прокурор после затянувшейся паузы, — мне кажется, Первый одобрил мой поступок, он, видимо, знает, какой вред может нанести Арипов, оставаясь на свободе. К тому же, помните, он сказал, что ЦК не будет вмешиваться в дела правовых органов, отчего же вы расстраиваетесь? Ведь это вполне в нашей с вами компетенции, я вам такие документы покажу, что у вас пройдут все сомнения и тревоги по поводу моей самодеятельности. — Последними фразами Камалов открыто блефовал, делая из себя этакое наивного служаку.

Шеф долго и откровенно хохотал, он действительно поверил в сказанное Камаловым.

— Да, не ожидал я от вас подобной наивности, а впрочем, понятно, Москва — одно, Восток — другое. Вы что, на самом деле поверили, что Первый в восторге от вашей акции?

— А как же, он вообще никак всерьез не прореагировал, помните, он сказал, — «арестовали так арестовали», станет он вмешиваться в дела какого-то директора совхоза, — гнул свое прокурор.

— А где сейчас находится Арипов? — вдруг резко повернув тему, спросил Сенатор, видимо, у него возник какой-то план, круто меняющий ситуацию.

Камалов посмотрел на часы и сказал:

— Сейчас, я думаю, он уже подлетает к Москве, а через два часа будет в следственном изоляторе КГБ...

Тут выдержка окончательно подвела Сенатора, он заметно побледнел, и вся важность, с которой он всегда держался, вмиг слетела с него, видимо, у него подкосились ноги, и он вяло плюхнулся в кресло и устало закончил:

— С вами не соскучишься, дали бы хоть Первому переговорить с ним, а, впрочем, вы правы — зачем ему такая встреча. — Потом, совладав с собой вновь, встал из-за стола и сказал, пытаясь казаться искренним: — Извините меня, у нас такие решительные поступки случаются редко, и я не оказался готовым воспринимать их без эмоций, извините за несдержанность. Я поздравляю вас, ибо знаю, как вы рисковали, беря на себя такую ответственность. — И он протянул руку, считая инцидент исчерпанным.

После того как Камалов поставил в известность Белый дом о том, что он арестовал хана Акмаля, в течение часа пришло неожиданное озарение, определившее на будущее его отношение к Сенатору. Прокурора обескуражило то, как Первый среагировал на сообщение. Какой тактический расчет строился за внешним равнодушием? Возможно, сейчас, после нового доклада, что Арипов уже подлетает к Москве, реакция у хозяина республики иная? Волновало его больше другое. Отчего такое негативное отношение к аресту Арипова у заведующего Отделом административных органов ЦК? Разве он не понимает, какая угроза исходила от хана Акмаля, пока он находился на свободе? Почему он так близко к сердцу принял его арест? Что кроется за его первой реакцией — раздражительностью и почти обморочной бледностью? Почему он огорчился, узнав, что арестованного переправили в Москву? Что бы дала встреча Первого с арестованным ханом Акмалем, о котором он случайно обмолвился? Ни на один из этих вопросов не находилось сколь-нибудь вразумительного ответа — все не стыковалось ни с его должностью, ни с его юридическим мировоззрением, получившим столь широкую огласку в крае.

Прокурор моментально вспомнил его блистательные статьи, некоторые из них он читал по два-три раза, столь оригинальны, свежи по мысли, смелы, они были юридически безукоризненны. И вдруг: «Теория одно, практика другое», — это никак не вязалось с автором выстраданных душой публикаций, подобных взрыву или извержению вулкана. Такое не могло родиться ни в равнодушном, ни в холодном сердце, и подобное мог написать только человек незаурядный, неординарно мыслящий, юрист с ярким умом, аналитическим мышлением. А за время совместной работы он не слышал от своего шефа в ЦК ни одной фразы, даже близкой по звучанию к тем знаменитым текстам, ни одна идея, мысль, исходящая от него, не отличалась оригинальностью нового мышления. Словно Акрамходжаева подменили после его триумфа. Что бы означала столь разительная метаморфоза? И еще, и опять же из последней беседы: «Наверное, не просто дослужились до генеральских погон...» За это в прежнее время, безусловно, давали пощечину и вызывали на дуэль. Как-то не вязалась гнилая философия с авторством благородных статей в защиту закона и права. Не мог подлый человек поднять такие проблемы, для этого нужен свет ума и души.

Отчего такое разительное раздвоение личности? И если так, то человек на этой должности представлял не меньшую опасность, чем сам хан Акмаль на свободе. А не отсюда ли, если существует раздвоение души, двурушничество, происходит утечка информации? — пронзила вдруг неожиданная догадка.

Вернувшись к себе в Прокуратуру на Гоголя, он тут же вызвал к себе начальника отдела по борьбе с организованной преступностью, они с ним вернулись из Аксая одновременно. Трехдневная операция, проведенная в Намангане, дала Камалову возможность увидеть в деле людей, рекомендованных генералом КГБ Саматовым, и он остался ими доволен, лучшей проверки, конечно, и придумать было нельзя.

Как только начальник отдела вошел в кабинет, Камалов попросил секретаршу ни с кем его не соединять по телефону, даже если позвонят из ЦК, а такие звонки должны были последовать после первого шока от известия об аресте Арипова. Разговору со своим новым коллегой прокурор придавал сейчас куда большее значение, чем звонку из Белого дома.

— Ну, как среагировали в ЦК на нашу операцию? — спросил полковник, он знал, что акция проводилась без согласования с верхами, и переживал за прокурора Камалова, с которым ему предстояло теперь работать, генерал, рекомендуя его на работу в новый отдел Прокуратуры республики, рассказал, что это за человек, да и он сам видел его на деле в Аксае.

— Вынуждены были смириться с фактом, — улыбнулся прокурор. — Но нет худа без добра. Встреча натолкнула меня на одну неожиданную мысль, сейчас я вам ее поясню. Новость, как говорится, не для слабонервных, но вначале небольшое вступление. Я появился у вас в КГБ неделю назад, и не только для того, чтобы ознакомиться с материалами ваших следователей по делу Арипова, а прежде всего, чтобы заполучить надежных людей, хотя бы на ключевые посты, и еще потому, что меня тревожит постоянная утечка информации. Операция по захвату хана Акмаля была засекречена строжайшим образом, и потому имела успех. Но наша операция, как мне кажется, кое-кому сорвала какие-то планы. У одного человека от сообщения проявилась такая нескрываемая досада на лице, что он теперь явно сожалеет о своей несдержанности. — Вы же не каждому в коридоре ЦК рассказывали об аресте Арипова, — прервал полковник. — Но если вы имеете в виду Первого, — продолжал он, видимо, считая, что Камалов не знает до конца местных хитросплетений, — то он иначе не должен был реагировать. Они с ханом Акмалем давние приятели, и Первый уже однажды его крепко выручил.

— В том-то и дело, — сказал мягко Камалов, — что Первый равнодушно встретил весть об аресте в Аксае.

Теперь пришла очередь удивляться собеседнику.

— Кто же еще мог присутствовать там при вашем докладе на пятом этаже?

— Сухроб Акрамходжаев, — не стал мучить коллегу Камалов.

— А ему-то отчего сожалеть, он должен только радоваться, — сказал растерянно полковник.

— Я тоже так считаю. Ну, как новость?

— Действительно, не для слабонервных.

— Я чувствую, что нам следует взять его жизнь под микроскоп, возможно, через него идет один из каналов утечки информации.

— Не много ли — две противозаконные акции за неделю? — шутливо спросил полковник.

Но прокурор, не обращая внимания, продолжал:

— Пока не прояснится ситуация, очень внимательно анализировать то, к чему он проявляет интерес, и по возможности не ставить его в известность о ближайших планах. И последнее, у меня возникли самые серьезные подозрения в авторстве Акрамходжаева его знаменитых статей, сделавших его самым популярным в народе юристом.

Пожалуйста, аккуратно добудьте мне его докторскую диссертацию и наведите справки, как проходила защита, где, кто был оппонент, в каких библиотеках он собирал материал, там есть ссылки на очень редкие издания, мне кажется, он вряд ли их держал когда в руках. И попутно, какова была реакция его коллег на защиту докторской и как он попал в аппарат ЦК, ведь, как мне известно, он не был и дня на партийной работе, хотя нашего брата юриста среди аппаратчиков тьма, и кто рекомендовал его туда? Это официальная сторона, так сказать. Но в Ташкенте, как и в любом другом культурном центре, есть люди, которые готовят научные труды по заказу для высокопоставленных чиновников и вообще для предусмотрительных людей с деньгами. Нужно проверить по этим каналам, может, ниточка тянется оттуда. Слишком уж велика разница, на мой взгляд, между печатным и, так сказать, живым, устным Сухробом Ахмедовичем. И вообще, два слова о подпольных центрах, где словно блины пекутся научные труды для нечистоплотных людей. Сегодня нам пока не до них, но держите в голове, это тоже один из видов организованной преступности, крайне опасная форма правового нигилизма, интеллектуальное негодяйство с особым цинизмом, и заведомо преднамеренное. Обе стороны, участвующие в этом, на мой взгляд, разлагают общество, разрушают его нравственные формы. И обещаю, если я здесь задержусь, я выведу мерзкий промысел и законным путем аннулирую сотни кандидатских и докторских диссертаций, чтобы впредь не было повадно другим.

В тот же день, незадолго до ухода Камалова с работы домой, у него в кабинете раздался междугородный телефонный звонок, звонили из Прокуратуры СССР.

— Ну и наделали вы переполох в Москве, вот только со второго подряд совещания вернулся. Отстояли вас, да и следователь наш по особо важным делам не подвел, крепкими аргументами запасся, как чувствовал, сколько у Арипова в Москве покровителей. А как у вас?

— У нас, как мне кажется, дебаты по этому поводу впереди, пока шоковое состояние у большинства. Хотя телефон у меня обрывают, отовсюду просят подтвердить арест, так сказать, из первых уст. Многим кажется, что случившееся нереально, фантастика, арестовать Арипова, депутата, Героя Соцтруда и прочая, прочая...

— Если будет туго, ставьте нас в известность, в обиду не дадим. Не забывайте о человеке, которого я упомянул тогда при встрече. — И разговор неожиданно прервался.

«Неужели меня прослушивают?» — мелькнула мысль у прокурора Камалова.

Как только Сенатор узнал подробности ареста хана Акмаля из уст самого Камалова, он тут же связался с Шубариным.

— Артур, ты не возражаешь, если мы с тобой где-нибудь пообедаем сегодня? — спросил он.

Шубарин понял, что возник срочный разговор с глазу на глаз, и предложил:

— Заказать столик в «Лидо»?

— Я бы хотел реже бывать там, оставив лишь инспекционные визиты к Наргиз. Давай лучше проедем в сторону Чимкента, найдется какая-нибудь чайхана по душе обязательно. Заезжай за мной через полчаса, я выйду, как обычно, с черного хода.

— Что-нибудь случилось? — спросил Шубарин, как только Сенатор появился из ворот хозяйственного двора, таким растерянным, жалким Японец никогда не видел вальяжного, властного Акрамходжаева.

— Разве я когда отвлекал тебя по пустякам? — ответил вопросом Сенатор, быстро ныряя в машину Японца.

Артур Александрович выехал на Софийский проспект, от туда на Чимкентский тракт рукой подать, прав Сенатор, там, начиная от дендропарка на окраине Ташкента до старинного русского поселка Черняевка, чайхана следует за чайханой,

одна уютнее другой, то в тополиной роще, то на берегу какой-нибудь речушки или полноводного канала, то возле внушительного хауза. И в каждом поселке, прямо у дороги, мясные ларьки с подвешенными тушами курдючных баранов, купят печенку с думбой (курдючным салом), вот тебе и свежайший шашлык за десять — пятнадцать минут. От неожиданных мыслей Шубарину так захотелось шашлыка, что он вдруг, не по настроению товарища, выпалил озорно:

— Угощу я тебя, Сухроб, шашлыком из свежей печенки, и все твои беды покажутся незначительными. Что ты повесил нос? Разве убил кого? Да и в этом случае есть выход — откупиться, запугать, запутать, засадить за себя другого. Можно даже добровольца найти, а с тех пор, как идет афганская война, открылась и реальная возможность бежать за границу в любое время года, ты ведь знаешь, у нас в резерве и такой ход есть, лишь бы были деньги. Надеюсь, ты не промотал пять миллионов, что выдал тебе хан Акмаль за спасение своей души? С ними и на Западе не пропадешь, хотя говорят, что не конвертируемая валюта у нас, не верь, многим нужны наши деревянные рубли.

Сенатор вдруг улыбнулся, с лица его исчезла тревога, и он, хлопнув водителя по плечу, сказал оживленно:

— Удивительный ты человек, Артур. Вот побыл с тобой десять минут, ни о чем не говорил, и упала тяжесть с души. Когда ты рядом, действительно веришь, что безысходных ситуаций не бывает. Какой мощный заряд энергии от тебя всегда идет!

Увидев у обочины мясной ларек с подвешенной под марлей тушей, Шубарин остановил машину.

— Я сейчас. У этого среднего барашка, как учил меня великий гурман Икрам Махмудович, должна быть замечательная печень, если, конечно, нас уже не опередили.

Вернулся он быстро, с небольшим свертком, оставалось лишь выбрать чайхану, где жарили шашлыки. Нашлась и чайхана километров через десять, в приграничном селе между Казахстаном и Узбекистаном, хотя она вряд ли отличалась от других населенных пунктов хоть слева, хоть справа от границы, если не считать того, что здесь уже продавали чимкентскую водку и знаменитое чимкентское пиво.

Плутоватого вида шашлычник, приняв из рук Шубарина сверток, прижал правую руку к сердцу и сказал:

— Садитесь, отдохайте, сейчас подадут чай, шашлык в самом лучшем виде будет через пятнадцать минут. — Он еще издали от самой дороги приметил мужчин, в которых за версту, как ни скрывай, виделось высокое начальство, на Востоке на этот счет редко ошибаются.

Пока мыли руки, выбирали айван поуютнее, до них уже доносились от мангала дразнящие запахи шашлыка из печени, шашлычник действительно оказался расторопным, и дело свое знал. К шашлыкам подали не только традиционно мелко нашинкованный лук под винным соусом и приправленный жгуче-красным корейским перцем, но и салат ачик-чучук, подавая его, молодой плут заговорщически шепнул:

— Может, водочки отборной подать к таким аппетитным шампурам? — Гости вежливо отказались.

Все это время ни один из них не попытался нарушить договор, не заговорил о деле, хотя оно беспокоило и того, и другого. Как только перешли на чай, Артур Александрович сказал:

— Ну вот, теперь можно и проблемы обсудить. Обед прежде всего, как говорит наш общий друг Файзиев.

— Арестовали хана Акмаля, — бросил небрежно сотрапезник, желая увидеть, какой эффект произведет сообщение на Шубарина.

Тот внимательно посмотрел на Сенатора, словно его разыгрывали, и усмехнулся.

— Без твоего ведома, без ведома и согласования в ЦК? — Он хорошо знал, на каком уровне что решается.

— Представьте себе — да, без моего ведома, без согласования не только с нашим ЦК, но и без разрешения из Москвы. Такие вот, мой друг, разбойничьи времена настали, называется это верховенством закона над идеологией, то бишь над партией.

— Смотри, как далеко у нас гласность и демократия шагнули, — присвистнул Японец, — и кто же такой смельчак? И долго ли ему еще занимать свой пост после такого самоуправства?

— Некий Хуршид Азизович Камалов, — поддразнивая Шубарина, сказал Сенатор.

— Ну почему же некий? Камалов — прокурор республики, ты уже с высоты Белого дома никого в грош не ставишь, а зря,

на Востоке всякий чин имеет силу, тем более такой... — мягко пожурил тот собеседника.

— Может, у тебя уже есть ключи к нему? — обрадованно встрепенулся Сенатор.

— Нет, — сразу отрезал Японец, но, видя опять смятение на лице Сенатора, продолжил: — Но это вовсе не означает, мой дорогой Сухроб, что к нему нельзя подобрать ключи, если, конечно, понадобится. До сих пор я знал только одного прокурора, равнодушного к деньгам.

— Любопытно, кто же это? Ты мне никогда о нем не говорил, — вновь оживился доктор юридических наук.

— Амирхан Даутович Азларханов, я очень его уважал.

— Несмотря на то, что он тебя предал? — спросил крайне удивленный Сенатор.

— Нет, он меня не предавал, но это совсем другая история, давай вернемся к нашей, нужно ли искать подходы к прокурору Камалову и зачем?

— Боюсь, что надо. Я сделал одну непростительную ошибку, неправильно среагировал на арест хана Акмаля, и он, кажется, намерен сделать из этого выводы, наверняка попытается взять мою жизнь под микроскоп и будет всячески избегать посвящать меня в тайны прокуратуры, а я хочу владеть ситуацией в республике постоянно, ты ведь знаешь мои цели, я открылся тебе после тайного визита в Аксай.

— Да, это серьезная промашка. Не хотел бы я попасть под его прессинг, он сейчас у себя в Прокуратуре организовал отдел по борьбе с мафией и взял туда людей из КГБ на ключевые посты. — Вдруг его озарила новая идея, и он спросил быстро: — А где содержится хан Акмаль, в какой тюрьме?

Сенатор, понявший ход мыслей собеседника, грустно вздохнул:

— Хан Акмаль нам уже не по зубам, и передачку ему не организовать ни за какие деньги!

— Круто Камалов повернул.

— «Таких, как я, не арестовывают! Я неподсуден!» Старый идиот, я ведь предлагал ему исчезнуть, хоть внутри страны, хоть за рубежом. «Я умру в Турции с тоски», — передразнил Акрамходжаев хана Акмаля. — А в советской тюрьме проживешь до ста лет! — взорвался вдруг Сенатор, но тут же сбавил

пыл и ровным голосом спросил: — А теперь-то понятно мое беспокойство?

— Арест хана Акмаля вызовет тревогу у многих, представляю, какая сейчас паника в республике, ведь он ко всему прикладывал руку, почти к каждому назначению, и знает такое...

— И о тебе, и обо мне, черт меня дернул ехать в проклятый Аксай, пропади пропадом его миллионы, — вновь завелся Сенатор, но сразу как-то сник под жестким взглядом собеседника, тот не выносил ни истерик, ни малодушия.

— Не паникуй прежде времени. Хан Акмаль — фигура, он в Москве с такими людьми повязан... тебе даже представить трудно, и им не резон отдавать его в руки правосудия.

А то, что его в Белокаменную вывезли, может, даже лучше, ближе к своим покровителям будет, а тут его со страху и убрать могли, ведь ни для кого не секрет, что преемник Рашидова — его ставленник. Время смутное, неясное, непонятно, какая чаша весов перетянет. Бьюсь об заклад, дело его промаринуют лет пять, не меньше, а там, как в поговорке у нас на Востоке: или ишак умрет, или арба развалится. Его жизнь на собственном языке завязана, и он это понимает.

Потом после паузы, что-то обдумывая, спросил:

— Наверное, у тебя появился какой-то план, раз ты пригласил меня пообедать? — Шубарин направил разговор в нужное русло.

— Да, план есть. Я считаю, что тебе следует немедленно вылететь в Москву, поднять свои связи и выяснить как можно подробнее: что за человек Камалов, кто за ним стоит? В чем его сильные и слабые стороны? Только отыскав ключи к Камалову, приручив его, мы сможем контролировать ход следствия над ханом Акмалем, а в этом заинтересованы многие. Честно говоря, мы с Салимом давно решили не впутывать тебя ни в политику, ни в уголовные дела, ты — чистый финансист и бизнесмен, им и оставайся, но в Москве у нас ходов нет, выручай. А дальше Камаловым займемся мы с Салимом.

— Спасибо за доверие, за заботу о моем благополучии, но у меня к этому плану есть существенные дополнения. Следует взять под тщательный контроль его работу в Ташкенте, для этого все цели хороши: активизировать наших людей в Прокуратуре и милиции, поставить все

его разговоры на службе и дома на прослушивание. Если надо будет, приставить к Камалову вплотную Айдына, турка-месхетинца, читающего по губам, задействовать аппаратуру, полученную в подарок от хана Акмаля, — вы должны знать все, о чем он говорит и даже думает, он несет в себе большую угрозу для наших друзей.

По странному стечению обстоятельств обед в чайхане на Чимкентском тракте закончился минута в минуту, когда начальник нового отдела по борьбе с мафией покинул кабинет Камалова, получив задание взять под микроскоп жизнь Сенатора.

ЧАСТЬ IV

Катран на Чимкентском тракте

Налог банды Лютото. «Круглый стол» с участием рэкетиров. Смерть Ашота на пороге «Лидо». Коста в смокинге и жилете из кевлара. Месть Шубарина за смерть своего телохранителя. Чешское пиво и израильский автомат «Узи». Телефон прокурора прослушивается на центральной телефонной станции. Айдын — человек, читающий по губам. Прокурор возвращается к смерти Коцея и ночного охранника из Прокуратуры республики. След преступника ведет в Белый дом на берегу Анхора. Мафия собирает досье на прокурора Камалова.

Реесторан «Лидо» готовился к встрече нового, тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. С самого раннего утра работали дизайнеры, художники, осветители, оформители витрин, специалисты по автоматике и электронике, акустике и светомузыке. Ожидалось большое музыкальное представление. Наргиз сумела уговорить известную индийскую танцовщицу Лали, гастролирующую в Ташкенте, чтобы она в новогоднюю ночь выступила в «Лидо». Уже третий день какие-то серьезные молодые люди монтировали посреди зала удивительной красоты вращающуюся елку, она, даже не наряженная, притягивала к себе взгляды. Говорят, такую красавицу Файзиев

добыл по военному ведомству, доставили ее из Сибири в чреве гигантского «Антея».

Наргиз подъехала к своему заведению в этот день перед самым обедом, утрясала в банках последние финансовые дела преуспевающего ресторана в уходящем году.

До открытия «Лидо» оставалось двадцать минут, и она видела, как сворачивали работу оформители зала, чтобы продолжить ее завтра на рассвете и сегодня уже не мешать нормальной работе ресторана. Оглядев сделанное, она подумала про себя, как хорошо, когда каждый занят своим делом и никого не нужно подгонять, контролировать, все старались подать товар лицом, чтобы и на следующий год заключить контракт, а впереди еще предстоял бал на Восьмое марта.

На оформлении зала не скупилась, все равно каждый посетитель в таких случаях оплачивал особый входной билет, а новогодние балы в «Лидо» давались вплоть до встречи Нового года по старому стилю, и заключительный, тринадцатого января, по размаху не уступал тому, что отмечали в ночь на первое. Большинство столиков заказали уже давно, с осени, но имелся в запасе и резерв, и сегодня столы стояли гораздо плотнее, чем обычно. Ей уже намекали, что за столик в новогоднюю ночь запоздавшие гости готовы платить тысячу рублей, возможно, «Лидо» посещали богатые клиенты.

Осмотрев зал к открытию и оставшись довольной, она подошла к старшему смены и, сообщив ему сумму премиального фонда, спокойно направилась к себе в кабинет, слыша за спиной восторг, ликование, и не только в зале, но и на кухне, и в заготовительных цехах. Наргиз достала документы из банка и решила, не откладывая в долгий ящик, разделить премиальный фонд.

Проработав час, поняла, что придется делать два-три варианта денежного расклада и обязательно согласовывать с Файзиевым. Приближалось время обеда, и Наргиз, отложив дела в сторону, прошла незаметной, хорошо задрапированной дизайнером дверью в комнату, прилегающую к ее служебному кабинету. Трудно одним словом определить назначение этой комнаты, сказать, что ее личная — не совсем верно, хотя тут у нее имелась и небольшая ванная, и даже гардероб, где хранилась часть ее туалетов, в углу, совсем по-домашнему, стоял

японский телевизор «Шарп», подарок Шубарина ей на день рождения. Имелся и диван, где она в жару, приняв душ, отдыхала иногда в этой комнате, накрывала столы для гостей, которые не очень хотели, чтобы их видели в основном зале, в общем, — просторные, хорошо и со вкусом обставленные апартаменты, где Наргиз обычно и обедала.

Когда, вымыв руки, она вернулась в кабинет, чтобы заказать по внутреннему телефону обед, то обнаружила у себя троих незнакомых людей. Один, молодой, высокий, с бычьей шеей, стоял у двери, а двое других шумно, с комментариями, рассматривали настенный японский календарь не то с гейшами, не то с манекенщицами в пикантных позах.

— А у вас, оказывается, есть и потайная комната, — сказал, хищно улыбаясь, один из тех, что рассматривал гейш, сзади, видимо из-за модной одежды, он ей показался моложе, на самом деле ему уже было под сорок. Лицо нагловатого мужчины было знакомым, и она вспомнила, что не раз видела его в «Лидо», он всегда сорил деньгами направо и налево. Она подумала, что они зашли насчет билетов на новогодний бал, и хотела пройти к столу, но другой, коренастый, тоже с бычьей шеей, отчего Наргиз их тут же внутренне окрестила быками, преградил ей дорогу и показал на диван у стены, где уже развалился тот, что постарше.

— Что вы себе позволяете? — спросила жестко Наргиз, но тут же осеклась под стеклянным холодом пустых глаз, в руке у «быка» поблескивал нож.

Наргиз одернула костюмчик, кокетливо окинула себя взглядом в зеркале, поправила волосы, все еще лихорадочно подыскивая предлог, чтобы вернуться за стол, была там у нее под столешницей незаметная утопленная кнопка, и стоило ей легонько нажать коленкой, не привлекая внимания, ей пришли бы на помощь. Но, видя, что за стол вернуться не удастся, прошла к дивану и уселась рядом с мужчиной, судя по всему, главным в компании, она уже вполне владела собой и сказала спокойно:

— И таким пошлым способом вы намерены вырвать у меня стол на новогодний бал?

Мужчина рядом рассмеялся и, достав пачку «Мальборо», сказал:

— Чудо баба, нисколько не хуже, если не лучше тех китаянок или японок, а главное, ничего не боится!

Наргиз вновь попыталась встать, как бы обидевшись, и попасть за стол, но мужчина схватил ее за руку и усадил на место.

— Меня зовут Лютый, Толик Лютый, может быть, слыхала, а район, где находится твое «Лидо» — моя территория; она перешла мне по наследству, когда убили Джалала, так сход решил, теперь поняла, зачем я пришел?

— Нет, не поняла. Ну, допустим, ты хозяин территории, а я при чем здесь, ребята?

— А притом, — начал сидевший рядом Лютый, — наверное, в райком, райисполком носишь исправно, по графику, должна и нашу долю отстегнуть.

— Вам за что? — дерзко спросила Наргиз.

— А за то же, что и им, — ответил спокойно Лютый, — они дают тебе дышать, и мы пока тоже, а то перекроем кислород.

— Как же вы мне его перекроете, фонды обрежете, спиртного лишите?

— Нет, это по части дневного райкома, а мы для начала устроим погром тысяч на двадцать, чтобы месяц ремонтировать, а если не поумнеешь, спалим совсем. Ты последняя в моих владениях не платишь дань, я всех обложил, до последнего кооператора.

— И не стыдно тебе приходиться в праздник, портить человеку настроение в Новый год, когда у нас главная работа только начинается? — выпалила Наргиз сердито и искренне, так что Лютый на миг растерялся. Воспользовавшись моментом, Наргиз встала и сказала, не давая опомниться соседу: — Вопрос серьезный, и платить, наверное, придется. Я слышала, и уйгуры в «Пекине», и евреи в парке Победы кому-то платят, но я не намерена платить одна.

Я должна поставить в известность и тех, от кого получаю спиртное, продукты, зелень, фрукты, лепешки. Но я не желаю уподобляться вам и портить людям праздник, потерпите, дайте спокойно закончить новогодние балы, а потом приходите, поговорим всерьез, с гарантиями. Называйте день и топайте, у меня много дел, и я еще не обедала.

Остановились на встрече вечером, пятнадцатого января, но гости не спешили уходить, и тогда Наргиз открыла без страха

сейф, чем окончательно покорила визитеров, и достала две банковские пачки пятирублевки и протянула Лютому со словами:

— В счет будущей платы, расписки не требую, надеюсь, на праздники хватит.

Наргиз действительно никого не беспокоила в праздники и лишь третьего января, когда Артур Александрович заехал пообедать, сообщила о визите рэкетиров в «Лидо». Шубарин поблагодарил Наргиз за выдержку, за верное решение, принятое ею, и попросил до пятнадцатого числа выделить небольшой столик, откуда бы хорошо просматривался проход к директорскому кабинету, который с завтрашнего вечера будет занимать Коста с двумя-тремя приятелями, а место швейцара, опять же до назначенного дня, займет брат Ашота, Карен, хорошо ориентирующийся в уголовном мире Ташкента, парадная дверь «Лидо» будет связана со столиком Коста сигналом. Уверенность, спокойствие, с каким Артур Александрович воспринял неприятное сообщение, успокоили ее; как бы она ни храбрилась, визит Лютого не шел у нее из головы, ей было жаль свое детище, в которое вложено столько любви, энергии, сил, надежд.

Шубарин не стал беспокоить вначале совладельцев ресторана, а вечером пригласил к себе домой Коста и Ашота и, вкратце рассказав случай в «Лидо» накануне Нового года, сказал телохранителю с укоризной:

— Ашот, дорогой, мне кажется, ты перестал контролировать ситуацию в городе.

На что молчаливый, немногословный Ашот буквально взорвался:

— А кто сейчас в стране что-нибудь контролирует? Как только в прошлом году, в январе, у ресторана «Ереван» Сашка Веселый и Изя Либерман в упор расстреляли из боевых карабинов Нарика Каграмяна и Вали за то, что они обложили кооператоров непомерной данью, все рухнуло в один час, не знаешь, кто теперь в Ташкенте хозяин. Нарик держал всех в узде, и каждый знал свой шесток, и не было в столице неконтролируемых преступлений, такого беспредела, как нынче. Молодые, словно с цепи сорвались, не хотят признавать никаких авторитетов, живут одним днем, бомбят всех без разбору, нет уважения ни к чину, ни к званию, не

придерживаются никаких воровских правил, уже своих кидают как хотят.

— Нарик незадолго до смерти говорил мне, что в Ташкент отовсюду съезжается самая отчаянная шпана, там, в России, им такие богатые грабежи не снились, а тут, по наводке, меньше чем за сотысячный куш не согласятся и пачкаться за один заход, а список, кого можно грабануть, всегда можно купить за хорошие деньги у наводчиков, и в милиции есть люди, торгующие такими сведениями. На сегодня наш край оказался лакомым куском для жестоких грабителей. Конечно, не меньше богатых людей и в Москве, и на Кавказе, особенно в Азербайджане. Там при Алиеве почище дела проворачивали, чем при Рашидове, по крайней мере, золотую саблю и персональный мраморный дворец Шараф Рашидович Брежневу не дарил.

Но воровской мир Кавказа гораздо круче, чем у нас в Средней Азии, он на свою территорию чужих не пускает, сам стрижет богатеньких. Но, уверяю вас, Артур Александрович, мы не те люди, чтобы кому-то платить налоги. До сих пор мы всегда справлялись с вашими врагами, вспомните хотя бы ростовскую банду, вооруженную до зубов, им не помогли даже их «шмайссеры». Разберемся и с Лютым. Не знаю, сколько у Лютого людей, но на всякий случай я хотел бы, чтобы Сухроб свел меня с Беспалым, Артемом Парсегином, я для него не указ, он не последняя фигура в Ташкенте, у него есть отличные ребята, да и он сам — мужик не промах, один на один любого удавит, а может, нам и придется схлестнуться с ними баш на баш, не так ли, Коста?

— Я всегда готов, — отвечал Коста, долго молчавший сегодня.

— Кстати, Коста, — перебил Шубарин, — с завтрашнего дня ты целыми днями страхуешь Наргиз в «Лидо» и отвозишь ее домой, а план Ашот разработает с Беспалым, хорошо, что он о нем вспомнил.

Как только Коста вместе с Ашотом уехали, Артур Александрович позвонил Сенатору и сказал, что он хотел захватить к нему на чашку чая.

К пятнице, пятнадцатого числа, они уже знали все о банде рэкетиров: и сколько в ней человек, и на каких машинах

разъезжают, и даже когда у них «съем» денег. Он как раз приходился на пятнадцатое, и пятница у них выпала напряженная, и Шубарин отметил их недалёковидность, а точнее, беспечность, — не стоило им совмещать столь горячие дела в конце недели.

За два часа до начала встречи в «Лидо» к Коста поступило сообщение, что Лютый с компанией, все до одного, объезжают на двух «жигулях» свои владения и собирают дань с кооператоров, мелких фарцовщиков, спекулянтов, с каждого торгового лотка, имеющего нелегальную прибыль. Судя по всему, настроение у банды прекрасное, и дела идут как по маслу, нигде не возникало сопротивления, конфликтов, дань платили безропотно и исправно, с большим рвением, чем государству. Видимо, и дело с «Лидо» они считали уже решенным. Такая самоуверенность возмутила даже выдавшего виды Коста, ему казалось, что хотя бы сегодня, в назначенный день, стоило пригладеться к «Лидо», а вдруг засада, ловушка? Но никого из банды Лютого и ее окружения не появлялось у ресторана ни вчера, ни сегодня, на этот счет Ашот и Коста всегда были предусмотрительны, береженого бог бережет.

Если бы у банды Лютого не кружилась голова от успехов, и они тщательнее готовились к встрече с очаровательной Наргиз, и не считали бы ее только за пикантную женщину, то, наверное, обнаружили бы, что на крыше «Лидо» появился высокий, стройный мужчина, якобы ремонтирующий антенну, увидели у него в руках нечто похожее на футляр для музыкальных инструментов, что никак по логике не вязалось с ремонтом антенны, и поняли бы, что и на крыше их ждет засада. А за полчаса до того, как они подъехали к ресторану на белых «жигулях», могли увидеть, что на стоянку въехали два зеленых джипа, с форсированными двигателями, принадлежащие, судя по номерам, частным лицам, и заняли удобные позиции в разных концах стоянки.

Конечно, автоматы Калашникова и короткоствольные армейские карабины им вряд ли удалось бы разглядеть. Однако внешний вид молодых людей, расположившихся в машинах и почему-то их не покидающих, несмотря на крепчающий к ночи мороз, навел бы на мысль, что орлы неспроста съехали к «Лидо». Но чего Лютый не предусмотрел — того не

предусмотрел, и подготовка на подступах к «Лидо» прошла по плану и без особых осложнений. Рация, связывавшая Коста с помощниками, работала непрерывно, и он знал маршрут и настроение банды от точки к точке, сообщили, что из кафе «Салтанат» они вышли уже навеселе.

За час до начала операции в «Лидо» съехались основные совладельцы ресторана. Наргиз провела их через свой кабинет в служебную комнату, где по плану уже был накрыт хорошо сервированный стол на шесть персон, но телевизор свой она на всякий случай вынесла оттуда в приемную, главные события должны были разыграться все-таки в закрытом банкетном зале. Как ни странно, больше всех нервничал Икрам Махмудович, и это не осталось незамеченным Шубариным. Прилаживая, как профессиональный гангстер, пистолет под пиджак, Артур Александрович сказал ему:

— Выпил бы ты чего-нибудь, уж очень заметно волнуешься, а твоя роль простая. К назначенному времени быть в зале с Наргиз, твое присутствие их сразу успокоит, тебя они хорошо знают. Встретите, ведете к нам, представите, усадите за стол, затем вместе с Наргиз оставите нас. Ваша забота заключается в одном: оркестр примерно с полчаса должен играть только жизнерадостные, заводные ритмы, чтобы зал сорвался плясать. Можешь не беспокоиться, никто с улицы не ворвется в ресторан, с крыши нас страхует Ариф, и из кабинета никто не сделает и шагу. Как только начнем переговоры, в приемную Наргиз войдет Карен с товарищем, и гости будут заблокированы тройным кольцом.

Глядя, как и Сенатор небрежно возится с оружием (пистолет у него находился без действия с той давней ночи во дворе Прокуратуры республики, когда он пристрелил Кощея и охранника), Файзиев подрагивающей рукой налил себе большую рюмку коньяка и выпил залпом, словно воду, а стоявший рядом невозмутимый Миршаб, вооруженный, как и компаньоны, подал ему ломтик лимона и спросил:

— Икрам, может, тебе жаль, что Лютый не успеет попробовать прекрасный десерт из ананасовых долек, присыпанных шоколадной пудрой? — Шутка оказалась столь к месту, что от нее все долго и охотно смеялись, и нервный шок у него моментально прошел.

Неожиданно вошел Карен и сказал, обращаясь к Артуру Александровичу, коротко:

— Едут!

Файзиев взял под руку Наргиз, вышел из апартаментов и, судя по звукам, раздававшимся в приемной директора, включил телевизор. Оставшиеся в зале, не сговариваясь, вдруг сделали одновременно по мусульманскому обычаю «оминь» и отошли к окну, выходящему на площадь. Прожектора, ярче чем обычно, освещали заснеженную автостоянку, где с заведенными моторами стояли два джипа, готовых по первому же сигналу заблокировать белые «жигули», в которых появится банда.

Трое у окна внимательно осмотрели друг друга и остались довольны, впервые им предстояла столь деликатная миссия, сопряженная с риском, и Шубарин, чувствуя напряжение своих коллег, сказал как бы случайно:

— Хотите свежий анекдот?

И через пять минут из банкетного зала раздался такой гомерический хохот, что он перебивал звуки телевизора.

Наргиз с Икрамом Махмудовичем долго и удивленно переглядывались и пропустили момент, когда появился Лютый с двумя сопровождающими, но не с теми, что в первый раз, хотя и этих Наргиз тут же окрестила быками. Лютый подошел к Наргиз, поздоровался с ней за руку, небрежно кивнул Икраму, не принимая того всерьез, и спросил:

— Наргиз, кто это у тебя так весело развлекается?

— Зайдешь, увидишь, — ответила хозяйка ресторана, все еще продолжая удивляться несмолкающему смеху из приоткрытых дверей.

— Веселые люди, — ответил Лютый, уже расслабленно.

— Очень, — улыбаясь, сказала Наргиз, — давайте раздвайтесь — и за стол переговоров, мне кажется, они хохочут оттого, что давно хотят выпить.

— Такие дипломаты нам по душе, — рассмеялся Лютый, предлагая подельщикам раздеться, причем у одного в этот момент выпал железный кастет из кармана, тот неловко его подобрал и уже не стал брать с собой. Потому что Наргиз сказала с издевкой:

— Нехорошо на переговоры с такими вещами ходить. — И пригласила долгожданных «гостей» в тайный банкетный зал.

Когда они вошли в зал, трое у окна продолжали хохотать, и, судя по их виду, делали это отнюдь не искусственно, и с лица Лютого и его товарищей окончательно сошло напряжение, и вошедшие тоже невольно улыбнулись.

— Наше руководство, — туманно представила Наргиз Лютому троих мужчин у окна. Обменялись рукопожатиями, и Артур Александрович сразу пригласил всех за богато накрытый стол.

Гости сели так, чтобы хорошо видеть входную дверь, и это заметил Шубарин, но в той ловушке, что он им приготовил, уже ничего не спасало, капкан захлопнулся.

— Ну, слушаем вас, — сказал Шубарин, как только уселись друг против друга как на серьезных дипломатических переговорах.

— А что нас слушать, — усмехнулся Лютый, — это мы вас слушаем, мы свое уже сказали хозяйке. — И он повернулся, ища глазами директоршу ресторана.

Икрам обходил гостей, разливая коньяк по бокалам, а Наргиз поправляла что-то возле своего любовника, видимо, она переживала, что против него оказался самый здоровенный рэкетиер.

— Они в курсе дела, я все доложила, — ответила Наргиз.

— Значит, вы решили обложить нас данью, и сколько же с нас причитается? И как платить: ежемесячно, поквартально или раз в год? — поинтересовался опять же Японец.

— Ежемесячно, как со всех, пятнадцатого числа, пять кусков, думаю, что по-божески — «Лидо» дорогой ресторан...

— Вполне по-божески, — вмешался в разговор Сенатор, — мы готовы заплатить и больше, но в чем гарантии безопасности?

— Мы даем вам дышать, вот и все гарантии, — весело рассмеялся Лютый, ему, видимо, понравилась компания.

— А если другие ваши коллеги совершат налет на «Лидо», как быть в таком случае? Вы погасите наши потери? — не отступал Сенатор.

Лютый, наверное, никогда не предполагавший такого поворота разговора, недоуменно переглянулся с товарищами, те неопределенно пожали плечами.

— Остальные платят и никаких гарантий не требуют, — вымолвил он растерянно и вроде как с обидой.

И тут хозяева вновь дружно рассмеялись.

— А мы, дорогой, не как все, нам гарантии нужны, а вдруг ваши конкуренты учинят погром, должны же вы хотя бы частично нести ответственность? — подключился к разговору и Владыка Ночи.

Лютый задумался с ответом, а Японец предложил:

— Давайте сначала выпьем, закусим, а потом и придем к какому-нибудь обоюдовыгодному решению, а то Наргиз скоро подаст горячее.

Усыпляя бдительность налетчиков, Сухроб Ахмедович опять продолжил якобы волновавшую его тему.

— Я не оговорился, дорогие гости. Мы готовы платить вам не пять, а шесть тысяч, но с условием: чтобы в «Лидо» регулярно дежурили в качестве вахтера и гардеробщика два дюжих молодца, а если еще надежнее, то и ночной сторож должен быть ваш человек.

— Пахать целый день в кабаке от зари до зари за шесть кусков? — искренне удивился один из сопровождающих Лютого.

Наверное, тут разгорелись бы жаркие дебаты, но в этот момент в банкетный зал вошли сразу трое «официантов» с дымящимися подносами, и Лютый, уже изрядно веселый, сказал шумно:

— Давайте еще по одной дернем перед горячим, давно такой хороший коньяк не пил, а если честно, никогда.

— Давайте, — согласился Шубарин и налил всем вновь, стараясь не смотреть в сторону сервировочного стола, куда «официанты» неловко поставили подносы с горячим. Он боялся рассмеяться, глядя, как неуклюже, боясь уронить посуду, действует Беспалый, небрежнее всех, профессиональнее, держался Коста, ну, а как тренировался с подносом Ашот, он уже видел.

Выпили и, когда гости дружно принялись уминать деликатесы, щедро выставленные Наргиз, совладельцы «Лидо», не сговариваясь, нажали под столом друг другу на ноги — кульминационный момент наступал.

Как только Артур Александрович посмотрел в сторону «официантов», они взяли каждый по тарелке с поддонником с жареными в белых грибах перепелками и, зайдя за спины ужинающих хозяев, поставили перед ними одновременно

источающие нежные ароматы блюда. Так же дружно они вернулись и на другую сторону стола, и как только поставили тарелки перед «гостями», произошло неожиданное, а точнее, много раз отрепетированное в банкетном зале. Жесткие салфетки на рукавах официантов из крепкого белорусского льна, чуть длиннее обычных, в мгновение ока превратились в удавки, что традиционно применяют итальянские мафиози и американские гангстеры. И не дожевавшие гости уже хрипели, выкатив глаза в сильных руках противников, а тут еще каждому в грудь ткнулось дуло пистолета, и расторопные руки выдернули из-за пояса Лютого новенький пистолет и ножи у двух его приятелей. Из кабинета Наргиз вбежал молодой смугловатый парень, и вмиг на руках у каждого из гостей оказались наручники, и их буквально вырвали из-за стола и швырнули к стенке.

Лютый подумал, что их прихватила милиция, хотя солидные и вальяжные дяди никак не напоминали ему привычных оперов. А в зале кутеж, казалось, достиг высшей точки, оркестр так наяривал еврейское «семь сорок», что весь пьяный люд сорвался в пляс.

Лютый, видимо, чтобы поднять дух у своих подельщиков, вдруг грязно выругался и выкрикнул истерично:

— Ну, сука подлая, ты еще ответишь за свое предательство!

Ашот, стоявший рядом, словно взбеленился, он с большой симпатией относился к Наргиз.

— Ах, ты еще оскорбляешь и унижаешь порядочную женщину? — И ударил так сильно, что, казалось, у Лютого отлетит голова, одновременно раздался какой-то неприятный хруст и судорожный всхлип, но Ашоту было ясно, что главарь проглотил сразу несколько своих передних зубов. Стоявший рядом здоровенный детина, тот, что сидел напротив Миршаба, попытался вдруг ударить Ашота ногой в пах, но Коста опередил его. Тыльной стороной ладони, которой он разрубал любой кирпич, резко ударил прямо по кадыку бычьей шеи, и гигант рухнул столбом, и из угла его рта на усы потекла тонкая струйка крови.

Лютый, мотая головой, вдруг шепеляво сказал с ненавистью, обращаясь к Ашоту:

— А ты, армяшка поганый, еще попомнишь меня. — И Ашот моментально нокаутировал его и стал избивать ногами,

но Артур Александрович тут же оттащил своего телохранителя, сказав при этом:

— Я думаю, хватит, они люди неглупые, и думаю, что осознали свою ошибку.

И вдруг третий рванулся к окну, видимо, желая вызвать подмогу, но тут начеку оказался Беспалый, подставивший ножку, и тут же упавшего кинулись зверски избивать ногами.

Хозяева «Лидо» вернулись за стол, налили себе, «официантам» и Карену тоже. Продолжая прерванный ужин, Шубарин сказал, обращаясь к Коста:

— Подведи, пожалуйста, Лютого к окну и объясни ситуацию, пусть выбросит из головы всякие глупости. Мы отпустим его живым при одном условии...

Коста подвел обмякшего главаря к окну и показал на два джипа, готовых сорваться к белым «жигулям», где дожидались своих еще трое из банды. После этого всех повели в ванную, привести себя в божеский вид, там с них сняли наручники, теперь они уже не представляли угрозы никому.

Когда Лютого вновь подвели к столу, Шубарин сказал:

— А условия мои, дорогой, такие. Сейчас мы позовем из зала метрдотеля, он знает в округе всех кооператоров. Он сядет за телефон и будет приглашать всех, у кого вы сегодня собирали налоги, и ты каждому из них, с извинениями, запомни, с извинениями, вернешь деньги и пообещаешь впредь их не беспокоить. А сейчас ты пойдешь к своей машине без всяких фокусов, предупреждаю, ибо сопровождать тебя на стоянку будет Ашот. Любое твое неверное движение, и он с удовольствием пустит тебя в расход, в таком случае под огонь попадут и твои друзья в машине, у людей в джипах в руках настоящие автоматы, они никогда не раздумывают, проверено. А эти два орла у нас останутся в заложниках, ты сегодня проиграл по всем статьям. Ну как, договорились?

Лютый ответил отказом.

— Ну ладно, бог тебе судья, — спокойно воспринял Японец, — я отдаю тебя в руки Ашота, пусть он как хочет, так и поступает, я знаю, что еще никто так прилюдно не оскорблял его.

Ашот сгрел Лютого за шиворот и поволок в ванную, но в последний момент главарь задушенно прохрипел:

— Согласен, ваша взяла.

— Ну вот, другое дело, а теперь ступайте за деньгами, а ты, Ашот, будь внимателен, он любую подлость может выкинуть.

Прежде чем выйти, в комнате на секунду погасили свет, это послужило сигналом джипам, чтобы они вплотную подъехали к белым «жигулям» и были начеку.

Минут через десять Лютый вернулся с улицы со спортивной сумкой, полной денег, и Шубарин засадил Файзиева за телефон, и через некоторое время к «Лидо» начали съезжаться недоумевающие кооператоры.

Пока раздавали деньги, у совладельцев «Лидо» вышло принципиальное разногласие по поводу того, как поступать дальше с бандой Лютого. Сенатор и Миршаб утверждали, что нужно вызвать милицию и оформить дело, а дальше они возьмут ситуацию под контроль, и каждому из них за вооруженный разбой по пятнадцать лет гарантировано. Шубарин категорически был против вызова милиции, он сказал, что его не поймут ни Коста, ни Ашот, ни Беспалый. В конце концов выслушали и «официантов», они тоже взяли сторону Японца, негоже, мол, защищаться руками милиции, это шло вразрез с их идеологией.

О сложившейся спорной ситуации без обиняков рассказали Лютому, и только тут он понял, что имеет дело не с милицией, а со своими, более удачливыми и сильными коллегами. Взяв с банды, по воровскому ритуалу, честное слово, что они оставят район в покое, рэкетиров отпустили с миром.

Прошел месяц со дня проведения «круглого стола» с рэкетирами, и история стала забываться. В штат ресторана зачислили людей по рекомендации Ашота и приняли строгие меры безопасности. Время от времени к Шубарину поступали и данные о Лютом, банда зализывала раны и не выходила на охоту, видимо, награбленного до января им хватило для долгой и безбедной жизни. Впрочем, как сказали Коста с Ашотом, Лютому оставался один путь — сняться с бандой из Ташкента и приглядеть себе другой город, тут уже давно все поделено, и свое никто так просто не уступит, да и с подмоченной репутацией больше не подняться. Еще через месяц Японцу доложили, что Лютый ставит себе золотые зубы и собирается перебраться в Ашхабад, там кто-то из его лагерных дружков высоко взлетел и держал столицу Туркмении в руках, как некогда Нарик Каграмян Ташкент.

Правда, теперь они чаще стали наезжать в город, в район вокзала, и переквалифицировались в «наперсточников», оказывается, Лютый был в этом деле ас. Непонятно, почему он сменил столь выгодную профессию на рискованное дело рэкетира, наверное, легкий заработок на первых порах вскружил голову.

В те дни, когда они не выезжали на «работу», часами напролет играли в карты по-крупному, все в том же загородном доме на Чимкентском тракте, купленном на шальные рэкетирские деньги. Иногда играть к ним приезжали и люди со стороны, и у Лютого появилась мысль — а не открыть ли солидный катран. И об этих планах Лютого знали в «Лидо».

К весне история с рэкетирами стала забываться, дела у «Лидо» по-прежнему шли в гору, но и забот хватало, один прокурор Камалов требовал к себе какого внимания, и тут нельзя было пускать дело на самотек, слишком глубоко начал копать прокурор.

Досье на Камалова, наконец-то поступившее из Москвы, не обещало покоя, прокурор имел серьезную школу жизни, и опыта борьбы с преступностью ему было не занимать. Миршаб с Сенатором понимали, что в республике появился человек с серьезными намерениями и особыми полномочиями, о том, чтобы его запугать или купить, не могло быть и речи. Тщательно собранные данные о прокуроре, которого они тут же, в целях конспирации, назвали «Москвич», запали в память, и Сухроб Ахмедович мог, словно абитуриент, без запинки, рассказать его биографию: ... Хуршид Азизович Камалов родился в 1940 году в Фергане. После войны его отца переводят работать в Москву. В 1963 году с отличием заканчивает юридический факультет Московского государственного университета, и ему предлагают остаться на кафедре, но он рвется на родину. По распределению попадает работать в Прокуратуру республики и уже через два года становится прокурором одного из районов Ташкента. На посту районного прокурора у него происходит серьезный конфликт с одним родовым кланом в столице. Конфликт имел такую огласку, что в дело вмешался сам Рашидов, и только явная молодость Камалова спасла его от суровой расправы. Строптивного прокурора, чтобы одумался, отправляют подальше —

в Москву, в очную аспирантуру, на три года. Аспирантом он пробыл год, работая над необычной для того времени темой «Преступление против правосудия», то есть преступление в среде самих правоохранительных органов, потом неожиданно перешел на работу в уголовный розыск, где прослужил до 1971 года, и ушел из органов в звании подполковника. Милицию он покинул в результате серьезных ранений, полученных во время операции по задержанию вооруженной банды на столичном ипподроме, стрелял в него коллега, капитан милиции. К этому времени заинтересованным лицам стало известно, что подполковник Камалов и есть тот самый тайный охотник, который выслеживал оборотней и предателей в милицейской среде. В конце семидесятых годов благодаря ему произошла основательная чистка милицейских рядов в Москве, особенно в высших ее эшелонах. Оттого в него и стрелял капитан милиции. В 1972 году, провалявшись одиннадцать месяцев по госпиталям и чудом оставшись живым, Камалов, уже в звании полковника, защищает в закрытом заседании свою давнюю диссертацию. Научная работа с самого начала имеет гриф «Совершенно секретно», ибо касается изъянов всей структуры правовых органов страны. Кроме нескольких экземпляров диссертации, попавших в высокие инстанции, работа остается засекреченной до сегодняшнего дня.

После защиты диссертации он получает служебную командировку на год во Францию, где в предместье Парижа изучает методы работы Интерпола. В результате поездки появляется еще один основательный научный труд с предложениями и выводами по борьбе с организованной преступностью, который также дальше министерских кабинетов не получает хода.

С 1973 года он становится преподавателем специальных дисциплин в закрытых учебных заведениях КГБ, и тут напрашивается вывод: некогда на работу в уголовный розыск он попал не случайно, а с особыми полномочиями.

В 1978 году в связи с резким ростом преступности в столице его назначают прокурором одного из районов Москвы.

В 1981 году, во время правления Л.И. Брежнева, у прокурора Камалова возник конфликт, подобный тому, что случился у него когда-то в молодости в Ташкенте, и тут он схлестнулся с кланом власть имущих в стране. Не без помощи Ю.В. Андропова,

который в свое время лично ознакомился с двумя его научными работами под грифом «Совершенно секретно», уезжает в Вашингтон возглавить службу безопасности в советской миссии в США.

Камалов является в стране одним из ведущих специалистов по борьбе с организованной преступностью и часто привлекается для разработки долгосрочных и стратегических программ.

Несмотря на засекреченность научных работ, известно, что он давно добивается создания в стране сети отделов по борьбе с организованной преступностью, что и сделал немедленно, став прокурором Узбекской ССР. Известно также, что все три зама председателя КГБ республики, включая генерала Саматова, ведающего кадрами, в прошлом — ученики Камалова, вот почему новый отдел по борьбе с мафией укомплектован бывшими работниками КГБ, которые вряд ли порвали связи со своей мощной организацией. Аккуратно отпечатанный текст заканчивался небольшой припиской, сделанной от руки: «Прокурор Камалов представляет реальную угрозу для всего делового и уголовного мира, и при первой возможности его следует дискредитировать или, еще лучше — уничтожить!»

Так что в эти дни совладельцев «Лидо» занимала не только банда Лютого, но и проблема прокурора Камалова, судя по всему, крепко севшего на хвост Сенатору.

Вообще решили, что история с бандой Лютого больше никогда не будет иметь продолжения.

Но все оказалось иначе, история сделала драматический поворот, позже Шубарин скажет: зло порождает только зло.

В конце марта, когда повсюду в Ташкенте розово и буйно цвел миндаль и в воздухе стоял стойкий запах цветущей в каждом палисаднике персидской сирени, Артур Александрович встречал высокого гостя из Москвы. Впрочем, гость этот прибыл не к нему лично, а в Совмин республики. Знакомы они были с Шубариным давно, и на руке у гостя поблескивал все тот же золотой «Ролекс», в общем — валет пиковый. В Совмине многие знали об этой дружбе; Японец, пользуясь знакомством, решал не только свои дела, но и проблемы республики. Поэтому Шубарин принимал большого чиновника в «Лидо» персонально. Гость так загулял на пышном приеме своего давнего друга Японца, что к концу вечера свалился в

буквальном смысле и везти его в резиденцию ЦК, где он остановился, было бы предательством, и гостя уложили на диван в кабинете Наргиз, обеспечив на ночь сиделкой.

Покидали они в тот вечер «Лидо» последними. Не успели сойти с мраморных ступенек на площадь перед рестораном, как раздалось сразу несколько пистолетных выстрелов, а чуть позже, запоздало, и одна автоматная очередь. Ашот, выходявший, как всегда, первым, шел чуть впереди компании, и первые пули сразили его наповал. А Шубарина чудом уберегла от смерти Наргиз, женским чутьем она уловила что-то неладное в красных «жигулях» седьмой модели, медленно выезжавших из ночной тени здания, как только они появились из ресторана. Еще не прозвучал первый выстрел, как она рывком свалила Артура Александровича на скользкий мрамор и своим телом прикрыла его, она поняла, что охота шла на Шубарина. Позже она рассказывала, как спиной ощущала ту самую автоматную очередь, что разбила тонированные финские стекла на входных дверях «Лидо». Больше нападавшим не удалось сделать ни одного выстрела, потому что чуть замешкавшийся в гардеробе Коста выскочил с пистолетом и успел открыть огонь по отъезжавшей машине.

Тут же объявился и ночной сторож с автоматом, и Коста было рванулса кинуться в погоню за красными «жигулями», но Шубарин остановил его, сказав кратко:

— Не надо, они от нас никуда не уйдут. — И как бы в подтверждение собственной догадки спросил: — Лютый?

— Конечно, я видел его рожу.

— Ну что ж, я принимаю его вызов, это уже серьезно, но сейчас не до него, займемся Ашотом. Пожалуйста, вызови из дома сюда Карена. — И они вдвоем перенесли телохранителя в вестибюль «Лидо».

Схоронили Ашота с почестями, отметили девять дней. И вновь собрались на большой совет в закрытом банкетном зале «Лидо».

И вновь Сенатор и Миршаб, располагая подробными сведениями о банде, предлагали сделать анонимный звонок в уголовный розыск полковнику Джураеву, и можно было не сомневаться, что от него Лютый не ушел бы. Вариант отвергли с ходу, речь шла уже о мести. Тогда Миршаб предложил еще

один похожий, но любопытный выход: связаться с казахской милицией в Чимкенте, загородный дом бандитов находился уже на территории соседней республики. Но взбунтовался Коста, сказав:

— Убили нашего товарища, а хотим наказать врагов руками милиции. — И он, неожиданно выложив крупные фотографии дома на отшибе, где дислоцировалась банда, предложил свой план, с которым согласились все, кроме Карена. Он тоже не был против, только требовал, чтобы главную роль в операции отвели ему, как самому заинтересованному лицу. Участники круглого стола не согласились с доводами Карена и решили, что Коста все-таки предпочтительнее, он обладал большим жизненным и профессиональным опытом и жаждал мести не меньше, чем Карен, его с Ашотом связывала давняя дружба по первому лагерному сроку, и, как он обмолвился, это — дело его чести.

Операция не требовала особой подготовки, все упиралось в банду Лютого, когда они, устав от «наперсточного» бизнеса, позволят себе отдых, а свободное время они проводили только за одним занятием — карты и вино. Изредка бывали там и женщины, но блатной мир, по сравнению с казнокрадами, растратчиками, фарцой, цеховиками, кооператорами, невысоко ценит прекрасный пол, таковы воровские традиции, где чтится только мать.

Но ждать пришлось недолго, в начале недели в «Лидо» раздался телефонный звонок, с вокзала сообщали, что сегодня Лютого с дружкой милиция согнала с рабочего места по случаю приезда какой-то делегации, и они, затарившись водкой в железнодорожном ресторане, поехали к себе отдыхать. Ситуация складывалась идеальная. То, что Лютый купил себе дом с заросшим глухим садом на отшибе поселка, тоже упрощало операцию. В те дни, когда Лютый с товарищами промышлял наперстком на вокзале, Коста с Беспалым, Арифом и Кареном побывали внутри дома, со способностями Парсеяна открыть дверь не представляло труда. И теперь каждый из четырех участников операции ясно представлял картину и знал свой маневр — на точности, на расчете, ну, конечно, еще на риске и дерзости строился план.

Коста переоделся в тот же костюм официанта, что три месяца назад, только под смокинг надел жилет из кевлара, который

принес из дома Артур Александрович. Пуленепробиваемый американский жилет так поразил воображение участников операции, что они не задумываясь решили его испытать, и Ариффу пришлось сделать выстрел из знаменитого «Франчи» с глушителем, результат ошеломил, окрылил, все поверили в успех дела. Пока Коста экипировался, принесли ему большую корзину с выпивкой, закусками, обычный ассортимент для богатого обслуживания на выезде, и такое «Лидо» практиковало для своих постоянных клиентов.

Поймав случайное такси, Коста без сопровождения, страховки, оружия отправился в резиденцию Лютого у бывшей овчарни. Подъехав к катрану, в котором прежде, судя по саду и по самой постройке, жил хозяйственный, не лишенный вкуса и претензий человек, Коста попросил остановиться как раз напротив окон зала, где обычно резались в карты, и долго рассчитывался с таксистом, давая возможность хозяевам хорошо разглядеть неожиданного визитера. Выйдя из машины, он аккуратно поправил бабочку, одернул смокинг и, подхватив корзину, в которой явно чувствовалась снедь, постучал в дверь. И ее тотчас рывком открыли. Незнакомый молодой парень молча показал ему рукой вперед.

— Мир дому сему, — сказал Коста учтиво, как только оказался в зале.

Шесть человек за столом действительно играли в карты, и, судя по деньгам, лежавшим в центре, да и возле каждого из них, играли по-крупному. Седьмой стоял у него за спиной, не было лишь того здоровенного бугая, которого Коста вырубил тогда одним ударом.

— Обшманай его как следует, — хищно ощерившись золотозубым ртом, приказал Лютый тому, что стоял за спиной.

— Нехорошо гостей встречаете, — отреагировал Коста, поднимая руки вверх и поворачиваясь к тому, кто должен был его обыскать.

— Ты бы, падла, о гостеприимстве помалкивал, — добавил один из тех, кто был тогда на переговорах в «Лидо».

Пока его обыскивали, кто-то встал из-за стола и сдернул накрахмаленную скатерть с корзины и тут же радостно взвизгнул:

— Толян, ты говорил — закусывать нечем, а тут такая жратва, слюнки текут. — И все разом сбежались к корзинке.

— Ты это нам привез? — спросил недоуменно Лютый.

— Да, вам, я приехал передать, что мои хозяева готовы принять ваши условия без всяких оговорок.

— Наконец-то поняли, с кем имеют дело, — сказал гордо и взволнованно Лютый и предложил гонцу сесть, видимо, неожиданный визит сильно возвысил его в глазах банды. Ашота в городе знали и оттого ждали ответной мести, а тут все так легко улаживалось.

— А не отравили эти торгаши-мироеды свой гостинец? — вдруг среди всеобщей эйфории сказал один из тех, что все время не отходил от окна, выходящего на дорогу.

Коста достал из корзинки бутылку водки, бутылку коньяка, ловко откупорил их, налил в один стакан и коньяк, и водку, сделал себе бутерброд из нежнейшей югославской ветчины и, подняв стакан, сказал:

— За мир. — И, выпив залпом, с удовольствием закусил.

— Кто же такое добро будет травить, лопух? — сказал со смехом встречавший у двери и стал разливать всем такой же ерш, какой выпил Коста, и никто не стал ему возражать или останавливать.

— Мы замиряться с вами не собирались, — сказал веско главарь, — но раз вы протягиваете руку, грех ее отводить, хватит крови, да и в Ташкенте нас могут не понять. Поэтому, по нашему обычаю, я тоже повторяю твой тост:

— За мир.

Все дружно выпили и стали прямо руками брать рыбу, мясо, индейку, казы из корзины, хотя там сбоку лежали и приборы одноразового пользования.

— Удачный день, — сказал весело Лютый, победно оглядывая сотоварищей, видимо, тяжелый разговор у них вышел накануне, — давайте за него и выпьем, если мы замирился с Японцем, цеховиком, нас признают в Ташкенте, и мы вновь вернем себе свой район. — Выпили и за это.

Захмелев, Лютый вдруг ошарашенно вскочил.

— Но теперь условия будут другие. Наши. Не пять тысяч, а десять. Как говорится, жадность фрайера сгубила. — И, глянув выжидающе на Коста, добавил: — Потянут твои хозяева?

— Потянут. Они очень хотят мира, я это точно знаю, и из-за пяти тысяч мелочиться не станут.

— Ну, вот и прекрасно, что поумнели, а когда же платить начнете?

— Хоть сейчас, только у меня нет машины, пусть кто-то поедет со мной, заедем к Наргиз, возьмем деньги, и я лично передам вам в руки.

— Идет, — согласился Лютый, — валяйте, только еще одно условие. Загрузи за наш счет пару таких корзин, а как придешь, накрой нам стол по-человечески, посуда тут найдется, обмоем день победы и замирения.

Отправили самого молодого, а за руль белых «жигулей» пришлось сесть Коста, парень не имел прав.

Подъехали к «Лидо», где уже вовсю начиналась вечерняя жизнь, парень, сопровождавший Коста, заметно нервничал, и Джигоеву даже пришлось его успокаивать.

Наргиз, по сценарию, находилась в кабинете одна, чтобы ничто не вызвало подозрения. Войдя, Коста устало плюхнулся в кресло, показывая сопровождающему, какого он страха натерпелся в резиденции Лютого, вкратце сообщил директрисе о переговорах и закончил:

— Но теперь, Наргиз Умаровна, условия у них другие. Требуют десять тысяч.

Наргиз удивленно посмотрела на сопровождающего, словно дожидаясь подтверждения.

И тот, польщенный вниманием к собственной персоне, сказал:

— Да-да, Толян сказал — десять.

— И я уже вам все приготовила, — ответила она расстроенно и показала на яркую спортивную сумку «Адидас» на полу у стола.

Но потом, как бы отвлекая внимание от сумки, подошла к вмурованному в стене сейфу и, открыв его, достала деньги в разных купюрах. Выложив на стол, пригласила Коста с сопровождающим помочь ей считать.

Молодому доверили набрать две тысячи четвертными, Коста ту же сумму — червонцами, а сама она стала добирать оставшуюся тысячу — пятерками. Деньги отсчитали быстро, потом она сгребла всю сумму и небрежно бросила их в сумку, где также разнокупюрно, валом, уже лежали пять тысяч.

Потом, как бы спохватившись, она сказала:

— Я так рада, что эта жуткая история наконец-то заканчивается, и пусть Лютый примет от меня личный подарок! — И она стала складывать в сумку поверх денег дюжину заранее заготовленных бутылок темного чешского пива «Дипломат» и в довершение бросила туда же два блока сигарет «Мальборо».

Видя, что у молодого глаза загорелись от пива и от сигарет, она взяла со стола одну пачку и протянула ему со словами:

— Кури на здоровье. — И тут же открыла ему баночное пиво, финское, достав все из того же холодильника, где хранилось и чешское.

Пока молодой попивал пиво, внесли две корзины с закусками. Достав портмоне, он спросил:

— Сколько с меня? — Он запомнил слова главаря «за наш счет» и не хотел мелочиться в глазах красивой женщины.

Но Наргиз запротестовала:

— В другой раз. Сегодня, в день примирения, считайте подарком от «Лидо».

Коста подхватил сумку с пола, молодой взял в обе руки тяжеленные корзины, и они отправились в обратный путь. На самом выезде из города, на обочине, белые «жигули» поджидала «Волга» Парсегына, кроме владельца машины в ней находились Ариф и Карен. Пропустив машину вперед, они потихоньку поехали вслед, Карен всю дорогу сокрушался, что Коста без них справится с бандой.

За столом шла напряженная игра, и на их появление не обратили особого внимания, только Лютый, раздававший карты, спросил мельком у сопровождающего:

— Ну, как дела?

— Все о'кей, в лучшем виде, хозяйка еще подарок тебе передала, сейчас обалдеете. — И, выхватив оба блока «Мальборо» из сумки, молодой кинул их на стол. Их тут же бросились разрывать и делить.

Коста тем временем, ловко открыв всю дюжину пива, доставил их тоже играющим. Пиво вызвало большой восторг, чем сигареты, и все, дружно задрав головы, принялись пить, а Коста стал выкладывать на диван деньги, и все хорошо это видели.

— Халдей, оставь деньги в покое, сами посчитаем, лучше накрой стол, как Лютый велел, — сказал кто-то, на миг оторвав от губ бутылку с пивом.

— Меня зовут Коста, — сказал почему-то гонец и продолжал: — Я сейчас накрою такой стол, век не забудете... — И тут же раздалась автоматная очередь, хотя Коста и не вынимал рук из яркой спортивной сумки с деньгами. Так и не доставая из «Адидаса» с двойным дном легкий израильский автомат «Узи», он продолжал стрелять, только один успел рвануться к приоткрытому окну и выпрыгнуть на улицу, но там его в ту же секунду настигла пуля Арифа, страховавшего именно окна. Через минуту-две все было кончено. В комнату с последними выстрелами ворвались Карен с Беспалым.

— Я же сказал, что он нам ничего не оставит, — сказал огорченно Карен.

И в этот момент Лютый на полу слабо шевельнулся и выронил из рук пистолет, так и не успев сделать ни одного выстрела.

— Ах, этот гад еще жив! — обрадованно вскрикнул Карен и, подойдя к главарию, добил его из нагана.

— Ну, теперь наведем марафет — и живо отсюда, надо быстрее на трассу, хотя «Узи» — не «Калашников», выстрелы могли и засечь, — сказал Коста и стал складывать деньги с дивана и картежного стола в сумку.

Через несколько минут Лютого с дружками сложили в кучу и облили бензином, а когда «жигули» съехали со двора, Беспалый подпалил строение с крыльца, чтобы дом запылал, когда они будут уже на Чимкентском тракте.

Камалов почти не выходил из дома без оружия. Опыт, интуиция бывшего розысника подсказывали, что он находился под чьим-то пристальным вниманием, под колпаком, хотя он вряд ли мог привести хотя бы один пример, работали все-таки против него в высшей степени профессионалы, да и человек, стоявший за всем этим, видимо, хорошо изучил его и знал, какой опыт жизни у него за плечами.

В последнее время прокурора преследовала одна неприятность за другой. Стоило ему подписать ордер на арест какого-то высокого должностного лица, как тот в самый последний момент пускался в бега, а то обнаруживали его труп где-нибудь в парке или овраге. Или там, где предполагалась крупная конфискация имущества, в доме оставались одни голые

стены, и вся наличность, демонстративно лежавшая на столе, выражалась в десятках рублей, что, видимо, должно было намекать на скромную жизнь от получки до получки, что потом, по прошествии времени, выгодно обыгрывалось в жалобах.

Камалов взял со стола подготовленный для него список, в ближайший месяц он должен был подписать ордер на арест этих людей, и стал внимательно просматривать.

«Кого же из них предупредят в первую очередь, а кого постараются убрать?» — думал он, припоминая дело каждого из внушительного ряда.

— Ачил Садыкович Шарипов, — прочитал он вслух и вспомнил, как упомянул фамилию высокого сановного лица из Совмина в гостях у своих родственников и какую в ответ получил информацию, до которой вряд ли бы добрался через прокуратуру.

Оказывается, его зять, майор Кудратов, жил неподалеку от них, в этой же махалле, и он узнал многое: и как Кудратов, пользуясь покровительством тестя, попал в ОБХСС, имея диплом культпросветучилища, и как там быстро продвинулся в чинах, и какой дом отгрохал, и какие пиры закатывает, и как денно-нощно везут ему все с доставкой на дом, да и сам редко с пустыми руками возвращается.

Прокурор хорошо помнил дело Шарипова, тесть ворочал более солидными делами, чем его вороватый зять. Взгляд Камалова неожиданно упал на телефон, и ему вдруг пришла внезапная мысль.

Он поднял трубку и позвонил в следственный отдел.

— Пожалуйста, ускорьте дело Шарипова, через два дня я должен подписать ордер на его арест, есть такая команда сверху, — закончил он туманно.

И тут же вызвал к себе начальника отдела по борьбе с организованной преступностью и объявил ему:

— У меня возник план. Вот, пожалуйста, возьмите адрес. По моим предположениям, хозяин особняка в ближайшие сутки должен то ли кинуться в бега, то ли станет спешно вывозить и прятать добро. Держите ситуацию под контролем, в случае побега арестуйте.

Когда Камалов на другой день появился на работе, начальник отдела по борьбе с организованной преступностью

дождался его в приемной. По взволнованному виду подчиненного он понял, случилось что-то с Шариповым, хотя знал, что у особого отдела в производстве десятки горячих дел и каждое из них в любую минуту могло «обрадовать» неслыханным ЧП. Интуиция сработала верно. Едва они вошли в кабинет, как полковник доложил:

— Три часа назад, рано утром, когда уже рассвело, Ачил Садыкович застрелился у себя в саду.

— Да, я не предусмотрел этот вариант. Никогда не предполагал, что такого жизнелюбца сумеют склонить к самоубийству. А не замаскированное ли это убийство? — спросил вдруг Камалов.

— Нет. Исключено. Наш человек через две минуты после выстрела кинулся к забору и может подтвердить: Шарипов застрелился собственноручно. А люди у него в доме вчера были — трое. Задержались до глубокой ночи. Слышалась музыка, во дворе готовили плов, и мои люди подумали — гости.

— Тогда все совпадает, — обронил странную фразу хозяин кабинета.

— А как вы сумели предугадать смерть Шарипова? — спросил ничего не понимающий полковник.

— Ну, смерть я как раз не предугадал. Я предсказывал лишь побег или вывоз добра из дома. А теперь, после смерти Шарипова, вопрос о конфискации отпадает сам собой, тут он все верно рассчитал. А что касается того, как я узнал об этом, не предполагайте во мне ясновидящего, все гораздо проще — мой телефон прослушивается.

Дав полковнику прийти в себя от неожиданного сообщения, Камалов продолжил:

— Сейчас же свяжитесь с генералом Саматовым и попросите его помочь специалистами по прослушиванию и звукозаписывающей аппаратуре. Заполучив людей, объясните ситуацию и поезжайте на центральную телефонную станцию, наверняка мой телефон прослушивается оттуда. То, что он прослушивается, подтвердила смерть Шарипова, я специально обронил по телефону, что через два дня арестую его.

Перед самым перерывом на обед в кабинете у прокурора раздался телефонный звонок, докладывал полковник:

— Вы оказались правы, телефон ваш прослушивался. Мы изъяли японскую аппаратуру и большую бобину с записью,

задержали и инженера связи Фахрутдинова. Своей вины он не отрицает, но чувствую, что мы вряд ли через него проясним ситуацию, запутанная история...

— Доставьте связиста ко мне, я хочу сам поговорить с ним, — сказал Камалов и, положив трубку, облегченно вздохнул. Подтверждались все его сомнения, против него действовал умный и изощренный враг, и появлялся шанс выйти на след.

Не успел прокурор подняться к себе из столовой на первом этаже, как к нему ввели Фахрутдинова. Щегольски одетый молодой мужчина, лет тридцати пяти — тридцати семи, не был ни смущен, ни подавлен арестом, но и не держался вызывающе, что бывает нередко. Только руки с длинными, хорошо тренированными пальцами, холеные, знавшие каждодневный уход, как у пианиста, выдавали его волнение. По рукам и определил Камалов в нем картежника. Эта новая беда, до сих пор недооцененная ни законом, ни обществом, давно и прочно, как наркомания и проституция, глубоко пустила корни в нашей пытающейся всегда казаться высоконравственной, пуританской стране. Да и лицо с живыми, умными глазами, несмотря на кажущуюся беспристрастность, выдавало, что он волнуется, пытается искать выход из неожиданной ситуации. Прокурор не раз встречал подобных людей, от природы щедро одаренных умом, талантами, но пагубная страсть подавила в них все человеческое, и все проблески ума, таланта служили одному — пороку, картам.

Перед прокурором Камаловым сидел, кажется, такой же обреченный человек. «От азартных игр исцеления нет и не бывает, любые попытки лечения — напрасные хлопоты», — сказал как-то ему один из крупных московских картежных шулеров.

— Я слушаю вас, — обратился хозяин кабинета к задержанному. Несколько странное начало не смутило связиста.

— А мне нечего сказать вам, все, что знал, сказал. И вряд ли моя исповедь добавит что-либо новое, — ответил Фахрутдинов спокойно.

— И давно вы занимаетесь прослушиванием, часто ли поступают такие заказы?

— Я работаю в Министерстве связи пятнадцать лет, как специалист на хорошем счету, но до сих пор никто не обращался с таким предложением. Я не уверю вас, что не стал

бы этим заниматься, просто раньше спроса не было. Хотите верить, хотите нет. — И он пожал плечами.

— И когда же поступил заказ взять под контроль мой телефон, и кто проявляет столь пристальный интерес к делам Прокуратуры?

— По вашему прокурорскому взгляду я понял, вы сразу догадались, что я — игрок, катала. В картах и причина, как я сейчас понимаю. Потому я свой ответ начну с карт, возможно, это что-то и прояснит для вас. Три месяца назад я неожиданно начал выигрывать, и длилось это довольно-таки долго, пять-шесть недель подряд. Не сказать, чтобы выигрывал крупно, я игрок средний, хотя катаю уже регулярно лет десять. Думаю, в кругах картежников меня знают, до сих пор я за свои проигрыши всегда отвечал, вы ведь знаете, как дорога репутация в нашей среде. Но потом я «попал» раз, другой, и на очень крупные суммы, таких проигрышей я раньше себе никогда не позволял. А тут удачи последнего времени вскружили мне голову, и я все время пытался отыграться, увеличивая и увеличивая ставки. Сегодня мне понятно, выиграть я не имел ни малейшего шанса, против меня действовал выдающийся игрок, ас, да и все мои предыдущие выигрыши тоже кем-то тщательно организованы. В общем, мне включили «счетчик» и предложили продать дом, доставшийся в наследство от родителей! А куда деваться с семьей, детьми? О том, чтобы набрать требуемую сумму, не могло быть и речи, я даже вслух не мог назвать цифру, она приводила в ужас любого нормального человека.

Тем временем долг неожиданно перевели на другого игрока, я никогда не встречал его в картежных кругах, как, впрочем, и того, кому проиграл, только слышал краем уха, что тот залетный катала из Махачкалы. Впрочем, для меня и любого другого картежника не имеет значения прописка проигравшего или выигравшего — платить надо в срок. Я уже подумывал и о беггах, и о самоубийстве, как вдруг позвонил мне на работу тот новый человек, которому я был должен. Он назначил мне встречу в кооперативном кафе «София», что в парке Победы. Там он и предложил в счет погашения долга поставить на прослушивание один телефон. Я тут же спросил — чей? Он засмеялся и сказал, что в моем положении глупо задавать

такие вопросы и какая мне разница — кого прослушивать. Но в тот вечер он так и не сказал, кто его интересуется.

Получив мое согласие, уговорились о встрече на работе. В назначенное время, за час до начала смены, когда в помещении я находился один, пришли двое молодых людей в темных очках, прекрасно знавшие свое дело, и подключились к вашему телефону. Моя задача состояла в том, чтобы, когда позвонят, достать бобину с записью и выйти на автобусную остановку, всегда заполненную людьми. Я должен был держать бобину за спиной и ни в коем случае не оглядываться, когда ее будут забирать.

Так я всякий раз и поступал, не испытывая никакого любопытства оглянуться и узнать в лицо связного, скорее всего, такого же несведущего человека, как и я.

— Ловко, ловко, — прервал прокурор разговорившегося каталу, надеясь на этот раз смутить его.

Но он, словно на отдыхе, ловко перекинул ногу на ногу и, не обращая внимания на колкость прокурора, сказал обескураживающе:

— Знаете, товарищ прокурор, я ведь не сказал бы вам ничего даже в том случае, если бы знал, кто стоит за всем этим.

Теперь наступил черед удивляться хозяину кабинета.

— Не понял. Почему же нужно брать всю ответственность на себя, не проще ли разделить ее с другими? Чистосердечное признание, раскаяние нашим законом принимается во внимание.

Фахрутдинов вдруг вполне искренне засмеялся и сказал:

— Знаете, о вас в Ташкенте много слухов, говорят о вашей принципиальности, неподкупности, хватке. И то, что сели на ваш телефон, подтверждает, что многим власть имущим вы перешли дорогу. Но, поверьте, я не ожидал от вас подобной банальности — «раскаяние, чистосердечное признание, суд примет во внимание...» Вы это всерьез? Вы действительно предлагаете мне все рассказать, раскаяться?

— А почему бы и нет, — ответил не совсем уверенно Камалов.

— Знаете, за свое должностное преступление я могу получить от силы три года, хотя, впрочем, сомневаюсь, что сумеете подобрать статью и на этот срок. А если бы я знал, чей заказ

выполняю, а это, наверное, люди серьезные, если вступают в борьбу с самим верховным прокурором, и рассказал вам о них, то есть чистосердечно раскаялся, меня ждал бы только один приговор — смерть. Смерть в лагере или после, но все равно смерть. С той минуты, как я бы назвал имена людей, проявляющих к вам интерес, меня бы приговорили, и от наказания, как от включенного счетчика за проигрыш, никуда не уйти — это понятно любому здравомыслящему человеку.

Это у вас, слютяев-юристов, так называемых гуманистов, давно паразитирующих на преступности, а то и состоящих на довольствии у них, да еще и у продажных писак, писателей и журналистов, ищущих дешевой популярности у народа и желающих прослыть на Западе демократами, на уме одно — как бы отменить смертную казнь и всячески улучшить жизнь и быт преступнику, придумать ему лишнюю амнистию и под любым предлогом открыть шире тюремные ворота. А ведь они-то, эти продажные юристы, знают, что в преступном мире всякое отступничество карается смертью и только смертью, и нет там никакой гуманности ни к старому, ни к малому. Теперь-то понятно, почему я не сказал бы, даже если и знал? И еще — не выдав, я ведь в тюрьме буду на особом положении, вы же не станете меня уверять, что владеете ситуацией в местах заключения, потому что знаете, кто там настоящий хозяин. Преступный мир умеет ценить верность, не то что вы, правосудие, ни наказать, ни поощрить толком не можете, сами слюнявые и на слюнявых рассчитываете!

Хотя Фахрутдинов говорил спокойно, взвешенно, прокурор чувствовал, что с ним начинается истерика, и потому нажал под столом кнопку. В кабинет тотчас вошел стоявший за дверью оперативник — и инженера-каталу увели.

После ухода Фахрутдинова прокурор долго расхаживал по кабинету, не отвечая на телефонные звонки, настроение вконец испортилось, и не только оттого, что невидимый и коварный враг ускользнул и на этот раз, не дав заглянуть ему в лицо. Огорчало его другое — в словах задержанного содержалось много истины, и он вспомнил: «ни наказать толком не можете, ни поощрить». Что на это ответить? Если он знал, что есть и восьмикратные, и двенадцатикратные заключенные, за плечами которых убийства и разбой за разбоем, зачем его

судить в тринадцатый раз, чтобы он в лагере, наводя страх вокруг, убил очередную безответную жертву и получил срок в четырнадцатый раз по любимой схеме юристов-гуманистов? Может, нужен какой-то порог судимостей в три-четыре раза, а дальше электрический стул, возможно, это остановит вал преступности?

В том, что Фахрутдинов не знал, кто стоит за прослушиванием, прокурор был уверен, не сомневался он и в том, что, выдай инженер своих заказчиков, его ждала бы — смерть, люди, шедшие на такой дерзкий шаг, конечно, жалости не ведали.

Тому, что прокуратуре и лично ему противостоит хорошо организованный, умный и жестокий противник, Камалов получил серьезное подтверждение.

Подводя итог задержанию Фахрутдинова, он понял, что в его положении есть и выигрышные моменты. Арестом на телефонной станции он давал понять противнику, что знает о противостоящих силах, разгадал их маневры. Прокурор понимал, какая нервность, если не паника, царит сейчас в противоположном лагере после задержания связиста-картежника и какие у них возникают вопросы в связи с этим: откуда стало известно Камалову о факте прослушивания телефона, не донесли кто? Знает ли тот, кто стоит за этим, и какие контрмеры готовится предпринять? В общем, сегодня забот хватало не только у него, но и у его соперников.

Камалов прошелся по просторному кабинету и подошел к окну, выходящему на улицу. Напротив, через дорогу, трое подвыпивших мужчин, усиленно жестикулируя, о чем-то горячо спорили. Осенний ветер пузырил у них на спине пиджаки, и они, словно под парусом, не могли устоять на месте и оттого будто исполняли какой-то ритуальный танец, манерно извиваясь.

— Под парусом и под градусом, — вырвалось вдруг у суроватого, не склонного к каламбурам, хозяина кабинета.

Компания, осенняя улица задержали его взгляд, и чудеса продолжались. Усиливающийся западный влажный ветер трепал не только пиджаки, но и галстуки, широкие, длинные, давно вышедшие из моды. Они, словно цветные змеи, извивались и выползали из разгоряченного зева владельца и жалили собутыльника то в лицо, то в живот, то в грудь. И танец, что

они втроем не прерывали ни на минуту, и эти змеи: красная, полосатая и рябая, тоже не унимавшиеся ни на секунду и жальщие непрерывно, и порою даже друг друга, составили вдруг для прокурора ирреальную картину, и он уже видел за ними не людей, а нечто тягостное, липкое, опутывавшее сознание и превращавшееся в некую картину ужасов. У него закружилась голова, и он невольно отпрянул от окна, словно боялся, что сделает шаг за подоконник.

Он расстегнул ворот рубашки, расслабил узел галстука и присел на ближайший стул. «Заработался, уже галлюцинации начались, пора бы отдохнуть, выспаться». — подумал Камалов, он не пользовался отпуском уже давно, считай, с того дня, как в Кремле появился Юрий Владимирович Андропов, наделивший его еще в Москве особыми полномочиями по борьбе с коррупцией.

Прошло несколько дней, но противник себя никак не проявлял, не обнаруживал. Хотя Москвич, планируя то или иное мероприятие, повсюду расставлял капканы большие и малые, но соперник ловко обходил их.

Неделю спустя после задержания телефониста Камалов готовил в Прокуратуре два важных совещания подряд, и на оба не собирался приглашать Сухроба Ахмедовича, ожидая увидеть его реакцию. Нет, он не мог напрямую подозревать того в организации подслушивания его телефона, для этого тот мало чем располагал. Хотя, взяв его под колпак, обнаружил довольно странные связи для человека такого высокого общественного положения.

Сухроб Ахмедович водил тесную дружбу с неким Шубариным, имевшим по всей республике ряд кооперативных предприятий и ворочавшим огромными суммами. Говорят, в прошлом, в доперестроечное время, он владел подпольными цехами и являлся одним из хозяев теневой экономики в крае. Ныне он свою деятельность легализовал, узаконил, исправно платил налоги в казну и, говорят, был первым из кооператоров, у кого на счету появился вполне законный миллион.

Официальный миллионер испытывал нескрываемую тягу к политике, у него в приятелях числились многие партийные боссы, утверждают, что он прекрасно знал и Шарафа Рашидовича и был накоротке с самим ханом Акмалем.

Поступили данные и о том, что он нередко бывает в респектабельном ресторане «Лидо», где хозяйкой заведения является бывшая танцовщица фольклорного ансамбля — Наргиз, любовница Салима Хашимова из Верховного суда, самого близкого друга Акрамходжаева. По неподтвержденным данным предполагалось, что заведующий Отделом административных органов ЦК имел какой-то финансовый интерес в преуспевающем предприятии.

Два важных совещания подряд, на которые он намеренно не приглашал своего шефа из ЦК, должны были вынудить того, если он действительно замышлял что-то против прокурора, действовать активнее и обозначить себя, но события вдруг повернулись самым неожиданным образом.

На первом совещании во время основного доклада Камалов дважды ощутил, как солнечный зайчик пробежал у него по лицу. В тот день он не придал ему значения и даже не вспомнил позже, что бы это могло означать? Но случай повторился через день, когда он давал секретные установки отделу по борьбе с организованной преступностью, на этот раз его поразила неожиданная догадка. Как только закончил свою речь, он быстро написал помощнику записку такого содержания: «Пожалуйста, под любым предлогом вызови меня через десять минут в приемную».

Через некоторое время он оказался в собственной приемной. Он тут же набрал номер телефона начальника уголовного розыска республики, полковника Джураева, с ним они уже проводили крупномасштабные операции, и к нему Камалов относился с безграничным доверием, хотя и знал, что за кадры работают в МВД.

Полковник оказался на месте и, узнав прокурора по голосу, сказал:

— Чем обязан, знаю, вы по пустякам не беспокоите.

— Тут такая, на первый взгляд невероятная, ситуация. Я убежден, что на крыше здания напротив сидит человек с биноклем в руках и, читая по губам ход секретного совещания, спокойно записывает его на магнитофон. Вы скажете — мистика, в Прокуратуре посходили с ума?

— Нет. Я так не думаю, на Востоке людей, читающих по губам, немало. Более того, я бы не удивился, зная, какие у вас

в производстве дела, если где-то неподалеку увидел автофургон, начиненный японской электроникой, откуда без помех прослушивали ваше совещание. Техническая вооруженность наших противников поражает меня, и я готовлю выставку тех средств, что нам удалось конфисковать, она должна нас заставить подумать о многом. А что касается вашего сообщения, продолжайте свое совещание, не спугните человека на крыше, я выезжаю на задержание сию минуту.

Через час, когда прокурор закончил совещание, полковник Джураев уже дожидался его в приемной.

Камалов тотчас пригласил его к себе.

— Ну как? — нетерпеливо спросил он, теперь уже почему-то сомневаясь в своей догадке.

— Вы оказались правы, да мы сработали не лучшим образом, — ответил полковник с досадой.

— Что, ушел?

— Обижаете, таких промахов мы себе не позволяем. Не уберegli.

— При попытке к бегству? — вырвалось у прокурора.

— Все произошло странно и непредсказуемо, боюсь, на этот раз мы вряд ли возьмем чистый след. Слушайте. Через десять минут после вашего звонка я с двумя розысниками уже поднимался из двух подъездов на крышу. Судя по расположению вашего окна, мы предварительно рассчитали, где должен находиться человек, интересующийся секретами прокуратуры. Мы не ошиблись, он находился там, где и предполагали. Занятый делом, он не заметил, как мы с двух сторон, почти вплотную, подошли к нему, он не делал даже попытки к побегу, только попытался стереть запись, и это ему не удалось, наручники быстро защелкнулись у него на руках. Когда мы вели его к пожарной лестнице, он вдруг споткнулся и упал. Я даже пошутил, что от страха ноги подкосились, но он не отвечал и не вставал. Когда я склонился над ним, увидел на груди, на рубашке, алое пятнышко крови. Пуля попала прямо в сердце, видимо, стрелял человек, страховавший его работу. Мы не слышали выстрела, стрелял профессионал, пользующийся глушителем. При нем было водительское удостоверение, и надеюсь, что нам с минуту на минуту дадут знать, кто он.

— Какая жалость, — искренне вырвалось у Камалова, — у нас набралось столько неотгаданных загадок, и мы могли сегодня получить ответ на многие из них.

— Не огорчайтесь, — успокоил Джураев, — люди, рискнувшие пойти на такой шаг, не остановятся на полпути, у них есть цель, и они обязательно проявятся, нужно быть начеку.

И в этот момент вместе с помощником в кабинет вошел один из розыскников полковника.

— Ну что, выяснили, что это за человек? — спросил охваченный азартом полковник.

Вошедший протянул бумажку, и Джураев прочитал вслух.

— Айдын Бейбулатов, турок-месхетинец, тридцать лет, имел судимость. Еще недавно проживал в знаменитом Аксае и был среди доверенных людей хана Акмаля.

— Аксай? Хан Акмаль? Так вот, оказывается, куда ниточка тянется, — прервал прокурор полковника.

Вслед за бумажкой вошедший протянул Джураеву пулю со словами:

— Эксперты сказали, что стреляли из автоматического оружия новейшей конструкции, судя по необычной пуле, оружие заграничное.

Джураев, рассмотрев пулю, передал ее прокурору.

— Да, тут и на глаз видно, что пуля не наша, — подтвердил Камалов.

Когда помощник с розыскником ушел, повеселевший Джураев сказал:

— Ну, вот и след объявился, а вы горевали. Не ожидали, что снова всплывет хан Акмаль? Поверьте моему опыту, прокурор, даже если вы и десять лет пробудете на этом посту, еще многое прямо или косвенно будет связано с ханом Акмалем, его наследие — вечно.

— И, все-таки, какой безжалостный человек стоит за убийством молодого человека из Аксяя, — сказал вдруг прокурор, вновь и вновь анализируя смерть Айдына.

— Пожалуйста, проясните вашу мысль, — встрепенулся неожиданно Джураев.

— Я не вижу смысла в смерти молодого месхетинца. Человек, стоящий за убийством, циничен до предела, для него жизнь человека — копейка. Вот главные черты нашего

противника, о котором мы почти ничего не знаем. Но он уже дважды проявил себя, в третий раз, хоть издали, мы заглянем ему в лицо.

— Я вот о чем подумал, — сказал задумчиво полковник. — Ваши слова о жестокости навели меня на мысль о другом, давнем преступлении. Там тоже соучастник, как и Айдын, честно выполнявший свои обязанности, остался мертвым в двух шагах от свободы. Сейчас мне почудился если не один почерк, то один безжалостный стиль.

— Можно чуть подробнее, — попросил Камалов и включил диктофон на столе.

Джураев показал глазами на чайник, намекая, что разговор предстоит долгий, и начал:

— Это случилось давно, в ту осень, когда умер Рашидов, точнее, на другой день после его смерти, когда еще мало кто знал об этом. И к первой части истории я имею самое непосредственное отношение.

Но тут я должен сделать небольшой экскурс в сторону, иначе вам трудно будет воспринимать историю в целом. В ту пору я имел погоны капитана угрозыска и работал далеко от Ташкента. Областной прокуратурой командовал у нас Амирхан Даутович Азларханов, как и вы, прибывший в наши края из Москвы, в свои тридцать шесть лет он оказался самым молодым в республике на таком высоком посту. Честный, принципиальный, хорошо образованный, ему прочили большое будущее, противники за глаза называли его Реформатор, Теоретик. Здесь, в здании Прокуратуры, он не раз выступал с докладами, вызывавшими шумные споры.

Однажды на рассвете у меня дома раздался телефонный звонок — из милиции сообщили, что в самом дальнем районе нашей области убили его жену — Ларису. Она — ученый-искусствовед, занималась прикладным искусством народов Средней Азии, а если точнее, коллекционировала керамику Востока. В своем деле она преуспевала и пользовалась международным авторитетом, издала несколько альбомов по искусству, часто организовывала выставки за рубежом. Убили ее за диковинный фотоаппарат «Полароид», делающий моментальные снимки в цвете. Для меня готов был вертолет, и я тут же отправился на место происшествия. К вечеру мне удалось

задержать убийцу. Им оказался сын одного из влиятельных людей в области, чей клан правил тут уже десятки лет.

Во время допроса с Амирханом Даутовичем случился инфаркт, потому что убийца оказался студентом четвертого курса юридического факультета и уже видел себя прокурором. Кстати сказать, он и станет чуть позже прокурором в том районе, где некогда сам совершил убийство. Пока прокурор лежал два месяца в больнице, клан успел повернуть дело по-своему и за решетку отправили другого человека. Вернувшись из больницы и узнав ход дела, Азларханов от бессилия получил второй инфаркт и еще на полгода выбыл из борьбы.

Пока он отсутствовал, в области началась охота за мной, и, если бы я не уехал, на меня обязательно сфабриковали какое-нибудь дело. Однажды, в отчаянии, я отписал ему письмо в Крым с просьбой помочь переводу в другую область, так я очутился в Ташкенте. Оправившись после двух инфарктов, Азларханов вступил в борьбу с родовым кланом Бекходжаевых, у которых на всех уровнях, и в области, и в столице, есть свои люди. Силы оказались столь неравны, что прокурор лишился всего: должности, дома, партийного билета, доброго имени, его даже помещали в психбольницу. В конце концов ему пришлось покинуть город, где он прожил десять лет, ибо там ему не нашлось работы даже простым юрисконсультom, клан повсюду перекрыл ему кислород.

Я в Ташкенте с тремя детьми и беременной женой, без квартиры, рядовой работник угрозыска, ничем не мог помочь униженному, оболганному и растоптанному прокурору. На борьбу с кланом у прокурора ушли годы, и через пять лет после смерти жены он оказался в небольшом городке соседней области, который часто фигурирует в уголовных делах под названием Лас-Вегас. Там он устроился юрисконсультom на небольшом консервном заводике и, кажется, окончательно сломленный, потихоньку доживал свои дни, здоровье его ухудшалось год от года.

Но вот тут-то в его жизни неожиданно происходят крутые перемены. Его нанимают на работу юристом крупные дельцы Лас-Вегаса. И он вновь начинает возвращать себе утраченное общественное положение, появляется на престижных свадьбах, его повсюду приглашают в гости. Когда до меня дошли слухи,

что такой убежденный законник сотрудничает с миллионерами-цеховиками, я не поверил. Но потом, после первого шока, подумал — в жизни все бывает, и не дай бог никому пережить то, что досталось на его долю.

В общем, я не стал судить строго, знал, что ему уже мало отпущено времени в жизни, к тому же я любил его. И, как подтвердило время, оказался прав, убежденный в его порядочности и верности закону и правосудию. В день смерти Рашидова, о котором я уже упоминал, у меня на работе раздался звонок, и я узнал взволнованный голос прокурора Азларханова. Он просил ровно через полчаса быть здесь, у здания республиканской Прокуратуры. Он не стал ничего объяснять, но я понял, что случилось что-то важное, неотложное. Я опоздал на встречу минуты на две и даже видел издали, как его преследовал какой-то парень. Амирхан Даутович успел вбежать в вестибюль Прокуратуры, и тут преследователь, видимо, охотившийся за дипломатом в его руках, пристрелил прокурора. Я успел задержать убийцу, но не успел спасти своего друга.

Вот такая вкратце предыстория, а теперь начинается вторая часть, странная до невероятности, возможно, она наведет вас на какую-то мысль, связанную с убийством Айдына.

Тут вошла секретарша с чайником, и хозяин кабинета сам торопливо налил полковнику чай. История представляла интерес для Камалова, и у него появились кое-какие соображения, но полковник, конечно, видевший, какую реакцию вызвал его рассказ, как истинный восточный человек, презиравший торопливость и суету, спокойно выпил пиалу, другую и только потом продолжил:

— Отдай он преследователю дипломат, остался бы жив, но он не смалодушничал и на самом краю жизни. Умирая, все же не разжал рук на груди преступника, держал, что называется, мертвой хваткой. Арестовав преступника, я считал свою миссию выполненной. Дипломат прокурора я передал начальнику следственной части и просил на другой день вручить лично прокурору республики.

Утром, явившись на службу, я остолбенел от сводки, лежавшей у меня на столе. Оказывается, ночью совершили нападение на Прокуратуру, вскрыли сейф и выкрали тот самый дипломат, за который мой друг заплатил жизнью. А во дворе

остались два трупа: дежурного милиционера и взломщика по прозвищу Кощей.

Видя, что Камалов сделал какую-то торопливую запись, полковник сказал веско:

— Но и это оказалось не все, одно событие той ночи не вошло в утреннюю сводку МВД. При задержании преследователя я повредил ему позвоночник, и его отвезли в Институт травматологии, чтобы срочно сделать рентгеновские снимки. И ночью преступника похитили из больницы, нам не удалось установить даже его личность. Вот такие события разыгрались накануне грандиозных похорон Шарафа Рашидовича.

В эти же дни в Прокуратуре республики находилось несколько дел по ростовским бандам, орудовавшим в Узбекистане. Орудовавшим особо жестоко, дерзко, цинично, ныне это называется — рэкетом, а, на мой взгляд, — особо тяжким разбоем, а в кармане у того, кто вскрыл сейф, вынес дипломат человеку, страховавшему операцию, оказался билет на Ростов, да и сам Кощей был родом оттуда. И следствие стало разрабатывать ростовскую версию, начисто исключив чьи-то местные интересы. Возможно, кто-то, хорошо знавший практику прокуратуры, ценой жизни человека направил следствие сразу по ложному следу.

— Какого человека? — спросил, уточняя для себя кое-что, Камалов.

— Того, кто вскрыл сейф и доставил дипломат тому, чей заказ он выполнял.

— Да, вы правы, история чем-то похожа на случай с Айдыном, — подтвердил прокурор.

— На мой взгляд, человек, страховавший операцию, а это вполне мог быть сам заказчик, убил охранника Прокуратуры вынужденно, а Кощей — умышленно, чтобы завести следствие в тупик. И мне уже тогда показалось, что этот человек хорошо знает работу правовых органов, оборотень из нашей среды.

— А как двигалось следствие?

— Я специально не интересовался, прокуратура не любит, когда суют нос в ее дела. Насколько я знаю, затратив полтора года на ростовскую версию, следствие запуталось, и дело положили на полку. Оно не шло у меня из головы, потому что касалось моего друга. И только сегодня я почувствовал

какую-то параллель между смертью Кощея и убийством Айдына. Напрашивается и еще одна параллель с прошлым убийством: и на сей раз за смертью Айдына стоит человек, хорошо ориентирующийся в делах прокуратуры, ведь не каждый знал о сегодняшнем секретном совещании у вас в кабинете, вы ведь не давали объявления ни по радио, ни по телевидению...

— Верно, я об этом как-то не подумал. Можно даже очертить список лиц, знавших о сегодняшнем совещании у меня.

— Придется поработать и со списком, — твердо сказал полковник, — буду обязан, если вы покажете его и мне. Я ведь многих тут знаю и догадываюсь, что кое-кто из них сидит на двух стульях, да трудно к ним подобраться с высоты моего положения, слишком важные посты они занимают.

— А почему вы не забрали дипломат с собой в МВД? — спросил хозяин кабинета.

— Во-первых, неудобно, Прокуратура все-таки, надзорная инстанция. Во-вторых, унеси я дипломат, пришлось бы доложить о нем руководству, среди которого есть немало людей, проявлявших пристальный интерес к жизни опального прокурора. Не исключено, что в кейсе могли оказаться кое-какие бумаги и на высшее руководство МВД.

Несколько раз входил и выходил помощник, Джураев понял, что у прокурора Камалова появились срочные дела, и он без восточных церемоний быстро откланялся, сказав на прощание:

— Держите меня в курсе дел и всего подозрительного, события набрали ход, и они уже не остановятся.

В приемной у Камалова собралось несколько следователей по особо важным делам из Москвы, и каждому требовалась подпись прокурора на каком-нибудь важном документе, но чаще всего решался вопрос о санкции на арест.

Как только поток посетителей иссяк, прокурор включил диктофон и еще раз прослушал рассказ полковника Джураева. Да, опытный розыскник нащупал явную параллель между двумя убийствами, несмотря на срок давности, тут было над чем поразмыслить.

Рабочий день подходил к концу, и Камалов, спохватившись, позвонил в архив и попросил подготовить к завтрашнему дню дело о давнем налете на Прокуратуру республики.

Он долго рассказывал по просторному кабинету, где часто проводились всякие совещания, и вдруг его озарила такая догадка. Безусловно, к сегодняшней акции приложил руку человек, хорошо знавший о делах в Прокуратуре и даже о секретных заседаниях. Но и в случае давнего налета на следственную часть преступник точно вскрыл сейф, где находился дипломат прокурора Азларханова, не ошибся, хотя у них в распоряжении было всего несколько часов. Значит, навел человек, работающий в этих стенах. Отсюда вытекала и другая мысль — не стоял ли за обоими преступлениями один и тот же человек? С такими выводами покинул Камалов в тот день Прокуратуру, и уверенность в своей правоте крепла в нем час от часу.

На другой день папки с делами по налету на Прокуратуру лежали у него на столе, но ему не удалось притронуться к ним ни в тот день, ни на следующий. Текучка каждодневных неотложных дел не давала ни минуты покоя, хотя, чем бы он ни занимался, помнил: ему важно установить, не стоит ли за смертью Айдына и ростовского уголовника по улочке Кощей один и тот же человек или одна и та же группа людей.

В конце недели ему все же удалось одолеть бумаги, и стало ясно, почему следствие зашло в тупик, другого исхода не могло и быть, кто-то ловко перевел стрелки на Ростов. Поднял он дела и по ростовским бандам, интересы зачетных рэкетиоров никаким образом не пересекались с прокурором Азлархановым, и для них вряд ли представлял интерес его кейс с компрометирующими документами. Ростовчан больше всего интересовали деньги, золото, которые они в попытках отбирали у председателей колхозов, директоров хлопкозаводов и мясокомбинатов, и в каждом случае чувствовалась твердая рука местных наводчиков.

Камалову становилось ясно, что убийцу Кощей и милиционера следует искать в Ташкенте, понял он и другое: что человек, организовавший налет на Прокуратуру, вряд ли представлял уголовный мир в чистом виде, тут прежде всего возникали интересы должностные, а может, даже политические. Но какие? Это обязательно следовало четко объяснить, ведь в нашем сознании за семьдесят лет укоренилось, что убийство или другое преступление может быть только уголовным. Предстояло не

только отыскать убийцу, но и сломать сложившийся стереотип, и не у масс, а прежде всего у своего брата юриста.

Возбуждать новое расследование по давнему делу он не стал, боялся испугнуть противников. Следовало плотнее заняться смертью Айдына, и в случае удачи он наверняка выходил на одних и тех же людей.

Но не проходило и дня, когда он в свободную минуту не включал бы диктофон с рассказом полковника Джураева, интуитивно чувствовал, что в старом преступлении кроется ключ к сегодняшним событиям. Однажды ему пришла в голову вроде совершенно нелепая мысль — встретиться с вдовой убитого милиционера. Может, она внесет какую-нибудь ясность в давние события? Не насторожило ли ее что-нибудь в смерти мужа? Идея была так себе, как говорили в студенческие годы, на «троечку», но она не покидала его целую неделю, и он, как-то особо не раздумывая, поехал к вдове домой.

Неопрятная, помятая жизнью старуха, видимо, довольно-таки часто прикладываясь к бутылке, встретила его, мягко говоря, недружелюбно. Впрочем, на теплую встречу он не рассчитывал, потому что узнал, что за эти годы из Прокуратуры никто ее не проведывал, не интересовался ее жизнью, хотя муж прослужил у них на вахте почти десять лет и, что ни говори, погиб на боевом посту, таковы уж традиции нашей великой страны, нет внимания ни к живым, ни к мертвым.

В грязной неприбранной комнате на столе стояла пустая бутылка из-под портвейна, и старуха, видимо, жаждала опохмелиться, и ничто другое, казалось, ее в жизни не интересовало. На вопросы, которые прокурор Камалов готовил долго и тщательно, отвечала односложно: «не знаю», «не помню», «давно это было». Камалов уже собирался уходить, проклиная себя за «мудрое» решение, как вдруг в комнату вбежал мальчишка, школьник с ранцем за плечами, видимо, он жил где-то неподалеку.

— Сухроб, внучек, — кинулась вдруг старушка навстречу.

Судя по ее реакции, он давно уже здесь не был. Обняв внука, помогла ему снять ранец и, проходя мимо стола, ловко убрала пустую бутылку, и вся она как-то сразу преобразилась, стала мягче, добрее, появился интерес к жизни.

Незванный гость молча, не попрощавшись, двинулся к двери, когда старуха вдруг сказала вдогонку — и он вынужден был остановиться.

— Я вот такое вспомнила, может, сгодится. Когда меня привезли в больницу, муж был еще живой и в памяти, только очень слабый, жизнь из него уходила на глазах. Он все время шептал, глядя на меня: «Сухроб, Сухроб...» Так зовут нашего внука. Дед очень любил его. Я поняла так, что он хочет увидеть его в последний раз, попрощаться. Дали машину, и его тотчас привезли, а он глядит мимо внука и все твердит себе: «Сухроб, Сухроб...» Мы подумали, что он уже бредит, а через полчаса бедняжка уже отлучился.

Прокурор машинально выслушал старушку, поблагодарил ее и с облегчением покинул комнату, где он явно был лишний. Всю дорогу от пригородного поселка Келес до Прокуратуры, а это путь немалый, он жалел о потерянном времени и испытывал какой-то внутренний дискомфорт от встречи с вдовой милиционера, которого никогда не видел, но испытывал личную вину за их судьбу, за их бедность и неустроенность.

Поднимаясь к себе на четвертый этаж, как обычно без лифта, он вспомнил мальчишку, симпатичного, смышленного, и подумал, какое у него красивое имя — Сухроб, и с удовольствием повторил его несколько раз. И вдруг на пороге собственной приемной его пронзила такая неожиданная мысль, что он, не замечая никого, буквально вбежал в кабинет и бросился к телефону.

Набрав номер полковника Джураева, расслабил узел галстука. Даже забыв поздороваться, он спросил прямо в лоб, не по-восточному:

— Скажите, пожалуйста, не видели ли вы в тот день в Прокуратуре Сухроба Ахмедовича Акрамходжаева?

Полковник Джураев, не понимая, почему прокурор взволнован из-за такого пустяка, ответил спокойно, не раздумывая:

— Да, я хорошо помню тот день. Сенатор тогда был всего лишь одним из районных прокуроров Ташкента, кстати, самого неблагополучного. Он стоял у колонны на втором этаже бледный, расстроенный. Я подумал, что он чрезвычайно подавлен оттого, что ранее знал Амирхана Даутовича, или оттого, что понял, какой рискованной работой занят, и что может ждать его в определенных обстоятельствах.

— Скажите, а он мог видеть, куда определили дипломат?

— Да, конечно. Я открыто передал кейс начальнику следственной части, а его кабинет находится на втором этаже, так что мимо Акрамходжаева и пронесли, он долго стоял там у колонны. Я хорошо помню его растерянное лицо.

— Это уже интересно... — закончил вдруг прокурор Камалов туманно, и разговор оборвался, потому что он буквально задыхался от волнения. Впервые он получил хотя бы косвенную улику на Сенатора, более того, интуиция, которой он часто доверял, подсказывала, что он попал на верный след.

ЧАСТЬ V

Лицензия на отстрел

Душевный разлад Японца. Налет на квартиру майора ОБХСС. Признания налетчика прокурору республики. Наручники для человека из Верховного суда. Арест Первого секретаря ЦК. Миллион за жизнь прокурора. Смерть в собственной засаде. Автокатастрофа по заказу из тюрьмы.

С Шубариным в последнее время происходило что-то странное. Всегда собранный, волевой, постоянно заряженный на борьбу, он переживал какой-то непонятный внутренний кризис. Впрочем, внешне вряд ли кому это казалось заметным, кроме жены и Коста, с которым Шубарин после смерти Ашота сблизился, и не только потому, что тот стал его телохранителем.

Коста, не сумевший вписаться в нормальное общество, обладал поразительной щепетильностью в деньгах и делах, ему можно было поручать любые суммы, любые финансовые тайны, он знал, что верность, принципиальность — его главный капитал, на том и держался. Вот почему после смерти Ашота Коста стал его доверенным человеком.

С легализацией индивидуальной трудовой деятельности центр интересов Шубарина из Лас-Вегаса переместился в

Ташкент, и местная промышленность, державшаяся на его энтузиазме и хватке, там быстро захирела.

Даже система «айсберг», некогда разработанная им и доведенная до совершенства его мозговым трестом, дававшая, как казалось ее создателям, баснословные доходы, не шла ни в какое сравнение с теми, поистине фантастическими, сумасшедшими прибылями, что открылись с кооперативными возможностями.

Коста обратил внимание на душевный разлад шефа, потому что тот день ото дня перепоручал ему такие дела, о которых он еще полгода назад и предположить не мог. Теперь уже Коста метался как белка в колесе, хотя шеф, конечно, не прохлаждался на кортах и в саунах, он просто-напросто на глазах терял интерес к делу. Правда, выручал хозяина компьютер, умная машина держала в памяти всю вновь созданную структуру кооперативных, индивидуальных и арендных предприятий, и нажатием кнопки он получал любую информацию. С такой техникой можно было позволить себе расслабиться время от времени.

Кончились и богатые застолья, которые он так любил в Лас-Вегасе, хотя к его услугам сегодня был собственный ресторан: Коста подозревал, что с нынешними компаньонами он вряд ли ощущал сердечную близость. Иногда Коста думал — может, гибель Ашота, беспредел, царящий вокруг, испугали шефа?

Но, уничтожив банду Лютого, они тут же перестроили структуру безопасности, и на ее организацию выделили столько денег, сколько запросил Карен. И сегодня под началом Карена оказались лучшие боевики столицы. Коста пришлось даже оборудовать для них два спортивных зала в подвалах «Лидо», где они проводили в занятиях целые дни.

Артур Александрович редко ходил с пистолетом, хотя по настоянию Карена его машину буквально нашпиговали оружием, переоборудовали и саму «Волгу». Через гараж ЦК разжились пуленепробиваемыми стеклами с бывшей машины самого Рашидова, а заводские умельцы бронировали дверцы, хотя Шубарин и не настаивал на такой безопасности. Нет, страха он, конечно, не испытывал, тут было что-то другое, непонятное Коста.

Последнее время Шубарин часто пропадавал в доме Якова Наумовича Гольдберга, человека, ведавшего овчинно-шубным

производством, поговаривали, что у скорняка одна из лучших частных библиотек в Ташкенте. Знал Коста, что прошлогодний визит в Америку Шубарин нанес по вызову родственников Гольдберга, ведал и о том, что полгода назад Яков Наумович подал прошение о выезде в США и сейчас активно готовился к отъезду. Однажды Коста подумал: может, шеф решил эмигрировать за океан и оттого охладел к делам? Как-то, обедая вдвоем с Шубариным в чайхане, Коста прямо спросил об этом. Хозяин не обиделся на вопрос и ответил ему как несмышленишу.

— Да, сейчас можно эмигрировать куда хочешь, и многие, с кем я был связан делами в последние пятнадцать лет, уже уехали в Бельгию, Данию, Голландию, Западную Германию, Италию, Францию, Израиль и, конечно, в США, и отовсюду мне могут прислать вызов, только попроси. Кстати, в большинстве из этих стран я бывал и ясно представляю себе их жизнь, и вполне вижу свое место там в деловом мире. Но, дорогой Коста, есть вещи необъяснимые, одна из них — русская душа, русскому человеку противопоказана чужбина, нашей душе нужно нечто большее, чем богатство, положение, комфортная жизнь. Поэтому ни о какой Америке не может быть и речи. Хотя тамошние друзья, мне очень многим обязанные, работали уже не один проект совместного со мной предприятия. Через них я без особых потерь могу перевести свои капиталы на Запад и, только ступив на ту землю, могу иметь на счету десятки миллионов, а с такой суммой можно и там развернуться. Но для этого мне пришлось бы обворовать Отечество как следует, под видом всяких отходов, неликвидов, металлолома, вывезти через Прибалтику, где в портах есть свои люди, стратегически важные материалы и сырье, разумеется, потратив на взятки и подкуп должностных лиц не один миллион. Все это реально, осуществимо и, к сожалению, делается каждый день и, насколько я знаю, через дальневосточные порты. Но такой путь не по мне.

— Свой контакт с Западом я вижу иначе, — я должен учиться современным хозяйственным отношениям, как принято во всем мире, например: банковскому делу. Я сейчас приглядываюсь: чья система более подходяща для нас, ведь в каждой стране своя система финансов, есть свои нюансы. Для меня

важна и сама страна, ее люди, как они относятся к России, и что их связывает — и не только ее преуспевающая банковская система. Могут сказать сразу — Америка отпадает, и не потому, что там нечему учиться, — у нас с ними нет никаких общих корней. Другое дело Европа, с которой у нас общая история и даже кровное родство, она нам ближе и физически, и духовно, чем США. Возможно, ты скажешь, что и мы зачастую не в ладах с законом. Да, так. Но мы не разваливаем государство и не вывозим его сырьевые богатства и ценности за кордон, к даде, а это, на мой взгляд, существенная разница.

Похоже, Шубарин с перестройкой связывал слишком большие надежды, поверил в нее безоговорочно, и сейчас, видя вокруг разгул стихии и анархии, еще больший упадок и развал экономики, чем во времена пресловутого застоя, испытывал разочарование.

А какой беспредел, разгул преступности царил вокруг! Он пугал даже такого бывалого человека, как Японец. Особенно стремительно росла и принимала изощренные формы преступность в самой Москве, где, казалось бы, есть силы и средства для борьбы с ней, да и правительство и законодатели все живут в столице, отчего же они не видят, или не хотят видеть, что творится повсюду в Белокаменной, что называется, у самых стен Кремля?! Ссылаются на Нью-Йорк и Чикаго, где, мол, вроде бы еще страшнее жить, чем в Москве, но от этого советскому человеку не легче.

Душевный разлад Шубарина беспокоил Коста, он советовал шефу уехать куда-нибудь месяца на два отдохнуть, развеяться, на что тот грустно отвечал:

— От себя никуда не убежишь, и от мыслей никуда не денешься, а потом — куда податься, всю страну лихорадит, от края и до края, везде льется кровь, если не на международно-й почве, так на уголовной.

Он помнил ростовскую банду, прибывшую по его душу, видел у них план своего дома, они признались, какие пытки ждали его и его семью. Чтобы выжить, средство одно — быть сильнее противника. Когда-то, чтобы выстроить свой айсберг, он одолел не только экономику, право, банковское дело, пришлось освоить и науку насилия, и тут он превзошел всех, оказался не по зубам даже ростовским бандитам. Никогда

в жизни он не мечтал наводить на людей страх, иметь над ними власть, — единственно, чего он добивался, хотел реализовать в себе талант хозяина.

Конечно, нашлись бы люди, осудившие его за самосуд над ростовской бандой, на совести которой двадцать одно убийство на пятерых, в том числе — три как раз накануне визита к нему. Он заставил каждого из уголовников в отдельности рассказать о похождениях банды и записал леденящие душу истории на видеоманитофон.

Его бы никто не убедил, что насилие можно одолеть, искоренить воспитанием, убеждением, он знал, что бандит признает одно — силу. И как он обрадовался, прочитав «Очерки о преступности» Варлама Шаламова, документ, который следовало бы изучать во всех юридических вузах страны. Взгляды Артура Александровича на преступность, ее идеологию совпадали полностью с взглядами известного поэта.

Наверное, за двадцать пять лет, проведенных среди уголовников, Шаламов знал их природу и нравы лучше, чем кабинетные законодатели, день ото дня гуманизирующие наши законы в пользу преступников.

Когда-то Амирхан Даутович, опальный прокурор, которого он пригрел в Лас-Вегасе, да и все окружение его были убеждены, что в смерти прокурора Анвара Бекходжаева, убившего Ларису Павловну, повинен он, Шубарин. Да, он отчасти приложил к этому делу руку, но прокурора Бекходжаева уже давно приговорили к смерти другие, не менее серьезные люди, и все решал лишь вопрос времени, недель позже, недель раньше, он лишь предоставил возможность сделать тому, кто более всего был заинтересован в мести, — человеку, отбывшему срок за убийство, совершенное Анваром Бекходжаевым. Он просто приурочил смерть прокурора-убийцы ко дню гибели жены своего друга, и клан Бекходжаевых не мог не понять зловещего совпадения.

За все подлое должно последовать возмездие — тоже один из жизненных принципов Шубарина. Он понимал, что справедливость может утверждать только сильный, он не хотел умозрительных побед, внутреннего удовлетворения, как прагматик ценил реальное ее торжество. Смертью прокурора Бекходжаева Шубарин напоминал клану также о давней несправедливости,

когда у него самого отняли дело и все эти годы нещадно эксплуатировали чужую курочку, несущую золотые яйца. Нет, он жалел не о потерянных деньгах, он не мог пережить унижения и несправедливости и, когда настал его час, предъявил им счет. Бывший компаньон Бекходжаевых Коста отнес старые векселя и предъявил ультиматум своего нового хозяина: если деньги не будут возвращены в указанный срок, следует подготовиться к очередным похоронам.

Он получил свою законную долю, за эти годы оцененную в миллион семьсот тысяч рублей, — Бекходжаевы передали через Коста требуемую сумму, ибо, как и всякие преступники, они понимали только силу. Шубарин радовался не деньгам, а тому, что сумел поставить зажавшийся клан на место.

Он всегда хотел быть свободным, а новая экономическая политика вроде открывала ему для этого зеленую улицу — дерзай, умножай богатство, выходи на внешние рынки, только исправно плати налоги.

Но итоги первых лет кооперации с ее фантастическими прибылями, как ни странно, не обрадовали, а насторожили его, ибо он знал законы экономики. Воспользовавшись пустыми прилавками государственных магазинов, кооперативы так взвинтили цены, что они стали не по карману многим слоям населения, и народ в Ашхабаде, Новом Узене, Гурьеве, да и во многих других городах России, выразил свое отношение к ним погромами. Но беда никому не послужила предостережением, хотя он и пытался как-то скоординировать действия кооператоров в республике, но никто никого не хотел слушать, все жили одним днем — хапнуть сегодня, а завтра хоть трава не расти.

Тот, кто соприкоснулся с кооперативами, знал, что с первых шагов они оказались под жестким контролем уголовников. И каким бы выгодным делом ни оказалось шить сапоги за двести пятьдесят рублей или тряпичные брюки за сто, преступный мир никогда не удовлетворится доходами, попытается и тут найти незаконные способы добычи денег. Поскольку идеологи уголовного мира, его стратеги и мозговой штаб во много крат изощреннее служащих государственного аппарата (а Шубарин, зная и тех, и других, не сомневался в огромных преимуществах первых), то они быстро нашли способы, не производя ничего, только имея расчетный счет, перекачивать

безналичные средства государственных предприятий и превращать их в живые деньги. А ведь страна и без того перенасыщена обесцененными деньгами. А купленные на деньги кооператоров экономисты и журналисты пишут в газетах, что в избытке денег виноваты рабочие и служащие, что им повсюду повысили зарплату. Всю жизнь имевший дела с финансами Шубарин даже представить не мог, что можно так беззастенчиво, ничего не производя, грабить страну и сознательно подвигать ее к финансовому краху.

Видимо, прав бандит Беспалый, который всякий раз в застолье предлагает тост за отцов новой кооперации, за Горбачева и ликующе говорит при этом:

— Наше, брат, время пришло, наше...

Раньше, как и многие граждане, отчужденные от власти и от собственности, он тоже отделял себя от государства, не чувствовал с ним близости, родства что ли, и не был в этом оригинален, такое происходило со многими. Но многомиллионные аферы, сулившие его московским коллегам и высокопоставленным чиновникам-казнокрадам из военных и гражданских ведомств сотни тысяч долларов на зарубежных счетах, заставили его по-иному взглянуть на Отечество. И в эти не совсем радостные для страны дни с ним произошло неожиданное — он почувствовал, что новые дельцы грабят страну и его самого.

Примеров подрыва финансовой системы государства оказалось так много, что он стал их записывать, систематизировать.

Он, как и все, с надеждой наблюдал за Первым Съездом народных депутатов, было что-то обнадеживающее в его жарких дебатах. И он однажды подумал, что следует вручить свои записи кому-нибудь из депутатов, ведь все, чего ни коснись, упиралось в экономику, в инфляцию, в поиски денег: для пенсионеров, инвалидов, искалеченных войной «афганцев», жертв Чернобыля, землетрясений, аварий на шахтах и газопроводах, беженцев, для сирот. А тут миллионы уходили за кордон, усугубляя и без того критическое положение.

Артур Александрович стал внимательно присматриваться к депутатам, прислушиваться к их речам — кому из них можно было бы вручить свои исследования и подробно рассказать обо всем, что творится с финансами. Но вскоре мучившая

идея отпала сама собой. Стали собирать деньги, и немалые, с предпринимателей на поддержку и всяческую рекламу мнимых успехов кооператоров в средствах массовой информации и через депутатский корпус.

И долго не дававшее ему покоя желание кому-то поведать свои тревоги-печали разрешилось самым неожиданным образом. Узнав, что в своем саду застрелился Ачил Садыкович, Шубарин еще раз почувствовал твердую руку Камалова и понял, что прокурор не остановится ни перед кем ради торжества закона и справедливости. И тогда он воскликнул мысленно: «Вот же он, мой депутат, вот человек, который не останется равнодушным к моим сообщениям!»

Шубарин понимал, что наша экономика не вынесет такого количества аферистов, откровенно грабящих страну.

Его, дельца, сложившегося в годы твердой государственной руки, по-человечески возмущали нувориши, делавшие состояние из воздуха. Он называл их про себя «математиками», деньги они делали путем сложных бумажных операций, не производя материальных ценностей. Раньше левые деньги ковались одним способом — производя неучтенную продукцию: мебель, ковры, одежду, вино, коньяк — вплоть до ювелирных изделий. «Математики», на взгляд Шубарина, представляли для Отечества крайнюю опасность, и он без сожаления решил сдать их правосудию.

Вначале он собирался просто отправить две объемистые папки без комментариев, прокурор догадался бы, что к чему. Потом он все-таки решил, что следует написать к ним хоть какое-то пояснение. И начиналось оно так:

Уважаемый Хуршид Азизович!

Этот текст, направленный в Прокуратуру и адресованный лично Вам, поначалу может показаться странным и даже невероятным. Не удивляйтесь, в нашем обществе сейчас много непривычного и непонятного, идет размежевание сил, интересов. Сведения, которыми Вы станете располагать, могут натолкнуть Вас на мысль — вот наш человек в стане экономических диверсантов, не обольщайтесь, — я не ваш человек. Проанализировав то, что я Вам сообщу, Вы поймете, что

и в деловом человеке (которого наши же законы заставили ловчить, хитрить) есть определенный порог нравственности, переступая который трудно считать себя порядочным гражданином. Есть моменты истории, когда чрезвычайно важно соотношение личных и государственных интересов — сегодня как раз такое время, Отечество в опасности. И я вполне сознательно предаю интересы своего клана и хочу перекрыть пути, ведущие к финансовому краху державы. И еще, письмо адресовано не Прокуратуре как таковой, а Вам, не знай я Ваших личных качеств, вряд ли появилось желание поделиться подобными тайнами, ибо цена каждой строки этой информации — жизнь, в большой игре не щадят ни своих, ни чужих. Отступничество, ренегатство карается особенно жестоко. Возможно, на путях той борьбы, что вы затеяли в республике, когда-то наши дороги и пересекутся, и может, тогда у нас появится возможность поговорить подробно, а сейчас время торопит.

Дальше Шубарин переходил к конкретным фактам и, наверное, чтобы ошеломить, сразу сообщил, что в Стройбанке республики отдел кредитов и ссуд возглавил человек с подложными документами, его цель — выдать под заманчивые проекты, которые никогда не будут реализованы, крупные кредиты. Когда огромная сумма поступит на счета предприятий, намеренных якобы преобразовать край, дельцы в один день покинут пределы края.

Обращал Японец внимание и на работу других конкретных банков республики, в которых за четко определенный процент с суммы смотрели сквозь пальцы на перекачку средств предприятий на счета кооператоров.

Приводил Шубарин и подробный список лжекооперативов, не производящих ничего и занимающихся только переводом безналичных денег предприятий в наличные на взаимовыгодных условиях.

Упоминал он и о кооперативах, организованных при предприятиях, эти-то наносили особенно большой ущерб государству, обескровливая основные производства.

Не пощадил он и алчных инспекторов банка, они за мзду закрывали глаза на любые нарушения и даже, опять же за взятку, консультировали, как обойти банковский контроль.

Указал особо процветающие кооперативы, выполняющие работы на договорных началах для предприятий, где объемы работ завывались в десятки раз, а заказчик за оплату невыполненных работ получал свою долю у его хозяев — откат.

Он писал, что масштабы финансовой диверсии ныне таковы, что угрожают самой безопасности страны, и в этом плане им следует уделять столько же внимания, как охране государственных секретов и оборонных тайн. Предлагал незамедлительно присмотреться к кадрам, особенно на союзном уровне, ведающим проблемами снабжения страны и внешнеторговыми связями, банковскими делами, включая и валютные сделки, и называл организации и банки в Москве и по всей стране, где новоявленные советские предприниматели чувствуют себя чересчур вольготно.

И заканчивал он уже совсем сенсационными фактами о совместных предприятиях и кооперативах, получивших выход за рубеж. Чтобы прокурор Камалов не вычислил легко автора письма, он не говорил, что сам получил десятки предложений о создании таких организаций с западными партнерами от своих московских друзей.

В письме к прокурору Камалову он ходил только с козырных карт.

Сообщал он и о портах в Прибалтике и на Дальнем Востоке, где уже не однажды опробовали маршрут, отправляя под видом производственных отходов и металлолома трубы, прокат, особо легированную сталь и цветные металлы.

Московские дельцы похвалялись, что в этих портах для них открыта зеленая улица.

Анонимный автор обращал внимание прокурора Камалова на то, что предприниматели из Москвы, с Кавказа, из Прибалтики и из-за рубежа проявляют глубокий интерес к продукции Алмалыкского свинцово-цинкового комбината и медно-обогачительной фабрики, к изделиям Чирчикского завода жаропрочных и тугоплавких металлов, и особенно к таджикскому алюминию. А в самое последнее время, в связи с близостью афганской границы и нестабильностью в регионе, стали активно искать подходы и к урану.

Подчеркивалось, что выход на зарубежный рынок наших предприятий, особенно государственных, должен обязательно обеспечиваться квалифицированной юридической защитой,

ибо осваивать советский рынок кинулись многие авантюристы. И на Западе, что ни день, создаются фирмы с пышными названиями и пустыми счетами, в которых доминируют бывшие советские граждане. Фирмы-однодневки, заведомо рассчитывая на нашу нерасторопность, необязательность и полное пренебрежение к юридической ответственности, порою затевают контракты, чтобы только сорвать крупную неустойку. Если пустить внешнеторговые дела на самотек, нашему государству не только не заработать валюту, а еще придется отдавать последние остатки золотого запаса. Запад свое урвет.

Напоследок был указан путь, куда в последнее время кинулись предприниматели, где они нашли для себя Клондайк, и предсказывал, что в будущем каждое третье уголовное дело будет связано с хищением из армейских складов и баз. Деньги дельцов уже сильно подкосили моральные устои генералов и адмиралов, и путь тут напрашивался один — быстрее снять покровы тайн с армии.

Отправив пакет прокурору Камалову, Шубарин словно камень снял с души, и настроение у него переменялось, он с прежней энергией взялся за дела. Уже через две недели Артур Александрович понял, что своим коварным письмом крепко прополоснул ряды лжепредпринимателей и аферистов не только в Ташкенте и в республике, но даже в Москве. Прошедшие аресты по его письму наводили на мысль, что Камалов поставил в известность Москву, и к работе подключились специалисты из КГБ, ведь, по сути, в послании шла речь об экономической диверсии против страны, брали таких людей, на которых милиция и глянуть боялась. И тут он понял, что ему не следует поддерживать ни Сенатора, ни Миршаба в охоте за прокурором, в конечном счете к свободному и правовому государству вели такие люди, как Камалов. И в случае реальной угрозы жизни прокурора, человека из ЦК и из Верховного суда следовало сдать властям. Результат по анонимному письму окрылил Шубарина, он почувствовал, что может влиять на ситуацию в стране.

Артем Парсегиан, по кличке Беспалый, тот самый, что в любом застолье поднимал тост за здоровье Горбачева, а захмелев, орал на весь стол: «Наше время пришло, наше...» —

действительно имел все основания радоваться перестройке, ибо наконец-то стал хозяином, имел собственное дело. Человек, способный в технике и знавший в ней толк, он быстро раскусил, какое это выгодное дело — игровые автоматы!

Он бы никогда не догадался, что на детских играх можно зарабатывать колоссальные деньги, если бы его однажды как специалиста не пригласили посмотреть какой-то очень дорогой забарахливший автомат. Провозился он часа три, но автомат отладил, и, когда хозяин автомата дал ему за работу двести долларов, он сразу без чьей-либо подсказки понял — вот оно, настоящее дело, и в глаза не бросается, и деньги текут рекой. Но одного желанья стать хозяином игорного бизнеса мало, нужно иметь деньги, нужно достать игровые автоматы: итальянские, западногерманские, а лучше всего американские, которые привлекают и взрослых и более надежны в работе.

Когда он начал потихоньку наводить справки об их стоимости, то понял, что своими деньгами, даже если и продаст автоматы с газводой, не обойтись. И тогда он обратился к Сенатору с просьбой занять ему тысяч сто, года на два, и даже проценты обещал платить, но тот вначале ему отказал. Но однажды, через полгода, он позвонил ему сам и, спросив, нужны ли ему по-прежнему деньги, просил приехать домой — и без всяких разговоров вручил в коробке из-под женских сапог сто тысяч. Судя по тому, как он легко отдал и даже спросил, не нужно ли еще, Беспалый понял, что Сенатор где-то разжился миллионами.

Отдавая деньги, Сенатор отказался от процентов и спросил, на что ему понадобилась такая сумма, и Беспалый рассказал о своей мечте. Прокурор сначала долго смеялся, не понимая затеи стареющего уголовника, но потом вполне серьезно сказал, что поможет ему с помещениями и с любыми организационными сложностями. И он действительно помог Парсегану во многом, видимо, считал, что Беспалый может еще не раз пригодиться.

Ни во что в жизни Беспалый не вложил столько энергии и силы, как в организацию собственного игорного дела. Получив от человека из ЦК существенную финансовую и организационную помощь, он быстро открыл первый зал, а спустя два месяца — еще один, на автовокзале, и дела сразу пошли

на лад. Правда, какие-то несмышлениши, корейцы с Куйлюка, попытались обложить его «налогом», но Беспалый тут же связался с Кареном, у которого под рукой находилась чуть ли не рота, показал свою мощь, и рэкетеры обходили владения Парсегына за версту.

Через год, в Москве, Артур Александрович вывел Парсегына на одного из организаторов международных технических выставок, и ему удалось заполучить одновременно двадцать игровых автоматов, которых еще не видали в Ташкенте. Чтобы выкупить такое количество автоматов сразу, пришлось продать прежнюю технику в Самарканд, сделка с бухарскими евреями оказалась столь выгодной, что ему не пришлось в Москве доплачивать ни копейки.

Новые игральные автоматы он не стал дробить по частям, снял трехзальное помещение в людном месте, где и разместил их по степени сложности. В первый же год работы новые аппараты позволили ему рассчитаться с долгами, и он собирался теперь лет десять пожинать плоды от эксплуатации новейшей японской и американской техники. В залах игровых автоматов Парсегына заправляли его жена и сын, время от времени помогал племянник, а в дни особого наплыва людей вызывали на подмогу и другую родню, сам он бывал в своем владении лишь наездами, стоять у аппаратов или у разменной кассы считал для себя делом оскорбительным.

Разбогатевав, Беспалый стал вести солидный образ жизни, ежедневно обедал в ресторане «Узбекистан», где днем собирались многие деловые люди, вечерами частенько заезжал в «Ереван», чтобы быть в курсе всех событий в столице, праздники, конечно, отмечал в «Лидо», где его появление в зале оркестр встречал любимой армянской песней «Крунк» («Журавль»). Ездил в новой белой «Волге» с форсированным мотором, отдавал предпочтение светлым костюмам в любое время года, и трудно было представить, что этот человек еще недавно ходил в робе слесаря и с вечными ссадинами на руках.

Впрочем, и сам Артем Парсегян думал, что с прошлым покончено навсегда, несколько раз приходили к нему лихие люди, знавшие его прошлое ремесло, и делали заманчивые предложения, но он разводил могучими руками в тяжелых перстнях с бриллиантами и говорил искренне, с обвораживающей

улыбкой: «Завязал, ребята, не обессудьте!» И, глядя на него, становилось понятным, зачем человеку рисковать, когда он имеет свое дело.

Но однажды удача отвернулась от Парсегына. Слякотной декабрьской ночью, когда в городе вовсю шли приготовления к встрече Нового года, а кое-где уже шумно провожали год уходящий, какие-то злоумышленники проникли через крышу в заведение Беспалого и вывезли все двадцать игральных аппаратов, которые новизной вызывали зависть у многих коллег, занимавшихся подобным бизнесом. Конечно, к поиску грабителей подключились многие, и даже милиция по просьбе Сенатора рьяно кинулась с собаками искать похитителей, но действовали, вероятно, профессионалы, и ни люди, ни собаки след взять не смогли. Через три дня Беспалый устало сказал:

— Бесполезно искать, сейчас мои аппараты приближаются к красноводскому парою и завтра будут уже в Баку, или они уже сегодня монтируются в Алма-Ате или Ашхабаде.

За последний год такие аппараты, как у него, появились и в других городах, и это лишало его надежд на удачу. Беспалый с горя запил, мотался по катранам, по воровским сходкам, обещал тому, кто выведет на след грабителей, крупное денежное вознаграждение, но удача, казалось, навсегда отвернулась от него.

Ранней весной, когда он спозаранку приехал похмелиться на Чигатай, за его столик подсели двое молодых людей и сказали без обиняков:

— Кончай, Беспалый, дурака валять, что с возу упало, то пропало. Есть два дела, и нам нужен компаньон, такой, как ты, и с инструментом, выпадет удача, заведешь себе снова свои игрушки.

Беспалый внимательно посмотрел на молодых людей, так откровенно предлагающих вступить в дело, и спросил:

— Почему вы решили, что именно я гожусь вам в компанию?

Тот, что постарше, с новомодной наколкой на правой руке, судя по всему, недавно освободившийся или попавший под амнистию 1987 года, называемую в уголовной среде горбачевской, сказал:

— Ну, во-первых, рекомендовали тебя авторитетные люди, во-вторых, нам нужен человек с машиной, и, в-третьих,

ты имеешь инструмент и золотые руки, и в нашей операции тебе отводится главная роль...

Беспалый и без объяснения понял, что придется вскрывать сейф.

А второй, чуть помоложе, но тоже, видимо, парень бывалый, кореец, добавил:

— Мы за тобой, Артем, неделю ходим, видим — без дела пропадешь. Не рви себе душу, поднимешься еще, не тот ты человек, чтобы согнуться при неудаче, хотя и кинули тебя, говорят, прилично, тысяч на триста.

— Все вложил в дело до копейки, только обновил зал, думал, до старости обеспечил себя и детей куском хлеба. — Парсегына от волнения аж затрясло, он никак не мог смириться с тем, что произошло.

Кореец ловко достал откуда-то из-за спины бутылку коньяка и сказал:

— Если согласен, распиваем бутылку за удачу и расходимся. Два дня не пить, привести себя в форму, сауна, бассейн... А мы за это время уточним детали и заедем за тобой перед самой операцией. Ну, как?

Беспалый, оглядев еще раз незнакомых молодых людей, согласно кивнул.

Два дня Парсегян готовился к операции, привел в порядок машину, достал инструмент, к которому уже давно не прикасался, трижды посетил сауну на Лабзаке и за все это время не выпил ни капли спиртного, дома наконец-то вздохнули свободно. Он поверил в то, что поднимется, и если операция окажется удачной, он попросит Артура Александровича еще раз помочь с автоматами и снова откроет свой салон, но теперь-то он примет все меры безопасности и, прежде всего, застрахует имущество, как предлагали ему уже не однажды. Так, в хлопотах, волнениях, прошли дни, и вечером в условленное время у калитки раздался звонок.

Точность подельщиков обрадовала Беспалого, он терпеть не мог безалаберных людей. Выведя машину из гаража, он хотел отлучиться за инструментом, хранившимся в домашней мастерской, но старший, назвавшийся при встрече Варламом, сказал:

— Не нужно. Сегодня инструмент не понадобится. — И ввел его в курс дела.

Оказывается, новая подружка Олега, подельщика-корейца, Настя, тоже кореянка, работающая в универсаме, попала в контрольной покупке какому-то обэхаэснику, и тот заставил ее вступить в любовную связь, и вынужденный роман продолжался уже полгода. Так вот, Настенька, у которой сегодня роман и с Олегом, как-то призналась, какой у нее богатый поклонник, какие он делает ей подарки и какие ценности, какие суммы держит в доме. Все это Настенька сказала без умысла, ибо не знала основного рода деятельности Олега, представившегося ей рядовым инженером.

Варлам сказал, что они навели подробные справки о состоятельном ухажере, и тот действительно оказался весьма богатым человеком, пользуясь покровительством свыше, хапал отовсюду не таясь. Узнали, что тот и машины, и видеомagni-тофоны меняет чуть ли не каждые полгода. В общем, объект представлял интерес. На днях он похвалился Настеньке, что скоро будет катать ее на вишневом «вольво», и даже назвал сумму сто двадцать пять тысяч, за которую ему должны пригнать из Москвы шведскую машину экстра-класса. Машину он ждал со дня на день, а значит, деньги держал где-то дома.

Для налета представлялся подходящий случай: жена обэхаэсника находилась в туристической поездке по Индии, и сегодня у него дома свидание с Настей. Но Настя должна уйти от него не позже двадцати двух часов, потому что последней электричкой в двадцать три часа уезжала к родителям в Янгиюль, а значит, после ухода любовницы он должен был остаться дома один.

Беспалый понял, что, если человек намерен купить за сто двадцать пять тысяч машину, значит, там есть чем поживиться, но на всякий случай спросил:

— А как мы войдем в дом? У вас есть план?

Варлам, довольный тем, что вызвал интерес Беспалого, сказал с гордостью:

— Все предусмотрели, Артем, мы за ним две недели догляд ведем, изучили все его привычки. Он уже так придушил торговлю, что ему все на дом возят, и, как мы заметили, не сами директора, завмаги, а кто придется, вплоть до грузчиков. Мы тоже не поскупились, собрали ему коробку деликатесов, с нею и пойду к нему, я видел не раз, как это происходило.

— А если он надумает провожать любвеобильную Настю, а потом закатится еще куда-нибудь? — спросил Парсегян.

— Не должен. Провожать он никого не провожает, я ведь сказал, что уже давно ведем за ним наблюдение, у него таких, как Настенька, много, дальше калитки не провожал ни одну. В махалле его хорошо знают, зачем ему приключения?

— Резонно, — согласился Беспалый, и они поехали в старый город. Время подпирало, через полчаса Настенька должна была покинуть дом донжуана из ОБХСС.

Когда въехали на Кукчу, Беспалый обратил внимание на безлюдие махалли и настороженно спросил:

— Варлам, что может означать такая тишина кругом, куда народ подевался?

Варлам, глянув на часы, сказал:

— Через десять минут кончается программа «Время» и по местному телевидению выступит духовный наставник мусульман Средней Азии и Казахстана с какой-то важной проповедью, все сидят у телевизоров.

— Такое безлюдье в нашем квартале я видел только однажды, когда показывали «Спрут» с комиссаром Каттани.

— Слышали мы про этот фильм, да увидеть не удалось. Мы ведь только по «горбачевской» амнистии освободились, — сказал с сожалением Варлам.

И в этот момент Олег прервал его:

— А вот и Настенька с нашим клиентом появилась.

С того места, что указал Варлам для стоянки машины, хорошо просматривались ворота с высоким железобетонным забором; сейчас возле них застыли две фигуры, одна тоненькая, изящная, в ней Олег без труда узнал Настеньку, и вторая мужская, которой обрадовался Варлам.

— Итак, повторяю план операции, — сказал Варлам. — Как только хозяин войдет в дом, я вновь позвоню, он вернется обязательно, подумает на первых порах, может, Настенька что-нибудь забыла. Прежде чем открыть калитку, он включит свет у ворот и глянет в глазок, по нашим наблюдениям, он так поступает каждый раз. Увидев меня с привычной коробкой, он даст возможность внести ее в дом, он не любит себя утруждать, это тоже проверено, не брал в руки коробки и меньших размеров, но мы на всякий случай взяли самую большую. Пока мы

войдем в дом, ты, Артем, должен вбежать во двор и затаиться за углом веранды. Как только он пойдет провожать меня до ворот, ты спокойно войдешь в дом и встретишь его с наведенным пистолетом, а я через минуту вернусь тебе на подмогу. Олег страхует нас с улицы.

Они молча слушали Варлама, не сводя глаз с калитки, вдруг женская фигурка отделилась от мужской, и в тупике зацокали по асфальту каблучки Настеньки, и тут же скрипнула запираемая на ночь глухая железная калитка.

— Пора, — сказал Варлам, и они втроем вышли из машины.

Через пять минут под дулом пистолета Парсегына хозяин дома нехотя доставал из потаенных углов деньги, драгоценности, а Варлам все это складывал в спортивную сумку, судя по всему, до главных трофеев было еще далеко. Беспалый, внимательно следивший за действиями обэхаэсника, вдруг почувствовал какое-то смутное беспокойство, лицо хозяина дома ему показалось знакомым, но как он ни силился вспомнить, когда, где они виделись, — не мог. Месяц беспробудной пьянки сказывался.

Заметив тревогу на лице Беспалого, Варлам спросил потихоньку:

— Что случилось?

И Беспалый сказал, что он откуда-то знает этого человека, но никак не может припомнить.

Варлам ответил жестко:

— Вспоминай скорее, иначе тебе придется его пристрелить, ты человек в городе известный.

С первых минут ограбления майору Кудратову тоже показалось знакомым лицо бандита с пистолетом, ему почудилось, что он даже видел его когда-то со своим покровителем Сухробом Ахмедовичем, но эту вероятность он отбросил сразу, что могло быть общего между уголовником и ответственным работником ЦК? Заметил Кудратов и неожиданное волнение человека с пистолетом, насторожило его и то, что они стали о чем-то шептаться. И вдруг он почувствовал, что и нападавший откуда-то знает его, и оттого такая минутная растерянность у них. Мысль хозяина дома работала лихорадочно, если он правильно понял ситуацию, живым они его не оставят.

Если еще минуту назад он жалел лишь о деньгах, то теперь встал вопрос о жизни, и реальная опасность заставила Кудратова взять себя в руки. Когда через полчаса хозяин дома, отдав изрядную часть богатств, сказал: «Все», то тут же получил от молодого с сумкой в руках такой удар ногой в челюсть, что потерял сознание. Когда он очнулся, тот, что постарше, спрятав пистолет за пазуху, подносил к его лицу тампон с нашатырным спиртом из его домашней аптечки. А молодой, склонившись над ним, сказал:

— Ты, падла, собирался купить «вольво» за сто двадцать пять тысяч, а от нас хочешь отделаться какой-то жалкой тридцаткой, не выйдет! Сейчас свяжем руки-ноги и поставим утюг на животик, живо вспомнишь об остальных деньгах.

И в эту минуту хозяин дома почувствовал, что тот, что постарше, с нашатырным тампоном в руках, пристально вглядывавшийся в него, кажется, вспомнил его, и оттого необычайной бледностью покрылось смуглое, в оспинках, лицо бандита. Кудратов понял, что в эту секунду он оказался приговоренным к смерти.

А тот, что помоложе, все твердил о деньгах, о ста двадцати пяти тысячах. И тут до майора дошло, что в страхе он действительно забыл о деньгах, отложенных на «вольво», и на радостях готов был расцеловать молодого за напоминание о покупке шведской машины. Дело в том, что там, в спальне, в прикроватной тумбочке, где он держал деньги, находился и пистолет, которым он редко пользовался. Нужно было как-то усыпить бдительность рэкетиоров, внушить им, что сломался окончательно, и поэтому он попытался двинуться к окну, но тотчас был свален на пол подножкой старшего. Ему тут же связали руки-ноги, отыскав в доме утюг и задрав рубашку, поставили на живот, и молодой, поведив перед глазами Кудратова штепселем, включил его в розетку. Как только стало припекать, он попытался скинуть утюг с себя, но старший со зловещей ухмылкой прижал его двумя руками к животу, и тогда он закричал:

— Отдам! Все отдам!

Беспалый тут же торопливо отдернул утюг в сторону.

Хозяин дома попросил пить, и ему услужливо подали бутылку минеральной воды из его же холодильника. Попив,

Кудратов обреченно пригласил грабителей в спальную комнату.

Спальня у него оказалась небольшой, впритык к стенкам заставленная белым югославским гарнитуром «Людовик», и незваные гости невольно задержались на пороге, когда майор бочком двинулся вдоль роскошной кровати к маленькой изящной тумбочке. Открыв ключиком дверцу, хозяин дома с ошалелым криком: «Берите! Забирайте, гады, все!» — стал швырять в ночных грабителей пачки денег в банковских упаковках.

Налетчики, понимая, что с человеком происходит истерика, столь обычная в подобной ситуации, стали молча в четыре руки складывать деньги в сумку Варлама и не заметили, как вместо очередной пачки двадцатипятирублевки в руках у хозяина дома оказался пистолет, и молодой кулем свалился прямо на просторную белую кровать, а майор уже командовал Беспалому достать из-за пазухи пистолет и бросить его на ковер. Парсегану ничего не оставалось, как выполнить приказ, ибо обезумевший от страха хозяин дома выстрелил бы и в него не задумываясь. Потом майор заставил Беспалого поднять руки и, выведя его в коридор, запер в хозяйственной кладовке. Не выпуская пистолета из рук, он закрыл входную дверь, достал из холодильника бутылку водки и, налив стакан до краев, выпил его залпом.

Надо было что-то предпринимать, и как можно скорее, на улице у грабителей могли быть помощники. Он хотел вызвать милицию, но в самый последний момент, уже держа трубку в руках, передумал. Ему вдруг показалось, что этого мужчину, запертого сейчас в кладовке, он видел не раз вместе с милицией, а то и в милицейской форме. А в том, что на его дом могли навести коллеги из милиции, он ни на минуту не сомневался. Может, позвонить Сухробу Ахмедовичу, у того есть товарищ Артур Александрович, а при нем целый взвод телохранителей, вот они, конечно, могли выручить, подумал Кудратов, но этот путь показался ему долгим и неудобным.

И он вдруг вспомнил про полковника Джураева из уголовного розыска, этого-то уж никто не мог заподозрить в связях с преступным миром, и этот, судя по тому, что он слышал о нем, не оставит его в беде. Несмотря на позднее время, он набрал номер служебного телефона полковника, и, на его счастье,

на другом конце провода тотчас подняли трубку. Выслушав сбивчивый рассказ майора ОБХСС, полковник Джураев сказал:

— Вам повезло, через пять минут мы собирались выезжать на операцию, но сейчас мы будем у вас, это как раз по пути. Пожалуйста, выключите в доме свет и избегайте оконных проемов. Наверняка на улице у них находятся сообщники, и они могут предпринять попытку штурмовать дом, будьте начеку.

Минут через двадцать в махалле раздался вой сирен милицейских машин, и во двор Кудратова вбежали розыскники полковника Джураева.

Сенатор начинал рабочий день всегда со знакомства с милицейской сводкой за прошедшие сутки. Происшествий в последнее время было так много, что сводка печаталась на пяти-шести страницах убористым шрифтом. Большинство ЧП, случившихся днем, он уже знал, и его больше интересовало, как прошла ночь в Ташкенте. Среди ночных преступлений ему бросилась в глаза знакомая фамилия — Кудратов. И он стал читать это сообщение внимательнее.

Узнав о налете на дом самоуверенного красавчика из ОБХСС, он вначале улыбнулся, представив того один на один с рэкетирами, но улыбка быстро сбежала с лица, когда он прочитал о происшествии до конца, ибо дальше тоже следовала знакомая фамилия, и она-то заставила его потянуться к капсуле с валидолом, к сердечным он стал прибегать недавно, после размовки с прокурором Камаловым. Читать сводку до конца он уже не мог, фамилия Парсегян отбила охоту.

— Ах, Артем, ах, Беспалый, что же ты наделал, — вырвалось вслух у Сенатора, и он, обеспокоенный, стал вышагивать по просторному кабинету. А беспокоиться было от чего, в сводке значилось, что задержание рэкетиров провел полковник Джураев, а начальник уголовного розыска в последнее время подозрительно часто общался с прокурором Камаловым, может, они давно сели на хвост Беспалому и знают о его старых связях с Парсегяном?

Вопросы, один неприятнее другого, стали возникать в сознании хозяина кабинета. Но какие бы вопросы он себе ни задавал, ответ напрашивался один: следовало что-то предпринять, пока Беспалый не попал в поле зрения прокурора Камалова.

В какое-то мгновение Сенатор рванулся звонить Шубарину, но в последний момент передумал, ибо пришлось бы объяснять

ему, почему его так волнует арест бывшего уголовника Артема Парсегыана. Тут следовало действовать самому, и немедленно, ибо Беспалый был единственным человеком, знавшим об убийстве охранника во дворе республиканской Прокуратуры. А может, он догадывался и о неожиданной смерти Кощея? Знал ли он об одном убийстве или о двух, сейчас это уже не имело принципиального значения, следовало как-нибудь вытащить Парсегыана из неволи, или нейтрализовать каким-то образом, или...

Часа два он строил планы по спасению Парсегыана, но ни один вариант его не устраивал. Вот если бы задержание провел не полковник Джураев, тогда бы другое дело, он бы вытащил Беспалого без труда. Заставил бы Кудратова забрать свое заявление, сочинили что-нибудь, связанное с грандиозной пьянкой и ссорой на этой почве, в общем, замяли бы дело. О том, что время работает не на него, Сенатор догадывался, поэтому он решил для начала встретиться с Беспалым.

Начальник следственного изолятора, куда доставили Парсегыана, был знаком ему, и он отправился туда, возможно, сам задержанный подскажет какой-то ход к его спасению.

Свидание с Беспалым он получил без особых хлопот, объяснил, что цель у него одна — попытаться узнать у Парсегыана, кто был наводчиком, ибо это уже третье за неделю ограбление работников милиции.

Артем опешил, когда, войдя в комнату для допросов, увидел... Сенатора. Как только конвойный оставил их наедине, Беспалый сказал с нескрываемым подтекстом:

— Я очень на тебя рассчитываю, Сухроб...

Прокурор сделал вид, что не понял скрытой угрозы, шантажа и ответил:

— Я своих друзей в беде не бросаю, оттого и здесь. — Но тут же добавил с укоризной: — Зачем все это нужно было тебе? Да еще грабить моих друзей... я бы еще сто тысяч занял...

И только тут владелец игровых автоматов вспомнил, что видел обэхаэсника не раз вместе с гостем, но это теперь ничего не меняло. После затянувшейся паузы визитер, в общем-то, не знавший, что и посоветовать Беспалому, сказал:

— Вся беда в том, что тебя взял полковник Джураев, и отыграть назад почти невозможно, ты же знаешь, что он

за человек. Не нужна скандальная история и моему другу Кудратову, вот на этом и постараемся сыграть, но ты в любом случае держи язык за зубами, не очень афишируй связи. Если не поможем сейчас, вытащим из тюрьмы, ты ведь знаешь, что Салим в Верховном суде не последний человек...

Артем тоскливо посмотрел на Сенатора и произнес:

— Правильно говорят — беда не приходит одна, разве я пошел бы на это, если бы меня самого не грабанули... В тюрьму в моем возрасте с моими больными ногами — последнее дело... Ты уж постарайся, Сухроб, я ведь тебя никогда не подводил...

Сенатор встал, показывая тем, что разговор окончен. Он не жалел о своем рискованном визите, выяснил, что на Беспалого особенно рассчитывать не следует.

Парсегян, не ожидавший, что аудиенция так быстро закончится, торопливо сказал:

— Ты бы хоть закурить дал...

— Извини, совсем забыл, завтра я завезу тебе блок хороших сигарет, а сейчас у меня какие-то остатки. — И он достал из кармана мятую пачку «Кента» и, не глядя, сколько осталось, протянул ее Артему.

— Всего две, — сказал разочарованно Беспалый.

— Потерпи, я же сказал, что завтра завезу, — ответил Сенатор и поспешил к двери.

Вернувшись в переполненную камеру, Беспалый стал обдумывать неожиданный визит Сенатора и решил, что тот поспешил на встречу, заботясь прежде всего о своей шкуре, боясь, чтобы он не сболтнул лишнего. Вот за это «лишнее», видимо, и следовало держаться, иначе загремишь далеко и надолго, как выражается тут молодняк.

Возвращая в памяти встречу, Беспалый отметил какую-то неискренность, фальшивость в облике человека из ЦК, хотя, если подумать, тому было от чего нервничать и потерять естественность поведения. Но все же Беспалый ощущал от встречи не радость, а тревогу, а он, как и многие, полагался в жизни на интуицию. От тревожных дум ему захотелось закурить, и он вспомнил о сигаретах, что оставил ему Сенатор.

Он уже достал пачку, как что-то остановило, перед мысленным взором возникли бегающие глаза его покровителя: «Завтра я привезу тебе блок...» И сейчас торопливый уход Сенатора

показался Парсегяну бегством, хотя, казалось, кто бы посмел торопить такого большого человека...

«Отравил, наверное, отравил», — думал Артем, не решаясь достать спички, хотя курить хотел страшно.

Лежавший на верхних нарах крепкий парень, задержанный, как и он, за вооруженное ограбление, увидев серебристую пачку «Кента», жадно поглядывал на нее, будь она у любого другого, он уже отобрал бы, но Беспалый, хотя и вел себя тихо, по рангу был самый «авторитетный» человек в камере. И вдруг Беспалый сделал неожиданный для себя жест, бросив пачку наверх, сказал:

— Если хочешь, поменяй на «Космос», я не люблю американские.

Тот, поймав пачку на лету, быстро глянув в нее, подал вниз три сигаретки и спросил:

— Хватит?

— Вполне, — ответил Парсегян и с удовольствием закурил.

Всю ночь Беспалый не мог сомкнуть глаз, он маялся от навязчивой идеи — отравил или не отравил Сенатор сигареты? Он даже поднялся среди ночи и, разбудив соседа, попросил у него закурить, пообещав днем вернуть американскими. После этого у него немного успокоились нервы, и перед самым рассветом он заснул тяжелым сном.

Проснулся он в камере одним из последних, беспокойный рванный сон заставил на время забыть о вчерашней истории, но как только взгляд его упал на верхний ярус нар, где, отвернувшись, лицом к стене лежал любитель американских сигарет, он тут же вспомнил о Сенаторе, который должен был сегодня объявиться вновь. Если, конечно... «Если» и подтолкнуло Беспалого разбудить соседа. Едва он дотронулся до него, как понял, что тот мертв.

Он с трудом сдержал в себе крик, но ужас так стремительно распирает его, что он, словно обезумев, растолкал сокамерников, кинулся к двери и стал барабанить в нее руками и ногами, при этом он кричал на весь следственный изолятор: «Требую прокурора! Немедленно доставьте меня к прокурору!»

В камере решили, что тихий мужик сошел с ума. На шум сбежалась администрация, поначалу они попытались силовыми приемами заставить замолчать Беспалого, но это не удалось,

Парсегян обладал недюжинной силой. Раскидывая пытавшихся утихомирить его людей, он продолжал требовать встречи с прокурором.

Из соседних отделений поспешили на помощь, и Артема поволокли в одиночную камеру в конце длинного коридора. Но и там он не уgomонился, продолжал стучать изо всех сил в дверь и требовал прокурора. В конце концов кто-то из дежурных офицеров догадался спросить арестанта — зачем ему прокурор и с кем конкретно он настаивает на встрече. Беспалый ответил, что он требует встречи только с прокурором Камаловым и что он намерен сделать сообщение государственной важности. Вызвали психиатра, на всякий случай, и врач, побыв наедине с арестантом минут десять, заверил администрацию, что тот в полном здравии.

Когда Камалову сообщили, что арестованный вчера за вооруженный разбой некий Артем Парсегян, бывший владелец салона игровых автоматов, настаивает на немедленной встрече с ним, он сразу подумал: «А не связан ли этот человек с тем странным и тревожным анонимным письмом, что получил он в прошлом месяце?» Поэтому он без промедления и раздумий выехал в следственный изолятор.

С первой минуты встречи Парсегян просил Камалова немедленно перевести его в другое место и чтобы местонахождение держалось в тайне от Сухроба Ахмедовича Акрамходжаева, заведующего Отделом административных органов ЦК, который, по словам Беспалого, при первой возможности постарается отправить его снова на тот свет. Арестованный настолько был возбужден, испуган и нес такие невероятные вещи, что прокурор уже собирался вызвать психиатра, но Парсегян, словно прочитав его мысли, сказал:

— Вы, наверное, думаете, что я сумасшедший и возвожу напраслину на уважаемых людей, но вы должны мне поверить, вчера в первой половине дня он был здесь, уговаривал меня держать язык за зубами и, прощаясь, оставил две сигареты «Кент». Хорошо зная Сенатора, у него в уголовном мире такая кликуха, я подумал, что он мог отравить их, и поэтому от страха отдал курево соседу, и он уже мертв.

Вот тут-то прокурор Камалов окончательно уверился, что говорит с сумасшедшим, потому что о смерти сокамерника

Парсегына никто ему не докладывал, но Беспалый отчаянно просил проверить его утверждения. Чтобы прекратить бесполезный разговор, прокурор выглянул в коридор и попросил дежурного офицера проверить сказанное Парсегыном.

Через две минуты офицер без стука влетел в комнату и испуганно доложил, что Снегирев, 1960 года рождения, задержанный за вооруженный разбой, мертв.

С этой минуты у них начался другой разговор, и длился он больше двух часов.

Наконец-то выяснилось, почему умирающий охранник из Прокуратуры республики настойчиво твердил: «Сухроб... Сухроб». Понял Камалов, откуда начался стремительный взлет районного прокурора и почему тот был огорчен арестом хана Акмаля.

Того, что рассказал арестованный, по кличке Беспалый, хватило, чтобы взять Акрамходжаева под стражу, но Парсегян встречался с ним лишь эпизодически, и в жизни Сенатора оставалось еще много белых пятен. Например, Беспалый ничего не мог сказать о прослушивании телефонов в Прокуратуре республики и о смерти молодого турка по имени Айдын, читающего по губам.

Но, несомненно, Парсегян стал бесценным свидетелем против такого изощренного и коварного противника, каким оказался Сенатор. Прокурор даже отметил про себя, что он, наверное, будет самым опасным оборотнем, попавшим ему в капкан. Понятным оказался и страх Парсегына, конечно, человек из ЦК приложит все усилия, чтобы убрать единственного свидетеля своей тайной жизни. Оставлять здесь Беспалого было рискованно, и прокурор, связавшись с генералом Саматовым, перевез задержанного в следственный изолятор КГБ.

Как бы ни испугался Парсегян, он ни слова не сказал о Салиме Хасановиче из Верховного суда, приберег его на всякий случай. Если арестуют Сенатора, как предполагал Беспалый, Салим поймет, что он его не сдал. Ход был дальний, но верный. Сенатор за убийство во дворе Прокуратуры получит вышку, а он за ограбление — от силы десятку, вот тогда Салим и сгодится.

Вернувшись к себе в Прокуратуру, Камалов пожалел об одном — что встреча с Парсегыном ничего не прояснила

с анонимным письмом, а он на это очень рассчитывал и по ходу беседы пытался узнать кое-что, но оказалось, что Парсегиан среди деловых людей был мелкой сошкой и ценился прежде всего за свое уголовное прошлое. А письмо не шло у него из головы.

Для Камалова сразу стало ясным, что писал его русский человек, и не молодой уже, ибо слова «отечество», «держава» в таком контексте, как они подавались в письме, живут чаще всего в русской душе, в этом его не переубедил бы никто, не зря же он столько лет прожил в Москве, в России. Не сомневался он и в правдивости информации, две выборочные проверки, что сделал он тут же, подтверждали искренность автора. Но вот что крылось за письмом — искренняя боль за Отечество, державу, или возможность руками государственного аппарата устранить своих конкурентов?

Если первое, то следовало попытаться найти этого человека, его знаниям, жизненному опыту, связям не было цены, он один стоил многих людей, занятых в органах правопорядка, впрочем, многие и не могли знать тайн экономической диверсии против страны, такими знаниями обладают единицы, они и определяют финансовую стратегию. Конечно, автор анонимного послания и был одним из стратегов делового мира и оттого знал многое из настоящего и даже будущего. Вот если бы знать истинные мотивы его поступка?

Но даже если автор письма и ставил перед собой иную задачу, все равно анонимному посланию, как и неожиданному свидетелю Парсегиану, цены не было. Благодаря этой информации Камалов не только устранял попытки экономической диверсии, но давал знать преступному миру, что он в курсе дел, Прокуратура владеет ситуацией и что время безнаказанного грабежа страны кончилось. Но, кроме сиюминутной выгоды, имелась и другая сторона, долгосрочная, что ли: из-за этой дерзкой анонимки он несколько иначе взглянул на работу Прокуратуры и правовых органов и убедился лишним раз, что они по-прежнему тащатся в хвосте событий, уступая право первого удара преступному миру, ни о каком упреждении противозаконных акций не было и речи. Оттого, получив пакет, он сам снял копию на ксероксе и тут же переправил письмо в Москву, не только потому, что там указывались конкретные

адреса в столице, а, прежде всего, чтобы показать изощренность и размах противозаконных финансовых операций и навести Генеральную прокуратуру и КГБ на мысль, что сегодняшние методы борьбы с экономической преступностью не имеют ни малейших шансов на успех.

Как утверждал анонимный автор, экономические интересы страны ныне нужно защищать, как государственные тайны и секреты, иначе усилия любого правительства, пытающегося вывести государство из кризиса, окажутся напрасными. Камалов понял, что сегодня позарез нужны эксперты высокого класса, знающие банковское дело, нужны эксперты по экономике, по финансам, причем специалисты должны быть и явные, и тайные, иначе победа, и в скором времени, навсегда будет за мафией. Уж ее-то эксперты ошибочных рецептов не дают, они мобильны, высокооплачиваемы, и их решения моментально, без проволочек проводятся в жизнь. Держать под контролем квалифицированных специалистов, работу банков и финансовых учреждений — значит упреждать события, а не собирать в лучшем случае по крохам уплывшие на сторону народные деньги.

Ознакомившись с преступностью в крае, Камалов понял, что в борьбе с уголовным элементом традиционные методы уже малоэффективны, ибо хорошо изучены противником. И тут следовало действовать по-новому, внедрять в криминогенную среду своих талантливых «Штирлицев», без знания проблемы изнутри победа над преступным миром невозможна. А то, что воровской мир давно утвердился в коридорах власти, подтверждал пример Сенатора, по словам Парсегыяна, тот даже мечтал возглавить руководство республики.

Сейчас, пока Камалов ждал телефонного звонка начальника отдела по борьбе с организованной преступностью, в следственном изоляторе КГБ следователи Прокуратуры старались закрепить показания важного свидетеля. Камалов понимал — Сенатора нужно арестовать как можно скорее, пока он не узнал, что Беспалый остался жив и надежно упрятан. Но арестовать Сенатора так же трудно, как и хана Акмаля, по сложившейся традиции следовало поставить в известность руководителей республики, и вряд ли кто гарантировал бы в таком случае тайну. Камалову не хотелось упускать Сенатора, он представлял угрозу и на нелегальном положении.

А обстановка в республике складывалась не в пользу перестройки, он-то хорошо знал, как беспокойно по всей Ферганской долине, то тут, то там неожиданно взвивалось зеленое знамя ислама, то появлялись вдруг во множестве листовки: «Узбекистан — узбекам!», «Русские, убирайтесь в Россию!» А иным должностным лицам приходили письма с угрозами, и обо всем этом знали и в Прокуратуре, и в ЦК.

Шел четвертый год перестройки, а обещанных благ, повышения жизненного уровня не ощущалось и в обозримом будущем не предвиделось. Пропали товары первой необходимости, резко выросли цены на продукты питания. За хлопок платили гроши, и по-прежнему он оставался монокультурой, обрекал на голодное существование богатый край. Как тут не зреть недовольству?! И такие люди, как Сенатор, чтобы спасти свою шкуру, могли поднести спичку к пороховой бочке народного гнева.

Прокурор знал, что хан Акмаль в Москве умело затягивал следствие, пытался торговаться за жизнь и до сих пор не выдал своих богатств, а если между ним и Сенатором был какой-то сговор, не оставил ли он его своим преемником в крае, и не у него ли хранятся награбленные астрономические суммы? Вот такой неожиданный виток мыслей закрутился вдруг у прокурора Камалова.

И в это время раздался звонок.

— Завтра Сенатор проводит совещание в Самарканде, и у него на руках авиабилет на первый рейс.

— Прекрасно, нам лучше взять его на выезде, меньше шума будет.

Арест Акрамходжаева вызвал в республике широкий резонанс, хотя тут, кажется, уже привыкли ко всяким неожиданностям. Конечно, сыграла роль и его известность, люди помнили нашумевшие статьи по правовым вопросам, в последние годы его имя в крае было на слуху.

В тот же день, когда в Самарканде защелкнулись наручники на запястьях Сенатора и прямым авиарейсом его отправили в Москву, Сабир-бобо уже знал об аресте человека, которому они с ханом Акмалем вручили свою судьбу и пять миллионов денег. Не зря же аксайский Крез говорил Сухробу Ахмедовичу: «Вы постоянно будете находиться под присмотром наших

людей», и хотя задержание проводилось тайно и без особого шума, оно тут же стало известно в Аксае.

Сабир-бобо прекрасно понимал, что в аресте хана Акмаля виноват лишь один человек — прокурор Камалов, вот он-то и спутал все их карты. Зная ситуацию в крае, Сабир-бобо решил попортить настроение прокурору, чтобы не очень обольщался своей победой. Он сам набросал текст листовки, где сообщалось об аресте Сухроба Ахмедовича Акрамходжаева, подавал он это как произвол над местной интеллигенцией ставленниками Москвы и просил народ встать на защиту видного юриста. Листовки тайно отпечатали в типографиях Намангана, а гонцы развезли их по всем областям республики.

Сенатора определили в Москве в тюрьму под романтическим названием «Матросская тишина». Нового человека с воли встретили в камере радушно, многие его здесь знали, а те, кто не знали, слышали о нем, читали статьи. Он, конечно, ведал, что вести с воли в тюрьму стекаются с невероятной быстротой, но знание обстановки в республике постоянльцами «Матросской тишины» потрясло его. Порою казалось, что они сидят в чайхане на Бадамзаре и обсуждают прошедший вчера пленум.

Слухи слухами, но сокамерники все-таки жадно ловили слова доктора юридических наук, им нужно было получить подтверждение своим выводам, планам, мечтам. И, четко уловив их настроение, он старался укрепить их дух, ибо развал уголовного дела каждого из них, в конце концов, шел ему только на пользу, хотя и тут, в общей, казалось бы, беде, он ни с кем из них не хотел объединяться, солидаризироваться, он был, как всегда, сам по себе.

У него спрашивали: неужели новые политические силы в крае столь сильны, что может произойти отделение Узбекистана от Союза? Он, не задумываясь, отвечал: да, при определенных обстоятельствах это может случиться, и с обычным своим коварством добавлял: в таком случае для нас, граждан Узбекистана, российский суд не будет указом, и мы вернемся домой. Конечно, такой расклад устраивал казнокрадов, и они с восторгом внимали каждому слову человека с воли.

У него спрашивали: а как народ воспринимает судебные процессы, где мы все как один отказываемся от своих прежних

показаний и утверждаем, что оговорили себя под нажимом следователей? И опять он им отвечал словами хана Акмаля: народу сумели внушить, что вы пострадали за него, за его благо, пусть незаконным путем, но хотели получить справедливую цену за хлопок. Сегодня везде и во всем винят центр, вы ведь читаете газеты, это должно стать и нашей тактикой, — так заканчивал новый арестант свои беседы.

С первого дня Сенатор пытался навести справки о хане Акмале, но никто с ним не сталкивался, даже старожилы тюрьмы — аксайский Крез содержался отдельно. Конечно, сокамерники допытывались у новичка, за что же арестовали его, и тут он блефовал напропалую, намекал, что за идейные разногласия, хотя и узнал перед самым отлетом в Самарканд, что Беспалый остался жив. Когда Камалов лично защелкнул на запястьях наручники, Сенатор понял, что его жизнь зависит от жизни Беспалого, да и от жизни Камалова тоже. Случись что с настырным прокурором, Парсегян мог бы отказаться от своих прежних показаний, он ведь газеты читает и знает, как проходят нынче в нашем демократическом обществе суды. Впрочем, гораздо надежнее было бы убрать самого Парсегыана, и опять Камалов остался бы с носом. И тут он пожалел, что Салим Хасанович даже не догадывается, что его судьба находится в руках у Парсегыана. Теперь для него самым главным представлялось одно — дать знать о себе Хашимову, или, точнее, — дать команду действовать решительно, идти ва-банк. Прокурор Камалов на этот раз переиграл их, но Сенатор считал, что он еще не сказал последнего слова, располагая пятью миллионами, он мог побороться за жизнь, силу денег он знал.

И тут ему подвернулась удача: освобождали из-под стражи одного ташкентского чиновника, человека этого Сенатор не любил и даже не очень доверял ему, но другого варианта не представлялось, и он рискнул. Отведя того на прогулке в сторону, он сказал жестко:

— Первое, что вы сделаете, вернувшись в Ташкент, зайдете пообедать в ресторан «Лидо» и, передав от меня привет хозяйке заведения, попросите, чтобы она свела вас с Салимом Хасановичем. Ему вы должны сказать следующее: «Подозревать Москвича и любителя игровых автоматов в моем оговоре нет оснований». Пожалуйста, запомните эти слова, я не хотел бы,

чтобы из-за меня косились на невинных людей. А с врагами я сам разберусь, если душа чиста, никакой суд не страшен.

И в глазах освобождавшегося он утвердился еще раз как благородный и справедливый человек, хотя на условленном жаргоне послание означало: убрать во что бы то ни стало, любой ценой, прокурора Камалова и взломщика Артема Парсегыяна.

После неожиданного ареста Сенатора события покатались столь стремительно, что порою, казалось, они вырвались из-под контроля, но это на взгляд непосвященного, ситуацию держали в руках и прокурор Камалов, и друг Сенатора Хашимов из Верховного суда, не остался в стороне и Сабир-бобо. Просто приближалась развязка многих событий, и, как всегда, не обошлось и без его величества случая.

По стечению обстоятельств в те же дни на стол Камалову попали и документы, о которых когда-то упомянули тайно в Прокуратуре СССР, и судьба первого секретаря ЦК была решена. Странно, но взятие под стражу преемника Рашидова вызвало куда меньший резонанс, чем арест Сенатора.

Бывший узник «Матросской тишины» выполнил просьбу Сенатора, встретился с человеком из Верховного суда и слово в слово передал послание из Москвы. Хашимов уже знал об аресте Беспалого, но никак не мог взять в толк — почему так опасен Парсегян его другу. С Камаловым, конечно, ясно, того следовало убрать уже давно. Но просьба шефа означала приказ, в ней крылся ультиматум, значит, Беспалый знал что-то такое, что грозило жизни его другу и однокашнику. Любой ценой — означало, что он мог заплатить за эти две жизни огромные деньги, Сенатор оценивал себя круто.

Ну, с Беспалым, как думал Салим Хасанович, проблем особых не должно было возникнуть, стоило передать в воровской «общак» или ментам тысяч сто, его удавили бы в камере в тот же день, старый и испытанный прием.

Но в те напряженные дни случилось событие, опять же затронувшее всех: прокурора Камалова, Сенатора, его друга Миршаба, и даже Сабира-бобо, духовного наставника хана Акмаля.

В поселке Кувасай вспыхнул конфликт между турками-месхетинцами и местным населением, скандал,

начавшийся на базаре, перерос в межнациональные столкновения во всей Ферганской долине. Заполыхали огни пожарищ, полилась людская кровь в старинном Коканде и Маргилане.

Прокурор Камалов, поднятый среди ночи звонком из Кремля, не дожидаясь рассвета, на специальном самолете отбыл в Ферганскую долину, куда уже стягивали войска МВД и милицию. В тот же день прокурор вместе с муфтием мусульман Средней Азии и Казахстана, прибывшим прямо из Москвы с сессии Верховного Совета, обратился по республиканскому телевидению к жителям региона с призывом к благоразумию и спокойствию.

В то время, когда прокурор республики выступал по телевизору, Салим Хасанович заканчивал инструктаж киллеров: Арифа и двух его сподручных, начиналась охота на Камалова. Они получили сто тысяч аванса и в ту же ночь через Чадакский перевал отправились на двух машинах в Фергану. В условиях чрезвычайного положения смерть Камалова не бросилась бы в глаза общественности и вряд ли бы кто догадался, что охотились за ним персонально.

Волнения в Ферганской долине оказались неожиданными даже для Сабира-бобо, он верил в долготерпение своих земляков, но, видимо, чаша терпения переполнилась, и он жалел лишь об одном — что эту обезумевшую от крови массу нельзя взять под свой контроль, но от мысли направить ее в определенное русло не отказался.

Сабир-бобо тоже слушал выступление по телевидению прокурора Камалова, внимал молитвам муфтия, но призывы к благоразумию понял по-своему, ибо, выключив телевизор, пригласил к себе Исмата, Ибрагима и Джалила, некогда отозвавшегося человека из ЦК к поезду Наманган — Ташкент.

— Настал час помочь нашему хозяину, дорогому Акмальхану, — начал он без восточных экивоков, — вы уже знаете, что творится в Фергане, Коканде, Маргилане, во всех кишлаках долины. Одно жаль, что страдают в резне мусульмане, но Аллах велик, наверное, простит нас за невинную кровь. Когда человек не может прокормить на родной земле своих детей, он с подозрительностью начинает оглядываться на соседей. Я не одобряю грабежей и насилия над турками — нашими единоверцами, суннитами, следует направить копившуюся годами ненависть

на разгром райкомов, судов, зданий милиции и Прокуратуры. Пусть власть почувствует силу народного гнева. У каждого из вас, как я знаю, в Фергане, в Коканде есть родня, друзья, а у Джалила жена — маргиланка, поэтому сегодня не мешкая выезжайте на трех машинах туда, пусть каждый выбирает себе маршрут по душе сам. Надо пустить слух, что только хан Акмаль может успокоить народ, пусть в требованиях масс чаще упоминается его имя, не жалеете на это денег, выбирайте в толпе самых горластых и нахрапистых. Пусть захватывают административные здания, не скупитесь и на водку, и на анашу, и, конечно, не забывайте о безопасности. Кормите-поите молодежь от пуза, денег на баранов не жалеете, от мяса кровь быстрее бежит. Действуйте смело, не бойтесь, вы не одни будете направлять людей против ненавистной власти, туда, как мне сообщили, много таких, как вы, выехало. Двадцатимиллионный Узбекистан — не Армения и не Прибалтика, мы — огромная сила. В одном месте долго не задерживаться, через день-два сбрейте усы, постригитесь наголо. Если пересекутся дороги, обменяйтесь машинами, возьмите с собой побольше фальшивых номеров, властям сейчас не до проверки документов, важно не засветиться. Думаю, учить вас не следует, будете действовать по обстановке, а сейчас получите деньги — и живо в дорогу, а я буду молиться за вашу жизнь.

Ариф с киллерами прибыл в Фергану на рассвете, он догадывался, что не сегодня-завтра будет введен комендантский час и тогда уже въехать в город с оружием без досмотра будет сложно, а он, как всегда, рассчитывал на свой восьмизарядный «Франчи» с оптическим прицелом.

Их уже ждали, хотя о цели визита никто не догадывался, наверное, думали, что приехали под шумок почистить банк или сберкассу. В уголовном мире лишних вопросов не задают, от чужих тайн жизнь становится короче — эту истину преступники усваивают рано. Ариф догадывался, что опорным пунктом прокурора в Фергане могут стать только два здания — областное управление милиции или Прокуратура. Здесь он наверняка будет проводить экстренные совещания, летучки, заседания штаба по ликвидации стихийных беспорядков. Поэтому, отдохнув, на мотоцикле хозяина дома отправился в одиночку по этим адресам.

Оба здания находились неподалеку, на одной улице, когда Ариф подъехал к областной Прокуратуре, от нее как раз отъезжала «Волга» с известным ему ташкентским номером, рядом с водителем сидел прокурор Камалов, судя по тому, как он был одет, оружия при нем не было. Около двух часов Ариф пробыл возле Прокуратуры, пользуясь мощным цейссовским биноклем, быстро выяснил, где находится кабинет областного прокурора, где расположен зал заседаний. Именно в этих двух помещениях будут проводиться совещания, все будет зависеть от количества приглашенных, но, где бы они ни проводились, Камалов будет занимать место или в президиуме, или в кресле хозяина кабинета, или у трибуны. Все три возможных места появления Москвича хорошо просматривались с крыш соседних домов.

Был и другой вариант: расстрелять в упор из автоматов машину прокурора, для этой цели и появились у Арифа компаньоны. На обеих машинах стояли мощные гоночные моторы, а чтобы выведать маршрут, нужно лишь время, но Ариф умел ждать. Торопиться было некуда, сроки не отражались на оплате, Миршабу требовался результат.

Вернувшись в усадьбу на окраине города, где они остановились, Ариф помог компаньонам сменить ташкентские номера на машинах на ферганские, чтобы не привлекать внимания, ибо уже объявили чрезвычайное положение по всей области, а потом, достав из дорожной сумки детектив Чейза, расположился во дворе на айване. Детективы помогали ему коротать время, в его работе наемного убийцы умение выждать момент оказывалось главным, о том, что он мог промахнуться, не могло быть и речи.

Судя по обстановке в городе и области, дел Камалову хватало, и в Прокуратуре он мог появиться только к вечеру, а то и к ночи. Поэтому Ариф не стал отвлекать компаньонов, продолжавших возиться с машинами, вполне мог возникнуть вариант, когда придется, положившись на мощь гоночных моторов, расстрелять «Волгу» прокурора из автоматов.

Как только наступили легкие летние сумерки, Ариф отправил одного из подельщиков к зданию областной Прокуратуры. Задача у того была простая — дать знать, не проводит ли прокурор Камалов какое-нибудь совещание там.

Но в тот вечер Камалов не появился в областной Прокуратуре, говорят, он всю ночь мотался между Маргиланом и Кокандом.

Утром, вновь оседлав мотоцикл, Ариф поехал на разведку к зданию областной Прокуратуры. По тому, как дружно съезжались туда машины чиновников высокого ранга, среди которых было немало и военных, Ариф понял, что он рассчитал верно — намечалось какое-то важное совещание, на котором наверняка выступит прокурор Камалов. Когда он разворачивал «Яву», чтобы вернуться за подкреплением, то увидел, как подъехала знакомая белая «Волга» с ташкентскими номерами.

Человек, на которого шла охота, появился там, где его ждали. Как только Ариф вернулся во двор, компаньоны без слов поняли, что час работы настал. Подробности плана они обговорили вчера, поэтому, молча прихватив аккуратненький чемодан-футляр, где лежала разобранная автоматическая винтовка «Франчи», помощники выехали со двора и отправились на белых «жигулях» на исходную позицию. Минут через пятнадцать отбыл вслед за ними на «Яве» и Ариф. Судя по тому, что суета во дворе улеглась, совещание в Прокуратуре началось, и он поспешил на крышу облюбованного здания, где его поджидал с оружием страховавший его подельщик.

Мощный цейсовский бинокль шарил по рядам зала заседаний, но, к удивлению Арифа, Камалова нигде не было, хотя на трибуне один выступающий уже сменял другого.

«Спокойно... спокойно...» — твердил себе Ариф и не просил подельщика взглядом, чтобы тот достал знаменитый «Франчи». Он откинулся спиной на трубу вентиляционной вытяжки и закрыл глаза, так он поступал всякий раз, когда требовалось сосредоточиться. Просидел он так минут десять, потом вновь стал шарить мощными окулярами по окнам, но прокурора по кличке «Москвич» не было. Тогда он внимательно оглядел стоянку автомашин во внутреннем дворике и легко отыскал белую «Волгу» с ташкентскими номерами. Судя по тому, что шофер находился в машине, становилось ясно, что Камалов где-то в здании. Он вдруг, встрепенувшись, навел бинокль на окна кабинета областного прокурора — Камалов находился там.

Ариф, облегченно вздохнув, снова закрыл глаза и привалился спиной к холодной кирпичной кладке трубы, следовало

успокоить нервы. Так он просидел минуты две-три и дал знак помощнику, чтобы тот достал винтовку. Камалов сидел за столом хозяина кабинета и проводил какое-то совещание с людьми в погонах. Пока подельщик собирал «Франчи», Ариф зеркальцем подал вниз знак третьему компаньону, находившемуся в «жигулях», — тому сообщали, что объект на месте и что через три-четыре минуты он должен подъехать вплотную к подъезду, откуда они выйдут.

Взяв в руки автоматическую винтовку, Ариф велел помощнику спускаться вниз, а сам навел оптический прицел на окно кабинета. Камалов сидел к нему боком, и Ариф целил в висок, такое попадание гарантировало мгновенную смерть, как недоучившийся врач Ариф хорошо знал анатомию.

В тот момент, когда Ариф нажал спусковой механизм «Франчи», человек, сидевший сбоку стола, спиной к окну, вдруг приподнялся и передал какую-то бумагу Камалову — и тут же повалился набок. Ариф понял, что первый раз в жизни у него произошла осечка. Временем для второго выстрела он не располагал, да и в кабинете все сорвались с мест, и он, мгновенно сложив «Франчи», кинулся к лестнице в крайнем подъезде, где внизу ждала машина с заведенным мотором.

В кабинете областного прокурора поднялся переполох, кто-то кинулся к раненому, кто-то полез под стол, только начальник уголовного розыска города не растерялся, он тут же бросился к телефону и приказал оцепить район. У кого-то вырвалось вслух: «Обнаглели, решили запугать милицию...»

В зале действительно собрались только милицейские чины. Генерал УВД области отдал по телефону приказ — немедленно приступить к патрулированию районов вблизи Прокуратуры, и совещание продолжалось. Закончив встречу с руководителями подразделений милиции, Камалов перешел в актовыв зал, где заседал партийный актив края, уходя из кабинета областного прокурора, он попросил доложить ему через час о состоянии полковника Холматова, получившего пулевое ранение в плечо, и о стрелявших по окнам, если такие данные к этому времени появятся. На собрании актива ему не удалось даже выступить, поступило экстренное сообщение, что разъяренная толпа в несколько тысяч человек движется к зданию городской милиции в Коканде, и он спешно выехал туда.

Когда он садился в машину, какой-то лейтенант успел доложить, что с полковником Холматовым все в порядке, рана не очень серьезная, и что данных о стрелявших пока нет, а потом, спохватившись, достал из кармана бумажный сверток и, протянув его в окошко «Волги», сказал:

— Какая-то странная пуля, товарищ прокурор...

Камалов машинально поблагодарил лейтенанта за добрую весть о полковнике Холматове, и машина рванула с места, они поехали туда, где он за прошедшую ночь был дважды. Мысли его крутились вокруг Коканда, и он забыл, что держит в руках какую-то странную пулю, напомнил о ней шофер. Развернув листок из школьной тетрадки, он увидел знакомую пулю, точно такую же положили ему на стол в день смерти турка-месхетинца Айдына, человека, читавшего по губам. Он ничего не сказал полюбопытствовавшему водителю, лишь молча передал ему трофей. Тот, разглядев пулю, прокомментировал:

— Действительно странная, точно не наша, закордонная.

— Водителем работал у него человек из угрозыска, и рекомендовал его полковник Джураев, так что парень знал, из чего и чем стреляют.

Хуршид Азизович сразу понял, кому предназначалась загадочная пуля, еще там, в кабинете Прокуратуры, он догадался, что полковник Холматов случайно спас ему жизнь. Следовало принимать меры, враг за ним охотился коварный и умелый, выбор места и времени покушения говорил о тактической гибкости противников. Кто догадается в случае смерти, что имелась специальная, высокооплаченная лицензия на его отстрел? Война все спишет, как говорится в одной мрачной поговорке.

Камалов вдруг спросил у своего шофера:

— Нортухта, у тебя есть с собой оружие?

Тот, не поворачивая головы, ответил:

— Разумеется. Полковник Джураев перед поездкой вручил второй пистолет на всякий случай и предупредил, что тут, в суматохе, они попытаются устроить охоту на вас. — И он протянул прокурору оружие.

С помощью подоспевших солдат внутренних войск к вечеру удалось отбить атаки на здание городской милиции Коканда. Среди защищавшихся потери оказались значительными, оружие не применяли даже в случаях выстрелов из толпы, особенно

досталось местной милиции и духовенству. Они приняли на себя первый удар до подхода военных.

Вечером Камалов вновь выехал в Фергану на заседание штаба по ликвидации стихийных беспорядков, вместе с ним отправился и майор из войск спецназначения. Майор ездил в джипе, — в сопровождении четырех автоматчиков в бронезилетах. Обе машины: и «Волга» прокурора, и джип майора, были телефонизированы, и связь редко прерывалась. Какой-то отрезок пути то майор из спецназа ехал в «Волге», то прокурор перебирался в джип, все зависело от звонков в ту или иную машину, Прокуратура в те дни работала рука об руку с военными. По дороге в Фергану им приходилось то и дело останавливаться в кишлаках и райцентрах — везде требовалось их вмешательство.

Возле поселка Риштан, где живут известные на весь Узбекистан гончары, прокурор дважды обратил внимание на юркую белую машину «жигули» седьмой модели, ничем особо вроде не примечательную, разве что сразу бросался в глаза класс ее водителя.

Однажды, обгоняя «Волгу» на въезде в какой-то райцентр, она едва не попала в аварию, из-за встречного транспорта, выскочившего на чужую полосу. «Семерка» спаслась от удара в лоб только из-за фантастической скорости, молниеносного рывка, и Камалов отметил про себя, что на скромных «жигулях» стоит мотор невероятной мощности.

Наверное, Камалов забыл бы об этой истории, на дороге чего только не случается и лихачей везде хватает, если бы на самом въезде в город «семерка» не попала ему на глаза снова, хотя они останавливались раз пять, не меньше. Прокурор даже подумал в какой-то миг, что сидящие в белых «жигулях» словно выжидают, когда же «Волга» останется одна, без сопровождения джипа с автоматчиками. Но какой-то неожиданный телефонный звонок отвлек его, и он на время забыл о «жигулях», да и они пропали с глаз.

Во время заседания штаба Камалов вдруг вспомнил машину с мощным мотором и быстро черкнул записку начальнику городского ГАИ: «Пожалуйста, немедленно узнайте, кому принадлежат белые «жигули» седьмой модели с номером ФЕР 36-12».

К окончанию заседания штаба прокурор получил ответ: «Белых «жигулей» седьмой модели под таким номером в Фергане нет, скорее всего, номер или фальшивый, или краденый». И Камалову стало ясно, что люди в белых «жигулях» охотились за ним уже на трассе и, не будь рядом автоматчиков из подразделений специального назначения, они бы попытались расправиться с ним на каком-то крутом повороте, рельеф местности представлял много возможностей для засады.

После заседания штаба Камалов отозвал в сторону начальника уголовного розыска города, того самого, что не растерялся утром и приказал оцепить район, и спросил его: «Нет ли у вас в спортивном зале манекенов, с которыми борцы и самбисты отрабатывают приемы?» Получив утвердительный ответ, попросил того сейчас же доставить два манекена и уложить их на заднее сиденье его машины. Затем, отыскав майора из спецназа, с которым проделал нелегкий путь от Коканда до Ферганы, попросил одолжить ему на время один бронежилет, два автомата и полевой бинокль. Майор, не задавая лишних вопросов, пошел выполнять просьбу прокурора.

Когда Камалов через полчаса спустился во двор, все, что он просил, находилось в машине.

— Куда? — спросил шофер, не задавая вопросов ни об автоматах, ни о бронежилете, ни о манекенах.

— В гостиницу, чертовски устал, завтра нам предстоит трудный день, — ответил Камалов.

Минут через десять прокурор обратил внимание, что они едут не в ту сторону, и сказал об этом водителю, на что тот ответил:

— Да, мы едем не в гостиницу. У меня здесь есть родня, я им звонил, что сегодня ближе к полуночи приеду к ним в гости. Так что нас ждут. — И после паузы добавил: — Я думаю, после утреннего происшествия гостиница не самое безопасное место, второй раз они уже не промахнутся.

Днем он связался с Джураевым и доложил и про выстрел в окно, и про странную пулю, а тот сказал, что стреляли не случайно и следует сменить место ночевки.

Прокурор не стал возражать, только устало спросил:

— Ты не заметил ничего подозрительного вечером на трассе?

— Вы имеете в виду белые «жигули», что крутились возле нас, ФЕР 36-12?

— Да, я это имел в виду, и потому в машине оружие и бронжилет для тебя.

— Почему бы вам не попросить сопровождение из спецназа? — спросил Нортухта, и прокурор понял, что полковник Джураев прикрепил к нему надежного парня.

— Это спугнет их, — ответил прокурор. Видя удивление на лице водителя, он добавил: — Разъяснять всю ситуацию нет времени, слишком долгая история. У военных есть термин — вызвать огонь на себя, вот и я должен так поступить, я не имею права упустить этих людей. Слишком опасные преступники, и они могут прояснить многие тайны для Прокуратуры. Поэтому ни о каком сопровождении и даже о том, что мы догадались, что за нами идет охота, не может быть и речи. Все должно решиться в какие-то мгновения, но мы должны быть начеку, особенно если в поле зрения появится белая «семерка» с мощным мотором, номера на ней завтра могут быть другие.

Полковник Джураев чувствовал ситуацию даже на расстоянии, и как только доложили ему о странной пуле, он сразу вспомнил о смерти Айдына — там тоже фигурировала необычная пуля, и становилось ясным, что за шефом охотились те же люди, что убили человека из Аксая.

В ту ночь Ариф долго просидел на крыше дома напротив гостиницы, держа наготове «Франчи», только в четвертом часу ему стало ясно, что прокурор в гостинице вряд ли появится. Оставалось загадкой одно: то ли он почувствовал охоту за собой, то ли обстоятельства вынудили его вновь выехать из Ферганы.

Ариф больше склонялся ко второму варианту, по его сведениям, очаг напряженности в долине разрастался, он точно знал, что появились люди, подвозившие толпе ящиками водку и одаривавшие молодежь, идущую на штурм административных зданий, пятидесятирублевыми купюрами. Шел мощный слух, что хан Акмаль бежал из московской тюрьмы и что он стоит за стихийным народным бунтом. Чтобы молодежь не разбрелась на ночь по домам, к вечеру к местам их скопления доставлялись бараны и устраивались пиршества, водка лилась рекой. Не до сна, конечно, было в эти дни прокурору Камалову, и киллер понимал это.

Наступил новый день, и охота на прокурора Камалова продолжилась. С утра Ариф на мотоцикле проехал мимо Прокуратуры и милиции, но знакомой белой «Волги» с ташкентскими номерами не было видно, то ли еще не приехал, то ли уже уехал. Затем он объехал базары Ферганы, потолкался в людных чайханах и по слухам уяснил для себя, где сегодня, вероятнее всего, может появиться человек, за которым они охотились. При любом раскладе маршрут выстраивался один — дорога на Коканд, сегодня прокурор Камалов будет мотаться по этой трассе целый день, центр событий переместился из Ферганы и Маргилана в эту зону.

Ариф быстро выстроил новую тактику. Трасса Фергана — Коканд их вполне устраивала, из-за беспорядков она почти не контролировалась властями, так что, выполнив задание Миршаба, они могли двигаться в сторону Таджикистана, на Ленинабад, а оттуда до Ташкента рукой подать, на всякий случай могли схоронить оружие где-нибудь по дороге до лучших времен. Следовало не суетиться и, выбрав на трассе придорожную чайхану, наблюдать за проходящими машинами, и если «Волга» появится без сопровождения автоматчиков из спецназа, то ей далеко не уйти, мощный гоночный мотор достанет ее, и на первом же крутом повороте, когда поблизости не будет машин, они расстреляют ее в упор. План был прост и ясен, и никто из участников не стал возражать, через два часа, отыскав посередине трассы подходящую чайхану, они остановились там.

С раннего утра Камалов находился в лагере для беженцев, что организовали для потерявших кров и близких турок-месхетинцев, он позаботился о тройном кольце охраны пострадавших, располагал сведениями, что обезумевшая от крови толпа готова двинуться и сюда, где собрались беззащитные старики, женщины, дети.

Для себя прокурор решил, что, если жаждущие крови фанатики прорвут два кольца обороны, то третьему заслону он даст команду открыть огонь, пока такой команды из центра не поступало, а орда от этого только больше нагнела и распоясывалась. Люди, руководившие беспорядками, открыто кричали в толпу — не бойтесь ни армии, ни милиции, не слушайте мулл, они не будут стрелять!

Пока прокурор разбирался в лагере со старейшинами турок-месхетинцев, в машине то и дело раздавались телефонные звонки. Нортухта успевал только записывать сведения для прокурора, поступавшие отовсюду. Самой горячей точкой по-прежнему оставался Коканд и прилегающие к нему районы. Вернувшись в машину, Камалов торопливо пробежал сообщения, записанные водителем, и они двинулись на Коканд, где их уже давно ждали.

Как только выехали за город, прокурор попросил водителя надеть бронжилет, полученный от майора, а автомат находился у каждого под рукой еще с вечера.

С самого утра они не говорили о преследователях, с которыми наверняка сегодня столкнутся где-нибудь на дороге, ибо для охотников маршрут прокурора не представлял особого секрета. Оба невольно обращали внимание на белые «жигули» седьмой модели, но та, с мощным мотором, пока не появлялась. Опять добирались до Коканда с остановками, и вновь повсюду требовалось вмешательство прокурора.

Камалов, возвращаясь в машину после вынужденных остановок, на время забыл о террористах, но зато шофер все время был начеку. Он и заметил у придорожной чайханы пустые белые «жигули» седьмой модели.

— Вот эта машина, ФЕР 36-12, и номер, наглецы, не стали менять.

Камалов моментально очнулся от тяжелых дум и сказал бесстрастно:

— Спокойно, Нортухта. Это хорошо, что они не стали менять номер, их самоуверенность нам только на руку. Не сбавляй скорость, пусть продолжают думать, что мы ничего не заметили. А остановились они тут не случайно, верно рассчитали, я все равно не миную их пост.

Как только отъехали подальше, прокурор достал бинокль и через заднее стекло увидел, как трое мужчин без суеты, с достоинством садились в машину.

Камалов, сидевший рядом с шофером, быстро поднял из-за сиденья один из манекенов и усадил позади себя, потом, глянув назад еще раз в бинокль, сказал:

— Прибавь насколько можешь, они показались вдалеке, чертовски мощная у них машина. Видишь, впереди затяжной

поворот за высоким холмом, если не будет встречного транспорта — идеальное место для нападения. Как только скроемся у них с глаз за холмом, выскакиваем с автоматами в придорожный кювет, но прежде на твое место усадим второй манекен, наклоним его в мою сторону, поднимем капот, он в первую очередь отвлечет внимание. Уверен, что они догоняют нас с расчехленным оружием и при обгоне попытаются расстрелять нашу машину в упор, известный гангстерский прием, а мы с тобой будем действовать по обстоятельствам.

Как только они вписались в кривую, впереди у дороги заметили валуны, возле них и тормознул Нортухта. В считанные секунды они покинули машину и, пока бежали за камни, спиной ощущали приближавшуюся опасность. Едва они залегли, как услышали мощный, нарастающий рев сильного мотора, шедшего на пределе, и в поворот, визжа шинами, влетела знакомая «семерка».

Увидев невдалеке на обочине белую «Волгу», от неожиданности они чуть сбавили скорость, и прокурор заметил, как в обоих окошках приближающейся машины появились оружейные стволы. Еще не поравнявшись, они открыли бешеный автоматный огонь, а пронесшись рядом, буквально изрешетили машину. Отъехав метров сто, «семерка» вдруг остановилась, ловко развернулась и медленно двинулась назад. Возможно, они хотели увидеть результаты нападения, а скорее — забрать какие-нибудь документы из машины или, наоборот, подбросить кое-что, чтобы навести милицию на ложный след.

Они остановились недалеко от машины, задранный капот мешал им видеть салон «Волги», но выходить не спешили, выжидали, слышно было, как из простреленных насквозь шин тихо выходил воздух и откуда-то тяжело капала на асфальт жидкость.

Камалов видел из-за валуна, как машина медленно оседала на спущенные колеса. Вдруг разом распахнулись дверцы «жигулей», и вышли трое молодых мужчин, двое с автоматами в руках. Они молча переглянулись и, убедившись, что трасса пуста, осторожно двинулись к «Волге».

— Только по ногам, — шепнул Камалов водителю.

Но вдруг тот, что был без оружия, почувствовал какой-то подвох, возможно, разглядел манекен на заднем сиденье, из которого торчали клочки ваты, и закричал:

— Атас, в машину!

И тут же безжалостная очередь враз скосила всех троих подряд.

— Что ты наделал! — только успел сказать Камалов шоферу и побежал на дорогу, где вразброс лежали террористы. Прокурор перевернул одного, другого, сомнений не было — наповал.

Подошел, держа автомат дулом вниз, Нортухта, Камалов спросил его:

— Зачем ты это сделал? Я же сказал — стрелять только по ногам.

Шофер, вдруг зло сверкнув глазами, ответил:

— Это наемные убийцы, и я не хочу, чтобы они, выйдя на свободу, перерезали мою семью. Я не доверяю ни нашим законам, ни нашим судам, так будет не только спокойнее, но и справедливее.

Оттащив убитых с дороги в кювет, они осмотрели «жигули». В багажнике прокурор обратил внимание на аккуратненький футляр, открыв его, он увидел разобранный автоматическую винтовку итальянского производства с прибором ночного видения, в патроннике имелись пули, и он разрядил «Франчи».

Увидев пули, Нортухта сказал:

— Точно такая же у вас в кармане, и стрелял в вас вчера утром тот, что вышел без автомата, он, видимо, у них за «чистодела» проходил, ас.

— Да, я знаю, и зовут его Ариф, я за ним уже давно охотился, жаль, опять следы оборвались.

Отправив Арифа с бригадой в Фергану на охоту за прокурором, Миршаб принялся за выполнение второго пункта приказа Сенатора, он касался Беспалого, Артема Парсегиана, хотя, честно говоря, Хашимов не понимал, зачем понадобилась его смерть.

Но след Парсегиана неожиданно затерялся, а ведь он точно знал, что Беспалого задержал полковник Джураев во время ограбления майора Кудратова, страховавшего подвоз к «Лидо» спиртного с подпольных заводов.

Не отыскав Парсегиана по уголовным каналам, Миршаб стал разыскивать через своих людей в милиции, но тут неожиданно наткнулся на стену молчания. Но он все-таки узнал, что

Беспалого забрали в следственный изолятор КГБ, вот, оказывается, чем объяснялось странное поведение давних осведомителей из милиции. Только теперь догадался Хашимов, что Беспалый знал нечто такое про его шефа, что представляло для него крайнюю опасность.

Парсегян неожиданно оказался недосягаемым, и Миршаб понял, что с выполнением первого пункта приказа следует поторопиться. В случае ликвидации Москвича Парсегян догадался бы сказать на суде, что оговорил уважаемого Сухроба Ахмедовича под давлением прокурора Камалова. Нынешняя схема судов, конечно же, была хорошо известна Беспалому. В тот день, когда Хашимов узнал, где находится разыскиваемый им Парсегян, ему стало известно, опять же из милицейских источников, что на прокурора Камалова на трассе Фергана — Коканд неизвестные совершили покушение и что все трое нападавших в перестрелке погибли.

Выходило, что Москвич переиграл их и на этот раз. В какой-то момент Миршаб пожалел, что нет в Ташкенте Шубарина, месяц назад он уехал в Западную Германию на какие-то долгосрочные курсы по банковскому делу. Он знал давнюю мечту Японца открыть коммерческий банк. Будь Шубарин под рукой — подсказал бы что-нибудь дельное, хотя они когда-то с Сенатором условились не впутывать его ни в политику, ни в уголовные дела, чтобы при любых обстоятельствах он оставался свободным и с чистыми руками. На Японца они могли рассчитывать в любой беде, он не оставит без помощи и покровительства их семьи и детей. А Салим Хасанович смотрел еще дальше: если мы войдем в рыночную экономику, а дело, похоже, к этому идет стремительно, то, только отдав свои капиталы в руки Шубарина, они могли обеспечить будущую жизнь не только себе, но и внукам, уж он-то знает, как деньгами распорядиться, во что вложить, какое предприятие приобрести. Нет, Артура Александровича впутывать было нельзя, Сенатор не одобрил бы этот ход, глубже и дальше надо было смотреть.

Не дожидаясь возвращения прокурора из Ферганской долины, где стихийные беспорядки удалось взять под контроль, Миршаб начал готовиться к встрече Камалова в Ташкенте.

Прежде всего Хашимов распорядился, чтобы сообщение о нападении на прокурора Камалова попало в газеты и на

телевидение, тогда весть о вторичном покушении, которое готовил уже лично он сам, появится в прессе обязательно, и таким образом оно станет достоянием Парсегиана и Сенатора.

Иного пути, как ликвидировать Камалова, Миршаб не видел, не выполни он приказ, Сенатор мог потащить за собой и его. Москвича, судя по всему, ничто не могло остановить, кроме смерти. Владыка Ночи еще не знал подробностей гибели своих киллеров, но догадывался, что Москвич заманил их в какую-то ловушку. С опытом его жизни, охотника за оборотнями, можно было предположить, что Камалов, после выстрела в окно Прокуратуры, высчитал — охота идет за ним, и откровенно подставлял себя под огонь, этим и усыпил бдительность Арифа, террориста с большим стажем, человека хладнокровного и выдержанного.

Готовя покушение, Миршаб сразу задумал направить следствие на ложный след, обстановка в Фергане сама подсказывала ему столь логичный ход.

Во время погромов по всей Золотой долине турки-месхетинцы не могли понять — почему же против вооруженной, разнузданной толпы убийц и поджигателей власти не применяли оружия и не использовали его даже против тех, кто штурмовал здания, где оно хранилось. Потеряв надежду на защиту властей, мужчины-турки просили дать им самим оружие, чтобы защитить детей, стариков и женщин, которые в каждом селе сбились где-нибудь в школе или кинотеатре, но власти им отказали. Одним из тех, кто решал вопрос: стрелять или не стрелять в убийц и мародеров, на взгляд турок-месхетинцев, был, конечно, прокурор республики Камалов, на этом и решил сыграть Владыка Ночи.

В ночь покушения предполагалось разбросать по Ташкенту листовки, где говорилось бы о том, что турки-месхетинцы приговорили к смерти прокурора Камалова за гибель своих соплеменников. И на месте убийства решено было оставить какую-нибудь записку, а то и плакат, такого же примерно содержания, что и листовки. Задумал Хашимов организовать и несколько звонков в корреспондентские пункты центральных и республиканских газет, что ответственность за смерть прокурора Камалова берет на себя вновь созданная террористическая организация под названием «Мечь». И смерть прокурора республики списали бы на счет бедных турок, в одночасье

потерявших родных и близких и кров над головой. Пока у всех с уст не сходили кровавые события в Фергане, с покушением следовало поторопиться.

Камалов еще продолжал мотаться между Кокандом и Ферганой, а люди Миршаба, используя японскую аппаратуру хана Акмаля, подаренную некогда Сенатору, перехватили разговор прокурора с женой и узнали, что он возвращается в субботу, в первой половине дня. Но главной новостью оказалась другая — в субботу выходила замуж племянница Камалова. Зная местные обычаи, можно было не сомневаться, что даже если Камалов не спал трое суток подряд, на свадьбе он появится в любом случае, хоть в час. Восточные свадьбы длятся до утра, вот на эту ночь и решили сделать ставку.

Выяснили, где состоится свадьба, и Миршаб сам проехался по маршруту от дома Камаловых до махалли невесты. Дядя прокурора Камалова жил в районах новой застройки после землетрясения, рядом с местечком, называемым Минеральные воды, дорога дальше вела в Казахстан, на знаменитый курорт Сары-Агач, и это обстоятельство взяли на заметку. Глубокий, длинный, километра на два, овраг, куда машины съезжали неподалеку от Медгородка, представлялся идеальным местом для нападения. Оставалось найти способ. Расстрелять машину на ходу из автомата? Но тут надежных гарантий не предвиделось — пуля дура, как сказал устами Теркина великий поэт. Вот если бы стрелять прицельно, да стрелял бы Ариф! Требовался вариант наверняка, и Хашимов вспомнил, как полковник Халтаев когда-то без особого шума убрал некоего Абрама Ильича, писавшего кандидатские и докторские диссертации для высокопоставленных чиновников. Халтаев поступил просто — угнал из соседней области самосвал, груженный щебнем, и, изучив маршрут доктора наук, совершил на него наезд, а машину оставил на месте преступления, и жизнь человека списали на дорожно-транспортное происшествие.

Работая в Верховном суде, Миршаб провернул с полковником Халтаевым немало дел, но одна крупная операция по вызволению из тюрьмы по поддельному постановлению подпольного миллионера Раимбаева и у них все-таки сорвалась. В крайнем случае Владыка Ночи мог привлечь на помощь и такого старого специалиста по «мокрым» делам, как начальника районной

милиции Халтаева. Но с Камаловым он хотел расправиться сам, теперь и для него забрезжил шанс занять место прокурора, слишком уж у многих уважаемых людей Москвич стоял костью в горле.

Если бы удалось каким-нибудь ложным звонком вызвать среди ночи Камалова со свадьбы, то, как только его машина покажется у оврага, с другой стороны пустили бы навстречу с горы тяжело груженный самосвал, который ударил бы на узкой дороге встречный жигуленок в лоб. При таком таранящем ударе на скорости сто — сто двадцать километров за жизнь пассажиров и водителя вряд ли кто поручился бы, смерть гарантировалась. Ну, на всякий случай выскочили бы на минутку, если Камалов вдруг каким-то образом вывернется и останется жив, и добили из пистолета.

Миршаб стоял на краю оврага и ясно видел всю операцию, вариант действительно выглядел надежно, и он решил на нем остановиться.

К субботе угнали в районе Сары-Агач самосвал с казахскими номерами, груженный бетонными бордюрами. В предместье Ташкента, рядом с курортом, проживало немало турок-месхетинцев, и версия Миршаба могла оказаться вполне убедительной. К субботе они знали точно, что прокурор Камалов обязательно будет на свадьбе своей племянницы, и даже ведали, что он собирается подарить молодым, — японская аппаратура хана Акмаля на телефонный перехват работала безотказно. В день свадьбы несколько раз прослушивали и телефон в доме невесты, а главное, периодически отключали аппарат, чтобы внушить хозяевам, что связь у них барахлит, имелись у Миршаба и на этот счет соображения.

Поздно ночью, когда свадьба гремела не только на всю махаллу, а шум достигал даже казахских селений, Миршаб с подельниками на двух машинах выехали на операцию.

Угнанный самосвал уже стоял в темноте, чуть в стороне от дороги, откуда он должен был ринуться в лобовую атаку. В машинах, участвующих в операции, расположившихся на противоположных съездах в овраг, имелись переговорные устройства, «уоки-токи», используемые всеми полициями мира, кроме нашей, уже лет двадцать, а машина Хашимова располагала еще и телефонной связью.

Прибыв на место, осмотрели и опробовали еще раз самосвал, проехали по трассе, казалось, все рассчитали верно, оставалось выманить Камалова со свадьбы. Прежде чем звонить, послали в дом невесты человека, на узбекских свадьбах ворота открыты для всех, усадят за стол каждого вошедшего во двор, и появление незваного гостя не бросится в глаза никому.

Через час в переговорном устройстве, лежащем рядом с Миршабом, раздался голос гонца, отведавшего свадебный плов и пропустившего рюмку.

— Москвич сидит от телефона далеко и сейчас о чем-то оживленно беседует с какими-то солидными людьми, и его вряд ли отвлекут, кажется, можно звонить... — И вдруг, когда Салим уже собирался отключить «уоки-токи», человек со свадьбы, спохватившись, добавил:

— Тут среди гостей полковник Джураев, и вообще много ментов из угрозыска.

— Почему? — жестко спросил Салим, сразу почувствовав какой-то подвох, отчего у него моментально пересохло во рту.

— Говорят, жених служит в угрозыске, старлей.

— А... — сказал неопределенно Хашимов и, мгновенно успокоившись, отключил связь.

Но звонить сразу, как предполагал ранее, не стал, еще раз проехался по трассе, доехал до махалли, где шла свадьба, встретился с гонцом, побывавшим во дворе, расспросил его вновь дотошно и только потом, убедившись, что полковник Джураев не наставил ему капканов, вернувшись на исходную позицию, набрал номер телефона в доме, где находился Москвич. Трубку долго не брали, видимо, из-за шума, и он перезвонил повторно, мягкий женский голос ответил по-узбекски. Хашимов, также по-узбекски, отрекомендовавшись дежурным по Прокуратуре, сказал:

— Извините, но служба есть служба, Хуршид Азизович, уходя на свадьбу, оставил этот телефон и просил в случае необходимости позвонить.

— Вам позвать Камалова? — переспросила неожиданно женщина с приятным голосом.

— Если он рядом и свободен, то, пожалуйста, если далеко, передайте следующее...

— Да, он далеко — в саду, говорите, я передам.

— Скажите, звонил Генеральный прокурор страны Сухарев, завтра, несмотря на воскресенье, его вызывают в Кремль, доложить обстановку в Ферганской долине, и он хотел переговорить с ним. Пусть он возвращается домой, через час-полтора ему позвонят из Москвы. — И, поблагодарив, Миршаб положил трубку и через некоторое время дал команду отключить в доме телефон.

Звонок из Москвы выглядел вполне убедительно и никак не мог насторожить Камалова, его не раз поднимали среди ночи, такая уж работа.

Вызов прокурора из дома невесты означал начало операции, и Миршаб подъехал к самосвалу, стоявшему в укромном месте.

Карен, в перчатках, нервно сжимал баранку, а подельщик, который должен был после наезда выскочить и бросить в разбитую машину приговор несуществующей террористической организации турок «Месть» и, если надо, добить прокурора из пистолета, спокойно курил. Подойдя к распахнутой дверце машины, Миршаб приказал Карену:

— Как только выскочите на трассу, пусть подельщик не выпускает из рук автомат. На свадьбе находится полковник Джураев, от этого дьявола можно ожидать чего угодно, уж я-то знаю его давно.

— Мы слышали по «уоки-токи» ваш разговор, шеф, кроме него там много ментов, но отступить поздно, кажется, вы уже запустили машину, — ответил довольно-таки спокойно Карен, и в этот момент над махаллей, где трубили карнаи, вспыхнула слабая зеленая ракета, на которую мало кто обратил внимание — сигнал означал, что прокурор Камалов выехал домой.

Двое в кабине неожиданно вздрогнули и подобрались, а Миршаб, отойдя в сторону, жестом показал — вперед!

Самосвал стал осторожно выезжать к дороге. Как только ЗИЛ занял исходную позицию на съезде в овраг, с другой стороны трижды мелькнул огонек фонарика — давался старт смертоносной машине.

Как в тщательно отрепетированном спектакле, две машины одновременно нырнули в глубокий овраг, и темнота проглотила их, лишь свет ближних фар «жигуленка» обозначал путь прокурора к смерти, самосвал Карена до определенного момента шел без огней.

Когда до столкновения осталось меньше минуты, все участники операции, включая прокурора Камалова, услышали душераздирающий вой милицейской сирены, приближавшейся с огромной скоростью.

Джураев появился на свадьбе не случайно, он знал, что тут будет прокурор, только вернувшийся из Ферганы, и ему хотелось из первых уст услышать о нападении на кокандской трассе. Учел он и возможность нового покушения, поэтому упросил хозяев усадить прокурора подальше, да и вряд ли кто-нибудь посторонний мог приблизиться к нему, товарищи жениха, из угрозыска, внимательно оберегали тот угол, где находился высокий гость.

Поэтому, когда Хуршид Азизович неожиданно с семьей уехал домой, об этом тотчас доложили Джураеву. Хозяйке дома пришлось объяснять взволнованному полковнику, почему прокурор вынужден был покинуть свадьбу. Начальник уголовного розыска республики, знавший на память телефон дежурного Прокуратуры, попытался созвониться с ним, но связь не работала, что еще больше озадачило его. Тогда он бегом кинулся к своей машине на улице и набрал оттуда номер Прокуратуры — никакого звонка из Москвы не было. Джураев тут же завел машину, пригласил взглядом двух парней на заднее сиденье и, включив сирену на всю мощь, рванул след Камалову. По рации он успел передать всем постам ГАИ в городе, чтобы остановили машину прокурора республики, Джураев был убежден, что засаду устроили у его дома.

Услышав сирену, Карен спокойно сказал приятелю:

— Менты. Скорее всего, Джураев догадался, что Москвича заманили в ловушку. Слушай внимательно, сейчас я ослеплю дальним светом «жигуленок» и ударю его, на проверку, что с ним случилось, нет времени, через три-четыре минуты, на выезде из оврага, мы наверняка столкнемся с оперативниками. Увидев машину ментов, я приторможу, а ты тут же дай очередь по фарам, и мы рванемся на Келес, где нас должны поджидать. Только ни в коем случае не стреляй по кабине, угрозыск за Джураева весь город перевернет, и до суда не доживешь, если влипнешь...

Камалов, услышавший за спиной вой сирены, понял: случилась какая-то беда.

Он понял, что сигнал имеет какое-то отношение к нему, сбавил скорость и хотел спокойно развернуться, как вдруг его ослепил яркий свет стремительно приближающейся с ревом огромной машины, и он догадался, что последует дальше, но дорога не представляла места для маневра даже первоклассному гонщику, хотя в последний момент прокурор сумел увести машину от лобового удара.

«Жигули» словно пушинку подбросило вверх, затем зацепило задним бортом, и, кувыркаясь, она пошла сшибать бетонные столбы вдоль дороги...

Самосвал, не сбавляя скорости, мощно шел на подъем и тут же целой правой фарой высветил вдали милицейскую машину с включенной сиреной.

ЗИЛ чуть сбавил ход, брызнуло высаженное лобовое стекло, и тут же раздалась автоматная очередь по фарам встречного транспорта. Подстреленные в оба передних колеса патрульные «жигули» так же пошли кувырком под откос в темноту — путь на Келес оказался свободным.

Неожиданно оборвавшийся вой сирены и автоматную очередь услышал кто-то из коллег Джураева, оставшихся на свадьбе, и на следующей машине работники угрозыска кинулись вслед своему шефу. Минут через десять они натолкнулись на перевернутый милицейский автомобиль, полковник Джураев отделался ушибами и ссадинами, а двое молодых розыскников еще и переломами. Когда они проехали дальше по трассе, увидели «жигули» прокурора, превратившиеся в груды металлолома.

Вызванная по радиации «скорая» подтвердила факт смерти жены и сына Камалова, а сам он, весь переломанный, истекающий кровью, был еще жив, и его срочно отправили в реанимационное отделение травматологии того самого института, откуда когда-то капитан Кудратов выкрал Коста. На следующий день Хашимов узнал от своих людей, впрочем, об этом говорил весь город, что Камалов до сих пор не приходил в сознание и по-прежнему находится в безнадежном состоянии. Интервью министра внутренних дел по телевидению тоже подтвердило версию о критическом состоянии прокурора, но высший милицейский чин назвал случившееся дорожно-транспортным происшествием, несчастным случаем, и уверил граждан, что

ведется тщательный поиск машины, совершившей аварию и скрывшейся с места преступления.

В тот же день Миршаб передал в Москву по телефону текст шифровки о том, что Москвич больше не представляет опасности.

Через неделю, несмотря на все строгости тюрьмы «Матросская тишина», оно стало достоянием Сенатора, и он уже по-иному стал строить свои отношения со следователями.

Шла неделя, другая, заканчивалась третья, прокурор оставался в реанимации и не приходил в себя, все эти дни он был между жизнью и смертью. Многие, даже врачи, поставили ему окончательный диагноз — не жилец. Миршаб, еще с неделю следивший за сведениями из травматологии, потерял к ним интерес, для него стало ясно, что, даже если Камалов выживет, скорее всего, останется инвалидом, не имеющим влияния на события в республике.

Но судьба распорядилась иначе. На исходе двадцать восьмых суток Камалов открыл глаза и слабым голосом спросил:

— Что с женой, с сыном?

Вместо ответа дежурившая медсестра заплакала, и он понял, что лишился семьи.

С этого дня он все время порывался встать, убеждал врачей, как много у него неотложных дел, он еще не осознавал, что травматологи собрали, склеили его по частям, живого места на нем не было, только голова осталась целой, да и то тяжелое сотрясение держало его столько дней в беспамятстве.

Через две недели, когда из реанимации перевели в одиночную палату на третьем этаже, он попросил, чтобы к нему зашел полковник Джураев, хотя тот уже бывал здесь не раз во время кризиса.

Начальник уголовного розыска чувствовал вину перед прокурором, как прежде перед Амирханом Даутовичем, понимал, что опять опоздал, не успел. Полковник не знал, что на этот раз он смог вмешаться в события — не рванись он следом с сиреной, подельник Карена обязательно проверил бы результат столкновения и добил прокурора из пистолета.

— Это наезд, я понял сразу, как только огромная машина, мчавшаяся без огней, вдруг ослепила меня сверхмощными фарами, — сказал Камалов, когда полковник появился у него в палате.

— Это покушение. Я ни на секунду не сомневался, — ответил Джураев, хотя не стал говорить об автоматной очереди из того же самосвала. — Больше того, — добавил полковник, — это продолжение охоты, начатой в Фергане, откуда-то исходит жесткая команда немедленно уничтожить вас. Видимо, срок лицензии на ваш отстрел крайне ограничен, оттого такая спешка.

— Я догадываюсь, откуда, — ответил прокурор. — Нить тянется от Сенатора. Боюсь, до того, как я успел взять хана Акмаля, аксайский Крез успел передать ему свои полномочия и людей, оттого столь мощная, стремительная, без передышки атака.

— Пожалуй. Но я склонен считать, что и в случае с моим другом прокурором Азлархановым, и с вами действовали одни и те же лица. Как я жалею, что в свое время не допросил Парсегына как следует. Беспальый — единственный человек, знающий смертельно опасную тайну Сенатора, мог ли я тогда, в день задержания, даже подумать, что ночной разбойник состоит в тесной дружбе с ним.

— Позвоните, пожалуйста, генералу Саматову и скажите, что я просил особо оберегать Парсегына и все показания записать на видеокассету. Щупальца у мафии, как я вижу, длинные, как бы они и до него не добрались, сегодня трудно кому-нибудь доверять. Почему я вас вызвал? — заговорил вдруг после долгой паузы прокурор, заметно волнуясь. — Вы как раз тот человек, которому я доверяю сполна и знаю, что вы ведете войну с преступностью не на жизнь, а на смерть, без оглядки. Жаль, я мало чем смог помочь вам в этом, и сам ничего, считай, не успел...

— Не говорите так, — перебил Джураев, — мы в уголовном розыске почувствовали, что в крае появился человек, решивший навести порядок невзирая на лица...

Но прокурор, пропустив слова полковника мимо, продолжал:

— Я не знаю, сколько я здесь пролежу: полгода, год, и каким отсюда выйду, и чем стану заниматься позже. Вряд ли мне удастся вернуться на прежнее место, на мой взгляд, идет откат назад, многие наверху считают, что пора свернуть работу всех следственных групп, да и местной Прокуратуре поубавить пыл, я эту узду ощущал во время ферганских событий. Да и в самой Москве то же самое. Но не об этом речь. Я хотел бы заручиться вашим честным словом: каким бы я отсюда ни вышел, у вас

в угрозыске найдется для меня работа, любая. Только вместе с вами я доведу дело до конца и поквитаюсь за вашего друга Азларханова, и за себя, и за всю семью, и за попираемый Закон...

— Я обещаю вам это в любом случае, у меня с ними тоже свои счета, — сказал, волнуясь, полковник.

В августе Камалов приободрился, вышел правительственный указ о создании Чрезвычайной комиссии по борьбе с организованной преступностью, возглавил которую сам Горбачев.

Создали такую комиссию и в Узбекистане, с полномочиями на два года, в ее состав вошел и генерал Саматов. Спустя четыре месяца, ближе к Новому году, Джураев, как и Камалов, возлагавший немало надежд на новый указ, сказал в сердцах прокурору, что указ оказался очередным правительственным постановлением, никого и ни к чему конкретно не обязывающим, не подкрепленным законодательными актами, не обеспеченным ни материальными, ни техническими, ни кадровыми ресурсами. Преступный мир понял окончательную импотентность власти, ибо проверил ее терпение во всех регионах и по всему перечню преступлений: квартирные кражи, хищения, разбои, угон машин, мошенничество — и на воровских сходках решил наращивать масштабы уголовных деяний. Воровской мир реально оценил наши возможности, понял, что Горбачев готов лишь давать грозные названия комиссиям.

В октябре, когда у прокурора сняли гипс с левой руки, он попросил начальника отдела по борьбе с мафией принести документы, что удалось собрать о жизни и связях Сенатора.

Материалов оказалось достаточно, работали тщательно, прилагалось немало фотографий. Прокурор знал эти документы, но сегодня, после покушения, они виделись иначе. Каждый день после уколов, процедур он перебирал бумаги, выстраивал планы, за которые возьмется, как только выйдет из стен больницы. Чаще всего его рука тянулась к двум папкам, на одной из них значилось:

ШУБАРИН АРТУР АЛЕКСАНДРОВИЧ

(кличка — Японец)

В этой папке оказалось немало фотографий, на них Японец всегда был снят в компании, и люди, с которыми он находился рядом, прежде обладали завидной властью: секретари горкомов

и обкомов, министры, депутаты, крупные должностные лица. Имелась цветная фотография, где Шубарин улыбался хану Акмалю, рассматривавшему удивительной красоты и изящества охотничье ружье. Прилагались два снимка, где Шубарин рядом с Шарафом Рашидовичем, но на обоих присутствовал и Анвар Абидович Тилляходжаев, с которым, говорят, Японец был накоротке.

С каждым днем Камалов убеждался все больше и больше, что и Сенатор, и хан Акмаль могли поручить предприимчивому Японцу устранить его. Могли они и шантажировать Шубарина, и жизнь прокурора вполне могла стать платой за процветание Японца. Следовало внимательно присмотреться к человеку с официальным миллионом и имеющему много друзей в государственном аппарате республики.

На другой папке, тоже красным фломастером, значилось:

ХАШИМОВ САЛИМ ХАСАНОВИЧ

(кличка Миршаб — Владыка Ночи)

Тут не было фотографий со знаменитыми и влиятельными людьми, словно Миршаб избегал ненужной рекламы, и снимок прилагался всего один. Человек из Верховного суда заснят на нем с хозяйкой модного ресторана «Лидо», некой красавицей Наргиз, в прошлом танцовщицей знаменитого фольклорного ансамбля. Сведений о Хашимове имелось мало, но отмечался его высокий профессиональный уровень как юриста, выделялось и его неумное тщеславие, хотя он всегда вроде был на вторых ролях при Сухробе Ахмедовиче. Люди, хорошо их знавшие, утверждали, что в ту пору, когда они возглавляли районную Прокуратуру, некоторые важные решения принимал и реализовывал все-таки — Миршаб, не зря у него такая двусмысленная кличка. Обращали внимание на его жестокость, изворотливость, намекали, что он сумел купить своей любовнице не только дом в престижной махалле, но и помог ей открыть ресторан, приносивший невероятные доходы. Обращали внимание на несколько судебных решений, принятых с тех пор, как в Верховный суд пришел Хашимов, когда крупные расхитители отделались тюремными сроками вместо высшей меры, отступное в таких делах могло стоить казнокрадам многих миллионов. Выходило, что Сенатор

работал в паре с умным и коварным человеком, которого так просто не возьмешь.

Когда полковник Джураев пришел к нему в очередной раз проведать, прокурор передал ему досье на Шубарина и на Хашимова со словами:

— Возьмите, кажется, эти люди выдали срочную лицензию на мой отстрел.

Джураев, мельком кинув взгляд на папки, сказал:

— Спасибо. Я уже давно собираю на них материал. — И после паузы добавил: — Должен вас одновременно обрадовать и огорчить. Японец отбыл в Западную Германию на годичные курсы по банковскому делу — за месяц до начала Ферганских событий, он намерен открыть в Ташкенте коммерческий банк. Я думаю, не в его интересах уничтожать таких людей, как вы, он как никто заинтересован в правовом государстве.

Сознание, что он наконец-то нащупал тех, на кого делают ставку и Сенатор, и хан Акмаль, придало энергии прокурору Камалову.

Узнав, что семья погибла, прокурор долго пребывал в шоке и заметно потерял интерес к своему здоровью, но теперь, когда появилась цель, он неистово цеплялся за жизнь, стремился восстановить силы, чтобы непременно остаться работать в органах.

В палате стоял телевизор, и он часто стал слушать выступления с третьей сессии Верховного Совета СССР, и поражался близорукости депутатов, не понимавших, что любые социальные программы, впрочем, как и другие проблемы, никогда не решить, не сломав хребет преступности, ибо финансирование их рано или поздно окажется у них под контролем. Рэкет, дитя кооперации, почувствовал вкус больших денег и бессилие власти, и его уже теперь не остановить, тем более с такими милосердными законами.

В декабре началась и сессия нового парламента Узбекистана, и тут прокурор не удержался, послал в президиум записку. В ней он писал:

«Всячески поддерживаю вопрос о суверенитете республики, ибо только на путях ее самостоятельности мне видятся пути искоренения преступности в нашем крае, принявшей чудовищные размеры и, по существу, нами уже не контролируемой. Надо без оглядки на законотворчество других стран,

и даже соседних республик, издать свои законы, гарантирующие гражданам безопасную жизнь и охрану имущества, а теперь и частной собственности.

В сложившейся ситуации Узбекистан стал приманкой для преступного мира страны, местом наибольшего скопления бродяг, людей, не желающих заниматься трудом, паломничества проституток, аферистов. У нас своих доморощенных преступников хватает, и проституток, и тунеядцев, и наркоманов, но три четверти особо тяжких преступлений совершается гастролерами из других регионов.

Преступный мир, чтобы сбить с толку правовые органы, разработал и широко использует тактику: местные готовят преступление, а гастролеры прилетают на исполнение, имея обратный билет на руках. Такими же гибкими и оперативными, как и деяния уголовников, должны стать наши законы, следует моментально реагировать на всплеск любого вида преступления.

Республику задушили три опасных вида преступности, и все они направлены против личности: квартирные кражи, особо дерзкий разбой, угон автомобилей. В росте преступности виноваты не только слабая работа правоохранительных органов, но прежде всего — Законодательство. Посудите сами: угон автомобиля, самой крупной покупки в советской семье, — карается штрафом в 100 рублей или годом условного заключения — это ли не насмешка над законопослушными гражданами, не причина массового угона машин?

Чтобы сбить волну преступности в республике, защитить ее граждан, предлагаю на рассмотрение несколько предложений:

1. Любой преступник, не являющийся гражданином Узбекистана и совершивший на ее территории уголовное преступление, в дополнение к существующему законодательству получает еще пять лет тюрьмы. Закон перекроет все маршруты гастролеров и прекратит уголовный террор жителей республики.

Этот закон, еще с более суровыми мерами, крайне необходим, безотлагателен в другом. В стране только складывается самая опасная из мафий — наркомафия, и опять Узбекистан окажется притягателен для уголовников со всех концов страны и из-за рубежа, причем, на советский рынок наркотиков уже кинулись и с Востока, и с Запада, нужно законодательно, как

в Иране, перекрыть им дорогу, и для пользы своего же народа безжалостно ликвидировать производителей на месте. А для тех чужаков, кто уже имел две судимости по особо тяжким преступлениям, применять крайние меры. Нужно через народный референдум ввести порог судимостей, особенно по тяжким преступлениям.

2. Квартирные воры не выходят на свободу до тех пор, пока полностью не компенсируют нанесенный ущерб потерпевшим, причем, при краже дефицитных вещей учитывать их реальную рыночную стоимость. Такой закон сделает невыгодным промысел навсегда.

3. Что касается машин, то угон следует приравнять к краже личного имущества, также не выпускать на свободу угонщиков, пока хозяину не вернут машину, причем страхование транспорта надо разрешить по рыночным ценам, ибо только затронув государственные интересы, милиция зарабатывает по-настоящему, появится у нее и техника, и средства, и специалисты по угонам. И еще, чтобы уголовный мир день ото дня не пополнял ряды за счет молодежи, следует, опять же законодательно, выбить у них почву из-под ног, ибо преступность уже для многих стала профессиональным занятием. Предлагаю по особо опасным преступлениям, дважды судимых, на третий — подвергать расстрелу, поубавится романтики в блатной жизни. Во избежание ошибок судьбу таких преступников решать в судах присяжных, дважды, разными составами.

В число предлагаемых на рассмотрение законов следовало бы внести и положение об амнистии. Анализируя все амнистии нашего государства, от печально известной бериевской 1953 года и кончая последней, «горбачевской», 1987 года, видишь: они ничего, кроме беды для граждан страны, не принесли. Скажите, какое отношение имеет 100-летие со дня рождения В.И. Ленина и 70-летие Советской власти к помилованию преступников сегодняшнего дня? Считаю, что в Узбекистане амнистии должны быть отменены навсегда, ибо прежде всего они противоречат закону о неотвратимости наказания за преступление, и объявляются амнистии только из-за амбиции особо тщеславных людей, дорвавшихся до власти.

Все законы республики должны строиться только в пользу добропорядочных граждан».

Письмо прокурора республики к депутатам зачитали на одном из вечерних заседаний, и оно было встречено шквалом аплодисментов, Камалов посланием напоминал, что он готов продолжить начатую борьбу с преступностью до конца. После его обращения к новому парламенту как-то поутихли разговоры, что скоро будет назначен новый прокурор республики, ведь Камалов находился в больнице уже почти полгода.

Доставили Камалову в больницу и докторскую диссертацию Сенатора. Удивительно аргументированная, глубокая, ко времени, работа — чем больше он в ней разбирался, тем больше убеждался, что Сухроб Ахмедович не имеет к ней никакого отношения. Следовало непременно установить автора столь важной научной работы, если он жив, конечно. Такой человек сейчас, в условиях зарождающейся самостоятельности республики, был необходим как никогда — ведь придется пересматривать все законодательство, исходя из жизни и интересов народов, населяющих Узбекистан, их специфики, традиций, уклада и морали, выработанной веками.

Авторство научных трудов Сенатора следовало установить не только ради справедливости, но и для того, чтобы снять с него ореол выдающегося юриста, ратующего за демократические свободы и реформы в законодательстве, обнажить сущность политического авантюриста, не гнушающегося откровенной уголовщиной. Развенчать в открытом суде лжедоктора юридических наук значит остудить пыл многих авантюристов, показать истинное лицо рвущихся к власти жуликоватых поводырей.

Неожиданно у прокурора республики потянулась новая ниточка к своим противникам, список которых он пока не мог четко обозначить, и этот шанс он получил благодаря своему несчастью.

Проведать его часто приходили знакомые и незнакомые люди, даже посланцы целых трудовых коллективов, что особенно трогало прокурора, ведь ему казалось, что он ничего не успел сделать. После таких визитов он еще сильнее убеждался, что должен во что бы то ни стало вернуться в строй.

Незадолго до Нового года, когда Камалов после процедур просматривал, уже в который раз, досье на Сенатора, к нему в палату вошла девушка, старавшаяся выглядеть старше и

солиднее, это ей мало удавалось и придавало гостье удивительное очарование. Она назвалась Татьяной Георгиевной, что заставило прокурора мысленно улыбнуться, и сказала, что она — выпускница юридического факультета и год назад находилась на преддипломной практике в Прокуратуре республики.

Есть люди, чье поведение, слова с первых минут внушают доверие, редкий тип в наше время, конечно, но как раз выпал такой случай. Девушку мучила какая-то тайна, это читалось на ее лице, и он не ошибся.

Поставив цветы в вазу, а фрукты определив на подоконник, она плотнее затворила дверь и, смущаясь, начала:

— Вот уже несколько месяцев я не решалась прийти к вам, простите мне мое малодушие. Мне кажется, то, что я знаю, а точнее, моя догадка имеет отношение к покушению на вас. Теперь, после случившегося с вами, я убеждена, что в Прокуратуре республики есть предатель, который докладывает о всех ваших тайнах противнику, о вашем передвижении, о секретных и неожиданных совещаниях, о вашей переписке, не исключено, что он прослушивает разговоры по внутреннему телефону.

— Почему вы так решили? — спросил он спокойно, боясь спугнуть девушку.

— Этот человек во время практики пытался за мной ухаживать, и даже однажды пригласил меня в ресторан, в знаменитое «Лидо». Там к нам подсел мужчина, и не случайно, как я поняла, у них была назначена там встреча. Подсевший не знал, что я на практике в Прокуратуре, скорее всего, он принял меня за одну из легкомысленных девушек. Поэтому в разговоре, который они все же пытались завуалировать, несколько раз мелькало ваше имя, хотя чаще они называли вас «Москвич». Как я уяснила, мой ухажер передал что-то такое, что не должно выходить из стен Прокуратуры, я все-таки будущий юрист.

— Вы не могли бы описать человека, проявляющего интерес к делам Прокуратуры? — спросил Камалов, чувствуя, что он вышел еще на одного свидетеля, по важности не уступающему Парсегиану.

Девушка вполне толково стала описывать человека, подсевшего к ним в «Лидо», и сразу легко вырисовался Сенатор.

Камалов вспомнил, что у него есть его фотографии, показал их Татьяне, и побледневшая девушка сказала:

— Да, это он.

Прокурор решил и дальше форсировать внезапную удачу и, показав фотографию Салима Хасановича, спросил:

— А этого элегантного джентльмена вы не заметили в тот вечер в ресторане?

Девушка недолго вглядывалась в фотографию, где Миршаб улыбался Наргиз.

— Да, видела. Мужчина в светлой тройке, и впрямь очень элегантный, стоял рядом с этой женщиной, и они вместе покинули «Лидо».

Камалов понял, практикантка случайно, но точно вычислила предателя, вот почему Айдын оказался на крыше соседнего здания в день секретного совещания. Уходя, девушка сказала, волнуясь:

— Мне очень хотелось бы работать с вами, быть вам полезной. — И она протянула бумажку, где размашистым почерком значился ее телефон.

Уже у самой двери она вдруг сказала:

— Вы не думайте, что вокруг вас в Прокуратуре много предателей, мне кажется, этот выродок один, а вас очень уважают, и не дождутся, когда вы вернетесь в строй... — И вдруг после паузы выдохнула: — И я вас очень люблю...

Камалов после ухода Татьяны еще долго лежал, ошарашенный новостью и неожиданной поддержкой, потом, хромая, добрался до телефона в конце коридора, позвонил начальнику отдела по борьбе с мафией и попросил его сейчас же зайти к нему.

Когда полковник появился у него, Камалов передал бумажку с фамилией, которую ему назвала Татьяна, и сказал:

— Возьмите под микроскоп жизнь этого молодого человека, есть все основания подозревать, что через него идет утечка тайных сведений к противнику. Сегодня же попытайтесь лично встретиться с полковником Джураевым и передайте и ему эту информацию, пусть объект попадет под перекрестный огонь внимания.

За неделю до Нового года в Ташкенте выпал обильный снег. Камалов почти полдня простоял у окна, любуясь, как крупные

хлопья снега укутывали деревья больничного сада, и вечнозеленые чинары издали походили на ели в подмосковных лесах.

Осень оказалась долгой, теплой, и многие деревья, так и не успев облететь, в полном убранстве вошли в зиму. Мороз крепчал, и прокурор видел, что подмороженные стебли листьев не выдерживали обильного снегопада и, мягко обрываясь, опали на землю, образовав под каждым деревом заметную горку. Редкое зрелище в Ташкенте — зимний листопад.

В эти дни, впервые за многие месяцы пребывания в травматологии, Камалов не мог оторваться от окна, он подолгу стоял, глядя в безлюдный двор, и дальше за ограду, где продолжалась другая, ушедшая от него жизнь, и улицы словно не касались беды за больничной оградой, она жила по своим меркам. Спешили на работу, с работы, с новогодними покупками, подарками, гордо несли свой трофей раздобывшие елку. А к вечеру, когда на город внезапно напознала темнота и зажигались огни, жизнь за оградой заснеженного сада казалась такой манящей!

Ярко-красные трамваи, припорошенные легким снегопадом, сияя окнами, весело проносились вверх-вниз по улице Энгельса, и куда девался их необычно раздражавший стук на стыках? Они скользили плавно, легко, суля обманчивое тепло, уют, комфорт, приветливые лица. Здесь, у окна больничной палаты, ему казалось, что все прохожие улыбаются друг другу, уступают места, желают всем только здоровья и счастья, хотя знал — это не так, в трамвае ледяной холод, дует в разбитые окна, грязно, с полгода как не убиралось, и как раз по вечерам в них свирепствует шпана и обкурившиеся анашой наркоманы, и что с работы едут усталые, издерганные люди, они со страхом ожидают грядущий Новый год — что он несет народу, ташкентцам? Но так думать не хотелось, хотелось ждать праздника, как давно, в Москве, в молодости, когда жизнь сулила еще столько перспектив и счастья. «Каким будет Новый год для меня? — думал грустно Камалов, вглядываясь в ночной сад за окном. — Удастся ли мне выиграть единоборство с безжалостным противником?»

Он отдавал себе отчет, что в их смертельной игре уже не будет ничьей.

Он вспомнил свой ташкентский дом, где они уже обжились, притерлись, и ему вдруг так захотелось туда, где все напоминало о семье, о сыне — как любили они встречать Новый год!

Мысль о доме запала в душу, и, когда он увидел, что многие больные отпрашиваются на праздник к семье, он тоже, хоть на вечер, решил вернуться к себе, в больнице ему предстояло быть еще до марта.

Новогоднее настроение, новогодний ажиотаж охватил всех: больных, врачей, посетителей, которых в последние дни резко поубавилось. Готовилось к Новому году и травматологическое отделение, где лежал Камалов, ходячие больные украшали елку в холле у телевизора, развешивали гирлянды в коридоре.

На утреннем обходе, в канун Нового года, он попросил разрешения у лечащего врача съездить домой. Тот внимательно посмотрел на прокурора, видимо, не желая его отпускать, но в последний момент, почувствовав что-то в настроении больного, сказал:

— Но при условии: не пить, не курить, не волноваться — для вас все это до сих пор представляет серьезную опасность. О прежней жизни забудьте надолго — покой, уют, соседство мудрых книг, телевизор — вот ваши перспективы на ближайшие годы, если не на всю жизнь, дорогой Хуршид Азизович. Устраивают вас такие суровые условия краткосрочного увольнения?

— Вполне, — ответил добродушно прокурор, хотя перспективы, впервые высказанные вслух профессором, вряд ли его обрадовали, у него имелись свои планы на оставшуюся жизнь.

Получив разрешение, Камалов поначалу растерялся, долгое пребывание в больнице расслабляет человека, но он тут же отринул минутную слабость и, добравшись до телефона, вызвал машину. Пока шофер доставлял из дома одежду, он выстраивал планы, что предпринять прежде всего, — напрашивалось одно: посетить могилы жены и сына.

Нортухта, с которым они попали в засаду на кокандской дороге, быстро доставил его на кладбище Чиготай и, несмотря на все запреты, заехал туда на машине, потому что прокурор все-таки передвигался с трудом.

На кладбище он пробыл долго, замерз, устал, и когда возвращались в центр, заметил красочную рекламу ресторана «Лидо», того самого, куда некогда пригласили Татьяну, точно вычислившую предателя.

Камалов понимал, что в этот скорбный день, когда он впервые посетил могилы сына и жены, должен что-то сделать, собрать друзей, родственников, коллег, но у него в распоряжении от увольнительной осталось чуть больше двадцати часов. Наверное, следовало прочесть какие-то строки из Корана, чтобы облегчить душу, но, как человек атеистического поколения, он, к сожалению, не знал ни одной суры, ни одного аята. В самый последний момент, когда показался парадный вход «Лидо», выполненный в ложноклассическом стиле, с мраморными колоннами на просторной открытой веранде, прокурор вспомнил житейское — помянуть! Помянуть!

И как-то сразу все стало на место. Он попросил шофера остановиться. Сейчас он не думал, что этот ресторан как-то связан с Сенатором, с Миршабом и тут наверняка не раз велись разговоры о нем. Все его помыслы были об одном — хоть и запоздало, пока в одиночку, но помянуть по-человечески жену и сына.

Высокая дверь с тонированными стеклами оказалась закрыта, хотя в холле сновали люди.

Камалов нажал кнопку, и тотчас у двери появился Карен в форме швейцара. Он сразу узнал прокурора, хотя раньше никогда с ним не встречался. Преодолев секундный шок, Карен молча распахнул дверь. Оставив спортивную куртку гардеробщику, тому самому парню, что должен был добить его из пистолета, если бы не вмешался в операцию полковник Джураев, прокурор перешел в другой, более просторный холл и сразу отметил, с каким размахом и вкусом отстроили «Лидо».

В таком респектабельном заведении он, честно говоря, никогда не бывал. Он недолго простоял в холле, раздумывая — в какой из двух залов пойти, как увидел в торце вестибюля, рядом с широкой мраморной лестницей, ведущей на второй этаж, бар, с несколькими столиками, прятавшимися в тени роскошной лестницы с ковровыми дорожками. Уютное место, особенно для тех, кто заскочил ненадолго, туда и направился прокурор. Не успел он взгромоздиться на высокий вращающийся стул, как бармен спросил любезно:

— Коньяк, виски, джин, ликер?

— Водку, — ответил Камалов, разглядывая богатую и со вкусом обставленную витрину.

— Не держим, — уже несколько суше, но без хамства ответил человек за стойкой.

Прокурор раздумывал, поминают все-таки водкой, и он не хотел нарушать традицию, как вдруг кто-то за его спиной, из-за столика у лестницы, громко сказал буфетчику:

— Принеси из зала, редкий гость к нам заглянул.

В мгновение ока бармен слетал в зал на втором этаже и вернулся с бутылкой «Столичной». Обтерев запотевшую бутылку, он поставил перед болезненного вида клиентом рюмку, но тот попросил еще одну, и тогда вышколенный официант дрогнул, спросил:

— Зачем?

Человек со свежим рваным шрамом на лбу молча забрал бутылку из рук хозяина и, наполнив вторую рюмку, сказал:

— За жену, за сына.

Парень так ничего и не понял, но видел, что люди за столиком у лестницы внимательно слушают их разговор. Выпив, странный клиент отодвинул рюмки и сказал:

— А теперь можно рюмку коньяка. — И стал шарить по карманам, отыскивая сигареты, но бармен, желая угодить, тут же протянул ему распечатанную пачку «Винстона».

Как только человек со шрамом поднес сигарету к губам, кто-то молча из-за спины протянул ему огонек зажигалки. Камалов склонился к «Ронсону» в холеной руке с безукоризненно отглаженными манжетами, прикурил, поднял глаза и увидел... Хашимова, это он послал бармена за водкой.

Прежде чем что-то сказать, Миршаб глянул на бармена, и тот поспешил из-за стойки, только потом, пряча зажигалку в жилетный кармашек, он произнес:

— С наступающим Новым годом. Рад видеть вас живым и здоровым, слышал, вы попали в серьезную аварию...

Прокурор ничего не ответил, только молча смотрел на человека, о котором уже многое знал.

Человек из Верховного суда не выдержал затянувшейся паузы.

— Говорят, вы чудом остались живы и теперь наверняка оставите опасную работу, уже и фамилии ваших преемников называют...

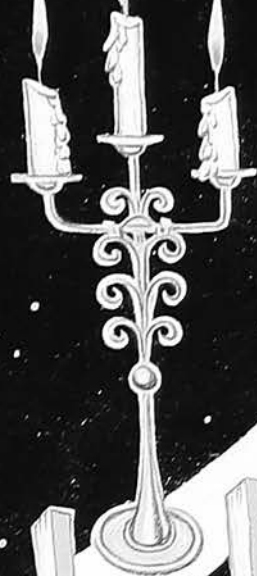
Камалов молча выпил рюмку коньяка, что успел налить ему ловкий бармен, осторожно опустился с высокого табурета и только тогда, глядя собеседнику в глаза, ответил:

— Не обольщайтесь, Салим Хасанович, не оставлю. Считайте, что мы с вами, Миршаб, начинаем все сначала. Я уже включил счетчик, вы слишком много мне с Сенатором задолжали... — И он пошел к выходу, заметно припадая на левую ногу, чувствовалось, что каждый шаг дается ему с болью, это читалось на его лице.

*Ходжа-Оби-Гарм, Переделкино, Коктебель,
1990*

Судить буду я

Роман

Пока человек со свежим шрамом на лбу, припадая на левую ногу, одолевал просторный холл ресторана «Лидо», принаряженного к Новому году, у Миршаба мгновенно пересохло в горле, и он остро почувствовал, как не хватает ему воздуха. Бросив взгляд на бармена за стойкой, Миршаб сказал, пытаясь унять волнение: — Налей побыстрее чего-нибудь...

Но фраза не получилась спокойной, нервно свело скулы, и оттого слова прозвучали тревожно, просительно — куда подевались обычная властность, металл в голосе? Тревога читалась и на вмиг осунувшемся, бледном лице, хотя Салим Хасанович умел себя держать в руках, и бармен прекрасно знал это.

Странный хромой посетитель, осушивший подряд две стопки водки, вселил нервозность и в вальяжного виртуоза бокалов и бутылок, и он тут же дал промашку: вместо традиционного особого армянского коньяка налил водку из запотевшей бутылки и заметил свою оплошность в последний момент, когда Салим Хасанович уже поднес рюмку к губам. Но самое удивительное: педантичный и капризный любовник директрисы «Лидо», не отрывая взгляда от ковылявшего к выходу болезненного вида человека, жадно опрокинул рюмку и жестом попросил повторить, хотя бармен знал точно: Хашимов водку не пил.

Бармен наполнил рюмку в протянутой руке и тоже невольно устремил глаза к выходу. Он увидел, как Карен нарочито подобострастно склонился в поклоне, открывая перед посетителем дверь, и, выпустив его, тут же кинулся почти бегом к бару, словно чувствовал призывный взгляд Миршаба. Точно так же, как минуту назад Салим Хасанович со странной кличкой Миршаб, к которой бармен никак не мог привыкнуть, он жадно потребовал:

— Налей поскорее чего-нибудь... — и, увидев бутылку «Столичной» в руке бармена, добавил: — Лучше водки, да побольше, целый стакан...

Бармен не заставил себя ждать, поискал глазами, чем бы дать закусить...

Выпив залпом и не обратив внимания на поданный бутерброд с икрой, Карен обратился к человеку, которого всегда называл «шеф»:

— Он заглянул случайно или пришел испортить нам Новый год?

Хашимов зло подумал: «Вот если бы ты справился с заданием, раздавил «жигуленок» вместе с прокурором в лепешку, сегодня бы у нас не возникли проблемы и праздник прошел без сюрпризов». Но вслух сказал другое:

— Нет, не случайно. Он объявил, что включил мне счетчик, и напомнил, что мы с Сухробом слишком много ему задолжали. Понимаешь?

Шок у него быстро прошел, и Миршаб вполне владел своими эмоциями, да ему и хотелось перед Кареном выглядеть спокойным, уверенным, он знал, что тот просто влюблен в Шубарина за его хладнокровие, выдержку, аристократические манеры. Брат Карена, Ашот, долго служивший у Артура Александровича телохранителем, сам человек без нервов, всегда поражался безупречной уравновешенности Шубарина и считал своего босса образцом для подражания. Вселять в Карена страх, тревогу не следовало. Всегда осторожный Миршаб заговорил, забыв про парня за стойкой, но тот сам инстинктивно почувствовал, что ему следует держаться подальше от любой информации, и бочком, незаметно, покинул рабочее место. Посетитель с рваным шрамом на лбу вселил тревогу и в его душу. Что могли означать его слова: «за жену, за сына...»?

Бармен хорошо знал многих «деловых» и «крутых» людей в городе, — бар в «Лидо» пользовался популярностью у этого рода публики из-за великолепного ассортимента напитков, а баснословная дороговизна делала его недоступным для случайных посетителей. Но, как он ни напрягал память, не мог припомнить этого хромого клиента, судя по внешности, местного. Он давно привык к всесилию хозяина, человека из Верховного суда, и сейчас не мог поверить, что есть кто-то, могущий вселить тревогу в самого Миршаба, да еще в канун Нового года. Но, оказывается, такой человек существовал, — он сам заявился в «Лидо», — это читалось на лицах беседующих у стойки людей.

Салим Хасанович, уловив тревогу в душе Карена, постарался перевести разговор в романтическую плоскость, столь обожаемую в уголовном мире:

— Слишком театрален прокурор, или у него не выдержали нервы. Помнишь, как у Стивенсона, в «Острове сокровищ», одноногий пират приносит жертве черную метку? Так случилось, что и мы сегодня получили от Москвича метку...

— Как бы там ни было, благородный поступок с его стороны, он играет в открытую... — сухо ответил Карен.

— Благородство — дорогая штука, не каждому по карману... — закончил туманно Хашимов и, пожелав боевику весело встретить Новый год, поспешил в кабинет хозяйки ресторана.

Наргиз по внутреннему селектору отдавала последние указы на кухню, и Салим Хасанович, придвинув к себе ярко-красный телефон, набрал номер дежурной на этаже института травматологии, где лечился прокурор республики, — он помнил его наизусть.

— Скажите, пожалуйста, не поздно ли будет часа через два завезти праздничный ужин прокурору Камалову? — спросил он любезно, не забыв поздравить дежурную по этажу с наступающим праздником.

— Кто спрашивает? — поинтересовалась на всякий случай медсестра, видимо, люди из прокуратуры провели с персоналом соответствующий инструктаж.

— Салим Хасанович Хашимов, из Верховного суда, — ответил довольный трюком Миршаб.

— Спасибо за внимание и хлопоты, Салим Хасанович, но должна вас огорчить: прокурор встречает Новый год вне стен нашей больницы.

— Он что, уже выписался? — деланно удивился собеседник.

— Нет, отпросился у профессора Шаварина ровно на сутки. Ему еще долго у нас находиться...

Ответ любезной медсестры успокоил Миршаба, и он, удовлетворенный, положил трубку. Наргиз, слышавшая разговор, удивленно спросила:

— Ты хотел поздравить с Новым годом Камалова?

— А почему бы и нет? Коллеги все-таки, одним делом занимаемся, и Бог у нас един — правосудие. Не приведи Аллах попасть в такую аварию, я ведь тоже на машине день и ночь мотаюсь. — Ему не хотелось впутывать любовницу в свои дела, но на всякий случай он отметил, что обеспечил себе бесценное алиби: медсестра наверняка при необходимости подтвердила бы факт телефонной беседы.

На улице уже смеркалось, и во дворе разом вспыхнули фонари. Сквозь большое оконное стекло холла в свете ярких ламп снег падал особенно театрально, словно в замедленной съемке, что еще больше поднимало предпраздничное настроение. Две заснеженные чинары у ограды в обманчивом вечернем освещении издали походили на ели. «Зря их не догадались украсить хотя бы лампочками», — подумал Салим Хасанович и вспомнил про подарок для Наргиз.

«Проклятый Москвич!» — чертыхнулся про себя Миршаб, из-за него он совсем забыл про новогодний подарок. Обидеть в такой день любимую женщину — непростительная ошибка, объяснения в таком случае не принимаются!

Но Москвич не шел у него из головы, и он подумал, что если сейчас, тут же, не вручит Наргиз презент, то опять может забыть о нем. Мысли его против воли крутились только вокруг прокурора, и не было в них места ни для праздника, ни для Наргиз, которую он все-таки любил.

Наргиз, заметив, что ее покровитель чем-то озабочен, подошла к нему и нежно погладила по голове. Волосы у Салима, уже чуть тронутые сединой, слегка вились, сами без особых ухищрений парикмахера укладываясь в прическу, придававшую ему импозантный вид. Но все же что-то актерское проглядывало

во внешности, манерах Хашимова, в его постоянном внимании к своему гардеробу. Ласки Наргиз всегда успокаивали Миршаба, но тут он обрадовался другому: подвернулся вполне естественный повод вручить подарок. Из внутреннего кармана темно-синей вечерней «тройки» он достал узкий футляр с тяжелым, пятирядным колье из розового жемчуга. Вчера одни люди в благодарность за услуги принесли целый дипломат изящных вещей, и среди них оказалось это чудесное изделие в роскошной коробке из золотистой замши. Колье отличалось тем, что в середине все пять рядов жемчуга соединялись с удивительной красоты изумрудом. Целый час, позабыв про дела, любовался он работой, пытаясь найти хотя бы две разные жемчужины — хоть по цвету, хоть по размеру, хоть по форме, но китайский жемчуг из Гонконга оказался без единого изъяна. В дипломате были и другие украшения, но сегодня, в Новый год, он остановил свой выбор на этой изящной вещи, вспомнив, как в день ограбления прокуратуры Беспалый обещал подарить Наргиз жемчужное колье...

— Закрой глаза, — попросил Миршаб и, привстав, ловко застегнул колье на высокой, лебяжьей шее любимой женщины, на миг ощутив тяжесть ее жгуче-черных волос.

В последние годы Ташкент наводнили жемчугом, особенно много его привозили армяне-репатрианты, о чем некогда поведал Артем Парсемян по кличке Беспалый, а теперь, когда стал свободным выезд в Китай, привозили уйгуры и дунгане, проживающие в Узбекистане и Казахстане. Но колье из пяти рядов розового жемчуга с огромным изумрудом Наргиз оценила сразу, хотя и имела целую шкатулку бус: в старинных мусульманских фамилиях с незапамятных времен жемчуг ценился дороже бриллиантов.

— Спасибо!.. — искренне поблагодарила Наргиз, обвив шею давнего любовника горячими руками, — она не сомневалась, что Салим любит её. — Оно чудесное!

Подарок обрадовал и огорчил одновременно: Наргиз подумала, что Мишраб засобирался домой, отсюда такая поспешность с подношением, хотя он особенно не торопился. Налюбовавшись драгоценностью у зеркала, Наргиз заглянула в соседнюю комнату, где уже был сервирован стол на двоих. На улице совсем стемнело, а окна ее личных апартаментов

выходили в глухой двор, оттого в зале стояла темнота. Но Наргиз не включила свет, а зажгла ароматные свечи в тяжелых четырехрожковых бронзовых шандалах, стоявших в центре стола, от которых заиграли длинные причудливые отсветы на тонком фарфоре и столовом серебре, задвигались тени по высоким стенам. Подумав, она включила гирлянду на небольшой щедро наряженной елочке в углу и только потом пригласила Миршаба в зал. Мягкая лирическая музыка, — саксофон знаменитого Папетти, — доносящаяся из огромных динамиков по углам комнаты, хвойный аромат от оплывающих свечей, светящаяся огнями, блистающая украшениями елка, стол, белевший во тьме зыбким квадратом с дрожащими на нем тенями, изысканно сервированный на двоих, — все это вернуло Миршабу утраченное ощущение праздника, и он, обняв Наргиз, волнуясь, прошептал ей на ухо:

— С наступающим Новым годом, милая...

Наргиз ответила легким поцелуем, а, уходя, чтобы позвать официантов накрывать стол, все же сказала с нескрываемой горечью:

— Жаль, что мы с тобой встречаем Новый год по дальневосточному времени...

Она и раньше знала, что праздники он отмечает в кругу семьи, но сегодня не удержала обиду в себе. Но Хашимов пропустил колкость мимо ушей, просто уже не слышал ее: мысли вновь вернулись к прокурору Камалову.

Если до сегодняшнего дня он был уверен в своей безопасности и считал, что в капкан Москвича попал только его шеф и однокашник Сухроб Акрамходжаев, которого он часто, даже в мыслях, называл Сенатором, то теперь иллюзия благополучия пошатнулась, если не рухнула, — его жизнь тоже оказалась в опасности.

Выходит, оставалось одно — действовать, и действовать немедленно, прокурор и в больнице представлял угрозу.

Бежать... Бежать, прихватив с собой прекрасную Наргиз и пять миллионов аксайского хана Акмаля, отданных не то во имя торжества зеленого знамени ислама, не то для спасения из рук КГБ — первое, что приходило на ум.

«И жить в вечном страхе, ожидая каждый день ночного стука в дверь?» — нашептывал внутренний голос, и Миршаб

без сожаления отмел этот вполне логичный путь, — вне власти жизни он уже не мыслил...

Оставалось одно — ликвидировать прокурора Камалова, а заодно и взломщика Артема Парсеяна, Беспалого, находящегося в следственном изоляторе КГБ, куда его упрятал хитрющий начальник уголовного розыска республики полковник Джураев. Беспалый знал про Сенатора нечто такое, что грозило жизни и его однокашнику Миршабу.

Хотелось немедля, сию минуту, несмотря на приближающийся Новый год, что-то делать, предпринимать — ведь речь шла о его жизни, его судьбе. Кроме того, жаль было расставаться с деньгами, властью, положением. «Нет, меня так дешево, как Сенатора, ты не заполучишь!» — мысленно пригрозил он прокурору Камалову. Миршаб чувствовал, как злоба начинает мутить ему голову, туманить мозги, и он приказал себе: «Стоп! Возьми себя в руки. Против Москвича нужно действовать осторожно, расчетливо, желательнo чужими руками. Возможно, он и явился в «Лидо», чтобы спровоцировать ярость и лобовую атаку, мастак он заманивать в ловушку. Не забывай про смерть снайпера Арифа, владельца знаменитого восьмизарядного «Франчи», как тот угодил в собственноручно расставленную засаду и поплатился жизнью. А сколько высших чинов милиции в Москве пошло из-за Камалова в тюрьму, пока не вычислили, что именно он охотник за оборотнями в органах... Многим людям и в Москве, и в Ташкенте стоит поперек горла этот несговорчивый прокурор, и ничему-то жизнь его не научила...»

В большом зале ресторана оркестр начал настраивать инструменты. Время от времени высоко и резко взлетал визг трубы, забивая саксофон легендарного Фаусто Папетти. Ярко разгоревшиеся свечи уже освещали ближний угол комнаты, переливалась огнями елочка, пахло хвоей, теплом, уютom, праздником — но Салим ничего не видел, ничего не слышал, ничего не ощущал. Он все время возвращался мыслями к неожиданному визиту прокурора в «Лидо».

Таким задумчивым и застала его Наргиз. Два официанта вкатили следом за ней столик с горячими и холодными закусками, зеленью, фруктами, брынзой, Наргиз же несла в руках огромную вазу с отборными мандаринами. Неожиданный запах

цитрусовых из далекой Абхазии пробил что-то в сознании Миршаба, и он, пересиливая себя, отринув мысли о прокуроре, поднявшись навстречу, воскликнул искренне:

— О, какие чудесные мандарины, как дивно пахнут!

Засиделся он, на удивление Наргиз, долго, но на это у него появились свои причины, — он решил все-таки не откладывать дела в долгий ящик. Вдруг во время изысканного ужина с очаровательной Наргиз, когда, казалось, мысли о прокуроре Камалове отступили окончательно, ему припомнился Коста... Миршаб понял, что без его помощи на этот раз не обойтись. Зная, что Джиоев встречает Новый год в «Лидо», он и задержался здесь, чем доставил искреннюю радость Наргиз.

Когда Коста появился в ресторане, его предупредили, что Хашимов в «Лидо», и он зашел поздравить компаньона своего шефа Шубарина с Новым годом. Обменявшись любезностями, Миршаб пригласил его пообедать сразу после Нового года, и Коста понял: что-то стряслось, если человек из Верховного суда приглашает домой, да еще в праздники. Заручившись согласием Коста, Салим Хасанович заторопился к семье, он считал, что праздники для него уже кончились — счетчик его долгам включил очень серьезный человек.

II

Направляясь к машине после неожиданной встречи с Хашимовым в ресторане, Камалов уже жалел о своей несдержанности. Не стоило раскрывать козыри — давать понять, что он знает, кто стоит за убийством его семьи, за покушением на него самого на трассе Коканд — Ленинабад. Теперь действия Хашимова могли стать непредсказуемыми: он мог попытаться исчезнуть, затерявшись в бывших владениях хана Акмаля, или же с помощью его людей мог легко перебраться в Афганистан. В войну контрабандисты наладили надежные коридоры, а связи, судя по всему, у человека из Верховного суда были, да и деньги водились немалые. И если Сенатор успел стать доверенным человеком хана Акмаля, то сегодня Салим Хасанович вполне мог быть распорядителем многих его миллионов.

Вот какой расклад на будущее он, сам того не желая, веером расстелил перед Миршабом. Но существовал и другой путь, более радикальный, который у них уже дважды срывался, —

попытаться снова убрать его. Этот путь наверняка Миршабу больше по душе; в случае удачи — концы в воду, и Сенатору путь на свободу забрезжит, скажут: оболгал Беспалый кристалльно честного человека, борца за демократию и справедливость по наущению прокурора Камалова.

«Как ни крути, выходит, дал промашку», — укорял себя прокурор, отыскивая глазами на просторной автостоянке машину Нортухты, с которым они попали в засаду Арифа во время ферганских событий. Но что-то в нем сопротивлялось однозначной оценке событий: «Да, по логике вроде сделал ошибку. Но не все же должно оцениваться в жизни как в математике, только со знаком «плюс» или «минус», — уверял он себя, и вдруг понял: такой оценке в нем противится не хладнокровный прокурор, а просто мужчина, у которого убили любимую женщину, сына. Вот с этой позиции он поступил верно, намеренно открыв карты, дал понять, что пощады им от него не дожидаться и расплата предстоит по высшей мере: око за око. Поступил по-мужски, открыто сказал в глаза — таким поступком следовало гордиться. А что испортил праздник — так это вышло случайно, он не ставил себе такой цели, сегодня, наверное, Миршабу и Новый год будет не в радость, страх на его лице был очевиден. Эта мысль не только успокоила прокурора, но и привела к неожиданному выводу: ведь Хашимов может подумать: если прокурор пришел в «Лидо» и открыто заявил, что знает, кто стоит за покушением на него, значит, у него уже собрано достаточно материалов и готов ордер на арест. Вряд ли такой человек станет угрожать без оснований. Разве не могла прийти человеку из Верховного суда подобная мысль? «Вполне», — ответил сам себе прокурор и улыбнулся. А из этого следовало только одно — Миршаб сейчас же начнет действовать, времени на раскачку у него уже не осталось...

Бежевая казенная «Волга» Нортухты оказалась припаркованной между двумя роскошными «мерседесами» с ташкентскими номерами, а сам он разглядывал вишневого цвета «вольво», стоявшую напротив. Мельком глянув на респектабельную «вольво», Камалов вспомнил майора ОБХСС, зятя крупного хапуги из Совмина. Кудратова-то и потрошил Беспалый вместе с неким рэкетиром по имени Варлам, — они знали, что обэхаэсник собирается купить «вольво» за двести двадцать

пять тысяч, и как раз вишневого цвета. «А не Кудратова ли это машина?» — подумал прокурор и на всякий случай «срисовал» номер. «Солидная публика собирается отмечать Новый год в «Лидо», — отметил про себя и пожалел, что нет возможности заснять помпезный бал на видео пленку, — интересное получилось бы кино.

Нортухта, увидев прокурора, поспешил к машине. Выезжая со стоянки, лукаво спросил:

— Мне показалось, вы знаете хозяина «вольво», хотя машина наверняка появилась в городе месяца два-три назад, когда вы находились в больнице...

— Да, ты прав. Хозяин машины, по-моему, Кудратов, работник милиции, но на всякий случай проверь мою догадку, ведь я полгода не у дел, не в форме.

— Еще не вошли в рынок, а как много развелись в Ташкенте роскошных иномарок, наша «Волга» рядом с ними смотрится колымагой, — сказал с сожалением в голосе шофер.

— Интересно, когда появится первая «мазерати» в республике и кто будет ее хозяин? — поддержал разговор прокурор, пытаясь уйти от мыслей, связанных с «Лидо».

— А я про такую и не слышал. Что, очень престижная машина?

— О да! Автомобиль экстра-класса, супер-люкс, делается на заказ в Италии, персонально, учитывая все прихоти хозяина. Я видел всего три-четыре в Париже...

К дому на Дархане подъехали быстро, и Камалов, глянув на часы, сказал:

— Значит, завтра к четырем часам жду тебя, — я обещал вернуться в больницу к вечернему обходу. С Новым годом тебя и всех твоих близких. — И, уже взявшись за ручку дверцы, добавил с волнением: — Честно говоря, после покушения на трассе я думал, что ты попросишься на другую машину. Работа со мной, кроме опасности, не сулит ничего хорошего. Сейчас вот хотел пожелать тебе счастья, покоя, благополучия, того, что принято в нормальном обществе, но мы с тобой живем в перевернутом мире и втянуты в смертельную игру, где ничьей не бывает. У меня язык не поворачивается говорить банальные слова, хотя я от души желаю тебе счастья и благополучия... — Он перевел дыхание, но все же решил сказать все без обиняков:

— Полчаса назад я видел одного из тех, кто организовал охоту на нас с тобой во время ферганских событий, и я должен дать тебе шанс еще раз подумать, стоит ли работать со мной. Если что, я не обижусь...

— Нет, Хуршид Азизович, — прервал Нортухта затянувшуюся паузу. — Я сразу почувствовал: в ресторане что-то произошло с вами — недаром меня так и подмывало пойти следом... За полгода, что вы находитесь в больнице, у многих эта забегаловка на слуху... Говорят, очень большие люди покровительствуют этому гадюшнику, и немудрено, что кое-кому вы тут вот так... — Он чиркнул себе поперек горла. — А что касается моей работы... Обыкновенная, мужская работа, я ее сам выбрал. Знаете, у нас в Афгане была в ходу поговорка: «Коней на переправе не меняют...». Так что до встречи в Новом году, то есть завтра...

...Странное ощущение испытывал прокурор, войдя в дом, в котором не был полгода, и он понимал, что это не из-за времени. В свою московскую квартиру он возвращался из Парижа после тринадцатимесячной разлуки, а из Вашингтона однажды даже после двухлетнего отсутствия, но то было иным измерением. Сегодня Камалов вернулся, как бы побывав по ту сторону жизни, — теперь-то он понимает, что чудом остался жив, пролежав двадцать восемь дней в реанимации, — и его не встречали, как обычно, жена и сын.

Казалось, еще все в доме хранило следы их рук, вещи таили их тепло, запахи... Случайно забытая книга на подоконнике, крем в ванной, комнатные туфли у кровати, теннисная ракетка в прихожей, плеер с наушниками на письменном столе словно дожидались владельцев, а их уже нет... И хотя два часа назад он был на их могилах, но все же в глубине души не верилось, что они погибли, в человеке всегда теплится надежда на чудо. Как хотелось закричать, заплакать от бессилия, невозможности что-то изменить в судьбе, вернуть дорогих людей, и он со стоном повалился на тахту, на которой, казалось, еще вчера сидел рядом с сыном и женой.

Высокие напольные часы в корпусе из потемневшего красного дерева напомнили, что до Нового года осталось всего шесть часов, и с боем старинных часов, купленных женой по случаю в комиссионном магазине, он вдруг понял, что отныне для него начался отсчет совершенно нового времени.

После такого открытия он и на вещи вокруг себя смотрел уже по-другому — привычные, родные, они жили как бы своей жизнью, обходились без холившей, лелеявшей их хозяйки; да и погибни он сам вместе с семьей, сегодня тут расхаживал бы чужой человек и пользовался его вещами, слышал этот бой часов... Никогда до этой минуты он не ощущал с такой пронзительностью бренность жизни, хотя с молодых лет ходил, что называется, по лезвию ножа.

— Успеть бы! — неожиданно вырвалось у него вслух, но он не связывал это «успеть» со встречей в ресторане, с Миршабом.

Успеть — для него значило реализовать хоть часть задуманного. Он чувствовал, как словно в песок ушли годы, и даже главные работы его жизни, не потерявшие актуальности за десятилетия, и по сей день лежат с грифом «Совершенно секретно», не востребованные обществом, лишний раз напоминая, на сколько лет мы опоздали... И он в который раз пожалел, что так рано ушел из жизни Юрий Владимирович Андропов, спасший его однажды...

Несмотря на отсутствие хозяйки, дом не выглядел запущенным, о том, что тут постоянно бывала родня, он знал, и сейчас инстинктивно ждал телефонной трели или звонка в дверь. Он не предупредил никого из близких, что намерен покинуть больницу на Новый год, — все вышло неожиданно, под влиянием дивного снегопада. Узнав, что он вернулся, родственники кинутся приглашать к себе — провести праздник в кругу родных. Но ему хотелось побыть в новогоднюю ночь одному, восстановить в памяти счастливые дни с семьей, поразмышлять о себе, о времени, о деле, которым занят, — там ведь и минуты не дадут остаться наедине со своими мыслями, будут заботиться, опекать, жалеть. А ему не хотелось вторгаться со своей бедой в чужую жизнь, даже родственников, хотя знал, что пекутся они о нем искренне. Для Камалова не прошло бесследно, что он столько лет жил вдали от родины и придерживался в жизни традиций уже скорее европейских, чем восточных, но не оттого, что отдавал предпочтение иной системе ценностей. Так сложилось, что его работа всегда требовала максимальной свободы и независимости в отношениях с людьми, а в родне человек растворяется, становится повязанным тысячами условностей. Поэтому он чувствовал себя не совсем уютно, иногда даже

чужим среди многочисленных родственников, и они, пожалуй, догадывались об этом, старались не быть назойливыми, но все-таки... Сегодня особенно хотелось побыть одному, уже по-новому оценить свои потери, взвесить свои возможности, ведь он объявил Миршабу по-русски: иду на вы!

За окнами стемнело, старинные часы мелодичным боем уже дважды напоминали ему о приближении Нового года, а он все никак не мог подняться, включить свет, хотя ему хотелось пройтись по квартире, заглянуть в спальню, в комнату сына, на кухню. Опять разболелась нога, заныла от бедра, и он понял, что нынче ему не уснуть. Вдруг раздался телефонный звонок, и Камалов, преодолевая боль, поднялся, уже протянул руку за трубкой, но внезапно остановился: он твердо решил встречать Новый год один — так, казалось ему, будет лучше для всех.

Часы в углу предупредили: от уходящего года остался всего час, и он, придерживаясь рукой за стенку, доковылял до выключателя. Нога в движении разболелась еще сильнее, и он долго стоял, притулившись к дверному косяку, время неумолимо приближалось к двенадцати, нужно было подготовиться к встрече Нового года, отметить его хотя бы символически, и опять, держась то за стол, то за стул, Камалов добрал до бара. Он знал, что там обязательно что-нибудь найдется, на худой конец он откроет одну из роскошных бутылок виски или джина, что жена держала для украшения бара, сама покупала перед отъездом из Вашингтона. Но в баре нашлась и водка, и коньяк; правда, «Столичной» оказалось полбутылки, и он отодвинул ее в сторону, праздник все-таки, и взял местный коньяк «Узбекистан», вряд ли уступавший известным во всем мире коньякам.

Он уже собрался захлопнуть дверцу бара, скрывающую зеркальную обшивку внутренних стенок, как вдруг взгляд его среди множества блестящих болтов крепления отыскал один потайной: бар у него был с секретом, и он уже давно не заглядывал в тайник, хотя всегда помнил, что у него там хранится. Он с усилием нажал на болт, и зеркальный квадрат стал беззвучно и медленно уходить внутрь, и сразу пахнуло затхлостью, несвежим воздухом... Он нашарил в темноте сверток и, достав его, возвратил зеркальную панель на место.

Захватив бутылку коньяка и рюмку из серванта, держа в руке сверток, вернулся за стол.

Развернув матерчатую обертку, прокурор достал пистолет, и приятная тяжесть старого оружия напомнила ему совсем молодые годы в Москве. Он учился тогда в аспирантуре, в родном МГУ, после того как успел поработать прокурором в Ташкенте, и выбрал для своего научного труда редкую по тем годам тему «Преступления против правосудия», то есть о преступлениях внутри самих органов. По одному заинтересовавшему его вопросу он обратился за помощью в КГБ, догадываясь, что там есть материал для его диссертации, но то, что случилось, определило его дальнейшую жизнь. Всех материалов, ему, конечно, не показали, но кое-что он увидел, и когда он пришел туда в третий раз, проявив настырность и настойчивость, сотрудник госбезопасности вдруг пошутил с намеком: шустрый, мол, больно, хочешь готовенькое заполучить, чужими руками жар загребать, не благороднее ли пойти поработать в органах и добыть материал самому. Его самолюбие было задето, и через неделю Камалов, оставив очную аспирантуру, пошел работать в уголовный розыск, имея тайную цель — охоту за оборотнями, предателями в милицейской среде.

Его работа не ограничивалась сменными дежурствами, после которых он, как и все младшие офицеры, сдавал табельное оружие, его тайная миссия была крайне опасна, и через год ему вынуждены были выдать этот пистолет: слишком рискован, смертельным делом занимался капитан Камалов.

Через семь лет, когда он дослужился до звания подполковника, в одной операции по задержанию вооруженной банды в него почти в упор стрелял коллега по службе. Оборотни тоже вычислили, какому охотнику они обязаны своими провалами. Вот тогда и спас ему жизнь второй пистолет, бывший при нем, кроме табельного. После защиты диссертации в одном из закрытых учебных заведений КГБ, писавшейся годы, ему и подарят этот пистолет как именное оружие, за личную храбрость, и получит он его из рук самого Андропова.

...До полуночи оставалось меньше четверти часа, когда, отвлекшись от воспоминаний о годах службы в уголовном розыске, он глянул вдруг перед собой. Сюрреалистическая картина, достойная кисти Сальвадора Дали, предстала перед ним в

большом зеркале напротив: близится Новый год, а на столе перед болезненного вида человеком со свежим шрамом на лбу стоит бутылка марочного коньяка, низкий пузатый бокал «баккара» и тяжелый, но всегда надежный пистолет системы Макарова, частенько называемый за кордоном русским. И в этот момент вновь раздался телефонный звонок, но теперь его одиночество вряд ли бы кто нарушил, и он поднял трубку.

— Добрый вечер, Хуршид Азизович, — раздался приятный девичий голос. — С Новым годом, здоровья, счастья, благополучия вам, — вполне искренне желал незнакомый человек, и прокурор силился вспомнить, кто бы это мог быть. На другом конце провода почувствовали это. — Вы, наверное, не узнали меня, ведь я звоню вам впервые. Я была у вас две недели назад в больнице. Татьяна Георгиевна, Таня меня зовут, помните?..

— Помню, конечно, Танечка, помню. С Новым годом вас, пусть Год Лошади принесет вам удачу, счастье...

— Спасибо, рада вас слышать. Я приходила поздравить и очень огорчилась, не застав вас в больнице. Но полчаса назад, дома, я вдруг почувствовала, что вы у себя, один, хотя я знаю, у вас многочисленная родня в Ташкенте, и довольна вдвойне, что интуиция не обманула и мне удалось поговорить с вами...

В этот момент часы начали медленно отбивать двенадцать, и Камалов, спохватившись, сказал:

— Таня, с Новым годом! Слышите, у меня часы бьют? Вы можете поднять сейчас бокал?

— Да, у меня на столе бутылка вина, и я слышу бой старинных часов...

— А я сейчас, одну секунду, — заторопился прокурор и плеснул себе в бокал чуть больше обычного. — Вот и у меня бокал в руке. Раз так вышло, давайте выпьем вместе и пожелаем друг другу удачи, мы ведь служим одному Богу — Правосудию! — И они в разных концах Ташкента одновременно осушили бокалы.

— Где вы сейчас работаете? — неожиданно для себя заинтересовался Камалов.

— В Мирзо-Улугбекском районе, в прокуратуре.

У него уже созрела мысль, и он поспешил ее высказать:

— В прошлый раз вы сказали, что хотели бы работать рядом со мной. Не передумали?

— Нет. Вы заняты настоящим делом, и я хочу быть полезной вам.

— После праздников зайдите в прокуратуру, в новый отдел по борьбе с организованной преступностью. Там много секретной документации, и я хочу, чтобы она находилась в надежных руках. Не боитесь? На Востоке говорят: чужие секреты укорачивают жизнь.

— Не боюсь. Я не боялась и до встречи с вами, поэтому ваше предложение принимаю как новогодний подарок... — И вдруг по-девичьи озорно, лукаво добавила: — Как быстро начинают сбываться ваши новогодние пожелания, я уже счастлива... — Пожелав приятно провести новогоднюю ночь, она попрощалась.

«Стоило покинуть больницу — сколько сразу важных событий произошло», — подумал прокурор, и, вспоминая о последних часах ушедшего года, все отчетливее понимал, что в «Лидо» он погорячился от отчаяния. В тот миг ему казалось, что он один противостоит хорошо организованной мафии, у которой, куда ни кинь, везде свои люди. Выходит, ошибся. Он не один: и Нортухта, водитель, не оставил его, хотя уж он-то видел, как профессиональные убийцы охотились за ними во время ферганских событий, и Татьяна Георгиевна, Таня, вычислившая предателя в республиканской прокуратуре, тоже готова сотрудничать с ним, зная, какому риску может подвергаться ее жизнь. А начальник уголовного розыска республики полковник Джураев, а ребята из его нового отдела по борьбе с организованной преступностью — все они прошли проверку во время задержания аксайского хана Акмаля. И впервые за долгий день на лицо Камалова набежала улыбка, и он мысленно поздравил всех их с праздником, пожелав удачи, — непростой и для них Новый год уже вступил в свои права.

«Вот и кончился для меня праздник», — подумал прокурор, вставая из-за стола. Взгляд его упал на пистолет... «Следует спрятать его снова в тайник, — решил Камалов и вернулся к серванту, но что-то внутри удерживало его от разлуки с оружием. — Мистика какая-то: в больницу с пистолетом», — спорил он мысленно сам с собой. Он вспомнил вдруг, что интуиция розыскника, когда он служил в милиции, никогда его не подводила, и решил оставить оружие при себе.

III

Артур Александрович Шубарин уже восьмой месяц находился в Германии, в Мюнхене, где изучал современное банковское дело. На Германии его выбор остановился не случайно; в школе изучал немецкий, в институте — английский, и владел обоими языками довольно-таки сносно, но не это было определяющим. Когда-то он обсуждал с погибшим прокурором Азлархановым положение в экономике, и оба пришли к выводу, что нашей стране подойдет не всякая финансовая и кредитная система, методы даже преуспевающих в этом деле стран у нас могут не дать свои плоды, нужно перенять опыт государств, у которых с Россией издавна существуют культурные, географические, исторические, экономические, политические связи и которые имеют сходные традиции. И тут, на взгляд Шубарина, Европа подходила больше всего, хотя он не сбрасывал со счетов ни Америку, ни Азию с феноменальной Японией и азиатскими драконами, но в основание банковского, валютного дела, он считал, должна быть заложена только европейская система.

В Европе Россия крепко связана тысячами уз со многими странами, и, прежде всего, с Францией, но он остановил свой выбор на Германии, ибо понимал, что с воссоединением обеих немецких территорий на европейском континенте, по существу, возникло новое государство с огромными перспективами, и не исключено, что именно она, новая Германия, потеснит в ближайшие годы по экономической мощи и Японию, и Америку. В Европе такой расклад сил первыми почувствовали англичане, уж они-то на континенте явно будут отеснены немцами, но это историческая реальность, с которой необходимо считаться, как и с закатом нашего государства, на удивление так долго противостоявшего Америке и всему западному миру.

Хоть и воевала Россия с Германией со времен тевтонских рыцарей неоднократно, но многое их связывает, даже правящие династии Габсбургов и Романовых в течение нескольких веков находились в родственных связях, а начиная с императрицы Екатерины немцы были званы в Россию на жительство, и ныне в пределах нашей страны их проживает более двух миллионов. И хотя в последние годы идет мощный отток российских немцев на свою историческую родину, они все еще заметная нация

в России, и это имел в виду Шубарин, отправляясь изучать банковское дело в Германию. Он знал: «Иван, не помнящий родства» — поговорка уникально русская, вряд ли в другом языке можно отыскать ей подобную, и никогда в Германии не забывали о немцах, живущих в России.

Замысливая основать свой собственный коммерческий банк, Шубарин с самого начала хотел ориентировать его на прочную связь с Германией, и в местах компактного проживания немцев в Казахстане, Киргизии, Узбекистане уже представлял филиалы своего банка, через них он напрямую вывел бы немецких промышленников и банкиров на соотечественников, чтобы они могли открыть там предприятия, построить эффективные заводы малой мощности, оказать реальную помощь на месте, и тогда прекратился бы хаотичный отток немцев из России, что создает проблемы для обоих государств. И тут, в Германии, он уже находил понимание своих планов.

Шубарин часто бывал на Западе и в застойное время, он был «выездным», водил дружбу с такими людьми, чье слово легко открывало любые двери. В ту пору боялись одного — чтобы не сбежал. А за Артура Александровича можно было поручиться, знали, что на Запад его никакими калачами не заманишь; поехать, посмотреть — это одно, а жить, для русской души Шубарина, — невозможно ни при каких обстоятельствах.

Пользуясь неразберихой первых лет перестройки, он раньше других мог перевести свои капиталы за границу, но не сделал этого. Многие его компаньоны еще в семидесятые годы уехали на Запад и там, даже разбогатев, ощущали, как не хватает им финансового гения Шубарина, его чутья, железной хватки, недюжинных инженерных знаний. Они предлагали проекты создания совместных предприятий, крупных сделок, чтобы Японец, как называли они его в своем кругу, мог, сохранив капитал, перебраться за кордон. Немало процветающих ныне на Западе людей были обязаны в свое время благополучием Шубарину: одни кормились возле него, другим он помог подняться, кому деньгами, кому советом, чаще и тем и другим. А кое-кого, пользуясь связями, вытащил из петли, такое вряд ли забудешь. И, прослышав, что он находится в Германии, они, не утратив еще русских традиций и привязанностей, частенько навещали его в Мюнхене. Так сложилось, что редко какой

уикенд он проводил в Мюнхене, обычно друзья заезжали за ним, и они отправлялись то в Голландию, то в Швейцарию, то в Австрию.

Фирма, организовавшая банковские курсы, снимала для Шубарина меблированную квартиру в хорошем районе, недалеко от места занятий, куда он добирался пешком через ухоженный муниципальный парк. Но сегодня он перебрался в пятизвездочный отель «Риц» на респектабельной Кайзерштрассе, всего на три дня. На игру мюнхенской «Баварии» с португальской «Бенфикой» и повидаться с ним прилетал его старый компаньон, уже тринадцать лет живущий в США, бывший московский грузин Гвидо Лежава, теперь уже мистер Лежава. Правда, Гвидо прилетал не из Америки, а из Португалии, где имел свое дело и приобрел шикарный особняк в пригороде Лиссабона, рядом со знаменитым океанским пляжем Эшториаль, столицу он называл несколько непривычно для нашего слуха — Лизбон. Запад не убил в Гвидо одной давней страсти — любви к футболу, он болел за тбилисское «Динамо» и «Бенфику», в раздевалку которой входил как к себе домой, и приурочил свой приезд к финальной игре на кубок европейских чемпионов любимой команды с мюнхенской «Баварией». Гвидо и оплатил два роскошных номера в «Рице» и билеты на хорошие места, стоившие на черном рынке почти тысячу долларов.

Благодаря прежним связям в Мюнхене Артур Александрович не нуждался в деньгах и, на взгляд своих коллег по курсам да и руководителей банка, жил на широкую ногу. Он был единственным, кто за дополнительную плату попросил сменить двухкомнатную квартиру на трехкомнатную — сработала старая привычка к простору. Через неделю после приезда приобрел чопорно-белый «мерседес», позволял себе частые поездки во франкфуртскую оперу и штутгартский балет, и его уже не раз приглашали в закрытые клубы деловые люди Мюнхена, внимательно присматривавшиеся к прибывшим на стажировку в знаменитый Баварский банк.

Русский с замашками западного бизнесмена, быстро освоившийся в чужой стране, вызывал доверие и уважение. К нему в последнее время вдруг стали обращаться за консультацией солидные люди, знакомства с которыми ищут годами, ловят случай, а они сами зазывали его в гости, — в этом, пожалуй,

и была главная удача поездки, на которую он решился с трудом. Иногда Шубарин думал: заделайся он только консультантом по советскому рынку для западных бизнесменов, уже нажил бы себе капитал и имя, но он верил, что наступят лучшие дни и для России, и там пригодятся его опыт и знания.

Он подъехал к «Рицу» на собственном «мерседесе» за несколько часов до прилета Гвидо, зная, какой в этом отеле замечательный бассейн и массажные комнаты; уже вторую неделю не мог вырваться ни на корт, ни поплавать, насыщенные выпали дни. Когда он, назвавшись, получил ключи от апартаментов на восьмом этаже, портье протянул ему еще и золотую карточку для VIP- персон, пояснив:

— Для вас в отеле повсюду открытый счет, об этом распорядился мистер Лежава, только следует показать эту карточку. В «Рице» есть все для отдыха, желаю приятно провести время.

Поплавав, побыв недолго в сауне, навестив массажиста и парикмахера, он поднялся к себе в апартаменты. Собирался связаться с Ташкентом, с Москвой, но позвонить никуда не успел — затрезвонил телефон на столе, и, подняв трубку, он услышал Гвидо:

— Здравствуй, Артур. Я уже в Германии, звоню из аэропорта. Отсюда до «Рица» почти час езды, но сегодня забиты все дороги, я видел это с воздуха. Стадион притягивает немцев, словно Кааба паломников. Да, трудно придется сегодня «Бенфике».

— Ничего, надеюсь, ребята справятся, — ответил Шубарин.

— Пожалуйста, спустись вниз, найди итальянский ресторан, он в правом крыле. И закажи стол, по-русски, с закусками, плотными блюдами, десертом, а вина там напоминают наши, грузинские, ты знаешь в них толк, я помню... Соскучился я по тебе, по ночным разговорам, застольям... Тут живут по-другому, и нам никогда не привыкнуть, будь даже трижды миллионером... — закончил он грустно.

До стадиона знаменитого футбольного клуба «Бавария» они добивались дольше обычного, хотя Шубарин хорошо ориентировался в городе. Улицы Мюнхена превратились в сплошной поток машин, и каких тут только номеров не было: и итальянских, и французских, и греческих, и турецких, не встречались только из нашей страны, нам теперь не до футбола. Бросив

машину далеко до цели, пробивались они в людском потоке пешком еще почти полчаса и успели к самому началу матча.

Игра выдалась нервной, жесткой, в первые пятнадцать минут судья удалил по одному игроку из каждой команды, но страсти не утихали, и хотя преимущество хозяев поля ощущалось, первый тайм закончился вничью — 1:1.

Едва прозвучал свисток на перерыв, Гвидо вскочил разгоряченный:

— Артур, ты побудь один, а я схожу в раздевалку «Бенфики», обещал ребятам. Они сегодня ночью возвращаются домой, через два дня важная календарная игра в Лизбоне. — И он по-мальчишески ловко побежал вниз: они находились в секторе, под которым располагались футбольные раздевалки обеих команд.

В перерыве матча произошла странная встреча, на минуту заставившая его почувствовать себя неудобно. После плотного обеда в «Рице» Шубарина мучила жажда, и он окликнул лоточника, появившегося в проходе, попросив передать ему минеральной воды. Адресованную ему бутылку французской «Перрье» услужливо донес мужчина, двигавшийся в его сторону. Передав воду, он без разрешения уселся рядом, на место Гвидо, и вдруг на чистейшем узбекском языке, улыбаясь, сказал:

— Добрый день, Артур Александрович. Как вам живется в Мюнхене, нет ли проблем?

Выручила обычная сдержанность; Шубарин молча допил воду и, повернувшись, оглядел странного человека, говорившего по-узбекски. Мужчина лет сорока в модном мешковатом костюме, дорогом и чрезмерно ярком галстуке, наверняка приобретенном в одном из французских магазинов на Кайзерштрассе, по выговору и внешности вполне походил на ташкентца. Так с уверенностью можно сказать в Москве или Ленинграде, но встретить земляка в Мюнхене, да еще в самом дорогом секторе стадиона...

Взгляд Артура Александровича неожиданно упал на руку собеседника, и тяжелые безвкусные перстни с крупными бриллиантами, называемые дома «болванками», выдали в нем с головой «нашего» человека, к тому же отбывавшего срок, о чем свидетельствовала татуировка у запястья, которую неудачно пытались вывести.

Мысль о том, что перед ним представитель нашего посольства, консульства, других официальных учреждений или журналист, прибывший освещать финал кубка европейских чемпионов по футболу, улетучилась сама собой, он уже знал, с кем имеет дело. Шубарин пытался вспомнить это узкое, нервное лицо с тонкой ниточкой холеных усов, с неожиданно срывающимися в бег глазами, никакая респектабельная одежда не могла скрыть в этом человеке нечто порочное, блатное. Японец ясно видел несмываемое тавро преступного мира, на этот счет он никогда не ошибался, слишком хорошо все это было знакомо ему.

— Спасибо. У меня нет проблем. Правда, скучаю по Ташкенту, — ответил он кратко, желая закончить разговор до прихода Гвидо — тот ведь тоже мог догадаться, кого представляет неожиданно объявившийся земляк. Человек, намеревающийся заняться банковским делом, не должен якшаться с уголовкой, банк с плохой репутацией — это нонсенс.

— Да, мы знаем, что дела у вас в Германии идут прекрасно, к вам проявляют интерес многие солидные люди, вы пользуетесь доверием известных бизнесменов, и не только немецких. И мистер Лежава, кажется, готов вложить деньги в ваш банк?

— Мы об этом еще не успели переговорить, — обрубил Шубарин, торопя гонца сказать главное. Тот, видимо, тоже догадывался, что времени у него в обрез, и продолжал:

— Вы самостоятельно и удачно внедряетесь в банковскую систему Европы, и ваша ставка на немцев по обе стороны границы проста и гениальна одновременно. При вашей хватке едва ли кто сумеет пристроиться рядом, приоритет за вами. К тому же ваши приятели, включая мистера Лежаву, уже занявшие определенное положение в западном бизнесе, тоже вряд ли останутся в стороне, если увидят успехи на германском фронте.

Артур Александрович не хотел прерывать собеседника, чувствовалось, что тот говорит заученными фразами, до конца не владея ситуацией, — его, как школьника, заставили выучить урок. От усердия у него взмокли лоб и шея, он спешил выговориться, боясь упустить какую-нибудь деталь.

— Вы понимаете, в Европе, особенно при ее сегодняшней интеграции, все труднее и труднее отмыкать определенные деньги, не говоря уже о том, что это становится слишком дорогим удовольствием. К тому же, известные вам недавние

скандалы с крупными банками в Англии и Америке толкают моих немецких друзей на сотрудничество с нами. Банковское дело для нас занятие новое, а перед любой конвертируемой валютой такое преклонение, что рады любому источнику, тут не до проверки, да и кому контролировать? Дома знаем всех контролеров в лицо, а точнее, знаем, кому какая цена, если же появится вдруг несговорчивый, это уже наша забота. Нам необходим авторитетный банк, и мои немецкие друзья готовы вложить в него во много раз больше, чем все, с кем вы уже переговарили. Они в курсе ваших дел. Надеюсь, вы понимаете меня? — нервно спросил незнакомец, теряясь под пристальным взглядом долго молчавшего Артура Александровича.

— Вполне, — коротко ответил Шубарин. Он еще раз получил доказательство своему утверждению, что в нашей стране международному уровню соответствуют только две отрасли — проституция и преступность. Вот они первыми появились и на международной арене: пока другие разглагольствуют о суверенитете — подлинном и мнимом, о статусе, они свои «деревянные» рубли мгновенно превратят в конвертируемую валюту, а со своих закордонных коллег сорвут за отмывку не меньше, чем где-либо, зря они рассчитывают на щадящие проценты в России...

— Мои немецкие коллеги выписали вам пять чеков по сто тысяч марок каждый, используйте их во благо своего дела...

— Я вполне вас понял, — прервал собеседника Шубарин. — Но деньги мне не нужны, я могу их взять у своих друзей, у мистера Лежавы, например. А что касается банка, мы, кажется, делим шкуру неубитого медведя. Поговорим об этом позже, в Ташкенте...

Он говорил спокойно, хотя все в нем клокотало от ненависти. Хотелось взять неожиданного визитера за ультрамодный галстук и затянуть петлю на его шее до хрипа, до хруста его позвонков. Но голыми руками такого субчика не возьмешь — обязательно надо узнать, кто за всем этим стоит. Гость, видимо, готов был и к такой реакции, имел на этот случай запасный вариант.

— Зря вы не взяли чеки, это от души, полмиллиона марок — деньги. А в Ташкенте, должен вас огорчить, большие перемены... Ваш друг из ЦК Сухроб Акрамходжаев в «Матросской

тишине». Прокурор Камалов, кажется, сел на хвост другому вашему покровителю из Верховного суда — Хашимову. Аксайский хан Акмаль, питавший к вам дружеские чувства, в тюрьме; осужден на пятнадцать лет Анвар Абидович Тилляходжаев, секретарь Заркентского обкома партии, первый ваш патрон. А в новейшее время, перестроечное, которое мы называем нашим, вы, Артур Александрович, новых друзей не заимели. Вы с брезгливостью смотрели вокруг, все вам казались нуворишами, калифами на час, а зря... Вам не на кого теперь опереться в Ташкенте... Мы, и только мы можем по достоинству оценить ваш талант. Вы мечтали стать банкиром, так будьте им, мы поможем, поддержим, защитим...

Гость неожиданно встал и, торопливо попрощавшись, исчез, словно сквозь землю провалился. По лестнице, отыскивая глазами свое место, поднимался мистер Лежава.

... Аксай после ареста хана Акмаля затих, замер, затаился. Кроме Акмаля Арипова, арестовали еще нескольких его приближенных, особенно лютовавших в округе. Возрадовался народ Аксая, решив, что наконец-то и к ним с перестройкой придет иная жизнь. Но летели месяц за месяцем, а лучшая, сытая жизнь в Аксай не заглядывала, даже наоборот, становилось все хуже и хуже.

Если в первое время народ на улицах, в чайхане, на свадьбах говорил о том, что наболело за долгие годы правления хана Акмаля, то теперь ситуация изменилась. Снова простые люди не поднимали глаз от земли: реальность возвращения хана Акмаля ощущалась во всем, и, прежде всего, в поведении его холуев. Вот кто ходил теперь с гордо поднятой головой и уже вновь угрожал: подождите, вот вернется Хозяин, он вам покажет и гласность, и перестройку, и плюрализм мнений, и демократию...

Особенно беспокойно почувствовали себя жители Аксая во время ферганских событий, когда были спровоцированы погромы турок-месхетинцев. В эти дни на постаменте бронзового Ленина на Красной площади Аксая появился рукописный плакат: «Трепещите! Хан Акмаль вернулся!» Но тревога оказалась ложной, хотя повсюду рассказывали, что видели хана Акмаля то тут, то там, и со дня на день ждали его возвращения в Аксай на белом коне.

Вновь приободрился тихий, набожный старик в белом, Сабир-бобо, духовный наставник Акмаля Арипова. В связи с празднованием тысячелетия христианства на Руси власти стали терпимее относиться к религии, сначала к христианской, а затем и к мусульманской. Впервые за много лет состав группы паломников, отправлявшихся в Мекку, определялся в Духовном управлении мусульман. Задумал совершить хадж к священным камням Каабы и Сабир-бобо. Он даже загадал: если его допустят в святые места Мекки и Медины, разрешат принести в жертву черного барана, значит, Аллах простил племянника-предателя, убитого им по воле Всевышнего...

Хадж в Саудовскую Аравию Сабир-бобо совершил, и даже дважды, и теперь был убежден, что его любимый племянник прощен и находится в раю. Вернувшись после первого паломничества, Сабир-бобо объявил землякам, что жертвует крупную сумму на строительство мечети в Аксае.

Самым удивительным для забытых дехкан оказалось место, которое выбрал Сабир-бобо для постройки мечети. Ее начали возводить прямо на огромной Красной площади Аксая, напротив внушительного памятника Ленину, с протянутой, как оказалось, в никуда рукой. Видимо, далеко вперед смотрел Сабир-бобо: в дни больших мусульманских праздников редко какая мечеть способна вместить всех верующих, но на площади перед ней найдется место каждому правоверному. А что Ленин будет созерцать склоненных в намазе людей — не беда, ведь и на него молились семьдесят с лишним лет, да результат налицо. Аллах, по крайней мере, не обещал счастья и равенства всем. Да и вряд ли он долго тут простоит: в России, да и на Украине, в Молдавии, что ни день — крушат памятники лысому вождю. «Как аукнется — так и откликнется», — гласит русская поговорка. В свое время по его приказу рушили церкви и расстреливали священников, а колокола из храмов переливали на сантехнику да на памятники вождям, а теперь много тысяч его бронзовых скульптур, скорее всего, пустят вновь на колокола, — ныне церкви, как и мечети, растут и множатся с каждым днем, а с медью туго...

Хадж — паломничество в святые места мусульман — для нашей страны дело столь непривычное, что вернувшихся оттуда начинают почитать едва ли не как пророков. А Сабир-бобо

побывал там дважды, да еще и мечеть решил воздвигнуть в Аксае на собственные средства, тут уж его авторитет в крае поднялся невероятно.

Быстро меняющаяся ситуация в государстве то радовала, то пугала Сабира-бобо. Развал большой страны и так долго ожидаемый, почти нереальный суверенитет республики, казалось, сулили благо: Акмаль Арипов автоматически получил бы свободу, обвинение прокуратуры чужой страны для Узбекистана утратило бы силу, а уж дома хозяин Аксая знал бы, как действовать, еще и капитал политический нажил за время, проведенное в подвалах КГБ.

Пугало другое... Кто придет к власти в суверенной республике? Раньше все было ясно: правительство, его верхние эшелоны, считай, формировались в Аксае, мало кто становился министром без одобрения хана Акмаля, но то были все люди известные, родовитые, уважаемые, члены партии, с немалым опытом руководства, о претендентах, не занимавших определенные посты, и разговор не возникал. Но сегодня, когда и в спокойном Узбекистане забурлил народ, откуда-то появились новые лидеры — без роду, без племени, какие-то писатели, ученые и журналисты, инженеры и агрономы, и массы слушают их, верят, дружно вступают в новые партии и движения. Куда они поведут республику, и смогут ли вообще куда-то вести, или все дело и ограничится говорильней, сотрясением воздуха? Приоритет прав личности, гражданина перед интересами нации, государства — что это такое? Ведь советский человек сызмала был приучен к мысли, что интересы государства — превыше всего. А выходит — все как раз наоборот? И как далеко заведут край новоявленные демократы из Ташкента и их друзья в областях? А как же религия, ислам? Будет ли она влиять на государство или они обречены существовать сами по себе, параллельно, лишь изредка пересекаясь, вопреки законам математики?

«Нет, ставку на одну религию делать рано, — считал Сабир-бобо. — Пока это удел стариков из провинции, а они в жизни государства играют не главную роль, все решает по-прежнему партийная номенклатура, люди на должностях».

В республиках Средней Азии, как и в стране в целом, за годы перестройки мало что изменилось. Пользуясь обстановкой,

один клан изгнал другой, тут всегда сводят счеты от имени государства, на толпу это производит впечатление торжества законности, да и на центр тоже, — коммунисты за семьдесят лет правления ни на шаг не продвинулись в понимании Востока, его подлинной сути. Нет, надо искать людей с четкой программой в государственной структуре, и Сабир-бобо с каждым днем все больше убеждался, что пора действовать, налаживать связи в Ташкенте. И первым человеком, на кого он решил выйти лично, оказался Салим Хашимов, чиновник из Верховного суда, старый друг, однокашник и многолетний сослуживец Сухроба Акрамходжаева, так неожиданно свалившегося однажды на голову хана Акмаля...

IV

Новый год, как и предугадал прокурор Камалов, Миршаб провел в страхе, хотя, на взгляд родных и близких, веселился как никогда. Вернувшись домой из «Лидо», он застал у себя брата и сестру с семьями, а чуть позже приехали родственники жены. С тех пор, как Салим круто поднялся по службе, большие праздники отмечали только у него, этим в Средней Азии отдается дань тому из клана, кто добился наибольшего успеха.

Нужно жить на Востоке, чтобы понять, что значит родня в судьбе каждого. Человек без родни, без рода, по местным понятиям, — ничто. Тут, чтобы узнать о ком-то, прежде всего спрашивают — откуда, из каких мест происхождением, с кем состоит в родстве, — и сразу становится ясно, почему тот или иной в почете, при должности.

Хашимов первым поднялся из своего клана, стал заметной фигурой и, получив возможность, с особым рвением помогал продвижению по службе многочисленному роду, видимо, помня, как трудно вершилась собственная карьера.

Опять же, надо жить на Востоке, чтобы понять отношение к гостям. Тут им действительно искренне рады — дом, в котором не бывают люди, даже богатый, благополучный, не пользуется уважением. Такие традиции имеют многовековую историю, и европейцу трудно представить, что бедняк, например, мечтает не автомобиль приобрести, а принять хоть раз

в жизни полный двор гостей за щедро накрытым столом. Эта национальная черта в крови и у дехканина, гнущего спину под нещадно палящим солнцем на хлопковых плантациях с утра до ночи за гроши, и у таких людей с рафинированным воспитанием и образованием, как Салим.

Встретив нежданно-негаданно прокурора Камалова в «Лидо», он забыл и про новогодний подарок для прелестницы Наргиз, и о том, что сегодня в его доме по традиции соберется многочисленная родня. Но долг хозяина дома заставлял его время от времени забывать о нависшей над ним угрозе. Даже в такие минуты гость — превыше всего. Он помнил о загодя приготовленных подарках сестрам, братьям, кузинам, племянникам, своякам и свояченицам — каждого в богатом и щедром доме Миршаба ждал сюрприз. Такое не забывается, а в эту ночь Салим Хасанович был воистину щедр, понимал, что, случись с ним беда, родня, клан никогда не оставит в горе ни жену, ни детей.

Обычно после встречи Нового года по московскому времени гости начинали разъезжаться, но в этот раз хозяин дома, неистощимый на выдумку и фантазию, не отпускал никого до утра. Он боялся остаться в огромном доме наедине с собой, со своими мыслями, которые то и дело возвращались к угрозе прокурора Камалова.

Под утро гости, не привыкшие к такому длительному и обильному марафону за столом и вокруг елки, буквально валились с ног, и Салим, присевший на минутку в глубокое кожаное кресло перевести дух, тут же, в зале, мгновенно заснул. Только тогда родные и близкие стали покидать гостеприимный дом, благодаря хозяйку за удивительно веселый праздник.

Проснулся Миршаб в полдень, встал свежим, с ясной головой, словно и не было накануне сложного дня и бурной новогодней ночи. Он давно заметил за собой эту странность: чем жестче брала его жизнь в оборот, тем четче, аналитичнее работала голова, словно вся его энергия аккумулировалась в эти дни, — он действовал хладнокровно, разумно и быстро. Позже, когда нашу жизнь захлестнут волны гороскопов и всяческих предсказаний-прогнозов, однажды, в день его рождения, вместе с утренней почтой секретарша положит на стол его подробный гороскоп. И только тогда Миршаб узнает,

что он — Скорпион, и что люди, родившиеся под этим знаком Зодиака, лучше других проявляют себя именно в экстремальных ситуациях. И тут скептический Салим не мог не согласиться с выводами астрологов.

Приняв душ, он решил позвонить Коста, хотя не надеялся, что тот окажется дома. Но Джюев тут же поднял трубку, и Хашимов расценил это как добрый знак. Расспросив, как прошла встреча Нового года в «Лидо», не было ли эксцессов в зале, — уж Миршаб-то знал, какие крутые люди собираются у Наргиз, — он попросил Коста заехать домой. Тот обещал приехать через час.

Коста, уже знавший от Карена, что прокурор Камалов побывал в ресторане и нагнал страха на всех, поспешил к Миршабу не по этому поводу. Вчера, когда он уже собирался на гулянье, из Мюнхена позвонил Шубарин.

Артур Александрович поздравил Коста с наступающим Новым годом, коротко справился о делах и сумел поведать о главном в своей излюбленной иносказательной манере, понятной только Джюеву: тут ему успели сесть на хвост. Он коротко описал человека, изъяснявшегося по-узбекски на стадионе мюнхенской «Баварии». Этого гонца следовало вычислить, а главное, установить тех, кто за ним стоит. Вот о чем, как полагал Коста, пойдет разговор в доме работника Верховного суда.

Но любой зов Миршаба Коста игнорировать не стал бы: он помнил, что именно Салиму и его другу Сенатору обязан жизнью, ведь это они выкрали его из института травматологии и уберегли от тюрьмы. И только благодаря им уцелел хозяин Коста — Шубарин, ведь кейс убитого прокурора Азларханова со сверхсекретным компроматом на самых влиятельных людей в республике и высочайших сановников из Москвы, даже из Кремля, тоже выкрали Миршаб с Сенатором. Теперь, как говорится, по гроб жизни обязан, какие уж тут праздники...

Коста приехал к Миршабу на скромной белой «Волге» Шубарина, но мало кто знал, что на ней стоит дизельный двигатель от «вольво», темные, с зеленоватым отливом, пуленепробиваемые стекла с бывшей машины самого Рашидова, а все четыре двери вполне выдерживают автоматные очереди. Машиной шефа Джюев стал пользоваться совсем недавно, после того, как тот обмолвился, что непременно пригонит из

Германии какую-нибудь престижную машину — он знал, что Ташкент не по дням, а по часам наводняется роскошными автомобилями, а хозяину коммерческого банка сам Бог велел держать марку.

Коста знал толк в машинах и поставил несколько условий: пуленепробиваемые стекла, хотя бы одна бронированная дверь (в стране теперь такое творилось!) и обязательно кондиционер, без него машина в Средней Азии летом превращается в душегубку.

Коста до этого дня у Миршаба не бывал. Едва он просигналил у тяжелых окрашенных под серебро ворот, как в доме включили автоматику, и массивные створки мягко раздвинулись, впуская машину, неоднократно бывавшую в этом дворе. Салим встречал на пороге, и Коста лишний раз удостоверился, что предстоит не только серьезный разговор, но и, скорее всего, неотложные дела. Хозяин провел гостя через огромный зал с наряженной елкой прямо к себе в кабинет, где на столике, стоявшем между двух кресел, уже дымился традиционный чай, а рядом в вазочках — свежий виноград с чуть потемневшей, пожухлой кожицей, сухофрукты, орехи, изюм и печенье — скромно и со вкусом.

Коста, переступив порог кабинета, отметил про себя, какое влияние имели на Сенатора и на Миршаба вкусы его патрона — Шубарина. Тщательно отреставрированная изысканная мебель прошлого века; за стеклами тянущихся вдоль стен высоких книжных шкафов рядом со старинными фолиантами — древняя бронза Китая и Бенина, собранная с толком; игрушки и жанровые сценки немецкого фарфора, фигурки хрупкого русского фарфора кузнецовских и гарднеровского заводов. А на стене напротив, задрапированной зеленым бильярдным сукном, с подюжины картин в великолепных палисандровых рамах с резной золоченой лепниной — все невольно напоминало рабочий кабинет Шубарина. Видимо, неплохо потрясла местная таможня для Миршаба отъезжающих на жительство за рубеж, такого и в комиссионной торговле не увидишь.

Распросив Коста о житье-бытье, здоровье, настроении, без чего не начинается ни один разговор на Востоке, каким бы срочным и важным он ни был, Миршаб подробно рассказал об «обмене любезностями» с прокурором Камаловым в «Лидо».

Коста тут же сделал для себя неожиданный вывод: Хашимову ничего не известно о странной встрече Артура Александровича с земляком на стадионе в Мюнхене...

Неожиданно Хашимов спросил Коста в лоб: можно ли в недельный срок серьезно скомпрометировать прокурора Камалова. Коста без раздумий ответил — нет. Тут, по мнению Коста, был только один путь — убрать, и без шума, чтобы не всколыхнуть общественность, — Камалов слишком заметная фигура в республике.

Салиму пришлось согласиться, что времени для шельмования прокурора у них действительно нет и выбор средств сводится к минимуму... Но тут он как бы невзначай перевел разговор на Беспалого, находящегося в следственном изоляторе КГБ. От этого важного свидетеля в руках прокурора Камалова могла потянуться цепочка и к нему, Салиму, и к Артуру Александровичу, да и к самому Коста...

Джиоев невольно усмехнулся в душе словам Миршаба. Он хорошо знал Парсегына: тот никогда бы не показал на него, они оба воры в законе, а это ко многому обязывает. Догадался Коста и почему Артем сдал только Сенатора: получив срок, тот начнет через родню и дружков шантажировать Миршаба, и тому волей-неволей придется помочь, — работая в Верховном суде, сделать это несложно. Беспалый выбрал, казалось бы, верный расклад, но... Свои быстро мелькнувшие мысли гость вслух не высказал. Понял Джиоев и другое: судьба Парсегына решена, у него самого тоже нет выбора — настал час рассчитаться по вексялям. Вчера они его вынули из петли, сегодня его очередь спасать связку Сенатор — Миршаб.

Коста угадал верно: Миршаб действительно завел разговор о том, что Парсегына необходимо ликвидировать. Но все упиралось в КГБ — достать там Беспалого казалось невозможным. Больше трех часов они разрабатывали версию за версией, но все выходило не то, не то... Уже когда собирался уходить, Коста неожиданно осенило:

— Мы изначально неверно выбрали тактику. Зря ищем человека в КГБ, на которого есть или возможен выход. Даже если и найдем такого, что само по себе сложно, может оказаться, что он и при желании помочь нам не будет иметь доступа к Парсегыну... А значит, нам нужен человек вне системы

КГБ, но имеющий доступ к Беспалому... Врач, например, или банщик...

Поняв, что он наткнулся на дельную мысль, Джиев вернулся в кресло и молчал минуты три. Миршаб никак не решался прервать паузу. И вдруг Коста пробормотал потухшим голосом: «Оминь», сделав при этом многозначительный жест — так по мусульманскому обычаю провожают в последний путь покойников:

— Все, приехал Парсегян. Я уже знаю, как от него избавиться, но нужна будет неделя-другая кропотливой работы...

— Ну-ка, ну-ка, изложи, — оживился Миршаб.

— КГБ имеет для сотрудников мощную медсанчасть, она в центре города, примыкает к их главному корпусу, напротив железного Феликса. По моим сведениям, единственная на всю столицу японская аппаратура по экспресс-анализу болезней почек находится именно у них, но туда многие проникают по блату. От вас требуется одно: завтра же позвонить главному врачу медсанчасти КГБ и попроситься к ним на обследование почек. По другим болезням не поверят, вы ведь на учете в правительственной поликлинике состоите, где есть все, кроме этого аппарата, — за это головой ручаюсь. Постарайтесь сделать туда хотя бы две ходки. На первый случай, уговорившись, придите без анализов, скажете, что позабыли дома, в общем, чем дольше пробудете там, тем лучше.

Цель вашего похода — узнать побольше фамилий врачей, человек десять — двенадцать, чтобы я вычислил тех, кто может иметь доступ к следственному изолятору. Я знаю, у Парсегыана зимой сильно болят ноги, жесточайший радикулит, в тюрьме он орал по ночам так, что его выводили без конвоя из камеры. А дальнейший план я расскажу вам, как только остановлю на ком-то из вашего списка свой выбор, — сказал Коста и поднялся, считая свой визит законченным.

По глазам Миршаба он понял, что заронил в нем надежду на успех. Хозяин даже отправился проводить гостя. Разогревая во дворе застывший мотор машины, Джиев вскользь добавил:

— А с Москвичом проблем поменьше, — он ведь по-прежнему лежит на третьем этаже, и окно его выходит в темный двор...

В первый же рабочий день нового года утром Салим позвонил главному врачу медсанчасти КГБ республики и договорился

об обследовании. По разговору Миршаб понял, что Коста располагал верной информацией, и его посещение поликлиники ни в коем случае не должно вызывать подозрения, мог же он позволить себе проверить почки, даже если они вполне здоровые.

Собираясь в медсанчасть, Хашимов захватил на всякий случай небольшой, со спичечный коробок, диктофон, впрочем, записывающая аппаратура всегда находилась при нем, в верхнем кармане пиджака, и не раз оказывала неоценимую услугу. Помогла она ему неожиданно и на этот раз.

В проходной он получил уже выписанный пропуск, и вахтер подсказал, что кабинет главного врача находится на четвертом этаже. Как только Хашимов уяснил, что никто не будет его сопровождать, он понял, что надо делать. В таком случае можно вообще обойтись одним посещением, не понадобится даже трюк с забытыми анализами: Миршаб знал, что почки, как и все остальное, у него в порядке.

Он поднялся на лифте на третий этаж и, как бы отыскивая нужную дверь, прошелся по длинному коридору, вдоль кабинетов, на дверях которых были прибиты таблички с указанием специальности врача и его фамилии, имени, отчества. Шепотом он надиктовал на магнитофон не десять фамилий, как просил Коста, а восемнадцать, и еще двенадцать прибавилось на четвертом этаже. Вышло, что теперь и заходить к главному врачу не было нужды, но повеселевший Миршаб, подумав, решил все-таки заглянуть в кабинет. Потом он не раз пытался осмыслить удачу, выпавшую случайно. Он чуть не повернул назад, увидев в приемной очередь, но что-то остановило его, и терпение вознаградилось сторицей. После краткой беседы и обмена традиционными восточными любезностями главный врач сам вызвался проводить высокого гостя на экспресс-анализ. Как только они вышли в длинный коридор, который Миршаб десять минут назад прошел из конца в конец, их остановил, извинившись, корректный офицер в форме пограничных войск и попросил подождать две минуты.

Салим увидел, что из кабинета какого-то врача одновременно, словно в связке, вышли двое мужчин, один в военной форме, и быстро направились к лифту в конце коридора, возле которого тоже стоял человек в погонах. Опытный глаз Миршаба

сразу заметил, что человек в гражданском соединен наручниками с офицером — есть такая форма сопровождения для особо опасных преступников. Всегда хладнокровный Владыка ночи потерял дар речи: преступник, которого с такими предосторожностями сопровождали к лифту, был... не кто иной, как Беспалый, Артем Парсегян...

Все длилось какую-то минуту, и вряд ли кто обратил внимание на этот эпизод, но Салим словно пребывал в шоке, ему хотелось ущипнуть себя — нет, он не ошибался: арестант с седой курчавой головой, без сомнения, был тем самым человеком, за которым он охотился. Проходя мимо кабинета, откуда вывели Парсегына, Миршаб даже успел увидеть зубного врача, чья фамилия уже была записана им среди прочих других.

Наверное, следовало смолчать, но Салим не выдержал и спросил у словоохотливого главврача:

— У вас тут и подследственных лечат?

— Нет, это особый случай, да и пациент, честно говоря, не наш. Прокурор республики, говорят, спрятал его у нас, какой-то важный свидетель, берегут как зеницу ока. Кажется, сегодня первый визит...

Вечером того же дня, когда врач-стоматолог шагал с работы в сумерках по слабоосвещенным улицам к метро, его вдруг окликнули сзади из стоявшей у обочины машины:

— Ильяс Ахмедович, садитесь, я подвезу вас...

Стоянка для личных машин сотрудников была во дворе КГБ, но туда имели доступ лишь высокие чины, остальные оставляли автомобили на свой страх и риск на улице. Зубного врача частенько подвозили домой его пациенты, и всегда это выходило случайно. Приглашение было неожиданным и приятным: ехать сейчас в переполненном метро, а потом ждать на морозе еще автобус не доставляло радости, и он поспешил к заиндевелой от мороза машине, где ему любезно отворили заднюю дверь.

Он с удовольствием ввалился в темный и теплый салон «Волги», и она, звякнув цепями на шинах задних колес, от гололеда, легко и сильно взяла с места, что, в общем, не удивило Ильяса Ахмедовича, он знал, что на многих машинах чекистов стояли форсированные двигатели, а то и вовсе моторы с мощных иномарок. В «Волге», кроме водителя, находились еще двое, один на переднем сиденье, другой рядом с ним, все они

дружно приветствовали его. В салоне громко звучала музыка, но пассажиры, даже с появлением доктора, не прерывали горячий спор о последнем выступлении Горбачева по телевидению, и минуты через две стоматолог с не меньшим жаром вступил в разговор.

За спором, становившимся все острее и жарче, Ильяс Ахмедович не заметил, сколько они проехали, как водитель произнес вдруг: «Все, приехали!» Пассажиры стали дружно выбираться, вышел и стоматолог. Машина стояла в глухом дворе, напротив сияющего огнями большого дома, а сзади закрывали гремящие железом ворота.

Ильяс Ахмедович на секунду растерялся, не понимая, почему они тут оказались, но тот, что был за рулем, бережно взяв его под локоть, с улыбкой сказал:

— Не переживайте, доктор, будете дома не позже обычного, знаем, жены у всех ревнивые. Вот ребята захотели по рюмочке хорошего коньяка пропустить, говорят, на Новый год все запасы опустошили, а сейчас со спиртным, сами знаете, туго. А у меня завалилась бутылочка армянского... Прошу в дом...

От любезного голоса, дружелюбной улыбки, что излучал хозяин дома, возникшая тревога вмиг пропала. Позже, перебирая в памяти происшедшее, стоматолог сделал для себя вывод, что все время находился словно под гипнозом этого обаятельного и властного человека. Мужчины вошли в дом. И действительно, едва сели за стол, продолжая начатый в машине разговор, хозяин внес поднос с закусками и марочным коньяком «Двин». В салоне, в темноте, доктор не мог разглядеть лица собеседников, а сейчас в хорошо освещенной комнате они показались ему знакомыми и незнакомыми, впрочем, всех и не упомнишь, в иной день он принимает до двадцати человек. А хозяин дома вполне походил на одного из молодых, энергичных руководителей с шестого этажа дома напротив облупившейся статуи ташкентского варианта железного Феликса — так же уверен, спокоен, подчеркнута культурен, с иголки одет. После того, как выпили по рюмочке, хозяин дома глянул на часы и сказал, обращаясь к врачу:

— У нас к вам, Ильяс Ахмедович, очень большая просьба, а точнее, мы нуждаемся в вашей помощи...

— Слушаю вас, рад помочь, чем могу, — опять же ничего не подозревая, ответил стоматолог.

— У вас проходит курс лечения Артем Парсегиан, и мы очень интересуемся этим человеком...

И только тут гость понял, что вляпался в неприятную историю: органы втягивают его в дело какого-то Парсегиана. Мелькнула мысль, что, возможно, его проверяют, ведь он знал, где и с кем работает. Как всякий советский человек испытывает невольный страх перед грозной аббревиатурой «КГБ», ощущал его и Ильяс Ахмедович. Этот страх завладел им еще сильнее, когда он стал работать там в медсанчасти. Нет, он не мог сказать, что его запугивали, стращали, или он узнал что-то ужасное и конкретное о делах в здании, занимавшем целый квартал города. Нет, неуютно было из-за некой атмосферы, царившей вокруг. Неестественность поведения отличала всех этих людей, ежедневно десятками приходивших к нему на прием. Вот отчего доктор вначале принял новых знакомых за людей из «большого дома», за своих пациентов. Но хозяин сразу поставил все на свои места.

— Доктор, мы не ваши пациенты, наши интересы не затрагивают КГБ, просто они случайно пересеклись. У вас прячут некоего Парсегиана...

— Я не знаю никакого Парсегиана! — почти истерично выкрикнул стоматолог.

Страх затуманил мозги, ему было наплевать и на какого-то Парсегиана, и на КГБ, и на государственные интересы, которые давно подавили его личные. Жаль было себя, детей, он понял, что влип в смертельную историю, нечто подобное ему рассказывали на беседах при приеме на работу. Но он действительно не знал никого по фамилии Парсегиан, хотя армяне и работали в КГБ, сам хозяин ведомства, еще недавно числившийся среди приближенных Рашидова, был армянином.

Хозяин дома, еще раз глянув на свои «Картье», словно куда-то опаздывал, внимательно посмотрел на Ильяса Ахмедовича, который был близок к истерике, и понял, что Парсегиана наверняка приводили к нему без всяких документов, без карточки, а может быть, и под другой фамилией. И он стал описывать стоматологу Беспалого подробно, напомнив, что тот был сегодня утром у него в кабинете в сопровождении конвоя.

— Да, был такой человек, но фамилию его я слышу от вас впервые, — ответил с некоторым облегчением врач, он не собирался ничего утаивать о больных зубах пациента.

— Хорошо, что вспомнили, — спокойно ответил хозяин дома, но почему-то ледяным холодом повеяло от этих слов. — У нас нет времени долго уговаривать вас, ибо наша жизнь, — хозяин дома окинул взглядом давно замолчавших спутников, — в опасности, в опасности и жизнь многих высокопоставленных лиц. Все упирается в Парсегына: у него оказался слишком длинный язык, и его приговорили, его смерть — лишь вопрос времени. А жизнь его сегодня зависит от вас...

Хозяин дома разлил в очередной раз коньяк по рюмкам, многозначительно поднял свою...

Ильяс Ахмедович машинально, со всеми, выпил коньяк, ощущая себя под гипнозом серых, чуть навывкате ледяных глаз собеседника, и как бы с обидой оборонил:

— Почему же от меня? Мне он не мешает, пусть живет...

Он даже удивился своему ответу, прозвучавшему, на его взгляд, смело и остроумно. Но хозяин дома, обладавший мгновенной реакцией, пояснил, словно перевернув пластинку:

— Если вам не нравится такая редакция, скажу по-другому: ваша жизнь зависит от смерти Парсегына.

— Я должен его убить? — испуганно прошептал побледневший стоматолог, и было видно, как у него задрожали руки.

— Какие ужасы вы говорите, доктор... Он умрет своей, естественной смертью, и ни одна экспертиза не докажет обратного, проверено не раз. Но только вы имеете к нему доступ, иначе мы бы обошлись без вас. Если вы фаталист — считайте, это ваша судьба, ее не объехать...

Он достал из кармашка жилета тоненькую пробирочку, на манер тех, в которых продают пробные партии духов. В ней на донышке перекачивался черный шарик размером с треть самой маленькой горошины.

— Вот этот катышек вы должны положить ему завтра под пломбу. Он отойдет в мир иной ровно через пять дней — и наши проблемы решатся сами собой. Таким сроком мы располагаем... Ну, конечно, услуги подобного рода всегда высоко оплачивались, не будем мелочиться и мы...

Один из сидевших за столом молодых людей, кавказской внешности, подал черный пластиковый пакет, и хозяин дома выложил перед Ильясом Ахмедовичем пять пачек сторублевки в банковской упаковке.

— Здесь пятьдесят тысяч, сумма немалая, даже в инфляцию.

Доктор никак не реагировал на подношение, он словно пребывал в шоке. Обрывая затянувшуюся паузу, «водитель» вдруг зло добавил:

— Наверно, если бы КГБ попросило положить то же самое Парсегяну, как врагу народа, вы сделали бы это не задумываясь и бесплатно...

— Я не могу этого сделать... Вы ведь сказали, что он умрет... — Руки доктора продолжали выбивать дрожь, он не поднимал глаз от пола, боясь взглянуть на собеседников.

— Да, конечно, умрет, гарантированно, — жестко подтвердил хозяин дома. — Но вы должны понять: вы загнаны в тупик, отступать вам некуда. Если вы не согласитесь, живым отсюда не выйдете. Причем на раздумья у вас осталось лишь полтора часа, иначе жена позвонит на работу, и вас начнут разыскивать, а там могут догадаться, что исчезновение связано с сегодняшним посещением вашего кабинета тщательно оберегаемым Парсегяном. Но мы не дадим появиться такой версии. Вы погибнете случайно, после выпивки, под угнанным самосвалом, он уже стоит на обычном вашем маршруте от автобусной остановки до дома. Мы повязаны одной цепью, так что подумайте, доктор...

— Нет, нет, я не могу убить человека! — закричал доктор и попытался рвануться к двери.

Но его ловкой подножкой сбили с ног, затем подняли, надели наручники, заткнули кляпом рот и отвели в комнату без окон.

— Извините, доктор, у вас теперь остался только час, поймите нас — сказал напоследок уже не столь любезный и обаятельный хозяин.

Минут через сорок, осознав весь ужас своего положения, неизбежность своей гибели за чьи-то непонятные интересы, стоматолог забарабанил ногами в дверь.

Судя по картам и деньгам на столе, играли по-крупному, но не это удивило Ильяса Ахмедовича. На столе стоял будильник,

и стрелка подходила к назначенному сроку. Этот буднично-красный будильник вселил в него больше страха, чем все суровые слова хозяина дома, и доктор обреченно выдохнул:

— Я согласен, давайте вашу пробирку...

Дома он был через полчаса. Когда вешал пальто в прихожей, увидел, что из внутреннего кармана высовываются пачки сторублевок...

V

Прокурор Камалов, вернувшийся в больничную палату, выжидал, что же предпримет Миршаб, которому он открыто предъявил счет. Заканчивалась третья неделя нового года, но никаких событий не последовало. Правда, Камалов уже знал, что после его появления в «Лидо» Миршаб звонил в травматологию, якобы желая поздравить с Новым годом и занести праздничный ужин, этим звонком он выяснил, выписался прокурор или нет. Конечно, пока он лежит в больнице, Миршаб располагает большей свободой маневра, сейчас он лихорадочно что-то соображает, организовывает — но что он затевает? Сведений на него почти не поступало, впрочем, этого и следовало ожидать. Салим Хасанович, без сомнения, учел промахи своего друга Сенатора, просто так в руки прокурору не дастся. Это человек, привыкший загребать жар чужими руками...

Лежа долгими часами на больничной койке и размышляя о покушении на трассе Коканд — Ленинабад, о гибели жены и сына, смерти Айдына, когда тот, читая по губам, записывал на магнитофон секретное совещание у него в кабинете, — прокурор постепенно выстроил четкий треугольник: Сенатор, хан Акмаль и Миршаб. Конечно, в эту компанию надо было записать и Артура Александровича Шубарина, но отъезд в Германию задолго до ферганских событий ставил его несколько особняком. Прокурор помнил сказанное полковником Джураевым: «Шубарину нет смысла желать вашей гибели. Он понимает: ни Миршабу, ни Сенатору не нужны ни рынок, ни свободное предпринимательство, а путь к правовому государству, в котором он заинтересован как банкир, лежит через вас...»

Размышляя о Шубарине, чье подробное досье до сих пор находилось у него в палате под рукой, Камалов вспомнил, что тот чрезвычайно высоко ценил прокурора Азларханова, оказывал ему внимание, любил появляться с ним на людях. С Азлархановым дружил и полковник Джураев, тоже лестно отзывавшийся о его человеческих и профессиональных качествах. Жаль, нет его в живых, думал Камалов, как хотелось бы пообщаться с умным человеком, и не только потому, что тот много знал, а потому, что они были люди одной крови, для которых есть один бог — Закон. «Надо заехать к нему на могилу», — подумал Камалов. Он помнил, как полковник Джураев, хоронивший Азларханова, рассказывал, что когда он в годовщину смерти посетил кладбище, то на месте могильного холмика увидел прекрасный памятник из зеленоватого с красными прожилками мрамора, где под словом «прокурор» чуть ниже было выбито: «настоящий». Полковника тогда очень заинтересовало, кто бы мог поставить памятник. Это тоже следовало выяснить, хотя, судя по всему, памятник поставил не кто иной, как Шубарин.

Азларханов, Шубарин, Джураев — почему-то эта цепь совершенно разных людей не шла у него из головы, интуитивно он чувствовал, что с ними связана отгадка многих мучающих его тайн. Но... Азларханова нет в живых, Джураев, начальник уголовного розыска, поведал все, что знал, оставался Шубарин, да и тот далеко, в Германии. И вдруг блеснула шальная идея, скорее мечта — вот бы заполучить Шубарина в союзники, уж этому человеку был известен не только весь расклад сил — кто за кем стоит, он сам некогда был причастен к формированию той командно-административной системы, для которой ныне любые перемены означают крах. А почему бы этой мечте и не сбыться? Ведь Джураев абсолютно верно угадал: при сегодняшних устремлениях Шубарина вчерашние его друзья-прихлебатели — только путы на ногах, ярмо на шее. Теоретически выходило верно, но на практике...

И все же ход этот был логически верным. Камалов вспомнил анонимное письмо на свое имя от некоего предпринимателя, который, наблюдая откровенный грабеж государства (автор писал несколько высокопарно — «держава»), сообщал прокуратуре бесценные факты, конкретные фамилии и организации,

наносящие ущерб народу. Немедленные меры, предпринятые прокуратурами страны и республики, дали поразительные результаты, перекрыли десятки каналов, по которым шли миллионные хищения. А ведь писал человек вроде бы из противоположного лагеря, какой-то собрат Шубарина, не иначе...

Не давала покоя Камалову и давняя странная смерть прокурора Азларханова, казалось бы, не имевшая отношения к событиям сегодняшнего дня. Ведь для ее разгадки и зацепиться было не за что: убийцу выкрали в ту же ночь из больницы, дипломат, доставленный в прокуратуру ценою жизни прокурора, тоже исчез. И вдруг в непонятной еще связи с убийством Азларханова память выудила... фамилию Акрамходжаева.

Полковник Джураев, рассказывая о трагедии, разыгравшейся в холле прокуратуры республики, обронил, что видел там в тот момент Сухроба Ахмедовича. Мысленно Камалов хотел отмахнуться от Сенатора, казалось, тот не имел никакого отношения к Азларханову, ведь уже было точно известно — никогда эти люди не встречались прежде, никогда их интересы не пересекались. В то застойное время они стояли на разных ступенях общественного положения, и ничего не могло быть общего между образованным, эрудированным, окончившим московскую аспирантуру областным прокурором, которого юристы республики величали «реформатором», и вороватым, тщеславным, мелкого пошиба районным прокурором.

Все вроде так... Но вдруг через год ярко взошла звезда Акрамходжаева, серия статей Сухроба Ахмедовича о законе и праве, о правовом нигилизме власти сделала его самым популярным юристом в республике. А ведь общаясь с ним по службе, Камалов не слышал от него ни одной свежей мысли, оригинальной идеи, хотя чувствовал его природный ум и хватку. Отчего же произошла столь странная метаморфоза?

Камалов досконально изучил докторскую диссертацию Сенатора — удивительно современная, емкая, аргументированная работа. Народу прихлилось по душе его выступления в печати, он, конечно, взлетел наверх на первой популистской волне перестройки. Но Камалову всегда казалось, что Сенатор, если судить по его делам и поступкам, не имел ничего общего со своим научным трактатом. Так оно и вышло: Акрамходжаев оказался не тем человеком, за которого себя выдавал.

Это выяснилось в связи со случайным арестом уголовника Артема Парсегына, с которым чиновник из ЦК давно состоял в дружбе, и Беспалый сделал такие признания прокурору республики, что пришлось немедленно арестовать Акрамходжаева. Но Парсегян, знавший многое о своем покровителе, не мог сказать ничего внятного о научных изысканиях Сенатора, прояснить эту сферу его деятельности.

Все рассуждения, варианты действий заходили в тупик, но Камалов интуитивно чувствовал: путь к Шубарину лежит только через Азларханова, — он много значил для Японца, поэтому такой внушительный, от сердца, памятник, оттого и появилась в эпитафии на могильной плите необычная оценка — «настоящий» ...

От Парсегына Камалов узнал, что Акрамходжаев замешан в ограблении прокуратуры в день убийства Азларханова. Но если Сухроб Ахмедович охотился за дипломатом Азларханова, не причастен ли он и к его убийству? После ночного происшествия во дворе прокуратуры осталось два трупа: охранника и взломщика сейфа из Ростова по кличке Кощей. Парсегян утверждал, что Кощей пристрелил милиционер, а Сенатор был вынужден стрелять, спасая дипломат. Но Камалов догадывался, что Кощей тоже на совести Сенатора. Он, скорее всего, понадобился, чтобы запутать следствие: в те дни в прокуратуре как раз находились следственные дела нескольких жесточайших банд рэкетиров из Ростова, и татуированный с ног до головы Кощей оказался как нельзя более кстати для иезуитского плана Акрамходжаева. Но если Сенатор причастен к убийству близкого Японцу человека, почему Шубарин водил с ним дружбу, поддерживал? Этот вопрос возник впервые, и Камалов отметил его в записной книжке. Вопрос был закономерен, и пока ответа на него не было. Но если Акрамходжаев действительно причастен к убийству Азларханова?.. Может быть, наконец-то забрезжила единственная возможность вбить клин между Миршабом, Сенатором и Шубариным? Это открытие даже как-то взбудрило Камалова. Нет, еще не все потеряно, далеко не все...

Была пятница, конец недели, и он ждал начальника отдела по борьбе с мафией — они готовили операцию и собирались обсудить ее с глазу на глаз. Не терпелось прокурору и узнать,

приступила ли к службе Татьяна Георгиевна, которую он пригласил на работу. Камалов мельком глянул на часы. До прихода бывшего чекиста оставался час, и он, вновь расчертив чистый лист бумаги, обозначил на нем волновавший его треугольник и тут же переделал фигуру в квадрат — над всеми, как тень, нависал Сенатор...

Задачу прокурор ставил локальную — найти ход к неприступному Шубарину, чтобы хоть однажды вызвать того на доверительный разговор, встретиться, пусть тайно, один на один. А значит, надо отыскать посредника, того, кто сведет их вместе. Но на эту встречу он должен прийти не с пустыми руками, блефовать с Японцем не имело смысла, нужны только факты, железно изложенная логика событий. Следовало во что бы то ни стало изолировать такого умного и влиятельного человека от Хашимова. Может, для этого даже стоило что-то специально организовать, спровоцировать, но это на крайний случай. С Шубариным он хотел играть открытыми картами.

И вновь его мысли вернулись к застреленному прокурору Азларханову. Как ему не хватало сегодня рядом такого человека!

Может, следовало изучать не докторскую Акрамходжаева, а все, что сохранилось в стенограммах от выступлений Азларханова, его докладных записок, которые, говорят, он часто адресовал Прокуратуре республики и Верховному Совету? Видимо, можно отыскать его статьи в юридических журналах, затребовать его работы из московской аспирантуры. Камалов не надеялся, да и не старался устанавливать идентичность докторской Сенатора с работами Азларханова — время и ситуация в стране резко изменились, но важны были суть, методология, стиль, наконец. А может, эти материалы из стола, где так долго ждали своего часа? Эту версию следовало проверить, и как можно скорее. В случае успеха можно было бы искать подходы к Шубарину.

Полковник, которого он ждал, обычно педантичный, что-то запаздывал, и Камалов, — ему через полчаса следовало спуститься на второй этаж на процедуры, — решил позвонить в прокуратуру. Он еще не доковылял до телефона-автомата в конце коридора, как в вестибюле появился начальник отдела по борьбе с мафией. По его лицу прокурор сразу понял — что-то случилось.

Как только они вернулись в палату, тот доложил:

— Сегодня ночью в следственном изоляторе КГБ умер Артем Парсегян.

— Вы сами видели труп? — жестко спросил прокурор, сразу оценив неблагоприятный поворот ситуации.

— Да. Потому и опоздал, ждал заключение экспертизы.

— Отчего умер Беспалый?

— Специалисты утверждают, что нет никаких признаков насилия или отравления. Естественная смерть — инфаркт.

— Видеоопленки с допросами в сохранности?

— Я тоже об этом беспокоился, но все на месте. Я их забрал к себе.

— Сделайте на всякий случай копии и положите в мой сейф. Да, ситуация... — глухо обронил Камалов. Опять заныло переломанное бедро, и боль острыми иглами пошла по ноге, по всему телу.

Полковник, много лет проработавший в КГБ, ни на минуту не сомневался в верности выводов экспертов, и Камалов, понявший это сразу, не стал обсуждать с ним никаких других версий смерти Парсегыана. Обговорив намеченную накануне операцию, они распрощались. Успел Камалов дать ему и новое задание: раздобыть по возможности все теоретические работы убитого когда-то прокурора Азларханова.

Как только за полковником закрылась дверь, у прокурора невольно вырвалось вслух:

— Так вот какой удар ты нанес мне, Миршаб!..

Ничто, никакая самая авторитетная экспертиза не убедила бы Камалова, что Беспалый умер своей смертью. Не сомневался он и в том, что этот мощнейший, почти нокаутирующий удар — дело рук человека из Верховного суда. Не зря он почти десять лет отдал охоте за оборотнями и в своих работах с грифом «Совершенно секретно», застрявших на уровне Политбюро и руководства КГБ, утверждал, что организованная преступность имеет своих людей на всех этажах власти и даже в КГБ. Может, оттого его работы и оказались под сукном?

Конечно, он завтра же позвонит своему бывшему ученику — генералу КГБ Саматову и попросит, чтобы без шума, с привлечением опытейших специалистов расследовали смерть Парсегыана. Здоровый как бык Беспалый, с которым насилие

справлялись трое надзирателей, страдал лишь приступами радикулита, а тут вдруг инфаркт... Умер, когда требовалось умереть...

Опять заныла нога, и прокурор огорченно подумал, что без лекарства сегодня не заснуть. Но больше всего Камалов страдал не от боли, а от бессилия, от невозможности сию же минуту напрямую схватиться с Миршабом. Оглядывая голые стены палаты с выцветшими обоями и высоким окном, выходящим во двор, он понимал, что здесь ему находиться еще долго, а Хашимов, оказывается, умел ценить время...

К ночи поднялась температура, начались сильные боли, и Камалов катался с боку на бок, не находя себе места, пришлось сделать инъекцию сильнодействующего реланиума. Но боль была настолько сильна, что он время от времени просыпался и долго глядел в морозные окна без занавесок. Ночь выдалась лунной, ясной, и прокурор хорошо видел присыпанные снегом ветви могучего орешника, поднявшегося до самой крыши больницы. Проваливался он в короткий и тревожный сон так же внезапно, как и просыпался.

Снились какие-то кошмары: инженер связи, картежник Фахрутдинов, прослушивавший его телефон, хан Акмаль, с которым он успел выпить чайник чая в краснознаменной комнате, покойный прокурор Азларханов, с которым он никогда не встречался, но испытывал к нему не только интерес, но и всевозрастающую симпатию. Многократно снилась ему сцена на трассе Коканд — Ленинабад: из белых «жигулей» разом выходят трое наемных убийц с автоматами в руках, и среди них снайпер Ариф, уже стрелявший в него накануне, а еще чуть раньше пославший пулю в сердце Айдына, читавшего по губам ход секретного совещания у него в кабинете с крыши дома напротив...

Сегодня нет в живых легендарного Арифа, и за его прокурорской жизнью наверняка охотится другой снайпер, нанятый Миршабом. Во сне он и пытался отыскать его среди сонма лиц, круживших вокруг него в каком-то мистическом хороводе.

Сквозь рванный, зыбкий сон ему чудилось, что кто-то скребется к нему с улицы, и он невольно открыл глаза. На подоконнике его высокого окна стоял человек с широким монтажным поясом на бедрах, от него слева и справа свисали два витых нейлоновых

каната в палец толщиной. Судя по всему, мужчину, стоявшего снаружи, страховали с крыши. Камалову почудилось, что он видит продолжение тех кошмаров, что снились ему всю ночь, и, улыбнувшись, он закрыл глаза, но тревога, уже вселившаяся в сердце, заставила вновь приоткрыть их. Человек, стоя на подоконнике в белых шерстяных носках, вырезал стеклорезом предварительно обклеенный липкой лентой квадрат напротив единственной ручки-защелки в левой створке рамы, — обычно в таких случаях стекло не лопается... Ночь была светлой, рядом горел фонарь, и человек в окне просматривался хорошо, у него на груди, рядом с переговорным устройством, висел пистолет на кожаном ремешке с длинным глушителем.

«Сон в руку», — констатировал прокурор и осторожно, стараясь не делать лишних движений, нашарил свой именной «Макаров» под подушкой. Человек, вырезав стекло, бережно прислонил его к правой створке и стал аккуратно открывать защелку, не распахивая окна. Он, видимо, понимал, что порыв холодного воздуха может преждевременно разбудить спящего. Опустив защелку, ночной пришелец, что-то сказав шепотом по рации, взял пистолет в правую руку.

«Нужно стрелять так, чтобы он упал в палату», — успел подумать Камалов и, как только распахнулось окно, выстрелил дважды.

Убийца, выронив пистолет на пол, как бы нырнул следом в палату, но в тот же миг, словно подхваченный невидимым краном, взмыл вверх. Страховавшие поняли, что прокурор опередил их и на этот раз...

Утром, осматривая место происшествия, нашли под окном лишь рукописный картонный плакат на турецком языке. «Кровь за кровь», — значилось на нем. Но Камалов знал, что и за убийцей с крыши стоял все тот же Миршаб...

VI

Прошло лишь две недели после странной встречи с земляком на мюнхенском стадионе, как с Артуром Александровичем приключилась новая история, не менее интригующая, чем первая. Если появление представителя международной мафии, после

некоторых размышлений, показалось Шубарину не столь уж и неожиданным, — он-то знал, что наш преступный мир уже давно, с застойных лет, готовил себе плацдарм за кордоном, — то вторая встреча не могла привидеться, кажется, даже в бредовом сне.

По пятницам, если никуда не уезжал на уикенд, он ужинал в русском ресторане на Кайзерштрассе, неподалеку от отеля «Риц», где останавливался мистер Гвидо Лежава, большой любитель футбола. Иногда и среди недели, назначая с кем-нибудь деловую встречу, он заказывал столик именно в этом ресторане, и к нему скоро привыкли в «Золотом зале», где постоянных клиентов было не так уж много.

В этот день Шубарин, как обычно, занял свой столик в глубине зала за колонной, откуда хорошо просматривался вход, хотя, став завсегдаем, он знал, что можно войти и выйти при необходимости и мимо кухни, через служебный ход, который, впрочем, строго контролировался.

Не успел он перелистать объемистую роскошно отпечатанную карту вин и напитков, как за спиной раздался удивительно знакомый голос, и кто-то совсем уже по-нашенски по-русски поинтересовался:

— У вас здесь не занято?

Продолжая машинально вглядываться в меню, Шубарин подумал, что это, наверное, опять кто-то из тех, что отыскиали его на стадионе «Баварии».

Артур Александрович неторопливо отложил карту вин в сторону, поднял взгляд и остолбенел... Рядом с его столиком стоял Анвар Абидович Тилляходжаев, хлопковый Наполеон, бывший первый секретарь Заркентского обкома партии, отбывавший на Урале пятнадцатилетний срок.

Еще неделю назад, разговаривая с Коста, Шубарин поинтересовался, как обстоят дела у Тилляходжаева, и его заверили, что у того все в порядке. С первого дня заключения Анвара Абидовича в лагерь туда отправились Ашот и Коста, люди «авторитетные» в уголовном мире. Кажется, они захватили с собой еще одного «уважаемого» человека, курирующего Урал. Их задачей было обеспечить бывшему секретарю обкома, личному другу и покровителю Шубарина, нормальную жизнь в заключении. Во-первых: никаких унижений ни со стороны

уголовников, ни со стороны администрации, — Анвар Абидович к такому обращению не привык. Во-вторых: нормальные условия работы и жизни и регулярные передачи.

Все годы, что Анвар Абидович находился в заключении, — а он загремел одним из первых, в начале перестройки, — два гонца, сменяя друг друга, постоянно возили передачи хлопковому Наполеону из Ташкента на Урал. И вот он сам, собственной персоной, стоял перед Артуром Александровичем! Было от чего остолбенеть... Они, не сговариваясь, обнялись, по-восточному похлопывая друг друга по спине, что не осталось незамеченным в чопорном зале.

Но вряд ли в это время их волновало, как они выглядят со стороны, слишком многое их связывало. Анвар Абидович знал, что его семья обязана Шубарину жизнью: трижды пытались подпалить его дом, и трижды поджигателей в ночи ждал бесшумный и точный выстрел снайпера Арифа. Разве такое забывается?..

Странно, но тюрьма как бы пошла Анвару Абидовичу на пользу: исчез лишний вес, густые, вьющиеся волосы, не так давно лишь тронутые сединой, сегодня были совершенно седыми, что придавало ему импозантный вид. Четче, жестче обозначились черты лица, ярче стали глаза, появилась строгая, аскетическая мужская красота. Экипировали Анвара Абидовича, видимо, поспешно, хотя и основательно, но чувствовалось, что он уже отвык от галстука и гражданского костюма, в местах, не столь отдалённых, быстро вырастают в ватник и отучаются от нормального быта. Шубарин знал, что людям, просидевшим в тюрьме несколько лет, нужны годы, чтобы вновь приучиться к стулу, креслу, они автоматически присаживаются на корточки.

— Какими судьбами? — вырвалось у Шубарина, он мог поклясться, что более неожиданного сюрприза для него придумать просто нельзя было.

— Не спрашивай, Артур. Давай-ка выпьем, закусим, как в старые добрые времена. Ты не представляешь, как я обрадовался вчера, в лагере, что завтра увижу тебя. Я ведь не знал, что встреча будет тут, в Мюнхене, в этом роскошном зале. Ты почаще бывай в Европе, и мне шанс, видимо, выпадет ее повидать...

Анвар Абидович говорил весело, с задором, как в то застойное время, когда он был хозяином области, по площади равной Германии и Франции, вместе взятым.

Официант уже давно стоял наготове у стола, и Артур Александрович, зная, что парень родом из Казахстана, сказал ему по-русски:

— Неси все лучшее, что есть, да побыстрее, старый друг приехал!

И тот без слов отошел от колонны: он помнил, как гуляют русские.

Через полчаса, сделав паузу в ожидании горячего, Артур Александрович спросил нетерпеливо:

— И все-таки — как вы тут очутились и сразу нашли меня?

— Я солдат партии, вот потому и оказался здесь, выполняю ее приказ, — ответил Анвар Абидович несколько высокопарно.

Но Шубарин понял, что тот не шутит, да и вряд ли без согласования с самыми верхами он мог выйти на свободу, даже временно, и тут же отправиться на Запад. За этим перемещением человека из лагеря, безусловно, стояли какие-то высшие силы, а то и государственные интересы, Шубарин почувствовал это.

— Хорошо, что ты не вышел из партии, как поступили многие приспособленцы, перевертыши, иначе бы ко мне не обратились. Хотя кто знает, теперь я уж совсем не понимаю, что творится на воле, хотя регулярно смотрю телевизор и читаю газеты.

— Какой я коммунист, Анвар Абидович? Я предприниматель, теперь вот становлюсь банкиром, открываю в Ташкенте коммерческий банк. Я чужд идеологии, любой, и левой, и правой, и даже серединной, я за правовое государство, за верховенство закона, за права личности, гражданина. Зная реальное положение в стране, в ее экономике после шести лет перестройки, общаясь лично с теми, кто пришел сегодня к власти и кто рвется к ней, я убежден, что только настоящие коммунисты, узнавшие о том, сколько от их имени делалось преступлений за семьдесят лет, способны спасти эту великую страну от краха, потери государственности, ведь все к этому катится...

— Спасибо, Артур, примерно так я и аттестовал тебя, сказал, что ты наш человек...

Шубарин хотел возразить, сказать — я вовсе не ваш человек, но тут же передумал: не стоило разочаровывать старого друга, сбивать его с толку, ясно было, что он объявился в Мюнхене с серьезными намерениями. Но даже если бы Тилляходжаев сбежал из тюрьмы и каким-то немыслимым образом оказался рядом с ним, он в любой ситуации, даже на чужой территории, предпринял бы все меры, чтобы спасти жизнь своего бывшего патрона, — в этом была вся суть его натуры — он не предавал друзей.

Принесли горячее, и они по традиции выпили еще по рюмке «горбачевской» водки немецкого разлива. Анвар Абидович охарактеризовал ее кратко: гадость, до нашей, любой областной «Русской» или «Столичной», ей тянуть и тянуть.

«Барин остается барином, — подумал Артур Александрович, — шесть лет сидел, наверное, уже забыл вкус спиртного, а вот «горбачевку» не признал...» Да и вообще Тилляходжаев с каждой минутой держался все свободнее, вальяжнее, невольно вызывая в памяти давние дни в Заркенте.

— Я очень рад, что когда-то не ошибся, разгадал в тебе предпринимателя, бизнесмена, хотя это и шло вразрез с нашей идеологией. Воистину нет правил без исключения. Иногда я думаю, что все мои прегрешения перед партией, за которые я отбываю справедливое наказание, перевешивают одно мое деяние, тоже как бы противоправное, — я открыл тебя, создал в области режим наибольшего благоприятствования всем твоим начинаниям, и, говорят, ты сегодня вполне официальный миллионер. Теперь в тебе нуждается страна, народ... — Тут Анвар Абидович слегка понизил голос, воровато окинул взглядом зал и добавил тихо, но торжественно, по слогам: — И пар-ти-я!

Японец подумал, что гость опьянел, но, глянув повнимательнее на Анвара Абидовича, понял, что ошибся, тот просто переходил к делу, а важность возложенной на него миссии, в случае успеха которой, вероятно, ему пообещали свободу, подвигла его на патетику, высокопарность.

Артур Александрович внимательно оглядел ресторан и сразу отыскал людей, вероятнее всего, сопровождающих Тилляходжаева, заметил еще двух-трех подозрительных, на его взгляд, гостей и решил не искушать судьбу: разговор

их легко могли прослушивать и записывать, а Анвару Абидовичу не терпелось скорее перейти к делу.

Как только гость попытался вернуться к главной теме разговора, Японец бесцеремонно перебил его, сказав, что о делах они побеседуют у него дома за чашкой кофе, и оживленно заговорил о том, как они сегодня вечером приятно проведут время в известном загородном клубе, куда он был приглашен заранее... Рассказывая о ночной жизни Мюнхена, Артур Александрович наблюдал, как один за другим исчезли все люди, вызвавшие его подозрения, видимо, он не ошибся, их прослушивали, и Шубарин вместе с Тилляходжаевым поспешил убраться из ресторана.

Выезжая со стоянки, Артур Александрович увидел, как серый «порше» тронулся вслед за его белым «мерседесом». Шубарин ехал не спеша, рассказывая гостю о магазинах, салонах, театрах на Кайзерштрассе, он двигался по направлению к дому, усыпляя бдительность следовавших за ним людей. Поймав на каком-то светофоре момент, когда «порше» не успевал на «зеленый», он резко прибавил газ и свернул в ближайший же переулок, потом повернул еще раз и опять оказался на Кайзерштрассе, правда, ехал уже в обратном направлении и минут через пять припарковал машину на хорошо знакомой ему стоянке отеля «Риц».

Оказавшись в уютном номере на седьмом этаже, Артур Александрович заказал по телефону зеленый китайский чай «лун-цзин» и, устроившись в кресле, обращаясь к гостю, сказал:

— Вот теперь, дорогой Анвар Абидович, мы можем спокойно поговорить о делах. Я слушаю вас...

Гость начал сразу, без предисловий:

— Вчера утром у меня в каптерке предстоял горячий день, меняли белье четвертому и пятому баракам. Благодаря тебе, если не предстоит какая-нибудь проверка или комиссия, я обычно и ночью у себя на складе при прачечной. Ты не представляешь, какое это счастье — иметь там такую работу и жить в отдалении от озверевших людей, хотя в зоне знают, что за меня держат мазу самые крутые уголовники, но все равно... Едва я отобрал самое лучшее, по лагерным понятиям, белье для «выдающихся» людей из этих барак, — не приведи господь кого-нибудь из них запомнить, — как вошли двое штатских

без сопровождения нашей администрации. По тому, как они держались, говорили, были одеты, сразу чувствовалось, что они не имеют никакого отношения ни к прессе, ни к прокуратуре, ни к МВД, ни к юстиции вообще — мы ведь все там пишем жалобы день и ночь... Они поздоровались, на восточный манер поинтересовались здоровьем, жизнью, настроением и предложили поехать с ними пообедать в одной компании, где будут знакомые мне люди. В нашем положении отказываться и задавать вопросы не принято, и я, представляя, что за «обед» мне предстоит, молча вышел вслед за ними. Машина, стоявшая у проходной, тут же рванула в город. Мы приехали, как я понял, на какую-то загородную дачу местных властей, где в зале действительно был накрыт богатый стол, и среди прогуливавшихся вокруг него я увидел двух знакомых мне прежде мужчин. Впрочем, ни фамилий их, ни должностей я так и не вспомнил. Да и как вспомнить, ведь я в Заркенте принимал тьму людей, членов Политбюро, и даже зятя Брежнева, красавчика Юру Чурбанова, которого я время от времени встречаю в соседнем лагере, он шьет для нас простыни... Но то, что эти люди из аппарата ЦК КПСС, я не сомневался. Сомневался в другом: то ли я их принимал у себя, то ли бывал у них по делам. Позже я вспомнил, что один из них был помощником Кручины, управляющего делами ЦК КПСС, и я решал с ним вопрос о строительстве нового дома улучшенной планировки для работников обкома. Вот эти двое встретили меня радушно, вспомнили, как бывали у нас в Заркенте, как щедро мы их принимали и одаривали, по-хански, как они выразились. Объяснили, что, оказавшись здесь в командировке, прослышали, что я отбываю тут срок, и решили увидеться, помочь хоть чем-нибудь и заодно представить людям, которым я вдруг оказался нужен...

Трое не знакомых мне мужчин, назвавшись наверняка вымышленными именами, пожали мне руки и пригласили за стол. Обед длился долго, вспоминали прежние времена и прежних хозяев, ныне оказавшихся не у власти. Я старался изо всех сил поддерживать разговор, не понимая, что может означать для меня эта встреча с соратниками по партии, — о «сердечной» привязанности моих коллег мне постоянно напоминал мой смертный приговор, которого я чудом избежал.

Когда подали десерт, раздался телефонный звонок, и двое моих бывших коллег, сославшись на неотложные дела, торопливо распрощались, и я остался наедине с новыми знакомыми. У них, наверное, со временем тоже была напряженка, и мы тут же перешли в гостиную, где состоялась беседа. Хотя, если точнее, первую часть разговора без обиняков можно было назвать допросом. Меня новые знакомые усадили в глубокое кожаное кресло с высокой спинкой, отгородив от себя длинным журнальным столиком, а сами уселись так, что я видел перед собой только одного из них, а двое других, задававших больше всего вопросов, сидели сбоку от меня. Тактика не новая, так поступают всегда, когда идет перекрестный допрос..

Тилляходжаев сделал паузу, чтобы передохнуть. Шубарин слушал его, не перебивая.

— Первый же заданный вопрос касался тебя, Артур. И второй, и третий, и целый шквал последующих — тоже. Они не оставляли мне время для раздумий, требовали точного и быстрого ответа, порою мне казалось, что меня усадили на искусно замаскированный детектор лжи. Я не понимал, что им от меня нужно, одно стало ясно: досье на тебя составлено доскональное, внушительное. Временами я думал, что ты влип в какую-то историю, связанную с государственными интересами, ты ведь по-мелкому не играешь, иначе не занимались бы тобою на таком уровне. Но я же регулярно получал от тебя информацию и знал, что ты «на плаву», процветаешь, да и по другим каналам доходили сведения, там «деловых» сидит немало. И, как бы ловко ни формулировались вопросы, я скоро понял: они ищут вовсе не компромат на тебя, а подтверждение тому, что знают о тебе, ты почему-то был очень нужен им. Вскоре я разгадал тайну допроса: их интересовал твой коммерческий банк, который ты, оказывается, намерен открыть на паях с немцами в Ташкенте, хотя слово «банк» произнесено не было. Ни разу. С той минуты нить разговора я держал в руках твердо, подтверждение чему — мое пребывание здесь.

— Банк? Которого еще нет? — изумился Шубарин. — Вы не ошиблись?

— Да, да, Артур, банк. Оттого им понадобился посредник. Знают: на такую щекотливую тему ты с каждым разговаривать не станешь. К тому же им нужна гарантия, — а в нашем

случае ею служит моя жизнь, они хорошо все взвесили, учли твои слабые стороны.

— Мерзавцы! — гневно вырвалось у Японца.

— В такое критическое для страны время не должно быть однозначных оценок, не горячись, Артур. Если в данной ситуации моя жизнь стала разменной монетой, я не жалею, даже рад, что вновь понадобился партии, — гостя явно снова потянуло на патетику.

— Партии? — снова с удивлением переспросил Шубарин.

— Да, Артур, партии. Разговор идет о партийных деньгах, партийной кассе, — пояснил Тилляходжаев.

И только тут для Шубарина стал проясняться смысл этой странной беседы.

— Сегодня, когда настали трудные дни не только для страны, но и для партии, она должна подумать о тылах, — продолжал Тилляходжаев. — Не исключено, что при разгуле такой оголтелой реакции, которая прикрывается видимостью демократии и щедро финансируется из-за границы, партия может временно самораспуститься, уйти в подполье. Но это будет вынужденной мерой, крайней. Идеи социализма, коммунизма, справедливости и равенства глубоко укоренились в обществе, и, поверь мне, у коммунистов будет еще шанс вернуться на политическую арену, их еще позовут. Расслоение общества на бедных и богатых идет уже не по дням, а по часам... Но возвращение немыслимо без организации, без финансов, и партия должна сохранить то, что у нее накопилось за семьдесят лет, а набралось, поверь мне, немало...

— Откуда же у партии взялись деньги? Партийные членские взносы вряд ли покрывали расходы на содержание высокооплаченного аппарата в стране и помощь всем компартиям за рубежом. Не говоря уже о финансировании любой левацкой идеи или движения и даже намека на него. А огромная собственность в стране: лучшее жилье, помпезные здания райкомов, обкомов, горкомов, поликлиники, издательства, больницы, санатории, курорты — это же огромное, многомиллиардное состояние? — в голосе Шубарина слышался неподдельный интерес.

— Ну вот, это разговор банкира, — довольно пробормотал гость.

Поскольку он находился ближе к двери, то пошел ее открывать на стук. Официант вкатил тележку с чайными приборами и высоким чайником, прикрытым белоснежным полотенцем. Анвар Абидович сам стал разливать чай. Шубарин чувствовал, как радуют его после лагерного быта трогательные мелочи жизни: изысканная посуда, интерьер, аромат хорошего чая...

— Откуда у партии деньги, Артур? Я могу рассказать тебе многое, но боюсь, что и я всего не знаю. Тут нужно отметить, что сегодня трудно отделить партийные деньги от государственных, партия все считала своей собственностью: недра, леса, горы, моря, народ и деньги тоже... Но это не ответ, тем более для банкира. Существовало немало источников, официальных и неофициальных, и даже тайных, о которых знали лишь единицы — это доверенные люди партии, в числе которых был и... я.

Шубарин не смог скрыть изумления на лице.

— Да, да. Я был облечен высоким доверием партии, и возмездие мне, отчасти, за злоупотребление им. Помнишь, когда ты предупредил меня о предстоящем аресте, я без сожаления вернул государству, а значит — партии, более ста пятидесяти килограммов золота и свыше шести миллионов рублей наличными. Однако тогда, шесть лет назад, я не открыл своей тайны, но сегодня настал час, и ты должен знать...

Тилляходжаев, смакуя, выпил пиалу душистого чая, восхищенно поцокал языком:

— Да, это не тюремное пойло... Так вот, еще в бытность секретарем обкома я ежегодно перечислял на тайные счета партии крупные суммы, этого, повторю, требовали не от всех, только от доверенных лиц. Однажды в области нашли клад, два больших кувшина с золотыми монетами, весом что-то около семидесяти килограммов, меня тотчас вызвали на место. Через день я вылетел на сессию Верховного Совета СССР и решил сделать партии, накануне ее съезда, подарок. Нигде не оприходованный клад повез в Москву и сдал в Управление делами ЦК КПСС, а вскоре получил первый орден Ленина. Но это так, к слову.

Доверенные люди партии существуют не только в стране, но и за рубежом, есть «штирлицы», работающие не по линии разведки, а в экономике. Их основная деятельность — анонимные

фирмы в развитых странах, всевозможные сделки с ценностями, хранящимися в крупнейших мировых банках. В подтверждение могу сказать, что я, возглавляя однажды делегацию во время визита в Грецию, лично доставил в Афины шесть миллионов долларов наличными в симпатичном кейсе...

Второй раз с похожим поручением я летал в Германию, где тайно передал одному бизнесмену, тоже наличными, полтора миллиона долларов, — его фирма оказалась в сложном финансовом положении.

Управление делами ЦК хорошо усвоило азы рынка и давно занимается многомиллиардным ростовщичеством как у себя дома, так и за рубежом. Особенно финансовая деятельность партии усилилась в перестройку. Она вложила деньги в малые и совместные предприятия, ассоциации, концерны. Сейчас, пока мы пьем этот чудесный китайский чай в Мюнхене, сотни советских и зарубежных предприятий и фирм, десятки советских и зарубежных банков лелеют и приумножают собственность партии. Основными владельцами малых и совместных предприятий в стране становятся, как правило, бывшие работники КГБ, МВД, МИДа и партаппарата, вместе с женами, тещами и детьми. Они становятся учредителями, обращаются в Управление делами ЦК и получают сотни миллионов рублей в кредит и «зеленую улицу» всем своим начинаниям.

Большие надежды возлагаются и на коммерческие банки, в них уже вложены многие миллиарды рублей. Десятки миллионов находятся в уставных фондах Банка профсоюзов СССР и Токобанка. От тебя, Артур Александрович, не будет тайн, ты, конечно, получишь список банков, причастных к партийным деньгам. Крупнейший из них — «Автобанк», он получил от партии под проценты один миллиард. Схема его создания типичная: председатель правления банка Наталья Раевская — жена первого заместителя министра финансов СССР Владимира Раевского. Может, СССР скоро перестанет существовать, а банк Раевских будет процветать.

Есть на Западе фирмы, созданные целиком на средства КПСС, они обычно открывались в развитых странах со щадящим налогообложением, а на советском рынке им обеспечивалось преимущество перед другими инофирмами. Например, на рынок выбрасывают определенное количество нефти

или оружия, мехов или леса, алмазов или золота. Продаются они по невысокой цене, устанавливаемой для «своей» западной фирмы или для фирмы братской партии. Затем эта фирма, естественно, перепродает товар по нормальным мировым ценам, а разница откладывается на счет в банке. В этом случае партия напрямую зарабатывает на государстве, вот почему я говорил, что партийные деньги сложно отделить от народных.

— Для чего же понадобился именно мой не существующий пока банк, ведь у партии под контролем, как я понял, уже десятки коммерческих банков? — не преминул задать вопрос Шубарин, слушавший рассказ Тилляходжаева со все возрастающим интересом и удивлением.

Анвар Абидович, окончательно освоившийся со свободой, ослабив узел шелкового галстука, улыбнулся:

— Я знал, что последует этот вопрос. Ответу на него изда- лека. Когда-то покойный прокурор Азларханов, которого ты старался заполучить к себе юрисконсульту, на твое предложение сказал: «Почему именно я? Нашего брата-юриста кругом полным-полно». На что ты ответил: «Мне не всякий юрист нужен, мне нужны вы...» Помнишь?

Шубарин согласно кивнул головой: конечно, он помнил.

— Да, у партии есть банки, но искусственно созданные, и вряд ли им всерьез удастся выйти на международную арену. А твой банк, еще не открыв дверей, уже притянул к себе внимание делового мира. Вкладчиками банка, как нам известно, уже сегодня готовы стать могучие корпорации, а идея привлечь Германию к поддержке двух миллионов немцев у нас в стране просто гениальна. Вот до этого доверенные люди партии не додумались...

Но главное не в этом. Нужен банк, в который мощным потоком пойдут вклады в конвертируемой валюте, и такой банк необходим на территории нашей страны. Валютные средства партии находятся в основном на счетах в зарубежных банках, и контролируют их подданные других стран. В этом партия видит опасность, особенно в переломное для страны, да и всего мира, время, когда рушатся структуры власти и непонятно, кто чему хозяин. В общем потоке долларов, которые потекут в твой банк, и мы без шума в течение двух-трех лет перевели бы миллиардные суммы. Валютные средства должны быть возвращены на родину, находиться под рукой у партии, без конвертируемой

валюты ныне и шага не сделать. Вот почему выбор пал на тебя, вот почему я здесь...

— А если я не соглашусь, чтобы мой банк стал базовым для партийной кассы? — Артур Александрович пристально смотрел на бывшего патрона.

Анвар Абидович сразу сник, сжался, и Шубарин легко представил его в ватнике, стоптанных, не по размеру сапогах. Но гость нашел в себе силы и быстро сформулировал ответ.

— А почему бы тебе не согласиться? Во-первых, какой здесь криминал? Какое тебе дело, откуда взялись деньги, кто заложил их первооснову? Это все-таки деньги не наркобизнеса, не мафии. Как хозяин банка ты можешь и не знать, кто их истинный владелец. Во-вторых, оказать партии услугу, даже если она сегодня и не в чести, дело благородное и беспроегрешное. Поясню: зная тебя, я оговорил одно существенное условие — нигде, ни в каких бумагах, не будет упоминаться твоя фамилия. Тебе не придется подписывать никаких обязательств, достаточно твоего слова. А считать, что коммунисты ушли навсегда, опрометчиво, они в шоке, в нокдауне, но скоро оправятся. Нет худа без добра — партия очистила ряды от попутчиков, карьеристов, перевертышей. А как банкир ты сможешь оперировать чужими миллиардами, разве это не удача для финансиста? Деньги будут возвращены в нашу страну навсегда, и тебе дадут на этот счет гарантии...

И, в-третьих: кто не с нами — тот против нас, это придумал не я. Со мной ясно, я поручился за тебя. Я, возможно, никогда не вернусь домой, лишусь каптерки, передач, покровительства уголовников и администрации лагеря, а это равносильно смерти. Что касается тебя... Став причастным к тайнам партии, ты тоже оказался в опасности. В большой игре сантиментов нет... Тебе ли этого не знать...

Они долго сидели молча, думая каждый о своем. Шубарин увидел, как снова сник, сжался Анвар Абидович, и ему стало жаль старого друга, он присел рядом на диван и по-дружески обнял его за плечи.

Все возвращалось на круги своя... Давно, когда он только начинал подниматься как предприниматель, и партия, и уголовка не оставляли ни один его шаг без внимания, — следовало кормить и тех, и других.

Все повторялось сначала... Но сегодня за ним был опыт жизни, и всегда, при любых обстоятельствах, он оставался хозяином своего дела. И вдруг он улыбнулся, вспомнив, как однажды записал в дневнике: «Мой удел — постоянный риск. Я ставлю на карту жизнь почти ежедневно, а если точнее — она всегда там и стоит»...

VII

В тюрьме «Матросская тишина» Сенатор стал видной фигурой, заметной не прежней должностью, а тем, как держался, как вел себя. Вот где сгодилась двойственность его натуры: ведь он уже давно вжился в образ просвещенного, демократически настроенного юриста.

В тюрьме свободного времени много, и все разговоры вертелись вокруг политики, власти, Горбачева. Кто он: коммунист или демократ? Сторонник империи или ее могильщик? Об этом задумывался и Сенатор. Куда этот «меченый» ведет страну: к западной демократии или к обновленному социализму? Если к социализму, то методы, выбранные им, — перестройка, гласность, новое мышление — оказались столь чудодейственными, что привели не к обновлению социализма, а к его гибели. Макиавеллист в тактике, Горбачев из-за веры в магию собственной риторики потерял цель — удержание власти. Он плохо знал историю партии, еще хуже — историю становления тоталитарной диктатуры. Дилетант в этом деле, он начал экспериментировать с ее механизмом, с детищем Ленина — Сталина, гениальным для данного режима, и загубил его, не найдя ему адекватной замены. Горбачев часто, к месту и не к месту, цитировал Ленина, наверное, уподобляя себя вождю, но не принял во внимание его главный тезис: «При советской политической системе дать свободу слова и печати — значит покончить жизнь самоубийством». Еще он не учел, что русский народ ненавидит советскую власть за тиранию и нищету, а нерусские народы желают только развала империи с ее унижительной великодержавной политикой русификации. Он стал жертвой свободы, которую сам же дал стране.

Для Сенатора это было столь очевидным, что он уже не вступал в диспуты о прорабе перестройки, отце нового мышления. Странно, но сегодня многие граждане, заурядные журналисты, не говоря уже о политиках, видели дальше Горбачева, чувствовали скорый крах коммунистической партии, за которую генсек держался стойко, несмотря на то, что она была главным противником его реформ. Многие чувствовали, что именно при Горбачеве настал для сепаратистов всех мастей исторический момент, когда любую нацию, так или иначе оказавшуюся в составе Российской империи и двести, и триста лет назад, стало легко подтолкнуть к выходу из нее. Пример стран соцлагеря, в одночасье сбросивших навязанные им режимы, мог вот-вот повториться от Балтики до Тихого океана, от Белого до Черного моря. Но Акрамходжаев, как ни странно, молил Аллаха, чтобы... Горбачев продержался как можно дольше.

Он понимал: приди другая, твердая власть, — а хаос и развал, как правило, приводят на трон жестких и даже жестоких людей, — обитателям «Матросской тишины» рассчитывать на суд, где можно легко отказаться от прежних показаний, давить на судью и свидетелей уже не удастся, придется отвечать по всей строгости закона. Сенатор даже знал, сколько примерно должен еще продержаться Горбачев, чтобы государство перестало существовать, — примерно год, и в этот срок необходимо вырваться отсюда, чего бы это ни стоило. Хотя существовал еще один выход: этот шанс был связан с обретением независимости бывшими союзными республиками. Тогда суд в России оказался бы неправомочным над гражданами другого государства, и он вместе с ханом Акмалем на белом коне вернулся бы домой, в таком случае он поборолся бы и за президентский пост.

Но Сенатор не был бы Сенатором, если рассчитывал бы только на не зависящие от него обстоятельства, плыл по течению. Он всегда считал себя кузнецом своего счастья и, рассчитывая на развал советской империи благодаря Горбачеву, могильщику социализма, на суверенитет республики, не сидел сложа руки. При первой возможности он дал на волю команду — уничтожить прокурора республики Камалова и Беспалого — Артема Парсеяна. Парсеяна следовало ликвидировать любой ценой, каких бы денег и жертв это ни стоило, и он знал, что Миршаб правильно понял его приказ. Вскоре дошли вести, что

на Москвича дважды совершали покушение, значит, Миршаб четко следовал его инструкции, правда, удачливым и живучим оказался проклятый прокурор. Как ни строго охранялась «Матросская тишина», сведения к Сухробу Ахмедовичу поступали регулярно. Правда, основную роль тут играли деньги, и немалые. Время шло, Сенатор держался стойко, от всего отпирался, но главный свидетель обвинения оставался жив, и прокурор, хотя и находился в больнице, полномочий с себя не слагал. И Сенатор все чаще и чаще жалел, что нет в Ташкенте Шубарина, уж он наверняка подсказал бы Миршабу, как разрешить проблему, хотя они с Салимом уговорились никогда не впутывать банкира ни в политические, ни в уголовные дела. Но... ведь сейчас вопрос касался собственной жизни!

Сухроб Ахмедович даже поставил себе срок — если в течение месяца он не получит долгожданных вестей из Ташкента, то попросит Миршаба связаться с Артуром Александровичем в Мюнхене, медлить не следовало. В последнее время он был настолько осведомлен о событиях, происходящих в стране, что поражал «постояльцев» «Матросской тишины», особенно земляков. Широкая информированность Сенатора отчасти и была причиной его привилегированного положения за решеткой. Но этим он был обязан только Миршабу.

Хашимов, искавший наиболее короткую связь со своим другом и шефом, придумал гениальный ход. Гласность, которую раньше всеми силами зажимали почти все нынешние высокопоставленные обитатели «Матросской тишины», обернулась для них несказанным благом: газеты, например, читали любые. Этим и воспользовался Миршаб. Вместе с передачами Сенатору регулярно приносили газеты, в основном из республики, и на русском, и на узбекском языках. Трюк заключался в следующем: в одной из газет на узбекском языке вместо какой-нибудь статьи набиралось все, что адресовалось Сенатору, вплоть до подробных писем из дома и от родни. Первую такую газету Сухроб Ахмедович получил в день рождения и был поражен сказочностью подарка, а еще больше возможностями человеческого ума — действительно, безвыходных ситуаций не бывает, нужно только думать, искать. В камере, где сидел Акрамходжаев, его земляков не было, и на узбекские газеты никто внимания не обращал.

Когда до срока, намеченного Сенатором, чтобы вызвать Шубарина из Мюнхена, оставалось чуть меньше недели, он получил долгожданную весть из Ташкента. Новость умещалась в одну строку в газете «Голос Востока»: «Умер Артем Парсегиан, мир праху его».

Забрезжил реальный шанс на свободу, и Сухроб Ахмедович день и ночь строчил жалобы. Высокооплачиваемые адвокаты, поднаторевшие в скандальных и политических процессах, тут же доставляли их по назначению на самые верха, и бумаги немедленно получали ход, ведь Сенатор абы кому и зря деньги не платил, да и дорожка была хорошо проторена в коридорах власти ушлыми людьми. Шли жалобы на прокурора Камалова и в Верховный суд республики на имя Хашимова, и Салим сразу закурил дома карусель, требуя вернуть всех подсудимых для расследования их дел на месте, в республике.

Неожиданно Сухроб Ахмедович получил поддержку, оказавшуюся решающей в его судьбе.

А выручил... хан Акмаль. Да, именно аксайский Крез, сам находящийся под следствием в подвалах Лубянки уже который год. Опять же под давлением прессы Прокуратура СССР вынуждена была передать часть законченных материалов по Арипову в суд, хотя за ханом Акмалем дел числилось уйма, разбираться годы и годы. У обывателя, читавшего газетные статьи, складывалась мысль: что же это за дело такое, если подследственного без суда держат столько лет? Мысль вроде верная, но вряд ли нормальный человек мог представить себе масштаб навороченного ханом Акмалем. Один перечень предъявленных ему обвинений составлял тома и тома, а свидетелей — тысячи. Такого уголовного дела страна еще не знала, и оттого процесс ожидался скандальный. Могли выплыть такие фамилии, такие факты, такие суммы, что народ, узнавший за годы перестройки о многом и, казалось, разучившийся удивляться, содрогнулся бы: как такое могло вершиться, пусть даже и в застойное время?

Процесс действительно начался с сенсации, с громкого скандала, когда Акмаль Арипов попытался дать отвод суду, якобы неправомочному судить его, не скрывая при этом желания придать процессу политическую окраску. Подсудимый демонстративно отказался отвечать суду по-русски, хотя то

и дело поправлял своих московских и ташкентских адвокатов на блестящем русском языке, затем три дня подряд с утра до вечера зачитывали ту часть обвинения, что была выделена в отдельное уголовное дело. Но переломным оказался четвертый день процесса.

Как только Акмалю Арипову представилась возможность сказать слово, он закатил на русском языке яркую, эмоциональную речь на целый час. Речь имела дальний прицел, и хан Акмаль не промахнулся.

Переполненный зал, судьи, прокурор внимательно слушали тщательно выверенную речь хана Акмаля. Судя по всему, его мало волновала их реакция, ну, может быть, пресса и входила в его планы, но адвокаты еще до начала судебного заседания раздали журналистам текст речи подзащитного, чтобы те в отчетах далеко не уходили от сути излагаемого аксайским Крезом. Речь, артистично зачитываемая подсудимым с мелованных листов финской бумаги, явно предназначалась для других ушей — она была, так сказать, для внешнего пользования. Конечно, бывший дважды Герой Соцтруда ни словом не обмолвился о своих преступлениях, возможно, посчитав их в такой исторический момент пробуждения национального самосознания несущественными, не стоящими внимания. С места в карьер он ринулся осуждать командно-административную систему, великодержавный шовинизм центра, жертвой которого стал.

Разве справедливо, вопрошал он затихший зал, что за последние пять лет в республике второй прокурор, назначенный из Москвы, и разве мог, по его словам, пришлый, ставленник Кремля знать народ, его обычаи, чтобы верно определить кто есть кто, а не сводить счёты с людьми, желающими Узбекистану счастья и процветания? Особенно зло он честил прокурора республики Камалова, которого Москва отыскала аж в самом Вашингтоне. Намекнув на его связь с КГБ, естественно, как явно порочащую, он обвинил того чуть ли не в геноциде собственного народа.

Но когда хан Акмаль от прокурора Камалова перешел к другому, по его словам, выродку, заведующему отделом административных органов ЦК партии Сухробу Ахмедовичу Акрамходжаеву, обвинения против прокурора республики показались цветочками. Вот кто, оказывается, являлся в

республике истинным дирижером и режиссером геноцида, развязанного против лучших сынов края! Это он подкладывал манкурту Камалову списки все новых и новых жертв. Это под его давлением суды выносили только обвинительные приговоры. Приводились такие дикие примеры произвола, чинимого Сухробом Ахмедовичем, что ставленник Москвы Камалов в сравнении с ним казался мальчиком на побегушках, тупым исполнителем указаний темных сил из ЦК партии.

Заканчивая пламенную речь, хан Акмаль уверил присутствующих, что его родина рано или поздно получит независимость и что первый суд суверенного государства будет над предателем собственного народа, лизоблюдом Москвы — Сухробом Акрамходжаевым и его покровителями и приспешниками.

Конечно, хан Акмаль давно знал, что человек по кличке Сенатор, которому он незадолго до своего ареста передал в Аксае пять миллионов наличными, находится в «Матросской тишине». Но до невероятного трюка с речью на суде додумался все-таки не он, а адвокаты. Таких людей, как хан Акмаль и Сенатор, защищают если не одни и те же люди, то компания одних и тех же юристов, вот они-то и рассчитали выигрышный ход в защиту узника из «Матросской тишины». Не зря говорят в народе: за хорошие деньги всегда найдутся хорошие адвокаты.

VIII

Полковника Джураева подняли еще затемно. Звонок из дежурной части МВД оказался серьезным — совершенно очередное покушение на прокурора Камалова. Накануне утром, когда он узнал о неожиданной смерти Парсеяна в следственном изоляторе КГБ, чувство розысника подсказало ему, что смерть Беспалого, которого он сам задержал, имеет прямое отношение к прокурору, кто-то продлил или открыл новую лицензию на его отстрел. Он собирался заехать к Камалову, но несколько жестоких убийств и десяток дерзких грабежей в тот день не дали ему возможности даже пообедать. Однако, уходя с работы, он связался с патрульными службами города и велел в эту ночь взять под особый контроль институт травматологии. Он предчувствовал беду. Его наказ даже записали в дежурную книгу, но...

Да что там патрульная служба! Два пистолетных выстрела в ночи не зарегистрировала ни одна дежурная часть милиции, хотя само МВД находится в квартале от места происшествия. Полковник лишний раз убедился, что и милиция работает с каждым днем все хуже и хуже...

Обследовав место происшествия, Джураев пришел к выводу, что человек, оставивший кровавые следы на крыше института травматологии, наверняка имел альпинистскую подготовку, — налицо были явные приметы использования специального снаряжения. И ниточку эту следовало потянуть немедленно: скалолазание — спорт редкий, возможна и удача. Полковник уже не один год требовал ввести в компьютер данные о спортсменах, ставших профессионалами, ибо спортивная среда, по опыту Джураева, давно и повсеместно стала главной и нескудеющей кузницей кадров для преступного мира. Но в ответ ему твердили что-то о демократии, правах человека, — в общем, обычная демагогия. Сейчас такие данные могли бы стать неоценимыми: ситуацию можно было прояснить в считанные минуты, если, конечно, киллер из местных. В том, что наемника уже нет в живых, полковник не сомневался. Операция была тщательно продуманной и в ней задействованы профессионалы, — на эту мысль наводил и плакат, намеренно забытый на месте преступления, чтобы навести на турок-месхетинцев. Джураев, как и прокурор Камалов, сразу отмел версию о мести со стороны турок, хотя оценил изощренность мотива. Он постарался, чтобы сведения об этом не попали в печать, ибо могли вызвать новую волну насилия.

Переговорив с Камаловым, полковник встретился с профессором Шавариным, лечащим врачом прокурора, вместе они отыскиали безопасную палату на другом этаже, подходы к которой хорошо проглядывались. Появился рядом и медицинский пост с телефоном. «Медбрата» на это место выделил Джураев, теперь стало ясно, что прокурора без охраны оставлять нельзя, следующий «визит» мог состояться и днем.

«Обложили человека», — думал Джураев, направляя служебную машину, которую водил сам, в сторону городского управления милиции. И ему вспомнился другой прокурор, Азларханов, — тот тоже боролся с преступностью без оглядки, невзирая на чины и звания, не на жизнь, а на смерть,

как оказалось. Запоздало полковник узнал, что преступный мир однажды поставил Азларханова на колени из-за его, Джураева, жизни, точнее, двух, включая жизнь молодого парня Азата Худайкулова, отбывавшего срок за убийцу из знатного и влиятельного в крае рода Бекходжаевых. В обмен у него вырвали обещание не настаивать на пересмотре дела об убийстве жены.

Джураев всегда ощущал в душе какую-то смутную вину оттого, что не уберег ни того, ни этого прокурора, ибо они были дороги ему, потому что, как и он сам, служили закону.

Въехав на стоянку перед городским управлением милиции, он припарковал машину на единственном свободном месте, рядом с «вольво» вишневого цвета. Об этом роскошном перламутрового оттенка лимузине много говорили в столице, и полковник знал, кому он принадлежит. Но, увидев на стоянке серебристый «порше», «мерседес» и патрульный вариант джипа «ниссан», которых так не хватает милиции, Джураев мысленно взорвался: «Шакалы! Уже не стесняются на работу приезжать на машинах стоимостью до миллиона при окладе в триста рублей». Такую же картину можно было наблюдать и перед зданиями районных прокуратур, и любого исполкома, банка, — везде, где требовалось решение какого-либо вопроса...

Первый этаж помпезного здания, облицованного газганским мрамором, занимал ОБХСС, и взвинченный Джураев, заметив на одной из дверей табличку «Кудратов В.Я.», решительно дернул ручку на себя: может, этот блатной майор, отиравшийся возле сильных мира сего, мог прояснить ситуацию, в розыске ведь любое «а вдруг» имеет свое значение.

Хозяин кабинета, увидев полковника, сорвался с места, и лицо его засветилось льстивой улыбкой. На Востоке уважают силу, а Джураев олицетворял именно ее, — у многих облеченных властью людей его фамилия вызвала зубовой скрежет. О его храбрости, неподкупности ходили легенды, редкий случай, когда человек из органов пользовался авторитетом и в уголовном мире, и среди своего брата милиционера. Кудратов кинулся к полковнику не только по этим причинам, он помнил, что, не подоспей вовремя Джураев со своими ребятами, вряд ли он остался бы жив, когда на его дом «наехали» рэкетиры.

— Везучий ты человек, — начал с порога полковник, — зашел тебя поздравить, твои обидчики уже оба на том свете...

Видя удивление на лице обэхаэсника, пояснил:

— Ну, Варлама ты пристрелил сам, а Парсегян вчера умер в следственном изоляторе КГБ...

— Как умер? — тревожно переспросил Кудратов, и полковник сразу понял, что он действительно не знал о смерти Беспалого.

— Я вижу, ты не рад? — безжалостно добавил Джураев.

— Я не знаю ничего о смерти Парсегыана, клянусь вам! — взмолился майор.

— Хорошо, поверил. Но если что узнаешь, позвони, чтобы я не думал, что его смерть выгодна тебе. — И задал еще один вопрос: — Скажи, откуда у тебя нашлось двести двадцать пять тысяч на машину? О стоимости мне Парсегян на допросе сказал...

— Тесть дал, — ответил, не моргнув глазом, Кудратов, — вы, наверное, его знали?

Но намек на некогда высокое положение тестя полковник не оставил без едкого комментария, злость от бессилия сегодня особенно душила Джураева.

— Знал я твоего тестя. Видел на него дело в прокуратуре, большой жулик был... — И уже у самой двери почему-то добавил: — А я своему тестю, участнику войны, когда женился, целый год копил на инвалидную коляску...

Из управления он выехал куда более взвинченным, чем приехал. Рация, включенная в машине, сообщала о происшествии за происшествием, дежурные читали их монотонно, буднично. Еще года три назад каждое второе из нынешних привычных преступлений становилось ЧП, и меры принимались на самом высоком уровне. Поистине, все познается в сравнении.

Энергия и злость, клокотавшие в нем, искали выхода. Он чувствовал: сегодня, после неудачной ночной попытки покушения на прокурора Камалова, где-то, возможно, в эти самые минуты обсуждают следующий план, и новый наемный убийца в небрежно накинутом на плечи белом гостевом халате вскоре пойдет отыскивать палату Москвича. Вдруг, нарушив правила движения, он развернул машину посреди улицы и рванул назад. Вспомнил, что в одном из респектабельных районов частных домов живет Талиб — вор в законе, получивший это звание не так давно, в перестройку. Полковник знал его еще

юнцом, мелким карманным воришкой и неудачным картежным шулером, вечно бегавшим от долгов. Но то было давно, и не в Ташкенте, Джураев носил в ту пору еще погоны капитана, но уже тогда заставил местных уголовников считаться с собою.

Теперь Талиб ездил на белом «мерседесе», жил в двухэтажном особняке, на двадцати пяти сотках ухоженной земли с роскошным садом. Дом этот он купил у вдовы известного художника, и в нем некогда собирался цвет узбекской интеллигенции, — хозяин, имевший всемирную славу, слыл человеком щедрым, хлебосольным. Теперь у Талиба собирались другие люди...

Джураев, занимавшийся в милиции самым опасным делом — розыском и задержанием преступников, конечно, хорошо знал уголовный мир, ведал о его нынешней силе и власти, не говоря уже о финансовых возможностях. Имел информацию из надежных источников, из первых рук, что стратеги и идеологи преступного мира мгновенно реагируют на любое ослабление власти, и свои «указы» и «законы» издают куда оперативнее, чем издыхающая власть, не говоря уже о том, что их приказы обсуждению не подлежат, а тотчас же претворяются в жизнь.

Конечно, зная, какой властью ныне обладает Талиб, не следовало ехать к нему без страховки, без конкретной зацепки, серьезного повода хотя бы для затравки. Талиба, как, впрочем, и любого его собрата подобного ранга, нынче практически невозможно ни за что арестовать, даже если и знаешь, что они стоят за каждым преступлением в городе. Сами они ничего не делают, да и никто никогда не даст против них показаний. Но сегодня Джураева не могли удержать никакие аргументы — душа требовала действия. Талиб мог знать, кто и зачем неотступно охотится за прокурором Камаловым.

Он подъехал к глухому дувалу с высокими воротами из тяжелого бруса, обитого внизу листовым железом, и поставил машину рядом с новенькой «девяткой» цвета «мокрый асфальт», особенно почитаемой среди «крутых» ребят Ташкента. Ворота оказались заперты, но Джураев не стал стучать, он хотел появиться неожиданно, чтобы хозяин «девятки» не успел скрыться в соседней комнате: профессиональный интерес брал свое.

Отмычкой он легко открыл дверь, вошел во двор и сразу увидел, как в окне сторожки у входа метнулся от телевизора охранник. Джураев опередил его, оказался на пороге первым:

— Встань в угол, ноги на ширину плеч, руки за спину, — приказал он, доставая наручники. Тот попытался потянуться к матрасу на железной кровати, но тут же после удара жесткими наручниками отлетел в угол, сметая со стола посуду. Джураев достал из-под матраса нож и, забирая его с собой, сказал: — Об этом поговорим попозже. Шуметь не советую, — и, щелкнув наручниками, подпер дверь снаружи доской.

Оглядев двор, прислушавшись, он быстро пошел к дому. По громкому смеху, доносившемуся со второго этажа, он вычислил комнату, где Талиб принимал хозяина «девятки», и поднялся наверх. Талиб и гость резались в нарды, — играли азартно, по-крупному, и оттого не сразу заметили появившегося Джураева. Конечно, полковник мысленно высчитывал, кто же мог быть у Талиба, но теперь он понял, что ошибся бы, даже назвав сотню людей: с хозяином дома играл один из самых известных адвокатов города. Доходили до Джураева слухи, что тот давно состоит главным консультантом у ташкентской мафии, но как-то не верилось: кандидат наук, коммунист, уважаемый человек...

И вдруг вся копившаяся ярость Джураева прорвалась, он жестко, как при задержании, схватил адвоката за волосы и резко развернул голову к себе.

— Вот вы с кем, оказывается, водите компанию, уважаемый председатель коллегии адвокатов! Вчера мои ребята взяли в «Вернисаже» Вагана, мы за ним давно охотились. У него с собой был пистолет, а в кармане собственноручное заявление каракулями, что он нашел его час назад и несет в отделение милиции. Теперь понятно, почему так поумнел тугодум Ваган, вы ведь с ним старые знакомые... Вон отсюда, мерзавец, пока цел!

И, как ни странно, вальяжный адвокат, доводивший в судах до инфаркта судей, прокуроров, заседателей и потерпевших своей наглостью, схватил стоявший рядом дипломат и бегом скатился с лестницы. Со страху он, видимо, решил, что Ваган «сдал» его: идея, как и многие другие, ставившие следствие в тупик, действительно принадлежала ему. Оказывается, ярость и несдержанность тоже имеют свои преимущества, успел подумать Джураев. Талиб, уже пришедший в себя, нервно поглаживая холеные усики, зло процедил:

— Нехорошо врываться в чужой дом, оскорблять уважаемых в городе людей. Кончился ваш ментовский беспредел — перестройка, демократия в стране.

— Да, Талиб, ты прав, ваша берет, воровской беспредел наступает, но народ до конца не осознает, что это значит для него. Верно, что у твоих ног валяются нынче и депутаты, и министры, ибо они твои депутаты, твои министры. Но со мной тебе и твоим друзьям придется считаться, законы отменить твои дружки пока не решились, хотя и кроют их уже в угоду себе...

— Что вам от меня нужно? Вы ведь знаете, я теперь вам не по зубам, — перебил Талиб, чувствуя, как взвинчен полковник.

— Скажи, кому нужна смерть прокурора Камалова, кто охотится за ним?

— Откуда я могу знать? — теряя интерес к разговору, ехидно улыбнулся Талиб, и его постоянно срывающиеся в бег глаза вдруг застыли.

— Ты знаешь, я редко обращаюсь к вашему брату за помощью и дважды прошу редко, поэтому подумай, чтобы не пожалеть потом.

Джураев, повернувшись спиной к хозяину, направился к двери.

— Ты, наверное, забыл, к кому пришел. А вдруг не выйдешь из ворот этого дома?.. — сказал вкрадчиво Талиб.

Полковник услышал слабый щелчок хорошо смазанного выкидного ножа и в ту же секунду, несмотря на свою грузность, ловко, словно в пируэте, развернулся, — в руке у него поблескивал ствол.

— Брось сюда нож! — скомандовал гость. — Время вскрыло тебе голову, а зря. С этой минуты можешь считать, что жизнь твоя не стоит и копейки! — и, подняв брошенную финку, двинулся к лестнице.

— Что ты можешь мне сделать, мент поганый? Да у меня друзья — лучшие адвокаты города, и повыше кенты есть! — закричал истерично Талиб. — Вот тебе сегодняшний день не пройдет даром, это точно...

Джураев молча спускался по крутой лестнице, а Талиб следом кричал в истерике:

— Ничего ты не можешь! Нет у вас власти, на понт берешь... Просить прощения еще у меня будешь, у ног валяться...

Полковник вдруг резко развернулся и, в два шага одолев расстояние, разделявшее их, схватил Талиба за грудки:

— Заткнись, падла, отныне ты приговорен. Забыл, как восемь лет назад ты сдал мне Фаруха, и он получил на всю катушку? Сегодня Фарух тебе не чета, хотя и ты не последний человек в городе. Такое никогда не прощается. Предательству нет срока давности, кажется, так гласит одна из главных воровских заповедей? — Он повернулся и не спеша двинулся к дверям.

У самого порога его достал голос Талиба:

— Пойдите! Мы оба погорячились. Я не знал, что этот прокурор ваш друг. Но мы не имеем к нему отношения, дело, похоже, пахнет политикой, борьбой за власть...

— Кто? — обернувшись, жестко спросил Джураев.

— Миршаб... — тихо прошептал хозяин дома.

IX

В новой палате кровать прокурора расположили иначе, — Камалов видел входную дверь, хотя догадался, что полковник Джураев распорядился насчет охраны. Прошло три недели после ночного покушения. Прокурор почти каждый день настаивал, чтобы его выписали, события требовали контроля, он чувствовал, как теряет время... И вот как будто забрезжила надежда: медсестра проговорила, что через неделю его выпишут с оформлением инвалидности.

Время в больнице он все-таки зря не терял: тут за долгие часы бессонницы пришло в голову немало идей, обозначились неожиданные ходы. Вынужденная праздность позволила ему тщательно проанализировать, вариант за вариантом, действия каждого, кто попал в орбиту его внимания. Он не знал, что предпринимает в тюрьме Акрамходжаев, наверняка получивший известие о смерти Парсеяна, но знал о реакции хана Акмаля, — Камалову тотчас передали из Москвы стенограмму его речи на суде. Значит, Акмалю Арипову было известно о смерти Беспалого, и ход он придумал гениальный. Теперь освобождение Сенатора — лишь вопрос времени, такого шанса Акрамходжаев не упустит. Адвокаты, наверное, день и ночь снуют между Москвой и

Ташкентом. Оставалось загадкой, существовала ли регулярная связь в Москве между Сенатором и ханом Акмалем. Хотя прокурор знал, что содержатся они отдельно, но смерть Парсегиана и неожиданное выступление на суде Арипова подтверждали, что ныне гарантий не даст даже всесильный КГБ. Показания Беспалого теперь ничего не значили для суда, да и дело Сенатора вряд ли дойдет до него, теперь все стали осторожными, пуще прежнего держат нос по ветру, выжидают, чья возьмет, хотя в республиках уже ясно, кто пришел к власти.

«Как ловко хан Акмаль отмежевал меня от других ответственных лиц в республике, — не без восхищения думал Камалов. — Ставленник Москвы, манкурт, не помнящий родства, человек, виновный в геноциде против лучших сынов республики... Лихо! Этим как бы дается команда другим: вам всем грядет прощение, а этого отдадите на закляние. Силен хан Акмаль, даже из тюрьмы определяет политику на завтра!» Но выступление хана Акмаля на суде только внесло ясность в какие-то рассуждения Камалова. Иного от Арипова он и не ожидал, не тот человек. А угрозами его не удивишь, привык, такая работа, он сам выбрал опасный путь, — вот этого хану Акмалю никогда не понять, трагедия его в том, что он свято убежден: все продается и покупается. Он покупал всегда и везде, оптом и в розницу, и никогда не знал осечки. Да и ситуация сложилась в его пользу: любое уголовное преступление сегодня можно оправдать, переведя его в национальную плоскость, придав ему политическую окраску. Но то, что не все продается и не все покупается, хан Акмаль, как ни крути, испытал на своей шкуре — оказался в тюрьме, хотя наверняка был уверен, что люди его круга, его связей — неподсудны. Камалов понимал, что, открывая дорогу на волю Сенатору, хан Акмаль думал прежде всего о себе. «Долг платежом красен» — пословица русская, но она на Востоке в особой чести — словно одна из главных заповедей Корана. Вот почему прокурор торопился покинуть стены института травматологии.

Подгонял его и еще один повод — близился срок возвращения из Германии Шубарина, к которому он долгие месяцы искал подходы и, кажется, нашел. Даже беглое знакомство с трудами убитого прокурора Азларханова, особенно последних лет, когда тот неоднократно обращался в Прокуратуру

республики и Верховный Совет с обстоятельными докладными, и сравнение их с докторской диссертацией Сенатора не оставляло сомнений в идентичности работ. В свободное от процедур время Камалов сделал тщательный сравнительный анализ работ. В докладных Азларханова встречались целые абзацы, разделы, слово в слово повторявшиеся в диссертации Сенатора. Нашел он и черновик одной из статей, возможно, тоже предназначавшейся Азлархановым для печати, но появившейся позже, в первые годы перестройки, уже за подписью Сухроба Ахмедовича, и вызвавшей в республике небывалый резонанс. Тут, как говорится, он схватил Сенатора за руку — не отпереться. Оставалось загадкой, как попали научные труды опального прокурора к Сенатору? Не мог же Шубарин сам передать их Сухробу Ахмедовичу.

Можно сказать, что время в больнице Камалов зря не терял, одна разгадка тайны взлета Сенатора чего стоила. Конечно, он не ожидал от встречи с Шубариным чуда, ответа на все вопросы, просто интуитивно чувствовал, что многое крутится вокруг Японца. Новое время давало Шубарину шанс достойной жизни, реализации собственных возможностей, ведь он уже в 1986 году объявил в финансовых органах о личном миллионе, и никто к нему претензий не имел. А идею коммерческого банка поддержали на правительственном уровне, горисполком сдал ему в аренду на девяносто девять лет старинный особняк в центре столицы, в нем сейчас спешно вели реставрационные работы. А ведь при возврате к прошлому о каком официальном личном миллионе, частном банке могла идти речь? Уж об этом Шубарин, наверное, догадывался. Вот почему в нем надо искать союзника. Во всяком случае, следовало изолировать его от Миршаба и от Сенатора, который, возможно, даже раньше Японца окажется в Ташкенте, — такое единство представляло силу, темную, страшную силу, способную на многое...

Мысли о Шубарине не давали покоя Камалову, и он на всякий случай решил по своим старым связям с Интерполом получить кое-какие данные о жизни Японца в Мюнхене: как проводит свободное время, с кем общается, кто навещался к нему. Он допускал, что такой неординарный человек мог попасть в поле зрения местных органов правопорядка, немцы — народ аккуратный. На особый успех он, конечно, не рассчитывал, просто у него сложилась привычка работать тщательно, основательно,

тем более, если позволяло время. Да и Шубарин сам по себе стоит того, чтобы знать о нем как можно больше.

Ответ из Мюнхена пришел в день выписки Камалова из больницы, и по тому, как начальник отдела по борьбе с организованной преступностью, приехавший за ним, передал тоненькую папку еще в машине, не дожидаясь, пока они доедут до прокуратуры, Камалов почувствовал важность сообщения. Так оно и было. В документах, пришедших по каналам Интерпола, отмечалось, что Шубарин в Мюнхене вел активный образ жизни: учеба, встречи с деловыми людьми, визиты, приемы в престижных клубах, театр, бассейн, корты... Частые выезды на уикенд в Австрию, Голландию, Швейцарию, Италию... Интерес представлял и список людей из разных стран, посещавших Шубарина в Германии. Камалов догадался, что почти все они — наши бывшие граждане, с которыми Японец раньше имел дела. Но в длинном списке встретились две фамилии, видимо, и заставившие полковника поскорее ознакомить прокурора с ответом Интерпола. Для людей несведущих эти фамилии не говорили ничего, но для Камалова...

Фамилии находились рядом, в самом конце: Анвар Абидович Тилляходжаев и Талиб Султанов. Прилагались и фотографии.

Камалов долго всматривался в снимок мужчины со знакомой фамилией в модном мешковатом костюме, с холеными усиками. В кабинете он достал альбом — многие, наверное, хотели бы заглянуть в него — и отыскал похожий снимок. Подпись гласила: Талиб Султанов, 1953 года рождения, дважды судим, вор в законе.

— Что нужно уголовнику Талибу от будущего банкира? И как оказался в Мюнхене Анвар Абидович Тилляходжаев, находящийся в заключении на Урале? — спросил прокурор у чекиста, но тот в ответ лишь пожал плечами.

Х

Татьяна Георгиевна, Танечка Шилова, поступала в Ташкентский университет на юридический факультет три года подряд, а в год окончания школы сделала еще и попытку стать студенткой МГИМО в Москве. Она не была избалованным

и бездарным ребенком, который рвется в престижный вуз. Таню воспитывала мать-одиночка, работавшая уборщицей на местном авиационном заводе, правда, на две ставки, поскольку поставила перед собой цель дать дочери высшее образование. Школу Таня окончила без золотой медали, хотя медалистки ее класса понимали, что им до Шиловой далеко. Но жизнь есть жизнь: родители, их положение, учителя, родительский комитет, — все здесь играло свою роль, да и мать Танечки отличалась строптивым, сильным характером, а кто у нас любит людей с норовом, да еще не имеющих кресла? А тут и вовсе — уборщица. Но Таня особенно не переживала, верила в свои силы. Она была комсоргом школы, и как человек активной жизненной позиции избиралась и делегатом на съезды, и в горкоме комсомола представляла учащуюся молодежь. Удалась Танечка и ростом, и фигурой, и характером, и внешностью... Мать ее где-то вычитала, что есть в Москве Институт международных отношений, где готовят дипломатов и прочих людей для государственной службы. Смекнула, что туда, наверное, умные дети требуются, и, по ее мнению, Таня туда как раз подходила — грамот всяких в шкафу уйма скопилась. В стране было немало людей, безоговорочно веривших официальной пропаганде: в «планов громадье», в то, что «молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет», в «светлое будущее коммунизма», в «общество равных возможностей», в «самое справедливое на земле общество», короче, «я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» и тому подобное. Мать Танина, да и она сама принадлежали именно к таким.

В школе учили английский, и, хотя Таня вполне успевала, мать подыскала ей репетитора, преподавательницу института иностранных языков. Ходили к ней вдвоем. Пока Таня шлифовала трудное произношение, мать занималась хозяйством: стирала, прибирала, гладила, белила, красила — в богатом доме дел всегда невпроворот. К выпускному балу Таня знала английский, по словам преподавательницы, не хуже ее студентов, окончивших институт. Бойко говорила она и по-узбекски.

Как только Татьяна получила аттестат, мать побежала в дирекцию, — каждую неделю в Москву летал служебный самолет, в особо важных случаях разрешали воспользоваться бесплатным рейсом и рядовым рабочим, не отказали и ей.

Вернулась она тем же самолетом на другой день. Оказалось, что в МГИМО, как в обычные институты, документы не брали. Нужно было иметь специальное направление из республики, требовалась куча других бумажек, вплоть до рекомендации ЦК комсомола. Приуныли мать и дочь всерьез. Но выручила, как ни странно, вера в общество равных возможностей, в социальную справедливость — они ринулись сломя голову на штурм казенных кабинетов. Добыли они направление — эта эпопея сама достойна романа, и только за муки, героизм Танечку следовало зачислить в престижный вуз. Через месяц, опять же заводским самолетом, счастливая Таня Шилова улетела в Москву, где в рабочем общежитии дали ей комнатку на время экзаменов. По этому случаю в столицу из Ташкента звонил сам директор авиапредприятия — удивительный по нынешним временам поступок.

То были годы семимильных шагов к коммунизму, эра Брежнева, эпоха застоя, как говорят нынче историки. В МГИМО учился внук самого Леонида Ильича...

Уже на первом экзамене Таня поняла, что тут учатся не простые люди. Ее общежитие находилось в пригороде Москвы, в Монино, и, чтобы не опоздать, она выезжала семичасовой электричкой. Когда же стали съезжаться абитуриенты, ей показалось, что все до одного они приехали на черных правительственных «чайках» или в роскошных иностранных машинах, каждого сопровождала целая свита дедушек, бабушек, дядюшек, важных и вальяжных родителей, еще каких-то шустрых молодцов, то и дело бегавших в здание, хотя доступ туда официально был запрещен. Среди сопровождающих Таня узнавала людей, чьи фотографии печатались в газетах, а лица мелькали на экране телевизора. Ее, стоявшую в сторонке, с бумажной папкой в руках, в жарком кримпленовом платье, вряд ли кто принимал за абитуриентку, у нее одной швейцар потребовал документы и заметно удивился, увидев в руках экзаменационный лист.

В тот день писали сочинение, и Татьяна видела, как слева и справа от нее, особенно не таясь, списывали будущие светила дипломатии. Чувствовалось, тему почти все знали заранее, готовые работы были под рукой. Около Тани с подозрением прохаживалась разодетая преподавательница, но девушка,

увлеченная работой, не замечала ее. Первый экзамен она сдала на пятерку. И второй, и третий... Ее заметили и с недоумением поглядывали — откуда такая взялась, не маскарад ли, не ловкий ли розыгрыш — голубое платье, скромные босоножки?..

После каждого экзамена Татьяна отбивала короткую телеграмму в Ташкент с единственным словом «пять», понимая, как переживает дома мать. Перед последним экзаменом — историей — она чувствовала себя уже победительницей, предмет этот она не только знала, но и любила, и даты ее не пугали, памятью она обладала феноменальной.

По спискам поступающих, вывешенным в холле, она, конечно, узнала кто есть кто. И, воспитанная на вере в справедливость, думала: а меня должны принять не только за пятерки, но и социальное происхождение, будет, мол, чем козырять деканату — в таком вузе дочь уборщицы учится.

Возможно, мог случиться и такой расклад. Но к последнему экзамену число соискателей студенческих билетов оказалось гораздо больше вакантных мест. На экзамене она отвечала первой, даже особенно не готовилась, билет, на ее взгляд, попался удачный. Когда она заканчивала, в аудиторию уверенно вошел средних лет мужчина, член приемной комиссии, и, спросив у экзаменаторов разрешения поприсутствовать, стал внимательно слушать. Когда Татьяна закончила отвечать, вошедший задал ей один дополнительный вопрос. Таня ответила на него менее уверенно, чем на билет, за что и получила оценку «удовлетворительно». Тут-то она и поняла, что ушлые дяди ловко подставили ей подножку.

В ближайшем скверике она дала волю слезам, в голову лезли всякие дурные мысли — ей было стыдно возвращаться в Ташкент. Как показаться на глаза матери, соседям, подружкам, ведь в нее все так верили. Но выручил какой-то парень, он, видимо, сразу догадался, в чем дело, протянув конфетку, участливо спросил:

— Что, двойку получила?

И, узнав обо всем, вдруг весело сказал:

— Хочешь анекдот про экзамен, очень похожий на твой случай. — И, не дожидаясь ответа, затараторил: — Экзаменатор спрашивает: «Скажите, пожалуйста, сколько советских людей погибло в Великой Отечественной войне?» Абитуриент

уверенно отвечает: «Двадцать миллионов...» Тогда профессор, сверкнув очками, потребовал: «Назовите всех поименно...»

Татьяна от неожиданности расхохоталась, черные думы отлетели с души, а с глаз словно спала пелена...

Вот тогда она твердо решила стать юристом, чтобы каждый мог рассчитывать не только на свои силы и возможности, но и на закон. Она, по сути провинциалка, впервые попавшая в Москву, вчерашняя школьница, сразу ощутила, какое огромное преимущество имеет перед ней каждый москвич, вступающий в жизнь. За эти дни пребывания в Москве она узнала, что в столице есть более десяти крупных институтов, не имеющих общежитий, в том числе и МГИМО, — значит, это только для москвичей. Да и остальные институты в основном ориентировались на местных. А если прикинуть перспективу? Кто мог работать в тысячах солидных организаций и министерств союзного значения, решавших вопросы жизни всей страны от Балтики до Тихого океана, судьбу таджика на Памире или чукчи на Крайнем Севере? Опять же москвичи, ибо прописка, полученная при рождении, открывала путь в эти организации, прописка, а не ум, давала им ход, и они решали все и за грузина, и за узбека, и за татарина...

В каждом народе живет инстинкт самосохранения, он следит за обновлением крови, боится кровосмешения, а тут фактически оно из года в год сознательно, законодательно поощрялось. На какой же результат в таком случае можно было рассчитывать? На деградацию, вырождение и только. В том же МГИМО она не раз слышала, как некоторые абитуриенты с гордостью, с осознанием какого-то личного, унаследованного права говорили: это, мол, наш семейный вуз, его окончили отец, дядя, мама, брат, сестра...

Юности свойствен максимализм, и Татьяна верила, что, когда она станет юристом... Но, чтобы стать юристом, нужно было сначала окончить университет. Вернувшись в Ташкент, Таня поступила на работу на тот же авиазавод, инструментальщицей в мамин цех. Умные люди посоветовали обзавестись на всякий случай стажем, лучше — рабочим.

Юридический факультет, как поняла Таня Шилова после первого провала дома, в республиках Средней Азии и Кавказа был чем-то вроде МГИМО для москвичей. Нет, здесь

не привозили своих чад в «чайках» и «мерседесах», тут все решалось тихо, через посредников, за глухими дувалами и закрытыми дверями, без внешней мишуры и ажиотажа — на Востоке свои правила и традиции. В первый раз она не прошла мандатную комиссию: сказали, не хватает производственного стажа... Во второй — объяснили, что в этом году наплыв золотых медалистов, воинов-интернационалистов и вообще отслуживших армию, в общем, вполне убедительно. Но опять же, как и в МГИМО, ее приметили, даже записали в какой-то резерв, обещали вызвать, но так и не позвонили...

Возможно, со своими знаниями и упрямством она одолела бы, наконец, приемную комиссию, но тут ей просто повезло.

В день первого экзамена она встретила в вестибюле одного из секретарей ЦК комсомола, знавшего ее еще по школе, он же некогда подписывал ей рекомендацию в МГИМО. Услышав ее историю, тот сделал какую-то запись в блокноте и, прощаясь, сказал, что этот год для нее непременно будет удачным. Так оно и вышло. Набрала она максимум баллов и, как отличница, с первого курса до самого окончания института получала специальную стипендию.

Студенческие годы Татьяны пришлись на период перестройки. Наверное, ни в одном ташкентском вузе перестройку не приняли в штыки так, как здесь. Родители многих студентов привлекались к уголовной ответственности за взятки, приписки, злоупотребления служебным положением, казнокрадство. Одни пытались скрыть этот факт, и порою это удавалось, но большинство громких дел получало широкую огласку в прессе и становилось достоянием всех.

Конечно, на этом факультете узнали о переменах и в МВД республики, и в Верховном суде, и в Министерстве юстиции, и особенно в Прокуратуре, ибо многих поступающих на юридический привлекает работа именно прокурора. Кто из молодых в юности не желает выступить в роли обличителя! Таню и ее товарищей интересовали пути к правовому государству, они с упоением читали проблемные статьи на эти темы, публиковавшиеся чуть ли не еженедельно. Конечно, они обсуждали и знаменитые статьи Сухроба Ахмедовича Акрамходжаева, ведь его выступления в местной печати касались и проблем республики, и подготовки юристов.

Студенты, как и все общество, раскололись по своим убеждениям, принципам, симпатиям, молодежь металась, не находя себе места, запутавшись среди огромного количества новых явленных пророков и оракулов. Рушились учебные программы, устаревали законы и установки, но Татьяна была убеждена, что ее выпуск оказался как никогда сильным. Они — первое поколение студентов в республике, ощутивших огромную ответственность юристов перед обществом, — понимали, что перестройка с ее четкой направленностью к правовому государству возлагает на них большие надежды: ведь всему требовалось юридическое обеспечение, все должно было теперь определяться законом, а не приказом райкома партии. Оттого они внимательно следили за успехами и неудачами реформ в республике. Но скоро стало ясно, что перестройка, так и не развернувшись в полную силу, задыхается, умирает...

В конце восьмидесятых годов, когда один за другим стали досрочно освобождаться из мест заключения казнокрады, чьи судебные процессы еще недавно вызывали такую шумную реакцию и одобрение общества, поняла и Татьяна, что реформам, переменам, ожиданиям приходит конец. Вчерашние герои скандальных газетных статей и телерепортажей, заснятые на фоне награбленного и наворованного в немыслимых количествах, не только возвращались, но и шумно требовали вернуть им прежние хлебные места. И все это на фоне поникшего, безмолвного, безголосого большинства, поверившего было, что перестройка — единственный шанс на лучшую долю. Выходило, что лучшая доля вновь возвращалась к тем, кто ее имел прежде. Изменились и настроения студенчества: теперь уже откровенно козыряли родителями, пострадавшими от нового курса партии, все это преподносилось как произвол Москвы над республикой, над ее лучшими сыновьями, цветом нации, желавшим краю счастья, процветания, самостоятельности, суверенности.

Вновь произошли крупные кадровые перемены во всех правоохранительных органах Узбекистана, и вся эта чехарда со сменой кресел пристрастно обсуждалась в институтских коридорах.

В это переломное время Шилова впервые услышала фамилию прокурора Камалова. По-разному к нему относились и студенты, и преподаватели, особенно после ареста всемогущего

хана Акмаля из Аксая, друга Рашидова. Одни говорили с уважением и восторгом, сознавая, на кого он замахнулся, другие отреагировали по-иному — ставленник Москвы, предатель своего народа...

Конечно, пора студенчества — время взросления, но время учебы Татьяны, совпавшее с перестройкой, ускорило этот процесс многократно, а главное, он отличался иным качеством, важным оказывались принципиальность, собственное убеждение, без чего невозможно состояться юристу. Если раньше гражданская позиция формировалась в человеке все-таки позже, в ходе работы, то в нынешний период она складывалась уже в университетских стенах. Трудно было отсидеться за чужим мнением, лавировать — все равно наступал день, когда следовало определиться: вечные нейтралы оставались не у дел, вызывали презрение и «правых», и «левых». По отношению к происходящему, к тем или иным людям Таня, будущий юрист, догадывалась, кто ей близок и кому она подходит как специалист. Своим героем, задолго до личного знакомства, Шилова в душе называла Камалова. Когда перед дипломной практикой ей как лучшей студентке курса предложили место на выбор, она, конечно же, выбрала прокуратуру республики. Ей хотелось поработать рядом с человеком, чьи взгляды она разделяла, а действия одобряла. Позже Татьяна назвала этот выбор судьбой...

Практику она проходила в следственном отделе, на первом этаже Прокуратуры, а кабинет Камалова располагался на четвертом, и она сожалела, что не имеет возможности видеть его. Работой ее завалили сразу, — в следственном деле всегда непочтатый край. Таня приходила на работу на час раньше, минут на десять опережая Камалова, и сразу бежала к окну, боялась пропустить его приезд. Когда она увидела его в первый раз, он показался ей гораздо моложе своих лет — несмотря на раннюю седину, подтянутый, быстрый; решительность, независимость чувствовались в каждом движении, шаге. Одевался он с небрежной элегантностью, и во всем его облике, манерах чувствовался «человек не отсюда». Позже, узнав, что большую часть жизни он прожил в Москве и Вашингтоне, и даже год с небольшим в Париже, Таня порадовалась своей проницательности.

За всю практику они ни разу так и не столкнулись лицом к лицу. Он, конечно, даже не догадывался о существовании

практикантки, своей единомышленницы, всегда желавшей ему удачи. И неожиданное приглашение в знаменитый ресторан «Лидо», куда она пошла с одним из молодых сотрудников прокуратуры, и тот разговор, невольным свидетелем которого она там стала, хотя говорили по-узбекски, — собеседники наверняка не догадывались, что Татьяна владеет этим языком, — теперь трудно было назвать случаем.

Из беседы, состоявшей из недомолвок, недоговоренностей, где часто упоминался некто, зашифрованный под именем Москвич, Татьяна поняла, что из Прокуратуры утекает какая-то информация, служебные тайны, она ощущала это сердцем, ибо уже отдавала себе отчет, где работает. Ныне тот поход в ресторан она считала не случайным, а чем-то предопределенным свыше, чтобы как-то уберечь, обезопасить человека, к которому испытывала уважение и симпатию.

В тот вечер в ресторане она не придала особого значения тайному разговору, невольной свидетельницей которого оказалась, но стала остерегаться человека, пытавшегося за ней ухаживать. А когда во время ферганских событий, связанных с турками-месхетинцами, она узнала из газет о покушении на Камалова на трассе Коканд — Ленинабад, тот давний разговор, который она не забыла, вызвал у нее смутную тревогу. Через несколько дней, когда произошло новое покушение, уже в Ташкенте, где погибли жена и сын прокурора, Татьяна поняла, наконец, что в разговоре речь шла о Камалове...

Недели три не решалась она пойти в больницу и рассказать о своих подозрениях Камалову, словно чувствовала, что с этим шагом круто изменится ее жизнь. О ценности своего сообщения она догадалась сразу, предатель в Прокуратуре и был главным недостающим звеном в расследовании прокурора, посвятившего годы борьбе с оборотнями в милиции. Камалов, выслушав ее, тут же достал из прикроватной тумбочки пухлую папку и, показав ей фотографию, спросил, не этот ли мужчина подсаживался к ним за столик. Ее ответ словно склеил две половинки фотографии незнакомого человека.

После этого разговора с Камаловым она уже месяц работала в Прокуратуре республики. По странному стечению обстоятельств, она занимала тот же самый кабинет на первом этаже, где проходила практику.

Сейчас она тоже стояла у окна, так как знала, что ее шеф, начальник отдела по борьбе с организованной преступностью, поехал за прокурором в больницу. Почти через полгода Камалов, на котором уже кое-кто поставил крест, возвращался в свой служебный кабинет. На улице у Прокуратуры, как обычно, выстроились ряды машин, возле них прохаживались незнакомые люди. «Каждый из них может быть охотником за прокурором», — сказал вчера шеф, невольно бросивший взгляд в окно.

Она и не заметила, как подъехала машина прокурора. Первым выскочил водитель Нортухта, парень, прошедший Афган, — это с ним Камалов одолел банду наемных убийц на трассе Коканд — Ленинабад. Афганец мгновенно повернулся спиной к входу и быстрым взглядом окинул ряды машин. Под тонкой пижонистой замшевой курткой внимательный человек легко углядел бы оружие и понял, что парень умеет им пользоваться.

Камалов взглянул на высокое парадное и стал медленно одолевать мраморные ступени, чувствовалось, каждый шаг давался ему нелегко. Она разглядела его осунувшееся лицо, свежий рваный шрам, пересекавший высокий лоб, отметила, что он зарос, похудел и стал походить на голливудских киногероев, но тут же устыдилась такого пошлого сравнения. По лестнице поднимался мужчина, настоящий человек, шел, чтобы довести начатое дело до конца. Она не заметила, как губы сами прошептали: «Храни вас Господь!»

XI

Газанфар Рустамов, прокурор отдела по надзору за исправительными учреждениями, пребывал в скверном настроении. Третью неделю подряд не везло в карты, улетучились с риском добытые деньги на машину. Во всех зонах и тюрьмах, то тут, то там, возникали стихийные бунты, захватывали заложников, участились побегі, и ему приходилось мотаться из края в край республики, — исправительно-трудовые колонии располагаются не в курортных местах. Ночевки в грязных провинциальных гостиницах, обеды в скудных казенных столовках,

вечная нехватка транспорта — все это действовало на нервы, раздражало, вызывало зависть к коллегам из других отделов. «Почему я должен отдуваться за несправедливость, жестокость, убожество в местах заключения?» — часто спрашивал он себя и клял на чем свет стоит Сенатора, за его нерасторопность, медлительность. Ведь, работая заведующим отделом административных органов ЦК партии, тот обещал, и не раз, сделать его прокурором одного из районов Ташкента. Твердо обещал, да что вышло? Сам загремел. Но Рустамову было жаль только себя — Сенатор хоть пожить успел в свое полное удовольствие.

Газанфару предстояла поездка в Таваксай, там произошел групповой побег, конечно, не без участия людей из охраны. «Какой же нормальный человек, да еще за такие гроши, пойдет работать с заключенными?» — рассуждал он, как никто другой знавший тамошние нравы. Удивлялся он не побегу, а тому, что до сих пор эта система действует. Он бы не удивился, если какой-нибудь поселок, городок, где есть крупная тюрьма или лагерь заключенных, вышел бы на забастовку, узнай вдруг, что «заведение» переводится в другое место, ибо тут каждый второй кормится с бедных арестантов. Одни сдают комнаты на постой приехавшим на свидание или добивающимся его, другие промышляют извозом, доставляя освободившихся и их родственников на железнодорожный вокзал или в аэропорт ближайшего города, третьи занимаются посредничеством, вольно или невольно все завязаны на тюрьме. Тут все обслуживают зону, каждый как может, в зоне денег всегда больше, чем на воле, и зэки не торгуются, впрочем, на все существует твердая такса.

Всех способов наживы с заключенных не знает даже он — перечень их обновляется с каждым днем. Вот недавно был случай. В одном городке четырехэтажная «хрущевка» буквально нависала балконами над заборами с колючей проволокой, и юная девица, чья лоджия оказалась как раз напротив мужского барака, однажды вышла туда в купальнике. И вдруг услышала из-за «колючки» рев восторга. Женщина есть женщина, ей любое внимание в радость, даже из-за «колючки», и девчонка минут пять пококотничала, принимая по просьбе высыпающих из бараков мужиков всякие пикантные позы.

Когда она собралась уходить, кто-то крикнул ей: «А это тебе за доставленное удовольствие!» — и бросил на балкон рабочую перчатку, — там вместе с камнем оказалась сторублевка. С тех пор, девушка уволилась с работы и трижды в день выходит на балкон под восторг ревушей толпы, — говорят, стриптиз у нее получается не хуже, чем в порнофильмах. Весь город завидует обладательнице счастливого балкона. Выезжал он и по этому случаю, даже встретился с героиней истории — грамотная, как и все ныне, попала девушка. Заявила, я, мол, живу в демократическом государстве и на своем балконе вольна делать зарядку как хочу и когда хочу... Вот и привлеки ее попробуй — не за что.

Кормился с заключенных и сам Рустамов, и у него порой случались «навары» не меньше, чем у работников ОБХСС. За доставку важного послания в тюрьму, особенно подследственному, до суда, с заинтересованной стороны требовали десятки тысяч. Однажды он сорвал куш в сто тысяч — и это в те годы, когда деньги еще имели силу! Правда, ему пришлось поделиться с начальником тюрьмы. К обвиняемому по хищению в особо крупных размерах, взятому под стражу, рвался на свидание, всего на пять минут, один из сообщников и предлагал за это сто тысяч. Но свидание требовал с глазу на глаз, передача послания его не устраивала, — за это и плата. Речь шла, конечно, о том, чтобы запутать следствие, определить линию поведения на суде. Свидание это состоялось глубокой ночью и длилось ровно пять минут.

Носил он письма и «авторитетам», вора в законе, находившимся в тюрьмах усиленного режима, передавал и из зоны «инструкции», «рекомендации» на волю, — среди уголовников у него была даже кличка «Почтальон». Платили за это тоже хорошо, но нынче, в перестройку, занятие это стало опасным. Раньше высокое ворье держалось за него, уважали покладистого человека «наверху», а сейчас словно взбесились, постоянно шантажируют, на гласность намекают. Но это, скорее, оттого, что у него появились конкуренты — нынче ничем не брезгают, лишь бы деньги. Один вор в законе, угощавший его в тюрьме французским коньяком, так объяснил перестройку: это время, когда все покупается и все продается, и пожелал, чтобы оно дольше продлилось, — за это и выпили.

Что-что, а деньги Газанфар в жизни имел, много прошло их сквозь его руки, да счастья не принесли, и виной тому карты. С них у него и беды пошли. Играть он начал, как и большинство, студентом, в общежитии, и вряд ли кто в нем мог предполагать в ту пору столь азартного человека. Первые десять лет после университета пришлось на самый пик застойных лет. Тогда и расцвела махровым цветом картежная игра среди должностных лиц. В какой бы город он ни приезжал в командировку, повсюду вечерами приглашали куда-нибудь на игру, впрочем, чаще всего в областях «катают» при гостиницах, тут уж точно мода из Москвы пришла, там почти в каждой гостинице обнаружишь катран.

В ту пору нравы не были так суровы, как ныне; картежные долги, особенно крупные, легко прощали, никто посторонний учет их не вел, не переводились проигрыши на других, не включались «счетчики» за каждый просроченный должником день. Но потом внезапно и повсюду, — словно за всем этим стоял некто коварный и умный, втягивавший в игру все больше и больше людей, — появились правила, и картежники оказались в мышеловке. Зная масштабы преступного мира и гениев, осуществлявших его стратегию, Газанфар ныне часто задавался вопросом: случайно это произошло или нет?

Он сам оказался заложником игры. В первые годы он стабильно выигрывал. С шальных денег купил пятикомнатную кооперативную квартиру в престижном районе, прозванном в народе «дворянским гнездом». Работнику прокуратуры это не составляло труда, тем более что пайщиком он оказался солидным, выплатил всю сумму сразу, в ту пору разного рода начальники норовили жилью урвать за казенный счет и с успехом это делали, но Газанфар не хотел и дня ждать в очереди. И кооперативный гараж, и первая машина, можно сказать, с взятки и выигрышей появились, на зарплату прокурора особенно не разгуляешься.

Рос и его авторитет «каталы» — так игроки между собой называют картежников. Тут главное в срок гасить долги, если проиграл, каталы, не обремененные долгами, имеют право на отыгрыш даже без наличных, гарантией тому их авторитет. Газанфар долго был уверен, что он в любое время без труда может оставить карты, ибо в игре особенно не зарывался

и видел в этом свою силу. В картах, как и в жизни, был расчетлив, обладал холодным разумом и при внешней эмоциональности легко контролировал свои чувства. Успех за карточным столом можно было объяснить и аналитическим складом ума, он ведь закончил знаменитую сто десятую математическую школу Ташкента и обладал феноменальной памятью, в игре такой человек имеет фору, ибо великолепно помнит сброшенные карты. Если бы не карты, Рустамов мог стать выдающимся шахматистом. Он так был уверен в своих силах, что мечтал, если вдруг повезет и выиграет миллион (такое по тем временам случалось, но редко), плавно «сойти с игры». Купил бы себе спокойное, но денежное место и вел размеренную жизнь буржуа — миллион в нашей стране, при повальной нищете, все-таки большие деньги.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает... Женится Газанфар, по местным понятиям, несколько поздновато, в двадцать восемь, но ему и тут повезло, взял девушку хорошего и знатного рода, прямо со школьной скамьи. Но через полгода — первый звонок судьбы: в игре можно не только выиграть, но и все потерять...

Вскоре после свадьбы он впервые крупно проигрался, причем крутому человеку, от которого отмахнуться было невозможно. В минуту отчаяния Рустамов даже замыслил его убить, но это оказалось ему не по зубам. Больше того, тот словно читал его мысли: однажды, встретив у Прокуратуры, угрюмо сказал:

— Другому бы я, может, и скосил долг, но менту — никогда. Меня не поймут... — И, выдержав паузу, глядя прямо в глаза, добавил: — Если задумал подлянку, предупреждаю: к вашему брату я жалости не знаю.

Договорились, что в счет долга он отдаст свою пятикомнатную кооперативную квартиру с обстановкой, гараж с машиной и съедет в трехкомнатные апартаменты панельного дома в двадцать шестом квартале Чиланзара, рядом с обводной дорогой. Пришлось готовить жену к переезду, сроки поджимали. Та, естественно, в слезы, кинулась к родителям. Тут он получил еще один удар: отец жены, видимо, хорошо знавший, что такое муж-картежник, тихо, но быстро устроил дочери развод и вернул ее домой. Но судьба в первый раз лишь просигналила ему:

в тот самый день, когда ушла жена, он выиграл гораздо больше, чем проиграл. Конечно же, уладил дела со своими долгами, остался все-таки в престижном доме, но без жены. Потом он женился еще раз, но, не прожив и года, развелся — теперь по своей инициативе. Жена попалась ленивая, ни готовить, ни стирать, ни вести дом не умела и не хотела, одни косметические салоны и портнихи на уме, домой не дозвонишься, вечно висела на телефоне, а о детях и вовсе слышать не желала.

Вскоре он обнаружил, что положение вечного жениха в большом городе имеет свои преимущества. Обычно он держал в поле зрения трех-четырёх девушек, они и стирали, и квартиру убирали тщательно — конкуренция обязывала. Кого такое положение не устраивало — уходили, но, как ни странно, вакансия тут же занималась другими, зачастую подружками предыдущей соискательницы. Он так и говорил строптивым: свято место пусто не бывает. А женихом он казался завидным: молодой, спиртным не злоупотребляет, не курит (картежники следят за своей формой строго), работает в солидном учреждении, при машине, пятикомнатная роскошно обставленная квартира в хорошем районе, словом, от женщин Рустамов отбоя не знал, а точнее, знал им цену... Но вряд ли могла бы найтись девушка, которая сумеет завладеть его сердцем, — он давно с ног до головы принадлежал дьяволу, картам.

Сохранив квартиру, он, поверив в свою удачу, быстро забыл о том, что готов был пойти на убийство из-за денег. Правда, случались и проигрыши. Однажды, узнав, что он улетает с инспекцией в Навои, где много исправительно-трудовых колоний, его попросили передать заключенному письмо, а в награду списали картежный долг. Он, набравшись наглости, потребовал еще пять тысяч наличными, якобы для подкупа тюремной администрации, и, к своему удивлению, получил эти деньги. Так открылся еще один источник дохода, и тогда он получил тайную кличку «Почтальон».

Говорят: «Предавший однажды уже не остановится ни перед чем». Вряд ли Газанфар, доставив в зону письмо-инструкцию для «хозяина» лагеря, предполагал, что это только первая ступень его предательства. В Ташкенте в те годы существовало около двадцати катранов, где играли по-крупному высокие должностные лица, и чем выше поднимался Рустамов

как катала, тем реальнее становилась его встреча за карточным столом с Сенатором и Миршабом. И, в конце концов, они встретились.

В тот вечер в катране оказалось многолюдно, Сенатор с Миршабом долго не задержались, но парня из Прокуратуры республики заметили, да и тот, хорошо знавший обоих, наверняка углядел их, хотя не вставал из-за стола, где шла азартная игра. Вторично они встретились уже через месяц, там же, но уже в игре. Возвращаясь поздно ночью, Миршаб вдруг сказал Сенатору:

— Этого парня из Прокуратуры надо как-нибудь хлопнуть основательно и, подведя к краю жизни, заставить рыться для нас в нужных кабинетах.

— Блестящая идея! — оживился дремавший шеф. — Мне давно хотелось иметь своего человека в Прокуратуре, а этот Газанфар производит впечатление хваткого парня. Но как его хлопнуть? Играет он здорово, а главное, не зарывается, я наблюдал за его ставками и его картами.

— Я тоже об этом думал. Вдвоем нам его не одолеть, к тому же он очень осторожный, сразу почувствует тандем. Нужно нанять двух игроков-профессионалов, тех, что постоянно отираются в катранах, хорошо их финансировать и внушить им, что мы из-за женщины хотим наказать его и потому нуждаемся в их помощи. Конечно, подходящего момента придется ждать месяца три, а то и больше, надо, чтобы все выглядело как бы случайно.

— Прекрасно. Я попрошу Беспалого, чтобы он подобрал нам двух классных игроков, и тут же начнем охоту на Газанфара, как знать, он может нам понадобиться...

Профессиональные каталы готовят свою жертву, которую они между собой называют «лохом», иногда годами. Приваживают, приучают, дают выигрывать, и даже по-крупному. Долги «лохам» возвращают в оговоренные сроки, обязательно при свидетелях. Весь этот сценарий продуман для будущего: обычно «лохи» — состоятельные хозяйственные работники, должностные лица, сколотившие миллионы на взятках. Но наступает час пик, одна крупная игра, которая опять же не назначается директивно: ловят момент, когда «лох» вдруг распетушится, тут его и накрывают сразу на миллион,

а то и полтора. А до этого каталы вкладывают в «лоха» в виде наживки тысяч сто — сто пятьдесят.

Рассчитываются проигравшие по-разному: одни сразу, а другие, понимая, что попали в заранее приготовленную западню, начинают уклоняться, искать иные пути, как и Газанфар, замышлявший убийство. Особенно не любят отдавать долги крупные партийные функционеры и работники правоохранительных органов. Но каталы это хорошо знают и готовы ко всему, у них просчитаны все варианты до мелочей. Если «лох» не отдает добром, в дело вступают другие — так называемые вышибалы. Они есть в каждом городе, основной их костяк составляют бывшие спортсмены и бывшие работники органов. Вышибалы обслуживают не только картежников и предпринимателей, но и любое частное лицо, если дело связано с возвратом долга. Тут тоже твердая такса, до сорока процентов с вышибаемой суммы. Не брезгуют вышибалы и заказными убийствами.

Возможность сесть за один карточный стол с Газанфаром в нужной компании появилась только через семь месяцев. Квартет, до этого тщательно отрепетировавший игру дома у Миршаба, сыграл виртуозно: Рустамов проигрался в пух и прах, как никогда в жизни. С профессиональными картежниками Газанфар рассчитался сразу, а своих коллег-прокуроров попросил подождать, — получилось, как и задумал Сенатор. Месяц, оговоренный Газанфаром, промелькнул быстро, крупный выигрыш, которого он так жаждал, не выпал. К нужному сроку он собрал только треть суммы. Встретившись с коллегами, Рустамов вернул часть долга и попросил продлить срок еще на месяц, но получил жесткий отказ. А это означало, что ему включили «счетчик», об этом завтра будут знать все, кому следует, и путь к карточному столу для него отныне закрыт.

Понимая, что объект «созрел», Сенатор предложил Рустамову в счет погашения долга давно задуманное — снимать копии с некоторых интересующих их документов, прослушивать разговоры коллег по внутреннему телефону, изымать из некоторых дел важные бумаги, в общем, заниматься шпионажем в пользу победителей. К их удивлению, Газанфар наотрез отказался. Тогда Сенатор с Миршабом, которым позарез был нужен свой человек в Прокуратуре, решили поугадать коллегу вышибалами, но проблема неожиданно разрешилась сама

собой. Когда вызвали Коста и разъяснили ему ситуацию, чтобы не переусердствовал, Джиоев вдруг рассмеялся и сказал, что Газанфар давно свой человек для уголовки и даже имеет кличку «Почтальон» — за соответствующую плату выполняет деликатные поручения авторитетных людей. Удивлению Сенатора с Миршабом не было предела — такого расклада даже они не могли предвидеть. Информация Коста облегчала задачу, но Миршаб тут же придумал коварный ход: позвонил Рустамову и велел немедленно приехать для серьезного разговора к нему домой. Ход оказался прост и гениален: увидев Коста, дружески беседующего с коллегами, Газанфар все понял и сдался. Так он стал агентом в собственном стане.

Да, именно агентом, потому что для выполнения задания требовались поистине шпионские навыки, и Сенатор с Миршабом, зная это, основательно занялись его подготовкой.

Рустамова снабдили миниатюрным автоматическим фотоаппаратом «Кодак», диктофоном, как у Миршаба, японским устройством, легко прослушивающим разговор сквозь стены. Пришлось прокурору брать уроки и у классных домушников, квартирных воров — эти научили пользоваться отмычкой. «Ученик» оказался способным и на экзамене все десять замков открыл раньше нормативного времени. Но Сенатор потребовал, чтобы при любой возможности он снимал слепки со всех доступных ему ключей, — как профессионал он знал, что отмычки оставляют специфические следы. Это задание больше всего увлекло Газанфара. Первые десять образцов он добыл без затруднения — ключи частенько торчали в дверях кабинетов. Сняв слепок, он возвращал ключи владельцам и журил их за беспечность. Но чаще он пользовался другим приемом: заходил поболтать в интересующий его кабинет и дожидался, когда хозяина комнаты на минуту вызывали наверх. Никто ни разу не попросил его покинуть комнату, ключи, в том числе от сейфа, как правило, лежали на столе. Позже без особого труда он в отсутствие хозяев снимал также копии с нужных документов. В экстренных случаях они работали в паре с Акрамходжаевым: тот приходил к одному из замков прокурора и оттуда вызывал какого-нибудь начальника отдела, в чьих бумагах нужно было порыться, — в момент звонка Газанфар уже сидел в нужном кабинете.

Однажды Газанфар добыл очень важные документы, и Сенатор на радостях назвал его «Штирлицем», с тех пор они с Миршабом между собой так его и называли. Но эта рискованная работа стала вдвойне опасной, когда появился новый прокурор из Москвы — Камалов. «У него глаза — рентген», — как-то с испугом сказал Газанфар Сенатору. Дважды Рустамову казалось, что он на грани провала. В первый раз, когда он сообщил Миршабу, что прокурор Камалов проводит секретное совещание с вновь организованным отделом по борьбе с мафией. В тот день, когда совещание началось и он считал свою миссию выполненной, Газанфар увидел, что в приемную прокурора неожиданно явился начальник уголовного розыска республики полковник Джураев, с которым Камалов в последнее время, на взгляд Сенатора, общался подозрительно часто. Вот тогда похолодело сердце у Газанфара, — он почувствовал, что Джураев, хитрый лис, о чем-то пронюхал. Он боялся, что Айдын, турок-месхетинец из Аксая, читавший по губам с крыши соседнего дома выступления на секретном совещании, попадет в руки неподкупного Джураева. Но выручил снайпер Ариф, пристреливший Айдына, когда того вели розыскники Джураева. Тогда целую неделю Рустамов не мог прийти в себя...

Вторично он получил шок через месяц, когда, спускаясь к выходу, увидел, как ведут в наручниках знакомого каталу Фахрутдинова, работавшего инженером связи на центральной телефонной станции. Но Аллах миловал и в этот раз: оказывается, Фахрутдинов прослушивал городской телефон Камалова и был пойман с поличным. Конечно, Газанфар догадался, кто и каким образом завербовал Фахрутдинова, ибо знал о крупном проигрыше инженера некоему залетному катале из Махачкалы, которого больше никогда не видели в Ташкенте. Вот тогда, натерпевшись страха, Рустамов потребовал от Сенатора за услуги место районного прокурора в любой части столицы, и тот согласился, пообещав устроить это назначение, когда Камалов покинет кабинет на улице Гоголя. Но вышло иначе: Сенатор сам из кресла в «Белом доме» — здании ЦК партии республики пересел на жесткие тюремные нары в «Матросской тишине»...

Во время обмена сто- и пятидесятирублевых купюр при премьер-министре Павлове Газанфар находился в инспекционной поездке в золотодобывающей долине, — там лагерь на лагере.

Узнал он об этом утром, находясь в одной крупной исправительно-трудовой колонии, и тут же решил вернуться в Ташкент, ибо дома у него самого лежало тысяч двадцать в сторублевках, а в одни руки меняли не более пяти тысяч рублей, следовало поспешить. Когда он шел к проходной, вахтенный передал, что авторитетные люди из зоны просили на минутку заглянуть к ним по важному делу. Он подумал, что будет обычная почта, и завернул в указанный барак, но ждали его, оказывается, по другому поводу. Тут тоже проведали об обмене денег и оттого не находили себе места: у многих на воле остались на черный день припрятанные суммы, и, конечно, в крупных купюрах. О них и пошел разговор. Предлагали половину за спасение денег, и каждый давал адреса, где у кого находится кубышка.

Газанфар в те три дня обмена обогатился несказанно, даже замыслил купить за миллион престижную модель «мерседеса», но опять вышла незадача: за неделю он проиграл шальные деньги — подарок Павлова.

Поздно ночью Хашимов позвонил Рустамову и предупредил, что на днях прокурор Камалов выписывается из больницы и его жизнь следует взять под жесткий контроль. Требовал поискать возможность перехода в новый отдел по борьбе с организованной преступностью, в основном укомплектованный бывшими работниками КГБ. Но в этом отделе недавно появилась новая сотрудница, Татьяна Шилова, проходившая в Прокуратуре практику. Шилову он однажды приглашал в знаменитый ресторан «Лидо», где у него была назначена встреча с Сенатором. Газанфар надеялся, что это знакомство позволит ему чаще заглядывать в отдел, интересующий Миршаба. «Штирлиц» чувствовал, что предстоят горячие дни, но отступить ему было некуда — он давно загнал себя в тупик.

XII

Строительство мечети на Красной площади Аксая, напротив величественного памятника Ленину, шло полным ходом, от зари до зари, без выходных и праздничных дней. Хотя наемных рабочих, подрядившихся сдать мечеть, что называется, под ключ, хватало, стар и млад мужской половины Аксая и близлежащих

кишлаков в свободное время приходили на строительство, а ведь никто воскресников и авралов не объявлял.

Возможно, за все время перестройки люди увидели, наконец, одно реальное дело и спешили приложить к нему руки. Могли тут быть и другие резоны: поговаривали, что возвращение хана Акмаля не за горами, некогда могучая страна разваливалась на глазах. А кое-кто, вспоминая эйфорию первых лет перестройки, теперь клял себя за несдержанность, длинный язык, и на стройке, под неусыпным оком Сабира-бобо, вроде как искупал грех, думал, забудется, что некогда, наслушавшись сладкоголосого Горбачева, усомнился во власти хана Акмаля, посчитал ее несправедливой.

Иные ходили по другой причине — дважды в день тут кормили от пуза. Каждое утро прямо у бетономешалок резали двух баранов, чья кровь шла в замес, а мяса хватало и на плов, и на шурпу, и на шашлыки, и на каурму, и на самсу. Выгода казалась двойной: вроде и святому делу помогал, и сыт был за счет Аллаха, а прокормиться здесь, как и повсюду, с каждым годом становилось все труднее. Никто и не призывал жертвовать баранов на строительство мечети, а везли и везли их отовсюду. Сабиру-бобо даже пришлось в одном из близлежащих домов устроить загон, где, дожидаясь своей участи, стояли на откорме три десятка породистых каракучкаров. И всяк дарящий норовил появиться на стройке с баранами именно в то время, когда там находился Сабир-бобо, видимо, у них тоже были свои резоны на будущее. Пошли регулярно дары и из города, областные чины, видимо, надеялись на скорый возврат хана Акмаля. Глядишь — машина то с мукой, то с рисом, то с овощами прибудет, ведь прокормить две-три сотни людей в день — дело непростое.

Когда стали крыть куполообразные своды мечети сверкающей оцинкованной жстью и островерхий шпиль главного, праздничного минарета поднялся в жаркое небо, гораздо выше величественного монумента Ленина, начали поступать подарки и для обустройства просторного молельного дома. Тут уж с щедростью бывшей и нынешней номенклатуры простой люд вряд ли мог тягаться. Прежний директор областного торгового центра лично сам, тайком, завез на дом Сабиру-бобо десять огромных хрустальных люстр югославского производства, судя по коробкам,

перепрыгивавшихся много раз от конфискации. Видимо, хозяин хотел отблагодарить Аллаха за то, что уцелел в первые годы перестройки, когда казнокрадов, несмотря на чины и звания, десятками отправляли в тюрьму. Сразу по три и по пять штук дарили в мечеть ковры, да не какой-нибудь ширпотреб Хивинского коврового комбината, а настоящие, ручной работы: афганские, текинские, персидские, а один торговый работник, приехавший издалека, пожертвовал целую дюжину ковров «Русская красавица», наверное, тоже отмаливал какие-то немалые грехи.

То вдруг раздавался телефонный звонок, и некто участливо спрашивал: как с материалами на строительстве, не нужно ли чем помочь? И при необходимости тут же появлялась машина с цементом, или целый тягач прямоствольного кедр, или же сотня банок отборной масляной краски, которой давно не отыскать ни за какие деньги. А один хозяйственник из Намангана более всего угодил Сабиру-бобо. Узнав, что облицовочная плитка для мечети и сантехника — отечественные, быстренько поменял их на перуанский кафель сказочных расцветок и финскую сантехнику, предназначенную для областного концертного зала, заявив при этом, что мечеть для народа куда важнее, чем искусство. Последнее обрадовало духовного наставника хана Акмаля куда больше, чем расписной рельефный кафель из Перу и унитаза из Финляндии.

Многие чиновники, щедро жертвовавшие аксайскому храму, полагали, что старик в белом форсирует строительство, чтобы встретить хана Акмаля новой мечетью, воздвигнутой по проекту известного турецкого архитектора, с которым Сабир-бобо случайно познакомился во время паломничества в святую Мекку. Но Сабир-бобо вкладывал энергию, душу, средства в строительство мечети совсем по иной причине и славой основателя первого святого храма в области не хотел делиться ни с кем, даже с ханом Акмалем.

Денно и ночью он молил Аллаха о том, чтобы мечеть назвали его именем, оттого ему было как бальзам на душу любое упоминание храма вместе с его именем. Он старался поощрить каждого, кто при встрече интересовался: как идет строительство вашей мечети? Изо дня в день при любой подходящей ситуации Сабир-бобо исподволь внедрял в сознание будущих

прихожан, что это его мечеть, его дар землякам, и его главное назначение на земле — возвести этот храм.

Но дело это оказалось совсем не простым. Хитрый Сабир-бобо понимал, что мечеть должна приобрести имя еще до возвращения хана Акмаля, ведь тот мог назвать мечеть своим именем, поскольку все вокруг, включая и людей, считал собственностью, дарованной ему свыше. Теперь возвращение Акмаля Арипова зависело вовсе не от того, виноват он или не виноват, и не от показаний потерпевших и свидетелей, фигурировавших в шестисоттомном уголовном деле — ныне все решалось в плоскости политики, зависело только от нее. И тут были возможны разные варианты, при которых хан Акмаль мог выйти на свободу.

Если Горбачеву не удастся сохранить целостность государства, у Акмаля Арипова появлялся первый шанс. Об этом Сабир-бобо не нагадал на кофейной гуще: даже без хана Акмаля не стал Аксай захолустьем, горным кишлаком, как считали многие недалевидные люди. В последнее время зачастил в Аксай старый приятель хана Акмаля Тулкун Назарович из ЦК, уж он-то, прожженный политикан, знал, откуда ветер дует, чувствовал, наверное, что хозяин Аксай вернется домой на белом коне. Тулкун Назарович, крутившийся в самых верхах, сомневался в положительном итоге новоогаревских встреч, где вырабатывалось новое союзное соглашение, говорил: вряд ли отныне быть единому государству, Горбачев, мол, упустил момент, республики увидели перед собой иную перспективу и не хотят иметь над собой никакой центральной власти. Хотя Тулкун Назарович приезжал, как всегда, за деньгами и жаловался на дороговизну жизни — это верный признак того, что Аксай и его хозяин возвращают себе утраченное положение, уж этот никогда не промахнется, ни при каких властях, проверено временем. Старая лиса чует погоду лучше любого барометра.

Но если бы велеречивый и косноязычный президент и уговорил республики подписать соглашение о едином государстве, для Арипова оставался другой шанс, о котором весьма тонко намекнул Тулкун Назарович. Суверенитет, независимость, которых добились республики Прибалтики, теперь казались реальными и для других окраин страны. Москва, судя по всему, смирилась с потерей прибалтов, нет прежней силы и мощи,

а значит... Но тут не следовало спешить, как говорят русские: не лезть поперед батьки в пекло; Восток в этом деле собаку съел, не зря же тут в ходу другая поговорка: сиди спокойно, жди, и мимо пронесут труп твоего врага. На штурм целостности государства уже кинулись нетерпеливые: Молдавия, Грузия, Армения... Нужно подождать, посмотреть, как пойдут у них дела, учесть их промахи и ошибки, рассуждал опытный интриган из ЦК, а там, на финише, можно нетерпеливых и обогнать.

Это был второй шанс для освобождения хана Акмаля. Отделится ли Узбекистан, останется ли в составе обновленного государства — власть Москвы над республиками потеряна навсегда, это Сабир-бобо ощущал все более. Влияние центра сходило на нет с каждым днем. Местные партийные боссы вдруг дружно заговорили на ломаном родном языке, а ведь еще вчера кичились знанием русского. Как, оказывается, был прав Сухроб Акрамходжаев, когда вразумлял хана Акмаля, что только перестройка приведет к суверенности, независимости республик. Он говорил: доедем на трамвае перестройки до нужной остановки, а там сорвем стоп-кран или соскочим на ходу. Какой прозорливостью обладал Сухроб Ахмедович! Действительно, в пресловутом трамвае перестройки, считай, один вагоновожатый Горбачев и остался.

Независимость, суверенитет... Еще вчера это казалось несбыточным, невероятным, а теперь с каждым днем все четче обозначались черты новой реальности. Готов ли к ней народ? Как это будет выглядеть на самом деле? Об этом все чаще задумывался Сабир-бобо, не в пример иным государственным мужам, понимал, как вросли народы Союза друг в друга, как нелегко будет рвать связи, отлаженные десятилетиями. А сама государственность Узбекистана — в каких формах, каких границах будет существовать? Хороши ли, плохи коммунисты, какова бы ни была идея социализма, но только в рамках этой системы и идеологии появились государственность, границы республики. Не раздробится ли, как прежде, на Хивинское, Бухарское, Кокандское и прочие карликовые ханства Узбекистан, скроенный большевиками при личном участии Ленина?

Желающих стать удельными князьками хоть отбавляй, но выиграет ли от этого нация, найдет ли свое место в новом мировом порядке? Вот о чем все чаще и чаще задумывался

Сабир-бобо, — уж он-то знал, что сегодня нет такого сильного, дальновидного и авторитетного политика, как Рашидов. Он бы лучше многих других воспользовался историческим моментом, о котором и мечтать не смел, нашел бы для узбекского народа достойную нишу в мировом сообществе. Ведь в свое время Узбекистан был витриной советской Средней Азии, и сам лидер — не последним человеком в руководстве страны. Возможно, чтобы сдерживать его влияние, столько лет и держали в предбаннике Политбюро. Как нужен был бы сегодня человек масштаба Рашидова!

Но из всех тех, кого знал Сабир-бобо, никто не тянул на лидера, больше того, в первые годы перестройки, когда следственные органы страны стали уделять особое внимание краю, многие руководители республики повели себя недостойно, спасая свое кресло. Мало кто выдержал испытание, многим теперь стыдно смотреть людям в глаза. Тут Акмалю Арипову нет равных, ему не откажешь в мужестве, хотя на его долю выпали самые трудные испытания, им персонально занимались опытные следователи КГБ, на него пытались свалить все свои грехи секретари ЦК и обкомов, признавшие свою вину и покаявшиеся. А хан Акмаль — следствие по его делу велось почти семь лет — все обвинения отвергал, никого не «сдал» и своим многомиллионным состоянием с государством не поделился.

Вот почему, наверное, прожженный политикан Тулкун Назарович вновь зачастил в опальный Аксай, чувствовал, что хан Акмаль, и раньше смотревший на других свысока, теперь, по возвращении, станет чуть ли не героем. Но, как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай, и Сабир-бобо не сидел сложа руки, — готовил час освобождения хозяина Аксая. Это по его настоянию трижды меняли адвокатов, пока не вышли на тех, кто согласился, что отныне защита Акмаля Арипова станет для них единственным делом, чтобы не распылялись силы, и они были обязаны раз в месяц посещать Аксай, чтобы с документами на руках отчитываться перед Сабиром-бобо. А тот, в свою очередь, привлек не менее ушлого юрисконсульта из местных, чтобы адвокаты из столицы не создавали видимость активности, а работали на совесть. За те деньги, что платили им в Аксае, можно было защищать обладателя двух «Гертруд», не щадя живота своего, — такому заработку позавидовал бы и

сам президент страны. А чтобы ежемесячная командировка из столицы в горный Аксай сделалась необходимой, Сабир-бобо выплачивал содержание только на месте, он любил повторять поговорку: хлеб за брюхом не ходит.

Прокуратура страны, видимо, не сбрасывая со счетов развал государства, неожиданно решила ускорить суд над Ариповым и стала спешно выделять завершённые материалы в отдельное производство. Такой поворот событий грозил обвиняемому суровым приговором, вплоть до высшей меры. И тут в Аксае адвокаты выработали новую тактику — сорвать процесс во что бы то ни стало. А для этого необходим был скандал, самый что ни есть базарный, вульгарный, не исключающий оскорбления самого суда и государства, — хану Акмалю терять было нечего.

Но Сабир-бобо не был бы духовным наставником Акмаля Арипова, если бы не попытался использовать и эту ситуацию. Это он подал мысль выступить на суде с резкой критикой Сухроба Акрамходжаева, адвокаты зацепились за идею и довели ее до совершенства. Как и рассчитывали, судебный процесс был отложен на неопределенное время. Увенчалась успехом и коварная задумка Сабира-бобо: освобождение Сенатора из «Матросской тишины», как уверяли столичные адвокаты, теперь дело трех-четырёх недель.

Сухроб Ахмедович, авторитет которого невероятно вырос в глазах Сабира-бобо из-за его сбывшихся пророчеств о судьбе перестройки, независимости республики, ох как нужен был сейчас старику в белом. В его планах Сенатор теперь стоял даже выше хана Акмаля, только вдвоем, как единомышленники, они представляли бы реальную силу. Сабиру-бобо были известны не только планы, но и мечты своего послушника — Акмаль Арипов всерьез не задумывался о независимости, суверенности Узбекистана. А республика, судя по всему, уже становилась самостоятельным государством — так складывалась политическая обстановка. Но к подобному повороту событий хан Акмаль готов не был, да к тому же выпал из жизни на целых семь лет — да каких, иной день равнялся году! Старику позарез был нужен молодой политик, ориентирующийся не только в сегодняшней сложнейшей ситуации, но и видящий перспективу на много ходов вперед.

Таким человеком Сабиру-бобо представлялся Сухроб Акрамходжаев. Как же был прав и дальновиден Сенатор, когда говорил хану Акмалю: в случае успеха перестройки мы станем подлинными хозяевами, а не как сейчас, тайными и временными, зависящими от каждого окрика из Кремля. В такое не мог поверить даже хан Акмаль, крепко державшийся за свое депутатство в Верховном Совете страны, за своих влиятельных друзей и покровителей из Москвы, без которых власть даже на месте, в Аксае, казалась ему невозможной.

Конечно, говоря «мы», Сенатор имел в виду вовсе не народ, избирающий верховную власть, даже не интеллигенцию, подготовившую перестройку, а прежде всего себя и людей, обладавших властью. И они вряд ли избрали бы для нового суверенного государства демократические нормы жизни, общепринятые в мире, их вполне устраивала коммунистическая модель, но только без указующего перста Москвы.

И тут Сабиру-бобо, многолетнему и страстному футбольному болельщику, припомнился знаменитый испанский нападающий Альберто Ди Стефано из мадридского «Реала». Когда тот начал стареть, потерял скорость, но все еще представлял грозную силу, тренеры придумали специальную тактику, чтобы сохранить легендарного игрока на поле. Два полузащитника, названных «подпорками», подстраховывали, а вернее — обслуживали великого маэстро: прикрывали зоны, куда тот не успевал возвращаться, постоянно адресовали ему пасы, держали его всегда на острие атаки, и «Реал» даже со стареющим Ди Стефано дважды подряд становился обладателем Кубка европейских чемпионов. Вот и Сухроб Ахмедович, по замыслу человека в белом, должен был стать такой же подпоркой хану Акмалю.

XIII

Вернувшись поздно с совещания директоров банков Баварии, на которое получил персональное приглашение, ибо одним из пунктов обсуждения был вопрос об оказании финансовой помощи этническим немцам в России, Артур Александрович Шубарин первым делом глянул на факс. Сообщение, пришедшее

из Ташкента, оказалось предельно лаконичным: «Поклонник мюнхенской «Баварии» не объявлялся».

Второе, пришедшее семь часов спустя, более подробное, прибавило настроения, — этого известия он ждал уже неделю: «Четыре большегрузных «магируса» с банковским оборудованием, сейфами, компьютерной системой сегодня прибыли в Ташкент. Водители просят передать их семьям, что они живы и здоровы, позвонить с дороги не имели возможности, в Москву въезд им запретили. О причинах задержки при встрече. Трое механиков наотрез отказались гнать машины обратно, требуют отправить самолетом. Вопрос с билетами на рейс «Люфтганзы» в четверг, до Франкфурта, решен. С ними же летят два перегонщика для вашей личной машины. Реставрация, переоборудование бывшего «Русско-Азиатского банка» подходят к концу и закончатся одновременно с монтажом прибывшего сегодня оборудования. Банк ждет хозяина. Джигоев».

О том, что водители «магирусов» откажутся наотрез гнать свои машины обратно, Артур Александрович догадывался, ибо знал, что кошмары на наших дорогах немцы не могли представить в самом бредовом сне, ни у какого Хичкока не хватило бы фантазии описать сервис, быт, вымогательства чиновников разного ранга, откровенный разбой, грабеж днем и ночью, в городе и деревне, на трассе и на стоянке в кемпинге, не говоря уже о ночевке в пустыне, степи или лесу. Знай механики об этом, даже за десятикратную плату вряд ли согласились бы доставить срочный груз в Ташкент, хотя немецкие дальнобойщики, колесящие по Европе, получают огромные деньги.

С перестройкой уголовный мир как бы встряхнулся и развернулся вовсю — делай что хочешь, и ни за что не будешь отвечать. И беспредел, покотившийся от Балтики до Тихого океана, заставил содрогнуться людей. А новые власти делали вид, что ничего особенного не происходит, и время от времени напоминали своим гражданам, что в Чикаго или Нью-Йорке еще хуже. Правда, в последние годы перестройки пропаганда уже не ссылалась на «жуткие времена брежневщины», когда, оказывается, человеку жить было не вмоготу и все прозябали в «равной нищете», ибо граждане, то бишь по-новому господа, в полной мере на себе ощутили прелести демократических

перемен и могли сравнить «вчера» и «сегодня» и особенно оценить перспективы на «завтра».

Артур Александрович, зная, какая дорога выпадет водителям, тем не менее, другим путём важный груз отправить не мог — ни поездом, ни паромом, ни транспортным самолетом. В любом случае гарантий ему дать не могли, — груз мог и вовсе пропасть без следа, а стоил он миллионы и миллионы долларов. Да что там доллары, — страховку он бы вырвал и страховал бы, конечно, не в Госстрахе, а у «Ллойда», — ему важен был груз, без которого не открыть банка, а каждый день его работы — это десятки, сотни тысяч долларов, дело он замыслил с размахом. Поэтому уже на границе, в Чопе, караван «магирусов» ждали восемь человек — по двое на каждую машину. На наших дорогах немцы за рулем почти не сидели.

У конвоя имелось пять автоматов, не считая оружия, положенного немецким водителям при сопровождении особо ценного груза. Люди в конвой отбирались тщательно, тут мало было водить большегрузную машину и владеть «калашниковым», ставка делалась на парней, умеющих предвидеть, избегать конфликтов, ладить в долгой дороге с несметным числом местных чиновников и работников ГАИ.

Старшим по конвою, ответственным за караван, назначили Карена, брата погибшего Ашота, который долгое время служил телохранителем у Шубарина. Давая наставление Карену в дорогу, Коста упорно внушал главную заповедь: все вопросы решать только деньгами, угрозы, силовое давление, оружие применять в крайнем случае. На Востоке искусство дачи взятки доведено до совершенства, и в команде Карена были двое таких асов, мужчин бывалых, тертых, — они ехали всегда в головном «магирусе», мгновенно оценивая ситуацию, а Карен находился в последней машине. У каждого сопровождающего груз на шее болталось переговорное устройство, и машины на трассе держали постоянную связь, она особенно помогала, когда пытались сесть на хвост «магирусов», вынырнув из какой-нибудь засады на боковом ответвлении трассы.

В Чоп караван прибыл уже в сумерках, но ночевать в Закарпатье не стали. Поужинав, заправив машины, тронулись в путь. Карен, имевший официальные документы от банка, как хозяин транзитного груза из Германии участвовал в осмотре

каравана таможенниками и тут же понял по репликам вертевшихся вокруг без дела ребят из технических служб, что они попали в поле зрения местной мафии, — не зря говорят: рыбака рыбака видит издалека. Ушлая обслуга, находящаяся на государственной службе, тут же оповестила кого следует, что появился заслуживающий внимания транспорт, — их заинтересовали слова «компьютеры» и «сейфы» в сопроводительных документах. Казалось бы, мудрее остаться и заночевать, а в путь тронуться на рассвете, по прохладе, но Карен, зная, что от них только этого и ждут, решил поступить иначе, — так он лишал противника возможности тщательно подготовиться.

В «магирусах», предназначенных для трансконтинентальных рейсов, кабины приспособлены для водителей не хуже, чем комфортабельные купе вагонов «СВ». Над сиденьями даже имеются задрапированные подвесные полки для отдыха одного из шоферов. На них, как только тронулись из Чопа, отправили спать немцев-водителей. Едва они выехали за черту города, Карен, следовавший в авангарде колонны, передал по рации:

— По моим подсчетам, в первый раз нас должны тормознуть часа через четыре, будьте предельно внимательны, без моей команды не останавливаться.

Машины, выбравшись на загородную трассу, с ревом рванулись в ночь. «Магирусы» отличаются не только маневренностью, но и хорошим ходом. Около трех часов ночи, — лучшее время для преступлений, высчитанное некогда доктором юридических наук по кличке Сенатор, — проезжали обыкновенный пост ГАИ на окраине ухоженного закарпатского городка. По тому, как постовой тщательно вглядывался в хвостовой номер машины и тут же бегом кинулся в дежурку, Карен понял, что засада ждет их в ближайшие полчаса, о чем и предупредил товарищей по рации. Едва они въехали по сужающейся дороге в низину, поросшую лиственницей, конвой и без предупреждения старшего понял, что тормозить их будут тут. Так оно и вышло. Мощные фары «магирусов» издали высветили тяжелогруженный лесовоз, перегоревший дорогу, а по обе стороны разбитого шоссе возле приземистых иномарок шевелились рослые молодые люди в традиционных кожаных куртках.

— Пропустите меня вперед! — раздался в машинах голос Карена. Этот маневр был оговорен при случаях явной

опасности, и его машина резко рванулась в голову колонны. Карен сказал по-узбекски: — Стрелять только в крайнем случае, первый выстрел за мной.

Сбавив скорость, он издала мягко подкатывал к лесовозу, стараясь получше разглядеть встречавших ночной караван людей. Как только «магирусы» стали тормозить, к каждому грузовику кинулись по два-три человека, а к головной машине сразу пятеро. В прибор ночного видения они заметили маневр и поняли, что хозяин каравана находится в этой машине. Встав, водители «магирусов» одновременно выключили свет, лишив нападающих на время ориентации, но фары машин на обочине осветили трассу. Встречавшие, видимо, по опыту надеялись, что из грузовиков, попавших в ловушку, тут же станут выходить на переговоры люди, но из «магирусов» с мерно работающими двигателями, судя по всему, никто выходить не собирался. Тогда мужчина в кожаной кепочке, стоявший у белого «мерседеса», подал команду:

— Вытряхните мне хозяина каравана из первой машины, если он добром не желает разойтись!

Два парня, вскочив на подножку высокого «магируса», рванули дверь. Прямо в лицо им уткнулось холодное дуло «калашников», и один нападавший от неожиданности неловко свалился на асфальт, а его товарищ, выматерившись, зло крикнул:

— Бурый, у него автомат...

— Трясите вторую, третью машины, а этого, из головной, возьмите на прицел, не давайте ему выходить из кабины...

Нападавшие с шумом, подбадривая друг друга, кинулись на оставшиеся машины, но из каждой распахнутой дверцы грозно торчал ствол. И вновь возникла заминка. Карен в пуленепробиваемом жилете из кевлара, подаренном некогда ханом Акмалем Шубарину, спрыгнул на землю и, направив автомат на Бурого, сказал, чеканя слова:

— Или вы сию минуту освобождаете дорогу и пропускаете нас с миром, или мы для начала изрешетим все ваши пижонские машины. Откроете ответный огонь — пеняйте на себя, нам пуль не жалко.

Вдруг в наступившей тишине за спиной Бурого клацнул затвор обреза, но Карен, опережая выстрел, дал над их головами

очередь, и рванувшийся в сторону Бурый истерично крикнул водителю лесовоза:

— Освободи трассу! Психи какие-то попались...

Это была первая организованная по наводке встреча, а сколько раз их пытались остановить, по выражению Карена, «на шап-шарап», то есть неожиданно, предполагая в большегрузных транспортах ценный груз! Приметив караван где-нибудь у столовой или на заправочной станции, банда местных рэкетиоров, собрав пять-шесть машин, бросалась в погоню. Но ни разу не было случая, чтобы парни из конвоя Карена не заметили, что на груз «положили глаз». В таких случаях колонна сразу перестраивалась, и замыкал караван «магирус» с прицепом, куда перебирались двое с автоматами. Когда преследователи, угрожая оружием, требовали остановиться, поверх машин давали мощные очереди из двух автоматов, если это не помогало — стреляли в колеса, по радиаторам.

Разбой царил повсюду — от Чопа до самых южных ворот Ташкента, пытались грабить и на Украине, и в каждой из областей России, в Татарии, Башкирии, на всей огромной территории Казахстана. В последний раз их тормознули в двадцати пяти километрах от конечной цели, в Келесе, но тут уж, на своей территории, Карен с дружками отвел душу. Никого ни на мгновение не остановила мысль, что груз может быть государственным или принадлежать чужой стране — даже выдавшим виды парням из конвоя показалось, что повсюду на территории бывшего СССР перестали действовать какие-либо законы. Бросилось в глаза, что многие работники ГАИ состоят в сговоре с бандитами, орудовавшими на шоссе.

Дождаясь каравана в Чопе, Карен купил у таможенников сорок ящичков водки — тут ее конфискуют тысячами бутылок в день. У конвоя существовал сухой закон, спиртное требовалось для гаишников, но водки хватило только на половину пути. Хотя сопроводительные документы на груз были в порядке, печати и штампы таможни четкие, ясные, их часами держали на дорожных постах, особенно свирепствовали на стыке областей, республик. В Казахстане лютовали на территории каждого района. Тут, конечно, оружие не применяли. Карен, скрипя зубами, отходил в сторону, в дело вступали Сумбат с Хашимом с головной машины. Они

много лет шоферили дальнобойщиками, доставляли бахчевые в Россию и знали, как надо ладить с хозяевами дороги.

Только однажды, на въезде в Оренбург, когда Сумбат с Хашимом два часа не могли уломать гаишников, затребовавших за проезд двадцать тысяч, нервы у Карена не выдержали. Он ворвался в дежурку с пистолетом, и, выхватив из рук Сумбата две пачки двадцатипятирублевых, сумму, которую они соглашались заплатить, сыпанул их веером по тесной комнате, крикнув при этом:

— Или вы соглашаетесь на эти деньги, или я сейчас перестреляю вас, как собак!

И тут же мордастый офицер испуганно нажал на кнопку автоматического шлагбаума, освобождая проезд..

Но самый крутой разбой ожидал их впереди, в Иргизской степи, за Актюбинском, и они об этом знали. В степи рано поутру они застряли у одного могильника на пять часов — там Сумбат получил пулевое ранение в плечо. Дорога блокировалась по всем правилам военного искусства и по краям имела окопы в полный рост, у нападавших имелись и два автомата. В конце концов, после перестрелки и взаимных угроз, проезд выторговали за автомат с тремя рожками патронов и пятьдесят тысяч рублей. Правда, Карен, зная восточное коварство, оговорил, что главарь засады должен сопровождать колонну, пока они не выберутся к Челкару. Водители-немцы, парни бывалые, не робкого десятка, сталкивавшиеся с разбоем и в Африке, и в Европе, и Америке, только диву давались и постоянно твердили, что хваленая итальянская мафия, да и американская, в сравнении с советской, только зарождающейся, — просто детский сад. После стычек, перестрелок, погонь, долгих переговоров в голой степи у какого-нибудь веревочного шлагбаума немцы уже не жаловались ни на питание, ни на отсутствие связи, ни на «комфорт» наших гостиниц.

Вот почему большинство немецких водителей наотрез отказалось гнать машины обратно, и Карен, понимая их, посоветовал сомневавшемуся Коста купить им авиабилеты, добавив при этом:

— Они и под расстрелом не захотят повторить обратный путь.

Сообщение Коста о том, что водители «магирусов», побросав машины, возвращаются самолетом, только подтвердило мысли Шубарина, что за последние полгода, пока он находился в Германии, преступность в стране резко возросла, в нее втянулись тысячи и тысячи новых людей, для которых разбой стал нормой жизни.

Вот отчего Шубарина беспокоила утренняя весть Коста: «Поклонник мюнхенской «Баварии» не объявился». Поиски человека, заинтересовавшегося его еще не открывшимся банком, затягивались. Кто он? И кто за ним стоит? Дома крупные уголовники уже давно влились в новейшие коммерческие и финансовые структуры, а за спиной этих структур стояли в большинстве случаев все те же, вчерашние, власть имевшие люди. Многих из них он хорошо знал, так почему же они не вышли на него напрямую, без посредников, а решили действовать через уголовку? Что это могло означать? Или уголовка, почувствовав себя настолько уверенно, сама, без протекции властей предержавших, хочет взять под контроль часть финансовых операций в республике? Или же те, что появились у руля власти в последние годы, не желают связываться с ним? А он, как ни крути, вроде и был сам по себе, но принадлежал к клану Верховного, и, конечно, для новых он чужой, а при своей финансовой мощи представляет явную опасность. Но шок у клана Рашидовых быстро прошел, многие бывшие лидеры уже вернулись из тюрем и жаждут реванша, и тут его деньги могут оказаться весьма кстати, хотя он себе таких целей и задач не ставил, однако события развивались не по его воле. Ведь посланник международной мафии сказал ему прямо: «В Ташкенте большие перемены, и вам там теперь не на кого опереться. Мы и только мы можем оценить ваш талант, помочь стать банкиром. Ваши друзья и покровители не сумели удержаться у власти, теперь в крае новые хозяева...»

Конечно, посланец хотел нагнать страху, оттого и неожиданность встречи, но он еще молод, неопытен не только в финансах, но и в политике, откуда ему знать истинный расклад сил в Узбекистане. Да, прежние кланы потерпели сокрушительное поражение, прежде всего потому, что на них обрушилась вся карательная мощь Прокуратуры СССР. Тысячи пришлых следователей расследуют все стороны жизни республики. Попади

в подобную ситуацию любая другая республика, вряд ли она выглядела бы краше. Тут следствию помогли и те, кто давно жаждал реванша, хотел перехватить власть, но даже при такой ситуации, будь жив Рашидов, вряд ли бы Узбекистан понес столь тяжелый урон. Республика потеряла лидера, и все посыпалось.

Но теперь, когда стали возвращаться один за другим сподвижники Рашидова, — а у них было время проанализировать свои ошибки и просчеты, — ситуация, конечно, изменится. По прогнозам Шубарина, новые власти должны потесниться, уступить многие важные посты, утраченные прежним кланом. Ведь теперь, по завершении перестройки, возвращающиеся в глазах народа выглядят жертвами великодержавной руки Москвы. К тому же надо знать жизнь в крае — тут всегда правили и будут править люди, рожденные властвовать, и случайный человек никогда не попадет на вершину власти, разве что в революцию, перестройку или смутное время.

Когда после флоросского фарса Горбачев вернулся в Москву, он обронил фразу, ставшую крылатой: «Я вернулся в другую страну». Выходило, что и Артуру Александровичу предстояло вернуться тоже в иное государство. Узбекистан, по его сведениям, со дня на день должен был объявить о своей независимости, суверенитете. Уезжал он в Мюнхен из бурлившей, но единой страны, а возвращался в еще более накаленную обстановку. Десяток новых государств своим появлением мгновенно породили тысячи проблем и забот, порою трудноразрешимых.

Задумывая свой банк, Шубарин догадывался о предстоящих сложностях, но того, что он станет вдруг нужен диаметрально противоположным силам, предвидеть не мог. Он не хотел втягивать свой банк, мечту всей жизни, в политику, но, желая спасти жизнь Анвару Абидовичу, невольно связал себя с партией, которая, скорее всего, перейдет на нелегальное положение, то есть станет незаконной: судя по прессе, ее либо распустит собственный генсек, либо запретят пришедшие к власти демократы. Руководящие структуры у всех объявивших суверенитет республик одинаковы, и повсюду в них — от райисполкома до саночистки с двумя дерьмовозами — правили коммунисты.

Запрет партии при едином государстве не грозил Шубарину дополнительным риском, ибо коммунисты повсюду не сомневаются, что они еще вернутся на политическую арену и

снова станут правящей партией. Но он смотрел дальше Анвара Абидовича, бывшего секретаря обкома: коммунистическая идея настолько дискредитировала себя, особенно в национальных республиках, что наверняка новые политические силы начисто отметут коммунистическую идеологию, ее цели, хотя и сохранят структуру правящей партии, ее имущество. В общем, лишь сменят вывеску, перекрасятся, не сделав даже малейших кадровых перемещений, и вместо «коммунистическая» в названии новой, естественно, правящей партии появятся слова «народная» или «демократическая», или оба слова вместе, они для слуха простого человека пока звучат обнадеживающе. Таким образом, скорее всего, поступят во многих национальных республиках, и лишь в России коммунисты лишатся реальной власти и, возможно, подвергнутся гонениям. В таком случае он вынужден будет помогать не только заграничной партии, но и чуждой идеологии.

Вот в какое положение Артур Александрович ставил свой банк, где, судя по сообщению Коста, уже вовсю шел монтаж оборудования.

Получив сообщение о смерти Парсегыяна, Шубарин не сомневался, что Сенатор не упустит этот шанс и выйдет на свободу, ведь с развалом государства влияние его соперника, прокурора республики Камалова, убывало с каждым днем. Суверенитет республики даст свободу и хану Акмалю; его дело, наверное, передадут в Ташкент, а дома не найдется судей, которые решатся объявить аксайского Креза виновным, хотя в их распоряжении будут шестисоттомное дело и тысячи свидетелей. А оказавшись на свободе, хан Акмаль и дня не станет мириться со сложившейся обстановкой, попытается вернуть власть и положение, благо людей, желающих стать под его знамена, хоть отбавляй. Вероятнее всего, и эти попытаются втянуть его и банк в политические игры. Ведь Анвар Абидович заявил прямо: кто не с нами — тот против нас.

Оставался еще и преступный мир, первым предложивший сотрудничество и тоже обещавший покровительство. Они жаждали на выгодных условиях отмывать деньги от наркобизнеса и темных дел.

Срок возвращения на родину близился, и Шубарина беспокоило, что Коста до сих пор не мог отыскать человека,

подошедшего к нему на стадионе. Установи они гонца, потянулась бы цепочка и к тем, кто за ним стоит, а это, видимо, люди серьезные, если обязывались гарантировать безопасность банка, работающего с «грязными» деньгами.

Выходило, что первый клиент еще не поднялся по высоким мраморным ступеням бывшего здания «Русско-Азиатского банка», а его хозяина уже обложили со всех сторон...

XIV

— Я видел вчера «мазерати», — встретил утром Нортухта неожиданной новостью прокурора Камалова. Видимо, он не забыл разговор, состоявшийся полгода назад у ресторана «Лидо».

— Где? Какого цвета? И кто ее хозяин? — с интересом стал расспрашивать Хуршид Азизович.

— Вечером я был у родственников в Тузеле. Там есть аэродром военного округа, так на нем приземлился транспортный самолет ВВС из Москвы. А из его чрева выкатился роскошный автомобиль перламутровой окраски сиреневого оттенка. Тут набежала толпа, окружила ее, и я услышал: «мазерати». Оказывается, действительно до сих пор одна из самых дорогих марок. Из Мюнхена до Москвы машину гнали своим ходом, а дальше не рискнули, решили доставить по воздуху.

— И кто же хозяин этой красавицы? — повторил свой вопрос прокурор, хотя уже догадывался, кому принадлежит престижный автомобиль.

— Хозяина с машиной не было, только двое перегонщиков, говорят, купил какой-то банкир.

«Значит, появится на днях и Артур Александрович Шубарин», — заключил Камалов.

Предположение прокурора объяснялось просто: в газетах, на радио, телевидении, в частных разговорах, повсюду в последнее время говорили об открытии крупного коммерческого банка «Шарк». В газетах и телевизионных новостях часто появлялись снимки роскошно отреставрированных кассовых и операционных залов бывшего «Русско-Азиатского банка». Поговаривали и о трех подземных этажах, где вроде бы

в четыре ряда до самого потолка тесно стоят бронированные сейфы известной немецкой фирмы «Крупп», впервые после революции банк снова намерен принимать от частных лиц на хранение ценные бумаги, драгоценности.

В Ташкенте открытием коммерческого, частного банка теперь вряд ли кого удивишь, тут уже справили первую годовщину владельцы «Ипак юли», частного банка «Семург», а известный банкир из Уфы Рафис Кадыров, хозяин «Востока», готовился отметить с помпой вторую годовщину преуспевающего филиала в Ташкенте. Но «Шарк» Шубарина, еще не открывшись, привлекал внимание тем, что получил в центре города, в престижном районе особняк, представлявший историческую ценность, где с размахом велись не просто ремонтные, а реставрационные работы. В банке все — от охранной сигнализации, единой компьютерной системы, специального оборудования и приборов, определяющих подлинность любых денежных знаков, вплоть до униформы служащих — было на уровне мировых стандартов, и поставлялось оборудование из Германии, где банковское дело имеет вековые традиции. Частные и земельные банки Баварии выделяли щедрые кредиты «Шарку», потому что он должен был представлять интересы всех этнических немцев на территории бывшего СССР. Без головного банка немцы вряд ли могли контролировать в вороватой стране свои вложения, в первую очередь адресованные землякам. Вот отчего в прессе постоянно появлялись статьи, заметки о предстоящей презентации по случаю открытия нового банка.

Знал Камалов, что на презентацию приедет много гостей из-за рубежа. Прокурор даже получил из МИДа список людей, попросивших въездные визы, и сличил его со списком, поступившим из Интерпола. Почти все друзья, навещавшие Шубарина в Мюнхене, прибывали в Ташкент, они наверняка знали о давней мечте Артура Александровича и хотели разделить с ним радость. Трое-четверо из гостей уже имели имя в финансовых кругах Запада. Этих, видимо, тянула в Ташкент не только старая дружеская привязанность, но и открывающиеся возможности в новом государстве.

Конечно, Камалову хотелось не только увидеть презентацию, но и получить видеозапись, наверняка на богатое торжество

будут приглашены интересные люди. Но чего нельзя, того нельзя, он не будет снимать и тех, кто придет в ресторан «Лидо», где тоже, по его сведениям, уже неделю работают дизайнеры, переоборудуя второй этаж, — там пройдут основные мероприятия и банкет. А любопытное получилось бы кино, ведь там появятся не только друзья и покровители Шубарина, но и враги, конкуренты. Но и при желании заснять все это оказалось бы непросто. Японец — чрезвычайно осторожный человек, да и профессионалами, обеспечивающими охрану его дела, говорят, обзавелся задолго до перестройки, когда частного сыска в помине не было и личных телохранителей не имели даже многие руководители республики. Впрочем, в больнице он дал себе слово в отношении Шубарина действовать честно, открыто — что-то привлекало его в отечественном миллионере. Камалов верил, что найдет ключи к нему, он не мог позволить своим врагам — Сенатору и Миршабу — иметь в друзьях такого человека, как Шубарин.

Сличая список Интерпола со списком из МИДа, Хуршид Азизович вновь наткнулся на упоминание бывшего секретаря обкома Тилляходжаева и вора в законе Талиба. Появятся ли они на презентации? Хлопковый Наполеон — вряд ли, потому что прокурор навел справки, отбывает ли он свой срок в пермском лагере и не отлучался ли из зоны в сроки, указанные Интерполом на его запрос. Официальный ответ начальника тюрьмы породил только новые вопросы, ибо Интерполу Камалов доверял куда больше, чем отечественным коллегам. Откуда в Германии знать, что тот отбывает срок в тюрьме, да и фотография прикладывалась к делу, так что путаница исключалась. Значит, кому-то, весьма могущественному, было выгодно, чтобы находящийся в заключении бывший секретарь обкома тайно встретился за границей с человеком, открывающим крупный банк. Скорее всего, его на презентации не будет, вряд ли ему резон рекламировать свое появление на свободе, тут многие точат на него зуб, не могут простить его откровений на следствии. Чистосердечное признание хлопкового Наполеона многим стоило больших хлопот и денег, а кое-кому — даже свободы. Нет, его в «Лидо», конечно, не будет.

А Талиб, возможно, и появится — ныне ни одна презентация ни в Москве, ни в Ташкенте, ни в Санкт-Петербурге не

обходится без участия преступного мира, его главарей, воров в законе, — их теперь открыто величают представителями делового мира. Да так оно и есть — две трети коммерческих магазинов и совместных предприятий принадлежат им, если даже официально и имеют других хозяев. И только после приватизации, которую так спешат провести новые власти, можно будет узнать, кто всему окажется хозяином, и ахнуть. Но под какой бы личиной ни появился на презентации Талиб, какую бы «крышу» ни имел, для него, Камалова, он навсегда остается вором, и только вором. Волка в овечью шкуру рядить бесполезно, повадки, зубы — все равно выдадут. И для него, прокурора, как можно скорее следует разгадать загадку — почему Талиб навестил в Мюнхене Шубарина? Камалов мог поклясться, что инициатива встречи вряд ли исходила от Артура Александровича, она была явно навязана Японцу. Вот только что же пытались добиться от него и почему в Мюнхене? На эти вопросы тоже следовало поискать ответы до встречи с Шубариным. Возможно, отгадки и сократят дистанцию между ним и банкиром, которого так хотелось заполучить в союзники.

Узнать доподлинно, будут ли на широко разрекламированной презентации Талиб и хлопковый Наполеон, прокурору не удалось, но один неожиданный гость, не числившийся в списках приглашенных, объявился в Ташкенте накануне торжества. Камалов точно знал, что тот обязательно будет присутствовать в «Лидо» и всячески постарается использовать прессу и телевидение, чтобы заявить о своем возвращении домой.

Человеком, попавшим с корабля на бал, оказался Сенатор, освобожденный из-за недостатка улик из известной московской тюрьмы «Матросская тишина». О восторженной встрече, организованной Миршабом в аэропорту, о жертвенном баране, зарезанном чуть ли не у трапа самолета, прокурору доложили тотчас.

В день презентации начальник отдела по борьбе с организованной преступностью сказал прокурору Камалову, словно читал его мысли:

— Сегодня на открытие банка отовсюду слетаются гости, даже из-за рубежа. Чует мое сердце, что он для многих станет яблоком раздора. Слишком лакомый кусочек лежит готовенький на блюде с голубой каемочкой. Найдутся горячие

головы, которые раструбят, что лучший в крае банк принадлежит инородцу, и под Шубариным может зашататься кресло управляющего, эта фишка сегодня, увы, повсюду срабатывает безотказно. По крайней мере, если палки ставить в открытую не решатся, то и помогать гласно поостерегутся.

— Ты считаешь, что его банк может приглянуться Сенатору или Миршабу?

— А почему бы и нет? Но кроме них и тех, кого мы еще не знаем, есть и хан Акмаль. Вот ему при его амбициях банк нужен будет позарез.

— А Шубарин? Ведь он вроде в дружбе с ними? — спросил Хуршид Азизович, догадываясь, каким будет ответ.

— Времена нынче другие. Дружба дружбой, а табачок врозь. Мавр сделал свое дело и может уходить. Но Шубарин не тот человек, чтобы легко уступить свое дело, тем более, как мне кажется, банк — мечта его жизни. Вот отчего я чувствую, что со дня открытия «Шарка» работы у прокуратуры прибавится.

В вечернем и ночном выпусках телевизионной программы новостей Хуршид Азизович внимательно просмотрел кадры, посвященные презентации, и даже записал их на видео. Отметил про себя, что открытию банка телевизионщики посвятили чересчур много времени, хотя обширный материал порадовал прежде всего его, Камалова. С нетерпением он ждал и выпуска утренних газет. Эти, видимо, тоже не пожалеют страниц, ведь газетчиков и телевизионщиков в «Лидо» угощали, что называется, от пуза, шампанское лилось рекой. Для них даже специально накрыли столы и им, как и всем высокопоставленным гостям, вручали памятные подарки. Шубарин давно понял, что с прессой лучше дружить. И пресса уже целый месяц выражала восторги по поводу предстоящей презентации, ибо Шубарин, не скупясь, заплатил крупные суммы многим столичным газетам за размещение рекламы своего детища — банка «Шарк». По едкому замечанию прокурора Камалова, современная пресса все больше уподобляется блудливой женщине: если она раньше подпевала только государству, ибо являлась его содержанкой, то теперь, долго не думая, пересела на колени предпринимателям и готова петь дифирамбы всем щедрым рекламодателям. Обе стороны поняли это и без заключения брачного контракта, а читатель как был, так и остался в дураках.

Прокручивая в замедленной съемке кадры торжества в «Лидо», прокурор Камалов внимательно вглядывался в лица гостей. Произвел впечатление на всех собравшихся, да и на него самого, гость из США, некто Гвидо Лежава — видимо, старый друг Японца, прекрасно говоривший по-русски. Он сразу объявил, что сию минуту подпишет чек на 375 тысяч долларов — на такую сумму заокеанский гость покупал акции банка «Шарк». Жест бизнесмена, передавшего на глазах миллионов телезрителей чек Шубарину, вызвал в ресторане шквал аплодисментов. Прокурор подумал, что если так пойдут дела у узбекских банкиров, то проблемы республики решатся в ближайшие годы.

На приеме в «Лидо» мелькали знакомые прокурору лица из прежней и новой власти, многих находившихся раньше у руля людей телезрители после завершения «перестройки» вновь увидели на экранах. Были люди с верхних этажей Белого дома, министры, но чаще других в кадрах мельтешил Миршаб — то один, то тенью следовавший за Сенатором. После тюрьмы тот показался постройневшим, энергичным. Людям, не знавшим его, Акрамходжаев в ультрамодном шелковом костюме, видимо, казался артистом — столь элегантно он выглядел. Как и предполагал прокурор, Сенатор воспользовался присутствием телевидения на банкете и дал небольшое интервью. Но тон его выступления несколько удивил: бывший заведующий отделом административных органов ЦК говорил мягко, непривычно долго подбирая слова, а на провокационный вопрос, касавшийся нынешней Прокуратуры республики, ответил сдержанно. Заявил, что он ни к кому не имеет претензий, мол, время трудное, переломное, и враги, пользуясь случаем, оговорили его.

Конечно, прокурор понимал, что это заявление — только для публики, такая позиция позволяла Сенатору сделать попытку вернуться в строй: ведь если произошла ошибка, значит, надо восстановить человека во всех правах, вернуть должность, а пост он занимал ох какой высокий — курировал работу самого прокурора республики. Далекое метил Сухроб Ахмедович, в душе он, конечно, догадывался, что прокурор Камалов видит в нем только преступника, убийцу, и будет искать новые факты, чтобы отправить его за решетку. Да, сделав такую подробную

запись, Камалов понимал, что телевидение сослужило ему добрую службу.

Утром, когда он, просмотрев газеты, делал выписки из наиболее интересных статей — журналисты действительно расстарались, — раздался телефонный звонок.

— Что-то я вас вчера не заметил среди именитых гостей в «Лидо»? — пошутил, поздравившись, начальник уголовного розыска республики полковник Джураев.

— На празднике жизни, где другие пьют шампанское и щеголяют в шелковых костюмах от Кардена, нам уготована роль мусорщиков. Они заваривают кашу, нам ее расхлебывать, — в тон ответил Камалов.

Но на другом конце провода собеседник вдруг резко, без перехода, сменив интонацию, сказал:

— Да, некоторые еще и не проснулись после грандиозного банкета, а у нас уже возникли проблемы.

— Какие? — встрепенулся прокурор, он почему-то решил, что Сенатор все-таки что-то выкинул на торжестве, воспользовался случаем.

— Это не телефонный разговор, лучше я сейчас подъеду, — ответил полковник, и в трубке раздались короткие гудки.

Эркин Джураевич весьма кстати положил трубку, ибо, услышав его последнее слова: «Это не телефонный разговор, лучше я сейчас подъеду», — Газанфар Рустамов, занимавший кабинет этажом ниже, прямо под прокурором Камаловым, подсоединившись к его телефону, очень пожалел, что не сделал этого на две-три минуты раньше. Его очень заинтересовало, кто же это сейчас явится по срочному делу на третий этаж. Но проследить не удалось: его самого затребовали «наверх», к одному из замов прокурора, и он просидел на экстренном совещании почти полтора часа. А когда он, выскочив первым, заглянул в приемную, Камалова в прокуратуре уже не было. Спрашивать у его помощника, кто был на приеме, куда отбыл шеф — бесполезно: осторожный прокурор ввел с первого дня появления в должности жесткие порядки. Расстроенный Газанфар чувствовал, что проворонил какую-то важную информацию. А жаль! Вчера по телевизору он увидел, как Сенатор давал интервью. Значит, уже на свободе и завтра-послезавтра наверняка потребует с отчетом, ведь он никогда не простит

Камалову ни тюрьмы, ни потери должности, положения, и в этой борьбе, конечно, не будет ничьей...

Положив трубку, Джураев бегло просмотрел сводку происшествий за минувшую ночь, где не было отмечено взволновавшее его событие, и поспешил в прокуратуру республики. То, что он собирался доложить Камалову, он оценивал, как чрезвычайное событие, и следовало немедленно предпринять какие-то шаги. Преступление касалось Шубарина и его банка, только вчера ставшего известным всей республике. Мотивы случившегося не были до конца понятны опытному розыскнику, хотя и напрашивалась банальная версия — деньги, но что-то интуитивно подсказывало Джураеву: тут нечто совсем иное, непонятное ему. Прокурор Камалов давно проявлял интерес к жизни Японца, ставшего банкиром, возможно, то, что он знал, прольет свет на событие, могущее стать еще более сенсационным и шумным, чем само открытие банка «Шарк».

Камалов, положив трубку, еще раз бегло просмотрел газеты — может, он не придал значения какому-нибудь материалу, факту, — но ничего не насторожило его. А ведь статьи в газеты ставили после полуночи, ни один журналист не спешил покинуть роскошно организованный прием, и все мало-мальски интересное попало в прессу. Так что же насторожило полковника Джураева — тот никогда за время их совместной работы не говорил, как сегодня: «Не телефонный разговор...»?

Полковник появился в кабинете, как всегда, бесшумно и стремительно. Плотнее прикрыл дверь, попросил включить стоявший сбоку приемник и, заняв место у стола спиной к окну, сказал после короткого приветствия, без восточных экивоков:

— Сегодня ночью в «Лидо» в разгар торжества пропал гость Шубарина Гвидо Лежава, гражданин США...

Прокурор, связывавший предстоящий приход Джураева с чем-либо касающимся Сенатора, ну, на худой конец, Миршаба, несколько растерялся — новость для него оказалась совершенно неожиданной, но он быстро взял себя в руки и спросил:

— Вы не ошибаетесь? Вот у меня на столе сводка происшествий за минувшую ночь по линии МВД и КГБ, тут нет ничего подобного, хотя презентация по случаю открытия банка «Шарк» отражена в обоих отчетах.

— Я уже видел сводку МВД, — ответил полковник.

— Значит, вам позвонил сам Шубарин? — заинтересованно спросил прокурор, сразу почувствовав, что появился реальный шанс на встречу, без всяких ухищрений.

— Нет, — ответил гость хозяину кабинета и, желая быстрее ввести того в курс дела, продолжил: — Я узнал по своим каналам. Среди ночи меня поднял с постели неожиданный звонок. Звонил один из моих осведомителей из уголовной среды, просил срочно встретиться. По тону я понял: случилось что-то чрезвычайное. Это человек далеко не сентиментальный и не путает угрозыск с собесом. Он звонил из автомата на углу, так что я спустился вниз в пижаме. Человек спросил: смотрел ли я вчера по телевизору передачу из ресторана «Лидо»? Получив утвердительный ответ, полюбопытствовал, понравился ли мне американец, очень смахивающий на грузина. Я ответил: «Побольше бы нам таких гостей, одним росчерком пера вкладывающих в нашу экономику почти полмиллиона долларов». Тогда он огорошил меня: «Этого человека через час после интервью, в разгар торжества, выкрали». — «Откуда тебе известно?» — спросил я, понимая, что сегодня мне в постель уже не вернуться. Он сказал, что в тот вечер играл в карты в одном катране, и уже через час после происшествия туда ввалились Коста с Кареном, люди Шубарина, а на улице остались еще две «тойоты», сопровождавшие их, битком набитые парнями. Они долго трясли тех, кто мог прояснить ситуацию. Только за наколку, любой след предлагали сразу двести тысяч. По словам ночного гостя я понял, что парни Шубарина жестко прочесали город. Я попросил держать меня в курсе дел, не обольщаться в случае удачи двухсоттысячным гонораром и поставить в известность меня прежде Шубарина, а сам кинулся домой, к телефону. Но куда бы я ни звонил: в дежурную часть города, МВД республики, дежурному вашей прокуратуры, КГБ — данных о том, что похитили гостя Шубарина, не было, хотя, конечно, я в лоб и не спрашивал...

Затем я поднял всех осведомителей, даже тех, к кому не обращался уже года три, но никто из них не ведал о случившемся в «Лидо». По моей просьбе они сейчас рыщут по всему городу, как и люди Шубарина. Вызвав машину, я отправился в махаллю, где проживает Шубарин. Оставив джип на соседней улице, я прошел к его особняку. Все два этажа его дома,

несмотря на глубокую ночь, сияли огнями, но это были не огни праздника, а огни тревоги, судя по хлопающим дверям подъезжавших и отъезжавших автомобилей. По обрывкам доносившихся разговоров, приказов, раздававшихся с крыльца, я понял, что американец Гвидо Лежава действительно пропал и предпринимаются отчаянные попытки отыскать его. Утром я получил сообщение, что Шубарин уже пообещал пятьсот тысяч за информацию о месте нахождения своего друга.

— Как вы думаете, почему он не обратился в милицию, в КГБ, ведь пропал иностранный гражданин? К тому же я знаю, что и руководство республики, и правительство относятся вполне доброжелательно к банку. Записка Шубарина в Верховный Совет об экономическом положении республики и путях развития при переходе к рыночной экономике была размножена и роздана депутатам, а позже подробно обсуждалась на сессии... Так почему ему надо скрывать случившееся, пытаться самому отыскать этого грузина-американца? — спросил Камалов, по привычке включая диктофон.

— На презентацию прибыло много гостей из-за рубежа, некоторые из них готовы вложить деньги в Узбекистан, и похищение человека, купившего акций почти на полмиллиона долларов на презентации банка, конечно, отпугнет всех — это зловещий символ. Обратись он в органы за помощью, это тут же станет достоянием прессы, ныне она падка на сенсации. Тогда сразу станет ясно, что мафия, уголовный мир положили глаз на детище Шубарина. Кто же будет вкладывать деньги в такой банк, иметь с ним дело? Тут надежность, репутация, гарантии — прежде всего.

— Резонно. Вполне резонно, — ответил задумчиво прокурор. — А почему Шубарину нанесли удар именно в день презентации, или это вышло случайно?

— Знать точный ответ на этот вопрос — значит прояснить многое. Если не случайно, то существуют силы, которые уже вначале не поладили с Шубариным. Кому-то не по душе его размах, выход на Германию, — то ли отвечал, то ли размышлял вслух Джураев, и вдруг он сам спросил прокурора: — А может, у Шубарина есть еще какой-то резон не ставить органы в известность о похищении гостя, а действовать самому? Подумайте, Хуршид Азизович, ведь, судя по вашей папке,

которую я видел в больнице, вы о нем знаете куда больше меня...

— Да, я собрал большой материал на Японца, фигура противоречивая, его еще предстоит разгадать. Одна дружба его с покойным прокурором Азлархановым о многом говорит. Не скрою от вас, я очень ждал его возвращения из Мюнхена, готовился к встрече... Мне не нравится, что он якшается с Сенатором и Миршабом, я хочу вбить между ними клин. И кажется, нашел весомый аргумент. Я проанализировал докторскую диссертацию Акрамходжаева и смею утверждать, что это опубликованные и неопубликованные труды вашего друга прокурора Азларханова. Я собрал по крупицам работы Амирхана Даутовича, и любая официальная экспертиза подтвердит мою точку зрения.

— Тогда не Сенатор ли стоит за убийством прокурора Азларханова? — встрепнулся начальник уголовного розыска, столько лет мучившийся тайной смерти своего друга.

— Но это для начала мы предоставим выяснить банкиру. Не завидую я теперь ни Сенатору, ни Миршабу, — спокойно продолжал прокурор. — А сегодня нам и по долгу, и по службе, и по-человечески надо помочь Шубарину. Исчезновение гражданина США может обернуться проблемой государственной. И мне кажется, теперь я знаю, откуда начинать, только, пожалуйста, не удивляйтесь, должна же хоть иногда фортуна улыбаться и нам, мусорщикам, когда кругом пьют шампанское... — И Камалов, улыбаясь, вынул из шкафа знакомый полковнику альбом с фотографиями особо опасных преступников в республике, который достался ему от предыдущего прокурора. Отыскав страницу, на которой красовался Талиб Султанов с краткими данными о нем, прокурор передал альбом Джураеву со словами: — А этот молодой человек вам хорошо знаком?

Еще не успев глянуть, полковник пошутил:

— Они тут все мне как родные, это же я собрал сей трогательный голубой альбом и подарил вашему предшественнику. Чтобы не расслаблялся ни на минуту, зная, что в нашем крае воров — «авторитетов» лишь чуть меньше, чем в огромной России, а значит, удельный вес наших представителей в «воровском парламенте» — а он существует и работает куда эффективнее государственного — огромный...

Но в первую секунду, увидев фотографию Талиба, полковник опешил. Подумал, что председатель городской коллегии адвокатов Горский, которого он несколько месяцев назад пинком выставил со второго этажа роскошного особняка в Рабочем городке, успел пожаловаться на него прокурору, и тот хочет попенять ему за некорректное обращение с известным юристом: ведь хитрющий адвокат мог придумать десятки веских причин, почему он оказался в доме у вора в законе. И полковнику ярко припомнилась вся встреча у Талиба, где он узнал, что за охотой на Камалова стоит человек из Верховного суда — Миршаб... Голос прокурора вернул его в действительность.

— Этот человек встречался с Шубариным в Мюнхене. Может, сей факт натолкнет вас на какую-нибудь мысль?

— Талиб?.. В Мюнхене?.. Что ему нужно от Шубарина? — искренне удивился полковник. — И откуда у вас такие сведения? Я получаю регулярные выписки из ОВИРа, слежу за передвижением интересующих меня лиц. Могу заявить со всей ответственностью: Талиб Султанов не оформлял выезда в Германию.

— Это важная новость, полковник, я не догадался проверить таким образом. Но Талиб был в Мюнхене. Информация надежная, из Интерпола. Вполне вероятно, что визу ему оформляли в Москве, теперь частные туристические фирмы за деньги кого хочешь и куда хочешь отправят, нынче рай для преступников. Но должен отметить, и вы тут правы, по наблюдениям немецких коллег, они вряд ли раньше были знакомы, хотя встреча и была неплохо организована.

— В таком случае, Шубарин и до сих пор может не знать, кто к нему приезжал, как и мы не знаем, почему Талибу понадобился Японец, да еще на чужой территории. Отчего такая спешка? Ведь из газет давно ясно, что Шубарин скоро вернется в Ташкент... — рассуждал полковник вслух, пытаясь вовлечь в решение кроссворда и прокурора — вдвоем им часто удавалось найти неожиданный ход.

— Одно теперь ясно: похищение связано только с банком, банком, не работавшим и дня, и украли близкого Японцу человека, купившего акции на крупную сумму. О чем это говорит?..

Перебивая Камалова, Джураев вставил:

— Ясно для чего: чтобы сделать больше и финансово ощутимее — возможно, кто-то хотел войти в долю или что-то

в этом роде. Если бы просто похитили богатого человека, каким, безусловно, является мистер Лежава, то уже позвонили бы и попросили выкуп, и Шубарин, не желая шума, конечно, отдал бы деньги, хотя после отъезда гостей начал бы крутую разборку.

— Пожалуй, вы правы, нащупали верную причину, но это еще не след, — сказал прокурор и вновь потянулся к газетам, лежащим на столе. — Давайте снова внимательно посмотрим список тех, кого вчера Шубарин представлял, как руководителей банка, учредителей — нет ли среди них людей, бросивших вызов Японцу?

Но не успел он прочитать до конца фамилии учредителей банка, как Джураев вскрикнул:

— Там должна быть фамилия Горского, председателя городской коллегии адвокатов, или же Файзуллаева, тоже пройдохи из областных прокуроров, докатившегося до юрисконсульта в одной сомнительной частной туристической фирме.

— Нет здесь таких фамилий, как и нет явно подозрительных личностей, — остудил Камалов пыл начальника угрозыска республики.

Джураев секунду сидел сосредоточенный, но потом тихо засмеялся, сорвался с места и пустился в бесшумный пляс. Прокурор, не понимая, что происходит, растерянно улыбался. Полковник вдруг заговорщически подмигнул ему и сказал нараспев, в такт танцу:

— Оттого Лежаву и выкрали, что этих людей в списках не оказалось, — не подпустили людей Талиба к престижному банку. Теперь я знаю не только кто и почему похитил американца, но даже знаю, где он содержится...

— Говорите яснее, — заволновался прокурор, почувствовав, что Джураев нащупал что-то основательное.

Пришлось Джураеву подробно рассказывать, как на другой день после покушения на прокурора в больнице он в поисках ответа на вопрос, кто же охотится за Камаловым, попал в дом Талиба, кого там встретил и чем закончился этот неожиданный визит. Тогда, медленно поднимаясь по лестнице на второй этаж, где Талиб играл с Горским в нарды, он расслышал обрывки, видимо, затянувшегося разговора. В тот миг он не придал этому значения, у мафии ныне сотни дел, связанных

с финансами и банками, с арбитражем, где требуются опытные юристы. Но сегодня вспомнилась не сцена в комнате, когда он пинком вышиб Горского, поняв, кому тот служит верой и правдой, и даже не угрозы Султанова и его нож, а всплыли ясно только несколько фраз хозяина дома и ответ гостя: «Марк Семенович, повторяю еще раз, сходянок решил, что в банк нашим представителем должны пойти вы. Там нужен умный, изворотливый человек. Или же Файзуллаев...» — «Нет, я не хочу работать рядом с ним. Пусть лучше Файзуллаев, он же из местных...»

— Пожалуй, так оно и есть, — согласился прокурор, и они оба сразу глянули на часы.

Следовало поторопиться, Шубарин и сам мог выйти на след Гвидо Лежавы, тогда они упустили бы шанс оказать помощь Японцу, чего так хотелось прокурору, думавшему о дальнейшей борьбе с Сенатором и Миршабом, да и люди банкира могли наворотить дел, и опять же американский гражданин...

— Мы освободим американца и подарим его Шубарину на блюдечке с голубой каемочкой. Или дадим Японцу возможность самому разобраться с Талибом и теми, кто стоит за ним? — спросил Джураев, уже доставший переговорное устройство, чтобы вызвать группу задержания.

— Наверное, все-таки следует дать Шубарину возможность самому освободить друга. А наша услуга... Он оценит, в какой ситуации мы его выручили. Если же Миршаб с Сенатором узнают каким-то образом, что это мы оказали Шубарину такую помощь, то между ними появится трещина. А потом я собираюсь поговорить с Японцем, и ему будет неловко уклониться от встречи.

Есть еще один резон предоставить это дело Артуру Александровичу. Если мы возьмем Талиба, тот никогда не признается, что похищение связано с банком, а скажет, что его подручные без его ведома выкрали американца, чтобы получить выкуп, и бьюсь об заклад, у Султанова уже есть человек, который возьмет всю вину на себя, вы ведь говорили, что Горский первоклассный юрист. В таком случае нам никогда не узнать, почему Талиб пытался внедрить своих людей в банк. А если Шубарин сам вызволит своего друга, ему при случае все-таки придется объяснить, почему выкрали Гвидо Лежаву, а не Сенатора, например. Но мы на всякий случай должны

подстраховать банкира. Так что вызывайте своих парней, я тоже поеду с вами.

Когда к Прокуратуре подкатили две ничем не примечательные «Волги» с форсированными двигателями и новыми шинами, прокурор набрал номер телефона Японца; сегодня, дома или в машине, он обязательно поднимет трубку. Раздался необычный зуммер, видимо, отозвался телефонный аппарат в «мазерати», и ровный голос, который Камалов вчера слышал с экрана телевизора, произнес:

— Я слушаю вас.

— Доброе утро, Артур Александрович. Вас беспокоит прокурор республики Камалов.. — Он сделал едва заметную паузу, надеясь уловить в голосе банкира растерянность, удивление, но в ответ услышал спокойное:

— Здравствуйте, Хуршид Азизович. Чем обязан столь раннему звонку?

— Хочу поздравить с открытием вашего банка. Видел вчера по телевизору. Такого количества иностранных гостей не знала в Ташкенте, наверное, ни одна презентация.

— Спасибо. Банк рассчитывает на иностранные вклады, об этом уже сообщалось в прессе, оттого и гости из-за рубежа, но в основном это мои старые друзья, лишь недавно покинувшие наши края. Сегодня для них появился реальный шанс помочь родине и чаще бывать здесь. Поверьте, ностальгия — не выдумка писателей, и ею чаще всего болеют богатые, благополучные люди.

— И мистер Лежава тоже страдает этой болезнью?

— Как никто другой. Поэтому такой высокий вклад — чек на многих произвел впечатление, — голос Шубарина был по-прежнему ровен, но в нем сквозили нотки удивления.

— В таком случае, Артур Александрович, я считаю себя обязанным помочь вам и вашему гостю. Запишите адрес, где его можно отыскать: Рабочий городок, улица Радиальная, 12, двухэтажный особняк с глухими голубыми воротами — в нем некогда жил известный узбекский художник, не спутайте.

— Спасибо. Надеюсь, я не вам обязан столь злой шутке? — довольно жестко спросил Шубарин.

— Нет, не мне, Артур Александрович, а человеку, приехавшему к вам в Мюнхен, — это его адрес я продиктовал.

— Кто он? — прямо, без обиняков спросил банкир.

— Мы так и подумали, что вам не удалось выяснить, кто приезжал к вам в Германию, иначе бы уже тряхнули его в первую очередь. Хотя мы знаем: он звонил вам, когда вы вернулись в Ташкент, и настаивал, чтобы вы включили в правление банка его людей, на что получил отказ. Вот вам и причина похищения американца. Его зовут Талиб Султанов, но мы, к сожалению, не располагаем данными, кто стоит за ним, на наш взгляд, он всего-навсего получил приказ.

— Спасибо еще раз. Я поспешу, Гвидо — человек нетерпеливый, горячий, не любит дурного обращения, не выкинул бы чего. И последнее: в нашем разговоре вы несколько раз сказали «мы». Значит, есть еще кто-то, кому я тоже обязан? Кто он, если не секрет?

— Полковник Джураев, начальник уголовного розыска республики.

— Серьезный мужик, я его хорошо знаю, у нас некогда был общий друг. Поблагодарите его...

Разговор неожиданно оборвался — Японец, наверное, срочно созывал к себе свою рать.

— Мы должны появиться там раньше Шубарина и незаметно занять позиции, чтобы в крайнем случае вмешаться в события и освободить американца. — И прокурор с полковником поспешили вниз к машинам, где их дожидалась группа захвата.

Не успели парни из уголовного розыска, одетые в гражданское, незаметно рассредоточиться вокруг внушительного особняка, утопавшего в зелени, и получить последние наставления полковника, как на Радиальной, возле дома номер двенадцать, притормозил темно-синий автомобиль-фургон «тойота» с затененными окнами, каких в Ташкенте за последние два года появилось множество, и они уже не бросались в глаза, особенно в этой части города, где жили люди состоятельные.

Улица Радиальная, крученая-верченая, сплошь перерезанная проездами, переулками, тупиками, создавала максимум удобств и для группы захвата, и для людей Японца. Въезд в усадьбу плохо проглядывался с улицы, ибо ворота располагались в глубине, отгороженные от проезжей части плотным тщательно подстриженным кустарником, поверху еще затененным густым виноградником и вьющейся чайной розой. При

прежнем хозяине, славившемся неоглядным гостеприимством, здесь не было высоких глухих ворот, и дом постоянно осаждали гости.

Бесшумная «тойота», вынырнувшая на Радиальную из ближайшего тупика, юркнула в тень виноградника у голубых ворот. Пневматические дверцы автомобиля отошли вбок, восемь парней, бросившихся к забору, молниеносно проделали какое-то гимнастическое упражнение, похожее на «пирамиду», и четверо вмиг оказались по ту сторону крепости. И тут же, скрипнув, отворилась кованая дверь. Последним из машины вышел Шубарин, в том же вечернем костюме, что и вчера, только наблюдательный человек мог заметить на нем другой жилет, с небольшим вырезом у горла, но высокий ворот рубашки с булавкой, прижимавшей шелковый галстук, словно предполагал такой жилет из кевлара. Пока Шубарин поднимался по крутой лестнице на второй этаж, трое мужчин, находившихся в доме, уже стояли в углу комнаты лицом к стене, закинув руки за голову, и дюжие парни следили за каждым их движением.

Войдя в зал, Шубарин развернул лицом к себе одного, второго, но, судя по его бесстрастному взгляду, они его не интересовали. Тут выдержка слегка изменила банкиру, и он торопливее, чем обычно, шагнул к третьему, одетому в спортивный костюм, видимо, хозяину дома. Шубарин рывком повернул его к себе и тут же узнал человека с холеными усиками и постоянно срывающимся в бег глазами. Задержанный невольно поправил волосы, и Японец увидел знакомый перстень — «болванку» с бриллиантами, плохо выведенную татуировку у запястья — несомненно, это был тот самый гонец, посещавший его в Мюнхене. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Неожиданно Шубарин выхватил пистолет из рук стоявшего рядом Коста и, резко ткнув им в висок Талиба, тихо сказал:

— Считаю до трех. Где мой гость?

Талиб, не раз бывавший в подобных переделках, каким-то невероятным воровским чутьем угадал, что выстрела сегодня не будет, но, видя, что упираться бесполезно, сказал:

— В том угловом доме для приемов. Играет с охранниками в нарды. Думаю, у него нет к нам претензий, мы его принимали как высокого гостя...

Люди, стоявшие внизу и слышавшие разговор из окна, кинулись к одноэтажному домику, типичному в узбекских строениях, и через минуту кто-то крикнул:

— Шеф, все в порядке: он жив и даже в настроении...

Шубарин, забыв про Талиба, кинулся к окну и, увидев Лежаву, молча поднял сжатый в приветствии кулак. Шагнув к крутой лестнице, по которой Джураев некогда спустил адвоката Горского, он на секунду остановился и, обернувшись, сказал Талибу:

— Сегодня у меня праздник, гости, и мне не до тебя. Разговор с тобой еще впереди...

Джураев и Камалов находились в машине прокурора и из своего укрытия видели в бинокли, как на Радиальную вынырнула синяя «тойота» и тут же пропала у голубых ворот. Ровно через семь минут «тойота» так же быстро и бесшумно отъехала от дома. Ни шума, ни криков, ни беготни...

— Ловко работают! — невольно вырвалось у полковника.

— Хорошо, что обошлось без выстрелов, иначе бы не избежать внимания прессы, а это не нужно ни Шубарину, ни нам, ни тем более Талибу. Представляю, как он сейчас рвет и мечет... — и Камалов, хлопнув Нортухту по плечу, добавил: — Обошлись без нас, давай гони в Прокуратуру, дел невпроворот. Сенатор вернулся...

Как только они выпутались из лабиринтов Рабочего городка на широкую дорогу, так сразу наткнулись на «мазерати», в которую из «тойоты» пересаживались Шубарин с мистером Лежавой. Деваться было некуда, и «Волга», прибавив скорость, пронеслась мимо в сторону центра города. Но мощно взявшая с места «мазерати» легко догнала «Волгу» и подала сигнал остановиться. Делать вид, что не заметили, было глупо. Камалов попросил прижаться к обочине и вышел на тротуар. «Мазерати» встала чуть сзади, и из нее тотчас появился Шубарин и направился к прокурору. Камалов впервые воочию видел Артура Александровича, он производил сильное впечатление: высокий, стройный, с открытым лицом; глаза глубокие, ясные, говорили об уравновешенности характера, сдержанности, воле. Он подошел без восточной подобострастности, с достоинством, первым протянул руку и, поздравившись, сказал:

— Рад знакомству с вами, Хуршид Азизович, в такой важный для меня день. Благодарю и за то, что вы подстраховали меня с полковником. Спасибо, что предоставили мне возможность самому освободить гостя. Сейчас я не стану гадать, почему вы с Джураевым выручили меня, сегодня для меня это не главное — важно, что мой друг, поверивший в меня, в мое дело, — свободен. Нынче у меня праздник. Не любопытствую ни о чем, даже о том, откуда вы знаете, что этот мерзавец отыскал меня в Мюнхене. Догадываюсь, что если не вы, то полковник Джураев знает: утром я обещал за сведения о Гвидо полмиллиона. Но то, что помощь пришла от вас, от прокурора и начальника угрозыска, для меня большая неожиданность, и деньгами тут не отделаться. Однако я привык в жизни за все платить. Это, если хотите, мое жизненное кредо. И я ваш должник, прокурор. В трудные для вас дни вы с Джураевым можете на меня рассчитывать.

— Спасибо, Артур Александрович. Конечно, наша помощь выглядит для вас несколько странно, но это наш долг — помочь попавшему в беду. Мы не менее вас рады, что вызволили вашего друга, передайте ему от нас наилучшие пожелания, он наверняка догадался уже, с кем вы беседуете...

— Передам, прокурор, обязательно, он человек догадливый... — И Шубарин поспешил к своей роскошной машине. «Мазерати», обогнав их «Волгу», исчезла вдали.

XV

Сенатор вернулся из заключения в «Матросской тишине» накануне презентации по случаю открытия банка «Шарк» и был весьма рад, что сразу попал в поле зрения журналистов и телерепортеров. Как человек суеверный и верящий в свою счастливую звезду, он посчитал это удачной приметой, особым знаком судьбы. Да и как не считать себя везучим, если выскользнул из рук Камалова, избежал «высшей меры». Удача удачей, счастье счастьем, а выходило, что карьеру придется вновь начинать едва ли не с нуля.

Вроде бы недолго пробыл он под стражей, а какие изменения произошли в стране, особенно после августовского

путча, который, на его взгляд, следовало бы назвать форосским фарсом! Главным результатом форосских событий явился роспуск Коммунистической партии, причем не под воздействием внешних сил, а лично ее Генеральным секретарем. Такое ни один астролог или колдун не додумался бы предсказать, хотя развелось сегодня новых нострадамусов десятки тысяч. Многие еще не осознавали, что это значит для огромной страны, а Сенатор ликовал уже в тот час, когда узнал новость века — сей факт знаменовал крах единого государства, последней мощной империи на земле.

Генсек лишил великую державу позвоночника, стенового хребта — идеологии, на которой она держалась от океана до океана. Все были повязаны общностью коммунистической идеи: латыш и чукча, узбек и казах, украинец и русский, молдаван и еврей, армянин и азербайджанец, грузин и осетин, даже если они и не хотели жить в одном доме, есть из единого котла, молиться единому богу. Отныне, в связи с упразднением КПСС, каждый волен был выбирать свой путь, какой ему заблагорассудится, никто никому не указ. Какой гениальный ход — развалить руководящую партию в однопартийной стране руками ее Генерального секретаря! Подобное не могло прийти на ум даже самым изощренным врагам социализма. На борьбу с партией у них всегда имелись в запасе миллиарды, а тут вдруг такое, да еще бесплатно! Знали бы коммунисты, кого они так дружно, единогласно избирали своим вожаком на XXVII съезде КПСС! Вот поистине трюк, достойный истории. Едва ли какое событие XX века может сравниться с «подвигом» последнего Генсека коммунистов.

— Ай да Миша! — часто говаривали в «Матросской тишине» в те сентябрьские дни девяносто первого года. Но Сухроб Ахмедович жалел не КПСС, в которой, конечно, состоял, как всякий уважающий себя человек на Востоке. Ему было жаль, что в такой исторический момент он оказался в тюрьме, да еще на чужой территории, за границей. Ведь он вместе с ханом Акмалем давно мечтал избавиться от диктатора Москвы и в перестройке первым увидел такой реальный шанс. Это же ему принадлежат слова: «Доедем на трамвае перестройки куда нам надо, а там или соскочим на ходу, или сорвем стоп-кран».

А оказалось, не надо ни прыгать на ходу, ни тормозить огромный состав — свобода вдруг досталась бесплатно, без боя. Москва сама преподнесла суверенитет всем республикам на блюдечке с голубой каемочкой. А они оба с ханом Акмалем, те, кто должен был принять это блюдечко из рук в руки, оказались в этот момент за решеткой. Как тут не взвыть от досады? Хотя и радоваться надо, и Горбачеву большой «рахмат», конечно, стоит сказать, да и чапан золотошвейный не грех преподнести. Без его деяний власть Кремля еще долго бы простиралась от Москвы до самых до окраин... А долгожданное блюдечко с голубой каемочкой перехватили другие и спешат закрепиться, пока люди, сметенные вихрем перестройки, опять же благодаря Горбачеву, не опомнились и не потребовали свои теплые места обратно. А кто сегодня дорвется до власти — тот уже не отдаст ее многие годы, а может, даже никогда. Новые демократы, чтобы прийти к власти, обещают рай на земле, а свободы такие, что и Западу не снились. А на самом деле, чует его сердце, народу коммунистическая диктатура, власть номенклатуры вскоре покажется верхом свободы и демократии в сравнении с тем, что готовят ему новые режимы. Это уже видно по «цивилизованной» Прибалтике — там ныне такая дискриминация прав человека, на которую ни Пиночет, ни Салазар, ни Сталин не отважились.

Но Сенатора не волновали ни коммунистические идеи, ни идеи «демократического» устройства, ни даже исламский путь для Узбекистана. При любой власти, любом режиме, любой идеологии, под любым знаменем — зеленым, или в полоску, или даже в крапинку — ему всегда хотелось быть в правящей верхушке, а если уж совсем честно, на самой макушке верхушки.

Наблюдая за событиями, происходящими дома, да и в остальных республиках, где осуществлялся один и тот же сценарий, он видел, что многие рвущиеся к власти люди исповедуют такую же мораль, что и он, и готовы служить любому знамени, любой идее, чтобы их только оставили у кормушки. Это предвещало суровую и долгую борьбу за власть. И опять же он оказался прав, когда в первую свою поездку в Аксай сказал хану Акмалю: «В нашем краю смена коммунистической идеологии пройдет безболезненно. Люди, находящиеся в одной правящей партии с красными билетами, дружно перейдут

в другую, тоже правящую, но только с зелеными или желтыми билетами, ибо на Востоке членство хоть в КПСС, хоть в исламской или в демократической партии — это, прежде всего, путь к должности, к креслу, а программы, устав, задачи тут не при чем, и все вокруг прекрасно понимают это».

В тюрьму Сенатор загремел с партийным билетом, его даже не успели исключить из КПСС, а когда он вернулся, в тот же вечер Миршаб вручил ему билет уже новой и тоже правящей партии, чему Сухроб Ахмедович не удивился, и стал он теперь обладателем двух билетов. Он мог поклясться на чем угодно, что у них никогда, ни при каких обстоятельствах не будет двух равных партий, и вовсе не оттого, что правящая не допустит возникновения другой, конкурирующей. Тут совсем иное: работает психология восточного человека, благоговейно почитающего власть, государственность, чего так не хватает русским в их великой идее соборности, державности. На Востоке мало кто рискнет при наличии правящей партии вступить в конкурирующую, и незачем ее создавать. Но это вовсе не означает, что тут нет сложностей борьбы, только она возникает совсем не на идеологической основе, а на клановой, земляческой, родовой.

Каков бы ни был расклад политических сил на сегодня, Сухроб Ахмедович понимал, что главное — попытаться вернуть себе прежнюю должность, структуры власти не изменились, хотя люди в Белом доме на берегу Анхора имели партийные билеты уже другого цвета. Но он хорошо знал нравы, царящие наверху, никто так просто место не отдаст, тем более такое — контролирующее правовые органы. А органы — это реальная сила, люди с оружием. Для политика, метящего высоко, этот пост — лучший плацдарм для атаки.

Поэтому, еще не оглядевшись вокруг и не определив никакой тактики и стратегии, он дал осторожное интервью телевидению: мол, вышла промашка, накладка, его оговорили, но он никого не винит, ибо ошибки в правосудии в переломное время неизбежны. И жертвой становятся люди, находящиеся на переднем плане борьбы за перемены в обществе, истинные борцы за независимость республики, такова, мол, всегда и везде цена свободы. В общем, с достоинством, тактом, выдержкой. Подобное интервью на фоне огульного охаивания правосудия республики «тоталитарным режимом» Москвы выглядело

благородно и не могло не броситься в глаза. К жертвам всегда есть не только сострадание, но и понимание, вот на это и рассчитывал дальновидный Сенатор.

На презентации Сухроб Ахмедович обратил внимание, как много новых, незнакомых людей появилось на поверхности общественной жизни, независимых, с иной манерой поведения, раскованных, дорого и модно одетых. В большинстве своем это новый слой предпринимателей, коммерсантов, бизнесменов, людей, прежде державшихся в тени, незаметных, особо не претендовавших на власть и положение в обществе. Но едва для них появился маленький просвет, шанс — они объявились тут как тут, мгновенно заняв ключевые позиции в экономике, финансах, и всем сразу стало ясно, кто отныне будет иметь власть в республике. А ведь раньше человек, обладавший властью, не мог возникнуть ниоткуда, вдруг, следовало пройти немало должностных ступеней, причем не хозяйственных или административных, а прежде всего партийных. И все было ясно — кто за кем стоит, откуда корни, кого куда двигают. Но теперь выходило, что подобная расстановка сил, неизбежная иерархия канули в лету, ушли навсегда. Вот какой вывод сделал Сухроб Ахмедович в первый же вечер на свободе, правда, вечер необыкновенный, где наглядно демонстрировалось — кто есть кто.

Порадовался Сенатор и своему давнему, поистине провидческому решению, когда он рискнул выручить Шубарина и ценой жизни двух людей, охранника и взломщика по имени Кощей, выкрал из Прокуратуры республики дипломат со сверхсекретными документами прокурора Азларханова, касавшимися высших должностных лиц не только в Узбекистане, но и в Москве. Выходило, поставили они тогда с Миршабом на верную лошадку: Шубарин, не принадлежавший к партийной элите, но друживший с ней и финансировавший ее, как никогда упрочил свое положение, став банкиром, и в новой прослойке относился к ключевым фигурам. А судя по собравшимся со всего света гостям, вышел он и на международную орбиту, значит, у Сенатора появлялся шанс попробовать себя и в новой, предпринимательской или коммерческой, сфере, если не удастся отвоевать прежнее место. Уж ему-то Артур Александрович не должен отказать, обязан по гроб жизни,

да и миллионы, взятые у хана Акмаля в Аксае, могут пойти в дело. Их можно прокрутить через банк два-три раза, вот тебе и удвоение, утроение капиталов. Вот что значит вовремя рискнуть и помочь нужным людям.

Да, перспективы Сенатору на свободе вроде светили радужные, но... Но по-прежнему оставался жив и пребывал на своем посту прокурор Камалов. Конечно, Москвич ни на минуту не смирился с поражением, для прокурора он был и остается только преступником, и от своего этот упрямец не отступится — такая уж порода, кремневая, не характерная для Востока. И прежде чем строить планы на будущее, стоило разобраться с Камаловым раз и навсегда, иначе вновь окажешься в наручниках, тут обольщаться не следовало. То, чего не удалось сделать Миршабу, теперь придется решать ему самому, на ничью прокурор никогда не согласится.

Конечно, Акрамходжаев догадывался, что положение у Камалова ныне не то, что раньше, для многих радикалов, которыми отныне буквально кишит каждая суверенная республика, человек, назначенный из Москвы, представлялся кем-то вроде прокаженного. Не способствовало его популярности среди «демократов» и то, что прокурор некогда преподавал в закрытых учебных заведениях КГБ. Догадывался Сенатор, что пост Генерального Прокурора страны (а так, видимо, будет называться должность Камалова в связи с независимостью) становится важнейшей государственной должностью, и могучие кланы наверняка уже обратили внимание, что в этом кабинете оказался чужой, пришлый, которого самое время спихнуть с кресла — многим он тут стал поперек горла. И этот вариант не следовало сбрасывать со счетов — тогда бы проблема разрешилась за счет чужих усилий, надо лишь знать, где полить бензином, и вовремя поднести горящую спичку, а по этой части они с Миршабом имели опыт. Без своего поста Камалов не представлял бы никакой опасности, в таком случае пусть живет и здравствует, но если он каким-то образом закрепится — говорят, в Верховном Совете он многим депутатам по душе, — тогда остается один путь...

Однако теперь, после трех покушений подряд, заставить Москвича врасплох вряд ли удастся, на случай надеяться не приходится, — он наверняка знает, что за ним идет

целенаправленная охота. Возможно, прокурору даже известно, кто его «заказал», но догадки к делу не пришьешь, нужны факты, свидетели, суд. А до суда в наше время довести дело не просто, Сенатор это понял после неожиданной смерти Артема Парсегиана в подвалах местного КГБ. Да, Камалова теперь заманить в ловушку трудно, он всегда начеку, даже в больнице, и там выстрелил первым. Хотел Миршаб на другой день по горячим следам добить Камалова в палате среди дня — опять не получилось: и тут вмешался в события вездесущий полковник Джураев, он заставил выделить особую, безоконную палату прокурору и выставил под видом медпоста охрану. Тесное сотрудничество этих двух людей становилось опасным. Джураев, давно работавший в органах, конечно, лучше других знал расстановку сил в республике, ее тайную жизнь, кто есть кто и на что способен, и наверняка частенько консультировал прокурора, большую часть жизни прожившего в Москве и за границей. О частых визитах начальника уголовного розыска республики в здание Прокуратуры докладывал Газанфар, попавшийся в сети Сенатора и Миршаба на ловко подстроенном крупном картежном проигрыше.

Так размышлял Сенатор в долгую бессонную ночь после возвращения с презентации, но какие бы планы ни строил, все упиралось в Камалова, и, засыпая под утро, он решил первым делом встретиться с Газанфаром: может, тот, работающий в Прокуратуре, подскажет новые уязвимые места Москвича.

Однако утром, выезжая из ворот собственного дома в старом городе, Сухроб Ахмедович увидел прогуливающегося напротив в тени столетних ореховых деревьев человека. Одет он был для Ташкента несколько странно — в сияющих шевровых сапогах и, несмотря на жару, в темном, несколько великоватом, дорогом костюме, новом, но давно вышедшем из моды. И вдруг Сенатора осенило — да это же Исмат из Аксая, он некогда доставлял его из резиденций хана Акмаля в горах прямо к этим воротам, чтобы доложить потом Шубарину по телефону: ваш друг дома, и за дальнейшую его жизнь аксайский Крез ответственности не несет. Да, это был Исмат, Сенатор даже услышал знакомый скрип добротной сшитых сапог. Понятно, человек, приехавший издалека, караулил его не случайно, и Сухроб Ахмедович, остановившись, поманил рукой гонца, чтобы тот

сел в машину. Отъехав от дома, они обменялись приветствиями, и Сенатор спросил, почему не позвонили по телефону и не назначили встречу.

— Сабир-бобо не велел, — ответил кратко Исмат и добавил: — Ваш телефон может прослушиваться.

Видимо, следовало остановиться и где-то побеседовать основательно — в машине, несмотря на открытые окна, стояла духота, и он предложил заехать в чайхану. Сенатору и самому вдруг захотелось посидеть в какой-нибудь старой махаллинской чайхане. Одна такая на Чигатае, с хаузом, с клетками перепелов, развешанными на склонившихся к воде талах, часто снилась ему в тюрьме, туда он и направил машину.

Поутру чайхана оказалась почти пустой, лишь несколько седобородых старцев в одинаковых зеленых тюрбанах, означавших, что они совершили хадж в Мекку, занимали красный угол в ковровом зале. «Вот уж кто, наверное, признателен перестройке и Горбачеву, — подумал вдруг Сенатор о мирно беседовавших стариках. — Раньше хадж к святым местам мусульман не мог им присниться даже в самом фантастическом сне, а тут сразу трое из одной махалли».

Но мысль о благоденствии перестройки перебил запах самсы, уминаемой двумя молодыми людьми на айване, у входа. Глянув на гостя, который наверняка прилетел первым рейсом из Намангана, он понял, что Исмат еще не завтракал, да ему и самому вдруг захотелось самсы с бараньими ребрышками и курдючным салом. Он знал, что тут, напротив чайханы, в переулках, торгуют не только свежим бараньим мясом, конской колбасой — казы, шашлыками из печенки, но и пекут самсу в уйгурских дворах. Чайханщик, перехвативший взгляд посетителя, протягивая поднос с чайником и горкой парварды на тарелке, с улыбкой спросил:

— А может, самсы слоеной, прямо из тандыра, к чаю подать? — И, получив заказ, тут же направил крутившегося во дворе мальчика в соседний дом.

В чайхане они задержались больше часа. Заканчивая трапезу, Исмат неожиданно достал из внутреннего кармана пиджака железнодорожные билеты и, отдавая их, сказал:

— Это на завтрашний поезд Ташкент — Наманган, два места в вагоне «СВ», мы знаем, вы любите ездить один в купе.

— Видя, что Сенатор собирается что-то возразить, торопливо добавил: — Сабир-бобо велел, чтобы вы прибыли немедленно. Вот это я и должен передать, хотя понимаю, что у вас могут быть дела дома. Но это приказ, не обижайтесь на меня, я человек подневольный...

Доставив Исмата в аэропорт — у того уже был обратный билет на дневной рейс, — Сухроб Ахмедович отправился к Миршабу. Ехать в Аксай тайно, как некогда, не было смысла: и ситуация изменилась, и он представлял теперь лишь самого себя, и партбилет ныне в расчет не принимался. Хотя, подруливая к зданию Верховного суда, он подумал, что и распространяться о поездке в Аксай не следует; если выбрал тактику невинно пострадавшего и хочет вернуть себе кабинет в Белом доме — лучше не козырять до поры до времени связью с Акмалем Ариповым.

Дожидааясь в приемной, пока у Салима Хасановича закончится совещание, попытался дозвониться Газанфару, но того не оказалось на месте, и он по-философски подумал о превратностях судьбы. Он собирался вызвать «на ковер» Газанфара, а вышло наоборот: его самого затребовал, да еще в приказном порядке, Сабир-бобо, и разговор, видимо, предстоял жесткий. Чувствовалось, что духовный наставник хана Акмаля оправился от шока, связанного с арестом хозяина Аксака, понял полный крах горбачевской перестройки, уверился в потере контроля Москвы над краем, а значит, вновь осознал свою власть, силу денег.

С Хашимовым они проговорили почти до обеда, обсудили предстоящую поездку в деталях, ехать нужно было все равно, требовались деньги, и вызов Сабира-бобо даже оказывался кстати. Из обстоятельного разговора с Миршабом Сенатор сделал вывод, что передел власти в крае только начинается и им будет непросто сохранить свои позиции, не говоря уже о каком-то взлете. Ведь они оба поднялись неожиданно, при старой командно-административной системе, с помощью Шубарина и его влиятельных покровителей. Но Артур Александрович сегодня едва ли мог им помочь в борьбе за власть, разве что финансами; ему самому, наверное, теперь будет нелегко. Вряд ли кто из сильных мира сего сейчас будет открыто покровительствовать ему, как прежде. С крахом КПСС вроде как умерла

идея интернационализма и нерушимой дружбы с русским братом, в воздухе витали другие идеи: о зеленом знамени, исламском и даже мононациональном государстве, и в этой новой ситуации, возможно, остерегутся открыто водить, а уж тем более афишировать дружбу с Японцем, хотя он и стал банкиром.

Радовало одно, что оказался прав некогда Сенатор, когда на свой страх и риск протянул руку помощи опальному хану Акмалю. И это в разгар перестройки, когда все отмахнулись от Арипова, посчитав, что дни его сочтены. Как далеко все-таки он смотрел! Теперь позиция хана Акмаля, хотя он и находится еще в тюрьме, куда предпочтительнее, чем у многих власть имущих на свободе, скомпрометировавших себя слишком ретивыми услугами московским следователям. Выходило, что Сенатору, как никому, хан Акмаль нужен был на воле. Как человек, имевший опыт тюремной жизни, Сенатор понимал, что только ему он отдаст предпочтение по возвращении. Друг познается в беде — это не пустая фраза для тех, кто испытал жесткость тюремных нар и вкус баланды. И хан Акмаль уже подал этот знак своим выступлением на суде, благодаря чему он и оказался на свободе. Теперь черед за ним.

...Скорый поезд Ташкент — Наманган отправлялся по старому расписанию, как и четыре года назад, когда он нанес тайный рискованный визит в Аксай к Акмалю Арипову, но как все изменилось и на станции, и на перроне, и в самом составе! Вокзал благополучного Ташкента, если бы не такие очевидные приметы сегодняшнего дня, как электрическое табло и ярко размалеванные проститутки, явно напоминал военные и послевоенные годы: куда ни глянь — нищие, калеки, убогие, потухшие взгляды, небритые, вороватые лица. Толпы мрачных, плохо одетых и плохо обутих людей с немислимыми узлами, тюками, грязными коробками, с испуганными детишками и жалкими старушками. Судя по всему, это транзитные пассажиры, спешно покидающие уже второй год подряд соседний Таджикистан, есть среди них и русскоязычные жители Узбекистана, в основном из глубинки.

На площади перед главным входом — цыганский бивак с брезентовым шатром, видимо, недавно прибыли из Молдавии, где идет настоящая война, чувствуется, спешат определиться к зиме, вот и потянулись в теплые края. Голодная Россия никого не прельщает, скорее всего, как и в прежнюю войну, толпы

отчаявшихся людей хлынут оттуда в Среднюю Азию. Народ помнит: Ташкент — город хлебный, хотя и тут лепешка вздорожала в пятьдесят раз, сахар — в сто, а это всегда считалось едой бедняков, да и своих ртов нынче в Узбекистане двадцать миллионов. А ведь с какой надеждой народ поддержал перестройку, поверил в нее — и каков результат... Хотя, может, это еще ягодки...

Проводником оказался хитроватого вида нетрезвый человек в чапане и галошах, но при форменной фуражке. Сначала Сухроба Ахмедовича покорила его затрапезность, ведь в сознании человека железная дорога еще по привычке видится мощной и строгой организацией. Справедливости ради надо отметить, что честь мундира в перестройку железнодорожники блюли дольше всех: куда ни кинь взгляд, все работает с перебоями или вообще остановилось, а поезда все-таки ходят, но, видимо, и дорога бьется из последних сил. Отсутствие униформы у проводника напомнило Сенатору статью, читанную еще в «Матросской тишине». В ней говорилось, что во многих российских областях милицейская форма оказывается не по карману ее сотрудникам и каждый ходит на службу в чем придется. Обитатели тюрьмы, конечно, от восторга улюлюкали дня три, ерничали: «Менты без штанов остались»...

Едва миновали пригороды Ташкента, как человек в галошах, но уже без форменной фуражки, попытался посадить к нему в купе попутчика, шустрого молодого парня с двумя огромными тюками. Обилие «челноков» с багажом бросилось Сенатору в глаза еще на вокзале, и, дожидаясь, пока подадут состав, он старался определить, откуда какая группа прибыла. Он увидел большую команду из Турции — из Ташкента до Стамбула имелся прямой авиарейс, и для граждан Узбекистана даже не требовалось въездных виз, не существовало и языкового барьера, оттого узбекские «челноки» дружно осваивали турецкий рынок. Но тот, которого попытался посадить проводник, был из Китая, об этом свидетельствовал яркий китайский псевдоаидас, а поверх еще и кожаная куртка, запах которой тут же заполнил купе. Но полупьяный проводник, встретившись со стальным взглядом Сенатора, тут же извинился, быстро ретировался и больше его уже не беспокоил, хотя в вагоне всю ночь шла какая-то непонятная ему возня.

Поезд отходил уже в сумерках, ночь надвигалась быстро, с каждым набегающим километровым знаком, выкрашенным, как и шлагбаумы на переездах, но скоро темнота съела и эти полосатые бетонные столбы. В купе стояла кромешная тьма, только огни станций и разъездов на миг освещали дальние углы. Встать, зажечь свет у Сухроба Ахмедовича не было ни желания, ни сил, хотя и захватил он в дорогу интересные газеты.

Он отправился в путь не с пустыми руками, как в прошлый раз, а взял небольшую дорожную сумку, кожаную, на молниях, купил он ее некогда в Австрии, в Вене. Жена, наслышанная о нынешнем обслуживании в поездах и зная, что муж человек ночной, положила ему в дорогу много вкусной еды, которую наготовила для встречи из тюрьмы, а муж, не побыв дома и двух дней, снова сорвался по делам, но она не отговаривала, понимала, видимо, что так нужно.

Состав, как и четыре года назад, кидало из стороны в сторону, из-за просадки колеи подбрасывало не только на стыках и стрелках, но и на ровных местах. Но Акрамходжаев сегодня не сравнивал железные дороги Австрии, по которым ему довелось некогда проехать, с дорогами бывшего МПС СССР, другие мысли владели им, хотя время от времени он проваливался памятью в то давнее путешествие в Аксай, задуманное как чистейшая авантюра, но обернувшееся такими неожиданными результатами.

Сегодня он понимал, как важно для политика предвидеть, предугадать, предвосхитить события, ведь он единственный тогда попытался помочь хану Акмаю. Время подтвердило его дальновидность, и это радовало Сенатора. Глянув на светящиеся стрелки «Ролекса», он подумал: как хорошо, что не надо просыпаться на рассвете, как в прошлый раз, когда он сошел на глухом полустанке, где его дожидались, чтобы отправить в Аксай на стареньком вертолете. Теперь он ехал до конечной остановки, Намангана, и там, на вокзальной площади, его должна была ждать белая «Волга» с золотозубым Исмамом за рулем, он-то и доставит его в бывшую вотчину хана Акмаля. Однако на этот раз встреча была не по его собственной инициативе, и не с хозяином Аксая, а с его духовным наставником, Сабиром-бобо. Но что мог означать приказной тон человека в белом? «Я что, его подчиненный? — наливаясь, как всегда, внезапной злобой, подумал Сенатор. — Мальчик на побегушках?»

Но злоба как неожиданно возникла, так и пропала: перед глазами встал кожаный чемодан с пятью миллионами, некогда полученный им в Аксае, а казначеем у хана Акмаля был Сабир-бобо! За деньги ответ держать надо, хотя вроде так и не уговаривались. На Востоке счет деньгам знают, особенно личным, это не партийную или государственную кассу растратить, тут ответ не перед партией придется держать. Почему Сабир-бобо велел ему прибыть в Аксай именно сегодня, как будто у него дел в Ташкенте нет? Ведь он еще толком не отъелся и не отоспался после тюрьмы. Мысль эта показалась Сенатору такой интересной, что он неожиданно встал и включил свет. «Да, да, партия, — размышлял он, — вот где отгадка поведения тихого богомольного человека в белом. Нащупав причину, можно и подготовиться к встрече», — уже веселее подумал он и, открыв дорожную сумку, прежде всего вынул коробку с чаем. Несмотря на продовольственный кризис, он своих привычек не изменил, пил черный английский чай «Эрл Грей — Серый кардинал», — ему нравился ароматный привкус бергамота. Доставая пакеты, кулечки, свертки, он тепло подумал о жене — она учла все его вкусы, вплоть до жареного миндаля к его любимому чаю. «Надеюсь, с кипятком еще не наступили перебои», — подумал Сенатор и отправился к титану, — чайник и две пиалы по давней традиции еще сохранились в привилегированном вагоне.

За чаем он не спеша обдумывал неожиданно возникшую мысль. Выходило все верно: Сабир-бобо думает, что с упразднением КПСС Сухроб Акрамходжаев навсегда лишился своего положения и влияния. На Востоке человек прежде всего оценивается по должности, поэтому здесь такое гипертрофированное почитание чина, кресла и власти в целом. Но старику, даже такому мудрому, как Сабир-бобо, с высоты его библейского возраста уже не понять всех хитросплетений, возникших с перестройкой, а главное, с обретением республикой государственности. И тут он пожалел, что не догадался захватить с собой новый партбилет, вот это был бы козырь, лучшее доказательство, что партия была, есть и будет, а как она теперь называется, какие у нее ныне лозунги — не суть важно. Главное, нисколько не изменились структуры власти: если раньше всем в крае управлял секретарь обкома, то теперь правит хоким.

Но он-то назначается правящей партией, а она как была, так и состоит из прежних членов, хотя и сменила название, а горлопаны, так называемые «демократы», как ничего не имели, так и остались при своих интересах. Пусть поговорят, на Востоке говорунов не жалуют. Так что зря Сабир-бобо думает, что он выпал из обоймы и ему можно приказывать.

Да, деньги, родословная, связи, протекция важны, но сегодня, в исторический момент, это еще не все — нужны люди с опытом управления государством, с государственным мышлением, популярные в массах, — таким был для народа покойный Рашидов. А сейчас подобным человеком Сенатор видел себя, и, конечно, рядом с Акмалем Ариповым, — без него, Акрамходжаева, хану Акмалю в Ташкенте не обойтись. Слишком далек Аксай от эпицентра схваток, слишком надолго выпал аксайский хан из политической борьбы и интриг. Вот и выходит, что нет у них в столице более достойного представителя, чем Сухроб Акрамходжаев, а значит, приказывать, помыкать собою он не позволит. Эта мысль успокоила Сенатора: теперь он знал, как вести себя с духовным наставником и главным казначеем хана Акмаля.

Одного чайника оказалось мало, и он заварил еще один — чай всегда помогал ему в ночных бдениях, ему так не хватало его в тюрьме, может, оттого часто снились уютные чайханы Ташкента, Хорезма, Ферганы — повсюду у них свой колорит, особенности. Однажды приснилась ему чайхана родной махалли, в жизни которой он принимал активное участие, правда, в последние годы все меньше и меньше, отделялся крупными взносами на общественные нужды. Он даже проснулся в слезах и, находясь в плену минутной слабости, подумал: вот если вырвусь из «Матросской тишины» — никакой политики, никакой борьбы за власть, только дом, семья, дети, долгие вечера в любимой чайхане за нардами, шахматами. Как же он мало знал себя! Прошло всего несколько часов, как он переступил порог дома после тюрьмы, а уже надо было собираться в «Лидо» на открытие банка Артура Александровича, а через сутки он уже оказался в дороге, спешит в Аксай выхватить очередные миллионы — и не на жизнь, а на борьбу за власть, за место в Белом доме. Какая же она сладкая вещь — власть, философски рассуждал

он, если ради нее уже забыты тюремные нары, ночные допросы, дети, жена, уют дома и любимой чайханы!

— Власть! — тихо, но внятно произнес Сенатор, пытаясь на слух почувствовать магию манящего слова. — Власть, власть... — повторял он как заклинание, и вдруг новый виток мыслей закрутился вокруг вождя слова, звучащего коротко, как выстрел: — «Власть!»». Но вся власть, которую он знал до сих пор, не шла ни в какое сравнение с тем, что сулила нынешняя, в суверенном, независимом государстве. Какие открывались возможности! Дух захватывало.

Поехать в Париж, Лондон, Амстердам или отдохнуть на Канарских островах, на Фиджи — извольте, только пожелай, не надо согласовывать ни с какой Москвой, ни от кого не надо ждать разрешений. Нужны доллары — позвони министру финансов или председателю Госбанка, если они твои люди, а можно и Артуру, в его банке наверняка валюты будет больше, чем в государственном.

Надумаешь хадж в Мекку совершить, замолить грехи, — а их ох как много! — опять же не надо за партбилет, за кресло дрожать, заплати и прямым рейсом в Джидду, а там, может, тебя и на правительственном уровне примут, как-никак один из членов правительства независимого государства прибыл. Можно построить виллу, дворец, загородный дом в три этажа, с бассейном, теннисным кортом, сауной — и никакого партийного или народного контроля. Можно ездить на «мерседесе», «вольво» или даже, как Шубарин, на «мазерати». Вот что значит настоящая власть в суверенном государстве!

Помнится, он когда-то втолковывал хану Акмалю у водопада Учан-Су в горах Аксая: мол, какие же вы с Рашидовым хозяева в своем крае, если в приватном разговоре не решаетесь лишнее слово сказать, боитесь — до Москвы дойдет, а у нее рука длинная, хлыст жесткий! Живете по указке Кремля, пляшете под его дудку. И какая же ныне перспектива открывалась для тех, кто оседает пятый этаж Белого дома на Анхоре, даже дух захватывает. Ныне власть не могли насадить ни из Москвы, ни из Стамбула, все решалось в Ташкенте, и не только с трибун Верховного Совета. Решалось на базарах и площадях, в тысячах мечетей, возникших словно по мановению волшебной палочки, почти во всех махаллях городов и в кишлаках.

Еще вчера какой политик всерьез принимал религию, считал себя верующим? Наоборот, кичился своим атеизмом, ибо этого требовал устав партии. А сегодня не принимать всерьез влияния духовенства на массы — опасная самоуверенность. Один мулла в пятничный день в большой мечети стоит сотни партийных агитаторов, а влияние Духовного управления мусульман уже ощущает и правительство, и каждый гражданин. Хотя сам муфтий неоднократно заявлял и в печати, и по телевидению, что исламу чужда политика и он не намерен заниматься ею. И то правда: надумай Духовное управление создать исламскую партию, зашаталась бы и правящая, не говоря уже о новых партиях и движениях, а у духовенства средств на это достаточно и интеллектуальный потенциал не беднее, чем у бывших коммунистов, а главное, она еще не скомпрометировала себя перед народом, усталые массы поверили бы ей, ибо ислам во многом повторяет несбывшиеся идеи социального равенства и справедливости.

Сухроб Ахмедович не мог философствовать отвлеченно даже о религии, все переводил в практическую плоскость, поэтому, достав записную книжку, сделал важную пометку, что если завтра он вырвет в Аксае десять-двенадцать миллионов, то обязательно должен отыскать в Ташкенте строящуюся мечеть, которую намерен посетить муфтий. Вот в эту мечеть он внесет или крупную сумму, или купит нечто материально или духовно ценное для ее обустройства. Такой жест не останется незамеченным, дойдет до слуха муфтия, нынче в трудные времена мало кто позволяет себе щедрую благотворительность. Такой поступок в нужное время откроет путь к духовенству, и благословение муфтия будет не лишним...

Скорый натужно рвался сквозь бархатно-вязкую темноту азиатской ночи, выхватывая дальним светом мощных тепловозных фар убогие постройки на полустанках и разъездах. Даже выплывшая из-за туч полная луна не скрашивала нищеты и бедности строений вдоль дороги, а в тесных дворах, жавшихся плотно друг к другу, как в малоземельной Японии, не было места ни саду, ни огороду. Так — одна орешина, корявая яблоня у ограды или вместо нее тутовник с обрубленными ветвями да грядка зелени — не то лука, не то редиски. Прежние власти людей землей не баловали. «Как они здесь живут? И как все

это терпят?» — вдруг подумал Сенатор, но докапываться до причин не хотелось. Он, однако, отметил, что и коммунистам, и новым силам, рвущимся к власти, крайне повезло — такого терпеливого, безропотного, доверчивого народа, наверное, нигде больше нет. Обещали ему туалеты из золота, чтобы унижить презренный металл, как это пророчил Ленин, коммунизм в восьмидесятых, как Хрущев, или каждому квартиру к двухтысячному году, как Горбачев, — всему поверят и будут ждать.

Правда, глашатаи подобных пустых обещаний давно живут как при замышленном ими же коммунизме, Москва наплодила целый легион таких глашатаев-наместников и для России, и для всех окраин. Приезжает такой сказитель легенд о коммунизме, — а назывался он секретарем обкома, — скажем, в Актюбинск, как некто по фамилии Ливенцов, или в Краснодар по фамилии Медунов, в Алма-Ату — Колбин, в Кишинев — Смирнов, в Ташкент — Осетров, а дальше для любого города, края, республики можно добавить свои фамилии, схема одна, давняя и проверенная. И вот сидят такие сказители в своих креслах по десять — пятнадцать лет, разваливая все до основания, повторяя, как заклинание: «Для нас главное — идеология!» А когда чувствуют запах жареного, спешно снимаются с насиженных мест, бросают шикарные квартиры, дачи, загородные дома и бегут в Москву, где для каждого из них уже готово жилье в престижном доме и привилегированном районе, с обязательной дачей в Барвихе, Переделкино, с прислугой, автообслуживанием и пайком до конца жизни. Сколько их понаехало в Москву только за последние пятьдесят лет! Не счастье! Вот бы нашлась какая сила, чтобы вымела всех обратно из Москвы в свои бывшие «вотчины», чтобы остаток жизни они прожили там, где княжили, где обещали светлую жизнь. Какой бы нравственный урок был для новых властителей! Но ведь ворон ворону глаз не выклюет!..

Сухроб Ахмедович на минуту даже испугался своих праведных мыслей, случались с ним такие срывы. В нем спокойно, без угрызений совести, уживались сыщик и вор, черное и белое. Это давно, еще со студенческих лет, заметил в нем его друг и соратник Миршаб. «Горазд ты на праведные речи», — говорил он иногда с восторгом, ошарашенный неожиданной позицией своего друга. Впрочем, теперь подобное раздвоение

личности он считал нормальным для политика состоянием. Говоришь одно, думаешь другое, делаешь третье — это ведь сказано о всех политиках, а не только о нем, подмечено, кажется, учеными мужами, философами еще в Древнем Риме.

Сенатор не забывал первых уроков, полученных им в Аксае от хана Акмаля в самом начале политической карьеры. Главное — никогда не теряться, учил обладатель двух «Гертруд», даже если сказал глупость или еще что-то похуже, всегда можно отказаться или уверить, что не так поняли. А для этого следовало научиться говорить витиевато, долго, с отступлениями от поставленного вопроса.

Несравненным мастером говорить ни о чем, уходить от вопросов самых цепких репортеров был, на взгляд хана Акмаля, Горбачев. Аксайский Крез знал силу слова, сам был непревзойденным словесным дуэлянтом, и это он сказал о Горби в самом начале карьеры генсека самой многочисленной партии мира. Не зря тогда же, с интервалом в неделю-другую после слов хана Акмаля, канцлер Коль, с которым Горбачев позже подружится и даже благодаря ему получит звание «почетного немца», назвал его пропагандистскую активность геббельсовской. На что Горбачев сильно обиделся, и между нашими странами на какое-то время установились прохладные отношения. Дипломаты с обеих сторон постарались загладить скандал.

Конечно, Сенатор понимал, что ему в красноречии с Горбачевым никогда не сравниться, как далеко ему и до возможностей хана Акмаля, не раз загонявшего в тупик ташкентских краснобаев, упивавшихся звуками собственного голоса. Но и он одерживал победы в словесных турнирах. Незадолго до своего освобождения он двое суток провел в большой общей камере, где содержались в основном москвичи. С первых же часов пребывания в новой камере он почувствовал к себе высокомерно-пренебрежительное отношение. Возможно, его появление и спровоцировало «общество» на разговоры о Средней Азии — в тюрьме все темы быстро исчерпываются. Теперь разговор хоть в тюрьме, хоть на свободе об одном — о политике. И сокамерники, кто во что горазд, прохаживались по суверенитету азиатских республик. Как и большинство москвичей, они путали Таджикистан с Туркменией, Казахстан с Киргизией, Ташкент с Алма-Атой или Ашхабадом. Для многих

его сокамерников оказалось откровением, что тут проживает почти шестьдесят миллионов человек, причем больше половины в возрасте до восемнадцати лет, что пятьдесят процентов золота страны добывается в Узбекистане, и что за тонну хлопка на мировом рынке можно купить двенадцать тонн пшеницы. Именно в этом регионе почти все залежи урановой руды и добывается большая часть цветного металла: меди, алюминия, свинца, вольфрама, титана, молибдена.

Наверное, такого осторожного человека, как Сенатор, не удалось бы втянуть в горячий спор, после которого редко расходятся мирно и дружелюбно, если бы кто-то из оппонентов цинично не отозвался об интеллектуальных способностях жителей Средней Азии — им якобы не прожить без квалифицированной помощи извне. Вот тут-то Сухроба Ахмедовича и зацепило, хотя он знал, как говорится, что вопрос имеет место. Но тогда, вспомнив хана Акмаля, он не растерялся и ответил в манере навязанного разговора.

— Это без интеллектуальной мощи Москвы мы не проживем? — спросил он с коварным добродушием и, дождавшись утвердительного ответа, продолжил: — Как же вы собираетесь помогать нам, темным азиатам, если в самой России паника, ни одна газета, ни одна передача на телевидении, ни одно парламентское слушание не обходится без панического разговора о катастрофическом оттоке мозгов на Запад, прежде всего из Москвы и Ленинграда? И отток был бы еще больше, если б не астрономические цены на авиабилеты — единственное, что удерживает многих российских специалистов, особенно молодых, готовых за доллары работать в любой стране и на любой работе. Так что, господа москвичи, подумайте о себе, прежде чем нас жалеть.

А у нас такой проблемы не существует. Даже при бесплатных билетах и гарантиях комфортной жизни ни один казах, узбек, киргиз, таджик не покинет родные места. Наоборот, с обретением независимости ожидается мощный приток восточной диаспоры, вынужденной в революцию под страхом смерти эмигрировать на Запад. Вот в чем гарантия нашего возрождения, господа жалельщики, — с торжеством закончил Сенатор.

Сказанное раскололо единую вначале московскую братию на несколько групп, но, главное, сбило спесь, они все-таки согласились, что это немаловажный фактор.

Сухроб Ахмедович считал, что в тот день он одержал важную для себя победу. Она укрепила в нем уверенность, а случай этот он припас для какого-нибудь публичного выступления, верил, что история вновь поднимет его на гребень очередной популистской волны.

Поезд все дальше и дальше втягивался в золотую долину, жемчужину земли узбекской, даже воздух тут ночью напоминал крымский. Обилие садов, виноградников, близость гор, речушек, знаменитого Ферганского канала резко отличали этот край от степного Джизака или северного Хорезма, из этих благодатных мест был родом и Москвич, прокурор Камалов, заклятый враг Сенатора. Но сегодня, в поезде, он не хотел возвращаться мыслями к Камалову, он понимал, сколь многое зависит от встречи с Сабиром-бобо, от того, какую сумму удастся вырвать в Аксае, — любое убийство теперь стоит немалых денег, а уж смерть Генерального Прокурора республики... С мыслями о том, сколько же ему перепадет на расходы от духовного наставника хана Акмаля, Сенатор и заснул. Спал он спокойно, ибо разгадал тайну повелительного тона человека в белом; правильно говорили древнегреческие эскулапы — установите диагноз...

XVI

Утром, когда скорый точно по расписанию прибыл в Наманган, он несколько задержался в купе, чтобы не столкнуться лицом к лицу с кем-нибудь из попутчиков и встречающих. Столь скорое путешествие в Наманган человека, только что освободившегося из тюрьмы, могло вызвать не только любопытство, но и кривотолки, а они наверняка дошли бы до слуха Москвича. И тот понял бы сразу, в какую сторону он наострил лыжи, а еще хуже, получил свидетельство того, что выступление хана Акмаля на суде, послужившее одним из весомых аргументов освобождения Акрамходжаева из «Матросской тишины», — четко выверенный ход, обманувший правосудие и открывший двери тюрьмы его сообщнику. Засними люди Камалова его визит в Аксай — трудно было бы найти объяснение этому путешествию, ведь хан Акмаль объявил

его манкуртом, врагом номер один узбекского народа, и обещал ему суровый суд. Поэтому, когда Сухроб Ахмедович появился на привокзальной площади, она уже была пуста, только вдали у закрытого газетного киоска стояла светлая «Волга». К ней неторопливо и направился высокий человек в черных очках. «Волга» с затемненными окнами, поджидавшая с работающим мотором, легко взяла с места и мощно рванула к центру города.

— Я уже решил, что вы передумали ехать к нам, — сказал Исмат, улыбаясь. — Вы последним появились на перроне, хорошо, что я не поспешил позвонить, расстроил бы старика, он очень ждет вас... — И золотозубый шофер, извинившись, остановил машину. Набрав телефонный номер прямо из «Волги», не то в Намангане, не то в Аксае, он сказал кому-то радостно: — Гость приехал, будем через час...

Когда-то по этой же дороге Исмат вез его к поезду Наманган — Ташкент, но полюбоваться пейзажами ему тогда не удалось, он анализировал встречу с ханом Акмалем, пытался подсчитать, в чем выиграл, в чем проиграл, да и досье на него, отданное хозяином Аксае в последний момент и лежавшее рядом, не давало покоя, хотелось заглянуть, что же о нем знает все- сильный Арипов. Но запомнились часто встречавшиеся и обгонявшие машины. На этот раз трасса оказалась пустынной, и Сенатор любопытствовал, отчего бы это, на что Исмат дал бесхитростный ответ: «Бензина нет...» А на въезде в Аксай попались даже две повозки, запряженные осликами, — чем-то довоенным или послевоенным дохнуло на Сенатора не только на столичном вокзале, но и в глубинке.

Еще четыре года назад с вертолета он обратил внимание на прямую, как стрела, главную улицу Аксае, носившую имя Ленина. Она была обсажена с обеих сторон стройными чинарами и пирамидальными тополями и упиралась в огромную площадь, претенциозно названную Красной, посреди которой высился огромный памятник вождю. Не во всяком областном городе стоял такой внушительный памятник. Раньше он украшал главную площадь Ташкента и уже тогда считался самым высоким в Азии, но...

Гигантский, самый большой в мире памятник Ленину, выполненный известным скульптором Николаем Томским, специализировавшимся преимущественно на Ильиче, не сумел выкупить

какой-то иноземный заказчик, — то ли обанкротился, то ли лишился власти. Вождя революции и мирового пролетариата, попавшего в «пикантную» ситуацию, «выручил», не торгуясь, Шараф Рашидов. Так памятник появился в Ташкенте. А оставшуюся не у дел скульптуру Ильича Арипов сумел выпросить у своего друга.

Конечно, он возжелал поставить памятник вовсе не из-за горячей любви к Ильичу, а хотел доказать влиятельным секретарям обкомов, что Аксай — второй по значению после Ташкента центр в Узбекистане. Рядом, в тени бронзового вождя, в уютном скверике, обсаженном густым кустарником, располагался просторный айван, крытый текинским ковром ручной работы кроваво-красного цвета. На нем, как рассказали Сенатору в первый приезд, любил сиживать с четками в руках сам хан Акмаль — думу великую думал, наверное, как по-ленински жизнь в Аксае организовать. В его отсутствие на этом месте появлялся двойник, напоминавший землякам, что хозяин все видит, все слышит, но вот какие он думы думал, трудно представить. В прошлый раз Сухроб Ахмедович прямо на это лобное место, на кроваво-красный ковер, и спустился из вертолета. И сейчас ему захотелось вновь глянуть на аксайскую Красную площадь, и он попросил Исмата проехать мимо памятника, на что шофер глубокомысленно и важно ответил:

— А Красную площадь, Ленина в Аксае объехать невозможно, так задумано, — видимо, золотозубый вассал повторял любимую фразу хозяина.

Еще не выскочили они на простор Красной площади, как Сенатор невольно ахнул: перед ним, напротив знакомого памятника Ленину, высилась почти законченная мечеть. Только строительные леса кое-где да японский автокран «Като» с пневматической выдвижной стрелой у одного из минаретов указывали, что там еще идут какие-то работы. Подъехав ближе, он удивился еще больше: Ленин с призывно поднятой рукой напротив высоких резных дверей мечети словно страстно призывал правоверных на утренний намаз, от этого ощущения невозможно было избавиться, гость почувствовал это сразу. Странно, но пугающая громадность площади, которую он ощутил в прошлый раз, в долгом ожидании приема, сейчас исчезла, мечеть удивительно гармонично вписалась в нее, убери даже

Ленина с высокого гранитного пьедестала — пропали бы пропорции, соразмерность двух культовых сооружений, словно хан Акмаль специально замыслил ежедневно, еженощно унижать борца с «религиозным дурманом».

С первого взгляда чувствовалось, по крайней мере Сенатору, что мечеть спроектировал талантливый человек, современный, такие сооружения он встречал только за рубежом: в Турции, Кувейте, Саудовской Аравии. Наши, знакомые ему по Бухаре, Самарканду, Хиве, Хорезму, явно проигрывали этой, вобравшей в себя весь современный архитектурный изыск. Высоки, стройны и изящно-ажурны были оба минарета, наверняка оснащенные мощной аудиоаппаратурой. А купола главного модельного зала и крытого двора мечети серебристо блестяли хорошо отполированной цинковой жемчужкой. Особенно хороша, словно морская волна или чешуя какой-то диковинной громадной рыбы, оказалась жемчужка на перекрытиях внутреннего двора, где опорами служили резные прямоствольные корабельные листовницы.

Заметив неподдельный интерес гостя, Исмаил притормозил «Волгу». Сенатор не стал выходить из машины, только приспустил оконное стекло. Мечеть действительно понравилась ему, жаль, подобной не строилось в Ташкенте, в нее он обязательно вложил бы деньги, на открытие такой красавицы наверняка прибыл бы сам муфтий. Но вслух он спросил:

— Кто же задумал богоугодное дело: власти, народ, духовное управление?

— Нет, Сухроб-ака, не отгадали. Это Сабир-бобо, в нее он вложил все свои сбережения, он — человек богатый, вся казна хана Акмаля у него в руках, но деньги нужны были лишь вначале. Потом подключились все: и народ, и власть, везут и несут день и ночь, и деньги, и материалы, и оборудование. И вам бы следовало сразу объявить о каком-нибудь подарке на обустройство мечети, старику приятно будет.

— Наверное, он решил открыть мечеть в день освобождения хана Акмаля. А может, он даже назовет ее именем своего ученика?

— Хорошо, что вы об этом заговорили. Мечеть — самая большая радость в жизни старика и самая большая его тревога. Он спит и видит, что мечеть назовут его именем, оттого он

дважды подряд хадж в Мекку совершил, чтобы не оказалось в крае конкурентов по святости, ради этого готов он и в третий раз поцеловать святой черный камень Каабу. Из святых мест он и привез домой проект этой мечети. Один паломник, оказавшийся известным архитектором из Стамбула, — с ним старик познакомился в Медине, — подарил его, обещал приехать на открытие. Все вокруг, зная Сабира-бобо, его преданность хану Акмалю, считают, что он строит мечеть в его честь, но это совсем не так. Старику очень нравится, когда его спрашивают: как ваша мечеть? Как мечеть Сабира-бобо? Учтите это, если хотите что-то заполучить от него...

— Спасибо, Исмат. Это очень важная для меня информация. Мне действительно лучше польстить старику, от него многое теперь зависит в моей судьбе.

Прежде чем уехать с площади, Сенатор еще раз глянул в сторону памятника, но, сколько ни всматривался, айвана в тени бронзового вождя не было, значит, в перестройку одним «святым местом» в Аксае стало меньше. Глянул он и в сторону четырехэтажного здания правления агропромышленного объединения, принесшего столько славы, наград и доходов хану Акмалю, хотел спросить у Исмата, сняли ли грузовой лифт для автомобиля Арипова, на котором тот поднимался прямо к себе в приемную, но в последний момент передумал. Лифт, конечно, как и айван, давно демонтировали и продали на сторону, и скорее всего какой-то более удачливый чиновник из новой «перестроечной» волны установил его у себя в особняке — нынче быстро строятся не только мечети. «Видимо, результаты перестройки в Аксае можно увидеть только на этой площади», — озорно заключил Сенатор и велел трогаться.

В прошлый раз Акмаль Арипов принимал его в резиденции, расположенной в яблоневом саду, в гостевом доме, а на второй день перебрались высоко в горы, к водопадам, поближе к тайникам. Тогда двухэтажный охотничий домик, выстроенный в ретро-стиле тридцатых годов, поразил его простотой и уютом, каминным и бильярдным залами, просторными верандами, где в хорошую погоду накрывали столы, и, уезжая, он сказал себе: если доберусь до власти, сумею отправить хана Акмаля в эмиграцию, то оставлю это здание нездешнего архитектора за собой. Как ни было любопытно, но он опять воздержался

расспрашивать Исмата о судьбе охотничьей усадьбы у водопада Учан-Су. Скорее всего, пользуясь безвременьем и решив, что хан Акмаль навсегда сгинул в подвалах Лубянки, давно растащили громоздкую тяжеловесную арабскую мебель из столовой, огромные гобелены со сценами охотничьей жизни, не говоря уже о коллекции ружей и тщательно подобранной посуде.

Машина, пропетляв улицами Аксяя, въехала в какой-то зеленый тупичок на окраине и остановилась у одноэтажного дома за высоким глухим дувалом из желтого сырцового кирпича. С улицы дом мало чем отличался от соседских, хоть слева, хоть справа, хоть любого напротив, но Сенатор знал традиции своего края: тут не принято жить напоказ, фасадом, подавлять соседа величием и богатством. Здесь живут «окнами во двор», как мудро выразился один англичанин о Востоке еще в начале двадцатого века.

Как только машина остановилась, створки старых скрипучих деревянных ворот тут же распахнулись, словно управлялись волшебной электроникой, как в западных аэропортах и отелях. Ему показалось, что они въехали в какой-то тоннель, так внезапно потемнело, но он понял сразу, что двор затенен густорастущим виноградником вперемежку с вьющейся чайной розой, да так искусно, что солнечному лучу не удастся пробиться сквозь листву. Да, есть еще на Востоке мастера своего дела, видимо, такой и следил за садом Сабира-бобо.

Дом стоял чуть в глубине двора, и вряд ли его можно было разглядеть хоть с улицы, хоть из-за соседнего забора, он утопал в зелени, цветах. Но поражал прежде всего не дом, а территория, по узбекским меркам просто громадная, и потому внушительное одноэтажное строение на высоком фундаменте, выдававшее подвальный этаж, не бросалось в глаза на таком пространстве, хотя при ближайшем рассмотрении резных колонн открытой веранды обнаруживались солидные размеры здания. Вся огромная площадь усадьбы была разбита высокими стенами из живой ограды — плотного вечнозеленого кустарника и все той же чайной розы вместе с виноградом, дорожки, проходы, главная аллея оказались затененными, как и несколько беседок, чуть возвышающихся над землей. Слышался шуршащий ток воды, но арыков он не видел, а прохлада, свежесть ощущались.

Стояла такая первозданная тишина, что, как и в прошлый раз, он подумал, что его привезли в пустой дом, ведь учитель мог оказаться таким же мистификатором-иллюзионистом, как и его знаменитый ученик, но эту мысль Сенатору до конца додумать не удалось. С шумом распахнулась одна из дверей на веранде, и прежде чем увидеть, гость услышал знакомый скрип сапог и, обернувшись, встретился взглядом еще с одним золотозубым человеком, кинувшимся к нему навстречу с улыбкой. Это был Ибрагим, тот самый, что в прошлый раз по приказу хана Акмаля пинал его ногами. При виде Ибрагима у Сенатора невольно заныло в боку, но он все же с улыбкой шагнул навстречу.

— Ассалам алейкум, Сухроб-ака, с приездом, с возвращением в наши края, — обняв его, приветствовал гостя погрузневший и поседевший Ибрагим.

Сенатор слышал, что после ареста хана Акмаля у него было много неприятностей и с земляками, и с властями, даже содержали несколько месяцев под стражей в Ташкенте. Попытались дознаться, где же хан Акмаль спрятал свои миллионы, но верный вассал выдержал многочасовые ночные допросы, и вот вроде на его улице сегодня праздник — вернулся из тюрьмы один из влиятельнейших друзей Аксаля, значит, и сам хозяин должен вот-вот объявиться.

— Выглядите вы прекрасно! — с восхищением сказал, оглядывая гостя, Ибрагим. — Я ведь знаю, что вам довелось испытать в «Матросской тишине». Даже того, что на мою долю выпало, могу пожелать лишь врагу.

— Спасибо! — с волнением ответил Сухроб Ахмедович, невольно ощутив признательность за сочувствие. И вдруг он понял, что копившаяся несколько лет злоба на Ибрагима за избивание в красном знаменном помещении пропала навсегда, а Ибрагим, столько лет боявшийся этой встречи, тоже почувствовал, что прощен, и оттого еще раз сгрел гостя в свои могучие объятия. Разговаривая с Ибрагимом, он невольно ловил себя на мысли, что поглядывает за спину собеседника, на веранду, не распахнется ли еще раз дверь и не появится ли сам Сабир-бобо, хозяин великолепной усадьбы.

Но Ибрагим, хотя и был взволнован встречей, а главное, своим прощением, все же заметил этот взгляд, уловил желание

гостя скорее увидеться с хозяином и, глянув на часы, очень тактично сказал, помня, что Сухроб Ахмедович человек крайне обидчивый:

— Хозяин ждет, и с нетерпением, но сейчас час молитвы, это время принадлежит только Аллаху, нет таких дел на земле, ради которых следует прерывать утренний намаз.

— Извините, я не учел это обстоятельство, хотя должен был догадаться. Мы с Исматом по дороге заезжали в мечеть, — сказал, как бы оправдываясь, Сенатор, но в душе он обрадовался объяснению, ибо уже начинал нервничать, полагая, что его опять решили выдержать в предбаннике, как в прошлый раз.

— Пиалушку чая с дороги? — предложил Исмат и показал рукой в направлении одной из шатрообразных беседок.

К ней втроем и двинулись. Пол беседки устилали ковры с разбросанными поверх яркими курпачами и подушками, а посередине высился низкий столик хан-тахта, — по запаху горячих лепешек чувствовалось, что накрыли его за несколько минут до их приезда. Гостю предложили почетное место, и вновь, как и четыре года назад, за утренним чаем они оказались в прежнем составе. Ибрагим напомнил о той давней встрече и даже достал из кармана пиджака визитную карточку, которую некогда Сенатор вручил им обоим. Опять ели горячие лепешки с джиззой, присыпанные слабым красным перцем, макая их то в густую домашнюю сметану, то в молодой горный мед с личных пасек Сабира-бобо, снова он восхищался вкусом чая, и вновь ему напоминали о воде из Чаткальских родников. В общем, легкий светский разговор ни о чем: ни о хане Акмале, томящемся в подвалах Лубянки, ни о самом Сенаторе, только освободившемся из тюрьмы, ни даже о Сабире-бобо — сотрапезники, как и в прошлый раз, показывали поразительную выдержку, такт, считая, что только важный гость вправе затронуть серьезную тему. «Да, выучка у людей хана Акмала отменная, ее не подпортила даже перестройка...» — с улыбкой подумал гость.

Вдруг среди вялотекущего разговора о достоинствах ташкентских и наманганских лепешек они услышали что-то наподобие гонга, только звук был чуть мягче, мелодичнее. Оба сотрапезника как-то сразу подобрались и чуть ли не в один голос объявили:

— Ходжа закончил молитву, и он ждет вас.

Сухроб Ахмедович рассчитывал, что они направятся к дому, а получилось наоборот, пошли вглубь сада, и тут гость увидел широкий и полноводный арык. Беседка, сплошь увитая ярко цветущими розами, в которой их ждал Сабир-бобо, стояла на сваях прямо над водой. Доведя гостя до высокого крыльца, устланного потертой ковровой дорожкой, сопровождающие молча, жестами, велели подняться, а сами, развернувшись, заскрипели сапогами по асфальтовой тропинке к дому.

Шатрообразная беседка, стоявшая над широким арыком, пробивалась утренними лучами солнца и свежим ветерком с поверхности быстротекущей горной воды, оттого в ней оказалось светло и прохладно. И только переступив порог, он увидел сидевшего в углу человека, задумчиво перебиравшего четки, рядом — невысокую подставку на манер музыкального пюпитра из резного красного дерева, на ней раскрытую старинную книгу с пожелтевшими пергаментными листами, косо пересеченную широкой шелковой закладкой. «Коран», — подумал Сенатор и не ошибся. Старик, услышав слабо скрипнувшую половицу, отрешенно поднял голову, но, увидев гостя, улыбнулся и легко поднялся.

— Салам алейкум, сынок, с приездом, с возвращением на свободу, — поприветствовал он гостя, обнимая и похлопывая того по плечу.

Не по возрасту молодой, приятный голос с властными нотками вовсе не вязался с худощавым, тихим на вид благообразным старцем. Но Сухроб Ахмедович тут же нашел объяснение этому раздвоению образа — он впервые слышал его речь. В прошлый раз до самого отъезда он был уверен, что безмолвный служка — глухонемой. Старик то отпускал гостя из своих объятий, то снова крепко прижимал к груди, и Сенатор, ощущая взволнованность Сабира-бобо, не прерывал долгой традиционной церемонии.

Старика так близко, рядом, он видел впервые. Как и в прошлый раз, одет тот был только в белое. Но сейчас Акрамходжаев понял, что белое белому рознь. Прижимаясь лицом к груди старика, он чувствовал приятную прохладу очень дорогой одежды, ее запах, фактуру. Как человек

неравнодушный к своему гардеробу, Сенатор оценил это сразу, понял, что и в строгой, аскетичной на вид одежде есть свой шик.

По традиции расспрашивая гостя о житье-бытье, семье-детях, хозяин жестом пригласил к столу, к такой же низкой хан-тахте, за которой они только что пили чай с Исматом и Ибрагимом. Столик стоял у него за спиной, и он не увидел его при входе, а теперь, усаживаясь на мягкие верблюжьи курпачи, он успел внимательнее рассмотреть беседку-шатер. Чувствовалось, что она хорошо обжита и что хозяин тут часто проводит время, Сенатор даже увидел вдалеке, у подставки для Корана, японский радиотелефон «Сони», точно такой он таскал дома за собой в ванную и во двор.

Продолжая автоматически отвечать на традиционные общие вопросы, гость внимательно разглядывал собеседника, замечая все новые и новые изменения в нем со дня последней встречи, когда именно он, Сабир-бобо, внес в столовую охотничьего дома в горах чемодан с деньгами и жилет из кевлара в подарок Шубарину. Старик как-то помолодел, посвежел, держался с таким естественным достоинством, что ему позавидовали бы многие власть имущие люди. «Отчего такая глубокая метаморфоза произошла с человеком?» — подумал Сенатор, и тут же нашел ответ — взгляд его случайно упал на зеленую чалму, видимо, снятую на время молитвы. Да, два хаджа подряд в Мекку наложили твердый отпечаток на духовного наставника хана Акмаля, и прежде державшегося независимо, с гордыней.

На пороге бесшумной тенью появилась девушка с подносом, оставив чайник на хан-тахте, молча удалилась. И Сухроб Ахмедович, принимая из рук старика пиалу с чаем, сказал:

— Я должен вас поздравить, в вашей жизни за это время произошли большие и важные изменения. Вам удалось выполнить самую желанную мечту каждого мусульманина — посетить святыне места пророка Мухаммада, Мекку и Медину, и коснуться лбом черного камня Кааба. А сделать это дважды удастся и вовсе немногим поистине святым людям, и я счастлив, что беседую с таким человеком. По дороге сюда я остановился возле вашей мечети. Прекрасная мечеть — вы оставляете единомерцам достойный след на земле, и наши потомки даже через десятки, сотни лет будут чтить ваше имя. Построить мечеть

в смутное время — это подвиг. Нынче все думают о животе, о дне насущном, а вы — о душе, я восхищаюсь и преклоняюсь перед вами...

Произнося взволнованную тираду, Сенатор исподволь наблюдал за реакцией старика и понял, что Исмат не обманул. Бальзамом, музыкой звучали для старика слова: «ваша мечеть», «ваше имя». Для начала он нашел верный тон беседы, и быстро выяснилось, почему Сабир-бобо затребовал его в Аксай в приказном порядке. Мудрый старик, видимо, заметил, что гость все-таки обеспокоен поспешным вызовом, хотя и старался не подавать вида, поэтому, выслушав восторги по поводу архитектурных красот и выбора места строительства мечети, сказал:

— Дорогой Сухроб-джан, вы должны меня простить за то, что я поступил с вами жестоко, не дал и трех дней побыть дома, с семьей, с детьми. Но другого способа испытать вас, проверить, я не знал. А дело, которым мы с вами заняты, требует людей сильных, которых не могут надломить обстоятельства. И я, грешным делом, подумал: может, тюрьма сломала вас, может, вы уже раскаялись, что ввязались в рискованные дела? Тем более, я слышал по телевидению ваше более чем сдержанное интервью на открытии банка Артура. И я подумал: если «Матросская тишина», в которой сегодня сидят многие уважаемые люди, испугала вас, если вы сожалеете, что когда-то стали доверенным человеком Аксаия, вряд ли явитесь по первому требованию. Только человек, рвущийся в бой, готовый к новым испытаниям, желающий исправить ошибки и жаждущий покончить с врагами, поспешит в Аксай, ибо здесь он, как всегда, получит помощь и поддержку. Вот отчего мне понятно и ваше сдержанное интервью — вы намерены вернуть прежнюю должность. Что ж, структуры власти не изменились, и мы поможем вам и деньгами, и людьми...

Улучив момент, когда старик склонился над чайником, гость с облегчением перевел дух, расслабился. Как бы хорошо ни держался Сенатор, как он ни храбрился, поездка в Аксай все-таки вызывала тревогу. Да и без денег хана Акмаля, как уже рассчитал Миршаб, рваться к власти бессмысленно.

— Но это не значит, что я без повода вызвал вас в Аксай, — продолжал ходжа, протягивая пиалу. — Дел у нас, дорогой Сухроб, невпроворот. После ареста Акмаля вашим «другом»

прокурором Камаловым мне одному пришлось тянуть груз забот, а это в мои годы нелегко. Самое главное — мне удалось сберечь деньги. Ведь Акмаль там, в тюрьме, думает: подорвана наша финансовая мощь, он-то знает, что основная сумма хранилась в тайниках в сто- и пятидесятирублевых купюрах, но я пережил павловскую реформу без особых потерь, хотя, на мой взгляд, Павлов далеко не дурак, каким хотят выставить его московские демократы...

И опять Сенатор вздохнул с облегчением, он-то был уверен, что аксайская казна сильно пострадала от январской реформы, — известна тяга восточных людей к крупным купюрам.

— Деньги есть, дорогой Сухроб-джан, — продолжал после паузы Сабир-бобо. — И главная задача сегодня — выволить Акмаля из тюрьмы. Чувствую, сейчас самое время, в Москве разброд, безвластие, все продается-покупается, многие крупные чины уже откровенно смотрят на Запад и за доллары готовы на что угодно... А доллары у нас тоже есть, имейте в виду. Можно сказать, по этому поводу я и позвал вас, и спешка оправданна.

Раздался слабый зуммер «Сони», и старик, поднявшись, подошел к столу с телефоном.

— Да, да, пригласите адвоката после обеда, отсюда они и выедут к поезду, думаю, им есть, о чем поговорить...

Сенатор внимательно прислушивался к разговору.

— ...Вот и звонок кстати, — хитро улыбнулся ходжа. — А спешка заключается в следующем: завтра прилетают из Москвы адвокаты Акмаля, у меня такой порядок — деньги они получают в Аксае. Это дисциплинирует их, а мне дает возможность быть в курсе дел, я не люблю решать вопросы по телефону. Знаете, старая школа — делать все с глазу на глаз. Но я не специалист в юридических делах, и поэтому для страховки нанял еще одного толкового адвоката из местных, с которого могу спросить в любое время, да и ему нет резона водить меня за нос, норов хозяина ему хорошо известен. Так что я принимаю московских юристов со своим адвокатом, и каждый раз мы составляем план-задание на месяц. Не знаю, насколько удачна наша совместная работа, но один пункт вполне удался... — Старик вдруг остановился и опять лукаво улыбнулся. — Вам никогда не догадаться, что наш план касался вашего, Сухроб, освобождения. — Видя удивление

гостя, ходжа повторил: — Да, да, вашего, и я рад, что Аллах подсказал мне эту идею. Когда из сообщений адвокатов стало ясно, что Прокуратура Союза выделяет отдельные материалы Акмаля для передачи в суд, я решил, что нужно использовать трибуну высокого суда хотя бы для вашего оправдания, и подал мысль, чтобы хозяин Аксая обвинил вас во всех смертных грехах, назвал ставленником Москвы, эта карта нынче беспроигрышная. Ну, а речь, конечно, выверив до запятой, написали адвокаты, вы с ними встретитесь послезавтра в Ташкенте.

— Спасибо, Сабир-бобо, никогда бы не подумал, что помощь придет мне отсюда, — вымолвил благодарно Сенатор, прижав руку к груди.

— Мы служим одному делу, — ответил старик, спокойно перебирая четки. — Вы должны взяться основательно за освобождение Акмаля, вы юрист, вам и карты в руки. После обеда сюда приедет наш адвокат из Намангана, он и введет вас в курс дел, но, подумав, что до поезда вам не уложиться, я решил, что он будет сопровождать вас до Ташкента. В дороге, я считаю, вы обговорите все вопросы, чтобы быть информированным, когда послезавтра встретитесь с московскими адвокатами и получите новые данные. Нужен быстрый результат. Сегодня, как и в прошлый раз, вы получите чемодан рублей и солидную пачку долларов. Мы купили их давно, лет десять назад, теперь, как мне кажется, они могут сыграть важную роль в освобождении Акмаля.

И последнее: через неделю после отъезда адвокатов, которых вы загрузите заданиями до предела, вам, видимо, самому придется вернуться в Москву. Если надо, подключите и ваших личных адвокатов, оказавшихся весьма способными людьми. Нужно спешить! Я чувствую, в России назревает новая революция, или еще хуже, гражданская война, и то, и другое грозит морями крови. И разъяренная толпа, доведенная «реформами» до нищеты, может без суда и следствия перестрелять многих узников «Матросской тишины», а уж нашего Акмаля в первую очередь...

Для первой встречи я не хотел бы вас больше утомлять, дорогой Сухроб-джан, и приглашаю вас осмотреть мечеть изнутри. Хорошие мастера там работают, с душой... А после пообедаем вместе, наши повара запомнили, что вам понравилось в прошлый раз, — и старик потянулся за зеленой чалмой...

В мечети они пробыли больше двух часов, и гость понял, каким влиянием будет пользоваться она в округе, а значит, власть хана Акмаля во много крат усилится. Несколько раз Сухроб Ахмедович хотел напомнить о прокуроре Камалове, но не представлялось подходящего случая. И вдруг пришла неожиданная мысль, что о прокуроре и говорить не стоит, в Аксае знают, что в освобождении хана Акмаля больше всего не заинтересована прокуратура, ведь арестовал Арипова лично Москвич. Выходит, убирая Камалова, своего смертельного врага, он еще и наживает на этом капитал, вроде как делает это не ради своей шкуры, а спасая Акмаля Арипова, не говоря уже о том, что еще и за аксайские деньги.

«Вот что значит уметь выдержать паузу», — похвалил себя Сенатор, этот ход он считал главной для себя победой, ведь денег ему дали даже без просьбы.

В поезде, при обсуждении с адвокатом дел хана Акмаля, Сенатора все время беспокоила мысль — сколько же денег подкинули в этот раз и не забыли ли положить обещанные доллары? Заглянуть при попутчике в чемодан он не рискнул. Поэтому, войдя в дом, он сразу же закрылся в своем кабинете, но распахнуть чемодан не успел. Затрезвонил телефон. Подняв трубку, он услышал голос Газанфара. Тот взволнованно сказал:

— Не могу отыскать вас второй день. Есть чрезвычайная новость для вас. У Японца на презентации выкрали важного гостя-американца. Его люди вывернули в ту ночь Ташкент наизнанку, но человека найти не смогли. И кто же, вы думаете, пришел ему на помощь? Не ломайте голову, вам этого никогда не отгадать. Мой шеф... Камалов...

— Что бы это значило? — спросил глухо Сенатор, забыв и про чемодан с деньгами, и про доллары.

— Сам не пойму. Вам эта информация — для серьезного размышления...

XVII

Вернувшись в прокуратуру после освобождения американского гражданина Гвидо Лежавы, Камалов тщательно анализировал неожиданно возникшую ситуацию, особенно незапланированную

личную встречу на дороге с Шубариным, которая произошла, кстати, по инициативе Японца. А о такой встрече прокурор давно мечтал, ломал голову, как ее устроить. С какой меркой он ни подходил к происшедшим событиям, все складывалось в его пользу, следовало лишь правильно распорядиться случившимся. Поэтому он позвонил на первый этаж Татьяне Георгиевне, которую коллеги за глаза, как и сам прокурор, называли Танечкой. Она оказалась на месте, и Камалов попросил ее подняться к нему. Справившись о текущих делах отдела, он поинтересовался, не проявляет ли интерес к новому отделу прокуратуры Газанфар Рустамов, на что Татьяна ответила:

— Да, он пытается это делать, но осторожно, никак не может найти контакт с коллегами, бывшими работниками КГБ. О том, кем укомплектован наш отдел, в прокуратуре знает каждый. Но в отсутствие коллег, что бывает крайне редко, он заходит непременно, и чувствуется, что он караулит это время.

— Хорошо, — довольно отметил прокурор и продолжал с улыбкой: — Я поговорю кое с кем из ребят, чтобы они менее ревниво относились к его визитам к вам.

Татьяна обиженно вскинула голову, на щеках ее вспыхнул румянец. Прокурор примирительно сказал:

— Не обижайтесь, я в шутку, никакой предатель не может рассчитывать на ваши симпатии, я это вижу и чувствую. А всерьез: надо, чтобы он чаще стал заглядывать к вам в отдел, приближается развязка кое-каких событий, и я думаю, через него мы сможем передавать нашим противникам нужную дезинформацию. А для начала у меня к вам просьба: постарайтесь сегодня же сообщить ему, как бы случайно, об одном важном событии, о нем мало кто знает. Кстати, вы смотрели по телевизору открытие банка «Шарк»?

— Да, конечно, — кивнула Шилова, не понимая, куда клонит прокурор.

— На презентации один американский гражданин грузинского происхождения, бывший москвич, старый приятель хозяина банка, купил на крупную сумму акции «Шарка».

— Да, помню, — подтвердила Татьяна, — почти на полмиллиона долларов...

— Верно. Так вот, этого человека выкрали во время банкета. У Шубарина есть своя служба безопасности, как теперь

заведено почти у всех солидных предпринимателей, она по своим каналам, прежде всего уголовным, перевернула в ту ночь весь город, но американца не нашла. Но информация об этом похищении по неофициальным источникам тут же стала известна полковнику Джураеву, с чем он сразу явился ко мне. Не найдись американец день-два, все равно бы нам пришлось заниматься им официально. Дальше не буду вдаваться в подробности, но мы с полковником безошибочно вычислили того, кто выкрал гостя Шубарина, и помогли освободить его... Так вот, ваша задача: располагая такой конфиденциальной новостью, следует как-то ловко проболтаться Рустамову, что Шубарину помогли Прокурор республики и начальник уголовного розыска. Эта информация должна вас сблизить. А условия мы вам создадим — после обеда весь отдел разгоним по делам.

Еще в больнице, задолго до возвращения Шубарина из Мюнхена, Камалов твердо решил вбить клин между Японцем и Сенатором с Миршабом. Теперь же ему выпал редкий шанс вбить сразу два клина: настроить враждебно обе стороны одновременно или хотя бы посеять недоверие друг к другу. Конечно, ни Сенатор, ни Миршаб не обрадуются, узнав, что Прокурор республики и начальник уголовного розыска, их заклятые враги, оказали столь неоценимую услугу Шубарину. И Сенатор, и Миршаб, строившие свою жизнь только на выгоде, исповедовавшие принцип «ты — мне, я — тебе», никогда не поверят, что Камалов выручил Японца просто так. И как бы ни объяснял им Шубарин неожиданную помощь правовых органов, все равно не поверят, почувствуют какой-то подвох, тайный сговор, а именно этого прокурор и хотел добиться. Слишком большую опасность представляли Сухроб Акрамходжаев с Салимом Хашимовым, имея в друзьях такого влиятельного и умного человека, как Шубарин.

Удачным казалось и то, что Артур Александрович из-за учебы банковскому делу в Германии не был в Ташкенте уже год и связи его с бывшими друзьями невольно оборвались, а время всегда вносит коррективы в отношения. Пока они не возобновились, следовало рассорить их как можно скорее — ныне банкир Шубарин для Сенатора и Миршаба становился еще более притягательной фигурой. Конечно, Газанфар Рустамов если не сегодня, то завтра непременно донесет до Сухроба

Ахмедовича нужную новость, он понимает важность информации. А вот передать Артуру Александровичу экземпляр докторской Сенатора и неопубликованные работы покойного прокурора Азларханова, которые прокурор тщательно изучил и даже написал подробное заключение, следовало сразу, как только разъедутся именитые гости из-за рубежа. По прикидкам Камалова, первым кинется выяснять отношения Шубарин. Сенатору спешить некуда, он вряд ли признается Японцу, что слышал, кто помог ему освободить американца Гвидо Лежаву. Сухроб Ахмедович будет терпеливо искать и ждать косвенных улик связи Японца с Прокуратурой республики, тем более, там у него есть свой человек — Газанфар Рустамов.

Камалов чувствовал, как ему с каждым днем становится все труднее и труднее работать. Из мест заключения возвращались крупные взяточники и казнокрады, не говоря уже о партийной элите. Едва только зашел разговор в России, что из мест заключения осужденных надо разбирать по «национальным квартирам», самым первым оказался дома преемник Верховного, тот, кого Акмаль Арипов за вкрадчивые манеры называл Фариштой — Святым. Вместе с ним вернулся его сокамерник, тоже секретарь ЦК, тот самый, что в интервью газете «Известия» сразу после осуждения откровенно признался: «Я был уверен, что людей моего уровня ни при каких обстоятельствах и ни за какие преступления привлекать к суду не будут». Это он заявлял: «...Мы были убеждены: пока Рашидов, как Герой и верный ленинец, покоится в центре столицы и его именем названы колхозы, города, улицы и площади, — нас, его сподвижников, учеников, никогда не посмеют тронуть».

Понимал Камалов и то, что его пост в связи с объявлением республикой суверенитета обретает совсем иной статус, и роль прокуратуры вырастает в десятки раз. На Востоке любят сводить счеты со своими врагами не лично, а через закон, пользуясь услугами правовых органов, и оттого пост Генерального Прокурора страны становился чрезвычайно притягательным для многих влиятельных кланов.

Судя по многочисленным письмам в прокуратуру, простые люди отнюдь не одобряли повального и досрочного возвращения казнокрадов из мест заключения, не считали их жертвой правосудия и недоумевали, что же происходит?

Знал прокурор, что народ, будь то в России или Узбекистане, или где-то еще по соседству, за годы перестройки разуверился в законе окончательно. Ни одно правительство — и в России, и в Узбекистане после Брежнева и Рашидова — не уделяло преступности и десятой доли прежнего внимания, уголовщина захлестнула города и села. Ему рассказывали, что простые люди на заводских и сельских собраниях, когда речь заходила об обнаглевшей преступности, о поднявшей голову уголовщине и мягкотелом законе, не однажды с горечью говорили: «Пусть прокурор хоть сам себя защитит и найдет, кто убил его жену и сына». Конечно, в Ташкенте многие знали о том, что произошло с семьей прокурора республики, да и с самим Камаловым — тоже. И горечь разуверившихся в справедливости людей заставляла его удесятерять свои слабые силы, но пока выходило, что он напрасно расставлял кругом силки — крупная дичь ловко избегала его западни. Ему трудно было ориентироваться в обстановке, слишком долго он отсутствовал на родине, а тут все сплелось в такой тугой клубок... Теперь, когда перестройка явно провалилась, когда люди утратили идеалы и надежды, ждать помощи было неоткуда, приходилось рассчитывать только на себя, на таких же одержимых соратников, как сам, для которых существовал один бог — Закон.

Надеясь внести разлад между компаньонами по «Лидо», Камалов почему-то интуитивно полагал, что Шубарину отнюдь не по душе то, что творилось вокруг, не мог этот умный человек не видеть, куда скатывается страна, какие беспринципные, вороватые люди рвутся к власти и уже ухватились на нее. В иные дни ему даже казалось, что все же удастся сделать Японца своим союзником, ведь банковское дело, которым он теперь занят, нуждается в твердых законах, правовом государстве, порядочных компаньонах. Поэтому, как только он узнал, что Артур Александрович проводил своих последних гостей и находится в банке, он тут же позвонил ему и спросил, нельзя ли ему заглянуть в «Шарк» через час.

— Хотите у нас открыть счет? — поинтересовался Шубарин.

— Я человек небогатый и вряд ли как клиент могу быть вам интересен. Я хочу передать вам кое-какие бумаги, они, как мне кажется, могут заинтересовать вас.

Ровно через час Камалов появился в бывшем здании Русско-Азиатского банка. Уже при входе человек в униформе, наверняка исполняющий не только традиционную роль швейцара, а прежде всего охранника, показав в сторону служебного лифта, умело скрытого архитектором-реставратором от посторонних глаз, сказал, даже не заглядывая в служебное удостоверение:

— Прошу вас, господин прокурор. Артур Александрович ждет вас на третьем этаже.

В просторной прихожей взгляд входящего сразу упирался в огромную, на всю стену, картину известного узбекского художника Баходыра Джалалова, она много раз экспонировалась на Западе, а в Японии даже дважды выставлялась на престижных вернисажах, воспроизводилась на страницах многих популярных журналов. Вот наконец-то и она обрела себе постоянное место. На привычном месте секретарши находился молодой человек, по тому, как он профессионально окинул взглядом вошедшего, прокурор понял, что референту тоже вменены функции стражи. Под просторным двубортным пиджаком, несмотря на безукоризненность и элегантность костюма, Камалов легко угадал оружие, так примерно выглядели и его ребята, когда он в Вашингтоне возглавлял службу безопасности советской миссии. Ему даже почудилось, что молодой человек сейчас обратится к нему по-английски, но тот любезно сказал по-русски:

— Вас ждут, господин прокурор, — и распахнул массивные двойные двери из мореного дуба. Такими же хорошо отполированными и наощенными панелями до потолка были отделаны и две другие стены приемной управляющего банком.

Как только прокурор появился в дверях, Шубарин поднялся и пошел навстречу гостю.

— Здравствуйте, Хуршид Азизович. Считайте, что в этом кабинете я принимаю вас одним из первых и, как говорят на Востоке, хочется, чтобы нога ваша оказалась легкой.

— Хотелось бы, — ответил в тон гость. — Но мы с вами заняты такими делами и втянуты в водоворот таких событий, что вряд ли вписываемся в нормальную человеческую жизнь с ее поверьями и традициями. Уж я-то точно живу в перевернутом мире, но удачи вам и вашему делу желаю от души.

— Спасибо, — ответил хозяин кабинета и показал на два глубоких кресла у окна, выходящего во двор.

На столике между ними уже стоял традиционный чайный сервиз «Пахта», а из носика чайника тянулся едва заметный на свету парок. Они секунду сидели молча, не решаясь ни заговорить, ни перейти к традиционной банальности: расспросов о житье-бытье, здоровье домочадцев. В их устах такие вопросы, а тем более ответы прозвучали бы фальшиво. Почувствовав одновременно неловкость ситуацию, Шубарин принялся разливать чай, а Камалов, подняв с пола на колени неброский атташе-кейс, щелкнул замками. Гость достал две пухлые, невзрачные на вид, на веревочных завязках, картонные папки приблизительно одинакового объема и, положив их поближе к Шубарину, заговорил:

— Меня всегда, с первого дня пребывания в Ташкенте, мучила одна тайна: несоответствие «устного» и «печатного», если можно так выразиться, образа мыслей моего шефа, куратора в ЦК — Сухроба Акрамходжаева. Ну никак не вязались его громкая слава известного юриста, автора нашумевших газетных выступлений на правовые темы, доктора наук — с тем, что я каждодневно слышал от него, общаясь по службе. Сначала я не придал этому значения, зная, что встречаются косноязычные в жизни писатели, а в книгах своих — блестящие стилисты, и наоборот, иные краснобаи не могут письма толково написать. Но однажды мне пришлось убедиться, что в жизни Сухроб Ахмедович далек от своих теоретических работ. Почувствовав такое раздвоение личности, — а это случилось в день, когда я арестовал в Аксае Акмаля Арипова, — я решил присмотреться к его жизни. Чем закончилась история моего прозрения для него, вы знаете. Пусть он сегодня оказался на свободе, но для меня он был и остается навсегда преступником, убийцей. Хотя он самонадеянно убежден, что со смертью главного свидетеля обвинения Артема Парсегяна по кличке Беспалый он теперь вне подозрений. А смерть Беспалого, я убежден, дело рук Хашимова: он знал, какую опасность представлял для него Парсегян. Но я верю, что у меня появятся и новые факты, и новые свидетели, и он со своим дружкой все равно окажется за решеткой, — оборотни в нашей среде опаснее любых преступников.

— Простите, прокурор, — спокойно прервал его монолог Шубарин. — Зачем вы мне все это рассказываете? Я не интересуюсь ни жизнью Сухроба Акрамходжаева, ни жизнью Салима Хашимова, и, если в них есть для вас белые пятна, я не собираюсь их вам освещать, даже если бы мог знать. У меня иные принципы, и к тому же я сам далеко не праведник и на роль судьбы вряд ли подхожу. Мне кажется, у вас сложилось неправильное мнение обо мне.

Прокурор словно ожидал этого выпада от хозяина кабинета и тоже вполне спокойно продолжил:

— Не спешите, Артур Александрович, делать выводы. Я знал, к кому шел. И я не собираюсь вульгарно вербовать вас в осведомители. И не думайте, что я явился только потому, что недавно оказал вам важную услугу. Просто случайное стечение обстоятельств, вы же понимаете, что я не мог предвидеть похищение вашего гостя. Эти бумаги я собирался передать вам давно, а инцидент с Лежавой лишь сократил время и дистанцию между нами.

— Извините, прокурор, — настойчиво перебил Шубарин гостя, — если в этих бумагах какой-то компромат на Сухроба Ахмедовича, можете их забрать, я не притронусь к ним.

— Не горячитесь, Артур Александрович. Я скажу вам, что находится в этих двух папках, а уж вам решать, притрагиваться к ним или нет. В одной — докторская диссертация бывшего заведующего отделом административных органов ЦК партии Акрамходжаева, в другой — теоретические работы Азларханова за разные годы и мое подробное заключение об идентичности этих материалов, я ведь тоже доктор наук и преподавал специальные дисциплины в закрытых учебных заведениях КГБ, был такой факт в моей жизни, после тяжелых пулевых ранений в уголовном розыске. Ума не приложу, откуда взялись у Сенатора — я полагаю, вам известна эта кличка Акрамходжаева — научные работы убитого прокурора Азларханова, ведь они никогда не были знакомы, это я выяснил досконально. Иногда я думаю, что, возможно, работы Амирхана Даутовича находились в том самом дипломате, что был при Азларханове в момент его убийства в вестибюле прокуратуры и который в ту же ночь выкрал Сенатор... — Прокурор говорил неторопливо, не глядя на собеседника,

порою даже казалось, что он просто рассуждает вслух, но он все-таки успел уловить какую-то реакцию на свои последние слова: Шубарин слишком хорошо владел собой, чтобы не выдавать волнения, но что-то в нем в этот момент дрогнуло. Прокурор продолжал развивать свою мысль: — А может, за убийством вашего друга Азларханова и стоит Сенатор? Вот поэтому я считаю своим долгом передать вам эти бумаги. Так оставить вам документы, Артур Александрович, или я ошибся, назвав Азларханова вашим другом?

— Нет, не ошиблись. Амирхан Даутович был моим другом, и я посмотрю эти материалы..

Пытаясь закрепить маленький успех, Камалов произнес несколько эмоциональнее:

— Этим шагом я хочу как-то прояснить наши отношения: мне кажется, на многое мы с вами смотрим с одной колокольни..

— Не обольщайтесь, прокурор, — вдруг засмеялся хозяин кабинета. — А за бумаги спасибо. Впрочем, похвалюсь: и я замечал разницу между «устным» и «печатным» Акрамходжаевым.

— Почему же я обольщаюсь? — спросил прокурор, вставая. — Вы не совсем обычный предприниматель и банкир. Если бы большинство наших новых дельцов имело таких друзей за рубежом, как у вас, к тому же располагало вашими финансовыми возможностями плюс знанием языков, они давно бы оказались за кордоном. Все нувориши спят и видят себя где-нибудь во Флориде или Майами, или, на худой конец, в Хайфе или Тель-Авиве. А вы имели возможность оказаться там и десять, и пятнадцать лет назад, вы часто выезжали за границу, даже с семьей, не говоря уже о первых годах перестройки, когда официально объявили о своих миллионах. Вы даже не стали перебираться в Москву, а построили дом в Ташкенте, в традиционной узбекской махалле, где вас очень уважают и стар, и млад, а мать ваша с сестрами и родней до сих пор живут в Бухаре. Вот видите, я все знаю про вас. И уверен, этот край и этот народ для вас не чужие..

Протянув на прощание руку, Камалов ловко подхватил атташе-кейс и шагнул к выходу. Уже у самой двери он остановился и обратился к Шубарину, вернувшемуся за свой массивный

стол с компьютером, телефонами и еще какими-то приборами, не знакомыми прокурору.

— Всю беседу меня мучил один вопрос: сказать или не сказать? Сейчас решил — скажу. Когда мы еще с вами увидимся, да и увидимся ли вообще? Вы правы: мы все-таки стоим на разных берегах. А хотел я вам сказать следующее. У меня, да и у полковника Джураева есть ощущение, что люди, стоящие за Талибом, да и он сам, не оставят вас в покое. Ну, он у нас давно числится в специальной картотеке и теперь, конечно, будет взят под особый контроль. Но вы ведь в курсе, как нынче юридически подкован уголовный мир, какие видные адвокаты консультируют преступников. Непросто их взять за бока. Даже сегодня, когда Гвидо Лежава улетел, мы не знаем, чего они от вас хотели. Нам же известно — они не требовали выкупа, не ставили никаких условий. Если мы будем знать, почему Талиб Султанов прилетал в Мюнхен на встречу с вами, нам будет легче действовать. И как бы вы ни открещивались от нас с Джураевым, все равно получается: ваши враги — наши враги. Новое время рождает новые преступления. Возле вашего банка завязывается новый клубок преступности, о котором мы пока ничего не знаем, но догадываемся, — он уже дал о себе знать. Поэтому нам лучше сотрудничать. Поверьте, вам одному с этим не справиться... Извините, я не так выразился. Не сотрудничать, — я на это не рассчитываю. Вы должны поставить меня в известность сразу, если произойдет нечто серьезное, как, например, с Гвидо Лежавой. Пока вы были в Германии, у нас резко изменилась ситуация. Вы вернулись в другую страну, как выразился один высокопоставленный оборотень. У вас могут появиться враги не только среди уголовников. Держите ухо востро. Ваш банк слишком лакомый кусок для многих влиятельных кланов, вы ведь знаете, у нас любят прибрать к рукам готовенькое...

В прошлый раз, на дороге, я передал вам визитку, где все мои телефоны: служебный и домашний. Но если вас не устроит такой вид связи, запомните — моего шофера зовут Нортухта, он мой человек, проверен, я его предупрежу. Найдите его, он организует встречу хоть среди ночи, если этого потребуют обстоятельства. Запомните — парня зовут Нортухта... — и прокурор шагнул в провал бесшумно открывшейся двери.

XVIII

После ухода прокурора Шубарин долго расхаживал по просторному кабинету, не отвечая на телефонные звонки. «Не догадался ли Москвич, что это я в свое время направил ему подробное письмо о злоупотреблениях в банках, о дикой коррупции чиновников, о тотальном разграблении страны совместными предприятиями и лжекооперативами, о том, кто и как обналичивает миллионы, усугубляя инфляцию и приближая крах экономики? — задумался он и тут же ответил себе: — Нет, не догадался. Знай об этом прокурор, наверное, и разговор шел бы по-иному». Ведь после того письма многие загревели по этапу и в Москве, и в Ташкенте, в ту пору прокуратура еще имела силу и распорядилась фактами с толком и оперативно, а наколки Шубарин дал верные. Он и тогда, зная цену своему сообщению, предполагал, какие будут последствия. Да и сегодня не жалел об этом, хотя помнил, что писал: «Отступничество и ренегатство в нашей среде карается особо сурово, и плата одна — жизнь».

Запоздало он понимал, что ни его письмо, ни десятки подобных, которые наверняка были, ни сотни людей, похожих на Камалова, не могли уже ни спасти страну, ни остановить круглосуточный, из месяца в месяц, из года в год, ежесекундный грабеж Отечества, вывоз всего и вся. И он удивлялся и «левой», и «правой» прессе, и либералам, и новоявленным «демократам», но больше всего коммунистам, не задавшим Горбачеву всего один вопрос: «Где золотой запас страны?»

Когда генсек пришел к власти, страна имела золотой запас в триста пятьдесят тонн и все годы его правления не снижала ежегодной добычи в сорок тонн. В конце же правления осталось всего двадцать-тридцать тонн золота. Куда оно девалось? Ведь с Горбачевым народ и дня не жил счастливо и сыто.

Можно, конечно, и еще много чего спросить с этого человека. Все пять лет его правления день и ночь по газопроводам и нефтепроводам на Запад шел газ и текла нефть. Эшелонами, опять же день и ночь, туда шли лес, руда, металл. Страна не пропустила ни одного пушного аукциона, вывезла миллионы редчайших шкур. Где деньги за все это? Где насыщенный рынок и магазины, в которых полки ломятся от товаров?

Ведь прежде, во времена Брежнева, каждая советская женщина могла позволить себе и французские сапоги, и французские духи, а ныне это доступно лишь первой леди страны и ее подружкам, ну, еще и валютным проституткам.

Много, много чего можно было спросить с Горбачева и его сподвижников. Но на этой дутой фигуре останавливаться не хотелось. Однако сегодня, о чем ни думай, что ни делай, — все упирается в его деяния, их конечный результат — не объехать, не обойти... И это надолго, на десятки лет. Шубарин как предприниматель, как банкир, понимал это лучше других. Однако хорошо, — отметил Японец, — что они с Камаловым одинаково оценивают Горбачева, ведь только что прокурор сказал: «Один высокопоставленный оборотень». А он, наверное, знает, что говорит, ведь, считай, всю жизнь охотился за оборотнями в мундирах.

«Нет, он не предполагает за мной такого греха, — вспоминал Шубарин о давнем своем письме в Прокуратуру, — иначе бы мог действовать прямолинейнее. Например, мог бы потребовать сдать Миршаба и Сенатора с потрохами. Догадывается прокурор, что он знает про них такое, о чем не ведал даже Парсегиан, главный свидетель обвинения».

— Знает — не знает, — невольно раздражаясь, заметил хозяин просторного кабинета, — а мне не легче. Обложили со всех сторон — и уголовники, и бывшие коммунисты, а теперь еще и прокурор сел на хвост. Чувствует или знает, что вокруг его только что родившегося детища уже начали гущаться тучи...

Теперь, после неожиданного визита Камалова, следовало определиться и с Сенатором, а значит, и с Миршабом. Действительно, как попали научные работы убитого прокурора Азларханова к Сенатору? В том, что пресловутая докторская и работы Азларханова идентичны, Шубарин не сомневался. Ему захотелось взглянуть и на вердикт прокурора, и на ранние работы своего бывшего юрисконсульта Азларханова, и он вернулся к журнальному столику. Первая, взятая наугад папка, оказалась докторской диссертацией Сенатора, но Артур Александрович отложил ее, не открыв, — с ней он уже давно ознакомился, не менее внимательно, чем Москвич, но прокурору о своих изысканиях ничего не сказал. Взяв вторую папку,

он вернулся за стол и просидел, не отрываясь от бумаг, больше часа. Читая заключение, Шубарин то и дело возвращался к статьям, докладным, выступлениям, на которые ссылался Москвич, и удивлялся глубине мыслей, проницательности, предвидению своего друга прокурора Азларханова — как свежо, современно звучала каждая его строка! Сомнений не было: Сенатор присопил работы его бывшего юрисконсульта.

— Ах, Амирхан Даутович... — вырвалось вслух у Шубарина, и он в волнении вновь стал шагать из угла в угол. Как сейчас он был нужен ему самому, а прежде всего обществу!

«Надо съездить к нему на могилу, — решил банкир, пряча папки в стальной крупновский сейф. — Что дает мне это открытие? И что я должен предпринять в связи с этим? И почему Москвич хочет мне помочь, а заодно и рассорить с Сенатором и Миршабом? Зачем я ему нужен? — закрутился новый рой вопросов, едва он захлопнул стальную, с секретом, дверцу сейфа, упрятавшую тайну взлета Сенатора. — Может, считает: дни Сенатора и Миршаба сочтены? Ведь он прямо заявил — они для меня преступники, убийцы. Возможно, он располагает какой-то информацией, что «сиамские близнецы» затеяли коварный ход против него, где и мне отведена не последняя роль? Поэтому и пытается отсечь меня от Сухроба и Салима, догадывается, что в той борьбе, которая ведется против него, ничьей быть не может. Или — или, а точнее: кто кого. Нет, он прямо не сказал, что мне не по пути с его врагами, как и не предлагал открыто перейти на свою сторону, но ясно дал понять кто есть кто, — продолжал анализировать беседу Артур Александрович. — А мою жизнь он знает хорошо, иначе какой бы смысл передавать мне докторскую диссертацию Сенатора, понимает, что значил в моей жизни Азларханов. Наверное, знает и о памятниках в Бухаре и Ташкенте, поставленных мною... Ну, об этом, конечно, ему рассказал полковник Джураев, тот тоже в молодые годы работал с Амирханом Даутовичем...»

Но вот откуда Камалов узнал о встрече на мюнхенском стадионе «Бавария» с Талибом Султановым, чью фамилию и род занятий Шубарин впервые услышал от прокурора? Это предстояло еще разгадать, и непременно, размышлял Артур Александрович. А может, прокурор знает и о визите в Германию хлопкового Наполеона, находящегося в уральском лагере?

А если он знает и это, то, видимо, располагает какими-то новыми сведениями по его банку, что, разумеется, неприятно. Оттого и решился прокурор открыто прийти в банк, отсюда и все попытки наладить отношения. Было над чем задуматься Шубарину — такие люди, как Камалов, обычных визитов вежливости не наносят. Что знает и чего не знает о его жизни Москвич — это для Шубарина оставалось загадкой. Одно ясно: знал он немало, а догадывался о еще большем. Хотя не во всем Камалов ориентировался правильно. Зря он думал, что за смертью Азларханова стоит Сенатор, — прокурора убил Коста. Он вынужден был стрелять — Амирхан Даутович, даже раненый, не выпускал кейс из рук. А выкрал документы Сенатор, верно, благодаря этому они и познакомились тогда.

Но вдруг мысли о Камалове отодвинулись на второй план. Он понял (наконец-то!), как могли попасть материалы Азларханова к Сенатору, несмотря на то, что они никогда прежде не встречались. Видимо, Амирхан Даутович, располагая временем, занимался и теоретическими изысканиями, тем более что его личная жизнь, нелегко складывавшаяся судьба давали весомый повод для анализа: что есть Закон для отдельно взятого гражданина, даже если он сам — областной прокурор. Покидая поспешно и тайно заштатный городок «Лас-Вегас» в те часы, когда Шубарин вместе со своим покровителем из Заркента хлопковым Наполеоном срочно отправился в Нукус, чтобы первыми оказаться возле неожиданно умершего Рашидова, Азларханов захватил с собой только самое, на его взгляд, необходимое и ценное. Видимо, в кейсе, за который его и пристрелил Коста, кроме бумаг по коррупции и теневой экономике в масштабах страны, находились и научные труды — итог многолетней практики крупного юриста и должностного лица.

Когда Сенатор, невольный свидетель убийства Азларханова в здании прокуратуры республики, узнал, что кейс остается на ночь в сейфе на втором этаже, он решил его похитить. Однако, украв кейс, Сенатор вернул документы хозяину, Шубарину, не сразу, а спустя четыре часа после налета на Прокуратуру, где ему пришлось застрелить двоих: такой кровавой ценой достался ему кейс.

И вот только теперь открылась тайна докторской диссертации Сенатора. Но это открытие навело Артура Александровича

и на другую, более неприятную мысль. Сенатор обманул его, и обманул крепко, лихо. Он не только присвоил себе труды убитого прокурора, но и снял копии со всех документов. Вернув подлинники, он заслужил доверие Шубарина и получил от него мощную поддержку. Конечно, он, Шубарин, попался на том, что кейс был опломбирован, а главное, на том, что тогда о возможности снять копии на ксероксе он и подумать не мог. О том, что в районной прокуратуре есть ксерокс — в ту пору большая редкость — он узнал позже и совсем по другому поводу, но сейчас в цепи фактов это был весомый аргумент. А как он быстро в его отсутствие добился для себя невысказанного по тем временам поста в ЦК, взяв за горло Тулкуна Назаровича! Теперь-то яснее ясного, что здесь сыграли свою роль бумаги из кейса.

«Что за день черных открытий? — чертыхнулся про себя Шубарин и вернулся за стол. Запоздалое прозрение попахивало сенсацией, да и обидно было, что провели его, как мальчишку. — А ведь ныне бумаги из этого кейса обретают куда большее значение, чем тогда, при стабильной власти, когда резкие перемены и новые люди у руля были просто невысказанными. Сегодня, когда идет новый и основательный передел власти, иная бумажка из моего досье может вызвать правительственный кризис или отставку с ключевого поста. При наступившей гласности материалы из дипломата представляли убийственную силу. А эти бумаги находятся теперь в руках Сенатора и Миршаба, людей крайне тщеславных и беспринципных, больше того, они наверняка думают, что я не догадываюсь об этом, ведь столько времени прошло...» — трезво оценивал Шубарин неожиданное открытие.

Неожиданный приход прокурора наталкивал на мысль, что неведомые ему события вокруг него и его банка набрали необратимый ход, и следовало действительно быть начеку. На столе звонил то один, то другой телефон, но Артур Александрович не обращал на них внимания, он все осмысливал неожиданный визит Камалова, особенно его последние слова у двери: «У нас резко изменилась ситуация... Вам одному уже не справиться...» Порой рука вдруг тянулась к телефонной трубке, хотелось позвонить Сенатору домой, пригласить на обед в «Лидо» и там в привычной обстановке спросить прямо:

зачем он присвоил труды прокурора Азларханова и выдал их за свои и для чего снял копии с его секретных бумаг? Но в самый последний момент что-то останавливало его: так грубо, в лоб, на Востоке не поступают, нужно было искать другой путь. Но какой? Ничего путного в голову не приходило.

На одном из телефонов то и дело раздавались настойчивые звонки, словно звонивший знал, что он находится у себя. Глянув на определитель номера, он понял, что звонит кто-то из ЦК: три первые цифры «395» принадлежали только Белому дому. Он не ошибся, на том конце был старый политикан Тулкун Назарович, сохранивший кресло даже в перестройку, а начинал ведь еще при Хрущеве...

— Добрый день, Артур. Поздравляю с открытием банка, — приветствовал его прожженный пройдоха.

С ним Шубарин не виделся давно, больше года, но голос по-прежнему был полон важности и достоинства, хотя льстивые нотки все равно проскальзывали. Японец никогда не ошибался в интонациях, на Востоке для человека со слухом они многое значат и порою бывают куда важнее слов. «Видимо, будет что-то просить», — подумал он и вновь оказался прав.

— Я, Артур, к тебе за помощью. Тут неожиданно выпала командировка в Турцию, грех не побывать в Стамбуле за госсчет. А командировочные — десять долларов в день, при моих-то привычках — гроши. Выручай, говорят, какой-то американец тебе уже полмиллиона «зеленых» отвалил...

Вначале Шубарин хотел отказать, — действовал стереотип поведения и мышления, обретенный в Германии, — но тут же сориентировался, что он уже не в Мюнхене, а в Ташкенте, и Тулкун Назарович не тот человек, которому отказывают, а главное, он сообразил, что партийный бай из Белого дома сейчас, сию минуту, может прояснить для него нечто важное, что мучает его после ухода прокурора.

— Тысяча долларов вас устроит? — спросил он коротко.

— Вполне, — радостно ответил проситель.

— Тогда приезжайте сейчас же, завтра я могу улететь в Москву.

Шубарин был убежден, что гость теперь ответит на все вопросы, а его откровения стоили тысячи долларов. Положив трубку, он снова набрал шифр сейфа, из начатой пачки

стодолларовых купюр отсчитал десять банкнот и, вернувшись к столу, вложил их в фирменный конверт банка.

Человек из ЦК не заставил долго себя ждать, машина у него была всегда под рукой, и банк находился рядом. Не успел Артур Александрович распорядиться по телефону насчет чая, как услышал в приемной знакомый голос, и тут же, гремя двойными дверями, гость появился в кабинете.

— Ну и отгрохал ты себе апартаменты, кругом зеркала, красное дерево, полированная медь, хрустальные люстры... Раньше бы всыпали тебе за барство на первом же бюро, — начал он с порога.

— Не всыпят, это же частный банк, и никакой партии он неподвластен, так что бюро, пленумы, съезды мне теперь не страшны, — ответил шутя хозяин кабинета, направляясь из-за стола к гостю, — традиции чтить следовало, это он понимал. Они обнялись, расспросили друг друга о житье-бытье.

Вдруг улыбка сбежала с лица гостя, и он, словно вспомнив что-то важное, назидательно сказал:

— Частная собственность, западные учредители, инвесторы — это все верно. Но что ты никому неподвластен — забудь. Это я тебе как другу говорю. И по секрету добавлю: мы никому не позволим игнорировать правящую партию — ни миллионеру, ни миллиардеру. И я тебе рекомендую вступить. Как же без нее? Впрочем, надо проверить, может, я на правах старого друга тебя уже переоформил из КПСС в нашу новую партию... Вот так-то, любезный Артур Александрович, надеюсь, воздух Европы не совсем тебя испортил. — Тулкун Назарович, видимо, предвкушая путешествие на берега Босфора, был в добром расположении духа.

Шубарин жестом пригласил гостя к столику между двумя высокими креслами у окна, где уже стоял наготове свежесваренный чайник. Тулкун Назарович выбрал место, которое часа два назад занимал прокурор Камалов, а хозяин кабинета вернулся к письменному столу и взял конверт с долларами. Положив его перед человеком из Белого дома, сказал с улыбкой:

— Желаю приятного времяпрепровождения в Стамбуле, там такие дивные кофейни... Да и вся страна зеленая, ухоженная, с мягким климатом, омывается четырьмя морями...

— Жаль, ты не можешь составить мне компанию, — ответил гость, принимая из рук Шубарина пиалу с ароматным китайским чаем.

— Не огорчайтесь, теперь другие времена, у вас постоянный заграничный паспорт, и я непременно захвачу вас как-нибудь с собой в Европу, по делам банка я теперь часто вынужден буду бывать там... — И сразу, без вступления, Шубарин перешел к тому, ради чего он и вызвал гостя, не пожалев тысячи долларов: — Я давно собирался расспросить вас об одной давней истории. Теперь-то она вроде и не имеет особого значения, как говорится, из-за срока давности. Но любопытство порою меня гложет, хочется и на всех архивных делах расставить точки над «и», такая у меня аналитическая натура, вы уж извините.

Тут гость, видимо, ошавевший от неожиданно щедрого подарка, который по местному обменному курсу тянул тысяч на триста с гаком, пришел ему на помощь:

— Дорогой Артур, какие могут быть между нами секреты? Буду рад прояснить для тебя любую туманную ситуацию.

— А история действительно давняя, связанная с головокружительным взлетом бывшего районного прокурора Акрамходжаева. Я в ту пору находился в Париже, а вернувшись, застал его уже в Белом доме. Такие взлеты в наших краях случаются не часто. Пост, на который он метил и который заполучил тогда, зависел от вас. Почему вы ему помогли, почему он в вас нашел покровителя? А если еще жестче — какие аргументы он нашел против вас, чтобы вы стали его союзником? Как он вынудил вас отдать этот пост ему?

Гость, чьи мысли, видимо, уже витали в Стамбуле, с удовольствием рассмеялся:

— Артур, не перестаю удивляться тебе, твоей пронизательности. Ты что, под столом сидел в моем кабинете, когда он меня битых два часа шантажировал?

— Шантажировал?! — вырвалось у Шубарина.

— Да, самым натуральным образом. И скажу тебе, очень профессионально.

— Можно подробнее? — попросил Японец, откинувшись на спинку кресла.

— Конечно, иначе ты ничего не поймешь. Теперь-то, задним числом, я понял, они с Миршабом хорошо подготовились, собрали

на меня подробное досье, а еще больше материалов на моих родственниках. Особенно на моего брата Уткура, которого ты хорошо знаешь. В то время Сухроб с Миршабом работали уже в Верховном суде, куда они попали только благодаря тебе, я навел тогда справки. В один прекрасный день у меня на работе раздается звонок, и Сухроб настойчиво просит принять его. Является он с двумя папками и с места в карьер просит рекомендовать его кандидатуру на вакантное место в ЦК. Получив мой отказ, придвигает ко мне две папки с уголовными делами на моего брата Уткура. Особенно опасным казалось последнее уголовное дело, заведенное на Уткура уже в перестройку, когда почти вся автобаза, опьяненная гласностью и горбачевскими реформами, потребовала завести на директора дело за поборы с каждого выгодного рейса. А Уткур руководил крупнейшей в области автобазой с огромным парком рефрижераторов, большегрузных автомашин с прицепами, совершающих рейсы в соседние республики и даже за границу. Но выручил тогда Уткура ты, а точнее, люди Ашота и Коста — они заставили водителей взять заявление обратно. Вот это дело Сухроб с Салимом собирались вновь открыть, если я не помогу заполучить им желанный пост. Разве это не шантаж? Впрочем, если быть до конца откровенным, — продолжал гость после некоторой паузы, — то я помог ему не только из-за боязни огласки дела, связанного со взятками Уткура, но прежде всего потому, что хотел видеть на этом ключевом посту, контролирующем правовые органы, своего человека. Он сам дал понять, что будет служить мне верой и правдой на этой должности, если я помогу. К тому же он тогда показался мне интересной личностью, я тоже был восхищен его статьями в прессе. И еще: Белый дом нуждался в притоке свежей крови, в людях неординарных, широко мыслящих, демократически настроенных — таким он виделся мне в ту пору.

— А позже у вас изменилось мнение о нем? — бесстрастно спросил Шубарин, хотя ответ его очень волновал.

— То, что он человек хваткий, неглупый — это точно, но не более. Позже, работая с ним, я не однажды поражаюсь широте его взглядов в статьях и узости мировоззрения в конкретных делах. Я ведь ожидал, что с его приходом и с перестройкой мы основательно переворошим законодательство и даже Конституцию — какие же толковые были у него статьи о правовом нигилизме властей! Позже я понял, что за него, так

же как и за меня в свое время, написал докторскую диссертацию какой-то умный человек. Я даже однажды попытался узнать по своим каналам — кто? Но мне ответили, что, скорее всего, это человек не из республики, но хорошо знающий наши проблемы. А скажи, Артур, зачем тебе понадобилось узнать, каким образом Сухроб оказался в Белом доме? — вдруг без перехода спросил Тулкун Назарович. Старая лиса, дремавшая в нем, проснулась, очнувшись от стамбульских предвкушений.

Артур Александрович прекрасно знал, с кем имеет дело, и не обольщался временной эйфорией собеседника, догадывался, что тот обязательно задумается, почему вдруг банкир заинтересовался Сенатором. Он даже обрадовался этому вопросу: лучше уж тут, в приятные минуты, получить ответ из первых рук, чем строить догадки наедине или наводить справки через третьих лиц.

— Я не знаю, в курсе вы или нет, но он недавно вернулся из тюрьмы. Сейчас он не у дел, хотя мечтает занять прежнее положение, а пока хотел бы поработать в моем банке на достойной должности. Вот почему я должен знать, каким образом, какой ценой он заполучил кресло в Белом доме. Да, я помог ему и Миршабу занять ключевые посты в Верховном суде. Но, беря вас за горло, он не мог не знать, что мы с вами давние приятели, мне не нравится, когда за моей спиной шантажируют моих друзей, — закончил несколько провокационно Шубарин.

— Не огорчайся, Артур, дело давнее, я уже забыл эту историю. Вся наша жизнь состоит из компромиссов. Он бы, наверное, далеко пошел, если б не прокурор Камалов. Думаю, что, по большому счету, ему уже не подняться, опять же из-за Камалова. Пока тот остается Прокурором республики, Сухроба считать свободным человеком нельзя, хотя он и на свободе. Я знаю Камалова, компромиссы его не устраивают, и я вот что думаю: не спешу официально приближать Акрамходжаева к себе. Другое дело — помощь, деньги, личные контакты. А там видно будет, нынче события быстро разворачиваются: или арба развалится, или ишак умрет, или падишах... — И гость поднялся, видимо, времени было в обрез: рейс на Стамбул был раз в неделю, в среду, завтра.

Как только гость ушел, Шубарин глянул на платиновые стрелки «Ролекса» — до обеда было еще далеко. «Ну и денек, а точнее, деньки», — вздохнул Шубарин, такого старта в Ташкенте он не ожидал, а ведь шел всего пятый день по возвращении его

из Мюнхена. «Да, старый политикан отработал тысячу долларов сполна», — решил Артур Александрович. С Сенатором все встало на место: знаменитая диссертация и статьи в прессе — украденные труды его бывшего юрисконсульта, это и Тулкун Назарович подтвердил. Все сомнения, версии, варианты, предположения в отношении Сенатора отпали сами собой.

Но визит человека из Белого дома был ценен и тем, что тот свое отношение к Сенатору определил четко: его нельзя считать серьезной фигурой в сегодняшней борьбе за власть до тех пор, пока Камалов занимает пост Прокурора республики. А ведь он считал, что за время работы в Белом доме Сенатор крепко сблизился с Тулкун Назаровичем и сейчас, выйдя на свободу, может рассчитывать на его поддержку в борьбе за возвращение утерянных позиций. Сенатор без такой поддержки многое терял, многое, если не все...

Косвенно гость прояснил и положение Камалова. С прокурором, видимо, считались всерьез, чувствовали силу. Конечно, Артура Александровича так и подмывало расспросить всезнающего человека как можно больше о Генеральном Прокуроре, час назад сидевшем в том же кресле, но боялся вспугнуть, насторожить Тулкуна Назаровича, тот мог и обрезать напрямик: «Слишком много ты хочешь знать за тысячу долларов». Однако это хорошо, что неожиданная командировка в Стамбул вновь свела его с таким всесильным во все времена политиком, как Тулкун Назарович.

«Обязательно надо захватить его с собой в Европу, и в самое ближайшее время, там в долгой дороге и уюте первоклассных отелей, возможно, удастся прояснить положение Камалова и, может, даже узнать про тех, кто положил глаз на мой банк», — решил Шубарин, возвращаясь за письменный стол, на котором разом зазвонили все телефоны.

XIX

После неожиданного звонка Газанфара Сенатор на время потерял интерес и к чемодану, и к долларам. Шубарину помог Камалов... «Что бы это могло значить? — надолго задумался он в глубоком кожаном кресле. — Вырвал из рук мафии, —

продолжал рассуждать он, — значит, не обошлось тут и без Джураева, не стал же он сам его отбивать, дело это рискованное...

Джураев хорошо знает Шубарина, и у них был общий друг — покойный прокурор Амирхан Азларханов, чьи труды мне такгодились... А ныне начальник уголовного розыска тесно сотрудничает с Камаловым, и тандем этот представляет для меня существенную опасность, — констатировал Сенатор. — Значит, Японец вошел в контакт с тем и другим. Остается узнать: давно ли они нашли точки соприкосновения и почему прокурор и полковник помогли банкиру? Что за этим кроется? Заключен ли был этот неожиданный союз до поездки Шубарина в Германию или все вышло случайно, выкрали все-таки гражданина США?»

Как юрист, он не должен был сбрасывать со счетов столь важный факт, тут вполне мог возникнуть вопрос о чести нового суверенного государства, отсюда, вероятно, и помощь. Все это предстояло выяснить, и не спеша, осторожно: ныне и Шубарин с его финансовой мощью, и прокурор республики, и начальник уголовного розыска, которого, говорят, прочили в министры внутренних дел и даже шефом Министерства национальной безопасности, представляли силу. «Но как, каким образом вызнать это?» — мучился хозяин дома, скрипя добротной кожей старого австрийского кресла.

Вдруг забрежжила мысль... Надо найти тех, кто дерзнул выкрасть гостя всемогущего Японца, — это мог быть или сумасшедший, или человек, считающий себя ровней Шубарину и даже сильнее его. Да, именно сильнее, вряд ли ровня рискнет тягаться с Артуром: в Ташкенте преступный мир хорошо знал, какой силой обладает Японец. После гибели Ашота и жестокой расправы с бандой Лютого Коста с Кареном упрочили свое положение в столице. И если Артур Александрович втайне от него и Миршаба вошел в контакт с Москвичом, следовало сблизиться с теми, кто решил в самом начале помешать его банковской деятельности. Но это только в том случае, если американца не выкрали какие-нибудь сумасшедшие, новые волчата, ошалевшие от вида разового чека почти в полмиллиона долларов, выписанного небрежно Гвидо Лежава. Могло быть и такое: ныне и в Ташкенте полный беспредел. После убийства Нарика Каграняна и Вали вместе с телохранителями

у ресторана «Ереван» в столице не стало единого хозяина уголовного мира. Хаос, как и во всем — что ни день, объявляется новая банда, причем из вполне добропорядочных, казалось бы, граждан, еще вчера ни в чем не замешанных и не замеченных в уголовной среде. Или заезжает в благополучный город на гастроли залетная компания крутых рэкетиров, в таком случае и вовсе ищи ветра в поле. Поистине, смутное время, беспредел...

Поэтому следовало не спешить, действовать осторожно, — Шубарин не тот человек, на котором можно без раздумий ставить крест, правильно говорят русские: не руби сук, на котором сидишь. Но если выяснится, что Артур действительно спелся за его спиной с Москвичом и против него действуют серьезные люди, вот тогда и переметнуться от него не грех... А пока... нужно прежде всего встретиться с Миршабом, рассказать обо всем. Если понадобится, через Газанфара и через уголовные связи выйти на тех, кто решил тягаться с Шубариным и выкрал его американского гостя.

Это решение несколько успокоило Сенатора, и он, вспомнив про чемодан, резво сорвался с места — сколько же ему положили долларов и положили ли вообще? Судя по весу, «деревянных» денег не пожалели, чемодан, перехваченный поверху бельевой веревкой, сегодня был куда тяжелее, чем в первый раз. Откинув крышку, Сенатор ахнул: чемодан доверху был заполнен... конфетами, редкими ныне шоколадными конфетами. На минуту он растерялся — что бы это значило? Лихорадочно сунул руку вглубь чемодана и вытащил плотную банковскую упаковку, она оказалась пачкой долларов. Судя по толщине пачки, оценил он привычно, — сто штук! Десять тысяч долларов! А может, это еще не все?

От волнения, нетерпения он не стал рыться, а вытряхнул содержимое чемодана на ковер, но среди пачек долларов больше не было. Однако рублей было гораздо больше, чем в прошлый раз, миллионов пятнадцать, как прикинул на глазок Сенатор, хотя мог и ошибиться: его визуальный опыт все-таки строился на сторублевках, а тут купюры были покрупнее, к таким он еще не привык. Но в любом случае — пятнадцать миллионов или двадцать — количество радовало, он ведь рассчитывал на сумму гораздо меньшую, а о долларах даже не мечтал, не предполагал, что хан Акмаль, оказывается, давно знал им цену.

Сенатор повеселел, и мысль об альянсе Японца с его кровными врагами перестала тревожить душу. Власть и деньги магически действуют на человека, философствовал он, укладывая вновь в чемодан миллионы из Аксяя. Доллары он определил в особый ящик старинного двухтумбового письменного стола, ловко переоборудованного под домашний сейф, чувствовал, что они скоро пригодятся. Ведь он обещал Сабиру-бобо после встречи с московскими адвокатами самому выехать в Первопрестольную, чтобы на месте руководить операцией по вызволению хана Акмаля из подвалов КГБ — с такой пачкой долларов и миллионами «деревянных» можно было рассчитывать на успех.

Упрятав «деревянные» в чемодан, доллары в сейф, он раздумывал: то ли самому собрать конфеты с ковра, то ли позвать кого из домашних, как вдруг снова раздалась настойчивая трель звонка, очень похожая на междугородку, и он рванулся к телефону. Но звонок оказался местным, звонил Миршаб. Даже не расспросив о здоровье, поездке, так же как и Газанфар час назад, он сказал с тревогой:

— У меня есть важная новость. Не возражаешь, если я подъеду через полчаса?

Сенатор машинально обронил «да», и разговор тут же оборвался. «Ну и денек, что ни новость, то какая-нибудь пакость...» — чертыхнулся Сенатор и поспешил на кухню, чтобы распорядиться насчет завтрака и насчет конфет, разбросанных на полу.

Миршаб появился чуть раньше назначенного срока. Еще в окошко Сухроб Ахмедович увидел, какое озабоченное лицо у его верного соратника, заметил он и то, как Салим нервно хлопнул дверцей новенькой «девятки», а ведь умел держать себя не хуже Шубарина, чья манера поведения у них почиталась за образец. Но, войдя в дом, Миршаб любезно поздоровался с женой Акрамходжаева, пошутил с детьми, и, глядя на этого улыбочивого человека, с иголки одетого, вряд ли можно было сказать, что его одолевают какие-то проблемы, заботы... Салим держался прекрасно, и хозяин дома порадовался за своего друга. И тут Сенатор вспомнил однажды оброненное Шубариным: мужчина должен нести тревогу в себе, хранить ее тайну, не расплескав из нее ни капли, ибо тревога, словно

ртуть, опасна для окружающих, особенно для близких, домочадцев. Но как только они остались одни, у него в кабинете, беспечность, любезность, радушие тут же слетели с лица Салима. Он, конечно, сразу заметил чемодан у письменного стола, даже приподнял его, сообразив, что там деньги из Аксай, но расспрашивать о поездке не стал.

Миршаб устало плюхнулся в кресло и поспешил сообщить явно обеспокоившую его новость.

— После твоего отъезда в Аксай вечером я узнал из неофициальных источников сногшибательную весть, что в «Лидо» во время презентации выкрали важного гостя Шубарина, того самого американца, что сидел на банкете рядом с тобой. В тот день, когда ты встречался с Сабиром-бобо, Шубарин перетряс весь город, но тщетно, американец словно сквозь землю провалился. И тут происходит невероятное: прокурор республики и начальник уголовного розыска каким-то образом тоже узнают об этом факте, хотя официальных сообщений о пропаже гражданина США нигде не было. Ко мне, как и к Камалову, поступают сводки происшествий и по линии КГБ, и по линии МВД. Но Камалов и Джураев знают не только о похищении, но даже располагают сведениями о том, кто решился испортить Артуру праздник, и выручают Шубарина. И я сразу насторожился: с чего бы это Камалову делать столь щедрый жест в отношении Японца? Ведь он не может не знать, что мы с тобой числимся у него в друзьях, а мне на Новый год в ресторане он прямо сказал: «Я включил счетчик, слишком много вы с Сенатором мне задолжали». Так не спелся ли за нашей спиной Артур с прокурором и этим вездесущим полковником Джураевым? Если так, мы должны быть с Японцем предельно осторожны и ни в коем случае не делиться планами в отношении Москвича. Судя по весу чемодана, судьба Камалова решена, — для Сабира-бобо смерть прокурора равна жизни хана Акмаля..

Миршаб вдруг замолк и потянулся к чайнику, о котором они забыли.

— Да, денег на это Сабир-бобо не пожалел, — ответил Сенатор, как бы освобождая себя от отчета за поездку в Аксай, а главное, от упоминания о пачке долларов. Но вдруг, словно разгадал какую-то тайну, встрепенулся и спросил: — А не может быть так: Камалов сам специально подстроил похищение,

чтобы найти зачем-то ход к Артуру, внести между нами разлад? Тем более, если в деле замешан полковник Джураев, большой мастак по части головоломок для криминальной среды. Тут все надо взвесить... Теряя Артура, мы теряем многое, особенно сейчас, когда он стал банкиром, вышел на Европу.

Миршаб как-то странно посмотрел на своего однокашника, но без раздумий ответил:

— Рассуждаешь ты логично, я тоже об этом подумал, но, наверное, я не стал бы тревожиться, беспокоить тебя с дороги, если не позаботился узнать, кто же попытался наступить на хвост Шубарину.

— И кто же такой дерзкий? — вырвалось нетерпеливо у хозяина.

— Некий Талиб Султанов, вор в законе. Живет в Рабочем городке, где и Наргиз, там и держали этого американского грузина.

— Значит, Артур отказался платить выкуп за своего гостя? Обычный рэкет — зачем же иначе Талибу рисковать?

— Не спеши. Я вначале тоже так думал, но в том-то и дело: никто выкупа и не требовал, Артур не стал бы рисковать жизнью друга, ты ведь знаешь его щепетильность, заплатил бы. Хотя потом, после отъезда гостей, устроил бы крутую разборку — Коста с Кареном нынче в большом авторитете. Кроме того, известно: ночью Артур давал двести пятьдесят тысяч только за след своего друга, а к утру уже полмиллиона. Нет, тут дело не в деньгах.

— Зачем же тогда выкрали, если не из-за выкупа, как обычно?

— Вот этого я пока понять не могу, и при случае нам не мешает выяснить ответ — почему? Слишком много появляется у Артура тайн от нас, хотя ясно, что прокуратура с уголовным розыском к похищению отношения не имеют.

— Да, дела... Хотя, признаться, за полчаса до твоего звонка я уже знал об этом, — ошарашил вдруг Сенатор гостя.

— Как знал? — удивился Миршаб. — И даже знал, кто выкрал?

— Нет, этого я не знал, но очень заинтересовался людьми, дерзнувшими стать поперек дороги Артуру. При определенных обстоятельствах они могут нам с тобой сгодиться или мы сможем разыграть эту карту в своих интересах.

— Кто же тебе сообщил? — перебил нетерпеливо Миршаб.

— Газанфар.

— А я про него как-то забыл. Молодец! Вот ему и следует поручить тщательнее присмотреться к прокурору, может, тогда и найдется отгадка тайны — почему Камалов помог банкиру.

XX

Газанфар Рустамов не обрадовался возвращению Сенатора из «Матросской тишины» не только из-за того, что понимал: отныне работы, и рискованной, у него прибавится. Рустамов был в обиде, что тот не выполнил своего обещания в пору работы в ЦК, — тогда, занимая высокий пост, он легко мог продвинуть его на место одного из районных прокуроров столицы, а если в какую-нибудь область, то и прокурором города. А теперь он сам без портфеля, сам почти никто, но сведений из прокуратуры все равно будет требовать, и даже в большем объеме, чем прежде, ведь пока Камалов — прокурор республики, Сенатор не может чувствовать себя свободным человеком, хотя и вырвался на волю.

Как юрист Газанфар догадывался об этом, ибо знал за ним немало грехов, и даже за часть этих прегрешений Сенатору светила высшая мера. Вряд ли смерть Парсегиана, главного свидетеля, заставит Камалова отступить, опустить руки — не тот человек. Пока Сухроб Ахмедович пребывал в «Матросской тишине», Миршаб редко беспокоил его, может, оттого, что с первого дня он работал как бы на Сенатора, а может, человеку из Верховного суда было не до Газанфара: Камалов наверняка сел и ему на хвост, ведь он-то знает, что Сенатор с Миршабом друзья не разлей вода, еще со студенческой скамьи, и ныне сподвижники, так сказать, а прокурор, видимо, поставил цель сделать их сокамерниками, об этом многие догадываются.

Узнав от Татьяны Шиловой сногшибательную новость о похищении американского грузина, а главное, о неожиданной помощи прокурора банкиру Шубарину, он тут же позвонил Сенатору, ибо знал цену сообщению. Важной информацией он как бы напоминал о себе, что работает, не дремлет, но имел еще и дальний прицел: думал, что Сенатор переключится на

Японца, заподозрив того в связи с прокуратурой, и надолго оставит его в покое, но не тут-то было.

Уже на другой день у него на работе раздался звонок: Сенатор приглашал его в гости, давно, мол, не виделись, не ели плов из одного лягана. Газанфар представлял, что за угощение предстоит, хотя плов приготовили на самом деле — из красного риса «девзира» и мяса свежезабитого барашка. В гостях он оказался не один, пожаловал и Хашимов.

За дастарханом о делах не говорили, вскользь вспоминали о событиях минувших дней, беседовали больше о личном, о женщинах, кулинарии, благо щедро накрытый стол позволял поддерживать эту тему. Нарочито избегали политики, а значит, дня сегодняшнего и завтрашнего. Но как только перебрались в просторный кабинет Сенатора, куда на заранее сервированный стол подали зеленый китайский чай, пластинку словно перевернули. Разговоры пошли только о политике, о насущных проблемах, о дне сегодняшнем, но больше о завтрашнем... И Газанфар, уже было засомневавшийся, что его пригласили не только на плов, понял сразу, что зван ради какого-то конкретного дела. Он не ошибся. Сухроб Ахмедович вдруг без перехода спросил:

— Перед самым моим арестом мы говорили с вами о новом отделе по борьбе с организованной преступностью в прокуратуре, куда Камалов набрал сотрудников из КГБ. Этот отдел нас и тогда интересовал, интересуется и сейчас, он — главная опора Камалова в прокуратуре. Удалось ли вам сблизиться с его работниками и есть ли у вас шанс каким-то образом перевестись туда?

Газанфар понял, что не ошибся в своих предположениях. Сенатор не успокоится до тех пор, пока не сведет счеты с Москвичом, и в этой борьбе, как он полагал, ничьей быть не может: или — или. А для него самого такое развитие событий становилось слишком опасным — Камалов не тот человек, кого можно легко поставить на колени, таких останавливает только смерть. Газанфару была известна судьба легендарного снайпера Арифа, погибшего в собственной западне, да и судьба специально привезенного из Домбая «альпиниста», не успевшего сделать даже выстрел в больнице. Нет... он хотел жить.

Но и отказаться прямо Рустамов не мог — Сенатор с Миршабом жалости не знали, от них тоже жди пули хоть в лоб, хоть в спину, поэтому он сказал:

— Важную информацию, что я передал вам накануне, мне поведали именно в этом отделе. Помните, я говорил, что у меня там работает знакомая девушка — Таня Шилова, вы ее видели со мной когда-то в «Лидо», она-то случайно и проговорилась...

— Вот и прекрасно. Значит, все-таки нашли лазейку туда. А сообщение действительно важное, и мы его оцениваем по достоинству, — Сенатор протянул гостю запечатанную пачку тысячерублевок, оказывается, заранее приготовленную на столе и прикрытую салфеткой. — Возьмите, вы заслужили.

Газанфар, не рассчитывавший на такую щедрость, поблагодарил и спрятал деньги в карман пиджака. «Сто тысяч! Не мало, но это скорее аванс за что-то рискованное, надо уху дергать востро», — подумал он, а вслух сказал:

— Да, мне казалось, что я нашел ключ к отделу, Таню там уважают, ценят. Но случилось непредвиденное: в нее влюбился парень, ее коллега, тоже бывший сотрудник КГБ, Костя Васильев, и, кажется, пользуется взаимностью. Вот этот капитан, возглавлявший главную группу захвата при задержании хана Акмаля, любимец Камалова, и перечеркнул все мои труды. Эта неожиданно сложившаяся обстановка напрочь исключает теперь возможность перейти в отдел, разве что по личному приказу Камалова, иначе меня не поймут. А я у него не пользуюсь уважением, чувствует он что-то, иногда так посмотрит...

— Да, брат, ситуация... — вздохнул Хашимов.

— Как близко ты был у цели! — огорченно поддакнул Сенатор. — Но ты не теряйся, не опускай руки, ведь женское сердце изменчиво. Продолжай оказывать знаки внимания, не скупись на цветы там, на подарки, а вдруг... Тогда и переход в отдел будет понятным и закономерным.

Разговор как-то вдруг увял, словно пропал к нему интерес, и Газанфар почувствовал, что приятели пожалели о щедром авансе, но деньги были в кармане, и это радовало, грело. Выпили еще чаю, вновь вернувшись к достоинствам зеленого китайского чая «лун-цзин», и когда все катилось к пристойному завершению, Миршаб вдруг спросил:

— Газанфар, а вы не слышали, кто же все-таки подложил такую свинью Артуру?

Гость ответил, что не знает, не слышал. И тут Сенатор на всякий случай, как он позже объяснит Миршабу, поинтересовался:

— А вы, случайно, не знаете ли Талиба Султанова, он недавно в Мюнхене побывал?

Оба невольно впились взглядами в гостя. Но Газанфар, уже видевший себя за карточным столом со ста тысячами в кармане и оттого не заметивший жгучего интереса собеседников, беспечно ответил:

— О том, что Талиб побывал в Мюнхене, не слышал, да и что ему там делать? А его хорошо знаю, он в уголовном мире имеет вес.

— Вы с ним лично знакомы? — вырвалось у Акрамходжаева, не поверившего в такую удачу.

— Да, конечно. А зачем вам Талиб понадобился? Я знаю людей и покруче, — оживился Газанфар, ему хотелось быть ближе к уголовникам, чем к прокурору Камалову, и порадовать не мешало своих хозяев за щедрый аванс.

Миршаб с Сенатором быстро переглянулись, словно сговорились, обменялись какими-то знаками, как за карточным столом, и Сенатор, получив «добро» компаньона, сказал жестко:

— Это Талиб выкрал гостя Шубарина.

Газанфар побледнел: решил, что опять вляпался в какую-то историю. Он ведь хорошо знал, чем были обязаны эти два человека Шубарину. Значит, они подозревали его в сговоре против них.

— Зачем же он «наехал» на Шубарина? Японец мало кому по зубам в Ташкенте. В городе помнят, как Коста один из «узи» завалил всю банду Лютого, решившего обложить данью «Лидо», а потом сжег их всех, как собак... Не понимаю... — покачал головой Рустамов.

— Вот мы и хотим знать, почему этот Талиб дерзнул поднять руку на нашего друга, а значит, и на нас. Кто стоит за ним? — вмешался в разговор Миршаб и вдруг, неожиданно не только для Газанфара, но и для Сенатора, достал из внутреннего кармана пиджака точно такую же пачку тысячерублевок и пододвинул их к «Штирлицу» со словами: — А это от меня

лично. Постарайся узнать, что к чему, а главное, что он намеревается предпринять против нашего друга. Но... сведения, даже если они будут касаться жизни Артура, прежде должны поступить к нам, не стоит отвлекать и беспокоить Шубарина, он большие дела затеял, а Талибом мы займемся сами, понял?

— Да. Я знаю, что вы друзья с Артуром Александровичем, он и мне глубоко симпатичен. И с Коста мы приятели, я часто выручал его, когда он сидел, — бормотал вконец растерявшийся Газанфар, но пачку денег торопливо прибрал.

«Что-то они сегодня слишком щедры», — мелькнула на секунду тревожная мысль, но думать — почему? — не хотелось, двести тысяч не давали сосредоточиться, приятно грели душу...

— Ну, теперь, когда у нас появился шанс обезопасить нашего дорогого Артура, мы можем сказать и «оминь», — подытожил встречу Сенатор, и они дружно встали из-за стола.

XXI

Таня Шилова, передав важную для Газанфара информацию, поняла, что и она втянулась в схватку, где ей отведена не последняя роль. Осознавала она и то, что в борьбе, затеянной прокурором республики, ничьей быть не может, все зашло слишком далеко: три подряд покушения на Камалова — наглядное тому подтверждение.

Не могла она не понимать, что отныне пост Генерального Прокурора приобрел невероятную значимость, и человек, занимающий большой кабинет в здании на улице Гоголя, становился ключевой фигурой в политической и экономической жизни республики. Поэтому кресло Камалова вдруг стало притягательным для многих кланов, желающих поправить свое общественное положение, подняться на такую ступень власти, откуда можно было бы расправляться, опять же руками закона, с соперниками и недругами.

Камалов, конечно, ощущал нараставшее день ото дня давление со всех сторон, но имел он и прочную, мало заметную для посторонних глаз поддержку первого законно избранного президента Узбекистана, человека достаточно жесткого, властного, видевшего далеко вперед, кстати, и разгадавшего

предательство Горбачева одним из первых среди руководителей союзных республик. Это он, Ислам Каримов, экономист и финансист по образованию, имевший громадный опыт государственной и хозяйственной работы, своими конкретными, четкими вопросами всегда ставил косноязычного красноречивого Горбачева в тупик, разбивая его маниловские мечты в пух и прах, а иногда и вовсе загоняя в неловкое положение как человека некомпетентного. Мстительный Горбачев заметил это сразу и держал Каримова на расстоянии, приближая к себе людей легковверных, необязательных, неверных, что и подтвердил август 1991 года, когда за него не вступился ни один из секретарей ЦК союзных республик.

Но у президента Узбекистана были связаны руки каждодневными заботами: как одеть-обуть, накормить многомиллионный народ, живший все хуже и хуже из-за оборвавшихся хозяйственных связей — результата псевдодеятельной горбачевской «перестройки». Только благодаря его личному авторитету сохранялся межнациональный мир в крае, быстро гасились возникавшие то тут, то там на границах этнические конфликты, каждый из которых без твердой руки перерос бы в куда более мощный Карабах. Он хотел сохранить гражданское согласие любой ценой и добивался этого. У Камалова не было времени, да и обстоятельства не способствовали тому, чтобы сблизиться с президентом, но как прокурор он ощущал, что в тяжелые минуты, когда его окончательно загонят в угол, может обратиться к первому лицу и наверняка получит помощь. В этом Москвич не сомневался.

Часто на совещаниях своего отдела по борьбе с организованной преступностью, на которых присутствовала и Татьяна, он говорил: «Я думаю, президент одобрит наше решение». Догадывалась она и о том, что борьба подошла к какой-то решающей фазе, события набрали ход, и, видимо, ей придется теперь регулярно снабжать Газанфара дезинформацией. Но тут, когда она понадобилась Камалову как никто другой, случилась неожиданная накладка, способная свести на нет все планы прокурора. В нее влюбился — причем по-настоящему, она это чувствовала — ее коллега по отделу Костя Васильев, и это заметили все вокруг, включая Газанфара. Если он и прежде остерегался заходить в отдел оттого, что не мог найти контакт

с ее коллегами, кстати, в большинстве своими ровесниками, то теперь, когда все вокруг связывали ее имя с Костей, объяснить его визиты стало просто невозможно. Не могла же она сказать влюбленному коллеге, что Газанфар сотрудничает с мафией, что перед ней поставлена задача снабжать его ложной информацией, и чтобы Костя не вздумал устраивать здесь сцен ревности.

Конечно, будь у нее иной склад характера, держать двоих молодых людей на дистанции, не выпуская обеих из поля зрения, не составило бы особого труда. Девушки сплошь и рядом поступают именно так, но Шилова не была кокеткой, и ей приходилось трудно. Ей было уже двадцать пять, в этом возрасте в Средней Азии большинство ее сверстниц готовили своих детей к школе, а она только была впервые серьезно влюблена.

Единственный мужчина, который ей нравился до сих пор, был Камалов, но это отношение к нему она воспринимала как любовь к киногерою или киноартисту, понимая, что их разделяет время, целая эпоха. В Косте она чувствовала цельную, себе подобную натуру, ценила в нем безоглядную верность долгу и даже преданность Камалову. Гордилась тем, что он занят серьезным мужским делом и в своей среде пользуется авторитетом. Заметила Таня, что окружающие сразу единодушно восприняли их как достойную пару, что еще более осложнило ее положение. Она понимала, что не может сказать Камалову: извините, я не в состоянии любезничать с Газанфаром, у меня иные личные планы. И Костю, который ей нравился, терять не хотелось, но и Камалова подвести не могла.

Газанфар, — впрочем, как и многие другие, видимо, знавшие за собой кое-какие грехи, — враждебно встретил появление нового отдела, хотя, казалось, одним делом заняты; возможно, он чуял, что отсюда может исходить угроза и ему. Отдел по борьбе с организованной преступностью, укомплектованный полностью бывшими работниками КГБ, существовал в прокуратуре как бы сам по себе, и потому частые контакты старых сотрудников с новичками бросались в глаза. И Газанфар, на чьих глазах развивался роман Шиловой, вдруг растерялся: он действительно побаивался ребят из ее отдела. Они казались ему куда опаснее больного Камалова, и обретать личного врага при его двойной жизни, да еще такого, как Васильев, ему

не хотелось. Рустамов даже решил, что канал в столь важный для Сенатора отдел перекрыт для него навсегда. Отчасти он даже обрадовался сложившейся ситуации, уж слишком рискованная затея — вести двойную игру с таким отделом. И для «сиамских близнецов» случившееся должно было послужить весомым аргументом, чтобы не рассчитывали впредь на возможность утечки информации из главного отдела прокуратуры.

Поначалу ожидания Газанфара вроде оправдались — сообщение вызвало шок, но всего лишь получасовой, к концу беседы Сенатор сказал, что не стоит опускать руки, мол, сердце девичье переменчиво, следовало ненавязчиво оказывать знаки внимания, продолжать играть роль влюбленного, а вдруг... В общем, Сенатор с Миршабом понимали важность работы ключевого отдела Прокуратуры республики и любой ценой желали иметь информацию о его ближайших и перспективных планах.

Татьяна по-женски чувствовала, что Газанфар побаивался ребят из их отдела, ощущала это еще до романа с Костей, а уж как пошли разговоры, он стал и вовсе обходить их отдел стороной. Но Шилова не была бы Шиловой, если в таком деле поставила бы личное выше служебного, а точнее — долга. В минуты отчаяния она даже искала повод, чтобы поссориться с Костей, не навсегда, конечно, а месяца на два-три. К тому времени, как она думала, события получат какую-то развязку, держать предателя в Прокуратуре республики было делом рискованным, даже в интересах важной операции, об этом Камалов однажды обмолвился сам. Видимо, Газанфар Рустамов оставался на свободе не только ради достижения тайных целей прокурора, а из-за того, что на него собирали серьезный материал, факты, чтобы не ускользнул от правосудия, как Сенатор, — Камалов уже был научен горьким опытом. Возможно, Газанфар по планам прокурора мог стать главным свидетелем обвинения вместо отравленного в подвалах КГБ Артема Парсегына. Вполне вероятно, что коллеги уже собирали компромат на Рустамова. В общем, обе стороны имели побудительные причины не обрывать связей, но как это сделать?

Первой нашла все-таки ход Шилова, придумала повод, чтобы обращаться к Газанфару регулярно. Юриспруденция — дело волокитное, изводятся горы бумаги на постановления, решения, проекты законов, указов, предписаний, не говоря уже о томах

уголовных дел, из которых то и дело требуются выписки, копии. Лучшие переплетчики города мечтают попасть работать хоть в штат прокуратуры, хоть по договору, тут в год переплетают тысячи и тысячи томов, простоя не бывает никогда — ни зимой, ни летом. Плодил бумаги и отдел, в котором работала Татьяна, и здесь то и дело требовались то копия, то выписка, а всякую бумажку наверх вынь да подай срочно, сию минуту — хоть разорвись, и каждый раз Шиловой приходилось бежать на поклон к молодому человеку, обслуживавшему в подвале прокуратуры множительную технику. Но туда бегала не она одна, и всем хотелось быстро. Раньше она в таких случаях обращалась за помощью к Газанфару, ибо он часто подвозил и с работы, и на работу на своей машине Улугбека, парня, обслуживавшего мощный ксерокс, — тот и выручал.

На бумагах из ее отдела часто стоял гриф «Секретно», и по инструкции она должна была присутствовать рядом при размножении. Так она и поступала, хотя и Газанфар, и Улугбек посмеивались над ней, над ее пунктуальностью, показывая на пачки документов с таким же грозным грифом, дожидавшихся своей очереди и день, и два. Вспомнив про ксерокс, она поняла, что нашла способ поддержания отношений с Рустамовым. Больше того, поняла, как, не вызывая подозрений, сможет снабжать его дезинформацией — будет оставлять под каким-нибудь предлогом документ для размножения минут на десять-двадцать. Этого времени вполне достаточно, чтобы Газанфар уяснил суть бумаги; копии, наверное, ему не требовалось. Но этот вариант надо было еще согласовать с Камаловым.

Приняв решение, Шилова решила тут же опробовать свою идею. С Газанфаром она не виделась уже больше месяца и переживала: вдруг получит указание от Камалова передать Рустамову очередную срочную дезинформацию, а ее система еще не задействована. Костя отсутствовал — выехал на задержание особо дерзкой и жестокой банды рэкетиров, действовавших на границах двух республик.

Выбрав наугад из папки документ без грифа «Секретно», она поднялась на третий этаж к Газанфару без предварительного звонка, хотя в прокуратуре была и местная телефонная связь, — ей хотелось нагрянуть к нему неожиданно. Подойдя к кабинету Рустамова, Татьяна решительно, как бы беззаботно, с улыбкой

на лице рванула дверь на себя, но та оказалась закрытой, хотя полчаса назад в окно она видела, как Газанфар вошел в здание прокуратуры. «Наверное, вызвали к начальству», — решила она и уже собиралась ретироваться, как вдруг услышала за дверью слабый шорох. Таня склонилась к замочной скважине — кабинет оказался заперт изнутри. «Что бы это значило?» — мелькнула мысль, и она решила прояснить ситуацию до конца, постучала и весело крикнула:

— Газанфар, это я!

Шилова почти прильнула ухом к полотну двери и отчетливо услышала, как громыкнуло что-то железное, а затем последовал скрип задвигаемого ящика письменного стола, и сразу — быстрые шаги по направлению к двери и мягкий скрежет хорошо подогнанного замка.

— А я уже подумала, что ты прячешь хорошеньких практиканток в шкафу, — сказала, входя, Татьяна и шутя заглянула под стол.

Все получилось мило, естественно, в высшей степени кокетливо, и с лица Газанфара сползла заметно старившая его тревога.

— Да вот «молния» на брюках забарахлила, ремонтом занялся, — нашелся он наконец и пригласил Татьяну сесть.

«Что-то для «молнии» тяжеловатый грохот», — подумала Шилова, но вслух, продолжая кокетничать, чего прежде за собой не замечала, изложила свою просьбу. Все время разговора ее так и подмывало спросить напрямик: чем же ты, мерзавец, занимался за закрытой дверью и что спрятал в столе? Возможно, такое желание возникло оттого, что на столе лежала явно забытая крышка от какого-то прибора, на которой она четко прочитала «Сони», но, как ни силилась отгадать, от чего она, так и не поняла, хотя чувствовала, что это деталь от той вещи, которую спрятали. Улыбаться, кокетничать у нее больше не было сил, и она встала, но в эту минуту пришел в себя окончательно и Газанфар, вспомнил наставления «сиамских близнецов» и попросил ее на секунду задержаться. Загородив собой зев распахнутого сейфа, он достал роскошно упакованную коробку итальянских конфет «Амаретто» и протянул гостье:

— Говорят, очень вкусные, специально для красивых девушек...

Татьяна, поблагодарив, приняла подарок и выпорхнула из кабинета, считая, что контакт она может возобновить в любое удобное для себя время. Приблизительно то же самое подумал и Газанфар, но крышку от аппарата, прослушивающего разговор сквозь стены, спрятал все-таки с тревогой: ему показалось, что Шилова заметила его беспокойство именно по поводу этой детали на столе, да и его байку про «молнию» вряд ли приняла всерьез.

XXII

Прошло только десять дней после показа по телевидению презентации по случаю открытия банка «Шарк», как на Шубарина обрушилась прямо-таки лавина предложений о размещении все новых и новых капиталов: звонили, приходили лично, передавали по факсу. Шквал неожиданных заявок приободрил Артура Александровича: он все-таки опасался, что похищение Гвидо Лежавы получит огласку и банк, еще толком не открыв дверей, окажется в изоляции. Возможно, и вся затея с американцем была задумана, чтобы запугать серьезных, солидных вкладчиков, но даже если так, заговор с треском провалился — деньги текли полноводной рекой. Он видел это и по географии предложений, и по тому, от кого они поступали — многие могучие организации республики решили иметь с ним дело. Особенно радовал Шубарина список желающих сотрудничать с его банком, который появлялся на дисплее компьютера. Ведь он-то хорошо знал, какой клан контролировал ту или иную отрасль в крае или кто конкретно стоял за тем или иным крупным заводом, объединением, преуспевающим хозяйством, трестом, концерном. Предложения были не только из Ташкента, Бухары, Джизака, где его хорошо знали, но даже из самых дальних регионов: Каракалпакии, Хорезма, Сурхандарьи, Кашкадарьи. Даже без его усилий появились первые сигналы и от немецких землячеств Киргизии, Казахстана, Алтая. Он уже воочию видел на ежегодном собрании пайщиков многих влиятельных людей края — вот, оказывается, что может служить реальной точкой соприкосновения и объединения многих непримиримых кланов — деньги! Все хотели вкладывать

обесценивающиеся деньги в беспроигрышное дело, все мечтали об удвоении, утроении капиталов, замахивались на валютную прибыль.

Вроде рассеивалось и мрачное пророчество прокурора Камалова, который предупреждал, что банк стал лакомым куском для многих влиятельных кланов республики и при первой возможности они постараются оттеснить его или вовсе отобрать любимое детище. Вглядываясь в дисплей компьютера, он ясно видел представителей почти всех влиятельных кланов, поспешивших застолбить себе место в многообещающем банке, рассчитанном в основном на крупных западных вкладчиков, и вряд ли при таком раскладе им резон резать курицу, несущую золотые яйца. Однако он хорошо знал Восток, чтобы не особенно обольщаться даже при самой безупречной логике складывавшихся событий. Восток — тонкая штука! А может, они все и ринулись открывать счета, чтобы при случае войти в правление, совет директоров, президентский совет, а уж оттуда, оглядевшись, начать штурм кабинета на четвертом этаже бывшего «Русско-Азиатского банка», обитого тяжелым мореным дубом, тем более если к тому времени, бог даст, банк с опытным капитаном, словно корабль с поднятыми парусами, уйдет далеко в бурном океане финансов. Тут при любых удачах, успехах следовало держать ухо востро, с высокого коня больше всего падать — так гласит восточная пословица.

Банк на удивление быстро, почти с места, набрал скорость, что, конечно, не могло не радовать Шубарина, ведь делать политику в области финансов, стать главным дирижером денежных потоков, по крайней мере на территории от Балтии до Тихого океана, было главной мечтой его жизни. Просто деньги, личное богатство его не волновали, он и так был богат, причем личные капиталы его неожиданно и стремительно увеличивались, чего он, даже будучи финансистом, не предвидел. Дело в том, что в начале семидесятых годов, когда он стал заметным «цеховиком», или, как говорят нынче, одним из хозяев теневой экономики в крае, возникла проблема: куда девать сотни тысяч ежемесячных доходов? В ту пору нельзя было отгрохать трехэтажный особняк, купить «мерседес», не говоря уже о «мазерати», уехать отдыхать с семьей на Канарские или Болеарские острова, а на Рождество — в горы,

в Швейцарию. Тогда любая заметная свадьба, юбилей в дорогом ресторане брались на карандаш, и за все спрашивали строго. Не высовывался особенно и он. Выделиться — значило потерять дело, возможность реализовать себя как инженера и предпринимателя, главное в ту пору его жизни.

Кто знал его хорошо, те ведали, что он вкладывал огромные личные средства в модернизацию государственных предприятий, находящихся под его контролем и влиянием, тогда о грядущей приватизации на территории могущественной сверхдержавы СССР не решился бы обмолвиться ни один предсказатель ни у нас, ни за рубежом, все они поумнели потом. В те годы и надоумил его хан Акмаль, бессменный депутат Верховного Совета страны и республики, покупать доллары, и даже путь подсказал.

Тогда за доллар давали официально всего шестьдесят пять копеек, и он мало для кого представлял интерес, тем более для тех, кто работал за рубежом. Для власть имущих в стране существовала система магазинов «Березка», где лучшие мировые товары продавались во много раз дешевле, чем на Западе, а чек для приобретения товара, называвшийся сертификатом, стоил в самое дорогое время в два раза дороже номинала, так что особой необходимости в долларах не было. Они могли быть нужны только людям с дальним прицелом, мечтавшим эмигрировать и не потерять несправедливо нажитые деньги. В общем, валютой интересовались тогда редко, и в основном очень богатые люди, как хан Акмаль, например. Стоил доллар в ту пору на черном рынке от трех до четырех рублей. Конечно, были и люди, немало зарабатывавшие на его продаже.

Валютой занимался в стране всего один «Внешэкономбанк», товарищи оттуда и вышли на хана Акмаля, часто бывавшего в Москве. Уже в ту пору кое-кто догадывался, что на Кавказе и в Средней Азии, не говоря уже о Москве, Киеве и Ленинграде, есть очень богатые люди, которые могут заинтересоваться таким способом размещения капиталов. Через этот канал раз-два в году покупал доллары и Японец, и к началу восьмидесятых годов у него незаметно накопилось их чуть больше миллиона.

Когда с первой волной эмиграции уехал в Америку Гвидо Лежава, его многолетний компаньон в теневой экономике, Шубарин ссудил товарища тремястами тысячами долларов на

раскрутку на новом месте. Деньгами Гвидо распорядился более чем толково, можно сказать даже — талантливо. В тот же год после какой-то удачной операции в Москве Шубарин довел счет долларов до полутора миллионов и на том остановился. Изредка из этой бесполезной кассы он ссужал отъезжавших за рубеж друзей, но таких крупных сумм, как Гвидо, больше не давал никому. Долларовых страстей не было до самой перестройки, он мог утверждать, что «баксовая» лихорадка — результат горбачевских реформ.

К концу правления «великого реформатора» дремавший доллар вдруг стал медленно, но верно ползти вверх, и Японец вспомнил о своих полутора миллионах «зелененьких», лежащих без движения, без прироста, просто мертвым грузом. После форосского фарса «процесс пошел» по-настоящему: доллар стал расти, как на дрожжах. Артур Александрович подозревал, что оставшаяся от меченого «отца перестройки» знаменитая фраза «процесс пошел» больше всего применительна к доллару, из всех его процессов он оказался самым существенным, самым непредсказуемым, судьбоносным — опять же по его терминологии. Даже он, Шубарин, считавший, что как-то контролирует финансовые скачки, прогнозирует их, не предвидел, что доллар с пяти-восьми рублей в конце 1989-го скакнет за два года до шестисот. Сбылся чей-то гениально разработанный план — таким образом добить, поставить на колени Россию.

Благодаря невиданному взлету доллара полтора миллиона «зелененьких» неожиданно, без всяких усилий, превратились в миллиарды «деревянных». А миллиарды в нищей стране, даже в инфляцию, — огромные деньги. Но Артур Александрович не собирался обменивать их, пусть и по самому высокому курсу. Став владельцем банка, он мог пустить их в оборот, он-то знал, кому можно ссудить с выгодой и без риска, и за год, при нынешнем диком банковском проценте, кстати, установленном не им, мог удвоить и даже утроить свои «баксы». Такое баснословное настало время для банкиров — только не зевай!

Так что финансовые дела банка не волновали Шубарина, как и его личные, точнее, с проблемами он вполне мог справиться. Беспokoила суэта вокруг банка, и эти дела нельзя было откладывать в долгий ящик. Визит прокурора Камалова

не шел у него из головы. С прокурором следовало определиться как можно быстрее. Тот явно протягивал ему руку помощи, руку для сотрудничества, хотя и не сказал всего, что знал, особенно о том, что связано с «Шарком». Впрочем, не стоило держать на прокурора обиду, Шубарин ведь и сам не открылся, для чего приезжал к нему в Мюнхен вор в законе — Талиб Султанов. Как не сказал и другого — почему выкрали Гвидо Лежаву, ведь этим «почему» Камалов обеспокоен больше всего. Но пока он не разобрался с Сенатором и Миршабом, не узнал их дальнейших планов, вряд ли стоило вводить прокурора в курс дел, как бы тот этого ни хотел и какая бы опасность ни угрожала банку. Артур Александрович все-таки рассчитывал только на себя, привык так, ибо никогда не доверял государству, не искал у него защиты. Не мог же он сейчас без особого повода сказать Камалову, что после возвращения из Мюнхена, как раз накануне открытия банка, ему позвонил незнакомец и, напомнив про недавнюю встречу на стадионе «Баварии», заметил, что сейчас, когда формируется руководство банка, он должен зарезервировать одно место среди членов правления и для них.

— Для кого? — тут же стараясь поймать на слове, спросил Шубарин. Но в этот раз с ним говорил человек более опытный, чем гонец в Германию, он спокойно ответил:

— Когда получим ваше принципиальное согласие, тогда и узнаете. Впрочем, человек этот, возможно, и знаком вам.

Он тогда не воспользовался советом подумать день-два, а ответил сразу, довольно-таки жестко:

— Есть страны, в которых банк сравнивают с церковью, где не выдают тайн исповеди. Для меня же свято и то, и другое. Так что не только на место в правлении, но и на любое другое, рядовое, можете не рассчитывать, я играю только со своей командой. А что касается нашего разговора на стадионе в Мюнхене... Если есть реальные предложения, заходите, поговорим. Банк открывается на днях.

Этим приглашением он хотел заманить людей, севших ему на хвост, к себе в резиденцию, важно было знать — кто? Уж там он что-нибудь придумал бы, организовал достойную встречу. Но на другом конце провода, видимо, разгадали его ход и, поблагодарив за приглашение, завершили разговор.

На следующий день примерно в то же время, что и накануне, вновь раздался телефонный звонок, и знакомый голос сделал новое предложение.

Напрасно Шубарин вглядывался в определитель номера, чтобы уточнить, откуда звонят — говорили из автомата, как и вчера. Незнакомец и на этот раз был краток:

— Мы тут, Артур Александрович, посовещались, — звучал тихий голос, — и решили: если вы не берете нашего представителя на работу, то будете обязаны регулярно информировать нас о своих крупных вкладчиках и акционерах. Вы понимаете, о чем речь: откуда идут деньги им и куда переводят они. Дни, когда поступают и изымаются крупные суммы. Ну и, конечно, патронировать две-три наши фирмы, куда время от времени будут загоняться солидные деньги.

Шубарин выслушал спокойно, хотя все в нем клокотало от возмущения. Как и некогда на стадионе «Бавария», ответил сдержанно:

— Мне кажется, мы вернулись к вчерашнему разговору, а вчера я ясно сказал — нет. Если я не беру вашего человека, который делал бы то, о чем вы просите меня сегодня, — разве я сам дам такую информацию? Я ведь сказал вам, для меня банк что церковь, и я не предаю своих прихожан, чего бы мне это ни стоило.

— Ваше упрямство, или ваша старомодная любовь к ближнему, может вам дорого обойтись, — перебил его человек из телефонной будки.

— Возможно. Но я готов к такому исходу. Повторяю, можем вернуться только к разговору в Мюнхене, и ничего больше.

— Ну, смотри, Японец, не прогадай, для начала мы испортим тебе праздник... — и разговор неожиданно оборвался.

Шубарин, конечно, предпринял меры безопасности в «Лидо», но Гвидо все-таки выкрали. Они сдержали свое слово, и теперь ответ был за ним. Если каким-то образом прокурор Камалов прознал, что Талиб Султанов отыскал его в Мюнхене, не знал ли он также, что там Шубарин встречался и с бывшим секретарем Заркентского обкома партии Анваром Абидовичем, отбывающим за казнокрадство пятнадцатилетний срок заключения на Урале? Это тоже следовало выяснить как можно скорее, прямо или косвенно, хотя после визита прокурора Камалова

он тут же связался с людьми, регулярно встречавшимися с Анваром Абидовичем, и они подтвердили, что у хлопкового Наполеона все нормально, жив-здоров, по-прежнему заведует каптеркой. Кстати, они не подозревали, что заключенный успел побывать в Мюнхене, такое им и в голову не могло прийти. Так оно и должно быть, ведь за визитом Анвара Абидовича в Германию стояли высшие государственные интересы, впрочем, не государственные, так мы говорим и мыслим по инерции, а точнее – влиятельные силы, спецслужбы, о мощи которых мы не догадываемся до сих пор. Эти если берутся за дело, то основательно, странная смерть бывшего управляющего делами ЦК КПСС Николая Кручины и нескольких высокопоставленных чиновников, ушедших из жизни почти одновременно с много знавшим и много решавшим Кручиной, или новейшая история — смерть следователя по особо важным делам при Генеральном Прокуроре России, занимавшегося делом нашумевшего АНТа, тому прямое подтверждение. Но в связи с распадом СССР дело, в которое втянули Анвара Абидовича и которое он, Шубарин, обещал поддержать ради жизни своего друга и покровителя, становилось рискованным.

КПСС и в самой России стала почти подпольной организацией из-за гонений на ее деятельность со стороны президента Ельцина, а уж в суверенном Узбекистане она тем более вне закона. Коммунисты вряд ли когда-либо вернутся к власти в Средней Азии, слишком они дискредитировали себя, и не только тем, что проворовались, а тем, что подавляли все национальное, запрещали религию, не считались с традициями и обычаями народов, не умели хозяйствовать — плачевные результаты их семидесятилетнего правления налицо. Хотя делать подобные прогнозы тоже опрометчиво. Новые люди, пришедшие к власти, мало отличаются от прежних: те же манеры, те же вороватые привычки, та же беспринципность — после нас хоть потоп.

Но сегодня представлять финансовые интересы бывшей КПСС на территории суверенного Узбекистана оказывается делом куда более рискованным, чем противостоять откровенной уголовке. При малейшей огласке фактов финансовые дела свяжут с политикой, скажут: хотел реставрировать власть коммунистов, Кремля, и никаких аргументов выслушивать

не станут. Тем более если его имя будет фигурировать рядом с именем Тилляходжаева, которого иначе чем предателем и не называют, знают, что свои пятнадцать лет вместо расстрела тот выторговал за помощь следствию.

О посещении Анваром Абидовичем Мюнхена следовало думать и думать, это ведь не вор Талиб Султанов, с которым проще разобраться. А вдруг Камалов знает о встрече с хлопковым Наполеоном, оттого и заявился лично в банк, наверное, чувствует, что приперли Японца к стенке какие-то неведомые ему обстоятельства. Вполне может быть и такой вариант. Но Камалов почему-то решил, что сейчас ему, банкиру, не по пути с Миршабом и Сенатором, и пытается вбить клин между ним и «сиамскими близнецами». Отсюда откровенные намеки, что прокурора Азларханова мог убить Сухроб Акрамходжаев, отсюда и тщательный анализ его докторской диссертации. Догадывается, что из этого он, Шубарин, должен сделать выводы, и они вполне будут его устраивать, размышлял банкир, пытаюсь определить задачи на ближайшие дни, — времени на раскачку у него не оставалось. Прежде чем определить свою позицию по отношению к прокурору Камалову, стоило проанализировать действия Сенатора и Миршаба, и тут предстояло ставить жесткие вопросы, без восточного тумана и цветистости. Изменилась жизнь, каждодневно меняется и политическая, и экономическая ситуация, поменялись у людей цели в жизни, да и сами люди за годы перестройки стали другими — иные горизонты, перспективы замаячили перед каждым, и нужно было решать, с кем идти дальше.

Но надо было разобраться и с Талибом, ведь тогда, уходя из его дома на Радиальной, где упрятали Гвидо, он пригрозил Султанову: «А с тобой мы поговорим позже, не до тебя сегодня». Талибом уже занялись вплотную, собрали достаточно материалов, но, как всегда, не хватало главного: до сих пор не было ясно, кто же стоит за ним. А вчера Коста доложил, что Талиб неожиданно вылетел в Москву. А не собирается ли он оттуда махнуть в Германию? Ведь банк уже открыт, и Шубарин сам накануне презентации говорил незнакомцу по телефону: «Если есть реальные предложения, я готов вернуться к разговору на стадионе «Бавария» — заходите...» Значит, нужно связаться с чеченцами в Москве, у которых международный

аэропорт «Шереметьево» давно под контролем, те могли проследить за вылетом Талиба к немцам. Да, необходимо срочно связаться с Хожа, чеченским доном Корлеоне в Москве. Коста в молодости сидел с ним в одной зоне, его помощь они не раз использовали в столице. Неожиданный отлет Талиба несколько путал карты: выходит, сначала придется разобраться с Сенатором и Миршабом, и от итога этой разборки зависело, куда качнется маятник его интересов. Но Шубарин интуитивно чувствовал, что, видимо, ему не миновать сближения с Москвичом, все чаще он вспоминал оброненную тем фразу: «Вам одному не справиться...»

Возвращаясь мысленно к единственному разговору с прокурором, Шубарин вспомнил свое письмо, некогда адресованное Камалову в прокуратуру, где он беспощадно сдал многих «математиков», бизнесменов, делающих деньги из воздуха, а точнее, разворовывающих государство и заставляющих граждан платить баснословные суммы за десятикратно перепродаваемый товар. Он тогда указал адреса многих фиктивных фирм, подобных тем, что на днях упомянули друзья Талиба, куда ему предложили бесконтрольно перегонять крупные суммы. Тогда еще существовало единое государство, и Прокуратура СССР имела силу, не то что теперь, когда стараниями новых политиков следственный аппарат разваливали повсюду, на радость преступному миру, а может, даже по его заказу, особенно в самой столице державы. И тогда Камалов воспользовался письмом толково, оперативно. Многие ходы и лазейки перекрыли казнокрадам, особенно в балтийских портах, многие высокопоставленные взяточники оказались за решеткой. Идя на такой шаг, Шубарин не мог не понимать, чем рискует, наверное, догадывался об этом и Камалов, возможно, он рассчитывал, что анонимный патриот объявится или поможет еще, ведь результаты реакции на письмо оказались весьма ощутимыми...

Тогда Шубарин поначалу испытывал удовлетворение от того, что сообщил прокуратуре, как разворовывают Отечество. Но та операция, ее результаты оказались песчинкой в Сахаре, каплей в Байкале по сравнению с тем грабежом, что набирал силу день ото дня. Тащили за кордон за бесценок все и вся, и даже тот валютный мизер, что причитался стране, оставался за рубежом на личных счетах: сеяли, пахали, добывали нефть,

газ, металл миллионы людей, а получали за него деньги единицы при голых прилавках для тех, кто работал день и ночь.

В Мюнхене в отеле «Риц» он дал согласие хлопковому Наполеону на возвращение валюты с зарубежных счетов партии на родину, в его банк, только по одной причине — было жаль патрона, который когда-то помог ему подняться, реализовать в себе талант инженера, предпринимателя. Его отказ мог стоить бывшему секретарю обкома жизни — спецслужбы безжалостнее уголовников, у них тоже волчьи законы. Но он никогда не оставлял друзей в беде, такова была его натура. После отъезда хлопкового Наполеона из Мюнхена Шубарин постоянно возвращался к разговору в отеле «Риц», понимая, в какую авантюру неожиданно был втянут и чем рискует. В случае какой-то утечки информации — потерей банка, это уж точно, а банк был его целью, мечтой всей жизни. Как финансист он знал способы изменения мира вокруг себя, понимал, что мир преобразуют капиталы, это он выпитал с молоком матери, получил генетически от прадеда, деда, отца. Возвращаясь к разговору в уютном номере за чашкой китайского чая после обеда в «золотом зале» русского ресторана, Шубарин жалел, что не записал тот разговор на диктофон, а он ведь был в машине. Вспоминалась одна фраза, заставившая его позже по-новому взглянуть на партийные деньги на зарубежных счетах. Тогда Анвар Абидович с нескрываемой тревогой сказал: «Беда не в том, что огромные партийные средства, на которые, впрочем, существовала и самая мощная и многочисленная разведка в мире, лежат на зарубежных счетах, а в том, что они принадлежат иностранным гражданам, некогда увлекавшимся левацкими идеями или притворявшимся марксистами и ленинцами. И сегодня, когда коммунизм потерпел крах повсюду, лишился привлекательности даже в Италии, Испании, есть реальная опасность потерять эти деньги навсегда. Ведь капиталы эти складывались десятилетиями нелегально, в обход законов и своей, и чужих стран. У нас есть сведения, что некоторые из владельцев крупной собственности партии за рубежом уже поспешили ликвидировать фирмы, распродали имущество, сняли многомиллионные накопления и скрылись в неизвестном направлении. И пока наша агентурная сеть на Западе существует, мы должны любой ценой, если понадобится, даже силой,

вернуть деньги домой, они еще пригодятся партии. Но нам нужно спешить, чтобы не остаться у разбитого корыта...»

Шубарина тогда все подмывало поправить патрона, что деньги эти — не партии, а народа, тем более что Анвар Абидович сам же минутой раньше, объясняя источники возникновения валютной кассы, говорил, что партийные деньги трудно отделить от государственных, настолько все сплелось, ведь продавали богатства недр, принадлежащие народу и добываемые им же, но тогда он не хотел перебивать разговор. Наверное, взглянуть на доллары коммунистов иначе его отчасти заставил двадцатичетырехмиллиардный кредит Международного банка развития и реконструкции, обещанный нашей стране, но оговоренный тысячами условностей: по-русски это соответствовало поговорке — пойдти туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что. Приблизительно на таких условиях Запад был готов дать пресловутый кредит, хотя он-то отлично знал, куда идти и что нести. А ведь по мировым стандартам сумма была мизерная, одна Америка ежегодно в течение десятилетий подкидывала более крупные суммы крошечному Израилю. Небольшой она была даже в сравнении с теми деньгами, что имелись у партии на тайных зарубежных счетах, ведь ему-то обрисовали примерные контуры капиталов и недвижимости, принадлежащих КПСС.

Финансист Шубарин быстро догадался: Запад не даст и этих двадцати четырех миллиардов, только шаг за шагом будет требовать все новых и новых уступок — полного разоружения, вывода войск отовсюду, оплаты существующих и несуществующих российских долгов чуть ли не со времен царя Ивана Грозного, и все это до бесконечности. Так и произошло. Как русского человека, гражданина великой державы, с которой еще вчера считались все, вплоть до Америки, не говоря уже о ее прихлебателях или карликовых государствах, его задевало это барское отношение Запада, почувствовавшего слабость Российской Империи, и в какой-то момент он сам загорелся идеей вернуть партийные деньги в страну. Через своих немецких коллег-банкиров он начал осторожно зондировать почву на этот счет и вскоре выяснил, что суммы, и немалые, есть и в немецких банках. Чтобы добыть эти сведения, потребовались деньги, и немалые, но Шубарин, загоревшийся идеей вернуть стране хоть часть разворованных средств, денег не жалел.

Считал для себя святым делом добыть валюту для страны, попавшей из-за предательства Горбачева в труднейшее экономическое положение.

Но прокатившийся после форосского фарса «парад суверенитетов» осложнил задуманное Шубариным. Особенно после позорного сговора в январе 1992 года в Беловежской Пуще, когда три руководителя — Украины, Белоруссии и России — в нарушение Конституции, за спиной других бывших братских республик, самолично распустили СССР и подписали соглашение о так называемом Содружестве Независимых Государств, СНГ, не считаясь с результатами всенародного референдума, когда весь народ — от края и до края, несмотря на старания националистов всех мастей, — проголосовал за единое и неделимое государство с предоставлением всем бывшим республикам небывалых ранее прав и свобод.

Многие дальновидные люди оценили это событие как развал единого государства, единой экономической зоны с единой финансовой системой. Шубарин понял это сразу, находясь еще в Германии. Но про себя подумал и другое: ничтожные политики, не поделив власть или ошалев от нее, принесли в жертву само государство. А если жестче, по-мужски: не зная, как выкинуть из Кремля хитроумного красноречивого Горбачева, они упразднили вместе с ним и державу, формировавшуюся тысячелетиями, раскидали по разным краям-квартирам народы, спаянные кровными узами, не делимые по национальностям.

В связи с развалом СССР у Шубарина неожиданно возникли проблемы: если первоначально он замысливал вернуть единой стране и единому народу украденные у него деньги, то сегодня, возвращая их в суверенный Узбекистан, он как бы обирал другие народы. Нечестно как-то получалось. Даже рассуждая теоретически, он не мог прийти к какому-то конкретному решению. Ну, например, вернет он эти деньги и разделит между всеми пятнадцатью республиками, получившими независимость, — тогда могут обидеться автономии, тоже ставшие самостоятельными государствами, скажем, Чечня или Татарстан. Или, если давать Молдавии, как же отказать Приднестровью, а это уже политика, и если вернуть Грузии, то она вряд ли поделится с осетинами и абхазами, а это ведь тоже несправедливо.

Россия с Украиной могли заявить, что в их рядах коммунистов было больше, чем во всех республиках Средней Азии и Казахстана, вместе взятых, такой должна быть и их доля. В общем, выходило по пословице: куда ни кинь, всюду клин. А если сумма, исчислявшаяся миллиардами долларов, могла попасть к нему в банк, в независимом Узбекистане вполне могли сказать: «Это наши деньги», — и тут же вчинить иск бывшей КПСС на еще большую сумму и тоже в долларах: одна загубленная дефолиантами узбекская земля стоила любых триллионов.

Особенно остро почувствовал эту проблему Шубарин, вернувшись из Германии и открыв свой банк. Оттуда, из-за границы, все-таки виделись какие-то просветы, перспективы, на месте все оказалось куда жестче. Финансовая и кредитная политика, не говоря уже о валютных операциях, менялась чуть ли не ежемесячно, государство искало свой путь, и путь этот, как и повсюду, состоял из проб и ошибок. А банковское дело требует ясной финансовой политики и твердых законов — это азбука бизнеса. Без этого рассчитывать на успех, на западные инвестиции бесполезно, все стараются вложить деньги не просто в надежное и прибыльное, но и стабильное дело.

Уже в Ташкенте после отлета Гвидо и визита прокурора Камалова Шубарин вдруг ясно понял, что без страховки на самом высоком уровне ему вряд ли удастся осуществить задуманное — вернуть деньги КПСС из-за рубежа. Как он ни раскладывал варианты, при постоянно менявшихся законах все представлялось чистой авантюрой. Человеком, который мог его подстраховать, виделся пока только Камалов, но тогда его придется держать в курсе дел, а главное, сделать эту часть работы банка тайной, не подлежащей ни проверке, ни огласке, и связать это с интересами государства, что, в общем-то, не ново в мировой практике банковского дела. Но вот хватит ли на подобное решение полномочий Генерального Прокурора, Шубарин очень сомневался.

Вопрос, мучивший Шубарина, вдруг неожиданно обострился, не оставляя ему времени на раздумья. Однажды днем у него в кабинете раздался обычный телефонный звонок, и знакомый голос, который он никогда бы не спутал с другим, без обычных восточных церемоний сказал:

— Как дела, Артур? Поздравляю с открытием банка. Не забыл о нашем разговоре? Не передумал? — Получив короткий утвердительный ответ, абонент продолжал: — Желательно, чтобы ты в конце следующего месяца появился в Италии, там один старейший банк отмечает свое трехсотлетие. Ты получишь официальное приглашение как финансист из Узбекистана. Этот банк давно представляет наши интересы, мы дважды спасали его от разорения. Желая приятной поездки в Милан, возможно, мы там увидимся... — И разговор оборвался так же внезапно, как и начался.

Звонил Анвар Абидович, хлопковый Наполеон, находившийся официально за лагерной проволокой.

После звонка Шубарин машинально глянул на настольный календарь — до встречи в Италии оставалось шесть недель. Времени вроде достаточно, но не для таких грандиозных планов, что он построил. Конечно, если бы он на самом деле намеревался вернуть КПСС награбленные у собственного народа деньги, то наверняка при встрече в Италии поставил бы в известность подельщиков о своих сомнениях, возникших из-за развала государства. Но он не собирался возвращать деньги коммунистам, как и не думал отступать от идеи вернуть капиталы на родину. Вопрос был в одном — как? Проблема заключалась в том, что он ни с кем не мог посоветоваться, поделиться планами, а они возникали почти ежедневно, но ни один не выдерживал критики.

Вернувшись в Ташкент, Шубарин сразу почувствовал, что оказался в столице суверенного государства: дыхание перемен ощущалось на каждом шагу, здесь времени зря не теряли. И с первых дней возвращения он пытался понять механизм действия новой власти, ее ключевых структур, и быстро оценил, что тут, как и в России, еще полностью не набрала силу ни одна ветвь власти, все находится в зачаточном состоянии. Повсюду, на всех этажах шла борьба, хотя президентская власть была несоизмеримо крепче, чем в России, на которую республики по инерции держали равнение. И выходило, что пока в Узбекистане окончательно не разобрались с властью, он вряд ли мог получить откуда-либо поддержку, тем более что операция должна была храниться в строжайшей тайне. Из тех, кого он знал, лишь прокурор Камалов сидел пока на месте прочно и мог оценить масштаб затеянного им. «Вот если бы Камалов

был на коротке с президентом», — думал иногда Шубарин, но отметал эту версию сразу, зная, что Москвич не любитель мельтешить перед глазами руководства и без надобности не бывал в Белом доме. Кто вхож к президенту, кто у него в милости, быстро становилось известным, хотя бы для тех, кто интересовался этим, и Камалов в ряду таких ни разу не упоминался, но и среди тех, кем президент не был доволен, тоже не числился. Может, оттого, что жесткий хозяин Белого дома на Анхоре чувствовал, что в Прокуратуре республики тоже сидит человек, знающий свое дело и по характеру близкий ему. «А если бы я знал президента, как раньше Рашидова, как воспринял бы он мою идею?» — подумал Шубарин однажды, но тут же отбросил эту мысль. Вряд ли поддержал бы. Желание вернуть награбленное из-за рубежа, возможно, и поприветствовал бы, а дальше — ничего, кроме проблем и неприятностей. Нет, это нанесло бы молодой республике и первому ее президенту только урон. У нас кто делает добро, тот больше всего и страдает от этого. Вот если бы, как прежде, увязать эти деньги с какой-нибудь всеобщей идеей — сохранения Байкала, например, или целиком направить на освоение космоса, или на новый БАМ, но где теперь всеобщая идея? Даже если все отдать жертвам Чернобыля, вряд ли это найдет единодушное одобрение — скажут: у нас куда ни кинь, везде Чернобыль, и ведь будут правы. Но и деньги, отнятые у бедняков, оставлять заживревшему Западу не хотелось, потому Шубарин и не отступался от идеи вернуть капиталы. После разговора с хлопковым Наполеоном он понял, что до отъезда в Италию обязательно должен получить «добро» своей затее, и желательно сверху, иначе мог засветить, а то и провалить всю операцию с самого начала. А может, государство и отмежевалось бы от него официально, зная о его планах? Ведь разговор шел о суммах нешуточных. Но мысль, что нужна идея, охватывающая всеобщую проблему, прочно засела в голове Шубарина, под такую программу можно было попытаться уговорить кого-то поддержать банк.

Однажды в часы долгих раздумий Шубарин поймал себя на мысли: если бы его банк находился на Украине, он попытался бы напрямую выйти на президента Кравчука и предложить деньги бывшей КПСС на ликвидацию последствий Чернобыля, — вряд ли бы тот отказался. Но то ведь Чернобыль — мировая

трагедия, катастрофа, размышлял Шубарин, подыскивая другую уважительную причину, чтобы средства КПСС остались в его родном Узбекистане, раз он не может поделиться со всеми поровну, и чтобы все выглядело убедительно, как в случае с Чернобылем. И в эти дни, когда он бился над мучившей проблемой, ему бросился в глаза заголовок газетной статьи «Чернобыль республик Средней Азии и Казахстана», набранный жирным шрифтом на первой полосе молодежного еженедельника. В какой-то момент он даже подумал, что ему померещилось — увидел то, что тщетно искал. В статье речь шла об умирающем Аральском море, колыбели многих народов Средней Азии и Казахстана. По мнению ученых с мировым именем, специалистов, трагедия Арала по масштабам ее воздействия на экологию огромного региона равнялась Чернобылю, и от нее уже страдали и жители далекого Алтая, и хлеборобы Оренбуржья, и овощеводы Ленкорани в Азербайджане — следы соленых пыльных бурь со дна усыхающего моря уже стали обнаруживать и там.

В статье указывалась и виновница экологической катастрофы — КПСС, ее неумение хозяйствовать, пренебрежение к людям и природе, ее волюнтаристские решения. Одним росчерком пера в эпоху Хрущева край роз засадили монокультурой — хлопчатником. В одночасье регион лишился животноводства, бахчеводства, производства собственного зерна, сахарной свеклы, виноградарства, уничтожили сотни тысяч гектаров яблоневых садов, ореховых рощ, производства табака, масличных культур, а с ними и пчеловодства. На полив хлопчатника в сезон до последней капли вычерпывались две великие среднеазиатские реки — Сырдарья и Амударья, кормилицы и поиллицы миллионов людей вдоль ее берегов. Веками эти реки стекали в Арал, в уникальное внутреннее море, делавшее весь край щедрым и благодатным для жизни. Теперь без притока воды Арал усыхал на глазах. Вода ушла от берегов на десятки, а кое-где и на сотни километров, и в спасении нуждались уже и сами реки. Приводились в статье и цифры международных экспертов, чего может стоить человечеству возвращение Арала к жизни. Сумма каждого варианта, даже самого дешевого, поражала: наворованного КПСС (если удалось бы его вернуть) хватало лишь на часть работ. Долго еще придется расхлебывать человечеству эксперименты большевиков.

Газетная статья обрадовала Шубарина и вселила в него уверенность, что под такую идею ему, возможно, и удастся уговорить прокурора Камалова попытаться получить поддержку на правительственном уровне, остальную часть операции и риск он брал на себя. Имелся еще один существенный нюанс, но его он собирался конкретно обговорить в Милане: с первой же крупной суммой, возвращенной из-за рубежа, Анвар Абидович должен быть освобожден. Такое наверняка по силам тем людям, что беспрепятственно доставляли заключенного то в Мюнхен, то в Милан, и освобождение Анвара Абидовича не выглядело бы неожиданным — уже вернулись домой почти все крупные казнокрады, осужденные на такие же сроки, что и он, и даже приговоренные к расстрелу. Если бы Прокуратура Узбекистана наложила арест на незаконные валютные операции банка, связанные с запрещенной КПСС, то первое, что наверняка сделают люди, стоящие за этими деньгами, — ликвидируют хлопкового Наполеона, это ведь он дал гарантии, что Шубарин тот человек, с кем можно вести столь крупные и рискованные дела. Шубарин знал: пока он не вернет Анвара Абидовича домой и не спрячет надежно, операцию закруглять не будет. Впрочем, этот вариант он собирался обговорить не только в Мюнхене, но и в Ташкенте с Камаловым.

Сформулировав значительную цель, на достижение которой следует передать деньги бывшей КПСС, Шубарин немного успокоился, ибо твердо решил сразу после разговора с Миршабом и Сенатором встретиться с Камаловым. Пути их рано или поздно должны пересечься, он это смутно чувствовал, еще когда отправлял свое анонимное письмо. Шубарин был уверен, что Камалов, поняв суть предлагаемого дела, не станет выспрашивать его, как другие: а зачем тебе хлопоты, риск, зачем тебе ценою жизни добывать деньги для умирающего Арала? Ибо прокурор сам занимался каждодневно тем же и так же рисковал жизнью.

XXIII

Московских адвокатов хана Акмаля Сухроб Ахмедович прождал три дня — то ли задержались в Белокаменной, то ли Сабир-бобо устроил какое-нибудь новое испытание, а может,

загуляли в Аксае после голодной столицы. Там сейчас жизнь далеко не сахар, не стекаются, как прежде, в Москву реки избытка со всех концов неоглядной страны, отпала нужда в пропагандистской витрине, а в Аксае принимали всегда по-хански. Приятно, конечно, день-другой провести в горах, в заповеднике, подышать свежим воздухом, обойти за прогулку три-четыре водопада, а после вернуться к богатому дастархану — ныне такие застолья по карману только очень состоятельным людям. Сенатор с наслаждением вспоминал день, проведенный в Аксае, и жалел, что не было времени выбраться в горы, к охотничьему домику, где его некогда принимал сам хан Акмаль и где они наконец-то ударили по рукам, нашли путь к взаимопониманию.

Но на четвертый день, когда он уже собирался связаться с Сабиром-бобо, рано утром раздался телефонный звонок. Звонили с Южного вокзала, куда прибыл наманганский поезд, московские юристы, просили о встрече. Через час Сухроб Ахмедович уже принимал их дома за накрытым столом. Сенатор оказался прав в своих предположениях: гости действительно не хотели уезжать из хлебосольного Аксая и наперебой вспоминали оказанный им приём. Весь день, до самого отлета самолета, с небольшим перерывом на посещение махаллинской чайханы, где Сухроб Ахмедович заказал плов, они проговорили о возможных путях освобождения хана Акмаля.

Время и обстоятельства работали на Акмаля Арипова. Если бы его судили на скорую руку, как секретаря Заркентского обкома партии Анвара Абидовича в начале перестройки, приговор наверняка потянул бы на высшую меру. Самый большой срок заключения показался бы большой милостью, и ему Арипов был бы несказанно рад, ведь и тогда, шесть лет назад, материала для суда было достаточно, и свидетелей, твердо стоявших на своих показаниях, сотни, но Прокуратура СССР не спешила.

Никому и в голову тогда не могло прийти, что страну могут развалить, а вместе с ней будет упразднена и сама Прокуратура СССР, главный обвинитель Арипова. За годы затянувшегося следствия прокуратура подготовила на хана Акмаля более шестисот томов уголовного дела и выявила сотни свидетелей. Вот свидетелями и занимались вплотную адвокаты. Тщательно изучив тома дела и видеозаписи очных ставок, они составили подробный список тех свидетелей, которых нужно было заставить

изменить показания, хотя, по правде сказать, желающих дать показания против хозяина Аксая с каждым годом перестройки и так становилось все меньше и меньше. И в адвокатский список входили наиболее стойкие люди, в большинстве своем имевшие личные счета с ханом Акмалем. Свидетелями по делу проходили в основном жители Аксая или близлежащих кишлаков, несколько чиновников из Намангана, крепко и прилюдно битых ханом Акмалем. Ну, еще несколько журналистов из Ташкента и областной газеты, робко пытавшихся донести до народа правду о порядках, царивших в знаменитом орденоносном хозяйстве.

Списки свидетелей давно, еще в первый визит адвокатов в Аксай, были переданы Сабиру-бобо для «профилактической работы» со строптивыми. Кроме списков, Сабир-бобо получил копии всех свидетельских показаний против Акмаля Арипова. Теперь ни один дехканин не мог заявить ему: я этого не говорил, не помню. Сам факт, что Сабиру-бобо было известно, о чем они говорили следователю за двойными дверями, действовал на колхозников магически. Они лишней раз получали подтверждение, что с властью имущими бороться бесполезно, на кого жалуешься, тот и будет разбирать твою жалобу. Да и обстановка вокруг, результат провалившейся перестройки, действовала на людей удручающе, ведь с перестройкой связывали столько надежд! А выходит, все вернулось на круги своя.

Люди уже без особого нажима писали то, что советовал им Сабир-бобо, а того научили московские адвокаты. С кем обходились без давления, кого откровенно запугивали, а кое к кому пришлось предпринять меры. Иных задабривали: кого бараном, кого деньгами, кого должностишкой какой, кому помогли устроить детей в институт. Отказались от показаний почти все, и от всех имелась собственноручно написанная бумага об этом; даже журналисты отступились от своих прежних публикаций, «признавшись», что их ввели в заблуждение и они не поняли глубинных процессов в передовом хозяйстве страны. В общем, к суду, если бы такой состоялся хоть в Москве, хоть в Ташкенте, адвокаты были готовы и считали, что обвинения они расшатали основательно, и если избрать правильную тактику на процессе, агрессивную, наступательную, и все перевести в политическую плоскость, — то тяжбу можно будет считать выигранной.

Но после августовских событий обстоятельства вновь изменились. Сбылись пророческие слова аксайского Креза, зафиксированные на одной из видеопленок во время допроса. Поняв раньше других, что могильщик Горбачев похоронил единую страну, он в эйфории высокопарно заявил следователю:

— Я вечен! А Прокуратура СССР — это жандармский орган Российской Империи, и время сметет вас!

Так оно и вышло. Республики одна за другой обретали суверенитет, независимость, а союзные структуры медленно отмирали сами собой, и Прокуратура СССР — тоже. Неожиданно появилась реальная возможность если не сразу освободить хана Акмаля из-под стражи, то передать его скандальное дело домой, где вряд ли нашелся бы суд, способный осудить его.

Но даже на случай суда над Ариповым московские адвокаты заготовили сценарий — признать за ним кое-какую вину, ну, например, злоупотребление властью, и даже осудить, дав срок, равный тому, что он уже отсидел, находясь под следствием, и прямо из зала заседаний — на свободу, в объятия родных и близких. Причем этот вариант известные юристы считали наиболее разумным, не возбуждающим общественного мнения, чтобы врагам хана Акмаля когда-нибудь не пришло в голову потребовать нового суда над ним.

Просоветовавшись целый долгий день, просмотрев вместе основные материалы, они решили, что нужно срочно заручиться письмом из Верховного суда, где будет изложена просьба передать уголовное дело гражданина Арипова А.А. на рассмотрение по месту совершения преступления в связи с изменившейся политической ситуацией. Письмо это следовало поддержать и ходатайством из Верховного Совета республики, и несколькими личными просьбами бывших депутатов Верховного Совета страны, как обычно принято в демократических государствах.

Когда Сенатор на всякий случай переспросил, не нужно ли еще чего, адвокаты переглянулись, и один наиболее шустрый, специалист по защите особо богатых и влиятельных чинов, улыбаясь, подсказал:

— Ну, если к этим бумагам присовокупить десятку-другую тысяч «зелененьких», я думаю, хан Акмаль тут же окажется на свободе, мы уже расчистили пролом... — Видимо, они знали, что Сабир-бобо отвалил и доллары за освобождение своего ученика.

С тем гости и улетели. С письмом из Верховного суда проблем не возникло никаких, там работал Миршаб, были и депутаты, готовые подписать бумаги в защиту хана Акмаля; могла возникнуть лишь заминка с ходатайством из Верховного Совета нового созыва. Когда Сенатор посоветовался с Миршабом, к кому можно обратиться в Верховном Совете за помощью, тот неожиданно предложил не рисковать. И они вспомнили свой старый испытанный прием — подлог, которым часто пользовались на районном уровне, будучи прокурорами. На ксероксе отсняли бланк Верховного Совета с новой символикой, а текст придумали и отпечатали сами, в этом деле они считали себя асами.

Бумаги, как обещал Сенатор московским адвокатам, он подготовил за три дня и стал собираться в дорогу. События нынче происходили с калейдоскопической быстротой: случись еще один переворот, никакие ходатайства, не говоря уже о подложных, хану Акмалю не помогут, и Сухроб Ахмедович, зная это, спешил. Но прежде чем уехать в Москву, Сенатор хотел прояснить отношения Японца с прокурором Камаловым. Если такая связь существует и если они спелись на какой-то почве, то он там же, в бывшей столице, или по пути в самолете постарается выставить Шубарина в дурном свете перед ханом Акмалем, сразу настроит его против Японца.

На свободе хозяин Аксая будет опять представлять силу, Сухроб Ахмедович не сомневался в этом, отчасти потому и спешил лично встретить у ворот «Матросской тишины» опального Арипова. Но Газанфар, от которого он требовал каких-то подтверждений связи Японца с Москвичом, никак не мог нащупать ничего существенного, впрочем, даже и не существенного, а хотя бы ниточку, но и она не давалась в руки. И вариант — вбить с ходу клин между ханом Акмалем и Шубариным — Сухроб Ахмедович временно отбросил. Во-первых, их связывали давние отношения, во-вторых, аксайский Крез всегда высоко ценил Японца, знал его силу, а главное, он потребовал бы ясных и четких доказательств, которых, увы, пока не было. Да и опережать события не следовало, Сенатор любил повторять русскую поговорку: поспешишь — людей насмешишь.

Энергия была в Сенаторе ключом, и тогда он решил прозондировать до отъезда другой фланг, откуда Шубарин уже

получил предупредительный удар. Он попытался связаться с Талибом, опять же с двойной целью: если останется с Шубариным — нанести Султанову и тем, кто за ним стоит, существенный урон, расстроить их планы, а если их пути с Артуром Александровичем разойдутся — использовать эту силу против человека, поднявшего его на вершины власти. Таился во втором варианте и материальный интерес: стравив он Талиба с Японцем в смертельной схватке, и крупный пай Шубарина в преуспевающем ресторане «Лидо» они бы поделили с Миршабом, а там, по нынешним ценам, разговор шел о миллионах, о десятках миллионов, их ресторан не имел конкурентов в столице, вовремя они подсустились, поставили все на колеса, отладили его ход.

Но тут вышла осечка: то Газанфар несколько дней не мог выйти на Талиба, то его самого отправили на два дня в командировку в какую-то зону, где случился очередной побег, а когда Рустамов вернулся, выяснилось, что Талиб срочно улетел в Москву. «Срочно» и «в Москву» — это насторожило Сенатора: не оттуда ли тянется хвост к Шубарину? Но о том, что Талиб скоропалительно улетел в Первопрестольную, он решил Японцу не сообщать, так же как и сам собирался улететь, не ставя Шубарина в известность, но в последний момент передумал, и опять же из-за хана Акмаля. Арипов однажды уже попенял ему за то, что поездку в Аксай, самую первую, он провернул за спиной Шубарина, а ведь тогда полуночный телефонный звонок Артуру Александровичу спас ему, Сенатору, жизнь. Иначе аксайский Крез зажарил бы его живым вместо тандыр-кебаба или спустил бы в подвал с кишачими ядовитыми змеями. Наверняка хан Акмаль и в заключении был осведомлен о делах Японца не меньше, чем он, знал и об открытии банка, и при встрече мог спросить: «Как дела у нашего друга Артура?»

Нет, до поры до времени хан Акмаль не должен знать, что между ними пробежала черная кошка, и от Шубарина не стоит скрывать поездку в Москву. Возможно, он даже чем-то поможет, у него друзей в столице не меньше, чем у хана Акмаля. Кстати, высокопоставленные московские друзья Арипова, оправившиеся после первого шока, чувствовали перед ним вину — ведь, как ни крути, тот никого не сдал, а продать мог многих — знал такое, что могло затмить его собственные деяния.

Но он вел себя по-мужски. Сегодня, когда, словно карточный домик, в одночасье рухнули и партия, и КГБ, и прокуратура, и армия, они осмелели и могли через свои связи реально подействовать освобождению хана Акмаля. Список кремлевских друзей своего ученика Сабир-бобо в последний приезд тоже передал адвокатам, те даже опешили, узнав, какие люди были на крючке у их подзащитного, и тот все-таки устоял от искушения потянуть их за собой. Но Сухроб Ахмедович не стал вслух комментировать рассуждения московских коллег, только, как восточный человек, подумал: а может, поэтому хан Акмаль и остался жив?

Купив билет, Сухроб Ахмедович решил навестить Шубарина на работе, заодно и посмотреть, во что превратился бывший «Русско-Азиатский банк», о котором так много писали. Причину поездки он может объяснить тем, что Сабир-бобо попросил подтолкнуть работу адвокатов. Ни о ходатайстве из Верховного суда, ни тем более о подложном письме из Верховного Совета республики он решил на всякий случай не говорить: а вдруг это станет известно их ярому врагу прокурору Камалову? За одно подложное письмо можно надолго задержать хана Акмаля в «Матросской тишине». Но пока Сенатор собирался посетить отреставрированный особняк, где разместился банк «Шарк», однажды поутру у него дома раздался телефонный звонок.

Это был Шубарин. Расспросив о житье-бытье, здоровье, детях, настроении — как и положено по полному списку восточного ритуала, — он попросил Сухроба Ахмедовича заглянуть к нему в банк, и Сенатор предложил: если не возражаешь, готов заехать через час. На том и порешили. Положив трубку, Сухроб Ахмедович долго ходил по комнате возбужденный. Через час он и сам собирался нагрянуть к Шубарину неожиданно — не вышло. Японец, словно читая его мысли, перехватил у него инициативу, а это он посчитал дурным знаком и почувствовал смутную тревогу.

Через час в шелковом костюме от Кардена и ярком итальянском галстуке Сухроб Ахмедович появился в банке. Старый особняк из красного жженого кирпича он узнал лишь по рельефно выложенной на фронте цифре «1898» — так преобразилось здание и все вокруг него. Сам особняк был украшен

изысканным декором из местного мрамора светлых тонов, сменил обветшавшие почти за столетие оконные переплеты на большие по размеру из дюрала, что придавало строению очень строгий, официальный вид. А кованые ручной работы кружева решетки, без которых теперь не обходится даже газетный киоск, возвращали к мысли о прошлом веке, когда умели так замечательно строить. Небольшая площадь и скверик перед банком поражали нездешней чистотой и ухоженностью, и всяк проходящий невольно поднимал глаза, отыскивая вывеску, — кто же это так расстарался, буквально вылизал за квартал все подходы к «Шарку»?

Но еще больше поразило Сенатора внутреннее убранство банка. Он словно попал в совершенно иной мир, и хотя слышал о великолепно проведенной реставрации, но невольно тянулся глазами то к старинной люстре, свисавшей с высокого потолка, отделанного хорошо отполированным красным деревом, то к массивным, прошлого столетия, бронзовым ручкам дверей кабинетов, выходящих в просторный овальный холл первого этажа. Притягивали взгляд и картины, в которых Шубарин знал толк. Они были развешаны в хорошо освещенных длинных коридорах, на азиатский манер выстланных ковровыми дорожками строгих расцветок, впрочем, дорогие восточные ковры никогда не имеют кричащих тонов. Наверное, не один он, любой посетитель, впервые попавший в банк, невольно останавливался, столбенел перед непривычным для учреждения великолепием и роскошью, и служивые люди на входе, привыкшие к этому, давали время на адаптацию и лишь потом провожали к лифту или указывали на широкую лестницу, спускающуюся в холл откуда-то сверху, из-за поворота.

Сенатора уже ждали, потому человек без униформы, исполняющий привычную роль милиционера при входе в любой банк, не требуя от него никаких документов, негромко сказал:

— Вам, Сухроб Ахмедович, на третий этаж. Лифт за колонной, слева...

Но он выбрал лестницу... Не оттого, что ему не понравился хромированный, в зеркалах (он как раз стоял с открытыми дверями) финский лифт всемирно известной фирмы «Коне». Он просто хотел успокоиться, прийти в себя, акклиматизироваться в этом здании, возрожденном словно из небытия

трудом и фантазией Шубарина. Сухроб Ахмедович надеялся: пока поднимется на третий этаж, с его лица сбегут невольный восторг и зависть, которые он неожиданно испытал, распахнув массивную дубовую дверь в залитый теплым светом холл. Но, одолев лишь первый этаж по роскошной лестнице, на поворотах которой стояли бронзовые скульптуры, статуэтки на изящных мраморных подставках-консолях или диковинные карликовые деревья-бонсай в просторных каменных вазах на античный манер, он перестал вдруг видеть окружающее его великолепие — и картины в дорогих рамах с тяжелой золоченой лепниной, и настенные бра с матовыми плафонами венецианского стекла на массивных бронзовых кронштейнах, гармонировавшие и со старыми рамами картин, и литой бронзой затейливых решеток, петлявших по пролетам лестницы, явно доставшихся банку от первых его владельцев. Он вдруг ясно ощутил какую-то приближающуюся опасность, понял, что не зря Шубарин вызвал его в свою вотчину и не простой разговор ожидает его двумя этажами выше.

Сухроб Ахмедович всегда знал, что он человек не ума, а чувства. Он редко утверждал: я предвидел, он говорил: я предчувствовал. Вот и сегодня на просторной лестничной площадке между первым и вторым этажами банка, где рядом с бронзовой скульптурой богини Ники, кажется, благоволившей к финансистам, стояла еще и живая свежевывмытая пальма в стилизованной под старину кадке, отчего Ника оказалась то ли в тени раскидистой пальмы, то ли в привычной ей райской обители, у него словно включился сигнал опасности, и он невольно остановился в раздумье, как бы разглядывая редкостную пальму рядом с крылатой богиней. Но через минуту он взял себя в руки — назад хода не было, и Шубарин, наверняка предупрежденный охранником у входа, под пиджаком которого он углядел оружие, уже ждет его. Уйти — значит признать за собой недобрые намерения, а их Сенатор пока таил даже от Миршаба. И он стал быстро подниматься вверх.

Хозяин банка действительно ждал его, он как раз сам принимал из рук секретарши поднос с чайником и пиалами. В этот момент Сенатор и вошел в кабинет. Шубарин радушным жестом пригласил гостя к креслам у окна, на столик между которыми собственноручно и определил чайные приборы.

Акрамходжаев, перед которым был выбор, сел в то самое кресло, что неделю назад занимал Тулкун Назарович из Белого дома, поведавший Шубарину, как Сухроб Ахмедович некогда взял его за горло. Шубарин, не забывавший об откровениях старого политика, стоивших ему тогда тысячу долларов, невольно улыбнулся — круг замкнулся.

Разговор начал Сенатор... Он не удержался, высказав восторженное впечатление от увиденного, и такое начало сняло с него нервное напряжение, возникшее на лестнице, — сейчас он держался куда увереннее.

От глаз Артура Александровича это не ускользнуло. Когда охранник доложил, что Акрамходжаев пришел и поднимается по лестнице пешком, Шубарин сидел за компьютером и работал. На письменном столе стоял небольшой экран монитора телевизионной охраны, и он легким нажатием клавиш мог вызвать на дисплее любой операционный зал, зал хранения ценностей и ценных бумаг, собственную приемную, холл на первом этаже и даже площадь и сквер перед входом — впрочем, такой системой оборудован на Западе любой мало-мальски серьезный банк. Он невольно щелкнул переключателем, и перед ним появилась лестница, которая очень нравилась самому Шубарину, из-за нее он много спорил и с архитектором, и дизайнерами, и реставраторами, и теперь сам любил подниматься пешком, что служащие уже отметили. И он, конечно, успел заметить минутную растерянность Сенатора на площадке второго этажа, рядом с одной из любимых скульптур Японца, крылатой богиней Никой, — Акрамходжаев словно почувствовал, что сегодня его ждет неприятный разговор.

Выслушав восторженный отзыв об интерьерах и убранстве банка, Шубарин, в свою очередь, расспросил о здоровье и семье, о делах, поинтересовался, не нужно ли помочь деньгами. Тут нервы Сухроба Ахмедовича слегка дрогнули: в начале беседы он не упомянул о поездке в Аксай по требованию Сабира-бобо, но сейчас, когда Шубарин спросил о деньгах, признался, что ездил в вотчину хана Акмаля и с финансами проблем не имеет. Сенатору показалось, что Японец знает о поездке, и потому он поторопился все рассказать и даже о завтрашнем вылете в Москву доложил.

В какой-то миг Сенатор с удивлением почувствовал, что сам невольно перевел разговор в допрос. Шубарин заметил его реакцию, и оба моментально вспомнили свою первую встречу

в кабинете Сухроба Ахмедовича, где хозяин тут же попал под влияние Шубарина, хотя тогда ситуация была явно на стороне Сенатора, а точнее, Артур Александрович был у него в руках. Но Сенатор и тогда не сумел воспользоваться случаем, и сейчас чувствовал, как упустил инициативу. Шубарин ощутил эту растерянность гостя.

Посчитав, что этикет соблюден, Шубарин неожиданно для Сенатора сразу перешел к делу, чем еще больше разоружил гостя, ожидавшего, как обычно, долгой прелюдии к серьезному разговору. Это давало бы ему шанс сориентироваться — почему Артур Александрович настоял на официальной встрече, а не просто пригласил на обед в «Лидо» или в какую-нибудь чайхану, как прежде, ведь они так давно не виделись.

— Дорогой Сухроб Ахмедович, — сказал Шубарин, — мы с вами давно не виделись, а за это время изменилась обстановка вокруг нас, да и мы сами уже не те, что были несколько лет назад, когда судьба свела нас. Мы живем в другой стране, нас окружает совсем иной мир. Я теперь не предприниматель, а банкир, да и вы больше не партийный чиновник высокого ранга, хотя, я вижу, большая политика увлекает вас еще больше, чем прежде. Ваша поездка к хану Акмалю косвенно подтверждает это. Аксайский Крез всегда хотел влиять на судьбы края, думаю, этот зуд у него не прошел, тем более что сегодня нет политиков уровня Рашидова, а остальных он не считает себе конкурентами, уж я-то хорошо знаю хозяина Аксяя.

Сухроб Ахмедович, внимательно слушавший хозяина, неопределенно кивнул головой, то ли соглашаясь, то ли нет...

— За эти годы вы достигли того, к чему стремились, о чем говорили при нашей первой встрече, — продолжил Шубарин. — Вы стали человеком известным и нынче вряд ли нуждаетесь в моей опеке, как прежде. Я невольно ощущаю, как расходятся наши дороги, вы, почувствовавший власть, попытаетесь ее вернуть, значит, с головой уйдете в политику. Раньше и я невольно был втянут в нее, ибо любая деятельность контролировалась партией. Теперь стали действовать законы экономики, и думаю, что наша жизнь уже в скором времени будет деполитизирована, деидеологизирована, иначе впереди нас будет поджидать очередной тупик. Я по-настоящему хотел бы заняться финансами.

Без эффективной банковской системы суверенному Узбекистану не стать на ноги, и наш президент как финансист понимает это, банкиры ощущают его внимание, хотя не все идет гладко. Хочется верить, что Узбекистан желает стать правовым государством, где закон превыше всего, и перед ним будут равны все граждане: банкир и шофер, президент и прачка, еврей и узбек, мусульманин и католик. По крайней мере, первые шаги молодого государства говорят об этом, обнадеживают, да и Конституция подтверждает это.

В прошлом, когда жизнь регламентировалась партией, а закон существовал сам по себе, для проформы, я часто нарушал его, или, точнее, лавировал всегда на грани фола. Впрочем, если откровенно, многие мои деяния носили вполне уголовный характер, но я никогда не нарушал закон преднамеренно, сознательно, меня постоянно вынуждали к этому, всегда вопрос выживания моего дела, да и меня самого, физически, ставился ребром: или-или, другого не было дано. Но сегодня, когда все и для всех начинается сначала, с нуля, я хотел бы уважать законы моей страны, этого требует и моя новая работа. Банк с сомнительной репутацией, с двойной бухгалтерией, общающийся с клиентами сомнительной репутации, — не банк, нонсенс, и рано или поздно разорится или будет влачить жалкое существование. У меня иные планы.

В связи с этим я провожу ревизию прошлой жизни, хочу, как говорится, где возможно, даже задним числом, расставить точки над «и». Я не желаю, чтобы меня шантажировали моим прошлым. Это не от боязни, просто я хочу жить иначе и говорю об этом открыто всем своим старым друзьям, у которых, возможно, иной путь, и они не одобряют моих новых планов. Поверьте, чертовски противная процедура — копаться в прошлом, порою приходится переворачивать тяжкие пласты, возвращаться к неприятным событиям, абсолютно мерзким людям. Должен добавить, ничто не дает мне гарантии от шантажа в будущем, и я это прекрасно понимаю. Я даю возможность каждому взвесить свой шанс, прежде чем стать на моем пути. Я не хочу воевать ни с кем, хочу работать, воспользоваться историческим шансом, выпавшим и на долю Узбекистана, и на мою лично — я всегда мечтал стать банкиром. Но... «если я обманут» — помните, у Лермонтова в «Маскараде»? — «закона

я на месть свою не призову...» В общем, у меня достаточно сил, чтобы постоять и за себя, и за... банк. Вы меня понимаете? — Сухроб Ахмедович опять неопределенно кивнул.

— Я даю шанс своим оппонентам уточнить что-то в наших прошлых связях, чтобы не оставалось никаких недомолвок. Например, нас с вами, Сухроб Ахмедович, объединяет не простое сотрудничество и не короткая мимолетная связь, мы владеем общей собственностью, я имею в виду «Лидо», который процветает и приносит в столь кризисное время завидную прибыль. Наргиз с Икрамом Махмудовичем оказались прекрасными работниками, поэтому, если у вас есть какие-то сомнения в наших отношениях, а может быть, и претензии, я готов выслушать вас. Видит бог, я был искренен с вами с первого дня нашего знакомства, и вы единственный, кого я впустил в свой круг без тщательной проверки. То, что вы сделали для меня в ту пору, было неоценимой услугой. Не скрою, меня порою охватывали сомнения по поводу каких-то ваших поступков, но всякий раз я вспоминал добытый вами дипломат из Прокуратуры республики и отметал серьезные подозрения, считая это случайностью или относя на счет вашей сверхактивности, не имевшей выхода долгие годы.

— Пожалуйста, пример, — перебил глухим голосом Сенатор, пытаясь сбить хозяина кабинета, поймавшего верный тон в разговоре.

— Ну, хотя бы ваша первая, тайная поездка в Аксай, — ответил спокойно Шубарин. — Вы почему-то, не поставив меня в известность, за моей спиной решили получить поддержку хана Акмаля, и политическую, и финансовую. Вы же не могли не знать, что мы с ним старые компаньоны. Этот опрометчивый шаг чуть не стоил вам жизни... Разве такой поступок не должен был вызвать подозрение?

— Вы правы, Артур Александрович, — смиренно ответил Сенатор, — меня бы тоже насторожила подобная выходка...

— Конечно, я не столь наивный человек, чтобы отнести все на случай или вашу излишнюю эмоциональность. После того, как вы вернулись из Аксая, получив пять миллионов на политическую деятельность, я очень пожалел, что не навел о вас справки, как поступаю всегда и со всеми. — Шубарин помолчал, будто собираясь с мыслями. — Второй шок не заставил

долго ждать. Он явился неожиданностью не только для меня, но и для всех, кто знал вас, кажется, вы удивили даже вашего друга Миршаба...

Видя, как напрягся от волнения Акрамходжаев, Шубарин намеренно сделал паузу, и в это время раздался телефонный звонок. Он взял трубку радиотелефона, предусмотрительно перенесенную на журнальный столик.

Переговорив, Шубарин спросил рассеянно:

— На чем мы остановились, Сухроб Ахмедович?

Сенатор, потерявший вальяжность, нервно поправил яркий шелковый галстук и хрипло обронил:

— На вашем втором шоке...

Он действительно не знал, о чем пойдет речь, — Артур Александрович, как всегда, был непредсказуем.

— Ах, да... — кивнул Шубарин. — Так вот, я имею в виду докторскую диссертацию, а еще раньше ваши статьи о законе и праве, сделавшие вас популярным в крае юристом. При нашей первой встрече вы не упоминали ни о научной карьере, которой не дают хода, ни о том, что пишете или уже написали серьезную теоретическую работу, докторскую диссертацию. Согласитесь, наряду с тем, о чем вы просили меня тогда, эти факторы были куда важнее, а вы и словом не обмолвились об этой стороне вашей жизни... Признаться, я бы сам не догадался обратить на это внимание. Но я слышал не только восторг по поводу ваших выступлений в печати, но и недоумение: не может быть... Люди, близко знавшие вас, не верили ни в вашу докторскую, ни в одну строку ваших статей, говорили — нанял умного человека. Докторская, написанная чужой рукой, — явление не редкое для нашего края, скорее уж наоборот. В этом поступке кое-кто увидел лишь ваше тщеславие — стать доктором юридических наук, чтобы реально претендовать на самые высокие посты в республике.

Сухроб Ахмедович сидел, затаив дыхание, не в силах возразить ни единым словом, да Шубарин и не ждал этого от него.

— Наверное, не сиди мы с вами в одной лодке, не будь повязаны тайной дипломата, похищенного из стен прокуратуры, так же думал бы и я, но мы уже действовали сообща. Я пересадил вас из районной прокуратуры в Верховный суд, и вы должны были хоть словом обмолвиться о своих программных

выступлениях в печати, о защите диссертации. Как-то по возвращении из Парижа, когда мы отмечали мой приезд и ваше высокое назначение в Белый дом на Анхоре, в усадьбе Наргиз, я мельком, без особого интереса, спросил у Миршаба — знал ли он о вашей докторской диссертации? На что тот вполне искренне ответил: это сюрприз, как снег на голову. А последние пятнадцать лет вы никогда не разлучались, разве что только на ночь, не зря ведь вас со студенческой скамьи зовут «сиамскими близнецами».

Позже я многократно слышал от разных людей сомнения в авторстве вашей диссертации и ваших статей. У меня существует принцип: я должен знать людей, с которыми имею дело, впрочем, так, наверное, поступают все занятые серьезной работой. К тому же меня беспокоило, что вокруг вас столько разговоров, мне лишний шум, лишнее внимание к моим людям ни к чему. Для начала я достал вашу докторскую и с большим интересом прочитал; высокопрофессиональная, грамотная, своевременная работа. Но все время, пока я с ней знакомился, меня не оставляла мысль, что я когда-то уже слышал или читал подобное. Тогда же я подумал: какая большая разница между «устным» Акрамходжаевым и «печатным», «докторским», ничего подобного я не слышал от вас ни в личных беседах, ни в компании, где заходили разговоры о законе и праве..

Шубарин исподволь наблюдал за Сенатором, но тот словно окаменел в своем кресле, храня молчание.

— Любопытство толкало меня дальше, и я нашел ход к людям, куящим докторские для высокопоставленных чиновников. Я был уверен, что сразу получу ответ на мучивший меня вопрос, но вывод оказался неожиданным: автора никто не назвал, хотя работу оценили по высшему разряду, сказали, что автор докторской, несомненно, из местных, очень уж хорошо знает внутренние проблемы. Но иногда отрицательный результат важнее положительного, так случилось и на этот раз. Я все чаще и чаще стал возвращаться к мысли, что ваша докторская напоминает мне давние разговоры.. с убитым прокурором Азлархановым, нечто подобное, несвоевременное в ту пору, я не раз слышал от Амирхана Даутовича. Но я никак не мог найти связь между вами, по моим тщательно проверенным сведениям, вы никогда не были знакомы, не общались, слишком разный уровень по тем годам.

Да, я упустил еще одну деталь: ведь работа над докторской диссертацией требует не только фундаментальных знаний и подготовки, но и частого посещения серьезных библиотек. В ваших трудах много ссылок на известных философов, правоведов, выдержек из законодательства стран, широко известных своей юридической основательностью, таких как Англия, Италия, Греция, Германия. Я даже проверил некоторые ваши цитаты по редким книгам, имеющимся у меня в библиотеке, — все точно, до запятой. Однако выяснилось, что вы никогда не пользовались библиотекой, ни государственной, ни даже библиотекой юридического факультета университета и Прокуратуры республики, нет книг у вас и дома, тем более такого плана. Не правда ли, странно, Сухроб Ахмедович?

Сенатор невольно съезжился, почувствовал себя неудобно, но отвечать не стал, ему было важно уяснить, знает ли Японец о том, что он снял копии с его сверхсекретных документов, открывших ему, Сенатору, путь в высшие эшелоны власти. То, что он украл научные работы, статьи убитого прокурора Азларханова, его не волновало, он готов был этот грех признать и покаяться, тем более — дело прошлое, да и где теперь тот ВАК, утверждавший его докторскую?

— Я был убежден, — продолжал Шубарин, — что у вас нет причин таить столь важные факты своей биографии. И я хотел понять, что за тайна кроется за вашей высокой научной степенью и что вас побуждает скрывать это от меня, хотя во мне вы видите не только нужного и надежного компаньона, но и друга. Пожалуй, вот эти нюансы заставили меня изучать вашу работу вновь и вновь. Вы ведь знаете мою натуру, я не отступлюсь, пока не получу ответ на волнующие меня вопросы.

Однажды, когда я в очередной раз в компании, где были видные юристы, услышал скептическое мнение об авторстве ваших трудов, в голову мне пришла вдруг мысль, что надо изучать не ваши нетленные манускрипты, а творческое наследие Амирхана Даутовича, возможно, там и найдется отгадка этой тайны. Я так и поступил. Во-первых, раздобыл кандидатскую диссертацию Азларханова, которую он защитил в Москве. Там же отыскиались и другие его работы. А главное, все годы, работая прокурором в Узбекистане, он активно сотрудничал в крупных юридических изданиях страны. Интересные проблемные

статьи он успел опубликовать при жизни, жаль, что они опережали время и не были востребованы обществом. Нашлись серьезные материалы и последних лет, когда он неоднократно и как депутат Верховного Совета республики, и как областной прокурор писал обстоятельные докладные о состоянии закона и права в стране. Писал в Прокуратуру республики и Верховный суд, обращался в Верховный Совет Узбекистана — любопытные ракурсы высвечивал он в нашей жизни. Кое-какие работы отыскивались в нашем городке Лас-Вегас, где он обитал в последний год жизни и где, оказывается, всерьез работал над новым законодательством, словно предчувствовал суверенитет республики.

Артур Александрович вдруг неожиданно встал, отошел к письменному столу, взял аккуратно переплетенную папку с документами и еще один, отдельно лежавший бумажный скоросшиватель, и вернулся с ними к журнальному столику.

— Возьмите, — протянул он Сенатору ту, что потолще, — она должна представлять для вас интерес.

Шубарин вернулся в кресло, не выпуская скоросшивателя из рук, словно раздумывая: отдать, не отдать? Потом, положив его рядом с собой, продолжил:

— Собрав все наследие Амирхана Даутовича, я внимательно изучил его и могу с уверенностью утверждать, что ваши труды — компиляция работ прокурора Азларханова.

Тут долго молчавший Сенатор взорвался:

— Мало ли что вам могло показаться! Научные открытия, идеи, мысли носятся в воздухе. Возможно, у нас могли быть общие взгляды на закон, на право, на государственность...

Артур Александрович снова взял в руки тоненькую папку.

— Может быть и такое, согласен. Но чтобы вы не обвинили меня в предвзятости из-за моей дружбы с прокурором Азлархановым, а также в субъективной оценке, я отдал вашу докторскую и работы убитого прокурора, разумеется, без фамилий, на экспертизу. И вот вам результат: это самый что ни на есть беззастенчивый плагиат! — И он протянул Сенатору через стол заключение доктора наук прокурора республики Камалова, правда, отскерокопированный вариант и без подписи.

Сенатор нервным жестом схватил папку, — то ли от волнения, то ли неловко взял, она выпала у него из рук, чувствовалось,

что такого оборота он не ожидал, на лице его читалась явная растерянность. Торопливо подняв бумажный скоросшиватель, он хотел что-то сказать, но Шубарин остановил его жестом.

— Пожалуйста, не возражайте, не ознакомившись с заключением и тем, что мне удалось собрать из работ Азларханова. У меня времени в обрез, да и у вас тоже, вы ведь завтра улетаете в Москву. Если мы зашли так далеко в неприятном разговоре, я должен высказаться до конца, у меня к вам еще есть претензии, и более серьезные, чем эти.

Внимательно глянув на обескураженного собеседника, Шубарин налил ему в пиалу чаю и чуть мягче добавил:

— Успокойтесь, возьмите себя в руки. Я не собираюсь заставлять вас давать опровержение в печати, признаваться публично, что автором статей и вашей докторской диссертации является прокурор Азларханов. Я даже не возражаю, что мой компаньон по «Лидо» стал популярным политиком, сделав себе карьеру на материалах моего друга Амирхана Даутовича. Единственное, что я хочу знать, — почему втайне от меня? Чем я заслужил это недоверие?

Произнося эти слова, Шубарин цепко глядел на собеседника и почувствовал, что тот задышал спокойнее, ровнее. Он вовсе не желал, чтобы с Сенатором случилась истерика, а дело, похоже, шло к тому. Но это было всего лишь тактикой — бросать то в жар, то в холод, или, точнее, по пословице: из огня да в полымя. Шубарин хотел, чтобы Сухроб Ахмедович потерял ориентиры, запутался вконец, ибо то, что он желал выяснить напоследок, действительно было важнее, чем фальшивая докторская Сенатора. Поэтому, не давая Акрамходжаеву прийти окончательно в себя, сориентироваться, куда все-таки ветер дует, Шубарин жестко продолжил разговор:

— Перефразируя одну известную пословицу, можно сказать: одно открытие тянет за собою другое, так сложилось и в нашем случае. Отыскивая одно, я наткнулся совсем неожиданно на другое, причем крайне неприятное для меня. Наверное, вот это второе открытие и есть главный повод для нашей сегодняшней встречи.

Сенатор инстинктивно затих в кресле, выпрямился. Шубарин понял, что гость догадался, о чем пойдет речь, и поэтому начал напрямую, без обиняков.

— Однажды мне представился случай спросить у Миршаба: знали ли вы прокурора Азларханова? Он ответил, что нет, и я не имею оснований не доверять ему. По другим каналам я уточнил, что и вы никогда не были знакомы. Вы не общались, пути ваши никогда не пересекались, а вот творческое наследие известного юриста оказалось у вас. Оставалось выяснить, как оно к вам попало? Над этим я долго ломал голову, шаг за шагом восстанавливая в памяти наше знакомство. Особенно с первых минут, когда вы ночью выкрали кейс с документами из прокуратуры и позвонили мне из своего служебного кабинета почти через пять часов, хотя прекрасно знали, кто стоит за этим бесценным дипломатом и что мои люди ищут пропажу. И отгадка нашлась, хотя в этом случае у меня нет четкого заключения аналитиков, как по поводу вашей докторской.

Сухроб Ахмедович все время пытался перебить Шубарина, вставить что-то свое, возможно, даже увести разговор в сторону, но хозяин банка не давал такой возможности, и Сенатор, поняв, что дело движется к кульминации, попытался собраться, чтобы его не раздавили окончательно.

— Азларханов, — продолжал напирать Шубарин, — покидая Лас-Вегас в день смерти Рашидова, захватил с собой самое важное, связанное с высшими должностными лицами республики, состоявшими у меня на довольствии. Он был человек идеи, для которого существовал только закон, и его интересовало только дело. В сейфе, где находились тщательно оберегаемые расписки, хранилось более двух миллионов рублей в крупных купюрах, он не взял из них ни пачки. А вот свои работы, послужившие основой вашего взлета, он захватил, видимо, рассчитывая продолжить работу над ними. Таким образом они и попали к вам, Сухроб Ахмедович.

Сенатор вновь попытался что-то вставить, но Шубарин жестом остановил его:

— Вот тут-то и зарыта собака... Открыв дипломат, скорее всего без Миршаба, вы обнаружили труды Азларханова и сразу смекнули, что это готовая научная работа, и спрятали ее, даже не сказав об удачной находке Салиму Хасановичу, хотя материала там на две докторские хватало. Мне понятно ваше любопытство: что же лежит в кейсе, из-за которого в течение суток убили трех человек на территории Прокуратуры

республики? Вы и заглянули в него, ведь для этой цели и выкрали его с таким риском. Очень хотелось обладать тайной кейса, это открывало вам путь наверх, многие высокопоставленные чиновники оказались у вас под колпаком или на mine, которую вы могли подорвать в любое удобное вам время. Но не вернуть кейс хозяину вы не могли, это стоило бы вам самому жизни.

В начале операции вы поступили опрометчиво, предупредив подельщиков Коста о засаде, устроенной полковником Джураевым, обозначили себя. Да и тем, что выкрали Коста из травматологии — тоже, мы бы в этом случае все равно вышли на вас, часом позже, часом раньше. Собираясь на операцию в доме Наргиз, вы уже знали номера моих телефонов и в машине, и в доме, и на работе, Коста передал их вам сразу. План вы разработали гениальный: выкрасть дипломат из прокуратуры и вернуть его хозяину, который в долгу не останется. Но прежде чем вернуть, вы решили снять копии со всех документов, вот для чего вам понадобились эти три с половиной часа — между ограблением прокуратуры и моим появлением у вас в кабинете. Я тогда, конечно, увидев знакомый дипломат опечатанным, об этом и подумать не мог, слишком высока была ставка из-за секретов, таившихся в нем, особенно в те дни, когда решался вопрос о преемнике Рашидова, да и ксероксы в ту пору только входили в обиход, я и предполагать не мог, что он имеется в районной прокуратуре. А позже выяснил, опять же через Миршаба, что он появился у вас раньше, чем у других — вы конфисковали его у каких-то дельцов.

Шубарин на минуту замолчал и потянулся к чайнику, ему захотелось пить. В этот момент Сенатор торопливо задал вопрос, боясь, что его опять перебьют:

— Любопытная версия. А как насчет фактов, есть у вас конкретные доказательства, свидетели? Вы все время ссылаетесь только на моего друга Миршаба. Но он...

— Факты есть, — заверил Артур Александрович. — Такие разговоры ни с того ни с сего не начинаются, Сухроб Ахмедович. Вот только я не знаю, сколько копий у вас есть, а может, и Миршаб на всякий случай запасся экземпляром — вы ведь человек скрытный, непредсказуемый. А насчет свидетелей... Есть один человек, весьма влиятельный и по сей день, неделю назад он сидел в том же кресле, что и вы, и рассказал подробно,

в деталях, как вам удалось заполучить пост в ЦК партии, еще при коммунистах. Основательно вы его шантажировали, а ключ к его тайнам получили все из того же украденного кейса, такие сведения на улице не соберешь, их под семью замками держат. Хотите послушать запись беседы с Тулкунем Назаровичем? Его самого сегодня нет в Ташкенте, улетел в Стамбул на две недели...

Тут Сенатор неожиданно для Шубарина резко поднялся и, чеканя каждое слово, пытаясь не сорваться в крик, сказал:

— Я не знаю, кто и почему хочет нас рассорить, кто сочинил для вас эти небывлицы. Я думаю, время нас рассудит и все встанет на свои места. И разве можно верить таким людям, как Тулкун Назарович? За доллары, что ему могли понадобиться для поездки в Турцию, он мог что угодно наговорить, и не только обо мне!

Закончив свой резкий монолог, Сухроб Ахмедович стремительно направился к двери. Шубарин, не ожидавший столь поспешного бегства, а главное, такой неопределенной концовки разговора, весьма удобной для Сенатора, остановил его окриком, уже в тамбуре:

— Как бы вы ни расценивали нашу встречу, я даю вам срок — ровно десять дней, и то из-за поездки в Москву, чтобы вы вернули мне, в присутствии Миршаба, все копии моих документов. В противном случае я вынужден буду поставить в известность всех тех людей, на кого у вас оказались документы, что они есть у вас и как они к вам попали. Ничего другого предложить не могу. До свидания!

XXIV

Едва Сенатор покинул кабинет, Артур Александрович вызвал секретаршу и попросил свежего чая — отчего-то мучила жажда, а сам, подойдя к окну, выходящему на площадь перед парадной дверью, распахнул створки, и сразу шум города ворвался на третий этаж. Неподалеку от банка находился авиатехникум, старейшее учебное заведение Ташкента, и стайки молодых девушек в ярких национальных платьях направлялись то туда, то оттуда, словно приливная и отливная волна

одновременно. «Отчего вдруг местные девушки потянулись к авиации?» — мелькнула и тут же пропала мысль.

Он еще весь был во власти недавнего разговора и автоматически продолжал рассуждать: что же следует извлечь из поспешного бегства Сенатора? Выходило, что Сухроб Ахмедович своим поведением сам подсказал решение проблемы: если он по возвращении из Москвы не вернет документы, то придется действительно поставить в известность людей, чьи тайны оказались в руках у Акрамходжаева. В первую очередь надо обратиться, конечно, к тем, кто и ныне у власти, и можно быть уверенным, что они больше никогда не дадут Сухробу Ахмедовичу подняться — на Востоке такие трюки не прощают, особенно слабым, а сегодня Сенатор не на коне. Ведь даже Тулкун Назарович, обмолвившийся неделю назад, что Сухробу вряд ли ныне подняться из-за Камалова, не знал, что у того имеется еще достаточно компромата на него самого, вороватый братец Уткур — лишь эпизод, и шантаж из-за вакантного места в ЦК партии в свое время — не последнее, что может выкинуть тщеславный Сенатор. Ух, и взовьется Тулкун Назарович, когда узнает, как коварно обставил всех Сенатор.

Человека, сидящего на пороховой бочке с горящим фитилем, стоило ликвидировать, не дожидаясь взрыва. Чтобы снова вернуться к власти, Сенатор никого не пожалеет. И если Сухроб Ахмедович не покается и не вернет документы, заинтересованные лица могут без колебаний отдать его «на съедение» Камалову — на Востоке любят расправляться с врагами чужими руками, найдут для этого подходящий повод — так рассуждал Шубарин, не обращая внимания ни на журчавший внизу фонтан, ни на подъезжавшие к банку и отъезжавшие от него роскошные иномарки. Вернет, не вернет документы — ясно одно: Сенатор оказался человеком ненадежным, и вряд ли с ним стоит иметь дело в будущем, большой бизнес все-таки строится на порядочности.

И тут, у распахнутого окна, ему неожиданно пришло и решение насчет ресторана: рвать — так рвать сразу, по всему фронту, не жалея о выгодах от доходного дела. Как-то неловко быть вместе с «сиамскими близнецами» совладельцем курочки, несущей золотые яйца, и вместе с тем желать отмежеваться от них окончательно и навсегда. Какие бы доходы ни приносил

«Лидо», принципы для него всегда были важнее, да и деньги никогда не заслоняли жизнь, к тому же с открытием банка они увеличивались в геометрической прогрессии. Желающих купить его пай найдется сколько угодно, нынче и в Ташкенте появились официальные миллиардеры, но, опять же, он свою долю не всякому уступит. Он мог предложить пай Коста, если тот захотел бы заняться делом, но ресторан Джамоева не привлекал, по его понятиям «барыга» — не столь достойное занятие для настоящего мужчины, а ведь для многих это нынче венец мечтаний. Скорее всего, он уступит свой пай, между прочим, самый крупный, Наргиз и Икраму Махмудовичу, они многое сделали для «Лидо» и вряд ли забудут его щедрый жест, понимают, что это такое — уступить ни с того ни с сего контрольный пай в доходах лучшего ресторана столицы.

Неожиданное решение покончить с делами ресторана подняло настроение, и Шубарин с удовольствием откликнулся на приглашение секретарши, сообщившей, что чай готов, мысли о Сенаторе, так долго преследовавшие его, улетучились мгновенно. Бывали у него такие минуты, когда он твердо мог поставить точку в долгих рассуждениях и переключиться сразу на другое, впрочем, тоже мучившее его. Попивая ароматный чай, он вдруг подумал: почему так легко и даже радостно расстается и с «Лидо», и с Сенатором, и с Миршабом? Он действительно ощущал какую-то приподнятость в душе, но сразу не понял отчего, отгадка пришла чуть позже, случайно, когда минут через десять зазвонил телефон, и ему пришлось вернуться за рабочий стол.

Разговаривая по телефону, Шубарин придвинул к себе настольный календарь, где среда первой недели следующего месяца была обведена жирным красным фломастером. Положив трубку, Артур Александрович попытался вспомнить, что означает эта дата, и вдруг понял, отчего такая приподнятость в настроении впервые за эту неделю, да и вообще после возвращения из Мюнхена. Дата, обведенная фломастером, означала день, когда он должен быть в Милане, где встретится со своим бывшим патроном Анваром Абидовичем, и тот сведет его с людьми, распоряджающимися тайными валютными счетами партии. Но радовала не поездка в солнечную Италию, где он бывал и куда собирался захватить жену, чтобы доставить

ей приятное, а заодно и размагнитить внимание ожидающих его наверняка людей из спецслужб, которые будут пристально изучать его вблизи, ведь дело они затеяли не только грандиозное, беспрецедентное, но и противозаконное. Присутствие рядом жены избавит его от необходимости быть в их компании постоянно, можно всегда сослаться на супругу, тем более она в Италии впервые.

Радость Шубарина была связана не с банком, о котором он мечтал всю жизнь, и не с тем, что дела пошли сразу на лад, он на это и рассчитывал, банки, впрочем, сегодня открывал не он один. Желание вернуть стране и народу украденные у них деньги, возникшее еще в Германии, неожиданно, само собой, стало перерастать в главное дело его жизни, выходило так, что и банк он вроде создал только для этого.

Все, что он сумел сделать в своей жизни, достичь до сих пор, включая и банк, не шло ни в какое сравнение с тем, что он хотел свершить сейчас, — вернуть державе, народу их достояние — кровные деньги. Это был поступок мужчины, гражданина. Решение, зревшее в нем день ото дня, грело его русскую душу. Что-то, давно заложенное в него прадедом, дедом, отцом, проснулось в нем с новой силой — в их семье ныне звучащие как насмешка слова «служить Отечеству» не были пустым звуком. Все Шубарины, — а род свой он знал до седьмого колена, — верой и правдой служили России, а позже и новой родине — Узбекистану. В Андижане до сих пор работает масложиркомбинат, построенный в конце прошлого века его дедом, а паровозоремонтные мастерские и вагонное депо на станции Горчаково вблизи Ферганы тоже отстроены Шубариными и до сих пор верно служат людям нового, суверенного Узбекистана, там в цехах сохранились еще станки Сормовского завода, установленные дедом сто лет назад, — раньше строили на совесть, навечно.

Вот почему легко расставался он и с «Лидо», и с Миршабом, и с Сенатором, освобождаясь от мышинной возни ради главного поступка в своей жизни, и оттого светлела душа. Конечно, он осознавал степень риска, связанного с предстоящей операцией, но не боялся, ибо шел на это не ради корысти, а ради справедливости. Сегодня Артур Александрович ощущал свою кровную связь с историей, понимал, что настал и его

час послужить народу, и оттого не ведал страха, ощущал подъем сил...

Дата, обведенная в календаре красным фломастером, приближалась стремительно, вот-вот должны были поступить официальные приглашения и выездные визы в Италию, и надо было заняться билетами и заграничным паспортом для жены. Но прежде следовало заручиться поддержкой Хуршида Камалова, теперь-то он знал, что маятник его интересов, да и человеческих симпатий, резко качнулся в сторону Генерального прокурора. Откладывать встречу уже не имело смысла: Талиба в Ташкенте нет, с «сиамскими близнецами» все ясно. Вдруг Камалов отбудет куда-нибудь в командировку, надо было спешить... Шубарин потянулся к телефону, но в самый последний момент положил трубку. Он вспомнил, как, уходя из этого кабинета, Камалов сказал: «Если вы захотите вдруг со мной встретиться, шофера моего зовут Нортухта, он мой доверенный человек, он организует свидание хоть днем, хоть ночью, можете ему доверять. Запомните, парня зовут Нортухта...».

Да, звонить, конечно, не следовало. Он ведь знал, что Сенатор уже однажды организовал прослушивание телефона прокурора Камалова, да тот оказался на высоте, не только разгадал трюк противников, но даже задержал некоего инженера Фахрутдинова с центрального узла связи, откуда следили за его разговорами. Знал Артур Александрович, что Сенатор имеет своего человека, осведомителя, и в стенах прокуратуры, ведал и о том, что хан Акмаль в свое время подарил Сухробу Ахмедовичу прослушивающую японскую аппаратуру. Нет, звонить нельзя было ни в коем случае...

В тот же день, ближе к концу рабочего дня, когда водитель светлой, не бросающейся в глаза «Волги» протирает задние стекла машины возле прокуратуры, неожиданно объявившийся рядом молодой мужчина, обращаясь по имени, попросил:

— Нортухта, дай прикурить.

Водитель цепко оглядел незнакомца и молча протянул тому коробок спичек. И тут Нортухта, не сводивший глаз с прохожего, заметил трюк, достойный иллюзиониста: за то мгновение, пока открывался коробок и вынималась спичка, в него была аккуратно вложена записка, свернутая в трубочку. Прикурив, незнакомец поблагодарил и тут же пропал из

виду. В машине Нортухта прочитал следующее: «Сегодня, в полночь, буду у телефонного автомата на углу вашего дома, готов встретиться с вами, где посчитаете нужным. Важные обстоятельства». И вместо подписи две буквы — «А. А.». Шофер понял, что это гонец от Шубарина, хозяин предупреждал, что через Нортухту могут выйти на экстренную встречу с ним, видимо, час пробил. Не дожидаясь Камалова, он поспешил наверх, возможно, стоило для свидания захватить какие-то бумаги.

Ровно в полночь на Дархане напротив центральных касс «Аэрофлота» появилась машина с бесшумно работающим двигателем, хотя это была на вид самая заурядная «Волга» мышиного цвета. За рулем находился Коста. Как только Шубарин вышел у пустой телефонной будки, из темноты двора напротив шагнул навстречу ему молодой спортивного вида парень. Не приближаясь, он тихо, но внятно сказал:

— Меня зовут Нортухта, мне велено проводить вас. Шеф ждет вас у себя дома... — И на всякий случай, после паузы, добавил: — Место встречи вас устраивает?

— Вполне, — ответил Шубарин и пошел вслед за водителем Камалова вглубь двора.

Когда вошли в подъезд, темный, как и повсюду в нынешнее кризисное время, хотя дом считался престижным и находился в респектабельном районе, сопровождающий сказал:

— Третий этаж, дверь налево, — а сам остался в подъезде, видимо, он получил приказ подстраховать встречу.

Выходило, разговор с глазу на глаз страховали и с той, и с другой стороны, где-то рядом тут находился и Коста.

Едва открылись створки лифта, Шубарин увидел, как слева распахнулась дверь, и Камалов, стоявший на пороге, жестом молча пригласил в дом. Войдя в квартиру, Артур Александрович сразу почувствовал отсутствие женской руки, хотя кругом царили чистота, порядок, но это был мужской порядок, казарменный. На столе стоял не только традиционный чай, но и бутылка коньяка «Узбекистан» с закуской, и две пузатые рюмки-баккара из тонкого цветного стекла. Цепкий взгляд Шубарина выхватил на письменном столе у окна и пишущую машинку «Оливетти», и разбросанные бумаги; чувствовалось, что хозяин дома работал, по всей вероятности,

он был сова, ночной человек. Хуршид Азизович поздоровался за руку, сразу пригласил за стол и сказал как-то по-свойски:

— Чертовски устал сегодня, тяжелый день выдался. Не хотите ли пропустить по рюмочке, одному как-то было не с руки, хотя и возникло желание. — И после небольшой паузы с улыбкой продолжил: — Думаю, нам не повредит, разговор, чувствую, предстоит непростой, хотя, признаюсь, ждал его...

Артур Александрович согласно кивнул — в словах хозяина дома чувствовалась искренность, не свойственная людям его круга, Шубарин ведь хорошо знал высших лиц в правовых органах. Выпили, молча закусили. Хуршид Азизович разлил чай и, взяв свою пиалу, как-то выжидательно откинулся на спинку стула, словно приглашал гостя начать, и Шубарин заговорил, понимая, что ночь не резиновая, а обоим завтра, как обычно, предстоял до предела загруженный день.

— Меня к вам привело одно обстоятельство чрезвычайной, государственной важности. Дело, которое я задумал, в которое оказался втянут поначалу случайно, на мой взгляд, должно получить ваше одобрение и поддержку, иначе бы я не обратился к вам. Но я боюсь, что одних ваших полномочий, как бы они ни были велики, может оказаться недостаточно. Возможно, сообща мы и найдем какой-нибудь вариант, гарантирующий поддержку задуманной мной операции. Дело в том, что я со дня на день должен получить официальное приглашение на юбилей одного старейшего банка Италии...

— Оно уже сегодня пришло в МИД, можете отталкиваться от этого факта, — мягко прервал Камалов, устраиваясь поудобнее, понимая, что разговор будет долгим и серьезным.

Шубарин чуть вскинул глаза, не выказывая ни удивления, ни растерянности из-за неожиданной реплики прокурора, и продолжал:

— Я не знаю этого банка, никогда не имел с ним дел, но меня ждут на этом юбилее больше, чем любого другого гостя, хотя юбилей настоящий, просто так удачно совпало. Не буду вас интриговать, скажу сразу: дело касается тайных валютных счетов партии за рубежом. Сегодня об этом в печати уже появляются кое-какие инсинуации, не больше, фактов почти никаких. Да и я, оговорюсь сразу, мало что знаю, но мне предназначается не последняя роль в судьбе этих денег. Не будем

тратить зря время — когда, где, как появились эти суммы, надо разбираться отдельно, но то, что они есть, — реальность, и примем это за аксиому. Беда оказалась в другом.

Огромные средства партии, а по существу государственные, народные капиталы, и значительная недвижимость за границей в силу разных причин оказались в собственности иностранных граждан, в свое время увлекавшихся марксизмом-ленинизмом или прикидывавшихся таковыми, в общем, у людей, грешивших в молодости левацкими идеями. Сегодня, с крахом коммунистической идеи повсюду, на Западе и на Востоке, с окончанием эры холодной войны, откровенной конфронтации, деньги КПСС за границей могут пропасть бесследно. Уже есть случаи, когда хранители этих денег ликвидировали дело, сняли со счетов миллионы и исчезли в неизвестном направлении. И сегодня, особо доверенные люди партии и ответственные сотрудники спецслужб озабочены этим. В конце концов, подарить Западу ни за что, ни про что миллионы долларов могут только совсем беспринципные или вороватые люди. И они разработали довольно-таки реальный план возвращения хотя бы части средств на родину...

— Так вот, оказывается, зачем навещал вас в Мюнхене пребывающий в лагере Анвар Абидович Тилляходжаев? — от души рассмеялся прокурор. — А я ломаю голову, почему и как ему удалось вырваться из заключения «в увольнительную» и что ему от вас надо?

Вот тут настал черед удивляться Шубарину, и он не удержался, все-таки спросил:

— Вы, значит, давно знали о нашей встрече в Мюнхене?

— Да, давно, но только об этом и ничего больше, уверяю вас. Продолжайте, пожалуйста, извините, я не удержался, прервал вас. Слишком трудная была для меня загадка.

— Люди, владеющие тайнами валютных счетов партии, каким-то образом прознали про мой банк, ориентированный на западных вкладчиков и рассчитанный на обслуживание этнических немцев, проживающих в пределах бывшего СССР. Германия готова оказывать им всяческую помощь, лишь бы остановить их массовый исход на историческую родину, что создает огромные проблемы для обеих сторон. В местах компактного их проживания, а еще лучше при восстановлении

автономии немцев в Поволжье, как неоднократно обещал президент Ельцин, Германия готова финансировать не только массовое строительство жилья и всей инфраструктуры, необходимой для жизни, но и возведение современных промышленных предприятий и перерабатывающей отрасли в этих районах, в общем, программа на долгие годы, на миллиарды и миллиарды марок. Видимо, они разузнали, что я некогда был близок с секретарем Заркентского обкома партии, ныне отбывающим срок в уральском лагере, — лучшего посредника они, конечно, найти не могли..

Прокурор Камалов с интересом слушал гостя, подозревая, что этот разговор приоткроет многие тайны, мучившие его. Шубарин между тем продолжал:

— Дело в том, что Анвар Абидович является одним из немногих людей, бывших доверенными лицами партии. Бывая за рубежом в составе государственных делегаций, он выполнял конфиденциальные поручения КПСС, возил наличными миллионы долларов для заграничных коммунистических движений, для фирм и компаний, контролировавшихся левыми в разных странах. Эту работу не всякому доверяли. Мой периферийный банк по всем параметрам подходит, чтобы потихоньку, при каждой удобной возможности, перегонять валютные средства из Европы, Америки, Африки, Бразилии, Мексики, Ближнего Востока, Японии, Южной Кореи. Им нужен был не только солидный банк, но и надежный человек, кому они могли бы доверять гигантские суммы, чтобы потом, дома, так же легко их изымать для нужд партии, упраздненной ныне во всех республиках и переставшей быть ведущей в главной ее цитадели — России. Анвару Абидовичу устроили многочасовой допрос, выпрашивая все обо мне, и тот, смекнув, в чем дело, понял, что это его шанс выйти на свободу. Хотя, может быть, он вполне искренне хотел помочь партии, искупить перед ней свою вину. Тут оказалось весьма кстати, что я не вышел из КПСС, нигде публично и печатно ее не хаял и не хулил, хотя не разделял и не разделяю убеждений коммунистов, ввергнувших Россию в 1917 году в десятилетия хаоса и горя.

В общем, Анвар Абидович, в надежде уговорить меня и воспользоваться шансом спасения, поручился за своего друга Шубарина. Конечно, он догадывался, что поставил на кон свою

жизнь, вы ведь знаете нравы и порядки партии и зоны — несчастный случай в лагере не редкое явление, да и самоубийство организовать не проблема. Заручившись согласием Анвара Абидовича, они срочно доставили его в Мюнхен и организовали встречу со мной прямо среди бела дня, в русском ресторане, где я имел привычку обедать по воскресеньям.

Артур Александрович, попросив разрешения закурить, достал сигареты, но, не зажигая огня, словно боясь упустить время, продолжал говорить:

— Анвар Абидович обстоятельно ввел меня в курс дела, он все-таки по образованию экономист и неплохо знает банковское дело. Можно сказать, что я согласился сразу, ибо выбора не видел: на другом конце этого предложения, как на картах, стояла его жизнь, я это хорошо понимал. Впрочем, не согласись я, наверняка и моя бы жизнь оказалась под угрозой, спецслужбы не любят шутить, тем более что цена такой тайны — миллиарды...

Но это лишь первопричина моего добровольного согласия. Позже, еще в Германии, я стал собирать сведения о наличии таких денег в немецких банках и успел напасть на их след, хотя это стоило мне немалых личных средств — на Западе информацию, тем более такую конфиденциальную, даром не получишь. Там же, в Мюнхене, я все чаще и чаще возвращался к беседе с Анваром Абидовичем в отеле «Риц», куда вывез его специально, чтобы оторваться от спецслужб, и до сих пор жалею, что не записал наш разговор на диктофон. Тогда Анвар Абидович подробно ответил на все мои вопросы, и главный из них заключался в следующем — как образовались эти средства за рубежом? Он не скрывал, что при всевластии КПСС государственные средства было трудно отличить от денег партии, коммунисты все считали своей собственностью. Постепенно я пришел к твердому и единственному убеждению, что эти деньги принадлежат вовсе не КПСС, а обобранному и обманутому народу, и мой долг вернуть их на родину.

Прокурор Камалов вдруг встал и нервно прошелся по комнате, потом, вернувшись к столу, глядя на Шубарина в упор, спросил:

— А вы представляете, что может случиться с вами, если они почувствуют подвох, я уже не говорю о том, если вам удастся эта операция?

— Я понимаю, что задумал и чем придется заплатить при любом раскладе, но отступить не намерен. Слишком высока ставка, чтобы думать о себе. Вам ли объяснять, что редкому мужчине выпадает такой шанс — послужить народу, Отечеству...

— Ну, что касается вас, вы уже рискуете во второй раз на моей памяти, Артур Александрович, — ошарашил вдруг хозяин дома.

— Почему во второй? — не сообразил сразу Шубарин, все его мысли были заняты предстоящей встречей в Милане, он рвался в бой.

Камалов вернулся на место, взял предложенную Шубариным сигарету и, разминая ее в пальцах, объяснил:

— Разве ваше письмо, адресованное мне в прокуратуру, в котором вы сообщали о конкретных хищениях, экономической диверсии и валютных операциях в Москве, Прибалтике, в портах Дальнего Востока и у нас в Ташкенте, когда чуть было не похитили через подставных лиц три миллиарда рублей, предназначенных на развитие Кашкадарьинской области, было меньшим риском, чем ваша новая затея? Ведь мы тогда успели предпринять жесткие меры, и результат вам известен. И в первом, и во втором случае расплата одна — головой. Я помню ваши слова в начале письма, вы говорили, чтобы я не обольщался, вы, мол, человек из противоположного лагеря, просто не можете спокойно видеть, как разворачивают державу, и что наши пути в определенных обстоятельствах могут сойтись. Я верил в нашу встречу и рад, что вы решились сделать ответный шаг. Мы с вами одинаково смотрим на судьбу Отечества...

Шубарин, протянув огонек зажигалки прокурору, спросил:

— И о том, что я написал письмо в прокуратуру, вы тоже знали давно?

— Нет, представьте себе, об этом я догадался только сейчас. Я уже лет десять, если не больше, не встречал человека, который бы с волнением произносил слова «Отечество», «державу» ... В письме вашем тот же тон, те же интонации, что я слышу сейчас, та же боль за Отечество, державу, и слова эти вы написали с большой буквы...

— Наверное, об этом можно было бы еще поговорить, — сказал Шубарин, — но ночь коротка, а мне еще долго рассказывать, так что продолжу, с вашего позволения...

Теперь я перехожу к сложностям, нравственным и политическим, возникшим неожиданно. Разговор в Мюнхене произошел до известных августовских событий в Москве, или фторосского фарса, как вам будет угодно, до парада суверенитетов, образования СНГ. Сегодня выясняется, что нет никакого СНГ, мы все предоставлены сами себе. Нравственная сторона ситуации для меня немаловажна, ибо не из-за денег я ввязался в эту историю. Когда в Германии я пришел к окончательному выводу, что постараюсь вернуть деньги на родину, я имел в виду всю огромную страну — от Балтики до Тихого океана. Но как теперь поделить эти деньги, принадлежащие всем, если сегодня на территории бывшего СССР появилось столько суверенных государств? В любом случае справедливо не получится, ибо наша жизнь политизирована до крайности.

Мой банк находится на территории суверенного Узбекистана, и я должен считаться с его законами, его авторитетом, и международным в том числе. Верни я деньги в Узбекистан и попытайся разделить их справедливо, это все равно вызовет раздражение в каких-то регионах, что навредит нашему молодому государству. Я долго ломал над этим голову и даже хотел отступить от задуманного, но оставлять заживевшему Западу миллиарды, украденные у обнищавшего народа, мне тоже не по душе, не по-мужски это, не по-русски. И я думал, думал: куда направить деньги в случае удачи, чтобы это послужило на благо общества, интересам максимального количества жителей бывшего СССР? Иначе меня не поймут нигде, особенно в Узбекистане, где живет уже пятое поколение Шубариных. И я, кажется, нашел выход, который должен получить поддержку...

Шубарин видел, с каким интересом слушал его Камалов, видимо, и не предполагавший такого поворота в чисто финансовой операции.

— Я решил в случае удачи все деньги направить на восстановление погибающего Арала, его судьба конкретно касается более семидесяти миллионов человек, живущих в регионах и зависящих от этого уникального внутреннего моря, а последствия его гибели уже отражаются на климате всей территории бывшего СССР. В Ташкенте, оказывается, уже несколько лет существует комитет по спасению Арала... Я немедленно связался с ним, получил обстоятельные материалы, доклады,

подготовленные для ЮНЕСКО, заключения международных экспертов, особенно в той части, что касается финансирования программы спасения. Положение настолько серьезно, что я, не дожидаясь результата задуманной операции, уже перевел им четыре миллиона рублей на текущие дела, на привлечение экспертов. Это нравственная часть проблемы, возникшая в ходе подготовки операции...

Другая проблема — можно назвать ее технической — уже вне моей компетенции, мне одному с ней не справиться. Возникла она из-за политической ситуации, изменения границ. Раньше существовала единая банковская система, и рычаги ее находились в Москве. Сегодня я живу в другом государстве, с собственной банковской концепцией, которая еще не устоялась, да что там — еще не сформировалась. Идет поиск, законы принимаются и тут же отменяются, все делается путем проб и ошибок. А мое дело не должно зависеть от случая, и откладывать его нельзя, наверняка у заказчиков есть запасной вариант, и не один, при малейшем моем колебании они поставят на мне крест. При такой нестабильности банковской системы мне необходима надежная страховка на государственном, правительственном уровне, причем поддержка тайная, негласная. Повторяю, дело идет о миллиардах долларов. Как вы понимаете, первый же ревизор-взяточник засветит всю операцию...

Шубарин замолчал и потянулся к чайнику. Молчал и прокурор, делая быстро какие-то записи на клочке бумажки.

— Хватит ли у вас полномочий, Хуршид Азизович, чтобы подстраховать такую операцию, и насколько это будет законно? — спросил Артур Александрович после затянувшейся паузы.

Камалов встал, взял пустой чайник и, прежде чем направиться на кухню, сказал с улыбкой:

— Ну и крепкий арбуз вы выкатили к середине ночи, господин банкир, без нового чайника да, пожалуй, и рюмки, не разобрать. Я сейчас...

Он исчез на кухне, где на маленьком огне у него кипел чайник, а вернувшись за стол со свежим чаем, прикрыл чайник бархатным колпаком, на манер русской чайной бабы. Плеснул в бокалы еще немного коньяка, и они выпили молча.

— Что касается моих полномочий — их явно недостаточно, — прервал молчание прокурор. — Насчет законности...

Уже будучи полковником, отслужив семь лет в угрозыске, проработав прокурором и в Ташкенте, и в Москве, защитив докторскую диссертацию в закрытом учебном заведении КГБ, я год стажировался в Интерполе, в главной штаб-квартире в пригороде Парижа. На Западе — и во Франции, и в Италии, и в Германии — с согласия Генеральной прокуратуры страны иногда ведутся игры с наркомафией или иными криминальными структурами, пытающимися отмыть несправедливо нажитые деньги. Там ведь иметь деньги — еще не все: чтобы вложить их в дело, надо подтвердить, откуда они к вам попали и учтены ли в ваших декларациях о доходах. Мало кто знает, что в США, например, любая покупка свыше десяти тысяч долларов автоматически фиксируется и для ФБР, и для налоговой инспекции. Вот отчего у них казна не пустует, ничто не проходит мимо налоговой инспекции, хотя и нарушений сколько хочешь, но попался — заплатишь сполна. Как вы выразились, мы — молодое государство, и все у нас в стадии становления, нет пока законодательной базы, и, видимо, долго еще каждый конкретный случай будет рассматриваться отдельно. Ваше предложение неординарное, и оно заслуживает не только внимания, но и поддержки. По крайней мере, меня ни уговаривать, ни убеждать не нужно, я — уже сторонник вашей идеи. Но нас мало, вы правы, нужна поддержка на государственном уровне, но как ее без шума заполнить?

— Вы не вхожи к президенту? — попытался сразу взять быка за рога Шубарин.

— Нет, не вхож, — спокойно ответил прокурор. — Думаю, на этом этапе он запретил бы и мне, и вам проведение подобной операции. Он думает о престиже молодого государства, а эту вашу инициативу могут истолковать по-всякому. Вот если бы нам удалось повернуть возвращение крупных сумм из двух-трех стран, возможно, тогда и следовало поставить его в известность. Особенно если будем располагать документами, что бывший генсек Горбачев до последнего дня пребывания в Кремле финансировал из тайной кассы все левацкие движения в мире, вплоть до самых одиозных, и это в то время, когда собственным пенсионерам не хватает денег для физического выживания. — Видя, как приуныл Шубарин, он сказал веселее: — Не вешайте носа, я ведь не сказал, что вы затеяли

безнадежную игру. Ясна только наша с вами судьба: в случае провала вы рискуете лишиться жизни, а я, к радости многих, должен буду уйти в отставку. Давайте думать, может, у вас есть другое предложение, чтобы не обременять президента...

— Говорят, новый отдел по борьбе с мафией, который вы организовали, как только появились в Ташкенте, полностью укомплектован работниками КГБ, и это, мол, вам удалось лишь потому, что почти все руководители этой могучей организации в прошлом ваши студенты, или, точнее, курсанты...

— Да, отделы по борьбе с организованной преступностью — одна из тем моей закрытой докторской диссертации. Она имела гриф «Совершенно секретно» и дальше Политбюро и высших чинов МВД и КГБ не пошла, хотя я защитился в 1975 году, столько лет мы упустили, — в голосе Камалова прорвалась горечь. — На стажировке в Интерполе, о которой упомянул, я уже тогда обнаружил следы нашей мафии на Западе и описал это в обстоятельном докладе, направленном по тем же адресам. Нельзя сказать, что мои работы остались совсем не замеченными, меня стали включать в комиссии по разработке стратегических программ борьбы с организованной преступностью. В общем, признали специалистом по мафии.

Внимательнее всех с моими работами ознакомился Андропов, я с ним встречался дважды с глазу на глаз, думаю, КГБ кое-что использовало из моих разработок. Когда в Москве, работая районным прокурором, я наступил на хвост одному из кланов, приближенных к Брежневу, и у меня были крупные неприятности, спас меня именно Андропов. Отправил в Вашингтон руководителем службы безопасности нашей миссии в США, оттуда меня и вытянули в Ташкент. Да, я короткое время вел курс специальных дисциплин в закрытых учебных заведениях КГБ, был единственным преподавателем-узбеком, и, естественно, слушатели из Узбекистана тянулись ко мне, бывали дома. Так случилось, что нынешний шеф службы безопасности республики генерал Бахтияр Саматов и оба его зама — мои студенты, и я пользуюсь их поддержкой. Только благодаря Саматову в свое время я арестовал хана Акмаля... Впрочем, какое отношение служба безопасности имеет к нашим баранам? Ведь по Конституции я стою выше службы безопасности, она поднадзорна прокуратуре.

— Чувствуется, что вы долгое время не жили на родине, — улыбнулся гость. — По моим данным, Саматов и президент выходцы из одной махаллы, одногодки, учились в одной школе и даже окончили один и тот же факультет экономики известного транспортного института. А англичане говорят, что школьный галстук выше родни... И шефом КГБ Саматов стал раньше, чем его одноклассник президентом, так что двигались они параллельно и своими путями, оттого у них добрые отношения...

— Я понял, на что вы намекаете, но на этом этапе нельзя подключать президента, иначе загубим задуманное вами... — Камалов помолчал, потом задумчиво сказал: — А что, зерно в вашем предложении есть. Поступим, как и в случае с ханом Акмалем: проигнорируем высшую власть, сделаем вид, что это в нашей компетенции. Думаю, генерал Саматов поддержит нас, и мы вдвоем возьмем ответственность на себя, сославшись на тайну операции. Для этого вы уже сегодня с утра должны изложить письменно на мое имя и на имя шефа службы безопасности все, о чем сейчас рассказали, и приложить все документы, полученные от комитета по спасению Арала, теперь они вам не нужны. Это будет секретный документ, которому мы дадим ход, и, сославшись на государственную тайну, изолируем от любопытных все то, что вы посчитаете нужным. У входа в прокуратуру для граждан висит особый почтовый ящик, которым, кстати, активно пользуются, ключ от него хранится у Татьяны Сергеевны Шиловой из отдела по борьбе с мафией. Если я получу документы к обеду, тут же встречу с генералом Саматовым и найду возможность поставить вас в известность о принятом нами решении. Не исключено, что он лично захочет встретиться с вами, уточнить какие-то детали, дело вы затеяли непростое, и оно требует продуманной страховки. — После некоторой паузы Камалов задумчиво произнес: — А я и не знал, что генерал Саматов одноклассник с нашим президентом, он никогда не говорил об этом. Теперь понятно, почему мне иногда позволяется самостоятельность и, по существу, не вмешиваются в дела прокуратуры... — Камалов вернулся к прежнему разговору: — Встретиться с Саматовым надо обязательно. Не исключено, что вам нужно будет вывезти семью в какую-нибудь страну, да и самому при случае придется отсиживаться там и год, и два, а без содействия службы

безопасности это нелегко. — И тут же, без подготовки, словно залп, последовал вопрос: — А зачем приезжал к вам в Мюнхен вор в законе Талиб Султанов? Вы увлеклись лишь партийными деньгами, а отсюда вам уже исходила реальная угроза.

— Ну, с этим я разберусь как-нибудь сам. Приезжал Талиб за тем же, что и бывший секретарь обкома Анвар Абидович, — с предложением отмывать через мой банк деньги европейской наркомафии и доходы от преступной деятельности. Нынче в Европе и Америке проводить подобные операции становится все труднее и труднее, Интерпол повсюду наступает им на хвост. В нынешнем году и в Англии, и в Италии попало на этом несколько крупных банков. Да и деньги за это берут немалые, поэтому они потянулись сюда, к нам на Восток, хотят воспользоваться ситуацией, когда молодые государства рады любым долларovým инвестициям и не будут тщательно копать их прошлое. Верный расчет, между прочим, многие банки в Прибалтике поднялись на этом...

— И как же вы решили поступить с этими деньгами в случае удачи? — настороженно спросил Камалов, подумавший на мгновение, как и всякий прокурор, что Шубарин в благодарность за возвращение партийных денег попросит индульгенцию на незаконные операции с деньгами преступного мира, и казна государственная от этого только выиграет.

Впрочем, незаконность таких операций подтвердить трудно. Для безопасности нужно, чтобы власти смотрели на деятельность банка сквозь пальцы, тогда и овцы будут целы, и волки сыты, так поступают во многих слаборазвитых странах, чтобы любыми путями оживить приток валюты.

— Я поступлю с ними так же, как и с партийными деньгами, — они осядут здесь, в Узбекистане. Вы наложите официальный арест, так поступают во всем мире, я консультировался, — ответил, не задумываясь, Шубарин.

— Да, крутые дела замыслили, отчаянный вы человек. Собираетесь с мафией в одиночку воевать? А знаете ли вы, что Талиб вчера из Москвы по подложному паспорту вылетел в Германию? — Видя, как восторженно Шубарин, прокурор продолжил: — Наверняка и вы следите за его передвижением, но мне это удобнее, и у меня шансов не упустить его больше. И нынче он не в Мюнхен отправился, за ним присмотрят, как

и в прошлый раз. Я ведь говорил, что мой долг оградить вас и ваш банк от уголовных посягательств, что я и делаю. Не возражаете, Артур Александрович?

— Нет, не возражаю. Но хочу пояснить, чтобы не было двусмысленности и не пахло игрой в героя. Я не искал ни партийных денег, ни воровских, так случилось, что пути наши пересеклись. И по-мужски, и по-человечески я не могу отступить, я хочу выполнить свой гражданский долг...

Впервые за время встречи Шубарин разволновался и осекся, он очень хотел, чтобы его правильно поняли.

— Хорошо вы сказали — гражданский долг, — прервал затянувшуюся паузу прокурор. — Слова эти уже становятся музейными, архивными, к сожалению. Но и я вернулся из Вашингтона на родину только по одной причине — так я понимал свой гражданский долг... — И вдруг сразу, без перехода, как случилось не однажды за эту ночь, спросил: — А почему, если у вас была предварительная договоренность, они все-таки похитили вашего американского друга?

Камалов старался разобраться во всем до конца, ведь ему придется подробно, в деталях, знакомить с ситуацией генерала Саматова.

— Они попытались вначале внедрить на одну из руководящих должностей в банке своего человека, чтобы быть в курсе дел.

— Назвали фамилию? — спросил с надеждой прокурор.

— Нет. Сказали, назовут, если я дам принципиальное согласие о назначении. На другой день они предложили другой вариант — снабжать их регулярными сведениями о богатых вкладчиках, крупных денежных потоках, куда они движутся, в какие дни изымаются. Я не согласился, хотя и угрожали. Но я сказал, что разговор, начатый в Мюнхене, готов продолжить, и это, мол, представляет для меня интерес. Тогда они и выкрали Гвидо, чтобы взять меня на испуг.

— Если у Талиба, а точнее, людей, стоящих за ним, долгосрочная программа, вам, Артур Александрович, одному на два фронта не справиться, вы где-то можете дать осечку. Мне ясно, что в Италию вас должен сопровождать человек Саматова, там есть толковые ребята со знанием языка. Он посмотрит со стороны, кто и как будет осуществлять за вами догляд, заснимут

всех, кто будет прямо или косвенно связан с вами и Анваром Абидовичем. Имея портретную галерею, мы проверим всех по картотеке и очертим круг лиц. Возможно, выстроим еще два-три круга, туда войдут люди, с кем будут общаться ваши компаньоны после встречи. Эта работа для нас не в новинку. По таким крупным операциям мы сотрудничаем со всеми бывшими коллегами из СССР, потому что понимаем, чем грозит сращивание преступного мира Запада и наших мафиози. У вас своеобразная биография, уважаемое в разных слоях общества имя, а сведения, полученные нами совместно, позволят вам в дальнейшем увереннее вести игру. Теперь вернемся к Талибу. Когда он прилетит из Германии, то наверняка встретится с вами, ведь они, кроме предложения, никаких карт перед вами не раскрыли. Как только появятся варианты по деньгам наркомафии, я вызову из Москвы нескольких специалистов, они на таких операциях собаку съели. Возможно, их придется взять в штат, они хорошо знакомы с работой в банках, будут всегда при вас, и при необходимости вы сможете, не вызывая подозрений, брать их с собой в командировки и даже за рубеж. Если вы, конечно, не возражаете.

Хуршид Азизович невольно глянул в окно и сказал удивленно:

— Уже светает. Действительно, оказывается, ночь не резиновая, но нам удалось многое обговорить. Что ж, удачи вам в задуманном деле. Жду днем официального обращения... — И, встав, протянул на прощание руку.

У самой двери в тесном коридорчике, когда они стояли вплотную друг к другу, Шубарин вдруг сказал:

— Я должен поставить вас в известность, что в прокуратуре есть предатель и идет утечка информации. К сожалению, я не знаю кто, но за то, что он есть, ручаюсь головой.

— Я знаю. Сейчас идет интенсивный сбор материала на него. Человек ведет двойную жизнь, мы хотим взять его с поличным и сохранить как главного свидетеля, вместо ушедшего в мир иной Артема Парсегына. Кстати, повторное, тайное расследование, проведенное по моему настоянию, установило, что он был отравлен, но как и кем, остается загадкой до сих пор.

— Да, чуть не забыл. У предателя есть японский прибор для прослушивания разговора сквозь стены и для перехвата телефонных бесед.

— Вот это уже серьезно, спасибо. Надо бы и застукать его с этой штукой в руках.

И прокурор распахнул дверь в темноту лестничной площадки, выпуская гостя.

XXV

Сенатор покинул банк злым и раздраженным. Все худшее, чего он опасался, сбылось: Шубарин догадался, что он в свое время снял копии с документов, похищенных в Лас-Вегасе прокурором Азлархановым. Утешало одно — он сумел скомкать концовку встречи, оставив Шубарина в крайней неопределенности, и получил жизненно важную отсрочку в десять дней, а ведь Японец наверняка рассчитывал сегодня же получить ответ на все мучившие его вопросы. В этот отпущенный Шубариным срок следовало четко определить свои позиции: прийти вместе с Миршабом с повинной и покаяться или же в позе обиженного удалиться от Японца и попытаться столкнуться с его врагами, прежде всего с неким Талибом Султановым, уже дерзнувшем встать банкиру поперек дороги. Если бы не Тулкун Назарович, разболтавший Шубарину в подробностях, как Сухроб занял пост в Белом доме, можно было бы продолжать игру в униженного и оскорбленного подозрением, но тут крыть нечем — ясно, что сведения для шантажа матерого политика-пройдохи были извлечены из похищенного кейса.

Десять дней... десять дней... Почему-то настойчиво билась в мозгу эта цифра, не давая покоя. И вдруг до него дошло, что через десять дней его обложат со всех сторон люди, чьи тайны он хранит у себя дома в подлинных записях и в памяти компьютера. Сенатор легко представил себе череду их лиц. Многие по сей день занимают видные посты, но и те, кто временно оказался не у власти, обладают огромным влиянием. Есть среди них и уголовные авторитеты, эти особенно не любят письменных подтверждений своих деяний, они и от живых-то свидетелей избавляются, особо не задумываясь, просто так, на всякий случай, а уж от человека, специально хранящего компромат на них... этому оправдания и вовсе не найти. Да и сам Тулкун Назарович, по существу сдавший его Шубарину

(а партийного коллегу Сенатор считал все-таки своим союзником), наверное, не обрадуется, когда узнает от Шубарина, сколько еще компромата, кроме историй брата Уткура, хранится на него самого в чужих руках.

Такая перспектива привела бы в уныние кого угодно, но только не Сенатора, хотя он понимал, в какой тупик себя загнал. Ведь кроме Шубарина и Тулкуна Назаровича, на него охотился и прокурор Камалов, хватку которого он хорошо знал и не обольщался своей свободой. Но пока, в эти десять дней, у него будет только один противник — Камалов (в порядочности Шубарина он не сомневался: тот начнет действовать только по истечении срока ультиматума), и этими днями следует распорядиться с толком. Достоинства Японца, которые Сухроб Ахмедович хорошо знал, сегодня оказались его слабыми сторонами, и надо было использовать именно эти уязвимые места бывшего патрона.

Рассуждая таким образом, Сенатор незаметно для себя вырулил машину к чайхане в старом городе, где еще недавно завтракал с посланником Сабира-бобо, золотозубым Исмамом. Время близилось к обеду, и он не стал спешить ни домой, ни к Миршабу, а припарковал машину в тени вековой чинары, обвешанной клетками с перепелами. Хотелось побыть одному, взвесить все «за» и «против» своих выводов и решений.

Рынок, похоже, расшевелил людей и в неторопливой Средней Азии, в чайхане оказалось на удивление малоллюдно, лишь знакомые старики в зеленых чалмах занимали почетный угол в ковровом зале, а на улице, на айванах — ни единого человека. Только чайханщик, склонившись подобострастно на его приветствие, ладил во дворе дымящийся мангал, видимо, какая-то компания должна была подъехать на шашлыки. Не успел Сенатор расположиться на самом дальнем айване во дворе, в тени виноградника, как чайханщик тут же поставил перед ним поднос с чайником и горячей лепешкой. Решился и вопрос обеда, хозяин действительно ждал компанию на шашлыки из свежей баранины, так что он вполне мог рассчитывать на дюжину палочек и для себя. Но на сей раз не думалось: какой там был баран, хорошее ли мясо? Мысли вновь вернулись к разговору на четвертом этаже банка. И неожиданно стало ясно как день, что его явка с покаянием, с возвратом копий

документов Шубарину ничего не даст, кроме унижения. Вряд ли Японец простит, а главное, уже не будет доверять как прежде, — ведь он не раз говорил: обманувший однажды...

Как ни жаль, назад хода к Шубарину не было. Но и вступить открыто в конфронтацию не хватало сил, слишком разные возможности, и финансовые в том числе... И тут Сенатор осознал, в какую западню попал, такой безысходности он не чувствовал даже в тюрьме, тогда шансов на свободу у него было, казалось, гораздо больше. Неожиданно припомнившаяся жизнь в тюрьме выудила из памяти то, как Миршаб догадался через газету передавать новости с воли, даже самые тайные, включая советы адвокатов и прогнозы развития страны и республики. И он невольно улыбнулся — вспомнил, как тогда, в «Матросской тишине», уверился, кажется, на всю жизнь, что безвыходных ситуаций не бывает, всегда есть выход, путь к решению любой проблемы, только его надо найти, как гениально отыскал его Миршаб.

— Будем искать, — сказал себе Сенатор и направился к «жигуленку» за фляжкой с коньяком.

Несмотря на громадные штрафы ГАИ, он позволял себе водить машину под хмельком. Впрочем, его редко останавливали, а точнее — никогда. В Ташкенте гаишники имеют особый нюх на власть имущих людей, хотя тут, на Востоке, надо честно сказать, не прячутся за правительственными номерами, как в Москве, скажем, или в Тбилиси, не охотятся за особыми правами в пластиковых обложках и не козыряют служебными удостоверениями, таких видят издали, чувствуют за версту, понимают без объяснений, с одного взгляда: Восток — штука тонкая.

Обед в одиночку удался на славу не только из-за шашлыков из мелкорубленых бараньих ребрышек и нежнейшей печенки, но и потому, что он вновь собрал свою волю в кулак, определился, с кем ему по пути. Акрамходжаев ощутил, что внутри него включился счетчик, равный десяти дням, за которые он должен был найти способ нейтрализовать или уничтожить Шубарина, тут, как и в случае с Камаловым, поставлена на кон его судьба, ничьей быть не может, ибо на прозябание он не согласен. И первое, что он надумал — до вечернего самолета в Москву увидаться с Миршабом и постараться внушить

тому, какая смертельная опасность грозит ныне и ему от их прежнего покровителя и компаньона Шубарина.

Сенатор понимал: чем больше людей он убедит в опасности, исходящей от Шубарина, тем легче ему будет бороться с ним, а Миршаб пока обладал и официальной властью — ее обычно используют в борьбе с личными врагами. Вдвоем с Миршабом ему надо придумать повод, чтобы сразу рассорить выходящего из тюрьмы хана Акмаля с Шубариным, и потому он мысленно благодарил Сабира-бобо за то, что тот заставил его поехать в Москву. Выходило, что он единственный печется об опальном хане, а люди, изведавшие жесткость тюремных нар, ох, какое придают значение даже малейшему вниманию, и, наоборот, любое равнодушие возводят до таких высот!

Из чайханы уезжать не хотелось, хотя время и поторапливало, и он вдруг понял, отчего не спешит к Миршабу, своему закадычному дружку со школьной скамьи, компаньону и подручному. Да, ему льстило, что их называют «сиамскими близнецами», верят в их дружбу, в преданность Миршаба. Но после разговора с Шубариным в банке на память пришла фраза из какого-то американского боевика: «из беды выбирают в одиночку», или «каждый спасается сам», или что-то в этом роде, очень похожее на знаменитую фразу О'Генри: «Боливар не выдержит двоих». Во всех планах, что промелькнули в голове тут, на айване махаллинской чайханы, присутствовал вариант только собственного спасения, ставка делалась на свое благополучие, свободу, карьеру — и Сухроб честно признался себе в этом. Хотя знал, что для Камалова они с Миршабом идут в одной связке, ведь прокурор наверняка догадывался, кто стоит за смертью главного свидетеля Артема Парсегиана, да и для Шубарина они составляют единое целое, поэтому он потребовал, чтобы пришли вдвоем с Миршабом на покаяние через десять дней и вернули бумаги. Собираясь на встречу со своим другом, он знал, что ради спасения собственной жизни, политической карьеры он не остановится ни перед чем, если надо будет, пожертвует и Миршабом — больше в тюрьму ему не хотелось.

Откровения насчет Миршаба, с которым он мысленно уже распрощался, придали как бы второе дыхание его фантазии, раскрепостили сознание, которое и без того не обременяло

себя моральными, нравственными запретами. Он вспомнил, как среагировал на сообщение Газанфара о Шубарине после своей удачной поездки в Аксай к Сабиру-бобо. Тогда он решил: если каким-то образом обнаружится связь Шубарина с прокурором Камаловым, помогшим освободить Гвидо Лежаву, то он постарается непременно стравить человека, выкравшего американца, с Японцем. Сегодня, после неприятной беседы с глазу на глаз с Шубариным, необходимость в подтверждении такой связи отпала: время и обстоятельства уже развели их по разные стороны баррикад, а значит, он должен найти убедительный повод для Талиба или людей, стоящих над ним, поквитаться с Шубариным. И он вновь пожалел, что Талиба нет в Ташкенте. Но, развивая эту версию, резонно подумал: «А с чем бы я пошел к Талибу? У него ведь не исключены общие с Шубариным финансовые интересы, которых он никогда не будет иметь со мною, у меня же нет за спиной могущественного банка». Тут, желая заполучить союзника, следовало действовать осторожно и наверняка — он мог в лице Талиба обрести и врага. Значит, все упиралось не только в Газанфара, которому он поручил выведать, почему Талиб встречался с Шубариным и почему выкрал его гостя на презентации в «Лидо». Все требовалось уместить в прокрустово ложе десяти дней, определенных Японцем. Вряд ли он сможет действовать быстро и оперативно за гранью отпущенного срока, когда Шубарин натравит на него многих власть имущих людей и уголовников. И Сенатор порадовался, что среди бумаг нет компромата на Талиба Султанова, иначе контакт был бы невозможен ни при каких обстоятельствах.

«А может, следует настропалить Талиба и против прокурора Камалова? — пришла неожиданно дерзкая мысль. — Ведь это он подсказал Шубарину, кто выкрал Гвидо Лежаву, и даже назвал адрес, где тот содержится. Хорошо бы руками Талиба расправиться со всеми моими врагами», — подумал Сенатор, пытаясь шире развить тему, и вдруг нашел применение Талибу при любом раскладе, даже если и не войдет с ним в сговор.

«Вот уж обрадуется этой идее Миршаб!» — возликовал Сенатор. Миршаб после трех неудачных попыток покушения на жизнь прокурора Камалова остро переживал провалы и искал новых стрелочников, на которых можно было бы переложить очередное покушение. Турки-месхетинцы, чьи следы якобы

остались на месте преступления, уже не казались убедительными и не принимались всерьез. И вот на такую роль Талиб, которого он еще и в глаза не видел и на чью помощь рассчитывал в борьбе с Шубариным и с Камаловым, вполне подходил — фигура достойная, авторитетная. Тут нужную версию и варианты отработать нетрудно — при их-то с Миршабом опыте следственной и прокурорской работы. Мог помочь и Газанфар. И если уж выпадет самому сводить счеты с Москвичом, а не исключался и такой вариант, то ему не составит труда запутать свой след, как случилось во время ограбления прокуратуры, когда он организовал похищение кейса Шубарина с секретными документами и направил внимание следствия на Ростов из-за татуированного взломщика по кличке Кощей.

«Ай да Сухроб! Молодец!» — похвалил себя Сенатор и в хорошем настроении поехал к Миршабу в Верховный суд. Мысль о готовности предать его, как и Талиба, уже спряталась где-то в глубинах памяти до подходящего случая.

С Миршабом он пробыл до вечера, они многое обсудили и даже наметили несколько вариантов, как рассорить хана Акмаля с их бывшим патроном Шубариным, но каждый из планов годился лишь при удобном случае и при определенном настроении аксайского Креза, они хорошо знали его нрав. В одном решении «сиамские близнецы» оказались едины: не идти на покаяние к Японцу и не признаваться в том, что вскрыли кейс и сняли копии с его сверхсекретнейших документов. Это признание рано или поздно могло стать чьим-то достоянием, кроме Шубарина, и на их карьере, а то и жизни можно было бы поставить крест. А пока оставался шанс избавиться и от Камалова, и от Шубарина.

Одним убийством больше, одним меньше, срок один — как говаривал иногда их подельщик покойный Артем Парсегиан. С тем Сенатор и отбыл в Москву — освободить хана Акмаля из подвалов Лубянки.

XXVI

Покинув дом прокурора Камалова почти на рассвете, Шубарин вернулся в свой особняк в старом городе, но укладываться спать не стал, хотя отдохнуть не мешало. Он напрямиком

направился в крытый бассейн, примыкавший к его знаменитому саду, и с наслаждением поплавал, то и дело возвращаясь мыслями к полуночной встрече на Дархане. Позади была бессонная ночь, впереди трудный день, но усталости Артур Александрович не чувствовал, наоборот, ощущал прилив сил.

Теперь стала понятна причина этого подъема: наконец-то он определился и тут же обрел так необходимое душевное равновесие. Обнадеживало и то, что его непростые решения были поняты и одобрены, а ведь могло выйти и по-иному — наверху не часто встречаются самостоятельные люди. После плавания он принял контрастный душ и, стараясь не разбудить домашних, поднялся к себе, в рабочий кабинет на втором этаже. Изящная итальянская кофеварка, с которой он не расставался и в командировках, стояла на сервировочном столике рядом с письменным столом, и он стал готовить себе большую чашку кофе с пенкой, мысленно обдумывая послание на имя шефа службы безопасности республики генерала Саматова и Генерального прокурора. Затем набирал текст на компьютере и работал долго, часа два, пока снизу не позвали к завтраку. В это время он загонял готовый материал в память компьютера, а два экземпляра хорошо отпечатанного текста на шести страницах уже были тщательно вычитаны и подписаны.

После разговора с прокурором Шубарин понял, что встречи с генералом Саматовым ему не избежать. Дело, которое они затевали, было не только государственного, скорее международного масштаба. Если в работе с деньгами преступного мира у правоохранительных органов имелся какой-то опыт, впрочем, до сих пор только теоретический, — но об этом всегда можно было получить консультацию хотя бы в Интерполе, где, оказывается, некогда стажировался Москвич, — то с партийными деньгами придется иметь дело впервые, продвигаться вслепую, отрабатывая детали в ходе операции. И тут, конечно, прокурор Камалов прав: необходимо иметь для страховки мозговой центр, состоящий из специалистов, которых в бывшем КГБ с избытком, они-то и выработают и стратегию, и тактику.

Разговор с прокурором пошел на пользу, Артур Александрович увидел затеянное как бы со стороны, а точнее, как в голографии — объемно и насквозь, и понял, что одному ему не справиться. Действовать на два фронта без страховки

— чистый авантюризм, впрочем, он это понимал, оттого и настоял на встрече с Камаловым. Идея насчет специалистов по борьбе с отмыванием преступно нажитых за рубежом денег, которую предложил Москвич, конечно, разумная, о такой поддержке он и мечтать не смел. И семью спрятать где-нибудь в Европе на время, пока не утихнут страсти, без Саматова тоже будет нелегко. Поэтому письмо оказалось столь подробным, с планами, выкладками, чтобы можно было сразу, не теряя времени, подключить специалистов к операции, ведь день отлета в Милан приближался.

Два письма в одном конверте оказались в почтовом ящике у входа в прокуратуру республики к началу рабочего дня, и Татьяна Шилова, предупрежденная Камаловым, принесла их ему сразу после утреннего совещания, объявленного накануне. Принимая пакет, прокурор поинтересовался:

— А как у вас отношения с Газанфаром?

Получив ответ, предупредил:

— Возможно, на днях появится необходимость передать ему кое-что важное, пожалуйста, будьте готовы.. — И после паузы добавил: — От этой информации очень многое зависит, и даже жизнь близкого мне по духу человека. Я думаю, у вас еще будет возможность познакомиться с ним..

После ухода Татьяны Камалов вскрыл конверт, достал адресованное ему послание и внимательно прочитал; написано было толково, гораздо шире, чем вчера сообщено при личной встрече. И сегодня, знакомясь с планами, изложенными на бумаге, Камалов понял и по-настоящему оценил масштаб и опасность предстоящей операции, хотя ночью тоже осознавал, чем может обернуться неудача, срыв на любом этапе, и прежде всего для ее исполнителя — Шубарина. Затеянное им дело было сверх-опасным, и за провал он платил бы только одним — жизнью.

Прокурор машинально поднял трубку и вместо генерала Саматова набрал номер полковника Джураева, хотя еще минуту назад это не входило в его планы. Начальник уголовного розыска республики был на месте и тепло поприветствовал своего друга. В последние дни они не виделись, и Джураев, конечно, не знал о неожиданной встрече прокурора с банкиром.

— А вы оказались правы, — быстро перешел к делу прокурор, — когда накануне презентации по случаю открытия банка

«Шарк» предсказали, что вокруг этого лакомого кусочка еще разгорятся страсти.

— Что, еще кого-нибудь выкрали у Японца? — прямо спросил полковник.

— Нет, пока все на месте. И чтобы этого не случилось, я попрошу вас в ближайшие два-три дня подобрать четырех толковых ребят. Двоих — хорошо знающих уголовный элемент по части разбоя, грабежей, рэкета, а двоих других — хорошо ориентирующихся в мире мошенников, аферистов, картежников, кидал. Я пришлю официальное письмо секретного характера, и мы командирuem их на полгода поработать в «Шарк», а с Шубариным договарюсь, чтобы он взял их в штат, они будут дежурить по двое, посменно. Задача ребят на первое время ясна, а возникнет тревожная ситуация — скоординируем цели. Я сейчас ни о чем конкретном не могу сказать, но после встречи с генералом Саматовым, которая наверняка состоится сегодня-завтра, карусель, я думаю, закрутится...

— Что, обыкновенный банк может заинтересовать и ведомство Бахтияра Саматова? — удивился полковник.

— Обыкновенный? Не скажите. Вы забываете, кто его хозяин. Не вы ли мне говорили о нем, как о незаурядном человеке, финансовом гении? Тут глобальные масштабы, если сказать одним словом.

— Значит, мы поступили верно, когда помогли Японцу в трудную минуту? — спросил полковник напоследок, пытаясь уяснить главное для себя.

— Да, конечно. Оттого и новая просьба: отобрать лучших из лучших, работа в банке предстоит тонкая...

Положив одну трубку, прокурор поднял другую, правительственного телефона, и соединился напрямую с генералом Саматовым.

— Добрый день, Бахтияр Саматович, — начал он без привычного церемониала, сразу приступая к делу. — Через полчаса, если вы будете на месте, я пришлю к вам нарочного с очень важным документом. Бумага настолько ценна и секретна, что я вручу ее только вашему доверенному человеку, и он должен передать пакет вам лично. Примите его сами, хотя я понимаю ваши строгости.

— Надеюсь, я не должен дать ему расписку, — пошутил генерал, видимо, он был в хорошем настроении, и продолжил уже всерьез: — Да, я еще буду на месте час, пусть подъезжает. Вы не в претензии к людям, которых я передал вам по вашей просьбе?

— Нет. Не жалуясь. Спасибо. Они профессионалы, хорошо знают свое дело, а главное, порядочны, и я им доверяю, а в нашем деле, в наше время это половина успеха. Я убежден, что сообщение не оставит вас равнодушным, и если захочется уточнить кое-что, готов встретиться с вами немедленно, дело не терпит отлагательств.

— А мы другими и не занимаемся, — опять пошутил генерал и добавил: — Значит, так. Подъезжайте к шестнадцати часам, я знаю, по пустякам вы не станете отвлекать, а вопросы всегда возникают в нашем деле, вопросами только и живем. — И шеф службы безопасности тепло попрощался со своим бывшим преподавателем, к которому всегда относился с почтением.

Переговорив с генералом, Камалов мельком взглянул на часы: до шестнадцати было еще далеко. Он поймал себя на мысли, что заразился азартом, исходящим от Шубарина, и ему хотелось быстрее запустить операцию, ведь лишить преступность финансовой мощи — все равно что обескровить ее. Да и возвращение капиталов, награбленных КПСС, обнищавшей стране, задыхающейся в тисках экономического кризиса, он, как и Шубарин, считал долгом чести мужчины, офицера, гражданина — в этом они были солидарны. Видимо, так оценит ситуацию и генерал Саматов.

Как и всякий здравомыслящий человек, анализирующий результаты «перестройки», в которую он, как и большинство советских людей, поверил, сейчас Камалов чувствовал себя обманутым и обобраным. А ведь он был не совсем простой человек, знал немало и догадывался о гораздо большем, чем обычные, рядовые граждане. Он знал, что такое внешняя разведка и что такое внутренняя, ведал, какая мощная скрытая борьба в области идеологии шла между двумя системами и какие люди обеспечивали ее базу, опять же отдельно для внутреннего и внешнего пользования. И сейчас, де-факто, он признавал, что нас переиграли по всем статьям, и прежде всего благодаря «пятой колонне», «агентам влияния» внутри страны, которых

давно ловко и умело насаждали еще с годов хрущевской оттепели, особенно в среде либеральной интеллигенции, связанной со средствами массовой информации, идеологией, культурой. И уж, конечно, самой главной удачей наших противников стал сам генсек правящей партии коммунистов. Вот он-то и есть главный Герострат родного Отечества.

Поддержав Шубарина в рискованной затее вернуть партийные деньги на родину, Камалов мечтал не о возрождении проворовавшейся никчемной КПСС, оказавшейся неспособной защитить не только страну, но даже саму себя; он надеялся, что с деньгами партии откроется и тайна ренегатства Горбачева, появятся документы о его предательстве, сознательном разрушении государства, и прежде всего России. Вот тогда бы Михаил Сергеевич не отмахнулся от необходимости явки в суд, как уклонился от заседания Конституционного суда страны, где рассматривался иск к КПСС и куда его пригласили лишь свидетелем, как первого руководителя коммунистов. Появись такие свидетельства в России, им не дадут хода, многие там и сейчас повязаны одной веревочкой — не отсюда ли роскошный Горбачев-фонд, в который он не внес даже несчастных десяти тысяч уставных рублей? Как говорят в народе: ворон ворону глаз не выклюет.

Добудь Шубарин такие доказательства, он, Камалов, тут же предъявил бы разрушителю государства обвинение: материала, касающегося только Узбекистана, будет вполне достаточно. За одну войну в Афганистане, которую можно было закончить в апреле 1985 года, когда Горбачеву никто уже не мешал, ибо умерли все затеявшие ее, сегодня расплачивается весь среднеазиатский регион. Кстати, совсем недавно в журнале «Огонек», явно сменившем ориентиры после бегства еще одного ренегата — Коротича, бывший депутат союзного парламента от Армении Галина Старовойтова, которую никак не причислишь к державникам, патриотам, сказала в просторном интервью, как бы подтверждая решение Камалова, о государственной казне, дословно, без купюр: «Но ведь казна-то на самом деле разворована. Разные осведомленные люди указывают адреса: Швейцарию, Лондон, Дюссельдорф... (Шубарин в ночном разговоре с прокурором упоминал именно Дюссельдорф, где ему удалось найти кое-какие концы партийных денег. — Р. М.)

Но у меня нет ощущения, что это золото, вывезенное, между прочим, при Горбачеве, всерьез кто-то ищет. За разоренную казну рано или поздно кому-то придется отвечать». А Старовойтова, бывший «мудрый» советник Ельцина по национальному вопросу, ныне отстраненная коллегами-демократами от большой и доходной политики, знает, что говорит. Покрутилась она в перестроечной кухне и возле Горбачева, и «демократов», и вот сегодня такое интервью — может, в отместку за то, что оттерли от государственной кормушки?

Азарт словно подхлестывал прокурора изнутри, и он вновь вернулся к письму, адресованному на его имя, хотелось явиться к генералу Саматову с готовыми предложениями по развернутому плану Шубарина. И вдруг, как бы некстати, он вспомнил о Сенаторе, который вчера вылетел в Москву вслед за адвокатами хана Акмаля, из чего следовало, что аксайский Крез, некогда арестованный им лично, скоро окажется на свободе. Значит, Сенатор ищет союза с Ариповым, надеется на его финансовую мощь и связи. Ведь, по существу, хан Акмаль никого следователям не сдал, а оказавшись на воле, он многим может предъявить и счет, и претензии, или то и другое вместе. И хан Акмаль, и Сенатор — оба знают, — рассуждал прокурор, — что для него они были, есть и остаются преступниками, и пока он занимает этот пост, им рассчитывать на высокое официальное положение в республике будет трудно, если точнее — невозможно. А с этим не смирится ни первый, ни второй, значит, следующего, четвертого покушения осталось ждать недолго. «Может, от этого неосознанного ощущения я и спешу помочь Шубарину?» — подумал вдруг прокурор.

Впрочем, ни вчера дома, ни сегодня, когда прокурор занимался делами Шубарина, ему не пришла в голову мысль напрямую обратиться за помощью к Артуру Александровичу, ведь тот мог прояснить ему многие тайны. Когда речь зашла о важных государственных делах, мысль о собственной безопасности отодвинулась на задний план, и возвращаться к ней было неудобно, не по-мужски, даже если бы и вспомнил. Впрочем, и сам Шубарин намеренно избегал разговора о своей безопасности, хотя и понимал, на что идет. В одном Камалов был теперь уверен: Шубарин не станет участвовать в каких бы то ни было акциях, затеваемых против него Сенатором, Миршабом или

ханом Акмалем. У него некогда появилась сверхзадача: выйти на Шубарина, встретиться хоть раз с ним с глазу на глаз, и если удастся — вбить клин между ним и «сиамскими близнецами». Удалось добиться большего: они действуют совместно в крупной государственной акции. А как избежать четвертого покушения — это его проблема, и он не привык перекладывать свои заботы на плечи других. В конце концов, не сегодня, так завтра закончат собирать материал на Газанфара, дающий право на его арест, и можно считать, что песня Сенатора спета — недолго музыка играла, хотя он пока на воле, щеголяет в шелковом костюме от Кардена. На этот раз он уж доведет дело до суда. Вряд ли Газанфар Рустамов окажется крепче Парсегыяна, все-таки сдавшего своего покровителя. Спасая свою шкуру, Газанфар не пожалеет «сиамских близнецов», тем более если узнает, что те специально охотились за ним и в сговоре организовали ему крупный проигрыш, чтобы заставить его рыться в кабинетах прокуратуры и вынюхивать секреты. А человек, игравший против него в тот злополучный для Газанфара вечер, которого Сенатор с Миршабом наняли специально, ныне отбывал срок и готов был подтвердить на очной ставке сведения и про саму игру, и про многомесячные репетиции на дому у Миршаба. Неожиданным свидетелем Камалов был обязан полковнику Джураеву, его личным связям в уголовной среде.

Сегодня Газанфар становился для Камалова ключевой фигурой, без него он не имел хода ни к Сенатору, ни к Миршабу, а посадить их за тюремную решетку, устроив широкий открытый процесс, он считал делом чести, своим профессиональным долгом. Доведи он дело до суда, наверняка выплыли бы многие и многие фамилии желающих в переходное время дестабилизировать обстановку в крае. Не исключено, что хан Акмаль, освобождающийся на днях в Москве, может снова загреметь на скамью подсудимых на этом процессе, пауки вряд ли станут жалеть друг друга.

Если бы ему, Камалову, удалось довести задуманное до конца, в республике надолго воцарился бы покой, ведь на Востоке уважают решительность и силу, а процесс показал бы мощь новой власти. Отсеки голову мафии в высших эшелонах власти, и с обнаглевшей уголовщиной можно справиться куда быстрее.

Наконец-то наверху поняли, что, не сломав хребет преступности, нельзя вершить никакие перемены: ни политические, ни экономические. Даже сама идея будущего могущественного Узбекистана, провозглашенная президентом и принятая народом, может оказаться под угрозой. Нужно избавить и народ, и предпринимателей, да и саму власть от страха перед преступным миром, охватившим общество в последние пять лет.

С этой целью вместе с генералом Саматовым прокурор разрабатывал обширную программу, ведь он не зря еще со времен Брежнева привлекался союзным правительством к составлению стратегических планов борьбы с преступностью и слыл в этой области крупным авторитетом. Программа пока держалась в секрете, и если она получит поддержку президента и парламента, то порядок в Узбекистане наведут в считанные недели, тут исполнительная и законодательная власть, не в пример российской, действует слаженно и эффективно.

Роль Газанфара в предстоящих событиях представлялась Камалову столь важной, что он невольно забеспокоился за его судьбу: при двойном образе жизни этого человека с ним могло случиться все что угодно. На всякий случай он позвонил одному из своих замов, в непосредственном подчинении которого находился Газанфар, и попросил, чтобы в ближайшие дни его не командировали ни на какие ЧП в колониях и тюрьмах, там ведь тоже всякое может стрястись. Пришлось сказать, что Рустамов может понадобится для важной поездки в Москву, где намечалось совещание работников прокуратур бывших союзных республик. Камалов был уверен, что новость станет известна Газанфару, а значит, расслабит его в оставшиеся перед арестом дни.

На этом он не успокоился, позвонил полковнику, сначала поинтересовался встречей с генералом Саматовым, а затем спросил, сколько дней еще нужно, чтобы подписать ордер на арест Газанфара. Тот сообщил — дней десять. На вопрос, почему так долго, — получил ответ: в деле не хватает необходимых снимков, где Рустамов будет заснят в компании известных уголовников, картежных шулеров, Миршаба. Камалов понимал, что снимки и видеозаписи заставят Газанфара не тянуть с откровениями, а от сроков его признания будет зависеть арест «сиамских близнецов». Но тревога за жизнь Газанфара,

вселившаяся в него, уже не отпускала: он понимал, что не уберег Парсеяна, и то же самое вполне могло случиться с Почтальоном, почувствуй Сенатор, что Рустамов попал в поле зрения прокуратуры. Поэтому он еще раз позвонил на первый этаж Шиловой.

— Татьяна, — обратился к ней сразу, ибо она сегодня уже была у него с пакетом от Шубарина, — вы давно видели своего подопечного?

— Дня три назад, — отвечала Шилова, понимая, что шеф специально не называет фамилию Газанфара.

— Мне важно знать его самочувствие, настроение, ближайшие планы. Многие наши сотрудники, и он в том числе, разъезжаются на обед кто куда. Сейчас в Ташкенте много мест, где можно вкусно поесть. Он часто ездит на Чорсу, к уйгурам на лагман, напросись с ним в компанию.

— Хорошо, Хуршид Азизович, спасибо за идею, мне действительно давно лагмана отведать хочется, — пошутила Шилова и положила трубку.

Смутная тревога за Газанфара все-таки не убывала, и он пожалел, что нельзя сейчас, сию минуту, выписать ордер на его арест, только тогда он мог быть спокоен за жизнь Рустамова.

Обедал прокурор в Белом доме, куда его неожиданно вызвали в связи с разрабатывавшимся проектом борьбы с преступностью и где он встретился с парламентариями, юристами, участвующими в создании новых законов. Когда он появился в прокуратуре, помощник предупредил, что звонил генерал Саматов, и Камалов набрал номер шефа службы безопасности республики.

— Я ознакомился с присланными бумагами, — сказал генерал, — они действительно требуют безотлагательных действий, и если располагаете временем, приезжайте сейчас же, обговорим наедине. На шестнадцать часов я пригласил двух толковых экспертов и одного правоведа-международника, вам наверняка понадобятся их консультации.

— Пожалуй, не обойтись, — согласился прокурор, обрадованный тем, что генерал поддержал его рискованную затею, и поспешил добавить: — Минут через десять я буду у вас.

Вышел Камалов из главного здания бывшего КГБ на Ленинградской, когда уже стемнело. Возвращаться в

прокуратуру было бессмысленно, хотя дел там накопилось невпроворот. Как только отъехали от резиденции Саматова, он набрал номер телефона Шубарина на работе, дома телефоны молчали. Тогда прокурор вспомнил про «мазерати» и набрал номер в машине. Бодрый голос Шубарина, который он теперь вряд ли спутал бы с чьим-то другим, ответил: «Слушаю вас...»

Камалов сообщил, что разрешение на операцию получено всего десять минут назад, после долгих дебатов и споров, и что завтра в первой половине дня к нему в банк занесут пакет, где содержатся перечни вопросов, на которые нужно четко и ясно ответить или хотя бы прояснить вопросы. После чего он должен будет встретиться с человеком, который даст окончательное «добро».

— А пока оформляйте документы на выезд на себя и на жену, — сказал прокурор напоследок, и они тепло распрощались.

С этой минуты операцию «Банкир», как окрестили ее на Ленинградской, можно было считать запущенной.

XXVII

В Москве Сенатор убедился, что столичные адвокаты не зря получали гонорары, равные президентским, — путь хана Акмаля на свободу оказался протаранен связями и деньгами. Особенно помогла последняя мощная долларовая инъекция. Сработали и правильно выработанные стратегия и тактика, решалось все на высоком официальном уровне, и письма-ходатайства из Верховного суда и Верховного Совета Узбекистана, настоящие и подложные, пришлись весьма кстати, без них и взятки не помогли бы, а так все делалось как бы законно. Формальности и задерживали день выхода хана Акмаля из тюрьмы: неожиданно понадобился человек из Верховного суда Узбекистана, который должен был официально принять все шестьсот томов обвинения, а к ним еще и кучу сопутствующих бумаг, хранящихся в разных ведомствах и в разных концах Москвы. Только чтобы вывезти их, требовались бригада грузчиков, транспорт и большегрузный контейнер: с размахом попирал на свободе законность «верный ленинец». И те, кто

передавал «томов громадь», и кто принимал, отлично понимали, что увесистые кипы свидетельских показаний и бесстрастные заключения экспертов отныне никому не нужны, но протокол есть протокол, а если откровенно, чем крупнее взятка, тем пышнее всякий официоз и камуфляж. Сенатор понял, что в неделю, даже в десять дней, как он рассчитывал, не уложиться, но Шубарин тоже установил жесткий срок, и срок этот ему очень хотелось продлить.

Ведь в отпущенное Шубариным время он собирался расправиться с ним или хотя бы нейтрализовать Японца, а бесценные дни приходилось тратить на хана Акмаля. Правда, Сенатор чуть ли не каждый день звонил в Ташкент, то Миршабу, то Газанфару, но существенных желаемых событий не происходило: Талиб по-прежнему находился в Москве, а о планах Камалова Почтальон не ведал. В последний раз Газанфар обмолвился, что, возможно, объявится в Москве на каком-то совещании и попытается отыскать Талиба в столице. Но с чем бы он пришел к вору в законе? Удачный повод, причина пока не давались в руки. Нервничал в Москве Сенатор, нервничал, и это заметили окружавшие его люди, особенно московские адвокаты хана Акмаля, с которыми он, как угорелый, носился по столице. Не мог же он сказать им в открытую о своих проблемах, что ему поперек горла стали Генеральный прокурор Камалов и видный в республике банкир Шубарин? Поневолу занервничаешь, если жизнь твоя зависит от их пребывания на земле.

Так не хотелось Сенатору, чтобы Шубарин через десять дней натравил на него людей, с чьими тайнами он расставаться не желал, как не желал и признаться в том, что украл их. Он надеялся, верил, что обязательно найдет выход из тупика, а для этого требовалось одно — время. Зная характер Шубарина, открыто объявившего им войну, он не сомневался, что в день истечения срока ультиматума тот позвонит ему домой, а если он не вернется из Москвы, то Миршабу, и, конечно, напрямик спросит: как вы решили поступить? И он попытался оттянуть срок расплаты — предупредил Миршаба: если позвонит Артур Александрович, тот должен сказать одно: давайтеждемся возвращения Сенатора с ханом Акмалем, тогда и поговорим. Вроде и объективно, просительно звучит, они как

бы раздумывают, и угроза чувствуется: «...с ханом Акмалем, тогда и поговорим...» Получается так, якобы хан Акмаль на их стороне, готов замолвить слово за Сенатора и дать понять, что вернулся настоящий хозяин. В общем, в такой редакции поле для фантазии оказывалось обширным, понимай, как хочешь.

Словом, как ни исходил ядом и желчью Сенатор в Москве, реально угрожать ни Камалову, ни Шубарину он не мог, хотя дома, в Ташкенте, и Миршаб, и Газанфар не сидели сложа руки. Но Сенатор был уверен, что не зря суетится в столице: хан Акмаль, выйдя на свободу, мог разрешить и его проблемы, ведь он-то, наверное, не забыл, кому лично обязан тюремными нарами — Камалов тоже стоял у него поперек горла. Нужно было терпеть и ждать, как его учил мудрый ходжа Сабир-бобо.

XXVIII

Получив «добро» на операцию, Шубарин обрадовался — до последнего момента он не был уверен, что заручится поддержкой властей. Власть, которую он знал прежде, сплошь была перестраховочной, любые мало-мальски важные решения принимались на самом верху — так было и в Москве, и в Ташкенте, и в Тбилиси. А тут ситуация с выходом на границу, — рискованная, с непредсказуемыми последствиями, — одобрена в двух ведомствах без согласования с Белым домом. Но этим он, конечно, обязан Камалову, да и «добро», судя по позднему звонку, было вырвано к ночи, он чувствовал радость победителя в голосе прокурора.

На другой день, незадолго до обеда, неулыбчивый молодой человек, предъявивший на входе удостоверение корреспондента местной газеты, принес ему пакет, из-за которого он не покидал банк. Вопросов оказалось немало, двадцать три, и Шубарин понял, что органы взялись за дело всерьез и страховка будет надежной. Некоторые вопросы наводили банкира на мысль, что уже заранее, до начала операции, они подыскивают ему страну-убежище, где он сможет спрятаться с семьей, если такая необходимость возникнет. Были там вопросы относительно посредника, его бывшего покровителя Анвара Абидовича, —

на Ленинградской словно чувствовали, что он потребует гарантий для хлопкового Наполеона. Большинство вопросов касалось его друзей, выехавших на Запад с первой и второй волной послевоенной эмиграции, но это, видимо, на тот случай, чтобы знать, где он может объявиться в любой момент и откуда есть надежда всегда получить поддержку.

Некоторые вопросы заставляли глубоко покопаться в памяти, а другие требовали даже времени, чтобы порыться в архивах, в общем, на хлопоты нужно было дня три, хотя конкретных сроков ему не устанавливали. В те дни, когда он готовил ответы, состоялись два важных телефонных разговора. Один из них — с Анваром Абидовичем: он уточнял дату прибытия в Италию. Настроение у него было отличное, значит, операция не отменялась. Второй звонок оказался местным, звонили поздно ночью домой, когда он уже спал. На другом конце провода был тот самый человек, который грозил ему накануне открытия «Шарка». Голос на этот раз звучал дружелюбно, говорил незнакомец достаточно открыто.

— Извините меня за полуночный звонок, — начал он, — но я должен получить последнее «добро» от вас. Через час мне снова позвонят из Гамбурга, и я обязан ответить Талибу — возвращаться ему одному или с немцем, с которым вы будете иметь дело.

Разговор шел начистоту, видимо, ему пока еще доверяли.

— Предложение Талиба для меня остается привлекательным, пока длится неразбериха с суверенитетами, мы год-два можем работать без риска. Но мы никаких деталей с Талибом не обговаривали, пусть приезжают те, кто уполномочен вести переговоры, я думаю, найдем общий язык.

— Когда конкретно нам можно встретиться с вами?

— Если бы человек из Германии был в Ташкенте, то хоть завтра, но его здесь нет, а я через пять-шесть дней вылетаю в Италию, в Милан, на юбилей одного из старейших банков, куда приглашен официально с семьей, и уже оформляю документы на выезд. Значит, только по возвращении, а это дней через десять-двенадцать, к этому сроку и вызывайте своих людей в Ташкент.

В трубке возникла пауза, и говоривший на другом конце провода вдруг обрадовано предложил:

— Италия?.. Прекрасно... Вы не возражаете, если назначим встречу в Милане? Талиб ведь знает вас в лицо? — Видимо, этот человек здесь и решал все вопросы, стоял над Талибом.

— Нет, в Италии не могу. Я же сказал, что еду с семьей, а ее я не хочу подвергать риску, ведь за вашими людьми может быть хвост. Потерпите неделю, и Ташкент для вашего гостя покажется не хуже Милана, а тут мы даем гарантии безопасности, все схвачено.

— Вы правы, не будем рисковать, — согласился собеседник. — Я желаю вам приятно провести время в Италии и достойно влиться в семью банкиров Европы...

Закончив разговор, Шубарин вытер холодную испарину на лбу, выступившую мгновенно, когда предложили встречу в Милане. Положив радиотелефон, он пошел в другую комнату, к параллельному телефону с определителем номера, но на экранчике остались только штрихи, похожие на те, что бывают при междугородном звонке, хотя этот явно был местный.

Позже, когда Шубарин встретится с генералом Саматовым один на один и скажет ему о ночных звонках, тот ответит:

— Мы записали эти разговоры, не предупредив вас о том, что отныне ваши телефоны прослушиваются. Это для вашей личной безопасности и для безопасности всей операции. А что касается местного звонка, вы правильно заподозрили что-то неладное с телефоном. Наши специалисты засекали координаты, это не квартирный телефон и не телефон-автомат. Скорее всего, сохранился специально затерявшийся в городской неразберихе номер телефона-автомата, и теперь он находится в чьем-то доме, в том районе в основном частные усадьбы. Этот квадрат взят на учет, в следующий раз точно установят адрес, откуда звонят и кому принадлежит строение.

Рано или поздно нам придется навестись туда, и адресок в кармане не помешает. Координаты мы передадим и Камалову, и Джураеву, возможно, по этому адресу проживают их старые знакомые, Ташкент все-таки не Мехико и даже не Токио. При удаче мы бы могли установить до вашего приезда, кто говорил с вами, хотя он вряд ли объявится у тайного телефона, вы ведь назвали сроки. Интересен и междугородный звонок. Тилляходжаев звонил из Москвы, с дачи одного высокопоставленного должностного лица. А на наш запрос в лагерь

ответили, что заключенный на месте, повез сдавать белье в прачечную.

Во время этой встречи, происходившей в номере одной неприметной ташкентской гостиницы, генерал подтвердил, что в Италии Шубарина будет сопровождать человек с Ленинградской, кандидатура которого к тому времени еще не определилась.

Дня через три, когда Шубарин поехал в ОВИР получать заграничные паспорта и документы на выезд, он случайно узнал своего визави.

В помещении ОВИРа шел затянувшийся ремонт, и документы выдавали в крошечной комнате, у окошка которой, как всегда, толпилась очередь, в основном отъезжающих на постоянное место жительства в Израиль, Грецию, Германию и Америку, народ шумный, бесцеремонный. Стоять в очереди, которую и очередью-то назвать нельзя, он не собирался, и потому вышел во двор, раздумывая, кому бы позвонить, чтобы поскорее заполучить документы. Не успел он выкурить сигарету, как его окликнул полковник, подъехавший к ОВИРу на милицейской машине. Шубарин поздоровался с ним за руку, обменялся приветствиями на узбекском языке, никак не припоминая его, хотя, конечно, знал многих милицейских чиновников, да и полковник мог видеть его прежде рядом с уважаемыми людьми или на высоких приемах, или на престижных свадьбах. На Востоке любой нормальный разговор заканчивается фразой — чем могу быть вам полезен, или чем помочь, — если дословно с узбекского. Шубарин и выложил свою просьбу. Полковник на несколько минут исчез в здании, а затем провел Артура Александровича через черный ход внутрь тесного кабинета, где выдавали выделенные для многих бумаги.

Выписывала паспорта издерганная жизнью женщина лет сорока, она равнодушно посмотрела на Шубарина, видимо, привыкла и к такому обслуживанию, и предложила сесть у края стола, из-за тесноты почти рядом с собой, — полковник к тому времени откланялся. Женщина курила, и когда она потянулась к невзрачной пачке дешевых сигарет, лежавшей на столе, Шубарин остановил ее жестом и предложил «Мальборо» вместе с огнем зажигалки. С этой минуты хозяйка кабинета как-то потеплела к нему и, пустив колечко дыма в потолок, сказала игриво:

— Значит, в Милан едете, где тут у нас Италия?

Из стопки лежавших навалом папок она вытащила довольно тощую и, открыв ее, достала документы на его имя и имя жены, стала что-то вписывать в разные толстые амбарные книги, а открытую папку небрежно бросила в его сторону, прямо перед ним, и ему не стоило никаких трудов ознакомиться с лежавшими наверху бумагами.

«Стрельцов Сергей Юрьевич», — прочитал он на анкете с крупной, четкой фотографией молодого тридцатилетнего мужчины приятной внешности в звании подполковника. Подполковник службы безопасности командировался в Италию, в Милан, и сроки их пребывания за рубежом совпадали. Шубарин понял, что этот молодой человек с модной стрижкой, смахивающий на разбитного журналиста, и будет страховать его в чужом городе.

В суматохе предотъездных дней Шубарин забыл и о Сенаторе, и о Миршабе, забот хватало, его теперь занимали больше всего партийные деньги, да и банк требовал внимания. Но о неприятном разговоре с Сенатором напомнил ему Тулкун Назарович, вернувшийся из Стамбула. Он откуда-то прознал, что Сенатор отправился в Москву освободить хана Акмаля, и поспешил доложить об этом Артуру Александровичу — на всякий случай. Отношение старого политика к Сенатору было крайне негативным.

— Мерзавец! — горячился он по телефону. — Хочет показать хану Акмалю, что все мы, старые друзья Арипова, и ты, и я, сидели сложа руки, спасали свои шкуры, пока тот томился в тюрьме. А он, Акрамходжаев, едва выйдя на свободу, помчался выручать аксайского Креза. Будет теперь стравливать в своих интересах хана Акмаля со всеми нами, — заключил прожженный интриган.

— Ну, хан Акмаль не такой дурак, чтобы слушать кого попало, — попытался успокоить человека из Белого дома Шубарин, — наверное, он понимает, что Сенатор хочет вернуть себе прежнее положение и особенно место, а оно уже занято. Боюсь, что и хану Акмалю теперь придется поубавить амбиций. Другие времена — другие люди пришли к власти...

— То-то и оно, ты здорово рассуждаешь, — уже более спокойно закончил разговор Тулкун Назарович и стал рассказывать про Стамбул...

После беседы со старым политиком Шубарин и вспомнил, что назначил Сенатору десятидневный срок, в который тот должен вернуть все копии, снятые с его документов из похищенного в прокуратуре кейса. Отпущенный «сиамским близнецам» срок ультиматума истекал, и Артур Александрович позвонил домой Сенатору, поинтересовался, не вернулся ли тот из Москвы. Ответила жена, с большой симпатией относившаяся к Шубарину, она сказала, что муж звонит домой почти каждый день, но когда вернется, не знает, удерживает то одно, то другое, хотя вопрос об освобождении Акмаля Арипова в принципе решен. Артур Александрович не стал говорить с ней ни о чем конкретно, передал привет и, попросив позвонить ему тут же по возвращении мужа, закончил разговор. Не стал звонить он и Миршабу, на его взгляд, последнее слово в дуэте всегда оставалось за Сенатором, нужно было дожидаться его приезда, да и в сравнении с тем, чем он занимался в последние дни, проблема копий с украденных у него документов или покаяние вороватых компаньонов по «Лидо» не казались ему теперь столь уж важными. Главными сегодня были поездка в Милан и, по возвращении, встреча с Талибом.

XXIX

Прилетел он в Милан утром из Гамбурга. Ташкент пока не имел прямого рейса на Италию, можно было через Москву, там есть прямой рейс, но он решил через Германию, поскольку этот маршрут уже хорошо обкатал. В Германии он пробыл с семьей семнадцать часов, встречался с немецкими коллегами, которым привез первые отчеты о деятельности своего банка, результаты впечатляли. Привез он и видеофильм о презентации банка, множество фотографий самого здания, его интерьеров. Начало путешествия оказалось не только приятным, но и полезным. В старом аэропорту Милана встречал их Анвар Абидович в сопровождении молодого человека, которого он представил, как служащего банка.

Хлопковый Наполеон был в шикарном белом костюме и тонкой шелковой рубашке, которыми так славится сегодня Италия. Но, несмотря на модную одежду, внимательному человеку

бросилась бы в глаза его тюремная бледность, худощавость тела, давно не знавшего хорошего питания. Тем не менее, Анвар Абидович чувствовал себя прекрасно, улыбался, держался с былым достоинством, и вряд ли кто-нибудь мог представить, что он еще несколько дней назад ходил в арестантской робе.

Особенно обрадовался хлопковый Наполеон, когда увидел жену Шубарина, которую помнил еще по Бухаре, он никак не ожидал встретить ее тут, в Италии. Видимо, она послужила лучшим напоминанием о его прошлой жизни, ее тепле, уюте, и на глаза его невольно навернулись слезы. Но он быстро взял себя в руки. И потом всякий раз, в компании, на прогулке, — а гуляли они порою до глубокой ночи, — Анвар Абидович старался быть рядом с женой Шубарина, видимо, женские рассказы о жизни на свободе давали его уставшей душе куда больше, чем все газеты, вместе взятые, и лаконичные ответы не склонного к сантиментам Артура Александровича.

Всех гостей, приехавших на юбилей, поселили в одном отеле, название которого Шубарин знал еще до отъезда. Пятиэтажный старинный особняк в виде буквы «П», видимо, неоднократно перестраивавшийся и вобравший в себя разные стили и эпохи, с большим внутренним двором-патио на испанский манер, по-узбекски увитый от жары виноградником и чайными розами, даже вблизи не походил на гостиницу, скорее имел вид правительственной резиденции. Респектабельный район, не загруженная сумасшедшим движением улица, тишина, не свойственная городскому кварталу, хорошо вышколенная обслуга, встречающая у подъезда каждую машину — все свидетельствовало о высоком уровне приема.

Шубарин приехал одним из первых, и в холле его приветствовали руководители банка. Получая ключи от своих апартаментов, Шубарин увидел в просторном вестибюле за стойкой бара парня, обвешанного фотоаппаратами, чья прическа показалась ему знакомой. Когда тот слегка повернулся, он узнал Стрельцова. Вчера в аэропорту Гамбурга он потерял его из виду, и вот человек, к которому он мог обратиться в крайнем случае, находился рядом. «Где же он поселился? Здесь или где-нибудь поблизости?» — подумал Артур Александрович, но его отвлекли, и мысль как бы повисла в воздухе. Но зато вспомнился почему-то Сенатор, повстречавшийся ему в международном

аэропорту Ташкента, когда пассажиров гамбургского рейса как раз пригласили в таможенный зал на досмотр. Сенатор прилетел в Ташкент с ханом Акмалем тоже международным рейсом Москва — Дели с остановкой в узбекской столице. Как он объяснил, на обычный рейс мест не оказалось, а оставаться в Москве даже лишний час хан Акмаль не пожелал, пришлось раскошелиться на валюту.

Акмаля Арипова, оказывается, встречала огромная толпа родственников, друзей, земляков. Несмотря на строгости международного аэропорта, толпа прорвалась к трапу самолета и даже приволокла жертвенного барана, черного крутолобого каракучкара с огромным курдюком, которому и перерезали горло на летном поле в честь возвращения хана Акмаля на родину. Сценарий встречи, как понял Шубарин, был давно и тщательно разработан. Сенатор объяснил: ему, мол, сказали, что Артур Александрович с семьей отбывает сегодня в Италию на какое-то торжество, поэтому он оставил хана Акмаля наедине со встречающими и примчался, чтобы пожелать удачной дороги, — все пристойно, тактично, как и принято на Востоке.

Сенатору же хотелось узнать одно — надолго ли отчаливает за границу банкир? Недельный срок, конечно, мало устраивал его, но это лучше, чем завтра же отвечать на объявленный ультиматум. Однако Сенатору повезло куда больше, чем он рассчитывал. Когда он помог донести чемоданы чете Шубариных до зала таможенного контроля и, распрощавшись с ними, поспешил на первый этаж, откуда до сих пор доносился шум бурной встречи хана Акмаля, то увидел в углу зала ожидания мужчину, чье лицо показалось ему знакомым. Как только он на бегу попытался взглянуть в него внимательнее, заметил, что тот намеренно отвернулся в сторону окна. Сенатора неожиданно охватило любопытство, и он, спустившись на первый этаж, пересек зал и вновь поднялся на второй, но уже с той стороны, где находился заинтересовавший его человек. Успев подняться на три четверти лестницы, увидел, как мужчина быстро встал и двинулся в сторону таможенного контроля, куда он недавно проводил Шубарина с женой.

Сомнения развеялись: Сухроб Ахмедович, конечно, знал этого молодого человека и даже помнил его фамилию — Стрельцов, Стрельцов Сергей Юрьевич. В ту пору, когда

он курировал КГБ, не раз встречался с ним на Ленинградской, а еще больше слышал о нем как об очень талантливом офицере, которому поручались самые ответственные и деликатные задания. Его часто использовала Москва, когда для особо важной заграничной операции нужен был человек, не засветившийся в столице и для чужих, и для своих.

Разумеется, у Стрельцова не было повода бросаться ему в объятия, но и демонстративно прятаться нет причин, он ведь знает специфику его службы и никогда бы не сказал прилюдно: здравствуйте, товарищ Стрельцов! — или что-то в этом роде. Хотя гудевший внизу, у его ног, зал не давал сосредоточиться, Сенатор вдруг отрешился от всего, как бы отключил все звуки вокруг. Он мог в особо опасные минуты сконцентрировать внимание, собрать волю в кулак, и что-то скорпионье проступало в его лице, не зря он, как и Миршаб, родился под этим знаком Зодиака. Сенатор пытался вернуть в памяти прошедшие двадцать минут, когда узнал, что Шубарин отбывает в Милан, и поспешил на второй этаж. Шаг за шагом он восстанавливал сцены, словно привычно отматывал ленту на видеокассете, чтобы внимательнее взглядеться в нужный кадр. Хотя за двадцать минут прошло не так много событий, чтобы было за что зацепиться, он продолжал упорно искать, напрочь позабыв о хане Акмале, о людях, его встречавших, понимая, однако, что надо вернуться в холл, пробиться к хозяину — все должны увидеть, запомнить, с кем он стоит в обнимку. Но что-то удерживало его на лестнице, подсказывало: ищи! ищи! А он всегда доверял своему чутью.

И вдруг вспомнил, вспомнил — не видение, а ощущение. Когда он говорил с Шубариным и его женой, то чувствовал на себе затылком чей-то упорный взгляд, словно кто-то хотел развернуть его к себе лицом, и он обернулся машинально. Вот тогда-то Сенатор и заметил стриженный затылок успешного повернуться к нему спиной мужчины, и в глаза ему бросилась новомодная, еще не прижившаяся в Ташкенте стрижка. Значит, Стрельцов хотел знать, с кем разговаривает Шубарин — появился первый вопрос. Да, да, только Шубарин, — подтвердил он свою догадку, ибо о его возвращении в КГБ еще не могли знать: решение лететь рейсом Москва — Дели пришло случайно, в последний момент, в аэропорту, и домой, в Ташкент, чтобы

встречали, позвонить не успели, — сделали это за них московские адвокаты. Впрочем, интересуйся Стрельцов им конкретно, не отбыл бы он тут же прямым рейсом в Гамбург. А не спелся ли Японец и с КГБ, ведь Москвич ходит на Ленинградскую как к себе домой и оттуда набрал целый отдел по борьбе с организованной преступностью?

«Спокойно, спокойно — не может так просто выпасть большая удача», — решил Сухроб Ахмедович и поспешил вниз, в холл международного аэропорта. Откуда-то появился богато накрытый стол, куда беспрерывно подавали роскошный коньяк «Узбекистан» и золотое шампанское, уже то и дело вспыхивали блицы набежавших невесть откуда репортеров. Вот этот миг упускать не следовало, и он, бесцеремонно растолкав окружавших хана Акмаля людей, встал с ним рядом. Арипов, опьяненный не только помпезной встречей, но и полными бокалами коньяка, по-братски обнял его и, понимая, что их снимают журналисты и телевизионщики, поворачивался вместе с Сенатором в разные стороны. В аэропорту торжества продолжались больше часа, и когда процессия машин направилась в центр города, к гостинице «Узбекистан», где хану Акмалю и его родственникам зарезервировали целый этаж, Сенатор отвел в сторону Миршаба и сказал:

— Давай поднимемся в зал вылетающих, дело есть.

Несмотря на шум-гам внизу, Сенатор слышал сообщение диктора, что самолет на Гамбург поднялся в воздух. В зале регистрации Миршаб предъявил свое служебное удостоверение дежурной, а Сенатор спросил:

— Извините, мы опоздали к рейсу и не знаем, улетел ли в Гамбург наш друг Стрельцов Сергей Юрьевич?

— Сейчас, одну минуту, — ответила девушка, раньше работавшая в депутатской комнате и знавшая в лицо обоих мужчин. — Да, не беспокойтесь, улетел. Но он в Гамбурге делает только пересадку, а место в Милан мы ему тоже забронировали.

Миршаб, ничего не понимая, стоял рядом.

— Значит, предчувствие меня не обмануло. Какой я молодец! — воскликнул Сенатор, как только они вышли из здания аэропорта.

— Да объясни ты толком, что произошло? Бросил хана Акмаля, выясняешь — улетел, не улетел какой-то Стрельцов, — спросил раздраженный Миршаб.

Сенатор повернул к нему возбужденное лицо и, не замечая недовольства своего приятеля, ответил:

— Ты даже не представляешь, как нам повезло, если я не ошибаюсь. Помнишь, когда Газанфар сообщил нам, что Камалов помог Шубарину освободить американского гостя, мы оба, не сговариваясь, подумали: а не спелся ли за нашей спиной Японец с Москвичом? Развивая эту тему, можно утверждать — если спелся с прокурором, то спелся и с КГБ, о связях, влиянии Камалова на нынешних руководителей службы безопасности республики знает каждый. Логично?

— Вполне, — подтвердил ничего не понимавший Миршаб.

— Я не знаю, что могло бы послужить причиной их скоропалительной дружбы, но Шубарин со своей так называемой порядочностью всегда хотел жить по закону и по совести. Я не раз слышал это от него сам. Вот сегодня Шубарин неизвестно почему вылетел в Италию, на юбилей какого-то банка, словно у него здесь дел мало. Опять же я чувствую, что за этой поездкой что-то кроется. Не исключено, что визит в Европу имеет какое-то отношение к Талибу. Если это так, то с помощью вора в законе, через уголовку, как обычно, мы решим все свои проблемы.

— Не понял. Каким образом? — еще больше удивился Миршаб.

— Дело в том, что Стрельцов Сергей Юрьевич, о котором мы наводили справки, служил в бывшем КГБ, и я его хорошо знал. Его, на моей памяти, никогда по мелочам не использовали, а сегодня они улетели в Гамбург одним рейсом, дальше Шубарин летит в Милан, кэзэбешник туда же. Наверняка он едет подстраховать его по какому-то делу.

Тут Миршаб откровенно захохотал.

— Тоже мне Шерлок Холмс! А не думаешь ли ты, что бывшее КГБ само пасет Шубарина за какие-то грехи? Вон ведь на презентацию сколько иностранцев подвалило, а может, кто из них связан с ЦРУ, ФБР или МОССАД, или с тем, с кем Штирлиц воевал?

— А мне все равно, я выигрываю в любом случае, с ним ли КГБ или против него.

Миршаб, привыкший к парадоксальности друга, к его цинизму, на этот раз остолбенел.

— Как это все равно? В одном случае получается измена, в другом — попал в беду.

— В любом случае мне нужно только доказать, что между ними есть какая-то связь, и Шубарину — конец.

— Кого ты должен убедить, и кто организует этот самый «конец» всесильному Шубарину?

— Уголовный мир... Талиб... Уверен, у них на банке связаны какие-то интересы, и им смертельно опасно, если он якшается с людьми генерала Саматова.

— Я начинаю что-то понимать и чувствую логику, правда, жестокую и циничную. Не пойму одного — зачем уголовникам нужен банк Шубарина?

— Сначала о циничности. Мы ведь вместе решили: Японцу ничего не отдавать и ни в чем не каяться. Значит, он по приезде натравит на нас пол-Ташкента. Представляю одного только Тулкуна Назаровича, дрожь берет. Так что, дорогой, или он нас, или мы его. Как говаривал частенько Горбачев: альтернативы нет... А уголовка... Для чего им понадобился банкир? Я этим вопросом две недели в Москве маялся, и ответ нашел... в газетах. Читал про фальшивые чеченские авизо? Там гуляют сотни миллионов и миллиарды рублей, а ведь таким же образом можно нагреть и на валюту, на Западе до такого еще не додумались. Представь, если одновременно провести операцию в нескольких странах Европы и снять несколько сот миллионов, но не рублей, а долларов? Каково?

— Да, убедил. Тебя бы в Интерпол, — польстил Миршаб возбужденному от удачи другу и, глянув на часы, предложил: — А теперь поспешим в «Узбекистан», пока ты отсутствовал, хан Акмаль распорядился снять зал, он дает банкет по случаю своего возвращения, пригласил всех, кто пришел его встречать.

Но Сенатор отмахнулся от предложения, как от чего-то несущественного, вздорного, и сказал с раздражением:

— Ты ничего не понял. У нас считанные дни, а вернее, часы, мы ведь не знаем точно, сколько он пробудет в Италии. Необходимо немедленно связаться с Талибом, неважно, находится ли тот в Ташкенте или в Германии. А он должен передать нашу информацию своим подельщикам за рубежом, чтобы те, в Милане, взяли под наблюдение связку Шубарин — Стрельцов. Для них, я чувствую, это так же жизненно важно, как

и для нас. А сейчас — на поиски Газанфара, мы должны достать его хоть из-под земли. И если останется время, заглянем в «Узбекистан», там уж как загуляют, так до утра, я знаю привычки хана Акмаля.

XXX

Газанфара дома не оказалось. Тогда они стали объезжать один за другим знакомые катраны, но Почтальона в них не было, и Сенатор занервничал. В последнем заведении знакомый содержатель подсказал адрес нового катрана, где собираются представители бизнеса, новая для Ташкента элита, там они и отыскали Рустамова. Видимо, Газанфару шла масть, и он никак не хотел покидать игру, но Сенатор вдруг, наклонившись, что-то зло сказал ему на ухо, и тот стал поспешно собираться. Как только Почтальон сел в машину, Сенатор объявил непререкаемым тоном:

— А теперь слушай внимательно и не перебивай. Талиб, возле которого ты крутишься по нашему заданию, затеял какую-то крупную финансовую операцию с Шубариным, деталей которой мы не знаем. Афера, на наш взгляд, связана с деньгами из Европы или с банками, не зря сам Талиб дважды слетал в Германию, да и Шубарин час назад улетел в Италию, но тоже через Германию. Мы думаем так, потому что на сегодня банк Японца — единственный частный банк в Узбекистане, имеющий правительственную лицензию на валютные операции. У нас неожиданно появились предположения, что банкир связан и с прокуратурой республики, и с КГБ. И мы немедленно должны поставить в известность об этом Талиба, где бы он ни находился.

— Так вы же с Шубариным старые друзья! — с опаской выдавил из себя растерянный Газанфар.

— Все течет, все меняется, — философски изрек долго молчавший Миршаб.

— Мы не можем быть в компании с человеком, сотрудничающим за нашей спиной с КГБ, — веско заметил Сенатор, словно всю жизнь, с рождения, был вором в законе, а не человеком, курировавшим все правовые органы в республике, и спросил: — Куда ехать?

— В Рабочий городок. Радиальная, двенадцать, дом с голубыми воротами, — подсказал Рустамов. — Но он вряд ли вернулся из Гамбурга, я на днях видел кое-кого, с кем он общается, его ждут со дня на день, — ответил Газанфар без особого энтузиазма, понимая, что влип в еще какую-то опасную историю и наживает очередного врага — Японца. «А если эти двое по привычке блефуют и затевают что-то против Талиба?» — мелькнула у Рустамова внезапная мысль, от которой вмиг похолодело все внутри, а вслух он неожиданно для себя спросил: — Нет ли у вас чего-нибудь выпить?

Сенатор приоткрыл «бардачок» машины Миршаба и нашарил в нем фляжку, они имели одинаковую привычку возить с собой спиртное, особенно с тех пор, как оно стало дефицитным.

— Если Талиб не вернулся, дело осложняется, но ты должен будешь обязательно найти людей, с кем он крутится, тех, кто стоит над ним или под ним, желательно первых. Мы им передадим информацию, а они пусть срочно свяжутся с Германией, — сказал Сенатор, передавая Газанфару хромированную фляжку с коньяком, из которой он сделал несколько внушительных глотков.

Въехали в Рабочий городок уже в темноте, — улицы, как и повсюду в нынешнее время, не освещались, лишь на Радиальной, возле дома Талиба, на высоких фонарных столбах ярко горели огни. У высоких кованых железных ворот было в беспорядке припарковано с десятков новеньких автомобилей модных расцветок: «мокрый асфальт», «брызги шампанского», «сирень», «металлик», в основном последней модификации «девятки», но среди престижных «лад» стояли и два «мерседеса» строгих, не бросающихся в глаза цветов. У некоторых машин стекла оказались припущенными, хотя ни в кабинах, ни возле лимузинов никого не было, но это особый воровской шик — мол, у меня никто не посмеет угнать тачку. Впрочем, у дома Талиба такого действительно не могло случиться.

Когда машина остановилась, Сенатор попытался выйти вместе с Газанфаром, но тот осадил его на место, сказав не без издевки:

— Не в ЦК приехали, тут ждать придется. Хорошо, если согласится принять сразу после дороги.

Он направился к калитке в высоком заборе, которую тотчас приоткрыли со двора, словно ждали, и за Рустамовым раздался лязг задвигаемого засова. «Как в тюрьме», — почему-то подумал Сенатор. Прождали больше часа, к дому никто не подъезжал, и никто из него не выходил. В сердцах они допили вдвоем оставшийся во фляжке коньяк. Сенатор уже порывался уехать, но Миршаб вполне логично урезонил:

— Ты что, думаешь, после такого сообщения тебе дадут спокойно уснуть?

— Обнаглела шпана, обнаглела, — запалился вдруг злобой Сенатор, — что он себе позволяет, вор несчастный!

Миршаб, сидевший за рулем машины, бесстрастно покачивал головой в такт ритму, раздававшемуся из магнитофона, — он обожал горячие танцевальные мелодии.

Через некоторое время, когда начал терять терпение и невозмутимый Миршаб, дверь скрипнула, из нее бочком вывалился Газанфар, — вид у него был довольно-таки безрадостный, — и чуть ли не бегом бросился к машине.

— Почему так долго? — спросил Сенатор.

— Я же сказал, что это не ЦК, и я не вор в законе, чтобы меня принимали с почестями. У богатых свои причуды, — вот и у воров свои традиции, свой ритуал, особенно для ментов, — остудил он Сенатора и устало откинулся на спинку «Волги».

— Что он сказал, как среагировал? — вмешался Миршаб.

— А никак. Не знаю, мол, ваших дел и знать не хочу. Я только передал, кто вы, и что у вас есть к нему срочное, неотложное дело. Не хочу, говорит, встречать в ваши личные дела. Представляете, что будет, если Шубарин узнает, что вы его заложили? Или вы вдруг ошибаетесь? Нет, увольте, без меня. Я за этот час, наверное, килограммов десять потерял.

— Кто у него в гостях? — спросил нетерпеливо Акрамходжаев.

— Зайдете — узнаете, меня в зал не приглашали, — опять дерзко ответил Рустамов.

Понимая, что у парня от страха может случиться срыв, вмешался Миршаб:

— Оставь «Штирлица» в покое. Он свое сделал, и он прав: ему лучше подальше держаться от наших дел с Японцем, да и с Талибом тоже, если они завяжутся.

Сенатор поправил галстук и двинулся к распахнутой настезь калитке, где его нетерпеливо дожидался какой-то парень, скорее всего телохранитель, он и повел гостя внутрь двора.

Принимал Талиб Сенатора в том самом одноэтажном домике, где некогда прятал выкраденного Гвидо Лежаву. Как только Сухроба Ахмедовича ввели в усталую комнату без окон, Талиб, одетый в спортивный костюм, приподнялся с курпачей у стены, поздоровался и сказал:

— У вас в распоряжении пять-семь минут. У меня гости, и я только сегодня вернулся из зарубежной поездки. Пожалуйста, будьте кратки, я слушаю вас.

Сенатор, прождавший больше часа, не предполагал, что аудиенция будет столь краткой и сухой, ему даже не предложили сесть, они, стоя друг против друга, так и продолжали говорить. Неожиданный прием несколько охладил Сенатора, поколебав его надежды, он уже отчасти жалел, что сделал ставку на Талиба, но отступать было поздно, да и чем иначе он объяснит свой визит? А вдруг Газанфар рассказал обо всем? И он несколько сбивчиво, но подробно изложил все и о Шубарине, и о Стрельцове.

Талиб, поглаживая свои холеные усики, слушал внимательно, и как только гость замолчал, спросил прежде всего:

— Насколько я знаю, это Японец дал вам с Миршабом высоко подняться, занять заметное положение в республике, а сейчас вы пускаете его под нож, как я понимаю. Почему так получилось?

— Это совсем другая история, к тому же она долгая, не на один час, но вы правильно поняли нашу цель, — ответил лаконично уже освоившийся Сенатор.

— А вы представляете ясно, к кому вы пришли за помощью, какие у нас законы и что случится с вами, если вы оговорили человека, моего компаньона? — чуточку сблефовал Талиб.

— Я думаю, что наши законы уже сравнялись с вашими, но за выполнением ваших законов есть контроль и есть суд, куда можно обратиться, где решают все без проволочек и без учета кто есть кто, — подольстил Сенатор, не глядя в глаза хозяину.

— Вы правы, и вы находитесь в том доме, где вершится такой суд. Ваша информация заслуживает внимания, тем более, если вы добровольно ставите в противовес ей свою жизнь.

Но если вы ошибаетесь, я отдам вас Японцу, пусть он разбирается со своими друзьями как хочет. А чтобы у него не возникло сомнений в искренности своих компаньонов, я записал наш разговор, — и он достал из-за пояса под курткой диктофон. — И напоследок еще раз повторите фамилию и приметы парня из КГБ, я сейчас же, напрямую, позвоню в Милан, как раз в этом городе у нас есть большие интересы. — И он откровенно, как при интервью, придвинул диктофон к лицу Сенатора.

XXXI

Утром из местных газет люди Талиба в Милане легко узнали, какой банк столь пышно отмечает свой трехсотлетний юбилей и в какой гостинице намечены основные торжества. Быстро нашли и постояльца по фамилии Стрельцов, поселившегося накануне вечером в отеле «Парадиз», в пяти минутах ходьбы от места проживания четы Шубариных. Когда Артур Александрович увидел в холле гостиницы за стойкой бара Стрельцова, то его и Сергея Юрьевича, не мудрствуя лукаво, уже снимали потайными видеокамерами. Причем одна команда снимала только Шубарина, другая — только Стрельцова, не ведая друг о друге. Человек, давший задание, знал толк в слежке и любил перекрестное наблюдение; наложение материала из двух источников один на другой порой давало значительный эффект.

Погода в Италии в то лето стояла замечательная, условиям проживания позавидовал бы и самый придирчивый сноб. Отель оказался примечательным не только тем, что он был пятизвездочным, но и тем, что здесь часто останавливались коронованные особы. Говорят, в дни крупных футбольных матчей, особенно с участием немецких команд, часто живал тут небезызвестный Генри Киссинджер, бывший госсекретарь США, баварец по происхождению.

Культурная программа торжеств оказалась составленной с большим знанием дела, говорят, по просьбе банка были отсрочены на неделю летние каникулы знаменитого оперного театра «Ла Скала», и гости смогли попасть на самую знаменитую его постановку — «Тоска» Пуччини, с выдающимися

певцами Лучано Паваротти и Монсеррат Кабалье. Повезло и футбольным болельщикам, в эти дни легендарный миланский «Интернационале», в рамках Кубка европейских чемпионов, принимал мюнхенскую «Баварию», особенно любимую команду Киссинджера, и они действительно видели в холле гостиницы бывшего госсекретаря, за которым приезжал сам Франц Беккенбауэр, работающий ныне в Италии.

А знаменитые итальянские музеи, картинные галереи, в которые организаторы торжеств заблаговременно заказали на определенные часы экскурсии! А поздние каждодневные ужины в ресторане своего отеля, из-за особых развлекательных программ не походившие один на другой и превращавшиеся в праздник, карнавал, затягивающийся до полуночи! Жена Шубарина, редко сопровождавшая мужа в заграничных поездках, была в восторге от путешествия. Каждое утро вместе с газетами супруга Артура Александровича получала увесистый пакет, а то и два, первоклассных фотографий за прошедший день, на которых они были запечатлены вместе, хотя вроде и не замечали, что их снимают.

Анвар Абидович проживал на том же этаже, что и Шубарины, и апартаменты их находились рядом, дверь в дверь через просторный коридор, так что они постоянно были вместе. В этот раз он держался куда увереннее, чем в Мюнхене, и на свободе освоился тоже быстрее. Он как-то вскользь заметил, что до Италии больше недели находился в Москве, и Артур Александрович вспомнил разговор с генералом Саматовым, когда тот сказал, что телефонный звонок был из столицы.

Как-то после ресторана они допоздна засиделись вдвоем у Шубарина, и бывший секретарь обкома издалека, намеком, выразил надежду, что удачно проведенная операция, возможно, что-то изменит в его судьбе, он ведь хорошо знал, что почти все осужденные в перестроечное время уже вернулись домой. Тогда Артур Александрович не выдержал и сказал, что одним из условий своего участия в долговременной операции он поставил обязательное его освобождение. Как обрадовался, как был растроган Анвар Абидович, он признался, что очень хотел попросить Шубарина об этом, да никак не решался.

В первые дни Анвар Абидович о делах не заговаривал, и Шубарин тоже выжидал, впрочем, спешить было некуда. Судя

по апартаментам, снятым для бывшего секретаря обкома, и по тому, как он сорил долларами, нигде не давая возможности рассчитывать Шубарину, приговаривая при этом: «А мне они зачем? Останутся — возвращать придется», люди, стоявшие за партийными деньгами, себе в тратах не отказывали. На четвертый день Артур Александрович не выдержал, спросил, когда же произойдет встреча с деловыми людьми. Анвар Абидович развел руками:

— Мне сказали: живи, радуйся, общайся со своими друзьями, когда надо будет, мы позвоним. — Потом, после паузы, добавил: — Те, кого я знаю, кто привез меня сюда, не проживают в нашем отеле, я их не встречал. Может, главные люди еще не прилетели?

Возможно, Артур Александрович спросил об этом потому, что в тот вечер, когда перед ужином, дожидаясь лифта, он стоял и прикуривал сигарету, какой-то молодой человек, вдруг неожиданно объявившийся, попросил его на английском прикурить. Когда Шубарин машинально поднес ему огонь зажигалки, тот быстро выдохнул по-русски: «Вас почему-то постоянно снимают, будьте осторожны...» — и он тут же признал Стрельцова.

Артур Александрович подумал, что встреча задерживается оттого, что его изучают на месте, отсюда и надзор. Но он не мог предположить, что снимают совсем другие люди и совсем по другому поводу, и этот момент, что свел их на доли секунды вместе, зафиксировали обе команды. Это будет тот самый миг, на который и рассчитывал человек, получивший задание присмотреть и за Стрельцовым, и за Шубариным.

Дни в Италии убывали, программа сокращалась как шагреновая кожа, уже и билеты на обратную дорогу заказали. Шубарин стал нервничать: неужели что-то сорвалось или в чем-то усомнились и наводят дополнительные справки? Но однажды утром Анвар Абидович влетел к Шубарину довольный, с улыбкой, и радостно сказал:

— Сегодня вечером вы званы на виллу президента банка, где дается прием для узкого круга людей, поздравляю! — А когда они остались наедине с Артуром Александровичем, добавил: — Там-то и произойдет встреча, из-за которой и вы, и я оказались тут. — И заключил устало: — Наконец-то,

а я уж стал переживать, подумал, что они изменили свои планы.

— Вы будете присутствовать на приеме? — спросил Шубарин, просчитывая свои варианты.

— Нет, конечно. Я всего лишь посредник, а точнее — заложник, главная фигура — вы.

Вилла находилась далеко за городом, и за ними прислали машину с открытым верхом. Шубарин, уже второй день не видевший поблизости Стрельцова, подумал в долгой дороге, что главные люди могут и не попасть сегодня в его поле зрения. На прием не пригласили даже Анвара Абидовича, не исключено, что там не будет и тех, кто вышел на хлопкового Наполеона в лагере. В игру вступил, по всей видимости, второй круг людей, в том числе и он, — тайна партийных денег охранялась надежно.

Вилла располагалась в большой оливковой роще, и когда Шубарины прибыли туда почти в сумерках, у высокой железной ограды на стоянке уже оказались припаркованными шесть-семь машин, но гостей, суда по всему, еще ждали. На аллеях зажгли огни, и гости неторопливо прогуливались по парку. Президент банка сеньор Сальварани, напомнивший Шубарину фамилией знаменитого итальянского велогонщика, встречал подъезжающих сам и тут же знакомил с теми, кто оказывался поблизости.

Через полчаса всех попросили пройти на сиявшую праздничными огнями виллу, сразу за накрытые столы. Шубариных посадили рядом с банкиром из Германии и его супругой, и Артур Александрович обменялся с ними несколькими фразами на немецком. Всего за столом оказалось двенадцать пар и трое мужчин без дам. Все время ужина, пока шел живой, интересный разговор, Шубарин, вглядываясь в лица окружающих его людей, думал: кто же из них уполномочен говорить с ним? Ведь среди гостей он один был русским. Тут, конечно, обольщаться не следовало, ведь, как утверждал Анвар Абидович, за партийными деньгами из бывшего СССР стоят, к сожалению, в основном подданные других стран. Больше всего, по предположению Шубарина, на назначивших ему встречу людей подходили трое мужчин без дам. Они и сидели рядом, и по тому, как общались, видно было, что знали друг друга давно, хотя большинство гостей виделись впервые, это и сеньор Сальварани в своей приветственной речи отметил.

Шумный прием катился к концу, и Шубарин уже смирился с тем, что встреча не состоится и на этот раз, как вдруг в перерыве между тостами служащий банка, встречавший их в аэропорту, отвел Артура Александровича в сторону:

— С вами хотят переговорить наедине. Пожалуйста, поднимитесь на второй этаж в каминный зал.

«Наконец-то!» — обрадовался Шубарин и, оставив жену на попечение немецкой пары, с которой сблизился за вечер, поспешил наверх.

На втором этаже он ткнулся в одну дверь, потом в другую, и лишь третья оказалась нужной. В каминном зале с высокими потолками горели только приглушенные огни напольных светильников, и он не сразу увидел в глубине комнаты небольшой стол, за которым в высоких кожаных креслах сидели трое мужчин, о чем-то оживленно беседуя. Толстый ворс ковра скрадывал шаги, и они могли не слышать, как он вошел, — двери тут тоже отворялись без привычного скрипа и грохота. Как только он приблизился к столу, все трое дружно поднялись и поприветствовали по-русски:

— Добрый вечер, Артур Александрович, мы рады вас видеть, — и каждый обменялся с ним рукопожатием.

Заняв предложенное место, Шубарин внимательнее оглядел сидевших за столом и еще раз убедился, что никого из них на приеме не было и он их прежде никогда не видел. Собравшиеся в каминном зале стали расспрашивать Артура Александровича о том, доволен ли он поездкой, завел ли нужные связи, полезной ли оказалась встреча в деловом плане. На все эти вопросы Шубарин ответил положительно и поблагодарил за предоставленную возможность напрямую познакомиться с известными банкирскими домами Европы.

— Это в наших интересах, — коротко ответил за всех седеющий брюнет лет сорока пяти в светлом двубортном костюме, в лацкане которого кокетливо алела роза из сада сеньора Сальварани, ему наверняка принадлежала главенствующая роль в компании, как успел заметить Шубарин.

Потом на Шубарина посыпался шквал вопросов о его банке, причем чувствовалось, что все трое прекрасно ориентировались в финансовых делах, были профессионалами. Артур Александрович ожидал такого разговора и, готовясь к встрече,

почти все вопросы предугадал. Задали и несколько неожиданных вопросов, но он и на них ответил четко. Потом вдруг прозвучало несколько вопросов личного характера, например, не желает ли он перебраться на Запад, зная языки и имея немало довольно богатых друзей, живущих ныне в Европе и Америке, обязанных ему в прошлом, и напомнили про Гвидо Лежаву. Шубарин заметил, что даже в застойные годы бывал на Западе с семьей, но мысли остаться никогда не возникало. И позже, когда находился на стажировке в Германии, ему предлагали место в одном крупном банке, экспертом по России, сулили такие условия, от которых даже у банкира могла закружиться голова, но он отказался. Напоследок спросили: как к нему относятся сегодня в высших эшелонах власти? Шубарин ответил, что его проект экономических и финансовых реформ на переходный период для республики еще два года назад рассматривали на очередной сессии Верховного Совета, он без особых хлопот получил лицензию на открытие банка, ему выделили помещение, представляющее архитектурную ценность, — бывшее здание «Русско-Азиатского банка».

Подытоживая беседу, человек с розой в петлице сказал:

— Мы не ошиблись в вас, и ваш банк представляет для нас интерес, будем сотрудничать... Но, когда мы впервые вышли на вашего бывшего патрона, находящегося ныне в заключении, в стране была другая ситуация, наш разговор происходил до объявления Узбекистаном суверенитета. Нестабильность политической обстановки на всей территории бывшего СССР заставила нас искать новые пути, менять готовые планы. Для тех сумм, которые мы готовы были уже в следующем месяце перегнать к вам из Италии и Германии, неожиданно нашелся новый адрес с абсолютной гарантией. Все решилось буквально на днях, на этой неделе, оттого и на встречу мы опоздали, только сегодня прибыли в Милан. У нас от вас, Артур Александрович, секретов нет: новые адреса — это Куба и Северная Корея, и мы, для начала, переводим деньги туда. Существует правило: не складывать все яйца в одну корзину, ему мы и будем следовать. Работайте, набирайте мощь и авторитет, и ваш час настанет, мы объявимся снова, не предупреждая, верим — вы наш человек. А за то, что пошли навстречу нам, партии, спасибо. — И они дружно поднялись, давая понять, что аудиенция закончилась.

Возвращались Шубарины домой опять же через Германию, на этом настоял их новый знакомый, немецкий банкир из Дюссельдорфа, — только из-за встречи с ним поездку в Милан можно было считать удачной. Как банкир Артур Александрович много выиграл от знакомства с коллегами, теперь он мог напрямую обращаться к президентам десяти крупных банков в Европе, чьи визитки увозил с собой. Шубарин уже договорился с немецким коллегой, что сразу по возвращении прилетит на стажировку в Дюссельдорф пятерых служащих из своего банка. И все коллеги, без исключения, проявили интерес к его банку, к сотрудничеству с ним, как же тут считать поездку неудавшейся.

Но главными для Артура Александровича на сегодня были только деньги партии, он заразился этой идеей, и ему так хотелось быстрого результата, ведь он втянул в эту авантюру прокурора Камалова и генерала Саматова. Где-то в глубине души он лелеял еще одну надежду — вырвать из лагеря Анвара Абидовича. В Ташкенте он опекал его сыновей и обещал им перед отъездом в Италию, что скоро отец будет на свободе. Не удалось и это. Результаты встречи в Милане больше всего расстроили Анвара Абидовича, дожидавшегося до глубокой ночи возвращения Шубариных с виллы, теперь ему оставалось только ждать, а ведь он уже рассчитывал, что через месяц-другой покинет свою опостылевшую лагерную каптерку. В оставшиеся дни в Италии Артур Александрович не встречал нигде и Стрельцова, хотя внимательно вглядывался в людей и на прогулках, и в ресторане. Может, у него срок командировки кончился, а может, он выполнил свою программу, ведь Шубарина в детали операции не посвящали.

В день отъезда он долго плескался в овальной ванне из розового мрамора, больше похожей на мини-бассейн, подводил итоги и отметил, что обе цели, поставленные им дома, слишком велики и значительны, чтобы реализоваться с первого захода. Эта мысль несколько успокоила его. Главное, теперь он точно знал, что партийные деньги есть, и их немало.

Из-за непредвиденной задержки в Дюссельдорфе Шубарин вернулся в Ташкент чуть позже, чем планировал. Самолет прилетел глубокой ночью, но утром он уже был в банке. Артур Александрович часто звонил из Италии на работу и знал,

какие дела ждут дома, многие из них требовали его личного участия. Первым делом он проверил автоответчик своего телефона и убедился, что уже три дня подряд ему названивает незнакомец, с которым они договорились встретиться сразу по возвращении. Значит, клиент из Германии прибыл, довольно потирая руки, улыбнулся Шубарин, уж очень он желал форсировать хоть эту операцию с деньгами преступного мира. Во второй половине дня он хотел созвониться с Камаловым и договориться о встрече, чтобы рассказать ему о поездке, и новость о прибытии из Германии людей Талиба оказалась бы кстати.

Незадолго до обеда раздался телефонный звонок. Звонил тот самый человек, встречи с которым он так жаждал. Незнакомец поздравил с возвращением домой, поинтересовался, какие из банкирских домов Европы были представлены на торжествах, чем подтвердил, что с банковским делом знаком не понаслышке и знает, что творится в финансовом мире не только у нас, но и за кордоном. Затем плавно перешел к делу и сказал, что звонит четвертый день подряд, поскольку человек из Германии прибыл к назначенному сроку и очень нервничает, ибо завтра ему позарез нужно быть в Гамбурге.

— Ну, мы сегодня и решим все дела, а на Гамбург у нас теперь ежедневный рейс, — успокоил Артур Александрович.

На другом конце провода предложили:

— Прекрасно. Сейчас время обеденного перерыва. Не возражаете, если мы встретимся и пообедаем в «Лидо», на вашей территории, говорят, этот ресторан принадлежит вам? Заодно и гостя обрадуем, он в восторге от узбекской кухни и счастлив, что мы вытащили его в Ташкент, а не в Милан, как я предлагал. Если вас устраивает время и место, через час встречаемся в «Лидо», — заключил вдруг незнакомец, несколько убаюкав внимание Шубарина.

От неожиданности Артур Александрович только и нашелся, что спросить:

— А сколько вас будет?

— Трое. Но вы можете захватить с собой кого хотите.

— Нет, я буду один, — ответил Шубарин и откладывать, переносить встречу не стал: и немец спешил домой, да и к Камалову хотелось прийти с реальным результатом.

Отдав кое-какие распоряжения по банку, подписав бумаги, он позвонил прокурору, чтобы сообщить о прибытии и назначенной через час встрече с Талибом и его людьми в ресторане «Лидо», но Москвича на месте не оказалось. На встречу он решил ехать с Коста, но, когда попросил вызвать его наверх, того тоже не было на месте — поехал в аэропорт добывать авиабензин, «мазерати» требовала топлива высокого качества. Предупредив людей на входе, чтобы Коста, как только появится, подъехал к «Лидо», Артур Александрович отправился на встречу с незнакомцем.

В «Лидо» он не был больше года, в последний раз отмечал тут свой день рождения перед отъездом на стажировку в Германию. Собираясь в ресторан, Шубарин решил сообщить Наргиз и Икраму Махмудовичу, что намерен уступить им свой пай в «Лидо», чтобы они стали полновластными хозяевами престижного заведения. На территории ресторана он заметил изменения — появилась хорошо оборудованная платная автостоянка, наверняка, как и большинство их в Ташкенте, контролируемая мафией. Артур Александрович не стал въезжать во двор, а оставил «мазерати» на стоянке.

Швейцар на входе не был знаком Шубарину, как не был знаком и новый метрдотель, любезно встретивший его у лестницы. Как стремительно все меняется, подумал Артур Александрович, отмечая и новый интерьер, и новые занавески, а главное — новых людей, сновавших взад и вперед и не признававших его. Когда он поднялся на второй этаж, его уже поджидал Талиб в золотистом дакроновом костюме, при бабочке, в белых штиблетах — ну, прямо эстрадная звезда. Он любезно поздоровался с Артуром Александровичем, согласно восточному ритуалу расспросил о житье-бытье и широким жестом показал в сторону закрытой кабинки, где их ждали.

Шубарин, сказав, что подойдет туда минут через пять, направился в кабинет Наргиз, надеясь встретить там и Икрама Махмудовича, с которым некогда начинал в Лас-Вегасе. Но никого из них он не нашел. В приемной исправно работал огромный телевизор «Шарп», его подарок Наргиз к ее дню рождения, новая секретарша тоже не знала его, и он не стал ей представляться. Неожиданно пришла в голову поэтическая строка:

*Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли.*

В кабинете за щедро накрытым столом Артура Александровича дожидались трое мужчин: Талиба он знал в лицо, полноватого, лысеющего блондина лет тридцати пяти отгадал по голосу, а третий, высокий накачанный парень, смахивавший на отставного регбиста, выходит, был немцем. Талиб представил обоих: человек, говоривший с ним по телефону, назвался Станиславом, а немец — Юрой, и объяснил, что восемь лет назад эмигрировал из Актюбинска. Судя по небольшой наколке между большим и указательным пальцами, в молодости он имел судимость за хулиганство. Разлили шампанское, выпили за знакомство и начало делового сотрудничества. Закусывая, стали обговаривать условия сделки, и опять, как в Милане, на Артура Александровича посыпались вопросы, которые задавал в основном лысеющий блондин Станислав. Время от времени вставлял свой вопрос и немец Юра, он тоже был в курсе дела, но почему-то намеренно уступал инициативу толстяку. Молчал лишь Талиб. Шубарин еще тогда, при первой встрече на стадионе в Мюнхене, понял, что тот всего лишь связной и представляет уголовный мир в чистом виде.

В этой кабинке с окном, выходящим во двор, Артур Александрович сживал не раз, особенно любил ее Сенатор, ее и называли прежде сухробовской. «Ведал ли об этом Талиб или он избрал ее случайно?» — мелькнула вдруг мысль и тут же пропала. Немец задал главный вопрос — он касался процента за отмывание. После поездки в Милан, где Шубарин окольными путями и из судебных хроник узнал цену таких сделок в Европе, он решил не уступать, потому сказал твердо — треть суммы. Как тут взвились его сотрапезники! Даже долго молчавший Талиб наконец заговорил, видимо, они хотели привлечь капиталы преступного мира в Азию низким процентом. После некоторых препирательств и взаимных уступок сошлись на четверти. Да и четверть от суммы, которую Юра-немец обещал перевести через три дня, была огромной. Толстяк не удержался, достал карманный калькулятор, тут же подсчитал. Цифра в свободно конвертируемой валюте, даже не перемноженная на дикий курс обесценивающегося рубля, впечатляла. Артур

Александрович увидел, как жадно блеснули и забегали воробьиные глазки Талиба, наверное, он подумал, как выгодно иметь банк — раз-два, и миллионы твои! Он получал наглядный урок того, как делаются деньги.

Но Талиба в этот момент волновало совсем другое. Юра-немец предложил открыть еще одну бутылку шампанского, чтобы обмыть главный пункт соглашения, и в этот момент в кабину неслышно вошел официант с подносом, на котором стоял обыкновенный сифон для газированной воды. Встав за спиной Талиба, он склонил сифон над его стаканом, словно намеревался налить шипучки, и вдруг могучая струя нервно-паралитического газа ударила в лицо Артура Александровича, сидевшего за столом напротив, и он, не успев даже вскрикнуть, тихо сполз со стула на мягкий ворс ковра. Откуда-то появилось большое покрывало, и сотрапезники в мгновение ока закатали в него банкира, обвязав припасенными альпинистскими веревками, уже побывавшими в деле во время последнего покушения на прокурора Камалова. Затем аккуратно спустили тюк в распахнутое окно, прямо на высокую крышу японского джипа «ниссан патруль», оттуда другие люди тотчас перенесли его в салон, и машина рванула в сторону шоссе Луначарского, на днях переименованного в улицу Тамерлана.

XXXII

В последнее время Газанфар Рустамов сильно разочаровался в своей работе в прокуратуре республики: надоели вечные командировки, бунты и побег из тюрем, каждая поездка в зону становилась рискованной. Исчез весомый приварок за работу «почтальоном», теперь и в зону, и из зоны носили все, кому не лень, кто ж сегодня станет отстегивать тысячи, да и тысячи нынче перестали быть деньгами. Раньше, до перестройки, сама зарплата в прокуратуре что-то значила, теперь же по сравнению с некоторыми заработками, даже на заводах и фабриках, стала похожа на пособие по безработице, а требования, особенно с приходом Камалова, резко повысились, тот сам работал сутками и от других требовал предельной отдачи. Газанфар решил уйти из этого ведомства, пока Сенатор

с Миршабом не довели до беды или не поймал его кто-нибудь с поличным в прокуратуре. Работая там, он не мог отказать «сиамским близнецам», слишком глубоко сидел у них на крючке, хотя понимал, что они тоже у него в руках, он про них знал такое!.. Но сдать их он, наверное, сам, добровольно, никогда не решился бы — у них руки длинные, вон и до Парсегиана в подвалах КГБ добрались!

В эти же дни осенила и другая, более страшная мысль — о том, что он, зная столь много, представляет реальную угрозу для Сенатора с Миршабом, и заподозри они его в чем или хотя бы испугайся подобной перспективы, просто-напросто уберут его, и делу конец. Ведь война с прокурором Камаловым не кончилась, зачем же ему давать в руки такого свидетеля? От неожиданного поворота рассуждений ему стало страшно — нужно было бежать из прокуратуры, и как можно скорее. Особенно сейчас, когда узнал еще одну опасную для себя тайну, — что Сенатор с Миршабом хотят расправиться с Шубариным руками Талиба. Нет, работая в прокуратуре, он только наживал себе врагов с каждым днем. С его юридическим опытом и со связями можно устроиться в какую-нибудь частную фирму, коих и в Ташкенте расплодилось без числа, тогда и Сенатор сразу отстанет, и заработок будет во много раз больше.

Рабочий день близился к концу, на него напала такая тоска, что вдруг захотелось где-нибудь посидеть, выпить, отметить мудрое решение — расстаться с опасной прокуратурой. Как и большинство южан, Газанфар был человек эмоциональный, нетерпеливый, не особо раздумывая, он набрал номер Татьяны Шиловой и пригласил ее сразу после работы в ресторан.

— В «Лидо»? — радостно спросила Шилова, — как раз сегодня утром Камалов предупредил ее, что наступили ответственные дни и желательно находиться поближе к Газанфару.

— Я тоже давно не был в «Лидо». Как там вкусно начиняют перепелок свежей бараньей печенкой — объеденье! — сразу загорелся Рустамов. — Решено, идем ужинать в «Лидо». Я сейчас же закажу столик у Икрама Махмудовича, вечером к ним без записи не прорваться, и насчет перепелок обговорю...

Положив трубку, он посмотрел на часы. До конца работы оставался целый час, и он начал рыться в письменном столе, шкафу и вдруг минут через пятнадцать поймал себя на мысли,

что отбирает бумаги так, словно завтра же освобождает кабинет и навсегда покидает прокуратуру, где проработал столько лет. Эта мысль приободрила, и он с усердием стал складывать в угол бумаги, которые следовало сжечь. Он делал это так рьяно, что забыл про время. Оторвал от дел неожиданный звонок. Звонил Талиб, прежде никогда не беспокоивший его на службе.

— Очень хорошо, что застал тебя на работе, — сразу заговорил Талиб. — Тут сложились неожиданные обстоятельства, и Японец оказался у меня в руках. Опасения твоих дружок подтвердились. Но в последний момент мы тут решили, зачем нам всю ответственность брать на себя, за Японцем стоят серьезные люди, вместе будет легче отбиваться. Найди Сенатора и Миршаба и передай, чтобы они сегодня, когда стемнеет, приехали ко мне, но не в Рабочий городок, а в Келес, я там загородный дом построил. Запиши адрес: улица Восточная, 13. Если заплутаются, пусть к чайхане завернут, она до глубокой ночи работает, там подскажут, как к дому Талиба подъехать. Время конкретно не оговариваю, но ты должен поднять их хоть с постели и доставить обязательно.

— Почему доставить?! — чуть не завизжал в испуге Газанфар, нервы у него были на пределе.

— Успокойся, я оговорился, твое дело сказать, они сами примчатся, у них есть интерес, я чую, — и разговор оборвался.

«А если бы телефон был на прослушке?» — с ужасом подумал Газанфар и достал из сейфа прослушивающее устройство «Сони», чтобы забрать домой, — больше он в прокуратуре не работает и никого прослушивать не собирается. Последнее, что будет связывать его с «сиамскими близнецами», — приглашение Талиба на встречу в Келесе. Уже пора было спускаться вниз, заводить машину, но он задержался, хотел избавиться от неприятного поручения. Позвонил Сенатору — того не оказалось дома, набрал номер Миршаба — тот, оказывается, отбыл на совещание в Министерство юстиции и сегодня уже не вернется.

«Что ж, позвоню из «Лидо», — решил Газанфар и, захватив бумажку с адресом в Келесе, быстро сбежал вниз. Татьяна поджидала его возле машины.

Когда через полчаса они оказались в «Лидо», предупрежденный Икрамом Махмудовичем метрдотель провел их

в дальний угол зала за двухместный столик, — кабинки сегодня, и большие, и малые, и банкетные — все были заняты. «По какому поводу? — подумал Газанфар, но тут же нашел ответ: — Пятница, самый загульный день в больших городах».

Плохое настроение, накипевшее среди дня, не покидало Газанфара, и он предлагал тост за тостом. Татьяна не сдерживала, чувствовала, что Рустамова мучает какая-то проблема, но затронуть ее трезвым он не решался. Когда принесли долгожданных перепелок, Газанфар вместо тоста вдруг объявил:

— Татьяна, я решил оставить прокуратуру.

— Почему? Зачем? — не показывая особого интереса, спросила Шилова.

— Устал. Запутался. Заврался. Да разве это сейчас работа! Ты ведь не знаешь, что значило раньше служить в прокуратуре республики! — ответил с пафосом Газанфар и, безнадежно махнув рукой, как несмышленишу, выпил залпом очередную рюмку коньяка.

— Ты хорошо подумай, может, все и образуется, — по-женски участливо произнесла Татьяна, — такие дела стогряча не делаются...

В этот момент у столика возник официант: он с улыбкой поставил перед ними две бутылки французского шампанского.

— Что же ты такое шампанское сразу не принес?! — взвился Рустамов.

— Это подарок. Прислали ваши друзья, они нагрянули часом раньше, гудят по-черному. Так они позвонили в валютный магазин, он тут рядом, через площадь, оттуда три ящика привезли.

— Что-то я не видел в зале знакомых, — удивился Газанфар.

— Они в большом банкетном зале пируют, а Сухроб Ахмедович выходил звонить, вас и увидел. Презент вам от него.

— С кем он так широко гуляет, и кто так валютой швыряется?

— Это хан Акмаль пирует, возвращение на свободу отмечает. Там желающих за него заплатить много, да вы их всех знаете, а Сухроб Ахмедович с Салимом Хасановичем, как я понял, приглашены в гости.

— И этот здесь? — изумился Газанфар и пьяно рассмеялся. — А мне сказали, что он на совещании в Минюсте. Передай Сухробу спасибо, и еще: пусть не уходит, не встретившись

со мной, у меня к нему есть важное дело, а то любит он по-английски исчезнуть, особенно когда уже счет выписывают...

В зале загремела музыка, и самые нетерпеливые сорвались с мест. Ресторан дошел до кондиции — так любил выражаться его старший метрдотель Икрам Махмудович, как никто другой тонко чувствовавший публику.

Газанфар попытался открыть новую бутылку, но Татьяна остановила его, сказала: давай потанцуем. Она видела, как Рустамов быстро пьянеет, кроме того, ей хотелось увидеть, кто же так щедро отмечает возвращение хана Акмаля из тюрьмы, большой банкетный зал как раз находился рядом с эстрадой. Оркестр играл почти без пауз, и за три танца подряд Татьяне удалось увидеть кое-кого из сановных лиц, входивших и выходявших из банкетного зала. Были среди них не последние люди из Верховного суда, Министерства юстиции и Совета министров республики, о них следовало доложить прокурору Камалову, он должен знать, на кого из нынешних власть имущих людей опирается хан Акмаль.

Шилова много слышала про легендарного хана Акмаля, и ей было интересно увидеть вблизи, каков он, оставивший с носом и хваленое КГБ, и могучую Прокуратуру СССР с ее умнейшими следователями, не вернувший казне и рубля, когда у каких-то завмагов сплошь и рядом изымали миллионы еще в доперестроечных рублях! Но ей не повезло, хан Акмаль ни танцами, ни танцующими не интересовался и свое тронное место во главе огромного богато накрытого стола не покидал весь вечер — уж очень сладко было выслушивать тост за тостом о себе, о своем мужестве, мудрости. Какие тут могут быть перекуры, если к тому же учесть, что славили аксайского Креза не рядовые граждане.

Вернулись за стол передохнуть и открыли бутылку французского шампанского. Татьяна делала вид, что ей сегодня безумно хочется танцевать, она желала запечатлеть в памяти больше гостей хана Акмаля. Когда они допили первую бутылку, приятный мужской голос из-за спины Татьяны любезно спросил:

— Ну, как шампанское?

— Спасибо, Сухроб Ахмедович, замечательное! — как-то суетливо, подобострастно, трезвея на глазах, ответил вскочивший Газанфар.

— Я не буду вам мешать, но бокал шампанского за приятный вечер с вами выпью, — добродушно сказал Сенатор, присаживаясь на стул, любезно подставленный официантом.

Сухроб Ахмедович уверенно, как хозяин, взял со стола вторую бутылку. Пока он снимал ножом сломавшуюся проволоку на пробке, Татьяна склонилась под столом, над туфелькой, чтобы поправить сбившиеся в танце подследники, и в этот момент Газанфар тихо сказал по-узбекски:

— Сухроб-ака, у меня важное сообщение. Звонил Талиб и передал, что Японец у него в руках и что какие-то ваши опасения подтвердились. Он обязательно просил заехать к нему сегодня ночью, вот адрес... — И, достав записку, торопливо сунул ее в карман пиджака Сенатора.

— Мог бы и наедине сказать, — недовольно заметил Сухроб Ахмедович тоже по-узбекски и тут же радостно произнес по-русски: — Подставляйте бокалы!

Татьяна, слышавшая всю беседу, подняла лицо к своим кавалерам и, мельком обронив «извините», подыграла Сенатору, с восторгом произнеся:

— Как приятно пить настоящее шампанское!

Как только Сенатор ушел, Татьяна, пытаясь перевести разговор на Сухроба Ахмедовича, сказала мечтательно:

— Какой приятный и умный человек этот Акрамходжаев! Мы в институте, в перестройку, зачитывались его знаменитыми статьями. Я рада, что у вас такие друзья, ведь не каждому он присылает подобные презенты. — И добавила после паузы: — А может, лучше с ним посоветоваться, уходить вам из прокуратуры или нет?..

Но Газанфар вдруг ответил:

— Да, наверное, не каждому, я ведь его давно знаю, но советовать с ним не буду, у нас разные пути.

— Почему разные? Он — юрист, вы — юрист, — Шилова старалась втянуть Газанфара в разговор, но тот вдруг улыбнулся трезвой улыбкой и предложил:

— Давай лучше потанцуем, ты же хотела, а серьезный разговор оставим для другого раза. А что касается Сенатора, запомни, он далеко метит, мы для него всего лишь пешки, или, как говорят коммунисты, — винтики..

На танцевальной площадке перед банкетным залом теперь творилось невероятное, публика, действительно дошедшая

до кондиции, с остервенением бросалась в пляс. Высокие двери зала, где гулял хан Акмаль, то и дело открывались и закрывались, но Татьяна из-за плотной стены танцевавших вокруг людей не смогла увидеть на этот раз никого и потеряла интерес к танцам. Как только она вернулась на место, ее словно обожгло — вспомнила разговор, услышанный за столом: «Обязательно приезжайте сегодня ночью, Талиб сказал, что ваши подозрения в отношении Японца оправдались...» За окном стояли густые летние сумерки, и она поняла, что такую информацию до утра откладывать не следует — нужно срочно связаться с прокурором Камаловым.

Она тут же встала и смущенно сказала Газанфару:

— Мне нужно выйти на минутку...

— Куда? — вдруг слишком строго спросил Рустамов.

Татьяна нашла в себе силы кокетливо улыбнуться и капризно ответить:

— Я сегодня выпила столько шампанского...

Газанфар наконец-то понял и, рассмеявшись, махнул рукой — мол, иди.

Уходя с работы, Таня позвонила домой, чтобы предупредить мать, что сегодня задержится, но той не оказалось дома, и она собиралась сделать это из ресторана. Поэтому, когда поднималась с Газанфаром на второй этаж, высматривала телефон-автомат, но так и не обнаружила его.

Нынче содержание телефонного аппарата обходится дорого, и большинство заведений избавляется от лишних затрат, но в таком престижном ресторане, как «Лидо», телефон должен был быть обязательно.

Встретив в безлюдном холле официанта с подносом, уставленным коктейлями, поднимавшегося из бара первого этажа, она спросила:

— Где у вас тут телефон?

Тот, подтверждая ее мысли, словоохотливо пояснил:

— Раньше два автомата стояли внизу, и два тут, в холле, но теперь осталась одна кабина, о ней знают лишь завсегда-таи. Пройдите в конец холла, сразу за колоннами приемная директрисы, в трех метрах от ее двери в стену встроена кабина такого же цвета мореного дуба, что и обшивка вокруг, оттого и незаметная.

Поблагодарив любезного официанта, она направилась в сторону приемной, ей казалось, что в безмолвном холле на воощеном паркете ее каблучки цокали слишком громко.

В приемной как раз находился Сенатор, он звонил со служебного телефона домой, предупреждал, чтобы не ждали к ужину и что сегодня вообще приедет поздно. Для него было ясно, что хитрый Талиб затеял официальную разборку вместе с «авторитетами», чтобы «законно» приговорить к смерти Шубарина, а такие дела скоро не решаются. Он уже собирался закрыть кабинет и вернуться в банкетный зал, как вдруг услышал в тишине холла дробное цоканье каблучков, кто-то явно спешил. Он подумал, что это Наргиз приехала, и выглянул за дверь. Из-за колонны увидел девушку Газанфара, которая с тревогой в лице решительно направлялась в его сторону, но понял, что она торопилась к телефону. Рустамова поблизости не было.

Как всегда, профессиональное любопытство взяло верх — кому звонит, зачем звонит? И он, тихо прикрыв дверь, прошел в конец просторной приемной, где в закутке, за платяным шкафом, за обшивкой перегородки висели телефонные провода из кабины. Отсюда легко прослушивались разговоры — задумал этот трюк любвеобильный сердцеед, главный администратор ресторана Икрам Махмудович, подслушивавший своих любовниц. Девушка, с которой он любезно пил шампанское всего полчаса назад, быстро набрала номер, и мужской голос на другом конце провода по-служебному четко ответил:

— Слушаю вас.

— Это Татьяна Шилова из отдела по борьбе с организованной преступностью, пожалуйста, соедините с Хуршидом Азизовичем, — попросила она взволнованно.

— Не могу. У него генерал Саматов из КГБ, — ответил помощник прокурора.

— Все равно доложите, дело не терпит отлагательств, передайте, что это касается Японца. Завтра может быть поздно.

— Хорошо, я попробую, — ответили из прокуратуры, и было слышно, как помощник, положив трубку на стол, направился в кабинет.

Сенатору было ясно, о чем она хочет доложить, и в тот момент, когда Камалов произнес: «Я слушаю вас», он разъединил тонкие телефонные провода.

Напрасно Татьяна еще минут пять пыталась дозвониться в прокуратуру, связь прервалась...

XXXIII

Прокурор Камалов, положив трубку, сразу почувствовал недоброе и спросил помощника:

— Она не сообщила, по какому поводу звонит?

— Речь шла о каком-то Японце, она просила соединить немедленно, ибо завтра, сказала, может быть поздно...

Генерал Саматов, еще находившийся в кабинете прокурора, обронил вслух:

— Может, они что-то пронюхали? Стрельцов доложил, что Шубарина постоянно снимали скрытой камерой какие-то люди, — и после паузы сокрушенно добавил: — Вот что значат наша бедность и наша техническая отсталость, будь все телефоны в прокуратуре с определителем номера, мы без труда узнали бы, откуда звонила ваша Шилова по поводу Японца.

Потом, подумав, генерал попросил придвинуть ему спецсвязь — «вертушку» и позвонил к себе на Ленинградскую. Как только там подняли трубку, он сказал:

— Пожалуйста, на ближайшие сорок восемь часов возьмите на прослушивание все телефоны прокурора Камалова: на работе, в машине, дома. Фиксировать не только с какого номера звонят, но и устанавливать адреса звонков.

Попросив держать его в курсе событий, генерал откланялся. Камалов задержался на работе еще час, все надеялся, что Татьяна прорвется к нему откуда-нибудь звонком, но телефон молчал. Стараясь не занимать свой телефон, Камалов из соседнего кабинета позвонил Шубарину на работу, в машину — никто не отвечал. Из дома сообщили, что после обеда он ни разу не звонил. Тогда Камалов вспомнил еще один телефон Шубарина, в старой «Волге», он пользовался им до того, как появилась у него «мазерати». Этот ответил. Камалов назвался и объяснил, что разыскивает Артура Александровича. Человек,

представившийся именем Коста, сказал, что все послеобеденное время находился в поисках авиабензина для «мазерати» и только в конце рабочего дня появился в банке, где ему велели подъехать к «Лидо». На автостоянке он нашел сиреневую «мазерати», но Артура Александровича нигде не было. Появлялся ли он один или с кем-нибудь в «Лидо» — в ресторане никто толком подтвердить не мог. Попросив Коста держать его в курсе дела, прокурор назвал ему свои телефоны.

— Опять всплыло это поганое «Лидо»! — сказал в сердцах Камалов, положив трубку.

Для него стало очевидным, что пропал не только Шубарин, но и Татьяна. Попросив дежурного по приемной переговорить с Шиловой, если та позвонит, и поставить его об этом тут же в известность, прокурор поехал домой. Подъезжая к Дархану, он обратился к своему шоферу:

— Нортухта, чувствую, что ночь предстоит нам бессонная, поэтому ставь машину у подъезда, поужинаем, если удастся, вместе и будем ждать телефонного звонка хоть от Артура Александровича, хоть от Татьяны, хоть от Коста, а может, люди Саматова позвонят. Мне кажется, генерал уже поднял на ноги своих сотрудников.

Не успели они приготовить ужин, как в доме раздался телефонный звонок. Камалов метнулся с невероятной скоростью от горящей газовой плиты к подоконнику, на котором стоял аппарат. В трубке раздались тяжелое дыхание и невнятный, нечленораздельный звук. Прокурор подумал вначале, что какой-то пьяный мужик ошибся номером, и хотел уже положить трубку, как вдруг его озарило, и он крикнул:

— Артур, дорогой, говори, говори, я слышу тебя...

И тут он уловил слабый звук из разбитых губ: «я... я...»

Прокурор узнал какие-то оттенки голоса Шубарина, хотя назвал его по наитию. Видимо, у Шубарина не было сил или возможности говорить, Камалов слышал только тяжелое, болезненное дыхание. Он снова закричал:

— Артур, держись, я буду у тебя через двадцать минут, не клади трубку, брось ее, я все понял, я в курсе дела...

Как бы подтверждая, что его услышали, на другом конце провода замолчали, и прокурор уловил какой-то шум, словно звонивший упал.

Прокурор кинулся в другую комнату, к другому телефону, и набрал номер на Ленинградской. Он еще не успел спросить, как дежурный офицер выпалил:

— Товарищ Камалов, это тот самый адрес, заброшенный дом с телефоном-автоматом, откуда Шубарину не раз звонили, на Луначарском шоссе... — но прокурор уже бросил трубку.

— Быстро вниз, заводи машину, — приказал он Нортухте, а сам кинулся вначале к серванту, откуда достал именной пистолет, а затем к платяному шкафу, вытащил автомат, оставшийся со дня покушения на него на трассе Коканд — Ленинабад, и побежал вслед за шофером.

Включив на всю мощь милицейскую сирену, «Волга» рванулась в сторону Кибрая. Минут через двадцать, выключив сирену и погасив огни, они подъезжали к дому, за которым полковник Джураев давно установил догляд, но после отъезда Шубарина в Италию никто сюда не навевывался, и никто не пользовался хитрым телефоном. Сегодня, видимо, Джураев оплошал, ослабил бдительность, снял наблюдение. Оценив обстановку во дворе, подошли к дому. Кругом стояла тишина, и ничто не напоминало засаду. Дверь оказалась крепкой, из толстой лиственницы, и на всяком замке. К тому же открывалась наружу, и вышибать ее пришлось бы долго и шумно. Нортухта, с автоматом в руках, показал взглядом на окно, его и решили выбить. В теплых краях рамы хлипкие, одинарные, от удара прикладом она вывалилась, и Камалов с Нортухтой нырнули следом в оконный проем. Ворвавшийся первым шофер отыскал в темноте выключатель. В просторной захлавленной комнате с пустыми бутылками на неубранном столе никого не было, и они кинулись в смежную, откуда раздался стон.

Возле телефона-автомата давнишней конструкции, помнившего еще пятнашки пятидесятых годов, прибитого над обшарпанным письменным столом, чтобы можно было разговаривать сидя и делать записи, в луже крови почти нагишом лежал Шубарин. Следы пыток изменили его до неузнаваемости, но это был Артур Александрович. Камалов рывком оказался рядом и, положив голову Шубарина на колени, не обращая внимания на кровь, пытался привести его в чувство.

— Артур, я здесь... Артур, очнись, рядом я, Камалов...

Нортухта снова бросился к выбитому окну и вернулся с нашатырным спиртом из автомобильной аптечки. Камалов показал ему взглядом на телефон с болтающейся трубкой и сказал:

— Срочно вызови сюда реанимационную машину, позвони Саматову, чтобы приготовили палату в госпитале КГБ и собрали консилиум, мы будем там через полчаса.

Видимо, сильный раствор нашатыря подействовал или Шубарин слышал разговор, он вдруг открыл заплывшие в страшном кровоподтеке глаза и прошептал:

— Спасибо, вы всегда успеваете вовремя...

Камалов понимал: пока Шубарин в сознании, надо что-то узнать, чтобы действовать, и еще раз поднес тампон к лицу освобожденного пленника.

— Где мы просчитались? Почему?

— Не просчитались. Сенатор увидел Стрельцова в аэропорту, — выдохнул с трудом меж выбитых зубов Шубарин.

— Чего они хотели?

— Узнать, почему Стрельцов следовал за мной и что меня связывает с вами и с Саматовым, а еще их интересовало, почему оказался в Италии Анвар Абидович.

— Они добились своего?

— Нет, вы же видите, — тяжело выдохнул Шубарин. — Я сказал, что, может, КГБ пасет меня самого и что не знаю никакого Стрельцова. А насчет Анвара Абидовича сказал, что за его деньги устроил тому миланские каникулы. Вы переведите его срочно куда-нибудь, иначе они доберутся до него, а он пыток не выдержит... Я думаю, дело с партийными деньгами мы еще провернем.

На краю жизни Артур Александрович думал о бывшем патроне и не забывал о своем долге. У Камалова навернулись на глаза слезы...

— Какие деньги, Артур, успокойся, а Тилляходжаевым мы сегодня же займемся, я обещаю. Потерпи, сейчас «скорая» прибудет...

Чувствуя, что Шубарин, борясь с уходящим сознанием, пытается еще что-то сказать, Камалов вновь поднес к его лицу тампон с нашатырем. Шубарин вздрогнул, чуть приподнялся

и слабым, едва заметным движением поломанной руки показал в дальний угол.

— Там какую-то девушку час назад привезли, когда ее вносили, я и очнулся, увидел над собой телефон.

Прокурор, осторожно подложив под голову Артура Александровича свой пиджак, медленно направился в угол. Он уже догадывался, кто эта девушка. Когда откинул грязное одеяло, увидел лежавшую навзничь Таню Шилову. Она была мертва. Он долго в оцепенении, на время забыв про Шубарина, смотрел на ее прекрасное молодое лицо, застывшее словно в недоумении — за что? И вдруг, сжав кулаки, с надрывом закричал:

— Ну, все, гады, оборотни проклятые, теперь судить буду я!..

XXXIV

Почти одновременно подъехали реанимационная и «скорая» из госпиталя бывшего КГБ. Нортухта монтировкой сорвал замок с двери, и Камалов вместе с врачами вынес сначала Шубарина, а затем сам, один, Татьяну. Как только машины уехали, шофер спросил застывшего в прострации прокурора:

— Хуршид-ака, куда вас теперь доставить — к Саматову, он просит заехать или позвонить, или вначале в госпиталь, определим Артура Александровича окончательно?

— Ты разве не слышал, как я поклялся Татьяне? — ответил Камалов непонятно и продолжил: — Поезжай к моему соседу...

— К какому соседу? — испуганно спросил Нортухта, решив, что с прокурором случился нервный срыв.

Камалов понял, отчего вдруг испугался шофер, и пояснил:

— К Газанфару. Он через дом от меня живет. Эта мразь может знать, как заманили Артура в ловушку, может, и про Татьяну что-то поведает, она ведь за час до смерти хотела меня о чем-то срочно предупредить.

Когда подъехали к престижному кооперативному дому, Нортухта, подняв глаза на второй этаж, сказал радостно: «Дома...» — он не раз подвозил Газанфара с работы. Поднялись вместе, позвонили. Когда спросили: «Кто?», Нортухта небрежно ответил: «Свои», — и дверь распахнулась. Увидев входящего

следом за шофером прокурора, Газанфар кинулся в комнату, но Нортухта одним прыжком настиг его.

Камалов в ярости схватил Рустамова за грудки и выпалил, не в силах сдержать злость:

— Подлец, из-за твоего предательства сегодня убили человека, и я поклялся, что буду сам судить оборотней. Но прежде ты должен мне ответить на несколько вопросов. Кто выкрал Шубарина?

— Талиб, — мгновенно выдал Газанфар, даже не подумав отпираться.

— А кто убил Шилову?

— Как убили?! — лицо Газанфара исказил неподдельный ужас. — Я же с ней недавно расстался, мы ужинали в «Лидо»... — Рустамов съежился, и прокурору стало ясно, что это дело рук не Газанфара.

— В «Лидо»? А кто еще сегодня там был? — спросил в упор Камалов.

— Сенатор. Миршаб.

— Они еще в ресторане?

— Нет, я думаю, сейчас они у Талиба, в загородном доме, ночью большой сходняк, решают, что делать с Японцем.

— Адрес?

— Не помню. Записку с адресом я отдал Сенатору в ресторане, но это точно в Келесе. Талиб мне по телефону сказал — если не найдете мой дом, спросите в чайхане, там, мол, любой подскажет.

Камалов переглянулся с водителем и приказал хозяину дома:

— Ты пойдешь с нами.

— Нет, только не в Келес! — забился в истерике Газанфар.

— А мы тебя туда и не собираемся везти, — отрезал грубо Камалов.

Он пошел к двери, Нортухта следом повел Рустамова. Когда подошли к машине, Камалов велел:

— Отвези его к Саматову, он ведь ждет от нас вестей, а я пойду домой, с меня на сегодня хватит. Завтра займемся и Талибом, и Сенатором, и Миршабом тоже... — Подав на прощание руку Нортухте, он долго не выпускал его ладонь, словно хотел что-то сказать, но потом вдруг обнял его и произнес: — Прощай, ты хороший парень, Нортухта.

Достав из кабины автомат, не таясь, темной аллеей через дворы он пошел к себе...

Растроганный шофер долго глядел ему вслед, а затем тронул машину, где съезжился на заднем сидении Газанфар.

...Дома прокурор принял душ, словно смыл с себя грязь долгого дня, побрился, надел свежую сорочку и спортивный костюм. Потом быстро набрал 062 и заказал такси, на вопрос: «Когда?» ответил: «Сейчас же», — и назвал адрес. Порывшись в платяном шкафу, достал бронежилет, оставшийся у него с ферганских событий, взял дополнительный рожок с патронами к автомату. Все это он уложил в большую теннисную сумку, которой ни разу после Вашингтона не пользовался. Пистолет аккуратно засунул за пояс и застегнул молнию куртки. Выключив свет, спустился вниз. Машина уже ждала у подъезда. Таксисту он протянул пяти тысячную купюру и сказал: «В Келес, к чайхане». Как только выбрались на улицу Амира Тимура, добавил: «Побыстрее, если можно...»

Подъехав к чайхане, Камалов попросил водителя подождать и вышел из машины. В ярко освещенном зале трое мужчин играли в нарды, один из них поднялся и пошел навстречу позднему гостю. Камалов дождался хозяина на улице и спросил, как проехать к дому Талиба.

Чайханщик, оглядев темно-синий адидас гостя — традиционную экипировку отечественных рэкетиров, довольно улыбнулся:

— Что же вы опаздываете? Я еще час назад отвез большой казан плова домой Талибу. Сегодня у него много гостей, одни мужчины, наверное, большая игра предстоит, — ответил словоохотливый чайханщик и показал в сторону темнеющего оврага, где на взгорке ярко горели огни внушительного особняка.

— Да, вы правы, большая игра. Пожелайте мне удачи... — сказал в ответ прокурор и протянул чайханщику тысячерублевку, чтобы у того развеялись последние сомнения.

— Спасибо, спасибо, — зачастил вслед старик, но Хуршид Азизович мыслями был уже далеко от чайханы.

Не доезжая метров ста до указанного адреса, Камалов остановил машину и, поблагодарив шофера, отпустил такси. Дождавшись, когда «Волга» исчезнет в темноте, он огляделся. Район оказался новостройкой, кругом, зияя пустыми глазницами

окон, стояли недостроенные дома, лишь один, нужный ему, сверкал огнями. «Да, при нынешних ценах на стройматериалы так могут строиться только воры и взяточники», — зло подумал Камалов, но не задержался на этой теме. Подойдя ближе, он понял, что Талиб отгородился от соседей большим оврагом, где внизу журчала вода. Туда он и спустился, чтобы незаметнее подойти к дому. В овраге достал из сумки бронежилет и надел его под куртку, проверил автомат и направился в сторону светящихся окон.

Окна первого этажа оказались темными, а вот весь огромный второй этаж полыхал огнями, и оттуда слышались громкий разговор и смех, судя по всему, с пловом там еще не расправились. Из оврага Камалов поднимался осторожно, боялся собак, но их, на счастье, не оказалось. Он дважды обошел особняк со всех сторон, пытаясь найти лучшее место, откуда бы можно было быстрее ворваться на второй этаж, и пожалел, что у него с собой нет гранаты, вот она бы пригодилась. От волнения взмокли руки, и он, чуть отойдя, закурил, решил позволить себе последнюю в жизни сигарету. В тот момент, когда он сделал заключительную затяжку, собираясь выбросить уже выкуренную сигарету, слабый луч фонарика осветил его сзади с ног до головы.

«Так нелепо погибнуть, не сделав попытки отомстить за жену, за сына, за Татьяну, за Артура Александровича и весь попираемый закон», — с тоской подумал прокурор, слыша за спиной приближающиеся шаги, но страха, как ни странно, не ощущал. Он нащупал рукоятку пистолета за поясом, надеясь, что до последнего момента его могут принимать за своего, тогда, воспользовавшись этим, он и выстрелит в упор. Вкрадчивые шаги за спиной приближались, казалось, его и незнакомца отделяет еще метра три, как вдруг тяжелая рука легла на плечо, а другая жестко перехватила кисть правой, упрямая любое движение, и знакомый голос сказал шепотом:

— Вам одному не справиться, прокурор...

— Что ты тут делаешь? — спросил строго Камалов улыбавшегося в темноте Нортухту, вытирая холодный пот со лба.

— То же самое, что и вы, — и он показал на лежавший у его ног ПТУРС — противотанковый управляемый реактивный снаряд. — Таким оружием я пользовался в Афганистане, — сказал спокойно водитель.

— Где ты его взял? — удивился прокурор.

— Выменял в Чирчике у военных за два ящика водки, не думал, что так скоро может пригодиться.

— Да, из такой штуки и одного выстрела хватит. Дай его сюда! — потребовал Камалов.

Но афганец уже поднял ПТУРС к плечу и вразумительно ответил:

— Эта штука требует опыта и сноровки. Но они одним выстрелом не отделаются, у меня два снаряда. Первый выстрел я сделаю в фас, а второй в профиль, как учили нас в Афгане. Вся ташкентская сволота, похоже, сегодня съехалась к Талибу в гости, весь двор забит иномарками — ни пройти, ни проехать...

Видя, что Нортухта уже изготовился сделать выстрел, Камалов заметил с сожалением:

— Обидно, что они не узнают — это моя месть, мой приговор...

— Так доставьте себе эту радость, прокурор, скажите им что-нибудь ласковое. Они не успеют ничего предпринять — сегодня за нами полное преимущество, они проиграли вчистую.

Камалов сделал шаг к дому и громко крикнул:

— Эй, Талиб!

Тотчас в освещенном проеме окна появился франтоватый человек с усиками.

— Позови Сенатора, хочу пару слов ему сказать.

— Кто ты такой, чтобы приказывать моим гостям? — зло бросил Талиб в темноту.

— Прокурор республики Камалов, — спокойно представился стоявший в тени дерева человек.

И в это время рядом с хозяином дома появился знакомый силуэт Сенатора.

— Я даю возможность тебе и твоим друзьям помолиться Аллаху перед смертью, у вас в распоряжении полминуты.

Сенатор, увидев вышедшего из тени человека с ракетным снарядом на плече, вдруг торопливо заговорил:

— Постой, прокурор, не спеши. Мы можем договориться, тут не самые бедные люди собрались...

— Нет, я вас всех приговорил к высшей мере, и приговор обжалованию не подлежит...

— Ты не имеешь права, это незаконно, это самосуд! — в истерике завопил Талиб.

— Для вас я и есть закон, его карающая десница, о которой вы самоуверенно забыли, считая, что все покупается и продается...

В этот момент раздались сразу два выстрела из соседнего окна, пули просвистели рядом, и тогда прокурор приказал водителю:

— Давай, Нортухта!

— Ля илля илляха, — произнес вдруг как заклинание строку из Корана Нортухта и сделал первый залп.

Затем, перебежав в торец здания, он выпустил второй снаряд. Огромный особняк словно подпрыгнул и стал оседать, рассыпаясь как карточный домик, вмиг вспыхнув огнем пожара.

— Бежим! — крикнул Нортухта и, схватив прокурора за руку, кинулся к стоявшей внизу машине...

Когда подъезжали к городу, уже светало. Камалов попросил завернуть к Салару, и Нортухта направил машину к реке, протекавшей среди угодий пригородного винсовхоза. Утренняя река несла свои слабые воды в город, казалось, она, как и все вокруг, еще дремлет. Возможно, ей снился прекрасный сон, когда она была полноводной, рыбной и над ней с утра до позднего вечера звенели звонкие голоса ребятни, радостный смех. Теперь из-за пестицидов-гербицидов и дна, превратившегося в свалку, в ней не купаются уже лет двадцать.

Как только Нортухта припарковал машину у раскидистой кряжистой ветлы, помнившей давние счастливые дни реки, Камалов осторожно, словно боялся спугнуть тишину вокруг, вышел из кабины. Подойдя к берегу, сел на какой-то валун и долго, очень долго сидел, обхватив голову руками. Потом, неожиданно вскочив, достал из машины автомат, ПТУРС и пошел с ними в густые заросли на берегу. Спустя минуту Нортухта услышал тяжелый всплеск воды.

... Когда утром, ровно в девять, Камалов появился у себя в кабинете, одновременно звонили все пять телефонов на столе. Он поднял правительственный, на проводе был министр юстиции.

— Вы в курсе, что сегодня произошло в Келесе? — взволнованно говорил он. — Бандиты взорвали дом известного

бизнесмена, совладельца нескольких крупных фирм Талиба Султанова. У него в гостях было много уважаемых людей: председатель коллегии адвокатов города Горский, зампред Верховного суда республики Салим Хасанович Хашимов, бывший завотделом ЦК партии Акрамходжаев, известный юрист...

Министр еще долго перечислял фамилии знатных людей, оказавшихся в доме Талиба, но прокурор уже не слушал. Отодвинув трубку, он дожидался, пока эмоциональный министр выскажется. Когда в трубке на секунду воцарилась пауза, прокурор сказал:

— Спасибо за информацию. Я записал наш разговор об уважаемых людях на диктофон. Дело принимаем на расследование... — и положил трубку на рычаг аппарата.

Звонки раздавались, не переставая, и Камалов, вызвав помощника, сказал:

— Пожалуйста, отключите... телефоны...

*Коктебель — Переделкино — Коктебель.
27 января 1992*

Жар-птица

Повесть

«**У**мер Толя Чипигин». Нуриев трижды перечитал текст, не вникая в страшный смысл слов. Рассыльный, доставивший за полночь срочную телеграмму, удивленно смотрел на спокойное лицо Нуриева и в какой-то момент засомневался, не напутал ли он чего... Но адресат взял протянутую ручку и расписался в квитанции.

— Что случилось, Раф? — спросила спресонок жена из спальни.

— Поздравительную телеграмму принесли, — ответил он равнодушно. У него вчера и впрямь был день рождения.

— О господи, юбиляр в возрасте Христа, — с иронией сказала жена, устраиваясь поудобнее. Заскрипели пружины старой кровати, которую давно следовало бы сменить.

Тридцать три — дата средняя, несолидная, да и особых успехов ко дню рождения не было, потому дома его и не отмечали. Жена поутру приготовила завтрак, достала свежую сорочку, шепнула за столом: «Поздравляю» и чмокнула Нуриева в тщательно выбритую щеку.

Правда, на работе это стало поводом для небольшого застолья в обеденный перерыв, который затянулся часа на три, а позже всерьёз уже никто и не работал: мужчины разбрелись по отделам играть в шахматы, а женщины чаевничали до конца рабочего дня...

Нуриев с телеграммой в руках зачем-то зашел в туалет, машинально спустил в бачке воду, а потом долго сидел на краешке щербатой ванны тесного совмещенного санузла.

Из открытой спальни слышалось не по-женски тяжелое, с присвистом, сонное дыхание уставшей за долгий день жены. Нуриев потихоньку прошел на кухню, включил свет.

«Наверное, в таких случаях следует что-то делать», — подумал он. Но ничего путного, благородного в голову не приходило, и от бессилия памяти ему стало стыдно. В голове мелькало что-то книжное, киношное, отчего становилось еще муторнее.

«Дожить до тридцати трех, стать отцом двоих детей, вступить во вторую половину жизни и не знать, что сказать вслед безвременному ушедшему товарищу...» — упрекнул он себя.

И вдруг пришло спасительное, всплыло, словно кадр из фильма, — помянуть... помянуть!

Нуриев достал из холодильника початую бутылку водки и, налив стакан почти до краев, как когда-то наливал Толян, выпил залпом, как пили они давно, у себя в Мартуке, когда им вообще-то пить еще не следовало.

Но его мучила и другая мысль. Почему его уведомили о смерти Чипигина, кто отбил телеграмму? Ну, второе, пожалуй, было ясно: адрес недавно полученной квартиры мог быть только у матери. Но зачем извещать о смерти Чипигина? Ведь столько лет уже ничто их не связывает, далеко разошлись их дороги, да и не виделись они уже лет десять.

Можно было, наверное, написать об этом скорбном факте в письме. Ну, вспомнил бы Нуриев друга детства, школьного товарища, погрустил бы — не без этого... А телеграмма, она же к чему-то обязывала, требовала каких-то действий.

Сонливость, одолевавшая его еще несколько минут назад, пропала, несмотря на выпитое днем и опорожненный сейчас стакан, голова стала удивительно ясной. Он прикрыл дверь спальни, зашел в комнату к сыновьям. Мальчики спали спокойно, как и мать, разбросав во сне руки, сбив одеяла. Пока Нуриев поправлял подушки и прикрывал худые загорелые ноги сыновей легким одеялом, его неожиданно осенило: «Конечно, телеграфировала мать. Для матери мои друзья остаются друзьями в любом случае, даже если между нами годы размолвок,

если и разошлись наши пути-дороги, даже если мы и стали совершенно чужими. В памяти матерей мы остаемся неразлучными друзьями, как в давние-давние отроческие годы... оттого и телеграмма».

Но эта догадка ничуть не успокоила Нуриева. Наоборот. Почему она просила приехать на похороны (а иначе телеграмму он расценивать не мог)? Вообще-то Нуриев понимал, почему мать послала ему «срочную», и оттого сник еще больше. Конечно, он много лет не был дома, мать не видел, да и с друзьями давно не встречался. А ведь их троица, «три мушкетера», была в Мартуке на виду — какое им прочили будущее! Как они дружили — дай бог всякому познать в отрочестве силу и притягательность такой дружбы! Но ведь прошло, пронеслось золотое времечко, улеглась боль, смирилась душа с потерями, даже не верится теперь, что когда-то проклял он с юношеской неистовостью закадычного дружка — Ленечку. Так зачем это знать матери, у которой, наверное, забот невпроворот? Проверяет, не закаменел ли сердцем в далеком столичном городе сын, а проверка-то — страшнее не придумать: Толик Чипигин. Эх, мать! Навидалась, поди, похорон в Мартуке, где не дождалась старики деток дорогих в скорбный день, вот и вызвала на чужую панихиду. Последняя догадка была страшной, и Нуриев к утру твердо сказал себе: «Еду».

Сказать, душой решиться — еще не все. Повязан взрослый человек по рукам и ногам: работа, жена, дети, семейный бюджет... А если сидишь на зарплате в сто пятьдесят, кормишь двух ребятишек, тут самые святые порывы души осуществить нелегко. И, совершая в общем-то благородное дело, он выглядел далеко не благородным в глазах администрации, когда выклянчивал недельный отпуск без содержания по телеграмме, не заверенной врачом. Вдобавок неожиданная поездка пробила брешь в семейном бюджете, и в глазах жены он выглядел уж совсем бесчеловечным, ибо мечта о долгожданном отпуске в местном пансионате становилась для них почти иллюзорной. В общем, выслушав немало упреков и на работе, и дома, Нуриев в тот же день к обеду улетел в родные края.

До Мартука, крупного районного центра, из города пришлось добираться еще два часа автобусом. Прямо с автостанции с дорожной сумкой в руках Нуриев пошел к Чипигиным.

Райцентр в последние десять лет сильно разросся. Чипигины, как и Нуриевы, были старожилами Мартука, и поэтому дома их сейчас оказались в центре поселка. Двор Чипигиных — рядом с кинотеатром, где мать Толика, тетя Маша, работала билетером. Тогда им казалось, что нет на свете лучше ее должности: каждый день можно смотреть кино! Бесплатно!

Вечерело. Возле кинотеатра толпился народ, а во дворе у Чипигиных было безлюдно. Нуриев с сожалением подумал, что опоздал. У пустой собачьей конуры стояла грязная табуретка, и Нуриев, ничего не соображая, присел, сразу почувствовав, что устал.

Прислонившись спиной к шершавому стволу старого карагача, к которому, судя по ободранной в низу коре, привязывали собаку, он с грустной нежностью оглядывал знакомый двор, который некогда знал не хуже своего.

— Рафаэль! Рафаэль! — раздалось вдруг за спиной.

От калитки к нему спешила старая грузная женщина. Столкнувшись с этой женщиной где-нибудь на улице, он вряд ли узнал бы в ней мать своего друга. Они обнялись, и она долго плакала на его плече и что-то говорила сквозь слезы, но Нуриев ничего не слышал, мысли его унеслись далеко-далеко, в то время, когда этот могучий карагач был тонким, беззащитным саженцем, эта женщина — молодой, красивой и острой на язык билетершей, а он сам — юным и беззаботным, и когда вся жизнь, казалось, еще впереди.

Вытерев глаза платком, тетя Маша сказала тусклым голосом:

— Успел, успел...

И, видя растерянное лицо Нуриева, добавила:

— Похороны завтра утром. В десять. Ждем дочку из Алма-Аты. Люсю-то помнишь?

Рафаэль кивнул, припоминая, что у Толика действительно была старшая сестра.

— Хочешь увидеть его? — спросила неожиданно тетя Маша.

— Да, конечно, — как-то торопливо, без подобающей моменту скорбности ответил Нуриев, хотя этого ему совсем не хотелось.

В центре комнаты, мало изменившейся с тех пор, как он здесь бывал, на том самом столе, где «три мушкетера» резались

когда-то в карты, стоял некрашенный гроб из свежеструганных досок. Книжное, киношное восприятие смерти продолжало довлеть над Рафаэлем, и он машинально припомнил высокие, роскошные, лакированные гробы из западных фильмов, и оттого гроб Чипигина показался ему нелепым. Он почему-то напоминал деревянный балконный пенал для цветов.

В зале стоял душный полумрак, окна были занавешены, только у старых икон в передних углах комнаты, жарко коптя, оплывали свечи. Тетя Маша откинула марлю, прикрывавшую лицо сына. И в тот же миг Рафаэль закрыл глаза. Он не видел Чипигина десять лет, знал, что в тюрьме его дважды крепко избивали и от этих побоев у него на лице остались следы. Но он не желал этого видеть. Он хотел, чтобы Толик остался в его памяти таким, каким он его знал...

Мать словно и не ждала его, но видно было: приезду сына обрадовалась. Просидели они за самоваром на летней веранде допоздна. Разговор шел о Чипигине. Даже о внуках она справилась вскользь. Рассказывая о Толике, она потихоньку плакала, часто вытирая краешком платка блеклые старушечьи глаза.

«Пожалуй, о нем она знает больше, чем обо мне», — думал Рафаэль, внимательно слушая мать. Немудрено. Толика она знала с детских лет, вырос тот у нее на глазах, бывал ежедневно у них дома, да и последующая его жизнь не была тайной. В маленьких местечках все на виду, хочешь утаить — не утаишь, а Чипигин, тот не таился, жил нараспашку. К тому же работала мать всю жизнь нянечкой в больнице, куда все слухи рано или поздно стекались.

— Бедный Толя, бедный Толя, — горестно прерывала рассказ мать, и Рафаэль только молча кивал головой, соглашаясь с ней.

— И умер-то от болезни, от которой сейчас не умирают, от ангины. В последнее время шоферил, изредка помогал мне: то угля подвезет, то удобрений на огород, то глины — дом подмазать. Я тут же самовар ставлю, пока он разгружается, значит. С детства любил он у нас чаевничать. Так вот, раздобыл, значит, Толик для механиков нашего пивзавода какую-то важную железку, денег за услугу брать не стал. Те на радостях да в благодарность и предложили ему целую неделю бесплатно

пить отборное пиво в подвалах, к которым, кроме районного начальства и гостей сверху, никого не подпускают. Пиво-то ледяное. Привезли его ночью в больницу с высокой температурой. А к обеду он скончался. Уже по дороге домой я тебе телеграмму послала...

Среди ночи Рафаэль неожиданно проснулся, долго ворочался с боку на бок. Он потихоньку встал, оделся, стараясь не шуметь, вышел во двор. Ночь шла на убыль. Не замечая ночной прохлады, сшибая росу с одичавших роз и давно отцветшей сирени, он выбрался на улицу. Нуриев решил пройтись по безлюдной главной улице села. Он неспешно шел вдоль сонных дворов, припоминая их хозяев. И память вдруг сама вернулась к той яркой, незабываемой поре детства, когда у него еще была кличка Мушкетер.

В детстве их было трое — неразлучных друзей. Знали они друг друга с малолетства, а сошлись, кажется, школьниками. В году пятьдесят пятом на берегу речки Илек возле казахского аула Жанатан построили пионерский лагерь, который служит детворе и по сей день, потому что строили его с любовью, добротой, с верой в долгую и крепкую жизнь.

В том пионерлагере Чипига, самый отчаянный из троицы, бесстрашно шарил в реке по рачьим норам. Ловили раков ночью, тайно, с помощью керосинового фонаря или факела. Факельщиком всегда был Ленечка, называвший себя жрецом огня, а Рафаэль таскал ведро. Часто кроме раков Чипига ловил сонных жирных налимов — тогда река еще была богата ими. Раков варили здесь же, на берегу, — дело быстрое. Иногда на такие полуночные трапезы они приглашали девчонок, клятвенно заверявших, что не выдадут тайны ночных вылазок. Девчонки днем охотно соглашались, но когда наступала ночь, ребята тщетно вызывали их условными сигналами: избранницы то ли не могли разорвать сладких пут сна, то ли оказывались отчаянными трусихами. Пройти крадучись по территории лагеря, пробежать сквозь черноту мрачного шелестевшего каждым листком леса к темной реке, где в затонах глухо плескалась крупная рыба, было выше их сил, хотя посидеть у огня и отведать раков им очень хотелось.

Там же в лагере трое друзей получили от физрука прозвище — «три мушкетера». Физрук был неистощим на выдумки:

организовывал рыцарские турниры, поединки фехтовальщиков с выбыванием. Их тройца всегда выходила в финал. В Мартуке выросло несколько пятиборцев международного класса, и Нуриев, натываясь на фамилии земляков в газетах, всегда вспоминал пионерский костер в ночи и глухой голос физрука, бывшего фронтового разведчика, рассказывавшего легенду об офицере, доставившем в штаб пакет чрезвычайной важности. Чтобы выполнить задание, офицеру пришлось скакать на коне, стрелять, фехтовать, плыть, бежать — словом, преодолевать множество преград. Легендой, романтическим ореолом литературных героев он приобщал бледных, плохо кормленных тонконогих мальчишек послевоенных лет к спорту, к самосовершенствованию...

«Придет ли физрук на похороны?» — мелькнула вдруг мысль у Нуриева.

Наверное, компания могла распаться или, наоборот, увеличиться: уж очень многие набивались к ним в друзья-приятели. Но тогда, по малолетству, им это очень льстило. Три мушкетера...

Учились все трое на «хорошо», правда, Нуриеву приходилось труднее: он был на год старше и учился классом выше. При случае он всегда помогал Чипигину и Солнцеву.

Сафура-апа и тогда работала в больнице из-за какой-то неистойой любви к больным. Врачей она обожала: впрочем, и они за преданность медицине платили ей тем же. Разговоры дома постоянно были о больнице, поликлинике, врачах, операциях... И, конечно же, она хотела видеть единственного сына только врачом. Для такой мечты были свои основания: в школе сын шел на золотую медаль, медицинский институт находился рядом, в Актюбинске.

Самому Нуриеву из всей интеллигенции Мартука врачи нравились более всего: была в них какая-то притягательная сила, он даже подражал в мелочах молодому хирургу Аману Дарбаеву. Об операциях Дарбаева много говорили, его приглашали в лучшие клиники Алма-Аты. Дарбаев, местный, из Мартука, жил со своими стариками, которые ни на какие столичные блага не променяли бы степь. Кажется, тогда же, во времена волнений, связанных с взрослением, надеждами, мечтами, было окончательно решено, что Рафаэль станет врачом. Об этом он, разумеется, сказал товарищам. Те, особенно не раздумывая, тоже изъявили желание стать медиками. Врачей в Мартуке уважали,

даже самых молодых величали по имени-отчеству, так что выбор этой профессии одобрил бы каждый — хоть учителя, хоть родители.

А заманчивее всего было то, что несколько лет они будут жить в Актюбинске вместе и, быть может, получать повышенную стипендию. Она казалась им громадной — аж дух захватывало.

В девятом классе они уже ходили на танцы, зимой — в районный Дом культуры, летом — в парк. В тот год впервые в Мартуке на танцах играл эстрадный оркестр. Организовал оркестр при Доме культуры врач-терапевт Виктор Александрович Будко.

Танцы редко обходились без драк, особенно свирепствовали ребята из училища механизаторов.

Ребятам из училища «мушкетеры» казались чистоплюями, маменькиными сынками: всем было известно, что они готовятся поступать в медицинский институт. Особенно не нравилось механизаторам то, что они держатся как братья. То ли проверяя их дружбу, то ли вымещая на них злобу, будущие механизаторы постоянно цапались с «мушкетерами». Троица поначалу уходила от драк. Но стычка была неминуемой, и «мушкетеры» готовились к ней.

Самый отчаянный драчун Мартука Альтаф Закиров, одноклассник Нуриева по прозвищу Торпеда, зная, что «мушкетеры» сшибутся с «ремеслухой», предложил ребятам несколько уроков рукопашного боя. Альтаф заверил, что, если «мушкетерам» придется худо, он непременно вмешается в драку на их стороне. Торпеда слов на ветер не бросал, друзья знали это.

Уроки Альтафа день ото дня придавали им все большую уверенность в собственных силах. Вечный троечник, Закиров обладал незаурядным талантом: режиссера, тренера, каскадера. В Мартуке о самбо, каратэ, джиу-джитсу, дзюдо только слышали, а Торпеда уже имел о них достаточное представление. «Вам легче втроем», — внушал он и учил «мушкетеров» тактике групповой обороны, в нужный момент переходившей в стремительное нападение. Он научил их молниеносным подсечкам, ударам в солнечное сплетение, ударам головой — «на калган», по его выражению.

Драться, конечно, «мушкетерам» пришлось не раз и не два, и не всегда с «ремеслухой»; но они ни разу не дрогнули,

не побежали, никто не подвел товарища, и это еще больше сблизило их. В Мартуке с самой весны мальчишки сутками просиживают на улице. И в последнее школьное лето ночи напролет «мушкетеры» сидели у кого-нибудь во дворе, строили самые невероятные планы, а утром бежали на станцию разгружать вагоны: подряды устраивал им отец Чипиги.

А ночью опять разговоры, планы, мечты...

Нуриев еще никого не хоронил. Чипига был первой, горькой утратой, коснувшейся его. Утром он взял в сарае две лопаты и направился к русскому кладбищу. По дороге повстречался с матерью: Сафура-апа возвращалась с дальнего пастбища, сегодня был ее черед выгонять коров.

Узнав, что сын идет на похороны, вернула его домой, объяснила, что у русских хоронят не так, как у татар: могилу роют могильщики, а не всем миром, как принято у мусульман.

Когда к десяти Нуриев подошел к дому Чипигиных, во дворе и в переулке было многолюдно. Едва он миновал калитку, какая-то тетка подхватила его под руку и торопливо повела в дом, на ходу расталкивая людей и неизвестно кому объясняя: «Толика дружочек, дружочек Толика... Издалека приехал...»

Войти в дом не успели: выносили...

Едва появился в низкой двери край открытого гроба, тетка глазами показала Нуриеву, что Рафаэлю следует поддержать его: видимо, так было кем-то решено, и толстый незнакомый мужчина без слов уступил ему свое место. К машине, устланной потертым красным ковром, в которой уже голосили старухи, гроб несли медленно, сквозь неожиданно начавшийся во дворе плач и причитания.

Нуриев заметил: гроб несет и сильно постаревший Альтаф.

Машина медленно тронулась, и неожиданно для Нуриева заиграл не совсем в лад духовой оркестр. Так, под траурные марши, заглушавшие плач и стенания старух, они дошагали до заовражного кладбища.

У могилы, показавшейся Нуриеву огромной, стоял дряхлый поп. Риза на нем висела, как на колу. «Жив еще батюшка», — почему-то обрадовано подумал Нуриев.

К ногам попа и опустили гроб. Когда батюшка начал осеять крестом покойника, плач и причитания разом стихли.

Нуриев стоял в плотной толпе близко к могиле, не отрывая глаз от гроба, и вслушивался в слабый голос старика.

Вдруг кто-то положил ему на плечо тяжелую руку и прошептал на ухо:

— Здравствуй, Раф!

Нуриев, узнавший голос Солнцева, хотел было скинуть руку с плеча, но, к счастью, успел сообразить, что сейчас не время и не место сводить личные счеты, а уж по отношению к мертвому Чипиге это было бы полным свинством. Так они и стояли вместе, и всем казалось, что Ленечка утешает друга, прилетевшего издалека. А у Нуриева только теперь шевельнулось что-то в душе; дошло до него, что хоронят не только друга, но и часть его жизни, к которой возврата нет, и не было ему сейчас дела до Солнцева.

Нуриев плохо помнил, как помогал опускать гроб, как сбрасывал тяжелой грабаркой землю, глухо ударявшуюся о деревянную крышку. Очнулся; увидел Альтафа, вешавшего на свежевыкрашенный крест на могиле Толика рулевое колесо.

Альтаф, перехватив удивленный взгляд Нуриева, сказал:

— Он был шофером и хорошим человеком. Ну, идемте, ребята, помянем...

Закиров обнял за плечи Рафа и Ленечку, и втроем они медленно пошли с кладбища.

Стол для них был накрыт отдельно в глубине двора, на огороде. Хотя и выпивки, и закуски на столе было предостаточно, Альтаф ненадолго отлучился и вскоре вернулся с бутылкой коньяка и тяжелой кистью винограда.

— От Люси, — сказал он, разливая коньяк, как привык, на три равные части. Нуриев заметил, как Солнцев сделал недовольное лицо, но, видя, что Раф потянулся к стакану, тоже поднял свой, и они молча, не чокаясь, выпили.

Во двор приходили и уходили те, кто хотел помянуть земляка, а они все продолжали сидеть. К их столу подходили: директор школы, физрук, Люся, прилетевшая из Алма-Аты, мать Толика, еще кто-то, кого Нуриев не знал. Вместе со всеми он поминал Чипигина. Уже отвели в дом захмелевшего Альтафа, а Нуриев, хотя и пил много, не пьянел.

На какое-то время они остались за столом одни, и Ленечка рассказывал ему о Чипиге — то, о чем не знал или позабыл

сказать захмелевший Альтаф. Дважды у стола появлялся шофер Солнцева, показывая своим присутствием, что пора бы и уезжать, но Ленечка его словно и не видел. Когда шофер замаячил в третий раз, нервно поигрывая ключами, Солнцев заторопился: видимо, в городе его ждали дела.

— Когда отбываешь? — спросил он, вставая из-за стола.

— Послезавтра, — ответил Нуриев. — А что?

— Послезавтра суббота, улетишь в воскресенье, — ответил, словно приказал, Солнцев. Он протянул Нуриеву глянцевую визитную карточку и добавил: — О билете и гостинице не беспокойся. Подойдешь к администратору и скажешь — от Леонида Яковлевича. В субботу жду.

Дома, шаря по карманам в поисках сигарет, Нуриев достал визитную карточку, про которую уже забыл. На добротном глянцевом картоне значилось: «Солнцев Леонид Яковлевич. Хирург, кандидат медицинских наук, заведующий Горздравом». А ниже, помельче, телефон и адрес. «Хоть один оправдал надежды», — просто, без зависти, подумал Нуриев, хотя о том, что Солнцев преуспел, он слышал.

Нашлись сигареты, и мысли о Ленечке улетучились: сегодня был день Чипигина.

Беда подкосила Толика на втором курсе мединститута, через полгода после того, как Нуриева неожиданно призвали во флот. Чипига вдруг хорошо заиграл в баскетбол, все свободное время проводил в спортзале, а к концу первого курса попал в сборную института. Однажды осенью после игры он решил принять душ; в душевой холод был лютый, да и вода ледяная, а Чипига то ли уж сильно разгорячился и остывать ему было некогда, то ли, как обычно, покуражиться решил. В общем, принял он душ под улюлюканье команды, а к вечеру — температура сорок. Кто-то из умников еще лед к голове всю ночь прикладывал. Утром его без сознания увезли в больницу. Менингит. Почти год провалялся по больницам, чудом остался жив, выписался с инвалидностью. Об учебе и речи быть не могло — никакого умственного напряжения. Еще год провел в санатории в Боровом. Вернулся домой, жил на грошовую пенсию, сидел на шее у матери. Но организм молодой, сильный, — начал Чипига поправляться, только глаза немного косить стали. Физрук школьный вновь его в спортзал затащил,

разработал для него специальный комплекс упражнений. Через полтора года инвалидность сняли, признали годным к работе. Чипиговых в Мартуке знали, да и беда не оставила людей равнодушными: директор районного банка предложил Толику должность инкассатора. Дело нетрудное — раз в день, к вечеру, собрать в магазинах выручку и доставить в банк. А магазинов в Мартуке всего-то пять. В общем, согласился Толик, и жизнь вроде стала налаживаться.

Вновь беда подкараулила его через год. Однажды вечером, когда на танцы только начал стекаться народ, кто-то из соседских ребят наткнулся у цветочной клумбы в глубине парка на валявшегося без сознания Чипигина, рядом лежала пустая инкассаторская сумка. Куда девались пятнадцать тысяч, следовательно он объяснить не мог. Расследовали это чрезвычайное для Мартука событие долго и тщательно специалисты из области, и кончилось оно для Чипиги восемью годами тюремного срока.

В тюрьме Чипигин не попал в струю, — характера он был своенравного, насилия над собой не терпел. Дважды его переводили из тюрьмы в тюрьму, потому что дрался он с тамошними паханами насмерть. В драках этих ему так изуродовали лицо, что когда он, досрочно, через шесть лет, освобовился, мать не узнала его.

После тюрьмы Толик шоферил на автобазе, неожиданно для всех женился на какой-то приезжей с двумя детьми. Баба попалась вздорная, крикливая, любительница выпить. В громких и неприглядных скандалах прожил он с ней два года, развелся, и тут такая нелепая смерть.

На другой день, когда мать ушла на работу, Нуриев открыл сундук. Хотелось почувствовать запах сандалового дерева, а дохнуло из старого китайского сундука прожитой жизнью: детством, коротким студенчеством, трудной службой во флоте.

В сундуке, в который он заглядывал лет десять назад, лежали какие-то странные вещи. Он-то хорошо помнил, что хранила в нем мать. Теперь же здесь, словно для будущего музея, были собраны все его вещи, оставшиеся дома. Книги, в основном по медицине, что покупал он, будучи студентом мединститута. В узком боковом отсеке увидел складной перочинный ножик, который считал давно утерянным и о котором в свое время долго сожалел. Лежали там компас и потрепанная колода карт,

значок БГТО, тут же находилась коробочка из-под вазелина с рыболовными крючками. Белое кашне, пестрые галстуки, бархатная бабочка, старые перчатки — это были вещи его прошлой жизни, вещи, которые он с трудом припоминал.

Перебирая книги, он наткнулся на толстый, в сафьяновом переплете, альбом с фотографиями, который завел с первой же стипендии: была тогда такая альбомная мода. На первой наугад открытой странице — большая студийная фотография троицы. Он сидел на стуле, закинув ногу на ногу, а Чипигин и Солнцев стояли у него за спиной, положив руки ему на плечи.

Студенческие фотографии чередовались с флотскими. Флотских оказалось немного: он, переросток, служивший не со своими одногодками, да еще бывший студент, долго для многих оставался чужаком. Только годы и трудная служба притерли моряков друг к другу, и фотографии, в основном, были третьего или четвертого года. Нуриев и до службы не был балагуром и весельчаком, как Чипигин, а на флоте и вовсе замкнулся — за глаза его называли «молчуном».

Неожиданно он наткнулся на пожелтевший любительский снимок. К парадному входу института по широкой мраморной лестнице поднималась хрупкая девушка с книжкой в руке. Снимок был сделан издали и неумело, главным в кадре оказался величественный парадный вход. Ветер слегка взбил подол модной в то время широкой юбки и растрепал густые длинные волосы. Пожалуй, для того чтобы разглядеть девушку на плохо отпечатанной фотографии, а уж тем более увидеть книжку, растрепанные волосы, юбку-колокол, нужен был зоркий глаз, но Нуриев видел не фотографию, он вглядывался в тот давний ветреный день осени. Все вставало перед глазами как наяву: желтый с белым фасад здания, золотистые лакированные парадные двери, розоватый с темными прожилками мрамор изящной лестницы, багряные кленовые листья...

Он долго смотрел на фотографию, словно пытаясь остановить девушку, заглянуть ей в лицо, но это ему не удавалось, как не удавалось заглянуть ей в лицо в тех редких снах, когда она являлась ему из давней, счастливо-мучительной жизни.

Он забыл ее лицо. Он не помнил лица любимой! Он помнил все, что относилось к ней: ее платья, ее шубку, помнил улицу и номер ее дома, номер телефона, мог вдруг вспомнить заколку

в ее тяжелых каштановых волосах, помнил ее купальный костюм, когда единственный раз встретился с ней на городском пляже, зеленый шарфик, развевавшийся вокруг разгоряченного лица, когда она неумело пыталась крутить «волчок» на катке. Лицо ушло из памяти начисто, его словно выкрали однажды, хотя там, на подводной лодке, девушка снилась ему каждый день. Снилась милой, доброй, как в те редкие дни ее любовного отношения к нему. Приходила в знакомых платьях, в знакомые места, смеялась, как всегда много шутила, но никогда больше он не видел ее лица, ее глаз, хотя в снах не раз пытался заглянуть ей в лицо.

Если кто-нибудь и попытался бы нарочно придумать тягчайшее наказание, то более жестокого и мучительного для Нуриева выдумать было нельзя. У него сохранились фотографии одноклассниц, сокурсниц, девушек, которым он нравился в институте, на флоте в далеком Мурманске, но не было ни одной ее фотографии, кроме этой пожелтевшей любительской карточки.

Нуриев вынул из альбома фотографию девушки у парадного входа. Он и не думал завтра ехать в город, останавливаться в гостинице и встречаться с Солнцевым. Город теперь был ему чужим, это когда-то, давно, особенно на флоте, от одного упоминания о нем у Нуриева замирало сердце, и как рвалась туда душа — не высказать! Ведь там жила она, его любимая — Галочка. А теперь и следов ее там не отыскать, замели их февральские поземки, запорошило сыпучим песком злых степных суховеев, смыло весенними ливнями многих лет... А Солнцев? Через столько лет выяснять отношения — все равно, что после драки кулаками махать.

«Зачем возвращаться в прошлое, трогать старую рану? Посмотри на себя в зеркало... При твоих ли заботах да проблемах мучиться давними любовными историями?» — иронично спрашивал себя Нуриев.

Но память, которую он, как злую собаку, хотел усадить на короткую и прочную цепь, то и дело убегала в прошлое.

Впервые он увидел Галочку на осеннем балу, что по традиции давали тогда в медицинском в честь первокурсников.

В темном вечернем платье с глубоким вырезом на груди, с тщательно уложенными волосами, она мало походила

на студентку, а по меркам Нуриева казалась просто кинозвездой. Никогда ему больше не приходилось видеть вблизи такую красивую и так одетую девушку. Рафаэль знал, что ее окружают институтские знаменитости: известные трубачи братья Ларины, баскетболист Мандрица, чемпион республики по боксу Кайрат Нургазин, был среди них и поэт Валентин Бучкин. Бучкина Рафаэль знал — тот жил в общежитии в соседней комнате.

Смельчакам со стороны, приглашавшим ее танцевать, она отказывала, а танцевала с Черниковым, высоким молодым человеком, популярным не только в институте, но и в городе эстрадным певцом. Тогда в концерте для первокурсников он спел в сопровождении джаза популярный «Вишневый сад» и несколько грустных песен на английском языке, названий которых Рафаэль не запомнил.

«С кем же ей и танцевать, как не с ним?» — безнадежно думал Нуриев, но глаз оторвать от нее не мог. И вдруг, когда заиграли «Арабское танго» и зал вмиг оживился, потому что в нынешнем сезоне это танго было самым популярным, Нуриев, оказавшийся рядом с ней, неожиданно для себя рискнул.

— Разрешите? — протянул он ей руку.

Черников, задержавшийся с приглашением, недоуменно посмотрел на Нуриева, соображая, откуда взялся этот мальчишка.

А она, уже готовая отказать ему, вдруг увидела на лацкане пиджака цифру «I». Бал давался в честь первокурсников, и она шагнула к нему.

— А вы смелый! Оставить Черникова с носом — не каждый бы на это отважился.

— Я думал о вас, а не о нем, — ответил, смеясь, Нуриев.

— Никакого почтения к институтским «звездам», плохо начинаете, молодой человек, — улыбнулась девушка.

— Если в этом зале и есть звезды, то первая среди них — вы, — в тон отвечал Нуриев.

— А вы к тому же и льстец, оказывается, — шутливо нахмурила она брови. — Как вас зовут, непочтительный первокурсник?

— Рафаэль.

— О! У меня был в школе поклонник с таким именем. Я вас буду называть короче — Раф. Вас это не обидит?

— Ну что вы, как вам будет угодно. А как мне величать вас?

— А вы уверены, что вам необходимо знать мое имя? — Заметив, как сразу сник Раф, она улыбнулась. — Ну-ну... А зовут меня Галей, если хотите знать. Не хандрите, я не люблю унылых лиц...

Мечты об отличной учебе и повышенной стипендии, созревшие в короткие ночи последнего школьного лета в компании Чипигина и Солнцева, рухнули в первую же сессию. С двумя четверками по химии и анатомии о повышенной стипендии не могло быть и речи. Однако Нуриев не особенно огорчился. В институте отличников не набиралось и двух десятков, и странно: они не пользовались такой популярностью, как спортсмены и джазмены, не говоря уже о Черникове и Бучкине.

В первые несколько недель до злополучного бала, где он безнадежно с первого взгляда влюбился в признанную институтскую красавицу Галочку Старченко, учившуюся курсом выше, по субботам после занятий Нуриев бежал на вокзал и любимым поездом — будь то товарняк или скорый — добирался домой, прыгая на ходу, на стрелках, когда поезд слегка сбавлял ход. Дома с нетерпением ждали его друзья.

После танцев в Доме культуры они допоздна засиживались у кого-нибудь дома, чаще всего у Нуриева. Сафура-апа дежурила и по ночам, считая, что не за горами то время, когда придется женить сына. Ребята расспрашивали о городе, об институте, общежитии, преподавателях, о спортивных залах и площадках, об институтском оркестре, о котором они были наслышаны давно: в нем на саксофоне играл когда-то Виктор Александрович Будко, нынешний терапевт Мартука.

На октябрьские праздники Раф вернулся в Мартук менее восторженный, чем обычно, и друзья, без труда заметившие в нем перемену, заставили рассказать все как есть. Нуриев, не таясь, поведал, что влюбился, признался, что девушка — нереальная мечта, потому что сам Черников — слухи о его необыкновенном голосе и артистическом обаянии дошли и до Мартука — влюблен в нее.

Чтобы понравиться такой девушке, как Галочка Старченко — она играет на фортепиано, стихи пишет, — самому надо быть личностью, понял Нуриев. Но как бы он ни оценивал себя с разных сторон, ни на личность, ни тем более на знаменитость

он никак не тянул. Ни петь, ни играть на трубе, как братья Ларины, или на гитаре, как Ефим Ульман, он не умел. На все нужен талант, а стать знаменитым боксером, как Кайрат Нургазин, ему было просто не под силу, ведь на это годы и годы нужны, а знаменитым необходимо было стать сейчас, немедленно!

Он понимал, что ему мало быть ordinarily знаменитым, как Петька Мандрица, который в любом баскетбольном матче набирал не менее сорока очков, который, не глядя, клал мячи в кольцо и на спор бросал штрафные с завязанными глазами. Раф непременно хотел так же ярко говорить и мыслить, как поэт Валька Бучкин. Он уже заметил: когда рядом Валентин, редко кто выпендривался и демонстрировал свое красноречие. И Нуриев решил первым делом научиться говорить, набраться умных мыслей — благо Валентин жил рядом, так что слушать его он мог, когда хотел, и книг, из которых тот, наверное, черпал мудрые мысли, Валентин не жалел — бери какую хочешь, а комната его была прямо-таки завалена ими, куда ни ткнишь — везде книги.

И все же не было равных Черникову: этот был всегда подтянут, элегантен, туфли начищены, надраены — и как только это ему удавалось? Всем вышел Черников; казалось, не было в городе ему соперников. Девчонки забрасывали его письмами, а вот с Галочкой у него не ладилось.

Нуриев, страдавший от сознания своей ординарности, подавленный популярностью Черникова, в какой-то день совершенно успокоился и перестал считать того соперником; просто он понял: дело не в Черникове или в ком-нибудь другом, а в нем самом. С одержимостью провинциала Раф занялся самообразованием. Читал много, ночи напролет, и вскоре книг Бучкина стало недоставать. Валентин, в общем-то парень одаренный, страдал ленью, безынициативностью, был по натуре созерцателем, что, наверное, характерно для многих поэтов. Такие натуры время от времени словно просыпаются, начинают суетиться, как бы наверстывая упущенное, и тогда их обуревают жажда общественной деятельности, неистового служения надуманному идеалу или щедрого, прямо-таки безмерного покровительства слабому и униженному, даже в ущерб себе. В одно из таких озарений, когда Валентин решил жить, как говорится, с нуля,

чтобы каждый день был если не во благо Отечеству, то хотя бы во благо окружающим, он увидел, что парень из соседней комнаты быстро и, судя по всему, не без пользы одолел книги, на которые он сам, к своему стыду, потратил годы.

Как многие поэты, Бучкин был тщеславен, самовлюблен, и как же польстило ему однажды, когда он, возвращаясь поздно с каких-то посиделок и проходя мимо комнаты Нуриева, услышал вдруг, как тот читал вслух ребятам его стихи. Судя по тому, что света в комнате не было, читал он наизусть и, как показалось Валентину, читал прекрасно, не перевирая ни одной строки, оттеняя то, что ему самому как автору хотелось выделить. Молодая память Нуриева без труда схватывала стихи соседа, может, еще и потому, что Валентин отдавал предпочтение лирике. Нуриев предполагал, что Бучкин тоже в кого-то безнадежно влюблен: все им написанное по духу и настроению было близко Рафу и воспринималось как свое. Хотя Нуриев прекрасно знал недостатки Бучкина — лень, заносчивость, пренебрежение к своему внешнему виду, тем не менее для Рафа он оказался в жизни первым и единственным кумиром. Вальку иногда захлестывали потоки красноречия в самых неожиданных местах — на кухне, в красном уголке, в прачечной, где он брезгливо и неумело стирал собственное белье. В такие минуты, зная, что Нуриева хлебом не корми, а дай послушать Бучкина, кто-нибудь непременно бежал за ним и, просунув в приоткрытую щель двери голову, орал: «Беги, Валька на кухне развыступался о какой-то Цветковой или Цветаевой!»

Иногда, когда слушателей не находилось, Валентин как бы случайно заходил в комнату Рафа, обнимал его за плечи и заговорщически начинал: «Я вот тебе, брат, что скажу...» — и уводил Нуриева к себе на долгие часы. Нуриев спохватывался только тогда, когда понимал, что о занятиях сегодня не может быть и речи. Стихи свои Валентин хранил в толстых потрепанных папках. Нуриеву был великодушно разрешен доступ к ним в любое время дня и ночи. Однажды в порыве душевной тяги к Бучкину из-за одного уж очень взволновавшего его стихотворения Нуриев купил роскошную, в тисненном кожаном переплете, с мелованной бумагой, тетрадь и своим каллиграфическим почерком, не ленясь, переписал все стихи, которые только удалось отыскать. Когда он показал Бучкину свою

работу, впечатлительный Валентин был растроган. Через час Бучкин вернулся и, волнуясь, попросил подарить эту тетрадь ему; видимо, он понимал, что никогда не соберется переписать собственные стихи, тем более так изящно и красиво. Нуриев, конечно, отдал тетрадь, — рад был, что угодил своему кумиру. Но и самому Рафу нашлась награда: среди бумаг Бучкина он обнаружил шесть стихотворений Галочки Старченко — наверное, тех самых, о которых Бучкин хорошо отзывался. Стихи эти тоже без труда легли в память, словно он их всегда знал, но странно, они тоже были о безответной любви.

Шли месяцы. Нуриев ощущал, как теряет интерес к занятиям, но ничего поделать с собой не мог. В институт он ходил каждый день потому, что надеялся увидеть ее, услышать ее голос, перехватить взгляд или улыбку, не предназначенные ему, но и это ему удавалось не всегда: учились они на разных курсах, на разных факультетах, занимались в разных зданиях и аудиториях. Даже в тех случаях, когда он встречал ее, ни разу она не была одна, всегда ее окружала шумная свита. Могла ли она, увлеченная разговором, увидеть его сдержанный кивок или услышать задушенное волнением «здравствуйте»? Наверное, нет, но на громкое фамильярное «привет» или «салют», принятое в ее компании, он не решался. За полгода она ни разу так и не заговорила с Нуриевым.

Однажды в институте, когда она шла ему навстречу, опять же в окружении друзей, среди которых был и Бучкин, Раф вновь потянулся к ней взглядом, чтобы раскланяться и сказать: «Здравствуйте». Но Галочка не удостоила его даже легким кивком, и он расстроился, как никогда. Нехотя тащился он в общежитие, когда по дороге его нагнал Бучкин, возбужденный от предстоявшего в тот день застолья, на которое он только что был приглашен. С ходу он шумно обнял Нуриева и, не давая опомниться, зачастил:

— Видел, брат, видел. И ты, значит, влюблен в Старченко, — вот бы не подумал. Забудь и выбрось из головы, иначе — гибель!..

Но и в самой беспросветной жизни случается удача, выпала она и Рафу. На 8 Марта «мужчины» решили устроить вечер для девушек на квартире у Лариных. К событию этому готовились долго и тщательно, и деньги собрали сразу

после стипендии, избрав казначеем Бучкина. Встречаясь с Валентином не один раз на дню, Нуриев был в курсе всех приготовлений. Видел он и шуточные персональные приглашения девушкам, которые оформил Петька Мандрица, кроме баскетбола увлекавшийся еще и рисованием, а стихи написал каждой, конечно, сам Валентин.

Было приглашение и Старченко. Набиваться в компанию старшекурсников было делом бесполезным, да и неудобным; Валентин сам ничего не решал, хотя и был казначеем. Компания сложилась не сегодня, каждая новая кандидатура ревностно обсуждалась, да и желающих было много. С мыслью, что на праздник не попасть, Раф смирился и потому особенно не переживал. Утешало его то, что Валентин потом непременно перескажет ему весь вечер в лицах, обладал он и таким талантом. Нуриев даже помогал Валентину, относил вместе с ним какие-то покупки в дом Лариных. Хотя Раф завидовал и, может, даже недолголюбил кое-кого из «избранных», он отдавал должное тому, что развлекаться они умели весело, талантливо. Не какие-нибудь примитивные «фантики» или пошлые «бутылочки», танцы до упаду... Он знал, что Черников будет петь, братья Ларины будут играть на гитарах и петь цыганские романсы или в четыре руки выдадут джазовые композиции Гленна Миллера; в зале Нуриев видел прекрасный концертный рояль — на нем Старченко исполнит Шопена, а уж больше всех сорвет аплодисментов Бучкин — увлечение поэзией в те годы было модой в институте. Видимо, с праздником Валентин связывал какие-то надежды, потому был энергичен и старателен, даже брюки, купленные специально к этому вечеру, заузил до предписывавшегося жестокой модой минимума — еще полгода назад об этом не могло быть и речи. Настораживало и то, что, несмотря на занятость, лихорадочные приготовления к «балу», как Валентин называл вечеринку, ночи напролет он писал стихи. Стихи эти по дороге в институт он отдавал Нуриеву, а вечером вдруг забирал, приговаривая: «Не то, брат, не то», чего прежде с ним не случалось — к написанному он никогда не возвращался. В организации «бала» то и дело возникали какие-то, казалось, неразрешимые проблемы: финансового, бытового и даже дипломатического характера. Последнее дважды ставило под угрозу само мероприятие.

«Прекрасный пол» никак не хотел выстраиваться в идеальный ряд, каким он виделся организаторам: то и дело возникало: «Я или она».

Деликатная миссия была поручена Черникову. И тот, по мнению Валентина, справился с ней превосходно, заработав от братьев Лариных кличку Дипломат. Но, как бы там ни было, все, наконец, утряслось, ждали праздника. И надо же такому случиться: за день до срока Валентин то ли простудился, то ли где воды ледяной напился, и у него заложило горло, он затих, замолчал. Кто-то даже беззлобно пошутил: «Почему выключили Бучкина?» Все, как будущие врачи, наперебой предлагали полоскания, компрессы, прогревания, но голос у Валентина сел окончательно.

С самого Нового года Бучкин не читал новых стихов, а тут пообещал на женский праздник всего навалом, и вот — вышла неувязка. Больше всего он огорчился оттого, что стихи на этот раз удались.

И вот тут Валентина осенило: что, если их прочтет Раф? Читал Нуриев, пожалуй, даже лучше, чем он сам, а отдельные стихи, которые Бучкин никак не мог решиться обнародовать, гораздо лучше прозвучали бы в устах нейтрального человека и не выдали бы автора с головой, чего пуще всего боялся легкоранимый поэт. В том, что это выход, да еще удачный, он не сомневался, но как пригласить Нуриева? Когда Валентин сказал об этом братьям Лариным, те уперлись и предложили на сей раз вообще обойтись без поэзии, тем более что причина уважительная... Но это вовсе не устраивало Бучкина, он пошел за советом к девушкам. И те, конечно, решительно его поддержали, выразившись на удивление кратко: «Без поэзии праздник не праздник». Ребятам пришлось уступить.

О своих сложных переговорах насчет Нуриева Валентин Рафу не говорил — не был уверен в успехе, — а единодушная поддержка прекрасного пола удивила его самого. Когда днем в институте Валентин сказал Рафу, что тот приглашен на бал к Лариным, Нуриев поначалу не поверил, решил, что Валентин шутит.

Задолго до назначенного срока Нуриев в полной готовности зашел к соседу. Валентин лежал на кровати и читал переписанные Рафаэлем собственные стихи, делая на некоторых

страницах пометки карандашом. Увидев Нуриева, он отложил тетрадь и оценивающе оглядел его.

— Да, брат, выглядишь ты, прямо скажем, слабовато. Они не стихи станут слушать, а будут разглядывать тебя, как чучело огородное. Ты и начнешь нести ахиною. Ребята там хоть и свои, но снобы жуткие. На мой внешний вид они махнули рукой, говорят: богема — что с него взять. Но сегодня и я не могу составить тебе компанию; вон брюки отутюжил, стрелки не хуже, чем у Черникова, рубашка свежая, даже бабочку взял у ребят в соседней комнате.

Видя, как моментально скис Нуриев, Валька встал.

— Да ты, брат, не расстраивайся, я сейчас что-нибудь организирую.

Внимательно оглядев Нуриева, Валентин исчез в коридоре. Через полчаса вернулся с модным пестрым пиджаком, красной рубашкой и каким-то шнурком вместо галстука. Больше всего Валентин радовался шнурку, говорил, что даже у Черникова пока нет этой новомодной штучки.

Дом Лариных, некогда спроектированный и отстроенный их отцом — главным архитектором города, издали манил огнями. Бучкин и Нуриев поднялись на высокое, в пять ступеней, крыльцо и позвонили.

Встретил их Черников. Из слабо освещенного зала, где лишь на рояле горела свеча и в углу светился торшер, доносилась музыка, за инструментом спиной к ним сидела Старченко.

На кухне суетились только мужчины. Все что-то резали, открывали, раскладывали по тарелкам, а у плиты, на которой что-то жарилось, колдовал Кайрат Нургазин. Сервировать стол в просторной столовой доверили Черникову, а Нуриев был отдан ему в помощники. Раф, впервые попавший в такой роскошный дом, где все были прекрасно одеты, вежливы и учтивы, растерялся. Подобное он видел только в кино, и даже ребята, в общем-то знакомые, представлялись ему более значительными. От этого он робел еще больше. И потому, когда усаживались за стол, Раф постарался занять место подальше от Галочки, боясь, что от волнения и неуверенности что-нибудь прольет или опрокинет на белоснежную скатерть. Но Валентин понимал молодого друга и при первой же возможности ободрил его — держи хвост пистолетом! — и выпил с ним по рюмочке за удачу.

Веселье набирало обороты, в честь прекрасных дам провозглашались тосты — один изящнее другого. Прекрасные дамы в ответных спичах преклонялись перед кулинарным гением Нургазина и безупречным вкусом Черникова, сервировавшего стол, не был забыт даже казначей.

Вскоре гости включили на всю мощность мигавшую зеленым глазком радиолу, и начались танцы. Однако радиола кого-то не устроила, и Ларина попросили сесть за инструмент. Младший Ларин, подвинув поближе шандал с оплывшими свечами, заиграл попури из модных танго. Нуриев хотел кого-нибудь пригласить, но всех девушек быстро разобрали, и он, встав у рояля, смотрел, как бойко, без нот управляется с мудреным инструментом Ларин. Видимо, попури рождалось экспромтом, было незнакомым, хоть и вобрало все мелодии, которые хотели услышать танцующие. Как только он закончил играть, раздалось: «Браво! Браво!» Все зааплодировали, а Ларин, не изменяя принятой шутовой манере, сказал:

— Прошу зачесть как персональный подарок нашим очаровательным гостям.

Пока девушки осыпали Ларина комплиментами, Черников успел разлить по бокалам искрящееся шампанское.

— Шампанское и поэзия! — на весь зал сказала Женя Скорикова. И, не видя рядом Бучкина, так же громко продолжила: — Валентин, еще две недели назад вы обещали нам новые стихи, просим!

Девушки захлопали в ладоши, стали рассаживаться поудобнее. Ребята принесли кресла и стулья из других комнат. Раф поискал глазами, где сидит Старченко, и обнаружил ее рядом: она пристроилась на вертящемся стуле, откинув назад локти на прикрытую крышку инструмента, и свет от догорающих свечей освещал ее лицо. Валентин обнял Нуриева и тихо шепнул ему: «Спокойно, спокойно, все будет о'кей!» Взглядом он выбрал удобное место и неожиданно подвел друга к роялю. Еле слышным голосом он объявил:

— Друзья мои! С большим удовольствием представляю вам моего молодого друга, хорошо знающего и искренне почитающего поэзию, который любезно согласился выручить меня и почитать вам давно обещанные стихи.

Никогда до сих пор Нуриев не испытывал к себе такого внимания, как сейчас, и понимал, что должен начать с чего-то стоящего, настоящего. Неожиданно для самого себя начал читать любимое самим Бучкиным пастернаковское:

*Что сделать мне тебе в угоду?
Дай как-нибудь об этом весть.
В молчаньи твоего ухода
Упрек невысказанный есть.*

По затаившемуся залу Раф чувствовал, что пока все идет нормально. Чередуя малоизвестные стихи знаменитых поэтов со стихами Валентина, он смелел с каждой минутой, чужие строки распрямили ему плечи, вернули спокойствие, ровное дыхание.

К Рафу неожиданно пришло вдохновение. Он, как Ларин, экспромтом компоновал на ходу стихи разных поэтов, те, которые выстраивались в единый эмоциональный строй. Читал он долго, но усталости не ощущал, не ощущал и того, что может иссякнуть запас стихов, на память приходили строки, на которых он, казалось, никогда не останавливал внимания.

Погасла догоревшая свеча, и возникла минутная пауза. Опять же Скорикова с не свойственной ей грустью в голосе сказала в темноте:

— Все прекрасно до боли, до слез, но это мужские страдания, а любить истинно, мне кажется, могут только женщины...

В другой ситуации это стало бы предметом горячего спора, но сейчас никто не возразил Скориковой, каждый думал о своем.

Ларин принес новые свечи. На ходу легонько хлопнув Нуриева по плечу, шепнул: «Пожалуйста, продолжайте...»

Раф начал читать Ахматову, изредка перемежая ее стихи стихами Цветаевой, и вдруг, взглянув на освещенный профиль Галочки, вспомнил. Она ведь тоже пишет стихи. Нуриеву они запомнились, и он не сомневался в их успехе. Он смело начал читать написанное девушкой, радуясь, что сможет сделать ей приятное. Читал Раф медленно, несколько глухо, отчего получалось теплее, доверительнее, но не решался взглянуть в ее сторону. Он уловил стук откинутой крышки рояля, повернул

голову. Галя пыталась тихо подыграть ему в такт. В какую-то минуту между ними установилась связь. Да, она безошибочно угадывала, что он будет читать дальше, и после небольшой паузы, когда он переводил дыхание, давала точный аккорд для вступления. Играя, она поворачивала к нему свое взволнованное лицо, подбадривала. Всклипнула в дальнем углу тихая Эллочка Богданенко, но никто не прореагировал на это. Когда они закончили, кто-то включил огромную люстру под высоким потолком, и комнату залило ярким светом, как в театре. Все как-то медленно, тихо поднимались с мест, а потом разом зашумели, загалдели, стали поздравлять исполнителей. Скорикова от избытка чувств за то, что рассказал он и о женской любви с помощью Ахматовой и Цветаевой, растолкала всех и расцеловала Нуриева.

— Это надо обмыть, — зашумел Ларин, приглашая всех снова к столу.

— Идемте, Раф. Я не отпущу вас, ведь я вправе разделить с вами триумф! — сказала Галя, лукаво заглядывая ему в глаза.

Когда снова начали танцевать, она положила обе руки ему на плечи и, все так же улыбаясь, продолжила разговор, словно и не было долгих месяцев с того осеннего бала, когда она заговорила с ним впервые.

— Признайтесь, это Валентин придумал задобрить меня таким образом? Скажу прямо, вам это удалось, мне было приятно принародно услышать свои слабые вирши. О таком подарке я и мечтать не могла.

— В ваших стихах много искреннего чувства.

— Опять льстите, Раф. Но, как бы там ни было, я, пожалуй, тоже расцелую вас, как другие...

Вечер в доме Лариных перевернул всю жизнь Нуриева. Кто знает, как сложилась бы его судьба, не притащи его Валька читать стихи.

В те ночи в Мартуке, когда они втроем, казалось, обсудили все в своей будущей студенческой жизни, на первое место была поставлена учеба. Конечно, они не собирались ограничиваться только этим: спорт, концерты, танцы, диспуты — на все хватило бы сил... Но вот о том, что могут влюбиться, они как-то забыли. Правда, Солнцев как-то сказал, что, заканчивая учебу, нужно обязательно жениться. Они-то знали, что распределят

их по маленьким райцентрам, поселкам, дальним казахским аулам. Тогда они согласились с Ленечкой: конечно, сельскому врачу жениться нужно, — но обсуждать эту проблему не стали, сошлись на том, что за этим дело не станет.

Но, оказывается, достаточно было одного взгляда на Галочку, чтобы круто изменилась жизнь, и все планы Нуриева полетели вверх тормашками.

Теперь Раф знал, что на следующий праздник или день рождения его пригласят в компанию непременно, — по крайней мере, об этом позаботятся девушки, которых тронули впервые услышанные стихи Цветаевой — Валентин читал им только свое. Нуриев также понимал: повторись он раз, другой — и интерес к нему пропадет. Поэтому он целыми днями пропадал в библиотеках, копался в книгах, запустив учебу до крайности.

Теперь уже не каждую субботу он бывал в Мартуке, хоть и знал, как ждут его Чипига и Ленечка. В первые его студенческие дни Сафура-апа уговаривала сына сшить новое пальто, заказать в ателье костюм. Тогда Раф возражал, говорил, что и так ходит, шутил, что не одежда красит человека и нечего, мол, деньги по пустякам транжирить.

Но теперь его словно подменили: спустя месяц после вечеринки у Лариных он истратил треть сбережений матери, рассчитанных на долгие годы учебы. Появились у него светлый плащ и легкое твидовое пальто, костюм из бостона с узкими лацканами и мощными плечами, широкополая лихо заломленная велюровая шляпа, туфли на толстой белой каучуковой подошве, модные рубашки, пестрые галстуки...

Весна в степные края приходит поздно, зато держится долго, медленно пуская в цвет подснежники, степные тюльпаны, ландыши — все в свой черед.

Главная улица их города — улица Карла Либкнехта — в мае становилась особенно оживленной. Едва на город ложился весенние сумерки, Раф с Бучкиным, нарядные, выходили «прошвырнуться». Гуляя по запруженной людьми вечерней улице, то и дело раскланиваясь со знакомыми, они продолжали говорить о поэзии. Вскоре они непременно встречались с кем-нибудь из друзей, компания час от часу росла, и ребята, облюбовав скамеечку где-нибудь в скверике или парке, сидели там допоздна. Иногда с таких посиделок вдвоем с Черниковым

проводжали Галю домой. Она с обоими держалась ровно, никого не выделяла, и в эти ночные часы Нуриев был счастлив. Ведь еще совсем недавно он и мечтать об этом не смел. Однажды, когда он сдал экзамены за первый курс и утром собирался уезжать на каникулы домой, вахтер пригласил его к телефону. Звонила Галя. Приглашала к себе. Дома у нее он еще не был.

Жила она за мостом в железнодорожном поселке, в старинном особнячке. Черников, с которым они однажды возвращались вместе, проводив Галю, рассказывал, что она из семьи потомственных железнодорожников и что в этом самом доме некогда жил ее дед, первый начальник станции их города, а после особняк отошел к отцу, начальнику отделения дороги.

Приглашению Раф обрадовался и вместе с тем растерялся, но к назначенному времени был у нее дома. Встретила она его шумно и весело и говорила с ним, как всегда, с лукавинкой, с едва заметной насмешкой, помогавшей ей держать поклонников на расстоянии.

— Раф, постоянно открываю в тебе положительные качества! Вот, сегодня, например, убедилась, что ты пунктуален, — сказала она, улыбаясь и протягивая ему руку. — А замечать одни достоинства — это опасно для девушки!

Галя взяла его под руку и повела в зал.

В просторной комнате окна во двор были распахнуты настежь, и из палисадника ветерок доносил вечернюю прохладу.

У соседей уже зажгли огни, а в старинном доме хозяйничали сумерки.

— Мне всегда приходят в голову неожиданные мысли, а удержаться нет сил. Ты уж извини меня, если оторвала от дел, я ведь знаю, что ты завтра уезжаешь на каникулы. Подумала, что все лето не увижу тебя, я ведь и сама через неделю уезжаю к морю. И почему-то вдруг стало грустно: все лето не услышу стихов. Надеюсь, ты простишь мой каприз и побалуешь на прощанье чем-нибудь новым. Ты ведь никогда не повторяешься. Но, в общем-то, лучше, если ты считаешь что-нибудь уже знакомое. А чтобы ты не считал меня эгоисткой, сначала я поиграю тебе. Хочешь?

В сентябре Нуриев вернулся в город с Чипигой и Ленечкой, которые тоже стали студентами. Втроем они заняли просторную комнату в общежитии, опять же по соседству с Бучкиным.

С первых же дней учебы первокурсников вывезли на хлебоуборку в соседний с Мартуком район. Бучкин на время переселился к Нуриеву, и вновь они ночи напролет говорили о книгах. За лето компания несколько поредела: Скорикова неожиданно вышла замуж и уехала в Москву, а Мандрицу включили в сборную республики по баскетболу, и он перевелся в Алма-Ату.

Ждали их и другие сюрпризы: распался знаменитый институтский джаз-оркестр. Братья Ларины с единомышленниками ушли из ансамбля. Оставшись не у дел, они сформировали свой оркестр и убедили руководство клуба завода «Большевик» на окраине города заключить с ними контракт. Финансовые дела у клуба были неважные, творческой работы никакой, на танцы под радиолу народ не ходил, предпочитая Дворец железнодорожников или областной Дом культуры. Ларины со своим предложением играть на танцах оказались кстати.

Оркестр Лариных сразу стал популярен. Молодежь дружно повалила в «Большевик», чему немало способствовали броские рекламные щиты, сделанные по просьбе братьев. У модного заведения неудобств оказалось с избытком: далеко, тесно, душно, зал без вентиляции, а главное — клуб находился на окраине, известной своими хулиганами.

С местной шпаной в те годы происходила странная метаморфоза: она от сезона к сезону меняла свое обличье. Неимоверной ширины клешам она стала предпочитать узкие брюки-дудочки, тельняшкам — яркие цветные рубашки, хромовым сапогам в гармошку — туфли с толстенной каучуковой подошвой, а кепочкам с куцыми козырьками — модные белые «кепи», которые нахлобучивались чуть ли не на глаза.

Пожалуй, тогда шпана, не изменив своей сути, сумела раствориться среди молодежи.

И впервые в клубе «Большевика» Нуриев столкнулся с этим странным гибридом так называемых «стиляг» и шпаны. Развязная манера поведения, косноязычная, жаргонная местечковая речь, татуировки, «фиксы» — всего этого никак не могла прикрыть даже самая яркая и модная одежда. Конечно, кроме шпаны ходили на танцы с нашумевшим джаз-оркестром братьев Лариных и другие люди: студенты, старшеклассницы и истинные любители джаза.

Старченко, вернувшись с моря в начале августа, была в курсе дела, она даже посещала первые репетиции нового оркестра.

Когда Нуриев с Бучкиным впервые пришли на танцы в «Большевик», то увидели, что общительная Галочка уже и здесь свой человек. Вокруг нее сколотилась прочная компания. Среди друзей Гали были двое-трое прекрасно освоивших новые танцы, и девушка чаще всего танцевала с ними, это получалось здорово. Остальные, восхищенные пластикой движений, невольно освобождали им место, и они отплясывали, как на эстраде, под восторженные возгласы и рукоплескания собравшихся. Эти минуты всеобщего внимания и поклонения, наверное, Галя и любила.

Рафу же «Большевик» понравился тем, что здесь трижды в неделю он мог видеть ее.

За вечер Раф успевал потанцевать с Галей раза три-четыре, ровно столько, сколько играли танго и блюзы — оркестр Лариных предпочитал быстрые ритмы.

А проводить Галочку домой после танцев не удавалось: за ней всегда увязывались какие-нибудь друзья из новой компании. Возле дома она, не задерживаясь с провожатыми, со всеми ровно и тепло прощалась. Проводив Галя, они еще долго выбирались из железнодорожного поселка, прежде чем разойтись в разные стороны, но разговор обычно не клеился.

Однажды, когда они проходили мимо мрачного здания вагонного депо, один из парней, часто танцевавший с Галей, сказал Нуриеву:

— Вот что, парень, ты недогадливый, придется тебе сказать, что ты в нашей компании лишний. Чтоб духу твоего в клубе больше не было, понял? Был до тебя один провожатый, Черников, мы обещали испортить ему карточку, он танцует теперь в другом месте. Ты просись к нему в компанию. Или зубри латынь, пограмотнее будешь, а то ведь на лекарства работать придется.

Нуриев, всегда чувствовавший их недружелюбие, все же не ожидал такого крутого поворота событий. Он испугался не за себя, а за Галя. Еще минуту назад парни говорили «пожалуйста», «извините», а сейчас изошрялись на блатной «фене».

— Я, как вам известно, не пою и внешностью особенно не дорожу, а куда мне ходить и кого провожать, как-нибудь разберусь. Спокойной ночи... — Нуриев зашагал прочь.

В том, что они сейчас вдвоем ничего не предпримут, Раф был уверен: повадки блатных он хорошо изучил еще в Мартуке. Знал, что если его не удастся запугать, как Черникова, они постараются привести угрозу в исполнение. Не ходить в клуб для него означало не только не слушать джаз, но и прежде всего оставить Галю со шпаной. И вообще, как он объяснит ей, почему перестал ходить на танцы? Дескать, ему пригрозили, и он испугался? Об этом не могло быть и речи. Лучше уж умереть, чем оказаться в ее глазах трусом. Обидно ему было и за Черникова: запугали, негодяи, парня. А ведь Черников, с которым они не раз провожали Старченко, никогда не высказывал Нуриеву недовольства, пренебрежения, не пытался выставить его в смешном виде, хотя давно был влюблен в Галочку. Достойное поведение соперника вызывало у Нуриева искреннее уважение. А тут кулак под нос — и весь аргумент. Нуриев был уверен, что никто из компании Старченко в клубе всерьез не мог рассчитывать на ее благосклонность, просто это была ее очередная блажь, правда, на этот раз с риском. В следующую субботу на танцы Нуриев не пошел: ездил в Мартук, копал с матерью картошку. Но в среду в клубе «Большевик» появился. В середине танцев, когда второй раз пригласил Галю на танго, все тот же парень, улыбаясь, отозвал его в сторону и сказал:

— Мы уж думали, умный студент, все понял. А ты опять за свое. Выйдем, поговорим, — он, обняв Нуриева и продолжая улыбаться, повел его к выходу.

Со стороны казалось: друзья пошли покурить. Едва они вышли из освещенного фойе в темный двор клуба, кто-то направил Нуриеву прямо в глаза яркий свет карманного фонарика, и тут же его ударили в голову чем-то тяжелым, а когда он упал, долго били ногами.

Вернувшись с хлебоуборки, Чипига с Ленечкой застали Нуриева в постели — голова болит постоянно, на лице синяки. Раф, не раскрывший причины драки даже Бучкину, чтобы не впутывать в историю имя Старченко, друзьям рассказал все как есть. Чипига, недолго думая, сказал, что надо поквитаться. Нуриев на это и рассчитывал, иного выхода у него не было.

Солнцев, одоблив идею Чипигина, все же высказал сомнение: их троих маловато...

Но как долго Нуриев ни перебирал в памяти своих новых знакомых в городе, понял, что рассчитывать ни на кого не мог: связываться с окраинной шпаной они бы не стали. Твердо полагаться он мог только на своих друзей. Среди недели Чипигу осенило: а что если вызвать на подмогу Альтафа? Идея эта вселила в ребят уверенность.

Альтаф, остриженный наголо, со дня на день ждал отправки на службу в армию и предложение «мушкетеров» выслушал с интересом. По рассказам одноклассников выходило, что били его земляка за любовь, били нечестно, из-за угла, скопом, а Альтаф, хотя и был забияка и задира, справедливость уважал, не вступить за правое дело считал большим грехом.

В назначенную среду Альтаф приехал в Актюбинск автобусом, в общезитии они подробно обсудили план действий. В клуб «Большевик» явились в разгар танцев. Нуриев как ни в чем не бывало подошел к компании и, хотя заиграли быстрый фокстрот, увел Галю танцевать. Он видел, как вновь что-то замышляют против него, видел он и Чипигу с Ленечкой, внимательно следивших за ним. Альтаф, в черном свитере, в клешах, с тяжелым флотским ремнем, скрестив на груди руки, казалось, безучастно подпирал стенку неподалеку от эстрады. Отсюда, с небольшого возвышения, Торпеда видел весь зал. Опытным глазом он уже выделил троих-четверых блатных, но должен был вступить в критический момент, когда выявятся все противники.

Едва закончился танец, Ларин из оркестра окликнул Галю, и девушка поднялась на эстраду.

Старый знакомый Нуриева был тут как тут; взяв Рафа под руку, он сказал:

— Выйдем, поговорим. Может, в этот раз поумнеешь.

Раф освободил руку и ответил:

— Зачем же далеко ходить? Можно и здесь!

И ударил первым.

Дружки блатного, услышав шум и девичьи крики, поспешили на выручку товарищу. Когда до Нуриева осталось два-три шага, навстречу им выступили Чипига с Ленечкой.

— Студенты наших бьют! — прокатился по залу истеричный вопль. Из фойе и закутков, расталкивая отдыхающих, кинулись на подмогу своим несколько парней.

«Мушкетерам» пришлось туго. Хулиганы попытались оттеснить их друг от друга. Вдруг какой-то летчик-курсант, крикнув Нуриеву: «Ребята, я с вами!» — ввязался в драку. Видимо, у него были свои счеты со шпаной, или, как Альтаф, он не мог терпеть несправедливости. Помощь курсанта дала лишь минутную передышку. Его тут же оттеснил какой-то огромный красномордый детина, но тут с диковатым гортанным криком на помощь летчику кинулся Альтаф.

Местные опешили: вмешательство наголо остриженного Альтафа оказалось для них полной неожиданностью. Может, студенты сговорились с их вечными врагами с Курмыша и привели с собой озверевшего уголовника, который, слава богу, еще не пустил в ход нож?

Этих минут растерянности студентам хватило, чтобы склонить чашу весов в свою сторону. Альтаф, у которого от чувства опасности силы удваивались, творил невозможное. Шпана сопротивлялась упорно, но, не привыкшая драться в открытую, сломленная жестокими и незнакомыми приемами неожиданно ввязавшегося в драку стриженного незнакомца, потихоньку покидала поле боя. Некоторые пытались даже затеряться в толпе, но публика, державшая сторону студентов, выталкивала таких обратно в середину зала.

— Уходим! — вдруг объявил Альтаф и потянул за собой летчика. На улице возле редких фонарей уже маячили фигуры — их поджидали. Альтаф нырнул вбок, в темноту, и вышел с заранее припрятанными в кустах обрезками дюймовой арматуры, а для себя оставил велосипедную цепь.

— Это для отхода, так не выпускают, — спокойно сказал он летчику. Выход на улицу к автобусной остановке был один, и там, перекрывая его, стояло человек десять. Увидев в руках отступавших «оружие», толпа медленно расступилась, оставив довольно широкий проход. Когда они выходили на улицу, вслед им неслись брань и угрозы. Но тут подкатил автобус, и они уехали.

Странно, но после нашумевшей в городе драки Галя вдруг остыла к клубу — может быть, поняла, что якшаться со шпаной —

не к добру. Словно винясь за случившееся, она стала внимательнее и добрее к Рафу, и они встречались почти каждый день.

К Новому году Галя написала неплохие стихи. На этот раз они уже тайно репетировали у нее дома, тщательно подбирали музыку. Старались не зря. После новогоднего вечера друзья попросили вновь собраться у Лариных, чтобы записать стихи на магнитофон.

Казалось, все у Нуриева шло прекрасно: друзья были рядом, он встречался с любимой девушкой, с учебой все утряслось... Но весной Раф неожиданно получил повестку: в трехдневный срок подготовиться к отправке в армию. Съездил на день в Мартук, попрощался с матерью. Из его компании в армию уходил он один, и друзья организовали проводы.

Собрались у Лариных. Братья по этому случаю даже отменили танцы в «Большевике». Раф привел с собой Чипигу и Ленечку.

В тот вечер Раф много читал, и снова его записывали на магнитофон. С Галей они в тот день проговорили до рассвета. На вокзал он должен был явиться днем с вещмешком. Прощаясь с Галей, Нуриев просил ее не приходить к поезду, шутил, что с утра он подстрижется под «нулевку», уверял, что проводы — унылая картина. В назначенный час, когда объявили о подходе специального состава для призывников и Рафаэль в темном берете, подаренном Черниковым, стоял в окружении друзей, на тесную привокзальную площадь на огромной скорости влетела бежевая «победа» и, круто развернувшись, остановилась возле компании. Из машины торопливо выскочила Галя. Она, понимая, что у них остались считанные минуты, бросилась к Рафу, шепча:

— Раф, милый, я буду ждать, я люблю тебя...

Но он сердцем чувствовал, что видится с Галей последний раз...

Накануне отъезда Нуриев узнал, что служить ему придется на Северном флоте четыре года. Через полгода он ушел в свое первое подводное плавание. По возвращении на базу его ожидало несколько писем от Гали, в каждом из них она упрекала его за невнимательность, за молчание. Откуда же он мог знать, что уходит в океан надолго, — начальство с ним сроки не согласовывало. Потом она писать перестала, а

Бучкин, с которым Рафаэль поддерживал связь, сообщил, что она встречается с Солнцевым. Позже он получил и два письма от Леночки, но читать их не стал, разорвал, выбросил за борт.

Вот о чем напомнил сейчас Рафу пожелтевший любительский снимок. Нуриев приехал на похороны Чипиги, и в душе его впервые за многие годы поселился покой: оказалось, в Мартуке он отрезал пуповину, крепко связывавшую его с прошлым, которое мешало ему жить в дне сегодняшнем. Может, поэтому он и решил всё же встретиться с Солнцевым.

Из номера гостиницы Нуриев позвонил Солнцеву домой, но телефон не отвечал, тогда он на всякий случай позвонил на работу. Солнцев проводил какое-то неотложное совещание и пригласил его домой часа через три. Несмотря на жаркий полдень, Нуриев не остался в прохладном, с кондиционером, номере, а поспешил на улицу.

С того памятного дня, когда его призвали на флот, он ни разу не был в Актюбинске. Он не рассчитывал встретиться с кем-нибудь из старых знакомых хотя бы случайно: в лысом, далеко не импозантном мужчине вряд ли кто-либо из них признал бы студента Нуриева, но зато опытный глаз за версту признал бы в нем моряка.

В его распоряжении было три часа, за это время он мог объездить город вдоль и поперек, но город волновал его мало. Хотелось взглянуть лишь на институт, где он не выучился на врача, на дом Лариных, где провел немало счастливых минут, на особняк в железнодорожном поселке, где некогда жила его любимая, и на клуб «Большевик», где родился и умер джаз в их городе. Часа через полтора Раф вернулся в гостиницу. Прогулка не подняла настроения: институт превратился в обшарпанное здание, нуждавшееся в капитальном ремонте, гостеприимный дом Лариных снесли, клуб «Большевик», с провалившейся крышей, с пустыми глазницами окон, лишь человеку с хорошей памятью и фантазией мог напомнить, что когда-то здесь звучали жизнерадостные ритмы. Лишь старинный дом Галочки в густой тени кленов и тополей выглядел по-прежнему.

Солнцев жил в центре. В назначенное время Нуриев нажал на кнопку звонка. Дверь ему открыл молодой полнеющий мужчина с рыжей бородой. Из кухни спешил навстречу Леночка.

Он обнял Нуриева, представил человека с бородой — сокурсника Ленечки по институту, но Нуриев его не помнил.

— Хозяйки нет дома. Жара. Она с детьми на даче. У меня их двое: мальчик и девочка, правда, еще совсем маленькие, я ведь поздно, почти в тридцать женился, — говорил Ленечка.

Когда сели за стол, Ленечка налил рюмки, и они помянули Чипигина. Разговор особенно не клеился, вспоминать веселое было как-то некстати, а о грустном говорить не хотелось. Ленечка с рыжебородым вспоминали студенческие годы, и неожиданно всплыло имя Галочки.

— Где она сейчас? — спросил Нуриев. Рано или поздно он все равно задал бы этот вопрос.

— В Ленинграде, — ответил Солнцев и тяжело вздохнул.

— Почему ты на ней не женился? Бучкин писал тогда, что у вас, похоже, дело идет к свадьбе.

— Я ведь тебе подробно написал об этом, пытался объяснить...

— Я получил эти письма, но читать не стал...

— Ах, вон что, так ты, Раф, не знаешь, сколько я пережил?! Не приведи господь никому... — Значит, начинать надо все с самого начала... — Ленечка расстегнул ворот рубахи. — Что ж, слушай. Хочу, чтоб ты понял меня.. Познакомил с Галей меня и Чипигу ты сам в «Большевики». Она знала, что мы твои друзья, земляки. Встречая нас с Чипигой в институте, часто спрашивала о тебе: нет ли каких вестей. Летом у нее была трехмесячная практика. Она попала к нам в Мартук. Чипига все лето пропадал то на каких-то сборах, то на соревнованиях. Он тут быстро занял место Мандрицы в команде. Кроме меня, у нее знакомых в Мартуке не было, и я, естественно, старался помочь ей. Нашел квартиру, по субботам брал у отца служебную машину и отвозил ее в город. Она постоянно расспрашивала о тебе: где мы купались, где ловили рыбу, куда ходили танцевать. Мы даже не раз бывали у тебя дома, и Сафура-апа поила нас чаем из самовара. В общем, целое лето я был рядом с ней. После обеда, когда она заканчивала дела в поликлинике, мы уезжали купаться и загорать на Илек, а вечером каждый день ходили в парк на танцы. Если ты не забыл, она могла танцевать сутками. Бывала она и у меня дома. Моих родителей она просто очаровала. Однажды меня пригласили на свадьбу к родственникам,

и я пошел туда с ней. Свадьба ей понравилась, она танцевала, была в центре внимания, что ей обычно удавалось без труда. Но когда мы возвращались, вдруг заплакала и сказала, что когда ты вернешься, она уже будет старухой. Говорила, что сердцем она еще надеется, что у вас что-то будет, но разумом понимает, что это все, конец, у вас разные судьбы... Ты знаешь сам: не влюбиться в нее было невозможно. Честно говоря, каждый день я не мог дождаться послеобеденных часов, когда мы уезжали на Илек. Пожалуй, в то лето я изменился как никогда, даже ходить и говорить стал как-то иначе, лучше. Но я влюбился в нее спокойно, безнадежно, как влюбляются в кинозвезду. Я понимал: вернемся мы в город, все встанет на свои места — у нее своя компания, в которую я и не мечтал попасть, у меня — своя. Впрочем, компании у меня никакой и не было, меня волновала учеба, твой пример меня страшил. Но в городе все пошло иначе, чем я думал: она часто звонила мне, просила в чем-нибудь помочь, мы продолжали встречаться..

Когда Галя отмечала день рождения, пригласила меня домой. Надо сказать, ваша компания меня так и не приняла, особенно язвил Бучкин, да и Ларины не жаловали — то ли помнили тебя, то ли я не ко двору пришелся. Но я на это не обращал внимания: для меня было важным, как относится ко мне она, важно, что она была со мной.

— Ну кому нужна твоя исповедь, Леонид Яковлевич, утомишь гостя, — пытался прервать Солнцева толстяк, но, глянув на Нуриева, осекся.

— Но не все было так ровно и гладко, как тебе может показаться. И на мою долю досталось. В тот год перевелись к нам из московского института несколько ребят из Грузии, там их то ли отчислять собрались, то ли они чего натворили — не знаю. В общем, оказались в Актюбинске. Верховодил у них Мишка Мебуки. И вот угораздило его тоже влюбиться в Гаю. Парень отчаянный... не чета твоему дружку Черникову. Не давал он Галочке проходу ни в институте, ни в городе. Сколько раз он с друзьями устраивал мне темную, когда я возвращался от нее, — не сосчитать. Однажды так избили, что Галя даже хотела заявить в милицию, но я отговорил, сам хотел поквитаться. И поквитался. Однажды я его без друзей застал, так почти месяц после этого он в больнице лежал. После больницы Мебуки

взялся за старое, только теперь он поил шпану и натравливал на меня. Водились у него шальные деньги. Натерпелся я, Раф, всего не рассказать... Да вот, посмотри... — Ленечка встал с места и, подойдя к Нуриеву, показал шрам чуть ниже виска. — Кастетом шпана по наущению Мебуки...

Ленечка распахнул окно во двор, вернулся к столу.

— Может, то, что компания меня недолюбливала или, точнее сказать, не приняла, пошло на пользу. К Гале они относились по-прежнему тепло, видимо, считая, что я — ее очередная блажь. Но она не могла не чувствовать неприязненного отношения ко мне и мало-помалу отошла от компании. Мы проводили вечера вдвоем, часто ходили в кино, гуляли, бывали у нее дома. Ее комната выходила на парадное крыльцо. Мы уходили и возвращались в любое время, не мешая домашним. Она здорово изменилась после твоего отъезда, Раф. Засела за учебу, остыла к танцам — в общем, такой тихой, домашней тебе и представить ее трудно. Мы даже летом ездили отдыхать на море к ее родственникам, в Геленджик, и она представила меня там как жениха. Мне казалось, что все в моей жизни прекрасно... Тебе я об этом писал.

О тебе она никогда больше не заговаривала со мной, но, когда мы бывали у Лариных или у Черникова и если Бучкин начинал читать стихи, Галя потихоньку уходила в другую комнату. Однажды в Геленджике нам попалась на глаза афиша: «Вечер поэзии». Участвовали в нем несколько известных московских поэтов. Как она загорелась, как ждала этого дня, но в разгар вечера, где читали удивительные стихи, она вдруг заплакала, и мы ушли. Тогда она спросила: «Солнцев, скажи, я, наверное, ужасный и подлый человек?» Я, конечно, уверял ее в обратном. Этот вопрос она задавала потом еще не раз.

Когда она оканчивала пятый курс, мы решили пожениться, и на радостях я заранее объявил об этом событии. О том, что Старченко выходит замуж, казалось, знал весь город. Вообще-то всех удивил ее выбор. Ну, был бы Черников или Мебуки, кстати, пользовавшийся большим успехом у девушек... Кое-кто вспоминал тебя, за два года и ты успел оставить о себе память. И вдруг какая-то заурядная личность — Солнцев, комсорг института, ленинский стипендиат — все это не вязалось с шумной известностью Старченко...

— Давай выпьем за нее, — прервал вдруг Нуриев Ленечку. Они чокнулись, но Ленечка не выпил, а только пригубил. Нуриев усмехнулся.

— В середине мая, когда в городе в каждом палисаднике зацвела сирень и до нашей свадьбы осталось чуть больше месяца, она как-то сказала мне: «Сегодня у одной девушки из нашей группы день рождения, и мы решили устроить девичник. Нужно быть там, иначе обидятся. Но и тебя жаль. Ты приходи попозже, вот ключ, подождешь, послушаешь музыку». Так и порешили. Я пришел часам к одиннадцати, но в ее комнате не было света. Я прождал с полчаса и решил пойти ей навстречу, хотя бы до моста. Разминуться мы не могли, а встретить ее в такое позднее время не мешало: привокзальный район не самый спокойный в городе, ты должен помнить. Когда я дошел до вагонного депо, еще издали услышал ее смех, смеялась она громко, счастливо, и я, порадовавшись ее настроению, заспешил навстречу. Шли они вдвоем, и хотя я не знал этого молодого мужчину, но сразу догадался: из цирка. Только на днях развесили рекламные щиты: «Икарийские игры — силовая акробатика». Такого рослого, с невероятной шириной плеч, с могучими бицепсами человека воочию я видел впервые в жизни; кажется, они не замечали меня, пока на меня не наткнулись, хотя я стоял на аллее под единственным, ярко горевшим фонарем.

— Меня, оказывается, встречают, Мишель, — сказала она, оборвав смех.

Мишель нехотя убрал с ее плеч руку, — тогда в нашем городе так еще не ходили. Он окинул меня неприязненным взглядом и, расплывшись в своей цирковой улыбке, обращаясь к Гале, словно меня и не было, сказал:

— Галочка, спасибо за приятный вечер. Никогда не думал встретить здесь такую удивительную девушку. До свидания, жду на спектакле.

Мы молча продолжали стоять на ярком световом пятнышке.

— Что, шпионим? — вдруг зло, с вызовом спросила она.

Я понимал, что сейчас может произойти ужасное, непоправимое, и попытался сдержаться.

— Уже поздно, я шел тебя встречать... с девичника, — неожиданно язвительно сорвалось у меня с языка.

И тут ее словно прорвало. Она говорила мне такие гадости — не пересказать. Такой злой, возбужденной она, наверное, никогда не была. Но и я вел себя не лучшим образом. Вместо того, чтобы молчать и успокоить ее, сгорая от ревности и думая только об этом Мишеле, я спросил:

— Ты была с ним?

Она, словно поняв, что меня волнует, расхохоталась:

— А как же, Мишель — настоящий мужчина! Не такой слюняй, как ты!

Как кипятком ожгли меня ее слова, и я ударил ее. Наверное, ударил сильно, потому что она упала.

Ленечка поперхнулся, закашлялся, но никто не прервал молчания.

— Затмение прошло у меня так же внезапно... Я склонился над ней... Она не дышала. Я решил, что убил ее. Поднял на руки и побежал к дому. Когда я внес ее в комнату и положил на кровать, я уже знал, что надо делать... пойду в милицию и заявлю, что убил человека. Когда я был уже у двери, слышался стон. Я кинулся назад: она очнулась... Плача, я целовал ее мокрое лицо и шептал: «Галя, милая, что я наделал!»

Она вдруг прошептала разбитыми губами: «Солнцев, ты сволочь...» — и стала громко звать маму...

Ленечка надолго замолчал.

— Ну и скотина ты, Солнцев, — вырвалось у Нуриева.

Но Ленечка ничего не ответил, памятью он сейчас был в той жуткой ночи. Бородатый воспользовался паузой и включил свет: в комнатах уже было темно.

Неожиданно зазвонил телефон в кухне, и Солнцев ненадолго отлучился: звонила с дачи жена.

Только сейчас, слушая исповедь Солнцева, Нуриев поверил, что и Ленечка любил по-настоящему, но подумал и о том, как любовь эгоистична, — ведь Ленечка говорил лишь о своих страданиях, хотя избитой и изуродованной была любимая, где уж тут вспомнить о друге, который тоже любил ее.

Ленечка вернулся из кухни, прихватив из холодильника еще одну бутылку водки.

— Давай как раньше, как Чипига наливал, — сказал вдруг Нуриев и пододвинул бокалы. На душе у него было мутно.

Бородатый удивленно глянул на Солнцева, но Ленечка недрогнувшей рукой разлил на троих.

— Таковую дозу разве что за любовь, — хмыкнул вдруг захмелевший толстячок.

— За любовь! — в один голос серьезно сказали бывшие друзья и подняли бокалы.

— Но ведь это еще цветочки, Раф. Дальше слушай. Тюрьмы, я думал, мне не миновать, и был готов понести наказание. Вот тут-то я вспомнил и про Чипигу, и про тебя. Думал, за что мне такая божья кара? Друзей, как у тебя, у меня не было, даже в такой тяжелый момент мне не с кем было поделиться бедой. Но что тюрьма, в которой я уже мысленно сидел! Я не представлял себе жизни без Гали. Однако все, как ни странно, обошлось. Не знаю, что уж она сказала родителям, но меня никуда не таскали. А вот жизнь наказала меня куда страшнее. Через несколько лет совершенно неожиданно я узнал, что она была на третьем месяце, и у нее тогда случился выкидыш. Я убил своего ребенка...

Ленечка смахнул набежавшую слезу.

— Летом она неожиданно для всех вышла замуж за одного из наших преподавателей, тот как раз получил по конкурсу вакансию в Ленинградском мединституте, и они уехали.

Так для всех и осталось загадкой, почему вдруг расстроилась наша свадьба; впрочем, большинство отнесло это на счет ее былой экстравагантности. Кто жалел меня, кто откровенно насмеялся, но мне в ту пору было все равно. Я понимал, что заслуживаю более сурового суда.

Хочешь верь, Раф, хочешь нет, хотел наложить на себя руки, да духу не хватило. Но и на этом наши пути разошлись.

Институт я закончил с отличием, и меня оставили на кафедре. Что можно сказать о тех годах без нее? Учился, работал. Через год меня с кафедры направили в очную аспирантуру в Ленинград. Журавлева — теперь она носит такую фамилию — закончила ту же аспирантуру и работала в этом институте. Разминуться мы не могли. Она по-прежнему была хороша, время, казалось, не коснулось ее совсем, а я уже тогда был почти седой. Седина появилась у меня в ту трижды проклятую ночь. Потом она как-то сказала, что из-за этой седины и потянулась ко мне вновь, пожалела меня. Встречались мы часто: то

у меня в аспирантской комнатухе, то у нее дома, — муж ее подолгу бывал в научных командировках и экспедициях. Тогда я заметил, что она много курит и много пьет, а может, трезвым нам было трудно смотреть друг другу в глаза. Встречались мы как-то нервно, с надрывом, словно в последний раз. То, казалось, ссорились в пух и прах, а назавтра искали друг друга в аудиториях, то, только расставшись, ночи напролет говорили по телефону. Она говорила: хочешь — уйду от мужа? Я то соглашался, то малодушно избегал ее в те дни, когда что-то нужно было предпринимать. Ужас той ночи, как гранитный постамент, стоял между нами.

Сейчас мне кажется: три года прошли как один день, и, наверное, они были лучшими в моей жизни. Ничто будто не мешало мне принять окончательное решение: я ее любил, был свободен, но не получилось и на этот раз. Из-за моей нерешительности, моего малодушия. На прощанье мы снова здорово поскандалили, и она сказала: «Ты сломал мне жизнь, ты разрушил мою семью, ты ужасный человек. Но ты сломаешь жизнь и себе...» Сколько я слышал от нее ласковых, добрых слов, а помнятся только эти

Ленечка опустил седую голову. Нуриев хмуро смотрел на него.

— Спасибо, что не врал, не изворачивался, не поливал ее грязью. Не бог тебя, Леня, покарал, это я долгие годы проклинал тебя со дна океана. Не знаю, значат ли что-нибудь проклятия друга в твоей жизни, но я проклинал тебя, Солнцев.

— Ты, мой друг, мой единственный настоящий друг, проклял меня? За что?

— За нее, Ленечка, за нее...

— Ты что же, всерьез рассчитывал на что-нибудь после стольких лет разлуки, не имея ни профессии, ни образования? Ей ведь, когда ты вернулся с флота, было двадцать пять лет...

— Нет, Леня, я ни на что не рассчитывал. Еще на перроне, когда она пришла проводить меня и сказала, что будет меня ждать, я знал, что это конец, что я целую ее в последний раз. Я понимал: это судьба. Никогда ни в чем я бы не упрекнул ее... Но ты, ты — другое дело. Ты, мужчина, мой друг, как ты мог?.. Для Мебуки, Иванова, Петрова, Сидорова, любого другого я был чужой человек, они могли и не знать о моем существовании. Но ты-то знал, что я любил ее!

— Любил? — устало переспросил Ленечка. — Нет, любил, страдал, сломал себе жизнь — я! Тебе первому, как брату, я исповедался, открыл душу, а ты говоришь — любил.. Что у тебя было с ней, какими страданиями ты заплатил за это? Да если хочешь знать, таких влюбленных, как ты, в нее было полгорода. И кто их помнит? — почти кричал, шагая по комнате, Солнцев.

— Эх, Леня, ничему-то жизнь тебя не научила. Всегда ты думал только о себе: о своей любви, своей боли, своих страданиях. Ты и о ней-то думал с оглядкой, куда уж обо мне. Ты говоришь, я ее не любил, утверждаешь, что у нас ничего не было и моя любовь ничего не стоит в сравнении с твоей. Что ж, давай выйдем на улицу и спросим у первых попавшихся людей, знавших меня: кого я любил в этом городе?

Рыжебородый как-то враз отрезвел и, видя, что страсти накалились до предела, вмешался;

— Ребята, да вы что, ошалели? Два друга, два солидных человека, не виделись двенадцать лет и сцепились из-за бабы. Она ведь вам обоим жизнь сломала, как я считаю, а вы слюни распустили, пьете за ее здоровье, копаетесь во временах царя Гороха. Давайте лучше выпьем и забудем. Я ведь тоже ее знал — ничего особенного, разве что чуть красивее других.

Нуриев беззлобно посмотрел на толстячка и с сожалением сказал:

— Эх ты, Лука-утешитель. Раз уж тебе все известно, так знай: мне она жизнь не сломала. Я благодарен судьбе, что знал ее, что она есть. Она — жар-птица, понимаешь, жар-птица! Тебе, борода, наверное, этого не понять, для этого ты слишком толстокож и рано заплыл жиром. А шеф твой, если раньше не понял, то теперь и подавно не поймет. Ну, что, Ленечка, вставай, пойдём искать свидетелей тех давних дней?

Оба они были сильно возбуждены, да и выпили прилично — удержать их было невозможно. Толстяк нехотя закрыл за ними дверь. Они прошли к кинотеатру «Казахстан», но, несмотря на то, что успели к началу сеанса, знакомых здесь не оказалось. Заглянули в ресторан, летнее кафе, но людей, знавших их в молодости, не встретили. Солнцев вспомнил тех, кто живет в городе и имеет телефоны, и они стали названивать из автомата, но никого не оказалось дома: одни были на даче, другие —

на рыбалке, третьи — в отпуске. Когда они отчаялись и решили бросить эту затею, Солнцев вдруг вспомнил про Ларина. Они как раз проходили мимо парка и услышали музыку, доносившуюся с танцплощадки. Ленечка знал, что один из братьев Лариных оставил медицину и играл на танцах и в ресторане.

Они купили билеты и пробились к высокой эстраде. Нуриев узнал Мишку Ларина сразу: в белых джинсах, ярко-голубой, отливавшей блеском рубашке, он извивался у микрофона, бросая в него отрывистые чужие слова, от которых в экстазе заходила молодежь вокруг, а пальцы его в тяжелых перстнях рвали струны полыхавшей огнем роскошной бас-гитары.

Когда кончилась песня, Нуриев громко окликнул его. Ларин подозрительно посмотрел на двух солидных мужчин — явных переростков на танцевальной площадке — и, видя, что они настойчиво приглашают его взмахами руки, легко спрыгнул к ним с высокой эстрады.

— Что вам угодно? — спросил Ларин спокойно, без вызова, хотя еще с эстрады рассмотрел, что они пьяны.

— Мишка, не узнаешь? — спросил огорченно Нуриев.

И только услышав голос, Ларин вскрикнул:

— Раф, ты ли это, дружище?!

Они крепко обнялись.

— Да, помяла тебя жизнь. Рановато укатали сивку крутые горки, — сказал Ларин, оглядывая Нуриева.

— А ты молодец, хорошо выглядишь и играешь здорово, — говорил обрадованный встречей Нуриев.

— Мы, Ларин, к тебе по делу, — вмешался Ленечка. — Вот скажи, в кого в нашем городе был влюблен этот лысый субъект?

Ларин, не понимая, то ли с ним шутят, то ли говорят серьезно, все же не задумываясь ответил:

— В кого же, как не в знаменитую Галочку Старченко, помню, большая любовь была, на моих глазах все происходило.

— Позволь, позволь, — перебил Ларина Ленечка. — Ты, Миша, что-то путаешь. Вспомни, ведь она должна была выйти замуж за меня.

Мишка внимательно посмотрел на Солнцева и недоуменно пожал плечами:

— Я знаю, что она вышла замуж за доцента нашего института и живет в Ленинграде.

— Как же ты, Миша, не помнишь? Я ведь бывал с ней у вас дома.

— Может, и бывали, этого отрицать не могу. Возле нее всегда бывали люди — мне кажется, она страшилась одиночества, — но вас я не помню, извините. Что касается Рафа, мы можем спросить еще у ребят из оркестра, они играли со мной когда-то в «Большевики»...

Ларин повернулся к Нуриеву:

— Как дела, моряк?

— Знаешь, Миша, пойдем выпьем за любовь, за нашу молодость, я ведь ночью улетаю, и бог знает, когда увидимся, да и увидимся ли.

— Ну что ты, зачем так грустно? Увидимся. А за любовь, за молодость, за встречу, конечно, выпьем — и немедленно.

Ларин крикнул в оркестр кому-то, что отлучится, и, обняв Нуриева, повел его к выходу. Танцующие недоуменно уступали дорогу странной паре. На освещенной аллее Нуриев оглянулся. Солнцева рядом не было.

*Ташкент,
апрель 1974*

Седовласый с розой в петлице

Повесть

Странно, но тот случайный пьяница, едва не попавший под колеса машины, не выходил из головы Павла Ильича уже вторую неделю. Нельзя сказать, чтобы он постоянно думал о нем, но и забыть его не удавалось, и хуже всего, что вспоминалось произошедшее неожиданно и некстати, отвлекая от дел и сея в душе непонятное беспокойство. Тогда, в среду, он задержался в операционной допоздна, — доставили со скоростной трассы Джизак — Ташкент водителя, врезавшегося на предельных ста двадцати километрах в час в бетонную опору высоковольтной линии. Задремал-то пострадавший, наверное, всего на секунду — и вот результат: искореженная машина, не подлежащая ремонту, целый контейнер вдребезги разбитых цветных телевизоров, да и сам шофер вряд ли остался бы жив, если бы не доставили срочно в клинику и не оказался Павел Ильич на месте, хотя в тот день и обещал вернуться домой пораньше — у жены был день рождения.

Операция оказалась долгой и трудной, собирали парня, что называется, по частям, — и возвращался домой Таргонин уже затемно. Шофер дежурной машины травматологии, дожидавшийся хирурга, сочувствуя бедолаге, — все-таки тоже водитель, — сказал своему коллеге со «скорой помощи»:

— Повезло парню, что попал на стол к самому Таргониному. Он соберет, на шоферов рука у него особенно легкая, я учет веду.

В машине лежал большой букет роз, тщательно срезанных садовником Каримджаном-ака, — территория травматологической клиники утопала в них. Шофер догадывался, что у Павла Ильича какое-то торжество, и, судя по времени, он явно опаздывает, поэтому, едва профессор хлопнул дверцей, рванул с места так, что шины заскрежетали по асфальту.

Несмотря на поздний час, на ташкентских улицах машин хватало, но «Волга» с красным крестом на боковых дверцах шла ходко, ловко пользуясь своим преимуществом, да и шоферы на таких машинах — знатоки своего дела, понимают, что иной раз и от нескольких минут может зависеть жизнь человека, потому на малой скорости не ездят — привычка, а может, и необходимость, чтобы всегда быть в форме, начеку.

Уже подъезжали к центру, где в одном из тихих, утопавших в зелени кварталов жил профессор, и тут едва не случилась беда... В темном безлюдном переулке, освещенном лишь фарами быстро ехавшей машины, из-за густых кустов сирени вдруг прямо под колеса автомобиля шагнул, покачиваясь, пьяный с бутылкой вина в руках.

Все произошло так неожиданно, в доли секунды, что Павел Ильич не успел даже испугаться, ощутить надвигавшуюся беду, но, что странно, успел взглядеться в пьяного. Это было похоже на крупный и назойливый кадр в кино, когда зритель успеваешь оценить и осмыслить не только выражение лица актера, его одежду, но даже запомнить интерьер, в котором действует герой. Спас от беды водитель, его немыслимая реакция: машина резко взяла вправо, едва задев крылом полу распахнутого пиджака незнакомца. Раздался удар разбитой бутылки, и на переднее стекло брызнули капли вина. Машина, избежав, казалось бы, неминуемого столкновения, проскочила на несколько метров вперед и встала. Разозленный водитель хотел было выйти, но Павел Ильич остановил его жестом — не надо. Когда машина тихо тронулась с места, Таргонин невольно оглянулся, но крошечная тьма уже поглотила пьяного, и только площадная брань в адрес водителя да звук бьющегося об асфальт стекла — горлышка бутылки, которое, видно, со

злости швырнул прохожий, — свидетельствовали о реальности произошедшего.

— Пришлось бы возвращаться с этим негодяем снова к операционному столу, да и то если бы живой остался, — нервно бросил шофер.

Хирург ничего не ответил. В ушах у него все еще стояла злобная брань пьяного незнакомца, и голос его казался Таргониному странно знакомым.

Застолье в доме было в самом разгаре. Домочадцы и друзья Таргоновых, давно привыкшие к тому, что хозяина дома не раз уводили из-за праздничного стола, начали отмечать день рождения хозяйки, не дожидаясь профессора. Дежурная медсестра предупредила — у Павла Ильича срочная операция.

Случай на дороге выбил Таргонова из колеи, и он вдруг почувствовал, как устал, — четыре часа у операционного стола после напряженного рабочего дня — не шутка!

Расстроился он еще и потому, что планировал после дежурства заехать на базар, купить для жены любимые белые гвоздики и флакон французских духов, которые ей давно хотелось иметь. Собирался и помочь жене по дому, и сам в кои-то веки встретить гостей, а все пошло кувырком. Обидно было, что в день рождения жены приходится отделяться букетом из больничного сада, хотя и за это спасибо медсестрам, — это они попросили садовника уважить профессора, понимая, что ни на какой цветочный базар он уже не успевает.

За столом на вопросы, посыпавшиеся со всех сторон, Павел Ильич коротко ответил:

— Да, операция оказалась трудной, но, надеюсь, больному не грозит даже инвалидность. Впрочем, загадывать не будем...

О случае с пьяным в соседнем переулке он не сказал ни слова. За щедро накрытым столом уже царил свой порядок, и запоздало брать на себя роль хозяина дома показалось Таргониному нелепым, да и сил на это у него не осталось, и потому он сидел тихо, стараясь подладиться под общее настроение, — правда, не очень ловко, чем, конечно, вызвал недовольство жены. Павел Ильич не мог настроиться на веселую волну, потому что то и дело перед его глазами возникал человек, появившийся внезапно из-за темных кустов сирени, его лицо. Почему он так подробно, до мелочей запомнил его, хотя лица того парня —

водителя, которого оперировал час назад, как ни силился, припомнить не мог? И почему ему показался знакомым голос ночного забуддыги? Он снова и снова мысленно вглядывался в пьяного. Высокий, немного выше самого Павла Ильича, да и по возрасту они, наверное, были ровесниками, что-то около сорока пяти. По фигуре угадывалось, что природа щедро одарила незнакомца силой и здоровьем, хотя алкоголь уже крепко подточил и то, и другое, но видимость их еще сохранялась. Пожалуй, это был тот редкий тип алкоголиков с амбицией, которые презирают окружающих, — об этом говорило не только его надменное лицо, но и одежда. Некогда модный дорогой английский костюм — такой был в свое время и у Таргонина — теперь имел вид засаленный, потертый, но из кармашка кокетливо торчал грязный носовой платок. Однако в глаза прежде всего бросался не этот платочек, а новенький, модный узкий галстук, завязанный на английский манер косым узлом. Изящный, редкий узел, красивый галстук на мятой, давно не стиранной рубашке — только человек с больной, изощренной фантазией мог придумать такое сочетание.

Таргонину как врачу одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это не напившийся по случаю, а алкоголик, и, может, уже безнадежный. Крупные черты его лица можно было назвать даже красивыми — время и образ жизни не смогли до конца стереть данную природой привлекательность. Только ранние, не по возрасту глубокие морщины избороздили некогда холеное, самодовольное лицо — оно и тогда, в свете фар, показалось Таргонину капризным, высокомерным. Неожиданную импозантность этому лицу придавали волосы — густые, некогда, видимо, черные как смоль, слегка вьющиеся, из тех, что сами без особых усилий укладываются в любую прическу. Сейчас они были покрыты ровной жемчужной сединой, и оттого придавали опустившемуся человеку некую значительность, а может, на чей-то взгляд, даже благородство. Запомнились Павлу Ильичу и усики, тоже «благородно» седые, но странно кокетливые, как платочек в верхнем кармане пиджака. Чувствовалось, что когда-то незнакомец уделял своей внешности немалое внимание. Время от времени Павел Ильич перебирал в памяти своих знакомых, дальних и близких, но среди них не было человека, и отдаленно напоминавшего

седовласого пьяницу. Ему хотелось рассказать обо всем жене, поделиться с ней этим наваждением, но он не решался. Заранее знал, что она скажет в ответ: «Дался тебе, Паша, этот пьяница. Теперь развелось их без счета — и с благородной осанкой, и с благородными манерами. Да и зачем он тебе, у тебя своих дел мало?»

Но что-то вновь и вновь возвращало профессора к ночному происшествию. У него появилось даже навязчивое развлечение — Павел Ильич пытался вспомнить большие застолья, в которых ему приходилось участвовать: он пытался увидеть тех, с кем сидел когда-то за столом. Сколько он ни вспоминал, и там незнакомца отыскать не мог, и все же ощущение, что их что-то связывает, не оставляло профессора. Он даже припомнил, как года три назад, возвращаясь домой после работы через сквер в центре города, приметил кафе, возле которого всегда было многолюдно. Как показалось Таргониному, там собирались каждый день одни и те же люди. Он подумал тогда: наверное, это своеобразный клуб, где встречаются по интересам. Сейчас их развелось предостаточно: чего только не коллекционируют, не говоря уже о тех, кто держит породистых собак, попугаев, обезьян, крокодилчиков, рыбок... А теперь вот горнолыжная эпидемия и альпинизм захлестнули Ташкент, так новоиспеченные горнолыжники и альпинисты, говорят, тоже облюбовали себе какое-то кафе. Но эти, возле «Лотоса», на них походили мало, хотя компания собиралась чисто мужская. Когда Павел Ильич поинтересовался о «Лотосе» у коллеги по работе, тот, странно улыбнувшись, ответил: действительно, мол, там клуб встреч по интересам, причем возник он в Ташкенте раньше прочих и никогда своего существования не прекращал, — но объяснять подробнее ничего не стал, что еще более подогрело любопытство Таргонина.

Однако удовлетворить это свое любопытство профессору удалось нескоро. Как-то вдруг навалилась зима, — а в Ташкенте последние пятнадцать лет она постоянно снежная и холодная, — и в один день парк опустел: «Лотос» закрыли до теплых погожих дней. Выглядело кафе теперь сиротливо, казалось как-ким-то голым, неприглядным, и Павел Ильич впервые подошел к нему поближе. Определение «кафе» вряд ли годилось для этой торговой точки. Большой приземистый стеклянный гриб,

непонятно почему названный именем нежного цветка, имел все-таки одну особенность: яркую и искусно выполненную световую рекламу, редкую в Ташкенте, и оттого бросающуюся в глаза. Ни внутри, ни снаружи ни одного посадочного места, ни столов, ни стульев, ни стоек. Более того, внутрь посетителям доступа не было, там властвовала хозяйка заведения, и весь стеклянный «гриб» был заставлен ящиками, коробками, металлическими «сигарами» с колотым льдом. Общалась хозяйка с посетителями через узкую прорезь в пожелтевшем стекле. Вряд ли «Лотос» притягивал посетителей комфортом или интерьером, да и ассортиментом он их тоже не баловал — Павел Ильич об этом знал точно.

В теплых краях смена погоды происходит быстро, иногда в два-три дня, и как-то в середине февраля, когда остатки снега еще серели на клумбах и в глубине парка, а в воздухе уже носились волнующие запахи весны, Павел Ильич, возвращаясь домой привычным маршрутом, увидел вспыхнувший огнями рекламный лотос на выцветшей красной крыше знакомого кафе. Да, «Лотос» открыл новый сезон, и вокруг него — это было видно издали — царило необычное оживление. Публика, похоже, была та же, что и осенью. Первым желанием Таргонина было подойти, влиться в эту возбужденную толпу, послушать, о чем в ней говорят, — но он сдержался, возникло вдруг ощущение, что он ворвется в чужой дом, где идет застолье. «Потом как-нибудь», — решил Павел Ильич и не без сожаления и какой-то неожиданной для него зависти к «вольным казакам», коротавшим вечера в мужской компании, направился домой, где его по вечерам ждал письменный стол.

Потом закружила работа, лекции в институте, встреча, хоть и короткая, в Алма-Ате с коллегами... Домой он чаще всего возвращался на служебной машине и про «Лотос» с его мужской компанией как-то позабыл. Но в начале апреля, когда сквер пышно зазеленел, вспыхнул розово цветущим миндалем и белой, нежно пахнущей сиренью, Павел Ильич, даже если и возвращался на служебной машине, подъехав к скверу, отпускал ее и дальше уже шел через парк пешком. Каждодневный его маршрут пролегал таким образом, что в поле зрения попадал «Лотос» — вначале, издали, его призывная световая реклама, а затем уже и сам гриб с подновленной, ярко-красной

железной крышей. Любопытство однажды все же взяло верх, и Павел Ильич свернул к кафе. Издалека он внешне мало чем отличался от здешних завсегдатаев: у многих в руках были портфели, дипломаты, и чувствовалось, что большинство приходят сюда прямиком со службы, так что Таргонин со своим кейсом не выделялся среди посетителей стеклянного грибка. Обслуживание здесь оказалось молниеносным: не успел Павел Ильич, протягивая рубль, сказать, чтобы ему дали бутылку минеральной воды, как хозяйка со сбившейся набок прической точным жестом опрокинула в стоявший наготове тяжелый граненый стакан початую бутылку вина и наполнила его до краев, не обронив на влажную стойку ни капли. Ее ловкий, натренированный жест восхитил Таргонина, и поэтому он безропотно взял стакан, забыв о минералке. Скорее всего, из-за этого привычного здесь стакана в руке никто не обратил на него особого внимания. Зато сам Таргонин был весь внимание. И хотя с первых минут он понял, что это за заведение, любопытство его не покидало и даже усилилось. Вокруг «Лотоса» сформировалась совершенно незнакомая ему среда со своими законами, и сказать, что тут собирались одни пьяницы и люди, мучившиеся похмельем, — значит сделать поспешный вывод, хотя, наверное, были здесь среди прочих и те, и другие. О, народ здесь собирался прелюбопытный! А какие разговоры тут велись: о нефтедолларах и Арабских Эмиратах, об Уотергейте и еврокоммунизме, об экстрасенсах и тамильской хирургии, об агропромышленных комплексах и компьютерах, об успехах «Пахтакора» и поражениях сборной...

Павел Ильич услышал даже чье-то высказывание о балете Мориса Бежара, которому некто противопоставлял штутгартский балет Джона Кранко, но затем спорщики пришли к согласию и переключились на разговор о симфоническом оркестре Герберта фон Караяна. Действительно, клуб, и беседы куда интеллектуальнее, чем у них в клинике или в институте — там страсти разгорались все больше вокруг быта.

Таргонин, набравшись терпения, рассматривал завсегдатаев, которых видел раньше лишь издали. Была у них некая общая для всех примета — ни на ком не было ни одной новой вещи, словно они дали зарок, что, начиная с определенного дня, не станут тратить на подобную чепуху ни времени, ни денег.

А приглядевшись повнимательнее, по той же одежде можно было установить приблизительно и дату, когда каждый из них дал такой зарок.

Вот тот, например, — в однобортном костюме с высокой застежкой на четыре пуговицы и в коротеньком, смахивающем на детский, галстуке — по нынешним меркам уже давно, ох, как давно — в те годы Таргонин еще учился в институте. Рядом с ним сидел мужчина в костюме с непомерно широкими бортами и расклешенными брюками — так одевались щеголи лет десять-двенадцать назад, когда Павел Ильич защитил кандидатскую. Были тут мужчины и в дакроновых костюмах, столь модных в середине шестидесятых годов и давно уже потерявших свой блеск. Нейлоновые рубашки, твидовые тройки, пиджаки первой вельветовой волны, китайские пуховые пуловеры, остроносые мокасины, туфли на высоких и тяжелых платформах, запонки и галстучные булавки, шляпы, не знающие износа габардиновые и бостоновые костюмы — они говорили внимательному человеку о многом — о времени и о судьбе владельца. И каждая затрепанная, изношенная, лоснившаяся вещь была не просто одеждой или обувью, а свидетельством того, что обладатель ее знал лучшие времена и когда-то чутко прислушивался к пульсу моды. Продолжая галантерейный экскурс, можно было сказать, что всех этих разномастно, разностильно одетых людей отличала странная и непонятная Таргонину особенность: одежда содержалась ими в чистоте и аккуратности, за ней ухаживали с тщанием, недостойным этих устаревших вещей.

Галстук, как заметил Павел Ильич, был здесь необходимым аксессуаром, он словно служил подтверждением некоего статуса своего владельца, держал его на плаву. Неважно какой: мятый, засаленный, капроновый, шерстяной, атласный, шелковый, кожаный, самовяз или на резиновом шнуре, узкий, широкий, длинный, короткий — все равно, лишь бы при галстукке. Заметил Павел Ильич и то, что в верхнем кармашке пиджака у многих виднеется свежий платочек; бросалось в глаза, что и обувь у большинства начищена, надраена до блеска. Но самое главное, на что обратил бы внимание даже человек невнимательный, — среди посетителей не было ни одного заросшего, небритого, и волосы у всех, особенно у тех, кто носил пробор,

были тщательно расчесаны, волосок к волоску. Видимо, существовал в этой среде свой неписанный закон, эталон, ниже которого опускаться было неприлично.

Несмотря на то, что вокруг все двигалось, шевелилось, говорило, радовалось и возмущалось, Павлу Ильичу вдруг подумалось — не маскарад ли это, живые ли рядом люди, — и в памяти всплыло: театр теней... Нечто большее, чем праздное любопытство, тянуло Павла Ильича к «Лотосу», и он еще не раз приходил сюда с заранее заготовленным рублем, так как чувствовал, что более крупная купюра могла вызвать недоверие к нему.

Нельзя сказать, что его совсем не замечали: когда он подходил к стекляшке, с ним молча, но учтиво, а некоторые даже изысканно, раскланивались, а обладатели шляп, люди, как правило, постарше самого Таргонина, делали джентльменский жест, приподнимая над полысевшими лбами головные уборы, потерявшие цвет и форму — эта галантность вызывала улыбку, которую Павел Ильич с трудом сдерживал. Но высшая почеть, оказанная ему, — а может, это было традиционным вниманием к новичку, Таргонин не успел в этом разобраться до конца, — заключалась в другом. Он уже заметил, что у окошка, где так ловко и быстро разливали требуемое, никогда не было суеты и толчеи, никто не пытался подойти без очереди — наверное, здесь это почиталось за дурной тон, — хотя очередь была почти всегда. Так вот, очередь выделила Павла Ильича: стоило ему подойти и тихо пристроиться в ее конец, как к нему оборачивался последний и великодушным жестом приглашал его вперед, так же поступал каждый из стоявших перед ним, пока Павел Ильич, рассыпаясь в благодарностях, не оказывался у вожделенного окошечка.

Удивительно, что общение, ради которого, наверное, стекались сюда со всего города эти люди, не было, на взгляд Таргонина, навязчивым, бесцеремонным — большей частью мужчины держались небольшими группами, но группы эти тасовались чуть ли не каждые полчаса: одни уходили или отпочковывались по непонятным для него интересам, другие приходили. Немало было и таких, как Павел Ильич, в одиночку, молча коротавших время за стаканом вина, и право каждого на такую свободу, вероятно, тоже признавалось здесь,

по крайней мере, в собеседники к нему никто не набивался, хотя профессор чувствовал: подай он только знак, изъяви желание — собеседники или компаньоны у него вмиг найдутся. Здесь никто никого не торопил, да и ничто не торопило, как ничто и не удерживало. Каждый созревал сам, в одиночку, чтобы в итоге стать частью целого и уже до конца дней своих застыть навсегда, как в музее восковых фигур, в том одеянии, в котором появился здесь в первый раз.

Не все вокруг «Лотоса» и не сразу стало понятным Павлу Ильичу, но открытия, сделанные путем личных наблюдений, иногда поражали профессора. Он заметил, что у кафе никто не просил и не занимал денег, по крайней мере, открыто. О том, чтобы кто-то собирал копейки, — обычная картина почти для всех питейных заведений, — не могло быть и речи. С рубля за стакан портвейна полагалась на сдачу даже серебряная монетка, о которой знал каждый из завсегдатаев, но никто эту монетку не требовал — это был, как им, наверное, казалось, щедрый жест, еще из той безбедной жизни, которой они некогда жили. Однажды профессор увидел, что по соседней аллее, тоскливо, с завистью посматривая в сторону «Лотоса», прошел вконец опустившийся пьяница, но подойти не решился — сработало некое табу, непонятное Павлу Ильичу.

Как-то дома, когда Таргонин размышлял об этом, его осенило: да «Лотос» же последний бастион, рубеж для этих катящихся вниз людей, и пока они в состоянии приходить сюда, придерживаясь выработанного ими же стиля поведения, они видятся себе достойными уважения людьми. А может быть, еще проще, — они считают себя элитой среди пьющих, ну конечно, элитой, как это ни смешно, как ни грустно, оттого эти галстуки, учтивые разговоры, неестественная галантность, давно ушедшая в прошлое, тщательные проборы в давно не мытых, посеченных редких волосах, и кокетливый платочек в кармашке затерханного пиджака. И единственное для них место на свете, где есть возможность, хоть и призрачная, сохранять утерянное достоинство, — это «Лотос», он притягателен, как остров для утопающего. Здесь, приобретая на свой мятый рубль, может быть, заработанный в унижениях, стакан вина, пьющий как бы говорит своим многочисленным оппонентам — смотрите, я не бегу в магазин за бутылкой за тот же рубль и не складываю

на троих в подворотне — для меня главное не выпить, я пришел в кафе пообщаться с интересными людьми — посмотрите, кого здесь только нет!

Да, контингент у «Лотоса» собирался не только живописный, но и разношерстный — действительно, кого здесь только не было! Многие, как и Павел Ильич, заглядывали сюда после службы, о чем говорили потрепанные, под стать хозяевам, портфели, хотя чаще в ходу у завсегдатаев были давно вышедшие из моды и обихода кожаные папки. Порою Таргонику казалось, что здесь собрались последние владельцы подобного антиквариата. Пожалуй, наличие портфеля и папки, так же как и галстука, вселяло в их хозяев некую уверенность, а может быть, являлось даже атрибутом связи с другим миром, в котором они, считай, уже и не жили, а так, заглядывали иногда. Скорее всего, это были специалисты разного уровня, опускавшиеся все ниже и ниже по служебной лестнице. Служили они, вероятно, в каких-то конторах, обществах, товариществах, несчетно расплодившихся в последнее время, потому что трудно было представить их работающими в серьезных учреждениях. Хотя, впрочем, в последнем Павел Ильич не был абсолютно уверен, потому как мало знал жизнь: все его время забирала работа, даже дом, быт всецело лежали на жене. В одном он был совершенно уверен: в медицинских учреждениях подобный тип людей, слава богу, еще крайне редок.

Первое впечатление о широте тем и интеллектуальности бесед возле «Лотоса» у Павла Ильича вскоре развеялось, и вовсе не потому, что завсегдатаи вдруг перестали говорить о еврокоммунизме или тибетской медицине. Тематика разговоров по-прежнему удивляла Таргонина, но он понял и другое: эти беседы носили поверхностный характер, они, так же как портфель или галстук, нужны были им для того, чтобы ощущать себя еще причастными к другой, настоящей духовной жизни.

Узнавать новое, сопереживать, сочувствовать — эти простые человеческие чувства уже перестали быть для них жизненной необходимостью, как для всех нормальных людей. Да и на работе, — если она у них действительно была, ведь наличие портфеля — не обязательно гарантия того, — их уже вряд ли кто слушал и воспринимал всерьез, равно как и дома, в семье. А им всем ох как нужно было внимание. Гайд-парка у нас нет

и не предвидится, а «Лотос» — пожалуйста! Вот и приходили они в этот свой самостийный Гайд-парк, нашпигованные обрывочными эффектными сообщениями из газет и журналов — благо информации в наш век с избытком, а времени свободного у завсегдатаев «Лотоса» было, видно, хоть отбавляй.

Большинство посетителей «Лотоса» держались тихо, мирно, несуетливо, некоторые даже с осторожностью, с какой-то опаской, — видимо, жизнь не раз их была, и повсюду им чудился подвох. Прежде всего выдавали таких глаза: затравленные, жалкие, в которых не читалось ни силы, ни желания вступать в какую бы то ни было борьбу, даже за самого себя. Вольнее, свободнее, что ли, чувствовали себя люди творческих профессий или выдававшие себя за оных. Один наиболее шумный, потрепанный блондин в сандалиях на босу ногу и в легкой курточке из синтетической ткани, прожженной кое-где сигаретами, — представлялся всем журналистом. Он направо и налево сыпал именами известных корреспондентов и редакторов, заговорщически сообщал о каких-то грядущих переменах и перемещениях, известных пока лишь в узких и привилегированных кругах. Говорил, что его наперебой зазывают то в одну, то в другую уважаемую газету, но он, мол, не желает продавать в рабство свое золотое перо ни той, ни другой, поскольку в штате и той, и другой сидят, мол, одни подхалимы и бездари, а он не намерен своим талантом способствовать их успеху. Одного трезвого взгляда было достаточно, чтобы понять, что не только в газету, а в любое мало-мальски порядочное учреждение путь этому еще нестарому человеку уже был заказан, — слишком долго пришлось бы думать, прежде чем решиться доверить ему хоть какое-то дело.

Особое оживление вызывало у посетителей кафе появление некоего поэта — чувствовалось, что здесь его любили. Периодически, словно уверяя других, а прежде всего, наверное, себя, что он действительно поэт, он вынимал из своего неизменного разбухшего портфеля потрепанные газеты и какой-то журнал без обложки, судя по объему и формату, явно не литературный, где были напечатаны его стихи. Видно было, что он особенно дорожил этим журналом, где маленькая подборка стихов была дана с фотографией автора. Ходили слухи, что журнал не однажды сослужил поэту добрую службу —

по крайней мере, в вытрезвителях, где он требовал к себе особого отношения как к творческой личности. Внешне поэт ничем не отличался от завсегдатаев «Лотоса»: та же классическая прическа с безукоризненным пробором, костюм, неснимаемые зимние ботинки на каучуке в любое время года, и непрменный атрибут, выделявший его даже из этой живописной толпы, — ярко-красный шейный платок на тонкой, морщинистой шее.

Он тоже никогда не стоял в очереди за портвейном, — толпа почтительно уступала кумиру место у стойки. Выпив, он быстро озлоблялся, что невыгодно выделяло его среди обычно мирных посетителей «Лотоса», и начинал крикливо читать свои стихи, комментируя их непечатным текстом, — такая вольность разрешалась лишь ему одному. Наверное, когда-то он был не без искры божьей, но злоба, душившая его изнутри, не позволила ему стать настоящим поэтом, — так, по крайней мере, казалось профессору. Жесткие, недобрые были это стихи. Частенько Серж — так звали поэта — уходил, забыв свой портфель, который бережно передавали внутрь стекляшки, где он день-другой, а иногда и неделю дожидался хозяина, воевавшего, очевидно, в это время в редакциях газет и журналов с редакторами. Поэтов, кроме Сержа, было здесь еще несколько, но всем им было далеко до популярности мэтра с эффектным шейным платком, — в очереди за портвейном они стояли на общих основаниях. Поэтому, наверное, испытывая нескрываемую зависть к «удачливому собрату по перу», к его популярности в «Лотосе», молодые коллеги демонстративно игнорировали Сержа: держались между собой дружно, вели сугубо светские разговоры, — это от них Павел Ильич впервые услышал о балете Мориса Бежара. Они же распространяли слух о том, что Серж безнадежно старомоден и что на его рифмах далеко не уедешь. Но все это ничуть не вредило славе первого поэта «Лотоса», даже наоборот, — как ни крути, ни у кого из них не было журнала с подборкой стихов и портретом, где Серж был заснят в шляпе и при галстуке. Да и духа им, пожалуй, не хватало — никто из них ни разу не рискнул почитать свои творения вслух, хотя общество иногда, в отсутствие Сержа, видимо, ощущая эстетический голод, просило об этом. Но друг другу они стихи читали, — Павел Ильич видел это не

раз, — допуская порой в свое общество нескольких музыкантов, которых, к удивлению Таргонина, оказалось здесь больше всего. Находились тут даже свои непризнанные композиторы, не было, пожалуй, только дирижера, но за это Павел Ильич твердо поручиться не мог: в этой среде мог быть кто угодно, ведь был же человек с брюшком, к которому вполне серьезно обращались — товарищ прокурор...

За то время, пока Павел Ильич не без профессионального интереса заходил в «Лотос», он повидал многих посетителей этого заведения. Видел, как вдруг пропадали одни примелькавшиеся лица или даже целые компании, и их место занимали другие, не знакомые Павлу Ильичу, но явно свои, люди в «Лотосе». Как говорится, свято место пусто не бывает. И Павел Ильич как-то мысленно вычислил, куда пропадали, где проводили время те, кто периодически исчезал из «Лотоса». Он был неравнодушен к их судьбе как врач, да и по-человечески ему было их жаль, особенно некоторых, безвольных, но еще не потерявших до конца человеческий облик, из последних сил цеплявшихся за нормальную жизнь.

Как-то профессор обратил внимание на человека средних лет, по прозвищу Инженер, о котором говорили, что он мужик головастый и что некогда вроде был большим начальником. Сейчас, глядя на него, вряд ли можно было предположить, что у него есть постоянная работа, хотя порой казалось, что он чем-то занят, при деле. Об этом свидетельствовал весь его вид: поразительно менялся человек, когда он работал — это улавливал не только Павел Ильич, но и многие другие посетители «Лотоса». В такие дни вокруг Инженера становилось особенно многолюдно, оживленно, и не только потому, что тогда он был при деньгах, но, скорее всего, потому, что Инженер увлеченно говорил о своей работе, планах, громко объяснял, какие реформы он проведет на предприятии, где хозяйство совсем запущено. Павел Ильич порадовался, что человек вернулся к нормальной жизни. Порадовался и за других, с загоревшимися глазами глядевших на Инженера, по-хорошему завидовавших ему. Инженер вдруг пропал, и Таргонину подумалось: как прекрасно, что хоть один на его глазах вырвался из винных пут. Но прошло не так уж много времени, и однажды вечером Инженер вдруг тихо, незаметно, как-то бочком, словно чувствуя

вину за то, что не оправдал своих и чужих надежд, снова объявился в «Лотосе». Весь его помятый вид красноречиво говорил о том, что он уже давно забыл о работе и планах, ночевал где попало, а последние дни, вероятно, пропадал на рынках и вокзалах. В этом возвращении к стекляшке завсегдаи «Лотоса» видели крушение надежд Инженера, да и своих тоже. Но и ценили главное — что и на сей раз ему удалось найти силы, не скатиться на самое дно, привести себя в относительный порядок и вернуться к «Лотосу». Страшный путь, который время от времени проделывал почти каждый из завсегдааев кафе, — в этом Таргонин уже не сомневался.

Хотя Павел Ильич жил в Ташкенте уже лет десять, круг его знакомых в городе ограничивался только коллегами по службе. Он и соседей-то по дому знал плохо, потому что свободным временем никогда не располагал. Родись Павел Ильич в Ташкенте, учись здесь же в школе и институте, может быть, и встретил бы у «Лотоса» своих старых знакомых. Незаурядных людей, некогда, видимо, подававших надежды, здесь было немало. Частенько он видел здесь жалкого человечка, бывшего пианиста, который уже в восемнадцать лет концертировал с эстрадным оркестром и на концерты которого ходил любой мало-мальски культурный человек в городе. Какое ему прочили блестящее будущее! А теперь, глядя на него, Павел Ильич при всем желании не мог представить его блестящего прошлого, настолько жалок был этот человек.

Но разве он был такой один? Сколько несостоявшихся талантов, загубленных судеб, — думать обо всем этом было тяжело и страшно...

В калейдоскопе завсегдааев Павел Ильич однажды все-таки увидел знакомое лицо. Пять лет назад Таргонин делал этому парню сложнейшую, прямо-таки ювелирную операцию колена. Молодой человек был известным футболистом, кумиром сотен тысяч болельщиков. Павел Ильич тогда поставил его на ноги и даже не отказался сходить на стадион — посмотреть первую игру парня после операции. Судя по реакции трибун, по возгласам сидевших рядом с профессором болельщиков, играл он замечательно. Таргонин был равнодушен к футболу, никогда не имел желания ни ходить на стадион, ни часами просиживать у телевизора, и потому не мог во всех деталях

оценить игру своего пациента. Но два забитых гола произвели впечатление даже на него.

В тот вечер, когда он впервые увидел у стекляшки знаменитого некогда форварда, которого восторженные болельщики и даже местная пресса порой сравнивали с Пеле и Беккенбауэром, Таргонин дома невольно глянул в зеркало, пытаясь определить, сильно ли изменился сам за последние пять лет. Бывший кумир футбольных болельщиков не признал своего спасителя, а взглядами они в тот вечер встретились. Не признал... Бывшему форварду не хватило даже ума слукавить или просто отвести глаза. Это был уже человек конченный. И хотя Павел Ильич встречался со смертью не однажды, впервые, пожалуй, он увидел перед собой живой труп. Этот молодой красавец, некогда отличавшийся богатырским здоровьем и энергией, покорявший сердца многих сотен и тысяч людей своим талантом и филигранной техникой, навел профессора на неожиданное размышление. Во все времена врачи и знахари пытались найти средства омоложения человека, продления его жизни. И хоть человечество достигло на этом тернистом пути каких-то успехов, все же результаты мизерны, и успокаивает лишь то, что надежда все-таки существует.

Зато каких грандиозных успехов достиг человек в разрушении своего организма, и без какой бы то ни было помощи науки! Ведь природа одарила этого спортсмена уникальным, совершеннейшим организмом — прямо-таки эталон человеческого здоровья видел Павел Ильич перед собой всего пять лет назад. Какой подвижностью, быстротой мышления, реакцией, силой, гибкостью, даже внешней красотой обладал некогда этот еще молодой мужчина, медленно тонувший сегодня в вине! И хотя наркология не была специальностью Павла Ильича и сталкивался он с подобными больными по другим поводам, когда пьянство становилось причиной несчастных случаев, Таргонин, проявляя пристальное внимание к завсегдатаям «Лотоса», пытался нащупать конец той ниточки, за которую можно было ухватиться в борьбе за этих людей, ибо вред они наносили не только себе.

Подобные мысли посещали знаменитого хирурга всякий раз, когда он проходил мимо заведения с ярко-красной крышей и причудливым неоновым лотосом, разливавшим вокруг

себя ядовито-зеленый свет. Неизвестно, чем бы кончились эти хождения Павла Ильича, если бы вдруг в клинике и в институте одновременно не поползли слухи, что профессора Таргонина видели в обществе забулдыг. Мало того, кто-то из «доброжелателей» анонимно позвонил жене профессора и красочно расписал, в каком обществе ее Павел Ильич пристрастился проводить вечера. И в тот же день она, к ужасу своему, действительно увидела мужа у злополучного кафе.

Напрасно Павел Ильич пытался объяснить жене, что его приводит сюда профессиональный интерес. Жена в слезах твердила: «Ты что, комсомол, профсоюз, милиция, в конце концов, какое тебе до них дело? Ты и так мучаешься с ними, неблагодарными, за операционным столом», — а сама пристально вглядывалась в него, не произошло ли с ним чего-то необратимого, хотя, как будто и не замечала особого пристрастия мужа к спиртному в последнее время.

Неизвестно, чем бы закончилась эта история для профессора, если бы не внезапный отъезд Павла Ильича с семьей из Ташкента на целых два года.

Дело в том, что за несколько месяцев до своего первого визита в «Лотос» Павел Ильич получил предложение возглавить хирургическое отделение во вновь открывавшемся крупном госпитале в Найроби, построенном в дар Кении советским отделением общества Красного Креста и Полумесяца. Было время поразмыслить, и Таргонин не торопился, потому что не знал — стоит ли? Он и здесь, в Ташкенте, только-только получил кафедру, и столь долгожданная самостоятельность радовала, начала приносить первые плоды. Да и дети учились в старших классах, не хотелось отрывать их от привычной школы, друзей. Впрочем, и других, менее важных причин оказалось достаточно. Но тут уже проявила неожиданную для нее решительность и энергию жена: в две недели оформили документы, вызвали к внукам в Ташкент бабушку, и Таргонины неожиданно для многих отбыли в Африку.

Там, в Найроби, Павлу Ильичу работы хватало. Временами казалось, что в Ташкенте он просто отдыхал, хотя дома всегда сетовал на отсутствие свободного времени. Он сутками пропадавал в госпитале, в первый год у него была там даже персональная палата, где он, по сути, и жил. О «Лотосе» и его

завсегдатаях Павел Ильич скоро забыл — не до них было, да и повода особого, чтобы вспомнить, не было. Только однажды, когда истекали последние дни контракта и супруги уже потихоньку собирались домой, африканские коллеги пригласили Таргоновых на пикник в родную деревню одного из врачей, и там, да и то на миг, всплыл в памяти «Лотос». Пикник удался на славу, и когда вечером, перед возвращением в столицу, совершали большую прогулку в живописных окрестностях деревни, наткнулись на небольшое озерцо, заросшее яркочерными лотосами. Крупная чаша тугого цветка отбрасывала тень. От легкой бегущей ряби на тяжелой, застоявшейся воде озерца тень, казалось, жила сама по себе, и что-то хищное, паучье увиделось Таргониному в ее изломах.

Цветы были прекрасны и притягательны, достать их не составляло особого труда, и Павел Ильич попытался сорвать один для жены, но его коллеги испуганно объяснили, что этот вид лотоса чрезвычайно ядовит. И в тот же миг всплыл в памяти краснокрышый «Лотос» в Ташкенте, столь же ядовитый, как и этот редкий африканский цветок...

Наверное, не вернулся бы мыслями к «Лотосу» Таргонин и после возвращения из Африки, не произошёл тот случай в темном переулке в день рождения жены. К тому же ему не давала покоя навязчивая идея, что он был знаком с тем седовласым алкоголиком. Перебирая свою жизнь, пытаюсь припомнить, где же могли пересечься их пути, Павел Ильич, конечно же, не мог не вспомнить злополучное кафе.

Но сколько он ни возвращался памятью в то время, когда по вечерам заглядывал в «Лотос», восстанавливая, выстраивая, словно кадры кинофильма, группы, компании, одинокие фигуры, залитые бледно-зеленым неоновым светом, седовласого среди них не было. Слишком ярким, броским, можно сказать, незаурядным, — даже среди столь обширной толпы — выглядел бы не дававший покоя Таргониному алкоголик, но такого, как ясно помнил Павел Ильич, у «Лотоса» никогда не было. Мысль об этом человеке мучила профессора, и он даже рискнул снова побывать в кафе, хотя в свое время, чтобы успокоить жену, клятвенно обещал ей больше никогда туда не заглядывать.

Стеклашка почти не изменилась, только выцветшая крыша была вновь покрашена в грязно-серый цвет, и по вечерам,

когда зажигался неоновый лотос, плохо покрашенная жесьть под зеленью ламп походила на тряси́ну, покрытую тонким серым лишайником: ступи — и без звука провалишься в бездну. К числу нововведений относились и четыре обшарпанных пластиковых столика, появившихся у платана, в тени которого притаился «Лотос». Хозяйка у заведения была все та же, со сбившейся набок прической, она по-прежнему разливала вино так искусно и ловко, что жалоб со стороны клиентов никогда не поступало. Может быть, по финансовым показателям и культуре обслуживания, а, скорее всего, — из-за отсутствия жалоб, она была передовиком производства, или даже имела значок «Отличник торговли».

Если кафе, в общем-то, не изменилось, то состав посетителей отличался от прежнего — он явно помолодел, и «пижонов» в велюровых шляпах здесь уже не было, как не было и многих знакомых Павлу Ильичу фигур. Читали стихи, перебивая друг друга, теперь другие поэты, говорили, что Серж по пьянке попал под трамвай; не было, как ни всматривался Павел Ильич, и знаменитого форварда, его бывшего пациента, как не было и не менее известного пианиста. Пропал и Инженер, но, судя по разговорам вокруг, технической интеллигенции прибавилось, и, пожалуй, теперь «технари» не уступали числом музыкантам. Непривычно и странно для Павла Ильича было увидеть здесь женщин, но и они появились тут, правда, выглядели среди мужчин как белые вороны.

Седовласого вальяжного пьяницы, ради которого Таргонин нарушил данное жене слово, среди завсегдатаев «Лотоса» не оказалось. Общество это, на взгляд Павла Ильича, седовласому никак не подходило, он казался на голову выше, чем эти люди, убивающие время в тени платана. «Скорее всего, он из домашних, тихих алкоголиков, тщательно скрывающих свой порок и только изредка срывающихся в буйство», — решил он, покидая «Лотос».

Странное ощущение своей вины и беспомощности испытал Таргонин после нового посещения «Лотоса». Ему-то казалось, что за то время, что он не бывал здесь, произошли какие-то решительные перемены к лучшему: например, ликвидировали сам гадюшник, или еще лучше — отпала в нем необходимость. Представлял себе Павел Ильич и такую картину: сидит хозяйка

«Лотоса» все с той же прической, без которой ее и представить невозможно, от безделья подперев кулаком обрюзгшую щеку, и грустно глядит на безлюдную аллею, а рядом проходят люди и брезгливо шарахаются, удивляясь, как это в самом центре столицы, в красивейшем ее уголке существует подобное заведение.

Более того, виделось Павлу Ильичу, что воспрянувший-таки духом Инженер увел за собой добрую часть своих собутыльников. А если он и надеялся кого здесь встретить, так только поредевший круг постаревших завсегдаятаев, могикан «Лотоса». Однако то, что увидел Таргонин после двухлетнего перерыва, вряд ли можно было назвать затухающим процессом. Работу «Лотоса» отличал теперь несвойственный ему прежде динамизм сервиса: было прорезано второе окно, гораздо шире прежнего, и часть клиентов обслуживала дочь хозяйки, очень напоминавшая мать не только внешностью, но и стилем работы. Была у них и помощница, скорее всего, поденщица, собиравшая со столиков стаканы и молча выставлявшая на прилавок груды новых бутылок, чтобы конвейер не сбивался с ритма. Раньше стаканы возвращали сами посетители, теперь эта традиция отмерла, как незаметно отмерли и другие: например, не появляться небритым, не канючить мелочь у посетителей, не ввязываться непрошено в чужие разговоры.. Все это неприятно удивило Таргонина, и больше к «Лотосу» он никогда не сворачивал..

Седовласый пьяница постепенно забылся.. Работа, лекции, учебник по хирургии, над которым Павел Ильич работал по заказу Академии медицинских наук, поглощали все время профессора. Кроме того, сын заканчивал школу, предстояли экзамены — и выпускные, и вступительные, в общем, забот и проблем хватало — только успевай решать. Пришлось даже взять на себя часть дел по дому, например, ходить на базар за продуктами, большего ему жена все-таки не доверила. Таргонины жили всего в квартале от знаменитого в Ташкенте Алайского рынка, и ходил туда Павел Ильич пешком. На востоке мужчины издавна и хозяйство ведут, и обед готовят, и на рынок ходят, и это не считается зазорным, скорее наоборот. Потому, наверное, и Павел Ильич быстро свыкся с авоськами и ничем не выделялся среди прочих мужчин, шагавших на базар или с базара, даже находил в этом какое-то неожиданное удовольствие. По воскресеньям Таргонин вставал раньше всех

и, прихватив приготовленную еще с вечера женой вместительную сумку с банками, пакетами, а главное — списком, где значилось, чего и сколько купить, отправлялся на базар. В подъезде он вынимал из почтового ящика свежие газеты и на обратном пути, когда возвращался нагруженным, отдыхал на скамеечке в скверике, успевая иногда прочитать, иногда лишь пробежать их глазами. Сидя в скверике, он то и дело поглядывал на часы, чтобы успеть к завтраку, — приятно было порадовать домочадцев горячими лепешками, свежей сметаной и творожком, ягодами и фруктами, собранными поутру. Путь пролегал и мимо гастронома «Москва», но Павел Ильич заглядывал туда редко — иногда по утрам, когда нужно было купить пачку соли, пакет муки или спички. Но отдыхать с газетой ему приходилось чаще всего на скамеечке, ближайшей к гастроному.

Однажды поутру, когда Таргонин, нагруженный покупками, возвращался домой, он издали заметил, что облюбованная им скамья, обычно всегда в это время свободная, оказалась занятой. На ней расположился, пристально поглядывая на двери магазина, — гастроном должен был с минуты на минуту открыться, — крупный мужчина в мятом светлом костюме, с алой розой в петлице пиджака, несомненно сорванной тут же в сквере: именно такие розы в изобилии цвели рядом, и даже склонялись над скамейкой. Этот яркий цветок в петлице и привлек внимание Павла Ильича. Он невольно взгляделся в лицо мужчины, ибо до сих пор слышал лишь об одном человеке, появляющемся везде и всюду с цветком в петлице, — Пьере Эллиоте Трюдо. Но незнакомец, конечно, не был бывшим премьер-министром Канады, он оказался... тем самым ночным прохожим, которого несколько месяцев назад чуть не сшиб на машине шофер, отвозивший домой Таргонина.

Павел Ильич не успел как следует рассмотреть его: мужчина резко сорвался с места и ринулся к магазину — городские куранты пробили восемь, и гастроном открылся. Стеклозванные двери, зеркально отразившие яркие лучи солнца, скрыли его в глубине зала. Бежать вслед с тяжелой сумкой было нелепо, да и что бы Таргонин ему сказал?

«Значит, живет где-то рядом», — не то обрадовался, не то расстроился профессор. Спроси Павла Ильича, что ему надо

от седовласого с розой в петлице, он не смог бы ответить ничего вразумительного. Отчитать за то, что однажды чуть не угодил под его машину? Вряд ли он помнит об этом, потому что, вполне возможно, подобное с ним происходит едва ли не каждый день, ведь Ташкент то ли на душу населения, то ли на один квадратный метр городской площади занимает чуть не первое место в стране по количеству машин — Павел Ильич читал об этом в местной газете. Как же тут бедолагам в таком состоянии от машин уберечься? И сейчас, когда незнакомец в нетерпении, чуть не бегом, кинулся к открывавшемуся магазину, Павлу Ильичу вновь почудилось что-то давно знакомое в осанке и движениях этого человека.

«Раз он здесь живет, значит, не разминемся, встретимся как-нибудь», — решил Таргонин и неожиданно потерял к нему интерес. Но больше по утрам, в выверенные Таргоным часы, незнакомец у магазина не попадался.

Ближе к осени, когда жена начала варить варенье и консервировать на зиму овощи, Павел Ильич несколько раз ходил вместе с ней на базар среди дня. Однажды, возвращаясь обычным маршрутом, он вновь увидел седовласого на той же скамейке.

Несмотря на жару, был он в том же костюме, и в лацкане пиджака снова кокетливо алела роза. Сидел он на этот раз не один, а в окружении трех мужчин, явно живших неподалеку. Один, в майке, полосатых пижамных брюках и комнатных туфлях на босу ногу, ерзал на скамье, как на горячих углях, — видимо, ему удалось лишь на минуту ускользнуть из-под бдительного ока жены, и он жаждал ускорить какое-то событие. Но остальным, кажется, спешить было некуда, и они потешались над своим худощавым приятелем. При более внимательном взгляде становилось ясно, что эти двое не в счет, они права голоса тут не имели, а властвовал на скамье человек с розой в петлице. Он сидел, широко раскинув руки на ее спинке, словно обнимая сидящих рядом, хотя его по-барски капризное лицо с брезгливой гримасой исключало какие бы то ни было дружеские проявления, и что-то нехотя, зло цедил сквозь зубы нетерпеливому.

— Да спешу я, спешу, Георгий Маркелыч, — услышал Таргонин умоляющий голос, обращенный к человеку с розой в петлице, когда поравнялся со скамьей.

«А, значит, его зовут Георгий Маркелыч», — подумал Таргонин и невольно оглянулся. Жена перехватила этот взгляд, и тут же на ее лице появилась тревога, словно она спрашивала: «Что, дружков по «Лотосу» встретил?» Но Павел Ильич, успокаивая ее, улыбнулся и, пытаясь скрыть свой интерес, сказал: — Артист, наверное, бывший. Эстет — роза в петлице, надо же догадаться...

Но жена шутки не поддержала.

— Жену да детей этого нарцисса жаль, — жестко сказала она. — Разбаловало государство некоторых, от пьяниц и пропойц не продохнуть, куда ни ткнишь — они. Да еще от собак шагу ступить некуда, хоть из дому не выходи.

Про собак жена Таргонина вспомнила не зря: по бульвару как раз выгуливали их несчетное количество и, конечно, без ошейников, без намордников, прохожие шарахались от наиболее свирепых на вид. Жена, работавшая логопедом, как-то в сердцах сказала, что ни самые трогательные судьбы собачек, о которых так любит писать наша пресса, ни нежная любовь и привязанность к ним хозяев, вместе взятые, не стоят даже одной искалеченной судьбы ребенка, испуганного безобидной собачкой и оставшегося на всю жизнь заикой. Сколько таких детей прошло только через ее руки! Столько горя и слез родителей навиделась она, что Таргонину была понятна ее враждебность к безобидным, по мнению владельцев, собачкам.

Дома ни он, ни жена не говорили о живописном квартете у гастронома «Москва», но вечером, когда Павел Ильич смотрел программу «Время», в памяти вдруг неожиданно всплыло имя того, с розой в петлице, — Георгий Маркелович. «Жорой, значит, звали в молодости», — по инерции подумал Таргонин и вдруг вскрикнул, пораженный:

— Да это же Жорик Стаин. Ну, конечно, Стаин!

Павел Ильич очень хорошо знал Маркела Осиповича — Стаина-старшего. Совпадение? Но такое редкое отчество... Больше, пожалуй, он и не встречал никого в жизни с таким отчеством...

Конечно, когда мужчине давно перевалило за сорок, да и не виделся ты с ним лет двадцать, трудно признать прежнего знакомого, тем более в человеке опустившемся. Но это Стаин, точно Стаин, потому и голос его показался тогда в ночи

знакомым, и манеры, движения, походка кого-то напоминали. Но больше всего выдавало Жорку его помятое лицо — даже время и нелегкие, наверное, обстоятельства жизни не стерли с него того презрительно-барского выражения, которое смолоду, с юных лет выделяло Стаина среди других. Таких надменных хватало во все времена: одни шутя придавали лицам напускную важность, для других это служило защитной маской, и с возрастом, когда приходил жизненный опыт и человек начинал ценить в жизни истинное, это отмирало само собой, не оставляя даже воспоминаний. А если и случалось это вспомнить, то не иначе как с улыбкой.

Другое дело Жорка Стаин — он, казалось, и родился с таким выражением лица, словно мир за многие века существования не сумел создать ничего достойного его внимания: будь то люди, вещи или сама мать-природа. И, пожалуй, отношение его ко всему окружающему нисколько не изменилось, разве что годы добавили этому презрительному взгляду наглости, бесцеремонности, злобы...

О, в далеком заштатном городишке, где прошли их молодые годы, Жорик Стаин был личностью известной. О его похождениях ходили прямо-таки легенды, а закадычные дружки, коих было немало, цитировали своего кумира, создавая ему славу провинциального философа. И как ни смешно сейчас вспоминать об этом, бытовала среди молодежи и манера поведения — «а ля Стаин». Да что там молодая поросль провинциального городка, которой за каждым нашумевшим поступком Стаина виделся ее собственный протест против скуки, застойной жизни захолустья, если он однажды заставил говорить о себе весь город!

К удивлению многих и, прежде всего, самого Жорки, он не поступил в институт с первого захода. Наверное, помешала этому излишняя самоуверенность или какая-нибудь сумасбродная выходка на экзаменах, но это навсегда и для всех осталось тайной, он и родителям не захотел объяснять, почему провалился. А учился Стаин в школе прекрасно, обладал памятью феноменальной, и уж в том, что он-то поступит в институт, никто не сомневался. Стаин мечтал стать законодателем мод, а проще сказать — модельером, обязательно известным, и, наверное, преуспел бы в этом, потому что вкусом природа его не обделила,

да и на машинке он шил на зависть девчатам, хотя об этом распространяться не любил. Одно дело модно одетый Стаин, и совсем другое — Стаин-портной. Тогда, по крайней мере, он не хотел, чтобы эти два понятия совмещались, а первым он очень дорожил и ревностно поддерживал свою репутацию первого модника. Однажды на школьном вечере он избил одноклассника, который имел неосторожность заметить школьной красавице, слишком уж восторженно высказавшейся по поводу элегантности Жорика, — мол, кому и быть таким, как не портняжке. Еще до окончания школы, класса с девятого, многие ребята знали о жизненной программе Стаина, потому что Ленинград, где он собирался учиться, а позже завоевать его как модельер мужской одежды, не сходил у него с языка. Он и летние каникулы после девятого класса провел там... И вдруг — крушение всех надежд и планов, и это при известности и самоуверенности Стаина! Было много возможностей остаться в любимом городе: большие заводы наперебой зазывали на работу, но этот путь был не для Жорика — он и думать об этом не желал. И Стаин вернулся в город, из которого еще месяц назад не чаял вырваться.

Таргонин, как и многие его одноклассники и знакомые из соседних школ, уже учился тогда на первом курсе медицинского института, одного из двух вузов в их небольшом городке. Он помнил, как моментально разнеслось тогда по институту: «Стаин вернулся! Жорик приехал!» Особенный восторг это сообщение вызвало среди девушек. В тот же вечер Таргонин увидел Стаина на центральной улице, с легкой руки того же Жорика прозванной Бродвеем и иначе среди молодежи с той поры не именовавшейся. Жорка, и без того выделявшийся на «Бродвее», выглядел в тот день, по мнению местных пижонов, которых тогда называли стилистами, просто умопомрачительно: узкие кремовые брюки, коричнево-желтый, в мелкую клеточку твидовый пиджак, однобортный и широкоплечий, с узкими лацканами и застежкой на одну пуговицу, туфли с блестящей пряжкой на боку и на толстой каучуковой белой подошве. Довершали наряд темно-бордовая рубашка и золотистый галстук с рисунком, на котором была изображена яркая блондинка на фоне пальмы с обезьяной.

Надо сказать, что на Стаине, высоком и ладном, к тому же предельно аккуратном, умевшем носить вещи с завидной

небрежностью, все это выглядело совсем не так уродливо, как пытались изобразить тогда карикатуристы. Не случайно Жорик был излюбленной мишенью всевозможных листков сатиры, столь популярных в те далекие годы в школе, горкоме комсомола, и даже парке, единственном притягательном месте их тихого городка. Считаю, благодаря Стаину и держалась на высоте вся агитационная работа городка против чуждой нам моды. Павел Ильич даже сейчас, через столько лет, помнил яркий стенд «Окно сатиры» на центральной аллее парка, где местный художник изобразил Жорку с какой-то жутко размалеванной девицей танцующими рок-н-ролл на гигантском диске, естественно, не фирмы «Мелодия», а внизу были и клеймившие позором стихи:

*Жора с Фифой на досуге
Лихо пляшут буги-вуги.
Этой пляской безобразной
Служат моде буржуазной.*

Жорик жил неподалеку от парка, в районе, именуемом Татаркой, где с незапамятных времен обитала самая отчаянная городская шпана, словно по наследству передававшая дурную репутацию из поколения в поколение. К тому же взрослая часть Татарки — мясники, мездровщики, мыловары, колбасники, кожевенники — работала на мясокомбинате, самом крупном в те времена предприятии города, где директором был Маркел Осипович Стаин. Работа на комбинате ценилась высоко, и отца Жоркиного почитали. А потому на гордой Татарке мужики, одним ударом кулака убивавшие быка, первыми здоровались с Жоркой и не одному сыну-сорванцу драли с малолетства уши, чтобы не задирали Стаина-младшего, а был ему другом, защитником. Да и Жорка, если не по природе, то по беспечности своей щедрый, пользовался любовью на Татарке, потому что не жалел ни карманных денег, которых у него всегда было с избытком, ни своих знаний — и списывать давал, и подсказывал в школе. А уж когда он начал играть в футбол за местный «Спартак», за который оголтело болел и стар, и млад на Татарке, и быстро стал самым удачливым его бомбардиром, популярности его не стало предела.

Одного косого взгляда Стаина было бы достаточно, чтобы в тот же вечер исчезла из парка карикатура со стихами. Но Жорку словно забавляла его скандальная известность в городе, и он удерживал шпану, предлагавшую подпалить очередной шедевр парковой администрации. «Зачем же, — отвечал он с ленцой, — пусть висит, жаль, девочка не в моем вкусе, а так нормально. Всем надо жить: мне танцевать рок-н-ролл, комсомолу чуждое и тлетворное влияние Запада осмеивать. Се ля ви, как говорят французы, или еще проще: каждому свое — диалектика жизни», — и равнодушно шагал к танцплощадке под растерянные и восторженные взгляды своих почитателей и болельщиков.

И уж совсем непонятным было его отношение к школьной стенгазете, которая не раз и не два едко высмеивала Стаина. В их родном городе, как, наверное, мало в каком другом, царил тогда культ силы, и Стаин, живя на Татарке, конечно, почитал его, к тому же и физическими данными природа его не обделила. В школе Жорку побаивались — нет, не из-за его дружков, боялись его самого, драться он умел, причем зло и жестоко. Стоило ему только пригрозить кое-кому из редколлегии, и он бы перестал быть объектом назойливого внимания стенгазеты, — Павел Ильич помнил, какие тихони ее тогда готовили. Но Стаин никого не трогал, проходил мимо стенда, даже не замедляя шага и не повернув головы, словно ему было наплевать, что там о нем опять написали. Теперь, спустя много лет, Павел Ильич запоздало понял, что Стаин, считай, с детства совершенно игнорировал мнение окружающих, оно было для него пустым звуком... Кто знает, может быть, причина — в редкой атрофии каких-то клеток... Профессор Таргонин объяснить этого себе не мог...

В тот вечер, в начале сентября, вернувшись из Ленинграда, Стаин пригласил друзей и одноклассников в летний ресторан все в том же парке. Таргонин тогда впервые сидел в ресторане на открытом воздухе и удивлялся, а может, даже завидовал, что многие уважительно раскланивались с Жориком, а уж официантки с ног сбились, стараясь угодить Стаину-младшему, тем более что Стаин-старший как раз гулял здесь же, в противоположном конце зала. То застолье запомнилось Таргониному. Стаин совсем не производил впечатления человека, огорченного или

растерянного, хотя собравшиеся за столом понимали, что случилось непредвиденное, и полетела в тартарары придуманная Жоркой роскошная жизнь в Ленинграде. Первый тост Жорик поднял за сидевших вокруг друзей, поздравил их с поступлением в институт и, не скрывая иронии, выразил надежду, что будущие врачи, уж конечно, позаботятся о его здоровье, не дадут пропасть, если что, — в общем, все было по-дружески мило. В конце вечера, когда никому не хотелось уходить, — потому что большинство впервые вот так по-взрослому гуляли в лучшем городском ресторане, и обслуживали их по высшему разряду, упреждая каждое желание, — Стаин, который много пил, но не пьянел, вдруг объявил:

— Знаете, у меня есть еще один тост: я твердо решил закончить с мирской суетой и намерен теперь, уже в следующем году, поступить в духовную семинарию, но в оставшийся мне год я хотел бы взять от жизни все... Так выпьем за веселье и девичьи улыбки!..

Какой поднялся за столом переполох! Все стали наперебой давать Жорике шуточные советы, как себя вести с будущей паствой и прочее, и прочее. Неизвестно, чем бы закончился неожиданно возникший горячий диспут о религии, если бы кто-то вдруг не рассмеялся и не сказал:

— Да вы можете себе представить Жорика в рясе?

Засмеялись остальные, настолько не вязалось это со Стаиным. Конечно, все без исключения восприняли сказанное Жоркой как очередную блажь щедрого на сумасбродство одноклассника. Вот что неожиданно припомнилось Павлу Ильичу о Стаине, а вместе с этим вспомнилась и юность, их провинциальный городок, пахнувший по весне сиренью и акацией и белый от тополиного пуха в июне. Далекое время надежд и мечтаний, дерзких планов, время, когда все у тебя и у всех твоих друзей, включая Жоржа Стаина, было еще впереди и жизнь казалась бесконечной и такой долгой...

Что там цветок в петлице! Стаин мог выкинуть и не такое, даже в те юные годы. Нет сомнения, что все, кто присутствовал на банкете по случаю возвращения Стаина из Ленинграда, тут же забыли о духовной семинарии, куда он собирался поступить будущей осенью, забыли, еще не выйдя из-за стола, и иначе, чем за веселый и остроумный розыгрыш, это не приняли. Но через

неделю по городу поползли слухи: осуждающие и восторженные, одобряющие и клеймящие позором — в общем, разные...

Той же весной, за полгода до бесславного возвращения Стайна из Ленинграда, в их город, или, точнее, в церковный приход взамен неожиданно умершего батюшки был назначен новый поп. Откровенно говоря, ни церковь, ни мечеть, расположенная на Татарке, никакой роли в жизни города не играли, существовали тихо, незаметно. Вспоминали о них лишь в немногие дни религиозных праздников, да и то в такие дни стекались сюда в основном богомольные старушки и благообразные старички...

Ни церковь, ни мечеть особым архитектурным изяществом не отличались, исторической ценности не представляли никакой, чтобы хоть этим привлечь чье-то внимание. Выросшие почти одновременно в начале века, постройки эти отличались лишь крепостью и надежностью, а главной достопримечательностью являлся парк вокруг, предусмотрительно разбитый по всем правилам садово-парковой архитектуры. Прежний поп жил затворнически, вряд ли кто его видел и знал в городе, кроме редких прихожан. От городской суеты он оградился добротным каменным забором. Тяжелые ажурные ворота гостеприимно распахивались лишь несколько раз в году, а в будни пройти в церковь можно было через массивную дубовую дверь, при которой неизменно находился мрачного вида коренастый горбун. Не радовал прежнего попа даже парк, за которым ухаживали садовник и прихожане: поп редко гулял по его тенистым аллеям, посыпанным красноватым песком, даже в долгие, необыкновенно красивые летние вечера. Говорят, святой отец тихо пил и оттого избегал лишнего общения. Инертность батюшки не могла не влиять на приход, и он, и без того малолюдный, хирел день ото дня. И вдруг появился новый поп. Прежде всего, он был молод, — наверное, лет тридцати, не более, и, конечно, мало походил на служителей культа, которых все привыкли воображать немощными стариками с седыми окладистыми бородами, в сутанах до пят, замызганных воском, и непременно с дребезжащими козлиными голосками. Этот скорее напоминал актера, снимающегося в роли священника, — высокий, по-спортивному стройный, с густой темной бородой, придававшей ему интеллигентный вид. Черная муаровая сутана

с воротничком стоечкой, из-под которой виднелась всегда безукоризненно белая сорочка, напоминала вечерний фрак; такому впечатлению очень способствовали узкие, по моде, полосатые брюки и довершавшие строгий наряд черные туфли на высокой шнуровке. В иные дни молодой батюшка ходил с непокрытой головой, и его густую, чуть тронутую сединой шевелюру не мог взвихрить даже ветерок, прилетавший в город с востока, из знойных казахских степей; но чаще он носил мягкую черную широкополую шляпу, и она очень шла к его бледному, несмотря на очевидное здоровье, лицу. Может, бледность эта бросалась в глаза еще оттого, что огромные глаза, обрамленные по-девичьи длинными ресницами, горели каким-то необычным внутренним огнем, что невольно притягивало внимание каждого.

В довершение всего при нем постоянно была тяжелая, какого-то редкого суковатого дерева трость с ручкой из серебра в виде прекрасной лошадиной головы на длинной изогнутой шее, и эта изящная вещь, некогда явно принадлежавшая какому-нибудь барину, тоже не вязалась с обликом священнослужителя.

Облик обликом, но и распорядок жизни у нового батюшки оказался совсем иной, чем у его предшественника.

По воскресеньям широко распахивались свежевыкрашенные черным сияющим лаком ажурные чугунные ворота, и с утра раздавался бой церковных колоколов. Правда, этот нестройный медный звон разносился недалеко, ибо деревья старинного парка, разросшиеся за пятьдесят с лишним лет вширь и ввысь, давно переросли самую высокую колокольню храма, и едва родившийся звук угасал тут же, в церковном саду, не долетая к тем, кому был предназначен.

В субботу и воскресенье поп целый день не покидал своих владений, но вот в будние дни... Ровно в десять утра он выходил из дубовой калитки, которую услужливо открывал ему горбун, и пешком направлялся в сторону парка, а через полчаса выходил на «Бродвей», обязательно проходя мимо медицинского института, хотя в центр можно было попасть и по другой, менее оживленной и широкой улице.

Поначалу появление батюшки на улицах вызывало любопытство. Батюшка своей ровной, неторопливой походкой, не сбиваясь с шага, не озираясь по сторонам, а как бы сосредоточенный на своих мыслях, шагал мимо заинтересованных

молчаливых горожан. Но так было лишь поначалу — вскоре к его утренним прогулкам привыкли и перестали обращать на него внимание.

Может быть, в семинарии или духовной академии, где учился их батюшка, преподавали предмет сродни актерскому мастерству, ибо владел он собой куда искуснее, чем любой актер. Время первого удивления быстро прошло, и прохожие не всегда мирно и учтиво обращались к нему, если случайно задевали на тротуаре, но батюшка на это никак внешне не реагировал. Казалось, ничто не способно отвлечь его от высоких дум, только внимательный взгляд иной раз мог заметить, как белели пальцы сильной руки, сжимавшей тяжелую трость. Он шел по центральной улице мимо магазинов и лавочек, никогда не заглядывая ни в одну из них, ничего не покупал ни в киосках, ни на лотках, и, выходя на улицу Орджоникидзе, всегда сворачивал налево, к рынку. Поднимаясь вверх по улице, ведущей на Татарку, где в ближних переулках к базару встречались еще в те годы нищие, батюшка молча подавал каждому, будь то православный или мусульманин, серебряную монетку и продолжал свой путь. На базаре он так же молча, ничего не спрашивая, не прицениваясь и не покупая, обходил ряды и даже заглядывал в крытый корпус, где продавали битую птицу и молочные продукты, — словно санитарный врач, только с пустыми руками. Обойдя все закоулки базара, он уходил, едва замедляя шаг у чайной, где собирались городские выпивохи. Странно, но, увидев батюшку, завсегдатаи мигом скрывались за дверью и даже захлопывали ее, хотя тот не проявлял намерений заглянуть туда.

Наверное, новый батюшка, как и все молодые люди, был полон надежд, грандиозных планов, а может, даже и тщеславен, и оттого считал своим приходом весь этот провинциальный городок, медленно заносимый песком из великих казахских степей, а не ту жалкую паству, которая даже в воскресный молебен разбрелась по церковному саду. Ежедневно он обходил уверенным шагом город как свои церковные владения и словно вглядывался в своих будущих прихожан.

Странно, но иногда во время утренней прогулки, и чаще в одном и том же месте, батюшке навстречу попадался главный режиссер местного драматического театра, который по

посещаемости мог поспорить с церковью. Правда, служитель Мельпомены в стоптанных ботинках и лоснившихся брюках, уже изрядно побитый жизнью и зачастую под хмельком с самого утра, вряд ли мог тягаться по внешнему виду с батюшкой, вся фигура которого излучала силу и уверенность. Но не исключено, что в эти утренние часы двум столь разным людям приходила в голову одна и та же мысль: «Это мой город, и я завоюю его! Дайте только срок! Вы еще будете плакать благородными слезами духовного очищения», — и каждый при этом видел свой алтарь, оба представляли широко распахнутые двери своих заведений, расположенных в разных концах равнодушного и к театру, и к церкви города.

Во время своих прогулок святой отец ни разу не остановился, не заговорил ни с кем, если не считать тех минут, когда он подавал подаяние и щедрым жестом осенял кого-нибудь крестом, но этой милости удостаивался не каждый.

Нет, дешевой агитацией он не занимался, в церковь не зазывал, но весь его вид как будто говорил: «Я ваш духовный отец, я пришел, я буду смотреть, как вы живете, в чем видите радость, что есть для вас счастье». Говорят, и в своих проповедях он не упрекал тех, кто забыл церковь, не уговаривал никого вести с собой туда соседа, но что-то было в его речах, если старики и старухи дружно ходили на молебны, а слух о том, что батюшка молод да пригож собой, разнесся далеко окрест, и люди из близлежащих деревень стали наезжать туда по воскресеньям.

Каково же было удивление горожан, уже привыкших к одиноким прогулкам батюшки, когда однажды он появился на улице не один... а вместе со Стаиным. Да, да, с Жориком. Они прошли обычным маршрутом батюшки, чуть дольше обычного задержались на базаре и возвращались, как всегда, мимо медицинского института. Шли они словно давние друзья, о чем-то оживленно разговаривая, не обращая внимания на то, что встречные провожают их удивленными взглядами. Они шагали сквозь строй любопытствующих, на этот раз молчаливых, — даже подростки не стали кричать издали: «Поп, поп — толоконный лоб» или напевать весьма фривольную песенку о попадье, потому как Жорика Стаина город хорошо знал и связываться с ним никому не хотелось.

Если главного режиссера местного театра вряд ли кто знал в лицо, кроме его актеров да, пожалуй, отдела культуры горисполкома, то батюшку — отца Никанора — представлять было не нужно: все знали, что в городе новый поп, человек весьма оригинальный. Появление же его теперь каждый день в обществе Стаина-младшего вызвало к нему новую волну интереса. То был конец пятидесятых, и в этом действительно дремотном городишке редко происходили большие события, а потому даже приезд нового попа вызвал интерес, — интерес, конечно, праздный, но все же он был налицо. Эти неторопливые прогулки в одно и то же время и по одному и тому же маршруту двух так резко выделявшихся из общей массы молодых людей, конечно, не могли не обратить на себя внимание. Стаин с попом были любопытной парой, и режиссер, встречая их каждый день по утрам, невольно церемонно расшаркивался с ними и, с тоской глядя им вслед, думал: «Мне бы их в театр, валом бы народ валил».

Жорик рядом с отцом Никанором выглядел ничуть не хуже. И, конечно, ему даже не приходилось прилагать усилий, чтобы особо не отличаться от батюшки, только вместо галстука под белую рубашку Стаин надевал темный шейный платок. Единственной пижонской черточкой в его одежде оставались белые носки к черным мокасинам. Стоило Жорику пару недель не побывать в парикмахерской, и его густые волнистые волосы упали на плечи, сделав его удивительно похожим на молодого семинариста. Странно, но весь облик Стаина в эти часы прогулки преображался: он был само внимание, послушание, кротость. Однако и с прической, и со всей внешностью его к вечеру происходила метаморфоза: стоило Жорику несколько минут поколдовать над собой у зеркала, и появлялся совсем иной человек, в котором ничто уже не напоминало кроткого семинариста — это был типичный самодовольный стилиста с неизменной презрительной гримасой, которая портила его довольно красивое лицо. Не зря, видимо, приглядывался к нему режиссер, в Стаине наверняка умер незаурядный актер.

Жорик Стаин относился к разряду мужчин, избежавших в свое время подростковой угловатости, худобы и прыщавости. Уже в шестнадцать лет это был ладный, красиво сложенный парень, мало кто мог угадать его возраст, а в те годы так хочется выглядеть взрослым, и Жорик старался всюю.

Он первым в классе побывал на вечернем сеансе в кино, первым побрился, первым стал посещать танцплощадку в парке — и не через дыру в заборе, а официально, с билетом. Впрочем, Стаин был первым во многом, если не во всем, хотя только с возрастом понимаешь, что никакой разницы нет в том, весной ты появился на танцплощадке или осенью, в мае принципиально ходил на последний вечерний сеанс в кино или в июле, но тогда все казалось главным и ценился первый шаг.

Ему очень нравилось быть первым, вызывать чью-то жгучую зависть. Конечно, он раньше своих сверстников закурил, потому что у Стаина-старшего пачек «Казбека» в доме было не счесть — возьми одну, никто не заметит. Да и позволено Жорику, единственному сыну, было все. Пить, наверное, начал тоже первым, хотя утверждать это сложно, но зато по сравнению с другими у него и в этом оказалось неоспоримое преимущество.

Было время, когда той или иной области разрешали открывать свой водочный завод, чтобы поправить экономику, с непременно отчислением средств от продажи в местный бюджет. Производство это донельзя примитивное — было бы разрешение, — оттого они расплодились повсюду, и хотя много чего в областях не было, но водочный завод обязательно имелся. Когда Жорик пошел в первый класс, появился такой заводик и у них в городе, и директором стала его мать, до этого руководившая местным пивзаводом. В подвале у Стаиных водки было всегда вдоволь, и не простой, как в магазине, а особо очищенной, как хвалилась мать постоянным и частым гостям. Водка эта служила пропуском рвавшемуся во взрослый мир Жорику. Если подростков, болтающихся в парке, никто не замечал и никуда не зазывал, то Жорика привечали. Особым шиком считалось тогда среди парней посидеть до танцев на летней веранде кафе, где продавали пиво, а то и пропустить по стаканчику вина. Взрослые ребята с этой веранды не раз приглашали Жорика в компанию и угощали пивом, зная, что за ним не заржавеет. Потом он и сам стал приходить в парк, завернув в газету пару бутылок водки и прихватив круг копченой колбасы, смело подсаживался за стол к взрослым ребятам с Татарки, — на такую неслыханную дерзость отважился бы не каждый, даже принеси он с собою бутылку, но Жорик Стаин был личностью особой.

И как льстило ему, когда самый лихой закоперщик Татарки — Рашид, на груди которого цветной тушью был выколот орел, распластавший крылья, просил его вдруг после танцев: выручи, мол, Жорик, добудь бутылку. И Жорик, конечно, выручал, ибо гордый Рашид редко, о чем просил, а слово его и авторитет были непререкаемы...

Три года назад, когда Павел Ильич впервые наткнулся на «Лотос», он иногда сожалел, что как врач не имеет возможности проследить чью-нибудь судьбу с юных лет, понять, что привело сюда того или иного человека. И вот такая возможность представилась. Он ведь знал о Стаине все или почти все.

Павел Ильич не знал, когда и где принял свою первую рюмку Стаин, но скорее всего дома, за столом, и может, из рук самого Маркела Осиповича. Дом Стаиных на Татарке часто гудел от наплыва гостей, там собирались по поводу и без, и водка лилась рекой — как доставалась, так и лилась. Таргонин хорошо знал об этих застольях, и не понаслышке — его мать работала на пивзаводе. Тогда автоматических линий не было и в помине, и мать еще с двумя женщинами мыла вручную каждую бутылку, шедшую под розлив. Мать Павла Ильича была мастерица на все руки и к тому же веселая, с неунывающим характером. Да и когда ей было унывать, если двое детей-погодков на руках, на мужа в войну похоронка пришла? Мать его была в доме Стаиных своим человеком, без ее рук, считай, не обходился у них ни один праздник, — да что праздник, и на большую стирку мать ходила к ним, и на большую уборку, и на побелку, и на покраску. Мыла по весне окна, мазала замазкой их на зиму, — а что делать, зарплата посудомойки мизерная, а детей надо было поднимать. Правду сказать, и Стаины не обижали, жадными их нельзя было назвать, скорее наоборот.

А позже они оказались с Жориком в одном классе, и Пашка не раз бывал у Стаиных дома, хотя друзьями их назвать вряд ли было можно, у каждого была своя компания — классы тогда были большие, по сорок человек, так что группировок хватало. Жили они в разных частях города: Стаины на Татарке, а Пашка на Курмыше, а тогда водились чаще с теми, с кем рядом жили, — странная, по нынешним меркам, дружба, но так было.

Теперь, пытаюсь отыскать истоки алкоголизма Стаина, Павел Ильич дивился тому, насколько весь досуг людей тогда

был пропитан вином и водкой, как чудовищно изощрялись при этом и как почиталось у них в городе умение выпивать лихо, с шиком. Однажды Жорик принес в парк три бутылки водки и обещал налить каждому, кто сумеет выпить до дна целый стакан, не расплескав ни капли, причем не дотрагиваясь до него руками. И тут же показал, как это следует делать. Выпив стакан водки и не расплескав ни капли, он поцеловал его дно и, достав соленый огурец из пакета, закусил — все это неторопливо, с улыбочкой, — в общем, Стаин показывал класс, как говорили тогда. Конечно, тут же нашлись желающие хоть захлебнуться, но выпить на дармовщинку. Однако Жорик был бы не Жорик, если бы не постарался хоть в чем-то унижить других. Он, конечно, водки не налил, а, показывая на кран, советовал потренироваться на водичке, тогда, мол, и будет видно, стоит ли рисковать водкой. Расхватили все стаканы в киоске газированной воды и, обливаясь и захлебываясь, демонстрировали перед Стаиным свои возможности, а Жорик сидел на скамье и, похихатывая и издеваясь, подстегивал неудачников. В тот вечер наливать никому не пришлось, потому что появился с компанией самый отчаянный уркаган с Татарки, Рашид, и увел Жорика с бутылками, сказав: «Нечего с водкой цирк устраивать, пойдем, лучше с нами посидишь, если заняться нечем..»

Стаин каждый день в одно и то же время продолжал совершать прогулки с отцом Никанором. Батюшка, человек образованный, эрудированный, рассказывал Стаину о годах своей учебы в семинарии и в духовной академии, о библиотеках с редкими книгами по философии, делился впечатлениями о своей жизни в Киеве, откуда он был родом. Внимание юноши к его речам вселяло в отца Никанора веру в то, что в таком захолустном и безбожном приходе к нему пришла настоящая удача. Он уже мысленно видел своих бывших духовных наставников в семинарии, читающих его рекомендательное письмо, где он просит принять в лоно церкви пытливого ума юношу. Да, быстрым умом, твердостью характера, способностью быть лидером, верой в свою исключительность Стаин вполне мог бы потягаться с любым семинаристом. Отец Никанор понимал это, как понимал и другое: уход в религию заметного в городе молодого человека из благополучной семьи, так легко расстающегося с мирскими соблазнами, мог иметь далеко

идущие положительные последствия для его прихода, числившегося в синоде в ряду крайне неблагополучных. И уже в первый год, отправив посланника от прихода в семинарию, отец Никанор показал бы своим бывшим наставникам, что оправдывает возлагавшиеся на него надежды.

Речам батюшки Жорик, конечно, внимал, но вечером он каждый день приходил в парк на танцы, и в его поведении и внешности, казалось, ничего не изменилось, только на расстегнутой на груди красной рубашке появился тяжелый, искусной работы золотой крест, отделанный ярко-рубиновой перегородчатой эмалью — щедрый подарок отца Никанора. И когда Жорик, разгорячившись, азартно танцевал рок-н-ролл, этот крест бросался в глаза каждому. Павел Ильич и много лет спустя, видя болтающийся на шее молодых людей крестик, наивно верил, что поветрие это пошло от Жорика, потому что уже через неделю в церкви были раскуплены дешевые медные крестики, пылившиеся десятилетиями, и половина танцплощадки щеголяла в них, выставляя их напоказ. Иные спешно выпиливали кресты из бронзы или латуни, делали их массивными, затейливой формы. В комитете комсомола, конечно, отреагировали на неожиданно возникшую ситуацию, и в парке опять появились карикатуры на Стаина: лихо отплясывающий буги-вуги Жорик в сутане, Жорик, прогуливающийся с отцом Никанором. Первая была подписана кратко, но с намеком: «Дорога в мракобесие»; другая опять же с подтекстом: «Не тот путь». Но Жорик, как говорится, и в ус не дул. Подходил к щиту с дружками и весело обсуждал работу художников, — правда, один раз возмутился, что изобразили его слишком коротконогим, и эта карикатура провисела заметно меньше обычного. Но уже на следующей Жорж был изображен импозантно, словно специально позировал карикатуристу, — тщательно была прописана каждая деталь его одежды. Дружки спрашивали у Жорика, не поставил ли он художникам пару бутылок водки за старание, но он загадочно улыбался, не подтверждая и не отрицая сказанного, напуская еще больше тумана вокруг своей личности. Кстати, щит этот, простояв положенное время в парке, исчез и вскоре уже висел в комнате Жорика в новой дорогой раме, а позже Стаин подарил его одной девушке, соркурснице Таргонина, на день рождения. Отец Никанор тоже

исчез со щита сатиры, потому что пожаловался городским властям на оскорбление личности, и его персонально больше не затрагивали. Стаина же вызвали в горком комсомола, куда он явился по первому требованию. Жорик уже тогда был большим демагогом по части разговоров о конституционных свободах и гарантиях, а поднатасканный в этом плане более опытным в идеологии батюшкой и наверняка тщательно подготовившийся к этой встрече, вконец заговорил смущавшихся девушек из отдела пропаганды, по возрасту не намного старше его самого. Он даже пригрозил им, что, когда закончит семинарию, непременно вернется в родной город, и уж тогда они повоюют за молодежь. Об этой Жоркиной наглости в городе тоже стало известно.

В общем, скандальная популярность Стаина в ту осень круто шла в гору. На полном серьезе рассказывали даже, что, когда Стаин шел на бал для первокурсников, который ежегодно проводился в медицинском, какая-то дряхлая бабуля, увидев Жорика, вдруг засеменила за ним, запричитала: «Благослови, батюшка!», на что Жорик, ничуть не растерявшийся, спокойно, как и должно, осенил умиленную старушку крестным знаменем и продолжил свой путь.

Что греха таить, и Таргонин в свое время прошел через так называемое стилистическое, и он носил яркие рубашки и чрезмерно узкие брюки, и у него был галстук с обезьяной — кстати, подарок Жорика, и он знал молодежную жизнь города изнутри, а не понаслышке. В те годы, совпавшие с молодостью Таргонина, город словно проснулся от многолетней спячки и за все брался с невидимой энергией и энтузиазмом: будь то спорт, учеба, музыка, мода — прямо ренессанс какой-то. Этот взлет культурной жизни, как и любой взлет, сопровождался всякими отклонениями и ответвлениями, но энергичный ритм жизни тех лет и по сей день поражал профессора.

В какой-то год здесь появились сразу два джазовых оркестра, и главный, самый модный — в мединституте, где учился Таргонин. Сам Павел играл в этом оркестре ударником. Расскажи сейчас профессор об этом кому-нибудь из коллег, вряд ли поверят: Таргонин — джазмен? Откуда только бралось время на учебу, на репетиции? Оркестр с ранней весны и до поздней осени играл на танцплощадке в парке, а зимой в городском Доме культуры.

О, этот оркестр стоило послушать, ведь играли они не из-за денег, хотя и в деньгах была огромная необходимость, а потому что ощущали голод на музыку сами и чувствовали колоссальную потребность в ней других. Нет, у них не было заштампованной, надоевшей всем программы. Каждый раз они пытались играть новое, импровизировали. И Жорик, обладатель лучшей в городе фонотеки, не раз выручал музыкантов: то приносил ноты, что присылали ему друзья из Ленинграда, то давал свои пластинки с записями Луи Армстронга, Джорджа Гершвина, Дюка Эллингтона, Элвиса Пресли, Джонни Холидея — кумиров джаза тех лет. Оркестранты, заполучив редкий диск на ночь, пытались разучить музыку на слух, и это им почти всегда удавалось, потому что их художественный руководитель Ефим Ульман слух имел поразительный и уже тогда прослыл в джазовых кругах известным аранжировщиком. Он и расписывал ноты для каждого инструмента. И, уж конечно, для Жорика на танцах исполняли любой его заказ, хотя такой привилегии у них в городе мало кто удостоивался, — Рашид, пожалуй, да еще кто-нибудь из молодых преподавателей, фанатиков джаза, ходивших в парк больше слушать оркестр, чем танцевать.

Медицинский и железнодорожный институты в их городе притягивали и иногородних. Особенно популярным в те годы стал медицинский, в нем учились ребята отовсюду, даже из Москвы и Ленинграда, и, конечно, с Кавказа. Были и среди них большие модники, они тоже по вечерам заполняли парк — единственное притягательное место общения в их небольшом городе. И как-то так сложилось, что приезжие потянулись к Стаину, — может, оттого, что в парке у них иногда случались стычки с местными по всяким поводам, и Жорик, при широте своих связей и популярности, легко улаживал эти конфликты. Да и самому Стаину, видимо, было интересно с ними, и он часто пропадал в общежитиях обоих институтов, где всегда был желанным гостем.

Таргонино было легко вспоминать жизнь Стаина, потому что в те годы он видел Жорика каждый день и каждый день слышал о нем что-нибудь новенькое.

На танцах Жорик, и не он один, никогда не был трезвым, да это ему тогда, наверно, и не удалось бы — отовсюду только и слышалось: Жорик... Жорка... Стаин... Всем он был нужен, всем

хотелось перекинуться с ним хоть парой слов, а это означало, прежде всего, — для начала выпить. Не оставляли его в покое даже накануне футбольного матча: выпивал он и в эти дни, молодой и щедро одаренный природой организм выдерживал высокий ритм и накал спортивной борьбы. Жорик после таких матчей иногда шутил над ослабевшими товарищами — кто не курит и не пьет, к нам в команду не пойдет. Тогда, видимо, он и уверовал в то, что водка его мощному организму нипочем и ограничения — не для него, поэтому у него совершенно отсутствовало чувство меры — он никому не мог отказать, если его звали в компанию.

Выпивали в те годы по поводу и без повода, и потому эта черта Стаина вряд ли кому бросалась в глаза, тем более, что никто не видел его особенно пьяным. Тогда и водочная похлебка, и стакан, наполненный до краев, относились к разряду подростковых забав, считались способом мужского самоутверждения. Так что на чисто алкогольной почве Жорик популярности бы не снискал, но вот его дружба с отцом Никанором...

Пока не зачастили долгие обложные дожди, как-то неожиданно перешедшие в снегопад, и не наступила зима, Жорик каждый день прогуливался с батюшкой, но теперь уже часто менялся маршрут. Неизменной оставалась лишь прогулка мимо мединститута, базар как-то отмер сам по себе. От матери Павел знал, что у родителей Стаина были из-за Жорика неприятности на работе, их куда-то вызывали, требовали, чтобы приняли к сыну меры. Опять же от матери он знал, что дома с Жориком говорили, и всерьез, и со слезами, но ничего не изменилось, тот продолжал встречаться с батюшкой и часто приходил от него с подарками: роскошно изданными книгами о житиях святых. Больше всего он дорожил Библией в дорогом кожаном переплете, отделанной серебром, — эту книгу он частенько держал в руках, когда прогуливался с попом.

Зима приглушала жизнь города, и особенно она сказывалась на досуге молодежи. Снежная, холодная, с метелями, приходившими из открытой казахской степи, и ураганными ветрами, иногда валившими прохожих с ног. Парк с почерневшими верхушками лип и тополей, с погребенными под снегом танцплощадкой и летним кафе, белел среди города огромным

снежным комом. Поздно светало, рано темнело, — казалось, конца этой зимней спячке не будет.

Но вечерняя жизнь, несмотря на холод и метели, все-таки продолжалась, только нужно было в ней хорошо ориентироваться, а это умел далеко не каждый. Павел же, имевший отношение к джаз-оркестру, был и зимой в курсе всех событий.

Зимой были популярны институтские вечера, к которым долго и тщательно готовились. Что скрывать, институты соперничали друг с другом, и оттого попасть на вечер было делом непростым. Какие давались концерты, как старались оркестры! Дважды в неделю, в субботу и воскресенье, в городском Доме культуры проходили танцы под тот же оркестр, где играл на отливающих перламутром ударных инструментах Таргонин. Зал в Доме культуры был небольшой, не вмещал даже половины желающих, но, несмотря на это, там собирались одни и те же молодые люди. Были зимой в ходу и иные формы общения, из-за обилия кафе, дискотек, Домов молодежи почти забытые ныне: собирались вскладчину по всяким веским и не очень поводам у кого-нибудь дома, и вечеринки возникали зачастую стихийно. Надо ли говорить, что и на труднодоступные вечера в институты, и в Дом культуры, и на самые интересные вечеринки Стаин имел доступ — везде он был приглашен, везде его ждали, на все у него был билет или пропуск.

В перерыве между танцами, когда оркестр отдыхал, Стаин иногда поднимался к музыкантам на эстраду, чтобы заказать песню или поговорить о новой композиции, а иногда даже оставался после танцев в Доме культуры, где оркестр до глубокой ночи репетировал что-то новое. На эти репетиции Жорик приходил не с пустыми руками, а непременно захватив пару бутылок водки и на закуску хорошей колбасы или окорока, редко встречавшегося в магазине, — у студентов, игравших в оркестре, всегда был отменный аппетит.

Но в ту зиму Стаин частенько объявлял друзьям-музыкантам: мол, скукота у вас сегодня невероятная, пойду-ка я к отцу Никанору, прокоротаю у него вечер с пользой для души. Прямо из фойе позвонив по телефону батюшке, который имел привычку засиживаться до глубокой ночи, и получив добро, Жорик, попрощавшись, уходил в церковь. Предупрежденный батюшкой горбун, всякий раз недоверчиво открывая дубовую

дверь, провожал ночного гостя, запорошенного снегом, в покои священника. Обычно отец Никанор проводил вечера в зале, у камина, не топившегося до того лет тридцать.

По углам и на стенах висели редкой работы иконы, возле каждой из них горела свеча, а то и две, жарко топились камин, длинные языки пламени, вырываясь вдруг за решетку, высвечивали дальние углы плохо освещенной комнаты, хотя где-то под потолком горели и лампочки. Тепло, таинственно было в зале с высокими, уходившими в темноту потолками.

— А, Георгий... — радушно говорил святой отец, вложив резную закладку из слоновой кости в книгу, откладывая ее в сторону и поднимался навстречу из жесткого вольтеровского кресла с высокой прямой спинкой, обтянутой толстой бычьей кожей.

Широким жестом он приглашал Жорика к камину, где уже стояли два низких, с широкими подлокотниками тяжелых кресла, темный бархат обивки которых из-за ярко полыхнувшего вдруг языка пламени из чрева камина озарялся кроваво-красным, обозначая истинный цвет материи. Жорик с удовольствием располагался в кресле, протягивая замерзшие ноги к самой решетке, и завороченно глядел на огонь, на миг отрешаясь от всего: от церкви, батюшки, джазового оркестра Ефима Ульмана, футбольного клуба «Спартак», за который оголтело болела Татарка...

Отец Никанор никогда не тревожил его в эти минуты, и только когда безмолвно и бесшумно двигавшийся служка ставил рядом уже сервированный низкий столик, Жорик как бы возвращался в реальность и виноватой улыбкой просил прощения за минуты протрации в святом доме.

В графинчике всегда подавалась водка, но особая, настоящая на каких-то травах явно не из здешних мест, но привкус ее нравился Стаину, да и вообще было приятно с мороза, у пляшущего огня, пропустить за хорошей беседой рюмку-другую.

Так сидели они у камина не час и не два, пока Жорик вдруг не спохватывался, что засиделся. Отец Никанор предлагал остаться на ночь, но Жорик, испытывая какой-то непонятный внутренний страх, всегда отказывался, ссылаясь на то, что дома будут беспокоиться.

Только однажды, когда среди ночи разыгралась злая метель и ничего не видно было даже на расстоянии вытянутой руки, ему пришлось остаться — добраться по такой пурге

до Татарки было немыслимо, да и батюшка с горбуном вряд ли отпустили бы. Парень в общем-то далеко не робкий, Стаин всю оставшуюся ночь не сомкнул глаз — ворочался на широкой деревянной кровати, прислушиваясь к шорохам в сонном, притихшем доме, к страшной вьюге, завывавшей за высокими окнами. Рано утром, не дожидаясь рассвета, когда пурга неожиданно унялась и святой дом еще не ожил, Жорик встал, тихо оделся и, сам открыв дубовую дверь, вышел на занесенную снегом улицу.

В иные дни в доме Стаиных раздавался звонок: звонил батюшка, справлялся о здоровье и настроении Георгия, как он всегда обращался к Стаину. Этот звонок всегда означал приглашение, и если такое случалось в будние дни, когда не намечалось никаких увеселительных мероприятий, от которых Жорик вряд ли мог отказаться, даже в угоду батюшке, Стаин охотно принимал предложение и уже с вечера направлялся в церковь.

В такие дни батюшка ожидал его к ужину или, как он говорил, вечерять, и заранее предупреждал об этом Стаина. С его приходом вспыхивала в том же зале тяжелая, с потемневшей бронзой ободов хрустальная пыльная люстра под высоким потолком, и оттого сразу становилось заметно, как чадили свечи у икон. Покрытый белой скатертью огромный стол был уже сервирован старинным серебром, принадлежавшим прежнему батюшке, происходившему, оказывается, из древнего русского дворянского рода: это серебро он передал по завещанию церкви и тем, кто будет продолжать его дело. Но столовое серебро, хоть и представлявшее ювелирную ценность, тогда не интересовало Стаина. Пользуясь обилием света, Жорик обходил многочисленные иконы, которые в иные дни не удавалось разглядеть.

Стаин чувствовал, что батюшке приятен его нескрываемый интерес, потому тот сопровождал его от иконы к иконе, поясняя значение изображенных святых в религиозной иерархии, говорил о времени и эпохе, сопутствовавших рождению этих шедевров, авторы которых за редким исключением оставались неизвестными или обозначались одним ничего не говорящим потомкам именем.

Обходя просторный зал, Жорик замечал и много вполне светских вещей, заполнявших и украшавших его: старинное

пианино известной с прошлого века немецкой фирмы «Ибах», бронзовые часы в виде башни с двумя циферблатами тоже вполне тянули на антиквариат, не ценившийся в те годы, по крайней мере, у них в городе; резные шахматы из слоновой кости с массивной доской из палисандра, и тут же, на изящном столике, инкрустированном перламутром, несколько нераспечатанных колод карт, непривычно узких, длинных, невиданной полиграфии, наверняка оставшихся из старых дореволюционных запасов прошлого батюшки-дворянина. Карты эти более всего заставили дрогнуть сердце Стаина. Неравнодушный этот взгляд не остался незамеченным отцом Никанором, и он спросил, не играет ли Стаин в преферанс? Получив утвердительный ответ, батюшка улыбнулся и неожиданно с азартом сказал:

— Прекрасно, как-нибудь обязательно сыграем, а то дьяк, с которым я иногда сажусь за карточный стол, играет слабо, к тому же абсолютно лишен чувства риска, да и жаден больно.

Ужинали долго, опустошая не один графинчик водки, настоящей на травах, затем, как обычно, переходили к камину, в кресла, и оно теперь было как бы у каждого свое. Безмолвный служка подавал туда чай в серебряных подстаканниках. Глядя на огонь, они подолгу вели свои беседы, не замечая, как гасла люстра, и только свечи обозначали простор зала.

Так медленно катилась та беззаботная последняя зима Стаина. Уже никто не отговаривал его от странного решения, все свыклись с ним и, откровенно говоря, жалели шалолая Жорика. Были, правда, и восхищавшиеся им, а уж в глазах прекрасной половины их городка, у которой он и без того пользовался успехом, Стаин выглядел чуть ли не великомучеником.

Похоже, смирились с этим и дома, — по крайней мере, родителей перестали беспокоить в горькоме, потому что принесли какую-то официальную бумагу о том, что рассматривается вопрос о зачислении Георгия Стаина в Киевскую духовную семинарию. Правда, побеспокоили Стаина еще раз из милиции: почему здоровый парень не работает? Но на этот раз выручил отец Никанор — дал справку, что Стаин служит при церкви на какой-то хозяйственной должности. Хотя вся «работа» его заключалась в ночных беседах с батюшкой, зарплата шла регулярно, и выдавал ее дьяк раз в месяц. В такие дни Жорик гулял особенно широко, посмеивался: на свои трудовые, мол, гуляю.

Частые ночные беседы с отцом Никанором, долгие ежедневные прогулки, чтение религиозной литературы, редких книг по теологии, особенно Библии и Евангелия, не прошли для Стаина даром. Его молодая память, еще не разрушенная алкоголем, быстро впитывала все, и Жорик на память цитировал целые страницы, не говоря уж об интересных абзацах, к тому же он увлекся философской литературой, тяготевшей к церковным учениям и мистицизму.

Бывая на танцах, на вечеринках или на репетиции оркестра, он всегда гладко и к месту вставлял в разговор цитату или приводил высказывание какого-нибудь богослова или святого, читал на память строку из Библии, причем непременно называл стих и главу, из которой она взята. Не исключено, что Жорик иногда извращал смысл стиха, изымая или добавляя какое-то слово, наполнял его новым, необходимым для него самого или ситуации смыслом, ведь никто ни проверить, ни опровергнуть его не мог!

В любой разговор, даже о девушках, музыке, джазе, моде, в любой треп Стаин так ловко вплетал эти цитаты, афоризмы, выдержки, что у неискушенных молодых людей невольно складывалось впечатление о его духовном превосходстве. Даже чтобы заставить выпить кого-нибудь, он всегда находил религиозный аргумент, устоять против которого было невозможно, хотя церковь отнюдь не поощряла пьянство. Даже лихие, остроумные его тосты были теперь насквозь пронизаны религиозным мистицизмом. Щедрое словоблудие Стаина, при его широчайшем общении — от компании Рашида до джазового аранжировщика Ефима Ульмана, — не могло не дать своих результатов, и среди молодежи их городка еще несколько лет спустя были в ходу церковные словечки, цитатки, что считалось среди неискушенных юнцов хорошим тоном, свидетельством высокого уровня культуры. Особенно его словоблудие почиталось среди девушек, на которых действовал не только тщательно подобранный стаинский текст, но и артистизм, с которым Жорик все это излагал, и не исключено, что в девичьих альбомах, модных в те годы, среди прочих дешевых сентенций были записаны перевранные Стаиным библейские заповеди.

Город уставал от долгой и трудной зимы: от необходимости круглые сутки топить печи, — ведь в ту пору он на три

четверти состоял из собственных разностильных домов; уставал от короткого дня, который в иные дни уже с обеда начинал переползать в сумерки; уставал от метелей и ураганов, свирепствовавших обычно два месяца кряду; страдал от перебоев с транспортом — дряхлые, латанные и перелатанные автобусы ходили редко и, честно говоря, горожане не особенно рассчитывали на них, оттого в дальний путь без особой надобности не пускались. И как награда за суровую зиму весна в их краях была на удивление красивой, приходила не спеша, с оттепелями, капелями, проталинками, теплыми нежными ветрами, а придя, по примеру зимы, стояла долго, и только в середине мая, когда отцветали яблони в редких садах и палисадниках и сирень уже не кружила голову молодым, только тогда, да и то не спеша, передавала она полномочия лету. Оттого весну любили, ждали ее, скучали по ней. Всем хотелось скорее освободиться от громоздкой и неуклюжей зимней одежды, развязать разномастные шали, снять сыпавшие повсюду кроличий пух шапки, закинуть на печку до следующей зимы валенки, без которых трудно было обойтись даже записным модницам.

В конце марта, когда от тягучих влажных ветров из степи стали оседать сугробы и снежный ком парка резко опал, оголив голые сучья благополучно перезимовавших деревьев, на центральную улицу — Карла Либкнехта впервые выходили дворники и энергично принимались сгребать остатки снега, словно оправдывая свое долгое зимнее безделье. И если не случался неожиданный снегопад, — бывало и такое в марте, — уже через неделю она, единственная в городе, чернела выщербленным асфальтом дороги и тротуаров.

Уставшие от зимы горожане вряд ли замечали выбоины и колдобины своей главной улицы — она была для них предвестницей весны, ее первым приветом...

В апреле, когда в церковном саду еще лежал снег, а аллеи по утрам сверкали тонким ледком, к обеду превращавшимся в лужицы, отец Никанор вместе со Стаиным снова стали выходить на прогулки. Прогулки эти бывали короче осенних, потому что на соседних с центральной улицах, по которым они ходили раньше, стояла непролазная грязь. Было еще прохладно, и отец Никанор поверх сутаны надевал черное кастиоровое пальто вполне светского покроя. Стаин же, словно готовясь

к весеннему выходу, щеголял в новом демисезонном, сшитом зимой, тоже черном, двубортном, с высокими, до плеч, острыми лацканами и имевшим на груди кармашек, как у пиджака, из которого кокетливо торчал беленький платочек. Появилась у него и черная широкополая велюровая шляпа, которую он надевал каждый раз по-новому, и особенно щегольски она выглядела, когда он гулял без бабушки.

Они так дополняли друг друга, что казались единым целым, и неискушенному человеку вполне могло показаться, что Стаин состоит на церковной службе, а вовсе не на хозяйственной. Оттого, когда Жорик появлялся на улице один, все старухи, встречавшиеся на пути, приостанавливались, и не выгляди Стаин столь недоступным, они не дали бы ему и шагу ступить, но Жорик, когда надо, умел держать дистанцию. Он мог позволить себе лишь погладить по голове ребенка, которого вела за руку старушка. Это расценивалось как милость, и об этом судачили потом на завалинках. Конечно, случалось, и не раз, когда какая-нибудь старушка бросалась к нему, прося благословения, или рвалась поцеловать ему руку, но из этих щекотливых положений он выходил не суетясь, с достоинством, не признаваясь даже экзальтированным старухам, что не имеет никакого церковного сана и не волен никого благословлять. Он раскусил толпу, для которой важен был внешний вид, а не сущность, и потрафлял ее вкусам. Потрафлял щедро, с выдумкой, ибо природой в нем было заложено многое.

Прогулки эти вскоре пришлось совсем оставить, потому что центральная улица день ото дня становилась все оживленнее, многолюднее, и продираться сквозь толпу, словно на базаре, не доставляло никакого удовольствия, приходилось отвлекаться, извиняться. Но к тому времени подсохла главная аллея в церковном саду, и иногда Стаин с бабушкой прохаживались по ней.

В мае произошли события, вновь всколыхнувшие городок... Уже, конечно, не осталось никаких следов зимы. Разъезженные ранней весной дороги кое-где подлатали, а лужи высохли сами по себе, и не стало препятствий для прогулок, наоборот, все располагало к ним — запах цветущих лип, тополей, голубой сирени неудержимо вытягивал всех на улицу. И на Карла Либкнехта, особенно после работы, было так многолюдно, как на Первое мая, когда народ расходился по домам после

демонстрации. Уже открылся парк, и вырвавшиеся на простор трубы, тромбоны, саксофоны не знали удержу — город вступал в лучшую пору года, лучился смехом, улыбками, надеждами ... Наверное, в великом и одновременном своем пробуждении старожилы как-то сразу и не заметили, что Стаин перестал гулять с батюшкой, да и сам отец Никанор уже давно не появлялся на весенних улицах. Правда, в мае тому легко можно было найти оправдание: стоял Великий пост, а в конце месяца наступало главное событие в церковной жизни — Пасха, к тому же первая для отца Никанора в новом приходе.

Что-то происходило и со Стаиным, хотя внешне своих привычек он не изменил. Сыграл первый в сезоне футбольный матч, забив три мяча «Локомотиву», и Татарка, до того слыхом не слыхавшая о бразильской торсиде и итальянских тиффози, спустилась в тот субботний вечер в парк и шумно гуляла до полуночи. За каждым столиком кафе и летнего ресторана, на всех скамейках, где выпивали, захватив из дома закуску, за которой время от времени вновь гоняли пацанов, крутившихся под ногами, только и слышалось: Стаин... Стаин... Жорик...

По-прежнему он был в центре внимания и на танцплощадке, где всегда был окружен толпой юнцов, ловившей каждое его слово. По-прежнему оставался неравнодушен к своему костюму, только неожиданно подстригся — и не то чтобы очень коротко, но поповская грива, умилявшая старух, исчезла с плеч, отчего его лицо стало еще привлекательнее. «Чтобы легче было играть в футбол», — высказался кто-то, и эту версию Стаин опровергать не стал.

Однажды среди недели Жорик неожиданно объявил оркестрантам, что завтра уезжает.

— В Киев? — спросили джазмены, свыкшиеся с его планами.

— Нет, в Крым, на все лето, — ответил Стаин. И неожиданно добавил: — Завязал с религией, надоело.

Нужно было играть, и разговор прервался, но Стаин не подошел попрощаться, как рассчитывали музыканты, а на следующий день действительно исчез и пропал на все лето. А через неделю в местной газете появилась статья, не оставшаяся незамеченной, — называлась она длинно и претенциозно: «Еще одна молодая судьба, отвоеванная у церкви». Не менее длинным и путаным оказался и сам текст, включавший в себя

пространное интервью со Стаиным. Были там и его рассуждения о церкви и религии, но теперь уже цитаты и афоризмы он выдергивал из других источников, налегая в основном на высказывания основоположников марксизма-ленинизма. С теми же энергией и жаром, с какими еще месяц назад он отстаивал церковные постулаты, Жорик ныне пытался разрушить их. Но не все люди, близко знавшие Стаина, поверили в искренний порыв и мажорный пафос выступления, между строк так и проглядывал ухмыляющийся Жорка. В заключение журналист желал успеха молодому человеку, идущему таким трудным и тернистым путем к утверждению своей личности, и выразил уверенность в том, что люди и организации отнесутся с пониманием к столь необычной судьбе.

Так Жорик предстал жертвой коварной церкви и стал героем, нашедшим в себе силы порвать путы и выбраться из религиозной трясины. Статья эта, как и всякая другая, забылась бы вскоре, если бы через месяц после Пасхи отца Никанора не отозвали из прихода. И по городу поползли слухи: то ли отец Никанор промотал какие-то деньги и церковные ценности с Жориком, то ли в карты проиграл их Стаину. Говорили и о том, что не всегда зимними ночами Жорик приходил к батюшке один, — мол, бывал там и Шамиль, известный на Татарке картежный шулер, бывали и девочки, готовые идти за Стаиным в огонь и воду. И эта последняя догадка была как будто небезосновательной. Именно однокурсница Таргонина, прелестная, но легкомысленная Ниночка Кабанова, вдруг тихо забрала документы и исчезла в неизвестном направлении, сразу после отъезда батюшки. Так, вольно или невольно, Стаин развалил поднимавшийся из застоя приход, и больше уже никогда церковь в их городе не привлекала ничьего внимания.

Павел Ильич также вспомнил, что летом, когда он играл на танцах, прошел среди оркестрантов слух, что пьяный Шамиль хвалился им, как крепко они «хлопнули» с Жориком батюшку в карты, и что молодцом был не он, а Жорик, накануне незаметно унесший запечатанную колоду старинных карт, а уж подточить ее, наколоть и снова запечатать для Шамиля было делом пустячным. На этой ловко подложенной на место меченой колоде батюшка и потерял, мол, приход. Но слух этот

дальше оркестрантов не пошел: в те годы о делах Шамяля в их городе лучше было помалкивать.

Таков был этот нынешний седовласый человек с розой в петлице в свои неполные двадцать лет. Но Таргонин не тогда потерял Стаина из виду. И после этого они общались, между ними возникло даже что-то похожее на дружбу, он и на свадьбе Жорика был шафером...

К августу Стаин вернулся из Крыма загорелый, окрепший, даже заматерелый какой-то, и с ходу поступил в железнодорожный институт, находившийся в трех кварталах от медицинского, где Таргонин учился уже на втором курсе. К тому времени слухи о церковных делах и похождениях Стаина улеглись, и ничто в его внешности не напоминало семинариста, хотя роскошный золотой крест с огненной эмалью — подарок отца Никанора — он продолжал носить. Элегантное черное пальто и широкополая шляпа «Борсалино», в которые он обрядился осенью, тоже вряд ли напоминали одеяние батюшки, потому что носил он это пальто с ярко-красным шерстяным шарфом, и такого же цвета платочек торчал из нагрудного кармана. Вот только в руках у Стаина часто была та самая трость, с лошадиной головой, с которой гулял раньше отец Никанор.

— Последний подарок церкви, — объяснял Жорик самым любопытным, но в подробности не вдавался и не любил, когда затрагивали эту тему. — Мне больно об этом вспоминать, — говорил он коротко и делал такое мученическое лицо, что у собеседника пропадало всякое желание расспрашивать о чем-то еще.

Однако неприятности у него все-таки были. Те старухи, что некогда с восторгом и обожанием глядели на него, теперь, встречая на улице, испепеляли его взглядами ненависти или откровенно плевали вслед и зло шептали: «Антихрист, безбожник!» А одна даже кинулась на него с палкой, да дружки, находившиеся рядом, перехватили ее. Но Жорик не раз использовал и положительную сторону своего разрыва с религией. После нашумевшей газетной статьи его уже больше никогда не пропесочивали в окнах сатиры, ни в парке, ни в институте, хотя стенды такие обновлялись тогда каждые две недели, и в них не щадили никого. В обоих институтах время от времени проводились кампании то против модной одежды, то против

причесок, то против джазовой музыки — и кое-кому, конечно, доставалось: лишали стипендии, выселяли из общежития, заставляли подстричься, грозили отчислением, в общем, чинили много всяких неприятностей, на сегодняшний наш взгляд совершенно абсурдных. Стаину на этот счет везло — то ли боялись, что он опять уйдет в религию, но теперь уже не с улицы, а из института, то ли еще какие были резоны, но его не трогали.

Но больше всех, кажется, рады были родители Жорика, уж какой камень с души он у них снял — не высказать! Ожил Маркел Осипович, уже считавший, что потерял директорское кресло на мясокомбинате, и на радостях купил сыну новую, уже третью модель «Явы». Стаин, распугивая пешеходов, носился на новом мотоцикле по всему городу, а сзади на багажнике у него обычно сидела девушка, тесно прижавшаяся к нему, и ветер трепал ее длинные волосы. Жорик почему-то предпочитал катать блондинок с пышными, разбросанными по плечам волосами. Появился у него тогда и магнитофон, громоздкая «Яуза», из Ленинграда стали регулярно приходить кассеты с записями, и джазовый оркестр Ефима Ульмана постоянно был в курсе музыкальных новинок, что удивляло приезжих студентов, считавших родной город Таргонина безнадежным захолустьем.

К неописуемому неудовольствию Татарки Жорик оставил «Спартак», поскольку, став студентом железнодорожного заведения, автоматически оказывался членом его спортивного клуба «Локомотив». Осенний кубок города по футболу достался железнодорожникам. Но футболу Стаин уделял теперь гораздо меньше внимания, чем институтскому оркестру, с которым до глубокой ночи пропадал на репетициях в актовом зале на третьем этаже. Сам он не играл ни на каком инструменте, хотя и закончил несколько классов музыкальной школы, но обладал абсолютным слухом и шутя исполнял роль то ли дирижера оркестра, то ли его менеджера. Именно он пригласил в него нескольких ребят из города, не учившихся в институте, отчего исполнительский уровень оркестра сразу стал гораздо выше и оркестр смог составить конкуренцию знаменитому оркестру Ефима Ульмана.

Павел Ильич помнил, что с приходом Стаина в железнодорожном возник КВН, где Жорик до самого окончания института был бессменным капитаном, и сражения двух команд —

медиков и транспортников — в безтелевизионное время доставляло молодежи много радости. Таргонин и сам бывал на вечерах в железнодорожном, и вечера устраивались не хуже, чем в медицинском. А на Новый год транспортники даже имели преимущество, потому что в городе был еще и Дворец железнодорожников, величественное старинное здание, построенное в начале века одновременно с железной дорогой.

Желание Стаина быть всегда на виду, его неукротимая энергия невольно служили общему делу — вряд ли в обоих институтах был хоть один студент активнее его, и если бы давали приз самому большому патриоту вуза, то его, конечно, получил бы вне конкурса именно Жорка. Наверное, не было ни одной комиссии, ни одного студенческого общества, совета, где бы не заседал, а то и не председательствовал Стаин, и все это он делал легко, шутя, с улыбкой, обладая исключительной способностью обходить острые углы и примирять, казалось бы, непримиримое.

Связям Стаина нельзя было не поражаться, и не укладывалось в сознании, как он умел улаживать дела с разными людьми. Конечно, он принадлежал к молодой интеллигенции города, к той ее части, которую любившие вешать ярлыки с усмешкой называли «золотой молодежью», вкладывая в это непонятно какой смысл, поскольку в этой среде были и дети рабочих и служащих, и вчерашние хулиганы — и общим у них могли быть только узкие брюки. Однако представляя эту часть молодежи, Жорик был гораздо активнее, чем многие средние, ничем — ни учебой, ни внешним видом — не выделявшиеся студенты. Но была у него, как у айсберга, и какая-то другая, подводная, что ли, часть жизни. Павел Ильич был бы не совсем искрещен, если бы сказал, что никогда за последние двадцать лет не вспоминал о Стаине, — вспоминал, и вот по какому странному поводу, к алкоголю никакого отношения не имеющему.

В последние годы по телевидению, да и в газетах стали часто сообщать, что на Западе некоторые официальные лица, конгрессмены, служители правосудия, на вид вполне уважаемые люди, оказывается, тайно связаны с мафией, преступным миром. И когда по телевизору показывают такого седовласого, вальяжного человека, чья связь с преступным миром несомненна, неоспорима, многие, поддавшиеся гипнозу уважительности,

продолжают категорично утверждать: «Не верю, чтобы такой порядочный человек был заодно с бандитами». Вот в такие минуты перед Павлом Ильичом невольно всплывал Стаин, и особенно одна запавшая в память сцена с его участием.

Однажды в медицинском институте на какой-то праздничный вечер проникла группа хулиганов — тогда их было еще великое множество, — и наверняка вечер был бы не только испорчен, но и кончился неприятностями, не появившись в зале Стаин.

Таргонин со своего возвышения за ударными инструментами хорошо видел, как Жорка отвел в сторону двоих здоровенных затеявших бузу парней и что-то им сказал, всего несколько слов — и вся эта куражившаяся братия быстро, без шума исчезла из зала. Конечно, само проживание на Татарке служило Жорке неким мандатом, чтобы быть среди них своим. Мальчишкой Жорик откровенно таскал из подвала водку блатным и совершенно не скрывал этих связей, а гордился ими и даже афишировал их. Став взрослее, и особенно теперь, будучи студентом, он так откровенно с блатными не якшался, хотя все знали, что Стаин имел у них авторитет. Когда он прогуливался в своей обычной компании, никто из них не подходил к нему бесцеремонно — лишь здоровались мимоходом, едва заметным кивком головы, даже если это были его друзья: Рашид, Шамиль, Фельдман, с которыми накануне, возможно, он всю ночь играл в карты. Они понимали, что, несмотря на какие-то общие дела, у них все же разные взгляды и интересы, и оттого ценили свободу Жорика, жившего совсем иной жизнью. «Танцующего под другую музыку», — как сказал когда-то Рашид.

Одной из причин непопулярности вечеров в железнодорожном в свое время было то, что сам институт находился в части города, называемой Курмышом, и тамошняя шпана считала его своей вотчиной...

На первом же вечере после поступления Жорика в институт произошла крупная драка, где впервые за многолетнюю историю железнодорожного студенты под предводительством Стаина дали отпор местной шпане. Не сразу, но курмышские хулиганы оставили институт в покое.

Вспомнив сейчас все о том Стаине, о своей юности, — а судьбы их в маленьком городке были тесно переплетены, — Павел Ильич засомневался: нет, наверное, это все же не Жорик

Стаин в роли записного шута с розой в петлице. Этот жалкий человек никак не походил на кумира их молодости. Таргонин не знал другого человека, кому от природы было бы отпущено так много, да и жизнь благоволила к нему, какие перед ним открывались перспективы! Казалось, перед его энергией и хваткой не устоят никакие преграды, и голова у него была светлая, а если он и сбивался на темные дела, так это относилось к издержкам молодости, тем более такой стремительной и необузданной, как у него. Когда у них в кругу музыкантов или медиков заходила речь о Стаине, никто не сомневался, что перед Жоркой открыты широкие дороги, даже его пижонство и снобизм не принимались всерьез, относились опять же на счет молодой амбиции. И ничто, абсолютно ничто не предвещало такого удручающего исхода, а ведь Жорку окружали будущие врачи, и выпивал он, бывало, с ними, и с Павлом тоже. Хотя Павел однажды в печальный для Стаина час высказал ему страшную догадку, но тот только отмахнулся от него и даже не обиделся. Но, может, он потому и отмахнулся, что никто из друзей Таргонина, без пяти минут дипломированных врачей, находившихся рядом, не поддержал его.

Случилось это на похоронах сына Стаина. На третьем курсе Жорик женился на девушке из медицинского, приехавшей из Закарпатья. Помнит Таргонин, как через год широко отмечали рождение его сына, пожалуй, эти застолья мало чем отличались от пышной Жоркиной свадьбы. Гуляли, пока Стелла была в роддоме, гуляли в день, когда принесли малыша в дом. Но радость оказалась недолгой: ребенок умер через месяц — слабеньким, да к тому же с дефектом сердца родился внук Маркела Осиповича. Вот тогда-то, в день похорон, и сказал Павел Жорику, что наверняка это последствия его ежедневных возлияний, но никто его не поддержал, и догадка эта никак не задела Стаина. Со Стеллой он прожил еще года полтора, и у нее за этот срок дважды случались выкидыши. Сразу после второго, когда Стелла находилась еще в больнице, Стаин подал на развод, особенно настаивали на этом его родители. Причина всем показалась убедительной, — что поделаешь, если жена не способна рожать. Потрясенная Стелла, бросив институт, уехала домой к родителям. И опять все сочувствовали Стаину, никто и подумать не мог, глядя на такого атлета, что виновником беды

является он и только он. Теперь, с опозданием на двадцать лет, Павел Ильич понял, как он был тогда прав в своей догадке.

В те времена, когда Стаин жил со Стеллой, всеобщей любимицей института, Таргонин бывал у них в гостях, — в их гостеприимном и радушном доме часто собиралась молодежь. Пожалуй, редкая неделя выпадала, чтобы не отмечали там какое-нибудь событие. Жорику нравилась новая роль хозяина дома, потому что собирались у него знаменитости: известные спортсмены, местные поэты, необычайно популярные в те годы, молодые преподаватели, недавно получившие кафедру у них в институте, джазмены, часто бывали какие-то командированные из разных мест инженеры, неизвестно откуда узнавшие про вечера у Стаина, — пестрая, но в общем-то однородная публика. Бывал там и Рашид, остепенившийся после женитьбы на девушке тоже из медицинского.

Тогда же Павлу довелось побывать в кабинете у Стаина, куда, впрочем, тот пускал не всякого, и увидеть там на стенках между стеллажами с книгами с десяток икон в серебряных окладах. Особенно поразили его две большие иконы, складывавшиеся на манер трельяжа. Удивительной работы были эти складни и удивительно хорошо сохранились, хотя Стаин с гордостью сказал, что они семнадцатого века. Тогда интерес к иконам еще не набрал силу, но Жорка словно предчувствовал будущее и дорожил своими сокровищами, но уже не из-за любви и тяги к церкви. Был у него и целый стеллаж старинных книг, по всей вероятности, тоже из библиотеки церкви, но ценными, на взгляд Таргонина, были не роскошно изданные богословские книги, а редкие тома по философии, которых и было больше всего. На внутренней стороне тяжелой дубовой двери кабинета висело распятие из серебра, огромное, массивное, чуть ли не метровое, на книжных шкафах стояли какие-то почерневшие от времени серебряные чаши, тоже, видимо, церковного предназначения. При внимательном рассмотрении можно было найти еще немало любопытных вещей из церкви, — судя по кабинету Жорика, отец Никанор проигрался по-крупному.

После развода со Стеллой Стаин на какое-то время даже запил. «Загулял Жорик с горя», — говорили тогда сочувственно, и Павел несколько раз видел его сильно пьяным, чего с Жориком никогда раньше не случалось, сколько бы он ни

пил. Кто-то из музыкантов даже, помнится, попытался тактично сказать ему об этом, предостеречь, что ли, на что Стаин заносчиво ответил: «Пьяный проспится, а дурак никогда» и неделю не разговаривал с оркестрантами. Эту расхожую ныне половицу Павел Ильич услышал тогда впервые, и тоже решил, что придумал ее Стаин.

Но загул этот быстро прошел, и иначе как личной драмой Стаина не объяснялся. Как раз в то время Павел оставил оркестр Ефима Ульмана безо всяких на то внешних причин, хотя на его место претендовали многие, — просто Таргонина это не очень теперь интересовало. Прежде всего, они меньше стали играть чисто джазовых композиций, а оркестр все больше и больше становился эстрадным, чтобы неожиданно распасться однажды с появлением вокально-инструментальных ансамблей. Да и как-то вдруг ушли в сторону все интересы, кроме медицины, словно прозвучало откуда-то свыше: «Делу время — потехе час». Может, на его решение повлияло и то, что в областной поликлинике появился новый хирург из Москвы, и Таргонин все свободное время старался проводить в операционной — это его влекло куда сильнее джаза.

Конечно, если не в деталях, то в общем жизнь Жорика Павел Ильич мог восстановить еще до какой-то поры, по крайней мере, до смерти матери, которая, уже поставив детей на ноги, не порывала со Стаинными: за десятки лет она как-то срослась с этим домом, он стал для нее близким. Уехав после окончания института по распределению, Павел, например, знал по письмам матери, что Стаин женился на девушке-ленинградке из какой-то известной артистической семьи и собирается переезжать туда, — так запоздало сбывалась его давняя мечта жить в городе на Неве.

Но уже через три года, когда мать приехала навестить Павла в Чимкент, он узнал, что Стаин недавно снова вернулся домой, к родителям. Возвращение его было связано с неприглядной историей, которая едва не закончилась печально. В Ленинграде Жорик начал попивать, сменил одно место службы, второе, и во время очередного запоя унес и заложил в каком-то ресторане драгоценности жены, выкупить которые так и не удалось, хотя он и пытался. Драгоценности, как оказалось, переходили в этой семье по наследству уже пятое поколение. Пропажа

со временем обнаружилась, и родители юной жены подняли скандал. Если бы не вмешательство Маркела Осиповича, который возместил требуемую сумму новым родственникам, не миновать бы Жорику тюрьмы.

Вернувшийся в родной город Жорик был уже не тот, что прежде, хотя и выглядел еще вполне импозантно, и женщины с волнением поглядывали ему вслед. Да и город стал иным: исчезла Татарка, где родился и вырос Стаин, на ее месте поднялся новый жилой массив, где родители Жорика вместо своего особняка с погребом получили трехкомнатную квартиру. Неподалеку нашли газ и нефть, и город рос не по дням, а по часам, росло в геометрической прогрессии и число его горожан, — привлеченные возможностью быстро получить жилье, люди хлынули сюда отовсюду. Разросшийся город обзавелся новыми нарядными проспектами, и улица Карла Либкнехта навсегда утратила значение главной улицы. Потерял для горожан былую притягательность и парк: теперь он казался жалким сквериком, куда по вечерам, кроме подростков, никто и не заглядывал, и на культурную жизнь города он не оказывал уже никакого влияния. Пропала навсегда и шпана, сошла на нет ее власть. Рашид по настоянию жены закончил заочно техникум и работал завгаром в таксопарке, и только несколько таксистов-ветеранов знали, какой «популярностью» пользовался он в молодые годы. И конечно, уже нигде и никто не улыбался при упоминании фамилии Стаина. Большинство из тех, с кем он учился в школе, в институте, друзья по медицинскому разъехались после окончания по направлениям — это удел всех маленьких городков, откуда разлетаются молодые по всему свету.

По иронии судьбы вернулся из той огромной компании, где он был признанным лидером, один-единственный Стаин, которому прочили самое яркое будущее.

Еще через несколько лет Павел Ильич, возвращаясь с моря, где отдыхал с семьей, заехал в родной город навестить мать. Конечно, не обошлось без упоминания о Стаине. Жорик, как оказалось, второй месяц лежал в больнице. История, из-за которой он попал в травматологию, похожая на фарс, могла случиться только со Стаиным. На чужой свадьбе Жорик попытался увести невесту. Правда, невеста выходила замуж

вторично и некогда, в юном возрасте, была без памяти влюблена в Стаина. Жених и его друзья-нефтяники, не оценив столь романтического порыва, наломали Стаину бока в прямом смысле слова, и Жорик выкарабкался в тот раз без инвалидности только благодаря своему еще крепкому здоровью. Но чужую свадьбу он расстроил, так же как некогда в юношеские годы разложил церковь в своем городке.

Мать, жалея Жорика, попадавшего из одной неприятной истории в другую, сказала тогда, что редкие старухи, помнившие прогулки Жорика с отцом Никанором, говорят, что это божья кара ему за развал церкви, но эта мысль вызвала у Павла Ильича только улыбку.

Дальше жизнь Стаина, несмотря на широкую географию его проживания, была однообразной и особой оригинальностью не отличалась. Середина семидесятых годов ознаменовалась небывалой женской активностью, феминизацией многих чисто мужских профессий и целых отраслей. Слабый пол тогда же стал инициатором восьми из десяти разводов в стране, и с той же энергией, с какой женщины крушили старую семью, они пытались создать новую в соответствии со своими идеалами. Именно в эту пору начался неожиданно и новый этап в судьбе Стаина. Жизнь забрасывала его из одного края страны в другой.

Однажды, устав от неудач и разочарований в родном городе, где, как он считал, его не понимают, Жорик уехал отдыхать в Крым. Тогда у него появилась первая седина, придавшая его несколько потрепанному лицу новое, значительное выражение, благородную усталость, что ли, от жизни, так нравящуюся активным дамам средних лет. И нет ничего удивительного, что тут Георгий Маркелович, мужчина с высшим образованием, хорошими манерами, со вкусом одетый, не связанный узами Гименея, стал получать предложения от вполне благополучных женщин, имевших уютные гнездышки в различных и весьма привлекательных городах. И первый брачный рейс занес Стаина во Владивосток. Но и жизнь, в которой все было налажено, не устраивала привыкшего к необузданной свободе Стаина, тем более что феминизация набирала силу, и он точно рассчитал, что женщин, соблазнявшихся его внешним видом и осанкой, на его век хватит, поэтому иногда, не предупредив новую жену, он

в одностороннем порядке расторгал брак и, сложив чемодан, к началу курортного сезона двигался к морю. Там каким-то внутренним чутьем он угадывал на пляже, на набережных, в ресторанах главных бухгалтеров, заведующих производством в общепитах, директоров ресторанов и магазинов, в этой среде он всегда пользовался успехом. Конечно, среди дам его сердца были не только работники торговли, общепита, сервиса, которым он отдавал предпочтение, чтобы блистать среди них своей эрудицией — вот когда опять пошли в ход выдержки из Библии и Евангелия, но были у него дамы из сферы науки, и даже одна эстрадная певица. Как капризный форвард, меняющий почти каждый год футбольную команду, менял города и Стаин, к этому времени уже полностью поседевший и несколько раздобревший от хороших харчей и беззаботной жизни.

Женской энергии и предприимчивости нет предела. Восемь из десяти освободившихся от постылого брака не могли ждать милостей от природы, и тогда по инициативе этой части прекрасной половины человечества возникли клубы тех, кому за тридцать, появились первые брачные объявления в газетах, принявшие вскоре характер эпидемии. Ведь никто не станет всерьез уверять, что инициатива эта пошла от мужчин, — до такого и Стаин с его изощренной фантазией не додумался бы. Но Георгий Маркелович сразу оценил преимущество таких клубов, и особенно брачных объявлений. Что море, ограниченное курортным сезоном, да к тому же узким выбором, когда его шансы стали теперь поистине неограниченными! Судя по объявлениям, всем женщинам с достатком от Владивостока до Клайпеды и от Иркутска до Ташкента, по всей необъятной стране, срочно понадобились мужья, лучше, если это будет мужчина средних лет, высокого роста, крепкого телосложения, желательного с высшим образованием и водительским удостоверением, эрудированный, не чуждый веяниям моды, короче, образца Георгия Маркеловича, исключая... Но свою слабость к алкоголю он и не думал афишировать. Даже в скучных строках брачного объявления, за которыми мог таиться и подвох, Стаин безошибочно угадывал самых благополучных женщин — был у него такой талант, что скрывать, иначе бы он быстро разочаровался в этом и застрял бы где-нибудь окончательно и навсегда. Перейдя на знакомства по брачному объявлению, он

долгое время шел круто по восходящей, поскольку к разряду ценностей прежде всего относил материальное благополучие новой жены, хотя отдавал должное и внешней привлекательности. Такая форма жизни, когда он перестал зависеть от курортного сезона, вполне устраивала Георгия Маркеловича. Но он предусмотрительно подстраховывался. В толстой записной книжке у него всегда были зашифрованы три-четыре адреса женщин, с которыми он заблаговременно, на всякий случай, начинал вести нежную переписку. В эту книжку постоянно вписывались все новые и новые координаты, и Стаин, имея крышу над головой, спокойно, ненавязчиво зондировал почву. Для этого он специально отыскал в Москве фотостудию «Совэкспортфильма», где снимаются киноактеры, и сумел, с великим трудом отеснив кинозвезд, сняться у лучших мастеров фотодела. Ретушь, тени, искусно подобранное освещение, импортная фотобумага, пленка, десятки выгодных ракурсов — редкая женщина могла устоять и не ответить на послание такого эффектного мужчины, да еще с велеречивым слогом.

Все было бы хорошо, если бы Георгий Маркелович не пил, но год от года удерживаться от этого ему удавалось все труднее, и он зачастую, не выдержав испытательного срока, изгонялся из очередного уютного гнезда. Да и беспроволочный женский телеграф разнес весть о существовании импозантных брачных аферистов, и женщины уже не были столь доверчивы, как в годы первых брачных объявлений, когда мечтали таким легким способом поймать птицу счастья. Тогда Георгий Маркелович стал выбирать объявления поскромнее, рассчитывая на заниженные требования к соискателям. Так, вероятнее всего, он и оказался в Ташкенте...

Чем больше Таргонин думал и вспоминал о Стаине, тем больше мысли эти не давали ему покоя: все-таки одноклассник, земляк, почти друг... Таргонин все время размышлял, что же предпринять, чтобы спасти пропадавшего человека, в этом он видел и свой врачебный долг, и отчасти свою запоздалую вину. Потом как-то вдруг решил: нужно встретиться с ним, поговорить, может, удастся убедить его показаться известным наркологом, среди них у Павла Ильича были друзья. И, утвердившись в своем решении, Таргонин стал караулить Стаина у магазина, но тот словно в воду канул, не появлялся почти

месяц. В одно из воскресений Павел Ильич увидел на скамье у гастронома худого мужчину в пижамных брюках, который когда-то сидел со Стаиным и обращался к нему по имени-отчеству. Он и сейчас выскочил откуда-то в комнатных туфлях, правда, на этот раз был в мятой рубашке с накладными карманами и опять озирался по сторонам, словно поджидал кого-то.

Павел Ильич неожиданно для себя вдруг решил обратиться к нему и сел на скамейку.

— Вы часом не Георгия Маркеловича ждете? — спросил, как можно беспечнее, Таргонин.

От этого вопроса худой несколько опешил, растерялся, но ответил вопросом на вопрос:

— А вы откуда его знаете? Он говорил, что в Ташкенте недавно и у него нет тут знакомых...

— Я очень давно его знаю и по другому городу, — ответил Павел Ильич.

Видимо, Таргонин внушал доверие, потому что после некоторого раздумья худой упавшим голосом сказал:

— Нет больше Георгия Маркеловича... Две недели назад схоронили. Жил он в нашем доме у одной буфетчицы, — и худой рукой показал на дом рядом с гастрономом.

— Что же случилось? — еще не отдавая себе отчета в том, что Стаина уже нет в живых, спросил растерявшийся профессор.

— Ясное дело, белая горячка... Ни с того ни с сего среди дня кинулся к распахнутому окну на балконе и сиганул вниз головой с пятого этажа. Кричал, говорят, о каких-то зеленых чертиках, гонящихся за ним. Насмерть, сразу, хотя и крепкий был мужик...

— Он что-нибудь рассказывал о себе? — спросил Павел Ильич уже скорее по инерции.

— Поговорить он любил, и, видать, большого ума был человек, все знал. И, что удивительно, набожный, Библию, считай, наизусть шпарил, говорил, что в молодости духовную академию закончил.

— Не помните, крест он носил, такой тяжелый, с красной эмалью?

— Нет, креста на нем не было, это точно. Мы с ним однажды в финскую сауну на Лабзаке ходили, ну, смех. Мне на что

она, сауна, а он любил всякие такие дела, говорил, приличная публика ходит по саунам. Престиж поддерживать нужно, говорил...— И вдруг, без перехода, достал из нагрудного кармана какую-то вещь и протянул ее Павлу Ильичу.

— Что это? — недоуменно спросил Таргонин.

— О, это редкая вещь, мне ее Георгий Маркелович за три дня до смерти подарил. Складывающийся стаканчик, удобная вещь, незаменимая, всегда при себе можно носить. Теперь таких уже давно не выпускают, сняли с производства. Память, единственная память о нем осталась, я его беречь буду, — и худой вдруг неожиданно заплакал, ссутулив узкие плечи.

Павел Ильич встал и, не попрощавшись, пошел в сторону консерватории, забыв, что ему надо на базар, и перед глазами стоял не Стаин, хотя он и думал о нем, а этот нелепый складывающийся стаканчик, единственное, что осталось от Жорика.

Вечером он позвонил в городскую судебно-медицинскую экспертизу и попросил подтвердить факт смерти. Через час ему ответили, что действительно Стаин Георгий Маркелович, 1938 года рождения, в состоянии белой горячки погиб в результате несчастного случая...

*Ялта,
октябрь 1982*

Из Касабланки морем

Повесть

н прилетел в Касабланку рано утром на клепаном-переклепаном «Боинге» частной авиакомпании. Страна, в которой Мансур Атаулин работал последние три года, своей авиакомпанией пока еще не имела.

В Касабланке он бывал не раз: получал грузы в местном порту, провозжал и встречал большие группы специалистов, прибывавших на стройку. Из этого же аэропорта не раз вылетал в Париж, а оттуда на родину, в Москву, на высокие и зачастую неожиданные совещания.

Похоже, таможенники — народ с цепкой памятью — заметили его, поэтому в документах не копались, а сразу поставили штамп и пожелали счастливого пути. Едва он выкатил хромированную тележку с чемоданом и дорожной сумкой из здания таможни, ему засигналили сразу несколько такси — в этот ранний час, пока не приземлились большие самолеты из Европы, каждый пассажир был желанен.

Мансур Алиевич, обходя новенькие машины, направился к старой, немало побегавшей «вольво», чем-то напомнившей ему «Волгу», — она и по цвету была горчишно-желтой, как наши такси.

— В порт, — сказал Атаулин, и машина резво взяла с места, вызвав удивление и зависть у двух стоявших рядом таксистов на новых, последней модели «мерседесах».

Таксисты в Касабланке общительные, как и везде, и всю долгую дорогу вдоль моря они говорили о футболе, — впервые марокканские футболисты удачно выступали в отборочных играх на первенство мира.

За десять лет пребывания в Африке Атаулин работал и в англоязычных странах континента, и во франкоязычных, поэтому знал хорошо оба языка, хотя, когда впервые ступил на африканскую землю, владел только немецким. Да и немецкий, сгодившийся на первых порах, он не учил специально. Так сложилось, что в маленьком захолустном райцентре на западе Казахстана, где он родился и вырос, жили двор ко двору русские, немцы, татары, казахи. А соседями Атаулиных, что слева, что справа, были немцы — Вуккеры и Штайгеры. Семьи российских немцев многодетны, не были исключением и их соседи. И, общаясь с соседскими Генрихами, Сигизмундами, Вальтерами, Мартами и Паулями, он выучил их язык, а может, у него и склонность к языкам была.

Порт Касабланки — старейший на континенте. Кого только не принимали его гавани и причалы, — вот и сейчас не только порт, но и вся обширная акватория его были забиты судами, суденышками, могучими танкерами, сухогрузами под разными флагами — удивительно, как только лоцманы управляют в такой толчее?

Лето — время морских путешествий. И на дальних причалах порта, отстроенных недавно, стояли, покачиваясь на легкой утренней волне, роскошные яхты, парусники — частные суда с самыми немислимыми названиями, вместо привычного флага страны на корме развевались полотнища с туманными символами и геральдическими знаками владельцев этих морских красавиц. Издали причалы напоминали знаменитые акварели Марке.

Подъезжая к порту, Атаулин подумал, что в морских портах расставания и встречи гораздо острее, чем на вокзалах и в аэропортах. Однако Атаулин решил возвратиться домой из Касабланки морем вовсе не потому, что был восторженным романтиком, — все объяснялось гораздо проще. Когда он заказывал билет на самолет, ему вдруг предложили вернуться домой морем: трехпалубный теплоход «Лев Толстой» с советскими туристами на борту как раз совершал круиз вокруг Европы, —

на него можно было сесть в порту Касабланки. Лететь снова в Париж и больше полутора суток дожидаться рейса на Москву было тоже не совсем удобно, а маршрут теплохода оказался «северным» — через Барселону, Марсель, Неаполь, Пирей, Стамбул, — и Атаулин, почти не раздумывая, согласился. Была и еще одна причина, в которой Мансур Алиевич не хотел признаваться даже себе: он устал, а тут комфортабельный теплоход, одноместная каюта первого класса, бассейны, спортивные залы, танцевальные холлы и целых восемь дней праздник вокруг — круиз у людей все-таки. Восемь дней повсюду родная речь, от которой, честно говоря, стал отвыкать. А какие библиотеки на наших теплоходах! Для человека, прожившего десять лет за рубежом, не считая коротких наездов в Москву по делам, представлялся редкий шанс адаптироваться перед возвращением на родину. Как тут было не согласиться!

Покидал чужой берег Атаулин без грусти и сожаления, хотя и отдал ему десять лет, а для взрослого человека это немалый срок. И на море смотрел, выискивая силуэт «Льва Толстого», тоже без слез на глазах, без комка в горле. Атаулин, сорокапятилетний мужчина, которому по выправке и энергии можно было дать на десять лет меньше, принадлежал к тому типу людей, для которых работа — все, и они в ней как в родной стихии. Чтобы выразить себя, им нужны простор и самостоятельность, и во имя этого они порой жертвуют всем: личной жизнью, свободным временем, комфортом и прочими благами, хотя, если поразмыслить, на самом деле ничем они не жертвуют, раз успех дела заслоняет все остальное.

На Западе таких работников называют технократами: они двигают вперед материальную сторону жизни, и с них за это спрос крутой. И если они не кланяются в пояс каждому лютику-цветочку в поле, не льют слезы при виде опадающего по осени платана и не числятся большими поклонниками камерной музыки, то общество к ним особых претензий не предъявляет: быть гармоничной личностью — дело частное, но знать свое дело до тонкостей — изволь! Конечно, и швец, и жнец, и на дуде игрец — это замечательно, да в жизни, к сожалению, такие на все руки мастера редки.

Здесь, в Африке, руководителей подобного ранга именуют менеджерами, подразумевая тех же самых технократов, —

в умении и мастерстве им не откажешь, знают свое дело не хуже западных фирмачей. Не один крупный заказ потеряли известные строительные фирмы, как только наши начали строить на континенте. Потому что строить надо не только быстро, но и с гарантией, а в строительстве крупных гидроэлектростанций и металлургических комбинатов конкурентов у нас оказалось и того меньше. Оттого и уезжал Атаулин спокойно: все, что он строил, сделано на совесть, надолго, можно было срок гарантии и вдвое увеличить. Уезжал, не испытывая особой гордости за содеянное, хотя построенным можно было гордиться — и качеством, и количеством. Он делал то, что мог и должен был делать, — в этом заключался смысл его жизни. Может быть, где-то в душе и теплилась гордость, но и гордость эта была особого свойства, лично-профессиональная, что ли, — за какие-то чисто инженерные удачи в работе...

... Как ни всматривался Атаулин, ни у причалов, ни на подходе «Льва Толстого» не было, и таксист высадил его у диспетчерской порта, где ему любезно разъяснили, что теплоход пришвартуется через два часа на восьмом причале.

О том, что стоянка шестичасовая, Атаулин знал: лайнер брал на борт в Касабланке питьевую воду, продукты, а туристов ожидала четырехчасовая экскурсия.

Мансур Алиевич оставил вещи в камере хранения и вышел на портовую площадь. Солнце уже припекало, но здесь, у воды, еще чувствовалась утренняя прохлада, — к тому же садовники поливали из шлангов клумбы и газоны, — и неожиданно остро пахло землей и садом. Под яркими матерчатыми тентами за пластиковыми столиками завтракал, судя по униформе, технический персонал. В этот ранний час запах крепкого кофе витал над всей громадной площадью порта. Запах этот дразнил, притягивал. Атаулин за годы жизни в Африке тоже пристрастился к кофе, хотя когда-то был уверен, что вряд ли есть напиток более приятный, чем хороший чай. Присев под тентом, он взял кофе с бокалом ледяной воды. За чашкой Атаулин подумал, что, хотя и не раз бывал в Касабланке, по-настоящему города так и не видел: все дела, дела, и дни были расписаны по минутам, а тут целых восемь часов до отплытия теплохода!

«Устрою-ка и я себе экскурсию», — весело решил Мансур Алиевич и махнул рукой проходившему неподалеку такси. День

пролетел быстро. Атаулин не только осмотрел город, пообедал в ресторане на открытом воздухе, но даже успел часок поваляться на пляже. О том, что «Лев Толстой» прибыл вовремя, он знал: видел автобусы с нашими туристами в торговых рядах Касабланки. Туристы, возбужденные от впечатлений и покупок, возвращались шумные, веселые, не замечая жаркого послеполуденного солнца. Атаулин, дожидаясь посадки, жалел, что не купил соломенную или мягкую фетровую шляпу на манер ковбойских — сейчас она была бы кстати. Посадки на теплоход в таможенном зале порта, кроме него, ожидали четверо испанцев — по всей вероятности, коммерсанты. Из обрывков их шумного разговора Атаулин понял, что плывут они только до Барселоны. Таможенный досмотр занял минут десять, и Мансур Алиевич поднялся на борт задолго до отплытия. Каюта на средней палубе оказалась вполне комфортабельной. Атаулин, не раскладывая вещи, расстелил постель и, когда «Лев Толстой» отчалил от африканского берега, тут же уснул — сказались бессонная ночь, перелет в Касабланку на разъезженном «Боинге», незапланированная экскурсия в город. Так что и последнего «прощай» он не сказал африканской земле, — за него махали жаркому берегу земляки-туристы.

Проснулся он неожиданно, скорее всего, от качки — теплоход был уже в открытом море. Наскоро умывшись и переодевшись, Мансур Алиевич поспешил на палубу. Из проспекта, полученного вместе с билетом, Атаулин знал, что теплоход, построенный по специальному заказу польскими корабелями в Гданьске, ходит лишь вторую навигацию. Лайнер, не уступавший лучшим мировым образцам, конечно, впечатлял: повсюду царил изысканный комфорт, кругом все сверкало и блестело.

Ужинать его определили во вторую смену, посадив за столик к двум милым девушкам из Кишинева, — и неожиданный для Атаулина круиз начался. Как Мансур Алиевич понял за первым же ужином с соотечественницами, адаптация ему просто необходима. За годы работы за рубежом он отвык от той непосредственной общительности, которая так присуща советскому человеку. Нигде так быстро, наверное, не сближаются люди, как у нас, этим мы отличаемся в первую очередь. Да, решил Атаулин после ужина, многому нужно учиться заново, ко многому привыкать. Дома следовало жить как дома...

После ужина, когда рано пала вязкая темная южная ночь с яркими крупными звездами, корабль вдруг словно вспыхнул изнутри яркими огнями, и тут же загремела музыка — началась вечерняя жизнь на теплоходе, может быть, самое памятное время в любом морском круизе. Атаулин, минуя танцевальные залы и шумные бары, нашел на корме коктейль-холл, где было потише, и, усевшись напротив открытой двери, наслаждаясь ночной прохладой, собрался тихо скоротать время. Но минут через сорок его нашли подружки из Кишинева.

— А мы весь теплоход обыскали. Думаем, куда это запропастился наш сосед — радостно выпалили они разом.

И Атаулин, отвыкший от чужого участия и внимания к собственной персоне, вдруг тоже обрадовался. Вечер они провели лихо, обошли все бары и последними покинули палубу. Проснулся он среди ночи и, одевшись, поднялся на верхнюю палубу. Был тот час, когда кромешная тьма вот-вот начнет светлеть, гася одну за другой крупные южные звезды. Вдруг он увидел вдали яркие сполохи, фейерверк огней, — казалось, весь огромный бессонный город собрался на берегу. Атаулин догадался: они уже шли у испанских берегов, и скорей всего это были огни респектабельного курорта Аликанте, где съехавшиеся со всего света толстосумы гуляли до утра.

Совсем рассвело, когда он продрог и вернулся к себе в каюту. Разделся и блаженно нырнул под одеяло — после завтрака теплоход прибывал в Барселону, и девушки просили его взять на себя обязанности гида, а, следовательно, нужно было быть в форме.

Осталась позади Испания, теплоход повернул к французским берегам. Соседки по столу жили ожиданием встречи с Францией. Доволен был и Атаулин: удобная каюта, приятное общество, прекрасная, а главное — привычная кухня... И родная речь вокруг — она-то более всего и радовала Мансура Алиевича. Днем, в жару, он пропадал со своими соседками в бассейне на верхней палубе, а когда те, разомлев от солнца, уходили к себе отдохнуть, спускался в библиотеку теплохода. Взяв старую годовую подшивку газет, внимательно читал статью за статьей. Нельзя сказать, что там, в Африке, он обходился без газет, просто читал их нерегулярно, — в его суматошной работе, когда суток не хватало, часто находились

дела поважнее. А тут вот они: одна за другой следом — жизнь страны, которая шла без него. Газеты возвращали его к событиям прошедшего десятилетия. Никогда он особенно не задумывался, не слишком ли много времени отдал Африке, да и само уходящее время не очень ощущал, — может, оттого, что постоянно был до предела занят? И только сейчас, листая старые подшивки, Атаулин понял, как долго он жил вдали от дома. И впервые в читальном зале пришла мысль: «Наверное, эти десять лет были для меня годами роста, обретения себя, но что-то я потерял безвозвратно. Какая жизнь прошла стороной!»

Газеты то радовали, то огорчали, то вызывали улыбку, — ни одна статья не оставляла его равнодушным. Он хотел во все вникнуть сам: понять, например, что такое агропромышленный комплекс. Это началось уже без него. Взволнованно искал материалы по Нечерноземью: когда он уезжал, там все только начиналось, по большому счету, а теперь хотелось знать о результатах; десять лет — все-таки срок. О БАМе ему было известно больше — стройка эта не была обделена вниманием прессы, и газеты вскоре обещали укладку последнего, золотого звена. А вот множество статей о качестве товаров, — да и не только товаров, а и о качестве работы целых отраслей народного хозяйства настораживали. И это было не совсем понятно, ведь он уезжал, когда провозгласили пятилетку качества, и был убежден, что вопрос этот уже снят с повестки дня.

Мансур Алиевич поймал себя на мысли о том, что с интересом читает статьи о Прибалтике. А ведь когда-то, до отъезда, эти республики казались ему такими далекими. Не понимал он их поэзию, литературу, страсть к хоровому пению, а их живопись и скульптура казались ему лишенными изящества. Замкнутость, сосредоточенность прибалтийцев он принимал за высокомерие. Но теперь вся страна, от края до края, воспринималась целостнее, роднее, и все, что происходило в ней, волновало, трогало; пожалуй, это щемящее чувство Родины он в полной мере ощутил там, за рубежом, и, возможно, это обретение — немалая плата за то, что потерял.

Атаулин порадовался, что Узбекистан уже собирает более пяти миллионов тонн хлопка в год, — что такое хлопок, он знал, — видел, как выращивают его в Египте, Судане, Марокко.

Перед отъездом он видел первые модели «Жигулей», а теперь промелькнуло сообщение, что готова к серийному выпуску спортивная, двухдверная модель, а марка «Нива» в ежегодных ралли по Сахаре оставляет позади машины многих признанных в мире автомобильных концернов.

Конечно, встречаясь с девушками у бассейна или вечером в баре, он не говорил им о часах, проведенных в читальном зале. Не выказывал радости и удивления по поводу взволновавшего его сообщения, не просил прокомментировать то или иное событие, о котором прочитал в тех же газетах, потому что кратчайший путь познания не считал самым верным. И разве он, умудренный жизнью мужчина, мог положиться на мировосприятие этих милых, не лишенных воображения девушек? К тому же у них гуманитарное образование, они работают в каких-то далеких от реальной жизни учреждениях и сами-то видят жизнь из окна комнаты с кондиционером. А он — прагматик, хозяйственник, человек аналитического инженерного ума — даже в статьях без подтекста чувствовал второй план, видел картину порой яснее, чем сам автор, потому что автор — тоже гуманитарий и опирается больше на то, что увидел, что ему показали, чем на реальное знание предмета. Причину неубедительности журналистики Атаулин видел в слабой компетентности ее представителей и как технократ верил, что не за горами то время, когда в газете каждая статья будет писаться специалистами и только специалистами. Он не понимал, почему между газетой и темой нужен посредник-журналист: излишество, анахронизм в век поголовной грамотности.

«А все-таки как прекрасно, что так вышло — домой теплотой!» — подумал Атаулин, нежась в шезлонге на палубе. Закрыв глаза, подставив лицо ласковому солнцу и ветру, он невольно прислушивался, о чем говорили рядом. Чаще всего эти разговоры, свидетелем которых он становился, потому что тайны из них говорящие не делали, были не о круизе, не о романтических портах, в которые они заходили или зайдут, не о странах с внешним изобилием — разговоры были о земле, откуда люди родом и куда вскоре вернуться, о насущных делах, что ждут их, когда закончится отпуск. И этим неумением, нежеланием отстраниться от повседневных проблем, наверное, тоже отличается наш человек. То, о чем говорили случайно

оказавшиеся рядом, волновало Мансура Алиевича, ибо все это завтра должно было стать и его заботами.

Прошли Сет, теплоход приближался к Марселю, — у всех с уст не сходило: Франция, Франция...

Атаулин как-то задумался: отчего это при слове «Франция» человека охватывает особое волнение. Разумеется, известно, что наша культура и история связаны с этой страной как ни с какой другой. Но главное, наверное, в том, что вся русская классическая литература, на которой мы воспитаны, пронизана любовью к Франции.

Из Марселя «Лев Толстой» отбыл с опозданием на полтора часа. Дело в том, что, когда туристы вернулись с экскурсии по городу, на теплоход пришли гости: активисты местного общества «СССР — Франция». Такая встреча, конечно, не могла закончиться в запланированное время. Она вылилась в шумный праздник с импровизированным концертом, где Мансуру Алиевичу пришлось быть переводчиком. Теплоход отплывал из Марселя поздно вечером, когда на причалах уже горели огни. И каждодневная вечерняя жизнь теплохода на этот раз была еще более бурной — Франция словно оставила на борту часть своего веселья, неиссякаемого юмора и жизнелюбия.

Наутро, после завтрака, кишиневские девушки пришли к бассейну с кипой французских журналов и газет. Мансур Алиевич и не помнил, когда они их закупили, потому что в Марселе они, кажется, ни на шаг не отходили от него. Красочные иллюстрированные журналы были большей частью о модах, светской жизни, спорте. Наугад отыскав ту или иную статью с любопытной фотографией, девушки просили Мансура Алиевича перевести ее. После журналов пришел черед газет, но газеты, по мнению девушек, оказались скучными, без светской и скандальной хроники. Не волновали эти газеты и Атаулина, его мысли были о тех газетных подшивках, что ждали его в библиотеке на нижней палубе. После обеда он направился в читальный зал, к которому уже привык и куда его больше всего тянуло на корабле.

В читальном зале стояла приятная прохлада, бесшумно работали кондиционеры. Мансур Алиевич прошел вдоль стеллажей, где аккуратно лежали подшивки газет. Он не выбирал газету специально, не смотрел на год, брал что под руку попадет, — для него все представляло интерес.

Он прошел мимо стеллажа с «Правдой», «Известиями», «Комсомолкой» — эти газеты, хоть и нерегулярно, с большими перерывами, Атаулин читал. И вдруг на глаза ему попала подшивка «Литературной газеты». Эту газету Мансур Алиевич действительно видел редко. Может, в посольство она приходила и регулярно, но к ним, в глубинку, на объект, не попадала — это точно. Атаулину случалось читать ее три-четыре раза в год, не больше, когда кто-нибудь приезжал с Родины, — все приезжающие знают тягу к родным газетам и везут их кипами, — да в редкие наезды в Москву. Но среди его коллег-строителей эта газета была хорошо известна и пользовалась популярностью, пожалуй, большей, чем их профессиональная. Конечно, большинство привлекала вторая ее часть, где ставились и квалифицированно обсуждались хозяйственные проблемы, эксперименты, поиски. Правда, кое-кого не оставляла равнодушным и первая половина газеты, где обсуждались чисто литературные, творческие проблемы. Среди коллег Атаулина, безусловно, были люди, которые, несмотря на те же условия, читали «Литературку» гораздо чаще, чем он. Но тут уж каждому свое. Зато у Атаулина можно было получить практически любую техническую консультацию, его так и звали шутя: «ходячая энциклопедия», а африканские коллеги за глаза, между собой окрестили его «Мистер Гост», потому что он помнил наизусть практически все ГОСТы на изделия, материалы и строительные конструкции.

И споры у них по поводу статей в «Литературной газете» бывали горячие. Издалека, из Африки, они острее ощущали проблемы родной страны. Может, дома на что-то они бы и внимания не обратили, а здесь, на чужбине, все воспринималось острее. Сейчас, держа в руках подшивку, Атаулин вдруг припомнил горячую давнюю дискуссию в культурном центре Найроби.

В Найроби он тогда только прибыл, мало кого знал, поэтому по существу в споре не участвовал. В культурном центре по субботам устраивались вечера, а главное, люди приходили обменять книги. Там была прекрасная библиотека: книжные новинки, журналы, газеты — все в первую очередь доставлялось туда. В небольшом холле при библиотеке и разгорелся спор о книгах, об авторах...

Из заинтересовавшей его дискуссии Атаулин понял, что разговор идет об ответственности перед читателем не только автора, но и издателей и рецензентов, чтобы выходило меньше книг слабых, серых. Поскольку народ в холле собрался деловой, хваткий, тут же были высказаны и кое-какие соображения, показавшиеся Атаулину вполне логичными.

Например, кто-то предлагал указывать в книге не только фамилию редактора, но и фамилии рецензентов, с одобрения которых пошла к читателю слабая книга, а если у иного рецензента таких книг наберется многовато, то такого ни за что нельзя и за версту подпускать к книжному делу.

Кто-то сетовал, что иную повесть, а то и роман бездарный автор умудряется и в журнале напечатать, и в «Роман-газете» тиснуть, не говоря уж об отдельных книгах то в одном, то в другом издательстве, а через год-два, глядишь, уже выходит переиздание. У неискушенного читателя, повсюду встречающего одну и ту же книгу и фамилию, складывается мнение, что книга эта — значительная, а ее автор — большой писатель. Хотя все объясняется просто — служебным положением автора. Тогда же сгоряча решили, что не мешало бы в каждой книге, каждой журнальной публикации в обязательном порядке давать небольшую справку об авторе с непременно указанием должности — в справке такой ничего оскорбительного для автора нет, даже наоборот: если он профессиональный писатель — укажи, если он директор издательства или заведующий отделом в журнале — тем более укажи. Читатель наш — самый подготовленный в мире, он поймет, лучше и быстрее любой ЭВМ подсчитает, кто кого и за что печатает. Обо всем этом в итоге решили написать в «Литературку».

Дальнейшей судьбы многочисленных предложений Атаулин не знал, но недавно в какой-то книжке увидел фамилию рецензента и порадовался. Значит, не зря тогда шумели. Вот какая история, связанная с «Литературной газетой», припомнилась сейчас Мансуру Алиевичу.

Атаулин устроился поудобнее, разложил подшивку и стал подряд просматривать газету за газетой. Часа через два он вышел на палубу покурить и, вновь вернувшись в читальный зал, взял подшивку за следующий квартал. На палубе от обилия проблемных статей в «Литературке» ему вдруг пришла в

голову такая мысль: «То ли проблемы, словно лавина, неожиданно навалились на страну, то ли они всегда были, а мы не хотели обременять себя, отмахивались от них и откладывали их решение в долгий ящик, а сегодня уже откладывать некуда, все ящики полные, или, может, настало то самое время, о котором мечтал Ленин — «время творческой зрелости масс». Ведь многие проблемы, и нештучные, подняты по инициативе и силами читателей.

Поразила и обрадовала его рубрика «С разных точек зрения» — два различных мнения об одном и том же произведении. И, конечно же, мысль автоматически перекинулась на хозяйство: «Жаль, что так оценивают только литературу... Не мешало бы подходить с такой же меркой ко всем народнохозяйственным проблемам. Выслушивая обе стороны, мы избежали бы многих скоропалительных решений, когда сиюминутная выгода, застилающая глаза, оборачивается через годы такими невосполнимыми потерями, что только диву даешься». Какие-то статьи вызывали в нем неведомый доселе азарт, рождали шальную мысль: «Может, и мне поделиться своими соображениями на страницах газеты? Наболело за эти годы, да и опыт что-то значит».

Построил он на своем веку немало — и за рубежом, и дома, хотя в Африке, конечно, больше. И дело свое, наверное, знал, если не раз давали ему на оценку, на сравнительный анализ проекты всемирно известных фирм, желающих получить подряд на строительство в развивающихся странах. Да, не раз международные организации привлекали Атаулина в качестве эксперта. А по истечении срока работы в Африке ему официально предложили должность эксперта в ООН. Но Мансур Алиевич не согласился — это означало, что ему еще долго придется мотаться по свету, — контракт предлагался на десять лет. А ему хотелось домой. Почему-то часто вспоминалось письмо матери, где она писала: «Много важных дел на земле, сынок, но главное, мне кажется, — сгодиться земле родной, на ней оставить след. Школа наша, в которой ты учился и где я проработала сорок пять лет, валится. Вот вернулся бы, пожил дома, перевел дух. А заодно и школу новую построил. При твоем опыте, наверное, это нетрудно. Небось не откажут, если хлопотать за школу станешь, ведь вон у тебя сколько наград».

Это письмо старой матери что-то задело в душе Атаулина, что-то разладило в его четко отлаженном механизме жизни, где впереди и позади были только стройки, стройки, работа, работа. Вспомнив о письме, о школе, в которой учился, Мансур Алиевич отложил газету и задумался об Аксае, о своей малой родине. Он редко возвращался мыслями к тому периоду жизни, о котором большинство любит погрузиться, повздыхать, как о времени невозвратном. Ведь в той прекрасной юности у каждого навсегда остается своя река, свой лес, свой аул, друзья, любимая. Большинство вспоминают об этом часто, даже если и отчий дом где-то рядом, в двух-трех часах езды поездом. А Атаулин вспоминал редко даже там, за рубежом, где ничто, ни один кустик, ни даже цвет земли и неба не напоминали о родном крае...

... Мальчиком в голодные послевоенные годы он смотрел однажды трофейный, скорей всего, голливудский фильм о каком-то знаменитом архитекторе. Может, фильм был талантливо снят, а может, в бедном, вросшем по окна в землю поселке, где и кино-то показывали в колхозной конюшне, все творения архитектора казались ему гениальными, фантастическими. Тогда он не мог ни знать, ни даже представить, что существуют павильонные съемки и целые города можно выстроить из папье-маше. Ему казалось, и нарисовать такое трудно, не говоря уже о том, чтобы построить. Вот тогда он и вбил себе в голову, что непременно будет архитектором. Тогда он не отделял одно от другого: проектировать для него означало строить. Мечта его могла показаться дерзкой, потому что из их маленького поселка в те послевоенные годы все ребята шли только двумя давно проторенными путями: в Гурьевскую мореходку и Алгинское ремесленное училище, где готовили слесарей-аппаратчиков для местного химкомбината. Эти пути считались самыми верными, потому что и в ремеслухе, и в мореходке кормили, одевали и давали специальность. В Аксае даже объявления о приеме вывешивать перестали, потому что после окончания семилетки ребята дружно шли на станцию и на крышах вагонов добирались до Гурьева и Алги. И так каждую осень, почти до шестидесятых годов, когда жизнь стала потихоньку налаживаться и у них. Никто из тех ребят, ушедших в «море» или на «химию», больше не возвращался

в родной Аксай. Странная судьба — сухопутный Аксай дал несметное количество моряков и, наверное, до сих пор по всем морям и океанах ходит немало земляков Атаулина штурманами, механиками, матросами. Ну, конечно, не на таких роскошных теплоходах, как «Лев Толстой», а на рабочих судах: сухогрузах, танкерах и рыбацких сейнерах. А он вдруг задумал стать архитектором! Правда, мечтой своей Мансур не делился ни с кем, даже с домашними — был уверен: не поймут, засмеют — архитектор! Живя в землянке, нелегко воспарить в мечтах. Наверное, та ранняя тайна, зревшая в нем, и наложила отпечаток на его характер: скрытный, не особенно общительный, самостоятельный, Мансур ни к кому в душу не лез и к себе особенно не подпускал. Но был в его жизни момент, когда он отступился от своего правила, и это едва не обернулось бедой. Об этом эпизоде Атаулин не любил вспоминать, и, может быть, это было главной причиной того, что он никогда не навещался в Аксай. Мать, как никто другой знавшая, как переживал все случившееся сын, никогда не настаивала, чтобы он приезжал в отпуск домой. Вот только теперь, в последние годы, когда прошло столько лет и сама она крепко сдала, нет-нет да и просила приехать.

Задумавшись об Аксае, Мансур Алиевич отложил газету в сторону — читать уже не хотелось, интерес пропал. Он поднялся на палубу. Небольшой ветерок трепал матерчатые спинки пустых шезлонгов, — туристы, после бурного прощания с Францией, отдыхали — час сиесты, как стали говорить на теплоходе после Испании. Странно, до сих пор он почти не задумывался об отчем доме, где не был уже более двадцати лет. «Что ж, время и место самые подходящие, спешить некуда», — усмехнулся Атаулин, прогуливаясь по безлюдной палубе.

О том, что произошло тогда в Аксае, на первой в его жизни стройке, он никогда никому не рассказывал. Никто из коллег не знал об этом, но сам он всю жизнь если и не вспоминал постоянно, то уже точно не забывал. И кто знает, может, это и стало самым необходимым уроком в начале жизни.

Институт он закончил в Москве и в числе лучших студентов выбирал направление одним из первых. Выбрал Казахстан. Не потому, что родные края, а потому, что тогда, в самом конце пятидесятых, эта республика, ставшая на ноги с освоением

целины, строилась из края в край — и стройки велись на любой вкус, хоть гражданские, хоть промышленные.

В Алма—Ате, в Министерстве строительства республики, конечно, поинтересовались, откуда он родом, из каких мест, почему решил работать в Казахстане? И когда он назвал родной Аксай, велели прийти завтра: кажется, в тех краях, почти дома, найдется подходящая работа. Работа — и впрямь интересная, а главное — самостоятельная — нашлась не где-то рядом, а в самом Аксае. Шла шестая целинная осень, и страна в том далеком пятьдесят девятом году ждала первый казахстанский миллиард пудов хлеба. С целиной связывалось решение хлебной проблемы, и в степях обживались надолго и всерьез. Оттого и развернулась большая стройка в богом забытом степном Аксае. На сотни верст кругом — ровная, неоглядная степь с редкими овражками и чахлыми перелесками. Аксай стоял вдали от больших дорог, до железнодорожной станции и райцентра Нагорное — двадцать верст. По нынешним меркам, кажется, всего ничего, а по степному бездорожью, особенно когда по осени задождит, развезет проселочные дороги, никакая машина без трактора до райцентра не доберется. А Аксай и сам хлеб растил, и вокруг — совхоз на совхозе, что появились опять же с освоением целины. Вот и оказалось, что его район стал в области самым хлебным, и решено было возвести там два элеватора. Один в Нагорном, при железной дороге, чтобы сразу отгружать вагоны с хлебом, другой в Аксае, чтобы принимать хлеб из глубинки. В Нагорном, доселе тоже не знавшем большого строительства, создали строительно-монтажное управление, а в Аксае — хозрасчетный участок этого СМУ, хотя возводили и там, и тут два одинаковых, как близнецы, элеватора. В это недавно организованное СМУ и получил направление молодой инженер Мансур Атаулин.

Управление уже с полгода как создали, а работы толком еще и не разворачивались, едва-едва разбивку по осям закончили да обноску территории завершили, — шел нескончаемый организационный процесс. Атаулину в СМУ обрадовались, и прежде всего потому, что он местный: за полгода из Аксая сбежали уже два начальника участка. Да и то сказать: ни гостиницы в поселке не было, ни приличной столовой, а одна-единственная чайная работала только днем — приезжим здесь было несладко.

Мансура сразу оформили начальником участка. Конечно, сейчас, когда дипломированных специалистов хоть пруд пруди, вряд ли такое может случиться, прорабом поставят — уже удача. Наверное, учитывали и московский диплом, а главное, тогда ни у кого не возникало вопроса: потянет или не потянет. Инженер — значит инженер, обязан работать и тянуть. Да и у самого Атаулина страха не было, даже радовался, что будет сам себе хозяином. «Не каждому так везет», — решил он тогда.

Сейчас, на палубе теплохода, идущего по Средиземному морю, Атаулин словно воочию увидел ту свою первую в жизни стройку. Начинал он практически с нуля: и кадры пришлось набирать, и здание прорабской спешно возводить, и склады, и подъездные пути к элеватору строить.

Может, он идеализировал своих первых подчиненных, но таких рабочих — умелых, исполнительных — у него никогда больше не было, разве что в Африке, да и то их можно было сравнить лишь в безотказности, аккуратности, а вот в мастерстве, инициативности, самостоятельности разве сравнишь!

Поначалу у него не было кадровых рабочих-строителей — все только местные, и каждый пришел с заявлением: «Прошу принять разнорабочим», иные писали печатными буквами «чернорабочим». Атаулин за голову схватился, увидев гору таких заявлений. Ему же срочно требовались плотники, арматурщики, бетонщики, каменщики — эти профессии в первую очередь, позарез, без них элеватора не построишь. Он подумал было об управлении в Нагорном, но молодым умом понял, что на помощь оттуда надеяться не приходится и нужно действовать самому.

«Прекрасное, требовательное время», — думал иногда Атаулин, вспоминая начало трудового пути. Они сами искали выход из любого трудного положения, а не ссылались на причины, пусть и самые что ни на есть объективные.

Когда Атаулин вступил в должность, на участке числилось восемьдесят рабочих, из них четыре пятых разнорабочими, а остальные, имевшие специальность, были прикомандированными, и особенно рассчитывать на них не приходилось. Свои должны быть кадры, свои — это Мансур понял сразу.

На другой день к концу смены он попросил всех без исключения рабочих собраться на пустой строительной площадке, где

только делали обноску. Прежде всего он рассказал о том, что они будут строить, показал, как будет выглядеть готовый элеватор. Накануне он просидел, рисуя его цветными красками на листе ватмана всю ночь, — старался, чтобы впечатляло. Люди должны ясно представлять, что они строят, во что вкладывают свой разум и силу. Потом объяснил: чтобы построить такую машину, им нужно учиться, овладеть новыми профессиями. И увидел, как его «гвардия» на глазах сникла — средний их возраст был ближе к пятидесяти, большинство фронтовики, с грамотой у всех нешибко. Куда уж нам учиться, поздно — так можно было обобщить хмурое молчание земляков.

На иную реакцию Атаулин и не рассчитывал, знал, какой неодолимый страх вызывает у человека неграмотного, тем более пожилого, напоминание о необходимости учиться. Но знал он и другое. Стройка для поселка, где были не избалованы постоянной работой и твердыми заработками, расценивалась в каждой семье, как надежда на лучшую жизнь.

Поэтому Мансур пошел на хитрость.

— Поймите меня правильно, — сказал он веско. — Стройке не нужно столько разнорабочих. А если вы не хотите получить специальность, я вынужден буду уволить вас или командировать в Нагорное, где вы будете работать на станции грузчиками. Ну, а учиться... Я не требую, чтобы вы вели конспекты, не стану устраивать экзамены, чтобы присвоить вам разряд, — достаточно и того, что скажут ваши инструкторы — получится у вас работа или нет. Я и сам буду заниматься с вами, рассказывать о каждом предстоящем цикле работ: его объемах, цене, о нормативных сроках стройки и нормативном расходе материалов. К тому же, если кто запишется в плотники, а дела у него не пойдут — не беда, можно перейти в бетонщики или каменщики. Но через месяц-два, от силы три, каждый из вас должен найти свое место на стройке.

Он внимательно взгляделся в лица окружавших его людей и увидел на них уже не испуг, а интерес и надежду. И гораздо увереннее продолжил:

— А сейчас тех, кто умеет держать в руках топор и пилу, — попрошу в одну сторону, тех, кто хоть однажды сложил себе сарай или печку, — в другую. Тем, кто помоложе и у кого силенок побольше, ну и кому как следует заработать нужно, —

рекомендую в бетонщики. Самая тяжелая и почетная работа, будете ударной силой. Может, слышали: бетон — хлеб стройки! Тут уж учеба самая простая — не разгибай спины.

Заработать нужно было каждому, и из подавшихся было в плотники и каменщики кое-кто тут же переметнулся к бетонщикам. Но Атаулин остановил их.

— Не спешите, везде будет возможность заработать, это я вам обещаю. Только работать научитесь. Зарплата будет зависеть от вас — что заработаете, то и получите.

Он почувствовал, что молчание рабочих стало напряженным, и понял, что коснулся больной темы. Сказал уверенно:

— На нашей стройке, если удастся организовать дело так, чтобы одна бригада не простаивала по вине другой, заработки будут хорошие. Вижу, пришли вы не на один день, вкалывать будете до последнего, пока не въедут сюда, где мы сейчас стоим, машины с зерном. Так что, считайте, с этого месяца у вас будет приличный заработок. Но главное, мне кажется, чтобы дома у каждого из вас почувствовали, что вы стоящим делом заняты.

Он замолчал, и люди стали оживленно обсуждать услышанное.

Мансур стоял, волнуясь не меньше, чем окружавшие его рабочие, и понимая, что никто не давал ему таких полномочий — устраивать «ликбез» и тем более обещать заработки, пока дело не сдвинулось с мертвой точки. Но понимал он и другое: здесь он в ответе и за элеватор, и за людей, которых должен направить и обнадежить. Толпа не расходилась, и вдруг из группы «бетонщиков» вышел его сосед, дядя Саша Вуккерт, отец многодетного семейства.

— Ты, Мансур, уж больно напугал нас ученьем. Ученье ученью рознь. Учиться работать мы будем — такая грамота каждому из нас по плечу. Ты говоришь, научат нас ремеслу приезжие, а я думаю, и среди своих, если хорошо поискать, найдутся люди, знающие толк в строительстве. Я вот в войну в Челябинске завод строил, сварочное и арматурное дело знаю. Да и кладке могу поучить, не забыл еще. А если и зарплата будет, как ты говоришь, подходящая, мы в долгу не останемся. Правильно я говорю, мужики? — дядя Саша повернулся к землякам.

— Да чего уж там, не сомневайтесь, не подведем, — вразной поддержали собравшиеся.

... Им навстречу — и слева, и справа — параллельным курсом шли и шли величественные, как айсберги, нарядные теплоходы под разными флагами, и ветер доносил с некоторых палуб веселую музыку — у каждого свое расписание, свой порядок на корабле. «Тесно стало и на земле, и на воде, и в воздухе, да и в космосе уже, наверное...» — почему-то подумал вдруг Атаулин. Но мысль о вселенских проблемах не прервала его дум об Аксае, где двадцать три года назад он строил элеватор...

Когда через два года Атаулин сдал приемной комиссии свой первый в жизни объект и, несмотря на молодость, круто пошел вверх по служебной лестнице, к нему стали обращаться с просьбой поделиться опытом — как это удалось раньше нормативного срока построить элеватор в степи, вдали от железной дороги; как ему удалось уложиться в сметную стоимость. Всесоюзный трест «Элеватормелестрой» выпустил информационный бюллетень, где были запечатлены на снимках не только готовый элеватор, но и отдельные этапы работ. А Атаулин рассказал о технико-экономических показателях, описал работу самой большой комплексной бригады Вуккерта, на долю которой приходилась треть выполненных работ. Бригаде же принадлежала и половина всех изобретений и рационализаторских предложений. Да, работали тогда не бездумно...

В том же бюллетене были и снимки известных бригадиров, ударников стройки, но не было фотографии самого Атаулина. Наверное, начальство полагало, что не стоит афишировать, как вчерашний выпускник продемонстрировал не только инженерный талант, но и административную хватку. Атаулин не обиделся, решив, что его время еще впереди, да и к бюллетеню отнесся скептически.

Но все это было потом, и на бумаге казалось четким, убедительным, цифры, показатели и темпы просто ошеломляли, а в жизни все происходило совсем не так парадно. Ведь Мансуру тогда было всего лишь двадцать два, и элеватор стал первой стройкой в его жизни.

Как только закончили с «нулевкой», то есть поднялись из фундаментов, он ощутил, что дело пошло, и пошло

по какому-то скоростному графику, по сравнению со строительством в Нагорном.

Атаулин в душе был уверен, что чужой опыт нельзя внедрять повсеместно, разве что в мелочах, в том, что явно, очевидное, а в целом — никогда. Тогда молодым умом он понял для себя, что нужно не чужой опыт внедрять, а растить, поддерживать людей, способных создать свой. Может, оттого у него каждый бригадир относился к делу с такой ответственностью, какой иногда не обнаружишь у человека, облеченного властью. У него и табельщица Мария Николаевна Яблуновская «владела» общей картиной строительства настолько, что он мог доверять ей, как нынешним ЭВМ — все она знала, помнила, могла предсказать. По мышлению, энергии, хватке она была создана для такого живого, кипучего дела, как строительство. А что может быть важнее, чем человек на своем месте! Вот такие люди «на своем месте» были у него на каждом мало-мальски важном участке, — а в большом деле мелочей нет. Попадется непутевый сантехник, — а он один по штату на участке — оставит вдруг по нерадивости на один день стройку без воды — и простоят без дела почти триста человек, и полетят планы на неделю, на месяц. А слесарем-водопроводчиком был на участке Геннадий Александрович Кужелев, фронтовик. И ни разу за два года у них перебоев с водой не было, а там, где велись бетонные работы, она шла рекой. Начальство в Нагорном заинтересовалось Кужелевым, и, считай, работал Геннадий Александрович на два элеватора за одну зарплату, но Атаулин не обижал его рублем, понимал, что лучше платить одному специалисту, чем трем никчемным работникам.

Каждого из трехсот рабочих Мансур знал не только по имени, но и представлял, что они за люди, потому что сам был крепко повязан корнями с Аксаем и еще потому, что более половины из них были отцами его друзей, сверстников, знакомых, а другая половина — молодежью, которую он тоже знал, или знал их братьев и сестер, — и о каждом он имел собственное мнение.

А женская бригада арматурщиц! Они вытеснили арматурщиков из мастерских, решив, что не мужское это дело — вязать арматуру. Как они работали! Хотя и арматура порой шла дюймовая, а она по пять-шесть метров длиной, — потаскай-ка

ее целую смену. Но не жаловались, поднимали, — разумели, что мужчины нужны в другом месте. Вот такая особая была у него первая стройка — как же обобщить ее опыт для передачи другим? Любое дело переплетается с конкретными людьми, конкретными обстоятельствами и держится на начальнике — как работает он сам, так работают и подчиненные. Нельзя требовать от людей, не предъявляя требований к себе, делая себе скидку. Это он, несмотря на молодость, усвоил сразу, как только принял участок.

В том давнем сентиментальном фильме, — как ни странно, определившем его судьбу, — строились какие-то сказочно-роскошные виллы, дворцы, особняки, концертные залы, от которых невозможно было оторвать взор — так они были прекрасны. Мечтал построить что-нибудь подобное и Атаулин, но жизнь распорядилась иначе — он попал в промышленное строительство, где интересной работы для ищущего инженера хватит на долгий век. Почти через одну — такая стройка или впервые в стране, или впервые в мире, опыт, накопленный на одной, вряд ли пригодится на следующей. Каждая стройка — как новая книга у писателя: вроде и опыт есть, и в то же время — все заново. Этим и привлекало Атаулина промышленное строительство: нестандартностью, поиском новых решений, потому что новое неизбежно требует новых путей, новых материалов, новых конструкций.

Сейчас, размышляя о своей первой стройке, он вдруг вспомнил, как перед самым отъездом наткнулся в американском журнале «Архитектура» на любопытный материал.

Статья сразу бросилась ему в глаза, потому что целый разворот был отдан красочным снимкам элеваторов. зернохранилища эти, построенные американцами еще до войны, размерами превосходили те, что строились тогда в Аксае и Нагорном, и по конструкции, конечно, отличались, потому что двадцать лет в строительстве — целая эпоха. Хотя элеваторы, о которых рассказывалось в журнале, могли служить и по сей день, но время распорядилось по-иному. Районы, некогда бывшие зерновыми, стали чисто промышленными, и гектара посевных не найти в некоторых штатах. Огромные сооружения, словно динозавры и мастодонты из прошлого, стояли без дела: и рушить жалко — ставились-то на века, и под современную химию или что другое

вряд ли приспособишь. И вот пришла идея какому-то пытливному архитектору переоборудовать элеваторы под жилье, под современные квартиры. И какие получились квартиры — просто загляденье!

Мансур Алиевич тогда поразился, как умело распорядились утратившими свое назначение сооружениями американцы, а ведь у них таких зернохранилищ, как и у нас, десятки тысяч.

Его первый элеватор и впрямь был хорош, хотя вряд ли его можно было переоборудовать под жилье, даже при самой большой фантазии. И место для него выбрали удачно — рядом с поселковым парком. Мансур предполагал тогда, что еще немало лет после сдачи в эксплуатацию элеватор, как и во время строительства, будет крупнейшим предприятием в Аксае. Потому частенько на собраниях напоминал рабочим, что им не только строить, но и работать придется на этом элеваторе.

Конечно, с первым объектом ему крупно повезло: он получил почти неограниченную свободу действий. Парадокс заключался в том, что стройку в Нагорном, где находилось строительное управление, лихорадило, там трижды за два года сменилось руководство. А это так или иначе пошло ему на пользу — не до него было, тем более, что Атаулин помощи почти никогда не просил. На участке у него было два мастера, из практиков, дело свое они знали, но на чертежи, теодолит, нивелир грамоты не хватало, да и привыкли они строить больше на глазок, чем с инструментом, поэтому все инженерные работы и документация лежали на нем одном.

Конечно, порой его решения отдавали авантюризмом, но все делалось только в интересах дела и только дела, об ином — и мысли не было. Никогда — ни до, ни после — он не слышал, чтобы где-нибудь в стране на промышленных предприятиях или на стройках в летнее время работали с четырехчасовым обеденным перерывом. Тогда в Аксае не говорили, как сейчас на теплоходе после Испании — сиеста, Атаулин тогда и слова такого не знал, как не знал и того, что практика такая где-то существует. Просто он решил, что так будет лучше и людям, и делу. Столовой на объекте не было, а если бы и была, вряд ли кто пошел бы туда: Аксай поселок небольшой, каждый обедал дома, даже командировочные столовались у хозяев. Летом в Аксае жара не меньше, чем в Средней Азии,

в иные дни столбик термометра за цифру сорок перескакивает, особенно в полдень. А работа на стройке требует сил — и немалых. Выходило, что рабочие в обед и дух перевести не успевают, бегом домой да обратно, вот и весь перерыв. А учитывалось рабочее время строго с первого дня, — да и не водилось тогда за трудящимся человеком этого — урвать на личные нужды от рабочего времени. Вот и решил Мансур на свой страх и риск, — конечно, поговорив с народом, — сделать большой перерыв, ведь световой день летом велик. Рабочие приняли новшество с энтузиазмом: никто не опаздывал, и возвращались люди отдохнувшими, с новыми силами. Больше всего такому перерыву были рады арматурщицы и отделочницы: они успевали и детей из школы встретить, и покормить их, и скотине домашней кое-что подбросить. Во второй половине дня производительность была даже выше, — проводил для себя хронометраж Атаулин.

Может быть, хронометраж и натолкнул его на мысль: об-считывать все по многу раз — и объемы, и сроки, и зарплату, и расход материалов. Жаль, что, когда его учили, преподаватель предмета «Сметы и отчетность» не сказал о главном лозунге, который, наверное, следовало бы повесить на стенах кафедры вместо многочисленных стандартных транспарантов: «Если не научишься считать, никогда не станешь настоящим инженером».

Он организовал подобие строительных курсов для аксайских мужиков не потому, что считал это единственным выходом. Если бы стройка стояла, рабочую силу прислали бы. Так в большинстве случаев и поступают — кто же позволит стоять государственной стройке? Но, просидев вечер с арифмометром, — был такой громоздкий предмет, который сменили нынешние удобные калькуляторы, — Мансур понял: приезжие «съедят» почти весь фонд заработной платы, и о приличных заработках для всех тогда вообще думать нечего. У командированных — опытных рабочих — всегда высокие разряды, которые он не вправе ни отменить, ни понизить, и они будут снимать пенки, работая в одной бригаде с местными, что в конце концов непременно вызовет недовольство большинства. Справедливее больше платить за выполненную работу, чем оплачивать командировочные рабочим из той же Алма—Аты. В таком случае

разряд, который надо получить, стал бы в его руках мощным рычагом поощрения наиболее старательных рабочих.

И если откровенно, Мансуру хотелось дать людям заработать, хотелось помочь землякам встать на ноги. Это потом, месяца через два-три, когда дела пошли, его охватил строительный азарт, он почувствовал себя хозяином этой громадной стройки. Радовался, что предвидел работы на много дней и месяцев вперед, текучка дел не застила ему глаза. Он начал вдруг видеть масштабно, как гроссмейстер, всю шахматную доску сразу, а если надо, представлял ее и вслепую.

Атаулин всегда знал, как идут у него дела в каждой из восьми бригад. Наверное, он не изобретал ничего нового, — просто поступал как рачительный хозяин, если в конце смены говорил какому-нибудь бригадиру: оставь человек пять после работы, пусть сделают то-то и то-то, иначе завтра с утра все бригады будут простаивать или работать вполсилы. Или вдруг какая-нибудь бригада выходила на объект и в воскресенье, чтобы дать фронт работы в понедельник другим. Все эти переработки табельщица строго учитывала, оплачивались они дополнительно, поэтому желающие подзаработать даже в воскресенье всегда находились. Выгоднее было переплатить десятерым рабочим за день, чем терять на простое сотни. Но был у Атаулина еще один и, пожалуй, самый мощный рычаг воздействия на энтузиазм рабочих, рычаг, о котором он, к сожалению, не мог рассказать никому.

Аксай, сплошь состоявший из землянок, по окна вросших в землю, большей частью даже небеленых, с глиняными или крытыми рубероидом крышами, производил на Атаулина после Москвы тягостное впечатление. В редком доме, не считая сельсовета и школы, были деревянные полы. И стройка, конечно, принесла надежду не только заработать, но и отстроиться, пусть не шикарно, но хотя бы вылезти из землянок — этого хотелось всем.

Но как строиться? Если деньги и можно было теперь заработать, то с материалами дела обстояли хуже некуда, — в Аксае нельзя было даже гвоздя купить, потому что хозяйственный магазин был только в райцентре. Атаулин долго думал, как изыскать лишние материалы, ведь если рабочих лишит всякой надежды получить их легально — станут воровать, а значит,

неприменно попадутся: Аксай не город, здесь все на виду. А кто ж разрешит раздавать материалы, предназначенные для стройки, и как оформить такую продажу? Как ни крути, казалось, что выхода нет.

Мансуру вспомнилась преддипломная практика на большой стройке. Пропадали там из-за бесхозяйственности, халатности тонны цемента, ржавели мотки проволоки для арматуры. Пропадал лес, пиломатериалы, кирпич выгружали самосвалами, и половина его сразу списывалась как бой. Сжигались сотни кубометров опалубки — впрочем, девать ее было некуда, технология на ответственных конструкциях требовала применять ее одноразово. Да и тащили нещадно все, кому не лень, и никого не наказывали, и у прорабов все-таки сходились концы с концами — значит, был какой-то выход. Но какой? Ведь того, что было загублено только на одной его преддипломной стройке, с лихвой хватило бы, чтобы отстроить весь Аксай. Как же сейчас-то быть, как людям помочь не в ущерб делу?!

Атаулин ощущал, как ему не хватает практического опыта. Ничего путного в голову не приходило, а заявления уже копились на столе в прорабской. На первых порах просили, в основном, помочь с цементом для строительства колодца. Пришла тогда в Аксай такая мода — строить собственные колодцы во дворе, раньше-то пользовались общими, до которых было шагать да шагать. А когда колодец далеко, огород нелегко содержать, а уж если надумаешь строить, без своей воды не обойтись. Цемент был нужен, чтобы лить бетонные кольца вместо недолговечного деревянного сруба, и цемента-то требовалось на колодец килограммов триста-четырееста, но и этим он не мог распорядиться по своему усмотрению.

Однако обстоятельства подсказали ему решение и этой проблемы, — а может, вопрос решился еще и потому, что в молодости риск не казался риском, молодость тем и сильна, что не умеет прятаться за чужие спины. На ноябрьские праздники пришли в Нагорное вагоны с цементом, арматурой и пиломатериалами, двенадцать из них предназначались для Аксая. Весь октябрь стояла прекрасная погода, и работали на участке, не считаясь со временем. Люди по всем статьям заслужили праздник, как же тут было объявить аврал шоферам и грузчикам из-за прибывших вагонов?

Атаулин на всякий случай позвонил на станцию, справился, во что обходится час простоя вагона с грузом. Цифра его ошеломила и напугала, надо было что-то предпринимать... Он сидел в пустой прорабской один и от волнения перебирал заявления рабочих о помощи. И вдруг его осенило... Он пододвинул к себе арифмометр, быстро подсчитал стоимость разгрузки каждого из двенадцати вагонов и тут же выписал наряд на каждый в отдельности, не поспешил. Потом, схватив наряды и заявления, побежал по домам, — в первую очередь к тем, кому доверял больше всего — к бригадирам. Объяснять положение не стал, только сказал, что, кроме оплаты, каждый, кто выйдет на разгрузку, получит цемент на колодец или пиллес. Через час, собрав всех желающих, которых оказалось немало, он выехал на станцию.

На грузовом дворе станции Мансур отозвал к пакгаузу дядю Сашу Вуккерта и попросил:

— Александр Вильгельмович, я уж попрошу вас с материалами поаккуратнее: и грузить, и складировать, и чтобы ничего не ушло на сторону. Впервые к нам поступило так много вагонов, но, наверное, это будет еще не раз, по моим подсчетам, нам нужно для элеватора только цемента вагонов двести, о лесе и пиломатериалах и говорить не приходится — целые составы. Как пойдет дело с первого раза, такой порядок и укоренится навсегда. — И закончил: — Надеюсь, вы понимаете, что мне и с тем, что наобещал вам, расхлебаться непросто...

Дядя Саша выслушал не перебивая, затем протянул самодельный портсигар, где с немецкой аккуратностью четко в ряд лежали папиросы.

— Обижаетесь, Мансур, хотя, наверное, среди тех, кто пришел сегодня на разгрузку добровольно, есть разные люди. Но тех, кому можно доверять, больше, гораздо больше, это ты тоже усвой с самого начала. А принимать, складировать на месте я оставил своих сыновей, на них, своих друзей, ты, надеюсь, полагаешься. А насчет того, что сегодня придется раздать мешков триста цемента, не беспокойся: мы его беречь будем, чтобы и грамм не пропал. Так и порешим: вы — нам, мы — государству. Зато погляди, как повеселел народ, у каждого, кто откликнулся, теперь будет свой колодец.

И, легонько приобняв Мансура своей крепкой рукой, бригадир зашагал к вагонам — народ безоговорочно принимал его лидерство и, пожалуй, заслуженно. Да и слова у него никогда не расходились с делом.

Тогда, благодаря неожиданно пришедшим вагонам, Атаулин понял, как можно рачительно распорядиться материалами, как помочь отстроиться родному поселку. Выход был один — жесткая экономия, хотя слово это не совсем верно отражало намерения Мансура. Правильно было бы сказать: не допускать привычных потерь, с которыми мирятся на любой стройке, как с неизбежным злом. А теперь он должен был все замечать, не мириться ни с какими потерями — только так он мог создать некое подобие фонда помощи стройматериалами для земляков. Радуюсь, что нашел выход, Атаулин все же сознавал юридическую несостоятельность избранного пути. Но отступить было поздно.

Сразу после праздника к Мансуру подошел дядя Саша.

— Давай, Мансур, собери-ка вечером бригадиров, поговорим о материалах, как нам нужно с ними обходиться, думаю, народ нас поддержит. В Аксае не привыкли добро ногами топтать да в кострах сжигать. И если мы уберем наших людей от такой вредной привычки, значит, мы неплохие хозяева. — И вдруг, лукаво улыбнувшись обветренными губами, спросил: — А знаешь, как тебя народ называет на стройке?

Атаулин пожал плечами.

— Хозяином. А это ко многому обязывает, Мансур. Думаю, из тебя получится хозяин, я ведь многих прорабов повидал в жизни. Да и на нас, бригадиров, можешь положиться, не подведем, — и зашагал к котловану, — высокий, сильный, твердо ступавший по земле человек...

... На теплоходе сиеста, видимо, кончилась — на палубе появились пассажиры. Сегодня разговоры, что велись рядом, не волновали, они отвлекали Атаулина от воспоминаний о своей первой стройке, а ему хотелось впервые за много лет вернуться к ней, пройти ее в памяти от начала до конца. Оттого ли, что он возвращался теперь туда, к своему первому детищу и отчому дому? Давно уже он не мыслил дом без элеватора, а элеватор без дома — при упоминании Аксая у него перед глазами оживало и то, и другое.

А может, ему хотелось пристальнее взглянуть на свои истоки, на родничок в начале пути? Или оттого, что все время быстро шел вперед, никогда не оглядываясь, при первой возможности он и нырнул в прошлое? Мансур не мог объяснить себе этого, но ему было приятно вспомнить о далеком, полном забот времени...

... О многом он умолчал в том информационном бюллетене, хотя и так с трудом уложился в объем брошюры.

Тогда была эра монолитного бетона, и все конструкции отливались на объекте. Сложная, тяжелая, трудоемкая работа: в каждой бетонной колонне или опоре сливался труд трех бригад: арматурщиков, плотников, бетонщиков. Это уже потом, через полгода, дядя Саша Вуккерт организовал первую и единственную комплексную бригаду. Создать другую такую, как ни хотелось Мансуре, не удалось — и бригадира столь же высокого уровня найти оказалось невозможно, и людей подобрать подходящих было негде. И как же работала эта комплексная бригада! Попасть в нее на стройке мечтал каждый.

Разве Мансур мог рассказать на страницах бюллетеня, как старались его земляки сберечь каждую доску, каждый гвоздь... На совете бригадиров решено было использованную опалубку выделять строившимся, и в первую очередь ударникам, передовикам, остро нуждающимся. Строительные нормы не зря предусматривают одноразовое ее использование: покореженная, пропитанная цементом, с трещинами, а то и вовсе колотая при разборке, в серьезное дело она больше не годится. Может, выборочно что-то и можно было использовать, да кто же этим станет заниматься, рабочих рук и так всегда не хватает.

Разве он мог рассказать, что у него опалубку на объекте ставили и дважды, а порой и трижды, но не в ущерб качеству, — об этом и речи быть не могло; и даже потом она шла не в костер, а в дело. Рабочие каждый день что-то придумывали, стараясь сохранить материал, потому что прораб пообещал: все сохраненное, сбереженное — ваше. Поначалу смазывали доски соляркой, смачивали керосином или бензином, чтобы не прихватывался бетон и не приходилось ломать опалубку. Потом привезли из Нагорного огромную, килограммов на восемьсот, бобину тончайшей воощеной бумаги, и стали ею выстилать внутреннюю часть опалубки. Поверхность бетона в этом случае

получалась ровной, гладкой, и вполне можно было обойтись без штукатурки. Придумали всевозможные зажимы, струбцины металлические, чтобы не приколачивать доски кругом гвоздями. При таком способе быстрее пошла работа на сборке и разборке, и материал сберегался. Берегли опалубку, не только совершенствуя ее конструкцию, но и за счет высокого качества бетона, — в других обстоятельствах такая мысль никому и в голову не пришла бы. Качественный бетон схватывается равномерно, одновременно и отслаивается от опалубки по всей длине сразу, и нет надобности ломать ее, — а иная опалубка и по размерам, и по конструкции — целое сооружение. Доброе дело тянуло за собой цепь других добрых дел.

Спустя много лет, уже в Африке, на соседней стройке, где работали англичане и где Атаулин бывал часто, потому что они пользовались одними каналами водоснабжения, одной компрессорной станцией и одной и той же линией электропередачи, показали ему как новинку любопытный бетонный фасад здания. Из вежливости Мансур Алиевич внимательно выслушал коллег и даже поздравил их с удачным эстетическим решением. Он уже обратил внимание на то, что и немцы, и англичане не любят гладких поверхностей бетона и поэтому пускают на опалубку древесину с красивой текстурой и распиловку доски для опалубки делают редкими специальными пилами и на малых оборотах, почти как вручную, чтобы рельефнее сохранить рисунок дерева. Вот англичане и показывали ему фасад, отлитый необычным способом. Конечно, выглядело это замечательно, хотя такая ювелирно сработанная опалубка из хороших пород дерева стоит немало.

Атаулин из вежливости, но без интереса выслушал коллег, потому что уже давно это знал.

Когда они сделали разбивку административно-технического корпуса элеватора, как раз пришло вагонов двадцать досок из Красноярского края. Почти все они были из розовой сосны, только изредка встречалась среди сосны тяжелая лиственница, тоже с красивой текстурой, и распиловка оказалась такой, какую сейчас специально делали англичане. Вот тогда дядя Саша Вуккерт и предложил пустить на внешнюю сторону здания доски с необыкновенной текстурой, он даже на планерку пришел с уже отлитым образцом. Двух мнений и быть не могло, так

всем понравилась идея. Конечно, помучиться им пришлось с такой опалубкой будь здоров — годилась она только ровенькая, стык в стык. О том, чтобы пустить ее в дело вторично, и речи быть не могло, хоть и ставили ее лучшие плотники — ювелиры по дереву. Все вагоны перебрали, боялись, что не хватит подходящих досок, и берегли их пуще глаза.

Почему Александр Вильгельмович предложил такой метод: о красоте беспокоился или хотел, чтобы администрация элеватора занимала красивейшее здание в Аксае? А может, сам мечтал восседать в этом корпусе — как заслуженному строителю нашлась бы ему работа и там... Но вряд ли подобные мысли возникали у него, все объяснялось гораздо проще...

Аксай охватила строительная лихорадка... Отрыв во дворе колодец, каждый начал потихоньку «суетиться» — кто ремонт затеял, кто строиться надумал, кто сарайчик или баню ладил... Зарплата шла хорошая, на деньги кое-что из строительных материалов покупали в райпотребсоюзе, а кое-что и со стройки перепало. А тут еще новое увлечение захлестнуло одновременно и Аксай, и Нагорное.

Десятки лет, пока ходили паровозы, — а Оренбургская дорога полностью перешла на тепловозы только в середине пятидесятых, — вокруг станции Нагорное высились целые Монбланы шлака, многие даже думали, что название «Нагорное» от этих гор и происходит. И вдруг кто-то в Нагорном догадался отлить дом из этого шлака — раньше в Нагорном и в Аксае дома ставили только саманные. И какой же дом получился! Легкий, теплый, нетрудоемкий, и к тому же почти даром: шлака вокруг — бери не хочу. И теперь этот шлак стали спешно растаскивать по Нагорному, возили его и в Аксай. Железнодорожники на эту «эпидемию» нарадоваться не могли. Но шлак шлаком, им каждый мог обзавестись, а вот с цементом стало туго, ни за какие наличные было не достать. Вот и догадался бригадир, увидев необыкновенную красоту досок из лиственницы, обойтись без штукатурки, как было по проекту, а сделать бетон сразу качественно и художественно. Отлили они здание и после еще прошлись аккуратно жидким цементом кругом, — получилось что-то вроде фигурной штукатурки, наподобие тисненых обоев. И заказчик, и государственная комиссия, и коллеги из Нагорного приняли это за особую штукатурку.

А цемент Атаулин тогда людям за старание раздал. Но об этом не расскажешь, вряд ли начальство одобрило бы такую заботу о родном поселке. Как не мог он и потом гордо сказать англичанам, что давно знает про все это, лет пятнадцать уже, — Аксай-то не на всякой карте отыщешь, могут и не поверить...

В те дни, когда он зачитывался газетами, частенько попадались ему статьи о досуге пенсионеров, молодежи и даже подростков. Таких статей было немало, рассматривалась эта проблема и в городском, и в сельском масштабе. Подобные проблемы удивляли Атаулина. В середине восьмидесятых, — когда, считай, в каждом доме телевизор, приемник, магнитофон, полно книг, пятидневка, в конце концов, — чрезмерные заботы о досуге представлялись ему надуманными. Уделять главное внимание свободному времени казалось Атаулину еще страшнее, чем вещизм, за вещи хоть работать надо — их так просто не приобретешь. А тут со страниц почти каждый взывал, чтобы ему организовали его собственный досуг, да притом бесплатный, постоянный, без перерывов. Он старался припомнить, как проводили свободное время в Аксае, где он проработал ровно два года: в августе принял строительство и в конце августа же, к началу хлебоуборки, сдал эlevator в эксплуатацию.

Уже, конечно, было телевидение, но до Аксая разве что слухи о таком чуде — домашнем кино — доходили. Правда, с книгами было тогда гораздо легче, но зато в библиотеках, ныне почти пустующих, хорошую книгу ждали по записи месяцами. В кино крутили фильмы, менявшиеся каждые два дня; по субботам и воскресеньям в парке, рядом со строящимся эlevatorом, — танцы под оркестр. Зато и оркестр был! Настоящий эстрадный, в котором играли сами рабочие, а руководил им младший сын дяди Саши — Клайф, трубач. У Вуккертов вся семья была музыкальная, а сам ее глава играл на аккордеоне, но, конечно, не в оркестре. Выступала в первенстве района футбольная команда «Строитель» из Аксая — в команде опять же играла молодежь с эlevatorа, включая двух-трех школьников-старшеклассников. Тогда оркестр выступал на общественных началах, а в футбол играли только по воскресеньям. Досуг был за счет досуга. Читая теперь статьи о досуге, Атаулину так и хотелось ответить порядком подзабытой пословицей: «Делу

время — потехе час». А по статьям выходило наоборот: потехе время — делу час, хотя в них зачастую даже и не упоминалось, после каких это таких трудов праведных требовался особый отдых и развлечение. И еще он заметил, что материалы эти были написаны страстно, эмоционально и, наверное, их авторы легко находили сторонников. «Так бы о работе живо и убедительно писали, наверное, дело лучше бы шло...»

... Слева от Нагорного по железной дороге лежал казахский город Актюбинск, справа, почти на таком же расстоянии, уже старинный российский город Оренбург.

Как-то так складывалась школьная, да и студенческая жизнь, что Атаулину ни разу не удалось побывать в Оренбурге, — только проезжал мимо, когда возвращался из Москвы на каникулы, да и то нечасто, потому что студенты в те годы проводили лето на целине, в Казахстане. Из Оренбурга были родом его родители — и погибший в войну отец, и мать. Когда Мансур получал назначение в Алма-Ату, подумал, что при случае будет выбиратья в соседние города.

Однажды в субботу, как он и задумал, Мансур приехал, наконец, в Оренбург. Ткнулся в одну гостиницу, в другую — нигде мест не было, несмотря на субботу и на то, что он просился всего на одну ночь. Стояло лето, ночи были теплые, он был молод и за трагедию это не посчитал — проспал ночь на скамейке оренбургского парка, но уже больше никогда не ездил ни в город, что слева, ни в город, что справа. Да и времени не было — элеватор с каждым днем требовал все больше внимания.

Возвращаясь из Оренбурга — родины многих татарских писателей и известного всему миру Мусы Джалиля, Атаулин и не подозревал, что всего через несколько лет рядом найдут крупное месторождение газа, и от тихого городка с его неспешной, несуетной жизнью не останется и следа. Бурно растущий индустриальный гигант подчистую снесет тихие кварталы краснокирпичных купеческих особняков, с названиями, хранящими безвозвратно ушедшее время: Форштадт, Аренда, Татарская Слобода...

Ничего этого не предвидел Атаулин, и, возвращаясь на попутном грузовике в свой поселок, думал о таких же, как он сам, молодых инженерах, врачах, учителях, по распределению

попавших в сотни тысяч местечек, подобных Аксаю. И как они, наверное, отыскивая на карте свой райцентр, аул, кишлак, станицу, село, радовались, что рядом, в часе езды, находится город! Какие строили планы! На воскресенье — непременно в город: в музеи, театры, на выставки, в городскую библиотеку... Может, потому и бегут из маленьких местечек молодые специалисты, что городу нет до них никакого дела. Может, у некоторых надобность в этих коротких поездках постепенно бы и отпала, прошла бы со временем тоска по городу, и нашли бы они прелесть жизни в своих маленьких местечках. А если бы и не нашли, то без особых тягот отработали бы положенное — и на том спасибо. Если бы помнили о них, молодых сельских специалистах, не только об их работе заботились, но и о досуге. Вот у кого досуг — самое больное, уязвимое место. Им, в большинстве своем выросшим в больших городах, как воздуха не хватало этих городов — их шума, толчеи, театров, музеев, кино, чтобы не остановиться в своем культурном росте...

Так с горечью думал Мансур, трясясь в кузове попутного грузовика, под высоким звездным небом Оренбуржья.

Иногда в Аксае после кино заходил он в парк на танцы. Тогда танцплощадка принадлежала взрослым, подростки избегали таких мест, да их попросту и не пустили бы: еще существовало четкое правило — что можно, что нельзя. На танцплощадке обычно больше половины молодежи было со стройки. Клайф, завидев на площадке начальника, непременно играл «Тишину» — модное в те годы танго. Странно, как он догадался, что эта трошинская песня нравилась ему. И все же он не чувствовал себя здесь в своей стихии, поэтому особенно не задерживался, даже если и хотелось потанцевать.

Каждый раз, уходя с танцев, он невольно сворачивал из парка не домой, а на свою строительную площадку.

Сторож, старый казах Нургали-ага с берданкой, всегда был на посту. Он встречал Мансура приветливо и, зная его привычки, включал в проходной все прожектора стройки, наверное, далеко в степи виден был этот яркий костер света. Прожекторов для стройки Атаулин не пожалел — освещение было под стать дневному. Иногда большие конструкции приходилось бетонировать и по ночам, без перерыва, чтобы шел однородный бетон, а иногда, когда стояла невероятная

жара, бетонщики просились поработать в ночь — только ночь приносила прохладу и ветерок из степи. Он не спеша обходил огромную стройку из конца в конец, и хотя, казалось, он все знал о ней, вдруг в эти ночные обходы видел что-то более отчетливо, чем днем. За такие озарения он и любил бывать на элеваторе ночью...

... «Всего десять лет прошло с тех пор, как я уехал из Союза, и уже мне кое-что трудно понять и ясно представить, — думал Атаулин. — Может, следует спросить об этом у девушек из Кишинева, уж о досуге-то они наверняка все знают». Но так и не спросил. Все те, кого он знал и уважал, — а среди них были самые разные люди, — никогда не мучились вопросом, как убить свободное время. Всем им не хватало этого времени, и они считали, что это величайшее счастье, если выпадает редкая возможность отдохнуть, а уж как — учить их было не надо. Все-таки бесконечные разговоры о досуге возникают, наверное, от безделья, от нравственной пустоты, и тут никакими дискотеками не поможешь, и ломать копыя, то бишь перья, не стоит...

... Декабрь в первую зиму на стройке выдался суровым: снега, метели, температура, как и летом, — за тридцать, только ниже нуля. Стройка встала, в обычном режиме работали лишь арматурные цеха, хорошо оборудованные, теплые. В зимние месяцы у женщин даже повышалась производительность труда, и заготовками стройка была обеспечена на месяц вперед. А вязать ее впрок, подвергая коррозии, не было резона.

«Что делать?» Этот вопрос витал в воздухе на каждой планерке. И однажды Атаулин предложил:

— Я вижу только один выход — всем уйти в трудовой отпуск, а если надо будет, прихватить даже неделю-другую без содержания, но с условием, чтобы с весны сразу работать весь световой день и наверстать упущенное, иначе все наши старания по экономии и себестоимости яйца выеденного не будут стоить. Грея каждый кубометр бетона, паля костры, чтобы не смерзлся раствор, сожжем не только всю опалубку, но и весь строевой лес пустим на дрова... А если еще по какой-то случайности бетон окажется из-за холодов некачественным и конструкцию придется ломать — полетят на ветер тонны цемента, а мы здесь перетряхиваем каждый мешок, чтобы и грамма не пропадало. Товарищи, я прошу вас: идите к людям и постарайтесь объяснить,

что делается это в интересах не только строительства, но и в интересах каждого рабочего. Да и что можно заработать, простаивая целый день у горящих костров?

Бригадиры поддержали Атаулина. Они и сами умели считать не хуже молодого прораба и между собой уже поговаривали о том же, но не могли подумать, что Мансур решится на такой шаг.

Конечно, не чувствуя он себя хозяином положения, не умея считать, не доверяя своему коллективу, бригадирам, вряд ли пошел бы на такое самоуправство! Эта уверенность день ото дня крепла в нем, потому что дела у них шли гораздо лучше, чем в Нагорном, где строили точно такой же элеватор. Шестнадцать вагонов, прибывшие, как и в Аксай, в праздник, простояли пять дней, и банк снял со счета строительства такой штраф в пользу железной дороги, что пришлось даже задержать зарплату рабочим. С рабочей силой в Нагорном дело обстояло лучше, но только потому, что девяносто процентов командированных оставалось в райцентре. В Аксае же требовались только специалисты: жестянщики, верхолазы, наладчики, монтажники — рабочих массовых профессий готовили они на месте, да и к тем редким залетным командированным тут же приставляли своих толковых ребят, чтобы учились. Из-за командированных снижался фонд зарплаты, и заработков хороших в Нагорном у рабочих не было.

Уже весной, в год пуска, стало ясно, что в эксплуатацию к хлебоуборке войдет в строй только элеватор в Аксае. Летом, объезжая объекты в Западном Казахстане, заехал в Нагорное управляющий трестом «Южэлеватормелстрой» из Алма-Аты.

Осмотрев стройку в Нагорном, собрал совещание, на котором присутствовал и Атаулин. Правда, назвать это совещанием было трудно, потому что управляющий устроил всем крупный разнос. Заканчивая выступление, он сказал: я, мол, представляю, что творится в Аксае, если на объекте под боком у управления такие жалкие темпы и такое низкое качество работ.

И хотя начальство подмигивало Атаулину и под столом ему наступали на ноги — сиди, мол, не возникай, пусть управляющий спокойно выговорится, он все-таки попросил слова и вкратце обрисовал положение дел в Аксае. Управляющий, конечно, не поверил Атаулину, и прямо с совещания они поехали

в поселок. Осмотрев объекты и внимательно пролистав журналы работ, управляющий потребовал акты на скрытые работы и вроде остался доволен, но хвалить не стал, только, усаживаясь в машину, приказал начальнику СМУ: отныне все показатели участков подсчитывать отдельно, показывать каждый элеватор сам по себе. И на прощание добавил, обернувшись к Атаулину:

— А в сентябре я жду вас в тресте, в Алма-Ате.

Почему он так пристрастно возвращался памятью к первому своему объекту, ведь типовой элеватор — не уникальная стройка, во многом как инженер он шел проторенным путем и построил потом еще с десятков элеваторов и даже целый комплекс в Целинограде. Наверное, он помнит о ней всю жизнь потому, что его первая стройка чуть не обернулась для него большой бедой, и из-за него, своего первого элеватора, он на долгие годы забыл дорогу домой. Когда стало ясно, что из двух планируемых элеваторов сдан к осени будет только один, в Аксае, Атаулина стали поторапливать. Предлагали снять часть рабочих с Нагорного и передать ему на объект, но Мансур с цифрами и графиками на руках доказал, что к началу уборки они элеватор сдадут.

Рос элеватор — и поднимались новые дома, целые улицы в поселке. Дома из шлака лили быстро, опыта-то на стройке набрались, а покрывать крыши, штукатурить объединялись в группы: сначала работали у одного, потом у другого. У самых хозяйственных мужиков, да у тех, у кого было по двое-трое сыновей-помощников, дома уже стояли, радуя глаз большими окнами, высокими затейливыми крышами. Сельский человек бережлив, поэтому на подворье оставались и те хибарки, из которых выбралась семья. Наглядное зрелище — вчера и сегодня.

Ничто не омрачало настроения Атаулина: дела шли успешно, до желанного пуска первого в жизни объекта оставалось от силы месяца полтора, и он уже жил ожиданием новой стройки, как вдруг повесткой его вызвали в милицию. Поступила анонимка на одного из его рабочих: дескать, тот время от времени привозит с работы то мешок, то полмешка цемента, то доску, то моток проволоки, то несколько кирпичей на багажнике велосипеда, то рулон бывшего в употреблении рубероида, то карманы, мол, у него оттопыриваются от гвоздей.

В общем, анонимка была написана со знанием дела, и скорей всего соседом, из тех, что посиживали раньше на завалинке, а теперь у телевизора, сами ничего не делают, но и другим не дают, — есть и на селе, и в городе такие.

Пошли из милиции с обыском к тому рабочему, а у него уже фундамент нового дома отлит и, конечно, нашли во дворе не только то, что в анонимке было указано, но и готовые оконные переплеты, двери, косяки, подоконники — хозяин в зимний отпуск старательно подготовил все это из бросовой опалубки. Конечно, никаких бумаг, квитанций, счетов у него не оказалось, да он и не отпирался, сказал: прораб, мол, всем дает, кто строится.

Начальствовал в аксайской милиции молодой лейтенант, недавно закончивший в городе какие-то курсы. Был он всего на год-два старше Атаулина и даже приходился ему дальним родственником по отцу, и фамилию носил ту же.

Не чувствуя за собой никакой вины, — в нормы расхода строительных материалов он укладывался, ни с кого денег не брал, да и что давать людям, определял не сам (решение принимал совет бригадиров, которые к тому же являлись и членами стройкома, а Мария Николаевна на этот счет обязательно вела протоколы рабочих и профсоюзных собраний), — Мансур рассказал родственнику все как есть.

Выслушать-то начальник выслушал, но в ответ произнес неожиданное:

— Сказки, гражданин Атаулин, будешь рассказывать другим. За так и чирей не вскочит на пустом месте, — и, довольный собственной остротой, рассмеялся. — Вот мы тряхнем тебя как следует и узнаем, какой ты бессребреник. Лучше сразу признайся, где деньги хранишь!.. А то куда ни пойдешь, везде только и слышно: Атаулин, Атаулин... Ишь, благодетель выискался... Весь Аксай, понимаешь, у него работает. Что, надумал Атаулинград возвести?

Мансур слушал, как насмехается над ним лейтенант, и молчал.

— А я вот докажу, что есть в Аксае совсем другие люди — честные, принципиальные, стоящие на страже государственной собственности, хоть о них и не трубят на каждом перекрестке... — И еще долго в таком же духе.

В общем, разговор начистоту не получился, говорили они на разных языках, и разный был у них интерес к нуждам земляков и своего поселка.

Когда мать узнала, что Мансура вызывали в милицию, ударилась в слезы — она и раньше не раз предупреждала его: «Ох, сынок, что-то у тебя на стройке неладно... Кого ни увижу, ни один с пустыми руками не возвращается с элеватора, ни в обед, ни вечером».

Атаулин на такие предостережения не реагировал, отшучивался: «Зато, мама, у меня территория чистая, гвоздя ржавого не найдешь, даже бумажный куль из-под цемента отыскать трудно. Говорят, вон у японцев стройки очень чистые, ничего не пропадает, но, я уверен, они с колес строят, ну, им ежедневно материал подвозят, а мы получаем материалы иногда раз в месяц, а иногда сразу на полгода, без всякой системы, как придется, но все равно у меня на стройке порядок, как у наших соседей Вуккертов во дворе. И не тащат, мама, а берут то, что отслужило свой срок на стройке. Не сжигать же мне добро, когда людям каждая доска пригодится. Пришло время вылезать на свет из землянок».

«Так-то оно так, да боюсь я», — говорила мать, успокаиваясь на время, а увидев чью-нибудь очередную скорую стройку, принималась опять за свое.

В тот же вечер она побежала к родственникам, надеясь узнать, в чем дело, и по возможности все уладить, уж в том, что сын действовал не в корыстных целях, она была свято убеждена.

Но новоиспеченный лейтенант и разговаривать не стал со своей бывшей учительницей и родственницей. Только важно произнес:

— Закон для всех одинаков, но справедлив. Не воровал, значит, не воровал, мы как раз и хотим это выяснить.

И завертелось колесо... Хорошо, что штат милиции в Аксае был небольшим и начальнику дел хватало. Тут как раз вышел указ об ответственности за мелкое хулиганство, — и он принялся рьяно выискивать хулиганов, чтобы первым рапортовать в районе о проведении указа в жизнь. Но и дело Атаулина не забывал. Папка, надписанная красным карандашом, демонстративно лежала на столе, когда он вызывал Мансура, —

а вызывал он его почти через день, требуя принести с собой то одни, то другие бумаги. Вызывал он не только Атаулина, пошли косяком повестки всем, кто строился. В иные дворы он являлся лично, лихо подкатывая на мотоцикле. Молча заглядывал в сараи, кладовки и скупно ронял: «Ждите, вызову».

И надо же было случиться такому совпадению, в эти же самые дни начали звонить Мансуру из Алма-Аты, из треста, — требовали то одни, то другие данные и зачастую те же документы, что и лейтенант. Тут уж Атаулин заволновался не на шутку... Посылая в трест отчет о стройке, докладывая о приближающемся пуске, он раздумывал: «Сказать или не сказать, что на меня завели в милиции дело», но сдерживался, — абы кому говорить не хотелось, да никого он в тресте и не знал, а управляющий сам, как назло, не звонил. «Наверное, знают, раз так дотошно требуют информацию чуть ли не с первого дня моего назначения», — огорченно думал он и готовился к самому худшему.

По Аксаю поползли упорные слухи, что элеватором все-рез заинтересовалась милиция и что прораба наверняка ждет тюрьма. Говорили, что не минет кара и тех, кто отстроился или строится. Какой-то расторопный мужик даже срочно уволился со стройки, продал отстроенный дом денежному чабану из степи и уехал с семьей в Фергану. Сельский человек к закону и власти относится с почтением, поэтому и притихли на стройке, никто не смел взять и горсти гвоздей домой. Обходя стройку, Атаулин чувствовал, что многие избегают его взгляда. Почти все рабочие, которых вызывали в милицию, делали вид, что ничего не произошло. Но в милиции Атаулину показывали каждый раз все новые и новые объяснения: и подлые, и двусмысленные, — чувствовалось, что лейтенант, если и не запугивал допрашиваемых, то делал какие-то намеки, напускал туману.

Поддержку Атаулин ощущал только со стороны бригадиров, — ни один не оставил его в беде. Понимая своим житейским чутьем, что сдача элеватора в срок может повлиять на ход дела, они давали невероятную выработку — элеватор, словно корабль на стапеле, стремительно рос, приближая день пуска.

Готовя документы и для милиции, и для треста, требовавшего все новых и новых данных, Атаулин вдруг обнаружил, что по стройматериалам у него в отчетах сплошь шла «краснота»,

что на языке прорабов означает — экономия. Пересчитал несколько раз — упорно и безошибочно шла «краснота». Если нагрянет ревизия, за экономию по головке не поглядят: объясняйся, доказывай, почему да зачем экономия, — в таких случаях лучше перерасход, который всегда понятен и объясним, а главное, принимается безоговорочно.

Собрав бригадиров, Атаулин зачитал список сэкономленных материалов и сказал, что эти материалы они могут раздать строящимся.

Совет молчал, и один из бригадиров сказал:

— Напуган народ, не возьмет...

— Тогда возьмите вы сами, если вдруг нагрянет ревизия, а дело к этому идет, «краснота» у меня очевидная, и выяснить это не составит труда.

На миг в кабинете воцарилась тишина. И вдруг Вуккерт протянул руку к списку и спокойно сказал:

— Что ж, если никому не нужно, я заберу с удовольствием все сам, с этим запасом можно начать и сыну дом строить, — надумал наконец-то жениться. Кстати, приглашаю всех сразу после пуска, в первую же субботу, на свадьбу. Они хотели сыграть ее сейчас, в августе, да я ж не враг стройке — делу время, потехе час.

За столом оживились, зашумели, и уже кто-то бодро сказал:

— Что ты, Вильгельмович, все сам да сам! Герой какой! Давай дели по-братски на восемь: семь бед, один ответ. Вместе и отвечать легче.

От этих слов полегчало у Мансура на душе...

— ... И полы у тебя в доме деревянные, и забор новый. Где купил половую доску, квитанция об оплате есть или хотя бы свидетели, что приобретено все это законно, на лесной базе в райпотребсоюзе? — спрашивал один Атаулин у другого Атаулина, развалясь в милицейском кресле и поигрывая носком ярко начищенного хромового сапога.

— Я же не говорил, что купил эти полтора куба досок в Нагорном...

— Ну вот, наконец-то истина начинает выплывать... Так и запишем. Какой бессребреник, хотел под шумок и себе натащить, да не успел, вовремя взяли за руку. Вот сделаем ревизию, найдем, что припрятал для себя. Небось, все лучшее приберег.

Нет, меня тебе не переубедить: имел ты интерес, имел. Это ясно как день, и я докопаюсь до сути, будь уверен. Вот послушай, что пишет один из твоих рабочих, Ахметзянов:

«В прошлом году летом, в июле, число не помню, ездили мы на Илек, на рыбалку, с ночевкой, с субботы на воскресенье. Взяли со склада элеватора брезентовую палатку, которой обычно накрывали в дождливую погоду цемент, купили барана у казахов в ауле, вина и закусок на базаре в Нагорном и поехали в район колхоза Жанатан. Там река и шире, и глубже, и рыбы много, и берег красивый, лесной, для ночевки лучшего места не найти. Зарезали барана, делали шашлыки, варили шурпу, ловили бреднем рыбу, поймали на закидушку сома, купались, загорали, — в общем, повеселились, а в Аксай вернулись только в воскресенье к вечеру. Деньги на гулянку собирал, по пятнадцать рублей с каждого, сварщик Камалетдинов. Ездил с нами и выпивал тоже прораб Атаулин, но деньги с него не брали, Камалетдинов сказал, что неудобно...» Разрешите спросить, гражданин Атаулин, почему неудобно?

— А вы, товарищ Атаулин, спросите у них сами...

— И спросим, все спросим. Но мне нужен ваш ответ. Меня вот на пикники не приглашают, барана в мою честь не режут, и в Нагорное на базар за закуской я не езжу... Так почему неудобно с вас деньги было брать? За красивые глаза, что ли, угощали?

— Не знаю. Спросите у них. А вообще я вспомнил, как тут забыть, за два года один раз на речке побывал. Выдали в пятницу не зарплату, а вознаграждение за рацпредложения. Многие получили неплохие деньги. Вот молодые и решили отметить это событие, и заодно хоть раз за лето вырваться на речку с ночевкой. В самый последний момент решили и меня пригласить, я помню: они заехали ко мне домой уже по пути. Понимаете, пригласили, — я что ж, должен был отказаться?

— Я выясню, все выясню...

Вот так они разговаривали каждую встречу, и папка с делом Атаулина пухла день ото дня. Мансур, думая о злополучных полах в своем доме — неопровержимом доказательстве его злоупотреблений, вспомнил, как противилась этому мать, уговаривала не делать их, проживут, мол, и так, с земляным полом. Как чуяло материнское сердце беду. Хотя и досок там

на две крошечные комнатки наберется от силы метров пятнадцать. И радовался теперь, что не затеял строиться, и мать категорически была против, да к тому же и времени на все не хватало. А ведь благодарные бригадиры не раз намекали ему: бери, мол, участок, несколько воскресников устроим — и переедешь в новый дом. Но он на это не пошел, понимал, что руководителю так поступать не следует.

«За полы и куцый забор зацепились, а уж за дом...» — думал в смятении в те дни Мансур.

Перед сдачей объекта на стройке мало-помалу сворачивались дела: не работали уже арматурные цеха, арматурщицы помогали отделочникам, приводили в порядок административное здание элеватора, мыли окна, полы... Каждый день высвобождалась то одна, то другая бригада, словно выходили из боя на отдых солдаты. Не привыкшие сидеть без дела, одни красили забор вокруг элеватора, другие дерновали зону отдыха на территории, разбивали клумбы, делали в общем-то не предусмотренные проектом работы, наводили кругом красоту. И на лицах людей Атаулин замечал странное сочетание грусти и радости. Все понимали, что сделали большое дело — построили такую махину, а с другой стороны — кончилась работа, хорошие заработки — участок ликвидируется. Молодым-то легче: они за эти два года обзавелись мотоциклами и решили поработать на элеваторе в Нагорном. Уже и бригада сколачивалась, и верховодил в ней Клайф Вуккерт — он, как и отец, набирал комплексную бригаду.

Дней за десять до ввода элеватора в строй приехал на объект без предупреждения секретарь райкома из Нагорного. Осмотрел стройку, остался доволен, предупредил, что, возможно, пуск будет торжественным, и, дав кое-какие советы, уехал. За три дня до открытия элеватора неожиданно прилетел из Алма-Аты управляющий трестом. В Нагорное заезжать не стал, а сразу направился в Аксай. Не теряя времени, осмотрел весь сдаточный комплекс. Сделали пробный пуск — элеватор работал, правда, пока вхолостую.

— Силен, брат, молодец! — сказал управляющий и на глазах у присутствующих расцеловал Мансура.

Когда они возвращались в прорабскую, Атаулин вдруг спросил:

— Вы что же, каждый элеватор лично принимаете? Управляющий, пребывавший в добром настроении, от души рассмеялся.

— Нет, конечно. Но этот элеватор особый. Во-первых, первый в вашей жизни... — А во-вторых, так и быть, открою секрет: ваш элеватор — рекордсмен. Вы побили общесоюзные нормы по срокам возведения, по себестоимости и по выработке. Разве вы сами не догадывались об этом, когда мы терзали вас, требуя то один отчет, то другой. Признаться, и цифрам не поверил бы, если бы сам не видел этот элеватор. Приедем в Алма-Ату, придется вам выступить лично, рассказать, как вам это удалось, и будьте во всеоружии цифр: трестовский народ недоверчивый, задаст вам сотни каверзных вопросов. Но и это не все... Наш трест шестой год строит в Казахстане мельницы и зернохранилища, есть у нас и кое-какие успехи. И вот к началу этой хлебоуборочной правительство республики решило наградить лучших наших строителей. Наград, правда, не так много, как хотелось бы, но... Такие элеваторы, да еще к сроку, что чрезвычайно важно в нашем деле, у нас не часто сдают. Так что смело можете пробивать дырочку в пиджаке, Мансур, заранее поздравляю...

Увидев, как неожиданно побледнел Атаулин, управляющий тревожно спросил:

— Вам плохо?

— Очень плохо, Шаяхмет Курбанович, — и от перехватившей горло спазмы Мансур чуть не заплакал.

— Не понимаю, человек от такого сообщения на крыльях лететь должен, а ты сник. В чем дело, Атаулин?

— Беда у меня, товарищ управляющий, — решился Мансур, — на меня в милиции дело завели...

— Какое дело? — удивился Шаяхмет Курбанович. — Давай-ка зайдём в прорабскую, и ты все подробно расскажешь. Только успокойся и не волнуйся, — надеюсь, ты никого не убил?

В прорабской Мансур долго рассказывал управляющему все как есть.

Шаяхмет Курбанович, выслушав Мансура, похлопал его по плечу:

— Не переживай, утрясем твоё дело...

Он тут же позвонил в Нагорной секретарю райкома, попросил принять его. Получив добро, хитро улыбнулся Мансур:

— Выше голову, джигит! Не горюй, все уладится. За такие дела у нас не сажают. Ведь умудрился самый дешевый в стране элеватор возвести и людей не обидел... Нет, не зря мы тебя на орден выдвинули...

Приехал он в Аксай на следующий день. Еще издали Мансур увидел у него в руках знакомую папку.

— На, держи, джигит, можешь сохранить на память. Любопытные бумажки тут есть, я все-таки посмотрел дело.

— Всего три бумажки подлых, — сказал Атаулин, еще не веря в такой поворот дела, и горько добавил: — И неплохие ведь рабочие...

Шаяхмет Курбанович обнял его по-отечески за плечи и, мешая русские и казахские слова, сказал:

— Не раскисай. Ты ведь думающий инженер... Твое дело строить, строить по большому счету. Я виделся сегодня с твоим родственничком, лейтенантом Атаулиным. Конечно, если бы ты, как иные прорабы, воровал и продавал, это было бы ему понятно, а так... А так и в самом деле, согласишься, трудно доказать свою правоту. Но ведь таких, как твой родственник, к сожалению, еще много, так что намотай на ус, джигит, и впредь думай, что делаешь...

...После отъезда управляющего Мансур долго сидел в оцепенении в прорабской один, не выпуская злополучной папки из рук, потом, увидев в окно, что неподалеку жгут строительный мусор, вышел и направился к костру. На секунду задержался у огня, но потом, словно боясь, что передумает, решительно снял держатель скоросшивателя и швырнул десятки объяснений, протоколов допросов в самую середину огня — пламя вмиг слизало разлетевшиеся бумаги: черные и белые слова горели одинаково. «Свободен! Свободен!» — хотелось кричать ему, но не было ни радости, ни сил...

После митинга, на который собрался весь Аксай, где вручали ордена и медали отличившимся и говорили много теплых слов о строителях, гости отправились на банкет, организованный по такому случаю в Нагорном — в Аксае просто негде было его провести. Пригласили на банкет и всех награжденных. Возбужденные, счастливые, они вряд ли думали тогда

о скорой разлуке со своим молодым прорабом, да и Атаулин не предполагал, что не увидит их лет двадцать...

В разгар банкета, на котором энергичный Шаяхмет Курбанович был тамадой, он нашел время перекинуться несколькими фразами с Атаулиным.

— Доволен? — спросил управляющий.

— Спасибо, — ответил Мансур.

— Это я должен сказать тебе спасибо... Заставил по-новому взглянуть на привычное дело, доказал, какие возможности открываются, если работать с душой. И в твоём самоуправстве есть свой резон. Большие стройки и в самом деле должны предоставлять селу такую возможность. Поощрять, пусть даже по оптовой цене, стройматериалами лучших рабочих — это же огромная подмога делу, я уже не говорю о социальной стороне такого подхода. Но об этом мы ещё потолкуем с тобой... А сейчас я хотел сказать вот о чём... Отдохнешь дней десять, не больше, а потом прилетай в Алма-Ату, оттуда вместе двинем в Тургайскую степь, там есть элеваторы-долгострой, примешь строительство, надеюсь, добьёшь...

Подали бешбармак — главное блюдо казахского застолья, и внимание всех переключилось на голову барана — символ уважения к гостям, её и подавали-то отдельно, на самом красивом блюде. И когда Шаяхмет Курбанович, знавший все тонкости этого ритуала, стал наделять гостей кусками мяса, сопровождая каждое подношение веселыми комментариями, Атаулин потихоньку, незаметно вышел из-за шумного стола...

Все произошло так неожиданно, и радость вдруг уступила место такой тяжелой усталости, что единственным желанием сейчас было забраться на сеновал и проспать беспробудно часов двадцать подряд, не меньше.

Мать, радовавшаяся, что сына наградили орденом (во всем Аксае в те годы ни у кого не было такой высокой награды), а больше всего тому, что в милиции прекратили дело, и предположить не могла, что уже вскоре попросится с Мансуром. Но когда сын сообщил ей об этом, она, вопреки его опасениям, не огорчилась, скорее даже обрадовалась — так велик был ее страх за него. Она до сих пор не верила, что так благополучно закончилась та неприятная история. Молва — страшная вещь, уже и в школе стали коситься на нее некоторые учителя, считая,

что дыма без огня не бывает. И на улицу хоть не выходи, все вроде с жалостью, с пониманием — все-таки единственный, в таких трудах поднятый сын, — а все же неприятно. Разве о такой славе мечтала она для сына?

Пока Мансур рассказывал матери о банкете, стемнело. Со стороны парка донеслась музыка: Аксай сегодня гулял. Оркестр Клайфа Вуккерта наигрывал бодрые, жизнерадостные мелодии. Во всех домах, как в праздники, ярко горели огни, кругом царило веселье — редкий дом в поселке не был связан с элеватором. Кроме орденов и медалей, вручили немало грамот и премий — так что сегодня обиженных не было.

Мансур не спеша шел вдоль новостроек, угадывая каждого хозяина за светящимся окном.

Пройдя из конца в конец поселка, Мансур невольно свернул к элеватору. На проходной дежурил все тот же Нургали-ага с берданкой, и хотя сторож знал, что Атаулин теперь здесь не хозяин, пропустил его на территорию и включил прожектора, которые решили не демонтировать, — пригодятся на элеваторе при ночной разгрузке.

Элеватор при ночном освещении казался внушительным и даже красивым. Башни отбрасывали темную, сливавшуюся с ночным парком тень, и сейчас элеватор казался Мансуру старинным волшебным замком, таким, какой хотелось построить в детстве, когда увидел фильм, определивший его судьбу.

«Что, сбылась мечта?» — неожиданно с тоской подумал Атаулин и поспешил со двора, — и разом, неожиданно погасли огни прожекторов сзади. Мансур невольно обернулся, — в крошечной тьме беззвездной ночи не было ни замка, ни элеватора...

Судьбы городов и селений сродни человеческой судьбе — взлеты чередуются с падениями, одни стремительно идут вверх и только вверх, другие не менее стремительно катятся вниз. Вот и города, некогда шумные, в наши дни живут тихой провинциальной жизнью, не претендуя на славу. Другие же, дотоле безвестные, становятся центрами алмазного, угольного или газового края, а то вдруг на пустом месте вырастает город, затмевая своим положением и значимостью расположенные неподалеку поселения со столетней историей.

Время лишь мимоходом заглянуло в Аксай, стоящий обочь больших дорог, и элеватор, казавшийся символом грядущих

перемен, так и остался крупным единственным предприятием в поселке, поэтому события тех лет, связанные со строительством, надолго остались в памяти односельчан Атаулина... Подтверждением этому для нового поколения служили грамоты, висевшие в рамках под стеклом во многих домах, ордена и медали, которые надевались не только по праздникам, но и в кино, а в гости уж непременно.

Лейтенанта Атаулина года через два повысили, и след его потерялся в большом городе, а с его отъездом даже самые злые языки никогда больше не вспоминали о «деле прораба Атаулина».

А потом как-то незаметно элеватор стали называть атаулинским: «Атаулинский элеватор виден», — кричала ребятня, возвращавшаяся с речки, едва завидев с косогора башни зернохранилища. «Иду в магазин на атаулинском элеваторе», — говорили хозяйки. Привыкли так называть аксайский элеватор и в районе, и редко кто задумывался: почему атаулинский? Атаулинский и все — как народ окрестил, так и пошло...

Правда, в Аксае было еще одно заведение, носившее имя собственное, и тоже земляка, но известность эта не шагнула за пределы поселка. Да и разве могла тягаться скособочившаяся лавка с гигантским элеватором? Но, как бы там ни было, их магазинчик прозывали мардановским. Почти сорок лет проработал в нем бессменно Рашид-абы Марданов, и за сорок лет, как уверяют старожилы, магазин и сорок раз не закрывался: работал и в выходные, и в праздники, — казалось, Рашид-абы и жил в своем магазине. А еще помнят старики, что в трудное время здесь всегда можно было взять в долг, никому не отказывал Марданов, отец большого семейства, сам не понаслышке знавший, что такое нужда.

Было бы несправедливо не вспомнить еще одну стройку, тоже всколыхнувшую на время Аксай, но, конечно, не как элеватор — не те объемы, не те масштабы. К ней, правда, Мансур не имел отношения.

Лет через семь элеватор в Нагорном вышел из строя. Атаулинский элеватор стал единственным в районе, и в первую же осень встал вопрос о дороге — о тех злополучных двадцати верстах между Нагорным и Аксаем. Вот уж действительно, не было бы счастья, да несчастье помогло. Вопрос о строительстве

дороги был решен в какую-то неделю — с хлебом не шутят. Организовали спешно в Аксае дорожно-строительное управление, и вновь люди дружно повалили на стройку, вновь оживился, застучал молотками поселок, ладя новенькие крыши, и на два года задержалась дома молодежь, разлетающаяся до того по всей стране. И в эти два года частенько поминали Мансура, словно в укор дорожному начальству. Люди помнили первую большую стройку и частенько говорили: «Мансур эту дорогу за лето бы сделал», или «у Атаулина материал так не хранили». Народ-то поминал добрым словом, а задержанные прорабы кляли на чем свет стоит неведомого Атаулина и, честно говоря, мало верили, что такой прораб существовал: фольклор, мечта народная, Робин Гуд с теодолитом.

Мать, выйдя на пенсию, стала писать длинные-предлинные письма, в которых сообщала, хоть и с опозданием, и об элеваторе, и о дороге, давно связавшей поселок с райцентром, рассказывала об Аксае, о его старой гвардии, с каждым годом тихо, незаметно убывавшей...

... Вглядываясь в появившиеся на горизонте силуэты Пирея, аванпоста Афин, Атаулин мысленно видел не греческий берег, а шоссе, которое через много-много лет вскоре приведет его снова в отчий дом.

Воспоминания о доме, о юности, как ни странно, не настроили его на грустный лад, скорее наоборот. Здесь, на палубе теплохода, он почувствовал, что освободился от чего-то, всегда мешавшего ему в полную силу гордиться своей первой стройкой. Вспомнив, что на том давнем банкете в Нагорном в честь пуска элеватора он не пригубил даже рюмки, настолько был ошеломлен событиями последних дней, Атаулин весело подумал: «А почему бы сегодня вечером не отметить с девушками юбилей моей первой стройки, которой, кстати, недавно исполнилось двадцать лет. Судя по письмам матери, элеватор простоят еще лет сто».

Мысль показалась ему занятой, и он пошел заказать столик в ресторане.

В этот вечер Мансур Алиевич был непривычно весел, и девушки не могли понять причины столь резкой перемены настроения своего сдержанного, если не сказать замкнутого, соседа по столу. Предложение отметить двадцатилетие

какого-то сельского элеватора в Казахстане они восприняли как розыгрыш, но, как бы там ни было, — согласились. Настроение, наверное, как инфекция: чем сильнее, тем быстрее передается другим, и вечером у них за столом царило необычайное веселье. Мансур Алиевич рассказывал о своей первой в жизни стройке, вспоминал всякие курьезы, случившиеся и с ним, и с теми, с кем он работал, — а народ подобрался тогда колоритный, с хитрецей, сельский человек не так прост, как кажется на первый взгляд.

Глядя на веселившегося от души соседа, девушки и помыслить не могли, что его приподнятое настроение все-таки связано с каким-то элеватором, вернее, даже не с самим элеватором, а с воспоминаниями о том давнем времени. Им казалось — да что казалось, они были уверены, что придуманный им юбилей — просто неуклюжий повод, чтобы пригласить их в ресторан, побыть в обществе хорошеньких девушек. И наспех выдуманный повод выдавал в нем человека, не поднаторевшего в светских ухаживаниях за женщинами; на самом деле, считали они, — каждая мысленно про себя, — что ему приглянулась одна из них, а осталось не так уж много вечеров, чтобы приударить за кем-то — Одесса, где их пути разойдутся навсегда, уже не за семью морями, а там на причале его никто не ждет.

Конечно, Мансуре Алиевичу было приятно в обществе милых, хорошо воспитанных подруг. Как губка, он впитывал любую информацию о жизни на родине, которую девушки подавали с юмором, озорно и изящно, но всегда с четко выраженным женским отношением к любому предмету, о чем бы ни шла речь. Такой подход, чисто женская логика, исключающая напрочь иную трактовку, несколько удивляли Атаулина.

«Далеко шагнули наши женщины в самостоятельности, словно поменялись характерами с мужчинами», — подумал Мансур Алиевич, не зная еще, как оценивать эти метаморфозы, произошедшие с прекрасной половиной человечества: то ли радоваться, то ли огорчаться. Но стоило взглянуть на зарумянившиеся от легкого вина и едва заметного соперничества прекрасные молодые лица, как любая серьезная мысль об эмансипации, эволюции и прочей зауми пропадала без следа.

Столик находился у стены, отделанной зеркалами, и девушки, чувствуя на себе внимательные взгляды, изящными

движениями поправляли тщательно продуманные и аккуратно сделанные прически.

«Молодость прекрасна уже тем, что любой пустяк может обрадовать, поднять настроение, и хорошо, что я устроил сегодня и себе, и им праздник», — думал Атаулин, глядя на подруг.

Когда он пригласил девушек в ресторан, одна из них шутила сказала:

— Такой серьезный юбилей, как двадцатилетие, а тем более элеватора, стоит, мне кажется, отметить в валютном ресторане и нигде больше.

На теплоходе совершали круиз вокруг Европы не только соотечественники, но и многие иностранцы, и на верхней палубе располагался ресторан, где расплачивались валютой.

Атаулин согласился без раздумий и колебаний.

И сейчас девушки, давно окончившие институт и работавшие в каких-то учреждениях, радовались и веселились, как старшеклассницы, впервые попавшие в молодежное кафе.

Они танцевали с ним то поочередно, а то обе сразу, благо некоторые танцы позволяют это. Но Мансур Алиевич чувствовал, что каждой из них гораздо приятнее, когда они танцуют с ним вдвоем. Он уловил их тщательно скрываемое любопытство, интерес к нему, и ловко гасил возникавшее между ними соперничество, был внимателен к обеим. Эта давно забытая игра, неожиданно пристальный интерес к нему, волновали его, но не больше. Он ехал домой, и все его мысли были там, далеко, на родном берегу, и какой-то теплоходный роман, даже случись он, показался бы Атаулину пошлостью. Не с этого, совсем не с этого хотелось ему начинать жизнь дома, — а теплоход казался ему частью родной земли, — хотя он и не знал, с чего начнет эту новую жизнь, планов никаких у него не было — он просто возвращался домой, как солдат после демобилизации. Солдат после демобилизации — это сравнение понравилось Атаулину, все сходилось: все сначала, все с нуля. Правда, был жизненный опыт, а он дорогого стоил.

Оркестранты, одетые в костюмы в стиле «ретро», играли одно танго за другим — в Европу вернулась мода на танго, а в этом зале моды придерживались. И вдруг Атаулину вспомнился оркестр Клайфа Вуккерта, ровесника и земляка. Интересно, где он, что с ним? Играет где-нибудь в одном из несчетных

ресторанов, или стал, как отец, настоящим строителем? Но думать девушки ему не дали, предложили тост за этот вечер...

— Отныне буду ходить на все юбилеи элеваторов, никогда не предполагала, что это так замечательно! — закончила тост, кокетливо озоруя, Наталья, та, что была чуть старше.

Теплоход, сияя всеми огнями, гремя музыкой, шел слегка штормящим морем. С каждой милей приближался родной берег, и кто торопил ход корабля, а кто хотел, чтобы праздник продлился дольше. И словно прочитав его мысли, Ксана грустно сказала:

— Не кажется ли вам, что в последние дни наш ковчег слишком бойко пошел, родные ветра почувствовал, что ли?

— Вам не хочется домой? — удивленно спросил Атаулин.

— И да, и нет. Но сегодня мне хорошо на корабле, в этом зале, где звучит такая музыка. — Она взяла его за руку. — Давайте потанцуем, Мансур, — хотя Атаулин помнил, что сейчас не ее черед.

Ресторан потихоньку пустел, одни уходили погулять перед сном на палубе, подышать морским воздухом, другие, записные гуляки, переходили в ночной бар продолжать веселье. Атаулин с Ксаной и Натальей покинули ресторан последними. Проводил девушек на нижнюю палубу, где была их каюта, Мансур Алиевич поднялся к себе.

Настроение у него было замечательное, неожиданные воспоминания приблизили его к родному Аксаю, порядком уже позабытому, и впервые за много лет в нем запоздало шевельнулась гордость за свой элеватор, за поселковые дома с зелеными крышами, к строительству которых он был причастен. С этими приятными мыслями он и уснул, и снился ему Аксай его молодости, парк под высоким звездным небом и молодой Клайф Вуккерт, который почему-то наигрывал на трубе звучащее сегодня в ресторане берущее за душу танго. Утром, после завтрака, он с девушками на палубе смотрел, как «Лев Толстой», сбавив ход, медленно входил в Дарданеллы. Проход Дарданелл, относительно широкий по сравнению с впередилежащим Босфором, местами достигает шести-семи километров, но встречаются частые мели, и «Лев Толстой» осторожно шел вслед за военным турецким кораблем с развевавшимся на ветру зеленым флагом, где блестел шитый золотом полумесяц со звездой. Теплоход

шел без лоцмана. Правда, когда на входе из турецкой крепости Чанаккале вышел навстречу юркий катерок, Мансур решил, что лоцман спешит на борт, а оказалось, что катер санитарный и спешил к их теплоходу с формальностями.

Утро было ясное, солнечное, с кормы обдувало легким попутным ветерком, и почти все пассажиры теплохода высыпали на палубы. Левый холмистый берег, словно искусно задернованный, горел изумрудной зеленью, трава была ровной, гладкой и казалась подстриженной, как поле для гольфа, и только на самом верху виделся редкий подлесок с резко выделявшимися на фоне неба ореховыми деревьями. Мансур знал, что там, внизу, за холмами, всего в двадцати восьми километрах от пролива, находится легендарная древняя Троя, так гениально высчитанная Шлиманом. Жаль, теплоходы не делали остановок в этих местах. Атаулин с девушками еще долго говорили на палубе о Трое и Спарте, о лежавшем впереди шумном Стамбуле, вспоминали вчерашний вечер в ресторане, попутно девушки попытались выяснить, не предвидится ли в ближайшие дни у Атаулина еще какой-нибудь юбилей. Узнав, что нет, дружно выказали неподдельное разочарование и отказались идти в бассейн, сославшись на то, что всю ночь плохо спали. Простившись, пошли к себе, пожелав Атаулину все-таки покопаться в памяти.

В бассейн Мансуру Алиевичу не хотелось — по утрам он долго принимал холодный душ, да и загорать уже было некуда, и так одни зубы блестели, как у эфиопа, — загар у него накопленный годами, африканский, — и он, вспомнив про читальный зал, отправился в библиотеку. Еще с порога кивнул хозяйке зала, уже приметившей его и ответившей на приветствие улыбкой. Тишина зала, уют, соседство мудрых книг располагали к неспешным размышлениям, и он долго сидел в облюбованном с первого раза кресле, не притрагиваясь к подшивке «Литературной газеты», взятой с самого дальнего стеллажа.

Впервые за много лет думалось о доме с непривычной для него грустью и даже нежностью. Вспоминались письма матери. Выйдя на пенсию, старики вольно или невольно начинают чаще общаться со своими сверстниками. Есть у татар давняя традиция — и по горестным событиям, и по радостным собирать в доме старых людей; такие гости необременительны, и, приглашая их, хозяева словно исполняют долг уважения перед старшими.

А если уж в доме есть свои старики, это двойной праздник — и для родителей, и для их ровесников и друзей.

Мать, упоминая в письмах о таких визитах, несколько раз повторялась, что порой чувствует себя неловко в гостях, потому что речь заходит и о нем, Мансуре. Люди вспоминали о нем, жалели, что он и порадоваться не успел ни своему элеватору, ни новым домам, что поднялись не без его участия, а главное — что он ни на одном новоселье не побывал, ни в одном доме чашки чая не выпил. Мол, закрутила, завертела парня жизнь и занесла аж в Африку. Но в этих сетованиях сквозила не жалость к его судьбе, а скорее гордость, потому что беседа всегда заканчивалась мыслью, неизвестно где услышанной этими малограмотными стариками: «Большому кораблю — большое плавание». «Вот приедет, — говорили за самоваром старики матери, — большой той сделаем, быка вкладчину зарежем и не отпустим из Акся, пока в каждом доме не побывает».

Расшитые газеты лежали на столике, но он к ним еще не притронулся; несколько раз он ловил на себе удивленный взгляд заведующей, который словно спрашивал: «Что-нибудь случилось?» Эти взгляды отвлекали его, мешали Атаулину думать, и он принялся за «Литературку».

Парадоксально, но, просматривая ее, он яснее видел состояние той или иной отрасли, чем когда читал профессиональную газету. Наверное, в «Литературке» материал вызревал на сотнях и тысячах читательских писем, а главное — такой материал подавался зачастую без посредников, самими специалистами, для которых проблема действительно была проблемой, а может, даже болью. И боль эта чувствовалась, еще как чувствовалась. Интересы газеты были поистине безграничными: от дошкольных учреждений до подробной оценки работы слесаря-водопроводчика — извечной темы нашей печати. Иные материалы представляли собой готовую программу для коллегии того или иного министерства — бери, твори, внедряй, и выдумывать не надо. Неравнодушные люди уже продумали все до мелочей. Но материалы о коллегиях по выступлениям газеты встречались пока нечасто. Это напоминало Атаулину многочисленные газетные статьи о вреде алкоголизма. Кому они адресованы? Алкоголики в большинстве своем газет не читают, и вызыванием к совести их не проймешь, поскольку совесть давно пропита, а трезвым такие

статьи ни к чему. Получалась стрельба из пушки по воробьям, вместо того, чтобы власть употребить...

По внутренней радиосети теплохода прозвучало приглашение на обед первой смены. Пора было и Атаулину покидать читальный зал, не мешало перед обедом пройтись по палубе, глотнуть морского воздуха. Однако его внимание привлекла статья под броским названием «Потоп». «Опять про водопроводчика?» — мелькнула мысль. Но статья по объему была слишком велика для квартирного потопа, да и название знакомой реки заставило Атаулина отбросить мысль о прогулке перед обедом.

Статья потрясла его. В оцепенении он просидел неизвестно сколько, и опять его привел в чувство взгляд хозяйки зала. Журналист описывал трагедию, произошедшую по вине безответственных людей, где пострадавшей стороной оказались река и земли двух районов. Материальный ущерб был настолько велик, что с трудом поддавался исчислению. Да и кто даст гарантию, что в реке появится жизнь хотя бы через тридцать лет, и только ли во флоре и фауне дело? Как подсчитать урон от соседства с мертвой рекой, где теперь ни искупаться, ни напиться нельзя, от которой нужно оберегать и старого, и малого? А кто убережет от воды скот, птицу, зверье всякое, которым самой природой предназначено жить у большой реки? Сколько малых рек и речушек, озер, водоемов, прудов, нерестилищ, связанных с ней кровно и многие годы, загубит по пути отравленная река? Беды, исходящие от загубленной реки, множились в сознании Атаулина почти в арифметической прогрессии: одна беда вела за собой другую... Что уготовит через годы своим неблагодарным детям мать-природа, никому не известно. Может, и уцелеет какая рыба, приспособится к отраве, будет жить ею, выделяя и множа ее, а через много лет на стол человека попадет яд-рыба. Может, уцелеет что-нибудь из флоры: кустик, трава какая подводная, мягко шелестящая в величавом речном течении, но какая произойдет с ней перемена? Где та лаборатория, которая даст гарантию, что не станет она отравой-травой, смерть-кустом, яд-цветком? Какие дожди, какие снега будут идти вдоль большой реки, испаряющей с тысяч квадратных метров отравленного водного пространства яд в атмосферу?

Какая беда ждет людей, живущих за сотни, тысячи верст от места злодейства, в поймах реки, и пользующихся заливными

лугами? Может, беда эта будет и не смертельной, приспособятся люди, не погибнет и скот, но какой скрытой, непонятной хворью заплатит все живое и живущее вдоль отравленной реки?

Атаулин часто встречал статьи о загрязнении рек и водоемов в газетах. «Загрязнение» — какое мягкое, обтекаемое, удобное слово придумали журналисты! Ведь речь в статьях шла об откровенных сбросах промышленных отходов в реки и водоемы. Упоминались и случаи, чем-то напоминавшие подобную беду, но гораздо меньшего масштаба, хотя журналисты и описывали, как сутками шла вниз по реке брюхом вверх отравленная рыба и билась на берегах в предсмертных судорогах птица. В тех статьях, — Атаулин это чувствовал, — местные власти крепко постарались, чтобы факты эти не получили широкой огласки, оттого и отделялись газеты любимым словечком — загрязнение. Вроде и есть зло, но не смертельное, переживем.

Если бы на реки и водоемы завели такую же «Красную книгу», в какую заносят исчезающие растения и животных, люди с ужасом увидели бы, какого множества рек, известных по песням, книгам, легендам, из географии, наконец, — уже не существует в природе, и какое великое множество их стоит на грани исчезновения.

Но случай с этой рекой оказался, видимо, беспрецедентным, и скрыть этот факт, при всем желании, местным властям не удалось, все вещи в статье назывались своими именами.

«А как откликнулись на эту трагедию другие газеты?» — подумал Атаулин и кинулся к полке, отыскивая номера тех лет. Забыв про обед, он потратил более часа, листая подшивки шести или семи газет, которые, на его взгляд, не могли остаться равнодушными к судьбе упомянутой реки и загубленной на десятилетия земли, но ни в одной из них даже не упоминалось об этой беде.

«Потоп» — что-то библейское чудилось в броском и метком заголовке. Ведь гибли вечные стихии: земля и вода, дающие человеку жизнь. Для человека земля и вода всегда были бессмертными, ибо олицетворяли собою жизнь. В статье не упоминалось о человеке и его беде, — человек остался за кадром, его беда подразумевалась сама собой, ибо была понятна без слов. Конечно, людей переселят, помогут отстроиться, и, может, дома их будут краше прежних, но что с того?

Миллионы людей выросли вдоль великой Волги, но каждый из них помнит свою Волгу, знает одну, от силы две-три версты ее: свой затон, свою отмель, свою кручу, свои перекаты, свой поворот, свой изгиб, свою переправу, свои купальни, свои луга, свою рощу или лес на берегу — ничто другое, даже похожее, на этой же реке, не дает ему полноты ощущения родного края, что впитал он с детства, босоногим отмеряя шаги на своей реке. Есть вещи, ничем не заменяемые. Что заменит человеку свой берег, свой дом, свою улицу, свою околицу, где впервые назначил свидание любимой, матери своих детей?

А земля? О земле, опять же чтобы не сгущать краски, было написано скупо, — а может, это привычное журналистское целомудрие: зачем, мол, описывать корчащуюся в муках землю-кормилицу, любой эпитет, любое меткое и удачное сравнение в этом случае оказались бы кощунственными. Но Мансур Алиевич видел все это, будто воочию: пашни и луга, по которым огненной лавой прошла, сжигая все живое на своем пути, кислота с огромных, как индейские озера, очистных сооружений местного комбината химических волокон...

После обеда Атаулин расположился в шезлонге на теневой стороне палубы — идти к бассейну, где наверняка были соседки по столу, не хотелось. Первый эмоциональный всплеск вскоре прошел, и в нем, как обычно, заговорил инженер-прагматик: отчего это случилось, кто виноват? Статья была прочитана им взахлеб, масштаб трагедии захлестнул причины, смазал детали и фамилии, хотя, помнится, излагалось все довольно подробно и толково. Теперь же он захотел проанализировать причины трагедии, разобраться как инженер, почему так, а не иначе, развивались события. Он пошел к себе в каюту, достал из чемодана калькулятор, с которым редко расставался, блокнот и вновь направился в читальный зал. Ему и раньше приходилось участвовать в расследовании причин разрушений, обвалов туннелей и мостов, но с кислотным потоком он встречался впервые.

Перечитав статью вновь, Мансур Алиевич расчертил лист бумаги по понятной ему одному схеме и против каждой фамилии должностного лица или организации ставил какие-то знаки — плюсы-минусы, цифры, даты, означавшие сроки и суммы во многих тысячах рублей, а то и в миллионах. На схеме появлялись названия тех или иных организаций, ведомств, служб контроля,

не упомянутых в статье, хотя чувствовалось, что автор знал об их существовании, знал, что они прямо или косвенно имели отношение к потоку, однако, видимо, не стал распыляться, стремясь выделить главное.

Статья возмущала Атаулина, заставляла докапываться до сути, потому что комбинат не заслуживал ни единого доброго слова — дармоед, захребетник, сидевший на шее государства со дня пуска, — самые еще мягкие определения. Конечно, нанеси вред реке даже «Азовсталь» или какое другое именитое объединение, было бы ничуть не легче, и никого бы случившееся не оправдало, но хоть понятно бы было: работали все же люди, есть результаты.

Комбинат химического волокна был пущен в эксплуатацию, судя по статье, пятнадцать лет назад в расчете на то, что он будет производить велюр, вельвет, замшу, меха, дакрон, кожу для плащей и пальто, эластик — ткань для спортивных костюмов, — в общем, то, что в последнее время прочно вошло в моду. Наверное, за стройкой этой внимательно следили фабрики и пошивочные ателье в ожидании модных тканей. Но не тут-то было. За долгие пятнадцать лет работы ни разу — дотошный журналист докопался до всего — комбинат не выполнил план и выше двадцати пяти процентов планируемого месячного объема не выпускал. Можно было предположить, что уж эту продукцию потребители рвали друг у друга из рук. Но в том-то и беда, что и этот рожденный в великих муках дефицит никто не брал, так и пропадало все на складах. Спрашивается, почему? Да кто же себе враг, кто станет связываться с таким горе-поставщиком. Всеми правдами и неправдами старались откреститься от неритмичных поставок, иначе пропадешь, завалишь свой план по всем статьям, и фабрики встанут — из ничего, к сожалению, шить еще не научились. Причин неритмичной работы комбината называлось несколько. Изначально проект оказался, мягко говоря, с грубыми ошибками. Проектный институт до минимума упростил сложнейшее инженерное сооружение, добившись снижения сметной стоимости объекта — главного показателя работы проектных институтов, — не зря же за сбереженную государственную копейку их хвалят, одевают премиями, ставят в пример другим. На деле же экономия в несколько десятков тысяч обернулась уроном, не поддающимся подсчету. Вторая ошибка стала следствием первой и длилась долго, до самой развязки.

После шумного пуска с фанфарами и литаврами, пышными речами и заверениями сразу стало ясно, что комбинат не в силах производить нежный бархат и ласкающий взгляд велюр, разве что какое-то подобие искусственной ваты грязных расцветок или обрывков, похожих на обтирочные концы, годных для изоляции канализационных труб и утепления крыш на фермах. Но такая перспектива никого не устраивала. Решено было довести комбинат до ума. Единственно верное решение. Но принять решение — одно, а претворить его в жизнь — совсем другое. Атаулину как инженеру было ясно, что следовало тут же остановить комбинат, чтобы не переводить дорогостоящее сырье, распустить почти девяносто процентов эксплуатационников и вновь вернуть на комбинат строителей, вызвать специалистов горе-проекта и не отпускать их до тех пор, пока комбинат не выдаст запроектированную в их трудах долгожданную продукцию.

Конечно, так, наверное, думали и на месте. Но на какие средства делать реконструкцию? Затраты на строительство и так почти вдвое превысили расчетную стоимость комбината, и для пуска уже правдами и неправдами изыскивали дополнительные средства. Кроме средств, и немалых, нужно ведь и материальное обеспечение, и специальные людские резервы. А при плановом хозяйстве, где все рассчитано на много лет вперед, решить такой вопрос чрезвычайно сложно. К тому же комбинат уже на всю страну объявлен действующим, и еще не выпущенная им продукция уже на годы вперед расписана в широком ассортименте получателям. И комбинат решили доводить на ходу — перед героизмом, мол, никакие расчеты не устоят. Стали предприятию выделять в год когда два миллиона, когда три, когда ничего, а иногда сразу четыре, если удавалось урвать от чего-нибудь планового.

Деньги расплылись, строители, у которых хватает плановых и пусковых объектов, смотрели на дефективное дитя сквозь пальцы, уж они-то лучше других знали, что этот объект — вечен. Конечно, по ходу работ удавалось освоить ту или иную продукцию, но о качестве ее и количестве оставалось только мечтать, и так все пятнадцать лет. Автор статьи подсчитал, что за эти годы, на реконструкцию, доводку нового комбината, кстати, сданного с оценкой «отлично», ушло почти столько же, сколько он стоил первоначально.

Химические, металлургические отрасли, да и многие другие по своей технологии не могут работать без очистных сооружений. Были запланированы они и на комбинате химического волокна. Опять же в целях экономии здесь спроектировали такие сооружения, которые могли эксплуатироваться только со многими примечаниями. И примечания эти, отпечатанные мелким шрифтом, занимали целые страницы. Атаулин сразу уловил, что очистные сооружения комбината должны были быть вдвое больше. Но институт, опять же опасаясь удорожания проекта, на это не пошел, решив, что руководство комбината лет через десять само догадается их расширить. При нормальной работе комбината и при хороших хозяевах, наверное, очистные не остались бы без внимания. А при сложившихся обстоятельствах, когда руководство здесь менялось едва ли не через год, до того ли было, до создания ли специальных бригад по обслуживанию очистных сооружений, согласно одному из многих пунктов примечаний, когда фонд зарплаты трещал по всем швам и лихорадило основное производство. Все шло к трагедии. К тому же из-за неотработанной технологии хранилище заполнялось вдвое быстрее, чем предполагалось по расчетам, что выяснилось только в ходе расследования аварии. А авторский надзор проектным институтом не осуществлялся ни в ходе строительства, ни в ходе эксплуатации комбината. Последние же события, предшествовавшие трагедии, иначе как крайней безответственностью, равнодушием, профессиональной несостоятельностью или преступной халатностью не объяснишь.

За три дня до потопа дежурный слесарь, по каким-то делам оказавшийся на очистных сооружениях, увидел, что хранилище наполнено до критической отметки и быть беде, если не принять экстренных мер. Он письменно, — именно письменно — уведомил не только свое непосредственное начальство, но и руководство комбината. За день до трагедии уже группа рабочих также поставила в известность руководство о назревающей катастрофе, но мер так никто и не принял. Директор отбыл на свадьбу — беда случилась в субботу, — а главный инженер уехал на рыбалку. И вот такой паршивый комбинат, сожравший сотни миллионов и не окупивший ни одного вложенного рубля, принес стране убытки, не поддающиеся подсчету.

Уж лучше бы все пятнадцать лет строители и эксплуатационники комбината, да и проектировщики тоже, сидели на берегу живой реки с удочкой, в свое удовольствие, за ту же зарплату, что они получали, чем строили и эксплуатировали такое горе-предприятие, — в таком случае даже экономия вышла бы, и тоже в миллионах.

Все было ясно как день: медленно, как раковая опухоль, зрела трагедия, все спокойно, мирно, обыденно, на глазах многих. У Атаулина, привыкшего мыслить другими категориями, прочитанное не укладывалось в голове.

«Отнять диплом, лишить права на всякую инженерную работу, — больше того, что государство уже потеряло по их вине, не потеряет, зато другим была бы наука. Глядишь, поменьше стало бы соискателей постов, ведь пост — это работа, а не блага, вытекающие из него», — с горечью думал он. Думал так потому, что финал трагедии, закончившийся судом, смахивал на шутку. Директор вообще отделался легким испугом, потому что принял комбинат недавно и был не в курсе дел (Принял и не в курсе? Не в курсе — так не принимай!). А четверо других специалистов комбината, которые вины своей не признали, были приговорены судом к денежным штрафам от двухсот семидесяти до четырехсот тысяч рублей. Вот только суд не указал, откуда же скромным советским служащим, работающим на предприятии, не выполняющем план, взять эти деньги, и реально ли вообще погашение такой суммы, ибо кому-кому, а уж юристам известно, что более одной трети зарплаты удерживать нельзя и что долги у нас, даже государству, по наследству не передаются.

Непонятно было Атаулину и то, что не только не привлекались к суду авторы проекта, специалисты, утвердившие этот проект, но даже частного определения в адрес проектного института не было сделано. Было непонятно, по каким соображениям не упоминалось в статье, какой конкретно институт выполнил горе-проект, — по крайней мере другие заказчики поостереглись бы впредь обращаться туда, не доверялись бы слепо бракоделам. Не упоминался и город, где произошла трагедия, один ориентир — река, а она тянется на тысячи километров. Оставалось только догадываться — фамилии бездарных инженеров, приговоренных к пожизненному штрафу, ни о чем Атаулину не говорили...

Вечером за ужином девушки поинтересовались, отчего он такой хмурый... И он подробно стал рассказывать о прочитанной статье в газете...

— И из-за этого вы расстроились? — удивились подружки, выслушав его, однако, не без внимания.

Ксана тут же поведала, что нечто подобное нынешним летом случилось по вине какого-то сахарного заводика с Днестром. У девушек, как и вчера, было отличное настроение, и рассказ Атаулина их нисколько не тронул, гораздо больше их интересовал грядущий вечер, и Наталья, как обычно, в своей шутиливо-властной манере сказала: — Весь день проторчать в библиотеке, чтобы нарваться на статью, которая испортит настроение? Ну и занятие вы себе нашли, Мансур. Уж лучше бы покопались в памяти, как мы советовали вам днем, и вспомнили еще про какой-нибудь юбилей, подобный вчерашнему. Не один же элеватор вы построили в жизни, я готова даже отметить авансом юбилей следующего... А статью эту выбросьте из головы — неизбежная расплата за технический прогресс... — Весь день с калькулятором в руках подсчитывать убытки какого-то гадкого завода, губящего все живое вокруг, когда мы с утра выбираем наряды к сегодняшнему вечеру, высиживаем в очереди к лучшему парикмахеру, а вы даже не заметили этого, Мансур. Нехорошо... — улыбнулась Ксана, но видно было, что она нисколько не разочарована им.

«Какие милые девушки, что я порчу им настроение, у них все-таки отпуск, праздник, — спохватился Атаулин, только теперь заметив, какие они сегодня нарядные. — Когда мне еще удастся побыть в таком милом обществе?» — мелькнула мысль, и он, подлаживаясь под их шутиливо-ироничный тон, сказал:

— Такой уж я, девушки, не джентльмен. Дела заслоняют от меня прекрасное. Юбилеев, к сожалению, больше не предвидится, могу пригласить только на панихиду по реке. Я когда-то недалеко от нее, на севере Казахстана, ставил мельницу и элеватор. Но так был занят, поверьте, что ни разу не удалось побывать на реке, увидеть ее, хотя она была в нескольких километрах. А теперь вот долго придется ждать...

— Пессимист! — в один голос воскликнули девушки.

— Не панихиде, а возрождению реки посвятим вечер, — добавила Ксана, — и не только за нее, но и за возрождение

многих других рек, что загубил ваш брат — инженер, поднимем бокалы, идет?

Атаулин пригласил их в облюбованный ими ресторан на верхней палубе, и вновь они танцевали, веселились до самого закрытия, и, как заправские кутилы, ушли последними, прихватив с собой бутылку шампанского. Ее они распили на палубе, возле бассейна, за Принцевы острова, что обозначились справа по борту сияющими огнями, хотя и не такими яркими, как испанский Аликанте.

Но как бы ни было весело и приятно с девушками, относившимися к нему с трогательным вниманием, временами он вдруг словно проваливался памятью куда-то далеко-далеко — к неведомой реке, петляющей среди казахских аулов, русских сел и казачьих станиц, и, странно, испытывал какую-то вину. Но перед кем и за что?

Девушки тормозили его, говорили что-то ласковое, веселое... Расходиться никак не хотелось, но наверху девушкам в открытых вечерних платьях становилось прохладно, и они напросились к Мансуру Алиевичу в гости. В его каюте-люкс обе тут же принялись хлопотать, благо в холодильнике было что выпить и чем закусить, а главное, можно было приготовить кофе. Пока девушки накрывали на стол, Атаулин распаковал чемодан, достал магнитофон и кассеты. Музыка девушки обрадовались больше всего.

— Ночь отменяется, на рассвете Босфор и Стамбул! Гуляем до зари! — в восторге крикнула Ксана, глядя влюбленными глазами на Атаулина.

Стихийная вечеринка получилась не хуже, чем в ресторане; стараясь особенно не шуметь, танцевали, пели вполголоса, выходили на палубу помахать сонным Принцевым островам. А едва занялась заря, они первыми поднялись на палубу.

Теплоход медленно входил в Босфор, и сразу открывалась величественная бухта Золотой Рог, разделяющая Стамбул на старый и новый город, на деловую и жилую части. У входа в Босфор высился маяк, с которым у греков и турок связано немало преданий. По турецкой легенде султан замуровал в башне свою любимую дочь, и поэтому называется она Девичьей башней, а греки называют ее Лиандровой, опять же согласно легенде о несчастной любви. Босфор узок, местами не более семисот

метров, и потому теплоход шел с предписанной скоростью десять миль в час, и вели его опытные турецкие лоцманы.

Удивительное зрелище восход! В утренней дымке то исчезают, то появляются сотни минаретов Стамбула, и среди них особенно величава четырехминаретная мечеть Айя-София и шестиминаретная Голубая мечеть Султана Ахмета — чудо восточной архитектуры. Берега Босфора, набережные в любое время суток многолюдны — толпы праздного пестрого туристического люда.

Атаулина поразил прежде всего полуторакилометровый всеякий канатный мост, соединяющий Азию и Европу, — гениальное и величественное творение американских, японских и немецких инженеров, архитекторов и строителей. Ажурный гигантский мост с восьмирядным автомобильным движением, словно легкая паутина, покоился на берегах, привязанный стальными канатами к четырем могучим бетонным быкам. Трехсотмиллионное сооружение, окупившее себя за два с половиной года, казалось простым и надежным, как и все гениальное.

Иные дома подступали вплотную к Босфору, и с открытых балконов, лоджий, веранд, зависавших прямо над водой, в этот ранний час молодые хозяйки встряхивали простыни. Удивительное зрелище, волнующее сердце моряка, — никогда так остро не вспоминается дом, как здесь, ранним утром, на Босфоре: утро... красивая женщина, таинственно появляющаяся и исчезающая на балконе с белой простыней.

Светало... На палубах было еще малоллюдно, большинство спали спокойно, зная, что Стамбул никуда не денется, здесь у теплохода планировалась самая большая стоянка за весь круиз. Девушки, кутаясь в ажурные шерстяные шали, восторженно вглядывались в диковинный город.

— Как в сказке! — выдохнула радостно Ксана и, поежившись от утренней прохлады, прижалась к Атаулину и тихо сказала: — Правда, Мансур, я молодец, что предложила встретить рассвет на Босфоре?

— Ну конечно, — ответил Атаулин и неожиданно для себя, склонившись, поцеловал ее в шею, — высоко подобранные волосы делали ее такой беззащитной...

Потом он гулял с девушками по шумному Стамбулу, где сгостился и его немецкий, и французский, и английский, а более всего родной татарский. Девушки, возбужденные ярким, красочным

Стамбулом, где у них глаза разбегались от множества магазинов, магазинчиков, лавок, ярмарок, предлагавших что душе угодно, то и дело обращались к нему с вопросом, просили прочитать ту или иную вывеску, рекламный плакат, и мысли, угнетавшие его накануне, на время забылись.

Стамбул — последняя остановка на пути домой, все уже позади: Пирей и Тулон, Неаполь и Генуя, Барселона и Лиссабон, Роттердам и Гамбург, Плимут и Гавр, и близкий конец путешествия вызывал у девушек легкую грусть. Гораздо приятнее, наверное, ощущать, что у тебя все впереди, тем более если это Европа с ее романтическими портами; но все позади, за семью морями и океаном, и отпускные дни сгорели, как новогодняя свеча, — впереди дом, будни, заботы, проблемы. От праздника остался свечной огарок. И Ксана, выражая общее настроение, продекламировала:

— Мы и запомнить не успели того, что будем вспоминать...

Грусть у девушек прорвалась неожиданно — здесь, в Стамбуле, где они провели пять удивительных часов на турецком берегу. И теперь уже Атаулин, понимая их настроение, был предельно внимателен, исполнял маленькие капризы девушек, да ему и самому хотелось их побаловать. Побывали они в турецкой кофейне, пили замечательный турецкий кофе чуть ли не из наперстков, запивая ледяной водой. Попробовали дымные кебабы, шашлыки на метровых шампурах, пили шераб на открытой веранде ресторана на Босфоре. Здесь, на веранде ресторана, в ожидании посадки на теплоход, Ксана, вздохнув, сказала:

— Как здорово, что вы, Мансур, объявились в середине пути в Касабланке. Нам так не хватало вас в Плимуте и Гавре, Гамбурге и Антверпене. С вами так легко и приятно, благодаря вам мы ждем каждого вечера как карнавала, где шумно, весело и все полно ожидания... — И закончила вдруг, как всегда озорно: — Вы — джентльмен, даже если иногда и забываете нас ради какого-то элеватора... Но и в этом что-то есть... мужское, настоящее... За вас, Мансур. — И Ксана подняла за тонкий стебелек бокал с красным, как турецкая феска, вином.

В Стамбуле туристы садились на теплоход усталые и как будто разочарованные: меньше слышалось обычных шуток, всех вдруг охватила грусть — круиз подходил к концу, отпуск заканчивался, истрачены последние динары, не у каждого осталась

монетка бросить на счастье в Босфор, чтобы еще раз вернуться, согласно примете, в город, расположенный в Европе и Азии одновременно и впитавший культуру двух великих континентов. Впереди Одесса, впереди будни...

Девушки, уставшие от долгой ходьбы, жары, обилия впечатлений, распрощались с Мансуром Алиевичем сразу, как только поднялись на борт, уговорившись, что встретятся за ужином.

Атаулин, привыкший и к жаре, и к большим нагрузкам, зашел в каюту лишь принять душ и переодеться и к отплытию уже снова был на верхней палубе. Стамбул заслуживал того, чтобы с ним попрощаться. Лоцман, получив сигнал из порта, повел грянувший браваурной музыкой теплоход к Черному морю, и враз сбежались к причалу зеваки, туристы, детвора, — отплытие большого корабля — всегда волнующее зрелище. И вновь с десятимильной скоростью «Лев Толстой» шел мимо густонаселенных набережных Босфора, и с открытых террас кафе, ресторанов, баров дружелюбно махали им, желая счастливого пути. С берега, утопавшего в зелени и цветах, веяло свежестью. На самом выходе в Черное море, обозначая Босфор, высились два маяка: на азиатском — маяк Анадолу, а на европейском, в живописном рыбацком поселке — маяк Румели. Атаулин стоял на палубе долго, пока теплоход не вышел на большую воду и пока лоцманский катерок, развернувшись, не ушел обратно в Босфор. Прощай, Турция!

Теплоход словно вымер, затихли шаги в коридорах, опустели палубы — сиеста после Стамбула была как нельзя кстати. Вокруг стояла тишина, и только тяжелые волны родного моря мерно бились о белый борт теплохода, торопя его домой. Вернувшись в каюту, Атаулин хотел часа два отдохнуть, но не мог ни лежать, ни сидеть без дела, хотя накануне провел бессонную ночь, — сказывался напряженный ритм всей предыдущей жизни — он не мог, не умел проводить время бесцельно.

Что-то тяготило его, не давало покоя... В памяти всплыла статья... Здесь, в каюте, ничто не мешало думать, не отвлекало. И он не удивился, когда сам собой выплыл резонный вопрос, который ни вчера, ни позавчера не приходил ему в голову. Что же предприняли, чтобы спасти реку? И где гарантия, что больше этого не случится? В подобных случаях должен быть ответ официальных органов, от такой статьи не так просто отмахнуться,

и отмолчаться не получится — редакция, конечно же, тысячи писем получила от возмущенных читателей, где наверняка ставились эти же вопросы. И, скорее всего, официальный ответ уже был напечатан, потому что газета следила за судьбой своих полемических статей, а нерадивым порой даже напоминала со своих страниц, что пора ответить прессе и народу.

Атаулин опять пошел в читальный зал. Тщательно, газету за газетой, просматривал официальные ответы на всякие выступления, запросы, но нужного не находил. Просмотрев подшивку месяца за три, вышел даже покурить на палубу и вернулся с твердым намерением, если надо, одолеть газеты хоть за год, но ответ найти, какие меры приняли местные власти. Он не мог отступить, — таков уж был его характер — стремился докопаться до корня, до сути. Но просматривать всю годовую подшивку не пришлось — ответили «Литературке» через полгода. Конечно, такой лаконичный ответ он вполне мог и пропустить — среди ничего не значащих общих слов нашлась одна-единственная конкретная строка: «...В связи с аварией комбинату химического волокна выделено три миллиона рублей на реконструкцию очистных сооружений», а дальше пошли заверения в любви к природе и что-то о героическом труде работников комбината, короче, словеса и крокодильи слезы..

Неожиданно для себя Атаулин так разозлился, что едва не зашвырнул подшивку на полку. Остановил его только удивленный взгляд библиотекаря. Поблагодарив учтивую женщину, он вышел на палубу. У Мансура Алиевича было ощущение, что его, лично его, обманули, причем бездарно, глупо. Ответ газете и людям, ожидавшим его, был настолько неуважительным, что смахивал на тонкое издевательство. Редакция его никак не прокомментировала, но у Атаулина уже пропало желание рыться в газетах, к тому же он понял, что ничего утешительного не найдет.

«Три миллиона на очистные сооружения! — удивляясь все нараставшему в нем возмущению, повторял Атаулин. — Три миллиона! Еще три! В очистных ли дело? Опять: лыко да мочало, начинай сначала? Комбинат пятнадцать лет переводил народные деньги на ветер, теперь уже его очистные сооружения принялись выкачивать государственную казну. И ни слова о том, нужен ли этот комбинат в нынешнем состоянии вообще! Войдет ли

когда-нибудь в строй действующих, и кто конкретно поручится за это? Почему пятнадцать лет комбинат не просто работал вхолостую, а находился на ежегодной дотации государства, плодя и наращивая ущерб?

Кто ответил или ответит за это? Такой ущерб по масштабности ни с каким воровством не сравнится, ни за год, ни за пятилетку. К тому же говорят в народе: что украдено, хоть в дело пущено, а тут — все на ветер, ни себе, ни людям.

Кто заказчик такого «гениального» проекта, и кто его исполнитель, не враги же сотворили? Кто поручится, что не штампуются и сегодня такие же горе-проекты, от которых государству ущерб вместо выгоды? Почему только один ответ, хоть и на отписку сильно смахивает? Почему промолчали министерства легкой и химической промышленности — одно, наверное, заказывало, другое проектировало и строило? Какие санкции предъявляли заказчики исполнителям, ведь брак налицо, в карман не спрячешь? Есть же солидная организация — Государственный Арбитраж, — он, наверное, рассудил бы. Почему выгодно молчать правому и виноватому?» Такие вопросы, один сложнее другого, задавал себе Мансур Алиевич и, конечно, не мог ответить ни на один, — он давно уже строил и мысли по-другому.

А река? Пострадавшая река, о ней и словом не упомянули в отписке. Донесла ли она заразу до Иртыша или уберегла великую реку, приняв на себя весь удар? Кто проверит по весне заливные луга на сотнях и сотнях километрах и даст квалифицированный ответ, что луга не ядовиты и не пойдет насмарку труд сотен колхозов, не потравят они и без того скудеющие стада? А люди? Кто возместит им ущерб и не с тех ли мифических сотен тысяч штрафа виновных им причитается по счету? И что стало с землей? Как ее-то вернуть к жизни? Есть ли какие надежды, или решено оставить все страшным заповедником, как урок людям на будущее, как назидание?

Лавина нахлынувших вопросов не давала Атаулину покоя, и он продолжал взволнованно расхаживать по палубе. Хотелось сосредоточиться на себе, своей жизни, подумать об Аксае, о людях, которых он скоро увидит, о матери, наконец, ведь берег родной уже близок, до Одессы осталось чуть больше суток, — но ничего не выходило. Мысли то и дело упрямо сворачивали к загубленной реке, трагедия которой что-то поколебала в его

представлениях о своей работе, работе его коллег. Сейчас, размышляя о произошедшем с рекой, он, как и в детстве, не отделял проектирование от воплощения, а под словом «коллеги» подразумевал и архитекторов, и строителей. Ведь рядовому человеку все равно, на каком этапе допущен брак, виновный для него крайний — строитель. Судя по газетам, в стране почти во всех отраслях идет экономическая реформа, сутью которой станет оплата по итогам, по конечной продукции.

Назрела, наверное, необходимость и в капитальном строительстве ввести реформы: чтобы и проектировщик, и строитель были одинаково заинтересованы в итоге, чтобы стоимость проекта оценивалась не когда он на бумаге и в макетах, а только по окончательной, реальной стоимости объекта, сдаваемого под ключ, а может, даже — и при выходе на проектную мощность. Тогда не будет ложной экономии у тех, кто проектирует, не будет громадных двойных, тройных перерасходов у тех, кто строит. Народное хозяйство будет уже в плане иметь реальную стоимость объектов, и не придется из года в год изыскивать средства для достройки дважды оплаченных сооружений. Пора понять, что плановое хозяйство может держаться только на реальных, твердых, обоснованных цифрах. И может, реальная цена объектов, пока они еще на бумаге, заставила бы нас задуматься: а стоит ли овчинка выделки? Пока же многие проекты увлекают неискушенных плановиков дешевизной и быстрой самокупаемостью, а на деле выходит-то совсем иначе: сотни предприятий годами не могут выйти на проектную мощность, а это значит, о самокупаемости и речи быть не может. И эта чужая вина, как правило, ложится на плечи эксплуатационников, хозяйственников, и бедные директора получают попеременно инфаркты с выговорами, а ведь все зло в другом — низком качестве проекта, несовершенной технологии.

Поистине — без вины виноватые! А те, кто дал народному хозяйству никудышный проект, остаются в стороне. Где кто читал или слышал, что предприятие не выполняет план потому, что завод подвели проектировщики? В худшем случае могут еще сослаться на строителей: на низкое качество их работы, на недоделки, хотя суть совсем в другом. Даже если сдать такой завод на пять с плюсом и облицевать мрамором, он никогда не выйдет на проектную мощность, потому что мощность эта

только на бумаге получилась, и вполне устраивала создателей, чтобы выпихнуть свое детище в мир.

Впервые за двадцать лет работы Атаулин задумался: а что он сам сделал, чтобы хоть что-то изменилось в порочной практике, о которой ему было известно и раньше. И тут кстати и некстати вспомнился ему случай с цементом.

Когда он уже работал в Африке, на строительстве одного объекта, вдруг пошел цемент, мягко говоря, не соответствовавший стандартам, — каждый день лаборатория давала анализы, отличавшиеся от заданных. Может, для дела эти небольшие отклонения и не имели практического значения, но не зря все кругом называли его «Мистер Гост». Стандарт не должен быть ни лучше, ни хуже, он должен строго выдерживаться, на то он и стандарт.

Атаулин проверил всю партию цемента на складах и забраковал его весь, что вызвало большой переполох. Пришлось срочно вылететь на заводы-поставщики. На месте выяснилось, что цементные заводы выпускают более пятидесяти марок цемента, тогда как в развитых странах, отличающихся интенсивным и качественным строительством, производится не более пяти марок. Этот широкий спектр и вносил путаницу: попробуй выдержать пятьдесят марок цемента строго по стандарту. Необоснованное множество только на руку недобросовестным производителям. Да и как уследишь за качеством, за стандартом, если цемент — всегда дефицит, готовы взять любой? Да и каждая ли стройка имеет лабораторию?

Атаулин же обязал своих инженеров делать анализы и обнаружил, что почти во все марки неоправданно включаются органические добавки только для того, чтобы дать объем, дутую цифру, создать иллюзию благополучного выхода цемента. Но стройке нужен качественный цемент, а не органические наполнители и дутые цифры. По его докладной, конечно, приняли меры. Один цементный комбинат целиком перевели на нужды особо важных строек, оставив, по его же рекомендации, пять международно принятых марок, исключаящих какие-либо органические наполнители — такое добро, если потребуется, можно и на местах найти. И сейчас Мансуру Алиевичу стало мучительно стыдно за тот свой термин «особо важные», которым он обосновал тогда требование перевести

завод на производство высококачественного цемента — нет, даже не высококачественного, а просто цемента, строго соответствующего государственным стандартам.

Особо важное строительство?! Сейчас он подумал: а разве может строительство быть другим, неважным? Разве можно плохо строить дома, школы, мосты, заводы, фабрики, детские сады, общежития — вряд ли эти жизненно необходимые объекты попадают под определение «особо важные». Да, пять лет назад, когда он выбивал для своей стройки настоящий цемент, Атаулин был убежден, что существуют особо важные стройки. Такой подход к собственной профессии сегодня казался ему постыдным... А что, если так думали и те, кто проектировал, и те, кто строил комбинат химического волокна? Если изначально эта стройка была не из особо важных? «Какой-то строительный расизм, ей-богу», — подумал Мансур Алиевич в растерянности.

Разделяя по сути одно и то же дело на важное и второстепенное, никогда не добьешься благополучия ни в том, ни в другом случае, это только развращает, порождает цинизм...

И вдруг он подумал об иронии времени, подчас смещающем представление о важном и второстепенном, опять же о деле и потехе. На каждый календарный футбольный матч, будь то в Красноярске или Владивостоке, Хабаровске или Ташкенте, вылетает бригада судей из Львова или Ленинграда, Тбилиси или Еревана, а контролировать работу этой бригады судей — из Москвы, из Федерации футбола вылетает еще и судья-инспектор матча! Какое внимание к футболу, у которого и результатов нет, одни огорчения! Вот таких бы судей-инспекторов, экспертов для нашего строительства! У Госстроя всегда было бы ясное представление о положении дел, и фундаменты бы не выдавали за сдаточные объекты, и поменьше «долгостроев» значилось бы в списках...

Так стоял он на палубе, стараясь вызвать какое-нибудь приятное воспоминание, чтобы отогнать неотвязные мысли о своей работе, как вдруг кто-то, подойдя сзади, закрыл ему глаза. Атаулин сразу узнал запах духов... Ему было приятно ощущать нежные ладони, вдыхать тонкий аромат, слышать взволнованное дыхание за спиной, и он долго молчал, потом, отняв руки, поцеловал жаркие ладони.

— Ты опять чем-то озабочен, я наблюдала за тобой, — сказала Ксана.

В ее вопросе было столько неподдельной тревоги и заботы, что разом схлынули мысли, мучившие его, и он, улыбнувшись, ответил:

— Тебе показалось, у меня прекрасное настроение, а озабочен я был сегодняшним вечером, но с этим, кажется, все в порядке, все решено, хотя потерпи, пусть будет сюрприз...

Странная метаморфоза произошла с туристами: в Стамбуле поднимались на борт погрустневшие, тихие, а сейчас, после отдыха, никого не узнать, все нарядные, торжественные и немного возбужденные от предстоящего прощального вечера на корабле.

Повсюду стихийно сбивались группы, компании... Вскоре к ним присоединилась Наталья, и они уже втроем прогуливались по палубе.

— Вы так увлеклись, что не слышали приглашения на ужин, — сказала вдруг не без тайного укора Наталья, поглядывая на часы.

— А я предлагаю сегодня обойтись без ужина, — ответил Мансур Алиевич.

Девушки вопросительно посмотрели на него. Атаулин, глядя на Ксану, улыбаясь, сказал:

— Прощальный ужин я заказал в вашем любимом зале, и, думаю, нам нет смысла перебивать аппетит, правда, ужин чуть позже обычного, но, надеюсь, вы выдержите...

— Ах, Мансур! — в один голос воскликнули они, просяив, и тут же, словно опомнились, опять же вдвоем, перебивая друг дружку, заговорили: — Вы должны были предупредить нас, это нечестно, мы не готовы к такому торжественному прощанию, нам нужно переодеться...

Обрадованные, они чуть ли не бегом кинулись к себе в каюту.

Когда девушки пришли в ресторан, гулянье там уже было в разгаре. Атаулину не понимал, почему азарт охватил весь зал, — то ли туристов волновала встреча с приближавшейся землей, то ли они столь бурно прощались с морем и кораблем? Впрочем, не все ли равно, сегодня здесь царил праздник.

На нарядно сервированном столе, крытом белоснежной крахмальной скатертью, у зеркальной стены, где обычно сидели они в этом зале, стоял в хрустальной резной вазе удивительно

подобранный букет роз на высоких тонких ножках. От цветов невозможно было оторвать глаз, они невольно привлекали внимание каждого. Свежий благоухающий букет роз, был составлен очень искусно: одна половина белая, другая ярко-красная. Букет не только притягивал внимание симметрией и цветом, но и заставлял задуматься: может быть, это какой-то символ, тайный знак? Поэтому, появившись втроем у стола, Атаулин и его подруги невольно привлекли внимание всего зала.

— Какие красивые цветы... — протяжно, почти нараспев сказала Ксана, склонившись над внушительной вазой и вдыхая аромат роз. Она, конечно, уже успела заметить, что цветы только у них на столе.

Наталья все-таки не утерпела и, сгорая от любопытства, еще раз, на всякий случай, величественно, как умеют только женщины, оглядела зал и спросила:

— Мансур, а почему такие роскошные цветы только на нашем столе?

Атаулин отделался шуткой и пообещал «выяснить» это к концу вечера. А все объяснялось очень просто... Когда они сидели на веранде ресторана в Босфоре, ожидая посадки на теплоход, ему вдруг захотелось сделать девушкам что-нибудь приятное. Как раз рядом, через дорогу, находился цветочный магазин, и он попросил официанта, чтобы посыльный отнес из магазина на борт, в его каюту, букет из белых и красных роз. Он даже не предполагал, что букет будет столь изысканным.

Вечер удался на славу: танцевали, веселились, вспоминали события заканчивавшегося круиза, и странно, ни слова не говорили о дне завтрашнем, хотя Атаулин знал, что прямо с парохода девушки отправятся в аэропорт, самолет на Кишинев улетал через два часа после прибытия теплохода в Одессу. Уйти из ресторана последними на этот раз им не удалось, из зала попросили всех одновременно, заранее предупредив и гася огни, — хотя никому в этот вечер уходить не хотелось. Уйти — означало признать, что праздник кончился.

Выйдя из ресторана, они и впрямь ощутили, что праздник кончился. Родное море штормило, холодные брызги обдавали палубу, теплоход сильно качало, и привычная бархатная южная ночь с высокими и яркими звездами над палубой сменилась непроглядной и неуютной мглой. В разбушевавшейся стихии

огромный теплоход словно сжался — куда девалась его величавость, — и музыки не слышно, и огни стали похожи на огни тревоги, а ведь еще вчера они сулили только праздник.

— Вот и все, я звоню вам с вокзала... — продекламировала негромко Ксана.

— Надо же, первый шторм за все путешествие... — ежась от пронизывающего ветра, попыталась поддержать разговор Наталья.

Но разговор не получался... Наверное, каждый думал о своем. И они торопливо распрощались...

Засыпая, Атаулин нехотая вспомнил, что, читая официальный ответ газете, не обратил внимания, откуда исходила отписка, то есть на единственное недостающее звено в той трагедии, хотя помнил точно, что ответ был подписан женщиной, вторым секретарем обкома.

Спал он беспокойно, часто просыпался — то ли от шторма, то ли от волнения: шутка ли, завтра он тоже будет дома, самолет на Актюбинск вылетает часом позже, чем на Кишинев. И странно, в эти короткие минуты сна ему виделись не дом, не мать, а Африка, все его стройки, как в калейдоскопе, прошли перед ним, он словно еще раз оценивал сделанное...

Утром ничто не напоминало о шторме, светило мягкое солнце, появились над теплоходом редкие чайки — предвестницы близкого берега. Теплоход вновь величаво резал небольшую волну и снова был надежным и величественным.

На завтрак девушки не пришли: то ли проспали, то ли с утра пораньше побежали в парикмахерскую, чтобы сойти на берег нарядными, — все-таки возвращались из Европы.

Атаулин прошелся по палубе. Возле бассейна уже собирались заядлые купальщики, и несколько женщин, по всей вероятности, северянки, пытались и последние часы на теплоходе использовать для загара. Вспомнив, что не дочитал две последние строки в ответе, Атаулин опять направился в библиотеку. Легко отыскал нужную газету: все правильно, подписала второй секретарь обкома партии. Вернув подшивку на место, Мансур Алиевич поблагодарил хозяйку зала за внимание и попрощался с ней.

И вдруг его как током прошибло: Северный Казахстан... там же он ставил мельницу и элеватор. И по срокам выходило,

что как раз в те годы.. Неожиданно его озарило, что он знает этот комбинат, и хорошо знает. От волнения он даже поспешил к ближайшему шезлонгу, так вдруг стало жарко и неприятно..

В те годы в Казахстане уже достаточно понастроили элеваторов и мельниц, и трест часто получал совсем другие промышленные подряды. Годы большой химии — под таким девизом разворачивались стройки середины шестидесятых годов не только в Казахстане, но и по всей стране. Сдав мельницу и элеватор, он получил неожиданную командировку на «химию».

Это сейчас, из газеты, он узнал полное название: комбинат химических и искусственных волокон, а тогда..

Стройка уже тогда тянулась третий год, и с самого начала все шло наперекосяк; не хватало то одного, то другого. Пробыл он там почти полгода, хотя должен был оставаться до завершения. А отзывали его потому, что стройка, набравшая темп, стояла из-за отсутствия дальнейшей проектной документации, которая поступала по частям. Трудно представить, как можно что-то делать, не имея целиком технической документации, но, к сожалению, в строительстве это практикуется сплошь и рядом: начинайте, мол, а потом дошлем остальное. Так было и с тем комбинатом, оттого Атаулин и не имел цельного представления о своей работе, и она выпала из памяти как не свое, не родное, вот так неожиданно, через годы напомнив о себе.

Не он начинал и не он сдавал этот объект, лишь полгода просидел там, бомбардируя Шаяхмета Курбановича телеграммами, чтобы отзывал его с мертвого дела. И вины своей не чувствовал, да и что он, действительно, мог сделать? Так стоит ли переживать сегодня, через столько лет?

В те полгода вынужденного безделья, когда жизнь на стройке едва теплилась, они с инженерами частенько обсуждали и проект, и порочную практику, из-за которой вынуждены стоять, расхолаживая людей. Понимали, что, когда пойдет настоящая работа, заплатить как следует будет нечем — все деньги поглотит мертвый сезон. Тогда еще, анализируя проектную документацию, они видели, что очистные сооружения для комбината малы. Более того, представляя масштабы

вторжения химии в быт (целые камвольно-суконные комбинаты с вековой традицией подвергались тогда реконструкции под синтетические ткани, а слово «лавсан», как нечто волшебное, вмиг разрешающее все тканевые проблемы, не сходило у людей с уст), как инженеры понимали, что для таких производств очистные сооружения могут стать гораздо дороже основного производства. И это были не предположения, не гипотезы, как практики они были убеждены в этом. А что сделал он и строители постарше его, с именем и весом: написали в проектный институт, обратились в Госстрой, подняли вопрос в газете? Да нет, ничего не сделали. Разговоры эти дальше прорабской не пошли, хотя верны, ох как верны были эти разговоры, подтвержденные временем и жизнью. Считали, что это их не касается, есть, мол, заказчик, есть генеральный подрядчик, есть проектный институт, где одних докторов, наверное, с десяток, пусть у них голова болит. Но что тогда! Разве позже, уже имея опыт, он когда-нибудь завел об этом речь?

«Ну ладно, пусть не я.. — расстроено думал Атаулин. — Но где же в нашем деле авторитетные, принципиальные люди, болеющие душой за строительство, как, например, Терентий Семенович Мальцев, который всю жизнь борется за сохранение земли, за бережное отношение к ней? Чего он только не претерпел, но от своего не отступился, и время, хоть и запоздало, подтвердило его правоту».

Да разве только об очистных он должен был поднять вопрос, при его-то опыте? Сказал, выступил, написал, возмутился ли когда? Да, писал, возмущался, говорил, но только когда дело касалось своего объекта, за который нес ответственность. Выходит, переживал только за свой огород.. А ведь есть специалисты, равнодушные к своему делу, которые видят и вширь, и вглубь гораздо дальше своего огорода, пытаются обратить внимание общественности на свои проблемы и, судя по реакции на такие выступления, достигают желаемого. Ведь мог и он поднять вопрос о главном принципе строительства: любые проекты, привлекающие экономичностью, дешевизной, быстрой самокупаемостью, должны подвергаться утроенной проверке... И мерой здесь должна быть только цифра, рубль — значит, считай и считай. Почему надо верить на слово? Только потому, что посулили дешево? От скольких никому не нужных

проектов пришлось бы отказаться, какие бы средства сохранили! Лучше заплатить за пять вариантов проекта и выбрать один, чем строить по одному-единственному, теша себя иллюзией, что поступили по-хозяйски...

Да мало ли что можно предложить и сделать, чтобы строительное дело перестало вызывать столько нареканий. Уж кто-кто, а он знал, как дорого обходится стране капитальное строительство и какой урон несет брак, несовершенный проект, знал он и о том, что строительство год от года будет дорожать. Элементарный песок, без которого бетона не сделаешь, теперь надо составами доставлять в большие города за тысячи километров. Все карьеры: песчаные, щебеночные, глиняные возле промышленных центров давно истощились. И то же кругом, возьми хоть лес, хоть металл, хоть стекло, даже воды и энергии не всегда хватает. Настало время считать и считать, чтобы не выходило себе дороже, как с тем злополучным химкомбинатом...

Там, за рубежом, к нему ведь часто обращались, просили оценить тот или иной проект, дать свое заключение, и он делал это и никогда не ошибался. Так почему же он так оторвался от забот и проблем своей страны? Или издалека и с высоты прожитых лет все видится яснее? А может быть, именно сейчас, когда все стало так отчетливо, настала для него пора не только и строить?.. Что ж, может быть... И силы, и убеждения у него есть, а это не так уж мало...

Так стоял он на палубе, и мысли, которым он никогда раньше не придавал особого значения, не давали покоя...

Он чувствовал, что с высоты нынешнего своего опыта и отношения к жизни, пожалуй, придется начинать все сначала...

Уже обозначился вдали силуэт Одессы, над палубой теплохода, заглушая музыку, стоял крик сотен жирных и всегда голодных чаек...

До родной земли, где были и атаулинский элеватор, и комбинат на загубленной реке, оставался час хода...

*Ташкент,
октябрь 1985*

Такая долгая зима

Рассказ

За окнами светало. Огромный ярко-малиновый шар солнца вставал, казалось, рядом — сразу за рекой Илек, по всем приметам суля такой же морозный день, как и вчера.

Дед Козлов на ощупь, осторожно спустился с остывшей за ночь печи, отыскал обрезанные, без голенищ, пимы и, слегка припадая на левую ногу, прошел к окну; так же на ощупь нашел на подоконнике заготовленную, как всегда, с вечера самокрутку.

Вчера он не успел очистить занесенные снегом окна, выходящие на улицу, а единственное глядевшее во двор окно занесло вновь, и в комнате стояла примятая низким потолком густая темнота.

Еле сдерживая утренний кашель, который пропадал с первой затяжкой сигарки, дед нашарил в кармане стеганых брюк кремень и кресало. Не по возрасту ловким, даже лихим жестом высек яркую искру и прикурил от задымившегося ватного фитилька в старой немецкой гильзе.

Потом, дымя всласть, неторопливо прошел в соседнюю комнату, где рядом с образами в темноте мерно отбивали время ходики. На секунду остановился перед часами и, поправляя поползший с плеч потертый кожух, крепко затянулся. Толстая самокрутка, словно фонариком, высветила выцветшего петушка на циферблате, и дед увидел, что было уже четверть седьмого. «Поздненько я сегодня встал», — подумал он, подтягивая гирьки со всевозможными довесками.

Вернувшись в переднюю, стараясь особенно не греметь, хотя и знал, что Августина, его бабка, уже не спит, раздул тщательно сбереженный на ночь уголек, наломал кизяку, и вскоре по стенам хаты заплясали отблески огня. Аккуратно долил в чугунок из самодельного ведра воды пополам со льдом, прикрыл крышкой и поставил на огонь. Сделал это просто, безо всякой цели, — не пропадать же зря теплу! Докуривая уже обжигавшую пальцы самокрутку, присел на сундук — когда-то девичье приданое Августины.

Мысли деда Козлова уже унеслись далеко за пределы низкой комнаты, озаряемой огненными бликами разгоравшейся печи, далеко за порог занесенной сугробами двери...

Рассвет, начало нового дня вызывали в нем воспоминания, и то, что другим обычно приходило во снах, деду Козлову являлось в эти утренние часы. Являлось не так уж часто, как и добрые сны, а являясь, стремительно проносилось в памяти, но он успевал не только увидеть, но и услышать шумы, различить чей-то памятный голос, а то и почувствовать запахи давно прошедшей жизни.

Эти праздные утренние минуты, короткие, как и сами воспоминания, были дороги старику, но о них, о своих видениях, возвращениях в юность, молодость, он никому не рассказывал, даже бабке Августине.

Сегодня он видел себя молодым и чубатым; армейская форма сидела на нем ладно, даже выгоревшая гимнастерка не портила вид. Он стоял в строю, держа равнение налево, чувствуя, как волнением наливается тело и мелкой дрожью заходятся коленки.

...Чернявый франтоватый полковник с нафабранными усами объявлял строю, что рядовой четвертого пехотного полка Козлов первым открывает список награжденных в новом полку: Георгий четвертой степени.

Он стоял перед низкорослым полковником, досадуя, что своим аршинным ростом причиняет неудобство начальству, прикалывающему Георгий...

«Несерьезный же я был», — подумал дед Козлов вслед пронесшемуся видению из весны 1915 года, а вслух неожиданно сказал: «Пора!» — и стал неторопливо одеваться.

Наружная дверь открывалась в сенцы.

— Опять по крышу замело, — обращаясь неизвестно к кому, сказал дед, орудуя легкой деревянной лопатой.

Первые квадраты плотно спрессованного снега он складывал прямо в сени. Очистив подходы к двери, дед откопал окно в прихожей и поспешил, прямо через огороды, выручать соседей.

Каждый год он говорил им, чтобы переставили двери. При нынешних снежных зимах разве можно, чтобы дверь отворилась наружу? Да кто же переставит?

Вот если бы Сулейман вернулся с войны... Но он не вернется, похоронка на него пришла еще в сорок четвертом... А других соседей, живших через плетень: Балтабая, Саида, Егора, только на фронт отправили — и «черные письма» пришли сразу, следом, даже первой весточки земляки отписать не успели.

Знал дед, что туркестанцы стояли насмерть под Москвой в сорок первом. «Да, не пощадила война наш квартал — прямое попадание», — часто с грустью повторял дед Козлов.

Пока он откапывал соседей, поселок потихоньку просыпался. Прямо из-под снега потянулись к морозному небу хилые струйки дыма, лишь у сухорукого Кадырбая, заведующего фермой, дым шел густой, жирный, под стать самому плутоватому хозяину. Да, ему о кизяке горевать не приходилось.

Вернувшись домой к завтраку, дед долго и тщательно, с притопами, словно давая знать о себе Августине, обметал валенки, стряхнул кожух, даже лохматый треух вытрепал. Едва он переступил порог, в дверь просунулась детская головка и, сверкая большущими темными глазами на худом, бледном личике, мальчик спросил:

— Бабай, ут барма?

— Бар, бар, — ответил дед, помогая приоткрыть дверь.

Пожалуй, отворить ее нараспашку у мальчишки не хватало силенок. Бабка Августина наложила в протянутое детское ведерко с полустершимся довоенным зайчиком несколько угольков, затем отсыпала в карман большого, не по росту пальтеца горсть тыквенных семечек, горячих, прямо с печи, и, погладив по давно не стриженной непокрытой головке, тяжело вздохнула.

Когда за Ахадом хлопнула дверь в сенях, старик со старухой переглянулись. Ахад, родившийся через неделю после ухода отца на фронт, вырос незаметно и удивительно напоминал деду

своего отца, Саида, который работал вместе с дедом в кузнице колхоза «Третий Интернационал».

В этом степном поселке у железной дороги, на стыке России с Азией, дед Козлов жил давно. С той самой поры, как здесь же покончили подчистую с его высокоблагородием Дутовым, с тех пор, как полковой фельдшер Исаак Абрамович сказал: «Отвоевались вы, красный конник Козлов, с такой ногой покой и покой нужен...»

Через год женился на Августине, так и не дождавшейся своего Лариона с германской. Помыкались с Августинкой по чужим углам, пока хату не купили в мусульманском квартале.

Все соседи до одного оказались татары да казахи, только позже, перед самой войной, Егор Панченко, водолей, заправлявший на станции паровозы, рядом отстроился.

В маленьком местечке люди живут открыто: и беда наружу, и радость не под замком. Дружно жил Козлов с соседями, даже говорить на их языках выучился. «Чистый бусурман», — шутила Августина, когда он с приезжими, аульными казахами, лошадей ковать сговаривался.

На родине, на далекой сибирской реке Витим, Козлова, даже молодым, за спокойный рассудительный нрав иначе чем Игнатием Степановичем не величали. А как надел солдатскую шинель, которую столько лет снимать не пришлось, пристало — Козлов, и в обществе словно сговорились: Козлов да Козлов, а уже лет десять — дедушка Козлов...

— Бедная Фарида... пошли господь ей здравия... трое малят... — Дед Козлов поставил на чисто выскобленную столешницу консервную банку с крупной голубоватой солью. — Говорил ей, нехай Ахадка поживет у нас, слухать не стала...

Бабка Августина придвинула к деду табурет, принесла миску с картошкой в мундире, достав с полки початый каравай темноватого хлеба, завернутого в чистую холстину, положила его перед дедом.

— И я, отец, о мальчонке просила, да Фарида в слезы, говорит: «Что бы Саид сказал?..» — тихо произнесла Августина и, перекрестив лоб, взяла обжигающую пальцы картофелину. За завтраком они больше не говорили.

Поев, дед Козлов стал сбрасывать с запечья валенки, вскоре высилась уже целая горка их: детские, взрослые;

серые, черные, белые; поновее и такие, что, казалось, место им одно — свалка. Разматывая просмоленную дратву, дед подумал: «Не хватит... надобно в воскресенье на базар наведаться...»

Смолоду, когда его еще Игнатием Степановичем величали, прослыл он мастером на все руки: и охотник, и рыбак, и деланки земли у леса отвоевывал; сеял и пахал, и ко всякому рукомеслу приучен был.

Жизнь мяла и трепала деда Козлова, бросив в четырнадцатом из одного конца России в другой, даже на чужбине помыкался, в страшном немецком плену, где только умелые руки да сметка выжить и помогли.

Два года плена, где он и «шпрехать» выучился, где зашибли ему ногу, чтобы не сбегал, были кошмарным воспоминанием и для выдавшего виды Козлова.

Знал Козлов от бывалых солдат, что такое плен немецкий, и, не будь в беспамятстве, не дался бы живьем. Не миловали в плену русского солдата, а его, с тремя Георгиями, подавно — так и не смолкало: «Козлоф... Козлоф...»

Окодел бы в германском плену от голода, холода, вшей и тифа, если бы не призвание что-то делать, делать умело, даже на краю жизни. Может, одного его из тысячи, хворого и хромого, взяли работником в имение. Немецкие печи, утермарки, класть наловчился так, что печники здешние диву давались, диковинные цветы под стеклом растил, а уж валенки чинить — родное русское ремесло...

Скоро эти дырявые в пятках, подносившиеся в подошве валенки заимеют коричневые задники из мягкой кожи; на подошвы лягут голенища уже совсем непригодных пар, и ровная строчка вощенной смоленной дратвы накрепко прихватит их: носи на здоровье!

Дверь в комнату распахнулась, и по полу потянуло холодом. На пороге, выпутываясь из маминого платка, стояла школьница Алима, дочь Сулеймана.

— Что же ты, коза, вчера не приходила? Готовые, — встретил ее дед, подавая с печи уже не раз латанные валенки. — Как же в школу ходила?

— У мамы денег вчера не было, — ответила девочка, протягивая смятую бумажку.

Дед перекинулся взглядом с Августиной и вдруг рассмеялся: — Ну и память, Алима, у твоей матери, она сразу и рассчиталась, когда в починку принесла.

Девочка повеселела.

— Ой, как хорошо, а то мне еще тетрадки купить нужно.

Вслед за Алимой вышел из хаты и дед. Растревожила душу старику Сулейманова дочка. «У, треклятая!» — старик в бессильной злобе плюнул в сторону, откуда второй раз на его жизни приходила война.

К обеду мороз подобрел, утих северок, гнавший низкую колкую поземку. Солнце светило по-весеннему улыбочиво, только улыбки той на тепло еще не хватало. «В суровые години зимы не добреют», — вспомнилась деду старая пословица.

«Середина марта на дворе, а как заявила зимушка в октябре, так прощевать и не собирается», — думал дед, выводя на воздух любимицу Голландку. Столь необычное для здешних мест имя корова имела потому, что действительно была голландской породы. «Разноцветная», — называли пеструшку дети, привыкшие к своим одномастным Буренкам да Зорькам.

Покупать корову дед Козлов ездил в канун войны за двести верст в Оренбург. На скотном базаре и выторговал красавицу и умницу. В Германии, где скот держали только хороших пород, голландские коровы ценились, там они и приглянулись ему. Неделю пёхом добирались с базара домой. За дорогу и признала разноцветная деда хозяином.

Голландка ткнулась влажной слюнявой мордой в остатки стога, сметанного дедом в небольшую копёшку, лениво жевнула и, развернувшись к деду, грустно посмотрела, словно спрашивая: «Чем, деда, кормить будешь, если весна еще задержится?»

Дед, как бы успокаивая ее, погладил раздутые лоснящиеся бока, — Голландка была стельной.

Бабка Августина вынесла золу из печи и, высыпав на задах, тоже подошла к корове. Пеструшка радостно ткнулась ей в подол, но, не найдя картофельных очисток, равнодушно махнула хвостом.

Дед волоком вывез в старом корыте навоз и подстилку к большой куче на огородах. Укладывая поаккуратнее, чтобы по весне куры не растащили, огляделся.

Казалось, совсем недавно в каждом дворе были не только корова и пяток баранов, но и лошадь, а то и верблюд. В татарских дворах — непременно еще и пуховые козы. Известные мастерицы пуховых платков жили в этом квартале. Сейчас лишь во дворе Кадырбая у развороченного стога стояла корова с бычком и бродили рядом две черные овцы.

Сухорукий Кадырбай, единственный в поселке имевший двух жен и живший двумя домами, происходил из малочисленного, но знатного, почитаемого среди казахов рода — ходжа, откуда выходили священнослужители. Это обстоятельство и позволяло ему до войны жить праздно и безбедно. Числился он скотником на ферме, но работой себя не утруждал, как же, белая кость! Он всегда был зван первым на все свадьбы, крестины, именины, поминки, чего в мирной жизни было с избытком. Гостил он подолгу и в дальних аулах, откуда часто приезжал с подарком: то баранчиком, то телком. И людское горе ему удачей обернулось. Забрали всех мужиков на фронт, а его назначили заведовать фермой: на безрыбье и рак рыба. Плутоватый ходжа всегда был неприятен деду, но особенно ненавистным стал с прошлого года.

День Победы совпал с Курбан-гаитом, мусульманским праздником, и женщины решили помянуть павших джигитов — забить бычка.

Собрали по крохам деньги, но на базаре дед не смог выторговать им приличную скотину. Добрый двухгодовалый бычок был у Кадырбая, но он из своих соседок последние копейки вытянул — почище, чем на базаре. А на поминки заявился первым, пообедался мясом за вдовьи гроши.

Пять лет войны выветрили даже запах скотины в пустых сараях, а иные сараи, из двойного плетня, обмазанные толстым слоем кизяка, давно сторели в ненасытных печах в долгие зимы.

Чтобы держать скотину, в доме нужен мужчина. Все короткое лето дед с рассветом впрягал Голландку в телегу и отправлялся за Илек косить в зарослях тальника сено. Вечером небольшая копёшка раскладывалась во дворе на просушку. Знал дед за рекой и тихие рыбные озера с линиями и карасями. Хитрые дедовы верши из гибкой осенней лозы редко бывали пустыми. А уж когда начиналась грибная и ягодная пора, дед по очереди брал соседскую ребятню в заповедные места.

Из Сулейманова дома вышла Алима, до школы она собралась привезти воды. На санках, которые дед с Саидом до войны ковали почти для каждого двора, Алима установила битый молочный бидон с крышкой, большую кастрюлю и ведерко. За водой ходили далеко, на станционную колонку.

В поселке было три колодца, но все они находились на другом краю села. Колодцы были копаны артельно, в складчину, на паях с каждого двора, и ходить на чужое как-то не принято было.

До второй смены, в которой училась Алима, было еще много времени, но за водой выстраивались длиннющие очереди, и детвора, приходившая по воду, затевала в ожидании всякие игры: каталась на санках с огромных гор шлака, играла в снежки...

Алима, два дня просидевшая дома без валенок, торопилась увидеться с подружками, пощеголять аккуратно подшитыми, словно поновевшими валенками. Ходил на станцию за водой и дед Козлов, но он выбирал другое время — рано поутру...

Алима, увидев во дворе деда, помахала рукой и побежала по крепкому насту, вслед ей еще долго гремели в санках бидон и ведро.

Из Егоровой хаты вышли Катерина с Фаридой и тоже с санками потянулись к станции. Там они заменили мужиков, убравших шлак за паровозами. Тяжелая для баб работа, но железная дорога паек определила, уголька иногда подбрасывала, а то и пяток старых шпал давала. Возвращаясь со смены, они везли домой воду и ведерко-другое непрогоревшего шлака.

«Молодец Катерина, если бы не она, худо пришлось бы Фариде», — подумал вслед женщинам дед Козлов.

Катерина, Егора-водолея вдова, с трудом выбила место шлаковщицы для Фариды, — от желающих отбою не было. Совсем потеряла голову Фариды, получив похоронку на Саида, да и как не потерять: грудной Ахад на руках, двое других, чуть постарше, тоже еще под стол пешком ходят.

Катерина взяла Фариду напарницей на носилки. Всю тяжесть в работе, как могла, старалась брать на себя. Да и после работы Катерина частенько пропадала на дворе Фариды. Молоденькую и неопытную подкараулило горе, как тут не помочь, опустятся руки — пропадет, пойдут по миру сироты.

Еще долго управлялся старик с делами по двору, а мысли его кружили по соседним дворам, вспоминал их хозяев, таких крепких и ладных мужиков. Какие планы сообща строили! Один Сулейман уцелел под Москвой, и поди ж ты — смерть и его не пощадила, одного-единственного, последнего, которого весь квартал ожидал.

Опершись на вилы, дед Козлов долго стоял посреди заснеженного двора, уже прихватило инеем богатую седую бороду, а он все стоял.

Мысли его были в том далеком много раз клятом дне.

Повестки им не приносили. Утром ворвался в квартал на взмыленном коне военком Бектемир и, круто осадив его у плетня Балтабая, крикнул:

— Война... В два часа всем мужчинам быть у военкомата в полной готовности...

Первым, раньше женщин, взвыл Кадырбай. Бектемир замахнулся на него плетью:

— Тебя это не касается, сами управимся. — Военком приподнял гнедого на дыбы. — Что приуныли, джигиты, и я с вами... — и, с места одолев высокий плетень, поскакал скликать свою дружину.

Лихой человек был Бектемир, да будет земля ему пухом.

Неожиданно потянуло влажным ветром, налетели тучи, и в какой-нибудь час снова запуржило, замело. Короткий зимний день до срока угас на глазах.

Дед вновь принялся за валенки, но сегодня дело не спорилось. Бабка, за долгие годы привыкшая улавливать настроение деда, молча готовила вечерять. За ужином они перекинулись лишь парой незначительных фраз. Не шел позже деду и сон.

События того давнего летнего дня возвращались сценами, забытым словом, чьим-то жестом, но в этих воспоминаниях чего-то не хватало, видимо, оттого все и возвращалось; и вдруг дед вспомнил, почти физически ощутил, какой это был очень душный жаркий день, 22 июня...

Первым, это дед помнил точно, прибежал Балтабай, он совсем не говорил по-русски, да и по-казахски не больно охоч до разговоров был колхозный конюх.

Потом, словно сговорившись, один за другим пришли все уходившие на фронт. Августина достала из потаенного местечка

бутыль самогона, который сберегала на всякий случай, поставила на стол, что нашлось в доме, и дед с каждым выпил на прощанье, каждому сказал напутственное слово.

А что дед немца бил и Георгиев имел, знали все. И просьба у всех была одна — о доме, семье, детях, которых оставляли аскеры.

За окном неистовствовала вьюга (беш кунак, как называли казахи последние яростные визиты зимы), но в занесенном снегом доме было тихо. Давно перестала ворочаться Августина, и дед слышал ее не по возрасту чистое ровное дыхание, а сон к нему все не шел.

Дед несуетно, придирчиво ворошил в памяти последние шесть лет жизни, с такими долгими холодными зимами: выполнил ли он наказ джигитов, отдавших долг Отечеству сполна, не обошел ли вниманием чью-нибудь семью? Все ли сделал, что было в силах, чтобы облегчить тяготы и лишения, выпавшие на долю женщин и детей?

Ловил себя на том, что часто отчаивался сам: «Хромый и хворый дед, в доме немощная старуха, что можешь ты в такое лихолетье, когда беда заглянула в каждый из двенадцати дворов квартала, по какой-то нелепой случайности, несправедливости обойдя именно двор Кадырбая?..»

Почему-то особенно глубокое отчаяние настигало его по вечерам, когда на какую-то минуту он освобождался от дел, но дед старался отогнать малодушные мысли, снова брался за привычное дело, а то говорил бабке: «Собери-ка, мать, чего-нибудь, схожу погостюю».

Дед надевал чистую гимнастерку, выменянную бабкой Августиной у солдат с проходящих составов на самосад, бережно цеплял всех своих Георгиев.

Бабка то наливала крынку молока, то накладывала стаканчик ежевичного или земляничного варенья, то заворачивала сушеную рыбу, а то и шматочек сала, и непременно — целый мешочек крупных жареных семечек. Странно, но в войну удивительно хорошо рос подсолнух.

Бабка никогда не ворчала, что дед часто и надолго оставляет ее по вечерам, она понимала: так надо. Никогда не спрашивала с вечера, к кому он идет, но всегда безошибочно отгадывала. Да разве было большой тайной, кому сегодня хуже всех?

И до войны компанейский дед любил ходить по гостям, уж больно люб был ему казахский чай — крутой, со сливками. Давно уже перевелся хороший чай, да и сливки тоже, но когда в гости приходил дед Козлов, каким-то образом находилась щепотка настоящего духовитого чая. И это всегда необычайно трогало старика.

Разговор в то время был один — о войне. Дед, бывалый солдат, разъяснял сообщения Информбюро и, надо отдать должное, был большим дипломатом. Трудная это дипломатия — держать ответ на вопросы, где всегда присутствовал самый главный — когда? Но надо было найти ответ, чтобы выше поднялись придавленные горем и нуждой плечи, чтобы улыбнулись без времени постаревшие лица, чтобы крепла надежда на близкую победу, на лучшую жизнь, на счастливую долю детей.

А еще он рассказывал о Германщине, где месяцами кроме ржавой протухшей селедки ничего не видел. О сырых ветреных зимах за колючей проволокой; о поместьях, где коровы похожи на Голландку, а свиньи иной породы, без сала; о цветах, что растут зимой в рамах под стеклом; о земле, скудной, не чета нашей — русской...

А больше всего дед любил ходить в гости с письмом Сулеймана. Сулейман был мужик грамотный, партийный, механиком в МТС работал, здорово в тракторах да жатках разбирался.

Письма он писал домой и деду Козлову. Писал толково: о себе, друзьях, о том, как врага бьют, и всегда они полны были верой в победу. В его треугольниках со штампом полевой почты дед и черпал силы в дни отчаяния.

Сулейман писал, чтобы не горевал дед, вот вернется, их двое будет мужиков, а двое уже сила. Писал, что тот колодец, который перед войной миром решили выкопать, и место уже определили, они вдвоем осият. Все беспокоился, как они зимой да весной по распутью мучаются с этой водой. Обещал непременно захватить из Неметчины метров двадцать цепи для колодца, так как знал, что сейчас там, в тылу, и ржавого гвоздя не найти.

«Ах, Сулейман... Сулейман...» Горячая слеза покатилась из бессонных глаз деда Козлова и пропала в прокуренной бороде.

Похоронка на Сулеймана как взрывом накрыла весь квартал, подкосила своей чудовищной несправедливостью, — ведь уже был виден конец проклятой войне, и правда наша верх брала...

В тот день впервые дед Козлов, почитавший Бога, совершил святотатство: не выдержал, плюнул в лик Николе Угоднику, которому столько молебнов отслужил, чтобы жив остался, вернулся сосед Сулейман.

С такими грустными думами и заснул дед Козлов.

А наутро увидел — пришла пора зиме сдавать свои полномочия: теплый ветер-лизун метался по заснеженным дворам и сугробам, и они оседали прямо на глазах. С самого утра стар и млад, способные держать в руках лопату, очищали крыши домов. Промедли денек — и мазанная глиной крыша, словно промокашка, вберет в себя снежную влагу и обрушится. Случалось и такое.

Весь день дед не расставался с лопатой, вырыл в снегу глубокие траншеи и вывел их на зады, в огороды. Оставшуюся копёшку сена сложил на крышу сарая, чтобы не подмочило, не разнесло по двору талой водой.

Вывел гулять Голландку, потом достал из погреба опустевшие за зиму кадушки из-под капусты, наполнил их снегом и выставил на ветру — отбить запах.

К вечеру в дом Козловых потянулись люди. Несли в починку весеннюю обувь, все больше сапоги, а кто и с куском старой резиновой камеры приходил, просил высокие калоши на валенки изготовить — и это умел дед.

Весна, словно наверстывая упущенное, катилась стремительно, и днем, и ночью очищая свои владения от снежных остатков лютой зимы.

Отелилась Голландка. Одномастную, красноватого оттенка телочку со звездой на лбу называли Ягодкой.

Тронулся Илек. Ожидалось, что широко разольется, много нынче воды с гор и оврагов в него набежит, значит, быть колхозу и с сеном, и с хлебом.

С каждым днем солнышко пригревало все сильнее, и во дворах, еще пару недель назад пустынных, показались люди — немощные старики и старухи, которых дед Козлов не видел с прошлой осени, и неугомонная ребятня, неожиданно вытянувшаяся за долгую зиму.

Ручьи, лужи, залитые талой водой огороды по утрам оттаивали от звенящей ледяной корки, и в воздухе стоял удивительный запах пробуждавшейся земли.

Иногда дед Козлов среди дня усаживался на просохшей завалянке, снимал линялый заячий треух и, подставив весеннему солнышку желтую лысину или резко осунувшееся за зиму бородатое лицо, казалось, дремал. Но это было не так. Дед думал, и длинная, тягучая неотступная мысль не давала ему покоя. Он прикидывал и так, и эдак, и в минуты, когда дед мысленно убеждался, что осуществить задуманное никак невозможно, неожиданно говорил вслух: «Стар уже я.. помру, видно, скоро».

Так длилось уже несколько дней подряд, и бабка Августина видела, как на глазах тает погрустневший дед.

Днем дед частенько бывал на пустыре среди квартала, где когда-то решили откопать колодец, он и воду отвел с пустыря в лошину, куда со всего квартала золу да мусор сбрасывали.

«Если бы вернулся в прошлом победном году Сулейман, по этой весне мы бы и начали...» — думал дед Козлов.

Мысли о колодце не оставляли его ни днем, ни ночью, и старик вконец извелся. Не мог смириться с мыслью, что не откопать ему уже почти двадцатиметровой глубины колодец, годы не те и здоровье не на такие дела, да и деньгами не одолеть — сколько одного тёсу нужно на такой глубокий сруб!

Наступал день, и думы одолевали его вновь, опять он топтался на пустыре. Дед почему-то чувствовал себя виноватым перед всеми бабами квартала, ведь всю войну обещал им: «Вернется Сулейман — будет вам колодец!»

«А может, кто и недобрым словом помянет теперь Сулеймана, что обманул их надежды?» — от этой мысли как ознобом прохватило старика.

Если б хоть деньги в достатке были, но дед, казалось, перебрал все возможные варианты, и, как ни крути, не сбиралась и треть нужной суммы. О паях дед не думал — где же бабам денег взять, и так концы с концами еле сводят. Разве вот только Кадырбай раскошелится, но в это дед не верил. И все же пошел к ненавистному ходже.

Битый час кружил дед Козлов у двора Кадырбая, уже и волкодавы приметили старика, а он все не решался войти, уж больно мерзок был ему хозяин собак.

Хоть Кадырбай и побаивался деда Козлова, — знал, каким уважением пользуется тот не только в поселке, но и в степных аулах у кипчаков и адаев, а денег все же не дал ни на колодец, ни взаймы.

Говорил, что двум сыновьям свадьбу будет делать, и по такому случаю большой той закатит, пусть, мол, знают все щедрость Кадырбая!

Не поднимая головы, забыв надеть кожаный картуз, плелся дед через пустырь со двора Кадырбая. Бабка Августина выводила на солнышко Голландку с Ягодкой, но дед молча прошел мимо нее к завалинке.

Долго сидел дед, не замечая, что здорово напекло голову и сам он весь взопрел. И от обеда, предложенного бабкой Августиной, отказался...

Решение пришло неожиданно, и от невероятной мысли деда словно сдуло с завалинки.

— Как же, как же продать-то тебя, милая? — шептал дед, поспешая к корове. — Седьмой годок ведь ты у нас, кормилица, поилица, красавица наша, радость наша, — продолжал дед, поглаживая нагретую солнышком спину Голландки.

«Как же я Августине скажу?» — думал дед, снова возвращаясь на завалинку.

День пролетел незаметно, но сказать бабке о своем решении дед так и не отважился.

Ночью он долго ворочался, кряхтел, поглядывая в темноту, где лежала бабка Августина. Старик знал, что и она не спит.

— Мать, а мать... я того, решил продать Голландку, — выдал с трудом из себя дед.

Бабка ничего не ответила, только уловил он краем уха, как зашлась она в беззвучном плаче.

— Будя, будя, мать... всякому ведь я ее не продам...

Ташкент, май 1972

Монолог Арбенина

Рассказ

Маленький городишко, где прошла моя школьная юность, затерялся в западных степях Казахстана, теперь, через пятьдесят лет, нет смысла таить его название, да и из героев этой истории мало кто остался в Актюбинске. События, о которых собираюсь вам поведать, произошли давно, я еще учился в школе.

Летом пронесся слух: в городскую газету назначен новый редактор, и прибывает он не то из Тамбова, не то из Тулы.

В сентябре в нашем 10 «А» появился новый ученик. Высокий, худой, длинноногий. В серых, чуть навывкате глазах было то, чего еще в нас не было: гордость, достоинство, собственная значимость, что ли...

В переключке он откликнулся на фамилию Бучкин.

«А, редакторский сынок», — мелькнула мысль.

Валентину, так звали новичка, понадобился лишь месяц, чтобы стать своим в классе.

Мне, пожалуй, в жизни не приходилось встречать человека, чье влияние, вкусы, привычки так действовали бы на окружающих. У педагогов есть термин — благотворное влияние. Валентин Бучкин благотворно влиял на нашу школу. Он преобразил скучные школьные вечера. Валентин писал стихи и не делал из этого тайны.

По одному ему известному признаку он отыскал в школе и других, пишущих стихи...

К таким литературным школьным вечерам выпускалась на дефицитном ватмане литературная газета, с подмостков звучали стихи, под фортепьяно читались рассказы Куприна, Чехова, Бунина...

Как удалось Валентину привлечь Тамару Давыдычеву из параллельного класса аккомпанировать тещу, оставалось величайшей загадкой и оценивалось как подвиг.

Тамара, первая школьная красавица, оканчивала музыкальную школу. Нарядная, кокетливая, даже внешне не похожая на угловатых одноклассниц, она словно временно, проездом остановилась в нашем провинциальном городке. И эта девочка, неприступная и недосягаемая, рядом с которой немели острословы и робели забияки, неделями подбирала музыку к рассказам Бунина...

Достать пригласительный билет на вечера в нашу сорок четвертую железнодорожную школу стало проблемой. Школу охватила литературная горячка, в коридорах говорили о прозе и поэзии, обменивались книгами. Библиотекарша, сияя, чуть ли не каждую неделю проводила диспуты.

В декабре, когда в городке уже вовсю хозяйничала зима, весь класс, все двадцать два ученика, были приглашены Валентином на день рождения.

Все начинания Бучкина оказывались чем-то вроде эпидемии, избежать которую было невозможно. Наш класс закружило в водовороте всяких вечеринок: праздников, дней рождения. Словом, мы не упускали любую возможность бывать вместе.

Все наши встречи кончались литературными чтениями. Валентин обычно говорил, что у нас традиция такая выработалась.

В перерыве между танцами вновь расставляли в зале стулья, гасился свет под абажуром, и если в доме находилась новомодная штучка, называемая торшером, включали его где-нибудь в углу. В мягком полумраке зала Валентин начинал читать свои стихи.

Белая накрахмаленная сорочка, темный бант галстука-бабочки, густые волосы, которые он поправлял часто порывистыми движениями, сразу привлекали внимание маленькой

аудитории. Я сидел, охваченный как бы групповым гипнозом, иногда слыша за спиной или сбоку чей-то восторженный шепоток: «Правда, он похож на молодого Блока?».

На все наши встречи и вечера я ходил ради Ниночки Нововой. Отыскав, где она сидит, я мог, ничем не рискуя, смотреть на нее. На ее лице с удивительной быстротой выражение грусти, печали сменялось радостным сиянием глаз, и неожиданный свет улыбки преображал до неузнаваемости знакомое лицо.

Краем уха я тоже ловил слова чтеца, но во мне они не вызывали и толики ее чувства.

Встречались мы довольно часто, и скоро наши поэты выдохлись, творческое вдохновение не поспевало за спросом.

Выход был найден. На одном из вечеров Валентин читал уж очень хорошие стихи.

— Во дает! — сказал я Юрке Ковальчуку. В ответ Ковальчук снисходительно глянул на меня и, наклонившись, зашептал: «Болван, это же Пастернак!».

Уже на следующей встрече чуть ли не полкласса читали стихи, а Женька Парницын умудрился прочесть целую главу из «Песни о Гайавате», замучил всех, чуть в сон не вогнал. Выучить стихотворение, как я понял, было еще полбеды, главное, чтобы оно оказалось малоизвестным (для присутствующих) и не выпадало из общего направления избранной нами поэзии.

Читать читали, да вот беда — название и автора не объявляли. И для меня окончательно все перепуталось, я уже не знал, что написали наши, а что — настоящие поэты. Попав впросак еще пару раз, я извлек урок и больше восторга никому не выказывал.

Плюнул бы я на эти вечеринки, при моей тогдашней гордости, если бы не Нина, не единственная возможность смотреть на нее во все глаза в полумраке зала, когда она целиком жила поэзией.

Я старался по хозяйственной части: расставлял стулья, менял пластинки во время танцев, при этом учитывая вкусы Нововой. Что, как мне кажется, было замечено и принято благосклонно.

Нина жила в одном из трех домов, называвшихся в городе небоскребами. Четырехэтажные тридцатишестиквартирные дома, построенные в годы первых пятилеток из красного

кирпича, были единственными в городе «высотными» зданиями. Проводив живших в «небоскребах», мы в одиночку расходились по безлюдным сонным улицам. Возвращаясь светлыми морозными ночами домой, я мысленно строил планы, говорил сам себе — вот увидите, в один прекрасный день я прочту дюжину стихотворений, а то и целую поэму. Вот только бы мне найти такого поэта!

Наш город располагал пятью библиотеками, не считая школьной. Самыми активными читателями вдруг стали мои одноклассники. К библиотеке я подбирался окольными путями, имея наготове легенду, почему я очутился в этих краях, на случай, если встречу кого из 10 «А». Первым делом я переходил от окна к окну, каждый раз обнаруживая то долговязую фигуру Ковальчука, то легкую, изящную Светы Резниковой. Словом, чтобы отыскать из пяти библиотек одну, свободную от нашего шествия 10 «А», мне приходилось обойти и вторую, и третью. В четвертой или пятой, затратив на это половину воскресенья, я лихорадочно шарил по полкам, заглядывая почти в каждый поэтический сборник: тонкий и толстый, с надеждой вынимал из собраний сочинений тома, полные рифмованных строчек, но мне все казалось: не то, не то. Порою я физически ощущал, что эти страницы уже перелистаны ловкими пальцами Наиля Сафина или замусолены небрежным Лайкиным, который ходил в библиотеку всегда вместе с красавцем Ленечкой Спесивцевым. Иногда на полях я встречал аккуратную галочку, и не было на свете сил, способных переубедить меня, что сделали это не мои одноклассники.

В низеньких, заставленных до потолка стеллажами библиотеках жарко топились печи, и уже через час, обливаясь потом, я утирал рукавом бесшменного свитера разгоряченное лицо и все искал, искал. Звонок медного колокольчика, предупреждавшего о закрытии библиотеки, раздавался всегда неожиданно.

Одергивая куцый свитер, опустив смущенное лицо, я проходил мимо любопытной заведующей, в прихожей хватал с опустевшей вешалки поношенное пальтишко и пулей вылетал на стылый двор.

Уже и долгая зима повернула на весну, и в воздухе потянуло запахами талого снега. Оседали на глазах от неожиданных

теплых ветров сугробы, и в полдень с обогретых железных крыш звенела капель. Когда я глядел на сугробы, мне казалось, что вот так же и я оседаю в глазах Ниночки все ниже и ниже. Без особого энтузиазма я продолжал ходить из библиотеки в библиотеку.

Однажды, проведя среди книг день и выписав два-три стихотворения, которые тотчас же были забракованы, я собрался уходить. Возвращая взятые книги на полку, невольно потянулся к томику Лермонтова.

Первая же, случайно открытая страница начиналась: «Послушай, Нина!».

Раз десять, а может, и больше прочел я монолог Арбенина, не вставая с места.

Тогда я еще не слышал прекрасной мелодии к «Маскараду», а вокруг меня в тесной и жарко натопленной библиотеке звучала музыка. «Нашел, нашел», — хотелось кричать, плясать, но не было сил даже встать. Приглянувшаяся мне страничка из «Маскарада» была что надо. Как раз то, что хотел сказать Нововой.

На уроках, поглядывая в сторону Нины, я мысленно произносил монолог.

Перехватив взгляд Ковальчука, я думал: это, брат, тебе — не твои хромые вирши, за нами классика!

До Восьмого марта, когда я собирался его прочесть, оставалось еще немало дней, и в монологе, так часто произносимом, выпали несколько строк и появились новые, более близкие к нашей рядовой, а не графской жизни. Я даже позабыл об Арбенине, не покидавшем меня все дни. И, помню, сказал, обрадовавшись: «Вы уж извините, Евгений Александрович, у вас свои дела, у меня свои». С этого дня я свыкся с мыслью, что это мое стихотворение — ну, не то чтобы я его написал, а вообще мое.

Восьмое марта решили отмечать в складчину на квартире у Галочки Старченко на Панфилова, 15. Кстати, этот дом прекрасно сохранился и сегодня, спустя полвека.

И вот день мой настал. Накануне всю ночь снился Арбенин, требовавший вернуть строки на место.

... В тот не по-мартовски холодный снежный вечер звучали удивительные стихи.

Украдкой я поглядывал на Нину, занявшую единственное кресло у входа в зал. Свет из соседней комнаты в дверном проеме освещал часть ее лица, иногда она наклонялась чуть вперед и возникала вся, словно на экране.

И вдруг я увидел глаза Ковальчука. Он так смотрел на Нину... Я знал, кому будут адресованы строки, и решил при этом не присутствовать. Вот Ковальчук поправил бабочку, нервно прошелся пальцами по виску. Протискиваясь между стульями, направляясь к двери, у которой сидела Нина, я почувствовал, как осуждающе смотрят на меня со всех сторон, вслед неслось чье-то шиканье. Такого кощунства еще никто себе не позволял. Но мне уже было все равно. Намереваясь сделать последний шаг, я увидел глаза Нины. «Что ты делаешь?» — словно спрашивала она. Я невольно задержался и, наклонившись, тронул ее руку, лежавшую на подлокотнике высокого кресла.

— «Послушай, Нина! — вырвалось у меня, и со страху я отступил в полумрак зала, — я смешон, конечно...»

Остановить меня было невозможно.

Всю свою боль, отчаяние, любовь вкладывал я в лермонтовские строки...

Сидевшие полукругом одноклассники перестали для меня существовать. Я видел лишь застывшую в кресле Нину, и все слова были для нее одной. И вдруг с последней строкой слова иссякли так же неожиданно, как и появились. Тронуться с места, одним шагом покинуть молчавший зал не было сил. Так я и продолжал стоять, виновато склонив голову, в двух шагах от Нины, когда раздался щелчок выключателя и с потолка хлынул яркий свет. Больше читать стихи уже никто не решился. Нина сидела раскрасневшаяся, а глаза, кажется, даже повлажнили. И вдруг, когда Нина, по-прежнему не замечая никого вокруг, поднялась мне навстречу, свет в зале погас, и зазвучало «Арабское танго» Батыра Закирова. Она положила мне обе руки на плечи и, приблизив взволнованное лицо, тихо прошептала: «Я так счастлива, спасибо, милый...».

*Мартук,
1981, 2008*

Содержание

Творческая биография.....	7
Библиографическая справка.....	10
Масть пиковая.....	14
Судить буду я.....	372
Жар птица.....	685
Седовласый с розой в петлице.....	730
Из Касабланки морем.....	794
Такая долгая зима.....	872
Монолог Арбенина.....	888

Выражаю огромную благодарность и признательность
всем спонсорам и руководству Татарстана за издание
этого собрания сочинений, где подведены итоги моей
пятидесятилетней творческой жизни в литературе

Рауль Мир-Хайдаров

писатель

заслуженный деятель искусств

лауреат многих литературных премий

Почетный гражданин Казахстана

Литературно-художественное издание

Собрание сочинений в десяти томах

Том третий

«Масть пиковая»

Серия «Черная знать»

Мир-Хайдаров Рауль Мирсаидович

Редактор

В.В. Молчанова

Художественное оформление

Р.М. Шарафутдинов

Техническое редактирование и компьютерная верстка

Р.М. Шарафутдинов

Корректоры

Р.М. Мир-Хайдаров, И.В. Варламова, В.В. Молчанова

Мемуары оформлены картинками из личной коллекции

Рауля Мир-Хайдарова

В оформлении книги использованы картины

Сергея Широкова, Бабура Мухамедова, Азата, Шерали,

Бахтияра, Бабанияза

Подписано в печать . Формат 70x100^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура Мусл. Печать офсетная.

П. л. . Усл. печ. л. . Тираж . экз. Заказ .

Отпечатано в типографии

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Филиал АО «Татмедиа» Полиграфическо-издательский комплекс
«Идел-Пресс»